

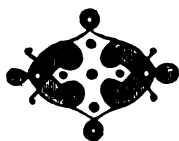
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. Семевского.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

1892 г.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЬ.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТИЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., д. № 80.
1892.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1892.

РЮРИКОВИЧИ РОМАНОВЫ

ИМПЕРАТРИЦА КАТЕРИНА ПЕРВАЯ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ

ИМПЕРАТРИЦА АННА-ЮАННОВНА

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ТРЕТИЙ

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

Состав. А. Шарфаевъ.

Digitized by Google

рис. К. Бердъ.

PSlaw 605.25
~~Slaw 25.10~~

Harvard College Library
Jan. 19, 1902
PIERCE FUND.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій. ЯНВАРЬ. 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Императрица Марія Александровна въ заботахъ о дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста. Очеркъ Г. В. Бертенсона	1	XI. Николай Михайловичъ Пржевальскій въ 1878—1888 гг. Воспоминанія В. П. Роборовскаго	317
II. Адріанъ Грибовскій, составитель записокъ о Еваторіи П. Очеркъ профес. В. А. Вазиссена	13	XII. Назаръ Ефимовичъ Андреевскій, заслуженный профессоръ, ректоръ Сиб. университ. Рѣчь въ Археол. институтѣ проф. С. И. Водрова	239
III. Записки доктора Де-ла-Фланда о походѣ въ Россію въ 1812 г. Перев. съ франц. рукоп. автора	51	XIII. Всеволодъ Порфирьевичъ Неховскій. Рѣчь въ педагогическомъ музеѣ. П. И. Рагоза	251
IV. Дневникъ лейбъ-медика баронета Я. В. Вилліе. 1825. Переводъ съ франц. Сообщ. П. Г. Давыдова	69	XIV. Материалы, замѣтки и статьи: Уваженіе Петра I къ напечатаніемъ старины, 1701 г. Сообщ. палеонтологъ А. Ф. Бичаева (269). — Бартоло о Петрѣ I (121). — Екатерина II. Сообщ. Д. Ф. Кабело (265). — Надежда Андреевна Дрета (50). — Стихотвореніе А. П. Тургенева (150). — К. И. Гюббенета, проф. сюр. (176). — Суворовъ (190). — Волны вел. Суворова (193). — Старыя артисты русскаго театра въ Сиб. 1858 г. (196). — Дѣло, 1867 г. (175). — Фантомъ 24-Верейскаго (271). — Капиталъ ступенчатой башни, восточнотатарскія Дюринскіе медальи Ковст.-кап. кор. (273).	
V. Старецъ Свѣодоръ Кузьмичъ, 1836—1864 гг. Сообщ. М. Ф. Мельниковъ	81	XV. Библиографическій указатель (по очеркамъ и въ книжкѣ, выданахъ).	
VI. Россія и русскій дворъ въ 1830 г. Записка маркиза де-Кюстляна. Сообщ. П. К. Шальдера	100		
VII. Викторъ Николаевичъ Григорьевичъ, профессоръ Казанскаго и Новороссійск. университетовъ. Сообщ. М. Коллековскій	131		
VIII. Изъ эпохи уничтоженія откуповъ, воен. архивн. докум. Б. Кувеза	177		
IX. Дневникъ академика и профес. А. В. Янинтено, 1869 годъ.	151		
X. Императоръ Александръ II и Фрэнція въ 1875 г. Статья генерала Ле-Флоа. Перев. съ франц.	197		

КРИЛОЖЕНІЯ: I. Портреты императрицы Маріи Александровны († 1880 г.), гравированы на меди худож. Ф. А. Мюлькена. — II. Портреты-рукоп. старинныхъ русскихъ спектал. артистовъ въ Сиб., 1858 г., фотографич. снимокъ 2.

Открыта подписка на 1892 годъ.

Можно получить «Русскую Старину» 1891 г. (Остатокъ 59 лст.)

Двадцать второй и третій годы изданія. Ц. по 9 р. въ годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1888 годъ. Сиб. 1891.

Въ отчетахъ Библіотеки уже не въ первый разъ заявляется о тѣснотѣ помѣщенія ея и затрудненійхъ, встрѣчаемыхъ при размѣщеніи поступающихъ въ нее книгъ. Въ отчетномъ 1888 году переполненіе Библіотеки произведеніями печати быдо особенно чувствительно въ отдѣленіи русскихъ книгъ, гдѣ за недостаткомъ мѣста книги складывались на полъ, и—въ отдѣленіи иностранныхъ дублетовъ. На содержаніе Библіотеки въ 1888 году получено 92,873 р. 32 к.; израсходовано 89,073 р. 32 к., въ томъ числѣ на приобрѣтеніе рукописей и книгъ и доставку ихъ изъ за границы 31,662 р. 41 к. и на переплетъ 5,935 р. 81 к. Замѣчательное приобрѣтеніе Библіотеки въ отчетномъ году составляютъ двѣнадцать коллекцій рукописей. 1) Первое мѣсто между этими коллекціями занимаетъ принесенное въ даръ крестьяниномъ Новгородской губерніи, Устюженскаго уѣзда, Охонско-Остреченской волости, деревни Гуськовъ, Павломъ Дмитріевичемъ Богдановымъ собраніе славяно-русскихъ рукописей XIV—XVIII вѣковъ. Въ приложеніи къ отчету напечатанъ подробный и весьма обстоятельный каталогъ этого собранія, составленный библіотекаремъ отдѣленія рукописей П. А. Бычковымъ, которымъ сообщаются свѣдѣнія о приобрѣтеніяхъ рукописнаго отдѣленія, помѣщаемыя и въ самомъ текствѣ отчета. Въ предисловіи составитель общаесть интересныя біографическія свѣдѣнія о дарителѣ Богдановѣ, который расходовалъ послѣднія заработанныя деньги на покупку рукописей и при самыхъ скудныхъ средствахъ составилъ коллекцію изъ 275 экземпляровъ. Изъ этой коллекціи 125 рукописей принесены имъ въ даръ Библіотекѣ, а остальные 150, главнымъ образомъ относящіяся къ исторіи раскола, куплены у него Библіотекою въ 1890 году. Въ числѣ рукописей, подаренныхъ Богдановымъ, заслуживаютъ вниманія, между прочимъ, нѣкоторые отрывки изъ богослужебныхъ книгъ XIII и XIV вв., писанные на пергаментѣ, лицевой списокъ Козмы Индикоплова XVI в., данный вкладомъ въ Соловецкій монастырь протопопомъ Сильвестромъ, и сорокъ одинъ сборникъ XV—XVIII вѣковъ. Прочія коллекціи слѣдую-

щія: 2) Принесенное въ даръ Библіотекѣ ея почетнымъ членомъ, преосвященнымъ Угличскимъ Амфилохіемъ, собраніе рукописныхъ церковно-славянскихъ Апостоловъ XV, XVI и XVII вв. 3) купленная Библіотекою часть переписки графовъ Румяновыхъ. Здѣсь находятся письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянову-Задунайскому, графа С. П. Румянцева къ отцу-фельдмаршалу, гр. Сергѣя Петровича Румянцева къ брату Николаю Петровичу Румянову, письма къ канцлеру графу Н. П. Румянову Аракчеева, Батюшкова, И. И. Дмитріева, Н. М. Карамзина (и его же письмо къ Вантыпъ-Каменскому), и др., черновые отпуски и копии писемъ и донесеній графа Н. П. Румянцева, преимущественно относящихся къ его дипломатической дѣятельности, и разныя бумаги, принадлежавшія фамиліи Дивовыхъ, у которыхъ хранилась названная переписка Румяновыхъ. 4) Собраніе матеріаловъ для исторіи раскола частью въ XVIII вѣкѣ, главнымъ же образомъ въ текущемъ столѣтіи, а также изслѣдованій и официальныхъ записокъ по исторіи раскола. 5) Принесенныя Библіотекѣ въ даръ А. Н. Хвостовымъ бумаги по крестьянскому дѣлу, оставшіяся послѣ брата дарителя Б. Н. Хвостова, завѣдывавшаго дѣлами при предсѣдателѣ редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ графъ В. Н. Панинѣ. 6) Небольшое собраніе собственноручныхъ писемъ митрополита Московскаго Филарета. 7) Собраніе бумагъ, оставшихся послѣ сенатора Егора Петровича Ковалевскаго, служащее дополненіемъ къ собранію его бумагъ, принесенному въ 1884 году въ даръ Библіотекѣ сенаторомъ Е. Е. Ковалевскимъ; въ томъ числѣ— Видніе въ какой-то оградѣ, изд. обществомъ ученыхъ людей—извѣстное произведеніе графа Д. Н. Блудова, написанное въ 1815 году по поводу «Липецкихъ Водъ» вн. Шаховскаго и давшее прозвище обществу «Арзамасъ». 8) Собраніе писемъ разныхъ лицъ къ барону Г. В. Розену, бывшему съ 1831 по 1837 годъ главноуправляющимъ Кавказомъ. 9) Принесенное Библіотекѣ въ даръ почетнымъ опекуномъ И. П. Корниловымъ, собраніе писемъ къ нему отъ разныхъ лицъ, служащее продолженіемъ коллекціи писемъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „Русскую Старину“, изд. 1892 года, принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Михаила Ивановича Семевского — издателя-редактора „Русской Старины“ — по Большой Подъяческой, домъ № 7, и у А. Θ. Цинзерлинга — Невскій проспектъ, д. 20 (фирма Мелье и комп.).

 Изданная ред. „Русской Старины“ книга: **Россія и Русскій дворъ** въ первую половину XVIII-го вѣка, записки графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, — сполна разошлась до послѣдняго экземпляра.

Оставшійся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ: „Альбомъ портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей“, изд. ред. „Русской Старины“ — собраніе вполнѣ художественно выполненныхъ гравюръ, выпуски III-й (тридцать гравюръ) и IV (десять гравюръ на мѣди) — можно получить по цѣнѣ **ОДИНЪ** рубль за выпускъ и три почтовые марки на пересылку.

 Также можно получить V-й выпускъ „Альбома портретовъ“ — десять гелиографюръ — снимковъ съ лучшихъ гравюръ на мѣди порцелановъ русскихъ императрицъ съ 1724-го по 1880-й годъ. Цѣна **ОДИНЪ** рубль, 21 коп. на пересылку (три марки).

Въ книжномъ магазинѣ „Русской Старины“, Спб., Большая Подъяческая, д. № 7, можно получить издаваемый
 О. А. Куракинымъ, подъ редакціей М. И. Семевского,
 историческій сборникъ:

АРХИВЪ КНЯЗЯ О. А. КУРАКИНА

изданіе почетнаго члена Археологическаго института и члена Саратовской
 ученой архивной комиссіи князя Федора Алексѣевича Куракина,

С.-Петербургъ, 1890 и 1891 гг., въ б. 8-ю долю, книги первая
 и вторая, стр. 414 и 480, съ портретами Петра Великаго,
 князей Бориса Ивановича и Александра Борисовича Кураки-
 ныхъ, снимками рукописей и родословіемъ этой фамиліи. Изданіе
 украшено (томъ второй) заставками и виньетками, художественно
 выполненными почетнымъ членомъ императорской академіи ху-
 дожествъ проф. О. Г. Солнцевымъ. Цѣна книгъ: на веленовой
 бумагѣ, книга I—три руб., книга II—четыре рубля; на обыкно-
 венной бумагѣ, книга I—два рубля, книга II—три рубля.

Третья книга историческаго сборника: „Архивъ нн. О. А. Куракина“ печатается и выйдетъ въ 1892 году съ двумя портретами — князя Бориса Александровича († 1764 г.) и княгини Елены Степановны († 1769 г.) Куракиныхъ.

➡ Главный складъ изданія „Архивъ князя О. А. Куракина“ находится въ имѣніи князя Федора Алексѣевича Куракина, Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, село Надеждино-Куракино, куда благоволятъ обращаться съ требованіями въ контору имѣнія; пересылка оттуда книгъ „Архива“ производится бесплатно.

Записки Никиты Ивановича Толубѣева (1780—1809 гг.) Спб. 1888 г., изданіе „Русской Старины“, въ 8 д., стр. 168. Рукопись изъ собранія А. А. Титова. Цѣна 1 руб.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

въ ея заботахъ о дѣятельности Россійскаго Общества
Краснаго Креста.

I.

Въ концѣ іюня 1866 года, въ отдаленной, и, въ то время, бѣднѣйшей части столицы, а именно на 3-й улицѣ Песковъ, въ ветхомъ зданіи бывшаго полицейскаго управленія Рождественской части, оставленномъ полиціею за негодностью и предназначавшемся къ сломкѣ, открытъ холерный пріютъ, за недостаткомъ инаго, болѣе удобнаго помѣщенія на этой, въ то уже отдаленное отъ насъ время, мало населенной окраинѣ города ¹⁾.

Возникшая, впервые, при бывшей городской распорядительной думѣ городская санитарная комиссія, имѣвшая своимъ предсѣдателемъ гласнаго Думи, покойнаго графа П. А. Шувалова, благодаря трудамъ ея членовъ и энергіи предсѣдателя, вполнѣ сумѣла стать на высотѣ нелегкой задачи, предстоявшей ей рѣшить, въ виду значительнаго распространенія въ столицѣ эпидеміи азіятской холеры.

Эпидемія эта, начавшаяся въ первыхъ числахъ іюня, стала постепенно угасать къ концу августа; городскіе холерные пріюты

¹⁾ Пріютъ этотъ былъ вѣренъ Іосифу Васильевичу Бертенсону, составителю настоящаго очерка,—какъ старшему врачу пріюта.

стали закрываться одинъ за другимъ. Не закрытымъ остался лишь одинъ пріютъ, на 100 кроватей, именно Рождественскій, на Пескахъ. Это произошло по той причинѣ, что вслѣдъ за холерою въ столицѣ появилась новая, дотолѣ незнакомая болѣзнь, возвратная горячка. Бывшій холерный пріютъ Рождественской части началъ быстро наполняться больными, одержимыми какъ возвратною горячкою, такъ равно и одержимыми другими заразными болѣзнями. Наплывъ больныхъ былъ столь великъ, а въ городскихъ больницахъ такой недостатокъ въ свободныхъ кроватяхъ, что городская санитарная комиссія вынуждена была ходатайствовать о сохраненіи, въ виду крайней нужды, означеннаго пріюта, въ видѣ временной больницы. Ходатайство это было уважено городскою думою; пріютъ не былъ закрытъ и попечителемъ больницы былъ назначенъ второй, послѣ графа П. А. Шувалова, предсѣдатель городской санитарной комиссіи, гласный Думы, П. В. Жуковский.

По примѣру своего предшественника, убѣдясь въ несомнѣнной пользѣ, приносимой бѣдному населенію одной изъ отдаленныхъ окраинъ столицы этимъ скромнымъ учрежденіемъ, П. В. Жуковский вошелъ въ городскую думу съ новымъ ходатайствомъ, объ обращеніи этой временной больницы въ постоянную. Ходатайство это, постановленіемъ бывшей городской думы, состоявшимся 7-го февраля 1867 г., было также уважено и, затѣмъ, 1 декабря того-же года уставъ городской Рождественской больницы былъ Высочайше утвержденъ.

Возникновеніе городской Рождественской больницы, а равно и ея уставъ, значительно отличающійся отъ еще и нынѣ дѣйствующаго устава больницъ гражданскаго вѣдомства, были привѣтствованы и въ обществѣ, и въ печати. Какъ городское учрежденіе, исключительно, въ то время, зависѣвшее отъ городского управленія и ему непосредственно подчиненное, безъ ограниченій и посторонняго вмѣшательства, больница эта вскорѣ и вполне оправдала свое назначеніе, служа въ то-же время нагляднымъ доказательствомъ необходимости въ ея дальнѣйшемъ существованіи и расширеніи, по возможности, ея дѣятельности. Уже и тогда, четверть вѣка тому назадъ, не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что городское общественное управленіе не встрѣтило-бы затрудненій въ завѣдываніи и осталь-

ными больницами столицы, не ограничиваясь, какъ это имѣло мѣсто при существованіи попечительнаго совѣта, лишь ассигнованіемъ значительныхъ суммъ на содержаніе больныхъ, въ безотчетное завѣдываніе совершенно посторонняго вѣдомства.

1871 годъ ознаменовался для Рождественской больницы совершенно неожиданнымъ событіемъ, благодаря которому учрежденіе это сдѣлалось предметомъ общаго вниманія.

Франко-германская война 1870—71 годовъ внесла повсюду въ общественное сознаніе убѣжденіе въ необходимости улучшенія положенія больныхъ и раненыхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій; необходимость прочной военной санитарной организаціи сдѣлалась для всѣхъ очевидною. Россійское общество Краснаго Креста не осталось, съ своей стороны, равнодушнымъ къ успѣхамъ военно-санитарнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что, согласно Высочайше утвержденному уставу своему, цѣль общества—принимать и въ мирное время всѣ закономъ дозволенныя мѣры къ увеличенію своихъ средствъ, къ приготовленію личнаго санитарнаго состава, устройству лазаретнаго помѣщенія и т. п.

Доходившія до императрицы Маріи Александровны извѣстія изъ театра военныхъ дѣйствій, касавшіяся попеченія о раненыхъ и больныхъ въ германской арміи, вполне овладѣли вниманіемъ Августѣйшей покровительницы Россійскаго общества Краснаго Креста. Во время самаго разгара франко-германской войны, государыня вызвала нашего знаменитаго хирурга Н. И. Пирогова изъ его деревенскаго уединенія и поручила ему отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, для обозрѣнія санитарныхъ учрежденій, равно какъ и для участія въ подаваніи помощи раненымъ.

Пишущему эти строки выпала счастливая доля сопровождать Н. И. Пирогова и состоять при немъ, въ качествѣ его ассистента; сверхъ того, намъ было поручено, какъ бывшему редактору „Вѣстника Россійскаго общества Краснаго Креста“ 1870-хъ годовъ, быть корреспондентомъ видѣннаго на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Сопровождая Н. И. Пирогова по всѣмъ военнымъ госпиталямъ, лазаретамъ и гражданскимъ больницамъ Германіи и занятой ея войсками части французской территоріи, я находился все время подъ обаяніемъ поразительнаго зрѣлища великихъ завоеваній науки, благодаря которымъ идеи, вложенныя Пирого-

вымъ въ основаніе „Военно-полевой хирургіи“, изданной имъ послѣ севастопольской войны, сдѣлались, какъ всякій могъ въ томъ убѣдиться, достояніемъ всего образованнаго міра и выразились въ блестящихъ результатахъ въ области военно-полевой хирургіи, достигнутыхъ въ Германіи въ послѣднюю ея войну съ французами.

Возвратясь изъ командировки, и подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго и вынесеннаго изъ театра военныхъ дѣйствій 1870—1871 гг., нами было приступлено къ разработкѣ собраннаго матеріала.

Матеріаль этотъ послужилъ основаніемъ монографіи нашей, озаглавленной „Барачные лазареты въ военное и мирное время“, посвященной императрицѣ Маріи Александровнѣ. Этотъ трудъ удостоился вниманія покойной государыни и послужилъ основаніемъ къ осуществленію предначертаній высокой покровительницы общества Краснаго Креста, выразившихся какъ въ учрежденіи дамскаго лазаретнаго комитета ¹⁾, такъ равно и въ возведеніи первыхъ въ Россіи барачныхъ построекъ и въ созданіи перваго разсадника для приготовленія женщинъ къ профессиональному врачебному труду.

Всякая, не только великая, но и совершенно простая истина, какъ-бы она ни была очевидна, не можетъ сдѣлаться вдругъ достояніемъ массы людей. Необходимы или дѣятели, выдающіеся изъ уровня обыкновеннаго, или великія міровыя событія, чтобы прояснять взгляды и уничтожать предрасудки, пустившіе, въ теченіе часто цѣлыхъ столѣтій, глубокіе корни въ общественное сознаніе. Подобныя міровыя явленія, которыми однако, обуславливается человѣческій прогрессъ, вообще, рѣдки и исключительны; медленные-же и цѣною нерѣдко великихъ жертвъ выработанные наукою указанія и выводы, изъ которыхъ слагается та или другая непреложная истина, неранѣе проводится въ сознаніе общества, какъ лишь послѣ продолжительнаго времени, въ

¹⁾ Въ составъ комитета, кромѣ предсѣдательницы его, А. Н. Мальцевой, вошли вышѣ уже покойные: княгини М. А. Вяземская и А. С. Шаховская; П. П. Мельниковъ, бывший министръ путей сообщенія; князь С. Н. Урусовъ, Н. В. Исаковъ, и вышѣ здравствующие: А. П. Оверовъ, П. А. Морницъ, баронъ Г. О. Гинцбургъ и І. В. Бертенсонъ.

теченіе котораго человечеству приходится тяжело расплачиваться за свою близорукость.

Существуютъ статистическія данныя объ убыли въ сраженіяхъ, происходившихъ въ теченіе 130 послѣднихъ лѣтъ, собранныя профес. Рихтеромъ. Изъ составленной имъ таблицы видно, что въ семилѣтней и въ наполеоновскихъ войнахъ убыль эта въ сраженіяхъ доходила до 30%, напр. при Цорндорфѣ (1758 г.); до 36% при Аустерлицѣ (1805 г.), до 33% при Прейсишъ-Ейлау и Бородинѣ (1807 и 1812 гг.) Это процентное содержаніе взято только въ отношеніи къ численности войскъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ. По даннымъ, почерпнутымъ изъ сочиненія Н. И. Пирогова „Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877-78 гг.“ убѣждаемся: во-первыхъ, въ томъ, что въ новѣйшихъ войнахъ убыль убитыхъ и раненыхъ въ сраженіяхъ понизилась въ сравненіи съ прежними войнами не только прошлаго столѣтія, но и наполеоновскими нынѣшняго столѣтія; во-вторыхъ, что число выбывающихъ изъ строя во время войнъ, вслѣдствіе болѣзней, какъ въ прошлыхъ, такъ и въ особенности въ нынѣшнихъ войнахъ, гораздо значительнѣе убыли убитыми и ранеными въ сраженіяхъ, и въ-третьихъ, что убыль въ строѣ находится въ прямой зависимости отъ числа санитарныхъ учрежденій и персонала, которыми располагаютъ воюющія стороны, и это важное условіе, въ особенности, выразилось въ франко-германской войнѣ 1870—1871 годовъ. Такъ, пруссаки подъ Седаномъ потеряли не болѣе 4%, французы-же отъ 15 до 19%.

Нѣтъ, посему, признака болѣе характернаго для сравненія степени культурнаго развитія какого-либо народа, какъ состояніе его благотворительныхъ учрежденій, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ, разумѣется, больницы. Исторія развитія этихъ учрежденій, численность ихъ, степень усовершенствованія согласно требованіямъ науки въ данное время, въ сравненіи съ прошедшимъ временемъ, служить вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ мѣриломъ для сужденія объ уровнѣ образованія даннаго общества или народа.

Въ этомъ отношеніи исторія цивилизаціи европейскихъ государствъ можетъ представить несомнѣнное доказательство. Сравнивая на театрѣ военныхъ дѣйствій въ минувшую франко-

германскую войну состояніе госпиталей и временныхъ лазаретовъ въ тылу германской арміи съ состояніемъ тѣхъ-же учреждений въ мѣстностяхъ, оставленныхъ потерпѣвшею небывалое пораженіе французскою арміею, мы не могли отдѣлаться отъ подавляющаго впечатлѣнія: не побѣдъ германскаго оружія надъ французскимъ, а значительнаго превосходства германской культуры тогдашняго времени надъ таковою-же наполеоновскою Франціи. Это было дѣйствительно, какъ тогда говорилось, „побѣда приходскаго учителя грамотной Германіи“.

Франко-германская война, на театрѣ которой трудилось немало русскихъ врачей, равно какъ и нѣсколько сестеръ Краснаго Креста, послужила нашему „Обществу“ указаніемъ къ расширенію его дѣятельности и въ мирное время; императрица Марія Александровна горячимъ участіемъ своимъ много содѣйствовала развитію этого общества со дня самаго его основанія (18-го мая 1868 года.) Извѣстно, что покойная императрица символомъ этого Общества избрала слова: „сила не въ силѣ, сила въ любви“ и любвеобильное отношеніе къ близкому ея сердцу учрежденію выразилось въ извѣстной и памятной запискѣ, одобренной ея величествомъ 12-го мая 1878 года. Записка эта напечатана въ отчетѣ главнаго управленія общества Краснаго Креста за 1880 г.

Высоко гуманныя мысли и сердечныя заботы императрицы Маріи Александровны о судьбахъ больныхъ и раненыхъ не замедлили осуществиться въ фактическихъ дѣяніяхъ, несомнѣнно свидѣтельствовавшихъ о живомъ сочувствіи русскаго общества ко всему тому, что предназначено и предпринимаемо было покойною государынею во имя любви къ народу.

30-го апрѣля 1871 года, по волѣ государыни, въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ и великой княжны Маріи Александровны, при Рождественской больницѣ была совершена закладка перваго въ Россіи барака (Маринскаго).

Вслѣдъ затѣмъ, въ теченіе лѣта того-же года, возведены четыре постоянные барака не только для лѣтняго, но и зимняго помѣщенія въ нихъ больныхъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ о пользахъ и нуждахъ Россійскаго общества Краснаго Креста его Августѣйшей покровительницы, на долю городской Рождественской больницы выпало неожиданное счастье, которое

положило начало къ дальнѣйшему развитію и преуспѣянію этого учрежденія, состоящаго и понынѣ подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вмѣстѣ съ расширеніемъ помѣщеній для больныхъ, переведенныхъ изъ старыхъ каменныхъ построекъ въ бараки, дана была возможность устроить и привести въ приличный видъ и остальные больничныя помѣщенія.

Приступая по высочайшему повелѣнію впервые къ постройкамъ госпитальныхъ барачковъ въ столицѣ и перенося на нашу родную почву новую госпитальную систему, намъ, не смотря на послѣдствія, съ которою строились наши бараки, предстояла не маловажная забота—устранить не только тѣ неудобства, съ которыми мы были по опыту знакомы и съ которыми, казалось, неизбежно связана была, при нашихъ климатическихъ условіяхъ, барачная система по тѣмъ именно образцамъ, которые намъ довелось видѣть на западѣ, но, достигнувъ достаточнаго тепла, гарантировать одновременно больнымъ широкое провѣтриваніе—и достигнуть этого не помощью дорогой искусственной вентиляціонной системы, но простою каминною тягою. Изъ этой диллемы, въ связи съ суровостью и непостоянствомъ петербургскаго климата, нельзя было иначе выйти, какъ или путемъ опыта, потребовавшимъ много времени, или путемъ счастливой технической комбинаціи. Проектъ, предварительно препровожденный на заключеніе Н. И. Пирогова, вызвалъ со стороны его нѣсколько замѣчаній, которыя, разумѣется, были приняты во вниманіе при постройкѣ этихъ первыхъ, по времени, въ Россіи больничныхъ барачковъ.

За послѣдовавшимъ освященіемъ первыхъ четырехъ сооруженныхъ барачковъ, открытіе ихъ въ высочайшемъ присутствіи имѣло мѣсто 20-го декабря 1871 года и на слѣдующій день начался приѣмъ больныхъ и перемѣщеніе таковыхъ изъ каменныхъ старыхъ зданій. По волѣ ея величества, при баракахъ было учреждено постоянное дежурство изъ дамъ патронессъ; въ этихъ дежурствахъ принимали участіе: графиня М. И. Паленъ, баронесса А. К. Пиларъ-фонъ-Пильхау, Е. Д. Милютина и др. Учрежденъ былъ благотворительный отдѣлъ, состоявшій первоначально въ вѣдѣніи великой княжны Маріи Александровны. Кромѣ того, въ виду настоятельной необходимости въ оказаніи

бесплатной помощи приходящимъ больнымъ, комитетъ въсплѣдствіи испросилъ разрѣшеніе на открытіе бесплатной лечебницы для приходящихъ больныхъ; уставъ ея 30-го октября 1876 года высочайше утвержденъ и лечебницѣ этой присвоено названіе: „Лечебница ея императорскаго высочества государыни великой княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской, для приходящихъ больныхъ“, въ память вниманія ея высочества къ учрежденіямъ с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета.

Но съ открытіемъ первыхъ четырехъ бараконъ далеко не исчерпана была задача, которую предначертала с.-петербургскому дамскому лазаретному комитету августѣйшая покровительница російскаго общества Краснаго Креста. Предстояло еще создать институтъ для образованія опытнаго санитарнаго персонала, который въ мирное время могъ-бы быть полезнымъ на службѣ земства и при городскихъ больницахъ, а въ военное время на перевязочныхъ пунктахъ и госпиталяхъ, что весьма озабочивало покойную государыню.

Извѣстно, что систематическое преподаваніе медицинскихъ наукъ въ Россіи введено Петромъ Великимъ (1706 г.) одновременно съ учрежденіемъ перваго большаго госпиталя въ началѣ прошлаго столѣтія; цѣлью ученія поставлена была „медицеская и хирургическая практика“, наглядная сторона медицины и хирургіи, безъ разъясненія основныхъ теоретическихъ началъ, которыя должны полагаться въ основаніе всякой практики. По словамъ почтеннаго автора очерковъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣт. покойнаго профессора Я. А. Чистовича, слово „физиологія“ не произносилось даже въ школахъ почти цѣлыя 50-лѣтъ первоначальнаго ихъ существованія, до самаго основанія московскаго университета. Ученикъ умѣлъ кое-какъ перевязать рану, приложить пластырь и связать переломъ и его дѣлали лекарскимъ подмастерьемъ и выпускали въ армію. Практичность школьнаго ученія сгубила самую школу отразила свое вредное вліяніе на отдаленныхъ послѣдующихъ временахъ и еще долго русская медицина не могла освободиться изъ-подъ гнетущей ферулы исключительно практическаго направленія.

Въ вопросѣ образованія у насъ фельдшеровъ въ существовавшихъ и существующихъ по-нынѣ фельдшерскихъ школахъ,

1881 г. 1400

Мерид

какъ извѣстно, преобладали традиціи и существовали направленія, не имѣвшія ничего общаго съ дѣйствительными нуждами учащихъ и потребностями общества. Повальное невѣжество фельдшеровъ достаточно извѣстно; отсюда явленія такого-же повального недоувѣрія со стороны народа къ фельдшерамъ и ихъ знаніямъ и, отсюда-же, наконецъ, необходимость обращаться въ селахъ и деревняхъ за врачбною помощію къ любому знахарю или повитухѣ и страхъ простолюдина ко всякому врачеванію фельдшеровъ, этихъ же-адептовъ врачбной науки.

Когда с.-петербургскій дамскій лазаретный комитетъ, по волѣ покойной государыни, въ лицѣ предсѣдательницы своей, А. Н. Мальцевой, обратился къ намъ съ заявленіемъ о желаніи августѣйшей покровительницы общества Краснаго Креста основать школу для образованія женскаго санитарнаго персонала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалъ намъ честь, довѣривъ и предоставивъ намъ организацію этой школы и веденіе учебно-образовательной ея части, мы вполнѣ были знакомы съ затрудненіями, предстоявшими на этомъ пути. Время это совпадало съ эпохою наибольшаго у насъ развитія вопроса о женскомъ трудѣ вообще и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крайнимъ скептицизмомъ, распространившимся въ обществѣ о цѣлесообразности этого труда, особенно, въ приложеніи къ медицинѣ, какъ къ наукѣ совершенно реальной. Затѣмъ, предстояло устраненіе немаловажныхъ практическихъ затрудненій, обусловливавшихся въ то время какъ недостаточною школьною подготовкою лицъ, желавшихъ посвятить себя врачбной профессіи, такъ равно и со стороны самаго характера преподаванія. Привлекая молодыхъ женщинъ къ врачбно-профессіональному труду, необходимо было положить въ основаніе ихъ спеціальнаго образованія, по возможности, осмысленное отношеніе къ дѣлу и въ интересѣ этого-же дѣла требовалась, при основаніи у насъ подобнаго учрежденія, большая осторожность и постепенность, тѣмъ болѣе, что съ понятіемъ о призваніи женщинъ къ служенію страждущему человѣчеству, императрица Марія Александровна соединяла понятіе о женственности, нравственной устойчивости, милосердіи и христіанской любви, во имя того, кто явилъ примѣръ самой высшей божественной любви.

Нѣтъ ничего удивительнаго посему, что въ день открытія

училища, 27-го іюля 1872 г., ея императорское величество сердечно отнеслась въ этому событію и почтила члена комитета, покойную княгиню Марію Аркадіевну Вяземскую, заступившую, временно, мѣсто предсѣдательницы Анастасіи Николаевны Мальцевой, телеграммою, изъ Ливадіи, нижеслѣдующаго содержания:

„Душевно радуюсь открытію школы и желаю отъ всего сердца успѣха сему учрежденію“.

Это было такимъ счастливымъ предзнаменованіемъ для школы, которое останется навсегда незабвеннымъ въ исторіи возникновенія этого учрежденія.

Особенное сердечное отношеніе къ судьбамъ этого учрежденія покойная государыня явила при дальнѣйшемъ его развитіи.

Въ знаменательную послѣднюю турецкую войну нашу, ея величество была обрадована прекрасными отзывами о дѣятельности фельдшеріцъ ея школы на театрѣ военныхъ дѣйствій. Сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ, что одного желанія посвятить себя дѣлу милосердія бываетъ далеко недостаточно; требуется знаніе какъ помочь раненымъ и больнымъ, требуются навыкъ и устойчивость въ трудѣ и вполнѣ сознательное отношеніе къ дѣлу. Это было вполнѣ замѣчено ея величествомъ и, озабочиваясь о судьбахъ воспитанницъ училища, по окончаніи ими полного курса наукъ, покойною императрицею Маріею Александровною была предвидѣна необходимость расширенія программы курса и обращенія его изъ трехлѣтняго въ четырехлѣтній, со включеніемъ въ число общихъ медицинскихъ предметовъ еще и преподаваніе акушерства, женскихъ, дѣтскихъ и навозныхъ болѣзней.

Для этой цѣли, построенный во время войны обществомъ с.-петербургскихъ архитекторовъ новый, пятый, баракъ, предназначавшійся для леченія раненыхъ, былъ, по окончаніи войны, обращенъ въ специально гинекологическій баракъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ сооруженъ на собственные средства государыни Маріи Александровны шестой баракъ, предназначавшійся для роженицъ. Баракъ этотъ, помѣщенный вдали отъ другихъ больничныхъ зданій, представляетъ собою первый и вполнѣ удачный опытъ примѣненія барачной системы къ нуждамъ родильницъ; онъ не только построенъ на собственные императрицы Маріи Александровны средства, но и снабженъ, на тѣ-же средства,

всѣмъ необходимымъ, какъ-то: инвентаремъ, инструментами, научными пособіями и всею обстановкою.

Ко времени открытія названнаго барака императрица Марія Александровна, будучи почти на смертномъ одрѣ, сердечно интересовалась всѣмъ, что относилось къ сооружеію больничнаго барака и внутреннему его устройству и, вообще, черезъ личнаго своего секретаря, П. А. Морица, ея величествомъ постоянно было оказываемо необыкновенно теплое участіе и милостивое вниманіе ко всѣмъ нуждамъ любимаго ею учрежденія.

Съ расширеніемъ программъ и обращенія трехлѣтняго курса въ четырехлѣтній, въ училищѣ, переименованномъ въ „Училище лекарскихъ помощницъ“, могло быть введено полное клиническое преподаваніе по внутреннимъ, хирургическимъ и спеціально женскимъ болѣзнямъ, равно и по акушерству.

Затѣмъ, бывшая городская Рождественская больница, по постановленію городской распорядительной думы, 21-го января 1878 г. состоявшемуся, и въ виду высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 22-й день августа 1879 года, согласно положенію комитета министровъ, передана окончательно въ вѣдѣніе с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета и кромѣ того, на основаніи высочайшаго-же соизволенія переименована въ „Городской барачный лазаретъ въ память въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Маріи Александровны“.

Бросивъ взглядъ на прошлое, мы убѣждаемся, что быстрое возникновеніе въ нашемъ отечествѣ во многихъ городахъ, вслѣдъ за открытіемъ Рождественскихъ барачковъ, госпиталей по барачной системѣ, въ томъ числѣ и городской Александровской барачной больницы; требованія, предъявляемыя нынѣ въ отношеніи средствъ, которыми обезпечиваются правильные леченіе и уходъ за больными; устройство бесплатныхъ лечебницъ для приходящихъ, больныхъ при больницахъ и, наконецъ, созданіе института, основательно приготовленныхъ къ врачебной дѣятельности лекарскихъ помощницъ—береть свое начало изъ того незабвеннаго періода нашей общественной жизни, когда сознаніе въ необходимости идти на встрѣчу нуждамъ больныхъ и раненыхъ было вызвано указаніями и примѣрами, явленными съ высоты престола. Не подлежитъ сомнѣнію, что участіе, которымъ покойная госу-

дарыня императрица Марія Александровна являла дѣлу преуспѣянія въ нашемъ отечествѣ частной помощи, подъ сѣнью Краснаго Креста, на пользу больныхъ и раненыхъ, подвинуло это святое дѣло значительно впередъ.

Съ глубокою сердечною признательностью, памятуя о высокомъ вниманіи, которымъ государыня дарила учрежденія с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета, должно вспомнить о словахъ, всенародно объявленныхъ, по окончаніи войны 1877—1878 гг., съ высоты престола незабвенною императрицею Маріею Александровною:

— „Почитаю себя счастливою, что промыслъ Божій судилъ мнѣ стоять, въ великую для Россіи годину брани, во главѣ учрежденія, послужившаго столь достойно и съ такимъ успѣхомъ къ облегченію бѣдствій войны для храбрыхъ воиновъ. Я увѣрена, что во всякое время, когда-бы по волѣ Божіей ни потребовалось обществу Россійскаго Краснаго Креста стать на чреду своего служенія, на зовъ его отзовутся съ тою-же горячностью русскія сердца, исполненныя вѣры и любви къ отечеству“.

И. В. Вертенсонъ,
докторъ медицины, почетный лейбъ-медикъ Двора Е. И. Величества.

Отъ Редакціи. При настоящей книгѣ „Русской Старинѣ“ приложенъ, съ особеннымъ тщаніемъ выполненный, въ прекрасной гравюрѣ на мѣди, портретъ императрицы Маріи Александровны. Гравюра эта исполнена художникомъ Ѡ. А. Мѣркинымъ съ фотографіи С. Л. Левицкаго, благосклонно врученной намъ въ Царскомъ Селѣ, 28-го іюля 1880-го года, Е. И. В. великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ.

Напомнимъ при этомъ, что другой портретъ императрицы Маріи Александровны, именно за время бытности ея цесаревною, приложенъ при „Русской Старинѣ“ изд. 1881-го года, томъ XXXI, въ отличномъ гелиографюрномъ снимкѣ г. Скамони съ гравюры 1842-го года; тотъ-же снимокъ помѣщенъ нами и въ пятомъ томѣ „Альбома гравюръ“, вмѣстѣ съ жизнеописаніемъ императрицы Маріи Александровны (род. 1824 г., † 1880 г.).

Ред.

АДРИАНЪ ГРИБОВСКІЙ, СОСТАВИТЕЛЬ ЗАПИСОКЪ

О ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Въ ряду мемуарныхъ источниковъ для исторіи конца XVIII вѣка „Записки о Екатеринѣ Великой“ Грибовскаго занимаютъ довольно видное мѣсто: ими пользуются историки, изслѣдователи на нихъ ссылаются, любители провозгласили ихъ „любопытнѣйшими мемуарами, показывающими умъ и наблюдательность“ автора. Записки Грибовскаго были изданы два раза, въ 1847 г. и въ 1864 г., оба раза въ Москвѣ и оба раза чрезвычайно небрежно. Издатели ничего не говорятъ ни объ авторѣ записокъ, ни о рукописи, съ которой печатались записки; въ обоихъ изданіяхъ краткія замѣтки, изъ которыхъ позже составлялись записки, смѣшаны съ самими записками, и статьи переводныя не отдѣлены отъ оригинальныхъ произведеній автора. Нечего и говорить, что текстъ не всегда прочитанъ вѣрно и въ обоихъ изданіяхъ нѣтъ ни одного объяснительнаго примѣчанія.

Адрианъ Моисеевичъ Грибовскій родился въ 1766 году—упомяная подъ 1792 годомъ о своемъ представленіи Платону Зубову, онъ прибавляетъ: „мнѣ было тогда отъ роду 26 лѣтъ“. Въ запискахъ нѣтъ никакихъ автобіографическихъ указаній ни о воспитаніи, ни о первыхъ его шагахъ по службѣ. Этотъ пробѣлъ пополненъ П. И. Бартевымъ: „Грибовскій, родомъ малороссъ, воспитанникъ московскаго университета, поступилъ

на службу къ Державину въ 1784 году изъ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, куда ему открыли доступъ его начитанность и познаніе во французскомъ языкѣ“¹⁾. Къ сожалѣнію, г. Бартеневъ не указалъ источника этихъ свѣдѣній, которымъ, конечно, не обязательно вѣрить, но которыя легко могутъ ввести въ заблужденіе. Что Грибовскій былъ родомъ малороссъ — это весьма вѣроятно; что онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ—и это очень возможно; но чтобъ Грибовскій служилъ въ законодательной комиссіи—это невѣроятно и невозможно, и вотъ почему:

Указъ объ открытіи комиссіи изданъ 14-го декабря 1766 года, въ годъ рожденія Грибовскаго. Два года спустя, 18 декабря 1768 г., послѣдовалъ высочайшій указъ о распущеніи большого собранія, т. е. комиссіи, по случаю предстоявшей войны съ турками. Это распущеніе не касалось членовъ частныхъ комиссій и подкомиссій, которыя должны были продолжать свои занятія попрежнему. Насколько намъ извѣстно, самый поздній слѣдъ занятій частныхъ комиссій относится къ 1774 году: членъ комиссіи о разборѣ государственныхъ жителей, епифанскій депутатъ Свѣтушкинъ въ октябрѣ того года представилъ свои замѣчанія на проектъ правамъ третьяго рода людей²⁾. Въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 29 декабря 1774 г., Еватерина писала: „Черезъ нѣсколько дней отправлюсь въ Москву; тамъ я опять примусь за великое дѣло законодательства“³⁾. Однако, не принялась, и послѣднее извѣстіе о законодательной комиссіи относится къ 1775 году: въ числѣ учреждений, прибывшихъ съ императрицею изъ Петербурга въ Москву, упомянута и „уложенная комиссія“. Она никогда не была закрыта; но съ 1775 г. она была забыта и забыта навсегда. Въ 1775 г. Грибовскому было девять лѣтъ; когда-же онъ могъ быть въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія?

Воспитывался-ли Грибовскій въ московскомъ университетѣ, и сколько лѣтъ провель онъ въ немъ, мы не знаемъ. Несомнѣнно одно: въ 1784 году, когда Грибовскому было 18 лѣтъ, въ

¹⁾ Записки Державина, изд. „Русской Бесѣды“, Москва, 1860, стр. 249; Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ, Спб., 1871, т. VI, стр. 562.

²⁾ Сборникъ, XXXVI, 7.

³⁾ Сборникъ, XXVII, 14.

Петербургѣ появился его переводъ съ французскаго повѣсти Арно ¹⁾: „Опасность городской жизни“, съ посвященіемъ перевода нягинѣ Е. П. Барятинской и съ эпиграфомъ:

Блаженъ, кто можетъ утѣшаться
Простой природы красотой;
Не будетъ вѣчно тотъ прельщаться
Мятежной свѣтской суетой.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, быть можетъ, цѣлаго года Грибовскій трудится надъ переводомъ идиллической повѣсти, прославляющей сельскую жизнь и восторгающейся пѣйзанами. „Человѣкъ рожденъ жить въ деревнѣ, говоритъ авторъ, но шумъ городовъ отнял его у него самого и предалъ его замѣшательству состояній и страстей, спорящихъ и вредящихъ себѣ взаимно, и, оставивъ земледѣльческое убѣжище, онъ потерялъ наслажденіе истинныхъ удовольствій“. На этомъ фонѣ вышита крайне наивная картинка, въ которой французская аристократка признаетъ, что „земледѣліе есть первая должность и первое достоинство“, а деревенская баба убѣждается, что „парижскіе господа не смѣютъ показать, что у нихъ есть сердце“. Сдѣлать изъ этого какой-либо выводъ относительно самого переводчика было бы слишкомъ рискованно. Выборъ рассказа для перевода могъ быть сдѣланъ совершенно случайно, вполне независимо отъ взглядовъ Грибовскаго: повѣсти, рассказы и трагедіи Арно читались всѣми; въ „Epreuves du sentiment“ или въ „Délassements de l'homme sensible“ ихъ помѣщено нѣсколько, но всѣ они сшиты, болѣе или менѣе, на одну мѣрку. Выборъ рассказа также мало можетъ служить біографическимъ показателемъ, какъ и посвященіе: изъ того, что переводъ посвященъ кн. Барятинской ²⁾, нельзя еще заключать, что Грибовскій зналъ ее,

¹⁾ Thomas Marie d'Arnaud. Voculard, 1718—1805 гг. про котораго Руссо сказалъ: „до него всѣ писали умомъ и руками, Арно первый сталъ писать сердцемъ“. Вольтеръ поддерживалъ Арно и похвалами, и деньгами. Одно время онъ былъ корреспондентомъ Фридриха II, совѣтникомъ французскаго посла въ Дрезденѣ, но отказался отъ всего, предпочитая быть писателемъ.

²⁾ Принцесса Екатерина Голштейнъ-Бекъ, 1750—1811, вышла замужъ за кн. И. С. Барятинскаго, 1738—1811, но вскорѣ покинула мужа, Россію, и жила въ Берлинѣ, гдѣ и умерла. Она была очень дружна съ А. О. Бобринцевой-Пушкиной, теткой Ководавлева, гдѣ Грибовскій и могъ видѣть „принцессу Барятинскую“.

былъ вхожъ къ ней въ домъ; посвященія дѣлались, по большей части, просто имени. Изъ самого-же посвященія можно, кажется, вывести заключеніе, что переводчикъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ княгинею Е. П. Барятинскою, въ противномъ случаѣ онъ не написалъ-бы ей: „Названіе друга человѣковъ, названіе лестное и предпочтительнѣйшее всѣмъ пышнымъ именамъ, единогласно приписывается вашей свѣтлости“.

Внимательно прочитывая „Опасность городской жизни“, необходимо придти къ убѣжденію, что Грибовскій легко владѣлъ перомъ и хорошо зналъ французскій языкъ. Переводъ сдѣланъ хорошимъ для того времени русскимъ языкомъ, галицизмы встрѣчаются сравнительно весьма рѣдко и фразы построены довольно удачно ¹⁾. О своемъ знаніи французскаго языка Грибовскій упоминаетъ и въ своихъ запискахъ: онъ или графъ Марковъ, какъ знающіе французскій языкъ, призывались читать императрицѣ иностранную почту.

Въ томъ-же 1784 году, Г. Р. Державинъ былъ назначенъ губернаторомъ и, отправляясь въ Петрозаводскъ, взялъ молодаго Грибовскаго себѣ въ секретари, вѣроятно, какъ человѣка письменнаго. Надъ полагать, что Грибовскій старательно исполнялъ въ Петрозаводскѣ возлагавшіяся на него обязанности и внушала къ себѣ довѣріе: вскорѣ по пріѣздѣ въ Петрозаводскъ, Державинъ именно его назначилъ исправляющимъ должность казначея приказа общественнаго призрѣнія. Конечно, объ эти должности, секретаря и казначея, не особенно значительны въ чиновной іерархіи, даже и провинціальной; но въ виду молодости Грибовскаго, которому шель тогда 19-й годъ, необходимо признать, что онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, вѣроятно вслѣдствіе добросовѣстнаго служенія. Онъ, кажется, былъ на хорошемъ счету и въ петрозаводскомъ обществѣ: по крайней мѣрѣ, такіе чиновные люди въ Петрозаводскѣ, какъ вице-губернаторъ

¹⁾ Ни въ построеніи цѣлыхъ фразъ, ни въ написаніи отдѣльныхъ выраженій мы не встрѣтили ни одного указанія на малороссійское происхожденіе Грибовскаго; не замѣтно оно и въ девяти письмахъ Грибовскаго, напечатанныхъ Я. К. Гротомъ въ V т. Соч. Державина. Кн. Васильчиковъ и Н. Григоровичъ указали въ своихъ изслѣдованіяхъ о Разумовскихъ и Бевбородко эти слѣды ихъ малороссійскаго происхожденія, и даже въ дѣловыхъ бумагахъ, не только въ частной перепискѣ.

Зиновьевъ, губернский прокуроръ Грейцъ и предсѣдатель уголовной палаты Антроповъ водятъ съ нимъ компанію, играютъ въ карты. Никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на то, что Грибовскій, въ сущности мелкій чиновникъ, проигрываетъ крупные куши и всегда немедленно расплачивается. Вскорѣ все раскрылось.

15-го декабря 1785 г. состоялся указъ о переводѣ Державина изъ Олонецкой въ Тамбовскую губернію. Находясь „въ контрахъ“ съ генераль-губернаторомъ Тутолминимъ, Державинъ, конечно, принялъ мѣры, чтобы сдача Олонецкой губерніи прошла гладко. Вотъ что самъ Державинъ рассказываетъ по этому поводу въ своихъ „Запискахъ“:

„Такъ какъ Олонецкую губернію надобно было такъ сдать или въ сдачѣ приготовить, чтобы послѣ, а особливо по недоброжелательству намѣстника, прицѣпокъ или взысканія не было, то осмотрѣлъ Державинъ вновь подчиненныя губернскому правленію мѣста и все, что неисправно, исправилъ, и какъ, между прочимъ, приказъ общественнаго призрѣнія въ особой былъ зависимости губернатора, то, осматривая оный, примѣтилъ въ поданной денежной вѣдомости отъ секретаря Грибовскаго, который отправлялъ должность казначея, что итоги невѣрны. Державинъ приказалъ повѣрить вѣдомость одному изъ засѣдателей, который донесъ о дѣйствительной невѣрности и явное сумнѣніе въ нецѣлости казны. Державинъ приказалъ сличить съ документами, по которымъ нашлось, что по опредѣленіямъ, подписаннымъ однимъ губернаторомъ безъ совѣтниковъ, выдано денегъ купцамъ заимообразно, безъ росписки ихъ въ шнуровыхъ книгахъ, 7,000 рублей, да въ самомъ дѣлѣ недоставало наличныхъ болѣе 1,000 рублей. Таковое открытіе потому болѣе было важно, что намѣстникъ всякими бездѣлицами подыскивался подѣ губернаторомъ, то и легко могъ сказать, что губернаторъ самъ похитилъ деньги, ибо опредѣленія на выдачу ихъ подписаны были одною его рукою, а росписокъ отъ пріемщиковъ въ полученіи денегъ не было. Притомъ зналъ Державинъ, что въ угожденіе намѣстника прокуроръ и стряпчие, да и прочіе чины того и смотрѣли, чтобы что-нибудь на него донести, то и надобно было исправить сей безпорядокъ такъ искусно и безъ канцелярскаго производства, чтобы зажать ротъ всѣмъ, восхо-

тѣвшимъ поступить на какое-либо шиканство и ябеду. А потому Державинъ призвалъ къ себѣ Грибовскаго и лицо на лицо пріятельскимъ увѣщаніемъ извлекъ изъ него искреннее признаніе въ тратѣ казенныхъ денегъ. Грибовскій сказалъ, что проигралъ ихъ въ карты, ведя игру съ вице-губернаторомъ, съ губернскимъ прокуроромъ и съ уголовной палаты предсѣдателемъ, которые были всѣ любимцы намѣстнику. О розданныхъ купцамъ деньгахъ Грибовскій объяснилъ, что для того подписаны однимъ губернаторомъ опредѣленія, что онъ у купцовъ просилъ денегъ изъ занимаемыхъ ими суммъ, но какъ они на то не согласились иначе какъ взять безъ росписокъ, а когда заплатятъ, то тогда уже росписаться въ книгахъ, что Грибовскій и сдѣлалъ, а для того и не подавалъ прочимъ членамъ къ подпискѣ опредѣленій, чтобъ они при выдачѣ денегъ не потребовали къ своему усмотрѣнію ихъ росписокъ въ книгѣ. Державинъ велѣлъ Грибовскому искреннее сіе признаніе положить на бумагу, въ видѣ письма къ губернатору, въ которомъ Грибовскій, раскаявшись во всѣхъ своихъ шалостяхъ, чистосердечно признался, написавъ по именамъ кому что проигралъ. Получивъ такую бумагу, Державинъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора, и какъ уже былъ седьмой часъ вечера, то его весьма удивило такое необыкновенное приглашеніе. Сначала, разговаривая о постороннихъ матеріяхъ, губернаторъ въ видѣ дружеской откровенности объявилъ ему несчастіе, случившееся въ приказѣ общественнаго призрѣнія, и требовалъ совѣта что дѣлать. Вице-губернаторъ, услышавъ сіе, принялъ важный видъ, сталъ вычислять многія свои замѣчанія насчетъ неосторожности губернаторской, что Грибовскій не стоитъ его довѣренности и тому подобное, и что надобно поступить по всей строгости закона съ нимъ и со всѣми тѣми, кто съ нимъ былъ соучастникъ. Тогда Державинъ просилъ его, чтобъ онъ лежащую на столѣ бумагу прочелъ и тогда-бы далъ ему свой совѣтъ что дѣлать. Вице-губернаторъ взялъ письмо, и коль скоро увидѣлъ свое имя между строками, то сначала взбѣсился, потомъ обробѣлъ и въ крайнемъ замѣшательствѣ уѣхалъ домой. Того только и было надобно, чтобъ, увидя себя замѣшаннымъ, не предпринялъ какихъ съ своей стороны доносовъ и другихъ шикановъ. То-же сдѣлано съ прокуроромъ и съ предсѣдателемъ палаты.

Всѣ они перетрусились, кромѣ что прокуроръ зачалъ было крючками вывертываться и каверзить. Между тѣмъ губернаторъ послалъ по купцовъ, которые взяли казенныя деньги, не росписавшись въ книгахъ, представилъ имъ ихъ дурной поступокъ во всей ясности и сказалъ, что отошлетъ онъ ихъ тотчасъ въ уголовную палату, коль скоро не роспишутся въ книгахъ. Они то безъ всякаго прекословія исполнили. Тысячу рублей Державинъ внесъ свою; книги исправили и вѣдомости сочинили по документамъ, какъ быть имъ должно¹⁾.

Вскорѣ по воцареніи, въ 1763 году, Екатерина предписываетъ уже принять мѣры противъ „разорительной азартной игры“, борется съ этимъ зломъ во все свое царствованіе и незадолго до смерти, въ 1796 году, приказываетъ слѣдить за „игрокомъ первой степени“, чтобъ онъ „отъ игры воздержался“. Императрица сама играла въ карты и почти ежедневно проводила часть и болѣе за карточнымъ столомъ; но она рѣшительно возставала противъ всякой азартной игры, какъ-бы она ни называлась²⁾. „Картежный долгъ — не долгъ“, говоритъ Екатерина, и векселя, выданные въ обезпеченіе карточнаго долга, признаются недѣйствительными. Съ игроками она также строга: „карточные академики достойны наказанія“, писала она, и приказала „иностранныхъ академикомъ высылать за-границу“, а домощеныхъ „унимать“ и имена ихъ публиковать въ газетахъ, „дабы всякой отъ нихъ остерегался“³⁾.

¹⁾ Соч. Державина, VI, 573.

²⁾ Приводимъ въ азбучномъ порядкѣ названія карточныхъ игръ, употреблявшихся въ царствованіе Екатерины II и упоминаемыхъ въ документахъ и мемуарахъ того времени: банкъ, берлантъ, бирибъ, бостонъ, вистъ, квинтичь, ла-мушъ, ломберъ, макао, памфелъ, реверсисъ, рокомболъ, тароки, тресетъ и фараонъ. Въ запискахъ Болотова упоминается еще одна игра—аглинскій вискъ (II, 661); но намъ чуется здѣсь простая опечатка, хотя и дважды повторенная: вискъ вм. вистъ, whist, которымъ Екатерина развеселила великую княгиню Наталью Алексѣевну, въ день отъѣзда ея матеря, ландграфини гессенъ-дармштадтской Каролины (Walther, Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen. Wien, 1877, B. I, S. 333).

³⁾ Карточная игра имѣетъ извѣстное значеніе для культурной исторіи русскаго общества второй половины XVIII вѣка, и мы надѣемся посвятить ей особую статью въ „Русской Старинѣ“; теперь представляемъ точное указаніе распоряженій Екатерины II по вопросу о карточной игрѣ: Госуд. Архивъ, VII, 2204; X, 187, 280; Архивъ Сената, т. 116, л. 350; т. 131, л. 423, 500, 542; т. CIV, л. 152; Полн. Собр. Зак., №№ 10,669, 11,877, 12,530.

Эти взгляды императрицы на картежную игру и карточные, долги были извѣстны въ Петрозаводскѣ. Конечно, мѣстные власти, участвовавшіе въ карточной игрѣ: вице-губернаторъ, прокуроръ, предсѣдатель палаты, были вынуждены, спасая себя, молчать о растратѣ казенныхъ денегъ казначеємъ приказа; губернаторъ долженъ былъ, обѣлая себя, внести въ приказъ выкраденныя суммы ¹⁾. Этимъ былъ спасенъ формулярный, но не „кондуитный“ списокъ Грибовскаго, нравственный обликъ его опредѣлился теперь вовсе не двусмысленно. Отъ картежной игры, даже азартной, преслѣдуемой законами, очень еще далеко до растраты казенныхъ денегъ; тѣмъ не менѣе, Грибовскій, будучи всего лишь 20-ти лѣтъ, легко прошелъ этотъ длинный путь, провинился въ томъ и другомъ.

Съ отъѣздомъ Державина, Грибовскій не могъ оставаться въ Петрозаводскѣ—мѣстное общество не простило ему его поведения. Объ отношеніи петрозаводскаго общества къ Грибовскому свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: „Директоръ экономіи въ Петрозаводскѣ, А. А. Ушаковъ, требовалъ, чтобъ Грибовскій при всякой встрѣчѣ снималъ предъ нимъ шляпу. На одномъ гдѣ-то гуляньи Грибовскій поупорствовалъ противу его требованія; Ушаковъ сердился, началъ бранить всенародно

12,593, 12,887, 13,677, 16,440; Переписка Екатерины съ разными лицами, Спб., 1802, стр. 3,154; Чтенія, 1863, II, 143; III, 181; Русскій Архивъ, 1863, 158; 1864, 461, 534; 1872, 278, 335, 869, 870, 872; 1878, I, 389; III, 181; 1886, III, 15, 30; Сборникъ русск. ист. общ., XIII, 137; XXIII, 511; XXVII, 235; XCII, 310; Смирдинъ, Соч. Екат., III, 363, 404; Османц. Вѣкъ, I, 80; Walther, I, 338; Зритель, 1863, XIV, 435.

Въ хронологическомъ порядкѣ эти распоряженія слѣдуютъ такъ: 7-го іюля 1763 г., 9-го февраля и 7-го декабря 1765 г., 16-го января и 10-го марта 1766 г., 28-го апрѣля 1767 г., 24-го іюля 1768 г. 26-го іюля, 6-го и 13-го октября 1771 г., 1-го сентября 1772 г., 16-го октября 1773 г., 5-го ноября 1779, 16-го октября 1786 г., 3-го января 1790 г., 5-го марта и 22-го апрѣля 1791 г., 3-го мая, 4-го іюня, 7-го іюля и 7-го августа 1795, и осенью 1796 года.

¹⁾ Отъ 7-го сентября 1786 г. Державинъ пишетъ А. П. Васильеву: „Отдать тысячу рублевъ Сергію Никитичу Зиповьеву, занятому мною у него для платежа за секретаря Грибовскаго въ олоонецкомъ приказѣ общественнаго призрѣнія. Они у Грибовскаго казенныя деньги выиграли, а я, избавляя себя отъ нареканія, что подъ моимъ начальствомъ то случилось, а ихъ отъ стыда и суда, принявъ грѣхъ ихъ на себя и удовлетворилъ своимъ карманомъ“. Соч. Державина, V, 561.

послѣдняго и хотѣлъ было слугѣ своему приказать сшибить съ него шляпу палкою. Грибовскій не упустилъ при семъ случаѣ высказать всѣ свои грубости. Сія брань обратилась въ процессъ. Грибовскій былъ истцомъ у генераль-губернатора Тутолмина, который, противъ воли своей, долженъ былъ сдѣлать чрезъ губернатора выговоръ директору экономіи¹⁾. Не смотря на выговоръ „противъ воли“, нелѣзное требованіе Ушакова свидѣтельствуешь, какъ низко упалъ въ его мнѣніи Грибовскій.

Въ мартѣ-же 1786 г. Грибовскій былъ уволенъ отъ должности казначея олонецкаго приказа общественнаго призрѣнія и въ іюнѣ былъ уже въ Петербургѣ. Безъ мѣста, безъ средствъ, онъ жилъ изъ милости у писателя О. П. Козодавлева, будущаго министра внутреннихъ дѣлъ. Свое положеніе въ то время Грибовскій довольно обстоятельно изложилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Державину отъ 2-го августа 1786 года²⁾:

„Ваше превосходительство, милостивый государь! Его сіятельство графъ Александръ Романовичъ³⁾, бывши въ Петро-заводскѣ для осмотра присутственныхъ мѣстъ, велѣлъ мнѣ по полученіи отставки, явиться къ себѣ. Сіе было новый опытъ милостиваго промысла обо мнѣ вашего превосходительства. Будучи уволенъ отъ службы и пріѣхавъ въ Петербургъ, я принять былъ отъ него благосклонно. Его сіятельство обнадежилъ меня принять къ себѣ, заставлялъ писать для опыта нѣкоторыя письма и удостоилъ оныя одобреніемъ. Но какъ подъ начальствомъ⁴⁾ его мѣста порозжаго никакого не случилось и скоро не можетъ открыться, то онъ велѣлъ мнѣ подать прошеніе въ Герольдію для опредѣленія въ какую-нибудь губернію. Ожидая рѣшенія отъ графа Александра Романовича, не осмѣлился я писать къ вашему превосходительству и беспокоить васъ, какъ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, такъ и новымъ изъясненіемъ глубочайшей благодарности моей за содѣланныя мнѣ отъ

¹⁾ Изъ письма Поспѣлова къ Державину, отъ 15-го іюня 1786 г. Разсказъ передается со словъ какъ самого Грибовскаго, такъ и С. Н. Зяновьева, бывшаго олонецкаго вице-губернатора. Ibid., 487.

²⁾ Соч. Державина, V, 523.

³⁾ Воронцовъ.

⁴⁾ Онъ былъ въ то время президентомъ коммерцъ-коллегии (Мѣсяцесловъ на 1786 г., стр. 18).

вась толикія благодѣянія. Удостоверившись-же, что Герольдія сама собою безъ представленія генераль-губернаторовъ не опредѣляетъ къ должностямъ, осмѣливаюсь прибѣгнуть паки къ вамъ, милостивый государь, къ вамъ, которому я обязанъ жизнію и честію, къ вамъ, наилучшему изъ человѣковъ. Позвольте, ваше превосходительство, неуспынными трудами, усердіемъ и прилежаніемъ, хотя нѣсколько загладить предъ глазами вашими нанесенныя легкомысленностію моею вамъ огорченія. Не лишите меня чести и счастья принять отъ единыхъ рукъ вашихъ все состояніе и благополучіе мое. Всякое мѣсто, гдѣ угодно будетъ вашему превосходительству меня опредѣлить, прійму я съ несвязанною радостію и благодарностію, вѣдая благодѣтельную и великую душу вашу. Благодѣянія вашего превосходительства пребудутъ во всю жизнь мою первѣйшимъ и пріятнѣйшимъ для меня чувствіемъ, а желаніе изълить за оныя благодарность мою—главнѣйшею заботою.

„Ея превосходительству, милостивой государынѣ, Катеринѣ Яковлевнѣ ¹⁾ осмѣливаюсь засвидѣтельствовать всенижайшее мое высокопочитаніе. При семъ влагаю, по просьбѣ Николая Оедоровича ²⁾, къ вашему превосходительству письмо и комедію его сочиненія. Я, по милости Осипа Петровича ³⁾, живу въ домѣ его и пользуюсь въ нужномъ состояніи моемъ возможнымъ отъ него вспомошествованіемъ.

„Впрочемъ съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и вѣчною благодарностію имѣю честь на всю жизнь мою пребыть вашего превосходительства всенижайшій слуга Адрианъ Грибовскій“.

Не было, кажется, серьезныхъ основаній заподозрѣвать искренность этого письма: Державинъ дѣйствительно спасъ „жизнь и честь“ Грибовскаго. Это письмо не единственное, впрочемъ, и всѣ они въ томъ-же „униженномъ смыслѣ“ ⁴⁾. Между

¹⁾ Рощ. Бастидонъ, первая жена Державина.

²⁾ Эмина. Онъ издалъ тогда комедію въ 5 дѣйствіяхъ: „Магометъ мудрецъ“, которую самъ называлъ „глупымъ вздоромъ“ въ письмѣ къ Державину отъ 16-го іюня 1786 г. Соч. Державина. V, 488.

³⁾ Козодавлева. Онъ состоялъ при директорѣ Академіи Наукъ, кн. Е. Р. Дашковой, „по экономическимъ дѣламъ“ и былъ директоромъ народныхъ училищъ Петербургской губерніи.

⁴⁾ Письма Грибовскаго Державину отъ 10-го, 14-го, 17-го и 28-го августа, 4-го сентября, 2-го октября и 11-го декабря 1786 г. Соч. Державина, V, 535, 538, 541, 552, 559, 587, 651.

тѣмъ, искренности раскаянія Грибовскаго вѣрили только Козодавлевы, мужъ и жена, у которыхъ онъ жилъ, ей не вѣрили ни Д. М. Свистуновъ, совѣтникъ академія наукъ, ни М. Ф. Поспѣловъ, сослуживецъ Державина, ни Бастидонова, теща Державина, и менѣе всего княгиня Е. Р. Дашкова, которая не выносила имени Грибовскаго.

„Графъ Александръ Романовичъ, пипеть Свистуновъ, хотѣлъ было взять Грибовскаго къ себѣ и далъ ему ужъ обнадеженіе, но княгиня, узнавъ, такъ сильно наступила на графа, что тотъ принужденъ былъ, въ угодность ей, отказать ему“. Мѣсто въ Герольдіи, тоже обѣщанное, равнымъ образомъ не было получено Грибовскимъ. Козодавлевъ проситъ, наконецъ, Державина назначить Грибовскаго директоромъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи: „Нашъ Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, видно несчастіями исправившійся, теперь живетъ у меня; онъ безъ мѣста и бѣдностію согбенный, готовъ-бы былъ пойти подъ иго службы, но никто еще не нашелся, кто-бы наложилъ на него сіе иго, а всякій только что обѣщаетъ. Уставъ народныхъ училищъ на сихъ дняхъ будетъ конфирмованъ, по которому будутъ въ каждой губерніи директоры народныхъ училищъ, зависящіе отъ губернаторовъ. Вотъ-бы мѣсто нашему Грибовскому. Постарайтесь, право, излить благодарніе ваше на сего вѣтреннаго, но весьма благодарнаго человѣка, который сверхъ того къ вамъ всею душою привязанъ“. А. П. Козодавлева, рожд. княжна Голицына, просила о томъ-же Е. Я. Державину. Спустя мѣсяць или два, Державинъ такъ отвѣчалъ на эти просьбы: „я рекомендовалъ по сущей справедливости Адріана Моисеевича генералъ-губернатору ¹⁾ и ежели онъ кого не нашель своего достойнѣйшимъ, то, конечно, опредѣлить его въ директоры въ училище не отречется. Но ежели тутъ не удастся его помѣстить, то скажи ему, чтобы онъ прислалъ прошеніе, что въ здѣшнемъ намѣстничествѣ служить желаетъ: то секретарское мѣсто ему охотно доставлю, а притомъ онъ можетъ имѣть и тѣ здѣсь выгоды, что по знанію его правописанія и хорошему почерку охотно позволю ему въ учреждаемомъ здѣсь для благородныхъ дѣвицъ пансіонѣ преподавать означенныя свои знанія, за что

¹⁾ Графу Ивану Васильевичу Гудовичу, 1741—1820.

можетъ имѣть по крайней-мѣрѣ сотню излишняго доходу“. Узнала объ этихъ переговорахъ княгиня Дашкова, и „такъ сильно паступила“ на Державина, что и онъ отрекся отъ Грибовскаго: „Княгиня Екатерина Романовна, писалъ ему Свистуновъ, приказала мнѣ къ вамъ отписать, что она слышала будто Козодавлевъ хвалится, что онъ Грибовскому мѣсто доставить опять при васъ; то ежели вы это сдѣлаете, послушаете Козодавлева и возьмете его опять къ себѣ, то будетъ ужъ очень вѣтрено, и притомъ приказала приписать вамъ, что это будетъ ей весьма непріятно. Боже мой, какъ она не терпитъ Грибовскаго“. То же, но въ болѣе рѣзкой формѣ писала Державину и теща его М. Д. Бастидонова: „Слыша, что убѣждаютъ васъ просьбами о Грибовскомъ, чтобы вы его приняли, то я прошу тебя, Гаврило Романовичъ, ради самого Бога, не слушай никого и не бери къ себѣ такого злодѣя. Княгиня Екатерина Романовна знаетъ, что Козодавлевъ тебя убѣждаетъ, и говорила, что я де не думаю, чтобы Гаврило Романовичъ могъ къ себѣ взять его. Даже Александръ Романовичъ хотѣлъ его къ себѣ взять, но она не велѣла, а княгиня нынче такъ усилилась, что князь Вяземской у ней руки цѣлуетъ“. Державинъ внялъ этимъ совѣтамъ: „Увѣрите княгиню Екатерину Романовну, писалъ онъ Свистунову, что когда она не изволить, чтобъ я Грибовскому далъ здѣсь мѣсто, то онъ никакого здѣсь не получить. Я ея воли съ Козодавлевой просьбою не смѣняю“. Нѣсколько дней спустя, Державинъ самъ увѣрилъ княгиню Дашкову въ томъ-же: „Напрасно г. Козодавлевъ хвалился, чтобъ я противъ воли вашего сіятельства опредѣлилъ къ какой-либо должности Грибовскаго“ ¹⁾.

Узнавъ объ отказѣ Державина, Грибовскій писалъ ему, отъ 11-го декабря 1786 г.: „Не могу изяснить горести моей, что не допустили меня заглядить хоть нѣсколько предъ глазами вашего превосходительства причиненныя вамъ легкомысленностію моею огорченія. Я не знаю, кто могъ перемѣнить великодушное ваше въ разсужденіи меня намѣреніе, но извѣстенъ, что имѣю сильныхъ и малодушныхъ недоброжелателей“ ²⁾.

Мы рѣшительно не знаемъ „доброжелателей“ Грибовскаго. Даже Козодавлевъ находитъ его въ концѣ концовъ „страннымъ

¹⁾ Соч. Державина, V, 525, 533, 538, 566, 601, 603, 617, 632.

²⁾ Ibid., 651.

человѣкомъ“; Свистуновъ убѣжденъ, что „строптивый, заносчивый и неблагодарный“ Грибовскій причинить Державину много безпокойства; Поспѣловъ сердится на Грибовскаго, который „чувствительнѣйшимъ образомъ оскорбилъ его семейство“, и находитъ, что онъ „милостей Державина недостойнъ“; Бастидонова пишетъ Державину: „О Грибовскомъ я наслышалась, что онъ Тимофея Ивановича ¹⁾ возносить выше небесъ, а о тебѣ, когда дойдетъ, то „Державинъ“, а больше нѣтъ имя, да и то съ гримасами; сіе по пословицѣ: не споя не скормя, ворога не видать. Такъ-то Грибовскій чувствуетъ хлѣбъ-соль“ ²⁾. Ни одного добраго отзыва о Грибовскомъ отъ лицъ, его знавшихъ, и даже Державинъ вскорѣ убѣдился, что спасенный имъ Грибовскій „есть первый его непріятель“ ³⁾.

Въ то именно время, когда Грибовскій, безъ мѣста, безъ средствъ, „согбенный бѣдностію“, жилъ изъ милости у Козодавлева и хлопоталъ объ опредѣленіи на службу, 24-го іюля 1786 года появился № 30-й еженедѣльнаго журнала „Зеркало Свѣта“ съ „письмомъ, присланнымъ къ издателю“, за подписью Адрияна Грибовскаго. Онъ проситъ въ этомъ письмѣ напечатать его „Благодареніе г. Фелдингу за Томаса Іонесса“, въ которомъ онъ старался выразить, по его собственнымъ словамъ, „чувствованія великости г. Фелдинга и моей малости“. Вслѣдъ за письмомъ (стр. 228) напечатано и Благодареніе (стр. 229—232); это — патетическое изліяніе восторга отъ чтенія знаменитаго романа Фильдинга „Tom Jones“ ⁴⁾.

Черезъ два года послѣ пасторальной повѣсти Арно, восторженное восхваленіе Фильдингу, къ тому-же, по поводу романа, не имѣющаго ничего общаго съ пасторалью, не даетъ возможности заключить о впечатлѣніи, какое производили на Грибовскаго его литературныя занятія. Его „Благодареніе“ — наборъ

¹⁾ Туттолмина, архангелогородскаго и олонецкаго генераль-губернатора враждебно относившагося къ Державину.

²⁾ Соч. Державина, V, 601, 603, 640; IX. 299.

³⁾ Записки Державина, 1860, стр. 382; Соч. Державина, VI. 696.

⁴⁾ Henry Fielding. 1707—1754, англійскій писатель. Tom Jones появился, въ 1750 г.; Грибовскій пользовался, вѣроятно, французскимъ переводомъ „Thomas Jones ou l'enfant trouvé, trad. par Laplace. Paris, Didot l'aîné, 1780 4 v. in 8°. Изъ произведенія англійскаго романиста на русскій языкъ былъ переведенъ только „Jonathan Wild“ и то съ нѣмецкаго: „Фелдингъ, Дьянія господина Іонафана Вильда Великаго“. Перев. Иванъ Сытенковъ. Спб., 2 т., 1772 г. Съ легкой руки Сытенкова, и Грибовскій пишетъ всегда Фелдингъ.

фразъ, по большей части довольно складныхъ, но всегда напыщенныхъ, дѣланыхъ, не искреннихъ. Tom Jones произвелъ громадное впечатлѣніе на современниковъ; послѣдующія произведенія Фильдинга раскупались уже въ первый-же день по выходѣ изъ типографіи. Лагарпъ находилъ, что „Tom Jones est le premier roman du monde et le livre le mieux fait en Angleterre“. Этотъ романъ не вызываетъ въ умъ и сердцѣ Гривовскаго, ни одного живаго слова, ни одного теплаго отзыва, кромѣ патетическихкихъ, въ сущности крайне пустыхъ, фразъ. Это объясняется, кажется, тѣмъ, что все „Благодареніе“ написано съ заднею мыслью — лестью Державину добиться мѣста въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ ¹⁾.

Мѣста въ Тамбовѣ Гривовскій не получилъ. „Сожалѣю о несчастіи Гривовскаго, писалъ по этому поводу Козодавлевъ, который, впрочемъ, отъ сего несчастія не будетъ такъ несчастливъ, какъ представляетъ себѣ княгиня Дашкова... Сіе приключеніе открыло безъ сумнѣнія путь къ его счастью ²⁾. Козодавлевъ былъ правъ: онъ доставилъ ему мѣсто при кн. Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ и тѣмъ, дѣйствительно, обезпечилъ Гривовскому блестящую карьеру.

Съ 1787 г. Гривовскій занимается въ канцеляріи кн. Потемкина подъ начальствомъ правителя канцеляріи В. С. Попова. Съ открытіемъ въ 1787 г. военныхъ дѣйствій противъ турокъ, Гривовскій находился въ военно-походной канцеляріи кн. Потемкина, специально для сочиненія журвала военныхъ дѣйствій, по которому главнокомандующій составлялъ свои донесенія императрицѣ. Гривовскій оставался при кн. Потемкинѣ до самой его смерти, всегда и всюду сопровождая его канцелярію: онъ не только переѣзжалъ съ главною квартирою во время второй турецкой войны, но сопровождалъ кн. Потемкина и въ Петер-

¹⁾ „Твой Алворти, сей благотворительный, кроткій, неалобивый и справедливый смертный, котораго ты представилъ въ образецъ слабому человечеству и которому, противъ чинія твоего, знаю я совсѣмъ подобнаго и благодареніями своими ко мнѣ и ко многимъ несчастнымъ ему равнаго, сей вельможа, котораго добродѣтели и правила только чужды его званію. наконецъ, сей Алворти овладѣлъ моею душою“ и т. д. (стр. 231). Державинъ самъ помѣщалъ свои произведенія въ „Зеркалѣ Свѣта“, читалъ этотъ журналъ, но Благодаренія не читалъ, такъ какъ журналъ разсыпался неакуртно: въ декабрѣ было прислано только по 29 мая“ (Соч. Державина, V, 640).

²⁾ Соч. Державина, V, 640.

бургъ зимою 1789 г. ¹⁾). „Въ четырехлѣтнюю службу мою при генераль-фельдмаршалѣ кн. Потемкинѣ-Таврическомъ, отмѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ, получилъ я два чина: коллежскаго ассесора и надворнаго совѣтника съ переименованіемъ въ подполковники въ Изюмскій легкоконный полкъ, орденъ Владимира 4-й степени и 4.000 десятинъ земли въ Екатеринославской губерніи“.

5-го октября 1791 года Потемкинъ умеръ. Грибовскій былъ въ это время въ Яссахъ, откуда и писалъ Державину о смерти главнокомандующаго, „которая составляла тогда весьма любопытную новость“. Это письмо Державинъ показалъ П. А. Зубову, которому „письмо полюбилось“, быть можетъ, и не само-по-себѣ, а по заключавшемуся въ немъ извѣстію ²⁾). Въ Яссахъ-же были открыты переговоры о мирѣ, приче́мъ Грибовскій исполнялъ обязанности конференцъ-секретаря.

29-го декабря 1791 г. заключенъ яссскій миръ. Грибовскому только 25-ть лѣтъ, но онъ уже знаетъ людей, знаетъ жизнь. Нѣтъ Потемкина—есть Зубовъ, и Грибовскій въ Яссахъ еще хлопочетъ уже о доступѣ къ П. А. Зубову. По просьбѣ одного изъ уполномоченныхъ при мирныхъ переговорахъ, контръ-адмирала де-Рибаса, прибывшій изъ Петербурга для заключенія мира гр. А. А. Безбородко далъ Грибовскому рекомендательное письмо къ Зубову. Съ этимъ письмомъ явился Грибовскій, 15-го января 1792 г., къ Зубову, и на другой-же день, 16-го января, былъ опредѣленъ правителемъ канцеляріи по дѣламъ, порученнымъ гр. Зубову по отъѣздѣ гр. Безбородко въ Яссы. Грибовскій получилъ при этомъ казенную квартиру и ему „назначено на столъ, кромѣ напитковъ, отъ придворной конторы по 50-ти руб. въ день“. Какъ правитель канцеляріи, Грибовскій „сжедневно являлся по утру къ гр. П. А. Зубову съ представленіемъ заготовленныхъ бумагъ и для полученія новыхъ“. Мало по малу Грибовскій сталъ приближеннымъ лицомъ, правою рукою фаворита Зубова. Грибовскому повѣряютъ государственныя тайны: президентъ военной коллегіи гр. Н. И. Салтыковъ не могъ сообщить княгинѣ Дашковой свѣдѣній о ея сынѣ, князѣ Павлѣ, такъ какъ „извѣстія изъ Польши составляютъ секретъ, скрываемый

¹⁾ Соч. Державина, V, 751, 753.

²⁾ Письмо это не сохранилось или. во всякомъ случаѣ, еще не издано.

даже отъ гр. Безбородко“, Грибовскій-же знаетъ эти извѣстія и передаетъ подробности изъ польскихъ реляцій¹⁾. Съ Грибовскимъ совѣтуются, въ немъ заискиваютъ: адмиралъ А. С. Шишковъ, назначенный правителемъ канцеляріи по дѣламъ черноморскаго флота, находитъ необходимымъ „сблизиться“ съ Грибовскимъ²⁾. Грибовскаго награждаютъ предпочтительно предъ другими: при назначеніи наградъ ко дню коронаціи въ 1794 г., Екатерина „собственнымъ подвигомъ“ пожаловала Трощинскому крестъ „при случаѣ представленіи ей о Грибовскомъ“³⁾. Въ спорѣ вице-адмирала Мордвинова съ де-Воланомъ, гр. Зубовъ поступаетъ согласно указаніямъ Грибовскаго⁴⁾.

Очевидно, Грибовскій сталъ вліятельнымъ человѣкомъ у всеильнаго Зубова. Изъ кабинета Зубова одинъ шагъ въ покои Екатерины: изготовляемые указы подносятся императрицѣ къ подписанію Д. П. Трощинскимъ, а въ случаѣ его болѣзни, Грибовскимъ; иностранную почту читаетъ императрицѣ или гр. Марковъ, или тотъ-же опять Грибовскій; наконецъ, 11-го августа 1795 г., Грибовскій былъ назначенъ статсъ-секретаремъ императрицы, или, какъ тогда говорили, „при ея императорскомъ велиествѣ у принятія прошеній“.

Екатеринѣ II шель тогда 67-й годъ; она уже 33 года занимала престолъ. Она устала, по ея собственнымъ словамъ, „въ долговременной службѣ государству“ одряхлѣла, утратила прежнюю энергію, чаще и полнѣе стала подчиняться посторонней воли. Этимъ только и можно объяснить назначеніе Грибовскаго статсъ-секретаремъ, послѣ такихъ статсъ-секретарей, какъ Храповицкій или Трощинскій. Екатерина, уваживъ рекомендацію Зубова, хорошо поняла, однако, что Грибовскій—не Трощинскій. Графъ А. А. Безбородко писалъ гр. А. Р. Воронцову, отъ 11-го октября 1795 года: „Дмитрій Прокофьевичъ (Трощинскій) очень занемогъ, однакожь поправляется. Болѣзнь его дала мѣсто Грибовскому входитъ со многими дѣлами и хотя по обычаю хвалятъ его общимъ израженіемъ, но частые вопросы о здоровѣ Дмитрія

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XII, 333.

²⁾ Записки Шишкова, I, 6, 7.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, XIII, 310.

⁴⁾ Русскій Архивъ, 1871, стр. 1524.

Прокофьевича доказываютъ, что сей новый его замѣнить не въ состояніи¹⁾).

Грибовскій — статсъ-секретарь императрицы, правая рука кн. Зубова; онъ, по словамъ Эмина, „первый фаворитъ перваго фаворита“. Прежде, его поступки могли быть объясняемы, если не оправдываемы, стремленіемъ составить карьеру, выбиться изъ „гнета бѣдности“, какъ писалъ Козодавлевъ; теперь онъ, по словамъ того-же Козодавлева, „достигъ счастья“ и вполне уже отвѣтственъ за свои дѣянія. Они весьма характерны и вполне оправдываютъ княгиню Данкову, „дышащую противъ него злобою“. Въ письмѣ гр. Ѳ. В. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 22 февраля 1796 года, встрѣчается такое указаніе: „Третьяго дня, извѣстный Коваленскій, бывший первый секретарь военной коллегіи, выгнанный изъ службы императрицы за воровство и грабежъ, назначенъ губернаторомъ въ Рязань, единственно благодаря тому, что его братъ, такой-же негодай, друженъ съ Грибовскимъ, правителемъ канцеляріи графа Платона Зубова“²⁾. За нѣсколько часовъ до смерти Екатерины, въ письмѣ отъ 5-го ноября 1796 г., сообщается новая черта къ біографіи Грибовскаго: „Вице-адмиралъ Мордвиновъ, командиръ черноморскаго флота, доведенный до крайности происками де-Рибаса, прислалъ формальную на него жалобу. Онъ жалуется и на извѣстнаго Грибовскаго, секретаря императрицы, который управляетъ канцелярією Зубова и старается вредить Мордвинову. Кажется, жалоба услышана, такъ какъ у Грибовскаго отняли уже завѣдываніе дѣлами черноморскаго флота“³⁾.

Съ 1792 г. по день кончины Екатерины II, Грибовскій получилъ: „чинъ полковника, орденъ св. Владиміра 3-й степени,

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XIII, 362.

²⁾ Архивъ кн. Воронцова, VIII, 133. Kovalinsky vient d'être nommé conseiller à Rязань. Это свѣдѣніе подтверждается въ Сборникѣ, LX, 412, гдѣ сказано, что Михаилъ Ивановичъ Коваленскій былъ при Екатеринѣ II „рязанскимъ намѣстникомъ“, позже, при Павлѣ I и Александрѣ I, до 1804 г. — кураторомъ московскаго университета. Между тѣмъ, по „Ежегоднику“ кн. Туркестанова губернаторомъ въ Рязани, съ 1794 г. по 1796 г., былъ И. О. Селифонтовъ. Вѣроятно, кн. Туркестановымъ не внесены перемѣны въ личномъ составѣ, происшедшія въ 1796 г.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, VIII, 153. Это обвиненіе Грибовскаго вполне подтверждается въ Запискахъ Шникова.

650 душъ въ Подольской губерніи ¹⁾, и въ прибавокъ въ жалованью 600 рублей серебромъ ежегодно; сверхъ сего имѣлъ квартиру и жилъ отъ придворной конторы“.

Черезъ два мѣсяца по смерти императрицы, 14-го января 1797 года, Грибовскій былъ высланъ изъ Петербурга. Онъ поселился въ своей подольской деревнѣ, изъ которой свободно ѣздилъ въ Одессу, Бѣлгородъ, Кіевъ. Въ апрѣлѣ 1798 г. онъ былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ и заточенъ въ крѣпость. Спустя годъ, прошелъ слухъ, будто Грибовскаго освободили ²⁾; слухъ не оправдался: Грибовскаго только переселили изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургскую, въ тотъ самый казематъ, въ которомъ былъ убитъ Иванъ Антоновичъ и въ которомъ до смерти Екатерины содержался Новиковъ. Грибовскій былъ освобожденъ только императоромъ Александромъ въ 1801 году: „освобожденъ и опять въ подольскую деревню съ курьеромъ отправленъ“. Отправка съ курьеромъ не означала, вѣроятно, воспрещенія выѣзжать изъ деревни; по крайней мѣрѣ, въ погодныхъ отмѣткахъ Грибовскаго записано: „Въ 1802 году, пріѣхалъ въ Вишневичинъ, польское мое имѣніе, и продалъ его, а въ 1803 году, въ февралѣ, пріѣхалъ въ Москву“.

Этими словами обрываются „Записки“ Грибовскаго. Онъ окончательно сходитъ со служебной сцены и послѣдующая его жизнь намъ совершенно неизвѣстна ³⁾. Онъ умеръ, какъ говорятъ ⁴⁾, въ 1833 году.

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XIII, 356.

²⁾ L'on me dit que Gribowski a été élargi avec ordre de vivre sur ses terres. Ce gueux a des terres, tandis qu'alors les Zouboff ont refusé d'obtenir du pain quotidien à des pauvres officiers qui avaient perdu bras ou jambes. Изъ письма кн. Дашковой гр. А. Р. Воронцову, отъ 30 марта 1799 г. Архивъ кн. Воронцова, V, 274.

³⁾ Упоминаемый въ письмѣ князя И. В. Васильчикова къ кн. П. М. Волконскому, отъ 3 декабря 1820 года, библиотекарь главнаго штаба гвардіи и начальникъ канцеляріи комитета о раненыхъ Грибовскій (Русск. Архивъ, 1875, II, 436), даже не родственникъ, а только однофамилецъ автора „Записокъ“. Тотъ-то библиотекарь былъ тайнымъ агентомъ, посланнымъ кн. Васильчикову, по поводу „семеновской исторіи“, три письма въ августѣ и сентябрѣ 1821 г., напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1875, III, 418—440). Если не ошибася, это былъ Михаилъ Кирилловичъ Грибовскій, авторъ изслѣдованія „О состояніи господскихъ крестьянъ въ Россіи“, составленнаго въ 1816 г., и переводчикъ книги Жюини: „Общія правила военнаго искусства“, изданной въ 1817 г. Позже, въ 1827—28 гг., онъ былъ начальникомъ Слободско-Украинской губерніи (Сборникъ. LX, 172).

⁴⁾ Записки Державина, изд. 1860, стр. 249. Источники свѣдѣнія не указаны.

Изъ собранныхъ нами, довольно скудныхъ, правда, біографическихкихъ свѣдѣній о А. М. Грибовскомъ видно, что на его глазахъ протекала государственная дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни сперва кн. Потемкина Таврическаго, потомъ императрицы Екатерины II. Если Грибовскій, дѣйствительно, отличается „наблюдательностью“, онъ повѣдаетъ намъ много интереснаго и о второй турецкой войнѣ, во время которой онъ находился въ военно-походной канцеляріи главнокомандующаго, и о послѣднихъ годахъ жизни Екатерины II, когда онъ былъ начальникомъ канцеляріи гр. Зубова и статсъ-секретаремъ императрицы. На недостатокъ матеріала для разсказа онъ жаловаться, во всякомъ случаѣ, не можетъ. Конечно, какъ человѣкъ не военный, Грибовскій, быть можетъ, не особенно интересовался журналомъ военныхъ дѣйствій, который онъ составлялъ; но, какъ человѣкъ умный и образованный, онъ хорошо понималъ свое положеніе, какъ правой руки любимца императрицы; онъ даже пользовался своимъ значеніемъ, раздавая губернаторскія мѣста, интригуя съ де-Рибасами противъ Мордвиновыхъ. Какъ составитель записокъ онъ былъ поставленъ въ завидное положеніе. До самой смерти Екатерины, Грибовскій оставался „при ея императорскомъ величествѣ у принятія прошеній, занимаясь и дѣлами, на князя Зубова возложенными“. Дѣятельность Грибовскаго была крайне разнообразна, интересна и вліятельна: въ его вѣдѣніи находятся дѣла польскія и персидскія, онъ устраиваетъ губерніи въ областяхъ, отъ Польши приобрѣтенныхъ, и въ герцогствѣ курляндскомъ, онъ заботится о переклейменіи мѣдной монеты, онъ составляетъ новые штаты запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ; въ его вѣдѣніи устройство Вознесенской губерніи и Одесскаго порта, водвореніе поселенцевъ въ южныхъ губерніяхъ и черноморскаго войска въ новопожалованныхъ ему областяхъ, не говоря уже о многихъ государственныхъ и частныхъ дѣлахъ, которыя возлагались императрицею на Зубова и исполнялись Грибовскимъ. Сверхъ того, по званію статсъ-секретаря, онъ трудился надъ составленіемъ новаго устава для сената, разсматривалъ представленія отъ синода, давалъ заключенія по дѣламъ, лично ему отъ императрицы поручаемымъ. Ему есть что повѣдать міру.

Что-же даютъ намъ „Записки“ Грибовскаго?

Въ бумагахъ Грибовскаго было найдено, послѣ его смерти,

нѣсколько написанныхъ его рукою листовъ съ небольшими замѣтками, касавшимися, по большей части, времени Екатерины II. Листы эти были не спиты, многіе даже не перенумерованы. Тутъ были и краткія погодныя отмѣтки, и наброски мыслей съ намеками на вызвавшія ихъ обстоятельства, и болѣе обстоятельныя записи, и, наконецъ, цѣльная, совершенно обдѣланная статья, даже съ заглавіемъ. По счастью, эти листки попали въ надежныя руки: профессоръ московскаго университета, дорожившій всякимъ историческимъ памятникомъ, М. П. Погодинъ тщательно пересмотрѣлъ рукопись, привелъ ее въ порядокъ и что признавалъ интереснымъ, издалъ въ „Москвитянинѣ“ за 1847 годъ, № 2-й, въ отдѣлѣ „Матеріаловъ историческихъ“. Въ то-же время появилось и отдѣльное изданіе, дословно перепечатанное изъ журнала, подъ заглавіемъ: „Записки о Екатеринѣ Великой состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаря и кавалера Адриана Моисеевича Грибовскаго. Съ присоединеніемъ отрывковъ изъ его жизни. Москва, 1847 г.“. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1864 г., появилось второе изданіе, „съ дополненіями“, т. е. съ присовокупленіемъ того, что М. П. Погодинъ отбросилъ, какъ, по его мнѣнію, излишнее. Въ этомъ второмъ изданіи, неизвѣстно кѣмъ сдѣланномъ, отдѣльныя части помѣщены въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились въ рукописи, въ листахъ неспитыхъ, т. е. совершенно случайно. Это второе изданіе даетъ возможность прослѣдить черновую работу автора и опредѣлить до извѣстной степени самый составъ оставшихся послѣ него бумагъ.

Поступивъ въ 1787 году въ военно-походную канцелярію кн. Потемкина, Грибовскій сталъ дѣлать погодныя отмѣтки о военныхъ событіяхъ, очень краткія и чисто формальныя. Это не болѣе какъ конспектъ того журнала военныхъ дѣйствій, который составлялся Грибовскимъ и на основаніи котораго главнокомандующій писалъ свои реляціи къ императрицѣ. Переселясь въ Петербургъ, Грибовскій продолжалъ отмѣчать важнѣйшія событія, такъ-же кратко, формально, одни голые факты, безъ сужденія о нихъ, безъ всякаго толкованія. Эти отмѣтки обнимаютъ время съ 1787 г. по 1803 годъ и названы авторомъ „Записки прежнихъ лѣтъ“. Нельзя думать, чтобъ Грибовскій предполагалъ составить впослѣдствіи свои записки по этимъ отмѣткамъ, до того они общи, кратки и лишены

всякаго даже намека на личные его впечатлѣнія; онѣ представляются не болѣе, какъ календарными отмѣтками.

На особыхъ листахъ Грибовскій записалъ рядъ замѣтокъ, относящихся ко времени состоянія его при императрицѣ. Замѣтки вписаны очень кратко, намеками, какъ-бы себѣ для памяти; въ нихъ нѣтъ ни одной даты. Это, по большей части, замѣтки о словахъ Екатерины, объ ея взглядахъ, распоряженіяхъ. Замѣтки начинаются словами: „Указъ о бытіи у принятія прошеній“ — указъ этотъ состоялся 11-го августа 1795 года; онѣ оканчиваются такъ: „Назначеніе Суворова во Францію съ арміею“, о чемъ, какъ извѣстно, сочинялся, въ половинѣ ноября 1796 г., проектъ рескрипта. „Записки прежнихъ лѣтъ“ писались постепенно, по годамъ и мѣсяцамъ; отмѣтки статсъ-секретаря сдѣланы сразу, нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Екатерины, составлены на память. Въ самомъ началѣ отмѣтокъ, упоминая объ арестѣ Новикова, Грибовскій прибавляетъ: „Новиковъ до кончины императрицы содержался въ Шлиссельбургѣ, въ томъ казематѣ, гдѣ и мнѣ судилъ Богъ быть“. Такимъ образомъ, замѣтки составлены послѣ освобожденія Грибовскаго, т. е. позже 1801 года. По этимъ-то краткимъ замѣткамъ, Грибовскій началъ составлять тѣ листы, которые Погодинъ озаглавилъ „Нѣкоторыя записки изъ жизни Екатерины Великой“. До какой степени при этомъ замѣтки распространялись—можно видѣть изъ слѣдующаго:

Въ самомъ началѣ замѣтокъ написано: „Указъ о бытіи у принятія прошеній. Представленіе для принесенія благодарности приватное. Слова ея при представленіи моемъ“. Изъ этихъ „замѣтокъ для памяти“ составленъ такой рассказъ: „Въ первый разъ имѣлъ я счастье услышать разговоръ императрицы, когда представился для принесенія ей благодарности за удостоеніе меня быть при ея величествѣ. Это было въ Таврическомъ дворцѣ, въ 10 часовъ утра. Государынѣ было угодно, чтобъ я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ она находилась, не чрезъ уборную, а чрезъ камеръ-юнгферскую комнату. Государыня сидѣла за большимъ письменнымъ столомъ, въ утреннемъ платьѣ. „Вы такъ много трудитесь“, сказала она, взглянувъ на меня своими голубыми глазами благосклонно, и вмѣстѣ съ тѣмъ подала мнѣ руку, которую я, вставъ на колѣни, поцѣловалъ. „Хорошо,

прибавила она, съ этого времени мы часто будемъ видѣться, а теперь подите съ Богомъ“. Послѣднія слова были почти обыкновенная ея рѣчь при разставаніи. Когда хотѣлъ я выйти прежнимъ путемъ, то она сказала: „Позовите сюда графа Алексѣя Григорьевича“, и взглянула на противоположную дверь, почему изъ кабинета вышелъ я въ уборную, гдѣ тогда давно находились уже въ собраніи всѣ бывшіе при собственныхъ ея величества дѣлахъ или имѣвшіе для доклада дѣла, или по другому случаю пріѣхавшія особы, какъ-то: гр. Безбородко, Поповъ, Троцинскій, Турчаниновъ, и между ними у камина стоялъ посѣдѣвшій чесменскій богатырь, со шрамомъ на щекѣ, въ военномъ отставномъ мундирѣ“.

Въ бумагахъ Грибовскаго оказались, сверхъ того, небольшой листокъ, который, по содержанію, Погодинъ озаглавилъ: „Мысли Екатерины Великой о французской революціи“, и довольно объемистая тетрадь, озаглавленная: „Изображеніе Екатерины II“. Это уже не самостоятельныя произведенія Грибовскаго, а переводы.

Извѣстенъ взглядъ Екатерины на французскую революцію. Въ своихъ письмахъ къ Густаву III и князю де-Линь, къ Сенакъ-де-Мельяну, Гримму, Штакельбергу и др., императрица постоянно высказывала, что въ судьбѣ французской королевской семьи заинтересованы всѣ коронованныя особы, такъ какъ революція угрожаетъ монархическому принципу всей Европы ¹⁾. „Мысли“, очевидно, переводъ изъ какого-либо письма Екатерины, еще неизданнаго.

„Изображеніе Екатерины II“ есть не болѣе, какъ переводъ „Portrait de Catherine le Grand“ князя де-Линь ²⁾. Ни въ одномъ изданіи „Записокъ“ Грибовскаго объ этомъ не упомянуто; въ изданіи-же 1864 г., на которое всѣ ссылаются, какъ на позднѣйшее, статьи размѣщены такъ, что невольно вводятъ читателя въ заблужденіе, чему не мало содѣйствуетъ и самъ Грибовскій. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, упомянувъ о томъ, что

¹⁾ Русская Старина, III, 615, 627; Сборникъ, XXIII, 551; XLII. 181. 202, 207, 208. 229 sq.

²⁾ Portrait de feu Sa Majesté Catherine II, impératrice de toutes les Russies. 1797.

„остроумный принцъ де-Линь начерталь бѣглою и смѣлою кистью краткое изображеніе свойства Екатерины“, Грибовскій, нѣсколько строкъ ниже, прибавляетъ: „вознамѣрился я описать нѣкоторыя событія, коихъ я самъ былъ очевидцемъ и которыя можно назвать дополненіемъ къ учиненному г. принцемъ де-Линь общему изображенію Екатерины Великой“. Мало того: такъ какъ кн. де-Линь ведетъ рассказъ отъ своего лица, то переводчикъ сперва тщательно измѣнялъ форму изложенія, ставя, напр., она говорила, вмѣсто elle m'a dit, принцъ де-Линь писалъ, вмѣсто je lui écrivis; но потомъ это забылось и въ концѣ встрѣчается, напр., такое извѣстіе: „Я имѣлъ случай видѣть неробкость духа императрицы: передъ взѣдомъ въ Бахчисарай, двѣнадцать лошадей слабыхъ не могли на скатѣ горы поддержать большой нашей шестимѣстной кареты, понесли насъ или, лучше, унесены были сами каретою и, казалось, что мы всѣ сломаемъ себѣ шею. Я тогда гораздо-бы имѣлъ болѣе страха, если-бы не хотѣлъ видѣть, испугалась-ли императрица: но она была также спокойна, какъ и на завтракѣ, за которымъ мы недавно сидѣли“. Кто-же это я? Конечно, не Грибовскій; во время таврическаго путешествія Екатерина не знала даже о его существованіи и онъ никогда не завтракалъ съ императрицею. Тѣмъ не менѣе, многіе признаютъ „Изображеніе“ за самостоятельный трудъ Грибовскаго ¹⁾), не подозрѣвая даже, что это переводъ.

Дословнымъ переводомъ это назвать нельзя, въ немъ кое-что исключено, кое-что прибавлено, какъ показываютъ первыя-же строки:

Portrait:

Catherine le Grand (j'espère que l'Europe confirmera ce nom que je lui ai donné), Catherine le Grand n'est plus. Ces deux mots sont affreux à prononcer. Je n'aurais pas pu hier les écrire; mais je tâcherai aujourd'hui de donner d'elle l'idée qu'on doit en avoir.

Изображеніе:

Екатерина Великая не существуетъ. Слова ужасныя! Вчера не могъ-бы я написать ихъ, но сегодня, въ свободнѣйшемъ духѣ, представлю то понятіе, какое имѣть о ней должно.

Иногда трудно указать, почему Грибовскій исключалъ то или другое извѣстіе изъ своего перевода, но всегда приходится пожалѣть объ этихъ исключеніяхъ, составляющихъ пятую часть французскаго текста.

¹⁾ „Всемирный Трудъ“, 1869, № 6, стр. 162—188.

„Остроумный принцъ“ замѣчаетъ: „Императрица очень была любима своимъ духовенствомъ, не смотря, что убавила у него богатства и власти“. Грибовскій переводитъ это замѣчаніе и выпускаетъ приводимое кн. де-Линь очень оригинальное доказательство этой любви: „Когда Пугачевъ, во главѣ своихъ разбойниковъ, рыскалъ по деревнямъ, врываясь съ обнаженною саблею въ сельскіе храмы Божіи, одинъ священникъ, взявъ Св. Дары, подошелъ къ Пугачеву и громко сказалъ ему: „Умножь свои преступленія, злодѣй, убей меня съ Тѣломъ Христовымъ въ рукахъ, отруби мою голову: я только что молился за нашу матушку-императрицу“.

Упомянувъ о томъ, что фавориты не имѣли „ни власти, ни кредита“, кн. де-Линь прибавляетъ, что тѣ изъ нихъ, которые „были приучены къ государственнымъ дѣламъ самою императрицею“, получали „право говорить правду и были выслушиваемы“. Все это переведено Грибовскимъ, но слѣдующій за этимъ примѣръ исключенъ: „Я видѣлъ, какъ графъ Мамоновъ пользовался этимъ правомъ; я слышалъ, какъ онъ противорѣчилъ императрицѣ, оспаривалъ ея мнѣнія, защищалъ свои взгляды, настаивалъ; я замѣчалъ, что императрица была этимъ очень довольна, восхищаясь его правдивостью, честностью, его стремленіемъ творить добро по мѣрѣ силъ“.

Князь де-Линь находитъ, что Марія-Терезія превосходила Екатерину II очаровательностію своего обхожденія, Грибовскій оставляетъ это замѣчаніе безъ перевода, быть можетъ, изъ патріотизма; но почему не переведенъ отзывъ Екатерины объ Іосифѣ II? Вотъ какъ онъ записанъ княземъ де-Линь: „Императрица увѣряла меня, что кромѣ удовольствія, которое Іосифъ II доставлялъ намъ своимъ присутствіемъ, она любитъ его особенно за нѣкоторое сходство съ Петромъ I: какъ и Петръ, Іосифъ дѣятеленъ, жаждетъ всему научиться и научить другихъ, и всецѣло преданъ своему государству. „У него умъ серьезный, говорила она, но въ то-же время пріятный; онъ вѣчно занятъ полезными предпріятіями и его голова постоянно работаетъ“.

Исключенія могутъ быть, конечно, объясняемы, если не оправдываемы, требованіями цензуры при изданіи рукописи Грибовскаго; но чѣмъ оправдать вставки? Кому и зачѣмъ могло понадобиться объясненіе, что Екатерина покупала рѣдкости

въ предметахъ изящныхъ наукъ и художествъ?" Къ любимымъ авторамъ Екатерины, къ Лесажу, Мольеру и Корнелю, Грибовскій присоединяетъ „Виланда“. Объ этомъ Виландъ Екатерина не упоминаетъ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ; въ позднѣйшемъ изданіи записокъ Грибовскаго его тоже нѣтъ.

Любопытно въ этомъ отношеніи сравненіе обоихъ изданій „Записокъ“ Грибовскаго, 1847 и 1864 годовъ. Оба изданія совершенно сходны только въ одномъ—въ преслѣдованіи слова фаворитъ. Французское выраженіе *les favoris* переведено такъ: „тѣ, которые во время ея отдохновенія или для раздѣленія ея трудовъ, удостоивались ея самой близкой довѣренности, и по чувствительности ея сердца жили въ ея дворцѣ“. Кромѣ этого сходства, необходимо отдать предпочтеніе изданію 1847 г., какъ болѣе близкому къ подлиннику¹⁾: въ 1847 г. выраженіе *despotisme* передано словомъ деспотизмъ, а въ 1864 г. деспотизмъ обратился въ деликатную повелительность; въ 1847 году Екатерина называется гордою (*fière*), а въ 1864 г. становится правдивою; въ 1847 г. дословно переведено: „Анна и Елизавета были-бы посредственные мужчины; но какъ женщины, царствованія ихъ было не безславно“, между тѣмъ все это исчезло въ изданіи 1864 г. Такихъ примѣровъ нѣсколько.

Вслѣдствіе произвольныхъ исключеній и вставокъ и невольныхъ измѣненій текста, объясняемыхъ цензурными требованіями, переводъ „*Portrait de Catherine II*“, сдѣланный Грибовскимъ, теряетъ всякую цѣну, и тѣмъ, кто желаетъ ознакомиться съ „Портретомъ Екатерины“, нарисованнымъ дѣйствительно „остроумнымъ принцемъ“, необходимо обратиться къ подлиннику.

Такимъ образомъ, въ бумагахъ Грибовскаго находятся, во-первыхъ, двѣ статьи, переведенныя съ французскаго, слѣдовательно, не составляющія произведеній Грибовскаго; во-вторыхъ, двѣ тетради замѣтокъ, изъ которыхъ позже составлялись записки, и, въ-третьихъ, собственно записки, еще Погодинымъ раздѣленныя на двѣ части—записки объ Екатеринѣ и записки

¹⁾ Къ сожалѣнію, изданіе 1847 года очень небрежно въ типографскомъ отношеніи. Въ немъ встрѣчаются невозможныя опечатки. Такъ, напримѣръ, французское выраженіе *une Gauloise du Nord*, переведенное Грибовскимъ „сѣверная Галла“, въ изданіи 1847 года передано: сѣверная голова.

о Грибовскомъ и другихъ лицахъ. Всѣ эти бумаги изданы Погодинымъ въ извѣстномъ порядкѣ, между тѣмъ, какъ въ изданіи 1864 года онѣ смѣшаны и перепутаны до крайности. Укажемъ порядокъ изданія 1847 г. съ обозначеніемъ соотвѣствующихъ страницъ позднѣйшаго изданія. Изданіе Погодина открывается краткимъ введеніемъ (55—56), затѣмъ идутъ: „Изображеніе Екатерины II“ (33—47), „Нѣкоторыя записки изъ жизни Екатерины II“ (48—53, 23—33), „Мысли Екатерины II о французской революціи“ (48), „Записки о службѣ статсъ-секретаря Грибовскаго и прочихъ лицъ“ (3—23, 56—72). Въ изданіи 1864 г., въ видѣ дополненія, помѣщены „Записки прежнихъ лѣтъ“ (72—94) и отмѣтки статсъ-секретаря (94—100).

Собственно „Записки“ Грибовскаго остались неоконченными. Онъ воспользовался лишь очень малою частью своихъ отмѣтокъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что сего „Записки“, доведенныя до конца, представили-бы значительный интересъ для исторіи послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія Екатерины. Судя по словамъ самого Грибовскаго, задуманный имъ планъ „Записокъ“ былъ весьма интересенъ и очень широкъ: „Много писано о Екатеринѣ Великой, но никто почти изъ писавшихъ о ней не былъ при ея особѣ, а многіе изъ нихъ никогда съ нею и не говорили. Всѣ они заимствовали свѣдѣнія о сей монархини изъ публичныхъ происшествій или изъ ея законовъ, уставовъ и другихъ сочиненій. Отъ сего она представлена въ сихъ описаніяхъ торжествующею побѣдительницею, премудрою законодавательницею, одаренною величайшимъ геніемъ и проч. Все сіе, конечно, справедливо; но изображеніе прекрасныхъ свойствъ ея души и сердца, отъ которыхъ проистекли всѣ великія ея дѣянія, увѣнчавшія ее неувядаемою славою, изображеніе которыхъ наиболѣе для человѣчества поучительно и для каждаго возжелѣнно, почти непримѣтно въ означенныхъ сочиненіяхъ... Чтобы узнать и понять приватный характеръ сей необыкновенной особы, надобно было видѣть ее каждый день съ 9-го часу утра, когда она, сидя въ своей спальнѣ, въ утреннемъ уборѣ, за выгнаннымъ маленькимъ столикомъ, занималась государственными дѣлами съ докладчиками, когда рѣчь шла о мѣрахъ безопасности и благосостоянія государства, о военныхъ дѣйствіяхъ во время войны, о пополненіи недостатка въ государственныхъ доходахъ,

о новыхъ рекрутскихъ наборахъ, объ исправленіи упущеній высшихъ или судебныхъ мѣстъ, или начальствующихъ лицъ— тогда и власть, и величіе императрицы чудно сливались съ чувствами человѣка, и во всей полнотѣ открывали самыя сокровенныя мысли и ощущенія души и сердца ея. Только въ сихъ случаяхъ можно было сдѣлать справедливое о характерѣ сей монархини заключеніе. Бывъ нѣсколько времени въ нѣкоторыхъ изъ сихъ засѣданій, по должности статсъ-секретаря, вознамѣрился я описать нѣкоторыя случившіяся при мнѣ событія, коихъ я самъ былъ очевидцемъ“.

Программа, поистинѣ, замѣчательная, и остается только пожалѣть, что исполненіе ея оказалось не по силамъ Грибовскаго. Въ своихъ „Запискахъ изъ жизни Екатерины II“, онъ, кромѣ двухъ-трехъ изреченій императрицы, дѣйствительно рисующихъ „свойства души и сердца“ ея, останавливается преимущественно на чисто внѣшней сторонѣ жизни: онъ описываетъ туалетъ императрицы, выслушиваніе ею докладовъ, ея обѣды, выходы, приемы. При этомъ бросаются въ глаза повторенія. Такъ, напри- мѣръ, дважды описано, какъ Суворовъ представлялся государынѣ:

стр. 35 (строка 52):

Фельдмаршалъ Суворовъ вошедши дѣлалъ три земныхъ поклона предъ образомъ; а потомъ, обратясь, дѣлалъ земной поклонъ Государынѣ, которая никакъ не могла его уговорить такъ низко не кланяться. „Помилуй, Александръ Васильевичъ, что ты дѣлаешь!“ говорила она, поднимая и усаживая его.— „Матушка! отвѣчалъ онъ: послѣ Бога ты одна моя надежда“.

стр. 45 (строка 28):

Фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рым-никскій, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земные поклона предъ образомъ Казанской Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, предъ которымъ лампада горѣла неугасимая; потомъ, обратясь къ Государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать, и говорила, поднимая его за руку: „Помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно это дѣлать!“ Но герой обожалъ ее и почиталъ священнымъ долгомъ изъяслять ей такимъ образомъ свое благоговѣніе.

Погодинъ обратилъ вниманіе на эти повторенія, но оставилъ ихъ, „тѣмъ болѣе, что при нихъ встрѣчаются обыкновенно новыя обстоятельства“. Иногда, однако, эти „новыя обстоятельства“ противорѣчатъ прежде сообщеннымъ фактамъ. Такъ,

въ одномъ мѣстѣ сказано, что вице-канцлеръ имѣлъ докладной день по четвергамъ, генераль-прокуроръ по воскресеньямъ; въ другомъ-же, вице-канцлеръ по субботамъ, генераль-прокуроръ по понедѣльникамъ и четвергамъ. Объяснить эти повторенія возможно только послѣ изученія самой рукописи.

Наконецъ, для правильной оцѣнки „Записокъ изъ жизни Екатерины II“ необходимо имѣть въ виду цензурныя искаженія текста, для возстановленія котораго необходимо пользоваться обоими изданіями. Нерѣдко то, что было уже напечатано въ 1847 г., въ журналѣ и въ отдѣльномъ изданіи, воспрещалось цензурою въ 1864 г., и наоборотъ. Такъ, напр., въ первомъ изданіи о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ говорится: „Прежде наслѣдникъ съ супругою часто у государыни кушали и въ вечернихъ собраніяхъ бывали; но въ послѣднія пять лѣтъ дѣлали это въ одни только чрезвычайныя торжества“ (стр. 50)... „Въ большія торжества находился тутъ-же и наслѣдникъ съ супругою и стоялъ въ далекомъ разстояніи, держа ее за руку и наблюдая молчаніе, и не прежде къ государынѣ приближался, какъ когда она сама къ нему подходила, чтобы сказать два слова, на которыя онъ отвѣчалъ съ глубокимъ почитаніемъ“ (стр. 52). Въ изданіи 1864 г. ничего этого нѣтъ, зато въ немъ есть Зубовъ, котораго нѣтъ въ первомъ изданіи. „Во время докладовъ, какъ скоро показывался графъ П. А. Зубовъ, то каждый изъ насъ немедленно въ уборную уходилъ; онъ приходилъ всегда съ заготовленными къ подписанію бумагами“ (стр. 28)... „Тѣ, кои съ нею кушали, были каждый разъ приглашаемы, исключая П. А. Зубова, который всегда безъ приглашенія съ государынею кушалъ“ (стр. 30). Только читая оба изданія, получается полный текстъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ мѣстъ, которыя были воспрещены цензурою и въ 1847 и въ 1864 годахъ; но были-ли такія мѣста можно опредѣлить только по сличеніи обоихъ изданій съ рукописью.

Такимъ-же характеромъ, чисто внѣшнимъ, формальнымъ, отличаются и „Записки, касающіяся до службы Грибовскаго и прочихъ лицъ“. Какъ всѣ составители записокъ, Грибовскій говоритъ о себѣ значительно болѣе, чѣмъ „о прочихъ лицахъ“, но все-же крайне мало, очень сухо и слишкомъ уже формулярно. Къ своему послужному списку онъ прибавилъ только сухой перечень

дѣлъ, производившихся въ управляемой имъ канцеляріи графа П. А. Зубова. Изъ этого перечня можно уже заключить, что мы имѣемъ право ожидать отъ него разъясненія многихъ сторонъ внутренней и внѣшней политики Россіи за послѣдніе годы царствованія Екатерины II; Грибовскій и въ этомъ отношеніи ограничился, однако, чисто канцелярскою стороною вопросовъ, не сообщивъ даже въ чемъ собственно состояло его личное участіе въ разрѣшеніи ихъ. Изъ „прочихъ лицъ“ Грибовскій хорошо зналъ кн. Потемкина и гр. Зубова, при которыхъ онъ служилъ и съ которыми находился въ частыхъ сношеніяхъ, особенно съ Зубовымъ. Между тѣмъ, въ своихъ „Запискахъ“ онъ говоритъ о графахъ Н. И. Салтыковѣ, И. А. Остерманѣ, А. А. Безбородко и А. И. Марковѣ, о статсъ-секретаряхъ В. С. Поповѣ и Д. П. Троицкомъ, даже о рагузинцѣ Алтести, но не обмолвился ни единымъ словомъ ни о Потемкинѣ, ни о Зубовѣ. Представленныя Грибовскимъ характеристики названныхъ семи лицъ составлены всѣ по одному шаблону: указаны года, измѣренъ ростъ, описано платье, приведенъ формулярный списокъ и все это непременно пересыпано злословіемъ о доходахъ, грѣшныхъ и безгрѣшныхъ, и о любовныхъ похожденияхъ, всегда безусловно грѣховныхъ. Нужно отдать справедливость Грибовскому: нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ подробностей весьма интересны, но всѣ онѣ живописуютъ только внѣшняго человѣка. Много вредитъ при этомъ Грибовскому и его злословіе. Конечно, упоминаемыя имъ „прочія лица“, какъ и онъ самъ, не были безсребренниками и въ своей домашней жизни не гонялись за монтионовскою премією; но у всѣхъ ихъ были заслуги, у нѣкоторыхъ и весьма значительныя. Грибовскій-же выставляетъ только недостатки, прибѣгая для этого нерѣдко къ сплетнямъ, но вовсе не упоминаетъ о достоинствахъ, какъ будто ихъ и не было. Кому интересно знать и какое значеніе могутъ имѣть такія, хотя-бы и достовѣрныя, извѣстія, что гр. Марковъ жилъ съ французскою актрисою Гюсъ, что Поповъ имѣлъ „много дѣтей отъ актрисы Каролины“, что Безбородко, кромѣ пѣвицы Дави, актрисы Свистуновой и танцовщицы Ленушки, любилъ бывать въ „вольныхъ домахъ у прелестницъ“ и тому подобныя гадости? Въ этомъ отношеніи мы не лучше дѣдовъ своихъ, но среди насъ не видно что-то Троицскихъ, Остермановъ, Безбородко, и не

намъ интересоваться скандальной хроникой ихъ жизни. Никто изъ современниковъ Грибовскаго не записалъ его „любвонныхъ похаждеиъ“, но въ ихъ запискахъ встрѣчаются указанія, позорящія его болѣе всякихъ Каролинъ и Ленушекъ. Въ запискѣ гр. Ростопчина о воцареніи Павла Петровича разсказывается: „Безбородко объяснилъ мнѣ, что уже восьмой день, какъ подписанъ указъ о пожалованіи Трощинскаго, но не отосланъ Грибовскимъ въ сенатъ. Я получилъ повелѣніе отослать въ сенатъ указъ. Грибовскій, въ видѣ челоуѣка, желающаго исчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ указъ, сказавъ, что не онъ виноватъ, а князь Зубовъ“¹⁾.

„Записки о службѣ Грибовскаго и прочихъ лицъ“ равнымъ образомъ значительно пострадали отъ помарокъ цензуры. Въ разсказѣ о второмъ раздѣлѣ Польши, цензура 1864 года воспретила перепечатать изъ изданія 1847 г. слѣдующее невинное извѣстіе: „Послѣ вышеозначеннаго раздѣла, въ слѣдующемъ году, а именно въ ночь на 6-е число апрѣля, поляки внезапно сдѣлали нападеніе на наши войска и въ то-же самое время мятежъ въ Вильнѣ и по всѣмъ областямъ польскимъ распространился“ (стр. 93). Цензура замѣнила поляковъ именами любовницъ, которыя были изгнаны изъ изданія 1847 года, за слѣдующимъ исключеніемъ:

изд. 1847 г.

„Мнѣ самому случалось сочинять отъ имени Попова французскія записки къ графинѣ Витъ (вышедшей послѣ за графа Потоцкаго), за которою онъ въ Яссахъ волочился“.

изд. 1864 г.

„Мнѣ самому случалось сочинять отъ имени Попова французскія записки къ одной графинѣ (вышедшей послѣ за одного графа), за которою онъ въ Яссахъ волочился“.

Изъ словъ Грибовскаго и изъ цензурныхъ помарокъ очевидно, что ни Грибовскій, ни цензура не знали за кѣмъ именно волочился Поповъ въ Яссахъ. Они не могли знать графини Виттъ, такъ какъ такой графини въ Яссахъ никогда не было. Здѣсь рѣчь идетъ о знаменитой своею красотою гречанкѣ, о которой въ свое время ходили чисто легендарные разсказы.

Французскій дипломатъ, по однимъ—чиновникъ посольства, по другимъ—„самъ посолъ“, встрѣтилъ въ Константинополѣ,

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, VIII, 166.

въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ, красивую дѣвочку, горько плакавшую. Пораженный красотою ребенка, французъ приласкалъ дѣвочку, привелъ въ посольскій домъ, гдѣ дѣвочка сказала, что она турецкая рабыня, гречанка Софія, что турки похитили ее съ о. Хиоса и продали въ гаремъ какого-то паши, откуда она бѣжала, такъ какъ старый паша мучилъ ее своими ласками. Въ домѣ французскаго посольства въ Константинополѣ дѣвочка воспитывалась, росла, стала дѣвицею, научилась говорить по-французски, была обращена въ католичество. Она поражала всѣхъ своею красотою. Ей шелъ уже 15-й годъ, когда французскій дипломатъ долженъ былъ отправиться, по дѣламъ службы, изъ Константинополя въ Петербургъ. Опасаясь преслѣдованій турецкаго паши, который давно уже искалъ свою рабыню, дипломатъ взялъ красавицу-гречанку съ собою. Онъ благополучно достигъ пограничной польской крѣпости Каменца-Подольска, гдѣ и остановился въ домѣ коменданта, по другимъ — бессарабскаго губернатора, генерала польской службы Витта. Теперь и польскій генераль, въ свою очередь, былъ пораженъ красотою гречанки Софіи и вскорѣ страстно влюбился въ нее. Чтобы вѣрнѣе обмануть бдительность своего гостя, комендантъ устроилъ въ честь его большую охоту и, въ моментъ отъѣзда охотниковъ, извинился, что не можетъ принять участія въ охотѣ, такъ какъ только что пріѣхалъ изъ Варшавы гонецъ съ важными бумагами, требующими немедленно отвѣта. Едва охотники удалились изъ глазъ, какъ ворота крѣпости были заперты и началось торжественное вѣнчаніе коменданта Витта съ гречанкою Софіею. Только поздно вечеромъ возвратились охотники. Ворота крѣпости были заперты. Выѣхавшій изъ крѣпости парламентаръ сообщилъ охотникамъ о совершившемся бракѣ. Французскій дипломатъ, нечего дѣлать, призналъ *fait accompli* и принялъ участіе въ свадебномъ пиршествѣ.

Въ подобныхъ разсказахъ *Dichtung und Wahrheit* такъ переплетены, что трудно сказать, гдѣ кончается истина и начинается вымыселъ. Въ данномъ разсказѣ несомнѣнно одно — поразительная красота Софіи Виттъ. Во время второй турецкой войны, князь де-Линь, этотъ испытанный знатокъ женской красоты, видѣлъ ее и такъ отзывался о ней въ письмѣ къ сыну:

„Главная квартира фельдмаршала Румянцева въ Польшѣ.

8-го іюня 1788 г.

„Если вы меня спросите, милѣйшій Карлуша, какъ я себя чувствую, я вамъ отвѣчу: все такъ-же. Я летаю отъ одной арміи къ другой, отъ одного фельдмаршала къ другому, чтобъ заставить ихъ дѣйствовать, но, очевидно, дьяволь одолѣлъ ихъ, несмотря на ихъ крестныя знаменія по русскому обычаю.

„Я рѣшилъ, наконецъ, покинуть Потемкина, этого насмѣшника, льстеца, моего обожателя, какъ онъ говоритъ, и прибылъ сюда, въ Каменецъ-Подольскъ. Ахъ, еслибъ у меня было еще сердце, какъ-бы я влюбился! Командирша, прелестная гречанка, извѣстная красавица, обожаемая всѣми, свезла меня, въ своей коляскѣ, подъ стѣны Хотина, гдѣ турки привѣтствовали насъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами, причемъ ядра передетали черезъ наши головы. Каюсь: я предпочелъ-бы произвести рекогносцировку и найти слабые мѣста для атаки моей сосѣдки, а не турецкой крѣпости ¹⁾.

„Я остановился въ ея домѣ, но, Богъ мой, живу среди адскаго шума. Всю ночь слышенъ шумъ цѣпей. Ужъ не привидѣнія-ли какія? Нѣтъ, это ея мужъ, комендантъ крѣпости, пользуется даровою прислугою изъ каторжниковъ въ кандалахъ. Какой контрастъ: рожи каторжниковъ и неземная красота, которой они служатъ изъ-подъ палки! Даже поварь — закованный въ цѣпи каторжникъ. Это экономно, но, поистинѣ, ужасно“.

Спустя два года, указомъ отъ 28-го февраля 1790 г., „польской службы генераль-поручикъ, бывший комендантъ въ Каменцѣ-Подольскомъ Виттъ“ принятъ въ русскую службу генераль-майоромъ; въ маѣ 1791 г. онъ былъ уже генераль-поручикъ русской службы ²⁾. За женою этого-то генераль-поручика, по официальнымъ бумагамъ Іосифа де-Витта, „волочилъ“ Поповъ въ Яссахъ, и такъ какъ Софія де-Виттъ не понимала порусски, а Поповъ не могъ писать пофранцузски, то Грибовскій и сочинялъ отъ его имени *billets-doux*.

¹⁾ Та-же мысль, но въ иной формѣ, высказана имъ въ письмѣ отъ 1-го іюня 1788 года: *Les janissaires ont eu la vue assez bonne pour trouver que madame de Witte était meilleure à enlever qu'un général autrichien. Lettres et pensées du prince de Ligne, Paris, 1809, p. 157.*

²⁾ Сборникъ, XLII, 60; Русск. Архивъ, 1874, II, 261.

Замѣчаніе, высказанное нами по поводу первой части „Записокъ“ Грибовскаго, относится въ полной мѣрѣ и ко второй: вслѣдствіе цензурныхъ искаженій необходимо пользоваться обоими изданіями 1847 и 1864 годовъ.

Конечно, „Записки о Екатеринѣ Великой“ Грибовскаго подлежатъ оцѣнкѣ сами по себѣ; нельзя судить о томъ, что Грибовскій могъ-бы рассказать, но чего, по какимъ-либо причинамъ, не рассказалъ. Это, однако, чрезвычайно важно для оцѣнки личности автора. Современникъ Грибовскаго, извѣстный А. М. Тургеневъ ¹⁾ сдѣлалъ свои отмѣтки на поляхъ перваго изданія записокъ. Тургеневъ былъ 24-хъ-лѣтнимъ вахмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, когда умерла Екатерина. По своему общественному положенію, онъ могъ многое слышать объ Екатеринѣ; его отмѣтки составлены не по личнымъ наблюденіямъ, но по рассказамъ другихъ лицъ; тѣмъ не менѣе, онѣ очень важны и, дополняя Грибовскаго, указываютъ намъ, что онъ могъ рассказать, на что онъ не обратилъ вниманія. Такъ, напр., Грибовскій пишетъ: „увѣряютъ, что смерть императрицы приключилась единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ“; Тургеневъ по этому поводу отмѣчаетъ: „Платонъ Зубовъ рекомендовалъ Екатеринѣ грека Ламбро-Качони ²⁾, который взялся вылечить ноги Екатерины отъ ранъ. Онъ предложилъ ей ставить ноги въ морскую воду утромъ и вечеромъ. Леченію этому лейбъ-медикъ Рожерсонъ противился и говорилъ о могущихъ быть для здоровья и самой жизни бѣдственныхъ слѣдствіяхъ. Екатерина не послушалась Рожерсона. Раны на ногахъ въ іюлѣ закрылись, а въ ноябрѣ Екатерина умерла отъ апоплексіи. А воду морскую привозили отъ Красной Горки, за Петергофомъ“. Грибовскій, статсъ-секретарь императрицы и, что въ данномъ случаѣ еще важнѣе, близкій человѣкъ къ Зубову, не могъ удовольствоваться своимъ „увѣряюгъ“, если онъ дѣйствительно былъ человѣкъ наблюдательный и понималъ свое значеніе, какъ составителя записокъ.

Надо, однако, быть справедливымъ и къ Грибовскому. Одна

¹⁾ Александръ Михайловичъ, 1772—1863, писатель, тобольскій и казанскій губернаторъ, директоръ медицинскаго департамента.

²⁾ Lambro-Casioni, знаменитый корсаръ, участвовавшій въ первой и второй турецкой войнѣ, майоръ русской службы.

изъ отмѣтокъ Тургенева можетъ подать поводъ къ незаслуженному обвиненію автора „Записокъ о Екатеринѣ Великой“. Вотъ въ чемъ дѣло:

Представляя характеристику гр. А. А. Безбородко, Грибовскій упоминаетъ, между прочимъ, что въ послѣднее время Безбородко былъ совсѣмъ не у дѣлъ, настолько, что съ 1792 года „не было почти никакой причины ему ко двору прѣзжать“. Это, однако, едва-ли справедливо. Въ письмѣ недружелюбно относившагося къ Безбородко графа П. В. Завадовскаго, отъ 29 апрѣля 1794 года, говорится: „При настоящихъ обстоятельствахъ графа А. А. (Безбородко) въ дѣла употребляютъ и сказали однава ему, что къ кому въ важныхъ нуждахъ прибѣгаютъ, тотъ не можетъ жаловаться, что къ нему нѣтъ возрѣнія“¹⁾. Какъ-бы ни было, Грибовскій, оканчивая характеристику Безбородко, повторяетъ: „такое же его бездѣйствіе продолжалось по самую кончину государыни“. Тургеневъ по этому поводу замѣчаетъ: „Здѣсь нельзя согласить того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хоть и не въ опалѣ, однако-жъ, внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное свое завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему“. По критическомъ разсмотрѣніи всѣхъ данныхъ, касающихся этого вопроса²⁾, мы должны обълить Грибовскаго, который не могъ говорить въ своихъ запискахъ о томъ, чего не было.

Нельзя, конечно, сравнивать „Дневникъ“ Храповицкаго съ „Записками“ Грибовскаго, но необходимо признать, что, судя по дневнику и по запискамъ, получается совершенно иное представленіе о Храповицкомъ и о Грибовскомъ. Получившій хорошее для своего времени образованіе, трудолюбивый, одаренный свѣтлымъ умомъ и литературнымъ талантомъ, А. В. Храповицкій стяжалъ похвалы Ломоносова, Сумарокова, Новикова,

¹⁾ Изъ напечатанныхъ источниковъ необходимо имѣть въ виду, между прочимъ: а) Записки Державина, изд. „Русской Бесѣды“, стр. 322; Соч. Державина, VI, 635, и замѣтку его на оду на восшествіе на престолъ Александра I, въ соч. Державина, II, 359; б) Записки Л. Н. Энгельгардта, Москва, 1867, стр. 195; в) Воспоминанія о дворѣ и временахъ Павла I, въ Русск. Архивѣ, 1869, стр. 1832—1889, и г) Преданія, сообщенныя П. И. Бартеневымъ голословно, въ Русск. Архивѣ, 1871, стр. 2072. Изъ рукописей — „Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ“, наиболее рѣшительно опровергающая печатные слухи и преданія.

²⁾ Архивъ кн. Воронцова, XII, 112.

отозвавшася о немъ: „острый человекъ; любитель словесныхъ наукъ“; его цѣнили всѣ, подъ начальствомъ кого ему довелось служить—гр. К. Г. Разумовскій, кн. А. А. Вяземскій, Екатерина II, готовая „руку свою дать на сожженіе, что Храповицкій не беретъ взятокъ“. Своимъ „дневникомъ“ Храповицкій дѣйствительно „вводитъ насъ въ самый внутренній образъ жизни Екатерины, въ ея кабинетъ, гдѣ видимъ, какъ она безъ короны и порфиры, въ ежедневной одеждѣ, понимаетъ дѣло управленія обширною имперією и какъ безустально предается разнороднымъ трудамъ для блага своего народа“¹⁾. Мы собрали нѣсколько данныхъ изъ жизни Грибовскаго: они начинаются доносомъ на партнеровъ карточной игры, которымъ Грибовскій думалъ извинить свое похищеніе казенныхъ денегъ, и оканчиваются доносомъ на кн. Зубова въ такую минуту, когда Грибовскій надѣялся, что оговоръ „последняго фаворита“ будетъ выгоденъ. Храповицкій, по смерти кн. Вяземскаго, рекомендовавшаго его императрицѣ, молится на его могилѣ; Грибовскій, при жизни Державина, спасшаго ему „жизнь и честь“, отворачивается отъ своего благодѣтеля. Храповицкаго всѣ любили; о Грибовскомъ никто не обмолвился добрымъ словомъ.

Грибовскій всѣмъ платитъ тѣмъ-же. У него, очевидно, не доставало ни ума, ни образованія, чтобъ воздать „коемуждо по дѣламъ его“, и его наблюдательность не простиралась далѣе платьевъ и экипажей. Его нельзя и сравнивать съ Бантыш-Каменскимъ, одновременно съ нимъ составлявшимъ свой „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“.

Отмѣтки изъ времени статсъ-секретарства Грибовскаго сдѣланы имъ, какъ мы говорили, лишь пять лѣтъ спустя по смерти Екатерины, послѣ 1801 года; только тридцать лѣтъ послѣ того Грибовскій началъ писать по этимъ отмѣткамъ свои записки. Въ небольшомъ введеніи Грибовскій говоритъ: „Бывшіе приближенные къ особѣ императрицы по дѣламъ государственнымъ, князь Потемкинъ, Зубовъ, графъ Безбородко и статсъ-секретари ея: Поповъ, Трощинскій и другіе имѣли, конечно, возможность узнать ее во всѣхъ отношеніяхъ, вѣрно и подробно, но оставили земное свое поприще, не оставя для публички

¹⁾ Отъезды издателя Н. П. Барсукова, Дневникъ Храповицкаго, 1874, стр. VIII.

никакихъ о великой благотворительницѣ ихъ записокъ“. Последнимъ изъ названныхъ лицъ умеръ Д. П. Трощинскій, въ 1829 году; слѣдовательно, Грибовскій составлялъ свои записки позже 1829 года. Ему въ то время было болѣе 60-ти лѣтъ и онъ, конечно, многое уже позабылъ. Только чисто внѣшніе факты, воспринимаемые внѣшнимъ чувствомъ, записаны имъ вполне вѣрно; что же касается рѣчей, которыя онъ влагаетъ въ уста Екатерины, онѣ вѣрны только по смыслу, въ нихъ заключающемуся. Ему не было надобности извращать, тѣмъ менѣе выдумывать; но онъ не могъ вспомнить точныя выраженія рѣчей, слышанныхъ 35 лѣтъ назадъ.

Наблюдательность Грибовскаго то-же чисто внѣшняя. Онъ не замѣчаетъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ и проходитъ мимо предметовъ, полныхъ указаній и намековъ, не понимая ихъ значенія. Около пяти лѣтъ находился онъ при князѣ Зубовѣ, видѣлъ его ежедневно, былъ свой человѣкъ въ покояхъ послѣдняго фаворита, и въ своихъ „Запискахъ“ отмѣтилъ только, что Зубовъ носилъ „шляфрокъ, обшитый собольими хвостами“ и „сидѣлъ въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, что было всегдашнею его привычкою“, и больше ничего. Адмиралъ Шишковъ былъ у П. А. Зубова лишь нѣсколько разъ, даже избѣгалъ бывать у него, и, тѣмъ не менѣе, оставилъ намъ слѣдующее описаніе помѣщенія кн. Зубова: „Онъ жилъ во дворцѣ. Въ покояхъ его достопримѣчательны были три комнаты, изъ которыхъ въ первой могъ быть всякъ, кто хотѣлъ; во вторую входили только знатныя особы и находившіеся при немъ главные чиновники. Третья комната составляла его кабинетъ или спальню, куда никто кромѣ самыхъ близкихъ къ нему людей не могъ входить. Изъ ней, по маленькой лѣстницѣ, былъ ходъ во внутренніе императрицыны покои“¹⁾.

Погодинъ былъ вполне правъ, назвавъ бумаги Грибовскаго „Записками о Екатеринѣ Великой“. Все, что сообщается въ нихъ объ Екатеринѣ, какъ она одѣвалась, какъ работала, принимала докладчиковъ, какъ обѣдала, словомъ, какъ проводила свой день, все это крайне интересно и, по большей части, совершенно вѣрно. Сама Екатерина подтвердила намъ слова

¹⁾ Записки Шишкова, I, 8.

Грибовскаго. Въ письмѣ отъ 6 ноября 1764 года, она писала извѣстной г-жѣ Жоффренъ: „Я встаю ровно въ 6 часовъ утра; читаю или пишу совершенно одна до 8-ми; потомъ приходятъ докладывать мнѣ дѣла; всѣ, кому нужно переговорить со мною, входятъ по очереди, одинъ вслѣдъ за другимъ. Это продолжается до 11-ти часовъ и долѣе; потомъ я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ я иду къ обѣднѣ; въ другіе-же дни выхожу въ пріемную, гдѣ обыкновенно дожидается меня много народа; поговоривъ полъ-часа или три четверти, я сажусь обѣдать; по выходѣ изъ-за стола является гадкій генераль ¹⁾ съ своими наставленіями; онъ беретъ за книгу, я—за работу. Чтеніе наше, если его не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до половины шестаго; потомъ я или отправляюсь въ театръ или играю, или болтаю съ кѣмъ-нибудь до ужина, который кончается ранѣе 11-ти часовъ, и я ложусь спать, а на другой день продѣлываю то-же самое, какъ по нотамаъ“. Ко временамъ Грибовскаго въ этихъ отмѣткахъ произошли лишь перемѣны, наложенныя 30-ю годами: Екатерина встаетъ уже не въ 6, а въ 7 и даже 8 часовъ; на мѣсто Бецкаго, уже сошедшаго со сцены, явились другія лица; болтовня по вечерамъ смѣнилась картами, ужины совсѣмъ прекратились; словомъ, произошли тѣ перемѣны, которыя такъ подробно описаны составителемъ записокъ Грибовскимъ и за которыя мы должны быть ему благодарны.

В. А. Вильбасовъ.

¹⁾ Le vilain général, т. е. И. И. Бецкій. Сборникъ, I, 261.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА-ЧЕРНОВА

1783—1866 гг.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVII, кн. сентябрь, стр. 657—666, напечатаны материалы къ биографіи Н. А. Дуровой, сообщенные Ѳ. Ѳ. Лашмановымъ. Имъ-же сообщенъ намъ фотографическій портретъ Н. А. Дуровой, въ замужествѣ Черновой, снятый съ нея за нѣсколько дней до ея смерти, въ городѣ Елабугѣ, Вятской губерніи. Портретъ весьма характеренъ и вполнѣ передаетъ выраженіе лица въ высокой степени своеобразной и крайне добродушной старушки, до послѣдняго часа своей жизни не мирившейся съ тѣмъ, что она женщина и потому не скидывавшей своего мужскаго костюма и именовавшейся постоянно штабсъ-ротмистромъ Александровымъ. Портретъ этотъ приложенъ къ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г. томъ LXXI, августъ, въ гравюрѣ, исполненной И. И. Матюшинымъ по фотографическому снимку.

Со словъ князя Н. Н. Голицына („Словарь русскихъ писательницъ“), мы приняли за годъ рожденія Надежды Андреевны—1790 г., по послужному списку шт.-ротм. Александра (1817 г.) (стр. 664 „Русск. Стар.“) ему или ей 24 года; наконецъ Е. С. Некрасова, ссылаясь на выписку изъ метрическихъ книгъ, утверждаетъ, что Н. А. Дурова родилась въ 1783 году ¹⁾.

Это показаніе, кажется, болѣе вѣрное.

Что касается до года смерти, то Ѳ. Ѳ. Лашмановъ, кажется, ошибочно показываетъ на 1863 годъ. Е. С. Некрасова въ томъ-же очеркѣ, на основаніи точной справки, говоритъ, что Надежда Андреевна скончалась въ г. Елабугѣ, 23 марта 1866 года.

Такъ и поправимъ: вмѣсто 1863 г. читай 1866 г.

Въ упомянутомъ-же сообщеніи о Н. А. Дуровой въ „Русской Старинѣ“ (1890 г., т. LXVII, сентябрь, стр. 663, примѣчаніе) типографская погрѣшность, которую, исправляя, надо читать такъ: гражданинъ г. Елабуги П. К. Ушковъ заказалъ скульптору П. П. Забѣлло бюстъ этой замѣчательной женщины для постановки его, т. е. бюста, на могилѣ знаменитой кавалеристъ-дѣвицы.

Ред.

¹⁾ „Ист. Вѣстн.“ 1890 г., „Биографія Н. А. Дуровой“, стр. 588.

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

У¹⁾.

Выѣздъ изъ Смоленска 15-го ноября 1812 г.—Красный.—Встрѣча съ полковникомъ и старшими офицерами 84-го линейнаго полка Италіанской арміи, отъ котораго остались только нѣсколько сотенъ людей. — Снятіе съ древка орла и знамени полксваго. — Сраженіе подъ Краснымъ. — 16-го ноября я раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Я пустился въ дорогу съ своимъ денщикомъ въ сильный морозъ и при нестерпимомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Во весь день только и видѣли, что самыя жалкія сцены: брошенные повозки, замерзшихъ лошадей, несчастныхъ пѣшеходовъ, опиравшихся на палку, съ продранною обувью или замѣнною тряпками. Не было сомнѣнія, что всѣ отставшіе раненые давно погибли отъ стужи и голода или подъ ударами казаковъ. Въ этомъ общемъ бѣдствіи чувство жалости и состраданія притупилось; равнодушіе замѣняло всякое обыкновенное и естественное въ человѣкѣ участіе. Люди равнялись звѣрямъ, готовымъ растерзать другъ друга, чтобъ утолить свой голодъ. Едва-ли, какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ войнахъ встрѣчались ужасы, подобные тѣмъ, которыми отмѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 450—475, т. LXXII, октябрь, стр. 39—60, декабрь, стр. 565—586. Названіе посленій сохраняемъ тѣ-же, какъ ихъ пишетъ авторъ.

чено наше отступление изъ Москвы. Я могу упомянуть только о томъ, что видѣлъ собственными глазами. Особенно поражали меня толпы невоенныхъ людей съ женами и дѣтьми, тащившихся по глубокому снѣгу. Кто были эти люди? Вѣроятно, французы, жившіе постоянно въ Москвѣ, но бѣжавшіе поневолѣ, отъ страха быть убитыми. Слѣдуя за французскою арміею, они попали изъ огня да въ полымя ¹⁾.

Вечеру я съ денщикомъ своимъ пріѣхалъ въ выгорѣвшую деревню. Прискали уголокъ въ развалинахъ, развели огонь и стали стряпать кушанье. У денщика моего было взято съ собою хлѣба, муки и сальные свѣчи, добытыя въ Смоленскѣ. Изъ этой муки денщикъ состряпалъ какую-то кашу, въ которой распустилъ сальную свѣчку намѣсто масла. Мы съѣли эту спартанскую похлебку, не поморщась, и, несмотря на холодъ, заснули около огня, защищеннаго отъ вѣтра заборомъ.

16-го ноября, денщикъ мой приготовилъ такую-же похлебку, что наканунѣ. Потомъ онъ пошелъ къ рѣкѣ напоить лошадей, взявъ съ собою топоръ, которымъ необходимо было пробить ледъ. Безъ этого орудія невозможно-бы достать воды. Выпивъ остатокъ водки, отправились далѣе. Мы повстрѣчались съ полками, которыхъ видъ не представлялъ ничего воинственнаго. Солдаты и офицеры большею частію были закутаны въ байковыя одѣяла, взятыя изъ лазаретныхъ фургоновъ. По дорогѣ все тѣ-же печальныя сцены. Нельзя забыть нѣкоторые изъ нихъ.

Вотъ трое дѣтей: старшему лѣтъ пятнадцать, онъ несетъ на рукахъ трехлѣтнюю сестру, мальчикъ восьми лѣтъ идетъ за нимъ. При нихъ ни родителей, никого. Мать и отецъ, навѣрное, ужъ не существуютъ. Никто не позаботится помочь дѣтямъ; да и имѣлъ-ли кто на это возможность! Я даже опасался взглянуть на нихъ, потому что не въ состояніи былъ имъ помочь. Не забуду также красиваго молодого офицера, въ чистенькомъ мундирѣ, но безъ шинели. Раненый въ ногу, онъ несъ ее на перевязи, опираясь на костыли, и съ трудомъ подвигаясь по снѣгу. Со слезами на глазахъ умолялъ онъ о помощи и мѣстечкѣ въ проѣзжавшихъ саняхъ. Но ему не отвѣчали. Сколько такихъ раненыхъ погибло въ снѣгу въ мучительной смерти!

Вскорѣ я увидалъ впереди на большой дорогѣ нѣсколько

¹⁾ Эти несчастные погибли на берегу рѣки Березины, навъ или отъ ледеръ, или отъ голода и стужи, потому что въ роковую ночь не позволено было разводить огонь.

остановившихся колоннъ войска. Я узналъ, что это были полки 4-го корпуса, которыми командовалъ принцъ Евгеній. Ихъ ставили влѣво въ боевомъ порядкѣ, такъ какъ непріятель собирался насъ атаковать, чтобы отрѣзать намъ путь къ Березинѣ. Я объѣхалъ полки и прибылъ въ Красный. Этотъ городъ не горѣлъ, и лишь только мы въѣхали въ него, какъ за нами послышались пушечные выстрѣлы. Городъ былъ уже переполненъ войсками. Я направился на край города отыскивать себѣ квартиру, и нашелъ ее въ уединенной избѣ. Въ ней были двѣ комнаты, съ печкою въ одной изъ нихъ, тутъ-же въ углу стояла ручная мельница. Денщикъ мой, убравъ лошадей въ конюшню, затопилъ печь, потомъ пустился шарить по избѣ, и, найдя гдѣ-то пшеницы, принялся молотъ ее. Я помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ, что случилось въ первый разъ въ моей жизни. Покуда мы по-очереди вертѣли мельницу, вошли къ намъ два солдата 84-го линейнаго полка, въ которомъ я служилъ въ Италіи. Они намъ рассказали, что полкъ ихъ дрался въ теченіе всего дня, что онъ потерялъ много солдатъ и офицеровъ и что остальная часть его идетъ на Красный. Эти солдаты помогли намъ въ нашей работѣ, выпросивъ за то долю хлѣба, который спеченъ изъ намолотой муки. За печенье этого хлѣба принялся мой денщикъ, не хуже булочника. Спустя нѣсколько часовъ, когда хлѣбъ спекся и вынуть былъ изъ печи, вдругъ на улицѣ появились войска, и вслѣдъ затѣмъ въ избу нашу вошли три сапѣра и объявили мнѣ, что квартира эта назначена полковнику 84-го полка и его штабу. Когда я имъ сказалъ, что я принадлежалъ прежде къ ихъ полку, они меня узнали и увѣрили, что, конечно, полковникъ не выпуститъ меня изъ этой квартиры. Затѣмъ вошли три офицера: изъ нихъ одинъ былъ полковникъ, который извинился передо мною, что принужденъ занять мою квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ уступилъ мнѣ часть ея. Прибывшій вслѣдъ за нимъ докторъ Трастуръ, мой прежній начальникъ, отрекомендовалъ меня этому новому обществу. Выставленные только что испеченные хлѣбы обратили на себя вниманіе офицеровъ. Я успѣшилъ предложить имъ нѣсколько, отъ чего они не отказались, такъ какъ хлѣбъ становился рѣдкостью. Гренадеры внесли въ комнату полковое знамя съ орломъ, на которомъ значился девизъ: 1 противъ 10, данный полку послѣ славнаго похода 1809 г. Я еще былъ свидѣтелемъ, когда девизъ этотъ отдѣлывали въ Герцѣ, въ Штиринѣ.

Одинъ изъ капитановъ полка былъ раненъ въ ногу въ бывшемъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ дѣлѣ. Онъ едва могъ ходить, и случай этотъ огорчалъ офицеровъ. Докторъ Трастуръ сообщилъ

мнѣ, что 84-й полкъ потерялъ въ этотъ день почтивсѣхъ своихъ людей. Онъ назвалъ мнѣ имена многихъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ, павшихъ на полѣ битвы. Армія въ 25.000 человекъ, подъ командою принца Евгенія съ товарищами, маршалами Даву и Неемъ, была атакована непріателемъ втрое ея сильнѣе; потеряно множество орудій, и три четверти кавалеріи погибли; тѣмъ не менѣе, наши дрались съ успѣхомъ и генералы выказали столько неустрашимости и военнаго искусства, что количественное превосходство непріателя не послужило ему въ пользу.

Погода внезапно смягчилась и наступила оттепель. Солдаты развели на дворѣ дома огонь и готовили ужинъ для полковника и офицеровъ. Кушанье было не важное, отварной рисъ, который мы и поѣли изъ общаго блюда, по-солдатски.

Послѣ обѣда, поразсказавъ многія подробности послѣдняго дѣла и назвавъ многихъ убитыхъ, полковникъ сказалъ, что при такомъ маломъ числѣ оставшихся отъ полка невозможно держать полковое знамя развернутымъ. Поэтому онъ послалъ звать къ себѣ старшихъ офицеровъ на военный совѣтъ. Они пришли въ числѣ восьми человекъ. Я хотѣлъ было удалиться, но полковникъ оставилъ меня въ качествѣ бывшего офицера полка. Когда кромѣ насъ никто не остался въ комнатѣ, а къ дверямъ поставленъ былъ часовой, полковникъ всталъ и объявилъ, что намѣреніе его — спасти знамя отъ опасности попасть въ руки непріателя; потомъ онъ началъ говорить такъ:

— „Храбрые мои товарищи! Я созвалъ васъ сюда для совѣта. Съ тѣхъ поръ, что я имѣю честь вами командовать, вы постоянно поддерживали славу нашего полка. Изъ сердца Италіи я привелъ васъ въ Россійскую имперію. Отъ самаго города Бергама вы совершали исполинскіе походы, переносили небывалые труды, терпѣливо, не жалуясь, не ропща. Я только удивлялся вамъ. Нашъ славный орелъ сопровождалъ насъ, и подъ сѣнью его крыльевъ вы одерживали побѣды. Когда предшественникъ мой, графъ Гамбэнъ, вами командовалъ, императоръ, въ благодарность за Ваграмское дѣло, далъ вамъ девизъ, начертанный золотыми буквами на вашихъ знаменахъ: „1 противъ 10“. Вы оправдали этотъ девизъ во всѣхъ битвахъ съ русскими, начиная отъ береговъ Нѣмана, и не въ одномъ полку не было такой убыли людей, какъ въ нашемъ. Вчера и сегодня насъ поразили роковые удары, но слава осталась за нами. Кровь ваша лилась рѣкою, много вашихъ пало, все-же мы отразили непріателя. Теперь, что остается намъ дѣлать съ уцѣлѣвшею горстью людей? Прежде всего, надо позаботиться о сохраненіи император-

скаго орла съ его славнымъ девизомъ. Ему уже нельзя развѣваться надъ нашими головами; я предлагаю вамъ, мои товарищи, снять орель съ древка и спрятать въ солдатскій ранецъ, который я надѣну на себя; также и знамя снимемъ и я накрою имъ грудь свою. Тогда вы будете постоянно меня окружать, зная, что и ношу на себѣ славу полка, и если меня убьютъ, вы тогда только меня покинете, когда возьмете у меня этотъ императорскій трофей. Я спрашиваю вашего согласія на это потому, что не считаю себя вправѣ одинъ рѣшить это дѣло. Вы получили знамя и девизъ безъ меня, заслуживъ его собственнымъ мужествомъ; слѣдовательно, оно всолиѣ принадлежитъ вамъ“.

На это всѣ офицеры отвѣчали: „Мы доврѣемъ вамъ знамя полковникъ; вы также храбры, какъ былъ мужественъ графъ Гамбэнъ, который сохранилъ всѣ баталіонныя знамена ¹⁾ и мы будемъ вашими тѣлохранителями во всѣхъ опасностяхъ“.

Затѣмъ стали отвинчивать орель, отвязали знамя, а древко бросили въ огонь въ топившуюся печь. Многіе изъ офицеровъ исполняли это со слезами на глазахъ. Одинъ офицеръ нарвалъ ельнику на дорогѣ и, принеся его, сказалъ: „Нашему орлу приличіе было-бы покоиться на лаврахъ, но какъ здѣшній край не производитъ ихъ, то мы завернемъ его хотя въ вѣтви вѣчнозеленаго дерева“. Сдѣлавъ это, положили орель въ ранецъ; полковникъ примѣрилъ ранецъ на себѣ; потомъ, сложивъ знамя, покрылъ имъ грудь. Съ этимъ сокровищемъ на сердцѣ, полковникъ обошелъ офицеровъ и обнялъ cadaго. Офицеры ушли; затѣмъ всѣ улеглись спать по лавкамъ, устроеннымъ вдоль стѣнъ горницы. Только раненый капитанъ не могъ уснуть, и стоны его по нѣсколько разъ будили насъ ²⁾.

17-го ноября въ воздухѣ носился туманъ и была сильная оттепель. Когда мы встали, полковникъ приказалъ сварить кофе; мы пили его съ ромомъ. На ту пору пришли намъ сказать, что слышны пушечные выстрѣлы. Полковникъ велѣлъ тотчасъ-же готовиться къ отъѣзду. Полкъ ушелъ и я одинъ остался въ квартирѣ, не

¹⁾ Передъ походомъ, въ полку каждый баталіонъ имѣлъ по одному знамени, но потомъ велѣно оставить одно на весь полкъ, такъ какъ большее число знаменъ требовало лишннихъ солдатъ для ихъ охраны.

Авторъ.

²⁾ Миѣ говорили, будто на могилѣ Кутузова въ одной изъ петербургскихъ церквей выставлены французскіе орлы и на одномъ изъ нихъ девизъ: „1 противъ 10“.—Это требуетъ подтвержденія.

Позднѣйшее примѣчаніе автора.

зная, ѣхать-ли изъ Краснаго или выждать свой полкъ. Я вышелъ на улицу и прислушивался къ пальбѣ, а между тѣмъ послалъ денщика верхомъ узнать, что происходитъ въ городѣ. Онъ скоро возвратился съ извѣстіемъ, что 1-й гренадерскій полкъ только-что вступилъ въ городъ и направляется въ нашу сторону. Нѣсколько минутъ спустя, подошелъ полкъ, но безъ музыки и барабана, такъ какъ запрещено было во время отступленія давать знать о себѣ такимъ образомъ. Я поспѣшилъ на встрѣчу полковнику, который очень радъ былъ видѣть меня при полку; я повелъ его въ мою квартиру. Солдатамъ велѣно было размѣститься по домамъ, но быть наготовѣ выступить при первой тревогѣ. Къ вечеру пальба стихла. Когда настали сумерки, солдаты, за неимѣніемъ свѣчей, зажгли лучины, которыя горѣли всю ночь. Мы легли спать, не раздѣваясь, въ ожиданіи тревоги.

18-го ноября встали задолго до разсвѣта, раздѣлили между собою испеченный наканунѣ хлѣбъ, и отправились. Туманъ и темнота не позволяли различать предметы; встрѣчаясь съ другими полками, мы натыкались другъ на друга. Когда разсвѣло, туманъ стоялъ такой густой, что не видать было въ четырехъ шагахъ отъ себя; это очень затрудняло выходъ изъ города по извилистымъ улицамъ. Однако выбрались. На большой дорогѣ снова встрѣтились толпы, которыя встрѣчались въ прошлые дни, повторялись тѣ-же сцены страданій и людей, и лошадей. Влѣво отъ насъ слышалась пальба. Полковникъ приказалъ мнѣ идти по лѣвой сторонѣ полка, съ лазаретными фургонами и нѣсколькими телѣгами, въ которыхъ везли гренадеръ, отморожившихъ себѣ ноги. Ихъ провожали походные носильщики. Мы подвигались медленно, пальба какъ-будто приближалась къ намъ. Вдругъ слышу позади себя, кто-то скачетъ верхомъ. Оглядываюсь и узнаю адъютанта. Онъ тотчасъ-же обращается ко мнѣ, говоря, что искалъ меня и просить тотчасъ-же ѣхать назадъ на помощь брату генерала Бертезена, которому ядро разбило ногу. Я отвѣчалъ, что не могу оставить полка безъ согласія начальника. Адъютантъ тотчасъ-же поспѣшилъ къ полковнику, который самъ прискакалъ сказать мнѣ, чтобы я, не мѣшая, слѣдовалъ за офицеромъ, взявъ съ собою одинъ рессорный фургонъ. Я такъ и сдѣлалъ; взялъ съ собою двухъ походныхъ носильщиковъ, а своему денщику приказалъ слѣдовать за полкомъ, такъ какъ отсутствіе мое не могло продлиться. Адъютантъ, пріѣхавшій за мною, торопясь къ генералу, отправился впередъ. По его указанію, я долженъ былъ на четвертой верстѣ взять вправо по боковой дорогѣ, по которой я и прибылъ-бы къ капитану Бертезену.

Дѣйствительно, на указанномъ разстояніи я увидаль по правой рукѣ проселочную дорогу, но попасть на нее нельзя было иначе, какъ, черезъ глубокой ровъ, полный воды. Самъ я перескочилъ черезъ него на лошади, а фургонщику велѣлъ проѣхать дальше, поискать болѣе удобнаго перехода, а тамъ догнать меня. Вдали слышались пальба и ружейная перестрѣлка. Проѣхавъ нѣсколько впередъ, въ густомъ туманѣ, я разглядѣлъ сквозь его нѣсколько людей верхомъ, ѣхавшихъ мнѣ на встрѣчу. Предполагая, что это наши, я направился къ нимъ. Каково-же было мое удивленіе, когда я услышалъ разговоръ на незнакомомъ для меня языкѣ. Я тотчасъ-же вынулъ саблю и собирался повернуться назадъ, какъ четыре русскіе драгуна меня окружили. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета. Видя, что мнѣ не отбиться одному отъ четырехъ, я подаль свою саблю, которую одинъ изъ нихъ и взялъ, тогда какъ прочіе собирались меня изрубить, онъ-же не допустилъ ихъ до этого, взялъ мою лошадь за поводъ и повелъ меня къ генералу, находившемуся по близости въ рощѣ около огня съ нѣсколькими офицерами. Я слѣзъ съ лошади и представился генералу. Онъ заговорилъ со мною по-французски, а офицеры окружили меня. Узнавъ, кто я такой и какая моя служба, онъ сказалъ: „вы можете быть намъ полезны, такъ какъ нашъ полковой лекаръ убитъ“.

Генераль разспрашивалъ меня о многомъ, на что я не умѣлъ отвѣтить, между прочимъ, о принцѣ Евгеніи; но, какъ я постоянно находился впереди его корпуса, служившаго аррьергардомъ при нашемъ отступленіи, то я и не зналъ о немъ ничего. Генераль приказалъ подвести ко мнѣ одного изъ раненыхъ офицеровъ, прося меня перевязать его. Это былъ красивый молодой человекъ, хорошо говорившій по-французски. Пуля пробила ему два пальца на рукѣ; я объявилъ, что ихъ надобно отнять, на что офицеръ съ трудомъ согласился. Инструменты были со мною, такъ что я могъ немедленно сдѣлать операцію. Офицеры удивились быстротѣ, съ какою я ее исполнилъ, и нашли, что ихъ прежній операторъ не такъ былъ ловокъ. Только-что я перевязалъ руку офицеру, какъ замѣтилъ, что лѣвая моя рука полна крови. Сначала я принялъ ее за слѣды крови отъ раны офицера, но, взглянувъ пристальнѣе, нашелъ, что я самъ былъ раненъ. Странно только, что я раньше не почувствовалъ боли. Отойдя въ сторону, я перевязалъ свою рану съ помощью солдата, потомъ вернулся къ генералу. Это былъ честный воинъ, понимавшій, что непріятель только тотъ, кто вооруженъ, и потому обходился со мною ласково, также какъ и офицеры. Онъ

разговорился со мною о Наполеонѣ, порицая его за войну съ Россіею. Нѣкоторыя разсужденія его были справедливы, но съ другими я не соглашался, и потому молчалъ. Пальба прекратилась. Я заключилъ, что нашъ арріергардъ, отбросивъ русскихъ, продолжалъ свой путь. Я видѣлъ, какъ нѣсколько русскихъ кавалерійскихъ полковъ удалялись по направленію къ ближайшей деревнѣ. Генераль отправился туда, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, приказавъ и мнѣ слѣдовать за нимъ. Онъ вошелъ въ домъ и изъ одной изъ комнатъ вышла молодая дама, его жена, и отъ радости, что видитъ его здоровымъ и невредимымъ, бросилась обнимать его. Вскорѣ подали довольно порядочный обѣдъ. Жена генерала, казалось, заинтересовалась мною. Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, она поднесла мнѣ водки. Такъ какъ она не говорила по французски, то я только поклонами могъ выразить ей мою признательность. За столомъ подавали отличное сладкое вино. Генераль указалъ мнѣ квартиру въ избѣ съ четырьмя офицерами. Эти господа оказывали мнѣ гостепріимство, но я не могъ съ ними бесѣдовать, такъ какъ они говорили только по-русски.

19-го ноября, вставъ отъ сна, офицеры велѣли подать самоваръ и заварили чай, котораго каждый изъ насъ выпилъ нѣсколько стакановъ по обычаю страны. Вскорѣ потомъ меня позвали къ генералу. У дверей его стояли на часахъ два казака, а въ комнатѣ я встрѣтился съ четырьмя плѣнными офицерами французами, которыхъ привелъ казацкій офицеръ не изъ регулярнаго полка, Генераль приказалъ всѣмъ намъ подать водки и хлѣба, потомъ объявилъ, что, по приказанію высшаго начальства, какъ тѣ офицеры, такъ и я должны его оставить, о чемъ онъ очень сожалѣеть, но онъ прикажетъ офицеру, который насъ будетъ провожать, обращаться съ нами челоувѣколюбиво и велитъ посадить насъ въ сани. Потомъ онъ обратился къ офицеру и что-то строго ему наказывалъ. Можетъ быть, этому генералу мы обязаны были жизнью. Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, съ которымъ генераль особенно долго говорилъ, состоялъ при особѣ маршала Нея, какъ я узналъ послѣ.

VI.

Страданія французскихъ плѣнныхъ, ихъ умерщвленіе казаками.—Монастерици.—Мстиславль.—Миславици.—Рославль.—Рудня.—Руханъ.—Свардь.—Мгливъ. Трупы плѣнныхъ, объѣденные волками и собаками.—Квартира въ деревнѣ близъ Мглина въ крестьянской семьѣ.—Эпидемія среди плѣнныхъ и казаковъ (т. е. ратниковъ народнаго ополченія).

Мы оставили генерала въ сопровожденіи нерегулярныхъ казаковъ ¹⁾, одѣтыхъ покрестьянски и вооруженныхъ пикою и кожанюю плетью, называемою кнутомъ. Офицеровъ рассадили въ сани. Пройдя нѣсколько верстъ, пришли къ деревнѣ, и глазамъ нашимъ представилось жалостное зрѣлище толпы плѣнныхъ французскихъ солдатъ, которыхъ окружали до тридцати казаковъ (ополченцевъ ²⁾, занимаясь перечисленіемъ ихъ. Плѣнныхъ было слишкомъ триста человекъ всякихъ полковъ и всякаго оружія. Все это было измучено, истощено; многіе едва держались на ногахъ, другіе опирались на костыли. Имъ раздали немного сухарей изъ грубаго ржанаго хлѣба. Казаки тормошили ихъ безжалостно и по временамъ били ихъ кнутомъ безъ всякой причины. Начальникъ казацкій былъ человекъ необразованный, съ грубыми замашками. Когда генераль давалъ ему приказанія, онъ стоялъ передъ нимъ во фронтъ, какъ низшаго званія служащій. Поэтому я заключаю, что онъ очень немного значилъ. Въ первый день онъ помѣстилъ съ собою въ избѣ четырехъ офицеровъ, и меня въ томъ числѣ, приказалъ сварить супъ изъ картофеля и обѣдалъ съ нами. Мы могли объясняться только знаками, и если онъ оказывалъ намъ нѣкоторое уваженіе, то, очевидно, по приказанію генерала.

Товарищи моего плѣна оказались: молодой полковой лекаръ Бископъ, маіоръ Ландрэнъ, кирасирскій ротмистръ Баратье и подполковникъ Бретонъ, бывшій адъютантъ маршала Нея. Бретонъ былъ самый старшій изъ насъ и лѣтами, и чиномъ. Видя наше уныніе, онъ старался ободрять насъ, и собственнымъ примѣромъ поддерживалъ въ насъ мужественный взглядъ на судьбу нашу. Ко мнѣ полковникъ обнаруживалъ особенную симпатію. Увидавъ мою рану, которая теперь только стала чувствительна, онъ предложилъ мнѣ перевязывать ее самъ каждый день. Впоследствии мы стали друзьями и я нашелъ въ немъ благороднаго чело-

¹⁾ Безъ сомнѣнія, это были ратники народнаго ополченія.

²⁾ Авторъ вездѣ ихъ далѣе называетъ ошибочно казаками.

вѣка и отличнаго офицера. Прочіе офицеры не отличались ни такими достоинствами, ни такимъ воспитаніемъ. Кирасирь былъ порядочный музыкантъ на флейтраверсѣ; инструментъ свой онъ сохранилъ при себѣ, и, благодаря ему, мы забывали на нѣсколько минутъ свое положеніе. Разыгрываемыя кирасиромъ патріотическія нѣсни полюбились и нашему казаку. Отъ нечего дѣлать Бретонъ придумалъ вырѣзать шахматы и начертить на столахъ шахматныя доски. Мы играли и отгоняли тѣмъ скуку.

25-го ноября, вечеромъ, когда мы собирались лечь спать, вышло приказаніе отправиться въ путь. Эта ночная поѣздка удивила насъ. Подѣхали сани и мы усѣлись. Прочіе плѣнные были собраны въ колонны и казаки погоняли ихъ словами: „ступай, ступай! пошелъ!“ и хлестали кнутомъ отстававшихъ. Намъ пришлось переѣзжать нѣсколько узкихъ плотинъ, по которымъ плѣннымъ людямъ трудно было пробираться между лошадей черезъ бревна, положенныя поперегъ. На каждомъ шагу несчастные спотыкались и падали. Слѣдовавшіе за ними, понукаемые казаками, давили упавшихъ. Казаки, выждавъ время, когда колонна пройдетъ, слѣзали съ лошадей, срывали съ несчастныхъ одежду и закалывали ихъ пикою. Жестокій ихъ начальникъ не мѣшалъ имъ въ этой гнусности. Мы замѣтили, что они особенно нападали на тѣхъ плѣнныхъ, у которыхъ на мундирѣ воротникъ и обшлага были изъ краснаго сукна,—видно было, что они очень имъ дорожили.

Пройдя нѣсколько верстъ, пришли на еврейскій постоялый дворъ: тутъ нашъ вожатый велѣлъ подать намъ водки и хлѣба. Между тѣмъ, со мною приключилось обстоятельство, которое могло-бы навлечь на меня большую бѣду. На одномъ сапогѣ у меня отстала подошва, такъ что приходилось ступать на голую ногу. Сидя на постояломъ дворѣ, я думалъ, что непременно отморожу ногу, когда поѣдемъ дальше; а между тѣмъ помочь бѣдѣ положительно нечѣмъ было. Въ этомъ тяжеломъ раздумьѣ, смотрю, подъ лавкою лежитъ сапогъ французскаго покроя, и съ виду кажется совсѣмъ новый. Не смѣя завладѣть имъ самовольно, я обратился къ молоденькой еврейкѣ, обитательницѣ дома, и спросилъ ее по-нѣмецки—чей это сапогъ? Она мнѣ отвѣчала, что сапогъ этотъ снятъ былъ съ французскаго плѣннаго, котораго казаки наканунѣ убили. Показавъ еврейкѣ мою босую ногу, я этимъ хотѣлъ дать ей понять, что я желалъ-бы обуться въ тотъ сапогъ. Она поняла меня. Къ счастью, что никто не обращалъ на насъ вниманія въ это время. По знаку еврейки, я вышелъ въ темныя сѣни, тамъ еврейка дала мнѣ сапогъ, который оказался мнѣ въ пору, какъ-бы былъ шитъ на меня. Я не

зналъ, какъ довольно поблагодарить дѣвушку за это одолженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я видѣлъ въ этомъ случаѣ и милосердіе Промысла, пощадившаго мою жизнь.

Подѣхали далѣе, и были свидѣтелями умерщвленія многихъ нашихъ солдатъ; только насъ, офицеровъ, не трогали; да и то одинъ казакъ вздумалъ бить кнутомъ ѣхавшаго позади насъ молодого лекаря Бископа. На крики его прибѣжалъ казацкій офицеръ и своимъ кнутомъ далъ нѣсколько ударовъ этому казаку. Такимъ образомъ, прочіе казаки уже не смѣли насъ трогать, зная, что за насъ заступается ихъ начальникъ. Среди ночи прибыли въ большое село. Нашимъ бѣднымъ солдатамъ велѣно было оставаться ночевать въ полѣ, гдѣ и разведенъ былъ огонь. Мы, между тѣмъ, оставались въ саняхъ и полагали, что тутъ и переночуемъ, однако намъ позволили вѣхаться въ деревню и ввезли во дворъ какого-то большого деревяннаго дома. Отсюда насъ ввели во флигель и дали въ наше распоряженіе одну комнату. Потомъ раздали намъ ржаного хлѣба. Можно себѣ представить, каково было намъ на душѣ послѣ видѣнныхъ нами въ ту ночь жестокостей!

На другое утро шель снѣгъ. Изъ окна нашего мы видѣли, какъ входили и выходили изъ большого дома русскіе офицеры, принадлежавшіе къ регулярному войску. Двое изъ нихъ вошли къ намъ. Они обошлись съ нами учтиво и много разспрашивали насъ по-французски. Бретонъ разсказалъ имъ объ ужасахъ прошедшей ночи; офицеры пришли въ негодованіе и обѣщали приказать нашему вожатому, чтобы онъ сдерживалъ своихъ казаковъ и обращался съ нами человѣколюбиво. Они тотчасъ-же пошли въ другую комнату къ нему, и мы слышали ихъ громкій разговоръ. Когда эти офицеры удалились, нашъ вожатый тотчасъ-же позвалъ насъ и подалъ намъ борщъ съ хлѣбомъ и водку, присланные тѣми офицерами. Мы замѣтили, что онъ обращался съ нами уже не такъ жестко. Подѣхали сани и мы догадались, что надо снова въ дорогу. Тутъ опять не обошлось безъ грустной сцены. Выѣхавъ изъ села, мы остановились у того мѣста, гдѣ наши солдаты ночевали. Огни у нихъ погасли; казаки раздавали имъ сухари и кнутомъ отгоняли тѣхъ солдатъ, которые получили свою порцію. А когда казакамъ надоѣло раздавать каждому по одиночкѣ, тогда они бросили всю провизію въ толпу плѣнныхъ солдатъ, а тѣ голодные набросились на сухари, и кто по-ловчѣе былъ, тому болѣе и досталось. На этомъ мѣстѣ ночлега солдатъ мы замѣтили во многихъ мѣстахъ какія-то возвышенія, прикрытыя выпавшимъ снѣгомъ и похожія на могилы. Дѣйствительно, это были тѣла погибшихъ въ эту ночь. Мы отѣ-

хали отъ этихъ печальныхъ мѣстъ подъ казацкимъ конвоемъ, слѣдую за санями нашего вожатаго, ѣхавшаго на тройкѣ. Наши-же солдаты, товарищи нашего злополучія, шли позади насъ, такъ что мы не знаемъ, что случилось съ тѣми, которые отставали.

Монастерищи, 26-го ноября 1812 г.

Вѣхавъ въ городъ (?) Монастерищи, мы были встрѣчены жителями очень равнодушно; но евреи со свойственною имъ жадностью къ наживѣ, не смотря на нашу явную нищету, спрашивали насъ по-нѣмецки, не купимъ-ли мы у нихъ хлѣба, водки, да солдатскаго платья, вѣроятно снятаго или съ живаго или съ мертваго нашего солдата. Насъ помѣстили на постояломъ дворѣ вмѣстѣ съ вожатымъ нашимъ.

Только что мы вошли въ указанную для насъ комнату, какъ навѣстили насъ два русскихъ офицера и учтиво обратились къ намъ. Но мы не понимали другъ друга. Позвали хозяина еврея въ переводчики, и черезъ него офицеры передали намъ свое приглашеніе на обѣдъ. Сперва они приказали намъ подать водки и бѣлаго хлѣба, а потомъ повели насъ въ домъ, гдѣ они квартировали. Здѣсь мы встрѣтились еще съ нѣсколькими офицерами, собравшимися принять насъ. Изъ нихъ только двое говорили немного по-французски, а всѣ выказывали столько участія къ нашему положенію, что мы отъ души благодарили ихъ. Въ добавокъ, они собрали еще между собою пятьдесятъ рублей ассигнаціями на наши нужды. Однако Бретонъ, принявъ это пособіе, объявилъ, что раздастъ его нашимъ солдатамъ, у которыхъ недостатокъ во всемъ, особенно въ сапогахъ. Слыша это, офицеры въ ту-же минуту послали въ лавки купить дюжину паръ сапогъ, и передали ихъ намъ. Эти офицеры говорили намъ, что по пріѣздѣ нашемъ въ Мстиславль, куда насъ везутъ, намъ будетъ заплачено жалованье, какъ повелѣлъ императоръ Александръ. Они поручили насъ вниманію нашего вожатаго. Къ сожалѣнію, они не знали, какія неистовства совершили казаки; а мы удержались рассказать ихъ, чтобъ не навлечь на себя мести нашего вожатаго. Я всегда сожалѣлъ о томъ, что не узналъ фамилій этихъ добрыхъ офицеровъ, но великодушный ихъ поступокъ всегда останется мнѣ памятенъ. Прощаясь съ нами, они обнимали насъ. Мы возвратились ночевать на постоянный дворъ.

Полковникъ Бретонъ предупредилъ насъ, что у него есть еще въ запасѣ нѣсколько наполеондоровъ, зашитыхъ въ сюртукѣ, и что онъ готовъ ссудить насъ деньгами, если намъ что нужно. А офицерскія деньги онъ раздастъ несчастнымъ солдатамъ. По этому

судя, видно сколько въ немъ было благородства. На другое утро мы отправились въ путь. Наши солдаты говорили, что многіе изъ нихъ умерли въ домахъ, куда ихъ помѣстили. Погода стояла морозная; это было причиною, что многіе изъ нашихъ солдатъ отстали отъ колонны и, вѣроятно, погибли на дорогѣ.

Мстиславль, 27-го ноября.

Приѣхали въ Мстиславль, небольшой городъ, полный евреевъ. Солдатъ размѣстили по обывательскимъ домамъ, а насъ въ гостиницѣ. Нашъ полковникъ размѣнялъ одинъ наполеондоръ и велѣлъ намъ подать изрядный столъ. Вскорѣ пришли гражданскіе чиновники и объявили намъ, (одинъ изъ нихъ говорилъ по-французски), что получено изъ казны для плѣнныхъ жалованье, по 50-ти коп. мѣди на офицера, и по 10-ти коп. на солдата, ежедневно. Они записали наши имена и чинъ каждого. Вожатый нашъ подалъ имъ списокъ плѣнныхъ, которыхъ ему поручили; чиновники удивились значительному недочету въ показанномъ въ списокѣ числѣ. Не понимая языка, мы могли только замѣтить, что чиновники какъ будто выговаривали что-то вожатому, и мы такимъ образомъ не узнали, сколько именно убыло у насъ людей со дня нашего путешествія.

На другой день тѣ-же чиновники пришли къ намъ въ сопровожденіи солдатъ, которые несли въ рукахъ мѣшки. полные мѣдной монеты, называемой пятаками. Этою монетою намъ отсчитали каждому по пяти рублей. Вожатому нашему вручили сумму денегъ также для солдатъ. Итакъ намъ дали содержаніе на десять дней, считая со дня плѣна. Каждый изъ насъ долженъ былъ расписаться въ полученіи денегъ, послѣ чего чиновники удалились, видимо довольные окончаніемъ скучнаго дѣла.

Какъ ни ничтожно было количество полученныхъ денегъ, однако онѣ отягощали насъ грузностью своею. Мы уже готовились накласть ихъ въ мѣшки, какъ хозяинъ-еврей, чуткій ко всему, что можетъ клониться къ его выгодѣ, предложилъ намъ размѣнять мѣды на ассигнаціи съ платою за размѣнъ. Положенное на каждого жалованье, какъ ни было мало, а въ складчину его было довольно для всѣхъ. Нашъ полковникъ предложилъ завѣдывать столомъ. По его просьбѣ нашъ казакъ согласился отпустить къ намъ трехъ французскихъ солдатъ для нашихъ услугъ. Одинъ изъ нихъ предложилъ себя въ повара. Закупивъ хлѣба, мяса и проч., онъ приготовилъ намъ изрядный походный обѣдъ.

28-го ноября, Мысловици.

Отправились въ путь довольно поздно; морозъ былъ сильный. Нашъ вожатый сжалился надъ солдатами, которымъ трудно было идти пѣшкомъ, и посадилъ ихъ въ сани. Проѣхавъ большіе лѣса, прибыли въ городокъ Мысловици. Остановились въ еврейской гостинницѣ, гдѣ и провели день.

29-го ноября выѣхали оттуда рано утромъ. Сани пріѣхали до разсвѣта и числомъ ихъ потребовали больше, оттого что число больныхъ прибывало. Въ эту ночь нѣсколько нашихъ плѣнныхъ солдатъ умерло. Былъ очень сильный морозъ. Пріѣхавъ въ деревню, помѣстились у крестьянъ, которые оказывали намъ столько же почтенія, сколько русскимъ офицерамъ. Они насъ накормили и дали пить водки. Безъ нихъ, намъ было-бы трудно достать что-либо поѣсть, какъ во всѣхъ деревняхъ.

30-го ноября мы поѣхали дальше. Намъ сказали, что между нашими много умерло, и многіе такъ худы, что должны вскорѣ также кончить, и ихъ оставили на мѣстѣ. Одни умирали отъ тифа, у другихъ члены были отморожены; несчастныхъ бросали въ снѣгъ, а крестьяне убивали ихъ. Насъ застигла мятелица, отъ которой многіе изъ нашихъ товарищей перемерзли. Ихъ тоже бросили въ снѣгъ. Хотя казаки уже не закалывали ихъ пиками, однако достаточно было и мороза, чтобы причинить брошеннымъ немедленную смерть. Ъхали цѣлый день, наконецъ прибыли въ Рославль, городокъ, котораго жители съ участіемъ отнеслись къ нашимъ солдатамъ. Больныхъ отвезли въ госпиталь; остальнымъ дали приличные квартиры, а насъ, по обыкновенію, помѣстили въ еврейской гостинницѣ. Тутъ насъ накормили довольно хорошо; но евреи, которыми городъ былъ полонъ, такъ надоѣли намъ предложеніями купить у нихъ всякую всячину, что мы принуждены были запереться отъ нихъ въ своей комнатѣ.

1-го декабря (1812 г.), оставивъ въ госпиталѣ двадцать человѣкъ больныхъ солдатъ, мы отправились рано утромъ въ дальнѣйшій путь. Погода стала мягче. Проѣхавъ нѣсколько обширнымъ сосновымъ лѣсомъ, мы прибыли въ деревню Рудню, расположенную въ центрѣ его. Тутъ былъ стеклянный заводъ. Солдатъ размѣстили по избамъ, а насъ принялъ хозяинъ завода, нѣмецъ. Онъ тотчасъ-же велѣлъ подать намъ обѣдъ, потомъ отвелъ одну комнату нашему вожатому, къ которому онъ былъ особенно внимателенъ, и двѣ комнаты рядомъ съ тою, для насъ. Мы ходили осматривать заводъ, а ввечеру, когда нашъ вожатый легъ спать, хозяинъ завода пригласилъ насъ къ себѣ пить чай. Живя уже давно въ Россіи, онъ сообщилъ намъ многое о

мѣстныхъ обычаевъ. Разговарившись съ нимъ, мы спросили его, отчего онъ такъ предупредителенъ къ нашему вожатому? Онъ признался, что въ качествѣ иностранца ему необходимо быть внимательнымъ къ казацкимъ офицерамъ, такъ какъ они часто позволяютъ себѣ насилія всякаго рода, особенно съ иностранцами. Онъ говорилъ намъ, что находится на службѣ у помѣщика, владѣльца завода и нѣсколькихъ деревень въ окрестности, и жалѣлъ, что намъ не придется проѣзжать черезъ ту, въ которой живетъ помѣщикъ. Какъ человекъ благородный и великодушный, любящій французовъ, которыхъ у него и въ домѣ и на фабрикахъ живетъ нѣсколько, онъ навѣрное всячески помогъ-бы намъ. Мы остались очень довольны приемомъ этого иностранца.

Оттепель продолжалась. Потребовано было для насъ большое число саней; въ нихъ разсадили многихъ нашихъ солдатъ, нѣкоторыхъ-же трудно больныхъ оставили въ деревнѣ. Нѣмецъ-заводчикъ обѣщаль позаботиться о нихъ. Мы позавтракали у него и простылись. Приѣхали въ другую деревню, расположенную также въ серединѣ сосноваго лѣса. Тутъ были желѣзо-плавильные заводы. Насъ помѣстили въ квартирѣ управляющаго имѣніемъ, поляка, съ женою и дѣтьми. Онъ принялъ насъ съ какою-то сдержанностью, однако накормилъ насъ хорошо своими національными кушаньями. Онъ очень ухаживалъ за нашимъ казакомъ, болталъ съ нимъ очень много, а съ нами обращался весьма сдержанно, какъ-бы боясь показать намъ участіе. Впрочемъ, онъ не говорилъ по-французски, такъ и мы ничего не могли сказать ему. Жена и дѣти его не выходили къ намъ. Замѣтно было, что онъ не довѣряетъ казаку, а между тѣмъ, старался угождать ему. Ему онъ уступилъ свою лучшую комнату, а насъ помѣстилъ въ мастерской. Заводъ стоялъ на рѣкѣ, довольно далеко отъ дома управляющаго; однако, оттуда явственно раздавались удары молота. Управляющій повелъ туда нашего казака, который потомъ возвратился съ какими-то вещами, завернутыми въ солому, вѣроятно издѣліями завода.

2-го декабря мы собрались въ дорогу довольно рано. Полякъ проводилъ казака съ низкими поклонами. Садясь въ сани, мы узнали, что на этотъ разъ никто изъ нашихъ солдатъ не остался: всѣ были въ сборѣ. При легкомъ морозѣ, солнце ярко свѣтило. Мы проѣзжали почти сплошными лѣсами. Къ вечеру прибыли въ мѣстечко Свардъ, населенное евреями. Казакъ нашъ занялъ квартиру въ одной гостинницѣ, а насъ помѣстили въ другой напротивъ, и къ дверямъ нашимъ поставили казаковъ, хотя мы не помышляли о бѣгствѣ. Евреи намъ говорили, что къ вечеру мы придемъ

въ Мглинѣ, и что мы проведемъ зиму въ этомъ городѣ, а не то въ его окрестностяхъ. Эту вѣсть мы приняли съ удовольствіемъ, такъ какъ уже порядочно утомились отъ продолжительной и безпокойной дороги. Я думаю, если-бы она еще протянулась, то не многіе изъ насъ дожили-бы до окончанія нашего пути.

3-го декабря морозъ усилился. Отправились въ дорогу довольно рано. Въ этотъ день ожидало насъ печальное зрѣлище: большое число труповъ нашихъ товарищей валялось на дорогѣ; изъ чего мы заключили, что передъ нами слѣдовали еще колонны плѣнныхъ. На каждой верстѣ лежало или по одному, или по нѣсколько труповъ. Одни были обнажены, другіе покрыты лохмотьями мундировъ. Около этихъ труповъ возились собаки и, когда мы проходили мимо, онѣ бросались на насъ съ лаемъ, какъ-бы грозя истерзать насъ, если мы тронемъ ихъ добычу. Мы насчитали до пятидесяти тѣлъ по этой дорогѣ.

Пройдя нѣсколько лѣсовъ, пришли къ Мглину. Остановились: по одинъ вожатый нашъ вѣхалъ въ городъ, а мы еще долго оставались на дорогѣ. Наконецъ, онъ возвратился и повезъ насъ въ деревню Вергину, верстахъ въ пяти отъ Мглина. Насъ помѣстили въ крестьянской хатѣ, въ которой были двѣ горницы, но только въ одной изъ нихъ можно было оставаться; другая была не топлена. Въ этой первой горницѣ, кромѣ насъ, оставались хозяинъ избы, его жена, сестра и ребенокъ; тѣснота эта очень насъ безпокоила. Вообще въ этой деревенькѣ мало было простору людямъ. Только-что мы тутъ водворились, какъ явился хозяинъ мѣстной еврейской гостиницы съ предложеніемъ доставлять намъ каждый день всякую провизію, какую пожелаемъ. Мы съ нимъ сговорились, а поваръ нашъ приготовилъ намъ обѣдъ въ той-же печи, въ которой хозяева варили свое кушанье. Вечеромъ горницу освѣтили щепками изъ смолистой сосны, втыкая ихъ въ уголъ печи и часто замѣняя однѣ другими. На ночь намъ послали на полъ соломы, и мы хорошо-бы выспались, если-бы не будили насъ по временамъ крики ребенка.

4-го декабря морозъ былъ весьма силенъ; было, по крайней мѣрѣ, 25° ниже 0. Окна заволокло сплошнымъ льдомъ. На утро встали безъ обыкновенной душевной тревоги, такъ какъ знали, что остаемся на мѣстѣ до весны и избавлены отъ путешествія въ такую суровую погоду.

Въ слѣдующіе дни мы такъ ужъ обжились всѣ вмѣстѣ съ крестьянскою семьей, что никто никого не стѣснялъ, насколько

это было возможно. На второй день нашего пребыванія въ этой деревнѣ, нашъ казацкій офицеръ, пришелъ къ намъ въ сопровожденіи переводчика-еврея, и черезъ него просилъ меня полечить нѣсколькихъ больныхъ казаковъ и ихъ унтеръ-офицера. Кромѣ того, и между нашими было много больныхъ. Меня повезли на квартиру, гдѣ стояли казаки, и я нашелъ почти всѣхъ зараженныхъ тифомъ. А между тѣмъ подъ рукою не было никакихъ медикаментовъ. Я прежде всего требовалъ перевести больныхъ въ одно мѣсто, французовъ и казаковъ отдѣльно. Написалъ, какія нужны лекарства, также вино и уксусъ, и офицеръ хотѣлъ послать за всѣмъ этимъ въ городъ. На другой день все это было доставлено, и еще дали мнѣ фельдшера-казака въ помощники. Нашихъ было до пятнадцати солдатъ, почти всѣ уже при смерти. Между ними была и молодая женщина, вѣроятно, маркитанка, сопровождавшая ихъ въ походѣ. Я раньше не замѣтилъ ея присутствія между плѣнными, такъ какъ на ней была солдатская шинель. Эта женщина и мужъ ея лежали другъ подлѣ друга безъ памяти, и на другой день въ одно время умерли. Должно-быть, казаки заразились тифомъ чрезъ платье больныхъ нашихъ солдатъ, которое они сдирали съ нихъ для своего употребленія. Четверо казаковъ испустили духъ въ страшномъ бреду, напоминавшемъ варварства, съ которыми они поступили съ нашими товарищами. Мнѣ удалось вылечить унтеръ-офицера и другихъ казаковъ, и также нѣсколькихъ нашихъ солдатъ.

По приказанію, данному изъ города, устроена была лазаретная кухня. Каждый день я раздавалъ вина, кому нужно было. Между тѣмъ, тѣла умершихъ тифомъ валялись въ кучѣ на дворѣ дома, обращеннаго въ госпиталь, и никто не заботился объ ихъ погребеніи. Мое леченіе внушило казакамъ и ихъ офицеру нѣкоторое ко мнѣ уваженіе. Увидавъ на мнѣ ветхую шинель, они принесли мнѣ другую, по-новѣе, отобранную, вѣроятно, не то у живаго, не то у мертваго изъ нашихъ.

Съ нѣкотораго времени, каждый день слышался по деревнѣ колокольный звонъ, и затѣмъ мимо насъ проходила погребальная процессія съ попомъ бородатымъ впереди, за которымъ слѣдовали хоругви, развивавшіяся по вѣтру. Занесенный солдатами нашими тифъ заразилъ мѣстныхъ обывателей, а какъ у нихъ не водится ни докторовъ и никакихъ раціональныхъ мѣръ, то болѣзнь эта похищала много жертвъ. Покойника везли обыкновенно на саняхъ, запряженныхъ волами и въ открытомъ гробѣ. Толпа крестьянъ и крестьянокъ, съ плачемъ и причитываніемъ какихъ-то словъ музыкальнымъ размѣромъ, слѣдовала за гробомъ; а въ то-же время

священникъ пѣлъ похоронныя молитвы. Не смотря на то, что мы довольно приглядѣлись къ смерти, это ежедневное зрѣлище навело уныніе, особенно при видѣ несчастныхъ сиротъ, съ отчаяніемъ провожавшихъ отца или мать до могилы.

Де-ла-Флизь.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДНЕВНИКЪ ЛЕЙБЪ-МЕДИКА БАРОНЕТА Я. В. ВИЛЛЕ

1825 г.

(Переводъ съ французскаго).

Представляемый здѣсь дневникъ д. т. с. баронета Якова Васильевича Вилле († 1854 г., въ С.-Петербургѣ), извѣстнаго лейбъ-хирурга при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, главнаго инспектора медицинской части по арміи, перваго президента Императорской медико-хирургической академіи, веденъ во время сопровожденія имъ Александра I въ послѣднемъ путешествіи этого государя на югъ Россіи; дневникъ написанъ Вилле на французскомъ языкѣ, въ видѣ бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ, не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ, въ „Памятной книжкѣ на 1825 годъ“, отпечатанной въ С.-Петербургѣ въ томъ-же маленькомъ карманномъ форматѣ и съ присовокупленіемъ такого-же рода свѣдѣній: о высшихъ чинахъ, о церковныхъ и полковыхъ праздникахъ, почтовыхъ и другихъ извѣстій, какъ ежегодно издаются эти книжки и въ настоящее время типографіею Главнаго Штаба.

Означенная памятная книжка 1825 г., съ собственноручными въ ней замѣтками баронета Вилле сохранилась въ библиотекѣ генераль-адъютанта Ивана Васильевича Анненкова († 3-го іюня 1887 г.), расположеніемъ котораго мы пользовались въ теченіе многихъ лѣтъ; имъ и подарена эта книжка мнѣ на память. Отъ кого и когда получилъ ее, въ свою очередь, Ив. Вас. Анненковъ, намъ неизвѣстно ¹⁾.

И. Г. Даниловъ,
почетн. членъ Археологич. института.

¹⁾ Авторъ „Исторіи Коннаго полка“, И. В. Анненковъ, родился въ 1814 г. и происходилъ изъ дворянъ Симбирской губерніи. По окончаніи курса наукъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (Николаевское Кавалерійское училище), онъ вступилъ въ службу въ лейбъ-гвардіи конный полкъ въ февралѣ 1831 г. юнкеромъ, въ 1833 г. произведенъ въ корнеты; въ 1846 г., будучи ротмистромъ, назначенъ флигель-адъютантомъ къ императору Николаю Павловичу; 17-го апрѣля 1855 г. произведенъ въ генераль-майоры, съ назна-

Сентября 1-го (1825 г.). Листья начали блекнуть, опадают, трава пожелтѣла; утро было холодное, погода прекрасная. Подобно перелетнымъ птицамъ, мы начали свой полетъ— время отъѣзда для пріисканія болѣе теплаго климата наступило. Его величество одобрилъ реестръ лекарствъ.

2-го. Прошедшую ночь 3 градуса мороза; день прекрасный и свѣжій. Я отдалъ сегодня вечеромъ Гейроту ¹⁾ приказъ явиться гг. Рейнгольду и Струту. Бовицкій прибылъ со своимъ сыномъ.

3-го. Хорошая погода держится; ночь была холодна, но днемъ не такъ свѣжо, какъ вчера; обѣдали у Мульна въ Дотровнѣ. Прибыли въ Сокольники. Гаврила Спиридоновъ съ моимъ мальчикомъ спали у артиллерійскаго полковника Лаврова, который владѣетъ здѣсь тремястами крестьянъ съ землею.

4-го. Мы прибыли въ Веліюли, гдѣ находится третья артиллерійская бригада, гдѣ четверо больныхъ. Въ свитѣ всѣ здоровы, кромѣ меня самого, имѣвшаго холеру (?) ²⁾. Квартира съ клопами, вслѣдствіе сборища народа и военнаго ученья.

5-го. Мы прибыли довольно поздно въ Дорогобужъ; мое нездоровье еще продолжается; хорошая погода держится; дороги сухи и прекрасны. Его величество увѣрялъ меня вчера, что онъ не чувствуетъ ни малѣйшей боли въ своей ногѣ ³⁾. Этотъ городъ ведетъ торговлю преимущественно съ Ригою.

чениемъ въ свиту Его Величества; съ 15-го марта 1862 г. по 17-е апрѣля 1866 г. занималъ должность с.-петербургскаго оберъ-полицмейстера, а съ 9-го іюня 1867 г.—с.-петербургскаго коменданта; вскорѣ затѣмъ высочайшимъ приказомъ назначенъ генераль-адъютантомъ. И. В. Анненковъ отличался глубокою религіозностью и рѣдкою душевною добротою, которая невольно привлекала къ себѣ его сослуживцевъ и тѣхъ немногихъ близкихъ къ нему лицъ, въ кругу которыхъ онъ проводилъ часы своего досуга.

¹⁾ Вице-директоръ медицинскаго департамента дѣйствительный статскій совѣтникъ Федоръ Федоровичъ Гейротъ. Ив. Д.

²⁾ Вѣроятно, кишечный катарръ, ибо съ холерою нельзя продолжать путешествія. Н. З.

³⁾ Объ ушибѣ ноги императора Александра Павловича, о болѣзни, отъ этого происшедшей и леченіи оной подробно разсказано почетнымъ лейбхирургомъ Д. К. Тарасовымъ, въ его „Запискахъ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г., томъ IV, стр. 612 и слѣдующія. Ред.

6-го. Все идетъ прекрасно: погода, дороги, лошади соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ. Разговоръ вращался сегодня на политической экономіи. Вотъ мы вступаемъ во владѣнія Рѣпинна.

7-го. Погода переимѣнилась: туманная и дождливая. Къ моему приѣзду я нашелъ 12 больныхъ, оставленныхъ въ госпиталѣ шестой дивизіи, они очень больны, но зато и очень тщательно содержатся. Докторъ Корбовъ (22-го стрѣлковаго) хорошій.

8-го. Дороги довольно скверныя и погода дождливая; весь сегодняшній день мы въ Новгородѣ (Сѣверскомъ?) — торговое мѣсто, городъ малозначущій.

9-го. Въ Шербюри (?) госпиталь въ хорошемъ положеніи; архіерей прекрасно совершалъ службу въ соборѣ; погода поправилась; дороги въ Орловской и Курской губерніяхъ далеко превосходятъ черниговскія дороги.

10. Ночь провелъ въ Богатомъ. Люди Дюка (de Dusa) тамъ присутствовали. Я видѣлъ Бибикова. Мы отправились оттуда въ Чугуевъ.

11-го. Мы въ Чугуевѣ, во дворцѣ. Прибыли Леонтовичъ и Шибановъ изъ Харькова. Больница слишкомъ отдалена отъ воды, окна очень высоки, кровельныхъ жолобовъ нѣтъ у зданія; пользованіе больныхъ плохо.

12-го. Мы въ дрянномъ мѣстѣ Бахмута у Марка Рейны (Mark Reina); жена Ивана Сопина разбита параличемъ.

13-го. За слѣдующею первою станціею мы прибыли въ Таганрогъ, гдѣ оканчивается первая часть путешествія; погода переимѣнивая. Finis.

14-го. Въ Таганрогѣ. Погода весьма хорошая; легкій вѣтерокъ, юго-западный; iacus miotis полонъ; теплота пріятная.

15-го. Погода хорошая и теплая.

16-го. Хорошая погода продолжаетъ стоять, но тучи скопляются и предвѣщаютъ переимѣну.

17-го. Горизонтъ потемнѣлъ, воздухъ сталъ свѣжѣе, вѣтеръ переимѣнился и дуетъ съ сѣверо-востока; вода убываетъ и суда тамъ и сямъ стоятъ на мели. Затѣмъ проливной дождь, который шель цѣлую ночь.

18-го. Дурная и дождливая погода. Вѣтеръ сталъ сильнѣе и дуетъ попрежнему съ сѣверо-востока.

19-го. Дурная погода продолжается по вчерашнему и, судя по горизонту, нѣтъ ни малѣйшаго признака скорой переменъ; вѣтеръ тотъ-же. Квартиры непріятны и плохо защищенныя.

20-го. Въ теченіе всего этого времени, столь переменчиваго, холодъ никогда не былъ чувствителенъ, но отсутствіе солнца, сѣверные вѣтры вмѣсто легкихъ вѣтерковъ больше утомляютъ, чѣмъ вредятъ.

22-го. Комета надъ горизонтомъ на юго-западъ въ разстояніи нѣсколькихъ градусовъ; хвостъ на верху.

23-го. Карантинъ, какъ мнѣ кажется, здѣсь бесполезенъ, тѣмъ болѣе, что таковой имѣется въ Керчи, гдѣ корабли вынуждены останавливаться на недѣлю.

24-го. Распри изъ-за ловли осетровъ и бѣлуги сильны между здѣшними жителями и илирійцами, янинцами и донецкими киргизами.

25-го. Вывозъ зерна отсюда довольно значительный, но способъ нагружать корабли посредствомъ телѣжекъ (charettes), которыя входятъ въ воду часто за версту, могъ-бы быть улучшенъ примѣненіемъ нѣсколькихъ пароходовъ съ плотами; также нужны пароходы, чтобы подниматься и спускаться до Керчи, которая должна быть разсматриваема, какъ передовой, выдвинутый отъ Таганрога, портъ и гдѣ торговцы со временемъ будутъ имѣть хлѣбныя магазины для покупателей, могущихъ являться во всѣ времена года, потому что у Керчи Босфоръ не знаетъ зимы, мѣшающей прибытію или отъѣзду кораблей; равнымъ образомъ Донъ будетъ имѣть надобность въ пароходахъ.

29-го. Виноградъ здѣсь очень хорошъ, но изъ него не умѣютъ хорошо готовить вино; виноградъ очень дешевъ. Съ Дону отправляютъ ежегодно двѣсти тысячъ ведеръ винограднаго сока для выдѣлки изъ него шампанскаго. Гавань Феодосіи Каиффа (Caiffa) никогда не будетъ значительна, за исключеніемъ отправки произведеній изъ Крыма.

Октября 1-го. Сегодня погода прекрасная; жаркое солнце пятый разъ со времени нашего прибытія; большой обѣдъ третій разъ. Есть основаніе предполагать, что Азовское море, слѣдовательно и Черное море, очень опустились со времени царствованія Петра I, потому что портъ, который онъ повелѣлъ здѣсь построить, имѣетъ противъ города не болѣе двухъ, трехъ футовъ глубины. Небо то ясно, то пасмурно проплую ночью.

3-го. День холодный, сухой; вѣтеръ съ сѣверо-востока. Ночью возобновилась моя боль въ боку. Болѣзнь Миллера. Перепела готовятся къ отлету. Осмотръ гимназiи очень мало благопріятенъ для нея. Вѣроятно, наступить перемѣна погоды, смотря по тому, что произошло съ медкимъ дождикомъ вчера вечеромъ. Небо пасмурно, погода стала потеплѣе, но сырая. Орловъ вернулся съ Дона. Донъ (Танаисъ), Донецъ киргизскій, Танаисъ иллирійскій образуютъ Бугъ. Hirpanis—Днѣстръ Ивасъ. Днѣпръ Вову и Hunes и Волга Раа. Janadagum potuis.

5-го. Всѣ эти дни погода довольно перемѣнчива, но не холодная. *Deteriora nobiliorum causa existunt, nobiliora vero sunt ea, qua ordinem naturae sequuntur perstudiosa.*

6-го. Адмиралъ Грейгъ прибылъ въ нашъ городъ и утверждаетъ, что нѣтъ такого мѣста во всей Европѣ, гдѣ-бы шло такъ мало дождей, какъ въ Николаевѣ.

7-го. Погода туманная и сырая; улицы портятся.

8-го. Сегодня мы обѣдали у губернатора г. Данаева.

9-го. Обѣдалъ сегодня у его величества государя императора.

10-го. Погода превосходная и довольно теплая; солнце жжетъ; улицы живо просыхаютъ. Завтра мы отправляемся послѣ обѣдни на Донъ. Обѣдъ на второй станціи, а ночлегъ будетъ въ Нахичеванѣ; оттуда мы вѣдемъ въ Черкасскъ. Сегодня седьмой день болѣзни бѣднаго моего Устинова, который, я надѣюсь, поправится къ моему возвращенію.

12-го. Я ночевалъ у полковника Ярасова, обѣдалъ у атамана. Больница въ хорошемъ состояніи. Гимназія отвратительна. Канцелярія посредственная.

13-го. Тюрьма хорошая, но плохо расположена; приговоры слишкомъ медленны. Мы были въ Старомъ Черкасскомъ, гдѣ я видѣлъ Самохина и его жену. Исаевъ передалъ мнѣ, что Камбеловъ умеръ нынѣшнимъ лѣтомъ.

14-го. (День рожденія ея вел. и. Маріи Ѳеодоровны). Его величество былъ у обѣдни. Мы переправились въ Азовъ, а оттуда въ Нахичеванъ, чтобы тамъ переночевать.

15-го. Оттуда при прекрасной погодѣ въ Таганрогъ. Сегодня погода прекрасная, солнечная. Мой мальчикъ поправляется, но ему должно опасаться рецидива.

16-го. Погода стоитъ ужасная. Въ свитѣ оживленный споръ съ придворными за столомъ у Волконскаго.

17-го. Сегодня обѣдалъ у генерала Чернышева, у котораго милая жена. Погода дождливая и дороги портятся быстро.

18-го. Я ошибся. Слѣдовало написать подь 19-мь (числомъ то, что я написалъ подь 17-мь, и это сегодня и завтра, что у насъ была дурная погода.

19-го. Я видѣлся вчера съ графомъ Виттомъ одну минуту. То, что онъ говорилъ, было довольно замѣчательно. Устиновъ снова чувствуетъ легкое лихорадочное состояніе.

20-го. Лишь только императоръ сѣлъ въ коляску для отъѣзда въ Крымъ, солнце снова появилось на горизонтѣ. Ночь провелъ въ Мариуполѣ у одного грека; сынъ его боленъ.

21-го. Погода хорошая, дороги стали суше. Ночь провелъ въ Нагаицѣ у Кобезова; его падчерица Анна Ивановна. На первой станціи множество стрепетовъ.

22-го. Сегодня въ прусскихъ колоніяхъ Ельбина. Ночь у Дизена изъ Альтенау, — мѣста, откуда они прибыли изъ Пруссіи двадцать лѣтъ тому назадъ. Ихъ число въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской и Таврической—80 тысячъ; они оплачиваютъ только 15 поземельныхъ за десятину навсегда; другіе черезъ 20 лѣтъ будутъ сравнены съ государственными крестьянами. Они всѣ менониты въ этихъ мѣстахъ; крестятся въ 18 лѣтъ, избираютъ изъ среды себя священниковъ.

25-го. Мы находимся въ Перекопѣ. Разстояніе между Сивашемъ (Гнилое море) и лиманомъ отъ 8-ми до 9-ти верстъ. Больницу слѣдуетъ устроить внѣ крѣпости. Молодой врачъ очень хорошъ для 60-ти человекъ. Провелъ ночь у Мендова.

26-го. Сегодня на 17-й верстѣ мы видѣли соленое озеро, а передъ тѣмъ армянскій симферопольскій госпиталь. Госпиталь превосходный, врачи дѣйствительно хороши. Городъ очень украсился. Ланге, Шулеръ и Ицедетовъ.

27-го. Большую часть (проѣхали) хорошею дорогою до 10-ти верстъ южной стороны. Мы прибыли верхомъ (чрезъ) 35 верстъ въ Юрзуфъ къ графу Воронцову-Башмакову. Докторъ Лее рассказывалъ про Sultaneum Gegray.

28-го. (Проѣхали) верхомъ 27 (верстъ) вѣрныхъ въ Алупку къ князю Воронцову, миновавъ Никитку у Стефана и Орианду, которую императоръ купилъ у князя Безбородко, очень красивую.

29-го. Нашъ переѣздъ совершился благополучно и отсюда 20 верстъ чрезъ спускъ (escalier) адмирала Мордвинова, гдѣ

моя лошадь упала, чуть не сломавъ мнѣ ноги. Байдаръ, Севастополь 27 и 29 Бахчисарай.

30-го. Чуфуть-Кале. Евреи караимы. Обѣдалъ съ великимъ мирзою. Церемоніи въ мечети. Монастыри и синагоги. Императоръ слегка захворалъ. Одна унція du v-b-ге. Къ его благу пріятныя новости отъ императрицы.

31-го. Все это время стояла хорошая погода, изрѣдка облачная и два или три раза шелъ небольшой дождь: въ Байдарѣ, на берегу, въ Севастополѣ. Дорогою отсюда мы были у графа Завадовскаго. Англійскій капитанъ Бойдъ 2-го гвардейскаго полка на половинномъ жалованьѣ, съ кормилицею шотландкою. Я имѣю также ея письмо; успѣхъ.

Ноября 1-го. Налѣво осадки озера, домъ въ развалинахъ, направо другое озеро, вонючее, ни прѣсное, ни соленое. Вчера мы были въ Козловѣ на берегу моря. Бардаковскій въ тамошнѣ славный малый. Магометъ Ибрагимъ.

2-го. Мы сдѣлали сегодня 182 версты въ Знаменку къ священнику. Больница въ Насліеробомі (Naslierobomy) (?) находится въ хорошемъ состояніи. Буликовскій на берегахъ Днѣпра хорошъ; страна плодородна. Здѣсь живетъ одинъ дворянинъ, у котораго 70 тысячъ овецъ.

3-го. Знаменковскій артиллерійскій госпиталь содержится очень хорошо. Полковникъ желаетъ удержать у себя молодаго врача. Орѣховъ уѣздный городъ. Я помѣстилъ тамъ Сепорковича, гусарскаго офицера.

4-го. Вчера погода была вполне хорошая, небо облачное, рѣдко показывалось солнце, почти все время сухо; превосходно для путешествія. Климатъ очень замѣчательный въ отношеніи перемежающихся лихорадокъ. Мы будемъ сегодня въ нашихъ таганрогскихъ предѣлахъ благополучно. Вчера только его величество позвалъ меня, отъ Маріуполя въ первый разъ.

5-го. Пріѣздъ въ Таганрогъ. Ночь скверная. Отказъ отъ лекарствъ. Онъ приводитъ меня въ отчаяніе. Страхусь, что такое упорство не имѣло-бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій.

6-го. Императоръ обѣдалъ у ея величества императрицы и вышелъ изъ-за стола. Федоровъ позвалъ меня изъ-за стола, чтобы объявить мнѣ, что его величество имѣлъ испарину и произвольно, таково отвращеніе отъ медицины. Послѣ борьбы онъ согласился, между 5 и 6 часами, принять дозу пилюль.

7-го. Эта лихорадка имѣетъ сходство съ эндемическою крымскою болѣзью. „Les exacerbations“ (ожесточенія болѣзни) слишкомъ часто повторяются, чтобы я позволилъ себѣ утверждать, что это *Hemitritaeus Semitertiana*, хотя эта чрезвычайная слабость, эта апатія, эти обмороки имѣютъ большое отношеніе съ нею.

8-го. Эта лихорадка, очевидно, *Febris gastrica biliosa*; эта гнилая отрыжка, это воспаление въ сторонѣ печени, *des presscordes*, рвота *sine vomitu nec dolore fortiter comprimendo*, требуетъ, чтобы *premières voies* (кишки?) были хорошо очищены. Надо (доить?) *traire* (?) печень. Я сказалъ Стофрегену.

9-го. Императору немножко легче сегодня, но онъ съ полною вѣрою въ Бога ждетъ совершеннаго выздоровленія отъ недуговъ. Состояніе *viscera chylopoetica* можетъ въ настоящій моментъ служить указаніемъ на поносъ, такъ не встати остановленный въ Бахчисараѣ.

10-го. Начиная съ 8-го (числа) я замѣчаю, что что-то такое занимаетъ его болѣе, чѣмъ его выздоровленіе, и волнуетъ его душу *post hoc ergo propter hoc*. Ему сегодня хуже и Мюллеръ, по его словамъ, тому причина. Князю Волконскому, вслѣдствіе сего, препоручено побранить бѣднаго Мюллера.

11-го. Болѣзнь продолжается; внутренности еще довольно нечисты *gustus, inflatio*. Когда я ему говорю о кровопусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостоиваетъ говорить со мною. Сегодня мы, Стофрегенъ и я, говорили объ этомъ и совѣтовались.

12-го. Какъ я припоминаю, сегодня ночью я выписалъ лекарства (??) для завтрашняго утра, если мы сможемъ посредствомъ хитрости убѣдить его употребить ихъ. Это жестоко. Нѣтъ человѣческой власти, которая могла-бы сдѣлать этого человѣка благоразумнымъ. Я несчастный.

13-го. Все пойдетъ скверно, потому что онъ не дозволяетъ, не слушаетъ дѣлать то, что безусловно необходимо. Такое направленіе очень плохое предзнаменованіе. Его пульсъ очень неправильный, слабъ и будетъ *escudativo* (выпотъ) безъ *des mercuriaux* (ртутныхъ средствъ), *saigne* (кровопусканія), мушки, горчицы, мочегоннаго и очистительнаго.

14-го. Все очень нехорошо, хотя у него нѣтъ бреда. Я намѣренъ былъ дать *acide muriatique* съ питьемъ, но получилъ

отказъ по обыкновенію. „Уходите“ (allez-vous-en). Я заплакалъ и, видя это, онъ мнѣ сказалъ: „Подойдите, мой милый другъ. Я надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за это? У меня свои причины (Venez, mon cher ami. J'espere, que vous ne m'en voulez pas pour cela. J'ai mes raisons)“.

15-го. Сегодня и вчера, что за печальная моя должность объявить ему о грядущемъ его разрушеніи въ присутствіи ея величества императрицы, которая отправилась предложить ему вѣрное лекарство. Причащеніе Ѳедотовымъ. Его слово послѣ того.

16-го. Все мнѣ кажется слишкомъ поздно. Только вслѣдствіе упадка силъ физическихъ и душевныхъ и уменьшенія чувствительности удалось дать ему нѣкоторыя лекарства послѣ Святаго Причастія и напутствія Ѳедотова.

17-го. Отъ худаго къ худшему. Смотрите исторію болѣзни. Князь (Волконскій) въ первый разъ завладѣлъ моею постелью, чтобы быть ближе къ императору. Баронъ Дибичъ находится внизу.

18-го. Ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя. Я предупредилъ императрицу и князей Волконскаго и Дибича, которые находились: первый у него, а послѣдній внизу у камердинеровъ.

19-го. Ея величество императрица, которая провела много часовъ, вмѣстѣ со мною, одна у кровати императора всѣ эти дни, оставалась до тѣхъ поръ, пока наступила кончина въ 11 часовъ безъ 10-ти минутъ сегодняшняго утра. Князь (Волконскій), баронъ (Дибичъ), доктора, дежурные *de vita aeterna gaudenti* зрело.

20-го. Какъ скоро его величество скончался, даже до того, нѣкоторыя лица удостовѣрились въ вещахъ и въ короткое время бумаги были запечатаны; обмѣнивались замѣчаніями зависти, горечи объ отсутствующемъ.

22-го. Вскрытіе и бальзамированіе, которыя подтверждаютъ все то, что я предсказывалъ. О, если-бы я имѣлъ его согласіе, если-бы онъ былъ сговорчивъ и послушенъ, эта операція не происходила-бы здѣсь.

23-го. Жалобы медиковъ на тѣхъ, которымъ поручена экономическая часть, очень основательны.

Декабря 3-го. Съ экстренною почтою всѣ документы съ исторіею болѣзни (*historia morbi*) sent of to day to D-r Klinle for the Dowager Empress и четыре дня до отъѣзда вн. Гагарина

7-го. Отъѣздъ отсюда князя Гагарина.

11-го. Выносъ въ соборъ греческаго монастыря, гдѣ я присутствовалъ.

12-го. Большая служба въ монастырѣ, гдѣ я присутствовалъ съ печалью.

13-го. Сегодня намекъ князя, что я могу отправляться. Тѣмъ не менѣе, мнѣ нуженъ приказъ барона Дибича для исполненія сего. Приѣздъ Реада изъ Петербурга.

14-го. Я былъ нѣсколько разъ у ея величества императрицы. Въ день рожденія ¹⁾, третьяго дня, у нея былъ для меня самый трогательный и печальный въ моей жизни. Эта государыня тысячу и тысячу разъ достойна сожалѣній; никакого другаго пѣтъ желанія, какъ умереть.

15-го. Я оставался дома съ болью въ боку.

16-го. Я нахожусь дома съ докторомъ Нестеровымъ.

17-го. Я вышелъ къ столу и чтобы повидать княженъ Волконскихъ и трехъ адъютантовъ Я писалъ сегодня доктору Клинке, посылая ему послѣднюю инструкцію о сохраненіи.

18-го. Въ теченіе нѣсколькихъ дней зима водворилась и море замерзло настолько, что сдѣлалась возможною переправа на саняхъ.

25-го. Я былъ занятъ весь вечеръ съ 7-ми до 10^{1/2} часовъ упаковкою тѣла его величества. Великій Боже, какой гробъ, никуда не годится; начали вновь работать въ соборѣ новый гробъ. Я опасаюсь, чтобы свинецъ не раздавилъ голову; все сдѣлано кое-какъ. Но четыре адъютанта, генералы, Сазоновъ, князь, княжны убѣдились, что до сего времени все въ сохранности.

28-го. Я иду сегодня къ императрицѣ для полученія ея приказаній.

29-го. Я послѣдній разъ видѣлъ на землѣ моего обожаемаго повелителя. Вслѣдствіе ненависти ко мнѣ, я лишень удовольствія сопровождать его всю дорогу.

Я. Вилле.

¹⁾ Т. е. день рожденія почившаго императора (12-го декабря) Александра I.

Примѣчаніе. Къ изложенному встаети будетъ присовокупить описаніе таганрогскаго дворца, гдѣ опочилъ императоръ Александръ Благословенный, сдѣланное на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ, по нашей просьбѣ, однимъ лицомъ, посѣтившимъ этотъ городъ въ прошломъ (1890) году.

Дворецъ въ Таганрогѣ состоитъ изъ небольшого одноэтажнаго каменнаго домика, имѣющаго 13 оконъ на улицу; направо ворота, ведущія во дворъ, гдѣ имѣется подъѣздъ во дворецъ, а на лѣвой сторонѣ небольшой садъ. Фасадъ дома обращенъ желтою окрою, а украшенія на немъ бѣлою краскою; крыша, какъ надо полагать, была зеленаго цвѣта. Вообще по наружному своему, весьма скромному, виду, зданіе не походитъ на дворецъ. Всѣхъ комнатъ во дворцѣ 12; онѣ маленькія до чрезвычайности, не высоки; окна небольшія; меблировка старинная, краснаго дерева, сохраняемая въ чехлахъ со временъ Александра I. Нѣкоторыя комнаты окрашены, нѣкоторыя оклеены обоями. Планъ внутренній дворца слѣдующій: маленькая передняя въ одно окно во дворъ и рядомъ съ нею пріемная въ два окна; изъ нея ходъ въ залу, имѣющее на улицу и во дворъ по три окна; въ залѣ стулья, два стола и часы въ углу. Изъ зала направо дверь въ домовую церковь, устроенную послѣ кончины Александра I въ той комнатѣ, въ которой онъ скончался, а налѣво въ гостиную и затѣмъ спальню императора и другія комнаты. Живопись на иконахъ церкви настолько закопчена и загрязнена въ настоящее время, что судить объ ея достоинствахъ весьма трудно; въ алтарѣ весьма плохое изображеніе Иисуса Христа, несущаго крестъ. Иконостасъ зеленаго цвѣта, съ написанными бѣлыми колоннами, съ золотыми украшеніями и надписью: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы—и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“. Подъ алтаремъ, въ подвальномъ помѣщеніи, имѣется памятникъ, сдѣланный изъ бута; онъ какъ-бы поддерживаетъ потолокъ. На памятникѣ вдѣлана бронзовая доска съ изображеніемъ кончины Александра; барельефъ, но очень плохой. Памятникъ окружаютъ девять колоннъ, окрашенныхъ бѣлою краскою. По рассказамъ, подъ этимъ памятникомъ погребены внутренности Александра.

Служащіе при дворцѣ ошибочно нынѣ указываютъ на комнату, гдѣ будто-бы скончался императоръ; эта комнатка имѣетъ

два окна на улицу и находится между государевой гостиной, прилегающей къ залу, и опочивальнею императрицы; но этотъ покой не болѣе какъ одна изъ комнатъ, входившихъ въ число апартаментовъ императрицы Елисаветы Алексѣевны ¹⁾. Въ углу этой комнатки помѣщается большой турецкій диванъ, обитый когда-то розовою матеріею, нынѣ выгорѣвшею и сдѣлавшеюся желтаго цвѣта. У дивана ширмы изъ той-же матеріи. У того-же дивана въ головахъ столъ, покрытый ковромъ, вышитый, по разсказамъ, самую императрицею. Надъ столомъ въ настоящее время помѣщенъ портретъ въ старинной рамѣ императора Александра II. Въ противоположномъ углу печь; около нея бюро, съ мраморнымъ бюстикомъ Александра I. Ковры старыя. Въ спальнѣ императрицы: кровать, столъ, кресла, наугольникъ и портретъ ея масляными красками, повидимому, копія. Изъ спальни этой входъ въ гостиную государыни; оттуда въ комнату дежурнаго генерала и затѣмъ въ библіотеку, имѣющую одно окно во дворъ и вдоль стѣнъ книжные шкафы. Государь скончался въ той комнатѣ, въ которой помѣщена теперь церковь.

Сообщ. И. Г. Даниловъ,
почетный членъ Археологическаго института.

Гравир. Ѡ. Солнцева.

¹⁾ Такъ свидѣтельствуешь историкъ Александра I—Н. К. Шильдеръ.

СТАРЕЦЪ ѲЕОДОРЪ КУЗЬМИЧЪ

въ 1836—1864 гг. ¹⁾.

I.

Осенью 1836-го года въ одной изъ кузницъ, находящейся около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подѣхалъ какой-то мужчина, лѣтъ 60-ти, и попросилъ кузнеца подковать бывшую подъ нимъ верховую лошадь. Кузнецъ, исполняя желаніе проѣзжаго, заинтересовался красивою лошадыю и самою личностью старика, одѣтаго въ обыкновенный черный крестьянскій кафтанъ, не гармониовавшій съ чрезвычайно мягкими, такъ сказать не крестьянскими, манерами проѣзжаго, обратился къ нему съ обычными въ этакихъ случаяхъ вопросами о цѣли путешествія, принадлежности лошади и, наконецъ, о его имени и званіи. Уклончивые отвѣты проѣзжаго возбудили подозрѣнія собравшагося около кузницы народа и неизвѣстный безъ всякаго съ своей стороны сопротивленія былъ тутъ-же задержанъ и доставленъ въ городъ. На допросѣ онъ назвалъ себя крестьяниномъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, объяснилъ, что лошадь принадлежитъ ему, отказался отъ дальнѣйшихъ показаній и объявилъ себя не помнящимъ родства бродягою, слѣдствіемъ чего былъ арестъ и затѣмъ судъ по

¹⁾ См. о немъ-же въ „Русской Старинѣ“, изд. 1880 г., кн. XI, замѣтка кн. Н. С. Голицына; изд. 1887 г., замѣтки В. Долгорукова и И. Смирнова; изд. 1891 г., книга октябрь, стр. 233—240, — очеркъ епископа Петра. Въ третьемъ выпускѣ изданнаго нами Альбома портретовъ достопамятныхъ русскихъ людей, Спб., 1889 г.—помѣщенъ портретъ Ѳеодора Кузьмича и при немъ біографическая замѣтка.

Ред.

тогдашнимъ законамъ за бродяжество. Говорятъ, что необыкновенно симпатичная наружность этого человѣка, добродушное выраженіе лица его, изящныя манеры, умѣнье говорить и проч., обнаруживая въ немъ хорошее воспитаніе и какъ-бы знатное происхождение, вызвали общее сочувствіе и состраданіе; были употреблены всѣ мѣры уговорить его открыть свое настоящее званіе и происхождение, но всѣ увѣщанія и гуманныя попытки въ этомъ отношеніи оказались тщетными, и неизвѣстный упорно продолжалъ называть себя бродягою.

Въ томъ-же году Ѳеодоръ Кузьмичъ, какъ бродяга, былъ наказанъ 20-ю ударами плетей, высланъ изъ Красноуфимска на поселеніе въ Сибирь, въ Томскую губернію, близъ г. Ачинска, и приписанъ къ деревнѣ Зердалы, Боготольской волости (въ то время округа), куда и прибылъ съ 43-ею партією 26-го марта 1837 года ¹⁾.

Во время этого длиннаго слѣдованія этапнымъ порядкомъ по сибирскимъ дорогамъ, Ѳеодоръ Кузьмичъ своимъ поведеніемъ, услужливою заботливостью о слабыхъ и больныхъ арестантахъ, теплыми бесѣдами и утѣшеніями расположилъ къ себѣ всю партію злосчастныхъ путешественниковъ и, выпущенный на свободу съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по пути, положилъ залогъ своей будущей популярности.

Изъ помѣщенныхъ на страницахъ „Русской Старины“ замѣтокъ, по поводу этого старца, наиболѣе вниманія заслуживаетъ, разумѣется, сообщеніе И. Смирнова, какъ очевидца, хотя въ немъ довольно ясно проглядываетъ преобладаніе личнаго убѣжденія автора надъ дѣйствительностью, и сдѣланы слишкомъ смѣлыя заключенія; что-же касается сообщенія В. Долгорукова, основаннаго, по его-же собственному признанію, на народной молвѣ, можно сказать, что оно даетъ только отдаленное понятіе о существовавшемъ въ Сибири въ 1860-хъ годахъ какомъ-то старцѣ, при чемъ всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія представляютъ изъ себя, ни болѣе ни менѣе, какъ ни на на чемъ неоснованныя и, какъ увидимъ ниже, совершенно невѣрные слухи и предположенія.

Чтобы не быть голословнымъ, начну съ портрета. Приложенный къ стр. 216, т. LIV-го, октябрьской книги „Русской Старины“, изд. 1887 г., портретъ, а также прилагаемый при семъ снимокъ съ лежащаго въ гробу старца ясно указываютъ на то, что обѣ фотографіи сняты съ рисунка, слѣдовательно, дѣлать какія-либо заключенія относительно сходства его съ кѣмъ-бы то ни было

¹⁾ Справка въ экспедиціи о смѣльныхъ въ г. Томскѣ. ed by Google

слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, крайне осмотрительно ¹⁾. Замѣчаніе В. Долгорукова — будто близкими къ старцу лицами, только хитростью, удалось снять съ него фотографію, оказывается поэтому совершенно неосновательнымъ. Правда, Ѳеодоръ Кузьмичъ не позволялъ снимать съ себя при жизни фотографической карточки, но это можно объяснить или нежеланіемъ, какъ увидимъ ниже, привлекать къ себѣ излишнее вниманіе и возбуждать неумѣстные толки народа, или въ силу личныхъ религіозныхъ на этотъ предметъ убѣжденій ²⁾.

Изъ сообщеній лицъ, хорошо знавшихъ Ѳеодора Кузьмича, напримѣръ, архимандритовъ Алексѣевского монастыря: о. Лазаря, о. Виктора, нѣкоторыхъ монаховъ, Хромова и др., безошибочно можно сдѣлать приблизительно слѣдующее описаніе его наружности:

Ростъ его былъ выше средняго, около 2 арш. 9—10 в., плечи широкія, грудь высокая, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замѣчательно бѣлое, волосы на головѣ кудрявые (на карточкѣ они изображенъ невѣрно), борода длинная, разумѣется, немного вьющаяся, совершенно сѣдая ³⁾, вообще черты лица чрезвычайно правильныя, красивыя и симпатичныя. Характеръ добрый и мягкій, немного вспыльчивый, но въ общемъ скорѣе всего флегматическій.

Костюмъ его состоялъ обыкновенно изъ длинной, грубой, толстой холщевой рубахи (только въ двухъ экземплярахъ), подпоясанной тоненькимъ ремешкомъ или веревочкою, такихъ-же штановъ, 3—4-хъ паръ бѣлыхъ бумажныхъ чулковъ, ежедневно смѣняемыхъ, и обыкновенныхъ кожаныхъ туфель. Сверхъ рубахи надѣвалъ онъ иногда длинный темно-сипій суконный халатъ, а зимою старую сибирскую доху, (шуба мѣхомъ наружу) съ обливашею шерстью.

Не смотря на такой незначительный гардеробъ, одежда на немъ была постоянно чистая, вообще старецъ былъ чрезвычайно акуратенъ,

¹⁾ По единогласному заявленію всѣхъ знавшихъ Ѳеодора Кузьмича, предлагаемый при семъ снимокъ имѣетъ несравненно больше сходства съ оригиналомъ, чѣмъ тотъ, гдѣ старецъ изображенъ во весь ростъ, такъ какъ художникъ, рисовавшій портретъ съ лежащаго въ гробу покойника съ натуры, впоследствии уже воспринялъ его во весь ростъ, руководствуясь притомъ портретомъ императора Александра I.

²⁾ Известно, напримѣръ, что митр. Филаретъ и нѣкоторыя другія высокопоставленныя лица того времени смотрѣли на фотографію съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, объясняя дѣйствія ея известнымъ колебаніемъ частицы воздуха нечистымъ духомъ.

³⁾ По заявленію арх. Лазаря, видѣвшаго Ѳеодора Кузьмича въ 1862 году, волосы на его головѣ покрылись уже легкою желтизною, признакъ старости.

держалъ себя и свою келію въ неподражаемой чистотѣ и не выносилъ вообще никакого беспорядка.

Первое время по прибытіи въ Сибирь, Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ помѣщенъ на существовавшій тогда казенный Краснорѣченскій винокуренный заводъ, въ двухъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго, Боготольской волости, и въ 15-ти верстахъ отъ мѣста приписки, деревни Зерцалъ, гдѣ и прожилъ около 5-ти лѣтъ, не употребляемый, впрочемъ, ни на какія принудительныя работы.

О жизни его на этомъ заводѣ мнѣ не удалось собрать болѣе или менѣе точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній; говорятъ, что обходились съ нимъ вообще очень хорошо, смотритель любилъ его и доставлялъ ему все необходимое, а прочіе служащіе и рабочіе относились къ нему съ особою заботливостью.

Около 1842 года одинъ изъ сосѣднихъ жителей, нѣкто казакъ Семеонъ Николаевъ Сидоровъ, замѣтивъ въ старцѣ желаніе удалиться куда-нибудь подальше отъ народа, построилъ около своего дома въ Бѣлоярской станицѣ, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго въ сторону къ Ачинску, небольшую избушку, и уговорилъ старца переселиться къ нему, на что онъ и согласился очень охотно. Узнавъ объ этомъ, крестьяне сосѣднихъ деревень наперебой начали заманивать къ себѣ старца, предлагая ему большія удобства, очевидно съ расчетомъ имѣть около себя свѣдущаго человѣка и добросовѣстнаго руководителя. Просьбы эти, не давая ему покоя, заставили его, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Бѣлоярской станицѣ, переѣхать въ деревню Зерцалы, т. е. поселиться на мѣстѣ своей приписки. Въ этой деревнѣ Ѳеодоръ Кузьмичъ, не смотря на приглашенія нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, прожилъ цѣлую зиму въ избѣ одного добродушнаго и скромнаго поселенца Ивана Иванова, только - что отслужившаго срокъ въ каторжныхъ работахъ, человѣка семейнаго и очень бѣднаго, но съ большимъ радушіемъ принявшаго старца въ свою хижину.

Замѣтивъ, что жизнь въ общей избѣ видимо тяготитъ старца, Иванъ Ивановъ предложилъ крестьянамъ устроить ему отдѣльную келію, гдѣ-нибудь возлѣ деревни, что и было общими силами тотчасъ-же очень охотно, по указанію самого старца, изъ стараго овечьяго хлѣва для него сдѣлано.

Надо замѣтить, что въ Сибири лѣсъ вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣетъ никакой цѣнности, слѣдовательно постройка такихъ келій, кромѣ затраченнаго труда, не представляетъ для крестьянъ никакихъ затрудненій и матеріальныхъ ущербовъ.

Въ этотъ періодъ времени Ѳеодоръ Кузьмичъ часто посѣщаль сосѣднія деревни, нерѣдко гостилъ въ Бѣлоярской станицѣ, а однажды лѣтомъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотыя прииски Попова и проработалъ на нихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ простаго рабочаго. Поповскими приисками управлялъ тогда извѣстный впоследствии всей Сибири золотопромышленникъ Асташевъ, обратившій вниманіе на старца и отзывавшійся о немъ съ большимъ уваженіемъ.

По возвращеніи съ приисковъ, старецъ окончательно поселился во вновь устроенной келіи въ Зерцаловѣ и прожилъ въ этой деревнѣ около 6-ти лѣтъ, постоянно навѣщая сосѣднія.

Въ 1849 году одинъ богатый и богобоязненный краснорѣченскій крестьянинъ Иванъ Гавриловичъ Латышевъ, пользовавшійся всеобщою любовью за свою доброту, устроилъ около своей пасѣки на живописномъ мѣстѣ, верстахъ въ двухъ отъ села Краснорѣчинскаго внизъ по р. Чулыму, на самомъ берегу рѣки, новую маленькую келію и переманилъ къ себѣ получившаго уже общую извѣстность богомольнаго старца.

Съ этого времени личность Ѳеодора Кузьмича начинаетъ уже привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, а таинственныя посѣщенія, внезапныя пріѣзды къ нему какихъ-то господъ возбуждаютъ всеобщее любопытство и разнаго рода догадки относительно его происхожденія. Никакихъ, однако, серьезныхъ намековъ на будто-бы царственное происхожденіе его, какъ увѣряетъ В. Долгоруковъ, ни Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, ни его окружающими въ это время не дѣлалось и народная молва считала его какимъ-то сосланнымъ или добровольно оставившимъ свой постъ митрополитомъ, хотя весь его образъ жизни не заключалъ въ себѣ ни одной характеристической черты, по которой можно было-бы предположить принадлежность его къ духовному званію.

Самъ онъ всячески избѣгалъ разговоровъ о своемъ происхожденіи и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ самозванства. Ни цесаревичемъ Константиномъ, ни Александромъ и никѣмъ инымъ не называлъ онъ себя, и отъ предлагаемыхъ вопросовъ старался всячески уклоняться.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Сибири вообще мало интересуются первоначальною исторіею вновь прибывшаго. Русское коренное населеніе ведетъ свою исторію, въ большинствѣ случаевъ, отъ ссыльныхъ пращуровъ, и въ народѣ, какъ-бы изъ деликатности, установился тенденціозный обычай не бередить иногда только-что залѣченныя въ этомъ отношеніи семейныя раны. Огромное количество

непомнящихъ родства бродягъ разныхъ званій постоянно поддерживаетъ этотъ обычай и сибирское населеніе, привыкшее оцѣнивать всякаго пріѣзжаго человѣка, не касаясь его исторіи, весьма мало интересуется такими бродягами. Всякіе намеки даже и на очень высокое происхожденіе и отиѣнную когда-то дѣятельность принимаются въ Сибири съ чрезвычайною критикою и притомъ съ необыкновеннымъ равнодушіемъ.

Нужно поэтому обладать рѣдкими качествами и имѣть за собою достаточно блестящее прошлое, чтобы возбудить въ Сибири всеобщее вниманіе и уваженіе. Даже въ наше время вы встрѣтите не мало бывшихъ севастопольскихъ героевъ, отставныхъ генераловъ въ полинявшихъ николаевскихъ шинеляхъ съ капюшонами, разстриженныхъ архимандритовъ, свихнувшихся съ жизненнаго пути предводителей и предсѣдателей разныхъ обществъ и учреждений, и массу другихъ всевозможнаго рода болѣе или менѣе значительныхъ кабинетныхъ и государственныхъ дѣятелей, имѣвшихъ въ свое время и власть и положеніе, но теперь, такъ сказать, политически совершенно умершихъ и утратившихъ всякое общественное значеніе. Если они и находятъ еще иногда слушателей, то бесѣды ихъ заключаютъ въ себѣ только горькія воспоминанія минувшаго или безильныя ожесточенныя проклятія своей судьбѣ и неопѣнвшему ихъ способности и плодотворные труды человѣчеству. Почти всѣ они отживаютъ здѣсь вѣкъ свой всѣми забытые и оставленные, и сибирскія вьюги замѣтаютъ слѣды ихъ прежней дѣятельности...

Личность Ѧеодора Кузьмича, помимо своего происхожденія, заслуживаетъ уже серьезнаго вниманія, какъ продуктъ религіозныхъ движеній начала нынѣшняго столѣтія. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ типами старинныхъ юродствующихъ обличителей, или пессимистическими религіозными мистиками въ родѣ, на примѣръ, Ѧеодосія Левицкаго и ему подобныхъ, ни проповѣдывалъ никакихъ богословскихъ теорій и не выказывалъ никакихъ признаковъ принадлежности къ сектантству или массонскимъ ложамъ и вообще, какъ видно, обнаруживалъ вполне здравое современное отношеніе къ религіознымъ ученіямъ. Хромовъ, въ домѣ котораго умеръ Ѧеодоръ Кузьмичъ, причисливъ его къ лику святыхъ, искалъ его свѣтлую личность своими записками до неузнаваемости, и съ помощію всевозможныхъ странниковъ распространилъ интересныя, только въ изученіи съ психологической стороны натуры самого Хромова, повѣствованія о немъ далеко за предѣлами Сибири.

Ѧеодоръ Кузьмичъ былъ далеко не такимъ святошею и ханжею, какимъ изображаетъ его въ своихъ запискахъ услужливый Хромовъ.

Получившій несомнѣнно высокое для тогдашняго времени образованіе, движимый гуманными идеями, цѣлями и побужденіями, человѣкъ этотъ, какъ видно, не мало потрудился на вѣку своемъ на пользу дорогому его сердцу отечеству и до самой своей смерти не измѣнилъ своимъ, если можно такъ выразиться, альтруистическимъ убѣжденіямъ.

Изучая жизнь этого старца, невольно приходитъ на мысль: неужели этотъ развитой, съ такимъ богатствомъ знаній и тактичности, человѣкъ не могъ въ то время занять соотвѣтствующее своимъ способностямъ мѣсто и не заявить себя ничѣмъ особеннымъ? Неужели онъ въ цѣлѣ лѣтъ совершилъ какое-нибудь преступленіе и принужденъ былъ, удалившись отъ міра, бродить по городамъ и селамъ великой имперіи, отыскивая по монастырямъ временный пріютъ и кой-какую пищу?!...

Но, повторяю, если отбросить все прошедшее этого человѣка, т. е. всю его жизнь до прибытія въ предѣлы Сибири, то и тогда онъ заслуживаетъ вѣчной памяти потомства, какъ одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ муравьиныхъ труженниковъ, неумоимо разбрасывающихъ сѣмена гуманныхъ идей въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ нашей великой родины.

Нечего и говорить, какое огромное воспитательное значеніе въ средѣ неразвитой массы народа имѣютъ такіе безкорыстные труженники, подавая примѣръ безупречной жизни и наглядно указывая на способы ея упорядочиванія.

Переходя изъ деревни въ деревню, Θεодоръ Кузьмичъ дѣлалъ все, что только можетъ дѣлать хорошо воспитанный и образованный человѣкъ, поставленный въ необходимость жить въ массѣ неразвитаго крестьянскаго населенія. Онъ училъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, знакомилъ съ священнымъ писаніемъ, съ географіею и исторіею и во всемъ этомъ не было ничего тенденціознаго, превеличеннаго; всѣ свѣдѣнія и поученія, сообщаемыя имъ, всегда отличались правдивостью, глубоко врѣзывались въ головы учениковъ его и сохранились до сихъ поръ. Взрослыхъ онъ увлекалъ религиозными бесѣдами, занимательными рассказами изъ событій отечественной исторіи, въ особенности о военныхъ походахъ и сраженіяхъ, при чемъ, незамѣтно для себя самого, вдавался иногда въ такія мелкія подробности, напримѣръ, въ эпизодахъ войны 1812-го года, что возбуждалъ общее недоумѣніе даже среди лицъ, сравнительно развитыхъ, какъ-то: мѣстнаго духовенства и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ ссыльныхъ.

Тонкое пониманіе человѣческой природы и въ особенности духовной

стороны ея въ связи съ необыкновеннымъ даромъ слова позволяли ему исцѣлять душевные недуги, подмѣчать и указывать слабыя стороны человѣка, угадывая иногда тайныя намѣренія, что въ связи съ его образомъ жизни, умѣньемъ обращаться съ больными, облегчать ихъ страданія и пр., возвысили его въ глазахъ простаго народа и возбудили о немъ впоследствии, какъ о великомъ угодникѣ Божиѣмъ, всевозможныя толки далеко за предѣлами его мѣстопребыванія. Кромѣ того, онъ обнаруживалъ не малое знаніе крестьянской жизни, отдавалъ предпочтеніе земледѣльцамъ, дѣлалъ цѣнныя сельско-хозяйственныя указанія относительно выбора и обработки земли, устройства огородовъ и всякаго рода поствовъ. Говорилъ о значеніи земледѣльческаго класса въ государственномъ строѣ, знакомилъ крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями, училъ уважать власть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низводилъ великихъ государственныхъ дѣятелей до степени обыкновеннаго человѣка.

„И цари, и полководцы, и архіереи — такіе-же люди, какъ и вы, — говорилъ онъ, — только Богу угодно было однихъ надѣлать властью великою, а другимъ предназначилъ жить подъ ихъ постояннымъ покровительствомъ“...

Отношенія его къ окружающимъ вполне гармонировали съ подобнымъ возрѣніемъ; онъ никогда не отдавалъ предпочтенія званію, и оцѣнивалъ человѣка по его личнымъ качествамъ.

Частная жизнь Ѳеодора Кузьмича отличалась особою строгостью, правильностью и воздержностью. Обстановка всѣхъ его маленькихъ келій указывала на крайнюю неприхотливость самого хозяина. Жесткая постель, двѣ или три скамейки и небольшой столикъ — составляли всю его мебель. Въ правомъ углу висѣло нѣсколько образовъ: Печерской Божіей Матери, маленькій образокъ Александра Невскаго и др.; кромѣ того, онъ вѣшалъ въ этомъ углу нѣкоторыя картинки религіознаго содержанія, приносимыя ему разными странниками, но выбиралъ изъ нихъ только болѣе приличныя и осмысленныя по содержанію, напр., виды монастырей, портреты митрополитовъ и евангельскія притчи. Никакихъ изображеній „страшнаго суда“, „семи смертныхъ грѣховъ“ и имъ подобныхъ у него не было, и это до нѣкоторой степени указываетъ на его умственное развитіе. На столѣ стояло небольшое распятіе, лежало Евангеліе, акаѣистъ Живоначальной Троицы, Псалтирь, маленькій киево-печерскій молитвенникъ и небольшая книжка подъ заглавіемъ „Семь словъ на крестѣ Спасителя“. Никакихъ лубочныхъ изданій и жизнеописаній святыхъ отцовъ онъ не имѣлъ у себя, и отзывался о большинствѣ изъ нихъ какъ о сочиненіяхъ, недостойныхъ серьезнаго вниманія.

По имѣющимъ даннымъ можно заключить, что Ѳеодоръ Кузьмичъ имѣлъ обширную переписку съ разными лицами, чрезъ различныхъ странниковъ ¹⁾ и постоянно получалъ всякаго рода свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Россіи, но тщательно скрывалъ отъ постороннихъ чернила и бумагу.

Вставалъ Ѳеодоръ Кузьмичъ очень рано и все свободное время посвящалъ, вѣроятно, молитвѣ. Никто, однако, не видалъ когда онъ молился, потому что дверь его кельи была постоянно заперта; только послѣ смерти колѣни его оказались покрытыми толстыми мозолями, что заставляетъ предполагать продолжительное и усердное стояніе на нихъ.

Пищу онъ принималъ самую скудную; его обѣдъ состоялъ изъ сушеныхъ сухарей, вымоченныхъ въ обыкновенной водѣ, для чего въ кельи его постоянно находился маленький тусокъ (родъ большой кружки изъ березовой коры,—весьма распространенная по Сибири посуда) и деревянная ложечка. Почитатели Ѳеодора Кузьмича почти ежедневно приносили ему пищу, а въ особенности по праздникамъ, заваливая пирогами, лепешками и т. п. Старецъ охотно принималъ все это, но, отвѣдавъ немного, оставлялъ, какъ онъ выражался, для „гостей“ и раздавалъ затѣмъ заходившимъ къ нему бродягамъ и странникамъ. Строго соблюдая посты, онъ никогда, однако, не рисовался этимъ. Однажды, одна изъ его почитательницъ принесла ему жирный пирогъ съ нельмой (вкусная сибирская рыба) и выразила сомнѣніе въ томъ, будетъ-ли онъ его кушать.

„Отчего же не буду — возразилъ ей на это старецъ — я вовсе не такой постникъ, за какого ты принимаешь меня!“

Вообще-же онъ не брезгалъ никакою пищею и приводилъ обыкновенно извѣстное евангельское выраженіе, что всякую предлагаемую пищу слѣдуетъ принимать съ благодарностью; хотя и просилъ постоянно, чтобы ему не приносили никакихъ яствъ, такъ какъ онъ уже давно отвыкъ отъ жирной и сладкой пищи. Ѳеодоръ Кузьмичъ не отказывался даже отъ мяса, но ѣлъ его очень немного, очевидно, только для виду, а въ особенности любилъ жаренныя оладьи съ сахаромъ. „Отъ такихъ оладей и самъ-бы царь не отказался!“—говорилъ онъ, когда ему стряпали ихъ.

Навѣщая своихъ любимцевъ, онъ не отказывался ни отъ какого

¹⁾ Многие странники и въ наше время, посвятивъ себя бродячей жизни, переходятъ изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, и служатъ для передачи тайной переписки между нѣкоторыми духовными лицами. Нѣкоторые, даже очень высокопоставленные, лица принимаютъ у себя такихъ уже извѣстныхъ имъ странниковъ и даютъ имъ иногда кое-какія порученія.

угощенія, охотно пилъ чай, выпивая только два стакана, но до вина никогда не дотрогивался и строго порицалъ пьянство.

У себя въ келіи Феодоръ Кузьмичъ принималъ всѣхъ приходящихъ къ нему за совѣтами и рѣдко отказывалъ кому-нибудь въ приѣмѣ. Денегъ онъ ни съ кого никогда не бралъ и не имѣлъ ихъ у себя. Всякаго рода совѣты давалъ, разумѣется, безвозмездно и разговаривалъ съ незнакомыми всегда стоя или прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, держа обыкновенно руки на бедрахъ или придерживая одною изъ нихъ грудь ¹⁾. Съ нѣкоторыми, въ особенности съ бродягами ²⁾ и странниками, бесѣдовалъ иногда подолгу, а иныхъ оставлялъ ночевать у себя. Церковную службу Феодоръ Кузьмичъ посѣщалъ очень аккуратно, всегда становился на правой сторонѣ поближе къ двери. У себя въ селѣ, не смотря на свою религіозность, онъ никогда не ходилъ къ исповѣди и причастію, чѣмъ и возбудилъ было къ себѣ негодованіе мѣстнаго духовенства. На неоднократныя предложенія священника причаститься, онъ отвѣчалъ обыкновенно:

„Господь удостоилъ меня принимать эту пищу!“

Впослѣдствіи-же оказалось, что у Феодора Кузьмича былъ постоянный духовникъ—протоіерей Красноярской кладбищенской церкви отецъ Петръ, человекъ очень хорошей жизни, получившій хорошее образованіе, горячо любимый своею паствою. Священникъ этотъ заѣзжалъ къ старцу раза два—три въ году, иногда подолгу оставался у него, бесѣдовалъ о немъ съ крестьянами и уговаривалъ ихъ относиться къ старцу съ особеннымъ уваженіемъ, такъ какъ это былъ, по его словамъ, „великій угодникъ Божій“. Его личныя отношенія къ Феодору Кузьмичу ограничивались единственно принятіемъ отъ него исповѣди ³⁾.

¹⁾ Укааываю на такія подробности потому, что группировка такихъ мелочей можетъ, до нѣкоторой степени, выяснить принадлежность его къ нѣвѣстному сословію, напр. въ этомъ случаѣ—къ военному.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что слово „бродяга“ не звучитъ диссонансомъ въ средѣ мѣстнаго населенія въ Сибири. Классъ этотъ, включая въ себѣ людей различныхъ сословій, вызываетъ со стороны многихъ большое сочувствіе. Между бродягами попадаются люди даже весьма порядочные, такъ или иначе поставленные въ необходимость забывать свое происхожденіе; всѣ они имѣютъ свою длинную, занимательную исторію, полную трагизма или до невѣроятности несправедливыхъ ударовъ судьбы, наконецъ, между ними есть люди дѣйствительно преступные, раскаявшіеся, люди съ оригинальнымъ складомъ ума, полупомѣшанные и т. п.

³⁾ Протоіерей Красноярской кладбищенской церкви, отецъ Петръ Половъ, впослѣдствіи красноярскій епископъ Павелъ, † въ Красноярскѣ, въ 1880 г.

Разсказываютъ, что мѣстный священникъ, не видя его у себя на духу, первое время относился къ нему очень недружелюбно, предостерегая крестьянъ и совѣтуя имъ держаться подалеже отъ старца-расколника. Однажды, выведенный изъ терпѣнья хладнокровіемъ и упорствомъ, съ которымъ Ѳеодоръ Кузьмичъ отказывался принять отъ него причастіе, священникъ назвалъ его при всемъ народѣ „безбожникомъ“. Въ тотъ-же день священникъ этотъ почувствовалъ себя очень плохо и къ вечеру слегъ въ постель. Призванный изъ Ачинска врачъ объявилъ его безнадежнымъ. Тогда, по совѣту односельчанъ, семейство священника обратилось къ Ѳеодору Кузьмичу и со слезами стало просить его помочь ихъ горю. Старецъ, осмотрѣвъ больного, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, какъ нужно относиться къ людямъ, которые никому не дѣлаютъ никакого зла и какъ осторожно слѣдуетъ дѣлать заключенія и произносить надъ людьми приговоры, и объявилъ, что больной скоро поправится. Черезъ нѣсколько времени ему, дѣйствительно, сдѣлалось лучше и старецъ приобрѣлъ въ немъ съ того времени искренняго почитателя.

По большимъ праздникамъ, послѣ обѣдни, Ѳеодоръ Кузьмичъ заходилъ обыкновенно къ двумъ старушкамъ, Маріи и Марѣ, и пилъ у нихъ чай ¹⁾. Въ день Александра Невскаго въ этомъ домѣ приготавлились для него пироги и другія деревенскія яства. Старецъ проводилъ у нихъ все послѣ-обѣденное время и вообще, по сообщеніямъ знавшихъ его, весь этотъ день былъ необыкновенно веселъ, вспоминалъ о Петербургѣ, и въ этихъ воспоминаніяхъ проглядывало нѣчто для него родное и душевное.— „Какія торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ, разсказывалъ онъ, стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщеніе и общая радость наполняла сердца человѣческія...“

Вообще знаніе петербургской придворной жизни и этикета, а также событій начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтія онъ обнаруживалъ необычайное; зналъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и высказывалъ иногда довольно вѣрныя характеристики ихъ. Съ большимъ благоговѣніемъ отзывался онъ о митрополитѣ Филаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Разсказывалъ объ Аракчеевѣ, его военныхъ поселеніяхъ, о его дѣятельности, вспоминалъ о Суворовѣ, Кутузовѣ и пр. Про Кутузова говорилъ, что онъ былъ великій

¹⁾ Старушки эти, Марія и Марфа, нынѣ умершія, жили ранѣе около Печерскаго монастыря, Новг. губ., между Изборскомъ и Псковомъ, занимаясь огородничествомъ. Сосланныя въ Сибирь своими господами (къмъ именно — неизвѣстно) за какую-то провинность, пришли со старцемъ въ одной партіи.

полководецъ и Александръ завидоваль ему. Всѣ подобныя воспоминанія и сужденія о людяхъ имѣли характеръ, если можно такъ выразиться, какой-то объективный, въ силу чего неразвитой народъ приписываль ему какую-то возвышенную способность смотрѣть на вещи съ какой-то необыкновенной, непонятной для нихъ точки зрѣнія. Замѣчательно, что Ѳеодоръ Кузьмичъ никогда не упоминаль объ императорѣ Павлѣ I и не касался характеристики Александра Павловича. Только событія, тѣсно связанныя съ именемъ этого императора, неизбѣжно должны были вызывать въ немъ нѣкоторыя сужденія. „Когда французы подходили къ Москвѣ, рассказываль Ѳеодоръ Кузьмичъ,—императоръ Александръ припаль къ мощамъ Сергія Радонежскаго и долго со слезами молился этому угоднику. Въ это время онъ услышаль, какъ будто-бы внутренней голосъ сказалъ ему: „Иди, Александръ, дай полную волю Кутузову, да поможетъ Богъ изгнать изъ Москвы французовъ!... Какъ Фараонъ погрязъ въ Черномъ морѣ, такъ и французы на Березовой рѣкѣ“.

„Когда Александръ, рассказываль въ другой разъ старецъ, ѣхаль изъ Парижа, купцы устилали дорогу сукномъ, а купчихи ¹⁾ разными богатыми шаялами, и ему это очень понравилось“. Подобныхъ рассказовъ сохранилось не мало въ народной памяти.

Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ въ деревнѣ Зерцалахъ жилъ другой богомольный сподвижникъ, старецъ Даніилъ († 1843 г., въ Енисейскѣ), изъ сосланныхъ солдатъ, пользовавшійся также всеобщимъ уваженіемъ. Ѳеодоръ Кузьмичъ нерѣдко заходилъ, въ бытность Даніила въ Зерцалахъ, въ эту деревню, но, какъ говорятъ, никогда не встрѣчался съ нимъ и не имѣль съ Даніиломъ ничего общаго. Послѣ смерти этого старца, крестьяне деревни Зерцаль, предполагая въ Даніилѣ великаго угодника Божьяго, выстроили на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ и молился старецъ, маленькую часовню, а черезъ нѣсколько лѣтъ соорудили, вмѣсто нея, церковь. Ѳеодоръ Кузьмичъ заботливо посѣщаль эту часовню и старался не заглушать въ народѣ добрую память о Даніилѣ. Когда ему показали печатное жизнеописаніе Даніила, онъ выразился такимъ образомъ:

„Даніилъ былъ человекъ святой жизни и рѣдко кто могъ понимать его; книжка же эта составлена (не по разуму) нехорошо и неумѣло“. Впослѣдствіи, когда какой-то священникъ назвалъ Ѳеодора Кузьмича ученикомъ Даніила, онъ возразилъ на это: „Даніилъ не имѣль учениковъ, да и не могъ никого учить, потому что онъ былъ малообразованъ и едва грамотенъ!“

¹⁾ Вдова Маріанна Ивановна Ткачева.

Оставляя въ 1857 году навсегда селеніе Зерцалы, Ѳеодоръ Кузьмичъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню образъ Печерской Божіей Матери и Евангеліе. Въ день отъѣзда пригласилъ нѣсколько крестьянъ въ часовню и, по окончаніи молебна, поставилъ въ эту часовню раскрашенный разноцвѣтными красками вензель, изображавшій букву А, съ короною надъ нею и летящимъ голубкомъ, вмѣсто перечерка.

„Храните этотъ вензель пуще своего глаза“, сказалъ онъ при этомъ зерцаловскимъ крестьянамъ—и буква эта до сихъ поръ хранится въ часовнѣ, помѣщаясь за поставленнымъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ образомъ Печерской Божіей Матери.

II.

Во все время пребыванія Теодора Кузьмича на пасѣкѣ Латышева 1848—1851 гг., народъ цѣлыми толпами осаждалъ его со всевозможными просьбами. У одного заболѣетъ корова, у другаго пропала лошадь, у третьяго приключилось еще какое-нибудь несчастіе и старецъ съ большою охотою надѣлялъ cadaго своимисовѣтами.

Замѣтивъ, что слухи о немъ распространяются все далѣе и далѣе, привлекая несмѣтныя полчища всякаго люда, иногда даже изъ простаго любопытства посмотрѣть на удивительнаго старца, Теодоръ Кузьмичъ однажды, не сказавши никому, кромѣ Латышева, скрылся въ тайгу и, побродивши въ ней нѣсколько времени, выбралъ себѣ около деревни Коробейниковой, находящейся верстахъ въ 10-ти отъ Краснорѣченска къ сѣверу, въ самой тайгѣ, удобное мѣстечко и попросилъ Латышева перевести туда свою келью.

Мало по малу народъ узналъ, однако, новое мѣстопробываніе своего любимаго старца и снова началъ осаждать его разными просьбами. Не находя, очевидно, никакого другаго исхода и требуя соответствующаго лѣтамъ своимъ покоя, Теодоръ Кузьмичъ сталъ чаще запирать свою келью и впускать въ нее только нѣкоторыхъ, большинству-же сталъ или вовсе отказывать въ пріемѣ или принималъ и разговаривалъ съ посѣтителями на улицѣ; въ этотъ періодъ времени онъ иногда по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ своей кельи и совершенно уже не показывался посѣтителямъ.

Проживши около Коробейниковъ три года (1851—1854 гг.) онъ снова переѣхалъ на Красную рѣчку, причемъ Латышевъ устроилъ ему въ сторонѣ отъ дороги, въ самой горѣ, надъ обрывомъ, въ густомъ кустарникѣ, новую келію. Эта келія была послѣднею его хижиною въ этой мѣстности. Здѣсь онъ продолжалъ вести такую-же затворническую жизнь и только рѣже сталъ посѣщать сосѣднія деревни. Очевидно, разшатанное здоровье его не позволяло ему уже совершать далекихъ прогулокъ и отнимало возможность работать физически. Окруженный истинными почитателями, старецъ, повидимому, тяготился пріобрѣтенною имъ популярностію и всячески старался укрываться отъ новыхъ посѣтителей. Особеннымъ расположеніемъ его пользовались только немногіе. Изъ крестьянъ онъ въ особенности любилъ бывшаго своего хозяина въ Зерцалахъ

Ивана Иванова, казака Симона Николаева Сидорова, крестьянина деревни Коробейниковой—Ивана Яковлева Коробейникова, жену его Феклу Степанову и въ особенности маленькую дочь ихъ Θεоктисту, затѣмъ Ивана Гаврилова Латышева, сына его Архипа Иванова, крестьянина Ачинскаго округа деревни Мазули Ивана Θεодотова Ерлыкова, дочь его Марью Иванову и маленькаго сына, котораго, между прочимъ, выучилъ въ 3 мѣсяца грамотѣ. Изъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ въ это время лучшимъ его другомъ былъ преосвященный Афанасій Иркутскій, неоднократно заѣзжавшій къ нему изъ Иркутска, останавливаясь иногда въ его кельѣ по нѣскольку дней сряду, и затѣмъ протоіерей о. Петръ, какъ сказано выше, духовникъ его.

Лучшимъ, однако, другомъ его, или, лучше сказать, единственнымъ человѣкъ, котораго онъ окружалъ особою отеческою заботливостью, обращаясь съ нимъ какъ съ роднымъ дѣтищемъ, была одна молодая дѣвушка, дочь бѣднаго краснорѣченскаго крестьянина Александра Никифоровна, извѣстная теперь всему Томску подъ именемъ „Майорши“ Θεодоровой. Жизнь и судьба этой, теперь уже 60-ти-лѣтней, женщины, тѣсно связанная съ жизнью обожаемаго ею старца, представляетъ сама по себѣ не малый интересъ, поднимая нѣсколько завѣсы подвижнической жизни и закулисной стороны тогдашней эпохи. Съ разрѣшенія этой простой, но доброй, всѣми уважаемой женщины, я позволю себѣ познакомить съ ея судьбою читателя.

Александра Никифоровна родилась въ 1827 году, въ селѣ Краснорѣченскомъ и, рано лишившись родителей, попала подъ покровительство мѣстнаго священника, о. Поликарпа. Находясь постоянно при церкви, подъ непосредственнымъ вліяніемъ священно-церковнослужителей, она скоро стала очень религіозной, а природный умъ, мягкое сердце и необыкновенная отзывчивость съ самыхъ раннихъ лѣтъ требовала всецѣло отдаться служенію на пользу ближняго. Ей было около 12 лѣтъ, когда она первый разъ увидѣла необыкновеннаго старца Θεодора Кузьмича. Толки о его строгой подвижнической жизни, чудодѣйственной силѣ, величественная фигура, общее къ нему уваженіе—какъ-то невольно заставляли ее смотрѣть на него, какъ на нѣчто высокое, таинственное и недосягаемое. Мало по малу чувство это перешло въ слѣпое, безсознательное почитаніе, и дѣтское любопытство возбудило желаніе поближе познакомиться съ нимъ. Нерѣдко видѣла она Θεодора Кузьмича работавшимъ въ огородѣ, вмѣстѣ съ крестьянскими дѣвушками, или окруженнаго толпою крестьянъ, внимательно слушавшихъ его поучительныя

бесѣды, и каждый разъ непреодолимая сила влекла ее къ нему поближе, ей хотѣлось послушать этого добраго старика, сдѣлать ему какое-нибудь удовольствіе или просто поболтать и приласкаться къ нему, но братья не пускали ее, говоря: „Нечего тебѣ беспокоить его, онъ съ тобой и говорить не будетъ“.

Проходя какъ-то изъ лѣсу съ корзиночкою брусницы мимо сосѣдняго огорода, увидала она въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя копающаго картофель старца и не утерпѣла, быстро перепрыгнувъ черезъ заплоть, она подбѣжала къ нему и, какъ она рассказывала съ какимъ-то затаеннымъ сердечнымъ трепетомъ протянула ему свою корзиночку съ словами:

„Не хочешь-ли, дѣдушка, ягодокъ?“

Старичекъ тотчасъ поднялъ голову, подошелъ къ смѣлой дѣвчкѣ и въ добрыхъ глазахъ показались слезы умиленія; онъ наклонился къ ней, взялъ обѣими руками ее головку и поцѣловалъ въ лобикъ.

„Спасибо, миленькая . . . развѣ ты не боишься подходить ко мнѣ, вѣдь тебя за это бранить будутъ“...

— „Пускай бранять, дѣдушка, я васъ полюбила, ягодокъ принесла, я давно хотѣла убѣжать къ вамъ, да все боялась, говорила, ласкаясь, къ нему дѣвочка“.

Старикъ опять поцѣловалъ ее въ лобикъ, приласкалъ ее и велѣлъ приходять къ жившимъ на заводѣ двумъ сосланнымъ старушкамъ Аннѣ и Марфѣ, у которыхъ онъ бывалъ довольно часто.— Съ этихъ поръ Александра Никифоровна безотчетно отдалась доброму старичку и сдѣлалась его первою любимцею. Цѣлые дни проводила она у него, исполняя его порученія, сопровождала его во время прогулокъ, чинила его платье, а впослѣдствіи, когда старецъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Зерцалахъ, навѣщала его и тамъ почти ежедневно, ночуя около его кельи и всевозможными способами оказывала ему свое расположеніе.—Разказы о жизни въ Россіи, о святыхъ мѣстахъ, монастыряхъ, великихъ подвижникахъ и богатствахъ лавръ совершенно вскружили голову молодой дѣвушкѣ. Ѳеодоръ Кузьмичъ зналъ рѣшительно всѣ монастыри и лавры и рассказывалъ о нихъ съ такими подробностями и такъ увлекательно, что Александра Никифоровна во что-бы то ни стало порѣшила въ своемъ умѣ отправиться странствовать по Россіи. Родные братья ни за что не хотѣли отпускать ее изъ родной семьи и чтобы измѣнить ее намѣреніе, стали подыскивать ей подходящую партію. Настроенная на лигіозный ладъ, она наотрѣвъ отказалась отъ мысли о замужествѣ. Ѳеодоръ Кузьмичъ оказалъ ей въ этомъ отношеніи немалую поддержку:

„Погоди, говорить онъ ей, успѣешь еще выйти замужъ, тебѣ негодятся эти женихи, ты непременно выйдешь замужъ за какого-нибудь офицера.

Дѣвушка, привышая безпрекословно повиноваться своему покровителю, еще болѣе утвердилась въ своихъ намѣреніяхъ и воодушевляемая разказами старца, однажды категорически заявила о своемъ неизмѣнномъ желаніи отправиться къ святымъ мѣстамъ на богомолье; тогда ей уже было болѣе 20 лѣтъ отъ роду.

Феодоръ Кузьмичъ составилъ ей подробный планъ путешествія, онъ отмѣтилъ монастыри, въ которыхъ она должна побывать во время своего странствованія, указалъ на лицъ, гостепріимно принимающихъ странниковъ, надѣлилъ всевозможными совѣтами и въ 1849 году благословилъ свою любимицу на дальнее странствованіе... Какъ-бы мнѣ увидать въ Россіи царя, спрашивала Александра Никифоровна старца Феодора Кузьмича, собираясь въ дорогу и спрашивая его о разныхъ высокооставленныхъ лицахъ.

„А развѣ тебѣ хочется видѣть царя?“

— „Какъ-же, батюшка, не хочется, все говорятъ царь,—царь, а какой онъ изъ себя—и не знаешь“.

„Погоди, задумчиво замѣтилъ ей на это старецъ, можетъ быть и не одного царя на своемъ вѣку увидать придется, Богъ дастъ и разговаривать еще съ нимъ будешь и увидишь тогда какіе цари бываютъ“.

Много пришлось Александрѣ Никифоровнѣ испытать разныхъ передрагъ и дорожныхъ приключеній, прежде чѣмъ она добралась, наконецъ, до Почаевского монастыря, гдѣ, по указанію Феодора Кузьмича, должна была встрѣтить какую-то „добрую и гостепріимную графиню“.

Разспросивъ кое-кого изъ мѣстныхъ жителей, бойкая дѣвушка очень скоро отыскала эту графиню и, заинтересовавъ ее своимъ грандіознымъ странствованіемъ въ такія молодые лѣта, расположила къ себѣ добрую жепщину. Графиня эта, какъ оказалась впоследствии, была жена извѣстнаго въ свое время богомольца графа Дмитрія Ерощевича Остенъ-Сакена.

Проживши нѣсколько дней въ Почаевскомъ монастырѣ, Александра Никифоровна вмѣстѣ съ графинею Остенъ-Сакенъ отправилась въ Кременчугъ, гдѣ Остенъ-Сакенъ жилъ въ это время со всѣмъ семействомъ и лѣчился отъ полученной имъ въ Венгріи раны. Графъ и его семейство съ большимъ радушіемъ приняли молодую странницу и съ любопытствомъ спрашивали ее о сибирской жизни и вскорѣ она приобрѣла себѣ въ этомъ домѣ общую

любовь, и гостепріимные хозяева уговорили ее погостить у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сибирскую гостью угощали чѣмъ могли, и общество, собиравшееся у графа, забавлялось ея безхитростными повѣствованіями. Въ это время, то есть осенью 1849 года, въ Кременчугъ прибылъ императоръ Николай Павловичъ и остановился въ домѣ графа Остенъ-Сакена. Цѣлыя сутки Александра Никифоровна провела подъ одною кровлею съ своимъ царемъ при самомъ добродушномъ его къ ней отношеніи. Государь, очевидно, заинтересовался молодою богомолкою и возможностью познакомиться, благодаря ея еще дѣтской наивности, съ жизненною обстановкою крестьянъ далекаго уголка своего государства и закидывалъ ее всякаго рода вопросами: „И сколько у нихъ погъ за свадьбы беретъ, и какъ себя дѣвушки ведутъ!—разсказывала она—и чѣмъ народъ занимается, и что ѣсть, и многое кое о чемъ спрашивалъ, и все я ему съ проста-то поразсказывала, а они (то есть государь и графъ) слушаютъ, да смѣются. „Вотъ, говорить государь Остенъ Сакену, какая у тебя смѣлая гостья-то пріѣхала“.—„А чего-же мнѣ, говорю, бояться-то, со мной Богъ, да святыми молитвами великій старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, а вы всѣ такіе добрые, ишь какъ меня угощаете“¹⁾).

Уѣзжая, императоръ Николай Павловичъ приказалъ Сакену дать Александрѣ Никифоровнѣ записку - пропускъ, сказавъ ей: „если ты будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи ту записку и нигдѣ не задержатъ,—разсказала-бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ, присовокупивъ: если тебѣ въ чемъ будетъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду“! (Записку она отъ Сакена получила, но въ ней надобности не имѣла).

Проживъ около трехъ мѣсяцевъ въ домѣ графа Остенъ-Сакена и посѣтивъ нѣкоторые затѣмъ сосѣдніе монастыри, Александра Никифоровна, въ 1852 году, воротилась на родину. Со слезами на глазахъ разсказываетъ она свое свиданіе съ ожидавшимъ ее съ нетерпѣніемъ старцемъ. Долго обнималъ меня Ѳеодоръ Кузьмичъ, прежде чѣмъ приступилъ ко мнѣ съ распросами о моихъ странствованіяхъ, и все-то я разсказала ему, гдѣ была, что видѣла и съ кѣмъ разговаривала; слушалъ онъ меня со вниманіемъ, обо всемъ спрашивалъ подробно, а потомъ сильно и задумался; смотрѣла, смотрѣла я на него, разсказываетъ дальше Александра Никифоровна, да и говорю ему проста: „Батюшка Ѳеодоръ Кузьмичъ! Какъ вы на императора Александра Павловича похожи! Какъ я

¹⁾ Графъ только улыбнулся, а Николай Павловичъ какъ-бы насупился.

только это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурились, да строго такъ на меня. „А ты почему знаешь? Кто это тебя научилъ такъ сказать мнѣ?“ Я и испугалась. — „Никто, говорю, батюшка,—это я такъ спроста сказала, я видѣла во весь ростъ портретъ императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи, и также руку держите, какъ онъ!“ Ничего не сказавъ ей на это старецъ, повернулся только и вышелъ въ другую комнату и, какъ она увидѣла, оберъ рукавомъ своей рубашки полившіяся изъ глазъ его слезы“...

Далѣе исторія Александры Никифоровны принимаетъ уже совершенно сказочный характеръ, напоминая собою сверхъ-естественныя приключенія героевъ тысячи и одной ночи. Тѣмъ не менѣе, достоверность дальнѣйшихъ событій вполне подтверждается неопровержимыми фактами и заставляетъ только удивляться съ такими, однако, обстоятельствами наводя на различные размышленія: около 5 лѣтъ прожила она возлѣ старца, продолжая по прежнему окружать его нѣжною и безкорытною заботливостію. Въ свою очередь, и старецъ отдавалъ ей предпочтеніе предъ всѣми другими дѣвушками, слѣдя за ней, какъ за родною дочерью, и руководилъ всѣми ея поступками. Это было нѣчто въ родѣ идеальной любви убѣденнаго сѣдинами старца къ молодой и цвѣтущей незапятнанной людскими дрязгами дѣвушки.

— „Погоди, успѣешь еще выйти замужъ, говорилъ онъ ей неоднократно, когда она сообщала ему о безпрестанно повторяющихся предложеніяхъ со стороны молодежи той деревни, гдѣ она жила. За твою доброту Богъ не оставитъ тебя и царь позаботится наградить тебя за твое обо мнѣ попеченіе“. То же самое говорилъ онъ и моимъ братьямъ: „Не трогайте ее, она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ, самъ царь наградитъ ее своею казною“.

Въ концѣ 1857 года Θεодоръ Кузьмичъ снова вызываетъ въ ней желаніе отправиться на богомолье въ Россію, снова указываетъ ей на мѣста, гдѣ она можетъ ожидать для себя особаго гостепрїимства и помощи и въ особенности упиралъ на то, чтобы она побывала въ Кіево-Печерской лаврѣ.

— „Есть тамъ, говорилъ онъ ей, такъ называемыя пещеры, и живетъ въ этихъ пещерахъ великій подвижникъ старецъ Парфеній (умеръ 1864 года) и еще одинъ старецъ Аѳанасій; живутъ они: одинъ въ дальнихъ, а другой въ ближнихъ пещерахъ, отыщи ихъ ты непременно, попроси ихъ помолиться за тебя, расскажи

имъ о житьѣ своемъ. Въ особенности не забудь побывать у Парфенія. Если онъ спроситъ тебя, зачѣмъ ты пришла къ нему, скажи, что проситъ его благословенія, ходила по святымъ мѣстамъ и пришла изъ Красной рѣчки; что-бы ни спрашивалъ онъ тебя, говори ему чистую правду, потому что великій это подвижникъ и угодникъ Божій. А что, Сашенька, ты меня не боишься?”

„Что-же мнѣ васъ бояться-то, Ѳеодоръ Кузьмичъ, вѣдь вы ласковы ко мнѣ всегда были, да и другихъ-то никого не обижаете!“

— Это только теперъ я съ тобою такой ласковый, а когда я былъ великимъ разбойникомъ, то ты, навѣрное, испугалась-бы меня!

Въ тотъ разъ много говорилъ о Петербургѣ, царѣ и войнахъ, которыя такъ губятъ безвинный народъ!

Не стану описывать подробностей этого странствованія, замѣчу только, что всѣ, на кого указывалъ ей Ѳеодоръ Кузьмичъ, принимали ее съ особеннымъ гостепримствомъ, указывали дальнѣйшій путь и безопасные пріюты и ограждали отъ различныхъ случайностей. Въ Петербургѣ черезъ генерала (фамилію его она забыла) ей пришлось проѣхать въ Валаамъ на одномъ пароходѣ съ покойною императрицею Марією Александровною, которая, узнавъ отъ своихъ фрейлинъ о томъ, что на пароходѣ находится молодая сибирячка, пригласила ее къ себѣ и долго разговаривала о Сибири.

Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій добралась она и до Кіева. Отстоявъ утреню и обѣдню въ лаврѣ, отправилась она въ скитъ и отыскала старца Парфенія. Схимникъ встрѣтилъ ее очень сурово, но узнавъ откуда она, обласкалъ и благословилъ ее.

— „Зачѣмъ тебѣ мое благословеніе, замѣтилъ онъ ей,—когда у васъ на Красной рѣчкѣ есть великій подвижникъ и угодникъ Божій! Онъ будетъ столпомъ отъ земли до неба!“

Послѣ этихъ словъ, о. Парфеній долго разспрашивалъ ее объ ея странствованіяхъ, намѣреніяхъ и жизни въ Сибири, а затѣмъ спросилъ долго-ли она думаетъ оставаться въ Кіевѣ? Получивъ отвѣтъ, что желаніе ея заключается въ томъ, чтобы поскорѣе добраться до родины, онъ сказалъ ей:

„Нечего тебѣ дѣлать въ Сибири, оставайся здѣсь, поговѣй у меня, а когда причастишься Св. Таинъ, я скажу тебѣ, куда отправиться“.

Исполнивъ его приказаніе, Александра Никифоровна пришла къ нему за совѣтомъ.

„Если кто-нибудь будетъ звать тебя въ Почаевъ, то поѣзжай туда, сказалъ ей о. Парфеній,—и приходи ко мнѣ, я благословлю тебя“.

— „Но, вѣдь, я уже была тамъ“, замѣтила Александра Никифоровна.

„Все равно, поѣзжай!“

Грустно и страшно сдѣлалось Александрѣ Никифоровнѣ, однако, она не рѣшалась послушаться. На другой день долго и горячо молилась она за обѣдню, слезы такъ и лились изъ глазъ ея.

Народъ уже выходилъ изъ церкви, когда она встала съ колѣнъ и оставила свою молитву. Смотрить, въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ стоитъ какой-то пожилой офицеръ и пристально на нее смотреть. Александрѣ Никифоровнѣ стало неловко.

Вдругъ офицеръ обращается къ ней и спрашиваетъ:

— „О чемъ вы такъ горько плакали?“

„Не знаю, куда идти, отвѣчала я ему: — хочется воротиться домой, а старецъ Парфеній совѣтуетъ отправиться въ Почаевъ!“

— „Поѣдьте вмѣстѣ въ Почаевъ, я тоже туда ѣду, а теперь поѣдьте ко мнѣ чай кушать“.

Александра Никифоровна еще болѣе растерялась.

„А вы семейные?“ спрашиваетъ она въ замѣшательствѣ.

— „Да, у меня большое семейство, говорить офицеръ, замѣтивъ ея замѣшательство,—не бойтесь, у меня останавливаются разные странницы, меня здѣсь всѣ знаютъ—я маіоръ Ѳедоровъ“.

Войдя въ домъ маіора, она тотчасъ увидѣла все его семейство, это была цѣлая толпа разныхъ странницъ и странниковъ. Вся квартира представляла нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома. Здѣсь находили пріютъ и даровое угощеніе многіе богомольцы и Александра Никифоровна почувствовала себя сразу, какъ у себя дома. Маіоръ Ѳедоровъ провелъ ее въ свои комнаты и позаботился накормить ее какъ можно лучше. Дня черезъ два маіоръ собрался ѣхать въ Почаевъ. Александру Никифоровну очень безпокоила мысль, что она не имѣетъ паспорта, потому что старому срокъ давно уже истекъ, родные ея, требуя домой, не высылали нарочно новаго, а потому она и объяснила все это благодѣтелю своему.

— „Я вашъ паспортъ, отвѣтилъ ей маіоръ. — Со мной можете быть совершенно спокойны, васъ никто не обидитъ. Поѣдьте!“

По прибытіи въ Почаевъ, по совѣту маіора, Александра Никифоровна остановилась у двухъ старушекъ, ему знакомыхъ. На другой день, послѣ обѣдни, приходитъ какой-то и проситъ Александру Никифоровну пожаловать къ преосвященному Исидору (эзархъ Грузіи, архіепископъ тифлисскій, онъ пріѣзжалъ въ Почаевъ и живалъ тамъ по нѣскольку недѣль).

„Зачѣмъ я къ нему пойду, вѣдь преосвященный меня не знаетъ, не обманъ-ли это какой“, а потому и отказалась отъ приглашенія.

Черезъ нѣсколько минутъ монахъ вернулся и повторилъ просьбу преосвященнаго, тогда, скрѣпя сердце и недоумѣвая, отправилась Александра Никифоровна къ нему.

Преосвященный тотчасъ-же принялъ ее очень радушно, усадилъ за столъ, велѣлъ подать кофею и закидалъ ее разными вопросами.

— „Какъ это вы не боитесь, сказалъ онъ ей, между прочимъ, въ такихъ лѣтахъ (ей было тогда 32 года) пускаться въ такое дальнее странствованіе, мой совѣтъ: выходите-ка вы лучше замужъ, а я вамъ отыщу жениха хорошаго“.

Нечего и говорить, какъ поразило такое предложеніе со стороны почтеннаго архіерея набожную странницу. Преосвященный позволилъ и велѣлъ пригласить дожидавшагося у него въ кабинетѣ маіора Ѧодорова:

„Вотъ, сказалъ преосвященный, вы очень понравились маіору Ѧодору Ивановичу и онъ непремѣнно хочетъ просить руки вашей. Мой отеческій совѣтъ—не отказывайтесь“.

Преосвященный Исидоръ отъ себя вытребовалъ изъ Красной рѣчки ея метрику и Александра Никифоровна вышла замужъ за маіора Ѧодора Ивановича Ѧодорова.

Проживши въ Кіевѣ съ мужемъ пять лѣтъ, уже вышедшимъ въ отставку, она овдовѣла и воротилась на родину, а теперь проживаетъ въ городѣ Томскѣ, получая пожизненную пенсію—сто пятьдесятъ рублей въ годъ.

„Вотъ, замѣтила она, и сбылось предсказаніе старца Ѧодора Кузьмича, который говорилъ: „Погоди, самъ царь наградитъ тебя своею казною за твою доброту и попеченіе обо мнѣ“. Теперь я вдова, получаю пенсію и живу какъ мнѣ хочется“.

Александра Никифоровна, по возвращеніи на родину, не застала въ живыхъ старца Ѧодора Кузьмича; онъ въ ея отсутствіе перѣѣхалъ на житье въ городъ Томскъ, къ купцу Хромову, сначала въ домъ, а потомъ во вновь выстроенную для него келью. Тѣло старца похоронено при Алексѣевскомъ мужскомъ монастырѣ, куда она почти ежедневно приходила послѣ церковной службы, на его могилку, и всякій разъ возносила молитвы ко Господу со слезами объ упокоеніи его души и молилась ему, считая его за великаго угодника Божьяго.

Въ послѣдніе годы пребыванія Ѧодора Кузьмича на Красной рѣчкѣ, пріѣхала погостить къ какимъ-то своимъ знакомымъ изъ Красноярска очень богатая женщина, жена генерала Картухова, Анна Васильевна, женщина очень богомольная и набожная. Увидя старца и побесѣдовавъ съ нимъ, она совершенно очаровалась его

рѣчами и, во все пребываніе свое въ Красноярѣнскѣ, не упускала ни одного случая побесѣдовать и чѣмъ-нибудь порадовать старца. Уѣзжая, она предложила ему переѣхать въ Красноярскъ, общаясь окружить лучшими удобствами, чѣмъ онъ пользуется, и снабдить всѣмъ необходимымъ. Однако, Ѳеодоръ Кузьмичъ наотрѣзъ отказался отъ какихъ-бы то ни было вспомоствованій и принялъ отъ нея только черный халатикъ изъ грубой матеріи, таеъ какъ его халатъ давно износился до негодности, и носилъ этотъ халатъ до самой своей смерти.

Сильное впечатлѣніе произвелъ старецъ на красноярскаго священника Рачкова, который сразу, послѣ перваго разговора съ нимъ, призналъ его за великаго Божьяго угодника, обладавшаго необыкновенными познаніями, и на іеромонаха Израйля, прибывшаго изъ Аэона за сборомъ подааній, который вышелъ отъ Ѳеодора Кузьмича съ рыданіями, рассказывая потомъ, что, не смотря на его далекія и многолѣтнія странствованія, такого великаго человѣка ему приходится видѣть въ первый разъ въ жизни.

Въ тотъ годъ, когда Александра Никифоровна отправилась второй разъ въ Россію на богомолье (1852 г.), старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ жилъ въ Красноярѣнскѣ. Къ нему, однажды, пріѣхалъ томскій купецъ Семенъ Ѳеофантьевичъ Хромовъ, наслышавшись отъ отца Парфенія Аэонскаго, который послѣ былъ гуслицимъ игуменомъ. Подходя къ кельѣ, произнесъ громко обыкновенную молитву, какаѣ принята между монашествующими лицами; дверь была не заперта; Ѳеодоръ Кузьмичъ спросилъ Хромова, откуда ѣдетъ. Отвѣтилъ ему, что ѣдетъ по дѣламъ золотопромышленности

— „Охота тебѣ заниматься этимъ промысломъ и безъ него Богъ питаетъ тебя“, — и затѣмъ старецъ дѣлалъ ему наставленія, какъ жить слѣдуетъ всякому христіанину, не заботиться о насущномъ хлѣбѣ, а болѣе думать о будущей жизни: „И пока владѣешь пріисками, то не обиралъ-бы рабочихъ“. Хромову очень полюбился старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, а потому онъ всякій разъ, когда бывалъ въ той мѣстности, то считалъ своею священною обязанностію повидать такого благочестиваго старца и послушать его поученій; неотвязчивая мысль засѣла въ его головѣ уговорить старца переселиться къ нему на постоянное жительство. Съ этою мыслию онъ не разставался, повѣдалъ своей женѣ и порѣшили выстроить на своей заимкѣ, что въ 4-хъ верстахъ отъ города Томска, отдѣльную келію, гдѣ-бы о. Ѳеодору было покойно и уютно. Радостный для него день насталъ: старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ согласился и пріѣхалъ къ нему 31-го октября 1858 года.

Въ 1859 году старецъ Теодоръ Кузьмичъ заболѣлъ довольно серьезно, тогда Хромовъ обратился къ нему съ вопросомъ—не открытъ-ли онъ ему кто онъ?

„Нѣтъ, это не можетъ быть открыто никогда, объ этомъ меня просили преосвященный Иннокентій и Афанасій, и я имъ то-же сказалъ, что говорю тебѣ, панокъ“.

Однажды, жена Хромова пріѣхала на заимку къ старцу и, войдя къ нему въ келію, увидѣла, что онъ сидитъ на лежанкѣ. Подозрѣвая кто онъ, ей стало грустно, что въ ту минуту представлялъ изъ себя старецъ, далеко отъ всѣхъ, какъ-бы забытый міромъ, и несетъ добровольно такой крестъ и смиреніе. Вдругъ старецъ обращается къ ней и говоритъ:

„Полно, любезная, это воля Божія“; немного помолчавъ, добавилъ: „Да, любезная, кто былъ, гдѣ былъ, и очутился здѣсь у васъ на полянкѣ“. Иногда старецъ Теодоръ Кузьмичъ любилъ кой-что рассказывать и Хромову; вотъ, между прочимъ, что онъ ему повѣдалъ:

— „Когда въ Россіи, особенно въ высшемъ кругу, распространилась масонская ложа, то императоръ Александръ I созвалъ собраніе во дворцѣ изъ высшихъ и гражданскихъ и духовныхъ лицъ, то почти всѣ они пожелали участвовать въ той ложѣ. Входитъ архимандритъ Фотій и сказалъ только: „Да заградятся уста нечестивыхъ“. Отъ этихъ словъ все собраніе не могло и слова выговорить, такъ и разошлось, а секта рушилась. Да, Фотій былъ мужъ благодатный!“

Памятны Хромову и слѣдующія слова: „Да, любезный, царская служба не безъ нужды“. „Романовыхъ домъ крѣпко укоренился и глубоко корень его, милостію Божіею, повторялъ онъ,—глубоко корень его сидитъ!“

Теодоръ Кузьмичъ часто въ праздники ходилъ въ семинарскую домовую церковь и всегда становился у печи на одномъ мѣстѣ, а когда сталъ замѣчать, что на него большое обращается вниманіе, то и вовсе пересталъ ходить въ церковь.

Покойный архимандритъ томскаго мужскаго монастыря Викторъ, во время сорокалѣтняго своего управленія означеннаго монастыря, хорошо зналъ старца Теодора Кузьмича и не раздѣлялъ мнѣнія большинства томскаго духовенства, что онъ будто-бы не ходилъ на исповѣдь, а напротивъ, ему было извѣстно, что духовникомъ его былъ Воскресенской церкви іерей Николай Созуновъ. Также пріѣзжалъ на Хромовскую заимку бывшій иркутскій іеромонахъ Германъ, который также предъ своей кончиной говорилъ,

что у него на духу бывалъ старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, о которомъ отзывался какъ о великомъ подвижникѣ, и знаетъ кто онъ.

20-го января 1864 г. Хромовъ пришелъ утромъ къ старцу Ѳеодору Кузьмичу провѣдать его, такъ какъ видно было, что онъ страдаетъ. Въ то время старецъ жилъ въ келіи, нарочно для него выстроенной около дома Хромова. Видя, что жизнь Ѳеодора Кузьмича угасаетъ, Хромовъ просилъ благословить его. „Господь тебя благословить и меня благослови“; жена Хромова сказала старцу: „Объяви хотя имя своего ангела“, и на это онъ сказалъ: „Это Богъ знаетъ“.

— „Батюшка, въ случаѣ вашей кончины, не надѣть-ли на васъ этотъ черненскій халатикъ?“ спросилъ Хромовъ. Ѳеодоръ Кузьмичъ сказалъ: „Я не монахъ“, а обратившись къ Хромову, добавилъ: „Панокъ меня не величь“. Подъ этимъ словомъ Хромовъ понялъ, что старецъ желалъ не пышнаго одѣянія, а скромныхъ похоронъ. Въ продолженіе дня Хромовъ нѣсколько разъ входилъ провѣдывать угасающаго старца, и видно было, что Ѳеодоръ Кузьмичъ уже боролся со смертію: то ляжетъ на одинъ бокъ, то привстанетъ, то опять повернется на другой бокъ, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Много приходило разнаго люда въ келію старца, чтобы испросить у него для себя благословенія и видѣть конецъ его жизни. Послѣ 8 часовъ вечера, когда всѣ посторонніе люди ушли, старецъ, обращаясь къ Хромову и показывая ему на маленькій мѣшечекъ, висѣвшій на стѣнѣ, сказалъ:

— „Въ немъ моя тайна“.

Потомъ онъ попросилъ себя поднять, посидѣлъ немного, опять положили его на лѣвый бокъ, немного полежалъ, вдругъ самъ повернулся на спину, три раза вздохнулъ рѣдко, а четвертый тихо, и предалъ душу свою Богу въ 8³/₄ часовъ пополудни того-же дня 20-го января 1864 г.

Ѳеодоръ Кузьмичъ похороненъ на кладбищѣ Томскаго Богородице-Алексѣевского мужскаго монастыря. Могилка его обнесена деревянною рѣшеткою, выкрашеною бѣлою краскою, по угламъ посажены четыре кедровыхъ дерева, а внутри ограды крестъ, тоже деревянный, выкрашенный бѣлою краскою, и на немъ надпись:

„Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Ѳеодора Кузьмича, скончавшагося 20-го января 1864 года“.

По приказанію бывшаго начальника Томской губерніи Мерцалова, надпись черною краскою: „Великаго Благословеннаго“ приказано было закрасить бѣлою краскою, но отъ времени бѣлая краска

слиняда и теперь закрашенное явственно можно прочесть, какъ было написано прежде.

Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ умеръ и никому изъ знавшихъ его не открылъ кто онъ.

Послѣ смерти старца, найдено въ его мѣшечкѣ, про который онъ сказалъ: „въ немъ моя тайна“, снимокъ, какъ полагаютъ, ключъ къ его перепискѣ съ другимъ лицомъ.

Къ настоящему очерку прилагается портретъ, снятый карандашемъ, когда тѣло Ѳеодора Кузьмича лежало на столѣ.

Другой портретъ во весь ростъ, снятый на память, какъ онъ вообще стоялъ, придерживаясь къ подлинному портрету, снятому съ покойника,—былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1887 г., томъ LVI, стр. 217.

Планъ и рисунокъ келии при домѣ Хромова, гдѣ старецъ скончался—въ городѣ Томскѣ, воспроизведенъ въ снимкахъ при этомъ же очеркѣ.

Настоящій очеркъ составилъ потомственный дворянинъ Тверской губернии, Корчевскаго уѣзда,

Михаилъ Ѳеодоровичъ Мельницкій.

Примѣчаніе. Составитель житія Ѳеодора Кузьмича Михаилъ Ѳеодоровичъ Мельницкій, скончался въ началѣ 1891 г. въ Томскѣ. Родитель покойнаго монаха Алексѣевского въ Томскѣ монастыря, Ѳеофилъ, препроводилъ къ намъ, въ редакцію „Русской Старинѣ“, оставшійся по смерти сына трудъ, каковой и помѣщенъ нами выше, какъ интересное народное сказаніе, легенда, окружавшая благочестиваго старца-огшельника тайною будто-бы высокаго происхожденія.

Тамъ-же, въ Западной Сибири, гдѣ, безъ сомнѣнія, память о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ проживетъ еще очень долго, распространено еще болѣе любопытное, по поводу его, также всеконечно фантастическое, сказаніе:

Предъ смертію старца Ѳеодора Кузьмича, дочь Хромова, Анна Семеновна, къ которой старецъ былъ расположенъ, просила его открыть ей кто онъ.

— „Пресвятая Богородица скажетъ послѣ моей смерти“ (указывая на икону Почаевской Божіей Матери).

Послѣ смерти старца оказалось, что назади за иконою скрыта была переписка, которую Хромовъ въ скоромъ времени повезъ показать покойному Филарету, митрополиту московскому, а затѣмъ въ Петербургъ и чрезъ шефа жандармовъ, князя Василія Андреевича Долгорукова, Хромовъ будто-бы просилъ свиданія съ покойнымъ императоромъ Александромъ II; свиданіе не послѣдовало, бумаги отъ Хромова отобраны, а его за болтливость будто-бы посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, продержавъ нѣсколько мѣсяцевъ, отпустили, съ тѣмъ, чтобы онъ болѣе не болталъ.

Намъ пишутъ, что у Хромова и теперь имѣются тѣ Записки, которые онъ напелъ у иконы, подлинныя-ли онѣ или только копіи—неизвѣстно, но онъ будто-бы ихъ показывать боится.

Ключъ въ перепискѣ Феодора Кузьмича.

Христосъ имя есть — „ Духъ Нѣбесный божѣственный— „ воплотился въ лѣвовѣчество — „ отъ Святаго духа — „ бысть помазану — „ безъ всякия меры сего ради — „ почитаетъ нанемъ — „ духъ божій — „ духъ прѣмудрости — „ духъ разума — „ духъ совета — „ духъ крѣпости — „ духъ познанія — „ духъ благочестія — „ духъ страха божия — „

1849го Г. Июня 24го пинѣ Оглу, пред Царя= О дѣсе тебѣ.

1 ^а	2 ^а	3 ^а	4 ^а
о ^а	в ^а	а	ж ^а
г ^а	д ^а	се, ео	а м в ^а р ^а
с ^а	з ^а	з ^а	д *я

А. Крываютъ, Струфанъ.

1837го. Г. Мар^а 26го в^а вол.
43^а. Пар^а,

Видиши Накое васъ бѣз словѣне счастье слово изънѣсе.

Но егда убо, А^а молчатъ, П^а нѣвозвѣщаютъ.

Келія старца Феодора Кузьмича въ городѣ Томскѣ

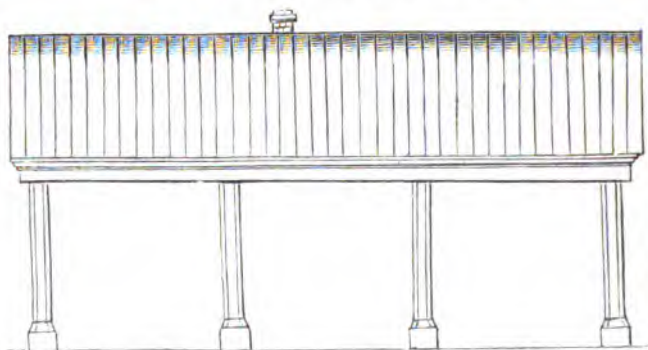
съ южной стороны:

съ восточной стороны:

Навъсъ надъ келіей съ восточной стороны.

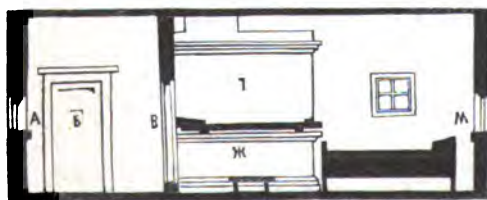
поясненіе.

- А. Разрѣзь окна.
- Б. Дверь въ сортиръ.
- В. Разрѣзь двери.
- Г. Печь.
- Д. Постель.
- Е. Подушка
- Ж. Лежанка
- З. Скамеечка.
- К. Подушка.
- Л. Кровать.
- М. Разрѣзь окна.

поясненіе.

- 1. Крестъ въ киотѣ.
- 2. Образъ.
- 3. Икона въ киотѣ.
- 4. Образъ на бумагѣ.
- 5. Просфора.
- 6. Скатерть.
- 7. Угольникъ.
- 8. Окно.
- 9. Портретъ покойнаго.
- 10. Скамья.
- 11. Разрѣзь двери.
- 12. Дверь съ улицы.
- 13. Разрѣзная скамья.
- 14. Полка.
- 15. Разрѣзь окна.

Планъ келіи.

РОССІЯ и РУССКІЙ ДВОРЪ въ 1839 г. ¹⁾

Записки французскаго путешественника Кюстина.

Письмо четырнадцатое.

Петербургъ 22-го іюля 1839 г.

Населеніе Петербурга простирается до 450,000 человекъ, не считая войскъ, если вѣрить словамъ русскихъ добрыхъ патріотовъ, но люди хорошо освѣдомленные и поэтому слывшіе здѣсь за неблагонамѣренныхъ, увѣрили меня, что оно не доходитъ до этой цифры, считая въ ней даже войска. Что дѣйствительно безспорно, то это то, что этотъ городъ дворцовъ, со своими огромными пустырями, называемыми площадями,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ LI, іюль, стр. 21—22; изд. 1891 г., томъ LXIX, январь, стр. 145—184; февраль, стр. 407—420. „Русская Старина“ уже ознакомила своихъ читателей съ жизнью, личностью и первыми главами пресловутаго сочиненія маркиза де Кюстина. („Рус. Ст.“ изд. 1886 г., т. LI, стр. 21; изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 145 и 407. Нынѣ представляя въ сообщеніи Н. К. Шильдера еще нѣсколько выдержекъ изъ того-же сочиненія, мы едва-ли должны оговаривать, что поверхностныя замѣтки маркиза, не лишеныя мѣстами остроумія и наблюдательности, но болѣе забавныя по своей скороспѣлости, самоувѣренности автора, а иногда и прямо неглупости оныхъ, имѣютъ интересъ, между прочимъ, потому, что по нимъ читающая Европа поль-вѣтка тому навадъ составляла свои не всегда вѣрныя понятія о Россіи, русскихъ людяхъ и русскихъ учрежденіяхъ. Сочиненіе маркиза де-Кюстина имѣло долго и вполне незаслуженный успѣхъ за рубежомъ Россіи, что объясняется исключительно тогдашнимъ малымъ знакомствомъ Европы съ нашимъ отечествомъ. Ред.

походить на поле, раздѣленное перегородками. Маленькіе деревянныя домики преобладаютъ въ удаленныхъ отъ центра частяхъ города.

Русскіе, происходя изъ семьи народовъ, долгое время оставшихся бродячими и непремѣнно воинственными, не вполнѣ еще забыли бивуачную жизнь. Всѣ народы, недавно явившіеся изъ Азіи, подобно туркамъ, живутъ въ Европѣ, какъ въ лагерѣ. Петербургъ—главная квартира арміи, а не столица народа. Какъ ни великолѣпенъ этотъ военный городъ, онъ кажется пустымъ европейцу.

— „Разстоянія—бичъ Россіи“, сказалъ мнѣ императоръ Николай, и справедливость этого замѣчанія можно провѣрить даже на улицахъ Петербурга. Здѣсь визитъ — цѣлое путешествіе, и ѣзда четверикомъ является необходимою для всякаго, кто захочетъ посѣщать свѣтъ. Но не всѣ имѣютъ право впрягать четверку лошадей въ свою карету; подобное разрѣшеніе дается лишь лицамъ съ извѣстнымъ положеніемъ.

Въ Петербургѣ до того много дворцовъ и похожихъ на дворцы казармъ, что, право, мнѣ кажется, что на площадяхъ его, вѣчно безмолвныхъ и угрюмыхъ, по причинѣ ихъ размѣровъ, а главное, ихъ неприкосновенной правильности, больше колоннъ, чѣмъ людей. За отсутствіемъ живаго понятія искусства и свободнаго творчества фантазіи, пользующейся данными народной жизни и вновь воспроизводящей ее, въ основу петербургской архитектуры легла математическая вѣрность глаза. Поэтому-то, осматривая это отечество безвкусныхъ памятниковъ, ни на минуту не можешь забыть, что этотъ городъ созданъ волею одного человѣка, а не самимъ народомъ. Нѣтъ широкихъ замысловъ, хотя размѣры всего колоссальны. Это доказываетъ только, что все можетъ получиться по заказу, исключая граціи, родной сестры воображенія.

Главная улица въ Петербургѣ—Невскій проспектъ. Красивый, тянущійся на цѣлое лье, широкій какъ наши бульвары, мѣстами усаженный деревьями (1839 г.), съ тою же печальною участію, какъ въ Парижѣ, онъ служитъ мѣстомъ прогулокъ и свиданій для всѣхъ незнаемыхъ людей города. Собственно говоря, ихъ здѣсь немного, потому что здѣсь не двигаются просто для того, чтобы двигаться, а каждый шагъ имѣетъ свою цѣль, независимую отъ удовольствія. Идти съ приказаніемъ, прислуживаться, повиноваться кому бы то ни было — вотъ что приводитъ въ движеніе ббльшую часть Петербурга и всей имперіи. Прекрасные каменные тротуары сильно разнятся отъ жалкихъ деревянныхъ мостковъ, еще донинѣ (1839 г.) позорящихъ отдаленныя улицы. Великолѣпный городъ, созданный Петромъ, украшенный Екатериною и выровненный другими монархами, на

болотистой и почти постоянно затопленной мѣстности теряется, наконецъ, въ ужасной кучѣ лавчонокъ и мастерскихъ, смѣшанной массѣ неопредѣленныхъ зданій, обширныхъ безформенныхъ площадей, которыя, благодаря природной беспорядочности русскихъ и ихъ врожденной неопрятности, въ теченіи цѣлаго столѣтія, загромаждаются разнаго рода остатками и нечистотами. Эта дрянь изъ года въ годъ накапливается въ русскихъ городахъ, чтобы протестовать противъ стремленій лицъ, льстящихъ себя надеждою истинно просвѣтити славянскія народности. Природный характеръ этихъ народовъ, какъ бы онъ искаженъ ни былъ, все таки пробивается въ какомъ-либо уголкѣ города или дома, и если у нихъ есть то, что называютъ городами или домами, то не потому, чтобы любили ихъ или чувствовали въ нихъ надобность, но потому лишь, что имъ сказали, что нужно ихъ имѣть или, лучше сказать, сносить, чтобы не отставать отъ коренныхъ націй цивилизованнаго запада. Главная же причина этому та, что если-бы они вздумали противорѣчить людямъ, руководящимъ ими чисто по военному и являющимся для нихъ одновременно капрами и педагогами, то ихъ палочными ударами прогнали-бы на ихъ родину въ Азію. Эти несчастныя залетныя птички, посаженныя въ клѣтку европейской цивилизаціей, жертвы маніи или, лучше сказать, глубоко рассчитаннаго честолюбія покорителей въ будущемъ міра, прекрасно сознающихъ, что прежде чѣмъ покорить насъ, надо подражать намъ.

Калмыцкую орду, расположившуюся подъ стѣнами бароновъ, вокругъ массы античныхъ храмовъ, греческій городъ съимпровизированный для татаръ, какъ декорація для театра, декорація великолѣпная, но безвкусная, предназначенная служить обстановкою дѣйствительной и страшной драмы — вотъ что прежде всего замѣчаешь въ Петербургѣ.

Въ русской цивилизаціи природа и исторія—нулевыя величины; ничто не связано ни съ почвою, ни съ народомъ: не было прогресса, но въ одинъ прекрасный день все было перенесено отъ иностранцевъ. Въ этомъ торжествѣ подражательности болѣе мастерства, чѣмъ искусства, та-же разница, что между гравюрою и рисункомъ. Талантъ изощряется только на идеяхъ другихъ.

Послѣ полдня Невскій проспектъ, большая дворцовая площадь, набережныя, мосты наполняются довольно большимъ количествомъ экипажей различныхъ родовъ и странныхъ формъ; это движеніе оживляетъ немного обычную печальную фізіономію этого города, самаго монотоннаго изъ всѣхъ столицъ Европы.

Внутренность домовъ одинаково угрюма, потому что, не смотря

на великолѣпіе мебели, по англійски нагроможденной въ нѣкоторыхъ комнатахъ, назначенныхъ для приѣма, проглядываетъ домашняя пестрота, природная и глубокая беспорядочность, напоминающая Азію.

Мебель, менѣе всего употребляемая въ русскомъ домѣ — это кровать. Женская прислуга ночуетъ на полатахъ, похожихъ на находившіяся въ старинныхъ дворницкихъ Франціи, а мужская располагается на лѣстницѣ, въ прихожихъ и, говорятъ даже, въ гостиной, на подушкахъ, которыя они на ночь сбрасываютъ на полъ.

Сегодня утромъ я сдѣлалъ визитъ князю ***. Этотъ вельможа, разорившійся, больной, страдающій водянкою, страдаетъ до невозможности вставать, и, не смотря на это, ему не на чемъ лежать; этимъ я хочу сказать, что у него нѣтъ того, что называется кроватью въ странахъ, гдѣ цивилизація зародилась ранѣе. Онъ живетъ въ домѣ сестры, въ настоящее время отсутствующей. Одинъ въ пустынномъ дворцѣ онъ проводитъ ночь на деревянной скамейкѣ, покрытой ковромъ и нѣсколькими подушками. Это не можетъ быть приписано особенному вкусу единичной личности. Во всѣхъ русскихъ домахъ, гдѣ я былъ только, видно, что, ширмы необходимы постели славянъ, равно какъ ихъ тѣлу свойствененъ запахъ мускуса: поразительная нечистоплотность, не всегда исключаящая наружную элегантность. Иногда имѣется парадная кровать, предметъ роскоши, выставленный изъ уваженія къ европейской цивилизаціи, но не служащій для употребленія.

Украшеніемъ, свойственнымъ домамъ нѣкоторыхъ изящныхъ русскихъ, является искусственный маленькій садикъ въ углу гостиной. Только два или три человѣка могутъ войти одновременно въ это уединенное мѣсто, не слишкомъ глубокое, но достаточно прикрытое, чтобы плѣнять воображеніе.

Впечатлѣніе, производимое этою комнатною рощицею, пріятно, и идея ея благоразумна въ странѣ, гдѣ каждый интимный разговоръ долженъ прикрываться тайною. Я полагаю этотъ обычай вынесеннымъ изъ Азіи.

Славяне, когда они красивы, высоки, со стройною, изящною наружностью, производящею однако-же впечатлѣніе силы. У нихъ вѣки миндалеобразно прорѣзанныя и безпокойный хитрый взглядъ азіатскихъ народовъ. Ихъ глаза, черные или голубые, всегда прозрачны, въ нихъ много жизни, движенія, много прелести, потому что они смѣются. Этотъ народъ серьезенъ скорѣе по необходимости, чѣмъ по природѣ, осмѣливается смѣяться только взглядомъ, но

благодаря принужденному молчанію, взглядъ этотъ оживленный имъ замѣняетъ краснорѣчіе, до того онъ придаетъ страстность выраженію лица. Оно почти постоянно остроумно, иногда мягко, лѣтливо, еще болѣе часто печально и угрюмо, даже свирѣпо; оно напоминаетъ выраженіе дикаго звѣря, попавшаго въ западню.

Въ Россіи жизнь тяжела буквально всѣмъ; самъ императоръ, какъ и послѣдній изъ его подданныхъ, не свободенъ отъ бремени усталости. Мнѣ показывали его кровать: жесткость ея поразила бы даже нашихъ рабочихъ. Здѣсь всѣ принуждены повторять суровую истину: что цѣль нашей жизни не на землѣ и что удовольствія средствомъ достиженія ея не служатъ.

Неумолимый образъ долга и покорности является вамъ на каждомъ шагу и не позволяетъ позабыть суровое условіе человѣческой жизни — трудъ и горе. Въ Россіи жизнь возможна при единственномъ условіи — жертвовать всѣмъ земному отечеству, освященному вѣрою въ отечество небесное.

У Россіи нѣтъ прошлаго (?), говорятъ любители старины. Это вѣрно, но будущее и протяженность ея даютъ здѣсь пищу самому горячему воображенію. Участь философа плачевна въ Россіи, но поэтъ можетъ и долженъ здѣсь нравиться.

Безспорно, природа вложила глубоко поэтическое чувство въ душу русскихъ, народа насмѣшливаго и меланхоличнаго, если они нашли возможность придать оригинальный и живописный видъ городамъ, построеннымъ людьми, окончательно лишенными воображенія, и при томъ въ странѣ самой печальной, самой монотонной и пустынной на земномъ шарѣ. Безконечныя равнины, угрюмыя и низменныя пустыни — вотъ Россія. Но если-бы я могъ показать вамъ Петербургъ, съ его улицами и обитателями, такимъ, какъ я его вижу, я на каждой строчкѣ далъ-бы вамъ жанровую картину. Въ такой сильной степени геній славянской націи противодѣйствовалъ бесплодной маніи ея правительства. Это правленіе достигаетъ успѣха, благодаря военнымъ движеніямъ: оно напоминаетъ Пруссію при ея первомъ королѣ.

Я описалъ вамъ городъ безъ опредѣленнаго характера, скорѣе пышный, чѣмъ грандіозный, болѣе обширный, чѣмъ красивый, наполненный зданіями, лишенными стилиа, вкуса, историческаго значенія. Но чтобы быть обстоятельнымъ, т. е. справедливымъ, слѣдовало бы одновременно заставить двигаться передъ вашими глазами, внѣ этихъ претенціозныхъ и смѣшныхъ декорацій, людей по природѣ изящныхъ и сѣмъныхъ принаровить для себя городъ, построенный для людей, нигдѣ не существующихъ, потому

что Петербургъ созданъ для людей богатыхъ, умъ которыхъ развился отъ сравненій, безъ особенной основательности, различныхъ странъ Европы. Этотъ легионъ путешественниковъ, болѣе или менѣе утонченныхъ, болѣе опытныхъ, чѣмъ образованныхъ, составляетъ искусственную націю, наборъ умовъ развитыхъ и гибкихъ, набранныхъ у всѣхъ народовъ міра: это не русскій народъ, послѣдній хитерь, какъ рабъ утѣшающійся въ своемъ рабствѣ скрытымъ смѣхомъ, суевѣренъ, хвастливъ, храбръ и лѣнивъ, какъ солдатъ, поэтиченъ, музыкаленъ и обдуманъ, какъ пастухъ, потому что привычки бродячихъ народовъ надолго останутся отличительными среди славянъ; все это не соотвѣтствуетъ ни стилю зданій, ни распланировкѣ петербургскихъ улицъ, — здѣсь очевидно разногласіе между архитекторомъ и обитателемъ. Европейскіе инженеры явились и указали москвитамъ, какъ должно построить и украсить столицу, достойную удивленія Европы, и тѣ, съ ихъ военною покорностью, уступили силѣ команды. Петръ Великій скорѣе противъ шведовъ, чѣмъ собственно для русскихъ, построилъ Петербургъ, но природа народа сказывается, не смотря на его уваженіе къ затѣямъ правителя и на недовѣріе къ себѣ самому, — и вотъ этому-то невольному послушанію обязана Россія отпечаткомъ своей оригинальности; ничто не могло лишить народъ его природнаго характера; это торжество врожденныхъ качествъ надъ дурно направленнымъ воспитаніемъ — интересно для каждаго путешественника, слособнаго оцѣнить его.

По счастью для живописца-поэта, русскіе глубоко религіозны: ихъ церкви, по крайней мѣрѣ, неоспоримо принадлежатъ имъ; неизмѣнная форма храмовъ благочестія составляетъ часть ихъ культа, и вѣра защищаетъ эти религіозныя крѣпости противъ страсти къ математическимъ фигурамъ, тесаннымъ изъ камня длинныхъ четверугольниковъ, плоскихъ поверхностей и прямыхъ линій; наконецъ, онѣ скорѣе военной, чѣмъ классической архитектуры, придающей каждому городу этой страны видъ лагеря, созданнаго лишь на нѣсколько недѣль, на время большихъ маневровъ.

Духъ кочеваго народа сказывается также въ экипажахъ, сбруѣ и упряжи русскихъ.

Если вы схватите хорошенько картину, представляемую Петербургомъ, вы поймете насколько безконечно живописенъ Петербургъ, не смотря на дурной вкусъ занятой у другихъ архитектуры, не смотря на болотистую окраску обрѣзающихъ его полей, не смотря на совершенное однообразіе почвы и блѣдность прекрасныхъ лѣтнихъ дней подъ сѣрымъ сѣвернымъ климатомъ.

Посмотрите на могущество природныхъ качествъ народовъ: въ продолженіе болѣе ста лѣтъ русскіе хорошо воспитанные, вельможи, ученые, администраторы—какъ милостыню собирали идеи и подражали примѣрамъ, даваемымъ обществами всей Европы и что-же? эта фантазія правителей и царедворцевъ не помѣшала народу остаться самобытнымъ ¹⁾).

Эта одаренная умомъ нація слишкомъ утонченна по своей природѣ, обладаетъ слишкомъ развитымъ тактомъ, чтобы она могла слиться съ тевтонскими народностями. И доннынѣ еще нѣмецкая буржуазія болѣе чужда Россіи, чѣмъ Испанія съ своимъ населеніемъ арабской крови. Духу славянъ антипатичны медленность, постепенность, грубость, робость, неловкость. Они легче перенесли-бы месть и тиранию; нѣмецкія добродѣтели сами по себѣ ненавистны русскимъ, поэтому-то послѣдніе, не смотря на ихъ политическія и религіозныя звѣрства, болѣе успѣли во мнѣніи Варшавы, чѣмъ пруссаки съ ихъ рѣдкими и устойчивыми качествами, отличающими тевтонскую расу: я не говорю, чтобы это было хорошо, но я отмѣчаю это лишь какъ фактъ: не всѣ братья любятъ другъ друга взаимно, но каждый понимаетъ другаго.

Что же касается до аналогіи, какъ мнѣ кажется существующей въ нѣкоторомъ отношеніи между русскими и испанцами, она просто объясняется сношеніями, которыя могли существовать между арабскими племенами и нѣкоторыми изъ ордъ, перешедшихъ изъ Азій въ Московію. Мавританская архитектура имѣетъ общее съ византийской—служащей типомъ истинной архитектуры московской. Духъ азіатскихъ народовъ, блуждающихъ по Африкѣ, не могъ-бы быть противнымъ духу прочихъ восточныхъ народовъ, только что водворившихся въ Европѣ; исторія объясняется прогрессивнымъ влияніемъ расъ, это необходимость социальная, какъ характеръ есть необходимость личная.

Не будь различія религій, различныхъ нравовъ народовъ, я подумалъ-бы, что нахожусь на самой высокой и самой бесплодной равнинѣ Кастиліи. И дѣйствительно, здѣсь африканская жара; въ продолженіе двадцати лѣтъ въ Россіи не было такого палящаго лѣта.

Русскій народъ въ высшей степени ленокъ; лишь противно цѣлямъ природы эта нація была отброшена къ полюсу человѣческими столкновеніями и удержана здѣсь силою политической

¹⁾ Этотъ упрекъ, падающій на Петра I и его непосредственныхъ преемниковъ, дополняетъ славу императора Николая, начавшаго удерживать этотъ порывъ.

необходимости. Кто внимательно вникъ-бы въ цѣли Провидѣнія, тотъ понялъ бы, что борьба съ природою—тяжелое испытаніе, которому Господу Богу было угодно подвергнуть этотъ народъ, предназначенный имъ для торжества въ будущемъ. Борьба—школа Провидѣнія.

Дрова становятся рѣдки въ Россіи, и здѣсь, въ Петербургѣ, также дороги, какъ въ Парижѣ...

Вообще русскіе проявляютъ свои способности скорѣе въ умѣніи пользоваться плохими орудіями, чѣмъ въ улучшеніи уже имѣющихся у нихъ. Не слишкомъ одаренные изобрѣтательностью, они терпятъ недостатокъ въ машинахъ, годныхъ для преслѣдуемой ими цѣли. Этотъ народъ, такъ широко надѣленный изяществомъ и добротою, лишень создающаго начала. Еще разъ повторяю: русскіе—римляне съвера. И тѣ, и другіе почерпнули свои науки и искусства изъ-заграницы. Они одарены умомъ, но этотъ умъ чисто подражательный, и слѣдовательно, скорѣе ироническій, чѣмъ плодотворный: онъ все поддѣлываетъ, но ничего не выдумаетъ.

Русскіе вносятъ съ собою непріятный запахъ, чувствуемый еще издали. Свѣтскіе люди отдають мускусомъ, народъ же—кислою капустою, смѣшанною съ виномъ и старыми вонючими кожами.

Вы поймете поэтому, что тридцать тысячъ подданныхъ, являющихся въ день новаго года съ поздравленіями повсюду и часть которыхъ, тысячъ шесть или семь, мы увидимъ завтра толпящимися въ Петергофѣ и у его дворца, должны оставлять на своемъ пути ужасный запахъ (!?)

Ни одна изъ всѣхъ встрѣченныхъ мною до сихъ поръ крестьянокъ не показала мнѣ красивою, но бѣольшая часть изъ нихъ удивительно безобразны и отталывающе нечистоплотны. Невольно удивляешься при мысли, что это жены именно тѣхъ самыхъ мужчинъ со столь не правильными чертами лица, съ греческимъ профилемъ, съ связаннымъ и гибкимъ станомъ, которыхъ встрѣчаешь даже между низшими классами народа. Ничего нѣтъ красивѣе стариковъ и безобразнѣе русскихъ старыхъ женщинъ. Я мало видѣлъ мѣщанокъ; къ особенностямъ Петербурга относится то, что въ сравненіи со столицами другихъ странъ—женщинъ въ немъ значительно меньше мужчинъ.

Въ общемъ русскія женщины менѣе показываются публично, чѣмъ во Франціи. Впрочемъ, недалеко то время, когда ихъ держали подъ ключемъ.

Самое прекрасное зрѣлище въ Петербургѣ—парады, и это еще болѣе подтверждаетъ мою мысль о русскихъ городахъ-лагеряхъ.

Если страхъ дѣлаеть здѣсь людей серьезными, онъ ихъ дѣлаеть

и очень вѣжливыми. Я нигдѣ не видѣлъ, чтобы такая масса людей обходилась съ такимъ взаимнымъ уваженіемъ, и это при томъ во всѣхъ классахъ общества. Быть можетъ, эта вѣжливость притворная; я ее считаю, по меньшей мѣрѣ, принужденною, но даже форма сама по себѣ способствуетъ большому удовольствію въ жизни.

Письмо пятнадцатое.

Петергофъ, 23-го іюля 1839 г.

Петергофскій праздникъ должно разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: внѣшней и нравственной, тогда одно и то-же зрѣлище производитъ два различныхъ впечатлѣнія.

Я ничего еще не видѣлъ столь пріятнаго для глазъ и столь тягостнаго для мысли, какъ это такъ называемое народное собраніе придворныхъ и крестьянъ, сталкивающихся въ однихъ и тѣхъ же залахъ, не сближаясь между собою сердцемъ. Здѣсь при этихъ общихъ торжествахъ не говорится землешцу: „ты таковъ же, какъ я“, но говорится вельможѣ: „ты такой же рабъ (?), какъ они“.

„Царствованіе Екатерины Великой и Александра лишь продолжили систематически дѣтство этого народа, существующаго лишь по имени.

„Екатерина устроила школы лишь для удовлетворенія французскихъ философовъ, чьихъ похвалъ искало ея тщеславіе. Губернаторъ Москвы, одинъ изъ ея старыхъ фаворитовъ, вознагражденный пышнымъ изгнаніемъ въ древнюю столицу имперіи, писалъ ей, что никто не посылаетъ въ школу дѣтей; императрица отвѣтила ему приблизительно слѣдующее: „Дорогой князь, не сѣтуйте на то, что у русскихъ нѣтъ стремленія къ просвѣщенію; если я устраиваю школы, то не для насъ, а для Европы, гдѣ нужно поддерживать себя въ общественномъ мнѣніи, но если бы наши крестьяне пожелали образованья, то ни вы, ни я не сохранили бы своего положенія“.

Это письмо было прочтено однимъ лицомъ достойнымъ моего довѣрія (!!); безъ сомнѣнія, императрица была разсѣянна, когда писала его, а именно благодаря тому, что она была подвержена подобнымъ разсѣяностямъ, ее находили столь любезной и она

пользовалась столь могущественнымъ вліяніемъ на умы людей впечатлительныхъ.

Русскіе, слѣдуя ихъ обыкновенной тактикѣ, отвергнуть достовѣрность этого анекдота, но если я не ручаюсь за точность словъ, я вполне увѣренъ, что они выражаютъ истинную (!) мысль государыни. Для васъ-же и для меня этого вполне достаточно.

Это злосчастное мнѣніе Европы—призракъ, преслѣдующій ихъ въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ ихъ мысли и сводящій для нихъ цивилизацію на степень фокуса, продѣлываемаго съ большею или меньшею ловкостью.

Императоръ Николай, со своимъ здравымъ смысломъ и яснымъ умомъ, увидѣлъ эту преграду, но въ силахъ-ли онъ будетъ избѣгнуть ея? Необходимо больше, чѣмъ могущество Петра Великаго, чтобы поправить зло, причиненное этимъ первымъ губителемъ (!) русскихъ.

Теперь же трудность двойная: умъ крестьянина, оставшагося грубымъ и варварскимъ, противится культурѣ, а между тѣмъ его привычки, его нравъ накладываютъ на него узду; въ то-же время ложный лоскъ вельможъ стоитъ въ противорѣчій съ народнымъ характеромъ, на который слѣдовало-бы опереться, желая облагодетельствовать народъ: какое усложненіе? кто распутаетъ этотъ новый Гордіевъ узелъ?...

Я восхищаюсь императоромъ Николаемъ: лишь гениальный человекъ въ состояніи выполнить задачу, которую онъ взялъ на себя. Онъ увидѣлъ зло, предугадываетъ лекарство и пытается употребить его: просвѣщеніе и воля—вотъ что образуетъ великихъ монарховъ.

Должно сказать правду, русскіе всѣхъ классовъ общества съ удивительнымъ единодушіемъ стараются доставить у себя торжество двуличности. Они владѣютъ искусствомъ лжи, естественности въ лживости. и эти успѣхи настолько же ужасаютъ меня, насколько возмущаютъ мое чистосердечіе....

Россія—тѣло безъ жизни, колоссъ, живущій одной лишь головою, у котораго всѣ члены, одинаково лишены жизни, мертвѣютъ. Это страна, гдѣ люди менѣе всего дѣйствительно счастливы.

Въ Россіи нѣтъ средняго класса. Купцы, которые могли бы составить его, до того малочисленны, что не могутъ выдѣляться въ государствѣ; впрочемъ, почти всѣ они иностранцы. Писателей насчитываютъ по одному или по два на каждое поколѣніе, артистовъ столько-же, какъ писателей; ихъ малочисленность доставляетъ

нимъ уваженіе, но въ то-же время вредить ихъ соціальному вліянію. Адвокатовъ нѣтъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ справедливости (!), и гдѣ-же тогда найти то среднее сословіе, составляющее силу государства и безъ котораго народъ является стадомъ.

Я не упомянулъ еще о разрядѣ людей, которыхъ нельзя причислять ни къ высшимъ, ни къ низшимъ: это сыновья духовныхъ, почти исключительно дѣлающихся маленькими чиновниками, и эта толпа—настоящая язва Россіи: она образуетъ родъ темнаго дворянства, въ высшей степени враждебнаго вельможамъ, дворянство съ самымъ антиаристократическимъ направленіемъ, въ полномъ политическомъ значеніи этого слова, и тѣмъ не менѣе очень обременительное для крѣпостныхъ; именно эти неудобные для государства люди, плодъ ереси (!!), позволяющей священнику имѣть жену, начнутъ будущую революцію въ Россіи.

Классъ этого второстепеннаго дворянства набирается также среди артистовъ, чиновниковъ, прибывшихъ изъ за границы, и ихъ дѣтей, получившихъ дворянство: видите-ли вы во всемъ этомъ хоть частичку народа, дѣйствительно русскаго, достойнаго и способнаго оправдать и оцѣнить народническое направленіе императора Николая?

Повторяю еще разъ—въ Россіи обманъ во всемъ (!?). Здѣсь не извѣстны ни истинныя радости умовъ культивированныхъ, ни полная и жестокая свобода дикихъ, ни независимость дѣйствій колудикаря, варвара; для родившагося здѣсь я не вижу иного вознагражденія за это несчастіе (!) — какъ гордые помыслы и надежда на господство; я всегда думаю объ этой страсти, когда принимаюсь анализировать нравственную жизнь русскихъ. Россія думаетъ и живетъ, какъ солдатъ.... какъ солдатъ побѣдоносный.

Напрасны труды и усилія русскихъ: каждый чистосердечный наблюдатель найдетъ въ нихъ лишь грековъ, обученныхъ новѣйшей стратегіи пруссаками XVIII и французами XIX вѣковъ.

Николай I выступилъ защитникомъ монархическаго начала въ Европѣ, и извѣстно съ какимъ чистосердечіемъ онъ поддерживаетъ эту роль. Онъ не дѣйствуетъ, подобно нѣкоторымъ государствамъ, въ каждой мѣстности слѣдуя иной политикѣ, руководствуясь при этомъ чисто эгоистическими выгодами,—совершенно напротивъ, онъ всюду инстинктивно покровительствуетъ принципамъ, согласующимся съ его системою; вотъ до какой степени онъ абсолютный роялистъ. Подобнымъ-же образомъ Англія есть государство либеральное, конституціонное и благоприятное филантропіи.

Императоръ Николай ежедневно читаетъ самъ отъ начала до

конца только одинъ журналъ: французскій „Journal des Débats“. Онъ прочитываетъ другія газеты, когда ему укажутъ въ нихъ на интересную статью.

Поддерживать власть, чтобы спасти общественный строй, — вотъ цѣль лучшихъ умовъ Франціи, и таково постоянное направленіе „Journal des débats“, мысль, проводимая съ большимъ искусствомъ, объясняющимъ уваженіе, которымъ пользуется эта газета у насъ и въ остальной части Европы...

Вечеромъ былъ фейерверкъ. Деревья исчезали подъ блестящими украшениями: въ каждой аллеѣ было столько же лампочекъ, какъ и листьевъ: это Азія, но Азія не современная, не дѣйствительная, но сказочный Багдадъ изъ „Тысячи и одной ночи“, или еще болѣе достославный Вавилонъ Семирамиды.

Въ Россіи императоръ Николай заставляетъ поблѣднѣть солнце.

Во всякой другой странѣ такое громадное скопленіе людей произвело бы давку, поразительную сумятицу. Въ Россіи-же все дѣлается со средоточенностью, все принимаетъ характеръ церемоніала: тамъ молчаніе—въ обычаѣ.

Въ Петергофѣ много войскъ стоятъ лагеремъ. Въ лагерѣ солдатъ подчиненъ болѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ въ казармахъ; столько строгости въ мирное время, на открытомъ полѣ и въ праздничный день напоминаетъ мнѣ слова великаго князя Константина Павловича: „я не люблю войны, она портитъ солдатъ, пачкаетъ платья и разрушаетъ дисциплину“.

Вечеромъ-же костюмированный балъ. Благородная фигура Николая Павловича возвышалась надъ всѣми и внушала уваженіе этому волнующемуся морю головъ — это просто виргилиевскій Нептунъ.

Нельзя быть болѣе императоромъ, чѣмъ онъ.

На другой день утромъ былъ смотръ кадетскимъ корпусамъ. Его Величество казался довольнымъ; онъ взялъ за руку одного маленькаго кадета, подвелъ его къ императрицѣ, представилъ его ей и поднялъ потомъ на рукахъ на высоту своей головы, т. е, надъ головами всѣхъ собравшихся, и публично обнялъ его.

Затѣмъ была еще джигитовка казаковъ.

Пер. съ франц. К. Шлавинскій.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ НАРТОВА,

его учителя въ токарномъ мастерствѣ

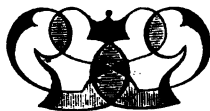
въ 1712—1725 гг.

Разказы Нартова о Петрѣ Великомъ—Л. Н. Майкова.
Сиб., 1891 г., въ б. 8 д., стр. XX+138.

тому интересному собранію 162-хъ историческихъ разказовъ, академикъ Л. Н. Майковъ предпослалъ цѣлое критическое изслѣдованіе, изъ котораго отнынѣ, между прочимъ, несомнѣнно явствуетъ, что помянутое собраніе или, какъ оно до сихъ поръ именовалось въ печати: «Достовѣрныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго», хотя и служило изслѣдователямъ эпохи Петра Великаго однимъ изъ источниковъ, но было извѣстно въ печати не вполне; самыя «повѣствованія», по крайней мѣрѣ, половина ихъ, ошибочно приписывались Андрею Нартову († 1756 г.), — механику и токарнаго искусства учителю императора Петра I-го, при которомъ Нартовъ состоялъ съ 1712 года; далеко не всѣ разказы этого собранія основаны на личныхъ воспоминаніяхъ составителя, но многіе извлечены изъ письменныхъ, русскихъ и иностранныхъ печатныхъ источниковъ. Академикъ Л. Н. Майковъ опредѣляетъ и указываетъ эти источники по отношенію къ 35-ти разказамъ. Разказовъ, взятыхъ изъ устныхъ преданій, нашъ изслѣдователь насчитываетъ до 40. Наконецъ, лишь около половины «Повѣствованій» представляетъ непосредственныя воспоминанія Андрея Нартова и несомнѣнно являются, по отношенію къ личности Петра I и его времени, — первоисточникомъ.

«Такое значеніе, по мнѣнію академика Л. Н. Майкова, имѣютъ не менѣе 35 разсказовъ этого сборника, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Андрей Нартовъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ; въ другихъ онъ упоминается только какъ очевидецъ и молчаливый слушатель; въ третьихъ его присутствіе при описываемомъ только подразумевается, но съ полнымъ вѣроятіемъ, ибо дѣйствіе разсказа происходитъ въ токарной, нѣредко замѣнявшей Петру кабинетъ...» Подробно доказывая, что редакція и этихъ, наиболѣе важныхъ по своей достовѣрности и значенію для исторіи, разсказовъ токаря Андрея Нартова не могла принадлежать «учителю Петра Великаго въ токарномъ искусствѣ», — Л. Н. Майковъ высказываетъ весьма основательную догадку, что собирателемъ и излагателемъ «Повѣствованій» былъ не кто иной, какъ сынъ помянутаго токаря, именно Андрей Андреевичъ Нартовъ (р. 1737 г., † 1813 г., въ Спб., въ званіи президента російской академіи). Общее заключеніе изслѣдованія академика Майкова то, что на «Повѣствованія» Нартова нельзя смотрѣть какъ на историческій памятникъ, принадлежащій непосредственно Петровскому времени: это произведеніе болѣе позднее, и притомъ сложнаго состава, въ которомъ необходимо отдѣлить нѣсколько литературныхъ наслоеній въ зависимости отъ его различныхъ источниковъ. Нѣкоторыя части «Повѣствованій» Нартова не имѣютъ никакого историческаго значенія, будучи повтореніемъ чужихъ печатныхъ извѣстій; другія, воспроизводящія преданія о Петрѣ, приравняются къ позднѣйшимъ анекдотическимъ сборникамъ, и только за тѣми статьями нашего памятника должна быть по мнѣнію, Л. Н. Майкова, признана несомнѣнная цѣнность, въ которыхъ мы слышимъ голосъ очевидца, къ сожалѣнію, звучащій не всегда съ желаемою отчетливостью.

Приведемъ изъ настоящаго сборника, какъ образецъ дѣйствительно личныхъ воспоминаній Андрея Нартова, современника и одного изъ учителей царя и императора Петра I, шесть нижеслѣдующихъ разсказовъ:

царевичъ Алексѣй Петровичъ, когда онъ привезенъ былъ обратно изъ чужихъ краевъ, государь Толстому говорилъ такъ: «Когда-бы не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дернулъ-бы на такое зло неслышанное. «Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы! Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевидѣць и судія вѣроломцамъ! Я хотѣлъ ему (царевичу) благо, а онъ всегдашній мнѣ противникъ». На сіе Толстой его величеству отвѣчалъ:

«Кашающему и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуху». На это повторилъ его величество: «Не будутъ летать скоро, скоро!» И потомъ, взмахнувъ головою кверху и въ горести покажѣ плечами, велѣлъ позвать Ушакова и Румянцева, которымъ далъ по особой бумагѣ.

Примѣчаніе. Разговоръ Петра съ П. А. Толстымъ, сообщенный въ этомъ разказѣ, историкъ С. М. Соловьевъ приурочиваетъ ко второй половинѣ апрѣля 1718 г., когда допрошена была Афросинья Ѳедоровна и своими показаніями окончательно изобличила виновность царевича Алексѣя въ глазахъ царя (Исторія Россіи, XVII, 216). Л. М.

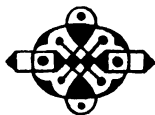
По тому-же слѣдствію Толстому государь сказалъ: «Едва-ль кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я! Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ несносенъ: она глуца. Сынъ меня ненавидитъ! онъ упрямъ. Все зло отъ поддускателей».

Примѣчаніе. Слова Петра, приведенныя въ этомъ разказѣ, слѣдуетъ отнести ко второй половинѣ апрѣля 1718 г. Л. М.

По тому-же дѣлу государь говорилъ: «Страдаю, а все за отечество! Желая ему полезное, но враги демонскія пакости дѣютъ. Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Единъ Богъ зреть правду».

Примѣчаніе. Сообщенныя въ этомъ разказѣ слова Петра, по мнѣнію С. М. Соловьева, выражаютъ состояніе духа царя въ то время, когда, послѣ допроса Афросиньи и собственныхъ признаній царевича Алексѣя, 13-го іюня 1718 года, опредѣленіе виновности послѣдняго было предоставлено на судъ знатнѣйшаго духовенства, министровъ, сенаторовъ и генералитета (Исторія Россіи, XVII, 216). Л. М.

Корабельные мастера, подъ предводительствою Баса Ивана Михайловича Головина, сдѣлали пирושку, на которую приглашенъ былъ посторонній знатный чиновникъ, бывший прежде стрѣleckимъ головою и нѣсколько замѣшанъ

въ ихъ бунтахъ, но чистосердечнымъ раскаяніемъ получилъ прощеніе и потомъ за долговременную службу и особенно оказанныя услуги обрѣлъ у его величества милость, а по отличному уму—любовь и употребляемъ былъ въ важныя дѣла. На той пирушкѣ, послѣ обѣда, гости слишкомъ подвеселились и другъ друга частымъ подношеніемъ стаканъ за стаканомъ подчивали,—то, вышеупомянутый человекъ, уклоняясь отъ хмѣля, сѣлъ противъ комелька и притворился пьянымъ, дремлющимъ, шаталъ головою и снялъ съ себя парикъ; въ самомъ-же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другіе подгулявшіе откровенно государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ, и увидя плѣшивую голову сидѣвшаго на стулѣ хитроца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темя два раза и сказалъ: «Притворство, господинъ Толстой!» Послѣ, оборотаясь къ предстоявшимъ, говорилъ: «Эта голова ходила прежде за иною головою, повисла, — боюсь, чтобъ не свалилась съ плечь». А притворщикъ, очнувшись, взглянувъ на государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: «Не опасайтесь, ваше величество! она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда; чтѣ было прежде—не то послѣ, теперь и впредь».—«Видите», сказалъ государь, «онъ притворялся, а не пьянъ! Поднесите ему стакана три добраго флина¹⁾, такъ онъ поравняется съ нами и будетъ также сорочить²⁾»).

Примѣчаніе. Вариантъ этого разсказа находится въ Запискахъ Порошина (изд. ред. „Русской Старины“, 1881, стр. 18, 19) въ слѣдующемъ видѣ: „О Толстомъ говорилъ его превосходительство Никита Ивановичъ (Панинъ), какъ онъ вмѣшанъ былъ въ бунтахъ стрѣлецкихъ противъ государя... Случалось, когда государь Петръ Великой въ компаніи подвеселится, и Толстой тутъ, то государь, снявши съ него парикъ и колотя его по плѣши, говаривалъ: „Голова, голова, кабы не такъ умна ты была, давно-бъ я отрубилъ тебя велѣтъ“.

Л. М.

Государь призвалъ къ себѣ въ чертежную генераль-поручика Минина и приказалъ ему сдѣлать проектъ укрѣпленій въ разныхъ удобныхъ мѣстахъ съ здѣшней лѣвой стороны отъ Риги по Двинѣ, а съ правой стороны отъ Риги къ морю до Пернова, отъ Пернова до Ревеля, отъ Ревеля до Нарвы и

¹⁾ Флинъ — грѣтое пиво съ коньякомъ, съ леденцомъ и съ лимоннымъ сокомъ.

²⁾ Сорочить, то есть болтать, какъ сорока.

до самого Петербурга, сказавъ ему: «Я надѣюсь въ этомъ по искусству вашему получить желаемое удовольствіе скоро».

Примѣчаніе. Разсказъ этотъ относится къ 1721 г.

Л. М.

Его императорское величество, присутствуя въ собраніи съ архіереями, пріѣхавшимъ нѣкоторыхъ усильное желаніе къ избранію патріарха, о чемъ неоднократно отъ духовенства предлагалось было, вынувъ одною рукою изъ кармана къ такому случаю приготовленный Духовный Регламентъ и отдавъ, сказалъ имъ грозно: «Вы просите патріарха; вотъ вамъ духовный патріархъ, а противомыслящимъ сему (выдернувъ другою рукою изъ ноженъ кортикъ и удара онымъ по столу) вотъ булатный патріархъ!» Потомъ вставъ пошелъ вонъ. Послѣ сего оставлено прошеніе о избраніи патріарха и учрежденъ святѣйшій синодъ.

Съ намѣреніемъ Петра Великаго объ установленіи духовной коллегіи согласны были Стефанъ Яворскій и Феофанъ Новгородскій, которые въ сочиненіи регламента его величеству помогали, изъ коихъ перваго опредѣлили въ синодѣ предсѣдателемъ, а другаго—вице-президентомъ, самъ-же сталъ главою церкви государства своего и нѣкогда, разсказывая о распряхъ патріарха Никона съ царемъ родителемъ его Алексѣемъ Михайловичемъ, говорилъ: «Нора обуздать не принадлежащую власть старцу; Богу изволившу исправлять мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обоимъ—государь и патріархъ; они забыли, въ самой древности сіе было совокупно».

Примѣчаніе. Нѣчто подобное разсказано въ „Анекдотахъ“ Штелина, стр. 352 — 354, при чемъ происшествіе отнесено къ 1721 году и сдѣлана ссылка на графа А. П. Вестужева-Рюмина и на И. А. Черкасова. Ср. также преданіе, записанное священникомъ П. Алексѣевымъ (Р. Архивъ 1863 г., ст. 697, и Р. Вѣстникъ 1864 г., № 1, стр. 320—333). Вѣроятно, однако, отнести разсказъ Нартова къ 1720 году, когда, въ февралѣ мѣсяцѣ, Духовный Регламентъ былъ разсматриваемъ сперва государемъ, а потомъ духовными властями и сенатомъ.

Л. М.

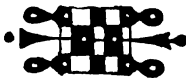
Нижеслѣдующія «Повѣствованія», очевидно записанныя на основаніи устныхъ преданій и признаваемыя Л. Н. Майковымъ либо очень сомнительной достовѣрности, либо неточными, либо заимствованными изъ иностранныхъ источниковъ—впервые имъ помѣщены въ изданіи рассказовъ Партова:

Его величество хаживалъ въ Сардамѣ послѣ работы съ товарищами въ одинъ винный погребъ завтракать сельди, сыръ, масло, пить виноградное вино и пиво, гдѣ у хозяйина находилась въ прислугахъ одна молодая, рослая и пригожая дѣвка. А какъ государь былъ охотникъ до женщинъ, то и была она предметомъ его забавы. Черезъ частое свиданіе познакомилась она съ нимъ, и когда государь тамъ ни бывалъ, встрѣчала и провожала его приятно. Въ воскресный день по утру случилось ему зайти туда одному; хозяйинъ и прочіе были тогда въ церкви; онъ не хотѣлъ пропустить удобнаго времени, котораго было довольно, для того что продики и служба продолжалась часа три; сѣлъ, завелъ съ нею полюбовный разговоръ, приказалъ налить себѣ покала вина, который, принимая одною рукою, а другою обнавъ ее, говорилъ: «Здравствуй, красавица, я тебя люблю!» Выпивъ, поцѣловалъ ее, потомъ поподчивалъ тѣмъ-же виномъ ее, вынулъ изъ кармана кошелекъ, полный червонцевъ, отсчиталъ десять червонцевъ и подарилъ дѣвкѣ на ленты. Дѣвушка, принявъ подарокъ, смотрѣла на него пристально и продолжала къ нему рѣчь свою такъ: «Я вижу, ты, Питеръ, богатъ, а не простой человекъ!» «Я присланъ сюда отъ московскаго царя учиться корабельному мастерству», отвѣчалъ онъ. «Неправда! Я слышала, здѣсь говорятъ, что ты царь». «Нѣтъ, милая дѣвушка, царя не плотничаютъ и такъ не работаютъ, какъ я; я отъ утра до вечера все на работѣ». «Это не мѣшаютъ; сказываютъ, что ты учишься для того, чтобъ послѣ учить свой народъ». «Ложь, душа, не вѣрь!» Между тѣмъ прижималъ онъ ее къ себѣ крѣпче, а она продолжала любопытствовать и убѣждала, чтобъ онъ сказалъ ей истину. Государь, желая скорѣе бесѣду кончить, говорилъ: «Любовь не разбираетъ чиновъ, такъ вѣдай, я—московскій дворянинъ». «Тѣмъ хуже и неприличнѣе для меня», отвѣчала она; — «вольнаго народа свободная дѣвка не можетъ любить дворянина; я сердца своего ему не отдамъ». При семъ словѣ хотѣлъ было онъ ее поцѣловать, но она, не допустивъ, пошла отъ него прочь. Государь, видя, что иначе раздѣлаться съ нею не можно, какъ сказать яснѣе, удержалъ и спросилъ ее: «А сардамскаго корабельщика и русскаго царя полюбила-ли-бы ты?» На сіе улыбнувшись, весело вдругъ сказала: «Это, Питеръ, дѣло другое. Ему сердца не откажу и любить буду». «Такъ люби-же во мнѣ и того, и другаго, только не сказывай никому, буде впредь видѣться со мною хочешь»— что она ему и обѣщала. Потомъ онъ далъ ей пятьдесятъ червонцевъ и пошелъ съ удовольствіемъ домой. Послѣ сего, во все пребываніе свое въ Сардамѣ, когда надобно было, (видѣлъ) ее въ своей квартирѣ и при отъѣздѣ на

приданое пожаловалъ ей триста талеровъ. Картина сего любовнаго приключенія нарисована была масляными красками въ Голландіи, на которой представленъ его величество съ тою дѣвушкою весьма похожимиъ. Сію картину привезъ государь съ собою и въ память поставилъ оную въ Петергофскомъ дворцѣ, которую и понынѣ тамъ видѣть можно.

Царь Петръ Алексѣевичъ во младыхъ лѣтахъ, въ 1698 году, будучи въ Лондонѣ, познакомился чрезъ Меншикова, который неотлучно при немъ въ путешествіи находился и въ роскоши и въ сладострастіи утопалъ, съ одною комедіанткою, по прованію Кроссъ, которую во время пребыванія своего въ Англіи иногда для любовныя забавы имѣлъ; но никогда однакожъ сердца своего никакой женщины въ оковы не предавалъ, для того чтобъ чрезъ то не повредить успѣхамъ, которыхъ монархъ ожидалъ отъ упражненій, въ пользу отечества своего воспріятыхъ. Любовь его не была нѣжная и сильная страсть, но единственное только побужденіе природы. А какъ при отъѣздѣ своемъ съ Меншиковымъ послалъ къ сей комедіанткѣ пятьсотъ гиней, то Кроссъ, будучи снѣ подаркомъ недовольна, на скупость Россійскаго царя жаловалась и просила его, чтобъ онъ государю о семъ пересказалъ. Меншиковъ просьбу ея исполнилъ, донесъ его величеству, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующую резолюцію: «Ты, Меншиковъ, думаешь, что и я такой-же мотъ, какъ ты! За пятьсотъ гиней у меня служатъ старики съ усердіемъ и умомъ, а эта худо служила». На сіе Меншиковъ отвѣчалъ: «Какова работа, такова и плата».

По кончинѣ перваго любимца генерала-адмирала Лефорта мѣсто его заступилъ у царя Петра Алексѣевича графъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, а по особливой милости—Меншиковъ, но онъ беспокоился еще тѣмъ, что видѣлъ себѣ противоборницу свою при его величествѣ Анну Ивановну Монсъ, которую тогда государь любилъ и которая казалась быть владычицею сердца младаго монарха. Сего ради Меншиковъ предпріялъ, всячески стараяся о томъ какимиъ, бы образомъ ее привести въ немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монсъ была дочь лнфляндскаго купца, торговавшаго винами, чрезвычайная красавица, пріятнаго вида, ласковаго обхожденія, однакожъ посредственной остроты и разума, что слѣдующее происхожденіе доказываетъ.

Не смотря на то, что государь нѣсколько лѣтъ ее при себѣ имѣлъ и безмѣрно обогатилъ, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнула въ принятіе любовное предложеніе Бранденбургскаго посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замужъ, если только царское на то будетъ благословеніе. Представьте себѣ: не сумашествіе-ли это? Предпочестъ двадцатисемилѣтнему, разумомъ одаренному и видному государю чужестранца, ни тѣмъ, ни другимъ не блистающаго! Здѣсь скажутъ мнѣ, что любовь слѣпа: подлинно такъ, ибо она на самомъ верху благополучія дѣвицу сію нелѣпой и необузданной страсти покорила. Ко исполненію такого намѣренія положила она посовѣтовать о томъ съ Меншиковымъ и просить его, чтобъ онъ у государя имъ споспѣшествовалъ. Кейзерлингъ нашелъ случай говорить о томъ съ любимцемъ царскимъ, который внутренно сему радовался, изъ лукавства оказывалъ ему свое добродѣтельство, въ такомъ предпріятіи болѣе еще его подкрѣплялъ, извѣщая ему, что государю, конечно, не будетъ сіе противно, если только она склонна; но прежде, нежели будетъ онъ о семъ дѣлъ его величеству говорить, надлежитъ ему самому слышать сіе отъ нея и письменно показать, что она желаетъ вступить въ бракъ съ Кейзерлингомъ. Для сего послалъ онъ къ ней вѣрную ея подругу Вейдель, чтобъ она съ нею обо всемъ переговорила, которой призналась Монсъ чистосердечно, что лучше бы хотѣла выйти за Кейзерлинга, котораго любитъ, нежели за иного, когда государь позволитъ. Меншиковъ, получивъ такую вѣдомость, не упустилъ самъ видѣться съ сею дѣвицею и отобрать подлинно не только устно мысля ея, но и письменно. Сколь скоро получилъ онъ такое отъ нея прошеніе немедленно пошелъ къ государю и хитрымъ образомъ сказывалъ ему такъ: «Ну, всемилоствѣйшій государь, ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монсъ васъ паче всего на свѣтѣ любитъ: но что скажете теперь, когда я вамъ противное доложу?» «Перестань, Александръ, врать», отвѣчалъ государь; — «я знаю вѣрно, что она одного меня любитъ, и никто инако меня не увѣритъ; развѣ скажетъ она то мнѣ сама». При семъ Меншиковъ, вынулъ изъ кармана своеручное ея письмо и поднесъ государю. Монархъ, увидя во ономъ такую неожиданную переписку, хотя и прогнѣвался, однако не совсѣмъ по отличной къ ней милости сему вѣрилъ. А дабы вѣще въ дѣлѣ семъ удостовѣриться, то его величество, посѣтивъ ее въ тотъ-же день, рассказывалъ ей безъ сердца о той вѣсти, какую ему Меншиковъ отъ нея принесъ; она въ томъ не отрицалась. И такъ государь, изблечивъ ее невѣрностію и дурачествомъ, взялъ отъ нея алмазами украшенный свой портретъ, который она носила, и при томъ сказалъ: «Любить царя—надлежало имѣть царя въ головѣ, котораго у тебя не было; и когда ты обо мнѣ мало думала и невѣрною стала, такъ не для чего уже имѣть тебѣ мой портретъ». Но былъ такъ великодушенъ, что далъ уборы, драгоценныя вещи и все пожалованное оставилъ ей для того, чтобъ она, пользуясь оными, со временемъ почув-

ствовала угрызеніе совѣсти, колико она противъ него была неблагодарна. Вскорѣ послѣ того вышла она замужъ за Кейзерлинга, но опомнясь о неощущенной потерѣ, раскаявалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно такъ, что получила гектическую болѣзнь, отъ которой въ томъ-же году умерла.

Такою-то хитростію и лукавствомъ генераль-маіоръ Меншиковъ, свергнувъ съ себя опасное иго, сдѣлался потомъ игролищемъ всякаго счастья и былъ первымъ государскимъ любимцемъ, ибо при ней таковымъ еще не былъ. Послѣ сего приключенія государь Петръ Великій никакой уже прямой любовницы не имѣлъ, а избралъ своею супругою Екатерину Алексѣевну, которую за отличныя душевныя дарованія и за оказанныя его особѣ и отечеству заслуги при жизни своей короновалъ.

Петръ Великій имѣлъ частое въ Варшавѣ свиданіе съ одною умною и доброю старостиною, которая, будучи въ родствѣ съ первыми польскими магнатами, вѣдала политическую связь и разныя дѣла королевства, а особливо кардинала и примаса Радзиевскаго интриги и къ королю шведскому наклонность, и государю по дружеской привязанности много открывала. Старостина зная, что его величество жаловалъ иногда быть въ бесѣдѣ съ польскими красавицами, пригласила къ себѣ нѣсколько госпожъ, женъ польскихъ вельможъ, и сего знаменитаго гостя вечернимъ столомъ, при огромной музыкѣ, угощала. А какъ разговоръ нечаянно зашелъ о Карлѣ XII, предпріявшемъ вступить съ войсками чрезъ Польшу въ Украинскія земли, и одна изъ нихъ, противной стороны Августа, слѣдовательно, и Петра Великаго, бывъ по любовнымъ интригамъ съ королею въ ссорѣ, подъ видомъ учтивой шутки на счетъ обонхъ монарховъ нѣчто остро сказала, то государь, обратясь къ ней, говорилъ: «Вы шутите, сударыня, за столомъ при всѣхъ, такъ позвольте мнѣ послѣ ужина пошутить съ вами наединѣ». Сія эквивочная рѣчь привела ее въ такое смятеніе, что послѣ не могла она ничего уже промолвить. Но государь умѣлъ такъ сію загадку переверотить, смягчить и обласкать сію госпожу, что въ самомъ дѣлѣ съ нею былъ наединѣ и послѣ имѣлъ ее своею пріятельницею.

О духовныхъ имѣніяхъ разсуждалъ Петръ Великій такъ: «Монастырскіе съ деревень доходы употреблять надлежитъ на богоугодныя дѣла и въ пользу государства, а не для тунеядцевъ. Старцу потребно пропитаніе и одежда, а архіерею—довольное содержаніе, чтобъ сану его было прилично. Наши (старцы) зажирыли. Врата къ небеси—вѣра, постъ и молитва. Я очищу имъ путь къ раю хлѣбомъ и водою, а не стерлядьми и виномъ. Да не дастъ пастырь Богу отвѣта, что худо за заблудшими овцами смотрѣлъ.

О семъ учрежденіе вышло 31 генваря 1724 г.

Примѣчаніе. Упомянутый въ этомъ разказѣ высочайшій указъ напечатанъ въ П. Собр. Зак., за № 4450, подъ заглавіемъ „о званіи монашескомъ. объ опредѣленіи въ монастыри отставныхъ солдатъ и объ учрежденіи семинарій и госпиталей“.

ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ

профессоръ Каванскаго и Новороссійскаго университетовъ,

род. 30 апрѣля 1815 г., † 19 декабря 1876 г.

Въ числѣ немногихъ пионеровъ юной науки, — славистики, поставленной лишь съ полвѣка назадъ на кафедрѣ нашихъ университетовъ, имя профессора Григоровича, вмѣстѣ съ незабвенными именами профессоровъ Срезневскаго и Бодянскаго, занимаетъ почетное мѣсто и навсегда сохранится въ лѣтописяхъ славянской науки. Они, какъ истые строители новой храмины, добывали и приводили, по возможности, въ порядокъ матеріаль, необходимый для созиданія новаго зданія науки, помня, что „заботливость о родной старинѣ есть признакъ жизненности въ цивилизаціи народовъ“¹⁾.

Хотя Григоровичъ и не оставилъ по себѣ многотомныхъ сочиненій, какъ этого можно было-бы ожидать при той обширнѣйшей эрудиціи, которою обладалъ профессоръ-славистъ; но его многолѣтняя университетская дѣятельность, полная энергіи и любви къ дѣлу, его отзывчивость на все доброе, чуткость ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, — все это не могло не оказывать благотворнаго вліянія на цѣлыя поколѣнія учащейся молодежи, которая, приобрѣтая научныя знанія, получала вмѣстѣ съ тѣмъ и особый интересъ

¹⁾ Григоровичъ: „Изъ лѣтописи науки славянской“, стр. 13. Одесса, 1887 г.

къ родному славянскому міру, благодаря той искренности, той любви, которою было согрѣто каждое слово, произносимое съ кафедры незабвеннымъ свѣтелемъ науки о славянствѣ.

Прошло уже болѣе 15-ти лѣтъ со времени кончины Виктора Ивановича. Въ замѣткахъ, появившихся тогда о немъ на страницахъ журналовъ и газетъ, было, между прочимъ, сказано, что Григоровичъ заслуживаетъ вниманія не только какъ ученый, но и какъ человѣкъ. Съ этой именно стороны я и намѣренъ нѣсколько характеризовать личность Виктора Ивановича, предпославъ нѣкоторыя біографическія данныя, а также и свѣдѣнія объ его археологической дѣятельности.

Родина Григоровича—Подолія, г. Балта, гдѣ онъ родился 30-го апрѣля 1815 года и получилъ первыя сѣмена просвѣщенія въ школѣ своего роднаго захолустья. Затѣмъ воспитаніе его, въ теченіе семи лѣтъ, проходитъ въ униатскомъ училищѣ монаховъ-базиліанъ, существовавшемъ тогда въ г. Умани. Пятнадцати-лѣтнимъ юношею Григоровичъ поступаетъ въ Харьковскій университетъ и, окончивъ тамъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, отправляется въ Петербургъ, поступаетъ на службу, но скоро бросаетъ чиновничью карьеру и уѣзжаетъ въ Дерптъ, гдѣ въ то время процвѣтала классическая филологія. Насколько глубоки были филологическія познанія Виктора Ивановича, видно изъ его рассказовъ намъ, студентамъ, о томъ, какъ не разъ приходилось ему выручать изъ бѣды молодыхъ ученыхъ, которые тогда должны были представлять диссертациі на латинскомъ языкѣ; а затѣмъ глубокое знаніе древнихъ языковъ послужило ему важнѣйшимъ орудіемъ при его многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ славянскаго міра.

Наступаетъ знаменитое, въ исторіи русскаго просвѣщенія, время—министерство Уварова; тогда-же возбуждается вопросъ объ установленіи въ русскіяхъ университетахъ кафедры славянскихъ нарѣчій. Въ славянскія земли отправляются наши піонеры новой науки: Бодянский, Преисъ, Срезневскій, а также и Григоровичъ, приглашенный въ 1839 г. въ казанскій университетъ первоначально преподавателемъ греческаго языка и, по предложенію казанскаго попечителя Мусинъ-Пушкина начавшій затѣмъ готовиться къ занятію кафедры славянскихъ нарѣчій.

Еще до поѣздки за границу явилось первое сочиненіе Григоровича: „Краткое обзорѣніе славянскихъ литературъ“ (1841 г. Зап. каз. ун.), и затѣмъ его магистерская диссертациія: „Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ“ (1842 г.). Вотъ что говоритъ по поводу этого сочиненія покойный профессоръ

кіевскаго университета, извѣстный славистъ Котляревскій ¹⁾: „Матеріаль для подобнаго труда въ то время былъ еще малъ; трудности были почти неодолимыя, но не по отношенію къ выполненію задачи онъ замѣчательнъ, а по мысли, необыкновенно смѣлой, можно сказать, творческой для того времени, живой и плодотворной и въ настоящую минуту: онъ предположилъ разсмотрѣть литературу славянскихъ народовъ, какъ организмъ, какъ одно стройное цѣлое, т. е., такъ сказать, панславистскимъ образомъ, о чемъ мечталъ знаменитый Павелъ Шафарикъ. Объ „Опытѣ“ Григоровича можно поэтому сказать, что это было первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности“.

Вскорѣ послѣ вступленія своего на кафедру, молодой славистъ отправляется въ ученое путешествіе за-границу (1844 г.), именно въ земли славянъ Балканскаго полуострова, которыя до того времени совсѣмъ не были изслѣдованы; онѣ-то и послужили ему предметомъ тщательнаго изученія. Неумоимо обозрѣвая церкви и монастыри, Григоровичъ вездѣ ищетъ слѣдовъ древне-славянской письменности, и только благодаря его пытливости, много чрезвычайно важныхъ письменныхъ памятниковъ, извлеченныхъ имъ изъ-подъ спуда заброшенныхъ монастырскихъ бібліотекъ, не погибло безслѣдно для науки. Покончивъ съ изслѣдованіемъ въ земляхъ балканскихъ славянъ, Викторъ Ивановичъ проводитъ нѣкоторое время у австрійскихъ славянъ и въ самой Вѣнѣ обрабатываетъ важные для исторіи русской церкви „Протоколы константинопольскаго патріархата“. Въ 1847 году онъ возвращается въ Россію и, какъ результатъ ученой поѣздки, является „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи“,—сочиненіе весьма интересное по разнообразію археологическихъ свѣдѣній объ изслѣдованныхъ имъ земляхъ, а богатая коллекція спасенныхъ имъ отъ гибели древнихъ рукописей становится лучшимъ украшеніемъ его замѣчательной бібліотеки и предъявляется аудиторіи, при чтеніи на лекціяхъ фрагментовъ древне-славянскихъ памятниковъ.

Профессорская дѣятельность Григоровича въ казанскомъ университетѣ прерывается на короткое время отъѣздомъ его въ Москву, когда Бодянский, по распоряженію министра нар. проsv., былъ переѣзженъ, въ 1848 г., на службу въ Казань, а на его мѣсто былъ

¹⁾ „Славянскій ежегодникъ“, Кіевъ, 1877 г. Статья проф. Котляревскаго по случаю кончины Григоровича.

назначенъ Григоровичъ; но Бодянский въ Казань не поѣхалъ, а подалъ въ отставку; съ 1850 года онъ снова занимаетъ кафедру въ московскомъ университетѣ, а Григоровичъ переходитъ обратно въ казанскій ¹⁾, гдѣ и занимаетъ кафедру славянскихъ нарѣчій до 1865 года, т. е. до времени приглашенія его въ открытый тогда въ Одессѣ новороссійскій университетъ. Здѣсь, на югѣ, неутомимый труженникъ, славистъ энергично принялся за свои ученыя изысканія, не смотря на свой старческий возрастъ, и почти до самой смерти, постигшей его въ Елисаветградѣ, онъ не переставалъ трудиться надъ дорогимъ ему русско-славянскимъ міромъ.

Подвизаясь много лѣтъ на кафедрѣ славянскихъ нарѣчій и славянскихъ древностей, Викторъ Ивановичъ долженъ былъ твердо стать на археологической почвѣ, какъ объ этомъ заявляетъ онъ самъ: „Обнимая собою цѣлое, уставляя на мѣстѣ всѣ явленія жизни славянской, она (т. е. славянская наука) дорожить и буквою, и словомъ, и заржавѣлымъ преданіемъ, и загадочнымъ намекомъ лѣтописи, и перломъ поэзій, и правдою закона“.

Во время своего одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Одессѣ, Григоровичъ почти каждое лѣто предпринималъ экскурсіи съ археологическою цѣлію. Его привлекало и побережье Днѣстра и историческая Калка, манила его мѣстность, гдѣ была запорожская сѣчь, а еще болѣе—священный Корсунь. Цѣлію всѣхъ этихъ поѣздокъ, по словамъ самого Виктора Ивановича, было желаніе найти слѣды древняго пребыванія славянъ въ тѣхъ южнорусскихъ окраинахъ, гдѣ появились позже новыя наслоенія народностей. „Побережье Днѣстра—говоритъ въ одномъ изъ сочиненій Викторъ Ивановичъ—въ той-же мѣрѣ привлекаетъ пытливого антиквара, какъ и Таврида. Если тамъ отношенія русскаго народа къ старожиламъ грекамъ темны и загадочны, то отношеніе его къ румынскому племени на Днѣстрѣ, какъ въ старое, такъ и въ новое время, подтверждаются фактами, требующими особеннаго вниманія. Сила давленія другихъ народовъ заслонила лишь эти отношенія. Теперь нельзя сомнѣваться, что славянское племя заселяло искони побережье Днѣстра совмѣстно съ румынами. Можетъ быть, оно имѣло преимущество давности. Не говоря объ антахъ, довольно вспомнить о тиревцахъ или тиверцахъ и объ угличахъ или улучахъ,—этихъ толковинъ, т. е. помощниковъ, союзниковъ русскихъ“. Здѣсь кстати замѣтить, что, еще въ свое путешествіе по славянскимъ землямъ, Григоровичъ посѣтилъ древній румынскій монастырь

¹⁾ „Русская Старина“ 1879 г., кн. 5-я.

Поюна-Мърулуй¹⁾, находящийся между Бузео и Фокшанами; въ этомъ монастырѣ находили часто пріютъ и русскіе монахи. Здѣсь Виктору Ивановичу удалось найти русскія книги и рукописи. Потомъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, онъ изслѣдуетъ древности Аэона, гдѣ приобрѣтаетъ драгоцѣнные письменные памятники, отсюда отправляется въ Солунь, тщетно розыскивая тамъ слѣдовъ почитанія памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія. „Почти трехмѣсячные поиски мои, говоритъ Григоровичъ, оставили во мнѣ убѣжденіе, что византійская культура Солуны равнодушно относилась къ славнымъ уроженцамъ этого города“. Только въ западной Македоніи нашелъ онъ живую память объ этихъ славянскихъ апостолахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нашелъ въ рукописяхъ намеки на русскія письмена, русскій языкъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣми греческими документами, найденными въ Вѣнѣ, которые касаются черноморскихъ окраинъ, заставило Виктора Ивановича предположить, что въ исторіи славянской письменности имѣетъ важное значеніе древній Корсунь, гдѣ св. Кириллъ и Меѳодій подвизались около 862, т. е. около времени сложенія русскаго государства. „Не призваніемъ, слѣдовательно, варяговъ на сѣверѣ началось русское государство, но и благовѣстію на югѣ, въ Херсонѣ, славянскихъ апостоловъ“, говоритъ Григоровичъ²⁾.

Занятый мыслію о важности Корсуна для славянской науки, пытливый археологъ стремится посѣтить этотъ древній пунктъ греческой цивилизаціи въ нашихъ предѣлахъ, но осуществленію его плановъ встрѣчается много препятствій, такъ что только въ 1861 г. онъ могъ посѣтить Севастополь, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ произвести никакихъ изысканій, по независящимъ лично отъ него обстоятельствамъ, и съ глубокимъ огорченіемъ долженъ былъ возвратиться въ Казань. Осуществленіе завѣтнаго желанія произошло только съ переходомъ В. Ив. изъ Казанскаго университета въ Новороссійскій, да и то не сразу. Только въ 1868 году онъ началъ знакомиться съ Севастополемъ и затѣмъ въ 1870 году. Мнѣ лично приходилось слышать отъ В. Ив.—ча объ этой поѣздкѣ, при чемъ онъ съ особымъ удовольствіемъ рассказывалъ о той помощи, какую оказали ему матросы, „эти правдивые рапсоды великаго событія“, какъ онъ ихъ называетъ. При этомъ онъ показывалъ мнѣ небольшой мѣдный крестъ съ старинною славянскою надписью. „Это

¹⁾ Поюна-Мърулуй (долина яблони); ²⁾ послѣ *М* поставленъ самимъ авторомъ „Записки антиквара“.

²⁾ Замѣтки о Солуни и Корсунѣ, стр. 7.

нашелъ мнѣ севастопольскій матросъ“ — говоритъ, какъ-бы подчеркивая послѣднія слова, Викторъ Ивановичъ.

Въ 1873 г., трудясь для предстоящаго тогда археологическаго съѣзда, Григоровичъ предпринялъ путешествіе въ разные пункты южной Россіи. Имъ были посѣщены берега Азовскаго моря, Крымъ и часть побережій Днѣпра и Днѣстра. Отчетъ объ этой археологической экскурсіи сдѣланъ В. Ив. въ весьма интересномъ, хотя и небольшомъ, его трудѣ: „Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и побережья Днѣпра и Днѣстра. Одесса 1874 г.“. Представляя въ своей „Запискѣ“ много остроумныхъ историко-этнографическихъ догадокъ, авторъ дѣлится съ читателемъ тѣми впечатлѣніями, какія онъ вынесъ изъ своего путешествія: сочувственно относится къ лицамъ, помогавшимъ ему въ изысканіяхъ ¹⁾ и сѣтуетъ на пренебреженіе и полное равнодушіе къ былому чужестранныхъ поселенцевъ на южно-русской землѣ. „Только надежда на поощреніе правительства, на сочувствіе коренныхъ русскихъ можетъ ободрить поиски, предпринятые съ цѣлю отвѣчать современнымъ задачамъ русской исторіи“, говоритъ въ концѣ своей записки нашъ знаменитый антикваръ. Въ другомъ мѣстѣ въ словахъ почтеннаго археолога-слависта слышится негодованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство горечи, по поводу пренебреженія новыхъ поселенцевъ къ былому: „Съ высоты своего самовожденія потребители не внемлютъ, что та-же земля нуждается не только въ эксплуатаціи, но и въ бытовомъ ея изученіи. Они равнодушны къ голосу науки, призывающей тружениковъ сознательнѣе изучать родную землю; они глумятся, слыша, что антикварамъ самимъ приходится лѣзть въ реторту разноплеменныхъ отношеній и попадать подъ микроскопъ согладатаевъ, дабы быть жертвою ихъ коварныхъ изысканій“.

Въ 1875 году я уѣхалъ изъ Одессы. Черезъ годъ В. Ив. оставилъ свою профессорскую дѣятельность и удалился на покой въ Елисаветградъ, гдѣ и застигла его безвременная кончина. Мнѣ неизвѣстно, надъ чѣмъ работалъ въ послѣдній годъ своей жизни неутомимый труженикъ науки, слышалъ только, что до послѣдней минуты онъ не разставался съ излюбленнымъ своимъ вопросомъ о происхожденіи кирилловскаго и глаголическаго письма въ старославянскомъ языкѣ.

¹⁾ Упоминаетъ, напримѣръ, о бывшемъ директорѣ Бердянской гимназіи г. Коловичѣ, нынѣ директорѣ Тифлискаго Александровскаго учительскаго института, помогшемъ ему въ нахожденіи старины у тамошнихъ старовѣровъ.

Ученая дѣятельность Григоровича прекрасно характеризуется словами покойнаго профессора кievскаго университета Котляревскаго, также замѣчательнаго дѣятеля въ области славяновѣдѣнія: „Какъ ученый, онъ (т. е. В. Ив.) имѣлъ свои великія и неотъемлемыя заслуги: онъ былъ у насъ рѣдкимъ знатокомъ чистаго древне-славянскаго языка, на которомъ писалъ и даже произносилъ рѣчи. Ему принадлежитъ заслуга объясненія многихъ существенныхъ вопросовъ древне-славянскаго языка, письменности и древности. Обладая замѣчательною способностью выучиваться языкамъ (кроме европейскихъ, знакомыхъ ему въ совершенствѣ, онъ говорилъ по-турецки, по-новогречески и по-румынски; древнегреческій языкъ зналъ настолько основательно, что въ теченіе полутора года преподавалъ его въ казанскомъ университетѣ), онъ умѣлъ поставить свою науку на широкую почву; онъ зналъ источники ея и притомъ изъ самыхъ источниковъ: глубокое знаніе славянства соединилось въ немъ съ знаніемъ Византіи и западной науки. Но сдѣланное имъ видимое далеко не перевѣшиваетъ того, что сдѣлано имъ и невидимо, что хранится въ его ученикахъ: любовь къ славянству, славянская идея взрощены имъ широко и прочно въ сердцахъ и умахъ многихъ поколѣній“¹⁾.

Теперь я намѣренъ представить В. Ив—ча въ его отношеніяхъ къ учащейся молодежи, представить его какъ человѣка, въ подтвержденіе только-что приведенныхъ словъ о томъ, какимъ путемъ незабвенный профессоръ умѣлъ вселить „въ сердцахъ и умахъ“ своихъ слушателей любовь къ наукѣ.

Еще до поступленія въ студенты Новороссійскаго университета мнѣ приходилось слышать много разсказовъ о Григоровичѣ отъ бывшихъ его слушателей. Говорили о немъ и какъ о замѣчательномъ ученомъ, и какъ о большомъ оригиналѣ по образу жизни, разсказывали о прекрасныхъ качествахъ его души, о простотѣ его отношеній къ студентамъ. Эти разсказы тѣмъ болѣе меня интересовали, что, задумавъ поступить на историко-филологическій факультетъ, я долженъ былъ въ скоромъ времени познакомиться съ этимъ незабвеннымъ сѣятелемъ славянской науки.

Въ первый разъ мнѣ пришлось видѣть Григоровича, такъ сказать, ex officio. 30-го августа ежегодно происходитъ торжественный актъ въ новороссійскомъ университетѣ. Въ актовомъ залѣ, среди множества мундировъ и фраковъ, мнѣ невольно бросилась въ глаза

¹⁾ Славянскій ежегодникъ, Кіевъ, 1877 г., стр. 316.

одна личность въ профессорскомъ мундирѣ, пожилая, но еще довольно бодрая, съ живыми, бѣгающими глазами, съ почтенною лысиною и небольшими бакенбардами. Я обратился къ своему сосѣд-студенту съ вопросомъ, кто этотъ профессоръ, и получилъ отвѣтъ, что это Григоровичъ. Черезъ нѣсколько дней я имѣлъ удовольствие быть на первой лекціи знаменитаго слависта. Намъ на первомъ курсѣ было немного, всего 7 человекъ, что дало возможность Василю Ивановичу обратиться къ каждому изъ его слушателей съ вопросомъ о томъ, гдѣ онъ учился, какой мѣстности уроженецъ. Это не были сухія, полуофициальныя фразы, какія обыкновенно предлагаются въ подобныхъ случаяхъ: въ словахъ, съ которыми онъ обратился къ намъ, было столько привѣтливости, въ самыхъ глазахъ профессора просвѣчивала такая доброта, видно было такое участіе къ намъ, неофитамъ науки, что эта краткая бесѣда, а затѣмъ и самая лекція надолго остались въ памяти моей и моихъ товарищей.

Лекціи Виктора Ивановича часто носили характеръ бесѣды. Приносили онъ какой-нибудь памятникъ славянской письменности и предлагали переводить извѣстное мѣсто кому-нибудь изъ студентовъ, а затѣмъ, по поводу переводимаго фрагмента начиналась живая, столь интересная для насъ, начинающихъ знакомиться съ славянскою филологіею, бесѣда. Прошло ужъ много лѣтъ, а личность Виктора Ивановича живо представляется мнѣ на кафедрѣ или у доски, въ застегнутомъ на всѣ пуговицы форменномъ скюртукѣ, съ слѣдами на немъ стеарина, пыли и мѣлу. Почтенный профессоръ выводилъ на доскѣ цѣлыя ряды словъ старо-славянскаго и современнаго русскаго языка. Какое-нибудь архаическое слово какъ будто оживаетъ предъ слушателями, теряетъ свою отвлеченность, посредствомъ цѣлаго ряда сравненій, быстро приводимыхъ увлекающимся лекторомъ, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ математиковъ становятся какъ-бы конкретными, дышать жизнію отвлеченныя математическія выкладки.

Быстро пролетѣлъ первый семестръ. Наступило время полугодовыхъ контролей для желающихъ получить стипендію. Болѣе всего насъ смущало испытаніе по русской исторіи, такъ какъ покойный профессоръ Смирновъ былъ слишкомъ требователенъ, а затѣмъ опасались и за славянскія нарѣчія. Хотя намъ и было извѣстно о всегдашней снисходительности на экзаменахъ со стороны Григоровича, но масса прочитаннаго имъ матеріала, а также и новизна самого предмета невольно заставляли насъ порядочно потрухивать. Испытанія, какъ теперь помню, производились въ факультетскомъ засѣданіи, вечеромъ, разомъ по всѣмъ предметамъ. Всѣ профессора, за исключеніемъ Григоровича, сидѣли вокругъ стола, къ которому съ

тайнымъ трепетомъ приближался каждый изъ насъ, а Викторъ Ивановичъ стоялъ у окна и велъ бесѣду съ подходящими къ нему для испытанія моими собратьями. Пришелъ, наконецъ, и мой чередъ. Подхожу.

„Вы интересуетесь славянскими нарѣчіями?“ послѣдовалъ неожиданный для меня вопросъ со стороны профессора.

— „Да“, могъ только я отвѣтить въ смущеніи.

„Какъ-же вамъ дается изученіе ихъ?“ спрашиваетъ далѣе Викторъ Ивановичъ.

Я отвѣчалъ, какъ мнѣ помнится, въ такомъ родѣ, что пока еще не могъ серьезно остановиться на какомъ-либо изъ пройденныхъ нарѣчій, что въ первое полугодіе приходилось только поверхностно знакомиться вообще съ предметами своего курса, готовиться къ полугодовому экзамену и т. п. Послѣ моей довольно нескладной рѣчи, Викторъ Ивановичъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ изъ грамматики сербскаго языка и отпустилъ съ миромъ. Подобно тому какъ на первой лекціи, такъ равно и на этомъ первомъ для насъ университетскомъ экзаменѣ простое, неофициальное отношеніе покойнаго профессора къ испытываемымъ произвело на всѣхъ самое отрадное впечатлѣніе.

Въ концѣ учебнаго года намъ пришлось еще ближе познакомиться съ Викторомъ Ивановичемъ, узнать его какъ человѣка, въ простой его домашней обстановкѣ. Искреннее участіе профессора къ своимъ слушателямъ простиралось до того, что онъ удѣлялъ по нѣсколькимъ часамъ для насъ въ теченіе цѣлой недѣли предъ экзаменомъ по его предмету, чтобы помочь намъ въ повтореніи пройденнаго курса. Здѣсь онъ резюмировалъ намъ свои лекціи, указывалъ на важнѣйшія стороны въ прочитанномъ имъ курсѣ славянскихъ нарѣчій, помогалъ намъ въ переводѣ извѣстныхъ образцовъ; при этомъ каждый изъ насъ имѣлъ право обращаться къ нему за разъясненіемъ какихъ-либо трудныхъ мѣстъ. Наши занятія прерывались обыкновенно чаемъ, который торжественно вносилъ въ домашнюю аудиторію Викторъ Ивановича его старый слуга, имѣвшій, какъ говорили, на благодушнаго своего господина большое вліяніе и представлявшій изъ себя типъ обломовскаго Захара. Чай былъ всегда превосходнаго качества,—этимъ даже любилъ щегольнуть покойный профессоръ, равно какъ и дорогими сигарами, которыми, при случаѣ, и насъ угощалъ. За чаемъ шла обыкновенно посторонняя бесѣда. Викторъ Ивановичъ большею частію рассказывалъ намъ о своихъ поѣздкахъ съ археологическою цѣлю, о томъ, гдѣ онъ добылъ болѣе или менѣе цѣнное приобрѣтеніе для науки, сообщалъ о своихъ занятіяхъ для

предстоящаго археологическаго съѣзда, часто спрашивалъ насъ о мѣстахъ нашего жительства, и въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что онъ зналъ о нихъ больше, чѣмъ мы, коренные обитатели. Иногда показывалъ намъ Викторъ Ивановичъ свои коллекціи старинныхъ монетъ, крестиковъ и другихъ археологическихъ рѣдкостей, старался обратить наше вниманіе на рѣдкіе экземпляры, при чемъ сообщалъ исторію ихъ находженія. Съ особымъ удовольствіемъ показывалъ онъ намъ драгоцѣнные пергаментныя рукописи, приобретенныя имъ во время путешествія по землямъ Балканскаго полуострова. Кончалось чаепитіе, прекращалась эта экскурсія въ область археологіи, и мы снова принимались за повтореніе пройденнаго, за чтеніе славянскихъ образцовъ и за переводы. Подобныя репетиціи, продолжавшіяся нѣсколько дней, при особыхъ еще нашихъ домашнихъ занятіяхъ, настолько возобновляли въ памяти курсъ славянскихъ нарѣчій, что можно было безбоязненно шествовать на экзаменъ. Никогда я не забуду этихъ репетицій на дому у почтеннаго профессора, не забуду той незатѣйливой, вѣрнѣе сказать, чисто книжной обстановки его жилища; не забыть намъ всѣмъ, тѣмъ болѣе, самого добродушнаго хозяина, въ его старенькомъ пальто, замѣнявшемъ халатъ, а иногда сидящаго и въ кожухѣ, съ трубкою въ зубахъ, среди неизмѣримаго количества книгъ, рукописей, газетъ, представлявшихъ какой-то позитическій беспорядокъ въ комнатѣ знаменитаго слависта.

Разъ какъ-то, во время лѣта, зашелъ я съ товарищами къ Виктору Ивановичу, и мы застали его сидящимъ въ шубѣ и, по обыкновенію, съ трубкою въ зубахъ. Замѣтивъ, вѣроятно, наше удивленіе, онъ повелъ такую рѣчь:

„Эхъ, господа, господа! Какими-бы панями вы ни были, не забывайте русскаго кожуха. Вы не знаете, какъ онъ благодѣтеленъ“.

При этомъ дорогой старикъ сталъ распространяться о пользѣ шубы или, какъ онъ обыкновенно называлъ, „кожуха“, къ которому онъ всегда прибѣгаетъ лишь посѣтитъ его какой-нибудь недугъ.

Вмѣстѣ съ помощью научною, Викторъ Ивановичъ часто оказывалъ студентамъ и матеріальную поддержку; особенно по началу онъ благодѣтельствовалъ студентамъ изъ славянъ, прибывавшимъ въ Одессу изъ Болгаріи и Сербіи; двое изъ нихъ получали отъ него настоящую субсидію въ родѣ стипендіи, но не всегда эти господа отплачивали благодарностію профессору-славянофилу.

Будучи нѣкоторое время секретаремъ Одесскаго славянскаго, имени св. Кирилла и Меодія, благотворительнаго общества, Гри-

горовичъ долженъ былъ стать въ близкое отношеніе къ тѣмъ бѣднякамъ изъ славянъ, которые получали пособіе отъ названнаго общества. Такъ какъ не всегда возможно было удовлетворить нуждающихся изъ общественнаго капитала, то Викторъ Ивановичъ часто помогалъ имъ изъ своего кармана, при чемъ его трудовыхъ денегъ перешло на это благотвореніе не малое количество, какъ мнѣ объ этомъ передавали въ Одессѣ, хотя самъ Викторъ Ивановичъ, рассказывая многое изъ отношеній своихъ къ братьямъ-славянамъ, никогда и словомъ не обмолвился о своей благотворительности.

Кто изъ одесситовъ не помнитъ Григоровича, какъ оратора, на торжественныхъ собраніяхъ въ университетѣ, на защитахъ диссертаций или въ собраніи славянскаго благотворительнаго общества? Какъ теперь вижу его на кафедрѣ въ университетской залѣ, переполненной разнообразною публикою. Парадный костюмъ его слишкомъ выдѣляется среди другихъ таковыхъ-же костюмовъ: фракъ стараго покроя, широкой галстухъ 1840-хъ годовъ, изъ-подъ котораго выглядываютъ воротнички старомодной манишки, придающіе какой-то оригинальный видъ его фізіономіи, окаймленной старомодными-же бакенбардами. Но все это кажется нѣсколько страннымъ только по началу, пока не заговоритъ профессоръ; тогда вы невольно увлекаетесь фигурою оратора, умные глаза котораго горятъ огнемъ, голосъ становится все сильнѣе и сильнѣе, лицо его раскраснѣлось отъ волненія, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣчь дѣлается увлекательнѣе и невольно приковываетъ вниманіе всей публики.

Я не могу не привести теперь одного мѣста изъ рѣчи Виктора Ивановича, въ которой этотъ почтенный представитель славянской науки откровенно высказываетъ свой взглядъ на пресловутый панславизмъ.

„Прежде и паче всего считаемъ долгомъ своимъ отъ имени науки славянской засвидѣтельствовать, что столь возлюбленный врагамъ нашимъ панславизмъ, въ какомъ-бы смыслѣ намъ его ни бросали въ лицо, есть изобрѣтеніе іезуитовъ, давно стращавшихъ европейскіе народы, даже самихъ славянъ, горгоною панславизма, угрожающе будто съ сѣвера ихъ свободѣ.. Русскому именно народу вреденъ какъ фиктивный, такъ и фактическій панславизмъ. Своеобразность его развитія не нуждается ни въ новыхъ воплощеніяхъ, ни въ перестроѣ, нарушающемъ его самобытность“¹⁾.

Громкіе аплодисменты раздались со всѣхъ сторонъ на эти прекрасно сказанныя слова оратора, но тѣмъ не менѣе, не всѣмъ присутствовавшимъ пришлось они по нраву.

¹⁾ „Что принесъ намъ прошедшій годъ?“, стр. 6-я, Одесса, 11 мая 1873 г.

„Однако, почтенный профессор не совсѣмъ-то справедливо изволилъ рѣчь вести“, замѣтилъ мнѣ, при выходѣ изъ залы, одинъ знакомый не русскаго происхожденія.

— „Въ чемъ-же онъ неправъ?“ спросилъ я.

„Да на счетъ панславизма. Какъ онъ изволилъ его изобразить?... Не даромъ-то онъ и брюшко себѣ отрустил“, ворчалъ мой знакомый, сходя съ лѣстницы.

Я нашелъ излишнимъ дѣлать какія-либо возраженія, такъ какъ понятно мнѣ было это ворчанье; но заподозривать Григоровича въ какихъ-бы то ни было своекорыстныхъ цѣляхъ было совсѣмъ нелѣпо, и насколько былъ правъ въ своемъ сужденіи мой знакомецъ, оставляю на размышленіе всякому, кто хоть сколько-нибудь зналъ благородную личность Виктора Ивановича. Что-же касается приведенныхъ только-что его словъ, то не являются-ли они теперь какъ-бы пророческими, когда спасенные нами отъ турецкаго ига и вызванные къ политической жизни братья-славяне отплатили только неблагодарностію.

При всей своей неустанной, энергичной работѣ по славянской филологіи, Григоровичъ зорко слѣдилъ за злобою дня, за разнообразными явленіями общественной жизни, какъ у себя дома, такъ и за границею. Часто приходилось слышать въ рѣчахъ его: „земство“, „земское дѣло“, „земскій вопросъ“. Въ этихъ словахъ высказывалось то, какое значеніе придавалъ покойный профессоръ земской, народной силѣ, обновленной благодѣтельными реформами Царя-Освободителя. Не разъ высказывалъ онъ, что отъ народнаго самосознанія зависитъ и его умственный ростъ, и развитіе матеріальнаго благосостоянія. Какъ часто онъ возмущался тою эксплуатаціею, которой подвергается сельское населеніе со стороны разныхъ кулаковъ еврейскаго и не еврейскаго происхожденія. Однажды я зашелъ къ Виктору Ивановичу, чтобы взять программу для предстоящаго на другой день экзамена по его предмету. Голова моя была полна въ то время всякихъ суффиксовъ, корней и т. д., а почтенный профессоръ предлагаетъ мнѣ для прочтенія одну изъ кievскихъ газетъ.

„Вотъ прочтите, что господа евреи ¹⁾ продѣлываютъ съ рабочими на сахарныхъ заводахъ“.

— „Викторъ Ивановичъ, возражаю я,—да вѣдь завтра экзамень“.

¹⁾ Евреевъ, а также и грековъ В. Ив. всегда чествовалъ словомъ: „господа“; это встрѣчается даже въ его „Запискѣ антиквара“, на 44 стр.

„Ничего, ничего, отвѣчаетъ добродушно профессоръ,—вы дома прочтете статью, а завтра отдадите мнѣ газету въ университетѣ“.

Volens-polens долженъ былъ я взять эту газету и пробѣжать рекомендованную статью, о которой Викторъ Ивановичъ не преминеть побесѣдовать.

Вообще, по своей гуманной натурѣ, Викторъ Ивановичъ не могъ равнодушно смотрѣть на то, что носило въ себѣ отпечатокъ нечестности. Рѣчь его, полная негодованія, одинаково безошадно бичевала и еврея, и грека, и славянина. Какъ часто онъ возмущался духомъ изъ-за поступковъ молодежи изъ сербовъ и болгаръ.

„Помилуйте, говорилъ намъ въ своей бесѣдѣ незабвенный профессоръ, развѣ это честно? Являются эти господа къ намъ съ искреннимъ заявленіемъ, что хотять приобрѣсть извѣстныя знанія для пользы своего народа, а въ концѣ-концовъ дѣло оканчивается тѣмъ, что, заручившись у насъ дипломами, они и думать не хотятъ о своей родинѣ, а предпочитаютъ оставаться въ Россіи и получать приличные оклады. Конечно, это выгодно!“ При этомъ Викторъ Ивановичъ всегда иллюстрировалъ подобное замѣчаніе частыми случаями изъ своего многолѣтняго общенія съ славянскимъ людомъ.

Мирная, повидимому, жизнь Григоровича носила въ себѣ, насколько я могъ замѣтить, нѣкоторый трагическій оттѣнокъ. Этимъ только и можно объяснить то странное явленіе, что почтенный профессоръ, отличавшійся вообще необыкновенною добротою и чисто христіанскою кротостью, говорилъ очень часто раздраженнымъ тономъ, а подчасъ изъ устъ его исходила даже озлобленная рѣчь. Мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ ужъ, такъ сказать, на закатѣ дней, когда Викторъ Ивановичъ былъ удрученный жизнію и лѣтами старикъ; мнѣ неизвѣстны тѣ ранніе годы его дѣятельности, когда онъ, еще молодой славистъ, былъ полонъ энергіи и силы; но, судя по его-же рассказамъ, житейскія передриги не разъ вторгались въ мирную хramину мужа науки и онѣ-то, быть можетъ, и произвели въ немъ извѣстную ломку, сдѣлали его тѣмъ оригиналомъ, тѣмъ чудакомъ, какимъ обыкновенно представлялся онъ людямъ, мало знавшимъ покойнаго профессора, людямъ, незнакомымъ ни съ его міросозерцаніемъ, ни съ его любвеобильною душею. Трагизмъ положенія увеличивался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Викторъ Ивановичъ, подобно герою безсмертной грибоѣдовской комедіи, зналъ, что его считаютъ чудакомъ, видѣлъ, что его не понимаютъ, зналъ даже и то, что его считаютъ чуть-ли не сумашедшимъ. Какъ это ни странно, но мнѣ пришлось отъ самого-же Виктора Ивановича услышать объ этомъ печальномъ фактѣ. Случилось это слѣдующимъ

образомъ: прихожу я однажды на домъ къ покойному профессору и замѣчаю въ немъ какую-то раздражительность во все время бесѣды. Положеніе мое было довольно неловкое. Я ужъ хотѣлъ было ретироваться во-свои, но любезный хозяинъ удержалъ меня и вскорѣ, за чаемъ, онъ самъ разрѣшилъ мое недоумѣніе. „Представьте, заговорилъ Викторъ Ивановичъ, весь въ волненіи, меня обвиняютъ въ отсталости! Григоровичъ, молю, кромѣ старинныхъ памятниковъ ничѣмъ не интересуется, не слѣдитъ за вопросами современной науки... Да лгутъ-же они, горячился все болѣе и болѣе почтенный славистъ. Эти господа, что меня обвиняютъ въ отсталости, сами-же они не разъ пользовались моими указаніями“. Въ такомъ родѣ, какъ теперь я помню, выражалъ свое негодованіе на неизвѣстныхъ мнѣ своихъ противниковъ Викторъ Ивановичъ и затѣмъ уже, съ усмѣшкою, сказалъ и о томъ, что нѣкоторые господа считаютъ его чуть-ли не сумашедшимъ.

Видно ужъ слишкомъ тяжело было на душѣ у незабвеннаго профессора, если онъ не вытерпѣлъ, чтобы не подѣлиться своимъ чувствомъ горечи съ подвернувшимся ему подъ-руку студентомъ. Что научныя занятія не разобцали знаменитаго слависта и съ современною ему жизнію, ея интересами, насущными вопросами, это видно изъ цѣлой вереницы тѣхъ многочисленныхъ рѣчей, которыя часто приходилось произносить Виктору Ивановичу въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ и на учено-официальныхъ собраніяхъ. Въ рѣчахъ этихъ сказывается не только ученый, но и человѣкъ, который далеко не объективно относился къ текущимъ общественнымъ вопросамъ, а напротивъ, весьма чутко прислушивался къ нимъ и съ чисто юношескимъ увлеченіемъ трактовалъ о злобѣ дня. Это былъ ораторъ, искренно повѣдующій публикѣ свои мысли, глубоко прочувствованныя, часто довольно оригинальныя, иногда не всѣмъ приходившіяся по вкусу. Очень часто слышались изъ устъ Григоровича слова: „земство“, „земское дѣло“, „земскій вопросъ“. Въ этихъ словахъ сказывалось именно то, какое значеніе придавалъ профессоръ земской, народной силѣ, обновленной благотѣльными реформами Царя-Освободителя.

Въ то время (въ началѣ 1870-хъ годовъ) только-что завершилась гимназическая реформа. Споры о классицизмѣ и реализмѣ еще не умолкли тогда въ обществѣ, и Григоровичъ въ своихъ рѣчахъ не разъ затрогивалъ школьный вопросъ. Склоняясь въ пользу классическаго образованія, Викторъ Ивановичъ рассуждалъ о немъ совершенно такъ, какъ трактуется въ настоящее время этотъ вопросъ въ учебной литературѣ.

Смотря на насъ, студентовъ, какъ на будущихъ учителей, Викторъ Ивановичъ иногда допускалъ съ нами бесѣды чисто педагогическаго содержанія. Какъ живо вспоминается мнѣ одинъ вечеръ, проведенный въ книжной хранилѣ дорогаго профессора, зимою. На дворѣ злится вьюга, а въ комнатѣ Виктора Ивановича такъ тепло и уютно; самъ онъ сидитъ у стола въ своемъ кожаномъ и, покуривая трубочку, привѣтливо глядитъ на юныхъ своихъ гостей. Рѣчь зашла о приемахъ преподаванія русскаго языка, при чемъ Викторъ Ивановичъ сталъ громить сухія, схоластическія формы преподаванія. „Да, говоритъ онъ, педагоги стараются обыкновенно подвести все подъ извѣстныя рубрики; желаютъ, напримѣръ, всякій русскій глаголь подвести подъ извѣстный залогъ и видъ, а главное—этого-же требуютъ отъ ученика. Ну развѣ это возможно? Развѣ-же можно живой языкъ вставить въ извѣстныя рамки? Да я вамъ любаго преподавателя поставлю втупикъ на самыхъ, повидимому, простыхъ вещахъ“. Скоро намъ пришлось на практикѣ убѣдиться въ справедливости словъ незабвеннаго учителя.

Радужный хозяинъ по отношенію къ студентамъ, Викторъ Ивановичъ былъ таковымъ-же и къ постороннимъ лицамъ. Приѣхавъ какъ-то въ Одессу знакомый мнѣ учитель К. изъ Екатеринослава и пожелавъ познакомиться съ Григоровичемъ. Отправились мы вмѣстѣ. Встрѣтивъ насъ, по обыкновенію, привѣтливо, Викторъ Ивановичъ обратился къ моему знакомому съ вопросомъ: „Не сердитесь-ли вы на меня за рецензію?“ Дѣло заключалось въ томъ, что учитель К. нѣсколько раньше представилъ въ округъ свою записку относительно церковно-славянской грамматики Колосова, не давно тогда введенной, какъ руководство, въ гимназіяхъ одесскаго учебнаго округа, и разборъ этой записки порученъ былъ попечителемъ Григоровичу. На этотъ весьма деликатно предложенный профессоромъ вопросъ г. К. отвѣтилъ, что онъ никакихъ претензій имѣть не можетъ, но что ему показалось страннымъ, почему не возражалъ на записку самъ Колосовъ. Затѣмъ разговоръ сосредоточился на Екатеринославѣ, который Викторъ Ивановичъ посѣтилъ въ одну изъ своихъ археологическихъ поѣздокъ, при чемъ онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ тѣхъ лицъ, которыя оказывали ему и радушный приемъ, и посильную помощь въ ученыхъ изысканіяхъ. Бесѣда затянулась до полуночи. На другой день г. К., по приглашенію Виктора Ивановича, побывавъ въ университетѣ, гдѣ почтенный профессоръ ознакомилъ его съ бібліотекою, затѣмъ еще пригласилъ къ себѣ на домъ, такъ что мой добрый землякъ

уѣхалъ изъ Одессы съ самымъ отраднымъ воспоминаніемъ о Викторѣ Ивановичѣ.

И не только интеллигентный гость пользовался любезнымъ обращеніемъ Григоровича, онъ равно былъ внимателенъ ко всякому посѣтителю, начиная отъ своего собрата-профессора и кончая бѣднякомъ-славяниномъ, приходившимъ къ нему за субсидією. При своей добротѣ, Викторъ Ивановичъ былъ слишкомъ снисходительнымъ господиномъ въ отношеніи своихъ слугъ. Я упоминалъ раньше, что его старый камердинеръ, олицетворявшій собою обломовскаго Захара, имѣлъ на своего хозяина извѣстное вліяніе. Случилось, что этотъ Захаръ былъ въ отсутствіи и Григоровичу попался въ лакеи какой-то продувной парень. Пользуясь крайнею снисходительностью своего барина и полнѣйшимъ его невѣдѣніемъ практической жизни, этотъ новый камердинеръ сталъ продѣлывать всякаго рода фокусы.

Прихожу я разъ къ Виктору Ивановичу и застаю слѣдующую сцену. Камердинеръ возится въ своей комнатѣ около сундука, очевидно готовляясь къ уходу. Въ другой Викторъ Ивановичъ роется въ книжкахъ и вытаскиваетъ изъ одной книги деньги, которыя онъ обыкновенно хранилъ въ своихъ фоліантахъ.

„Вотъ тебѣ, любезнѣйшій, плата за мѣсяцъ“, говоритъ онъ своему слугѣ, вручая нѣсколько кредитныхъ билетовъ. Малый принимаетъ деньги нехотя и стоитъ на одномъ мѣстѣ. Проходитъ нѣсколько минутъ. Викторъ Ивановичъ замѣчаетъ, во время разговора со мною, что слуга его не удаляется, и полагая, что тотъ хочетъ еще стянуть что-нибудь, вновь достаетъ изъ книжки деньги и направляется съ ними въ комнату слуги.

„Вотъ тебѣ, голубчикъ, на извошка, только пожалуйста уходи скорѣе!“ Викторъ Ивановичъ продолжаетъ прерванный разговоръ со мною, а слуга все-таки не выходитъ изъ своей комнаты, видимо не желая разстаться съ такимъ рѣдкимъ бариномъ. Старикъ-профессоръ, весьма взволнованный, подымается съ дивана и идетъ къ слугѣ, убѣждая его опять убраться, но малый, попрежнему, упорствуетъ. Меня, наконецъ, возмутило это нахальство и я пошелъ на подмогу добродушному хозяину.

„Какъ тебѣ не стыдно? обратился я къ упорствующему камердинеру. Ты видишь, что баринъ не хочетъ тебя держать. Ты получилъ отъ него больше, чѣмъ заслужилъ. Теперь вѣдь ничего ужъ не получишь. Уходи-же скорѣе подобру-поздорову!“

Почему-то мои слова возымѣли надлежащее дѣйствіе. Упрямый

слуга, не говоря ни слова, схватил свой сундучек и быстро ушелся.

„Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ, какъ благодаренъ! восклицалъ добродушный Викторъ Ивановичъ. Знаете, вы меня избавили отъ ужаснаго негодяя. Представьте, онъ совершенно ничего не дѣлалъ, и только обкрадывалъ меня. Если-бъ не вы, я не знаю, какъ-бы я съ нимъ развязался“.

„Я очень радъ, Викторъ Ивановичъ, что мой приходъ случился такъ кстати“,—отвѣтилъ я на его слова. Черезъ нѣсколько дней старый камердинеръ возвратился изъ своего вояжа въ родную деревню, и домашняя жизнь Виктора Ивановича пошла своимъ обычнымъ порядкомъ.

Въ студенческой средѣ ходило много разсказовъ, часто анекдотическаго характера, о Григоровичѣ. Разсказы эти, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнью, конечно, видоизмѣнились, принимали различную окраску, но въ общемъ они обрисовывали личность почтеннаго профессора, какъ человѣка простаго въ своей домашней жизни и въ отношеніяхъ къ людямъ, увлеченнаго до крайности своимъ излюбленнымъ дѣломъ, разсѣяннаго и небрежнаго къ своей внѣшности. Однажды (гласитъ студенческое преданіе) отправляется Викторъ Ивановичъ отыскивать себѣ новую квартиру. Ходилъ онъ обыкновенно въ неказистомъ, потертомъ пальто, въ простой фуражкѣ (цилиндръ надѣвался въ рѣдкихъ официальныхъ случаяхъ), часто простая ситцевая рубаха выглядывала изъ-подъ рукавовъ его сюртука. Въ такомъ костюмѣ, конечно, трудно было угадать въ немъ генерала и разныхъ орденъ кавалера. Вотъ подходитъ профессоръ къ одному дому и освѣдомляется у дворника объ отдающейся въ наемъ квартирѣ.

„Да вы кто будете?“ спрашиваетъ дворникъ, подозрительно осматривая неказистую фигуру нанимателя.

— „Я чернорабочій!“ аттестуетъ себя излюбленнымъ своимъ названіемъ Викторъ Ивановичъ.

„Э, братъ, уходи! Это квартира не для чернорабочаго“, отвѣчаетъ дворникъ, несомнѣвающейся теперь въ томъ, что видитъ предъ собою бѣднаго ремесленника.

— „Но ты однакожь покажи; можетъ быть я и найму“, возражаетъ дворнику Григоровичъ.

„Да нѣтъ, любезный, что глазѣтъ-то по пустому? говорить тебѣ, что эта квартира дворянская“.

Долго-ли, коротко-ли препирался съ дворникомъ профессоръ, но недоразумѣніе, наконецъ, разрѣшилъ стоявшій по близости

извозчикъ, не разъ отвозившій Виктора Ивановича въ университетъ, и суровый привратникъ, изумленный неожиданнымъ открытiемъ, долженъ былъ показать квартиру знаменитому чернорабочему.

Довольно характерный разговоръ часто приходилось мнѣ слышать о неудачной попыткѣ Виктора Ивановича устроить свое семейное счастье. Если этотъ разговоръ и недостоверенъ, то, сообразно характеру Григоровича, весьма правдоподобенъ.

Въ дни молодости, когда Викторъ Ивановичъ былъ профессоромъ въ Казани, ему приглянулась одна юная дѣвица. Дѣло шло уже къ свадьбѣ. Составилась какъ-то загородная прогулка, въ которой долженъ былъ принять участiе и Григоровичъ, давшiй наканунѣ обѣщанiе невѣстѣ быть непременно. Но какъ на бѣду, въ самый день этой прогулки прибыли съ почты новыя книги. Овладевъ ими, молодой ученый забылъ и про загородную прогулку, и про свою невѣсту; только наступившiя сумерки прервали его чтенiе и тогда-то Викторъ Ивановичъ вспомнилъ о своемъ обѣщанiи. Но уже отправляться за-городъ было поздно и онъ предпочелъ, зажегши свѣчу, продолжать свое чтенiе. На другой день онъ явился съ извиненiемъ къ своей невѣстѣ, но та встрѣчаетъ его весьма холодно и на извиненiе отвѣчаетъ такъ:

„Если вы, ради вашихъ книжекъ, забыли меня, такъ и оставайтесь съ ними. Замужъ я за васъ не пойду“.

И остался Викторъ Ивановичъ, весь свой вѣкъ, бобылемъ, сохраняя въ себѣ до конца своихъ дней неугасаемую любовь къ наукѣ.

Археологическiй съѣздъ въ Москвѣ (1890 г.), этомъ сердцѣ Россiи, явился для меня одною изъ побудительныхъ причинъ къ тому, чтобы почтить живымъ словомъ воспоминанiя свѣтлую личность незабвеннаго археолога-слависта, благородный образъ котораго, вѣроятно, еще не изгладился изъ памяти современныхъ дѣятелей науки, хорошо знавшихъ покойнаго профессора. Его многолѣтняя дѣятельность на университетской кафедрѣ и на почвѣ археологiи сама за себя говоритъ; а его всегдашнее стремленiе къ пробужденiю нашего національнаго самопознанiя,—стремленiе, вытекавшее изъ глубокой любви къ своему отечеству, прекрасно характеризуется слѣдующими словами Виктора Ивановича:

„Дороги, конечно, земли славянскiя, но еще дороже земля родная. И всякiй разъ, какъ съ любовью кто проникнетъ къ своей родинѣ, она подскажетъ свою забытую былъ, отъ которой встретенется ретивое“¹⁾.

¹⁾ Изъ рѣчи В. Ив. Григоровича: „Что принесъ намъ прошедшiй годъ“.—Одесса, 11 мая 1871 г.

Дѣйствительно, тотъ періодъ времени, въ продолженіе котораго подвизался на поприщѣ науки профессоръ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ и его товарищи-святѣли, представляетъ собою такое отрадное явленіе, такую замѣчательную быль въ исторіи нашего просвѣщенія, что не забыть ее истинно-русскому человѣку до тѣхъ поръ, „пока солнце сіяетъ, пока міръ стоитъ!“

А. Колянковскій.

г. Кутансь,
1889 г.

Рисов. профес. Ѳ. Солнцева.

СТИХОТВОРЕНІЕ А. И. ТУРГЕНЕВА.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ, скончавшійся въ 1803 г., былъ второй сынъ Ивана Петровича Тургенева и родной братъ Александра и Николая, столь извѣстныхъ въ исторіи русскаго образованнаго общества. Андрей Тургеневъ, сколько извѣстно, въ 1795 г. перевелъ сочиненіе Якова Федерсена: „Библейская нравственная книжка“ (въ „Опытѣ библиографіи“ Сопикова она не помѣщена). Онъ былъ любимцемъ своего отца и другомъ поэта В. А. Жуковскаго. Вотъ немногія біографическія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ Андрѣ Тургеневѣ ¹⁾. Намъ случайно попалась довольно рѣдкая книжка, подъ заглавіемъ: „Литературныя занятія“ (Спб. 1836 г. Въ тип. Имп. Академіи Наукъ, въ 8 д. л., 252 стр.). На первой страницѣ этой книжки напечатано стихотвореніе за подписью: Ан. Тургеневъ, служащее эпитафюмъ къ повѣсти: „Непостоянство счастья“ ²⁾. Гдѣ первоначально было напечатано это стихотвореніе Андрея Тургенева—намъ неизвѣстно; сообщаемъ его на страницахъ „Русской Старинѣ“:

Что счастье? Быстрый лучъ съвозъ мрачныхъ тучъ осеннихъ:
 Блеснетъ—и только лишь несчастный въ восхищенъ
 Къ нему объятія и взоры устремить:
 Уже сокрылось всё, чѣмъ бѣдный веселился,
 Отраднѣйшій лучъ исчезъ, и мракъ надъ нимъ спустился;
 И онъ обманутый, растерзанный стоитъ,
 И небо горестной слезою укоряетъ...
 Такъ счастья въ мірѣ нѣтъ.

Сообщ. изъ Казани 2-го мая 1873 г. П. П. Васильевъ (†).

¹⁾ О родѣ Тургеневыхъ см. статьи: И. С. Тургенева—„Николай Ивановичъ Тургеневъ. Некрологъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1871 г., № 12, стр. 913); Пыпина „Русскій путешественникъ въ 1820-хъ годахъ“ по поводу изд. писемъ Н. И. Тургенева („Вѣстникъ Европы“ 1872 г., № 2, стр. 708—709); то же въ „Справочномъ энциклопедическомъ лексиконѣ“ Толля (т. III, стр. 373).

²⁾ Содержаніе книжки слѣдующее:

А) Проза: I) Непостоянство счастья. Повѣсть. II) Верницкій. Разсказъ. Б) Стихи: два лирическихъ стихотворенія и пять эпитаграммъ.

Сообщеніемъ этой книжки мы обязаны З. П. Рязанову, содержателю книжнаго магазина и бібліотеки въ Казани. П. В.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВИКИТЕНКО

1869 г. ¹⁾.

нварь 1. Среда. Канунъ новаго года дома. Зашель И. А. Гончаровъ; съ нимъ и съ семьей и встрѣтилъ новый годъ. Въ природѣ распутно и мокро.

Думаю много о томъ, что слѣдуетъ въ себѣ исправить: подлежащаго такому исправленію много.

Есть книги, содержаніемъ которыхъ убѣждаешься во время самого чтенія, а потомъ, такъ сказать, очнувшись и обдумавъ его, разочаровываешься и теряешь къ нему довѣріе. Но есть такія книги или сочиненія, идеи которыхъ сперва принимаешь съ недовѣріемъ, а уже послѣ, припоминая ихъ, вдумываясь въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; июнь, стр. 617—655; т. LXXI, июль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь, стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448; декабрь, стр. 659—686.

нихъ, углубляясь въ нихъ, все больше и больше проникаешься ихъ достоинствомъ и радуешься, что съ ними познакомился.

Роль старшихъ не останавливать порывы и стремленія младшихъ, а пріостанавливать: во-первыхъ для того, чтобы, необузданно стремясь къ лучшему, они не надѣлали худшаго, а, во-вторыхъ, потому, что нельзя-же дать міру наклониться на одинъ бокъ, и послѣ извѣстныхъ кризисовъ или волненій надобно подумать и о равновѣсіи. Если міръ обновляется младшими, то старшими онъ живетъ и поддерживается.

6. Понедѣльникъ. Студенты опять начинаютъ дурить: они предъявили свои требованія о дозволеніи имъ сходокъ и проч.

13. Понедѣльникъ. Твердость характера есть признакъ здоровой нравственной организаціи и сильной воли; упрямство-же—признакъ ограниченнаго ума.

14. Вторникъ. „Военный Сборникъ“ 1869 г. январь — „Записки герцога Евгенія Виртембергскаго, 1855 г.“. Между многими умными мыслями о Россіи тутъ есть одно замѣчаніе, поразительное по своей вѣрности:

„Нѣтъ болѣе вѣрнаго средства сдѣлать Россію страшнымъ противникомъ, какъ заставить ее, противъ воли, привести въ движеніе всѣ ея дремлющія силы“.

15. Среда. А. Г. Тройницкій прислалъ мнѣ двѣ внесенныя въ государственный совѣтъ записки министра народнаго просвѣщенія: одна заключаетъ въ себѣ проектъ лица Каткова и Леонтьева, а другая касается измѣненія параграфа университетскаго устава, чтобы избраніе профессоровъ на пятилѣтіе зависѣло не отъ двухъ третей голосовъ, а отъ абсолютнаго большинства. Онъ просилъ меня сдѣлать мои замѣчанія на эти записки. Проектъ лица удивительно страненъ. Я отмѣтилъ всѣ его несообразности. Что касается измѣненія вышеупомянутаго параграфа университетскаго устава, то о немъ я намѣренъ еще поговорить.

16. Четвергъ. Вечеромъ у Тройницкаго. Отдалъ ему мои замѣчанія и сообщилъ мои соображенія, съ которыми онъ безусловно согласился.

23. Четвергъ. Сегодня въ половинѣ четвертаго часа пополудни скончался Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Это меня глубоко огорчило. За исключеніемъ того времени, или, по край-

ней мѣрѣ, второй половины его, когда онъ стоялъ во главѣ министерства, Авраамъ Сергѣевичъ былъ мнѣ близкимъ человѣкомъ. Мѣсяца два тому назадъ онъ заболѣлъ легкою простудою. Но болѣзнь, повидимому, скоро прошла, и онъ началъ выѣзжать. Въ это время мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили въ Смольный монастырь на праздникъ обновленія церкви. Потомъ онъ опять слегла заболѣлъ. Можетъ быть, и это недомоганіе скоро прошлобы, еслибъ онъ не ѣздилъ въ Сергіевскій монастырь на могилу своей жены, гдѣ окончательно простудился и за обѣдомъ у архимандрита лишнее съѣлъ. На третій день послѣ этого я засталъ его уже въ постели. Это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ. Ему съ каждымъ днемъ становилось хуже. Умеръ онъ почти безъ физическихъ страданій, сохранивъ память часовъ за пять до роковаго часа и полное присутствіе духа. Да, я очень огорченъ. Я не хочу въ немъ помнить слабаго, малодушнаго министра и не могу не помянуть добрымъ словомъ хорошихъ, гуманныхъ свойствъ его сердца и дружескаго отношенія лично ко мнѣ. Вѣдь, ничто не возстановляетъ такъ человѣка противъ человѣка, какъ зло, которое онъ ему сдѣлалъ. Забыть это, протянуть обиженному руку, принять его прощеніе, право, требуетъ не малой доли великодушія. Таковъ, по крайней мѣрѣ, общій ходъ вещей на землѣ.

25. Суббота. Выносъ тѣла Авраама Сергѣевича: онъ будетъ преданъ могилѣ въ Сергіевскомъ монастырѣ, возлѣ праха его двухъ дѣтей и жены Варвары Егоровны. На панихидѣ были: Государь, Наслѣдникъ, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Константинъ Николаевичъ, принцъ Ольденбургскій и много другихъ почетныхъ лицъ. Изъ академиковъ были только я, Я. К. Гротъ, А. Θ. Бычковъ и Н. И. Кошкаръ. Мнѣ очень хотѣлось-бы завтра поѣхать къ Сергію на самое погребеніе, но докторъ не пускаетъ изъ-за моего катарра. За меня и за себя поѣдетъ жена отдать этотъ послѣдній долгъ бѣдному Аврааму Сергѣевичу.

Я отправилъ нѣсколько словъ къ Краевскому о Норовѣ для напечатанія въ „Голосѣ“.

26. Воскресенье. Избѣжимъ-ли мы войны и на этотъ разъ? Греція отказывается послѣдовать рѣшенію Парижской конференціи. Можемъ-ли мы не поддерживать Грецію, въ случаѣ войны

ея съ Турцією? Если это случится, то неизбѣжна всеобщая европейская война. Между тѣмъ, мы, говорятъ, къ войнѣ не готовы: у насъ даже нѣтъ ружей новой системы. Чего-же смотрѣло военное министерство? Желѣзныя дороги тоже недостроены. А финансы наши? Вся надежда на народный духъ и на испытанную стойкость нашихъ солдатъ. Впрочемъ, Россія видала и не такія бѣды. Вѣдь, и борьба съ Наполеономъ I въ царствованіе Александра I застала насъ не въ лучшемъ положеніи.

Странныя происходятъ во мнѣ психологическія явленія. То въ чувствѣ высшаго міросозерцанія и сознанія своей нравственной силы, я устанавливаюсь на твердыхъ точкахъ опоры и готовъ смотрѣть въ лицо всякимъ превратностямъ вещей внѣшнихъ и внутреннихъ; то опять, срываясь съ этихъ основъ, упадаю духомъ и дѣлаюсь игролищемъ самыхъ постыдныхъ колебаній, просто становлюсь малодушнымъ и робкимъ. И эти переходы отъ одного состоянія къ другому непрерывны: подъемъ на гору и низверженіе внизъ, чтобы подняться снова на гору и снова съ нея свалиться.

29. Среда. Во вчерашнемъ номерѣ „Голоса“ напечатана моя статейка объ А. С. Норовѣ.

31. Пятница. Министръ внутреннихъ дѣлъ далъ третье предостереженіе газетѣ „Москва“, слѣдствіемъ чего, по закону, должно-бы быть приостановленіе ея на шесть мѣсяцевъ. Но, дѣлая объ этомъ представленіе сенату, министръ обвинилъ Аксакова въ противозаконномъ и вредномъ направленіи его изданія, послѣ чего сенату предстояло уже формально осудить редактора, запретивъ ему всякое изданіе на пять лѣтъ или выразить мысль, что такого направленія въ газетѣ онъ не видитъ. Аксаковъ представилъ въ сенатъ (1-й департаментъ) свое оправданіе. Сенатъ его принялъ, и отсюда начинается уже родъ тяжбы между министромъ и редакторомъ газеты. Это производитъ большой шумъ въ публикѣ. Сегодня мнѣ говорили, что за разногласіемъ въ 1-мъ департаментѣ дѣло переходитъ въ общесобраніе сената. Часъ отъ часу не легче.

Февраль 1. Суббота. Правду сказать, русская исторія представляетъ мало свѣтлыхъ сторонъ, и Карамзинъ, со всѣмъ своимъ талантомъ, могъ сдѣлать всего занимательнѣе въ своемъ

родѣ картину времени Юанна Грознаго. Я теперь занимаюсь чтеніемъ разныхъ монографій временъ послѣ Петровскихъ. Что за ужасная картина деспотическаго произвола, казней, олигархическихъ козней и интригъ, кнутабитія, застѣнковъ и т. п. Отдыхаешь только на эпохѣ Екатерины II.... Вѣкъ Александра I является въ трагической борьбѣ за существованіе съ Наполеономъ и представляетъ нѣсколько утѣшительныхъ страницъ, но и тутъ кончилось Аракчеевщиной и генералъ-губернаторствомъ Балашова. Но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Мы находимся въ періодѣ очищенія отъ всякія скверны и въ началѣ шествія нашего къ лучшему будущему. Можно-ли удивляться, однако, разнымъ нашимъ нынѣшнимъ неурядицамъ, деморализаціи и проч. Чудовище прежняго мрака и безобразія, кажется, убито навсегда; но хвостъ его еще тянется. Ужасно трудно поправляются ошибки исторіи.

5. Среда. Умъ можетъ умятовать, какъ хочетъ, но сердце человѣческое не можетъ вынести ужасной мысли, чтобы все-ленная могла пребывать безъ высочайшаго Существа, живаго и безконечно разумнаго.

7. Пятница. Празднованіе пятидесятилѣтія с.-петербургскаго университета. Это еще только первый день. Сегодня панихида по государямъ Александрѣ I и Николаѣ I и по умершимъ профессорамъ, обѣдня въ университетской церкви и молебень, который служилъ митрополитъ кievскій.

8. Суббота. Актъ въ залѣ дворянскаго собранія. Великолѣбное торжество совершилось въ полномъ порядкѣ. Наканунѣ боялись, мнѣ говорилъ товарищъ министра, что студенты сдѣлаютъ какую-нибудь демонстрацію. Однако, все обошлось какъ нельзя лучше, и всякій разъ, когда съ кафедры раздавалось имя Государя, зала оглашалась громкими рукоплесканіями и криками ура. По прочтеніи рескрипта загремѣлъ народный гимнъ: два раза потребовали его повторенія. Была объявлена самая важная изъ щедротъ Государя: сто стипендій, по триста рублей каждая. Наградъ на профессоровъ было высыпано многое множество: чиновъ, орденовъ и проч.

Послѣ акта долженъ былъ послѣдовать студенческой обѣдъ. Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать. Однако, я пересилилъ себя и уже одѣлся, но вдругъ почувствовалъ себя дурно и остался

дома. Видно рѣшимость моя была недолжная. Но отчего такое сильное нежеланіе ѣхать? Право, я и самъ не знаю хорошенько. Главное, мнѣ кажется, что я на этихъ многочленныхъ и шумныхъ собраніяхъ лишній. Мнѣ говорили, что меня жаждутъ видѣть въ кругу своемъ мои бывшіе университетскіе слушатели. Но въ моемъ сегодняшнемъ настроеніи духа мнѣ это кажется скорѣй любезными словами, чѣмъ настоящимъ добрымъ желаніемъ. Кто изъ нихъ чувствуетъ, кто изъ нихъ понимаетъ, какъ я старался, какъ я хотѣлъ быть имъ полезнымъ? Да и точно-ли былъ я полезенъ кому-нибудь?

Мнѣ хотѣлось разослать профессорамъ къ восьмому числу мою книжонку о Галичѣ. Но типографія Головина такъ поздно доставила мнѣ экземпляры, что только немногіе изъ профессоровъ получили книжку во-время.

Ректоръ предлагалъ мнѣ участвовать въ завтрашнемъ обѣдѣ, который даютъ профессора. Я отказался: нездоровъ тѣломъ и духомъ.

Но такъ какъ и на солнцѣ бываютъ пятна, то и въ юбилейномъ университетскомъ торжествѣ были свои темныя стороны. Такъ, на примѣръ, записка о дѣятельности университета заключала въ себѣ такія восхваленія ему, что они и въ устахъ стороннихъ показались-бы грубою лестью, а въ собственныхъ его устахъ оказывались, по меньшей мѣрѣ, нескромными и неумѣстными. И безъ того уже адреса накадили столько оиміаму, что становилось душно отъ него; но тутъ, по крайней мѣрѣ, говорили другіе, а не самъ университетъ о себѣ.....

Но это не все. Университетъ въ рѣчи, сочиненной Вас. Вас. Григорьевымъ и прочитанной Ив. Еф. Андреевскимъ, восхваляя выше мѣры самого себя, въ то-же время бросилъ камень во всѣ другія спеціальныя учрежденія, представители которыхъ сидѣли тутъ-же и только что поднесли свои поздравительные адреса. Въ рѣчи была выражена та мысль, что спеціальныя учрежденія не имѣютъ никакого важнаго значенія и не приносятъ государству пользы, а приносятъ ее только университеты.

А нѣкоторые находятъ еще непристойность въ томъ, что въ одно и то-же время были провозглашены почетными членами университета: московскій митрополитъ Иннокентій и профес-

сорь медицинской академіи (Ив. Мих.) Сѣченовъ, представитель религіи и церкви и извѣстный матеріалистъ(??)

15. Суббота. Большой вечеръ у князя П. А. Вяземскаго. Тутъ была читана драма Н. Н., слабое и скучное произведение, всѣмъ надоѣвшее своею длиннотою. Въ ней обвинялись журналы наши во всевозможныхъ гадостяхъ и даже злодѣйствахъ, имъ приписаны даже петербургскіе пожары 1862-го года. Я возвратился домой въ два часа ночи усталый и недовольный.

На вечерѣ я, между прочимъ, познакомился съ адмираломъ **. Надъ нимъ былъ наряженъ судъ, по случаю крушенія фрегата „Александръ Невскій“, на которомъ плылъ великій князь Алексѣй Александровичъ. Вчера состоялся приговоръ: ** строгій выговоръ, капитану корабля арестъ на мѣсяць.

18. Вторникъ. Массамъ принадлежитъ сила производительная, но организующей и устрояющей силы у нихъ нѣтъ. По справедливости, первую изъ этихъ силъ можно назвать брюхомъ, а вторую—головою.

Въ сѣверной Америкѣ всеобщее равенство, всеобщая свобода; но законодательствуютъ, управляютъ и руководятъ всѣмъ лучшіе, т. е. люди, надѣленные высшими способностями и умѣніе развить ихъ, поставить на высоту общихъ возвышенныхъ видовъ и задачъ. Дровосѣкъ Линкольнъ, портной Джонсонъ, наборщикъ Франклинъ вышли изъ народа и на этомъ только основаніи принадлежали къ массѣ, по дарованіямъ-же своимъ и развитію они стояли неизмѣримо выше ея. Дѣло въ томъ, что тамъ, т. е. въ Америкѣ, всякому открыты пути быть и дѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ.

20. Четвергъ. Обѣдъ у Д. Продолжительный разговоръ съ министромъ. Тутъ были ректоръ нашего университета, попечитель харьковскаго округа, графъ Сиверсъ и проч.

21. Пятница. Излишнія любезности и милости похожи на паръ жарко натопленной бани, который уже не грѣетъ, а расслабляетъ.

25. Вторникъ. Внизу пьянство и грубое невѣжество, въ серединѣ неурядица и броженіе умовъ, въ верхнемъ слоѣ отсутствіе способностей, патриотизма и характеровъ. Право, иногда готовъ отчаяться въ будущности Россіи, но не отчаеваешься.

Дочь покойнаго Греча, Александра Николаевна, приходила

благодарить меня за мое содѣйствіе тому, чтобы ей дарована была пенсія въ 400 рублей, въ уваженіе ученыхъ и литературныхъ заслугъ ея отца. Содѣйствіе мое заключалось въ томъ, что я составилъ о ней записку, которая имѣла успѣхъ, чему, какъ кажется, помогъ и мой біографическій очеркъ о Гречѣ, напечатанный въ академическомъ отчетѣ. Вотъ и все мое содѣйствіе. Но она благодарила меня такъ, какъ будто я былъ главный виновникъ оказанной ей милости. Вотъ ужъ плата, никомъ образомъ не соотвѣтствующая цѣнности самой вещи.

Мартъ 7. Пятница. Посредствомъ популяризаціи нѣкоторыхъ высшихъ вопросовъ человѣчества, жизни и науки, многіе получаютъ несовершенныя о нихъ понятія; это-бы еще не бѣда, но бѣда въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ они усваиваютъ себѣ и высокоомѣрное мнѣніе, будто они знаютъ вполне то, что знаютъ мало, поверхностно или чуть-чуть знаютъ. Вслѣдствіе этого они и требуютъ себѣ такихъ преимуществъ, какія или вовсе не принадлежать человѣку или принадлежать ему только на высшихъ ступеняхъ нравственнаго и умственнаго развитія.

16. Воскресенье. Парадный обѣдъ въ римско-католической академіи. Обыкновенное изъясненіе чувствъ уваженія, любви и прочихъ принадлежностей католическо-польскаго обихода. Впрочемъ, на этотъ разъ я имѣю слабость вѣрить искренности этихъ изъясненій.

Еще одно происшествіе не успѣло даже объясниться (вронштадтская драка солдатъ), какъ на сцену является другое: медико-хирургическая академія закрыта. Разумѣется, толкамъ нѣтъ конца, но никто ничего не знаетъ вѣрнаго о причинахъ и обстоятельствахъ этого печальнаго событія.

18. Вторникъ. Герцогъ Лейхтенбергскій, Николай Максиміановичъ, давалъ сегодня обѣдъ академикамъ, по случаю избранія его въ почетные члены ея, съ правомъ голоса въ собраніяхъ. Герцогъ угостилъ насъ на славу: кушанья, вина сервировка—все было царское. Но всего лучше были привѣтливость, добродушіе и простота самого хозяина. Этикеть здѣсь вполне отсутствовалъ, и была простая, общечеловѣческая любезность и радушіе. Вечеръ закончился жженкою. Герцогъ съ каждымъ находилъ о чемъ побесѣдовать. Со мною онъ распространился о Малороссіи, говорилъ, что очень ее любитъ за при-

роду и за людей, съ которыми успѣлъ лично и хорошо познакомиться.

19. Среда. О происшествіи въ медицинской академіи все еще (нѣтъ) ничего достовѣрнаго. Впрочемъ, говорятъ, что здѣсь нѣтъ ничего политическаго. Давай Богъ! Однако, Нарановичъ уволенъ, а на мѣсто его опредѣленъ Козловъ.

Мимо окошекъ поутру промчались два отряда жандармовъ, говорятъ, для усмиренія Технологическаго института.

20. Четвергъ. Да, въ Технологическомъ институтѣ вчера, дѣйствительно, произошли беспорядки, для усмиренія которыхъ потребовалось содѣйствіе жандармовъ.

Въ „Голосѣ“ напечатано извѣстіе, что и въ Московской Петровской академіи прекращены лекціи.

У самаго безумнаго дѣла, у преступленія есть своя логика, способная обольстить или увѣрить слабодушныхъ и слабоумныхъ.

Надо различать въ консервативномъ началѣ двѣ силы. Одна изъ нихъ вредная, задерживающая, обращающая ходъ вещей вспять, противящаяся всякому движенію впередъ, всякому успѣху: другая, воздерживающая или сдерживающая движеніе искусственное, возбуждаемое страстями, стремящееся сломя голову къ какому-то неопредѣленному, мечтательному, утопическому совершенству.

21. Пятница. Вотъ и въ университетѣ поднялось наше благовоспитанное юношество. У меня былъ профессоръ Б. и рассказалъ мнѣ печальныя вещи. Студенты грубо приступили къ ректору и къ нѣсколькимъ находившимся въ университетѣ профессорамъ, въ числѣ коихъ былъ и Б., съ требованіемъ дозволить имъ сходки въ стѣнахъ университета. Никакія увѣщанія и объясненія не помогли. Шумъ, крикъ раздавались въ стѣнахъ мирнаго убѣжища науки. Наконецъ, надо было обратиться къ полиціи. Когда пріѣхалъ Треповъ, шумъ нѣсколько уже поугасъ. „Что вы, господа, тутъ затѣваете?“ спросилъ у толпы оберъ-полицмейстеръ. — „Ничего! Вотъ мы беремъ здѣсь наши шинели, чтобы разойтись“.

Происходили, напимѣръ, такія сцены: профессоръ читаетъ лекцію, вдругъ поднимаются нѣсколько студентовъ и требуютъ прекращенія лекціи, потому что имъ теперь некогда слушать

ее,—они должны отправиться на сходку. Но когда профессоръ не послушался ихъ и продолжалъ свое дѣло, буяны вышли, стали стучаться снаружи въ двери аудиторіи, а потомъ, пріотворивъ ихъ, обратились съ криками къ тѣмъ студентамъ, которые еще оставались въ ней.

Глупѣ всего—это печатныя прокламаціи, которыя студенты разбрасывали по городу и разсылали по нѣкоторымъ редакціямъ газетъ. „Вѣсть“ напечатала такую прокламацію, разумѣется, съ надлежащими коментаріями не въ похвалу сочинителей ея. Студенты обращаются къ обществу, чтобы оно поддержало ихъ требованія, т. е. чтобы имъ дозволены были сходки для совѣщаній, будто-бы, объ „ихъ дѣлахъ“ и чтобы ихъ освободили отъ полицейской опеки, которую они считаютъ для себя позорною.

23. Воскресенье. Академики сегодня давали обѣдъ герцогу Лейхтенбергскому въ отелѣ Довона. Обѣдъ оживленный и веселый. Герцогъ былъ въ высшей степени любезенъ. Меня заставили провозгласить тостъ, но я былъ не въ ударѣ и исполнилъ это плохо.

Человѣкъ, поощряемый наукою, особенно химіею, въ бѣшенной погонѣ своей за наслажденіями, такъ называемымъ комфортомъ, не замѣчаетъ, какъ онъ натывается на множество такихъ невзгодъ и страданій, о какихъ прежде люди не имѣли понятія. Я увѣренъ, что множество новыхъ болѣзней нервныхъ, мозговыхъ и т. д., или усложненія старыхъ произошли отъ разныхъ усовершенствованій матеріальнаго быта.

Апрѣль 11. Пятница. Либералы враждуютъ противъ абсолютизма властей.... Но зачѣмъ-же они ограничиваются ненавистью къ одному только этому абсолютизму, а не распространяютъ ея и на абсолютизмъ собственныхъ мнѣній или той школы, къ которой принадлежатъ они сами?

13. Воскресенье. Дѣло Аксакова въ государственномъ совѣтѣ кончено. Определено: воспретить ему изданіе „Москвы“. Два члена подали голосъ противъ этого опредѣленія—Владиміръ Павловичъ Титовъ и Александръ Максимовичъ Княжевичъ. Они видятъ въ газетѣ только неловкость, рѣзкость сужденія, но не признаютъ вреднымъ ея направленію, за что газета только и можетъ подлежать запрещенію.

Погодинъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ обоихъ

Аксаковыхъ, умершаго и нынѣ живущаго¹⁾: оба лѣзутъ на ножъ, но одинъ какъ слѣпой, а другой, издатель „Москвы“, съ открытыми глазами бросается на него.

Май 1. Четвергъ. Вотъ уже шесть дней продолжается небывало прекрасная лѣтняя погода. Три дня уже 20 градусовъ въ тѣни. Нынѣшній день такой-же.

3. Суббота. Вечеръ у (Вас. Ив.) Кельсіева. Жена его²⁾ устроила у себя музыкальный вечеръ. Сама она играла на фортепіано, и играла превосходно, да еще два юноши, одинъ на віолончели, а другой на скрипкѣ, и тоже хорошо. Самъ Кельсіевъ отправляется въ Америку искать хлѣба. Тамъ онъ намѣренъ читать лекціи о Россіи. Положеніе его здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, становится невозможнымъ.... Онъ хотѣлъ издавать газету, — ему это не позволили. Тутъ, положимъ, есть основательныя причины. Но были ваканціи по службѣ, которыя онъ могъ-бы занять съ пользою для себя и для дѣла, — ему отказано во всѣхъ мѣстахъ.

(Апол. Никол.) Майковъ рассказывалъ свой планъ поэмы изъ русской исторіи или, лучше сказать, русской исторіи въ стихахъ, проведенной по значительнѣйшимъ ея эпохамъ. Поэма эта предназначается для народнаго чтенія. Планъ хорошъ.

Таково печальное ничтожество человѣческое, что лишь только начнемъ мы тщеславиться или возноситься умомъ своимъ, такъ тотчасъ и попадемъ въ дураки и начнемъ дѣлать глупости; лишь только возгордимся своимъ благосостояніемъ, богатствомъ, чинами, удачами въ предпріятіяхъ, вообще успѣхами, сейчасъ съ нами приключится что-нибудь отмѣнно дурное.

8. Четвергъ. Вчера былъ на международной цвѣточной выставкѣ. Великолѣпное собраніе цвѣтовъ. Но все это невольники, выросшіе въ тепличныхъ тюрьмахъ.

Власть ума есть самая законная изъ всѣхъ властей. Если это деспотизмъ, такъ пусть его будетъ; онъ все-таки лучше деспотизма массъ или партій.

То, что можетъ произойти хорошаго отъ всѣхъ этихъ теорій,

¹⁾ Константина и Ивана Сергѣевичей Аксаковыхъ.

²⁾ Зинаида Алексѣевна Вердеревская, по первому мужу Агренева, отличная музыкантша и весьма образованная женщина. По смерти своего сожителя В. И. Кельсіева — уѣхала въ Америку.

утопій, проповѣдуемыхъ этими строителями и перестроителями человѣческихъ обществъ, очень сомнительно и, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ отдаленному будущему, а зло, ими порождаемое, дѣлается теперь-же, каждый день. Мудрено-ли, что такъ называемые консерваторы и разумные либералы относятся ко всему этому критически, осторожно. И какое вы имѣете право жертвовать настоящими поколѣніями въ видахъ сомнительнаго блага будущихъ поколѣній?

15. Четвергъ. Переездъ на дачу въ Павловскъ. Вотъ уже шестой годъ живемъ мы на одной и той-же дачѣ генерала Мердера. И нынѣ, не смотря на возвышеніе цѣнъ на дачи въ Павловскѣ, я плачу то-же, что и въ прежніе годы. А цѣны возвысились, по причинѣ нашего глупаго пристрастія ко всему иностранному, потому что музыкою будетъ дирижировать великій Штраусъ! Дирекція желѣзной дороги, говорятъ, заплатила ему за сезонъ страшныя деньги и чуть не на колѣняхъ просила его осчастливить насъ своимъ присутствіемъ.

19. Понедѣльникъ. Надъ людьми должны господствовать законъ и страхъ, охраняющій законъ. Всѣ должны, хоть немного, чего-нибудь бояться: правители—революцій, вельможи—немиостей, чиновникъ—своего начальства, богатый — воровъ, бѣдные—богатыхъ, злоумышленники—судовъ и проч. Многие еще боятся чорта, и, наконецъ, всякій человѣкъ боится Бога и смерти. Только подъ вліяніемъ и прикрытіемъ страха спасается небольшое количество человѣческихъ добродѣтелей, и люди не погружаются совсѣмъ съ головою въ омутъ безнравственности.

Сердце мое преисполнено любви къ людямъ, но мой разсудокъ внушаетъ мнѣ къ нимъ часто презрѣніе, а всегда сожалѣніе.

А отечество? Я люблю его, и какъ горячо люблю, хотя разсудокъ мой изобличаетъ въ немъ, съ одной стороны, глубокое варварство, а съ другой, пожалуй, цивилизацію, но какую шаткую, фальшивую, чисто показную!

На дняхъ судъ оправдалъ какого-то Павленкова по дѣламъ печати и, говорятъ, совершенно согласно съ законами; его выслали изъ С.-Петербурга административнымъ порядкомъ....

Самое трудное, но и самое существенное дѣло въ анализѣ нашихъ духовныхъ явленій это отдѣлить въ нихъ первона-

чальные естественные элементы отъ наносныхъ, пришлыхъ, встрѣчныхъ, такъ сказать, рождающихся отъ разныхъ вліяній времени и обстоятельствъ.

23. Пятница. Всякій вѣкъ разрабатываетъ извѣстную идею, наслѣдованную имъ отъ прежняго или историческаго хода событій. Но всякая такая идея состоитъ изъ двухъ элементовъ: одинъ есть не иное что, какъ сознаваемая или чувствуемая истина жизни, влекущая къ себѣ людей силою существенныхъ потребностей настоящаго; другой—присущее всякой идеѣ начало безконечнаго. Содѣйствовать развитію перваго элемента—долгъ всякаго разумнаго дѣятеля, и въ этомъ заключается настоящій разумный прогрессъ. Второй остается на долю тѣмъ псевдогеніямъ, реформаторамъ и радикаламъ, которые рвутся изъ всѣхъ силъ вести человѣчество къ благамъ и совершенству невѣдомаго будущаго и тонуть во всевозможныхъ абстрактахъ и утопіяхъ. Почему не дозволить имъ и этого? Пусть только они не выдаютъ своихъ метафизическихъ грезъ за дѣло и не обольщаютъ ими невѣжественныя головы, не заставляютъ ихъ ловить воздухъ и заниматься игрою въ агитаціи и революціи.

Мы вмѣняемъ себѣ въ достоинство и собственное непризнаніе своего достоинства.

Право-же, мы должны считать себя счастливыми и благодарить Бога за то, что живемъ въ такое богатое умами время: въ наши дни нѣтъ юноши, который не считаль-бы себя способнымъ управлять вселенною.

Июнь 8. Воскресенье. В. А. Б.—вотъ образчикъ женщины, получившей поверхностное образованіе безъ опредѣленнаго назначенія, съ однимъ стремленіемъ къ чему-то высшему, далекому, все и ничего не объемяющей женщины, имя которой легионъ. Я провелъ съ нею часа полтора. Она утомила меня безконечными жалобами на жизнь. Она въ отчаяніи, что умъ ея не можетъ разрѣшить вопросовъ, которые толпою лѣзутъ ей въ голову; она, по ея словамъ, не испытала въ жизни ничего, кромѣ страданія отъ неудовлетворенныхъ желаній. Она спрашивала у меня совѣта, что ей дѣлать съ ея страшнымъ душевнымъ недугомъ. Я совѣтывалъ ей принять нѣкоторую дозу вѣрованій и, въ погонѣ за своими мечтами, не уклоняться отъ исполненія ближайшихъ обязанностей. Конечно, она этому не послѣдуетъ,

потому что вѣрованія не растутъ какъ грибы отъ одного теплаго дождя: они требуютъ продолжительнаго ухода и зрѣлости; а исполненіе обязанностей не можетъ обойтись безъ усилій воли, отъ которыхъ умъ ея, носясь въ безпредѣльныхъ пространствахъ, совершенно отвыкъ.

10. Вторникъ. На западѣ люди еще вѣрятъ во что-нибудь, они вѣрятъ въ деньги или капиталъ, въ трудъ, комфортъ, нѣкоторые сильно вѣрятъ въ науку. Мы ни во что не вѣримъ серьезно. У насъ все какъ-то и мыслится, и дѣлается шутя, съ какимъ-то юморомъ и ироніею.

Во мнѣ происходитъ сильное колебаніе. Появилась у меня мысль съѣздить на свою родину, поклониться могилѣ моей матери, память которой я чту высоко, свидѣться съ послѣдними оставшимися у меня родными, которыхъ не видалъ лѣтъ двадцать пять и пошататься по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прошло мое дѣтство и первые годы моей юности. Соблазнъ къ этому великъ: желѣзная дорога до самаго Воронежа, а тамъ всего сто верстъ до Острогожска. Но желаніе это сильно оспаривается экономическими соображеніями. Вѣдь, собственно говоря, къ поѣздѣ меня ничто не обязываетъ, ни долгъ, ни польза какая-нибудь, хотя Бессеръ (докторъ мой) сильно напираетъ на послѣднюю; это просто „сентиментальное путешествіе“ à la Гори къ, или, говори нѣсколько поэтичнѣе, потребность сердца. Но сердце сердцемъ, а не надо упускать изъ виду и другихъ прочихъ соображеній. Все это приводитъ мою голову и сердце въ сильное броженіе.

И часто поступаю съ собою словно католическій фанатикъ; бичую себя немилосердно изъ уваженія къ какой-то истинѣ, которая является мнѣ въ туманѣ, въ какомъ-то сѣромъ и непривлекательномъ видѣ. Право, слѣдовало-бы меньше умствовать и больше жить. Вѣдь, часто наши умствованія бываютъ похожи на умничанье. Боясь быть обманутымъ иллюзіями, попадаешь въ когти такого скептицизма, въ которомъ ни истины, ни радости.

11. Среда. Кому неизвѣстно, что мы лишены духа ассоціаціи, что лишь только сойдется насъ трое или четверо, чтобы предпринять какое-нибудь общее дѣло, общими силами, тотчасъ является духъ раздора, то въ формѣ сребролюбія, то тщеславія и самолюбія, и говорить: „вотъ и я среди васъ“.

Каждому дню довлѣтъ злоба его: мы какъ нельзя больше придерживаемся этого правила. Одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ нашихъ—именно прилѣпленность къ настоящему. Насладимся, напьемся сегодня, какъ свиньи до упаду, а завтра хоть трава не рости. Дайте мнѣ сегодня сбыть мой гнилой товаръ и получить рубль на рубль барыша, нѣтъ нужды, что завтра во мнѣ увидятъ плута и мошенника и будутъ уже избѣгать моей лавки, да сегодня-то я поживился.

Есть два рода презрѣнія: одно соединено съ негодованіемъ и отвращеніемъ, это, такъ сказать, дѣятельное, положительное презрѣніе. Другое соединено съ сожалѣніемъ и болѣе отрицательнаго свойства. Оно скорѣе невниманіе, чѣмъ что-нибудь другое.

Обыкновенно, мы чѣмъ бываемъ сильны, тѣмъ и грѣшимъ. Сила склонна къ крайностямъ, а крайности сходятся съ злоупотребленіемъ, или, лучше сказать, онѣ-то и есть злоупотребленіе.

12. Четвергъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ характеристика Россіи: массы народныя—это полудикость; интеллигенція—это полуобразованность. Противъ первой надо вооружиться элементарными школами; противъ второй—строкою университетскою наукою.

15. Воскресенье. Деньги—вотъ гдѣ, между прочимъ, одно изъ началъ общественнаго разврата, отсутствіе духа чести и проч.

18. Среда. Тамъ, гдѣ человѣкъ не заслуживаетъ презрѣнія, онъ возбуждаетъ сожалѣніе.

Въ Варшавѣ открывается университетъ. Многіе этимъ недовольны, боясь, чтобы университетъ въ Польшѣ не сдѣлался очагомъ самыхъ зловредныхъ замысловъ противъ Россіи. Я полагаю, что это преувеличено.

Говорятъ, что преподаватели въ этомъ университетѣ будутъ все русскіе. Да гдѣ ихъ возьмутъ, когда въ нашихъ собственныхъ университетахъ остается столько незанятыхъ кафедръ по недостатку людей. Опредѣлить-же въ новый университетъ кого попало значило-бы сдѣлать себя всеобщимъ посмѣшищемъ. По мнѣ пусть открываютъ университетъ, но прежде позаботятся о средствахъ устроить хорошій университетъ. Но мы всегда были богаты заднимъ умомъ.

19. Четвергъ. Бывали, конечно, и со мною припадки глупѣйшаго изъ тщеславія: желаніе шума, народной молвы, рукоплесканій, но я старался тотчасъ подавить въ себѣ эти влеченія слабой натуры и теперь совершенно окрѣпъ въ своемъ равнодушіи ко всѣмъ подобнымъ проявленіямъ популярности. Это не то, чтобы я сдѣлался нечувствительнымъ къ одобренію общественнаго мнѣнія, какъ-бы оно ни было у насъ шатко, но раздаваемые имъ, такъ сказать, знаки отличія меня рѣшительно не прельщаютъ. И это опять не потому, чтобы я въ принципѣ ихъ не цѣнилъ, но потому что раздача эта сдѣлалась у насъ похожею на раздачу орденовъ и чиновъ, которые какъ дождь сыплются на всѣхъ безъ разбора, на достойныхъ и недостойныхъ. Всѣ эти торжественныя манифестаціи и оваціи съ разными спичами, восхваленіями, пожеланіями часто подгулявшихъ пріятелей и т. п. до крайности опошлились, и сдѣлаться предметомъ — ихъ вовсе не значитъ быть признаннымъ въ своихъ заслугахъ, а только быть поводомъ къ болѣе или менѣе шумному препровожденію времени, а чаще всего — къ насыщенію тщеславія ихъ изобрѣтателей и участниковъ.

24. Вторникъ. Отправляюсь въ путь въ два часа съ почтовымъ поѣздомъ въ Москву.

Іюль 21. Понедѣльникъ. Возвратился въ Петербургъ ¹⁾.

Августъ 14. Четвергъ. Они хотятъ устроить такъ быть человѣческой, чтобы въ немъ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни умныхъ, ни глупыхъ, ни даровитыхъ, ни посредственностей, т. е. они хотятъ уничтожить всѣ различія, которыя даетъ жизнь, всякое движеніе, все то, изъ чего состоитъ исторія. Это выходитъ соціальныи нигилизмъ, почище нигилизма нашихъ бѣдныхъ студентовъ.

¹⁾ По краткости замѣтокъ, заносимыхъ авторомъ въ „Дневникъ“ во время его настоящаго путешествія, мы считаемъ лишнимъ ихъ здѣсь приводить. Поѣздка его продолжалась около мѣсяца, но въ теченіе его онъ такъ мало принадлежалъ самому себѣ, что у него не хватало времени для болѣе обстоятельнаго положенія фактовъ и впечатлѣній. Упомянемъ только, что посѣщеніе родины, котораго онъ такъ страстно желалъ, на мгновеніе какъ бы spryснуло его живой водой. Воспоминанія былаго, ласки родныхъ, уваженіе, съ какимъ его встрѣтили мѣстные обыватели, — все это въ немъ нѣсколько подняло духъ, сильно угнетенный бременемъ всего пережитаго и физическимъ недомоганіемъ, которое уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его не покидало.

Впрочемъ, и всё эти затѣи что-же такое, какъ не то-же вѣчное движеніе, которымъ живетъ человѣчество? Дѣло не въ томъ, чтобы исполнилось по всѣмъ этимъ ученіямъ, а въ томъ, чтобы эти ученія существовали, какъ одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ вырабатывается истина.

Всякая, такъ называемая, культура имѣетъ право на вниманіе, если она образовалась исторически.

15. Пятница. Вечеромъ, возвратясь съ прогулки, я совершенно неожиданно засталъ у себя Михаила Владиміровича Юзефовича, пріѣхавшаго изъ Кіева. Это одинъ изъ самыхъ раннихъ моихъ друзей—другъ юности, съ которымъ я въ первый разъ встрѣтился въ Ельцѣ, гдѣ я жилъ у дяди его, дивизіоннаго генерала Юзефовича. Послѣ того, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ. Теперь это одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей и поборниковъ русскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ.

16. Суббота. Былъ въ Царскомъ Селѣ, чтобы повидаться съ Юзефовичемъ. Не засталъ его дома, но познакомился съ его женою и дочерью.

Недавно объявлено было въ печати, что одинъ изъ почтальоновъ городской почты пойманъ въ воровствѣ почтовыхъ марокъ. У него нашли восемь тысячъ распечатанныхъ и брошенныхъ писемъ, съ которыхъ онъ снялъ марки. Говорятъ также, что учинено воровство марокъ и съ писемъ, отправленныхъ за-границу и въ провинцію. Вообще наше почтовое управленіе представляетъ неслыханный образецъ безобразія (1869) г., съ тѣхъ поръ, какъ оно присоединилось къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Письма, деньги пропадаютъ на почтѣ; газеты и журналы не доходятъ по своему назначенію въ губерніи. Это сдѣлалось до того обычнымъ, что и жалуются на это только слегка. Между тѣмъ, сколько интересовъ терпитъ отъ этого гнуснаго безпорядка въ одномъ изъ важнѣйшихъ отправленій общественной жизни! ¹⁾

¹⁾ Если все это было справедливо двадцать два года тому назадъ, то въ настоящее время почтовое управленіе и вообще почтовое дѣло въ нашемъ отечествѣ почти стоитъ на одной высотѣ съ состояніемъ этого дѣла въ наиболѣе просвѣщенныхъ государствахъ западной Европы.

18. Понедѣльникъ. Лучшее положеніе, какого съ помощью успѣховъ науки и цивилизаціи, можетъ желать и можетъ достигнуть человѣчество, это то, когда оно сдѣлается довольнымъ тѣмъ, что есть, и перестанетъ думать о томъ, что будетъ. Но чтó произойдетъ тогда съ пресловутымъ прогрессомъ?

20. Среда. Отправилъ письмо къ воронежскому епископу Серафиму и книжку мою о Галичѣ.

Юзефовичъ читалъ мнѣ свою драму „Мазепа“; она не лишена драматическаго интереса.

22. Пятница. Присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля и чего-то въ родѣ воспріемника при обращеніи католика въ православіе Б. А. П—ча, кандидата кievскаго университета. Обрядъ совершалъ священникъ университетской церкви Солярскій.

29. Пятница. Счастливъ тотъ, кто одаренъ богатымъ воображеніемъ и умомъ, властнымъ настолью, чтобы созидать въ себѣ и для себя иллюзіи. Онъ творецъ своего блага. Но пусть онъ умѣетъ отличать эти иллюзіи отъ дѣйствительнаго хода вещей—это необходимо, иначе онъ станетъ въ слишкомъ явное противорѣчіе съ дѣйствительностью и сдѣлается жертвою ея натиска. Но это умѣнье отличать одного отъ другаго не помѣшаетъ ему наслаждаться своимъ творчествомъ и притуплять язвительное жало этой самой дѣйствительности.

31. Воскресенье. Вотъ нѣкоторые находятъ панацею противъ всѣхъ золъ—современныхъ умственныхъ шатаній, материализма, нигилизма и проч.—въ греческомъ языкѣ. Я вчера сильно оспаривалъ это. Мнѣ доказывали даже, что безъ греческаго языка нельзя правильно мыслить.

Я всегда принадлежалъ къ одной партіи, партія эта—человѣчество и Россія, и ей старался я служить честно.

Сентябрь 9. Вторникъ. Переѣздъ съ дачи.

Человѣкъ живетъ своимъ творчествомъ, т. е. способностью созидать себѣ иллюзіи.

Массы могутъ быть проводниками свободы, но не могутъ быть хранителями ея. Да и проводниками онѣ бывають на подобіе судоходныхъ каналовъ, которые несутъ грузы отъ мѣста къ мѣсту, но не знаютъ, какіе это грузы и изъ чего они состоятъ. Поэтому-то на массы или на демократію могутъ съ равною для себя выгодною опираться самый суровый деспотизмъ и самый крайній либерализмъ.

Едва какое-нибудь учение или идея сверкнутъ въ европейской наукѣ или жизни, мы, русскіе, съ жадностью бросаемся на нихъ и чуть не идола дѣлаемъ себѣ изъ нихъ. Но вотъ является новое учение, новая идея, и мы, не успѣвъ даже хорошенько заглянуть въ лицо первымъ, бросаемъ ихъ и, сломя голову, мчимся вслѣдъ за новыми съ тѣмъ, чтобы поступить и съ ними такъ, какъ поступлено съ прочими. Вчерашнее у насъ уже отсталое; только сегодняшнее достойно удивленія и хвалы. Но пройдетъ нѣсколько часовъ, сегодняшнее сдѣлается вчерашнимъ и т. д. Не такъ-ли поступаютъ дѣти со своими игрушками.

25. Четвергъ. Мы слишкомъ регламентировали и формулировали развитіе наше со времени Петра и теперь приходимъ часто въ недоумѣніе, что все въ Россіи идетъ какъ-то иначе, чѣмъ предписывалось и предполагалось.....

Но есть множество такихъ дѣлъ, которыя не стѣять того, чтобы ихъ дѣлали умные люди.

Но если человѣкъ въ своемъ развитіи не насилуетъ и не извращаетъ природы, онъ всетаки меньше терпитъ.

Октябрь 8. Среда. Сегодня навѣстилъ меня А. В. Тимофѣевъ, съ которымъ мы не видались лѣтъ двадцать пять. Онъ когда-то много писалъ, и его читали, а Сенковскій было произвелъ его даже чуть не въ геніи. Впрочемъ, онъ не лишенъ дарованія и уменъ, только не было твердости въ его идеяхъ и обдуманности въ распорядкѣ ихъ. Да онъ и мало имѣлъ познаній. Съ нравственной стороны онъ всегда отличался добротою и благородствомъ. Мы были съ нимъ близки, когда онъ жилъ въ Петербургѣ. Онъ женился на богатой дѣвушкѣ и затѣмъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ и поднесъ живетъ въ независимости и спокойствіи.

Оргія идей—нашъ вѣкъ богатъ ими до излишества. Многіе упиваются ими и, такъ называемыми, доктринами до чортиковъ, когда имъ начинаютъ мечтаться такіа чудеса, которымъ и мѣста нѣтъ на земномъ шарѣ, а есть только мѣсто въ мозгу ихъ изобрѣтателей, да развѣ въ домѣ сумасшедшихъ. Да еще въ восторгѣ всевозможныхъ равенствъ, равенства достояній умовъ, и Викторъ Гюго требуетъ изъ Лозанны всеобщей рѣзни, какъ залога будущихъ неисповѣдимыхъ благъ. Странно, что никто не спроситъ у этого яраго защитника демократіи и бѣдныхъ,

почему онъ своихъ полмиліона франковъ, взятыхъ съ книгопродавцевъ за плохой романъ, не раздѣлить между собою и страждущею меньшею братією? Хотьбы половину отдалъ имъ! Но онъ даже пожалѣлъ ста франковъ на памятникъ Ламартина, который, хоть былъ тоже порядочный мечтатель, но былъ честный человѣкъ и не былъ ни такимъ свирѣпымъ кровопроливцемъ, ни такимъ пустозвоннымъ защитникомъ низшихъ братьевъ. Фразы, фразы и фразы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ приготовилъ ко внесенію въ государственный совѣтъ проектъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ о печати стѣснительнаго свойства. Нѣсколько времени тому назадъ начали появляться по этому поводу статьи въ газетахъ: въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Голосѣ“, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, сильно нападавшія на этотъ проектъ, извѣстный въ публикѣ, впрочемъ, еще только по слухамъ. Теперь министръ остановился съ нимъ и не далъ ему ходу. Говорятъ, причиною тому былъ N. N., который даже выразился, что мы, то есть общество и правительство, многимъ обязаны печати и что потому было-бы крайне несправедливо и неблагоразумно ограничивать ее новыми стѣсненіями.

14. Вторникъ. Древо жизни зеленѣетъ и цвѣтетъ подъ вліаніемъ свѣтлыхъ надеждъ и теплыхъ вѣрованій юности, но недолго. Потомъ холодъ опыта и бури общественныхъ превратностей поражаютъ его, листья опадаютъ; обнаженное, ободранное дерево жизни стоитъ одинокимъ и пугаетъ прохожаго своимъ безобразіемъ.

25. Суббота. Вечеръ у Ивана Петровича Корнилова. Исполненіе по циркуляру Потапова насчетъ земли крестьянъ сѣверо-западнаго края приостановлено.—Но Потаповъ остается во всемъ своемъ блескѣ и могуществѣ. Батюшковъ и Шестаковъ уволены.—Проектъ N. N. о нѣкоторыхъ органиченіяхъ по дѣламъ печати, говорятъ, опять пойдетъ въ ходъ. Все это производитъ много толковъ и неудовольствій въ извѣстной части публики, то есть интеллигентной и патріотической.

Человѣкъ не былъ-бы человѣкомъ, еслибы онъ не дѣлалъ глупостей, не работалъ, не страдалъ, не умиралъ.

У Норова, Авраама Сергѣевича, былъ старшій братъ, Василій,

человѣкъ очень умный, какъ о томъ свидѣтельствуютъ находившіяся у меня письма его къ роднымъ, Історія 1812 и 1813-хъ годовъ (напечатана, но у меня была въ рукописи) и многія его литературныя замѣтки, находившіяся у меня также въ рукописи.

Ноябрь 1. Суббота. Пишу біографію А. С. Норова къ 29-му декабрю. Ужасно трудно добывать свѣдѣнія.

Потаповъ явился въ новомъ блескѣ славы и придворнаго величія, хотя и доказано въ Главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, что онъ дѣйствовалъ неумно и вредно. Виленскій губернаторъ Шестаковъ и Б* смѣнены, говорятъ, за то, что они сообщали точныя свѣдѣнія о Потаповскихъ дѣяніяхъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“. Первый, сверхъ того, пріѣхалъ въ Петербургъ и подалъ записку, сущность которой въ томъ, что онъ затрудняется исполнять предписанія генералъ-губернатора, извращающія высочайшія повелѣнія.

2. Воскресенье. Туча, грозящая печати, все ближе и ближе надвигается.

Князю (Сергѣю Никол.) Урусову поручено составить комиссію для начертанія новыхъ законовъ о печати. Но такъ какъ комиссіи этой заранѣе дана задача составить законы репрессивнаго свойства, то немного находится охотниковъ быть ея членами. Приходится назначать членовъ, не спрося предварительно ихъ согласія. Такъ князь Урусовъ и поступаетъ. Онъ, между прочимъ, назначилъ кассационнаго сенатора, моего благороднаго „дядю“ Марка (Любощинскаго). Сегодня онъ завѣзжалъ ко мнѣ повѣдать свое горе. Онъ былъ у министра юстиціи для объясненій, но выходитъ такъ, что ему, кажется, не миновать этой чаши.

5. Среда. Указъ князю Урусову о назначеніи его предсѣдателемъ комиссіи для составленія правилъ о печати.

Князю Урусову поручено отыскать философскій камень, т. е. издать такіе законы о печати, которые-бы равно удовлетворяли и правительство, и общество и, ограничивая свободу мысли, въ то-же время не мѣшали-бы ходу науки и образованія.

Надо поставить вопросъ честно и ясно: хотятъ-ли раздѣлить съ обществомъ, т. е. съ интеллигентною частью его, заботы о безопасности и благѣ народа или думаютъ достигнуть этого единственно посредствомъ администраціи?

Есть пороки омерзительно гнусные, есть страшные, пагубные, есть грубые, но глупѣ гордости нѣтъ ни одного.

11. Вторникъ. Печать есть символъ времени.

Хотите-ли, чтобы въ обществѣ уважались и исполнялись законы? Уважайте и исполняйте ихъ сами.

Въ высшей степени (не логично) заставлятъ другихъ исполнять то, чего я самъ не признаю и не уважаю.

Я знаю много глупыхъ вещей на свѣтѣ, но глупѣ гордости нѣтъ ничего.

20. Четвергъ. Начинать многое и ничего не кончать—это одно изъ свойствъ нашей русской натуры.

22. Суббота. Превосходная статья (Александра Дмитриевича) Градовскаго въ „Судебномъ Вѣстникѣ“, въ которой разбирается вопросъ: совмѣстна-ли свобода печати съ самодержавіемъ? Авторъ рѣшаетъ вопросъ, конечно, утвердительно.

Обычный вечеръ у Ивана Петровича Корнилова. Много посѣтителей. Всѣ умы заняты однимъ, судьбою печати. Самые зловѣщіе слухи ходятъ.....

Газеты становятся видимо блѣднѣе и блѣднѣе. Я говорилъ объ этомъ съ Краевскимъ. „Невозможно“, отвѣчалъ онъ.....

23. Воскресенье. Скверно внутри. Нельзя быть равнодушнымъ къ общественнымъ дѣламъ, а онѣ изъ рукъ вонъ плохи, хотя, по всегдашнему настроенію моего духа и по воззрѣнію моему на жизнь и на человѣка вообще, я мало путнаго отъ нихъ ожидаю. А всетаки никакъ нельзя освободиться отъ грустныхъ и досадныхъ впечатлѣній, отъ всей этой чепухи, Ш.....вщины и проч.

Впрочемъ, не все-же пѣтъ іереміады: или духъ человѣческій живучъ, такъ онъ все это передѣляетъ (перемелется—будетъ мука), или, выбившись изъ силъ, онъ распустится и исчезнетъ,—ну, такъ тогда туда ему и дорога.

Въ четвергъ на этой недѣлѣ былъ собранъ совѣтъ для сужденія о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и вообще о печати. Отъ каждаго изъ членовъ взято слово, что онъ не передастъ никому того, что будетъ говорено въ этомъ совѣтѣ. Въ обществѣ боятся, что изъ этого выйдетъ что-нибудь нехорошее для печати. Говорили, даже, что „Московскія Вѣдомости“ уже запрещены.

Едва-ли не одной несообразности австрійскаго правительства мы обязаны тѣмъ, что славяне оказываютъ намъ расположеніе: приласкай ихъ только-оно, и эти братья не преминуть отлично напакоститъ намъ.

Декабрь 13. Суббота. „Московскія Вѣдомости“ на этотъ разъ устояли. На нихъ, говорятъ, была поднята жестокая буря Шуваловымъ Государь составилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ совѣщательное собраніе изъ разныхъ довѣренныхъ лицъ и велѣлъ ему разсмотрѣть обвинительную Шуваловско-Н. записку. По выслушаніи ея въ защиту печати вообще и „Московскихъ Вѣдомостей“ въ особенности, выступилъ князь А. М. Горчаковъ. Онъ, между прочимъ, объявилъ, что, при настоящемъ положеніи международныхъ дѣлъ въ Европѣ, у насъ необходимо существованіе независимой печати. Тѣмъ дѣло и кончилось.

15. Понедѣльникъ. Опять какія-то гнусныя прокламаціи, обращенныя къ массѣ народа. Книгопродавецъ Ч** арестованъ. Говорятъ, арестованы и еще нѣсколько человекъ. Въ московской Петровской академіи убить одинъ студентъ, говорятъ, своими-же товарищами. Преступленіе это, будто-бы, имѣетъ политическую подкладку.

28. Воскресенье. Второе отдѣленіе академіи наукъ избрало въ адъюнкты свои извѣстнаго славянофила Александра Федоровича Гильфердинга. Общее собраніе забалотировало его. И вотъ поднялась страшная буря между славянофилами, которые осыпали академію ругательствами. Тутъ нѣмцы всему виною, т. е. нѣмцы-академики, которые не выбрали Гильфердинга потому, будто-бы, что онъ ратуетъ противъ нихъ и отстаиваетъ интересы славянъ. Тутъ видятъ цѣлый заговоръ этихъ нѣмцевъ противъ русскаго патріотизма. Старикъ (Федоръ Ив.) Тютчевъ разразился стихами, которые напечатаны въ „Голосѣ“.

Ко мнѣ заѣзжалъ (одинъ академикъ) склонить меня, чтобы я не былъ завтра на обѣдѣ, на который обыкновенно собираются академики каждый годъ послѣ акта, т. е. чтобы второе отдѣленіе учинило демонстрацію большинству, неизбравшему Гильфердинга. Я отвѣчалъ, что на обѣдѣ собираюсь быть. „Я очень сѣтую, какъ и вы, сказалъ я, что нашъ выборъ не прошелъ въ общемъ собраніи. Но, вѣдь, мы члены не одного отдѣленія,

а члены академіи и не должны быть участниками раздора, который въ ней хотять возбудить. Наша демонстрація, особенно теперь, была-бы именно такого свойства, что должна была-бы быть сочтена за объявленіе войны съ нашей стороны всей академіи. Прилично-ли, полезно-ли вносить эти дразги въ ученую корпорацію? Иные видять здѣсь какой-то заговоръ антинаціональной партіи, а я вижу обыкновенный случай, одинъ изъ тысячи случающихся въ коллегіяхъ, особенно большихъ, гдѣ большинство не соглашается съ меньшинствомъ и кассируетъ его рѣшенія и выборы. Всякій клалъ свой шаръ по своему разумѣнію и совѣсти“, и т. д., и т. д. Товарищъ уѣхалъ отъ меня недовольный, сказавъ, что онъ самъ на обѣдѣ не будетъ. Черезъ нѣсколько часовъ, однако, онъ прислалъ мнѣ записку, въ которой говоритъ, что, обдумавъ все послѣ разговора со мною, онъ рѣшается быть на обѣдѣ.

29. Понедѣльникъ. Актъ въ академіи наукъ. Читали: Веселовскій общій отчетъ, Гротъ о присужденіи Далу за словарь Ломоносовской преміи, я біографическій очеркъ Норова. По программѣ я долженъ былъ читать второй; но вице-президентъ просилъ меня, не соглашусь-ли я читать послѣ Грота, такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ государственнаго совѣта хотѣли пріѣхать изъ засѣданія послушать мою рѣчь. Мнѣ рѣшительно было все равно когда читать. Чтеніе Грота было очень интересно въ филологическомъ, или, лучше сказать, въ лингвистическомъ отношеніи. Моя рѣчь была принята очень хорошо, и я получилъ многое множество рукопожатій. А, правду сказать, эта рѣчь стоила мнѣ большой работы, и я радъ, что она сошла такъ успѣшно.

Послѣ акта обѣдъ у Донона, какъ обыкновенно, простой семейный, дружескій. Я уѣхалъ домой въ девять часовъ, очень довольный, что дѣло обошлось безъ всякихъ демонстрацій.

Каждый готовъ грызться за свою кость.

31. Среда. Конецъ 1869-го года.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛАШО—ЗАЩИТНИКЪ БЕРЕЗОВСКАГО

1867 г.

Въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1891 г. помѣщено продолженіе въ высокой степени интереснаго дневника покойнаго академика А. В. Никитенко. Говоря о дѣлѣ Березовскаго, судившагося въ Парижѣ, въ 1867 г., по обвиненію въ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ государственныхъ преступленій, авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ защиту подсудимаго.

„Рѣчь Араго, въ защиту Березовскаго,—говоритъ А. В. Никитенко, — образецъ того ребяческаго, безобразнаго краснорѣчія, гдѣ что слово, то ложь“, и т. д.

Тутъ очевидная ошибка. Березовскаго защищалъ не Араго, а Лашо, не особенно давно умершій. Maître Lachaud пользовался, въ свое время, большою извѣстностью не только во Франціи, но и далеко за ея предѣлами.

Лашо участвовалъ во многихъ громкихъ процессахъ, считался присяжнымъ защитникомъ всѣхъ бонапартистовъ, попавшихъ на скамью подсудимыхъ. Ему пришлось защищать ненавистнаго маршала Базена, обвинявшагося въ государственной измѣнѣ, а именно: въ сдачѣ непріятелю крѣпости Меца съ 200 тысячнымъ гарнизономъ. Лашо былъ человекъ безспорно даровитый, но разборчивость въ дѣлахъ не принадлежала къ числу его добродѣтелей. Не смотря на выдающійся успѣхъ многихъ его защитъ, репутація Лашо была довольно двусмысленная. Его никоимъ образомъ нельзя причислить къ фалангѣ блестящихъ представителей французской ораторской трибуны, въ родѣ Берье, Шэ-д'Эстанжа, Жюль Фавра, Кремье, Гамбетты и другихъ. Майтре Лашо скорѣе приыкалъ къ тому типу уголовныхъ защитниковъ, яркимъ представителямъ которыхъ былъ у насъ покойный А. В. Лохвѣдкій.

Л.

Х. Я. Гюббенеть, профессоръ-хирургъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд 1889 г., т. LXI, стр. 99, Адольфъ Яб. и О. Як. Гюббенеть спрашиваютъ, какое назначеніе получили фотографіи съ нѣкоторыхъ сложныхъ операцій, произведенныхъ въ Севастополѣ профессоромъ хирургіи Х. Я. Гюббенеть, и гдѣ они находятся? На этотъ вопросъ имѣю отвѣтить слѣдующее: фотографіи эти (вся-ли коллекція, не знаю) находятся въ Москвѣ, въ историческомъ музеѣ, какъ-бы временно, на храненіи, и помѣщаются въ залахъ, для публики не открытыхъ. Кромѣ этихъ фотографій, есть много вещей изъ бывшаго „Севастопольскаго Отдѣла“ московской политехнической выставки 1872 г., какъ-то: картины, бюсты героевъ Севастополя, модели кораблей, потопленныхъ въ Севастопольскомъ рейдѣ, фотографіи и проч., и проч. Но что всего драгоценнѣе, это мундиръ, въ которомъ убитъ Корниловъ на Малаховомъ курганѣ, и этому мундиру (какъ равно и всѣмъ предметамъ напоминающимъ Севастополь 1855 г.), — мѣсто, конечно, не въ Москвѣ, а въ Севастополѣ, въ военномъ музеѣ, рядомъ съ фуражкой и шпагою Нахимова (фуражка прострѣлена съ бока у виска). Всѣ эти вещи или, вѣрнѣе сказать, весь „Севастопольскій Отдѣлъ“ цѣликомъ поступилъ, по закрытіи выставки, въ російскій историческій музей, какъ-бы для храненія; военнаго-же музея въ Севастополѣ тогда (1872 г.) еще не существовало; по открытіи же музея въ Севастополѣ, часть вещей поступила изъ историческаго музея туда, а часть осталась въ Москвѣ. И думается, что остались онѣ потому, что въ Севастопольскомъ военномъ музеѣ, дѣйствительно нѣтъ свободнаго вершка, хотя, впрочемъ, для витрины съ мундиромъ Корнилова мѣсто-бы и нашлось.

Сообщ. въ 1889 г. А. П. Вахрушинъ.

ИЗЪ ЭПОХИ УНИЧТОЖЕНІЯ ОТКУПОВЪ.

Воспоминанія, перваго, по времени назначенія, акцианнаго чиновника

1862—1863 гг.

Не задаваясь никакими широкими задачами, я хочу въ настоящемъ воспоминаніи познакомить читателя съ обстановкою, въ которой мнѣ пришлось вводить акцизное дѣло въ одной изъ нашихъ черноземныхъ губерній, и дать ему нѣкоторое понятіе о приемахъ и обычаяхъ дореформенной администраціи, которые многимъ теперь уже незнакомы.

Начало 1860-хъ годовъ ознаменовалось многими реформами въ государственномъ и общественномъ строѣ Россіи. Эта эпоха составляетъ какъ-бы рубежъ между двумя совершенно различными мірами: старымъ, въ основѣ котораго лежало крѣпостное право съ своими извращенными понятіями о взаимныхъ людскихъ отношеніяхъ и своеобразнымъ взглядомъ на честь и долгъ, и новымъ, проникнутымъ гуманными идеями, духомъ равноправности и широкой терпимости. Уничтоженіе крѣпостнаго права внесло въ жизнь столько новыхъ вопросовъ и требованій, что явилась настоятельная потребность въ коренномъ преобразованіи многихъ частей государственнаго управленія. Старые законы, порядки и обычаи оказались непригодны и началась торопливая работа реформъ, соответствующихъ новымъ потребностямъ общественной и народной жизни.

Новыя идеи выдвинули и новыхъ людей, горячо и по убѣжденію желавшихъ послужить на пользу обновленной Россіи,—людей, имена которыхъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи нашего отечества. Въ числѣ этихъ дѣятелей былъ Константинъ Карловичъ Гротъ, творецъ акцизной реформы.

Въ этой реформѣ, замѣнявшей откупную систему и проводившей въ жизнь свободу торговли взамѣнъ средневѣковыхъ заставъ, строгую законность на мѣсто неслыханнаго самоуправства и увеличившей государственные доходы одновременно съ пониженіемъ цѣны на вино, вполне выразился выдающійся государственный умъ и честный взглядъ на дѣло К. К. Грота. Чтобы составить себѣ понятіе о громадномъ значеніи акцизной реформы, надо вспомнить положеніе откупнаго дѣла.

Государство, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, вынуждено было эксплуатировать свою питейную регалию возможно для себя выгоднѣе; испробовавъ въ этомъ дѣлѣ своего казеннаго хозяйства, и выйдя съ большимъ недочетомъ, правительство поневолѣ принуждено было принять предложенія откупщиковъ, обѣщавшихъ огромныя выгоды для казны и народа. Финансовыя потребности отодвинули на второй планъ нравственные запросы, и народъ попалъ въ кабалу откупщиковъ.

Правда, были изданы законы „объ откупномъ комиссіонерствѣ“, ограждавшіе интересы народной нравственности и благосостоянія отъ эксплуатаціи откупщиковъ, но законы оставались въ теоріи, въ дѣйствительности-же была выработана своя неписанная практика такого свойства, что чиновники, желавшіе поступать по закону, оказывались чуть не государственными преступниками. Тѣ, кто были свидѣтелями откупной оргіи, вѣроятно не забыли ея до сихъ поръ; откуплено было не одно вино: на откупъ состояли, за малыми исключеніями, и администраціи, и суды; въ уѣздномъ городѣ не было служащаго на государственной службѣ, который не получалъ-бы положенной лепты деньгами и виномъ; никто не стѣснялся брать „по чину“. Конечно, откупщикъ платилъ несравненно щедрѣе, чѣмъ правительство, напримѣръ: винные пристава, поставленные правительствомъ для охраны интересовъ казны, получали казеннаго содержанія 114 р. въ годъ, а отъ откупщиковъ—по 800 и до 1000 р., кромѣ вина и наливокъ, по нѣскольку ведеръ въ мѣсяць..... Во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ откупщикъ былъ какъ у себя дома; неугодные ему чиновники безпощадно изгонялись со службы; неправда творилась на каждомъ шагѣ; сколько возмутительныхъ дѣлъ предано было „волѣ Божьей“; сколько народу томилося по

тюрмамъ, якобы за контрабанду, и ссылаюсь на поселеніе въ Сибирь по настоянію откупщиковъ. Одному Богу извѣстно, сколькими слезами и человѣческими жертвами окуплены тѣ многіе миліоны, которые были добыты откупщиками съ русскаго народа. За то и мало кому изъ нихъ пошли эти награбленныя деньги въ прокъ: бѣльшая часть колоссальныхъ откупныхъ состояній пошла прахомъ въ рукахъ самихъ грабителей или наслѣдниковъ ихъ!

И вотъ, на смѣну такихъ-то хищническихъ порядковъ, явилось новое управленіе—акцизное, созданное К. К. Гротомъ. Оглядываясь за 26 лѣтъ назадъ отъ знаменательной эпохи уничтоженія откуповъ и введенія акцизныхъ учрежденій, невольно удивляешься той энергіи и проникательности, съ какою К. К. Гротъ сумѣлъ подобрать и воодушевить новыхъ акцизныхъ дѣятелей, призванныхъ имъ съ разныхъ должностей, не подготовленныхъ къ этому дѣлу, и даже не имѣвшихъ о немъ никакого понятія. Можетъ быть, въ эпоху 1860-хъ и предшествующихъ годовъ молодежь была болѣе воспитана, развита умственно и подготовлена къ реальному труду; тогда не спрашивали: знаетъ-ли назначаемый поручаемое ему дѣло, и выходило какъ-то такъ, что съ дѣломъ скоро осваивались, здравый смыслъ и нравственная дисциплина помогали уразумѣть и толково исполнять свои новыя обязанности.

Однимъ изъ такихъ новичковъ былъ и я. На 30-мъ году жизни мнѣ, подготовленному совершенно къ другой спеціальности и совершенно незнакомому съ провинціальною жизнью, пришлось принять крупный постъ управляющаго акцизными сборами и организовать новое дѣло въ Курской губерніи, одной изъ самыхъ трудныхъ губерній, гдѣ откупами ворочали нѣсколько очень богатыхъ и вліятельныхъ лицъ.

Вспоминая теперь ту борьбу, которую привелось мнѣ вынести съ этими, поддерживаемыми провинціальною администраціею, личностями, я удивляюсь, что мнѣ удалось уцѣлѣть и не лишиться мѣста. Я, въ ихъ глазахъ, являлся представителемъ новыхъ порядковъ и, черезъ одно это уже, былъ имъ ненавистенъ; кромѣ того, мнѣ пришлось разоблачить и оказать дѣятельное противодействіе послѣднимъ попыткамъ откупщиковъ обобрать казну и народъ; оба эти обстоятельства достаточно объясняютъ ту массу сплетенъ, доносовъ и извѣтовъ, мишенью которыхъ я оказался. Признаюсь, что, при всей энергіи молодыхъ лѣтъ, и не смотря на суровую житейскую школу, пройденную мною, подъ руководствомъ одного нашего великаго дѣятеля, на дальнихъ окраинахъ Россіи, я не вынесъ-бы непосильной борьбы, если-бы судьба не послала мнѣ помощи въ лицѣ мѣстнаго губер-

натора, генерала В. И. Дена (нынѣ покойнаго), съ весьма интересными записками котораго читателя „Русской Старины“ знакомы¹⁾, принадлежавшаго къ исчезающему уже теперь типу „самодуровъ“. Бѣшеный, деспотическій, не знавшій отпора своимъ капризамъ, онъ однако-же обладалъ большимъ здравымъ смысломъ, и честно, хотя на свой образецъ, служилъ государству. Прибывъ въ губернію, онъ засталъ полную анархію во всѣхъ отрасляхъ управленія: ему пришлось водворять законность „огнемъ и мечемъ“, что онъ и началъ практиковать въ совершенствѣ. Объ его дѣятельности ходятъ самыя невѣроятныя разсказы, которые, по нынѣшнимъ временамъ, кажутся какими-то легендами. Ни министерскія напоминанія, ни указы сената не могли удержать этого пыллагаго человѣка въ законныхъ границахъ.

По пріѣздѣ въ городъ мнѣ надлежало представиться этому „льву рыкающему“. Какъ теперь помню всѣ обстоятельства этого оригинальнаго представленія. При первомъ-же появленіи я былъ огорошенъ дѣльнымъ залпомъ рѣзкихъ и пренебрежительныхъ словъ, такъ что, выведенный изъ себя, я принужденъ былъ напомнить ему, при всѣхъ бывшихъ въ приемной залѣ, о необходимости большаго уваженія къ занимаемому мною служебному посту, и замѣтилъ ему, что я не становой, на которыхъ онъ привыкъ кричать. Отъ этого возраженія онъ совершенно остолбенѣлъ и крикнулъ: „я донесу министру!“ Я отвѣчалъ: „можете доносить, но я вправѣ требовать должнаго уваженія къ себѣ и къ занимаемой мною должности“. Губернаторъ, оглянувшись на окружающихъ, видимо, растерялся отъ неожиданнаго отпора, и рѣзко проговорилъ: „прошу въ кабинетъ“. Тамъ онъ, уже болѣе спокойнымъ и мягкимъ тономъ, началъ расспрашивать о моей предшествующей службѣ; бесѣда наша была непродолжительна, и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и данныхъ мною отвѣтовъ, я раскланялся и уѣхалъ домой съ страшною мигренью,—результатомъ пріятнаго знакомства.

Не успѣлъ я дома снять мундиръ, какъ пріѣхалъ губернаторъ и настойчиво сталъ просить ѣхать къ нему обѣдать. Какъ ни отговаривался я головною болью, онъ все-таки настоялъ на своемъ, забралъ меня въ свой экипажъ и увезъ къ себѣ.

Это мое представленіе губернатору въ минуту его служебнаго раздраженія послужило мнѣ въ пользу. При своемъ бѣшенномъ характерѣ, онъ все-же былъ человѣкъ въ высшей степени порядочный; ничѣмъ не вызванная его рѣзкость относительно меня,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., тт. I, XV—LXVII, Записки ген.-лейт. В. И. Дена.

видимо, его нравственно тяготила, къ тому-же онъ, ненавидя зло, казнокрадство и взяточничество, былъ естественно противникомъ откупной системы, развратившей весь чиновничій людъ; объ эти причины вызывали его симпатію къ моимъ служебнымъ начинаніямъ, идущимъ въ разрѣзъ интересамъ откупщиковъ.

Я всегда сознавалъ и сознаю, что успѣшнымъ исполненіемъ возложеннаго на меня дѣла и правильнымъ введеніемъ акцизной системы въ столь трудной губерніи, какъ Курская, я всецѣло обязанъ этому замѣчательному губернатору. Миръ праху его! Многіе и многіе ненавидѣли его и проклинали, я-же навсегда сохранилъ къ нему чувства уваженія и благодарности, хотя, послѣ двухлѣтней службы въ управляемой имъ губерніи, я больше съ нимъ не встрѣчался.

На мѣсто своего служенія я прибылъ за полгода до окончательнаго введенія акцизной системы. За это время мнѣ нужно было устроить управленіе, выбрать чиновниковъ и выработать программу будущей дѣятельности. По прибытіи на мѣсто, я прежде всего началъ, такъ сказать, оглядываться и присматриваться къ откупнымъ порядкамъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло цѣлые шесть мѣсяцевъ.

Прежде всего, мое вниманіе обратилось на то обстоятельство, что откупщикамъ было выгодно въ послѣдніе мѣсяцы ихъ существованія увеличить до наибольшаго предѣла продажу своего вина. Этотъ пріемъ практиковался ими постоянно при переходѣ откупа изъ однихъ рукъ въ другія, въ виду чего новый хозяинъ всегда платилъ извѣстное отступное старому для того, чтобы тотъ къ концу срока не понижалъ цѣны на вино и тѣмъ не заставлялъ-бы народъ дѣлать запасъ дешеваго вина на первое время новаго откупнаго хозяйства. Ясно, что для казны это было-бы убыточно, такъ какъ доходъ съ продажи вина, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, былъ-бы очень малъ. Вотъ я и боялся этого для новаго акцизнаго дѣла, въ виду того, что цѣны такъ называемыхъ „спеціальныхъ“ водокъ (будто-бы высшей очистки, а въ сущности—низкопробной сивухи) по закону были произвольны и держались около 12 руб., а простое полугарное вино откупщики обязаны были продавать не дороже трехъ рублей за ведро, но такого вина въ продажѣ вовсе не было, хотя и было закономъ установлено имѣть его. Пониженіе цѣны къ концу года до 3-хъ рублей ясно заставило-бы потребителей закупать его на всѣ наличныя средства въ запасъ, тѣмъ болѣе, что откупными агентами распускались въ народѣ разные зловѣщіе слухи относительно предстоящей казенной продажи и дороговизны

акцизнаго вина, которое будто-бы должно дойти до 20-ти рублей за ведро.

Для предупрежденія этого необходимо было принять мѣры заблаговременно. Вскорѣ послѣ открытія акцизнаго управленія, сдѣлано было мною распоряженіе о наружномъ осмотрѣ торговли виномъ въ трехъ уѣздныхъ городахъ. Сущность осмотра состояла въ томъ, чтобы убѣдиться: нѣтъ-ли незаконныхъ мѣстъ продажи вина, не именованныхъ въ сенатскомъ реестрѣ (списокъ откупныхъ питейныхъ заведеній), имѣется-ли въ законныхъ питейныхъ домахъ для продажи, кромѣ специальныхъ водокъ, и обязательное 3-хъ рублевое полугарное вино, и, наконецъ, есть-ли, установленныя закономъ, табели цѣнъ на вино и специальныя водки.

Опасаясь какихъ-бы то ни было недоразумѣній, я просилъ разрѣшенія губернатора о совмѣстномъ съ полиціею осмотрѣ откупныхъ питейныхъ заведеній, такъ чтобы акцизный чиновникъ одинъ, безъ полиціи, и не переступалъ порога кабака.

Хотя это мое распоряженіе никоимъ образомъ не могло нанести никакого ущерба откупщикамъ, они, догадываясь, чѣмъ оно было вызвано, подняли ужасный шумъ и повернули дѣло такимъ образомъ, что я оказывался явнымъ нарушителемъ казенныхъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что откупщики въ этихъ уѣздахъ оставались должниками казны на миллионныя суммы; воспользовавшись этимъ моимъ распоряженіемъ, они затѣяли кляузное дѣло: мѣстная казенная палата, подъ ихъ давленіемъ, составила и утвердила постановленіе, что незаконными дѣйствіями акцизнаго управляющаго откупныя кондичіи существенно нарушены, и откупа, не имѣя возможности удержаться до окончанія своего срока, передаютъ дѣло въ руки казны, слагая съ себя отвѣтственность передъ казною. Услужливая казенная палата постановила: принять откупа по упомянутымъ тремъ уѣздамъ и поручить своимъ чиновникамъ завѣдывать этимъ дѣломъ до окончанія откупнаго договора.

Это кляузное постановленіе такъ-бы и разразилось надъ моею головою, если-бы губернаторъ не вступился въ это дѣло. Когда казенная палата потребовала отъ него назначенія своихъ чиновниковъ для участія въ передачѣ откуповъ въ казенное управленіе, грозный губернаторъ разразился гнѣвомъ, крикнулъ: „не бывать этому!“ и обругалъ, кого слѣдовало, подлецами и мошенниками. Немедленно-же командировалъ онъ своихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ въ эти города для производства секретныхъ дознаній о дѣйствіяхъ акцизнаго надзора, и затѣмъ результатъ слѣдствій представилъ министру финансовъ, какъ доказательство подкупности

казенной палаты, принявшей сторону откупщиковъ въ столь клеузномъ дѣлѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что весь составъ казенной палаты былъ смѣненъ.

Пока казенная палата работала на мѣстѣ противъ меня, сами откупщики подняли гвалтъ въ Петербургѣ, и я, въ теченіе однѣхъ сутокъ, получилъ отъ К. К. Грота пять крайне тревожныхъ телеграммъ: „Откупщики жалуются; не трогайте ихъ дѣла“. „Министръ приказываетъ немедленно возстановить существовавшій откупной порядокъ, разрушенный вами“ и т. д.

Я, не зная въ чемъ дѣло, отвѣчалъ телеграммами, что мною ни въ чемъ не затронуты откупные интересы, и затѣмъ послалъ подробное донесеніе о томъ, что именно сдѣлано было мною, и притомъ съ вѣдома и согласія губернатора.

Когда улеглось это дѣло, я получилъ отъ главнаго откупщика въ этой губерніи, В. А. Кокорева, вліятельнаго человѣка, письмо, въ которомъ онъ предлагаетъ мнѣ принять откупное дѣло раньше срока, въ видахъ его желанія помочь мнѣ въ правильномъ и успѣшномъ переходѣ къ новому порядку вещей, вводимому съ 1-го января 1863 года. На это письмо, бывшее тоже ловушкою, данъ былъ отвѣтъ, что я не уполномоченъ входить съ нимъ въ подобныя сдѣлки, и что если онъ считаетъ себя несостоятельнымъ, то законъ указываетъ порядокъ передачи откупнаго дѣла, по несостоятельности, въ казенное управленіе.

Тогда посыпались со всѣхъ сторонъ допосы на меня и извѣты; шефъ жандармовъ и III отдѣленіе были забросаны ими; даже былъ присланъ жандармскій полковникъ для секретной провѣрки этихъ доносовъ. Объ этомъ я только черезъ два года узналъ отъ мѣстнаго жандармскаго штабъ-офицера. Губернаторъ энергично меня отстаивалъ и, только благодаря его защитѣ, я уцѣлѣлъ.

Однако, откупщики продолжали рассчитывать, что народъ, напуганный слухами о дороговизнѣ акцизнаго вина, набросится и начнетъ закупать ихъ вино въ запасъ, въ особенности, если цѣна понизится до казенной 3-хъ рублевой нормы. Ожидая большаго расхода вина, они потребовали отъ министерства финансовъ усиленной заготовки его въ количествѣ 200 тыс. ведеръ сверхъ имѣвшихся запасовъ. Заготовка эта была поручена губернатору, по совѣщанію со мною; такъ какъ въ казенныхъ подвалахъ оказывалось количество вина, съ избыткомъ покрывающее потребности откупщиковъ, то было рѣшено, для большей осторожности, заготовить только 35 тыс. ведеръ вмѣсто требуемыхъ 200 тыс.

Тогда-же я, для ознакомленія народа съ предстоявшею рефор-

мою, отпечатавъ 12 тыс. экземпляровъ объявленій о существѣ ея и о приблизительныхъ цѣнахъ на вино, какія могутъ быть послѣ 1-го января 1863 г. При посредствѣ полиціи объявленія эти разсылались частями, періодически, въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1862 г., и доходили до всѣхъ селеній. Откупные агенты начали эти листки перехватывать и уничтожать; сначала думая, что ихъ выпущено мало, они даже покупали ихъ для этой цѣли, и цѣна на нихъ доходила до нѣсколькихъ рублей за экземпляръ. Но вскорѣ они, конечно, должны были бросить надежду на полное истребленіе неприятныхъ имъ листовъ, тѣмъ болѣе, что народъ ими заинтересовался и охотно читалъ; такимъ образомъ, онъ вполне ознакомился съ предстоявшею реформою, и хотя откупщики къ концу года и понизили цѣны до трехъ рублей за ведро, какъ я предвидѣлъ, но никто не сталъ дѣлать большихъ запасовъ вина на новый годъ; при приѣмѣ мною отъ откупщиковъ остатка вина на 1863 г., его оказалось на лицо болѣе 135 тыс. ведеръ.

Помню знаменательную для меня ночь подъ новый 1863 годъ, которую мнѣ самому пришлось провести на конторскомъ откупномъ дворѣ для принятія вина, свозимаго изъ откупныхъ кабаковъ; опредѣлялось количество вина, затѣмъ бочки опечатывались и подъ охраною отправлялись въ казенный подвалъ. Вся полиція, жандармы и многіе чиновники были откомандированы въ мое распоряженіе.

Когда на зарѣ была опечатана мною послѣдняя бочка и я выходилъ съ конторскаго двора, ко мнѣ подошелъ главноуправляющій откупными дѣлами М**, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „Забудемъ прошлое“. Руку я подалъ, но забыть всѣ тѣ неприятности и гадости, которыя онъ мнѣ сдѣлалъ, было, конечно, невозможно. Можно было отдать справедливость его уму и нѣсколько, если не извинить, то хоть объяснить его нечестныя отношенія ко мнѣ, ничего дурнаго ему не сдѣлавшему. И дѣйствительно: чего можно было ожидать отъ человѣка, всю свою жизнь дававшего и бравшаго взятки, обманывавшаго и друзей и враговъ и привыкшаго видѣть вокругъ себя личностей далеко не идеальной чистоты. Некрасивая житейская обстановка вырабатывала и соответствующихъ людей! М**, уѣзжая навсегда изъ Курска, задалъ банкетъ своимъ бывшимъ друзьямъ изъ чиновнаго міра, и нѣсколькими словами, высказанными по моему адресу, выразилъ свое уваженіе къ стойкости моихъ служебныхъ правилъ, которая могла-бы послужить примѣромъ и для... другихъ. Этими словами, покидая своихъ друзей, онъ далъ имъ понять, что, хотя нерѣдко и покупалъ ихъ

расположеніе, но слишкомъ большаго уваженія къ нимъ съ собою не уносить. Эта горькая пилюля, проглоченная хотя и съ шампанскимъ, была понята всѣми.

Такъ закончилась борьба съ откупнымъ міромъ, но зато послѣ і-го января пришлось вести новую, едва-ли не труднѣйшую, съ легиономъ лицъ, кормившихся около откуповъ, во главѣ которыхъ были чиновники. Всѣ возстали на акцизный міръ съ единомудріемъ, достойнымъ лучшей участи. Полиція, хотя и сдерживаемая страхомъ передъ грознымъ начальникомъ губерніи, все-таки, гдѣ только могла, проявляла свое недоброжелательство и распускала подъ рукою разныя сплетни. Даже и почтовое вѣдомство не упустило случая сыграть роль „моськи“ въ извѣстной баснѣ. Принявъ акцизныхъ дѣятелей за агентовъ какъ-бы новаго откупнаго хозяина, почтовые чиновники потребовали своего мѣсячнаго жалованья, а не получивъ такового, стали притѣснять ихъ при выдачѣ и приемѣ корреспонденціи; нѣкоторые-же почтмейстеры отказывали даже въ приемѣ казенной акцизной корреспонденціи. Въ свое время, по требованію министерства финансовъ, почтовымъ вѣдомствомъ было издано даже особое объ этомъ разъясненіе, въ которомъ выяснялось, что акцизное управленіе есть такъ-же органъ правительственной власти. Какъ характерный образчикъ тогдашнихъ нравовъ, расскажу по этому поводу одинъ смѣшной и грустный казусъ.

Въ одномъ уѣздномъ городѣ почтмейстеромъ былъ прямой потомокъ гоголевскаго Шпекина—Б—въ. Этотъ господинъ никакъ не могъ переварить мысли, что ежемѣсячное откупное жалованье и даровыя наливочки отъ него ускользнули; не теряя надежды вернуть ихъ обратно, онъ сталъ всячески притѣснять, по своей спеціальности, мѣстнаго акцизнаго чиновника Энгельгардта, и началъ съ отказа въ приемѣ казенной корреспонденціи; получивъ за это порядочную головомойку отъ своего начальства, онъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на частную переписку г. Энгельгардта: задерживалъ, терялъ и перепутывалъ его письма; когда-же послѣдній приходилъ по своимъ дѣламъ въ контору, почтмейстеръ встрѣчалъ его самую неприличную руганью. Избѣгая глупыхъ скандаловъ, г. Энгельгардтъ пересталъ показываться въ контору и сталъ посылать своего писаря.

Однажды приходитъ писарь за полученіемъ посылки на 14 р. отъ бывшаго товарища г. Энгельгардта по драгунскому полку, капитана Руссау, ушедшаго въ походъ въ Ковенскую губ., во время польскаго возстанія. Капитанъ Руссау, возвращая товарищескій долгъ Энгельгардту, вмѣсто денегъ послалъ ему разныя бездѣлушки и, между

прочимъ, четыре малыя коробки только-что появившихся зажига-тельныхъ спичекъ для закуриванія сигаръ на вѣтру. Почтмейстеръ, выдавая посылку, призналъ нужнымъ вскрыть ее; расшивъ ее, онъ нашелъ незапечатанное письмо и сталъ громко въ почтовой конторѣ читать его; къ сожалѣнiю его, въ немъ заключалось только описанiе походной и боевой жизни. Окончивъ чтенiе, онъ занялся осмотромъ самой посылки, порылся и нашелъ спички; одну спичку онъ вытащилъ изъ коробки и сталъ тереть ее объ особую бумажку (на манеръ шведскихъ). Спичка воспламенилась съ большимъ шумомъ и трескомъ, а любознательный почтмейстеръ, не ожидавшiй такого эффекта, перетрусилъ и сталъ ее скорѣе тушить. Тутъ-же онъ воскликнулъ: „вотъ откуда происходятъ по деревнямъ пожары!“ Заарестовалъ посылку, составилъ протоколъ и донесъ по начальству. Не знаю содержанiя донесенiя, но благодаря старанiямъ доброжелателей, 4 малыя коробки спичекъ, бывшiя въ посылкѣ, вѣсящей 10 ф., обратились сначала въ 10 пуд., а затѣмъ въ 10 возовъ сильно воспламеняющагося состава; дѣло, видимо, пахло „внутреннею политикою“. Въ такомъ видѣ сплетня дошла до губернатора, бывшаго очень подозрительнымъ въ вещахъ такого рода. Получивъ это серьезное донесенiе, онъ призываетъ меня къ себѣ, таинственно запирается въ кабинетѣ, и предъявляетъ мнѣ требованiе, чтобы я, въ охрану себя и всего акцизнаго управленiя, немедленно уволилъ чиновника Энгельгардта отъ службы, такъ какъ необходимо сейчасъ-же посадить его въ острогъ. Я сильно испугался, не зная, въ чемъ собственно обвиняется мой юный сослуживецъ, пользовавшiйся въ обществѣ и въ полку, гдѣ служилъ, самою лестною репутацiею. Губернаторъ не желалъ объяснить мнѣ этого, и на настоятельныя мои просьбы, разсердившись, сказалъ:

— „Если вы не хотите принять дружескаго совѣта, то сами будете раскаиваться, что отклонили мое желанiе выгородить васъ изъ этого сквернаго дѣла; одно могу вамъ сказать, что Энгельгардтъ обвиняется въ тайныхъ революционнхъ сношенiяхъ съ западомъ“.

Не смотря на страшное обвиненiе, я все-же не могъ рѣшиться удалить со службы Энгельгардта, не разобравъ предварительно въ чемъ дѣло; для этого я порѣшилъ вызвать Энгельгардта для объясненiй. Но губернаторъ предупредилъ меня; его такъ беспокоило это дѣло, что, не смотря на сильную распутицу, онъ поскакалъ чуть-ли не на перекладныхъ за 130 верстъ въ тотъ уѣздный городъ, подѣхалъ прямо къ почтовой конторѣ и потребовалъ заарестованную посылку. Зная неукротимую вспыльчивость губернатора, воображаю, какая сцена разыгралась въ конторѣ, когда обнаружи

лась вся пошлость этого доноса. Почтмейстеръ Бибишевъ бѣжалъ отъ собственноручной расправы разъяреннаго начальства.

Въ то время по губерніи было дѣйствительно много пожаровъ, происходившихъ видимо отъ поджоговъ. Съ легкой руки почтмейстера, народная молва начала приписывать ихъ акцизнымъ чиновникамъ; какъ ни нелѣпо было это обвиненіе, однако оно повторялось не только между простонародіемъ, но даже въ обществѣ чиновной интеллигенціи. Одинъ акцизный чиновникъ Бабашинскій со страха сошелъ съ ума, услыхавъ шуточное, будто, подозрѣніе, падавшее на него по поводу одного большого пожара въ томъ городѣ, гдѣ онъ жилъ. Впослѣдствіи Бабашинскій умеръ въ одной изъ больницъ для умалишенныхъ въ С.-Петербургѣ.

Представители губернскаго общества на первыхъ порахъ атаковали меня просьбами объ опредѣленіи на службу разныхъ ихъ родственниковъ и протеже; но когда оказалось, что просьбы ихъ не могли быть удовлетворены, всѣ обрушились на меня съ негодованіемъ, и масса некрасивыхъ корреспонденцій полетѣла въ столичные газеты. Когда-же мнѣ пришлось завести уголовное дѣло о злоупотребленіяхъ на одномъ помѣщичьемъ заводѣ, озлобленіе противъ меня перешло всякія границы логики.....

Всѣ на насъ ополчились; нѣкоторыя газеты стали нападать на акцизныхъ дѣателей и наполнять свои столбцы разными пасквилями недоброжелательныхъ корреспондентовъ; провинціальныя санитары стали кричать, что народъ спивается, а каждый случай скорострѣжной смерти относили къ запою. Экономисты и моралисты заявляли, что народъ развращается, что необходимо принять мѣры противъ народнаго пьянства, стѣснить и ограничить торговлю и пр. Стали раздаваться серьезные голоса противъ акцизныхъ дѣателей, говорили, что дѣятельность ихъ направляется не къ обузданію пьянства, а къ распространенію его. Спрашивается: что можетъ сдѣлать акцизный чиновникъ въ области этого вопроса? Тѣ, которые просвѣщеніемъ и проповѣдью могли-бы принести пользу въ этомъ дѣлѣ, ничего не предпринимали и ограничивались только нападками на акцизную систему и акцизныхъ дѣателей. Тѣ изъ нашихъ недоброжелателей, которые относились къ вопросу честно, упускали изъ виду, что зло отъ пьянства стало развиваться какъ естественное послѣдствіе долгаго существованія у насъ крѣпостнаго рабства и пресловутыхъ откуповъ.

Таково было наше положеніе послѣ откуповъ. Хотя откупщики и исчезли, но главный врагъ остался: это былъ откупной духъ, глубоко вкоренившійся въ обществѣ и, можетъ быть, даже по

настоящее время не совѣмъ исчезнувшій. Трудное было положеніе, приходилось взвѣшивать каждый шагъ, каждое слово и безустанно отбиваться отъ нападений безчисленныхъ враговъ. Даже губернаторъ Денъ, вначалѣ оказывавшій намъ покровительство, слыша со всѣхъ сторонъ нападки на насъ, сталъ относиться какъ-то недовѣрчиво и по временамъ давалъ чувствовать свою тяжелую руку. Изю дня въ день живя въ такой обстановкѣ, измученный, не видя подъ собою никакой точки опоры, я въ 1866 году поѣхалъ въ Петербургъ просить свое начальство о переводѣ въ другую губернію.

Вслушавъ мою просьбу, К. К. Гротъ потребовалъ, чтобы я на другой день представился М. Х. Рейтерну, и передалъ ему все съ полною откровенностью. Являсь къ министру, я засталъ тамъ и К. К. Грота; позванный въ кабинетъ, я рассказалъ, какъ тяжело мнѣ живется, до чего доходить злоба ко мнѣ моихъ недоброжелателей, и просилъ его какъ особой милости перевести меня въ другую губернію. Въ отвѣтъ я услышалъ слова, которыя до сихъ поръ вспоминаю съ признательностью:

— „Напрасно вы тревожитесь и принимаете къ сердцу людскую злобу; я цѣню людей по ихъ поступкамъ, и потому можете быть увѣрены въ моей всегдашней поддержкѣ; что-же касается вашей провинціальной жизни, то повѣрьте, что вездѣ вы встрѣтите подобное злословіе и недружелюбіе, и на новомъ мѣстѣ вамъ придется снова пройти сквозъ строй людскихъ сплетенъ и доносовъ; оставаясь въ той-же губерніи, гдѣ вы нужны для служебнаго дѣла, вы должны показать полное равнодушіе ко всѣмъ нападкамъ и тогда васъ, наконецъ, оставятъ въ покоѣ“.

Эти мудрыя слова оправдались; возвратясь изъ своей поѣздки, я замѣнилъ въ своемъ служебномъ кружкѣ, порвалъ всѣ частныя сношенія съ недоброжелательнымъ обществомъ и долго еще прожилъ въ той средѣ, такъ что пережилъ и злобу, и всѣ служебныя передраги, стоившія мнѣ многихъ горькихъ минутъ въ жизни и отравившія мнѣ нѣсколько лучшихъ годовъ моей молодости.

Теперь ¹⁾ все, мною рассказанное, вспоминается съ удовольствіемъ, какъ боевое время, а при воспоминаніи сердце наполняется чувствомъ глубочайшей благодарности къ такимъ начальникамъ, какъ М. Х. Рейтернъ и особенно К. К. Гротъ, благодаря которому я участвовалъ въ борьбѣ новаго порядка съ старыми.

Отголосокъ этой борьбы и теперь еще чувствуется. Акцизная

¹⁾ Почти тридцать лѣтъ спустя, когда я остаюсь единственнымъ въ Россіи на своемъ посту перваго, такъ называемаго, набора К. К. Грота, управляющимъ акцизными сборами.

система, стойко выдерживая ожесточенные нападки, все-же принуждена была пойти на нѣкоторые уступки... Основной принцип—свобода торговли—былъ нарушенъ почти въ самомъ началѣ; послѣ паденія откуповъ появилась масса питейныхъ заведеній и этотъ фактъ показался угрожающимъ; тогда начали стѣснять право открытія кабаковъ, вмѣсто того, чтобы дать дѣлу, послѣ нѣсколькихъ неправильныхъ колебаній, неизбѣжныхъ сначала, самому установиться на разумныхъ началахъ; естественная конкуренція сама повела-бы къ уменьшенію питейныхъ заведеній, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Мѣропріятія, клонившіяся къ уменьшенію народнаго пьянства и упорядоченію торговли виномъ, не достигли цѣли и только вызвали появленіе новой силы—кулаковъ-міроѣдовъ, прямыхъ наслѣдниковъ откупной системы. Только радикальная реформа въ раздробительной торговлѣ виномъ можетъ поправить дѣло.

Сообщ. 1-го янв. 1889 г., В. К. Кузель.

СПЕРАНСКІЙ ПОДЪ ЦЕНЗУРОЮ 1844-го года.

[Къ матеріаламъ по исторіи цензуры].

Предъ нами рукопись „Правилъ высшаго краснорѣчія“ Сперанскаго, процензурованная и дозволенная къ печатанію, какъ видно изъ собственно-ручной подписи цензора профессора А. В. Никитенко, 23-го февраля 1844 года ¹⁾. Рукопись вся писана профессоромъ с.-петербургской духовной академіи Иродіономъ Вѣтринскимъ, дѣдомъ автора настоящей замѣтки. Многія отмѣтки цензора очень любопытны для характеристики требованій тогдашней цензуры. „Правила высшаго краснорѣчія“ составлены Сперанскимъ въ 1792 году, когда ему былъ всего 21-й годъ и онъ только-что кончилъ академію.

Въ предисловіи издателя цензору кажется сомнительною слѣдующая фраза:

„...кто знаетъ, менѣ-ли добра сдѣлалъ-бы Михаилъ Сперанскій на поприщѣ словесности, физико-математическихъ наукъ и философіи, нежели дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, на поприщѣ службы государственной!“ Вторая половина фразы отъ „нежели“ вся зачеркнута. Цензора не ввели въ заблужденіе большія буквы относительно той мысли издателя, что „на поприщѣ словесности, физико-математическихъ наукъ и философіи“ можно быть полезнѣе, чѣмъ „на поприщѣ службы государственной“.

На стр. 31-й рукописи (глава о „доказательствахъ“ въ ораторской рѣчи находимъ первую пометку мыслей самого Сперанскаго. Говоря о томъ, какъ можно доказывать положеніе „помогай бѣднымъ“, авторъ упоминаетъ о „той великой и окруженной мраками эпохѣ, въ которую возникли общества, когда законы въ первый разъ свинцовымъ своимъ и тяжелымъ снопетромъ указали блудящему человѣку единое счастье“. Слова „свинцовымъ“ и „тяжелымъ“ вычеркнуты.

На стр. 32-й, изслѣдуя, куда можно придти, разбирая вышеуказанное положеніе, Сперанскій восклицаетъ:

¹⁾ Автору настоящей замѣтки неизвѣстно—была-ли книга напечатана.

„Мы придемъ къ священной гробницѣ вольницѣ... Здѣсь обойметъ насъ ужасъ и покроетъ тьма. Расцѣвъ пламенникомъ ума и то и другое, мы сквозь великій рядъ столѣтій проникнемъ даже до того мѣста, гдѣ прежде сооруженъ былъ престолъ первобытнаго равенства. Мы облобызаемъ священные его остатки и, проходя обратно, примѣтимъ, что, если не можно было въ обществѣ поставить равенству того-же престола, по крайней мѣрѣ, тамъ воздвигнуть жертвенникъ его идолу. Тамъ заступило мѣсто равенства взаимное обязательство“. За исключеніемъ послѣдней фразы, вся эта тирада вычеркнута.

На стран. 37-й и 38-й въ той-же главѣ вычеркнута слѣдующая фраза: „Предметы церковнаго слова бесспорно велики; но проходя чрезъ руки тысячи проповѣдниковъ низкихъ, они теряютъ нѣчто отъ своего величества, и дѣлаются сами низки“.

Стр. 60-я. Глава „о природѣ страстей“. Вычеркнуто: „Тотъ, кто писалъ дѣянія апостоловъ, умѣлъ чувствовать и умѣлъ наблюдать“. Авторъ дѣяній апостоловъ и проч.

Стр. 65. Фраза Сперанскаго: „Церковная каеэдра есть театръ великихъ страстей, говоритъ д'Аламбергъ“, обращается въ слѣдующую подъ безпощадными красными чернилами: „Ораторская каеэдра есть театръ великихъ движеній духа, говоритъ д'Аламбергъ“. Замѣтимъ здѣсь-же, что далѣе повсюду церковная каеэдра обращена просто въ ораторскую или даже въ „ораторскую свѣтскую“, проповѣдникъ церковный обращенъ въ оратора свѣтскаго и т. д.

На стр. 102-й „наши тяжело-ученые проповѣдники и писатели“ обращаются просто въ тяжело-ученыхъ писателей.

На стран. 169-й и 170-й, въ главѣ объ „источникахъ высокаго“ не мало выражений возбудило сомнѣнія цензора. „Знай, говоритъ сей мученикъ вольности (Муцій Спевола)“, писалъ Сперанскій; подъ перомъ цензора „мученикъ вольности“ обратился въ „мученика патриотизма“. „Какимъ образомъ рабъ, подавленный всею тяжестью своихъ оковъ, можетъ возвыситься къ симъ великимъ понятіямъ?..“ спрашиваетъ Сперанскій. Въмѣсто картины раба, подавленнаго оковами, цензоръ пишетъ просто: Какимъ образомъ „человѣкъ угнетенный“ и т. д. Немного ниже цензоръ замѣняетъ словомъ „общественныхъ“ слово „политическихъ“ во фразѣ „Великія сопряженія обстоятельства политическихъ отъ него (раба) сокрыты“, и совершенно вычеркиваетъ тутъ-же слѣдующее: „въ религіи онъ (рабъ) смотритъ очами жрецовъ, и смотритъ на все съ суевѣріемъ; въ нравственномъ онъ знаетъ только, что онъ рабъ и что онъ осужденъ навсегда страдать“. Далѣе (стр. 170) вычеркнуто: „Какъ можно быть рабомъ—и не лѣстить? и какъ можно лѣстить и мыслить возвышенно?“

Въ главѣ „о свойствахъ слога высокаго“ говорится, что слогъ возвышается, когда мысли берутся отъ Бога и религіи, и въ примѣрѣ приводятся оды Горацио. Стр. 332 и 333 вычеркнуты цѣликомъ; вмѣсто нихъ цензоромъ надписано сверху 334-й стр.: „Не смотря на нелѣпость языческой религіи, у древнихъ писателей лучшія красоты заимствованы изъ религіозныхъ понятій, или близкихъ къ нимъ“.

Далѣе выключено введеніе къ изслѣдованію „о видѣ оратора“, гдѣ авторъ сравнилъ проповѣдника съ актеромъ.

Стр. 362. „ангелъ истины“—поправлено „вѣстникъ истины“.

Въ концѣ нашей тетради помѣщены „Краткія свѣдѣнія о графѣ М. М. Сперанскомъ“. Здѣсь исключено слѣдующее мѣсто: „Знаки ордена св. Андрея возложены были на графа Сперанскаго лично государемъ императоромъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по окончаніи разсужденій о пользѣ и порядкѣ введенія въ дѣйствіе Общаго Свода Законовъ Имперіи; государь императоръ, вставъ съ своего мѣста, изволилъ подойти къ графу Сперанскому, изъявилъ ему въ благосклоннѣйшихъ выраженіяхъ свою благодарность за совершеніе сего великаго труда подѣ непосредственнымъ руководствомъ его величества, снялъ съ себя знаки ордена св. Андрея и возложилъ ихъ на него“.

Сообщ. **Василій Чешихинъ.**

Примѣчаніе. Мы напечатали эту замѣтку, какъ матеріалъ къ исторіи цензуры, но сообщеніе это пимало не можетъ служить укоризною А. В. Никитенко, который, какъ въ данномъ случаѣ, вычеркивалъ особенно напыщенныя тирады, либо то, что, по общимъ требованіямъ тогдашней цензуры, не могъ пропустить въ печать, какъ, напримѣръ, разсказъ о личномъ награжденіи Сперанскаго императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Ред.

С. Я. Марколевскій, А. М. Максимовъ, И. М. Сосницкій, К. Н. Полтавцевъ, Л. Л. Леонидовъ,
В. А. Бурдинъ, А. А. Яблоковъ, А. Е. Марьяновъ, П. С. Степановъ.

АРТИСТЫ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

ВЪ 1840 — 1860 ГГ.

МАКСИМЪ ДРЕНЯКИНЪ,

одинъ изъ воиновъ великаго Суворова.

Вь бумагахъ покойной моей матери, скончавшейся два года тому назадъ, на 98-мъ году отъ рожденія, въ городѣ Вѣлгородѣ, нашель я представляемый здѣсь указъ императрицы Екатерины II, отъ 27-го апрѣля 1792 года, за подписомъ и печатью генераль-аншефа графа А. Суворова-Рымникскаго, объ отличіи, оказанномъ прапорщикомъ Максимомъ Дренякинымъ, при взятіи приступомъ крѣпости и города Измаила 11-го декабря 1790 года. Уцѣлѣлъ тоже и указъ объ отставкѣ моего отца уже въ чинѣ полковника. Въ указѣ этомъ, отъ 8-го декабря 1815 года, выданномъ изъ бывшаго инспекторскаго департамента военнаго министерства, между прочимъ, видно, что отецъ мой, въ рядахъ 7-го Егерскаго полка, былъ и при взятіи штурмомъ Очакова 6-го декабря 1788 года. По паденіи-же Измаила, находясь въ вспомогательномъ для австрійскихъ войскъ корпусѣ противъ французовъ, подвигаясь въ чинахъ, былъ въ сраженіяхъ: при Баченіано и Тицето; контуженъ въ правое плечо и лѣвый вздохъ; потомъ былъ въ дѣлѣ при р. Требии. При мѣстечкѣ Нови и селеніи Мутенталь, гдѣ раненъ въ ногу пулею на вылетъ. При Кларисѣ и при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Альпійскія горы. Въ 1805 году въ Аустерлицкомъ сраженіи, раненъ пулею въ грудь на вылетъ, и наконецъ въ 1807 году, въ сраженіи подъ Прейсшиг-Элайу, лишился отъ картечнаго выстрѣла правой руки по самое плечо и, по награжденіи его орденомъ св. Георгія 4-го класса

„за храбрость“, уволенъ отъ службы за тяжкими ранами полковникомъ, 27-го апрѣля того-же года.

По излеченіи раны въ Кенигсбергѣ, гдѣ пользовался у лейбъ-медика короля прусскаго, полковникъ Максимъ Дренякинъ, возвратясь на родину, не нашелъ уже въ живыхъ своего отца, отставнаго прапорщика Бѣлгородскаго гарнизона, благословившаго его, не совершеннолѣтняго, на службу въ 1782 году; воинъ великаго Суворова — Максимъ Дренякинъ женился, полюбилъ сельское хозяйство, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, пріятнымъ былъ собесѣдникомъ и до обожанія любилъ Суворова. Въ разказахъ о немъ былъ неистощимъ и воодушевлялся до того, что забывалъ свои боли отъ ранъ, не рѣдко о себѣ ему напоминавшія. Слѣдилъ за воспитаніемъ и образованіемъ своихъ дѣтей. Сыновей готовилъ въ военную службу, приучалъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ пистолета и, взысканный милостями императоровъ: Александра и Николая Павловичей, проживъ болѣе 80-ти лѣтъ, тихо скончался, въ 1851 году, оставивъ по себѣ добрую память какъ семьянинъ, воинъ и гражданинъ.

А. М. Дренякинъ,
генераль-лейтенантъ 80-ти лѣтъ.

18-го октября 1891 года,
г. Бѣлгородъ, Курской губ.

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы Всероссийской, и проч., и проч., и проч.

Лифляндскаго егерскаго корпуса прапорщикъ Максимъ Дренякинъ, проходя съ усердіемъ и ревностію теченіе всеподданѣйшей ея императорскому величеству службы, приобрѣлъ особливое къ себѣ уваженіе подвигомъ своимъ при взятіи приступомъ крѣпости и города Измаила и истребленіи многочисленной арміи турецкой въ 11-й день декабря 790-го года. Онъ тогда, бывъ въ дѣлѣ, и отличился. О таковой его отличности всеподданѣйше донесено

было ея императорскому величеству. И по высочайшему ея императорскому величеству повелѣнію, данъ ему сей листъ во ознаменованіе, какъ всемилостивѣйшаго монаршаго благоволенія, такъ и пожалованнаго ему преимущества уменьшеніемъ трехъ лѣтъ изъ срочнаго времени къ полученію ордена военнаго. Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 27-го дня 1792-го года.

Ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни отъ арміи генераль-аншефъ, полковъ: лейбъ-гвардіи Преображенскаго подполковникъ, Фанагорійскаго граводерскаго шефъ, главнокомандующій финляндскою дивизіею роченсальтскимъ портомъ и саимскою флотиліею, орденовъ: російскихъ св. апостола Андрея Первованнаго, св. Александра Невскаго, св. великомученика и побѣдоносца Георгія, св. Равноапостольнаго князя Владиміра первыхъ степеней и великокняжескаго Голстинскаго св. Анны кавалеръ. обѣихъ имперій. Графъ Александръ Суворовъ Римникскій.

Старѣйшіе артисты императорскаго русско-драматическаго театра

въ С.-Петербургѣ

въ 1858 г.

Въ 1858 году русскіе драматическіе артисты императорскаго театра въ С.-Петербургѣ, восхищенные талантомъ славнаго артиста-мавра Айръ - Олриджа — и выполняя его просьбу — сняли съ себя въ двухъ группахъ портреты въ превосходной фотографіи извѣстнаго художника г. Денъера (Невскій проспектъ, близъ Полицейскаго моста).

Одна изъ этихъ группъ — именно старѣйшихъ — по талантамъ и продолжительности службы на сценѣ отечественнаго театра въ Спб., воспроизведена здѣсь съ экземпляра, весьма обязательно подареннаго намъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 г., для приложенія въ „Русской Старинѣ“, другомъ г. Денъера, художникомъ Г. Н. Скамони. Фотографія эта воспроизведена въ снимкѣ и отпечатана въ извѣстной фототипической мастерской фирмы Шерера и Набольца въ Москвѣ. Снимокъ этотъ приложенъ при настоящей книгѣ „Русской Старины“.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1889 года одинъ изъ артистовъ, изображенныхъ въ этой интересной группѣ, Леонидъ Львовичъ Леонидовъ († 5-го августа 1889 г.), отпраздновавъ за годъ передъ тѣмъ полувѣковой юбилей своей артистической службы, одинъ изъ очерковъ своихъ записокъ, составленныхъ имъ для „Русской Старины“¹⁾, посвятилъ воспоминанію о помянутой группѣ своихъ товарищей. Очеркъ этотъ мы сохранили въ нашемъ архивѣ и помѣстимъ его въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины“.

¹⁾ См. изд. 1888 г., т. LVIII. стр. 217—272, изд. 1889 г., т. LXIII.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II И ФРАНЦІЯ ВЪ 1875 Г.

[Переводъ съ французскаго].

Много было уже писано и много говорено, смѣю сказать нѣсколько наугадъ и не сообразуясь особенно строго съ истиною и справедливостью, по поводу дипломатическихъ столкновений, вызвавшихъ въ 1875 году благополучное и рѣшительное вмѣшательство Россіи въ интересахъ мира, которому угрожала серьезная опасность. Теперь настала, можетъ быть, уже пора, и, во всякомъ случаѣ, будетъ своевременно пролить разъ навсегда нѣкоторый свѣтъ на историческій фактъ, затрогивающій честь многихъ; однако я рѣшаюсь на это послѣ довольно долгаго колебанія и съ нѣкоторымъ опасеніемъ; не говоря о высшихъ интересахъ отечества, это сообщеніе будетъ съ моей стороны, прежде всего, благоговѣнною данью драгоцѣнной и высокочтимой памяти благороднаго и великодушнаго императора Александра II.

Слухи о предстоявшей войнѣ, такъ сильно взволновавшіе Францію и всю Европу весной 1875 года, начали распространяться съ ужасающею быстротою

уже съ января 1874 года, вызванные нѣкоторыми печатными заявленіями со стороны нашихъ епископовъ и въ особенности пастырскимъ посланіемъ епископа Нимскаго, которое весьма разсердило кн. Бисмарка. Но это былъ

лишь одинъ предлогъ: настоящая причина, побуждавшая его искать съ нами ссоры, заключалась въ томъ, что изумительная быстрота, съ которою мы приступили къ преобразованію нашей арміи и къ улучшенію ея матеріальной части, послѣ поразительно быстрой уплаты нашей огромной военной контрибуціи, внушала въ Берлинѣ серьезныя опасенія. Волненіе было чрезвычайное, но въ Петербургѣ ему не придали серьезнаго значенія.

— «Все это, говорилъ мнѣ кн. Горчаковъ, не болѣе какъ комедія, которая окончится сама собою за неимѣніемъ актеровъ, такъ какъ Бисмаркъ не можетъ безконечно разыгрывать ее одинъ».

Таково-же было и мнѣніе императора:

— «Между нами будь сказано, сказалъ мнѣ е. в., это особый способъ отвлечь всеобщее вниманіе, чтобы выйти изъ затруднительныхъ внутреннихъ обстоятельствъ. (Въ это время возникалъ уже вопросъ о септенатѣ). Успокойтесь! Никто не жалеетъ войны и ея не будетъ».

Кн. Орловъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Александровны, и имѣвшій, проѣздомъ черезъ Берлинъ, продолжительные и крайне интересные разговоры съ кн. Бисмаркомъ, увѣрялъ меня въ томъ-же и, наконецъ, императоръ австрійскій, посѣтившій Россію въ февралѣ мѣсяцѣ, сказалъ мнѣ:

— «Въ Берлинѣ были нѣсколько раздражены, но теперь, кажется, значительно поуспокоились».

Я имѣю нѣкоторое основаніе думать, что оба великіе монарха, о которыхъ я только-что упомянулъ, сообщая дали кому слѣдуетъ совѣтъ дѣйствовать болѣе умѣренно.

Какъ-бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря доброжелательному сочувствію, выказанному къ намъ всѣми дворами Европы, а также благодаря искусной и мудрой политикѣ нашего правительства буря разсѣялась или была, по крайней мѣрѣ, предотвращена и Европа, казалось, могла вдѣхнуть свободно. Что касается Россіи, тамъ были вполне увѣрены въ томъ, что миръ нарушенъ не будетъ; кн. Горчаковъ и государь Александръ Николаевичъ не упустили случая высказывать мнѣ это.

Однако, во Франціи въ этомъ не были еще вполне увѣрены и канцлеръ неоднократно повторялъ мнѣ:

— «Постарайтесь, ради Бога, успокоить ваше правительство; Орловъ пишетъ намъ, что оно продолжаетъ, вопреки всему, бредить о предстоящей войнѣ. и высказываетъ эту мысль при всякомъ удобномъ случаѣ; эта слабость, повѣрьте мнѣ, можетъ уронить ваше значеніе въ глазахъ всей Европы; повторяю: вамъ не грозитъ никакая опасность; но, во всякомъ случаѣ, вамъ нужно только быть сильными, весьма сильными».

Точно также смотрѣлъ на дѣло и я, и подъ этимъ впечатлѣніемъ оставилъ Россію 15-го февраля 1875 года, вызванный во Францію въ качествѣ

депутата, чтобы принять участие въ подачѣ голосовъ при утверженіи конституціонныхъ законовъ. Въ то время это былъ важнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди, и онъ поглощалъ всѣ прочія заботы. Когда это великое дѣло было окончено, то я отправился къ моей семьѣ въ Бретань, откуда возвратился лишь въ первыхъ числахъ апрѣля съ тѣмъ, чтобы направиться въ Петербургъ. Между тѣмъ, въ Парижѣ волненіе улеглось, министерство было вновь образовано, officialный мѣръ былъ доволенъ и покоенъ, по крайней мѣрѣ на видъ, и я могъ откланяться маршалу-президенту и моему непосредственному начальнику, герцогу Деказу, съ совершеннымъ спокойствіемъ, не получивъ ни отъ того, ни отъ другаго никакого новаго сообщенія, а слѣдовательно и никакой иной инструкціи, кромѣ совѣта соблюдать, въ сношеніяхъ мнѣ съ Россією, особенную сдержанность въ дѣлахъ, касающихся Берлина.

На слѣдующій день, назначенный для моего отъѣзда, я долженъ былъ завтракать у кн. Орлова, и когда входилъ въ его кабинетъ:

«Ахъ, какъ вы кстати, сказалъ онъ, я пишу кн. Горчакову и какъ разъ только-что говорилъ о васъ».

— «Могу я узнать, в. сіят-во, что именно вы высказали обо мнѣ?»

«Это не тайна, прочтите сами».

Это письмо было повтореніемъ того, что было говорено уже неоднократно, въ постоянномъ и прискорбномъ настроеніи умовъ нашихъ правительственныхъ лицъ, по поводу угрожающей намъ будто-бы войны; Орловъ ничуть не довѣрялъ этимъ слухамъ, что, между прочимъ, было весьма странно, и, будучи всею душою преданъ Франціи, искренно огорчался ими; я страдалъ не менѣе его и хотя меня считали уже уѣзжавшимъ, однако я рѣшилъ еще разъ пови-
даться маршалу и объясниться съ нимъ безъ обвиняковъ.

Часть спустя послѣ завтрака, я поспѣшилъ въ Елисейскій дворецъ; президента тамъ не оказалось; тогда я направился въ министерство; герцога Деказа тамъ не было, онъ куда-то вышелъ; оставался еще одинъ человекъ, къ которому я могъ обратиться, директоръ политическихъ дѣлъ, Денре; но онъ былъ на свадьбѣ. Не идая духомъ, я направился вновь къ Елисейскому дворцу, однако, по-прежнему безъ успѣха, — президентъ еще не возвращался и, такимъ образомъ, мнѣ поневолѣ пришлось ожидать до слѣдующаго дня. Въ девять часовъ утра я былъ у маршала и, говоря съ нимъ вполне откровенно, не скрылъ отъ него тяжелаго впечатлѣнія, которое все это произвело на меня; я чувствовалъ себя оскорбленнымъ и высказалъ это съ большимъ волненіемъ.

«Но, любезный генералъ, сказалъ мнѣ мой высшій начальникъ, вамъ слѣдовательно, неизвѣстно, что теперь происходитъ?»

— «Я знаю, в. пр-во, лишь то, что мнѣ говорятъ, и не могу предполагать, чтобы отъ меня что-либо скрывали».

«Прочтите это», сказалъ онъ мнѣ на это, подавая мнѣ связку бумагъ.

Я прочелъ ихъ съ изумленіемъ. Это былъ цѣлый рядъ донесеній или секретныхъ документовъ, изъ которыхъ иные были помѣчены самыми недавними числами и не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ непреложномъ намѣреніи Германіи немедленно открытъ противъ насъ враждебныя дѣйствія, объявивъ намъ войну или безъ предварительнаго ея объявленія. Между ними я обратилъ особенное вниманіе на два письма одного изъ самыхъ важныхъ лицъ Европы, — монарха, объ имени котораго я обязанъ умолчать; въ одномъ изъ этихъ писемъ говорилось:

— «На васъ нападутъ весною», а въ другомъ: «планъ измѣненъ, война отложена до сентября».

Удивленіе мое было безмѣрно.

«Какъ! сказалъ я маршалу, подобныя вещи существуютъ, я имѣю честь быть аккредитованнымъ при великомъ монархѣ, который одинъ можетъ придти намъ на помощь, и мнѣ не сообщаютъ о нихъ! Какое-же довѣріе имѣете вы ко мнѣ!»...

Вечеромъ того-же дня, въ восемь часовъ, я отправился въ Петербургъ, глубоко огорченный, но рѣшивъ окончателно руководствоваться впредь лишь моимъ патріотизмомъ, который въ состояніи, какъ я полагалъ, внушить мнѣ то, что будетъ болѣе соотвѣтственно интересамъ и достоинству моей страны. Мнѣ хотѣлось въ особенности поразить какъ можно скорѣе императора Александра извѣстіемъ объ этомъ серьезномъ и опасномъ положеніи дѣла, — я былъ увѣренъ, что онъ не отнесется къ нему равнодушно.

Случай къ тому не замедлилъ представиться.

На другой-же день послѣ моего пріѣзда, 10-го апрѣля, когда я находился еще въ кровати, отдыхая отъ утомленія семидесяти двухъ часовъ, проведенныхъ мною на желѣзной дорогѣ, швейцаръ доложилъ мнѣ, что кн. Горчаковъ ожидаетъ въ моемъ кабинетѣ. Я поторопился встать.

«Ахъ, князь, привѣтствовалъ я его, какое пріятное пробужденіе! Но какое событіе могло быть причиною столь ранняго посѣщенія вашего?»

— «Ничто иное, кромѣ желанія узнать что-нибудь о васъ».

«Весьма тронуть вашими вниманіемъ; но безъ сомнѣнія, в. сіят-во и потревожились-бы изъ-за такой бездѣлицы».

— «Ну, если хотите, есть и другая причина!»

И князь тотчасъ-же коснулся щекотливаго вопроса о нашихъ печальныхъ отношеніяхъ къ Германіи.

Я прервалъ его на первыхъ-же словахъ и рассказалъ ему о моемъ послѣднемъ свиданіи съ маршаломъ-президентомъ и все то, что я видѣлъ, слышалъ и узналъ во время этой бесѣды.

Разговоръ, завязавшійся между нами по этому поводу, приведенъ цѣликомъ въ прилагаемомъ при семъ письмѣ, писанномъ мною къ герцогу Деказу послѣ аудіенціи, которую я имѣлъ у императора.

С.-Петербургъ, 20-го апрѣля 1875 года.

«Ваше пр-во, вамъ извѣстно уже изъ моей телеграммы, отъ 15-го числа сего мѣсяца, вкратцѣ, о весьма успокоительной бесѣдѣ, которою императоръ удостоилъ меня. Я возвращусь къ ней болѣе подробно въ настоящей депешѣ, но полагаю, что мнѣ слѣдуетъ прежде дать вамъ отчетъ о разговорѣ, который я имѣлъ третьего дня съ кн. Горчаковымъ. Итакъ, я имѣлъ уже честь сообщить вамъ, что канцлеръ, не дожидаясь моего визита, весьма любезно посѣтилъ меня въ посольствѣ, на другой-же день послѣ моего приѣзда, и вслѣдъ за обычными привѣтствіями сдѣлавъ нѣсколько одобрительныхъ замѣчаній, по поводу нашего внутренняго положенія, которое, по его мнѣнію, весьма улучшилось и кажется гораздо утѣшительнѣе послѣ принятія конституціонныхъ законовъ, онъ прибавилъ:

— «Я прошу васъ только не обращать такого усиленнаго вниманія на то, что говорится или дѣлается въ Берлинѣ. Орловъ писалъ намъ, что вы чрезвычайно тревожитесь этимъ; повѣрьте, вы преувеличиваете значеніе тѣхъ фактовъ, которые отнюдь не измѣнились замѣтнымъ образомъ въ послѣднее время, и беспокойство, проявляемое вами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезнымъ, а можетъ только умалить ваше значеніе. На всѣ эти мнимыя угрозы долженъ быть только одинъ отвѣтъ: старайтесь быть сильны, весьма сильны».

«Я готовъ раздѣлить этотъ образъ мыслей, отвѣчалъ я, въ особенности я совершенно согласенъ съ послѣднимъ замѣчаніемъ. Ваше сіят-во, не можете, однако, отрицать тѣ многознаменательные симптомы, которые стали обнаруживаться въ послѣднее время особенно часто со стороны нашихъ противниковъ. Не затрагивая вновь вопроса о запрещеніи вывоза лошадей, по поводу котораго вы уже высказались, вамъ не безизвѣстна та лихорадочная дѣятельность, съ которою производятся въ Германіи всякаго рода вооруженія. Я могъ-бы указать вамъ на таковыя, произведенныя весьма недавно и цѣль которыхъ совершенно ясна. Вы удивляетесь нашимъ опасеніямъ; но подумайте, князь, что война, которая застигнетъ насъ въ разгаръ нашихъ военныхъ, финансовыхъ и административныхъ преобразованій, будетъ самою бѣдственною катастрофою, какаю можетъ постигнуть насъ, и я могу утверждать, что всякій французъ, къ какой-бы партіи онъ ни принадлежалъ, проникнуть этою печальною истинною. Доказательство тому вы видите въ осмотрительности и мудрости правительства, а еще Солѣ въ изумительной сдержанности, проявляемой всѣми безъ исключенія органами общественнаго мнѣнія.

— «Это правда, возразилъ князь, въ этомъ отношеніи всѣ съ удовольствіемъ отдадутъ вамъ полную справедливость».

«Въ такомъ случаѣ, развѣ нельзя назвать самою жалкою комедію то обстоятельство, что вся нѣмецкая пресса указываетъ на насъ ежедневно, какъ на враговъ мира въ Европѣ, одушевленныхъ лишь одною мыслию о возможно скоромъ реваншѣ!»

— «Согласенъ съ вами, но не вы одни являетесь предметомъ этихъ смѣшныхъ исторій. Развѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не распространяли вездѣ слухъ и не говорили, что мы находимся наканунѣ разрыва съ Англією? Вы были свидѣтелями этого и знали насколько въ этомъ было правды! Не что можетъ быть вамъ неизвѣстно и въ чемъ мы, однако, увѣрены, это то, что всѣ эти слухи исходили изъ того-же берлинскаго источника. Съ какою цѣлью это дѣлалось? Одинъ Богъ знаетъ!»

Возвратясь нѣсколько минутъ спустя къ вопросу о войнѣ, я счелъ долгомъ высказать князю, что въ концѣ концовъ въ Германіи могутъ удивительно ошибаться на нашъ счетъ: безъ сомнѣнія, мы не въ состояніи вести наступательную войну, но, во всякомъ случаѣ, мы сможемъ защищаться, и вида дикое и ничѣмъ не вызванное нападеніе, Франція и теперь очень скоро встанетъ на ноги и будетъ готова на всякія жертвы, и такъ какъ я распространился довольно горячо на счетъ тѣхъ средствъ, которыя можетъ выставить раздраженный и доведенный до крайности народъ, который, чѣмъ ни говорили нѣкоторые пруссаки, не утратилъ еще своихъ воинскихъ доблестей, то князь перебилъ меня съ живостью:

«А вы не думаете о всеобщемъ осужденіи, которое вызвало-бы въ Европѣ подобное нападеніе, и которыми, будьте увѣрены, нѣмцы не могутъ пренебрегать!»

«Съ условіемъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я улыбаясь, чтобы это нужденіе не было только на словахъ. Во всякомъ случаѣ, мы-бы рассчитывали на это; мы рассчитывали-бы въ особенности на сочувственное и умиротворительное вмѣшательство Е. В. государя императора, а равно и на вліяніе в. сіят-ва, наконецъ, мы стали-бы рассчитывать и на справедливость другихъ кабинетовъ и на ихъ личные интересы. Ибо не слѣдуетъ заблуждаться! Подобная война продлится не шесть мѣсяцевъ, она можетъ затянуться лѣтъ на десять и не будетъ лишь дуэлью двухъ соперниковъ, а вызоветъ вскорѣ всеобщее вооруженное столкновеніе».

Таково дѣйствительно мнѣніе, раздѣляемое здѣсь весьма многими и которое чрезвычайно благопріятно для насъ. Князь все время слушалъ меня съ видимою благосклонностью. Въ теченіе дальнѣйшей бесѣды я напомнилъ ему, какой серьезный выводъ дѣлаютъ обыкновенно въ Берлинѣ изъ нашей упорной надежды возвратить со временемъ Эльзасъ и Лотарингію, вслѣдствіе чего, по мнѣнію нѣмцевъ, весьма мало гарантіи на сохраненіе мира, который является въ ихъ глазахъ не болѣе какъ перемиріемъ.

— «Ахъ! въ этомъ отношеніи, сказалъ канцлеръ, они не имѣютъ права жаловаться, они сами того желали! Поистинѣ, васъ нельзя упрекать за то, что вы дѣлаете въ глубинѣ души подобную надежду, и если-бы я былъ французъ, я-бы желалъ этого точно также, какъ и вы».

«Эльзасъ и Лотарингія являются дѣйствительно между нами и Герма-

нѣю самымъ существеннымъ вопросомъ, и я надѣюсь, что въ интересахъ Европы этотъ вопросъ разрешится со временемъ мирнымъ путемъ, посредствомъ дипломатіи. Мы не имѣемъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, иного желанія».

— «Вопросъ времени и случая, возразилъ князь. Я раздѣляю ваше мнѣніе относительно того, что это дѣло можетъ уладиться такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, что касается Лотарингіи. Эльзась, въ которомъ такъ много нѣмецкихъ элементовъ, можетъ представить нѣкоторыя затрудненія. Между тѣмъ, увѣряю васъ еще разъ, что всѣ усилія Россіи будутъ направлены къ тому, чтобы сдерживать раздраженіе, проявляемое въ Берлинѣ, и добиться того, чтобы тамъ одержала верхъ идея миролюбія и умѣренного образа дѣйствій».

Князь, съ которымъ я видѣлся вторично сегодня утромъ, сообщалъ мнѣ секретно, что онъ будетъ сопровождать императора въ предстоящей поѣздкѣ Его Величества въ Берлинъ, гдѣ онъ остановится на два дня, лишь съ цѣлю повліять въ этомъ смыслѣ на Бисмарка, между тѣмъ какъ Его Величество употребитъ все свое вліяніе на образъ мыслей императора Вильгельма.

Возвращаясь теперь, в. пр.-во, къ аудіенціи, данной мнѣ на прошлой недѣлѣ Государемъ, и для большей ясности прошу вашего позволенія воспроизвести вновь главнѣйшія мѣста моей телеграммы отъ 15-го числа. Его Величество предложилъ мнѣ, прежде всего, цѣлый рядъ вопросовъ, весьма доброжелательныхъ и сочувственныхъ касательно нашего внутренняго положенія и разныхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ вотированію закона о сенатѣ и провозглашенію республики—двухъ актовъ, которые Его Величество одобряетъ, полагая, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ они послужатъ новымъ залогомъ общественной безопасности и могутъ сообщить болѣе прочности правительству. Императоръ высказалъ мнѣ по этому поводу самое лестное мнѣніе о маршалѣ. Я съ горячностью благодарилъ Его Величество и воспользовался случаемъ высказать ему, что дѣйствительно въ умѣхъ замѣтно уже значительное успокоеніе, и что не было эпохи, въ которую спокойствіе было-бы столь обезпечено внутри государства и духъ арміи былъ-бы такъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ; но что, къ несчастію, Бисмарку доставляетъ удовольствіе приумножать за-границею цѣлый рядъ зловѣщихъ признаковъ (points noirs), которые волнуютъ страну и могутъ возбудить живѣйшія опасенія.

— «Я понимаю эту тревогу, отвѣчалъ Его Величество, и сокрушаюсь о причинахъ, вызвавшихъ ее. Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что Германія далека отъ того, чтобы желать войны, и что всѣ эти крайне прискорбныя дѣйствія со стороны Бисмарка не болѣе какъ хитрость, съ помощью которой онъ хочетъ утвердить свою власть, заставляя считать себя болѣе необходимымъ, вслѣдствіе выставки мнимыхъ опасностей. Я знаю отлично, что императоръ Вильгельмъ положительно противъ новой войны и если-бы императора Вильгельма не стало, мнѣ кажется и наслѣдный принцъ также былъ-бы противъ нея

какъ и его отецъ. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что я желаю мира, точно также какъ и вы, и употреблю всѣ старанія къ тому, чтобы онъ не былъ нарушенъ».

«Франція надѣется на это, Ваше Величество, отвѣчалъ я, и чтобы предотвратить угрожающія ей опасности, она рассчитываетъ на могущественное вмѣшательство ваше, такъ какъ всѣми уважаемое слово Вашего Величества имѣетъ нынѣ огромное вліяніе на Европу.

Я присовокупилъ къ этому, что къ чести Россіи слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что она достигла безъ пушечныхъ выстрѣловъ, единственно благодаря мудрости ея правительства и личному характеру императора, такого вліянія, которое хотя и можетъ еще до нѣкоторой степени быть оспариваемо въ Берлинѣ, но не можетъ быть игнорировано тамъ, и на которое мы, вмѣстѣ со всѣми прочими кабинетами, какъ нельзя болѣе уповаемъ.

Его Величеству, повидимому, было весьма пріятно слышать этотъ комплиментъ, который былъ высказанъ мною, впрочемъ, вполне искренно. Возвращаясь затѣмъ къ признакамъ враждебнаго настроенія, указаннымъ мною, Императоръ замѣтилъ, что заказъ 40 милліоновъ металлическихъ трубокъ для патроновъ, сдѣланный въ Вѣнѣ, объясняется, напримѣръ, введеніемъ новаго ружья Маузера, къ которому старыя трубки могутъ не быть пригодны, и желаніемъ пополнить такимъ образомъ вооруженіе новаго образца въ резервѣ въ томъ-же размѣрѣ, въ какомъ оно существовало въ прежней арміи. Подобное-же замѣчаніе сдѣлано имъ относительно ежемѣсячной поставки заводомъ Крупа 400 пушекъ новаго образца, при чемъ Государь присовокупилъ, впрочемъ весьма милостиво, что тотъ-же самый упрекъ, который мы дѣлаемъ въ этомъ случаѣ Пруссіи, высказывается ею не безъ основанія противъ насъ самихъ (т. е. противъ Франціи).

— «Это не значитъ, сказалъ Государь, что я нахожу незаконною ту дѣятельность, съ которою вы стараетесь увеличить военныя силы вашей арміи, но подобный доводъ возникаетъ слишкомъ естественно, чтобы Бисмаркъ не воспользовался имъ противъ васъ».

«Положеніе наше, однако, не вполне одинаково, В. В., ибо военныя силы Германіи остались нетронуты послѣ войны. Онѣ, можетъ быть, даже увеличились, тогда какъ наши силы были совершенно разстроены и какъ-бы уничтожены до глѣ.

— «Это правда, сказалъ императоръ, я сознаю это и даже не осуждаю васъ. Какъ-бы то ни было, повторяю вамъ, не можетъ быть объявлена война до тѣхъ поръ, пока вы не подадите къ тому серьезнаго повода, а вы такового, разумѣется, не подаете. Если-бы дѣло случилось иначе, т. е. если-бы Германія вздумала начать войну безъ всякой причины или подъ ничтожнымъ предлогомъ, то она поставила-бы себя по отношенію къ Европѣ въ такое-же положеніе, въ которомъ находился Наполеонъ въ 1870 году».

Затѣмъ, понизивъ голосъ и говоря сивозъ зубы, Его Величество добавилъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: «и ей пришлось-бы сдѣлать это на свой страхъ», причеиъ выраженіе лица Императора передавало смыслъ этой рѣчи яснѣе, нежели самыя слова.

Я заканчиваю это сообщеніе, в. пр—во, повторяя еще разъ послѣднія фразы моей бесѣды съ Его Величествомъ, которыя были уже приведены въ моей телеграммѣ отъ 15-го числа:

— «Итакъ, генераль, не тревожьтесь и успокойте ваше правительство; передайте ему мою надежду на то, что наши отношенія останутся всегда такими-же искренно дружескими, какъ и въ настоящее время. Вамъ извѣстно, какъ я уважаю васъ лично; я отношусь къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, вѣрю всему, что вы говорите: относитесь ко мнѣ такъ-же довѣрчиво. Наши государства имѣютъ общіе интересы и если-бы вамъ угрожала серьезная опасность, чего я никакъ не могу допустить, то вы тотчасъ узнали-бы объ этомъ».

Помолчавъ немного, какъ-бы послѣ минутнаго колебанія, Императоръ при-
свокупилъ: «и узнали-бы объ этомъ отъ меня».

Если, в. пр—во, примите во вниманіе характеръ Его Величества и обыкновенно сдержанный тонъ его рѣчи, то вы увидите, надѣюсь, въ этомъ разговорѣ, подобно мнѣ, несомнѣнный залогъ безопасности.

Примите, в. пр., и пр., французскій посланникъ, генераль Леффо».

II.

Выжидая отвѣта на это письмо, который долженъ былъ служить мнѣ указаніемъ того, какъ мнѣ слѣдовало дѣйствовать далѣе, я дѣятельно старался выяснитъ себѣ всѣ признаки, по которымъ я могъ-бы судить о настроеніи, господствовавшемъ въ общественномъ мнѣніи и въ официальномъ мірѣ.

Со всѣхъ сторонъ и со стороны всего дипломатическаго корпуса я видѣлъ самыя несомнѣнныя проявленія симпатіи къ намъ и энергичнаго порицанія ваэояливой политики Берлина. Очевидно, всѣ были утомлены постоянною тревогою, возбуждаемою кн. Бисмаркомъ и тѣмъ натянутымъ положеніемъ, которое ему нравилось поддерживать во всей Европѣ, отъ Брюсселя до Рима и отъ Вѣны до Парижа и Гааги, возводя этотъ образъ дѣйствій какъ-бы въ систему.

«Безъ сомнѣнія, вы правы отчасти, высказался однажды въ разговорѣ одинъ изъ рѣдкихъ сторонниковъ германскаго канцлера, но надобно взять также во вниманіе плохое здоровье и нервное состояніе кн. Бисмарка».

«Ахъ, я не зналъ, отвѣчалъ собесѣдникъ, что нервное и желчное состояніе государственнаго дѣятеля должно считаться дипломатическимъ аргументомъ».

Императоръ Александръ и кн. (А. Мих.) Горчаковъ продолжали также говорить со мною въ самомъ успокоительномъ тонѣ. Его Величество, съ которымъ я встрѣтился на прогулкѣ, нѣсколько дней спустя послѣ моей аудіенціи, сказалъ мнѣ: «что-же, тамъ понемногу успокоиваются!»

Тамъ! на что намекалъ императоръ? На Парижъ или на Берлинъ? Понявъ что онъ намекаетъ на Парижъ, я отвѣчалъ:

«Тѣмъ лучше, В. В., это спокойствіе вызвано, весьма естественно, извѣстіемъ о предстоящемъ путешествіи Вашего Величества въ Берлинъ, гдѣ вы подадите, какъ всѣ увѣрены, совѣтъ дѣйствовать умѣренно и миролюбиво».

— «О, разумѣется, возразилъ императоръ, я буду тамъ элементомъ умиротворяющимъ».

Между тѣмъ, во время моего отсутствія совершился одинъ фактъ, весьма характеристичный въ двухъ отношеніяхъ. Я говорю о назначеніи чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ гр. Радовича, одного изъ довѣренныхъ агентовъ кн. Бисмарка. Въ чемъ заключалась его миссія? Она имѣла двойную цѣль: первая, гласная, касалась нѣкоторыхъ вопросовъ общей политики, назрѣвшихъ въ то время въ Европѣ; вторая, конфиденціальная, касалась непосредственно насъ. Г. Радовичу было поручено разузнать намѣренія Россіи на тотъ случай, если-бы въ Берлинѣ рѣшились начать войну съ Франціею и указать или только намекнуть, смотря по обстоятельствамъ, на тѣ уступки, которыя Германія могла-бы сдѣлать на Востокѣ, взаимнѣ помощи или невмѣшательства со стороны Россіи. Дѣйствительно, имъ были сдѣланы, хотя безуспѣшно, нѣкоторыя предложенія въ этомъ смыслѣ, и не подлежитъ сомнѣнію, что на коварный вопросъ, предложенный имъ, какъ-бы шутя, въ простомъ разговорѣ: «Что-же могло-бы быть вамъ пріятно и что потребовали-бы вы со стороны Турціи?», — ему было отвѣчено:

— «Мы не желаемъ имѣть ничего болѣе того, что у насъ уже есть, и преслѣдуемъ на Востокѣ лишь поддержаніе существующаго порядка съ обезпеченіемъ мира, который столь-же необходимъ для несчастнаго христіанскаго населенія этихъ странъ, какъ и для всѣхъ остальныхъ народовъ».

Вотъ еще одна подробность, свидѣтельствующая о совершеннѣйшей неудачѣ попытки войти въ соглашеніе съ Россіею: желая хотя по наружности сохранить приличіе и ссылаясь на общепринятый при дворахъ обычай, Берлинскій кабинетъ пытался исходатайствовать своему посланнику какой-нибудь знакъ отличія, хотя-бы крестъ, который послужилъ-бы ему лестнымъ воспоминаніемъ и какъ-бы одобреніемъ его миссіи. Императоръ отказалъ наотрѣзъ.

Итакъ благосклонное сочувствіе императорскаго кабинета, а равно и мнѣніе всего общества все болѣе и болѣе склонялось въ нашу пользу и, по-видимому, настала часъ ускорить, какою-нибудь смѣлою попыткою, рѣшеніе императора. Случай къ этому представился мнѣ, по поводу одного совершенно частнаго письма, полученнаго мною отъ герцога Деказа. Это письмо,

въ моемъ многочисленныхъ помарки и вставки свидѣтельствовали объ озабоченности его автора, повергло меня въ большое недоумѣніе. Я переписываю его здѣсь, не предпосылая ему ни малѣйшаго замѣчанія; всѣ-же выраженія, которыя оно вызвало съ моей стороны, и окончательное рѣшеніе, принятое мною подъ вліяніемъ этого письма, заключались въ отвѣтъ, написанномъ мною нѣсколько дней спустя, который я приведу вслѣдъ затѣмъ дословно

Частное. Парижъ, 29-го апрѣля 1875 года.

«Любезный генералъ, послѣ моей официальной и конфиденціальной корреспонденціи мнѣ остается сказать вамъ весьма немногое; однако, я хочу съ минутку побесѣдовать съ вами, хотя-бы для того, чтобы высказать вамъ насколько мы цѣнимъ энергію и дѣйствительность вашего участія въ дѣлахъ и какія мы возлагаемъ надежды на сочувствіе, выраженное вамъ императоромъ и его канцлеромъ. Какъ видите, я не колеблюсь приписать имъ мирное вѣяніе, обнаружившееся два дня тому назадъ въ Берлинѣ, которое стало столь очевидно, что г. Гонто не задумывается считать миновавшимъ тотъ кризисъ, который, по его мнѣнію, былъ въ высшей степени острый.

Императоръ Вильгельмъ сказалъ нѣсколько дней тому назадъ кн. Польняку: «Насъ хотѣли поссорить»...

Не могу понять на кого онъ этимъ намекаетъ и кто именно былъ причиною этихъ недоразумѣній, но вполне сознаю, что только твердость русскаго двора предотвратила отъ насъ неминуемую опасность, и прошу васъ выразить по этому поводу кому слѣдуетъ нашу глубочайшую благодарность. Отъ Его Императорскаго Величества зависитъ дополнить и укрѣпить дѣло, начатое имъ. Я говорилъ вамъ не разъ, что въ моихъ глазахъ Императоръ Россіи является властителемъ мира во всемъ свѣтѣ: онъ можетъ нынѣ обезпечить его надолго тѣмъ, что онъ заявитъ во время своего проѣзда въ Берлинъ, и тою энергіею, съ какою онъ выскажетъ свою рѣшимость не допустить, чтобы миръ былъ нарушенъ.

Странныя правила, высказанныя г. Радовичемъ, должны болѣе всего возмутить честную и прямую натуру этого великаго монарха, и ему причестуетъ отнестись къ нимъ, какъ они того заслуживаютъ. Я не настолько спокоенъ, какъ того желаетъ и какъ совѣтуетъ кн. Горчаковъ, но это происходитъ отнюдь не потому, чтобы я сомнѣвался въ поддержкѣ, которую его монархъ можетъ оказать намъ противъ пагубныхъ стремленій, или во вліяніи, которое имѣло-бы его виѣшательство, если-бы оно произошло своевременно.

Но такъ какъ миролюбивыя стремленія Его Величества хорошо извѣстны въ Берлинѣ и тамъ увѣрены, что онъ будетъ энергично протестовать противъ ихъ злостныхъ намѣреній, потому-то именно я и опасуюсь, что эти цѣли будутъ тщательно скрыты отъ него и что тамъ рѣшатся когда-нибудь прямо заявить ему о совершившемся фактѣ.

Я-бы оставилъ эти опасенія и былъ-бы вполне спокоенъ въ томъ случаѣ, если-бы Его Величество заявилъ, что онъ будетъ считать для себя оскорбленіемъ всякое неожиданное нападеніе и не допустить совершиться этой несправедливости.

Это слово обезпечило-бы миръ въ Европѣ и Императору Александру вполне подобаетъ произнести его. Что касается меня, то я не колеблюсь присовокупить къ тому, что уже высказано вами вполне справедливо относительно нашихъ плановъ и миролюбивыхъ намѣреній, что я готовъ дать Государю ту гарантію, какую онъ сочтетъ нужною въ подтвержденіе того, что мы отнюдь не помышляемъ о какомъ-либо нападеніи или о посягательствахъ на европейскій миръ и что я готовъ предоставить на его августѣйшій судъ всякое могущее возникнуть несогласіе, поставивъ, такимъ образомъ, подъ охрану высочайшей его воли то умиротвореніе сердецъ, умовъ и интересовъ, которое онъ счлмѣлъ уже взять подъ свое могущественное покровительство.

Его Величеству благоугодно было сказать вамъ, что въ день опасности мы будемъ предупреждены, и предупреждены имъ. Мы принимаемъ это увѣреніе тѣмъ болѣе довѣрчиво, что въ этотъ день мы обратимся къ его заступничеству. Но если е. в. не будетъ предупрежденъ своевременно, то онъ заблагоразсудитъ, конечно, признать и согласиться съ тѣмъ, что его точно также обманули и застигли врасплохъ и что онъ сдѣлается, такимъ образомъ, какъ-бы невольнымъ соучастникомъ разставленной намъ западни. Я долженъ быть также увѣренъ въ томъ, что онъ отомститъ оскорбленіе, нанесенное этимъ и ему лично, и обнажить мечъ въ защиту тѣхъ, кто попалъ на его заступничество.

Вотъ, любезный генераль, увѣренность, которую я хотѣлъ-бы подчеркнуть изъ вашихъ словъ.

Увы! я отлично знаю, в. пр-во, что вы не достигнете ничего подобнаго, но я знаю также, что вы лучше всякаго инаго добьетесь всего возможнаго. Къ тому-же, вы можете говорить съ е. в. настолько свободно, что вы будете въ состояніи высказать ему почти отъ слова до слова все вышесказанное или хотя-бы часть этого. Можетъ быть, вы могли-бы даже прочесть кое-что изъ этого письма кн. Горчакову. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что поѣздка императора въ Берлинъ представляетъ для насъ случай, которымъ важно воспользоваться по мѣрѣ возможности, ибо черезъ него, главнымъ образомъ, мы можемъ узнать дѣйствительныя намѣренія и дерскіе замыслы Пруссіи.

Искренно вамъ, любезный генераль, преданный Деказъ».

Это письмо было получено мною 2-го мая, а 4-го числа я отправилъ герцогу Деказу слѣдующую телеграмму:

Письмо ваше отъ 29-го апрѣля, любезный герцогъ, полученное третьяго дня въ ночь, чрезвычайно встревожило меня. Однако, по зрѣломъ обсужденіи,

я велѣлъ испросить вчера вечеромъ немедленно аудіенцію у канцлера, который долженъ былъ, какъ мнѣ было извѣстно, работать сегодня съ императоромъ; четверть часа спустя я сидѣлъ уже у него въ кабинетѣ, съ рѣшимостью читать ему ваше письмо, и такъ какъ я пропустилъ въ немъ нѣзъ предосторожности нѣсколько строкъ, то князь, замѣтивъ это, сказалъ мнѣ съ большимъ волненіемъ:

— «Вы не все читаете; между нами не должно быть тайнъ; читайте все, вы можете все сказать мнѣ и мнѣ нужно все знать, такъ какъ я буду просить у васъ позволенія отпратьвить это письмо императору».

Когда я замѣтилъ на это, что можетъ быть было-бы достаточно сдѣлать изъ него извлеченіе, то князь возразилъ:

— «Извлеченіе! къ чему дѣлать извлеченіе?... Надобно высказать всю правду; повѣрьте мнѣ, я знаю Государя и знаю, что онъ можетъ одобрить. Онъ весьма расположенъ къ вамъ и вы можете многое высказать ему; теперь не время обращать вниманіе на слова».

Видя столь энергичное настояніе со стороны канцлера, побудительныя причины и значеніе коего вы оцѣните, разумѣется, по достоинству, я долге не колебался; я прочелъ ему все и даже болѣе, я вручилъ ему весь мой портфель, не вынувъ изъ него ни одной бумаги. Сію минуту мнѣ возвратили его съ запискою канцлера слѣдующаго содержанія:

«Императоръ передалъ мнѣ изъ рукъ въ руки прилагаемыя при сего бумага и поручилъ мнѣ благодарить васъ за этотъ знакъ довѣрія. Его Величество прибавилъ, что онъ подтверждаетъ все то, что онъ высказалъ вамъ лично. Горчаковъ».

Это обстоятельство, происшедшее наканунѣ поѣздки Императора Александра въ Берлинъ, имѣетъ чрезвычайную важность.

Нижеслѣдующее письмо заключаетъ подробный отчетъ объ этомъ событіи и о томъ, что еще произошло въ теченіе нѣсколькихъ дней, предшествовавшихъ отъѣзду его величества.

«Весьма конфиденціально. С.-Петербургъ, 6-го мая 1875 г.

В. пр-во, въ телеграммѣ моей, отъ 4-го числа, я сообщилъ вамъ о довольно слѣдой съ моей стороны рѣшимости высказать все императору, за что кн. Горчаковъ взялъ, впрочемъ, отвѣтственность также и на себя, и о благоприятномъ результатѣ моего поступка. Этотъ шагъ, повѣрьте, былъ довольно рискованный, если вы примете во вниманіе нѣсколько подозрительный и нерѣшительный характеръ е. в., а также всемізъ извѣстное расположеніе его къ королю прусскому. Въ вашемъ письмѣ отъ 29-го апрѣля, адресованномъ мнѣ лично и конфиденціально, заключались нѣкоторыя слова и рѣзкія выраженія, весьма естественныя, разумѣется въ бесѣдѣ со мною, но которыя было крайне, щекотливо поэнергнуть е. в. для прочтенія, такъ какъ они могли оскорбить его.

Но, съ другой стороны, нельзя было не признать, что серьезность положенія требовала категорическаго объясненія и что самыя выраженія ваших депешъ, если-бы онѣ были признаны, создавали для Россіи родъ нравственнаго обязательства, которое могло послужить намъ значительною гарантіею въ будущемъ.

Тѣмъ не менѣе, вы поймете, в. пр-во, въ какомъ затруднительномъ положеніи я находился: съ одной стороны, опасеніе возбудить неудовольствіе и испортить положеніе дѣлъ, само по себѣ довольно хорошее; съ другой — опасность упустить единственный случай высказать Императору со всѣмъ почтеніемъ и довѣріемъ, которое мы питаемъ къ нему, но въ то-же время безъ утайки и совершенно свободно какой важной услуги мы просимъ отъ него во имя европейскаго мира и человѣколюбія, зная его возвышенныя идеи и преобладающее вліяніе, которое онѣ приобрѣлъ уже у всѣхъ правительствъ.

Вынужденный сдѣлать выборъ, я не могъ долго колебаться и принявъ совѣтъ кн. Горчакова послать е. в. ваше частное письмо, столь ясное и точное, ничего не выпуская и не измѣняя въ немъ, а также вашу телеграмму отъ 29-го апрѣля за № 32 и полный отчетъ виконта де-Гонто. Къ тому-же, нельзя было долѣе медлить, такъ какъ императоръ уѣзжаетъ въ субботу въ Берлинъ. Канцлеръ долженъ былъ работать съ нимъ на слѣдующій день, въ послѣдній разъ въ этомъ сезонѣ въ Петербургѣ, и я имѣлъ надежду увидѣть его лишь въ четвергъ на парадѣ, а слѣдовательно не могъ рассчитывать на то, что мнѣ представится случай высказать е. в. довольно подробно все, что мнѣ необходимо было довести до его свѣдѣнія.

Кромѣ того, канцлеръ сообщил мнѣ во время нашего разговора, что е. в. передавалъ ему сказанное мнѣ на аудіенціи 15-го числа, что если намъ будетъ угрожать опасность, то мы узнаемъ объ этомъ тотчасъ и узнаемъ черезъ него, прибавивъ: эти слова имѣютъ серьезное значеніе и я съ своей стороны не сказалъ-бы ихъ вамъ, такъ какъ они являются обязательствомъ по отношенію къ Франціи, которое можетъ въ свое время поставить императора въ щекотливое положеніе относительно Германіи.

Такимъ образомъ, можно было опасаться, что объ этихъ словахъ сожалѣютъ, а можетъ быть готовы даже взять ихъ обратно, и было весьма важно настаивать, по крайней мѣрѣ, на этомъ общаніи. Уже одно это соображеніе могло вынудить меня къ принятію какого-нибудь рѣшенія, но на это была еще иная причина.

Я никогда не видѣлъ со стороны князя (А. М. Горчакова) столь сочувственнаго къ намъ настроенія, какъ въ эту минуту.

«Теперь не время обращать вниманіе на слова, говорилъ онъ: императоръ долженъ знать всю правду и подобные документы могутъ разъяснить ее Его Величеству лучше всѣхъ иныхъ. По-

вѣрите мнѣ, я знаю государя—и онъ оцѣнить вашъ поступокъ; вы можете многое сказать ему.

Слѣдовало воспользоваться этою горячностью канцлера; событія показали, что онъ былъ правъ и что я хорошо сдѣлалъ, послѣдовавъ его совѣту. Во все время этой бесѣды князь лежалъ, растянувшись на кушеткѣ, весьма страдая отъ ушиба, полученнаго имъ при паденіи изъ кареты. Но когда я передалъ ему бумаги, то онъ вскочилъ съ кушетки какъ юноша и немедленно написалъ императору слѣдующую записку:

«В. в., генералъ Лефлю только-что сообщилъ мнѣ депеши, полученныя имъ сегодня въ ночь отъ своего правительства. Побесѣдовавъ съ нимъ, я просилъ у него позволенія показать ихъ в. в., на что онъ согласился, и я имѣю честь препроводить ихъ вамъ. В. В. сами убѣдитесь въ ихъ значеніи».

Отвѣтъ уже извѣстенъ вамъ; для большаго ясности я привожу его вновь:

«Генералъ, императоръ передалъ мнѣ, сегодня утромъ, изъ рукъ въ руки, тѣ бумаги, которыя вы мнѣ довѣрили, и поручилъ мнѣ благодарить васъ за этотъ знакъ довѣрія; Его Величество при-советовалъ, что онъ подтверждаетъ все то, что онъ высказалъ вамъ лично при свиданіи. Горчаковъ».

Безъ сомнѣнія, в. пр-во, это нельзя считать за обязательство обидеть за насъ мечъ, какъ вы выразились въ своемъ письмѣ; князь подчеркнул въ разговорѣ это выраженіе, замѣтивъ: «О! это сказано нѣсколько смѣльно; но все равно, оставьте эти слова: мы не обидимъ мечъ и не будемъ къ этому вынуждены, дѣло обойдется безъ этого».

Итакъ, не слѣдуетъ заблуждаться и видѣть въ вышесказанномъ обязательство воевать, сообщая съ нами; но это есть новое и весьма драгоцѣнное подтвержденіе чрезвычайно важнаго обѣщанія, которое остается, слѣдовательно, въ силѣ и служить для насъ залогомъ большой безопасности; ибо я почерпнулъ въ немъ почти несомнѣнно увѣренность въ томъ, что Россія вмѣстѣ съ Австріею, которая является въ настоящее время (1875 г.) ея ближайшею союзницею, не дозволитъ Пруссіи, я въ томъ убѣжденъ, нарушить безнаказанно законы цивилизованнаго мира и ввергнуть Европу во всѣ ужасы войны единственно для своего личнаго удовольствія и лишь изъ-за боязни, внушаемой ей до сихъ поръ этимъ бѣднымъ больнымъ львомъ, называемымъ Франціею который грозитъ излечиться со временемъ отъ нанесенныхъ ему тяжкихъ ранъ.

Итакъ, повторяю, по моему мнѣнію, мы достигли сегодня важнаго, можно сказать неожиданнаго, успѣха. Мы обезпечили себѣ, въ случаѣ войны съ Германіею, нравственное содѣйствіе и энергичное вмѣшательство со стороны Россіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказали императору совершенно ясно, безъ малѣйшей утайки, наше мнѣніе о высокомъ положеніи, занимаемомъ имъ въ Европѣ, и о величинѣ той роли, которую это положеніе, по нашему мнѣнію, возлагаетъ на него.

Отнынѣ послѣ общаній, высказанныхъ Его Величествомъ, между нами существуетъ какъ-бы нѣкотораго рода секретъ, нѣчто болѣе близкое, волею-неволею создающее между нами общій интересъ и драгоценную связь.

Для Императора Александра, монарха въ высшей степени честнаго и миролюбиваго, это послужитъ предметомъ самыхъ серьезныхъ размышленій, которыя, повѣрьте, послужатъ намъ въ пользу. Заслуга столь драгоценнаго улучшения въ нашихъ отношеніяхъ принадлежитъ вамъ, в. пр-во, а равно и кн. Горчакову; его-же благосклонная симпатія къ нашей родинѣ не высказывалась до сихъ поръ при мнѣ ни разу такъ горячо и непринужденно.

Позвольте поблагодарить васъ за довѣріе, которое вы оказали мнѣ въ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ.

Препровождаю вамъ при семъ переводъ телеграммы, отправленной мною третьяго дня и вашего собственнаго письма, съ котораго вы, можетъ быть, не приказали снять копій. Я увѣренъ, что вамъ будетъ интересно перечестъ и взвѣсить нѣкоторыя выраженія этого письма.

Я полагаю весьма важнымъ, чтобы все это осталось въ величайшей тайнѣ. Малѣйшая нескромность въ этомъ отношеніи могла-бы поставить въ затрудненіе и оскорбить императора, котораго наши интересы повелѣваютъ падать болѣе, чѣмъ когда-либо.

Примите, в. пр-во, и пр. Генераль Лефлю».

Пятница, 7-го мая.

Я встрѣтилъ императора третьяго дня вечеромъ въ одномъ салонѣ и имѣлъ честь сопровождать его вчера на смотръ. Невозможно быть болѣе любезнымъ, привѣтливимъ и благосклоннымъ, нежели онъ былъ со мною. Его Величество началъ съ того, что, взявъ меня за обѣ руки съ короткостью, къ которой я не привыкъ, не смотря на его обычную доброту ко мнѣ, онъ высказалъ, что былъ весьма тронутъ довѣріемъ, оказаннымъ ему съ моей стороны сообщеніемъ документовъ, которые весьма заинтересовали его. Онъ чрезвычайно одобрилъ хладнокровіе и разумность отвѣтовъ, данныхъ г. Гонто на заявленные ему странныя теоріи г. Радовича, и когда я замѣтилъ по этому поводу къ какимъ несообразностямъ и къ какому упоминанію можетъ довести слѣпая страсть, «чтобы не сказать болѣе», живо возразилъ на это императоръ: «но я надѣюсь, что все это успокоится; во всякомъ случаѣ, вы знаете, что я сказалъ Вамъ, я не забываю этого и сдержу свое слово».

Наконецъ, вчера, на маневрахъ, въ ту минуту, какъ я откланивался, благодаря Его Величество за его благосклонное расположеніе къ намъ, онъ сказалъ мнѣ:

«До свиданія, буду помнить», и, намекая на одно мѣсто вашего письма, онъ прибавилъ съ улыбкою: «и надѣюсь, что мы не будемъ застигнуты врасплохъ».

Налишне было-бы повторять то, что извѣстно нынѣ всему міру, а именно какимъ образомъ блаженной памяти императоръ Александръ II сдержалъ въ Берлинѣ обѣщанія, данныя имъ мнѣ. Нижеслѣдующее письмо служить тому доказательствомъ:

Частное. Парижъ, 17 мая 1875 г.

«Любезный генералъ, императоръ Александръ и кн. Горчаковъ приобрѣли нынѣ блистательныя и неоспоримыя права на признательность со стороны Франціи. Они были въ Берлинѣ тѣмъ, чѣмъ они общали вамъ быть.

По возвращеніи вашихъ примите нашу благодарность, ибо нынѣшнее положеніе есть дѣло вашихъ рукъ. Вы искусно подготовили его, поддерживая къ намъ довѣріе и симпатію, разъясняя кому слѣдуетъ опасность, грозившую европейскому миру со стороны Германіи и успокаивая умы относительно нашихъ собственныхъ напѣреній.

Искреннее и полное сообщеніе императору всего дѣла было съ вашей стороны снѣлымъ шагомъ, съ выполненіемъ коего я васъ поздравляю. Мнѣ же, въ свою очередь, посчастливилось не написать въ моемъ письмѣ ничего такого, что не могло-бы быть прочтано. Вы поймете, какъ я радъ этому. Впрочемъ, для этого мнѣ слѣдовало писать лишь то, что я думалъ, и я такъ и сдѣлалъ.

Изъ объемистой переписки, препровождаемой мною къ вамъ, вы узнаете все то, что извѣстно намъ самимъ. Я обращу ваше вниманіе лишь на тѣ факты, о которыхъ въ ней не упоминается.

Какъ вы предугадали совершенно вѣрно, лордъ Дерби рѣшился искать содѣйствія Италіи и Австріи лишь послѣ своего перваго свиданія съ гр. Шуваловымъ и по требованію послѣдняго. Ему не удалось заручиться лишь содѣйствіемъ Австріи, которая слишкомъ опасалась лично за себя и не осмѣливалась дѣйствовать рѣшительно. Чтобы восторжествовать окончательно надъ сомнѣніями англійскаго кабинета, гр. Шувалову было разрѣшено сообщить ему послѣднія инструкціи, посланныя Каспійской арміи, коими воспрещалось дальнѣйшее движеніе ея на Мервь.

Убѣдившись въ искренности и чести, съ какою Россія дѣйствовала по отношенію къ намъ, невольно изумляешься, видя съ какою осторожностью и съ какою тщательностью она подготовила въ Лондонѣ и при остальныхъ дворахъ Европы все то, что могло обезпечить успѣхъ ея ходатайствъ въ Берлинѣ. Всѣ ея дѣйствія отличаются замѣчательнымъ тактомъ и свидѣлствуютъ въ то-же время объ энергичномъ желаніи, чтобы миръ въ Европѣ не былъ нарушенъ. Вообще, любезный генералъ, Европа проснулась нынѣ впервые послѣ шестилѣтняго усыпленія. Внявъ голосу Россіи, она рѣшила дѣйствовать единодушно и рѣшеніе, принятое ею, не допускало колебаній. Г. Бисмаркъ не пытался противорѣчить; онъ ограничился лишь тѣмъ, что при-

писалъ всѣ эти неблаговидные планы генералу Мольтке и выразилъ по поводу ихъ свое неодобреніе. Будутъ-ли эти планы оставлены? Я не думаю этого. Но, успокоившись на счетъ данной минуты, мы можемъ, какъ мнѣ кажется, смотрѣть на будущее съ нѣкоторою увѣренностью. Императоръ Александръ заставитъ уважать дѣло своихъ рукъ, и Европа привыкла и сохранитъ привычку руководиться его словами.

Еще одно замѣчаніе! Вы поняли совершенно вѣрно, что Германія желала, главнымъ образомъ, обратить всеобщее вниманіе на наше военное положеніе и на быстрое его улучшеніе. Ей хотѣлось, чтобы ее одобрили въ томъ случаѣ, если-бы она вошла объ этомъ съ представленіемъ, и поощрили-бы ее дѣйствовать впредь въ этомъ духѣ. Очевидно, императоръ Александръ не допустилъ того, чтобы вопросъ былъ поставленъ на эту почву. Вы увидите, какъ рѣшительно онъ заявилъ о нашемъ правѣ дѣлать у себя, для преобразованія нашихъ военныхъ силъ все то, что мы найдемъ сообразнымъ съ нашими интересами. Между его словами какъ-бы проглядывали тѣ слова кн. Горчакова, которыя вы выслушали съ такимъ трепетомъ: «старайтесь быть сильны! Старайтесь быть сильны!» Итакъ, довѣріе, осторожность, терпѣніе.

Орловъ намѣренъ отправиться на дняхъ, для свиданія съ императоромъ Александромъ, въ Эмсъ. Маршалъ хочетъ вручить ему письмо къ государю, въ которомъ президентъ будетъ горячо благодарить Е. И. В., за тѣ чувства, которыя государь поручилъ высказать ему, и за то, что онъ сдѣлалъ для Франціи и для обезпеченія мира въ Европѣ. Я убѣжденъ, что вы одобрите этотъ шагъ.

Любезный генералъ, вы имѣете честь и счастье быть акредитованнымъ при дворѣ великаго монарха, и, пользуясь съ его стороны довѣріемъ и расположеніемъ, имѣете возможность воспользоваться этими чувствами для величайшаго блага своей страны. Это большое счастье для васъ, которое должно радовать васъ и которымъ вы должны гордиться. Весь вашъ Деказъ».

P. S. Кн. Горчаковъ велъ переговоры съ Ватиканомъ и подписалъ съ нимъ договоръ, опредѣлившій вопросы о католическихъ епископствахъ въ Польшнѣ: это большой успѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большой секретъ.

Это письмо было блистательною данью патріотической признательности со стороны нашего министра иностранныхъ дѣлъ Его Величеству Александру II и его знаменитому канцлеру; оно служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, несомнѣннымъ доказательствомъ тѣхъ скромныхъ услугъ, которыя мнѣ посчастливилось оказать моей странѣ во время этихъ затруднительныхъ и серьезныхъ обстоятельствъ.

Да будетъ мнѣ позволено, въ заключеніе этого длиннаго разсказа, прибавить къ нему свидѣтельство августѣйшаго благорасположенія, сдѣлавшее задачу мою легкою и которое составляетъ до сихъ поръ величайшую гордость моей жизни:

«Мы, Александръ II, милостью Божіей, императоръ и самодержецъ всея Россіи, царь Польскій, великій князь Финляндскій и проч., и проч.

Чрезвычайному и полномочному посланнику французской республики при нашемъ дворѣ, генералу Лефло.

Постоянная заботливость, съ какою вы способствовали во время продолжительнаго пребыванія вашего въ Россіи къ поддержанію дружескихъ отношеній и союза нашей имперіи съ французской республикой, приобрѣли вамъ полное право на нашу искреннюю признательность.

Въ память этой признательности, мы жалуемъ вамъ знаки отличія императорскаго ордена Андрея Первозваннаго, коего орденскіе знаки при семъ прилагаемъ для ношенія оныхъ. Пребываемъ къ вамъ благосклонный». На подлинномъ собственною рукою Е. В. «Александръ II».

С.-Петербургъ. 19-го февраля (3 марта) 1879 г.

Канцлеръ орденовъ гр. Адлербергъ.

Всѣ вышеприведенные факты, помѣщенные мною на страницахъ „Фигаро“, благодаря любезности ея редакціи, съ цѣлью разъяснить кому моя страна обязана признательностью, достаточно поучительны и поэтому не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

Не могу, однако, закончить эту статью, не доведя до свѣдѣнія тѣхъ лицъ, кому надлежитъ заботиться о спасеніи Франціи, и не выяснивъ цивилизованной Европѣ доктрину германскаго канцлера—весьма странную, какъ по отношенію къ международному праву, такъ и съ точки зрѣнія должнаго уваженія къ трактату, оплощенному сполна двумя провинціями и пятью миллиардами франковъ. Я хочу сказать о неслыханномъ заявленіи, которое было сдѣлано кн. Бисмаркомъ кн. Орлову, въ разговорѣ съ нимъ о дѣлахъ Франціи во время пребыванія князя въ 1874 г. проѣздомъ въ Берлинъ:

— «Да нѣтъ-же, мы ничуть не думаемъ воевать, но Франція преобразуетъ слишкомъ скоро личный и матеріальный составъ своей арміи, и мы хотимъ имѣть «въ видѣ гарантіи крѣпость, которая будетъ у насъ въ залогѣ,—мы займемъ Нанси».

Генераль Ле-Фло.

15-го мая 1887 г.

Перев. В. В. Тимошукъ.

Примѣчаніе ред. „Русск. Стар.“. Помѣщенные выше въ переводѣ съ французскаго языка статья и документы появились въ газетѣ „Figaro“ 1887 г., мая 21-го дня, и хотя извѣстны уже въ извлеченіяхъ, своевременно представленныхъ нашими газетами, но заслуживаютъ, по важности своей,

сохраненія на страницахъ „Русской Старины“ именно въ виду того, что наше изданіе особенно дорожитъ матеріалами, относящимися къ личности и исторіи царствованія Государя-Освободителя. Генералъ Ле-Фло, въ 1837-мъ году 83-хъ лѣтній старецъ, доживалъ тогда свой вѣкъ во Франціи, въ замкѣ Nechoat. Генералъ былъ въ 1870-хъ годахъ военнымъ министромъ французской республики, а также посланникомъ въ Россіи въ 1848 г. и съ 1871-го по 1879 гг. включительно.

Ред.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

въ 1878—1888 гг.

Воспоминанія В. И. Роборовскаго ¹⁾.

I.

Въ 1878 году, вскорѣ по выпускѣ моемъ изъ Гельсингфорскаго юнкерскаго училища и зачисленіи прапорщикомъ въ Новочеркасскій пѣхотный полкъ, я встрѣтился въ Петербургѣ съ бывшимъ товарищемъ моимъ по Введенской гимназій, прапорщикомъ Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Эклономъ, который еще юнкеромъ сопровождалъ Н. М. Пржевальскаго въ его путешествіи на Лобъ-Норъ въ 1876 году.

¹⁾ Печатаемая здѣсь воспоминанія есть стенографическая запись устныхъ разсказовъ у насъ, въ редакціи „Русской Старини“,—доблестнаго сопутника и сподвижника Пржевальскаго—Всеволода Ивановича Роборовскаго, которые мы и печатаемъ съ любезнаго его разрѣшенія.

Вотъ автобиографическая его замѣтка въ нашемъ Альбомѣ „Знакомые“: „Роборовскій, Всеволодъ Ивановичъ, родился въ 1856 году; произведенъ въ офицеры въ 1878 году, апрѣля 16-го; участникъ въ экспедиціяхъ генерала Н. М. Пржевальскаго въ 1879—1880 гг. и въ 1883—1885 гг.“. (Альбомъ, изд. 1888 г., стр. 250).

В. И. Роборовскій былъ ближайшимъ помощникомъ и сотоварищемъ Пржевальскаго и въ послѣдней, пятой, его экспедиціи, въ 1888 году, прерванной въ самомъ началѣ кончиною знаменитаго путешественника; затѣмъ онъ-же, Роборовскій, принималъ участіе въ составѣ экспедиціи преемника Пржевальскаго, полковника, нынѣ ген.-маіора, генеральнаго штаба Мих. Вас. Пѣвцова въ Среднюю Азію (1889 ^{14-го мая} 1891 гг.). Въ этомъ послѣднемъ ^{января 5-го}

Эклонъ раньше меня оставилъ гимназію, поступивъ препаратомъ въ академію наукъ; тутъ познакомился съ нимъ Николай Михайловичъ и предложилъ ему отправиться въ экспедицію препаратомъ, въ качествѣ вольноопредѣляющаго. Увлекательные рассказы моего товарища о путешествіи въ Средней Азіи такъ заинтересовали меня, что во мнѣ загорѣлось сильное желаніе испытать самому все то, о чемъ я слушалъ съ такимъ любопытствомъ, и я просилъ Эклона познакомить меня съ Николаемъ Михайловичемъ.

Надобно замѣтить, что географія была съ малыхъ лѣтъ моимъ любимымъ предметомъ и что я имѣлъ въ гимназіи, у нашего учителя географіи Пьянкова, всегда круглую пятерку.

Когда я былъ представленъ Пржевальскому, то, не смотря на его любезный пріемъ, я не рѣшился съ перваго раза высказать ему мое желаніе принять участіе въ снаряжаемой имъ экспедиціи, но во второе или третье посѣщеніе я пришелъ къ нему раньше прочихъ гостей и, воспользовавшись этимъ случаемъ, высказалъ ему, что я счелъ-бы для себя величайшимъ счастьемъ сопутствовать ему въ экспедиціи.

Выслушавъ меня внимательно съ своею обычною любезностью, Николай Михайловичъ началъ рисовать мнѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ трудности, сопряженныя съ путешествіемъ по Средней Азіи: морозы, жары, пустыни и лишенія всякаго рода, совѣтовалъ хорошенько обдумать мое намѣреніе и, уклоняясь отъ рѣшительнаго отвѣта, прибавилъ: „Я самъ еще окончательно не рѣшилъ, возьму-ли я другаго спутника, кромѣ Эклона, такъ какъ братъ спутника слѣдуетъ осмотрительно; ежели, захавъ далеко, мы почему-либо съ вами не поладимъ, трудно будетъ отправить васъ назадъ и придется, такъ или иначе, идти вмѣстѣ“.

Неизвѣстность, въ которой я находился послѣ этого разговора, продолжалась довольно долго: весь августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы. Въ это время я часто посѣщалъ Николая Михайловича; онъ жилъ тогда (1878 г.) у Большаго театра, въ домѣ барона Кистера. Напа бесѣда вертѣлась, само собою разумѣется, исключительно на предметъ, который одинаково интересовалъ насъ обоихъ — на его сборахъ въ предстоящую экспедицію; при этомъ

научномъ путешествіи на В. И. Роборовскаго возложено было, между прочимъ, составленіе ботаническихъ коллекцій, каковыя и доставлены имъ въ Императорскій ботаническій садъ въ С.-Петербургѣ, въ маѣ 1891 года. Необходимо замѣтить, что г. Роборовскій отличный фотографъ и его трудамъ принадлежатъ превосходныя фотографическія коллекціи помянутыхъ экспедицій.

Ред.

онъ всячески старался испытывать меня, желая убѣдиться въ искренности и твердости моего намѣренія.

Наконецъ, 10-го декабря 1878 г., Пржевальскій объявилъ мнѣ о своемъ согласіи взять меня съ собою.

— „Я съ вами хорошо познакомился, заявилъ онъ, долго и различно испытывалъ васъ, желая узнать вашъ характеръ и убѣдиться какое дѣло, какія именно занятія могутъ быть поручены вамъ и, въ концѣ концовъ, рѣшилъ взять васъ съ собою“.

Можно себѣ представить, какъ я былъ обрадованъ его словами. Четыре дня спустя, именно 14-го декабря 1878 года, состоялось высочайшее повелѣніе о командированіи меня съ полковникомъ Пржевальскимъ, согласно его просьбѣ, въ экспедицію, имѣвшую цѣлью изслѣдованіе Тибета, страны до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной въ географическомъ, естественномъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

20-го января 1879 г. мы выѣхали изъ Петербурга, а 31-го числа были уже въ Оренбургѣ, откуда на двухъ тройкахъ продолжали нашъ путь въ Омскъ. Николай Михайловичъ ѣхалъ попеременно съ Эклономъ и со мною, а въ задней повозкѣ помѣщались унтеръ-офицеръ Егоровъ и ефрейторъ Румянцевъ.

27-го февраля мы прибыли въ постъ Зайсанскій (нынѣ городъ Зайсанъ Семипалатинской области), гдѣ были сосредоточены запасы и заготовлены верблюды; тутъ мы оставались болѣе трехъ недѣль и, снарядившись окончательно, двинулись 21-го марта изъ Зайсана мимо озера Улюнгуръ и р. Урунги черезъ города Баркуль и Хами въ Цайдамъ.

Путь въ Хлассу — цѣль нашего путешествія — шелъ далѣе по безлюдной пустынѣ. Двухъ-недѣльный переходъ по этой мѣстности, лишенной воды и растительности, былъ чрезвычайно труденъ и угонителенъ; масса верблюдовъ пала у насъ на этомъ пути отъ недостатка корма, остальные такъ исхудали и ослабли, что еле передвигали ноги; когда-же мы совершили съ немовѣрнымъ трудомъ этотъ переходъ, перевалили черезъ горный хребетъ Танъ-ла, на высотѣ 16,700 ф., и спустились съ Танъ-ланскаго плато на равнину къ р. Санъ-чю, то Пржевальскій узналъ, къ величайшей его досадѣ, что населеніе Тибета крайне встревожено прибытіемъ въ ихъ страну путешественниковъ и положило не допускать ихъ въ свою столицу, тѣмъ болѣе, что китайцы, стараясь ревниво оберегать эту страну отъ иностранцевъ, распустили слухъ, будто русскіе идутъ въ Тибетъ съ цѣлью украсть Далай-Ламу.

На встрѣчу намъ выѣхали посланцы отъ Далай-Ламы: двое

тибетскихъ чиновниковъ, которые разспросили Николая Михайловича о цѣли его путешествія и категорически заявили ему, что идти далѣе намъ нельзя, потому что у нихъ есть законъ, въ силу котораго въ Хлассу допускаются только китайцы, тангуты и монголы.

— „Вы люди неизвѣстные, говорили они, а народъ тибетскій не желаетъ видѣть въ своей столицѣ людей, принадлежащихъ къ какой-либо иной, кромѣ трехъ названныхъ націй“.

Дѣлать было нечего, идти впередъ, вопреки желанію народа. фанатически настроеннаго противъ насъ, было немислимо, это значило-бы безцѣльно подвергать опасности свою жизнь; къ тому-же при подобныхъ условіяхъ врядъ-ли экспедиція могла принести ту пользу, какую ожидали отъ нея въ научномъ отношеніи; поэтому Николай Михайловичъ, не смотря на свою всегдашнюю энергію и упорство въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, былъ вынужденъ покориться обстоятельствамъ. Отказавшись отъ посѣщенія Хлассы, мы расположились бивакомъ близъ ручья Нерчунча, заявивъ посланцамъ, что будемъ ожидать тутъ окончательнаго отвѣта отъ Далай-Ламы о томъ, можно-ли намъ идти далѣе, и ежели нельзя, то почему?

По прошествіи шестнадцати дней явился изъ Хлассы посланникъ, въ сопровожденіи представителей отъ 13 аймаковъ (округовъ) и заявилъ Пржевальскому, что правители Тибета и Далай-Лама не желаютъ допустить насъ въ Хлассу. Посланникъ умолялъ насъ какъ можно скорѣе вернуться обратно, но Николай Михайловичъ заявилъ рѣшительно, что онъ возвратится лишь въ томъ случаѣ, если ему будетъ выдана бумага, съ изъясненіемъ причины, по которой его не допустили въ Хлассу; „въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, мы двинемся немедленно впередъ и войдемъ въ вашу столицу!“

Угроза подѣйствовала; на слѣдующій день намъ была доставлена требуемая бумага, въ которой говорилось, что въ Тибетъ пришелъ такой-то со столькими-то людьми, но по желанію тибетскаго народа и Далай Ламы, онъ возвращается назадъ, потому что русскіе никогда еще не были въ Хлассѣ, они иной вѣры и по этой причинѣ Далай-Лама не желаетъ пускать ихъ къ себѣ.

Бумага эта была написана на тибетскомъ языкѣ, но у насъ былъ монголъ, сѣумѣвшій прочесть и перевести ее.

Съ грустью повернули мы обратно, не дойдя всего 250 верстъ до столицы Тибета; мы пошли назадъ другою дорогою, нѣсколько западнѣе, и затѣмъ вдоль южнаго берега Кукунора въ городъ Сининъ-

фу (фу—значить областной), гдѣ сдѣлали необходимые запасы для путешествія къ верховьямъ Желтой рѣки, закупили около 25 муловъ, по очень дорогой цѣнѣ (въ Китаѣ вездѣ деруть съ иностранцевъ) и, оставивъ пастись верблюдовъ, отправились на мулахъ на истоки этой рѣки.

Все лѣто 1880 г. было посвящено нами изслѣдованію бассейна верхней Хуанъ-хэ, гдѣ мы собрали массу, главнымъ образомъ, ботаническихъ коллекцій, и осенью, съ богатою добычею, черезъ Алашань, отправились въ Ургу и далѣе въ Кяхту; прибывъ туда, 29-го октября, мы переснарядили нашъ караванъ на почтовые тройки и поѣхали обратно въ Петербургъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ маршрутъ третьей экспедиціи Пржевальскаго въ Среднюю Азію, которая для меня была первою.

Подробно описывать это путешествіе, продолжавшееся около двухъ лѣтъ, не входитъ въ мою задачу, тѣмъ болѣе, что съ описаніемъ этой экспедиціи и добытыхъ ею научныхъ результатовъ желающіе могутъ познакомиться въ увлекательномъ разказѣ самаго Н. М. Пржевальскаго, изданномъ въ 1883 г. Моею цѣлью было, взявшись за перо, только отдать дань признательности горячо нами любимому начальнику экспедиціи и почтить его память, сохранивъ на этихъ страницахъ нѣкоторыя личныя воспоминанія о немъ и о нашей совмѣстной съ нимъ жизни въ двухъ экспедиціяхъ въ Среднюю Азію.

II.

Итакъ, мы пробывали въ 1879 — 1880 годахъ въ предѣлахъ Китайской равнины двадцать мѣсяцевъ; не смотря на испытанное нами въ пути утомленіе, не смотря на страшный зной пустыни, на стужу, снѣжныя бури и мятели, которые преслѣдовали насъ на горныхъ вершинахъ, мы были все это время совершенно здоровы и у насъ хворалъ только одинъ разъ казакъ Джамбаль Гармаевъ, но огромные приемы хины быстро его вылѣчили.

Наше здоровье зависѣло, безъ сомнѣнія, не только оттого, что мы всѣ были молоды и крѣпкаго сложенія, но и отъ самыхъ условій нашей походной жизни, которая отличалась замѣчательною простотою и регулярностью.

Путевой день начинался у насъ обыкновенно очень рано; не задолго до восхода солнца казакъ будилъ всѣхъ насъ; пока мы пили чай, солдаты снимали свой бивакъ и вѣшали термометръ; до восхода солнца производилось наблюденіе температуры, затѣмъ мы завѣчивали верблюдовъ и пускались въ путь. Мы шли обыкновенно часовъ семь, проходя въ это время отъ 20 до 25 верстъ. По пути производились нами разныя наблюденія, Николай Михайловичъ дѣлалъ съемку, а я вѣхалъ позади каравана и подгонялъ отставшихъ.

По приходѣ на бивакъ, мы раскладывали вещи и каждый изъ насъ приводилъ въ порядокъ все то, что было собрано имъ дорогою. Я укладывалъ ящерицъ, насѣкомыхъ, Николай Михайловичъ записывалъ все то, что было настрѣяно дорогою, отдавалъ убитыхъ птичекъ препаратору и садился вычерчивать съемку. Между тѣмъ поспѣвалъ чай; напившись его, мы раскладывали растенія, собранныя наканунѣ, и отправлялись на охоту и въ экскурсіи. Николай Михайловичъ самъ выбиралъ мѣсто для этихъ экскурсій и говорилъ куда направиться каждому изъ насъ; но мы не всегда строго придерживались указаннаго имъ направленія, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ никогда не стѣснялъ насъ, имѣя въ виду болѣе обильные результаты экскурсій. Я отправлялся обыкновенно за растеніями; какъ-то само собою случилось, что ботаническія экскурсіи сдѣлались мнѣ особенно симпатичны и были вмѣнены мнѣ въ исключительную обязанность; увлеченіе ботаникою доходило у меня до того, что за-частую я съ опасностью жизни взбирался на горы и доставалъ цвѣточекъ, до котораго добраться казалось почти невозможнымъ: го если я его раньше не

видалъ или мнѣ думалось, что это новый видъ растенія, то я на-прягалъ всѣ усилія: камни валились у меня изъ-подъ ногъ, каза-лось, вотъ-вотъ свалюсь въ пропасть, но все-таки я доставалъ инте-ресовавшій меня цвѣтокъ.

Насѣкомыхъ въ это путешествіе мы не собирали, а только однѣхъ бабочекъ; по части зоологическихъ коллекцій спеціальнымъ помощникомъ Николая Михайловича былъ Эклонъ, для меня-же это было побочное занятіе; впрочемъ, иной разъ, отправляясь на ботаническую экскурсію, и я бралъ съ собою дробовикъ и убивалъ интересныхъ птичекъ, бралъ также склянку для насѣкомыхъ, мѣ-шокъ для образчика почвы и маленькія бумажки, чтобы собрать сѣмена; однимъ словомъ, приходилось заниматься всѣмъ понемножку.

Звѣрей мы ходили бить въ одиночку, преимущественно травоядныхъ; медвѣдей въ это путешествіе видѣли немного, намъ попадались чаще всего волки, антилопы (массаи), яки, которыми мы продовольствовались, и хуланы—это особая порода ословъ.

Изъ экскурсій мы возвращались обыкновенно въ сумерки; если случалось убить много птичекъ, то приходили на бивакъ и раньше; когда всѣ были въ сборѣ, садились обѣдать; обѣдъ нашъ состоялъ обыкновенно изъ вареной баранины, съ примѣсью риса, иной разъ проса и консервовъ изъ зелени, сушеной капусты и т. п.; это обы-денное блюдо видоизмѣнялось въ зависимости отъ охоты: ежели убивали антилопу, то варился изъ нея супъ; жаркое дѣлалось рѣдко, такъ какъ съ усталости пріятнѣе было поѣсть горячую похлебку. Хлѣбъ замѣняла намъ дзамба: жареное и смолотое зерно пше-ници, ячменя или овса; лучшая мука овсяная, за нею слѣдуетъ пшеничная, затѣмъ ячменная. Употребляется-же дзамба слѣдующимъ образомъ: въ чашку наливаютъ чай (настоящій кирпичный, такого-же качества, какой мы употребляли, только прессованный), или воду, въ ней прибавляютъ немного соли, масла, если оно есть, или бараньяго сала, и въ эту жидкость засыпаютъ жареную муку-дзамбу, такимъ образомъ получается нѣчто въ родѣ толокна; его можно замѣсить гуще и жиже, смотря по вкусу. Съ непривычки это кушанье казалось неприятнымъ, но когда проголодаешься, то ѣшь съ особенною жадностью. Дзамба хороша тѣмъ, что, приди на бивакъ, имѣешь сейчасъ-же горячую, довольно сытную, пищу, такъ какъ вода скоро вскипаетъ въ котлѣ.

Самоваровъ у насъ не было; вообще обстановка у насъ была самая спартанская: два котла, маленькій котелокъ, два ведра и чайникъ, да большая чашка для масла составляли всю нашу ку-хонную посуду; тарелокъ не полагалось, у насъ были только дере-

вянныя чашки съ узорами, удобныя тѣмъ, что онѣ не бьются и ихъ не горячо держать въ рукѣ съ чаемъ или супомъ, да и на морозѣ онѣ не трескаются; изъ нихъ мы пили чай, ѣли супъ, въ нихъ-же болтали дзамбу и хотя онѣ и принимали запахъ отъ этой разнообразной ѣды, но при нашемъ аппетитѣ и при всей нашей походной обстановкѣ мы не замѣчали этого недостатка.

Послѣ обѣда мы приводили въ порядокъ все собранное нами въ теченіи утра, сообщали Николаю Михайловичу наши наблюденія, а онъ заносилъ ихъ въ свой дневникъ, присѣвъ къ ящику съ инструментами, который замѣнялъ ему письменный столъ; отправляясь въ путь, мы всегда ограничивались только самымъ необходимымъ, не брали съ собою ничего лишняго, поэтому у насъ въ дорогѣ не было ни столовъ, ни стульевъ; мы сидѣли постоянно по-турецки и до того къ этому привыкли, что потомъ казалось неловко сидѣть на стулѣ, — хотя одну ногу, бывало, подожмешь подъ себя.

Дневникъ велъ, изъ всѣхъ насъ, одинъ только Николай Михайловичъ, по той причинѣ, что если-бы мы всѣ стали заниматься письмомъ, то это отняло-бы у насъ слишкомъ много времени, а оно было намъ дорого; къ тому-же, мы шли всѣ по одному пути, дѣлали одно дѣло, слѣдовательно, наши замѣтки были-бы повтореніемъ одного и того-же, только съ прибавкою личныхъ впечатлѣній, это была-бы изба о семи углахъ“, какъ типично выразился нашъ препараторъ А. Ѡ. Коломейцевъ.

Дѣла у насъ, какъ я уже сказалъ, было у всѣхъ много: Николай Михайловичъ велъ дневникъ, дѣлалъ съемку, производилъ астрономическія и метеорологическія наблюденія, въ которыхъ и мы, со своей стороны, помогали ему, измѣряя температуру почвы, воды, колодцевъ и т. п. Въ началѣ мнѣ все казалось труднымъ, но мало по малу я сроднился съ нашею путевою жизнью и не раскаявался въ томъ, что рѣшился ѣхать въ экспедицію. Я собиралъ растенія, рисовалъ. Эклонъ охотился за птицами, собиралъ насѣкомыхъ, Коломейцевъ препарировалъ птицъ и разныхъ звѣрей, казаки также весь день были заняты: по утру встануть, выучать, потомъ идутъ съ караваномъ; пришли на бивуакъ, начинаются хлопоты съ верблюдами, баранами, необходимо собрать дровъ для варки пищи, а это дѣло не легкое, такъ какъ лѣса и кустарниковъ въ той мѣстности, по которой мы шли, совсѣмъ не было; приходилось собирать аргаль, звѣринный пометъ, и хотя звѣрей было много, но аргала не скоро набирешь, иной разъ казакамъ приходилось вырывать изъ земли маленькіе корешки, которые замѣняли намъ дрова. На это уходило не мало времени.

Отдыхъ наступалъ для насъ послѣ вечерняго термометрическаго наблюденія, въ то время, когда Николай Михайловичъ былъ занятъ своимъ дневникомъ. За обѣдомъ между нами обыкновенно шла беседа, слышались шутки, остроты; Николай Михайловичъ былъ веселаго нрава въ своемъ кружкѣ, любилъ посмѣяться надъ нами, въ случаѣ неудачной охоты, умѣлъ выставить насъ въ смѣшномъ видѣ и самъ охотно выносилъ шутки, никогда не обижаясь, такъ что и мы надъ нимъ иногда подсмѣивались.

Во время пути, когда было холодно, мы ходили обыкновенно пѣшкомъ, чтобы согрѣться; у насъ были войлочные сапоги, обшитые кожей. шерстяные носки, обыкновенные панталоны изъ бараньяго мѣха, а поверхъ рубашки мы надѣвали теплую, вязаную, шерстяную фуфайку и полушубокъ—лисій у Николая Михайловича, а у насъ бараний, черный. На головѣ мы носили сибирскаго образца небольшія шапки, съ отворачивающимися затыльниками, наушниками и съ барашковымъ козырькомъ. У каждого изъ насъ имѣлся шарфъ и мѣховыя рукавицы, а въ нихъ шерстяныя варежки съ пальцами.

Спать мы ложились зимою въ 7¹/₂, а лѣтомъ въ 8 часовъ; но въ хорошую погоду ложились нѣсколько позже, часовъ въ 10, не смотря на то, что вставали всегда рано. Въ такіе дни всѣ собирались вечеромъ въ кружокъ, пѣли пѣсни, а казакамъ выдавалась гармонія, которая возбуждала удивленіе и восторгъ туземцевъ, собиравшихся ее послушать.

Постелью служила намъ всѣмъ одинаково, зимою и лѣтомъ, такъ называемая, кошма, войлокъ, сложенный вдвое, и небольшая подушечка; казаки имѣли большія теплыя шубы, коими накрывались ночью, въ нихъ-же они дежурили по ночамъ, но мы не имѣли шубъ, потому что не несли ночныхъ дежурствъ; у насъ были обыкновенныя одѣяла лѣтомъ и подбитыя мѣхомъ зимою. Ложась спать, мы всѣ раздѣвались до бѣлья, даже зимою, когда температура внѣ юрты доходила до 35° Ц., когда ртуть замерзала; конечно, приходилось ложиться точно въ холодный душъ, но подъ мѣховымъ одѣяломъ согрѣешься очень скоро и выспишься богатырскимъ сномъ. Я спалъ всегда съ непокрытою головою, а Николай Михайловичъ спалъ иногда въ шапкѣ, надѣвъ башлыкъ.

Зимою мы спали очень много, съ 8 часовъ вечера до 6 утра, лѣтомъ-же приходилось спать совсѣмъ мало: во время жары идти нельзя, поэтому мы уходили съ бивуака лѣтомъ въ восемь часовъ вечера, дѣлали привалъ около полуночи, отдыхали недолго, не развьючивая верблюдовъ, затѣмъ, поднявъ ихъ, трогались въ путь, чтобы до восхода солнца придти на мѣсто.

Ночью возлѣ бивака всегда ставились караульные, а днемъ назначался одинъ дежурный, онъ-же и помощникъ повара, который долженъ былъ наблюдать за порядкомъ на бивакѣ: поутру обязанность его состояла въ томъ, чтобы приготовить чай для людей въ большомъ котлѣ. Въ опасныхъ мѣстахъ назначалось двое дежурныхъ. Караульные смѣнялись ночью каждые три часа и будили другъ друга; это сопровождалось иногда уморительными сценами, такъ, на примѣръ, однажды, у насъ испортились карманные походные часы, вѣроятно, казаки, играя ими, порвали пружину: чтобы научить ихъ обращаться съ часами осторожнѣе, ихъ оставили на время безъ часовъ и они должны были будить другъ друга по созвѣздію—Медвѣдица; вечеромъ укажешь, бывало, караульному, что когда Медвѣдица перейдетъ туда-то, буди товарища: они такъ и дѣлали. Но вотъ дежурилъ одинъ разъ бурятъ, казакъ Дорджіевъ, а слѣдующимъ долженъ былъ стоять Ивановъ. Дорджіевъ сталъ на часы; между тѣмъ, небо заволокло, Медвѣдицы не видать: часовой терпѣливо прохаживается взадъ и впередъ, дежурить до утра, наконецъ, увидѣвъ, что начинается свѣтать, будить Иванова и говорить:

— „Ванька, вставай, сегодня она (медвѣдица) не повернется“.

Любимымъ нашимъ препровожденіемъ времени была охота: тѣ изъ насъ, которые относились къ ней вначалѣ равнодушно, мало по малу также пристрастились къ этому развлеченію, видя, какъ товарищи возвращались на бивакъ съ богатой добычею.

Николай Михайловичъ стрѣлялъ прекрасно, къ охотѣ у него была положительная страсть, онъ считалъ ее отдохновеніемъ послѣ письменныхъ занятій и былъ избалованъ охотою въ Азіи, гдѣ птицъ и звѣрей такая масса, что ему ни разу не пришлось возвратиться на бивакъ безъ добычи; зато онъ былъ чуждъ хвастовства, столь свойственнаго всѣмъ охотникамъ, и, дѣйствительно, хвастать ему не было надобности: переполненный ягташъ былъ краснорѣчивѣе всякихъ разсказовъ. Въ Азіи Николай Михайловичъ охотился безъ собаки; въ Китаѣ вообще нѣтъ охотничьихъ собакъ, а при караванахъ у насъ бывали простые собаки, которыхъ мы называли „добровольцами“. Передъ выступленіемъ каравана, мы выкидывали обыкновенно всѣ кухонные отбросы, которые привлекали массу голодныхъ собакъ; изъ нихъ мы выбирали штукъ пять лучшихъ и брали ихъ съ собою: въ началѣ приходилось держать ихъ на привязи, но современемъ онѣ такъ привыкали къ намъ, что не отходили отъ каравана.

Иной разъ мы пополняли комплектъ нашихъ собакъ въ китай-

скихъ деревняхъ, покупая ихъ у китайцевъ или прямо уводили хорошую собаку, приманивъ ее лакомымъ кускомъ.

III.

Въ самомъ началѣ нашего путешествія, когда мы стояли еще въ Зайсанѣ, заготовляя все нужное для экспедиціи, я отправился одинъ на охоту, на р. Бисень, за 15 верстъ отъ Зайсана; на охотѣ я заблудился и вернулся въ Зайсанъ на слѣдующій день, вечеромъ, когда Николай Михайловичъ собирался уже послать на поиски за мною; это послужило мнѣ наукою, я сталъ присматриваться къ мѣсту, научился ориентироваться: въ незнакомой мѣстности всякая горка, всякій камень особаго цвѣта, каждый сколько-нибудь выдающийся предметъ служить для ориентировки, къ этому такъ привыкаешь, что потомъ кажется будто и вовсе нельзя заблудиться. Гораздо труднѣе ориентироваться въ лѣсной чащѣ, но ихъ въ Средней Азіи мало; поэтому послѣ перваго неудачнаго опыта на охотѣ, мнѣ не случалось болѣе быть въ затруднительномъ положеніи: только однажды на Желтой рѣкѣ я струсилъ, когда попалъ въ ущелье, образованное вертикальнымъ обрывомъ такъ называемою лессовой глины; лессъ весьма распространенъ во Внутренней Азіи и состоитъ изъ мелко землистой глины, мельчайшаго песка и углекислой извести; онъ имѣетъ ту особенность, что растрескивается всегда вертикально, образуя обрывы, иной разъ вышиною въ нѣсколько сотъ футовъ; я рассчитывалъ спуститься по трещинѣ внизъ къ рѣкѣ, но въ этомъ ущельѣ лессъ неожиданно оборвался и шелъ далѣе въ горизонтальномъ направленіи. Я прыгалъ, прыгалъ, нако-

нецъ, подошелъ къ краю ущелья; передо мною былъ обрывъ, вышиною около 1,000 футовъ; идти назадъ было трудно, пришлось спуститься по обрыву, и я возвратился на бивакъ очень поздно, съ ободранными локтями и носками, безъ каблуковъ, совершенно измученный.

Въ это-же путешествіе мы едва не лишились одного изъ лучшихъ людей экспедиціи, унтеръ-офицера Егорова, который заблудился также на охотѣ, въ горахъ Нанъ-шаньскихъ, въ погонѣ за раненымъ якомъ. Товарищи часто смѣялись надъ нимъ по поводу того, что многіе изъ нихъ убивали яковъ, а ему это не удавалось, и вдругъ онъ увидѣлъ этого огромнаго звѣря вблизи,—какъ не убить его! Егоровъ погнался за раненымъ якомъ, не обращая вниманія на мѣстность, отдалился отъ товарища, съ которымъ онъ былъ на охотѣ, и заблудился среди многочисленныхъ горныхъ вершинъ снѣговой цѣпи Нанъ-шаня; шесть дней пропадалъ несчастный, мы уже оплакивали его какъ погибшаго, такъ какъ всѣ наши поиски въ горахъ не привели ни къ чему; на шестые сутки мы двинулись далѣе, отчаяваясь увидѣть его въ живыхъ, какъ вдругъ казакъ Иринчиновъ, шедшій всегда во главѣ эшелона и отличавшійся замѣчательнымъ зрѣніемъ, простымъ глазомъ различилъ Егорова, который спускался, верстахъ въ 6 или 7 отъ насъ, съ горной вершины: какъ оказалось, онъ шелъ къ ручью съ тѣмъ, чтобы вымыть въ немъ свою рубашку и въ ней умереть. Онъ былъ до того истощенъ и измученъ, что не надѣялся прожить этотъ день.

Мы тотчасъ-же остановились, развьючили верблюдовъ и послали за Егоровымъ; онъ почти не могъ двигаться, былъ весь почернѣвши; съ утра ползалъ на четверенькахъ, такъ какъ ноги его были всѣ ободраны, на подошвахъ не было уже кожи, а висѣло голое мясо; сапоги его давно сносились и были брошены. Ему пришлось много выстрадать въ эти шесть дней отъ страшной стужи въ горахъ по ночамъ, отъ чрезмѣрнаго утомленія и голода; трое сутокъ онъ ничего не ѣлъ, жевалъ только листья ревеня и пилъ воду, а на четвертый убилъ зайца и уллара (черная индѣйка) и ѣлъ ихъ по немногу сырыми, тѣмъ только и поддержалъ свою жизнь. Впрочемъ, онъ скоро поправился и недѣли черезъ три ходилъ опять какъ ни въ чемъ ни бывало, а потомъ былъ такой здоровый и толстый, что и узнать было нельзя.

Когда мы возвращались изъ Тибета въ 1880 г., Егоровъ опять заблудился въ погонѣ за якомъ, на Голубой рѣкѣ, и пришелъ на бивакъ только въ 12 часовъ ночи; впрочемъ, онъ не сознавался въ томъ, что заблудился, божился, что знаетъ, куда идетъ, но видно

было, что онъ страшно усталъ и не признается только, желая избѣжать насмѣшекъ. Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, у насъ, во все время экспедиціи, да и въ послѣдующихъ двухъ путешествіяхъ, никакихъ несчастій съ людьми не было.

Стоя на бивакѣ, мы часто слышали ночью завыванія шакаловъ и другихъ хищныхъ звѣрей, но близко къ намъ они не подходили; правда, волки разбили у насъ однажды термометръ, но вообще они не были навязчивы. Зато особою назойливостью, въ особенности въ сѣверномъ Тибетѣ, отличались грифы; это громадныя птицы, величиною гораздо больше нашего орла, которыя живутъ въ горахъ и летаютъ надъ степями; поднявшись высоко, такъ что ихъ не видно въ облакахъ, и намѣтивъ добычу, онѣ стремглавъ бросаются внизъ, производя при этомъ своими крыльями рѣзкій свистъ; впрочемъ онѣ никогда не трогаютъ живыхъ звѣрей, а питаются исключительно падалью; говорятъ, будто они не добиваютъ даже умирающаго голубя, а ждутъ, пока онъ испуститъ духъ, и тогда только раздираютъ его. Яицъ грифовъ мы не ѣли, ихъ достать невозможно, потому что эти птицы гнѣздятся на утесахъ, на скалахъ, въ мѣстахъ, для человѣка недоступныхъ.

Въ Тибетѣ грифы такъ привыкли къ людямъ, что садятся шагахъ въ тридцати отъ кухни, нисколько не чуждаясь человѣка; ихъ тамъ не убиваютъ, а напротивъ того чтутъ и кормятъ тѣлами умершихъ людей. Для этого существуютъ у тибетцевъ особые рѣзачи, которые крошатъ трупы и бросаютъ ихъ грифамъ. Кости труповъ раздробляются и ихъ кидаютъ грифамъ особой породы, называемымъ „бородачи“, потому что на нижней челюсти у нихъ растетъ борода.

Въ Нерчунгѣ мы нарочно отравили кишки барана цианистымъ кали, чтобы поймать грифовъ живьемъ. Надобно замѣтить, что эти птицы чрезвычайно любятъ кишки и поэтому первымъ дѣломъ раздираютъ у мертваго звѣря кожу на брюхѣ. Налетѣли на нашего барана грифы, наѣлись кишекъ, и тутъ-же упали полуживые; мы отпихнули ихъ водою и они ожили совершенно; одному изъ грифовъ мы обстригли хвостъ и онъ преспокойно сидѣлъ на бивакѣ, не дѣлая даже попытки долбонуть кого-либо изъ насъ.

Снявшись съ бивака въ Тибетѣ, мы не успѣемъ, бывало, отойти шаговъ сорокъ, какъ уже слышимъ свистъ ихъ крыльевъ: грифы, какъ камни, летятъ внизъ подбирать добычу; ихъ налетитъ на покинутый бивакъ штукъ 50—100.

Однажды мы убили съ Козловымъ въ Тибетѣ въ развѣздѣ медвѣдя, вынули изъ него почку и кишки и положили ихъ на

тушу. Насъ интересовало, налетятъ-ли грифы къ тому времени, когда мы вернемся на это мѣсто.

Подъѣзжая туда обратно часа черезъ три, смотримъ: возлѣ убитаго медвѣдя расхаживаютъ грифы, точно стадо барановъ. Медвѣдь былъ съѣденъ до чиста; отъ его твердаго, мускулистаго мяса не осталось, по прошествіи трехъ часовъ, ни одного кусочка, ни одной жилки.

Эго былъ совершенно особый видъ медвѣдя, *ursus lagomiarus*, который отличается образомъ жизни, живетъ не въ лѣсахъ, какъ нашъ медвѣдь, а на открытыхъ плоскогорьяхъ, зимуетъ въ скалахъ и по степи ходитъ совершенно свободно. У него всегда бываетъ бѣлая полоса вокругъ шеи, бѣлая грудь и длинная, красивая, пушистая шерсть; питается онъ мѣстными грызунами, живущими въ землѣ, которыхъ откапываетъ и поѣдаетъ. Однажды мы были свидѣтелями такой сцены: сидитъ медвѣдь, копаетъ землю, а вокругъ него, шагахъ въ пяти, усѣлось нѣсколько карсъ (не большія лисицы). Онъ его не боится, сидятъ спокойно, потому что медвѣдь очень занятъ своимъ дѣломъ, всунулъ голову въ яму и ничего не видитъ.

Мишка усердно копалъ землю, какъ вдругъ, грызунъ, у котораго бываетъ всегда нѣсколько выходовъ изъ норки, выскочилъ въ одну изъ нихъ и сдѣлался добычею лисицы. Хотя медвѣдь не могъ видѣть этого, но ухо у него чуткое, онъ понялъ что случилось за его спиною, рассердился, заревѣлъ и съ остервенѣніемъ принялся копать землю въ другомъ мѣстѣ.

Въ музеѣ академіи наукъ, въ Петербургѣ, есть нѣсколько прекрасныхъ чучелъ этого степнаго медвѣдя; мы ихъ много убили въ Тибетѣ: въ послѣднее путешествіе бывали случаи, что въ одинъ день мы убивали до девяти штукъ медвѣдей. Охота на этого звѣря не представляетъ опасности, потому что онъ боится человѣка и убѣгаетъ при встрѣчѣ съ нимъ; при этомъ онъ громко кричитъ, голосъ у него сильный, громкій, и почти всегда встаетъ во весь ростъ, что весьма удобно для охотника, такъ какъ медвѣдь представляетъ собою, такимъ образомъ, большую мишень.

Раненный, онъ становится, разумѣется, совершенно инымъ звѣремъ. Однажды былъ такой случай: раненный медвѣдь убѣжалъ отъ насъ; часа черезъ полтора мы нашли его еще живаго, но отъ боли и злости онъ отъѣлъ себѣ всю переднюю лапу, и когда мы его убили и разрѣзали, то въ желудкѣ у него нашли когти. Шкура этого медвѣдя была великолѣпная, поэтому вмѣсто отъѣденной лапы къ нему была пришита лапа отъ другаго медвѣдя и онъ красуется теперь въ музеѣ академіи наукъ.

Шкуры убитыхъ звѣрей препарируются очень быстро: ихъ сдираютъ на мѣстѣ, каждый изъ насъ умѣлъ это дѣлать и зналъ опредѣленные мѣста, гдѣ надобно ихъ разрѣзывать. На бивакѣ онѣ обдѣлывались окончательно, т. е. съ нихъ срѣзывался лишній жиръ и онѣ пересыпались квасцами, смѣшанными съ солью; такимъ образомъ шкура должна пролежать дня два, три, пока она не пропитается хорошенько квасцами, тогда ее высушиваютъ, свертываютъ акуратно и она считается готовою. Маленькія шкуры хранились въ ящикахъ, а большія зашивались въ тюки; два—три такихъ тюка составляли верблюжій вьюкъ.

Въ третьемъ путешествіи у насъ было отъ 23 до 40 верблюдовъ; это животное дѣйствительно полезное въ путешествіи и совершенно незамѣнимое въ пустынѣ, но за нимъ нужно болѣе ухода, нежели за лошадыю, хотя опъ удобнѣе ея въ томъ отношеніи, что для него не нужно возить корма, за то нужно знать какъ съ нимъ обращаться, такъ, напр., верблюда нельзя уложить противъ вѣтра, онъ тотчасъ-же начнетъ кашлять; вставая, онъ легко можетъ сломать себѣ ногу, поэтому для его отдыха надобно выбирать ровное, гладкое мѣсто, надобно убрать изъ-подъ его ногъ камни, разгрести снѣгъ. У верблюда часто протираются подошвы и приходится подшивать ему искусственную подошву изъ куска толстой сыромятной кожи, что весьма непріятно, такъ какъ онъ реветъ при этомъ ужасно.

У насъ были верблюды, которые совершили съ нами всю экспедицію, были и такіе, которые проходили въ двухъ экспедиціяхъ; они пользовались особою симпатіею казаковъ, не были похожи на другихъ верблюдовъ, знали всѣхъ насъ, были ласковы, приходили къ кухнѣ за хлѣбомъ.

Ѣзда на верблюдѣ вначалѣ весьма утомительна; васъ раскачиваетъ взадъ и впередъ, такъ что съ непривычки даже тошнить, точно при морской болѣзни; сѣдла у верховыхъ верблюдовъ бываютъ обыкновенныя, только съ широкими подпругами. У иныхъ верблюдовъ горбы сближены, такъ что приходится привязывать сѣдло. Въ часъ, по ровному пути, верблюдъ идетъ 5 верстъ, по холмистому $4\frac{1}{2}$, по горамъ 4, а въ монгольскихъ караванахъ онъ идетъ всего четыре версты по гладкому мѣсту, но можетъ бѣжать рысью скорѣе лошади. Мы-же не могли идти на рысяхъ, такъ какъ отъ тряски портятся инструменты.

IV.

Третье путешествіе Пржевальскаго въ Среднюю Азію, во время котораго было пройдено нами отъ Зайсана до Тибета и обратно до Кяхты 7,200 верстъ, большею частью по мѣстности дикой, пустынной, иногда вовсе необитаемой и до тѣхъ поръ совершенно неизслѣдованной европейцами, было окончено въ октябрѣ 1880 г.

7-го января 1881 г. Пржевальскій возвратился въ Петербургъ.

Чрезвычайная важность этой экспедиціи и двухъ первыхъ путешествій Николая Михайловича въ научномъ отношеніи, отвага и смѣлость, съ какою имъ преодолевались всѣ трудности и лишенія, представлявшіяся на пути, обратили на него вниманіе ученаго міра и ему была оказана въ Петербургѣ блестящая встрѣча; онъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ овацій и чествованій.

10-го января 1881 г., черезъ три дня по пріѣздѣ, Николай Михайловичъ представлялся императору Александру II, который долго и съ большимъ интересомъ спрашивалъ его объ экспедиціи. 14-го января состоялось чрезвычайное, торжественное собраніе географическаго общества, для привѣтствія путешественника, возвратившагося въ столицу, послѣ трехлѣтняго изъ нея отсутствія; въ то-же время географическое и многія другія столичныя и провинціальныя ученныя общества избрали его своимъ почетнымъ членомъ. Онъ получалъ ежедневно приглашенія отъ разныхъ обществъ и отъ частныхъ лицъ, желавшихъ чествовать его и слышать его сообщенія о только что оконченномъ путешествіи; поэтому первое время пребыванія въ Петербургѣ было для Николая Михайловича рядомъ празднествъ, которыя въ конецъ утомили его, совершенно отвыкшаго отъ свѣтской столичной жизни. Искреннія оваціи были для него, разумѣется, пріятны, хотя онъ вообще не любилъ шума и большого общества, но бывали и такіе дома, гдѣ его чествовали и куда приглашали только для того, „чтобы устроить вечеръ съ Пржевальскимъ“, и притомъ только потому, „что на него была мода“, какъ онъ самъ выражался.

На такіе вечера онъ ѣздилъ крайне неохотно.

— „Чортъ возьми, долженъ одѣваться, ѣхать! говорилъ онъ. Всѣ порядочные люди спятъ, а тутъ изволь путаться“, а на другой день, рассказывая о проведенномъ вечерѣ, съ досадою прибавлялъ:

— „Вотъ, подлецы! Я-бы выснался, написалъ-бы страницы три,

четыре, а теперь голова болитъ, ничего не сдѣлалъ, вечеръ пропалъ даромъ“.

У себя Николай Михайловичъ принималъ по субботамъ; на эти субботники собирались всѣ его хорошіе знакомые. Особенно близки къ нему были въ то время: подполковникъ Юсафъ Львовичъ Фатѣевъ, служившій въ главномъ управленіи казачьихъ войскъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ съ юнкерскаго училища; М. П. Степановъ, служившій въ томъ-же управленіи и сошедшійся съ Н. М. въ бытность его на Амурѣ; докторъ Сердечный, который воспитывался съ нимъ въ гимназіи, но, къ сожалѣнію, мало сохранилъ воспоминаній о Пржевальскомъ, потерявъ его изъ вида, по окончаніи курса, но въ 1881 г. они встрѣтились какъ, старые друзья и видѣлись часто.

Пржевальскій весьма уважалъ и былъ очень хорошъ съ генераломъ Ѳедоромъ Александровичемъ Фельдманъ, управляющимъ дѣлами военно-ученаго комитета, и бывалъ у него и въ его семействѣ въ Петербургѣ почти каждую недѣлю; Н. М. былъ также друженъ съ начальникомъ Павловскаго училища Акимовымъ и съ генераломъ А. А. Вильдерлингомъ (нынѣ помощникъ начальника главнаго штаба).

Кромѣ этихъ петербургскихъ друзей, у Николая Михайловича были друзья и пріатели почти въ каждомъ городѣ, въ которомъ ему приходилось бывать по нѣсколько разъ, такъ, напр., въ Кяхтѣ онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ купцомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Лушниковымъ, всегда состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и обращался къ нему въ случаѣ надобности. Лушниковъ—человѣкъ весьма образованный, не похожій на большинство нашихъ купцовъ, человѣкъ весьма начитанный и развитой.

Кромѣ обязательныхъ выѣздовъ и знакомствъ, въ Петербургѣ Пржевальскому не было покоя отъ просителей: его осаждали неудачники всякаго рода, актеры, актрисы, чиновники, не имѣвшіе мѣста, искавшіе или его покровительства, или желавшіе пристроиться къ будущей экспедиціи.

„Не пускай просителей“, наказывалъ онъ швейцару, „они мѣшаютъ мнѣ заниматься“, и швейцаръ отлично ихъ распознавалъ.

„Былъ кто-нибудь у меня?“ спрашиваетъ Николай Михайловичъ, возвращаясь домой.

— „Нѣтъ, никого не было, отвѣчаетъ тотъ, просители тутъ только были“.

„Ты почему знаешь?“

— „Да такъ, говорить, я по лицу ужъ вижу“.

Многіе пользовались пребываніемъ Н. М. въ Петербургѣ и обращались къ нему со всевозможными просьбами письменно; между такими письмами попадалось не мало самаго курьезнаго свойства, такъ, напр., послѣ возвращенія изъ третьяго путешествія, Н. М. показывалъ намъ письмо одной вдовы, жившей на Петербургской сторонѣ, которая писала ему: „Вамъ, родимый мой, всѣ власти нашего города нынѣ бьютъ челомъ; кумъ мнѣ сказывалъ, что васъ повѣсили въ Думѣ ¹⁾, что вы въ почетѣ въ нашемъ городѣ, что вамъ все сдѣлаютъ. Такъ, ради Бога, отыщите мою собачку, кличка ея Мурло... я не могу разыскать ее цѣлую недѣлю. Если вы съѣздите къ градоначальнику и попросите—навѣрно онъ приежеть ее разыскать.“

Многія дамы присылали Пржевальскому свои карточки и портреты, такъ что родные подсмѣивались надъ нимъ. Въ томъ-же 1881 году онъ получилъ изъ Кіева письмо и кабинетный портретъ одной очень хорошенькой барышни. Въ Кіевѣ жилъ въ то время хорошій пріятель Н. М. — инженеръ Бѣльцовъ, и Пржевальскій увѣрялъ, что это письмо написано Бѣльцовымъ и только переписано женскою рукою, такъ какъ у него, кромѣ этого пріятели, въ Кіевѣ нѣтъ знакомыхъ.

Самъ Н. М. былъ чуждъ увлеченій женщинами и на совѣты родныхъ о женитьбѣ всегда отвѣчалъ отрицательно, говоря, что женитьба есть дѣло, надъ которымъ надобно подумать серьезно, что это высшее счастье для человѣка, но что оно можетъ обратиться въ величайшее несчастье, если окажется неудачнымъ, и что при его кочевой жизни жениться немислимо, — „я уѣду путешествовать, говорилъ онъ, — а жена будетъ скучать и тревожиться за меня, это не годится“.

Отношенія Н. М. къ роднымъ были самыя сердечныя, теплыя, хотя онъ жилъ съ ними мало; только своего брата Евгенія Михайловича онъ пилилъ за то, что тотъ черезъ чуръ много заставлялъ свою дочь заниматься англійскимъ языкомъ, такъ что она хворала.

— „Вѣдь это прихоть ваша родительская, говорилъ онъ брату во-первыхъ, никогда не можетъ случиться, чтобы ей пришлось быть учительницею, такъ какъ средствъ у насъ достаточно, а гораздо полезнѣе, если она не будетъ знать англійскаго языка, а будетъ

¹⁾ С.-петербургская городская Дума ассигновала въ 1881 г. 1,500 р. на портретъ Пржевальскаго и его постановку, но Н. М. отказался отъ столь лестнаго для него вниманія и просилъ Думу употребить эти деньги на цѣль благотворительную—на стипендію или т. п.

здоровою матерью, чѣмъ такою измученною, съ которою мужу придется возиться и которая дѣтей еле живыхъ будетъ производить, и они будутъ умирать, не смотря на ея знаніе англійскаго языка“.

Его племянница подслушала однажды подобный разговоръ, вбѣгаетъ и говоритъ:

— „Не буду больше учиться англійскому языку“.

Ея мать была въ большой претензіи за это на Николая Михайловича.

Пржевальскій съ трудомъ привыкалъ къ людямъ, но разъ привыкнувъ, не могъ порвать съ ними отношеній, хотя-бы чловѣкъ оказался не заслуживающимъ его дружбы; точно также онъ привыкалъ и къ мѣсту, такъ, напр., въ Петербургѣ онъ привыкъ жить въ Столярномъ переулкѣ, и въ другомъ мѣстѣ ему было трудно пріискать квартиру и онъ не оставался въ ней надолго.

Однажды я былъ въ Петербургѣ, а онъ пишетъ мнѣ изъ деревни:

„Приищи мнѣ небольшую квартиру, удобную, но не въ Столярномъ...“, а въ концѣ письма была приписка: „нѣтъ, здѣсь хорошій швейцаръ и прислуга, попроси, чтобы мнѣ приготовили комнату“.

Онъ навималъ обыкновенно двѣ комнаты, въ одной спалъ и занимался, а черезъ корридоръ была комната, въ которой хранились всякія „ошурки“, ящики, ящички, всякія мелочи; если кто-нибудь пріѣзжалъ къ нему гостить, то ночевалъ въ этой комнатѣ. Когда набиралось много ящичковъ, то онъ бралъ для нихъ двѣ комнаты.

V.

По возвращеніи изъ путешествія, у Н. М., кромѣ выѣздовъ, официальныхъ и неофициальныхъ, и чтеній, въ разныхъ обществахъ, лекцій о его путешествіи, была масса всякаго дѣла; ему надо было привести въ порядокъ свои коллекціи, для представленія ея государю и для выставки публикѣ; надобно было заняться составленіемъ описанія своего путешествія, за что онъ никакъ не могъ приняться въ Петербургѣ, такъ какъ его постоянно отвлекали отъ занятій, поэтому онъ рѣшилъ, какъ можно скорѣе, искать уединенія въ своемъ родовомъ имѣніи Отраднѣ, Смоленской губерніи. и уѣхалъ туда въ самомъ началѣ лѣта 1881 года.

Жизнь въ Отраднѣ, болѣе близкая къ природѣ, была по сердцу Николаю Михайловичу и дала ему необходимый досугъ для его письменныхъ занятій, но она не доставила ему той „отрады“, которой онъ въ ней искалъ: въ окрестности имѣнія не было хорошей охоты. Проведя нѣсколько ночей въ лѣсу, онъ возвратился домой безъ добычи. Притомъ это имѣнье не было уже тѣмъ тихимъ уголкомъ, гдѣ Пржевальскому жилось прежде вполне привольно: возлѣ его усадьбы прошла желѣзная дорога, мѣстность оживилась, стала болѣе людною, мужики испортились, начали пить и воровать. Николай Михайловичъ очень любилъ арбузы; выросилъ ихъ, а смотришь—ѣсть нечего, садъ разворовали, яблоки отрясли. Наскучивъ этими новыми условіями жизни въ Отраднѣ, онъ задумалъ купить другое имѣнье.

— „Поищите, чтобы имѣнье подальше было отъ желѣзной дороги, гдѣ-бы попроще были люди“, писалъ онъ своему вотчиму Ив. Демьян. Толпыгѣ, обращаясь къ нему съ просьбою прискаты для него подходящую усадьбу.

Подумалъ, подумалъ Иванъ Демьяновичъ, какъ-бы выполнить эту просьбу, взялъ да и напечаталъ въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ объявленіе, что полковникъ Пржевальскій ищетъ такое имѣнье, чтобы поменьше сосѣдей было, а побольше рыбы и звѣря.

За это объявленіе Н. М. на него разсердился; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ вскорѣ то, чего искалъ: въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи было куплено имѣ за 26,000 р. имѣнье Слобода, принадлежавшее отставному артиллеріи поручику Леонтію Алексѣевичу Глинкѣ; въ имѣніи было два озера, двѣ рѣчки и 700

десятины лѣсу, „да и лѣсъ, какъ Сибирская тайга“, писалъ Пржевальскій Эялону (9-го іюня 1881 г.), въ немъ въ изобиліи водились глухари, тетерева, рябчики, медвѣди, попадались даже лоси.

Въ восторгѣ отъ своей покупки, Пржевальскій переселился туда и усердно принялся за письменную работу, отъ которой онъ отдыхалъ на охотѣ и въ бесѣдѣ съ мужиками; разговоръ съ людьми простыми, безхитростными доставлялъ ему всегда удовольствіе, но онъ не любилъ фабричныхъ и мужиковъ, побывавшихъ въ городѣ, да и спутниковъ своихъ: солдатъ и казаковъ онъ выбиралъ изъ самыхъ простыхъ людей, не испорченныхъ городскою цивилизаціею. Настоящей военной дисциплины ему не требовалось, поэтому онъ обращалъ вниманіе, главнымъ образомъ, на то, чтобы человѣкъ былъ молодъ и здоровъ; притомъ рекомендаціями никогда не руководился.

Для послѣдняго путешествія ему было приготовлено пятнадцать семирѣченскихъ казаковъ; онъ на нихъ и не взглянулъ.

— „Приготовлено, значить, негодяевъ прислали, говорилъ онъ. Высшее начальство напишетъ, чтобы лучшихъ людей дали, а ближайшее разсчитываетъ весьма основательно: тутъ возьмутъ пять человѣкъ лучшихъ, черезъ два года еще пять лучшихъ, останется одна дрянь, спасибо,—и назначаетъ такихъ, отъ которыхъ хочетъ отдѣлаться, съ которыми приходится возиться“.

Руководствуясь этимъ взглядомъ, Пржевальскій самъ выбиралъ спутниковъ изъ числа желающихъ, и выборъ его всегда былъ замѣчательно удачный; всѣ служили ему самымъ честнымъ, добросовѣстнымъ образомъ.

Иной разъ явится къ нему двое желающихъ.

— „Нѣтъ, говоритъ онъ, этого возьму“, какъ будто сердце ему подсказывало.

Выбирая людей, Н. М. не сулилъ имъ наградъ, напротивъ того, рисовалъ все въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, обстоятельно распрашивалъ, что именно побуждало солдата проситься въ экспедицію и старался брать такихъ людей, которые не имѣли почти никакихъ родственныхъ связей, которые жили дома не богато, слѣдовательно не были избалованы и легче могли перенести всякія невзгоды.

Если у новаго спутника были живы родители, то Николай Михайловичъ писалъ имъ обыкновенно самое утѣшительное письмо, убѣждая ихъ не бояться за своего сына и не забывать, что дѣло, предпринимаемое экспедиціею, такое хорошее дѣло, что если-бы юношѣ даже пришлось погибнуть за него, то имъ будетъ служить утѣшеніемъ, что это несчастіе постигло ихъ во имя науки и т. д.

Подобное сердечное письмо было написано имъ въ 1878 г., передъ отправленіемъ въ третью экспедицію, и отцу моему, жившему тогда въ своемъ имѣніи, въ Тверской губерніи. Матери моей, во время моего отправленія въ экспедицію, уже не было въ живыхъ, а мой отецъ скончался во время моего перваго путешествія.

Н. М. Пржевальскій на рыбной ловлѣ зимою на Петроковскомъ озерѣ въ Слободѣ, Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи. 3 января 1887 г. Сним. В. И. Р.

В. И. Роборовскій.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ИВАНЪ ЕФИМОВИЧЪ АНДРЕЕВСКІЙ,

заслуженный профессоръ, ректоръ С.-Петербургскаго университета,
директоръ Археологическаго института

род. 1831 г., † 20-го мая 1891 г.

Рѣчь, читанная проф. С. В. Ведровымъ въ торжественномъ собраніи Археологическаго института въ полугодовой день кончины И. Е. Андреевскаго
20-го ноября 1891 г.

О порученію совѣта археологическаго института, столь для меня лестному, я долженъ представить очеркъ дѣятельности покойнаго директора института Ив. Еф. Андреевскаго,—задача трудная, почти невыполнимая въ непродолжительномъ чтеніи. Я не считалъ себя, однако, вправѣ уклониться отъ почетнаго этого предложенія, такъ какъ память уважаемаго моего учителя и, позже, друга мнѣ такъ священна, что я не могъ отстраниться отъ участія въ его посмертномъ чествованіи, хотя дѣятельность профессора Андреевскаго мнѣ менѣе всего извѣстна, именно по отношенію къ археологическому институту.

Однако, большую роль игралъ археологическій институтъ въ жизни покойнаго; избранный послѣ смерти знаменитаго основателя института Н. В. Калачева его преемникомъ, проф. Андреевскій, со свойственною ему горячностью, принялся ?

дѣло и, не смотря на свою разнообразную дѣятельность, смѣю думать, достигъ многого. Озабоченный, особенно первое время, матеріальными затрудненіями, Иванъ Ефимовичъ не только успѣшно преодолевалъ ихъ,—объ этомъ могутъ сказать ближайшіе его сотрудники,—но и старался поставить высоко научное преподаваніе въ институтѣ, открывая новые курсы, привлекая къ преподаванію новыя силы, показывая все время примѣръ личною неутомимою дѣятельностью. Оставивъ университетъ въ 1887 году, онъ отдался исключительно институту и связаннымъ съ нимъ архивнымъ комиссіямъ; ему хотѣлось поставить высоко въ Россіи архивное дѣло, во главѣ котораго долженъ былъ стоять институтъ. Особенно радовало Ивана Ефимовича, что ему удалось уже видѣть въ средѣ преподавателей института его бывшихъ питомцевъ.

Біографія покойнаго, безъ сомнѣнія, извѣстна, хотя-бы въ общихъ чертахъ, уважаемому собранію, но я не могу не коснуться ея, какъ потому, что жизнь проф. Андреевскаго была столь богата самыми разнообразными проявленіями его кипучей дѣятельности, что трудно укладывается въ рамки одного біографическаго очерка,—всегда можно прибавить что-либо новое, такъ и потому, что въ событіяхъ его жизни находимъ мы часто объясненіе дѣламъ его.

Всегда тяжело, невыразимо грустно присутствовать при смерти дорогаго человѣка, но особенно тяжело это въ томъ случаѣ, когда неумолимая смерть вырываетъ изъ нашей среды человѣка, полнаго жизненныхъ силъ, прерываетъ его дѣятельность какъ-бы на полпути. Великъ и славенъ путь, совершенный покойнымъ въ его шестьдесятъ лѣтъ жизни, но многое еще могъ-бы онъ совершить, много свѣтлыхъ предначинаній умерло съ Иваномъ Ефимовичемъ, многое онъ только намѣтилъ, другое началъ, но не довелъ до конца.

Родился Иванъ Ефимовичъ 13-го марта 1831 года, умеръ 20-го мая 1891 года. По странному совпаденію скончался въ тотъ день, когда онъ былъ назначенъ ассистентомъ на экзаменѣ по полицейскому праву, его любимой науки, въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія.

Получивъ прекрасное домашнее образованіе, Ив. Еф. въ

совершенствѣ зналъ новые языки и, окончивъ курсъ съ серебряною медалью въ первой с.-петербургской гимназіи. Ив. Еф., семнадцати лѣтъ, поступилъ на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета и всею душою отдался изученію юридическихъ и особенно политическихъ наукъ. Съ 1848 года Ив. Еф. принадлежитъ с.-петербургскому университету, съ которымъ и официально не прекращалъ служебныхъ связей до самаго выхода въ отставку отъ должности ректора, 28-го мая 1887 г. Во время студенчества Ив. Еф., въ петербургскомъ университетѣ преподавали К. А. Неволинъ гражданскіе законы и П. Д. Калмыковъ энциклопедію; послѣдній зналъ Ив. Еф. еще какъ своего питомца по первой гимназіи, гдѣ онъ былъ директоромъ.

Подъ руководствомъ этихъ двухъ выдающихся ученыхъ, съ которыми Ив. Еф. оставался дружнымъ до самой ихъ смерти, и выработался замѣчательный талантъ проф. Андреевскаго; но, высоко цѣняя своихъ уважаемыхъ руководителей, Ив. Еф. очень рано обнаруживаетъ и значительную самостоятельность: противно совѣтамъ К. А. Неволіна, видѣвшаго въ немъ достойнаго себя преемника, онъ не пожелалъ посвятить себя гражданскому праву, но избралъ политическія науки, въ то время слабо представленныя въ курсѣ преподаванія. Окончивъ университетъ, Ив. Еф., для приготовленія себя къ чтенію русскаго государственнаго права, поступилъ въ камеру губернскаго прокурора (Н. Г. Богуславскаго), чтобы ознакомиться съ практикою нашего административнаго механизма, самъ-же ревностно углублялся въ то же время въ изученіе родной исторіи. Противоположности совмѣщались при живомъ характерѣ покойнаго ученаго: днемъ разбиралъ онъ отношенія разныхъ правительственныхъ учрежденій въ камерѣ губернскаго прокурора, а вечера посвящалъ изученію памятниковъ объ отношеніи русскихъ къ иностранцамъ въ древній періодъ нашей исторіи. Результатомъ была магистерская диссертация: „О правахъ иностранцевъ въ Россіи до половины XV столѣтія“ (Спб. 1854 г.)

И въ этомъ трудѣ, и въ послѣдующихъ, весьма многочисленныхъ, почтенный профессоръ съ особою любовью относится къ нашей родной старинѣ. Далекій отъ кваснаго патріотизма, онъ не примкнулъ и къ тѣмъ порицателямъ русской жизни за

то только, что она русская, напротивъ, всѣ его сочиненія дышутъ любовью къ русскому народу, и если онъ особенно охотно изучаетъ періодъ древній, удѣльно-вѣчевой, то потому, что тамъ особенно связываются коренныя основанія русскаго быта.

Добросовѣстно работая надъ своими историческими изслѣдованіями, не чуждался Ив. Еф. и такъ называемой черной работы по изданію мало извѣстныхъ памятниковъ юридическаго быта: въ 1855 г. онъ выпускаетъ: „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году“.

13-го февраля 1855 года началъ Ив. Еф. свою преподавательскую дѣятельность въ петербургскомъ университетѣ и продолжалъ ее безъ перерыва въ теченіе 32-хъ лѣтъ; начавъ съ чтенія „законовъ о государственныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи“, онъ въ слѣдующемъ-же учебномъ году, 12-го сентября 1855 г., открываетъ курсъ „законовъ государственнаго благоустройства и благочинія“, результатомъ котораго и была обработка его знаменитаго курса полицейскаго права. Одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ изслѣдователей исторіи русскаго права, пр. Загоскинъ такъ характеризуетъ въ своемъ перечнѣ литературы по исторіи русскаго права этотъ трудъ пр. Андреевскаго: „множество историческихъ указаній“, но мы скажемъ болѣе: по нѣкоторымъ вопросамъ есть цѣлыя историческія монографіи. И въ предъидущихъ своихъ трудахъ Ив. Еф. является, главнымъ образомъ, историкомъ права“ (въ 1864 г. „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ“). Онъ самъ говорилъ въ этомъ отношеніи: „невозможно понять нынѣшняго государства безъ пониманія общества, его составляющаго; невозможно понять ни того, ни другаго, ни существующей между ними связи, безъ ихъ прошедшаго“ (Сборн. Археол. инст., кн. 2-я, 1879 г., стр. прил. 24).

Въ историческихъ своихъ изслѣдованіяхъ особенное значеніе даетъ Андреевскій началу земскому, зародившемуся въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи и не утратившемуся и въ московскій; отрицательно относится онъ вездѣ къ господству подьячаго на Москвѣ, но съ любовью выдвигаетъ обращеніе московскаго правительства къ старой системѣ выбора излюбленныхъ людей самимъ земскимъ обществомъ. Эти, дорогія сердцу Ив. Еф.,

начала получили широкое развитіе въ реформахъ 1860-хъ годовъ, и трудъ его „Полицейское право“, первый томъ котораго появился въ свѣтъ въ 1870 году, исполненъ самымъ искреннимъ горячимъ сочувствіемъ къ этой сторонѣ отечественнаго законодательства. Въ своемъ предисловіи онъ пишетъ: „русское общество, призванное новѣйшими великими реформами къ самостоятельной полицейской дѣятельности, уже успѣло не только поставить новые совершенно вопросы, но и направить надлежащее ихъ разрѣшеніе. Немного лѣтъ дѣйствующія земскія собранія представляютъ многіе труды, мало еще разсмотрѣнные. Изучить эту полицейскую дѣятельность общества рядомъ съ полицейскою дѣятельностью правительства и разъяснить начала, связывающія въ самомъ законодательствѣ эти двѣ вѣтви органически, было задачей моего труда“. Проф. Андреевскій далъ впервые полную научную систему полицейскаго права въ Россіи, онъ-же одинъ изъ первыхъ принялся за разработку того обширнаго матеріала, который представляетъ дѣятельность земства, и при томъ не съ точки зрѣнія исключительнаго преклоненія передъ тѣмъ, что дѣлаетъ новое земство, но съ достойнымъ критическимъ анализомъ, указывая и недостатки этой дѣятельности, и возможность болѣе плодотворнаго ея развитія.

Благодаря усиліямъ проф. Андреевскаго и его авторитету, было положено въ университетѣ начало библиотеки земскихъ изданій. Сдѣлавъ въ имп. воѣнно-экон. обществѣ сообщеніе о необходимости болѣе близкаго ознакомленія съ земскою дѣятельностью и предложивъ для этой цѣли ежегодное, съ 1876 года, изданіе „Земскаго Ежегодника“, И. Е. Андреевскій сдѣлался редакторомъ этого ежегодника за первый годъ его существованія; по его плану слѣдовало еще издать общій сводъ дѣятельности земствъ за первое десятилѣтіе ихъ существованія, но этого не послѣдовало. Вопросы мѣстнаго управленія были излюбленными для уважаемаго профессора еще со времени его докторской диссертациі „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ“ (1864 г.), въ которой онъ прекрасно сопоставляетъ три эпохи въ развитіи мѣстнаго управленія; къ тому-же вопросу возвращается онъ въ Сборникѣ госуд. знаній, въ редактированіи котораго съ акад. Влад. Павл. Бесобразовымъ онъ участвовалъ, въ статьѣ своей „О реформѣ исполнительной полиціи въ Россіи“ (т. V, 1878 г.)

„Самый важный элементъ, который должна провести реформа, это—открытіе возможности для созданія такой полицейской административной практики, при которой могла-бы родиться гармонія полицейской дѣятельности общины (села и волости), земства и органовъ земской полиціи“.

Достиженіе этой цѣли онъ видитъ въ поставленіи для должности губернатора „опредѣленнаго ценза политическаго образованія и постепенное подниманіе этого ценза“, что дастъ возможность установить впоследствии опредѣленный подобный-же цензъ и для должностей уѣзднаго исправника, и становаго пристава. Любимыя мысли свои о мѣстномъ управленіи мечталъ провести покойный профессоръ и въ комиссіи статсъ-секретаря Каханова, въ которую онъ былъ приглашенъ и въ трудахъ которой онъ принималъ самое горячее участіе.

Создавая ученіе объ управленіи, Ив. Еф. Андреевскій особенно интересовался тѣмъ, что было ближе всего его собственному административному положенію: для него были дороги судьбы народнаго просвѣщенія въ Россіи, вопросы образованія, болѣе всего—высшаго, университетскаго. Въ отношеніяхъ проф. И. Е. Андреевскаго къ родному университету кроется цѣлая эпопея, и величаво выдвигается личность покойнаго во всѣхъ его дѣлахъ, навсегда занесенныхъ въ хронику с.-петербургскаго университета. На похоронахъ проф. Андреевскаго группа студентовъ (прибавимъ, лично мало знавшихъ покойнаго,—со времени его оставленія должности ректора, въ 1887 г., прошло четыре года) возложила вѣнокъ съ надписью: „идеальному ректору, любимому профессору и честному человѣку“, и этимъ прекрасно охарактеризовала университетскую его дѣятельность. Три университетскихъ устава пережилъ Ив. Еф.; долѣе всего дѣйствовалъ при господствѣ устава 1863 года, въ составленіи котораго и самъ участвовалъ; прошелъ всѣ ступени профессорской и административной іерархіи въ университетѣ, и всегда во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проявлялъ одно и то-же неизмѣнное стремленіе къ чести и благу университета, въ которомъ онъ видѣлъ залогъ просвѣщенія Россіи.

Въ 1855 году, февраля 13-го, выступилъ молодой магистръ государственнаго права на университетской каедрѣ преподава-

телемъ русскаго государственнаго права, и въ 1887 г., мая 28-го, покинулъ университетъ заслуженный профессоръ, докторъ государственнаго права, занимавшій должность ректора съ 1883 г. (октября 3-го). Въ эти тридцать два года своего служенія университету, сдѣлалъ многое Ив. Еф. Андреевскій. При вступленіи его въ факультетъ, науки политическія были представлены весьма слабо въ юридическомъ факультетѣ, а со смертью К. А. Неволіна то-же можно было сказать и о знаніяхъ юридическихъ. И вотъ начинается составленіе юридическаго факультета, въ которомъ вліяніе Ив. Еф., безспорно, играло наиболѣе выдающагося мѣсто. При немъ, и благодаря во многомъ его стараніямъ, юридическій факультетъ становится на небывалую высоту; привлекаются новыя силы и изъ другихъ университетовъ, уже опытные преподаватели; готовятся воспитанники самого факультета и составъ его обогащается рядомъ славныхъ именъ; при уставѣ 1863 г. часто вліяли на систему закрытыхъ баллотировокъ и побочныя соображенія, помимо научнаго значенія лица и его пользы для преподаванія; никогда проф. Андреевскій не выступалъ на этотъ скользкій путь — онъ могъ ошибаться, но для него всегда на первомъ мѣстѣ стояла забота объ увеличеніи научныхъ силъ факультета. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранилъ навсегда и свое научное значеніе, и свое обаяніе относительно студентовъ, безграничнымъ довѣріемъ которыхъ онъ пользовался. И по служебному своему положенію, какъ секретарь факультета сперва (съ 1856 г.), потомъ какъ членъ университетскаго суда (1861, 1863—1869 гг.) имѣлъ профес. Андреевскій постоянныя сношенія со своими слушателями, но, сверхъ того, онъ живо интересовался и самъ ихъ успѣхами, вель весьма часто практическія занятія по своему предмету, разбиралъ важнѣйшія явленія литературы, приглашалъ и на домъ для собесѣдованія. Въ тяжелое для университета время его закрытія въ 1861 г. и суда надъ виновными студентами, проф. Андреевскій, какъ членъ университетскаго суда и уполномоченный университета, оказалъ весьма много услугъ разъясненію дѣла и смягченію участи многихъ студентовъ, особенно въ виду своихъ сношеній съ тогдашнимъ генераль-губернаторомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ. Въ юридическомъ факультетѣ

долго игралъ Ив. Еф. роль посредника, всѣми уважаемаго, къ которому обращались студенты не только съ научными вопросами, но и просто за совѣтомъ въ трудномъ житейскомъ дѣлѣ. Но особенно выяснилось значеніе Ив. Еф. въ должности ректора,—онъ напомнилъ собою средневѣковыхъ представителей университета, какъ *Universitatis magistrorum et discipulorum*: одинаково дороги его сердцу были интересы каждаго изъ студентовъ, равно стоялъ онъ на стражѣ университета, кого-бы ни касалось дѣло — преподающихъ или студентовъ. Въ высшей степени доступный, онъ выслушивалъ всѣ заявленія, старался удовлетворить всѣмъ разумнымъ и законнымъ желаніямъ, выражая такимъ образомъ на практикѣ осуществленіе одного изъ главныхъ положеній полицейской науки.

Нельзя не отмѣтить при этомъ замѣчательно симпатичное, сердечное отношеніе ко всѣмъ обращающимся къ нему; Ив. Еф. настолько владѣлъ собою, что ни усталость, ни раздраженіе, ни даже разстройство, которыя онъ могъ чувствовать, ничѣмъ не выражались въ его сношеніяхъ: всегда одинаково привѣтливо встрѣчалъ и провожалъ онъ имѣющаго до него нужду; со студентами-же его нѣжность, другаго слова я не могу найти, въ сношеніяхъ доходила до того, что казалось, что отецъ бесѣдуетъ съ дорогимъ его сердцу сыномъ; все, что было въ силахъ ректора, всегда было къ услугамъ учащейся молодежи.

Высоко цѣня культурное значеніе университета, Ив. Еф. давалъ особенное значеніе объединенію всего ученаго персонала университета и видѣлъ наилучшее тому выраженіе въ университетскомъ совѣтѣ, и при уставѣ 1863 года, и позже, при дѣйствующемъ 1884 года, онъ всегда искалъ опоры, поддержки въ совѣтѣ и никогда не рѣшался на какую-нибудь мѣру, не обратившись предварительно къ совѣту. И не только официальными были отношенія большинства членовъ совѣта къ ректору: въ его комнатѣ въ университетѣ собирались и профессора между лекціями, и послѣ совѣтовъ охотно продолжалась многими дружеская бесѣда за чайнымъ столомъ ректора. Безпристрастіе ректора было всѣмъ извѣстно, въ своихъ рѣшеніяхъ онъ руководился лишь благомъ университета, забывая все личное. Все свое время посвящалъ университету Ив. Еф. и только краткій

двухмѣсячный лѣтній отпускъ прерывалъ его неустанную дѣятельность. Всѣ учрежденія, близкія университету, были дороги его сердцу, такъ, особенно, общество вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ, дѣятельность котораго столь часто сталкивалась съ помощью самого ректора. Постоянно беспокоился онъ объ увеличеніи средствъ этого общества и первый обратилъ вниманіе совѣта на необходимость удѣлять изъ гонорара профессоровъ извѣстную для того часть.

Много заботился Иванъ Ефимовичъ и о внѣшнемъ расширеніи университета ради его научныхъ цѣлей: устройство новыхъ аудиторій, перенесеніе библіотеки, осуществившееся уже послѣ его смерти, сооруженіе новой химической лабораторіи были задуманы имъ.

И высоко цѣнили эту любовь проф. Андреевскаго къ родному университету всѣ, кому дороги были интересы университетскіе: ежегодно день 8-го февраля былъ торжественнымъ чествованіемъ излюбленнаго ректора; начиналось оно на актѣ, какъ только вступалъ онъ на кафедру для того, чтобы, по обычаю, имъ установленному, прочитать о трудахъ студентовъ, получающихъ медали; долго не смолкали восторженные рукоплесканія; а затѣмъ весь день, и особенно товарищескій обѣдъ бывшихъ студентовъ, были отмѣчены рядомъ овацій ректора: привѣтствовали его и давно покинувшіе стѣны университета, видѣвшіе въ его лицѣ выраженіе вѣчно юной многообщающей идеи нашей *almae matris*, съ восторгомъ принимали его и студенты, имѣвшіе въ немъ нѣжнаго, заботливаго попечителя о своихъ нуждахъ, и вездѣ находчивое, веселое, но вдумчивое слово ректора находило отголосокъ въ душѣ каждаго слушателя; вечеромъ онъ возвращался, измученный физически, но свѣтлый и радостный душою. Немногимъ суждено переживать такіе дни, но Иванъ Ефимовичъ Андреевскій подвергался такому восторженному приему не только всѣ годы, пока онъ былъ и официальнымъ представителемъ университета, и прежде, какъ популярный профессоръ, и послѣ своего удаленія изъ университета, какъ бывший его дѣятель, испытывалъ онъ то-же отношеніе. Масса телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи была ему лично адресована. Онъ являлся выразителемъ симпатій къ универси-

тету весьма многихъ, разсѣянныхъ по всей русской землѣ, его питомцевъ.

Если въ университетѣ была извѣстна дѣятельность Ив. Еф. не только Россіи, но и Европѣ, въ виду частыхъ сношеній съ западными университетами и учеными, то скромною, сравнительно, но не менѣе плодотворною представляется эта дѣятельность въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Замѣнивъ въ 1855 году знаменитаго К. А. Неволіна, проф. Андреевскій успѣлъ сдѣлать весьма многое по преподаванію энциклопедіи и исторіи русскаго права въ училищѣ. Онъ умѣлъ возбудить интересъ къ своимъ чтеніямъ: на школьной скамьѣ, въ третьемъ классѣ училища, задумывались планы дальнѣйшихъ работъ воспитанниковъ, восторженно слушавшихъ краснорѣчиваго лектора, когда передъ ихъ глазами проходили одна за другою стройною чередою картины минувшаго юридическаго строя Россіи. Идеальное въ правѣ находило себѣ выраженіе въ его энциклопедіи, прекрасно подготовлявшей къ слушанію важнѣйшихъ юридическихъ дисциплинъ. Да и вообще самый складъ ума Ивана Ефимовича Андреевскаго былъ склоненъ къ идеализаціи: любилъ онъ все человѣчество и часто идеализировалъ такія явленія и положенія, которыя казались съ перваго взгляда совсѣмъ того не заслуживающими, но проф. Андреевскій умѣлъ находить ихъ симпатичныя стороны и, слушая его, невольно приходилось становиться на его точку зрѣнія. Русское общество охраненія народнаго здравія, въ которомъ покойный дѣйствовалъ со времени его основанія, какъ предсѣдатель секціи школьной гігіены, а позже какъ вице-предсѣдатель всего общества, служить наилучшимъ доказательствомъ, какъ умѣлъ поставить новое дѣло проф. Андреевскій, благодаря тому горячему душевному отношенію, которое онъ обнаруживалъ во всякомъ интересующемъ его дѣлѣ: устройство дѣтскихъ лечебныхъ колоній, организація школы кухоннаго искусства, а главное—постоянное прогрессивное развитіе всѣхъ работъ „Общества“ были результатомъ его неутомимой кипучей дѣятельности. Онъ вызывалъ къ жизни новыя силы, изыскивалъ средства, твердо вѣря въ будущность дѣла. Заботы о проведеніи въ нашемъ обществѣ здоровыхъ началъ гігіены, о предупрежденіи многихъ опасностей, угрожающихъ жизни чело-

вѣка, живо его интересовали; и въ своемъ курсѣ, и въ своихъ рефератахъ, и лекціяхъ въ обществѣ, какъ и въ печатныхъ трудахъ общества неоднократно проводитъ Ив. Еф. свои мысли о борьбѣ съ разными болѣзнетворными началами путемъ ихъ предупрежденія.

Столь незамѣтно и быстро подкрадываясь къ нему смерть какъ-бы хотѣла доказать, что всѣ заботы, предупреждающія смертность въ массѣ, безсильны въ единичныхъ случаяхъ. Неопасная въ началѣ простуда, не смотря на самый тщательный медицинскій уходъ, свела въ могилу того, кто такъ бодро боролся со смертью для другихъ, обезпечивая санитарныя условія современнаго общества.

Въ лицѣ Ив. Еф. Андреевскаго угасъ доблестный представитель науки въ русскомъ обществѣ: не той науки академической, которая безстрастно и свысока смотритъ на окружающую земную обстановку, но науки, идущей нераздѣльно съ общественной жизнью, ея не чуждающейся. Всегда отзывчивый на всякій представляемый жизнью запросъ, Иванъ Ефимовичъ былъ дорогимъ сотрудникомъ по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ, къ разработкѣ которыхъ онъ привлекался (законы о печати, реформа духовныхъ академій, реформа университетовъ въ 1863 г., преобразование военно-учебныхъ заведеній и мн. друг.).

Лѣтомъ, отдыхая отчасти отъ своихъ постоянныхъ служебныхъ занятій, Ив. Еф. старался внести и въ ту сельскую обстановку, въ которой онъ находился послѣдніе годы своей жизни (Харьковской губ., Зміевского уѣзда, хуторъ въ 300 слишкомъ десятинахъ „Приволье“), тѣ здоровыя (полицейскія) начала жизни и хозяйства, которыя его интересовали. Медленно, не спѣша, но вѣрно шелъ почтенный ученый къ намѣченной цѣли въ своихъ изслѣдованіяхъ и печатныхъ произведеніяхъ. Замѣчательная добросовѣстность изслѣдованія, логичность и послѣдовательность выводовъ отличаютъ все вышедшее изъ-подъ пера проф. Андреевскаго, а увлекательная, живая, остроумная рѣчь еще возвышала прелесть всего, что онъ передавалъ лично. Въ области юридической науки онъ относится къ достойнѣйшимъ представителямъ стараго историческаго направленія, но я думаю, что по отношенію къ нему съ полною справедливостью можно

привести тотъ доводъ, которымъ онъ самъ объясняетъ избраніе „лучшихъ людей“ на „вѣрныя должности“ въ московскій періодъ: „красота городу старыя мужи“. И, дѣйствительно, гдѣ-бы ни поставила судьба проф. Ив. Еф. Андреевскаго, онъ украшалъ собою то дѣло, въ которомъ участвовалъ. Миръ праху твоему, незабвенный дѣятель, многихъ и многому доброму научившій.

Профессоръ С. В. Ведровъ.

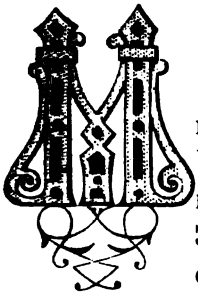

ВСЕВОЛОДЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ КОХОВСКІЙ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи членовъ Педагогическаго музея въ полугодовой день кончины В. П. Коховскаго

1-го декабря 1891 г.

I.

и милостивыя государыни и милостивые государи! Человѣческія общества развиваются постепенно, послѣдовательно, безостановочно, безъ перерыва. Этотъ незамѣтный ростъ иногда ускользаетъ даже отъ подготовленнаго наблюдателя: общество, какъ будто, находится въ застоѣ, въ состояніи дремоты; но уже а ргіогі можно заключить, что этотъ сонъ только кажущійся, что процессъ развитія продолжается и что наступитъ благопріятный моментъ—и незримая духовная дѣятельность проявится съ тѣмъ большею силою, чѣмъ продолжительнѣе былъ видимый отдыхъ.

Такимъ пробужденіемъ для русскаго общества была эпоха конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ. Правительство, а за нимъ и общество сознали потребность новыхъ порядковъ, новыхъ общественныхъ формъ. Мысль крѣпла, развивалась логично, и дѣятельность во всѣхъ сферахъ нашей жизни закипѣла съ лихорадочною поспѣшностью, какъ-бы стараясь наверстать потерянное время. Увлеченіе было всеобщее, подъемъ духа высокій.

Среди массы вопросовъ, предъявленныхъ самою жизнью,

возникавшихъ естественнымъ путемъ и поднятыхъ искусственно, вопросъ объ образованіи и общества и народа выдвинулся на первый планъ. Признавалось всѣми, что реформы тогда только могутъ быть жизненными, плодотворными, когда къ нимъ будутъ относиться сознательно всѣ—отъ тѣхъ, кому выпало на долю проводить ихъ въ жизнь, до тѣхъ, для кого онѣ предназначались; что общество, на какой-бы высокой ступени развитія ни находилось, роковымъ образомъ отражаетъ на себѣ невѣжество массъ; что чѣмъ прочнѣе культура, чѣмъ она равномернѣе распространена въ народѣ, тѣмъ выше уровень образованія массъ.

Благодаря этимъ взглядамъ, усвоеннымъ всѣмъ классомъ образованныхъ людей, преобразование коснулось высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, которыя въ теченіе короткаго промежутка времени по нѣскольку разъ измѣнили свой внутренній строй, а нѣкоторыя даже и свой типъ. Благодаря тѣмъ-же стремленіямъ, возникла, развилась и достигла процвѣтанія и начальная народная школа.

Военное министерство, наиболѣе испытывшее несостоятельность существовавшихъ тогда порядковъ, необыкновенно отзывчиво откликнулось на насущныя потребности и съ рвеніемъ принялось за преобразование арміи, военно-учебныхъ заведеній, а съ сокращеніемъ сроковъ службы нижнихъ чиновъ—устройствомъ полковыхъ школъ оно значительно содѣйствовало распространенію грамотности среди народа. Кадетскіе корпуса преобразуются въ военныя гимназіи, имъ придается типъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній реального характера; въ нихъ обращается особое вниманіе на методъ преподаванія, признается важное значеніе, особенно въ младшихъ классахъ, принципу наглядности. Вмѣстѣ съ преобразованиемъ корпусовъ кладется основаніе педагогической библіотеки, педагогическаго музея наглядныхъ пособій, основываются педагогическіе курсы при второй военной гимназіи и учительская семинарія военнаго вѣдомства въ Москвѣ для подготовки учителей; позднѣе при педагогическомъ музеѣ устраиваются чтенія для нижнихъ чиновъ и вмѣстѣ съ ними чтенія для народа.

Съ развитіемъ Педагогическаго музея и народныхъ чтеній тѣсно связано имя перваго его директора, Всеволода Порфирьевича Коховскаго, почтить память котораго мы и собрались сегодня.

II.

Всеволодъ Порфирьевичъ родился 2-го марта 1835 года, образование свое получилъ въ Дворянскомъ полку. 18-тилѣтнимъ юношею онъ былъ произведенъ въ офицеры 13-го августа 1853 г. въ 5-й стрѣлковый баталіонъ и чрезъ мѣсяць отправляется въ дѣйствующую армію, гдѣ, состоя въ отрядѣ генераль-адъютанта Лидерса, участвуетъ въ переправѣ черезъ Дунай, въ движеніи нашихъ войскъ на Силистрію, въ осаду этой крѣпости и въ отступленіи арміи въ предѣлы Россіи. Во время наступательнаго движенія на Силистрію и во время ея осады Всеволодъ Порфирьевичъ былъ въ дѣлахъ противъ турокъ, и при отраженіи ихъ вылазокъ имѣлъ случай выказать храбрость и хладнокровіе.

Пылкій и воспріимчивый, только-что оставившій школьную скамью, проникнутый вѣрою въ силу и могущество Россіи, наэлектризованный тогдашнимъ общественнымъ настроеніемъ, что мы непобѣдимы, что мы врага шапками закидаемъ, онъ долженъ былъ вынести горькое разочарованіе изъ этого, съ небольшимъ годъ, продолжавшагося похода.

Вернувшись въ Петербургъ, онъ тотчасъ-же переходитъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Сильное одушевленіе, охватившее все мыслящее и чувствующее, послѣ коронованія Ихъ Величествъ, стремленіе къ свѣту и знанію увлекло и В. П. Коховскаго. Онъ серьезно занялся самообразованіемъ, учился, много читалъ и въ 1860 г. поступилъ въ Николаевскую Академію генеральнаго штаба.

Окончаніе курса въ академіи, въ 1862 г., совпало съ тѣмъ временемъ, когда поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній и когда предварительныя работы близились уже къ концу.

Все общество, но особенно военные, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за развитіемъ этого преобразованія; все молодое, живое, мыслящее было на сторонѣ реформы. Наиболе воспріимчивые готовы были посвятить свою дѣятельность на воспитаніе подрастающаго поколѣнія, пробудить въ немъ любовь къ знанію, къ труду, подготовить его къ дальнѣйшему самообразованію.

Черезъ два съ половиною мѣсяца, по окончаніи курса въ академіи, В. П. прикомандировывается къ Павловскому кадетскому корпусу, а черезъ полгода назначается командиромъ первой роты. Когда-же Павловскій корпусъ былъ упраздненъ и изъ него было образовано Павловское военное училище, онъ былъ перечисленъ въ училище, съ утвержденіемъ въ должности ротнаго командира. Но строевая служба въ училищѣ, мало чѣмъ отличающаяся отъ службы въ полку, не удовлетворяла В. П. Онъ искалъ болѣе широкой дѣятельности и, спустя полгода послѣ назначенія его ротнымъ командиромъ, онъ уже хлопочетъ о болѣе педагогическихъ занятіяхъ. 14-го апрѣля 1864 г. онъ получаетъ назначеніе состоять при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній для приготовленія къ занятію должности инспектора классовъ.

Выдающіяся способности вновь причисленнаго къ управленію обращаютъ на себя вниманіе главнаго начальника, и въ февралѣ 1865 г. онъ предлагаетъ В. П. занять мѣсто начальника втораго, т. е. учебнаго, отдѣленія. Это предложеніе исполнѣ отвѣчало желаніямъ В. П. Въ періодъ проведенія преобразованій военно-учебныхъ заведеній въ жизнь, при возникновеніи военныхъ гимназій, съ ихъ своеобразнымъ курсомъ, съ введеніемъ новыхъ методовъ, при томъ живомъ отношеніи всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу воспитанія и обученія, когда стремились рѣшать вопросы не по буквѣ устава, а по его существу, роль начальника учебнаго отдѣленія, въ рукахъ котораго сосредоточивалось учебное дѣло всѣхъ заведеній, могла быть выдающеюся. Имѣя докладъ у главнаго начальника, онъ могъ направлять, объединять воспитательное и учебное дѣло. Такъ и понималъ В. П. задачи занятой имъ должности. Получая отчеты военныхъ гимназій и прогимназій, журналы педагогическихъ и воспитательныхъ комитетовъ, характеристики воспитанниковъ, онъ дѣлалъ изъ нихъ выдержки, группировалъ ихъ, освѣщаль съ тѣмъ, чтобы руководить, и помѣщаль въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ подъ псевдонимомъ Нуо.

Въ ноябрѣ 1868 г., по предложенію В. П., главный начальникъ приказалъ при главномъ управленіи образовывать, подъ предсѣдательствомъ полковника Коховскаго, комиссію, которой было поручено выработать общую инструкцію по воспитательной части военныхъ гимназій и прогимназій.

Приступая къ своей работѣ, комиссія предварительно обсудила вопросъ, какой характеръ должна носить эта инструкция, и остановилась на томъ, что она должна объяснить основы воспитательнаго дѣла, дать каждому дѣятелю возможность сообщить, что именно отъ него требуется и насколько всякая принимаемая имъ мѣра цѣлесообразна, а не упорядочивать внѣшнее проявленіе жизни учебно-воспитательнаго заведенія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ она закрѣпила-бы за заведеніями только извѣстныя внѣшнія формы веденія дѣла, по существу своему весьма подвижныя; основы-же попрежнему оставила-бы неуряченными.

Работа этой комиссіи, состоявшей изъ выдающихся педагоговъ того времени, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ серьезно смотрѣли тогда на задачи воспитанія и какія высокія требованія предъявляли тѣмъ, которые желали посвятить себя этому трудному и отвѣтственному дѣлу. По трудамъ этой комиссіи мы можемъ судить и о взглядахъ В. П. Коховскаго на дѣло воспитанія, такъ какъ взгляды предсѣдателя, притомъ живаго и энергичнаго, не могли не отразиться на работѣ комиссіи.

Въ то-же время его интересуеъ и учебное дѣло. Принципъ наглядности, получившій право гражданства въ преподаваніи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, требовалъ наглядныхъ пособій. Чѣмъ эти пособія цѣлесообразнѣе и доступнѣе для пріобрѣтенія, тѣмъ съ большею успѣшностью этотъ принципъ могъ примѣняться въ жизни учебныхъ заведеній.

Генераль-адъютантъ Н. В. Исаковъ, ставшій во главѣ военно-учебныхъ заведеній, при возникновеніи мысли объ ихъ преобразованіи, своимъ просвѣщеннымъ умомъ ясно понималъ значеніе хорошихъ пособій для успѣшнаго преподаванія. По его почину. 9-го февраля 1864 г., было положено основаніе педагогической бібліотеки и педагогическаго музея. Н. И. Константиновъ, въ іюль 1865 г. опредѣленный на должность бібліотекаря и завѣдующаго музеемъ, приложилъ особую заботу о пополненіи музея и о приведеніи въ систему имѣвшихся въ немъ пособій, такъ что въ 1866 г. уже представилась возможность устроить первую въ Россіи педагогическую выставку.

Но В. П. Коховскому казалось, что и пополненіе музея идетъ не достаточно быстро, и извѣстность музея среди родителей,

воспитателей, преподавателей — недостаточно распространена. И вотъ, чтобы познакомить и съ пособіями и съ ихъ употребленіемъ болѣе широкій кругъ лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ, онъ рѣшается воспользоваться всероссійскою мануфактурною выставкою 1870 года, устроенною въ зданіи Солянаго Городка.

Получивъ отъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній порученіе организовать участіе музея въ выставкѣ, В. П. пополнилъ пособія музея коллекціями, взятыми у петербургскихъ, а также у нѣкоторыхъ провинціальныхъ военныхъ гимназій, привлекъ къ участію въ выставкѣ книжные магазины Глазунова, Меллье, Шмицдорфа, картографическое заведеніе Ильина, эстампный магазинъ Беггрова и нѣкоторыхъ производителей учебныхъ пособій, привелъ всѣ выставленные предметы въ строгій порядокъ; при помощи преподавателей военныхъ гимназій составилъ описаніе ихъ и издалъ довольно объемистый „Каталогъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій педагогическаго отдѣла военнаго министерства. Выставка 1870 г.“.

Въ сравнительно короткое время, только благодаря неуслышимымъ трудамъ устроителя, его энергіи, его ясному и быстрому пониманію, педагогическій отдѣлъ военнаго министерства былъ составленъ въ такой полнотѣ и строгой системѣ, что обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

Одно изданіе объяснительнаго каталога было важною службою дѣлу обученія. Здѣсь были поименованы съ обозначеніемъ цѣны, съ краткою, но обстоятельною оцѣнкою пособія, примѣнимыя на всѣхъ ступеняхъ обученія и воспитанія, употребляемыя и въ до-школьный періодъ, и въ дѣтскихъ садахъ, и въ начальной школѣ, и въ среднемъ общеобразовательномъ заведеніи. При пособіяхъ, трудно объяснимыхъ словами, были приложены чертежи, такъ что этотъ каталогъ давалъ возможность, при устройствѣ начальной или средней школы, сдѣлать правильный выборъ всѣхъ необходимыхъ пособій.

Но В. П. не довольствовался такимъ полнымъ успѣхомъ, онъ смотрѣлъ шире на свою задачу, ему хотѣлось провести въ жизнь пользованіе учебными пособіями, вызвать производство въ Россіи тѣхъ пособій, которыя до того времени получались исключительно изъ-за границы, при чемъ удешевить ихъ насколько

возможно. Для достиженія этой послѣдней цѣли, пользуясь выставкою, онъ вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ производителями, и по его указаніямъ, даннымъ имъ моделямъ и чертежамъ, употребляя, гдѣ можно, болѣе дешевый матеріалъ, стали готовить пособія вдвое-втрое дешевле, чѣмъ это было до тѣхъ поръ.

Начало было положено. Надо было удержать это дѣло въ своихъ рукахъ. Для этой цѣли состоялся приказъ главн. начальника военно-учебныхъ заведеній, отъ 9-го ноября 1870 г., за № 44.

„Для дальнѣйшаго успѣха и развитія Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, учреждается при главномъ управленіи сихъ заведеній постоянная комиссія, подъ предсѣдательствомъ полковника Коховскаго, изъ членовъ постоянныхъ: члена педагогическаго комитета коллежскаго секретаря Весселя и завѣдующаго педагогическою бібліотекою и музеемъ надворнаго совѣтника Константинова, и временныхъ—изъ лицъ учебно-воспитательнаго состава петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній, по приглашенію комисіи. Въ засѣданія комисіи могутъ быть приглашаемы и постороннія лица, если это будетъ признано необходимымъ для пользы дѣла“.

Дѣлопроизводителемъ комисіи былъ назначенъ Н. П. Животовскій.

III.

Съ учрежденіемъ постоянной комисіи при Педагогическомъ музеѣ, Всеволодъ Порфирьевичъ, какъ предсѣдатель ея, сдѣлался полнымъ хозяиномъ всего дѣла.

Первою его заботою было, по возможности, пополнить музей, собравъ, по крайней мѣрѣ на первое время, всѣ тѣ предметы, которые были описаны и поименованы въ каталогѣ 1870 г. При этомъ его старанія были направлены на то, чтобы эти пособія были русскаго приготовленія; гдѣ представлялась возможность, съ ними рядомъ помѣщали для сравненія пособія, полученныя изъ-за границы, обозначая цѣны тѣхъ и другихъ.

Но собраніе и систематизація пособій, по мысли предсѣдателя постоянной комисіи, не должны быть цѣлью,—они только

средства, при помощи которыхъ музей долженъ знакомить посѣтителей, педагоговъ и учебныя заведенія, какъ должно быть обставлено преподаваніе для достиженія болѣе плодотворныхъ результатовъ. А потому, какъ только музей достигъ извѣстной полноты, В. П. приступилъ къ устройству публичныхъ чтеній по методикѣ общеобразовательныхъ предметовъ въ примѣненіи къ употребленію наглядныхъ пособій и публичныхъ бесѣдъ для дѣтей при помощи тѣхъ-же пособій. Всѣхъ чтеній въ 1871 г. было девятнадцать.

При осуществленіи этой мысли встрѣтились большія затрудненія: залъ главнаго управленія, гдѣ чтенія происходили, былъ малъ; пособія къ каждому чтенію приходилось переносить изъ музея въ помѣщеніе главнаго управленія, причемъ пособія портились, ломались. Съ пополненіемъ коллекцій музея помѣщеніе для нихъ оказалось недостаточнымъ, не было возможности ихъ размѣстить такъ, чтобы посѣтители съ полнымъ удобствомъ могли ихъ обозрѣвать и легко находить то, что желали видѣть. Благопріятныя обстоятельства помогли устранить эти неудобства.

Послѣ выставки 1870 г. явилась мысль устроить въ томъ-же Солянномъ Городкѣ постоянный музей прикладныхъ знаній. Генераль-адъютантъ Н. В. Исаковъ сочувственно отнесся къ этой мысли и своимъ вліяніемъ способствовалъ къ ея осуществленію. Въ концѣ 1871 г. былъ уже открытъ музей прикладныхъ знаній, педагогической музей военно-учебныхъ заведеній вошелъ въ составъ его, сохранивъ полную свою самостоятельность.

Теперь музей имѣлъ прекрасное, довольно обширное помѣщеніе, могъ пользоваться двумя залами для публичныхъ чтеній. вмѣстѣ съ этимъ расширяются и планы Всеволода Порфирьевича. У него является мысль устроить чтенія для солдатъ и вмѣстѣ съ ними чтенія для народа. Получивъ одобреніе главнаго начальника и заручившись содѣйствіемъ тогдашняго градоначальника Ѳ. Ѳ. Трепова для осуществленія этихъ чтеній, В. П. дѣятельно сталъ готовить эти чтенія съ осени 1871 г. въ особо назначенной комиссіи, и когда Высочайше было разрѣшено, въ видѣ временной мѣры, открыть чтенія для народа въ аудиторіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, какъ обладающаго необходимыми для того пособіями, то 28-го декабря было прочтено первое чтеніе протоіерея В. Г. Пѣвцова: „О святой землѣ“. Съ 28-го декабря по май 1872 г. было прочтено

84 чтенія и три публичныхъ лекцій, на которыхъ перебувало 24 тысячи слушателей.

Съ открытіемъ въ мартѣ 1872 г. при педагогическомъ музеѣ склада и магазина для продажи книгъ и наглядныхъ учебно-воспитательныхъ пособій, возникшаго по мысли В. П., онъ передаетъ этому учрежденію часть своихъ заботъ о пріисканіи производителей учебныхъ пособій и объ удешевленіи ихъ.

Московская политехническая выставка 1872 г. даетъ педагогическому музею случай предстать на судъ и на поученіе цѣлой Россіи. Явившись на выставку въ большой полнотѣ и системѣ, музей, дѣйствительно, произвелъ большое впечатлѣніе.

В. П. вполне воспользовался благоприятными условіями, чтобы широко проявить свою дѣятельность. По приглашенію администраціи выставки, онъ организовалъ курсы для учителей начальныхъ школъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи, открылъ въ Москвѣ первую народную аудиторію рядомъ выработанныхъ комиссіею чтеній, устроилъ выставку пособій для семейнаго обученія и воспитанія, далъ примѣръ пользованія кустарнымъ производствомъ для приготовленія пособій. Для этой-же выставки былъ составленъ и изданъ объяснительный каталогъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій.

Испытавъ свои силы въ двухъ русскихъ выставкахъ, В. П. рѣшается выступить и передъ Европою. Въ 1874 г. онъ образуетъ особую географическую комиссію, которая должна была произвести оцѣнку пособій по географіи и космографіи, опредѣлить ихъ относительное достоинство, составить планъ преподаванія географіи въ начальныхъ школахъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, разработать нѣкоторые теоретическіе вопросы по преподаванію географіи. Эти работы предназначались для международной географической выставки въ Парижѣ въ 1875 г.

Занятія географической комиссіи шли необыкновенно дружно, одушевленіе среди членовъ было полное, и достигнутые результаты вознаградили за понесенные труды. Педагогическій музей заслужилъ высшую награду, а парижскій географическій конгрессъ отнесся съ полнымъ одобреніемъ къ работамъ музея и постановилъ выразить желаніе, „чтобы во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ были устроены педагогическіе музеи по образцу русскаго педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“.

Такой успѣхъ побуждаетъ В. П. тотчасъ-же по возвращеніи изъ Парижа дѣятельно готовиться одновременно къ тремъ международнымъ выставкамъ: къ гигиенической въ Брюсселѣ, къ педагогической въ Лондонѣ и къ всемірной въ Филадельфіи. При содѣйствіи производителей, музей былъ прекрасно обставленъ на всѣхъ трехъ выставкахъ, такъ что повсюду обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Для выставки въ Брюсселѣ школьно-гигиеническая коммиссія, проработавшая пять мѣсяцевъ, создала гигиеническій кабинетъ, равнаго которому нѣтъ до сихъ поръ; а образцовый классъ, выработанный при особомъ участіи покойнаго А. П. Доброславина и Ѳ. Ѳ. Эрисмана, признанъ Брюссельскимъ конгрессомъ, дѣйствительно, образцовымъ. Затѣмъ музей участвовалъ во всемірной парижской выставкѣ 1878 г., въ бельгійской національной 1880 г. и въ географической въ Венеціи 1881 года.

Путемъ этихъ выставокъ репутація педагогическаго музея была прочно установлена не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ.

Труды предсѣдателя постоянной коммисіи педагогическаго музея далеко, однако, не ограничивались работами, вызываемыми участіемъ въ той или другой выставкѣ. Когда, по высочайшему повелѣнію, 1-го апрѣля 1872 г., дѣло народныхъ чтеній было передано въ руки министра народнаго просвѣщенія, а музею было предоставлено право только продолжать народныя чтенія въ Солянномъ Городкѣ, В. П. обратилъ особое вниманіе на обстановку самыхъ чтеній, на приготовленіе картинъ, на улучшеніе и удешевленіе фонаря, на строгій выборъ самыхъ чтеній и на болѣе широкое распространеніе ихъ въ народѣ. Приемы прилагались тѣ-же, что и при производствѣ пособій. Благодаря неутомимой настойчивости, эти заботы увѣнчались успѣхомъ. Волшебные фонари улучшены, и самые совершенные изъ нихъ теперь по цѣнѣ доступны почти каждому среднему учебному заведенію, картины по своему достоинству близки къ англійскимъ, а по дешевизнѣ могутъ конкурировать съ какими угодно заграничными; чтенія въ періодъ шестнадцати лѣтъ разошлись въ количествѣ миліона двухсотъ тысячъ экземпляровъ; въ музей чтенія стали сопровождаться сперва пѣніемъ, а потомъ музыкою, что вызвало возникновеніе сперва классовъ хороваго пѣнія, а

потомъ музыкальныхъ, которые быстро развились. Нѣкоторыя чтенія по физикѣ и технологіи были обставлены такъ полно, такъ наглядно, какъ это можетъ сдѣлать только музей. Но сборъ съ народныхъ чтеній не покрывалъ расходовъ, съ ними сопряженныхъ, и для того, чтобы имѣть необходимыя средства, стали устраивать публичныя лекціи. Дѣятельность музея постоянно возрастала, усложнялась...

Съ 1881 г. она, однако, нѣсколько измѣняетъ свой характеръ: народныя чтенія какъ-бы отступаютъ на второй планъ, возникаютъ комиссіи по предметамъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, музей болѣе не участвуетъ въ заграничныхъ выставкахъ, онъ даже отказывается отъ участія въ двухъ московскихъ.

IV.

Посвящая свою рѣчь личности В. П. Коховскаго, я невольно принужденъ говорить о дѣятельности педагогическаго музея, такъ какъ на всей этой дѣятельности рѣзко отражается личность перваго директора, скажу болѣе, они составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, душою котораго былъ всегда Всеволодъ Порфирьевичъ. Въ двадцатилѣтній періодъ дѣятельности его въ этомъ учрежденіи до тысячи дѣятелей прошли черезъ различныя комиссіи, работавшія подъ его предсѣдательствомъ; одни приходили, другіе уходили, одни работали болѣе продолжительный періодъ, другіе—короткій, одни шли на эту работу безкорыстно, ради только дѣла, другіе руководились самыми разнообразными побужденіями и расчетами; а онъ во весь этотъ двадцатилѣтній періодъ времени оставался одинъ, безсмѣнно у своего дѣла, ясно сознавая поставленныя имъ цѣли и твердо преслѣдуя ихъ, не смотря на препятствія и затрудненія, преодолевая или умѣло обходя ихъ, все и всѣхъ объединяя.

Обладая умомъ живымъ, воспримчивымъ, воображеніемъ пылкимъ, онъ мыслить образами, увлекался самъ и увлекалъ своихъ сотрудниковъ, глубоко вѣрилъ въ жизненность своихъ начинаній и умѣлъ передавать свою вѣру тѣмъ, кому приходилось съ нимъ работать. Онъ умѣлъ не только привлекать, но и выбирать необходимыхъ для преслѣдуемыхъ имъ цѣлей дѣятелей

умѣлъ ихъ очаровывать своею необыкновенною любезностью, полною благородства и чуждою всякой приторности; онъ входилъ въ виды и планы цѣннаго сотрудника, вполне проникался его идеями, легко ихъ усваивалъ и такъ при этомъ незамѣтно на него дѣйствовалъ, что тотъ и не подозрѣвая являлся исполнителемъ завѣтныхъ желаній искренно уважаемаго предсѣдателя.

Чутко относился Всеволодъ Порфирьевичъ ко всѣмъ вопросамъ дня, занимавшимъ и волновавшимъ общество, и отзывчиво откликался на нихъ чтеніемъ, лекціею, докладомъ или бесѣдою. Онъ сочувствовалъ всему полезному, всему, что можетъ удовлетворить насущныя потребности общества, и съ полнымъ радушіемъ открывалъ двери музея, гостепріимно принимая лице, учрежденіе, кружокъ подъ эгиду музея. Но при такой доступности, при такомъ широкомъ гостепріимствѣ, онъ умѣлъ твердо, энергично отстаивать интересы музея, съ тактомъ настойчиво удалять все то, что могло-бы уронить достоинства музея, или причинить какую-либо опасность его существованію.

Влагая всѣ свои силы въ дѣятельность, которая должна была содѣйствовать процвѣтанію музея, создать его славу, онъ былъ чуждъ узкихъ цѣлей: на всякое свое начинаніе онъ смотрѣлъ широко, стремился осуществить такъ, чтобы оно служило не только музею, не только тому вѣдомству, къ которому музей принадлежалъ, не только Петербургу, но по возможности всему народу русскому, даже болѣе—всему человѣчеству.

Предсѣдателемъ онъ былъ идеальнымъ. При основательномъ многостороннемъ образованіи, при большой начитанности, при гибкости ума, онъ чрезвычайно легко вникалъ въ суть чужой мысли, даже при изложеніи предмета, мало ему знакомаго; свободно владѣя рѣчью, онъ всегда могъ изящно изложить все существенное, иногда яснѣе самого докладчика. Онъ такъ мягко, спокойно, щадя самолюбіе оратора, могъ остановить его вовремя, приготовить ему почетное отступленіе, прекратить пренія, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда все за и противъ было высказано, сдѣлать точный выводъ и дать притомъ желаемое освѣщеніе. Его проникательность и находчивость не давали никому и никакому вопросу застать его врасплохъ: не теряясь, онъ могъ побѣдоносно отразить всякую непріятную неожиданность.

Трудолюбіе его было безгранично, стоить только взглянуть на массу отчетовъ, составленныхъ имъ о дѣятельности музея, обратить вниманіе на его занятія въ различныхъ засѣданіяхъ музея; однако, его работы по музею далеко не поглощали всего его времени. Какъ предсѣдатель экзаменаціонной комиссіи, онъ присутствуетъ на экзаменахъ ищущихъ правъ на преподаваніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, посѣщаетъ пробные уроки; какъ членъ педагогическаго комитета при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, онъ участвуетъ въ его засѣданіяхъ; какъ состоявшій при главномъ начальникѣ, исполняетъ возлагаемыя на него порученія, присутствуетъ на экзаменахъ въ военныхъ училищахъ, ревизуетъ корпуса, предсѣдательствуетъ въ разныхъ комиссіяхъ, время отъ времени учреждаемыхъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ. Съ 1871 года по 1881 годъ онъ получилъ девять командировокъ: двѣ въ Москву и семь за-границу; съ 1879 по 1888 годъ восемь разъ командированъ для осмотра во всѣхъ частяхъ кадетскихъ корпусовъ, причемъ имъ осмотрѣно шестнадцать заведеній, въ томъ числѣ онъ два раза ѣздилъ въ Сибирь.

Такая усиленная дѣятельность надорвала его здоровье; у него не хватило силъ побороть серьезную болѣзнь, закравшуюся къ нему въ послѣднее время; безжалостная смерть унесла благороднаго, честнаго дѣятеля, жизнь свою положившаго въ излюбленное имъ дѣло....

Педагогическій музей и съ нимъ все русское общество понесли тяжелую утрату.

П. И. Роговъ.

Отъ Редакціи. Память Всеволода Порфирьевича Коховскаго была вполне почтена въ стѣнахъ имъ устроеннаго и доведеннаго до высокой степени совершенства одного изъ наиболее полезныхъ учрежденій, каковъ есть и, надо надѣяться, каковымъ навсегда пребудетъ Педагогическій музей въ С.-Петербургѣ.

По приглашенію преемника В. П. Коховскаго, ген.-лейт. А. Н. Макарова, 1-го декабря 1891 года, въ полугодовой день кончины Всеволода Порфирьевича Коховскаго, было устроено торжественное собраніе членовъ Педагогическаго музея, при громадномъ стеченіи лицъ изъ всѣхъ слоевъ русскаго общества, знавшихъ и

чтившихъ покойнаго. Была отслужена панихида, при пѣніи народнаго превосходнаго хора, созданнаго подѣ сънью Педагогическаго музея; затѣмъ, послѣ вступительнаго слова ген.-л. А. Н. Макарова, открывшаго засѣданіе, четырьмя лицами, духовнымъ и свѣтскими, ближайшими сотрудниками покойнаго директора, были послѣдовательно сказаны краткія, но полныя содержательности и чувства рѣчи, всесторонне освѣтившія прекрасную личность Всеволода Порфирьевича и его многолѣтнюю, смертью лишь прерванную, дѣятельность.

Эта угасшая жизнь дѣятеля, глубоко, горячо любившаго отечество и славный народъ, его населяющій, всецѣло была отдана дѣлу упроченія и развитія образованія въ этомъ народѣ.

Одинъ изъ достойныхъ друзей и сотрудниковъ В. П. Коховскаго, Павелъ Игнатьевичъ Роговъ, особенно хорошо освѣтилъ личность и дѣятельность покойнаго, и приведенная выше рѣчь, прекрасно, съ глубокимъ чувствомъ прочитанная г. Роговымъ, произвела сильное впечатлѣніе и была покрыта долго несмолкавшими рукоплесканіями.

„Русская Старина“ глубоко чтитъ покойнаго В. П. Коховскаго и выразила свое уваженіе къ нему и къ учрежденію, можно сказать, имъ созданному, — „С.-Петербургскій Педагогическій музей“, — въ очеркѣ по поводу двадцатипятилѣтней годовщины этого учрежденія (см. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXI, стран. 645—658); тамъ-же приведены и биографическія свѣдѣнія о цѣрвохъ директорѣ музея.

„Русская Старина“ не одинъ еще разъ возвратится къ личности покойнаго Всеволода Порфирьевича ¹⁾, такъ какъ это былъ полный представитель одного изъ тѣхъ учреждений, которое мы безосибочно назвали, въ привѣтствіи, къ нему обращенномъ на торжествѣ 9-го февраля 1889 года, „однимъ изъ самыхъ дорогихъ свѣточей науки и знанія, и доколѣ будутъ горѣть таковыя свѣточы яркимъ огнемъ, доколѣ огонь этотъ не ослабнетъ, дотолѣ каждый можетъ мириться съ недостатками настоящаго и съ надеждою взирать на лучшее будущее“ („Русск. Стар.“, изд. 1889 г., т. LXI, стр. 654—655).

Ред.

¹⁾ Мы озаботились поручить одному изъ лучшихъ русскихъ художниковъ-гравировъ на мѣди исполнить портретъ В. П. Коховскаго, каковая гравюра и будетъ, по ея исполненіи, приложена къ „Русской Старинѣ“.

Ред.

Уваженіе Петра Великаго къ памятникамъ старины

1701 г.

Пораженіе русскихъ войскъ шведами при Нарвѣ имѣло послѣдствіемъ, какъ извѣстно, потерю всей нашей артиллеріи. Для продолженія борьбы съ Карломъ XII нужно было вновь ее создать, и для этого со стороны монарха были употреблены всевозможныя усилія и даже принята мѣра, дотолѣ неслыханная, именно повелѣно знатнымъ церквамъ и монастырямъ доставить въ Москву на Пушечный дворъ четвертую часть находящихся въ нихъ колоколовъ для перелитія ихъ въ пушки ¹⁾. Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія, Троице-Сергіевъ монастырь прислалъ слѣдующую съ него часть колоколовъ, изъ которыхъ одинъ послужилъ предметомъ ниже помѣщаемаго доклада артиллерійскаго приказа:

„Въ нынѣшнемъ 1701 году, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, велѣно быть у приему колоколовъ четвертой части столнику Тимоѣею Кудрявцову. И февраля въ 6 день привезено ис Троицкаго Сергіева монастыря болшіе колокола, пудъ по сту и болши; и ис тѣхъ колоколовъ одинъ колоколъ

¹⁾ Кромѣ колоколовъ, повелѣно было на Пушечный дворъ прислать изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей „пивоваренныя и квасоварныя котлы и винокуренныя кубы и иную мѣдную застойную посуду, oprичъ самыхъ нужныхъ поваренныхъ и столовыхъ судовъ“.

А. В.

по подписи явился, что онъ литъ въ лѣто 6935-е ¹⁾ при благочестивѣйшемъ великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ и при архіепископѣ Фотіи Кіевскомъ и всеа Росіи во обители преподобнаго отца Сергія при настоятелствѣ отца игумена-жъ Никона. И за такимъ подписаніемъ и древними лѣты тотъ колоколъ въ четвертую часть принимать-ли или впредь для памятнаго Троицкого Сергіева монастыря властямъ отдать и вмѣсто того колокола взять у нихъ, властей, въ четвертую часть иными колоколами или котелною мѣдью, и о томъ что великій государь укажетъ?

1701 г., марта въ 10 день, великій государь указалъ, по имяному своему государеву указу, тотъ колоколъ отдать имъ безъ зачету, и за тотъ колоколъ иной мѣди колокольной или какой не имать, и велѣтъ имъ тотъ колоколъ въ монастырѣ беречь. И о томъ къ нимъ послать государеву грамоту, а къ Тимоѣю Кудряцову память“.

На оборотѣ слѣдующая замѣтка: „1701-го, марта въ 10 день таково писмо подалъ столникъ Тимоѣей Кудряцовъ выписать въ докладъ тотчасъ“.

Колоколъ этотъ, какъ видно изъ приложенія къ статьѣ іеромонаха Арсенія: „О Царь-колоколѣ Святотроицкой Сергіевой лавры“ (Записки отд. русск. и славянск. археологіи имп. русск. археологическаго общества, т. III, стр. 111), находится доселѣ во второмъ ярусѣ лаврской колокольной въ числѣ зазвонныхъ и, вѣроятно, тотъ самый, который въ описи 1642 г. названъ „колоколъ чудотворцовъ, благовѣстятъ въ него въ понедѣльникъ, въ среду и въ пяттокъ“.

Сообщ. академ. А. Э. Вычговъ.

¹⁾ 1427 года отъ Р. Х.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСѢВНА,

ПИСЬМА ЕЯ КЪ КОМЕНДАНТУ ЦИГЛЕРУ

(1786 — 1787 гг.).

Въ помѣщаемыхъ далѣе трехъ собственноручныхъ письмахъ императрицы Екатерины II къ шлиссельбургскому коменданту Циглеру рѣчь идетъ о маіорѣ Карлѣ Герсдорфѣ, состоявшемъ при принцѣ Виртембергскомъ Фридрихѣ.

Принцъ Фридрихъ, братъ великой княгини Маріи Ѳедоровны, оставивъ прусскую службу, пріѣхалъ въ Россію въ 1782 г. и назначенъ былъ выборгскимъ генераль-губернаторомъ. Пріѣхалъ онъ съ своею женою, Августою, рожденною принцессою Брауншвейгскою, съ которою жилъ не въ ладахъ. Домашнія несогласія ихъ кончились тѣмъ, что въ декабрѣ 1786 г. принцесса Августа обратилась къ заступничеству императрицы. Результатомъ этого было то, что принцъ Фридрихъ покинулъ тогда-же Петербургъ и уѣхалъ на родину, а принцесса Августа отправлена была въ Эстляндію, гдѣ и умерла 16-го сентября 1788 года.

Подробности объ этомъ можно найти въ моей книгѣ: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“ (3-е изд., 1887 г., стр. 314—321), и въ статьѣ г. Брикнера „Зельмира“ („Ист. Вѣстн.“ 1890 г., № 8 и 9).

Герсдорфъ пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ принцемъ Фридрихомъ и тогда-же принятъ былъ въ русскую службу ¹⁾; затѣмъ, когда въ декабрѣ 1786 года принцъ уѣхалъ изъ Петербурга, Герсдорфъ былъ арестованъ.

¹⁾ Сборникъ XVIII вѣка, изд. Бартенева. Москва, 1868 г., I, 403—404.

Не подлежит сомнѣнію, что, кромѣ обвиненія въ жестокомъ обращеніи съ женою, надъ принцемъ Фридрихомъ тяготѣли обвиненія болѣе серьезнаго свойства. Петербургскій повѣренный князя Потемкина, Гарновскій, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ („Русская Старина“ 1876 г., т. XV, стр. 19), что въ Петербургѣ „стеченіе разныхъ обстоятельствъ подало поводъ шептать другъ другу въ уши, будто-бы принцъ имѣлъ съ шведскимъ дворомъ опасную здѣшнему государству переписку, о которой г. Шпренгпортенъ преподалъ ей имп. в—ву первое извѣстіе, и какъ графъ Ангальтъ ѣздилъ недавно въ Финляндію, то думаютъ, что и сей посланъ былъ туда для того только, чтобы развѣдать обстоятельнѣе о подозрительныхъ дѣяніяхъ принца и о взятіи надлежащихъ противу оныхъ предосторожностей. Говорятъ, яко-бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся“.

Первое письмо императрицы, которымъ она сообщаетъ Циглеру о приѣмѣ арестанта, препровождаемаго къ нему комендантомъ петербургской крѣпости Чернышевымъ, помѣчено 29-го декабря 1786 года. Любопытно, что подъ этимъ-же числомъ Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что „говорено о принцѣ, что заслужилъ онъ внуть, ежели-бы не закрыли мерзкихъ дѣлъ его“.

Второе письмо, изъ Кіева, отъ 26-го марта 1787 г., содержитъ обѣщаніе императрицы, что заключеніе извѣстнаго арестанта продолжится не далѣе возвращенія ея изъ таврическаго путешествія.

Изъ путешествія этого императрица вернулась въ Царское Село 11-го іюля 1787 г., и третьимъ письмомъ, 11-го сентября того-же года, повелѣваетъ Циглеру, допустивъ къ Герсдорфу генераль-адъютанта графа Ангальта, освободить его.

Затѣмъ, рескриптомъ князю Потемкину 15-го сентября 1787 г. (Сборн. И. Русск. Ист. Общ., XXVII, 423), Володимірскаго драгунскаго полка премьеръ-маіоръ Герсдорфъ отправленъ въ армію, для употребленія его къ службѣ въ полку, но, какъ собственноручно приписано императрицею, не присылая его въ столицы. Замѣчательно, что въ чинъ премьеръ-маіора онъ произведенъ въ этотъ-же день, 15-го сентября 1787 г., какъ-бы въ вознагражденіе за содержаніе въ крѣпости. Дальнѣйшая его судьба мнѣ неизвѣстна. Въ послѣдній разъ имя его встрѣтилось мнѣ въ списокѣ воинскому департаменту на 1792 годъ (стр. 168), гдѣ онъ показанъ въ томъ-же чинѣ премьеръ-маіора Владимірскаго полка, сверхъ комплекта.

Д. Э. Кобеко.

I. ¹⁾.**Шлисселбургской крепости коменданту и кавалеру полковнику
фонъ Сиглеру.**

Секрѣтнейше.

Господинъ шлисселбургской крѣпости комендантъ фонъ Сиглеръ. Вручитель сего письма отдасть вамъ отправленнаго отъ (Санктпетербургской крѣпости оберкоменданта Чернышева, арестанта, котораго вы имѣтеъ принять и содержать въ Шлисселбургской крѣпости подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ, не давая ему ни чернилъ, ни бумаги и не допуская до него никого, и старайтесь, чтобъ до возвращенія моего въ Санктпетербурхъ никто объ немъ не узналъ.

При семъ посылаю къ вамъ двѣсти рублей, изъ которыхъ имѣтеъ ему производить на день пищи и питья безъ излишества, по вашему усмотренію. О его же состоянію и содержанію репортуйте прямо ко мнѣ двоижде въ мѣсяцъ, адресуя ваши репорты ко мнѣ, въ пакѣтѣ къ Почтъ-директору Эка въ Санктпетербурхъ.

Въ прочемъ пребываю къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Декабря 29-го числа 1786 года.

II.

**Бригадиру и шлисселбургскому коменданту и кавалеру фонъ Цыгеру
въ Шлисселбурхъ.**

По секрету.

Господинъ бригадиръ и шлисселбургской комендантъ фонъ-Цыгеръ, репорты ваши чрезъ двѣ недели я получаю исправно. Изъ послѣдняго отъ 16-го марта я усмотрѣла, что извѣстной арестантъ находится въ крайней горести и часто плачетъ. Освѣдомитесь у него о причинѣ его горѣсти, буде впредь услышите, что онъ продолжаетъ печалиться и обнодеживаетъ его, что его заключенію не

¹⁾ Письма напечатаны здѣсь съ точнымъ сохраненіемъ правописанія подлинниковъ.

продолжится далѣ моего возвращенія, лишь бы тогда пересталъ упрямится. Пребываю къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Изъ Кіева марта 26-го числа 1787.

III.

Господинъ брегадиръ и шлиселбурской комендантъ и ковалеръ фонъ Цыглеръ. По полученіе сего вы имѣетъ генерала поручика графа Ангалта, моего генералъ-адъютанта, до находящагося у васъ арестанта маіора Герсдорфа допустить, и приказаніи его освобожденіе того арестанта исполнить.

Пребываю къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Сентября 11-го числа 1787 года.

Сообщ. Д. Э. Кобеко.

МИХАИЛЬ ЛЬВОВИЧЪ ФАНТОНЪ-ДЕ-ВЕРРАИОНЪ,

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ.

Въ статьѣ о Т. Г. Шевченко, напечатанной въ майской книгѣ „Русской Старины“ 1891 г., упомянуто было о начальникѣ штаба Оренбургскаго корпуса, причемъ фамилія его была написана: „Фонтанъ-де-Верройонъ“. Въ сентябрьской книгѣ г. Старовъ поправилъ опечатку и объяснилъ, что настоящая фамилія начальника штаба писалась „Фонтонъ-де-Веральонъ“ (стр. 476).

Въ ноябрьской книгѣ изд. 1891 г. „Русской Старины“, стр. 473, баронъ Э. А. Бюлеръ, подтверждая поправку г. Старова, привелъ нѣсколько свидѣній о М. Л. Фонтонъ-де-Верральонѣ и, между прочимъ, сообщилъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ, любя французскую игру словъ, въ шутку прозвалъ М. Л. Фонтонъ-де-Верральонъ призракомъ зеленыхъ лучей—*fantôme des verts rayons*.

И г. Старовъ и баронъ Бюлеръ неправильно пишутъ фамилію того лица, о которомъ говорятъ. Фамилія бывшаго начальника штаба Оренбургскаго корпуса была не Фонтонъ-де-Веральонъ, а Фантонъ-де-Верраионъ, такъ онъ самъ всегда подписывалъ и подъ такою фамилією значился въ служебныхъ документахъ, а между прочимъ и въ спискѣ генеральнаго штаба, напечатанномъ въ 1884 г. (стр. 8).

Михаилъ Львовичъ родился въ 1804 г. въ католической семьѣ. Въ 1821 г. онъ вышелъ изъ школы колонновожатыхъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части. Потомъ былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и состоялъ при

Главномъ штабѣ. Участвовалъ въ войнѣ 1828—1829 гг. Генералъ-лейтенантомъ былъ съ 30-го августа 1858 г.

Послѣ Крымской войны, генералъ-маіоръ Фантонъ-де-Верраіонъ, вмѣстѣ съ ген. шт. полковникомъ барономъ Штакельбергомъ, участвовалъ въ международной комиссіи по отграниченію отошедшей, по Парижскому миру, части Бессарабіи. Затѣмъ онъ былъ бессарабскимъ губернаторомъ, числился съ 1874 г. въ запасныхъ войскахъ и умеръ не такъ давно въ глубокой старости.

Михаиль Львовичъ любилъ говорить остроты и каламбуры на русскомъ и французскомъ языкахъ. Это, можетъ быть, и дало поводъ къ шуткѣ великаго князя Михаила Павловича, если, впрочемъ, не самъ Михаилъ Львовичъ авторъ каламбура, приводимаго барономъ Э. А. Бюлеромъ. При произнесеніи правильно написанной фамиліи Михаила Львовича каламбуръ становится еще понятнѣе.

Д. Г. Анучинъ,
генер.-отъ-инфантеріи.

С.-Петербургъ.
6-го ноября 1891 г.

Капиталь стипендій бывшихъ воспитанниковъ
Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и
2-го военнаго училища

1807 ^{1882 г.}
14-е марта 1892 ¹⁾.

Въ день 75-тилѣтія Дворянскаго полка, 14-го марта 1882 года, бывшіе воспитанники этого заведенія, собравшись въ Петербургъ на товарищескій обѣдъ для чествованія памяти дорогаго ихъ сердцу питомника, порѣшили осуществить возникшую на этомъ обѣдѣ мысль объ учрежденіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для приходившихъ учениковъ и ученицъ, нѣсколькихъ стипендій, подъ наименованіемъ „стипендій бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и втораго военнаго Константиновскаго училища“.

Тогда-же присутствовавшіе на обѣдѣ положили основаніе капиталу для этихъ стипендій единовременнымъ взносомъ посильной лепты и избрали изъ своей среды трехъ уполномоченныхъ для исходатайствованія, въ установленномъ порядкѣ, разрѣшенія на учрежденіе означенныхъ стипендій согласно особому Положенію, главныя основанія котораго опредѣлены были участниками собранія.

Путемъ единовременныхъ-же взносовъ на товарищескихъ трапезахъ, бывающихъ ежегодно 14-го марта, предназначенный для стипендій капиталъ возросъ, въ теченіе девяти лѣтъ, до 3,000 руб., которые хранятся въ процентныхъ бумагахъ въ Главномъ Казначействѣ и находятся въ депозитѣ Константиновскаго военнаго училища.

¹⁾ Настоящее заявленіе подписано, вмѣстѣ съ ген. Гольмдорфомъ, генер.-лейт. Ник. Ник. Гавриловымъ, умершимъ въ Спб. 10-го дек. 1891 г.

Но какъ суммы этой далеко еще недостаточно для учрежденія предложенныхъ стипендій, а приращеніе ея одними процентами на собранный до сихъ поръ капиталъ не сулитъ скорого осуществленія мысли закрѣпить добрымъ дѣломъ имя Дворянскаго полка въ памяти потомковъ его благодарныхъ питомцевъ, то уполномоченные, для исходатайствованія разрѣшенія намѣченныхъ съ этою цѣлью стипендій, обращаются ко всѣмъ бывшимъ воспитанникамъ Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и 2-го военнаго Константиновскаго училища съ покорнѣйшею просьбою оказать возможное, по ихъ достаткамъ, содѣйствіе къ скорнѣйшему доведенію капитала до тѣхъ размѣровъ, при которыхъ проценты съ него составляли-бы ежегодно сумму, необходимую для учрежденія означенныхъ стипендій.

Денежныя пожертвованія лицъ, сочувствующихъ предложенному добродѣлю, могутъ быть, во всякое время, препровождаемы во 2-е Военное Константиновское училище, на имя начальника онаго, съ извѣщеніемъ о семъ, для сообщенія на ежегодныхъ товарищескихъ обѣдахъ 14-го марта, уполномоченнаго, находящагося въ С.-Петербургѣ, генераль-маіора Михаила Густавовича Гольмдорфа (Пантелеймоновская, 5).

Тис. Савилов.

Арматура Кадетскаго корпуса 1842 г.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ надомненныя платежа всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

НВ. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

* **Александръ**, В. П. Васильки и колосыя. Рассказы и очерки для юношества. Спб. 1892. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Александровъ, В. Н. О правахъ и преимуществахъ дипломатическихъ агентовъ. М. 1891. Ц. 30 к.

Александровъ, В. А. Краткое руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ. Спб. Ц. 30 к.

Арестъ. Нежтовий Роландъ. Съ гравюрами. Переводъ подъ редакц. В. Р. Зотова. Со статью его о значеніи этого творенія. Спб. Ц. 4 р.

Армейскіе вопросы. Вып. 1-й. Редакторъ-издатель Кошкаръ. Спб. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

* **«Артистъ»**. Театральный, музыкальный и художественный журналъ. № 17. М. 1891. Ц. 2 р.

* **Багалъ**, Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ, 1889. Ц. 80 к.

* **Багалъ**, Д. И. Братскія историческія очерки торговли (преимущественно ярмарочной) въ Харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Харьковъ, 1888. Ц. 30 к.

* **Багалъ**, Д. И. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и

отчасти Курской и Воронежской губ.). Томъ 1-й, Харьковъ, 1886. Ц. 2 р. Томъ 2-й, Харьковъ, 1890. Ц. 2 р. 50 к.

* **Багалъ**, Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Реценз. на кн. А. М. Лазаревскаго. Спб., 1891. Ц. 1 р.

* **Багалъ**, Д. И. Общій очеркъ древностей Харьковской губерніи. Харьковъ, 1890. Ц. 25 к.

* **Багалъ**, Д. И. Оч. ли изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго госуд. Т. I. М., 1887. Ц. 3 р.

* **Багалъ**, Д. И. Сочиненія, матеріалы статьи и замѣтки, относящіяся къ исторіи Слободской Украйны (критико-библиографич. очеркъ). Вып. 2-й, 1885—1890. Ч. 1-я. Обзоръ источниковъ. Харьковъ, 1891. Ц. 25 к.

Барбашевъ. А. Очерки литовско-русской исторіи XV вѣка. Витовтъ, послѣдніи двадцать лѣтъ княженія, (1410—1430). Спб. 1891. Ц. 3 р.

Батюшковъ, П. Н. Подолия. Историческое описаніе. Съ рисунками и картами. Спб. 1891. Ц. 3 р.

* **Бергардъ Таммеръ**. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго И. Ивакина. Съ 5-ю фототипіями. М. 1891. Ц. 1 р. 50 к.

* Этими знаками отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семеновскаго („Русской Старины“).

КАТАЛОГЪ КНИЖН. МАГАВИНА „РУССКАЯ СТАРИНА“ (ПРИЛОЖ. изд. 1892 г.).

I

Богдановичъ, В. И. Мистическіе знаки руки и ихъ значеніе. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

* Бриниоръ, А. Г. Потемкинъ. Съ 2 портретами. Спб. 1891. Ц. 2 р. 50 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. XIV. М. Ц. 6 р.

Вернъ, Ж. Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Съ рисунками и картами. Изданіе 2-е. Спб. Ц. въ хромофотогр. папкѣ 3 р.

Вернъ, Ж. Приключеніе капитана Гатераса. Необыкновенное путешествіе. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Спб. Ц. въ хромофотограф. папкѣ 2 р. 50 к.

Вернъ, Ж. Путешествіе вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Съ рисунками. Издан. 2-е. Спб. Ц. въ хромофотограф. папкѣ 1 р. 50 к.

Влезновъ, А. По вопросу объ утилизаціи товарныхъ вагоновъ. Спб. Ц. 20 к.

Волховская, А. Тяжелый годъ. Четыре разсказа изъ народнаго быта. Въ пользу голодающихъ. Спб. 1891. Ц. 20 к.

* Врангель, Ф. Ф. Бар. Колебанія климата. Лекціи въ Имп. Александровскомъ музеѣ. Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Спб. Ц. 30 к.

Вуальоне, А., и Дарантьо, Ш. Власть мужа и подчиненность жены. Спб. 1891. Ц. 60 к.

Втриниъ, Ив. Народно-солдатскій театръ. Харьковъ. Ц. 85 к.

Ѣ Гаршинъ, Всеволодъ. Третья книжка разсказовъ. Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и біографіи, написанной А. М. Скабичевскимъ. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 1 р.

Геллицинъ, Д., ин. (Мураллинъ). Судъ идетъ... — Иванъ. — Вальсъ. — Холодовъ. Спб. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Гольдензонсеръ, А. С. Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи. Кіевъ, 1891. Ц. 1 р.

Горбуновъ. Новыя учебныя планы и приѣбрныя программы мужскихъ гимназій и прогимназій. М. 1891. Ц. 50 к.

Гранстремъ. Синее знамя. Историческій разсказъ временъ нашествія монголовъ. Заимствовано съ французскаго. Съ рисункомъ. Спб. Ц. 2 р.

Гречениновъ, А. проф. Атласъ констук-

тивныхъ чертежей къ курсу устройствъ паровыхъ машинъ. Ч. I. Харьковъ. Ц. 7 р.

Гринъ, Дж. Р. Исторія англійскаго народа. Т. I. М. 1891. Ц. 3 р.

Гусевъ, А., проф. Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Н. Толстого и его руководителей. Казань. Ц. 60 к.

Гюго, Викторъ. Театръ. Анжело, драма. — Лукреція Боржіа, трагедія. Изданіе 2-е. Одесса, 1891. Ц. 80 к.

Десять тысячъ глѣтъ въ ледяной глыбѣ. Спб. 1891. Ц. 60 к.

Догель, И. М., проф. Предѣлы человѣческой жизни. Публичная лекція. Казань, 1891. Ц. 30 коп.

Добронравовъ, В. А., д-ръ. 2-й выпускъ лекцій по діагностикѣ женскихъ болѣзней. Кіевъ. Ц. 1 р.

Дружининъ, Н. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Спб. Ц. 1 р.

Dujardin-Beaumez, проф. Леченіе болѣзни желудка. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Ермаковъ, В. П. Вариационное исчисленіе въ новомъ изложеніи. Кіевъ, 1891. Ц. 30 к.

Ждановъ, Г. С. Краткое руководство для выѣдки верховой лошади. Съ рисунками. Спб. 1891. Ц. въ перепл. 1 р. 35 к.

* «Живая Старина». Періодич. изд., подъ редакц. В. И. Ламанскаго. Вып. IV. Спб. 1891. Ц. 2 р.

* Загоскинъ, Н. П. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань, 1892. Ц. 60 к.

Залшупнигъ, А. С. Очерки теоріи государственнаго кредита. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Зандъ, Жоржъ. Сочиненія. Т. I. Замокъ Вильпрэ. М. Ц. 1 р. 75 к.

Зарниціи, Я. И. Сборникъ проповѣдническихъ образцовъ. Опытъ гомилетической хрестоматіи. Спб. 1891. Ц. 2 р.

Зелинский, В. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М. Ц. 25 к.

Зичи, М. А., художн. Живописное приложеніе къ роману М. Ю. Лермонтова «Княжна Мери». Фотографическіе снимки съ рисунковъ. Спб. Ц. 20 р.

Игнатовичъ, Л. Л. Учебникъ географіи. Спб. Ц. 50 к.

* Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакц. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна:—

I. Вергилій, Энеида. I п. съ введ., примѣчан., 27 рис. и географич. картою. Объясн. проф. Д. И. Нагуевскій. Изданіе четвертое. Ц. 50 к.

II. Вергилій, Энеида. II п. съ введ., примѣчан., 13 рис. и географич. картою. Объясн. проф. Д. И. Нагуевскій. Изданіе третье. Ц. 50 к.

III. Корнелій Непотъ. Избранныя біографіи съ введ., примѣч., 48 рис. и географич. картою. Объясн. Л. А. Георгіевскій. Ц. 70 к.

IV. Ливій, I кн., съ введ., примѣч., 40 рис., 2 географич. картами и планомъ Рима. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. Ц. 80 к.

V. Ливій, XXI кн. съ введ., примѣч., 27 рис. и 2 географич. картами. Объясн. проф. Ф. Ф. Зѣлинскій. Ц. 1 рубль.

VI. П. Овидій Назонъ. Избранныя стихотворенія съ введ., примѣч., 56 рис. и картою звѣднаго неба. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. Ц. 1 рубль.

VII. Саллюстій. Югуртинская война съ введ. примѣч., 24 рис. и географич. картою. Объясн. К. А. Зембергъ. Изданіе второе. Ц. 70 к.

VIII. Г. Юлій Цезарь. Записки о гальской войнѣ. Кн. I, съ введ., примѣч., 32 рис., 2 планами сраженій и географич. картою. Объясн. С. А. Манштейнъ. Изданіе второе. Ц. 60 к.

IX. III. Туллій Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины съ введ., примѣч., 7 рис., географ. карт. и планами Рима и римскаго форума. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. Ц. 70 к.

X. Гомеръ. Илиада. I п. съ введ., примѣч., 15 рис. и географич. картою. Объясн. С. А. Манштейнъ. Изданіе второе. Ц. 50 к.

XI. Гомеръ. Илиада. III п. съ введ., примѣч., 22 рис. и географич. картою. Объясн. Ст. Ос. Цибульскій. Ц. 50 к.

XII. Гомеръ. Одиссея. I п. съ введ., примѣч. и 17 рис. Объясн. С. А. Радецкій. Изд. второе. Ц. 50 к.

XIII. Гомеръ. Одиссея. II п. съ введ.,

примѣч. и 12 рис. Объясн. С. А. Радецкій. Ц. 50 к.

XIV. Ксенофонтъ. Анабасисъ. I кн. съ введ., примѣч., 47 рис. и картою М. Азій. Объясн. Л. А. Георгіевскій. Изданіе второе. Ц. 50 к.

XV. Ксенофонтъ. Анабасисъ. II кн. съ введ., примѣч., 32 рис. и картою М. Азій. Объясн. Л. А. Георгіевскій. Изданіе второе. Ц. 40 к.

XVI. Ксенофонтъ. Воспоминанія о Сократѣ. I кн. съ введ., примѣч. и 3 рис. Объясн. К. В. Гибель. Ц. 40 коп.

XVII. Платонъ. Апологія Сократа съ введ., примѣч. и 5 рис. Объясн. А. О. Поспишилъ. Изданіе третье. Ц. 70 к.

Иностранныя беллетристы. М. Ц. 1 р.

Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891. Ц. 60 к.

Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Исслѣдованіе. Одесса, 1891. Ц. 2 р. 50 к.

* Марицкій, А. О. Уходъ за дѣтми перваго возраста. Кіевъ, 1880. Вып. 1-й. Ц. 10 к. Вып. 2-й. Ц. 10 к. Вып. 3-й. Ц. 25 к.

* Ивачевскій, А. Положеніе о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и Бѣлорусскихъ. Варшава, 1888. Ц. 1 р. 50 к.

Илючъ къ русскимъ упражненіямъ практическаго курса нѣмецкаго языка Э. Керковиуса. Изд. 3-е, исправл. Спб. Ц. 40 к.

Илючъ къ русскимъ упражненіямъ 1-й части II-го изд. концентрическаго учебника французскаго языка В. С. Игнатовича. Одесса, 1891. Ц. 20 к.

* Кондратовичъ, Ф. Задунайская сѣчь. Кіевъ. 1883. Ц. 1 р.

* Конспектъ по энциклопедіи права. По программѣ для окончат. испытаній. Составленъ по соч. Н. К. Ренненкампа, Аренса и др. Кіевъ, 1888. Ц. 30 к.

* Конспектъ римскаго гражданскаго права по программѣ юридической комиссіи. Кіевъ, 1889. Ц. 1 р. 25 к.

Конишинъ, М. Н. Общій уставъ желѣзн. дорогъ. Дополнен. законоеніями и распоряж. Правит. по 15-е октября 1891. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р.

* **Мормоновскій, Петръ.** Разказы о національномъ пчеловодствѣ. Кіевъ, 1884. Ц. 1 р.

Кроне, В. Д. О сельскомъ хозяйствѣ. Вып. 5-й. Т. III. 3-е, исправл. и дополнен. изданіе. Спб. 1891. Ц. 60 к.

* **«Круглый Годъ».** Календарь и записная книжка на 1892 г. Спб. Ц. 75 к.

Kunze, C., и Schilling, F. Руководство къ частной терапіи. Спб. Ц. 4 р.

* **Лабутинъ, И.** Арифметическія правила для повторенія полного курса арифметики. Спб. 1891. Ц. 15 к.

* **Лабутинъ, И.** Къ экзаменамъ. Вопросы для повторенія исторіи русской словесности. Спб. 1891. Ц. 15 к.

* **Лабутинъ, И.** Сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Звѣздочка на небѣ ясномъ». Спб. 1891. Ц. 15 к.

* **Лаврецій, М.** Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта. Ревель, 1891. Ц. 50 к.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Зимнее движеніе 1891—92. Спб. Ц. 60 к.

* **Лацинскій, А. С.** Хронологія русской военной исторіи отъ Петра I до новѣйшаго времени. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к.

* **Лашаревъ, П.** Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Кіевъ, 1889. 2-е изд. Ц. 1 р. 75 к.

* **Лилеевъ, Н. В.** Симеонъ Бекбулатовичъ Ханъ Касимовскій, великій князь всея Руси, впоследствии великій князь Тверской, 1567—1616. Тверь. 1891. Ц. 1 р.

Лимбергъ, А. К. Современная профилактика и терапія востойды зубовъ. Спб. 1891. Ц. 2 р.

Лисскій, Г. Г. Учебникъ и грамматика польскаго языка. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

* **Личность Лермонтова** въ его жизни и поэмѣ. Кяшиневъ, 1891. Ц. 10 к.

Ломброзо, Ц. Геніальность и помѣшательство. Съ портретомъ, таблицами и рисунками. Спб. Ц. 1 р.

* **Майновъ, Л. Н.** акад. Краткое описаніе о народвостаядомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Спб., 1884. Ц. 1 р.

* **Майновъ, Л. Н.** академ. Путешествіе

по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева. Спб., 1886. Ц. 3 руб.

* **Майновъ, Л. Н.** акад. Разказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Спб., 1891. Ц. 1 р.

* **Мамнастоѣвъ, А. Ф.** Курсъ геометрическаго черченія. Отд. I и II. Вып. I. Спб. 1890. Ц. 90 к. Отд. III. Вып. II. Ц. 1 р.

* **Мамнастоѣвъ, А. Ф.** Атласъ къ курсу геометрическаго черченія. Вып. I. Спб. 1889. Ц. 90 к. Вып. II. Спб. 1890. Ц. 1 р.

* **Мамнастоѣвъ, А.** Рисованіе и черченіе въ нашихъ школахъ. Спб. 1891. Ц. 20 к.

* **Мантегацци, П.** Физиологія и выраженіе чувствъ. Перев. съ франц. П. Я. Грота и Е. В. Вербидкаго. Кіевъ, 1886. Ц. 2 р. 50 к.

* **Мемуары,** относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). Перев. К. Мельникъ. Кіевъ, 1890. Ц. 1 р. 30 к.

Мерчингъ, Г. К. О движеніи жидкостей—воды, керосина и нефти въ трубахъ. Съ чертежами. Спб. 1891. Ц. 90 к.

Мерчингъ, Г. Электрическое освѣщеніе Одесскаго порта съ вопросомъ объ усиленіи отпускной способности русскихъ коммерческихъ портовъ. Спб. 1891. Ц. 60 к.

Михайловъ, А. Эсеиръ. Историческая повесть изъ древне-персидской жнани. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

* **Могилаевъ, М.** Повторительный курсъ русскаго государственнаго права. Кіевъ, 1890. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

* **Могилаевъ, М.** Церковное право примѣнительно къ программѣ Юридической комиссіи. Житомиръ, 1889. Ц. 1 р.

* **Настольный энциклопедическій словарь.** Издан. А. Гарбель и Кошп. Вып. 36. М. 1891. Ц. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Начала міросозерцанія при свѣтѣ научн. Краткое обзорніе природы. Спб. 1891. Ц. 85.

Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій. Восемь бесѣдъ. Съ портретомъ. Одесса. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Никитинъ, В. Н. Болѣзни носовой полости. 2-е испр. и дополн. изданіе. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к.

* **Нольментъ, бар., А.** Ученіе о поручительствѣ по римскому праву и новѣйшимъ законодательствамъ. Т. I. Спб., 1884. Ц. 2 р.

Оксъ, В. А., д-ръ. Календарь для акушероу на 1892 г. Ц. 1 р.

* **Омеляно Слободско-украинской Харьковской губ.** 1802 г. Съ предисл. Д. И. Багалъя. Харьковъ, 1889. Ц. 25 к.

Орловъ, В. М. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ Тамбовской губерніи при участіи Е. П. Якубенко, положенныя на 4 голоса, для стѣшаннаго хора. Сиб. 1890. Ц. 60 к.

Острогорскій, М. Юридическій календарь на 1892 г. Спб. Ц. 1 р.

Перельсъ, Ф., проф. Руководство къ выбору и употребленію сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій. Кіевъ. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Пашукоу, д-ръ. Гигіена волосъ и средства противъ преждевременнаго сѣдѣнія и выпаденія ихъ. Изд. 2-е. Спб. 1891. Ц. 40 к.

Рейтхоу. Европейскіе монархи и ихъ дворы. Съ портретами. Спб. Ц. 1 р.

Полный карманный путеводитель. Зима и весна, 1891—92. Ц. 50 к.

Поль, Винентій. Могорть. Рыцарскій рапортъ. Варшава. 1891. Ц. 1 р.

* **Полюшечъ, Лаврент.** Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистич. и историч. замѣтки. Кіевъ, 1887. Ц. 2 р. 50 к.

Пушкинъ, А. С. Бахчисарайскій фонтанъ. Роскошное изданіе, иллюстрированное художникомъ С. С. Соломко. Спб. Ц. 3 р.

Пылаевъ, М. И. Старая Москва. Разсказы изъ былой жизни первопрестольной столицы. Съ рисунками. Вып. XVI и XVII. Спб. Ц. вып. 50 к.

Пылаевъ, М. И. Старое житье. Очерки и разсказы о бывшихъ въ отшедшее время обрядахъ, обычаяхъ и порядкахъ въ устройствѣ домашней и общественной жизни. Спб. Ц. 2 р.

* **Раевскій, П. И.** Повѣсти. Кіевъ, 1891. Ц. 1 р.

Рейнеръ, Е. И. Кессонъ. Его изготовленіе, спускъ и погруженіе. Съ рисунками и таблицами. М. Ц. 2 р.

* **Ремоннампфъ, Вл.** Конституціонныя начала и политическія возрѣнія вл. Бисмарка. Кіевъ, 1890. Ц. 2 р.

* **Ремоннампфъ, Н. К.** Юридическая энциклопедія. Кіевъ. 1889. Ц. 2 р. 25 к.

* **Русская классная библиот., издав. подъ редакц. А. Н. Чудикова.** Вып. VI. А. С. Грибобѣдовъ. Горь отъ ума. 1891. Ц. 45 к.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 4-й. Спб. 1891. На веленевоу бум. Ц. 4 р.

Рымовъ, И. Г. Пособіе для преподаванія двойной итальянской бухгалтеріи. Харьковъ, 1891. Ц. 75 к.

Саронъ; Сборникъ исторіи, литературы и общественной жизни. Спб. Ц. 3 р.

* **Сборникъ узаконеній и распоряженій по землевладѣнію въ западныхъ губерніяхъ.** Кіевъ, 1885. Ц. 1 р.

Смилицынъ, Н. Полный конспектъ по исторіи русской литературы. Пермь, 1891. Ц. 65 к.

Сворцовъ, Д. Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря (нынѣ лавры). Историч. послѣдованіе. Тверь, 1890. Ц. 2 р. 50 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Маленькія дѣти. Съ рисунками. Спб. Цѣна въ папкѣ 40 к.

Сосницкій, А. Русская поэзія. Избранныя стихотворенія русскихъ поэтовъ, съ біографич. и пояснит. примѣч. М. Ц. 2 р. 50 к.

Сравнительныя таблицы русскихъ мѣръ съ французскими и англійскими мѣрами. Спб. 1891. Ц. 50 к.

Ст—къ, Я. Тридцатне-сороковыя годы. (Эпизодъ изъ исторіи нашего сельскаго хозяйства). Сиб. 1891. Ц. 1 р.

Степановскій, И. К. Вологодская старина. Историко-археологическій сборникъ. Вологда. 1890. Ц. 4 р.

Столяпинъ, Д. А. Очерки философіи и науки. Нашъ земледѣльческій кризисъ. М. 1891. Ц. 30 к.

Теличенко, И. И. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской комиссіи. Кіевъ, 1891. Ц. 80 к.

Техническое черченіе. Краткое руководство. Составл. по соч. А. Ц. Мегаде русскимъ инженеромъ. Спб. 1891. Ц. 80 к.

Тило, Марія, д-ръ Гигіена женщины. Спб. Ц. 40 к.

Тихановъ, В. А. Въ наши дни. Повѣсти и рассказы. Спб. Ц. 1 р.

Тихановъ, В. А. Военные и путевые очерки и рассказы. Спб. Ц. 1 р.

Топографическое описание Харьковскаго наместничества. Съ предисл. и примѣч. Д. И. Багалъя. Харьковъ. 1888. Ц. 50 к.

* Третьяковскій, М. Я. Сводъ изданныхъ министерствомъ юстиціи циркулярныхъ распоряженій и правилъ о разборѣ хранящихся въ архивахъ окружныхъ судовъ дѣлъ и документовъ, переданныхъ изъ упраздненныхъ судебныхъ установленій. Кіевъ, 1891. Ц. 30 к.

* Третьяковскій, М. Я. Указатель срочныхъ вѣдомостей о денежной и дѣлопроизводственной отчетности, а также и разныхъ свѣдѣній, подлежащихъ представленію окружными судами, предсѣдателями оныхъ, старшими нотаріусами, судебными слѣдователями и судебными приставами. Кіевъ, 1891. Ц. 40 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. Съ рисунками. М. Ц. 2 р. 30 к.

Уставы и правила объ акціонныхъ сборахъ. Ч. IV. Правила объ акціяхъ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ. Спб. 1891. Ц. 2 р.

Фармацевтический календарь на 1892 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Фламмаріонъ, К. Общедоступная астрономія. Съ рисунками. Спб. Ц. 1.

* Хрущовъ, И. П. Настольная книга для народа, въ четырехъ отдѣлахъ. Спб., 1891. Ц. 1 р. 50 к.

Цируль, К., и Касатинъ, Н. Систематическое руководство по ручному труду. Работы изъ дерева. Спб. 1891. Ц. 3 р.

Чернушенко, Д. Лекціи всемірнаго языка Volapuca. М., 1891. Ц. 30 к.

Чертежи и описаніе ульевъ Амброжевича Дубиня, Зубарева и золотого улья Куланды. Съ рисунками. Спб. Ц. 60 к.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шпалерный съ клеенкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

 Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются Магазиномъ «Русской Старины» (Мпх. Ив. Семевакаго) безъ малѣйшаго замедленія.

* Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1891 г., книга 3-я, изданіе подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1891. Ц. 3 р.

Schlöthe, I. Курсъ графической статистики. Съ таблицами. М., 1891. Ц. 2 р.

Шаригорскъ, К. Начальныя основанія астрономіи и математической географіи. Спб., 1891. Ц. 2 р.

Шопенгауеръ, А. Миръ какъ воля и представленіе. Изд. 3-е. М. Ц. 3 р.

Штуненбергъ, Л. А. Производство желѣзнодорожныхъ изысканій. Съ рисунками. Спб. 1891. Ц. 2 р. 50 к.

Щеголовъ, Д. Исторія социальныхъ системъ. Т. I. Изданіе 2-е. Спб. 1891. Ц. 2 р. 50 к.

* Эйхельманъ, О. Обзоръ центральныхъ и мѣстныхъ учреждений управленія въ Россіи и устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Кіевъ, 1890. Ц. 1 р. 25 к.

* Яснскій, М. Н. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губ. въ 1855 г. Кіевъ, 1890. Ц. 50 к.

* Яснскій, М. Н. Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. Кіевъ 1889. Ц. 1 р. 50 к.

* Яснопольскій, Н. П. О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи. Часть 1-я, Кіевъ 1890. Ц. 2 р.

* Захаровъ, Н. Очерки нравственнаго православно-христіанскаго ученія. Кіевъ, 1890. Ц. 1 р.

* Захаровъ, Н. Руководство къ церковному собесѣдованію или Гомилетика. Кіевъ, 1891. Ц. 80 к.

* Захаровъ, Н. Чтенія о догматическихъ истинахъ православно-христіанской вѣры. Кіевъ, 1890. Ц. 1 р.

Зелотистовъ, И. Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. Спб., 1891. Ц. 1 р. 15 к.

Изданія Воронежскаго статистическаго комитета.

Воронежскій губернскій статистическій комитетъ давно занимаетъ видное мѣсто въ ряду нашихъ губернскихъ комитетовъ. Размѣсканіе и печатаніе архивныхъ матеріаловъ, изслѣдованія по исторіи края, мѣстныя древности составляютъ предметъ его постояннаго вниманія и изученія. Такъ образовался цѣлый рядъ изданій, заключающихъ въ себѣ обширную коллекцію «актовъ», относящихся къ Воронежской и сосѣднимъ губерніямъ, и монографій, посвященныхъ исторіи гор. Воронежа и губерніи или представляющихъ статистическіе очерки различныхъ видовъ общественной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи Воронежскій статистическій комитетъ, благодаря установленной въ его средѣ прекрасной традиціи, давно выступилъ за предѣлы весьма узкой программы, связанной съ его первоначальнымъ назначеніемъ, и сталъ на болѣе плодотворную историческую почву. Такимъ образомъ, онъ весьма удачно выполняетъ ту роль, которая въ другихъ мѣстностяхъ выпала на долю только губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Еще въ 1887 г. комитетомъ предпринято было новое изданіе, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній», первый томъ котораго составили «воронежскіе акты», отчасти извлеченные изъ прежняго изданія того-же имени, а отчасти вновь изпечатанные, о чемъ мы сдѣлали замѣтку въ свое время. Въ недавно вышедшемъ II-мъ томѣ (Ворон., 1891, 296 стр.) помѣщены «Воронежскія писцовыя книги», 1615—1629 г., съ приложеніемъ указателя личнымъ и географическимъ именъ—трудъ гнѣзъ-же лицъ, которымъ принадлежитъ и редактированіе перваго тома «Матеріаловъ», а именно Л. Б. Вейнберга и А. Полторацкой. Въ томъ-же году появился другой трудъ Л. Б. Вейнберга: «Очеркъ извѣстнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи» — это альбомъ памятниковъ воронежской старины, вос-

произведенныхъ Е. Л. Марковымъ и Л. Г. Соловьевымъ и сопровождаемыхъ изслѣдованіемъ Л. Б. Вейнберга, но авторъ называетъ свой трудъ далеко еще незаконченнымъ, не болѣе какъ результатомъ предварительныхъ работъ. Въ настоящемъ вопросѣ, кромѣ собственно памятниковъ древности, обращаютъ на себя вниманіе статьи: «Слѣды хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губерніи» и «Памятники дѣяній Петра I въ Воронежѣ». Пользуясь случаемъ, упомянемъ здѣсь и о весьма интересномъ изданіи того-же комитета, подъ заглавіемъ «Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей». Историческій очеркъ (1838—1888), Ворон., 1888—1890 г. Уже самыя рамки этого труда, составл. Н. В. Воскресенскимъ (т. I, стр. 623+32, цѣна 1 руб. 50 к.), показываютъ, что онъ выходитъ изъ ряда подобныхъ предпріятій. Въ своемъ трудѣ авторъ даетъ очерки: Воронежской губернской типографіи до 1888 г.; объ умственной жизни въ Воронежскомъ краѣ до возстановленія «Губерн. вѣдомостей»; содержаніе статей неспеціального отдѣла «Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей»; объ умственномъ движеніи въ Воронежѣ въ 1860-хъ годахъ; краткій обзоръ умственной дѣятельности въ Воронежскомъ краѣ за послѣдніа 20 лѣтъ; мѣстная пресса (журналы и газеты); издательская дѣятельность въ Воронежѣ, типографіи и литографіи въ Воронежской губерніи; книжные магазины и бібліотеки; Воронежская публичная бібліотека; дѣло народнаго образованія; литературныя общества и т. п. Отдѣльная статья посвящена дѣятельности Воронежскаго статистическаго комитета. Изданіе сопровождается алфавитнымъ указателемъ именъ, встрѣчающихся въ немъ. Во второй томъ должны войти біографіи нѣкоторыхъ редакторовъ и сотрудниковъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и изъясненныя свѣдѣнія за 50 лѣтъ, составленныя на основаніи спеціального отдѣла «Губернскихъ Вѣдомостей» и другихъ данныхъ. Остается пожелать, чтобы и въ другихъ мѣстахъ нашлись

подражателя этого предприятия Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета, составляющаго цѣнный вкладъ въ нашу литературу. Проф. В. И.

С. М. Середонинъ. Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russian Common Wealth», какъ историческій источникъ. Спб. 1891. VI+399.

Герберштейнъ, Флетчеръ, Олеарій и Мейербергъ — вотъ тѣ иностранные писатели, извѣстія которыхъ о Россіи составляютъ основныя данныя, необходимыя для ознакомленія съ ея исторіею въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Безъ нихъ, какъ-бы ни былъ пристрастенъ къ своимъ отечественнымъ матеріаламъ изслѣдователь, не можетъ обойтись ни одинъ историкъ. Достоинство названныхъ писателей заключается именно въ томъ, что они не ограничиваются одною какою-либо стороною жизни, а даютъ довольно полную картину политическаго и общественнаго состоянія страны въ извѣстный періодъ. Авторъ изслѣдованія посвятилъ свои труды изученію англійскихъ извѣстій о Россіи въ XVI—XVII стол., а въ настоящемъ изданіи даетъ обстоятельную оцѣнку сочиненія Флетчера о Россіи. Предоставивъ въ своемъ введеніи обзоръ англійскихъ извѣстій о Россіи второй половины XVI вѣка, онъ въ послѣдующихъ отдѣльныхъ главахъ разсматриваетъ: 1) историко-географическія извѣстія Флетчера, 2) извѣстія о населеніи (о вѣншемъ бытѣ, о нравственныхъ и умственныхъ силахъ народа, о бытѣ социальномъ и экономическомъ), 3) извѣстія о власти, 4) извѣстія объ управленіи, которому посвящено нѣсколько главъ, а именно административному управленію, церковному управленію, судопроизводству, финансовому управленію и военному управленію.

Историческія данныя Флетчера г. Середонинъ постоянно сопровождаетъ сопоставленіемъ съ русскими источниками и другими извѣстіями, причемъ выясняются личныя воосвѣренія этого писателя на свой предметъ въ болѣе крупныхъ вопро-

сахъ (стр. 236—241, 286—288). Въ особенноти цѣнны выводы автора относительно цѣнровыхъ давшихъ Флетчера, протѣренныхъ по русскимъ источникамъ (актамъ и писемнымъ книгамъ), касающіеся финансовыхъ средствъ и военныхъ силъ государства.

Сочиненія Герберштейна, Олеарія, Мейерберга давно сдѣлались достояніемъ русской литературы. Сочиненіе Флетчера имѣетъ у насъ свою, можно сказать, неприглядную исторію. Въ свое время (1828) былъ сдѣланъ переводъ этого сочиненія для изданія общества исторій и древностей Россійскихъ, появленіе котораго сопровождалось печальными послѣдствіями для общества и его секретаря (О. М. Бодянскаго); тѣмъ болѣе печальными, что на этомъ дѣлѣ отразились лучшія отношенія, ничего общаго съ Флетчеромъ и историческою наукою не имѣющія (см. Дневникъ Бодянскаго и матеріалы о Флетчерѣ, напечатан. въ «Русской Старинѣ» 1890, LV, стр. 54, 428; Записки Никитенко, *ibid.*, стр. 386—388, 396—397). Правда, переводъ этотъ все-таки распространялся въ публикѣ и затѣмъ вновь отпечатанъ за границею, но записки Флетчера все еще остаются запретнымъ плодомъ для русскаго читателя. Въ книгѣ г. Середонина онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, ознакомиться съ обстоятельнымъ изложеніемъ этого сочиненія, хотя и не въ полной передачѣ.

Проф. В. И.

Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головою В. П. Сукачевымъ. М. 1891. 268 стр. Ц. 2 р.

Настоящій трудъ не есть произведеніе, основанное на нетронутыхъ еще архивныхъ матеріалахъ; напротивъ, онъ весь основанъ на печатныхъ источникахъ, находящихся въ общемъ пользованіи. Издателью принадлежитъ лишь сводъ этихъ данныхъ и общее направленіе, оцѣнка лицъ, дѣлъ и событій въ тѣхъ главныхъ отно-

шеніяхъ, на которыя указываетъ заглавіе книжки (266—267). Современемъ онъ общаетъ пополнить существующій пробѣлъ въ литературу новыми трудами, основанными на архивныхъ источникахъ и другихъ еще не тронутыхъ материалахъ. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ своемъ видѣ «Историческій очеркъ г. Иркутска» даетъ постороннему читателю весьма много, благодаря именно «общему направленію» и «оцѣнкѣ лицъ, дѣлъ и событій», проходящихъ чрезъ все страницы очерка, весьма живо и интересно изложеннаго его авторомъ. Значительный періодъ времени (почти 2½ столѣтія), а затѣмъ и административное значеніе этого пункта все еще мало отразились на приобщеніи его къ болѣе цивилизованной части имперіи. Главный интересъ книги сосредоточивается на двухъ выдающихся дѣятеляхъ его: гр. Сперанскомъ и гр. Муравьевѣ-Амурскомъ, а затѣмъ на текущемъ періодѣ жизни города, на его роли въ дѣлѣ изученія Восточной Сибири и смежныхъ съ нею странъ, на учебно-воспитательномъ дѣлѣ и т. п. вопросахъ. Въ живыхъ очеркахъ автора мы наглядно знакомимся и съ «ихорадоочною» дѣятельностью «любителей легкой наживы» (138) и съ primitивными условіями городской жизни («житьи не мостовыхъ, ни водопровода; освѣщеніе крайне слабо; санитарное положеніе города также неудовлетворительно», стр. 146). Смысла, по прежнему, тяжелымъ гнетомъ лежатъ на населеніи: въ 1886 году въ Иркутской губ. одинъ сильный приходится на двухъ взрослыхъ коренныхъ жителей, причѣмъ смыльные занимаютъ земледѣльемъ не любятъ, а мрутъ или на прииски, или въ бѣга, или въ городѣ... (148). За воротами города кончается сфера дѣйствія мѣстнаго самоуправленія. Тамъ судъ, полиція, слѣдователь, мировой посредникъ, блюститель земскихъ дѣлъ, судебный приставъ, пошалуи, даже и нотариусъ—все въ одномъ лицѣ земскаго заседателя (153). Управленіе крестьянъ, повсемѣстно въ Россіи примѣненное въ 1861 г., какъ будто забыто было ко введенію въ Сибирь (155).

Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, отъ «учрежденія» Сперанскаго остались одни только обломки (159—160). Предпримчивость «росскаго Колумба» Шелехова нашла себя потомъ болѣе строгаго судью въ лицѣ сароманаго ученаго Лагуса (177—179). Обширные изслѣдованія края, совершенныя учеными наблюдателями и мѣстными изслѣдователями, остаются пока болѣею частью подъ спудомъ (215—216), безъ прямого результата для края. Собственная литературная производительность этого послѣдняго въ значительной степени затрудняется отсутствіемъ въ Иркутскѣ ценоурнаго учрежденія, отъ чего издательская дѣятельность здѣсь немислима. До сихъ поръ почти все книги, касающіяся Восточной Сибири, издавались въ Петербургѣ или въ Москвѣ, между тѣмъ авторы многихъ изъ этихъ книгъ живутъ въ Иркутскѣ, гдѣ имѣютъ свои довольно удовлетворительныя типографіи (218—214). Въ Восточной Сибири сознаны и потребности въ среднемъ, и высшемъ, и женскомъ, и собственно народномъ образованіи, имѣется весьма значительный и разнообразный музей Географическаго отдѣла (а въ мужской гимназіи находится изданіе Антокольскаго «Юаннъ Грозный», принесенное ей въ даръ А. М. Сибиряковымъ); наконецъ, дѣлаются значительныя пожертвованія на образовательныя дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, но результаты всего этого сказываются какъ-то медленно, вяло (223, 224, 226, 241, 250—51, 254, 259). Частная учебная практика въ Иркутскѣ не особенно развита. Книжная торговля почти нѣтъ; книги продаются съ канцелярскими принадлежностями, игрушками и т. п., да и то болѣею частью учебники или случайно попавшія книги. Притомъ учебныя пособія и книги обходятся въ Иркутскѣ очень дорого и добыть ихъ не всегда бываетъ легко и удобно (255). Такимъ образомъ, историку Иркутска приходится возлагать большія надежды въ будущемъ на вліяніе Томскаго университета, съ открытіемъ въ немъ всѣхъ факультетовъ (265) и на проведеніе Сибир-

ской желѣзной дороги (159). Были въ средѣ администраторовъ этого края люди, ратовавшіе за объединеніе его съ горными русскими губерніями, но начала этого обширнаго дѣла только пока намѣчены (155—162). Вообще книга г. Сукачева, хотя имѣетъ общій характеръ, но затрогиваетъ много вопросовъ и вызываетъ на многія соображенія.

Проф. В. И.

В. В. Святловскій. Вопросы общественнаго здоровья. Варшава. 1891. 16 д., 375 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

У насъ въ Россіи, гдѣ смертность особенно велика и гдѣ гигиеническія условія городской жизни оставляютъ желать слишкомъ многого,—вопросы общественнаго здоровья имѣютъ такой жизненный, такой практическій интересъ, что не говорить о нихъ, не интересоваться ими—значитъ закрывать глаза на все окружающее. Конечно, именно въ подобнаго рода вещахъ „слова“ отнюдь не достаточно, но если оно ежедневно съ особливою настойчивостью и твердостью напоминаетъ намъ о несовершенствахъ „дѣла“, тѣмъ самымъ роль его становится почтенною и полезною, такъ что никто уже не въ правѣ упрямственно совѣтовать тамъ „словъ не тратьте по пустому, гдѣ нужна власть употребить“. Повторенія пережевываніе—тутъ необходимы и даже желательны: только постоянно въ одно мѣсто падающая капля можетъ просверлить камень... Всякому вотъ въротно повѣстно, что зловоніе нечистотъ, небрежно удаляемыхъ въ большинствѣ русскихъ городовъ, не служитъ ко благу ихъ обывателей, но развѣ не поучительно будетъ узнать этимъ послѣднимъ, что въ то время, какъ у насъ даже столицы продолжаютъ все еще довольствоваться своими примитивными выгребными ямами, одинъ Лондонъ уже затратилъ на урегулированіе этого дѣла 180 милліоновъ франковъ, а въ Данцигѣ, какъ оказывается, послѣ введенія сплавной канализаціи въ 1869 году смертность среди населенія упала сразу съ 49 чел. на тысячу до 28?! Точно такъ же ни для кого не новость, конечно, что

санитарныя условія нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній крайне неудовлетворительны, но едвали хоть одинъ изъ читателей могъ раньше подозревать, что напр. воздухъ классной комнаты жевской гимназій содержитъ подчасъ не меньше углероду, чѣмъ душная атмосфера въ какомъ-нибудь ночлежномъ пріютѣ Вязской лавры (см. стр. 327). Такихъ фактовъ изъ книги г. Святловскаго мы могли бы привести не мало; фактовъ, иллюстрирующихъ часто довольно общезвѣстную мысль, но тѣмъ не менѣе дающихъ ей новую силу и доказательность. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ слѣдующія три статьи: „Гигіена большихъ городовъ“, содержаніе которой явствуетъ изъ самаго заглавія: „Въ защиту подросткающаго поколѣнія“, обстоятельный разборъ санитарной стороны учебнаго дѣла въ Россіи съ указаніемъ наблюде наущныхъ реформъ въ данномъ направленіи, и, наконецъ, „Жилище рабочаго“ прекрасный очеркъ современнаго состоянія рабочихъ помѣщеній какъ на западѣ, такъ и у насъ. Последняя статья цифрами и фактами рисуетъ печальную картину грязи зловонія и ужасающей тѣсноты. Читая ея мы вспоминали невольно слова, съ которыми въ одной англійской драмѣ вдова вора обращается къ богатому помѣщику: „Наши дочери рождаютъ въ поворѣ дѣтей, но сквайръ, еслибъ ваши миссисъ спали тамъ, гдѣ спятъ наши дочери, онъ былъ бы не лучше“. И не въ одномъ этомъ случаѣ, а, если подумать, то очень и очень часто вопросы общественнаго здоровья окажутся въ самомъ близкомъ сопряженіи съ состояніемъ общественной нравственности. Вотъ почему представляется намъ какъ нельзя болѣе удачнымъ эпиграфъ первой статьи, замѣтованный авторомъ у Дидро: „Toute question d'hygiène est aussi une question morale“.

При всей своей несомнѣнной содержательности и полезности, книга г. Святловскаго отличается однимъ существеннымъ недостаткомъ: какой-то фельетонною манерою изложенія. Шутливый тонъ слишкомъ

соблазняетъ автора; о женщинахъ онъ говорить не иначе, какъ называя ихъ прекраснымъ поломъ, про Римскую имперію сообщаетъ, что она погибла отъ несваренія желудка (стр. 85), кабакъ именуется крестьянскимъ парламентомъ и проч. въ томъ же родѣ. Едва-ли кому по нравится этотъ развальный тонъ, это балагурство, когда дѣло идетъ о вопросахъ серьезныхъ и научныхъ; справедливость требуетъ однако сказать, что означеннымъ недостаткомъ страдаютъ только нѣкоторые очерки, тѣ самые, если не ошибаемся, которые помѣщены были сначала въ газетныхъ ельтонахъ. Во всякомъ случаѣ, обиліе интересныхъ свѣдѣній и важность трактуемаго во всѣхъ статьяхъ предмета примирятъ съ авторомъ и самого строгаго читателя.

Н. В. В.—въ.

Томасъ Карлейль. Герои и геройское въ исторіи. Переводъ съ англійскаго В. И. Яковенко. Съ приложеніемъ статьи переводчика о Карлейлѣ. Изд. Павленкова. Спб. 1891 г., стр. 352, XVI въ м. 8 д. Цѣна 1 р. 50 к.

Настоящее сочиненіе Карлейля составлено изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Лондонѣ въ 1840 году, значить написано болѣе, чѣмъ полъ-столѣтія тому назадъ. Такой промежутокъ времени вполне достаточенъ, чтобы многіе и многіе томы сочиненій сошли съ литературной сцены, чтобы, потерявъ весь интересъ современности, они заняли подобающее имъ мѣсто на полкахъ библіотека-историка. О Карлейлѣ нельзя сказать того-же, напротивъ: его и до сихъ поръ охотно читаютъ въ Англии, онъ переводится на всѣ европейскіе языки. А все-же, время, прошедшее его книгу отъ «плѣсней забвенья», не оставило ее вовсе свободною отъ своей ядовитой печати. Теперь, право, не нужно обладать большою дерзостью, чтобы признать многіе взгляды Карлейля отсталыми, его критическіе приемы—мало научными, его историческіе приговоры и предсказанія—близорукими. Мы не хотимъ быть голословными въ своихъ утвержденіяхъ и

потому съшшимъ примѣрами подтвердить только что сказанное; это будетъ тѣмъ болѣе полезно, что авторитетное имя (какъ можно убѣдиться лишній разъ изъ статьи русскаго переводчика) очень и даже слишкомъ долго способно сохранять свое ослѣпляющее обаяніе... Посвятить цѣлый рядъ лекцій разсмотрѣнію геройства и герцевъ, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись (герой какъ божество, герой какъ пророкъ, герой какъ поэтъ, какъ пастырь, какъ писатель, какъ вождь), Карлейль такими словами опредѣляетъ отношеніе массы, толпы къ этимъ выдающимся личностямъ: „Великій человекъ, съ его свободною силою, исходящею прямо изъ рукъ Божіихъ, есть молнія. Все воспламеняется вокругъ этого человека, разъ онъ ударяетъ своимъ словомъ, а все пылаетъ огнемъ, подобнымъ его собственному. Думаютъ, что его вызвали къ существованію сухія, превращающіяся въ прахъ вѣтви. Конечно, онъ былъ для нихъ крайне необходимъ, но что касается до того, чтобы они вызвали!... И въ другомъ мѣстѣ еще яснѣе: «Герой—не продуктъ времени» (стр. 18 и 343). Онъ не продуктъ времени по мнѣнію автора и потому порождается простою случайностью, такъ было, напр., съ Шекспиромъ: «быть можетъ мы никогда не услышали-бы о немъ, какъ о поэтѣ, еслибы варвикскій сивайръ не вздумалъ преследовать его за охоту на своей землѣ» (стр. 142). Такого рода ненаучный, неисторическій взглядъ въ настоящее время не требуетъ даже опроверженія, онъ вызываетъ только одну улыбку... Но вотъ образчики историческихъ приговоровъ Карлейля: «Восемнадцатый вѣкъ (читаемъ мы на стр. 239)—вѣкъ скептицизма. Въ этомъ маленькомъ словѣ заключается цѣлый Пандоровъ ящикъ бѣдствій». Скептицизмъ означаетъ не только умственное сомнѣніе, но и нравственное; онъ означаетъ всякаго рода невѣріе, неискренность, духовный параличъ... Героизмъ прошелъ навсегда; наступила тривиальность, формализмъ, общія мѣста наступили, чтобы остаться навсегда». Для характеристики извѣстныхъ

политическихъ убѣжденій, знаменательны еще слѣдующія слова: «Герои ушли. Настало время шарлатановъ... Миръ изобилуетъ олухами, а вы добились всеобщаго молосованія». Таковы теоретическіе взгляды Карлейля, таковы его историческія сужденія. 'Въ нихъ много просто устарѣлаго, много отвергнутаго либо исторгнуто, либо наукою, не чужды они также и предрассудковъ, а кромѣ того насквозь проникнуты теологіей («должна-же была природа имѣть что-либо въ виду?» см. стр. 147 и многія другія мѣста). Полемизировать съ авторомъ, исправлять его ошибки—дѣло критика, не рецензента; нашей задачей было только указать въ книгѣ тѣ или иные ея особенности. Sapienti sat.

Вообще-же должно сказать, что «Герои и геройское въ исторіи» Карлейля—это отнюдь не научное сочиненіе, это даже, если хотите, не историко-литературный трактатъ, всего вѣрнѣе будетъ назвать это рядомъ апологій великихъ людей, апологій, блестящихъ талантомъ, умомъ и наблюдательностью, но зато, какъ и всякія апологіи, полныхъ пристрастія и преувеличеній. Сильный, выразительный языкъ и неподдѣльное чувство англійскаго писателя дѣлаютъ то, что его лекціи читаются съ особеннымъ удовольствіемъ, мы не можемъ къ сожалѣнію прибавить: «и съ особенною пользою». Однако, въ виду малаго знакомства у насъ съ сочиненіями Карлейля, въ виду популярности настоящей книги на Западѣ, въ виду, наконецъ, самой темы, чрезвычайно любопытной, но еще такъ мало разработанной¹⁾,—лежащій передъ нами тщательно исполненный русскій переводъ, окажется, вѣроятно, не бесполезнымъ. «Нѣсколько словъ о Карлейлѣ», сказанныхъ переводчикомъ отъ себя, не много прибавляютъ къ самымъ лекціямъ.

¹⁾ Съ иной, болѣе глубокой, точки зрѣнія социологической, разсматривается этотъ вопросъ въ статьѣ Н. К. Михайловскаго «Герои и толпа», а также въ сочиненіи евангелістскаго ученаго Гарда: «Законы подражанія».

Н. В.

Здѣсь г. Дювенко¹⁾ старается оградить «великаго историка-художника» отъ возможныхъ обвиненій въ отсталости, старается провести ту мысль, что обычные критеріи къ нему почему-то не приложимы, и при этомъ довольно-таки грубо, но должно признаться, безъ большой убѣдительности полемизируетъ съ прое. Н. И. Каръевымъ, который, въ послѣдней своей работѣ, «Сущность истор. процесса», рѣзко осудилъ взгляды Карлейля на героевъ и ихъ значеніе въ исторіи.

Н. В. В.

Въ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ библиографическомъ листкѣ „Русской Старинѣ“, изд. 1891 г., т. LXXII, книга декабрь, за недостаткомъ мѣста при версткѣ опущено нѣсколько строкъ въ отрывкѣ о двухъ книгѣхъ. Возстановляемъ эти строки:

К. М. Станюковичъ. Моряки. Очерки и рассказы. Спб. 1891 г. Цѣна 1 руб.

Авторъ „морскихъ рассказовъ“ не пейзажистъ, не поэтъ, его настоящая сфера—изображеніе быта моряковъ, картины изъ ихъ будничной жизни; въ этомъ направленіи всѣ очерки перваго сборника, каждый въ своемъ родѣ, даютъ много интереснаго и типичнаго. Но „Моряки“ и тутъ, не говоря уже о меньшей свѣжести, значительно уступаютъ „Морскимъ рассказамъ“. За исключеніемъ „отбитымъ тѣлеснымъ наказаніемъ“, небольшой, но въ высшей степени характерной картинки, другіе рассказы настоящаго сборника прибавляютъ мало новаго къ тому, что уже было описано раньше; по временамъ это рядъ мелкихъ эпизодовъ или случайныхъ сценъ, всегда талантливо и живо рассказанныхъ, но часто совершенно пустыхъ по содержанію. Особое мѣсто въ сторонѣ занимаетъ только „Грозный адмиралъ“, повѣсть, въ которой дѣйствіе происходитъ на сушѣ, и море не играетъ никакой роли, а изображается, и притомъ яркими красками, старая помѣщичья семья, съ деспотомъ-отцемъ во главѣ. Центральная фигура—„грозный“ адмиралъ—выхваченъ прямо изъ жизни и на-

рисованъ во весь ростъ; типичны также и его дѣти. Это, безъ сомнѣнія, лучшая вещь во всемъ сборникѣ.

Въ общемъ „Моряки“ г. Станюковича вѣрны вѣроятно прочтутся съ удовольствіемъ: задушевный тонъ и гуманная тенденція автора, его отличное знакомство съ изображаемыми предметомъ, а также своеобразный характеръ самой жизни на морѣ,—все это выдѣляетъ настоящіе рассказы изъ пестрой и сѣренькой массы нашей обычной журнальной беллетристики.

Н. Карышевъ. Экономическія бесѣды. Второе, исправленное изданіе. Москва, 84 стр.

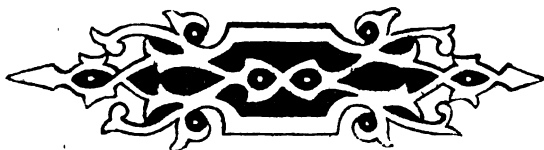
...Наша сдѣлала по поводу этой брошюры нѣсколько, пожалуй, мелочныхъ замѣчаній, (Рус. Стар. 1891 г. в. 12) но мы ихъ сдѣлали только потому, что въ популярномъ изданіи „всякое лыко въ строку“, намъ не хотѣлось бы, чтобъ несомнѣныя достоинства настоящей работы страдали отъ неудачныхъ выраженій или случайныхъ промаховъ. Надо надѣяться, что третье изданіе этой полезнайшей книги (оно, вѣроятно, послѣдуетъ за вторымъ съ такой-же скоростью, какъ второе за первымъ) будетъ избавлено отъ всѣхъ досадныхъ ведомствъ и дополнено тѣмъ общими теоретическими введеніемъ, которое положительно необходимо. Однако, и въ настоящемъ своемъ видѣ „Экономическія бесѣды“ прое. Карышева могутъ быть рекомендованы, какъ лучшее, вполнѣ толковое и обстоятельное руководство для лицъ, не подготовленныхъ въ чтенію строго научныхъ сочиненій.

Н. В. В.

Бернгардъ Таннеръ. Описание путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложения И. Иванакина. Съ пятью фототипіями. Москва. 1891 г. въ 8 д., стр. XI+202. Цѣна 1 р. 50 к. (Оттискъ изъ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и древностей Росс.“ при Московскомъ унив.).

Родомъ чехъ, дворецкій въ свитѣ польскаго посла князя Михаила Черторыйскаго, Таннеръ пробылъ, въ составѣ этого посольства, въ Москвѣ съ 15-го мая по 24-ое августа 1678 г. Въ 1689 году вышла въ Нюрнбергѣ его книга, извѣстная доселѣ въ русской исторической литературѣ, по большимъ или меньшимъ отрывкамъ, разсѣянными въ пяти періодическихъ русскихъ изданіяхъ (съ 1826 по 1849 г.), да по ссылкамъ и выдержкамъ изъ нея въ нѣсколькихъ историческихъ трудахъ (Верхъ, профессоръ Е. Е. Замысловскій и друг.); книга Таннера нынѣ впервые является въ полнѣ, въ русскомъ переводѣ. Наряду съ извѣстіями вздорными и грубо ошибочными Таннеръ сообщаетъ на многихъ страницахъ замѣтки весьма любопытныя, какъ, напр., одно изъ самыхъ подробныхъ описаній Москвы, притомъ описаніе довольно обстоятельное, а также черты нравовъ москвитянъ, порядковъ, принятыхъ при приѣмѣ пословъ, наконецъ, весь ходъ переговоровъ того польскаго посольства, при которомъ онъ провелъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Москвѣ. Примѣчанія и приложения г. Иванакина придаютъ его труду нѣкоторое научное значеніе и дѣлаютъ его еще болѣе интереснымъ.

А. П.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ М. И. СЕМЕВСКАГО

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7,

поступилъ въ продажу экземпляръ **Перваго Полнаго Собранія Законовъ** (1649—1825 гг.)—соросъ шесть томовъ, съ указателями къ нимъ,—хорошо сохранившійся экземпляръ, въ переплетѣ.

Цѣна этого весьма рѣдкаго нынѣ собранія **пятьсотъ** рублей.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„СБОРНИКЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ“.

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“.

Содержаніе: Голодъ. Стихотвореніе. Василія Величико. — Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для Русской экономической мысли. А. Исаева. — Сила человека. Стихотвореніе. Д. Мережковского. — Скупой рыцарь. Разсказъ. И. Салова. — Стихотвореніе. Н. Минскаго. — Право и политическая экономія Виктора Гольцева. — Сахемъ. Разсказъ Генрика Сенкевича, переводъ Вукола Лаврова. — Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ. М. Протопопова. — Въ голодовку. Григорія Мачтета. — Стихотвореніе. А. Монастырскаго. — Русская колонія въ Латинскомъ кварталѣ. М. Ремезова. — Гражданское правосудіе въ духѣ Судебн. Уставовъ. Гр. Жаншіева. — Черкесь. Очеркъ. В. Короленка. — Лѣсъ. Стихотвореніе. А. Лендевича. — Метеорологическія условія неурожая 1891 г. В. Соколова. — Денегъ нѣтъ. Разсказъ. Л. Лукьянова.

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

Сборникъ напечатанъ въ количествѣ 3,000 экз. Весь валовой сборъ поступаетъ въ пользу голодающихъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль» (Москва, Леонтьевскій, 21).

СЛѢПЕЦЪ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ОБСУЖДЕНІЯ ВОПРОСОВЪ, КАСАЮЩИХСЯ УЛУЧШЕНІЯ БЫТА СЛѢПЫХЪ, будетъ издаваться въ 1892 году на прежнемъ основаніи ежемѣсячно.

Подписная цѣна за годовое изданіе: съ доставкою и пересылкою внутри Имперіи 1 р.; съ перес. за границу 1 р. 50 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Аптекарскаго острова, Песочная ул., д. № 37. Александро-Маріинское Училище слѣпыхъ.

Подписка принимается въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная ул., д. № 1, кв. 24), въ присутственные дни, отъ 10—12 час. утра.

Редакторъ-издатель: Германъ Павловичъ Недлеръ.

„СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

ВОЗОБНОВЛЕННОЕ въ 1892 г. ИЗДАНИЕ.

Въ 1891 году изданіе „Славянскихъ Извѣстій“ прекратилось и взаи́мнѣ ихъ будетъ выходить съ января 1892 г. въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ „Славянское Обозрѣніе“, подъ редакціею профессора Императорскаго Варшавскаго университета Антона Семеновича Будмловича. Программа изданія слѣдующая: I. Статьи по славянскимъ литературамъ, славянской этнографіи, исторіи и политикѣ. II. Корреспонденціи. III. Лѣтописи событій славянской жизни въ областяхъ: политической, религіозной, общественной и литературной. IV. Критика и библиографія. V. Отчеты о дѣятельности славянскихъ обществъ и другихъ подобныхъ учреждений. VI. Смѣсь. VII. Приложенія: переводы изъ произведеній славянской беллетристики. VIII. Портреты славянскихъ дѣятелей. IX. Объявленія.

Сообразно съ этою программою „Славянское Обозрѣніе“ ставитъ себѣ задачей разработку въ обще-доступной формѣ вопросовъ о современном положеніи и историческомъ прошломъ славянъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ, въ связи съ бытомъ и исторіею другихъ, исторически связанныхъ съ ними, народовъ христіанскаго востока. Руководящею мыслью журнала будетъ идея духовнаго братства этихъ народовъ, понимаемая въ широкомъ культурно-историческомъ значеніи. Вопросы славянской литературы, этнографіи, исторіи будутъ стоять въ изданіи на первомъ планѣ.

Имѣя широкія связи съ выдающимися литературными и общественными дѣятелями во всѣхъ славянскихъ земляхъ, редакція твердо надѣется сдѣлать „Славянское Обозрѣніе“ центральнымъ органомъ для разработки назрѣвающихъ вопросовъ и общихъ дѣлъ греко-славянскаго міра, въ его отношеніяхъ къ азиатскому востоку и романо-германскому западу. Важность этихъ вопросовъ для дальнѣйшихъ судебъ Россіи, славянства и всего человѣчества внушаетъ редакціи „Славянскаго Обозрѣнія“ надежду, что она будетъ поддержана въ своихъ стремленіяхъ русско-славянскою печатью и обществомъ.

Объемъ отдѣльныхъ книжекъ „Славянскаго Обозрѣнія“ — отъ 8 до 10 печ. листовъ. Срокъ ихъ выхода — во второй половинѣ каждаго мѣсяца. Подписная цѣна: за годъ безъ пересылки 7 руб. сер.; съ пересылкою въ Россіи и заграницею 8 р. или 10 австр. гульд.; за полгода 4 руб. сер. или 5 австр. гульд.; за четверть года 2 руб. сер. или 3 австр. гульд.

Подписка принимается у редактора-издателя проф. А. С. Будмловича (въ г. Варшавѣ, на Кручей ул., д. № 13), а также во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи и за границею, особенно-же: Глазунова, Карбасникова, Риккера, Суворина (*Новою Времени*), Н. Фену и К^о., Цинзерлинга и въ Русско-славянскомъ книжномъ складѣ Геруца и К^о въ С.-Петербургѣ; И. И. Глазунова, И. П. Карбасникова и *Новою Времени* въ Москвѣ; Н. Я. Оглоблина и Ф. А. Югансона въ Кіевѣ; *Новою Времени* въ Одессѣ и въ Харьковѣ; А. А. Дубровина въ Казани; Книжеля въ Ригѣ; Сыркина въ Вильнѣ; Карбасникова и Истомина въ Варшавѣ; *Librairie Russo-Slave H. Roskoschny* въ Лейпцигѣ; *Ed. Valccka* въ чешской Прагѣ; *G. Szeliski* въ Вѣнѣ; *L. Hartmann* въ Загребѣ; Велимира Валожича въ Бѣлградѣ; Братъевъ Ивановичей въ Панчевѣ и *H. Weiss* въ Константинополѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ МИХ. ИВ. СЕМЕВСКАГО

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. 7,

продаются слѣдующія изданія:

- I. „Русская Старина“ изд. 1891-го года, 12 книгъ, съ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей. Цѣна **ДЕВЯТЬ** рублей съ пересылкою (*осталось 50 экзempl.*).
- II. Систематическая Роспись содержания „Русской Старины“ за первые пятнадцать лѣтъ, 1870—1884 гг. Книга въ 8 д., 300 стр., украшена многими отлично выполненными гравюрами. Цѣна **3 руб.** съ пересылкою.
- III. **Первое** прибавленіе къ этой Росписи, 1885—1887 гг., съ 12 гравюрами. Спб., 1888 г. Цѣна **1 руб.**, пересылка 21 коп. марками.
- IV. **Второе** прибавленіе къ этой Росписи, 1888—1890 гг., съ 12 гравюрами. Спб., 8 д., 1891 г. Цѣна **2 руб.**, пересылка 21 коп. марками.
- V. **Слово и дѣло!** Историческіе очерки М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8 д., 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное. Цѣна **2 руб.** съ пересылкою.
- VI. **Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллиамъ Монсъ.** Историческій очеркъ М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8 д., 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ. Цѣна **2 руб. 50 коп.** съ пересылкою.
- VII. **«Знакомые»**—альбомъ М. И. Семевского, издателя-редактора историческаго журнала «Русская Старина»—автобиографическія замѣтки 850 извѣстныхъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, артистовъ и друг.: Спб., 450 стр. Цѣна **2 руб.** съ пересылкою.
- VIII. **Пятое собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей.** Сборникъ превосходныхъ гелиографюръ съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ, портреты: императрицъ—Екатерина I, — Анна Иоанновна, — Елисавета Петровна, — Екатерина II, — Марія Теодоровна (два портрета), — Елисавета Алексѣевна, — Александра Теодоровна (фотогипсія), — Марія Александровна, — великая княгиня Елена Павловна († 1873 г.). Все эти снимки вполне художественно исполнены—девять портр. въ Эспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ художникомъ *Г. Н. Скамони* въ Спб. и одинъ—фирмою *Набоумъ и Шереръ* въ Москвѣ. Портреты съ большими и обстоятельно составленными биографическими очерками. Спб. въ 8 д. 1891 г. Цѣна *У-ю ст.* „Альбома гравиров. портретовъ“ — для подписчиковъ „Русской Старины“ одинъ руб., за пересылку 3 почт. марки (21 коп.), для прочихъ лицъ три руб.

ожергивавшихъ изъ Библиотекъ въ 1886 г.

9) Переданные въ Библиотеку изъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ воеводскихъ собраній документовъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ въ Библиотеку уррадиеннаго въ 1886 г. Люблинскаго римско-католическаго монастыря доминиканцевъ. 10) Собраніе рукописныхъ картъ и плановъ послѣдней четверти прошлаго вѣка, хранящихся въ Рашетилонскомъ архивѣ В. С. Попова, принесенное Библиотецѣ въ даръ его праправнукомъ А. В. Поповичъ. 11) Коллекція бумагъ В. П. Гаевского, который представлялъ ихъ въ Библиотеку незадолго до своей смерти, последовавшей 2 марта 1888 г., съ тѣмъ, чтобы бумага эти были распечатаны не ранее ста лѣтъ со дня рожденія жертвователя именно 22 января 1926 года. Изъ отдѣльныхъ рукописей и автографовъ, поступившихъ въ Библиотеку, назовемъ слѣдующія: переведенный свитокъ Моисеева Пятикнижія, писаннаго на древне-еврейскомъ языкѣ, поднесенный Государю Императору еврейскимъ обществомъ Елисаветграда во время пребыванія Ихъ Величествъ въ этомъ городѣ въ 1888 г.; переданный г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода томъ бумагъ Московскаго митрополита Филарета; составленный въ 1751 году компилятивный трудъ по русской исторіи, переданный въ Библиотеку по опредѣленіи археографической комиссіи; военно-русскій прошиграфъ XVIII вѣка, одинаковой редакціи съ Хроникою Бобковскаго; описаніе Сибирскихъ горныхъ заводовъ, составленное известнымъ генераломъ де-Генлинымъ и посвященное имъ въ 1734 году императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, — роскошный, поднесенный экземпляръ этого провадиго, замѣчательнаго труда, украшеннаго множественнѣй чертжами и рисунками; собственноручный журналъ А. Т. Волотова за 1813 и 1814 годы; любопытный сборникъ историко-литературнаго содержанія конца XVIII и начала XIX вѣка; сборникъ бумагъ, относящихся до перлюстраціи писемъ въ Россіи въ 1813, 1817 и 1818 гг.; несколько автографовъ (сочиненій и писемъ) императрицы Елизаветы II; собственноручное стихотвореніе А. С. Пушкина черновымъ автографомъ иѣкоторыхъ произведеній И. А. Гончарова (въ томъ

числѣ «Обломовъ»); двадцать писемъ И. С. Тургенева къ В. В. Стасову; автобиографія скульптора Антокольскаго, и др. Въ текстѣ отчета напечатаны иѣкоторыя изъ приобретенныхъ библиотекъ въ этомъ году автографовъ. Между произведеніями печати, поступившими въ Библиотеку заслуживаютъ вниманія, между прочимъ: а) собраніе книгъ на галицко-русскомъ языкѣ, принесенное въ даръ Ве. Я. Головацкимъ, сыномъ покойнаго предѣдателя Вилемской комиссіи для разб. древнихъ актовъ Я. Θ. Головацаго; б) первое изданіе 1481 года описанія путешествія въ Иерусалимъ, совершеннаго въ 1480 году миланскимъ герцогскимъ канцлеромъ Санта Врасна; в) изданіе 1611 г. на латинскомъ яз. путевыхъ записокъ Гаспара де-Бернордино, португальскаго путешественника, посѣтившаго Иерусалимъ по пути въ Индію; г) первое изданіе 1650 г. путешествія римскаго патриція Піетро дела-Валле въ Турцію, Египетъ, Палестину, Персію и Остѣ-Индію; д) продолженіе литературно-художественной коллекціи, принесеной въ даръ Библиотецѣ почетнымъ членомъ ея И. Е. Венцкимъ подъ названіемъ «Аррпендессъ» въ Флорентинской альбѣ въ количествѣ 60 томовъ. Въ теченіе 1888 года въ Библиотеку поступило всего: а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 26,538 сочиненій въ 30,066 томахъ и б) рукописей, автографовъ и актовъ 5,801. Вистовъ для занятій въ Библиотецѣ выдано было 11,127 (въ 1887 г. — 11,234). Общее число книгъ и періодическихъ изданій взятыхъ посѣтителеми, 289,577 томовъ и номеровъ (въ 1887 г. — 259,358). Изъ историческихъ современныхъ изданій были выданы: «Вѣстникъ Европы» за 1888 г. 2132 и за прежніе годы 2481, «Историческій Вѣстникъ» 394 и за прежніе годы 627, «Русская Старина» 372 и 1018, «Кіевская Старина» 65 и 274, «Русскій Архивъ» 59 и 372, «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей российскихъ» за 1888 г. 24 и за прежніе годы 428. По исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ было всего выдано 1914 сочиненій 2765 томовъ. Въ прилож.: а) высokaго интереса письма митрополита Филарета; и б) рѣчь Д. Н. Блудова въ одно изъ засѣданій «Араамаса».

И. К. Х-скій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДНАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20 у Полицейскаго моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦИВЪЕРЛИНГА (бывшій Медве и Б^а). Въ Москвѣ—въ отдѣльныхъ конторахъ, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣльныхъ конторахъ при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Отлоблина.

Гг. Нижегородцы обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Пискаревскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобиографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословныя

Можно получить въ конторахъ продажъ слѣдующія издавія журнала.

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (15 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (60 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (33 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (61 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (57 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (70 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (59 экз.), съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій. ФЕВРАЛЬ.

1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Е. М. В. пол. им. Константинъ Николаевичъ, † 13 янв. 1892 г.	I	X. Бытосны черты XVII вѣка. Сообщ. П. Н. Углубинъ.	449
II. Книга де-Ламъ въ Россіи въ 1780 и 1788 гг. Глава I. Очеркъ профес. В. А. Вильбасова	275	XI. Выясненіе изъ Россіи принца Фридриха Виртембергскаго, 1786 г. Сообщ. проф. В. А. Вильбасова.	459
III. Брѣвѣніе извѣстій въ средѣ духовенства и мірянъ въ XVIII в. Сообщ. проф. А. Лабзинъ.	313	XII. Лейтенантъ Ильинъ, 1770 г. Сообщ. М. Ф. Лодыгинъ	469
IV. Завѣсти доктора де-ла-Флаза, 1812—1813 гг. Глава VII	339	XIII. Сэръ Уайтъ въ Варшавѣ, 1864 г. Сообщ. Д. Г. Анучинъ	477
V. Записки Гераака о пребываніи въ Петербургѣ, 1826 г. Сообщ. В. П. Ореусъ.	365	XIV. Николай Ивановичъ Стожковскій, его государствен. дѣятельность въ 1841—1891 г. Сообщ. Г. А. Джамшодъ.	491
VI. Россія и русский дворъ въ 1839 г., записка маркиза де-Кюстина. Сообщ. Н. К. Шваллеръ	383	XV. Николай Мих. Благовѣщенскій, его ученая и обществ. дѣятельность въ 1842—1892 гг. Ред.	619
VII. Дѣятели академика и профес. А. В. Никитенко, 1870 годъ.	395	XVI. Театральныя воспоминанія Л. Л. Леонидова, 1834—1858 гг.	503
VIII. Федоръ Микъ Юрдакъ, письма къ художнику А. А. Иванову, 1850—1853 гг. Сообщ. Е. С. Пакрадова.	423	XVII. Записки: Мусива-Юрьева, 1801 г. (364).—Русскіе повелители въ партиз. Чернецова, 1832 г. (502).—Музей гвар. артиллеріи (515).	
IX. Микъ Трубенной: записки 1762 г. Сообщ. В. М. Юзефовичъ.	442	XVIII. Библиографическій листокъ: Записки В. П. С., Н. В. Воловокина, профес. Цвѣткова и Ред. (стр. 535—540 и на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Его Императорскаго Высочества вел. кн. Константина Николаевича, фотографію Г. Н. Славяна, съ портрета, исполнен. съ натуры въ Москвѣ, изготовилъ Госуд. бумажн., 1876 г. — II. Портреты-группы писателей: М. А. Крыловъ, В. А. Жуковскій, А. С. Пушкинъ и Н. И. Гайдичъ—въ 1832 г., фотографіи Шерера-Наймана съ картинъ, сняты съ натуры художникъ Чернецовъ въ 1832 г.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Желая получить „Русскую Старину“ изд. 1891 г. (осталось 37 экз.).

Двадцать второй и третій годы изданія „Русской Старины“.
Цѣна по 9 руб. въ годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

П-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1892 г.

Подолія. Историческое описаніе. Съ высочайшаго соизволенія изда-но при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. П. Батюшковымъ. Съ 1 хронолатитграфіею, 2 фототипіями, 46 гравюрами и 2 картами. С.-ПБ. 1891. Цѣна 8 руб.

Съ вышесказанъ въ свѣтъ настоящей книги приступлено къ завершению предприня-таго съ высочайшаго соизволенія изданія «Памятниковъ русской старины въ запад-ныхъ губерніяхъ». Съ окончаніемъ нынѣ этого труда все дольшя, такъ называемая, западная губернія и дѣя, входящая въ раіонъ варшавскаго генералъ-губернатор-ства (Люблинская в Оѣдлецкая) получили обстоятельное, основанное на документахъ и личныхъ изслѣдованіяхъ людей науки, описаніе. Къ этимъ губерніямъ (описаны-ны въ очеркахъ: «Холмская Русь—С.-ПБ. 1887, «Волынь»—С.-ПБ. 1888, «Бѣлоруссія и Лятва»—С.-ПБ. 1890) Государю Импера-тору благоудно было повелѣть присоеди-нить девятидцатую — Бессарабекую (стр. XI), которая, гранича съ Румыніею и Га-лиціею, составляетъ послѣднее южное зveno въ длинной цѣпи нашихъ пограничныхъ областей отъ Балтійскаго моря до Чернаго и описаніе которой составитъ содержаніе отдѣльнаго тома. «Подолія» составлена по той же программѣ, что и первые три очерка «Памятниковъ». Составъ книги слѣдующій: отъ издателя (XI—XXXI стр.), введеніе (1—4 стр.), десять главъ текста (5—264), въ которыхъ исторически дока-зывается, что Подолія съ незапамятныхъ временъ была населена славяно-русскими племенами, которое, не смотря на то, что долго находилось подъ чужеземнымъ игомъ (турецкихъ владѣній и поляковъ), не утра-тила особенностей земли русской: сохра-нило до нынѣ языкъ, вѣру и обычаи. Текстъ принадлежить проф. кіевской духо-вой академіи Н. И. Петрову и изобилуетъ ссылками на разныя, по преимуществу нечтеныя, матеріалы и источники, которые и указываются въ примѣчаніяхъ. Книга украшена прекрасными рисунками въ тек-стѣ (изображеніями историческихъ мѣстнос-тей, лицъ и предметовъ), описаніе кото-рыхъ занимаетъ вторую часть ея, и при-надлежить, въ большинствѣ случаевъ, М. И. Горюховскому. Кроме того, въ книгѣ

приложены двѣ превосходныя фототипіи В. И. Класема: портреты императрицы Маріи Александровны († 1889 г.) и цеса-ровича Николая Александровича († 1865 г.), отчетливая трюмлатитграфія—гра-вица подольскаго генерала Александръ Коріатовича 1375 г. Свотрицкому доми-канканскому монастырю о правахъ мо-настыря на мельницу, двѣ карты: геогр-ав-ическая — Подолія и свитрицистическая — древнихъ княжествъ з.-рус. краи и злѣд-вѣтныи указатель. По вышесказанъ—книга издана весьма изящно.

Г. А. Воробьевъ.

Сборникъ въ пользу голодаю-щихъ. Изданіе ред. журнала «Русская Мысль». Москва. 1892 г., въ 8 д., стр. 279. (Напечатано 3,000 экз.) Ц. 1 руб. Складъ изданія въ Москвѣ, въ редакціи «Русской Мысли».

Редакція одного изъ лучшихъ научно-литературныхъ журналовъ, журнала «Рус-ская Мысль», издала книгу, изданій инте-ресный сборникъ съ изысканною выше-доброю цѣлью. Почти всѣ статьи претту-тса съ любопытствомъ, изкоторыхъ съ удоволь-ствиемъ: очень хороши — стилизерши В. Величко «Голодъ», статья А. Псаева: «Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской мысли», разсказъ Сазона: «Свупой рыцарь», «Право и политическая экономія» В. Гольцева, «Гражданское правосудіе въ духѣ судебныхъ установл.» г. Джаншїева, «Чернесь»—очеркъ В. Бо-роденко и проч. Озловомъ, проза и стихи, безплатно сообщены на страницы это-го сборника сотрудниками «Русской Мы-сли» для святаго дѣла, изданій хороши и повторены, ясны, талантливы, интересны, а потому сборникъ, даже и въ видѣ предназначенія выручки отъ продажы, изданій заслуженно, быстро разоидетса.

Л. Д. Бражинцовъ. Идея рю-сскихъ писателей XIX вѣка. Мате-риалы къ исторіи русской литературы. Спб. 1892 г., въ 8 д., стр. VIII+357. Ц. 1 р. 50 б.

Цѣль настоящаго сборника, какъ онъ, между прочимъ, выисывается изъ составле-теденъ, — изложить въ систематическомъ по возможности порядкѣ и собственными словами авторовъ идеи нашихъ знамены-тыхъ писателей амышшаго вѣка и на-

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

1827 РОД. 9-ГО СЕНТАВРЯ 1892.
† ЯНВАРЯ 13-ГО

Въ полночь съ 12-го на 13-ое января 1892-го года въ г. Павловскѣ угасла жизнь Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. Сошелъ въ могилу государственный дѣятель, съ именемъ котораго соединены воспоминанія о наиболѣе важныхъ преобразованіяхъ Царя-Освободителя, въ которыхъ нынѣ почившій вѣчнымъ сномъ смерти Великій Князь принималъ непосредственное участіе, въ разработку которыхъ онъ внесъ и личный трудъ, и личное самое живое одушевленіе и сочувствіе.

Одаренный отъ природы замѣчательнымъ умомъ, унаслѣдовавъ отъ своего Державнаго Родителя энергію, настойчивость и необыкновенное трудолюбіе, получивъ въ высшей степени основательное и многостороннее образованіе и расширивъ горизонтъ своихъ знаній продолжительными путешествіями, въ теченіе которыхъ все достойное вниманія имъ было изучаемо, наконецъ, окруживъ себя людьми весьма образованными и способными,

великій князь Константинъ Николаевичъ вполне заслуженно сталъ во главѣ ближайшихъ сподвижниковъ императора Александра II съ самыхъ первыхъ дней достопамятнаго царствованія.

„Русская Старина“ много страницъ посвятила прекрасной личности и дѣяніямъ наигуманнѣйшаго Государя, какого когда-либо имѣла Россія; неоднократно наше изданіе останавливало вниманіе своихъ многочисленныхъ читателей и на свѣтлой личности Августѣйшаго сподвижника императора Александра II—великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Государственная дѣятельность его хорошо извѣстна: въ дни, послѣдовавшіе за его кончиною, вся печать, и русская и иностранная, въ своихъ наиболѣе уважаемыхъ и распространенныхъ органахъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія посвятила памяти опочившаго самые сочувственные отзывы, именно о его личныхъ достоинствахъ и объ его жизни, въ значительно большей ея половинѣ самоотверженно отданной на служеніе отечеству, на пользу и славу русскаго народа.

Но еще двадцать одинъ годъ тому назадъ главнѣйшіе труды великаго князя Константина Николаевича, именно въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, были оцѣнены по достоинству и притомъ въ глубоко прочувствованныхъ выраженіяхъ, съ высоты трона, императоромъ Александромъ II. А именно, 19-го февраля 1861-го года, покойный Государь, какъ самъ выразился въ извѣстномъ рескриптѣ, на имя своего брата даннымъ, пожелалъ „и по влеченію сердца и по долгу“ своему „изъявить въ самый достопамятный для Россіи день живѣйшую, глубокую признательность“ в. к. Константину Николаевичу „за точное, скорое и вполне волю и ожиданіямъ“ Его Величества „соотвѣтствующее окончаніе сего государственнаго дѣла“—дѣла „дарованія помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей...“ „Я не забуду и со Мною, конечно, вся Россія не забудетъ, писалъ Государь, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество... Будущее извѣстно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его святой, всегда благостной, воли. Но мы можемъ нынѣ-же съ покойною совѣстью сказать себѣ, что Нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти Нашей средства, и со смиреніемъ уповать, что

покровительствующее любезному Нашему отечеству Провидѣніе благословить исполненіе Нашихъ намѣреній, коихъ чистота Ему извѣстна...“

Чистоту намѣреній и самоотверженіе внесъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ и въ служеніе на высококомъ посту намѣстника Царства Польскаго, подвергая самую жизнь свою смертельной опасности. Исторія вскроетъ въ будущемъ государственные акты того времени и, ознакомясь съ ними, сотретъ тѣ обвиненія, каковыя взводимы были на великаго князя, въ нѣкоторыхъ органахъ печати, за событія 1862—1863 годовъ.

Призванный 1-го января 1865-го года на постъ председателя Государственнаго Совѣта, в. кн. Константинъ Николаевичъ соединилъ съ того момента, на протяженіи болѣе шестнадцати лѣтъ, свое имя со всѣми государственными законоположеніями и мѣропріятіями, каковыя исходили изъ сего высшаго законодательнаго въ Россіи учрежденія, внося во все свое пылкое желаніе принести пользу и благо отечеству.

Есть множество свидѣтелей (въ числѣ ихъ былъ и пишущій эти строки, служившій въ званіи помощника статсъ-секретаря), множество свидѣтелей того непрерывнаго, большаго и упornaго труда, каковой несъ на себѣ въ Государственномъ Совѣтѣ великій князь Константинъ Николаевичъ: каждое, сколько-нибудь важное, дѣло изучаемо имъ было лично, нерѣдко безъ посредства докладчика; занимая предсѣдательское мѣсто, — было-ли то въ Главномъ Комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, въ Главномъ присутствіи по воинской повинности или, наконецъ, въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, — великій князь всегда приступалъ къ засѣданію лишь послѣ тщательнаго ознакомленія со всѣмъ тѣмъ, что подлежало обсужденію и рѣшенію. Въ началѣ своего служенія на посту председателя Государственнаго Совѣта, пылкость и страстность характера великаго князя нѣсколько порывисто проявлялись, но съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ собою и былъ вполне на высотѣ своего положенія, быстро усваивая суть обсуждавшихся докладовъ, — личнымъ разъясненіемъ разсѣвая возникавшіе вопросы и недоумѣнія, сглаживая отбѣнки разномыслія и превосходно приводя собраніе къ единогласнымъ рѣшеніямъ. Память великаго князя была поразительна: весьма бывало часто, напр. въ Главномъ

Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, что Великій Князь, остановивъ докладчика, продолжалъ докладъ самъ и съ поразительною ясностью излагалъ самыя запутанныя подробности какаго либо спорнаго дѣла.

Видя иногда утомленіе въ лицѣ Августѣйшаго Предсѣдателя, мы спрашивали близкихъ къ нему о причинахъ и узнавали, что наканунѣ, до глубокой ночи, Его Высочество читалъ дѣла, предназначенныя къ докладу, изучалъ ихъ, причемъ зачастую справлялся въ нѣкоторыхъ книгахъ его обширной библіотеки. Да, это былъ труженникъ государственный, труженникъ замѣчательныхъ способностей, дѣятель всею душою желавшій пользы и блага горячо-любимой имъ Россіи.

Точность въ ежедневномъ распредѣленіи своихъ занятій, даже во всѣхъ мелочахъ обыденной жизни у вел. кн. Константина Николаевича была необыкновенная; къ этому онъ, впрочемъ, привыкъ съ самой ранней юности, также какъ и всѣ члены Августѣйшей семьи императора Николая Павловича... Извѣстно, между прочимъ, что едва-ли не съ конца 1830-хъ годовъ, великій князь Константинъ Николаевичъ уже велъ „Дневникъ“, и велъ его во всю свою, столь богатую трудами и всевозможными волненіями, жизнь; велъ его до кануна того дня, 7-го іюля 1889-го года, когда онъ былъ пораженъ недугомъ, два съ половиною года спустя низведшимъ его въ могилу. Легко представить себѣ какой драгоценный матеріалъ впоследствии, когда лица и событія отступаютъ на историческую даль, представить помянутый дневникъ вел. кн. Константина Николаевича по отношенію къ эпохѣ императора Александра II...

Историческая даль! Она, несомнѣнно, будетъ благопріятна для великаго князя Константина Николаевича, такъ какъ это одна изъ тѣхъ личностей, для правильной, вполне безпристрастной оцѣнки которой необходима историческая даль; въ ней разсѣятся, напр., тѣ чувства, каковыя были вызваны у сторонниковъ крѣпостной до-реформенной Россіи противъ великаго князя Константина Николаевича въ эпоху созданія Положеній 19-го февраля и затѣмъ при введеніи ихъ въ жизнь русскаго народа. И чѣмъ позже настанетъ это время суда исторіи, тѣмъ выше и выше поднимется, повторяемъ, свѣтлая личность великаго князя Константина Николаевича.

Заслуги покойнаго Великаго Князя въ званіи генераль-адмирала, заслуги по отношенію къ русскому флоту—громадны, и имъ воздана дань признательности съ высоты трона 23-го февраля 1880 г. и 22-го апрѣля 1881 г. послѣдовательно двумя Монархами Россіи въ высочайшихъ рескриптахъ, на имя великаго князя данныхъ.

Впервые отправившись въ морское плаваніе въ 1835-мъ году, в. кн. Константинъ Николаевичъ, какъ видно изъ его послужнаго списка, до 1877-го года включительно, совершилъ до пятидесяти плаваній и пробылъ, въ теченіе ихъ, на морѣ до 1,375 дней, т. е. почти 42 съ половиною мѣсяцевъ или болѣе трехъ съ половиною лѣтъ. Это былъ истинный морякъ, горячо преданный морскому дѣлу...

Въ заключеніе нашихъ, отъ всей души вылившихся строкъ, мы долгомъ считаемъ напомнить отношенія великаго князя Константина Николаевича къ печати.

Это былъ государственный мужъ—съ глубокимъ убѣжденіемъ признававшій необходимость возможно болѣе широкой свободы печати и права обсужденія общественной и государственной дѣятельности всѣхъ и каждаго. Убѣжденіе это сохраняемо было Великимъ Княземъ во всю его жизнь, и оно было до того сильно, что его не поколебали даже тѣ нападки и обвиненія, которыя сыпались на него, въ русской печати напр., за время польской смуты изъ обоихъ лагерей...

Миръ праху твоему, вполне достопамятный сподвижникъ Монарха-Освободителя!

Ред.

13-го января 1892 г.

Слб.

Примѣчаніе. Портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, приложенный при настоящей книгѣ „Русской Старинѣ“, есть третье изданіе фотогравюры, воспроизведенной въ художественной мастерской—Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ художникомъ Г. Н. Скамони; оригиналомъ для гравюры послужила фотографія, исполненная въ Экспедиціи въ 1876 г. съ великаго князя Константина Николаевича во время посѣщенія его императорскимъ высочествомъ этого учрежденія. Первые два изданія этой, позволяемъ себѣ сказать, превосходной фото-гравюры, приложены при „Русской Старинѣ“, изд. 1884 года, т. ХLI, и въ IV-мъ выпускѣ альбома: „Русскіе дѣятели въ портретахъ“, изд. ред. „Русской Старинѣ“. Слб. 1890 г.

Послужной списокъ е. и. в. государя великаго князя

генераль-адмирала, генераль-адъютанта

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

[Состав. 9-го сентября 1881 г.]

Е. И. В. в. к. Константинъ Николаевичъ; генераль-адмиралъ; генераль-адъютантъ; председатель государственнаго совѣта; председатель адмиралтействъ-совѣта; председатель Александровскаго комитета о раненыхъ; членъ и председатель главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія; почетный президентъ Николаевской морской академіи; председатель императорскаго русскаго музыкальнаго общества; председатель императорскаго русскаго географическаго общества; почетный председатель императорскаго с.-петербургскаго яхтъ-клуба; почетный членъ: императорской медико-хирургической академіи, Михайловской артиллерійской академіи, императорской академіи наукъ, императорскаго с.-петербургскаго, казанскаго и дерптскаго университетовъ и членъ совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества; шефъ: морскаго училища и полковъ—лейбъ-гвардіи финляндскаго и гвардейскаго экипажа, армейскихъ: имени его высочества, 6-го уланскаго Волынскаго, 13-го гусарскаго Нарвскаго, 5-го драгунскаго Каргопольскаго, 14-го гренадерскаго Грузинскаго и 21-го пѣхотнаго Муромскаго, 1-го флотскаго его императорскаго высочества генераль-адмирала экипажа, 1-го черноморскаго флотскаго его императорскаго высочества генераль-адмирала экипажа, полковъ имени его высочества: прусскаго Рейнскаго гусарскаго № 9, австрійскаго 18-го пѣхотнаго и Баварскаго 6-го легкоконнаго; числится въ полкахъ лейбъ-гвардіи: конномъ, кирасирскомъ его высочества, Измайловскомъ, лейбъ-гвардіи во 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, лейбъ-гвардіи въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ императорской фамиліи, въ полкахъ лейбъ-гвардіи въ Литовскомъ, уланскомъ Его Величества и Волынскомъ, лейбъ-гвардіи въ Гродненскомъ гусарскомъ полку, въ 1-ой гвардейской батареѣ 3-й гвардейской и гренад. артиллерійской бригады и въ 3-й батареѣ гвардейской конно-артиллерійской бригады.

Кавалеръ орденовъ російскихъ: св. Андрея Первозваннаго, св. Владимира 1-ой ст., св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Анны 1-ой ст., св. Станислава 1-ой ст., св. Георгія 4-ой ст.; имѣетъ медали: золотую за труды по освобожденію крестьянъ, за венгерскую кампанію, за войну 1853—1856 гг. и въ память усмиренія польскаго мятежа 1863—1864 гг.

Родился 9-го сентября 1827 г. Назначенъ шефомъ грузинскаго гренадерскаго полка 1827 г. сентября 9-го. Записанъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ 1827 г. сентября 9-го. Высочайшимъ приказомъ назначенъ шефомъ польскаго 3-го линейнаго полка, съ переименованіемъ онаго въ полкъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича 1827 г. сентября 9-го. Назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и состоятъ въ лейбъ-гвардіи конномъ полку 1831 г. іюня 25-го. Назначенъ генераль-адмираломъ и шефомъ гвардейскаго экипажа 1831 г.

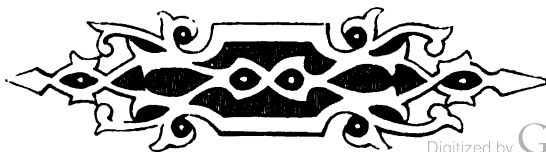
августа 22-го. Произведенъ въ мичманы 1834 г. сентября 9-го. Назначенъ шефомъ Каргопольскаго драгунскаго полка 1842 г. сентября 9-го. Произведенъ въ капитаны и назначенъ командующимъ бригадою „Улиссъ“. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорской академіи наукъ 1844 г. декабря 29-го. По избранію императорскаго русскаго географическаго общества высочайше назначенъ предсѣдателемъ онаго 1845 г. августа 6. Назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству 1845 г. сентября 9. Произведенъ въ капитаны 1-го ранга 1846 г. іюня 25-го. Назначенъ почетнымъ предсѣдателемъ императорскаго с.-петербургскаго Лхтъ-клуба 1845 г. августа 31-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго гражданина города Перта въ Шотландіи 1847 г. іюля 26-го. Назначенъ командующимъ фрегатомъ „Паллада“ 1847 г. августа 1-го. Высочайшимъ приказомъ назначенъ шефомъ Волынскаго уланскаго полка 1847 г. сентября 30-го. Назначенъ командующимъ по наружности первымъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка 1847 г. ноября 28-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорскаго с.-петербургскаго университета 1848 г. января 19-го. По званію командовавшаго лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ, за маневры, произведенные 28-го, 29-го и 30-го сентября, гвардейскимъ корпусомъ, съ прикомандированными къ оному частями, получилъ Монаршее благоволеніе, 1848 года сентября 30-го. Повелѣно грузинскому гренадерскому полку именоваться гренадерскимъ полкомъ е. и. в. в. кн. Константина Николаевича 1848 г. февраля 6-го. Произведенъ въ контръ-адмирала, съ назначеніемъ въ свиту и шефомъ морскаго кадетскаго корпуса, нынѣ (1880 г.) морскаго училища, 1848 г. августа 30-го. Назначенъ командующимъ Финляндскимъ полкомъ по наружной части 1848 г. сентября 1-го. Назначенъ шефомъ 18-го пѣхотнаго полка австрійской арміи 1848 г. декабря 14-го. Назначенъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, не принимая участія въ рѣшеніи дѣлъ, 1849 г. января 3-го. Назначенъ присутствовать въ адмиралтействъ-совѣтѣ 1849 г. января 5-го. По избранію одесскаго общества исторіи и древностей, принялъ на себя званіе почетнаго члена общества 1849 г. февраля 19-го. Въ воздаяніе неустрашимости въ бою и хладнокровнаго презрѣнія опасностей, получилъ отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею, вслѣдствіе предоставленной ему власти, орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертой степени 1849 г. августа 3-го. Назначенъ командиромъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады 1849 г. сентября 6-го. Назначенъ шефомъ гусарскаго его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича полка, съ переименованіемъ онаго въ полкъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича, 1849 г. сентября 19-го.

Состоялась высоч. грамота, въ коей изображено слѣдующее: „Въ воздаяніе неустрашимости въ бою и хладнокровнаго презрѣнія опасностей, оказанныхъ вашимъ императорскимъ высочествомъ въ Венгріи, гдѣ ваше высочество, со вступленіемъ войскъ Нашихъ въ оную, находясь постоянно при главныхъ силахъ арміи и раздѣляя съ войсками все труды похода, принимали личное участіе въ сраженіяхъ противъ мятежныхъ венгровъ, 3-го и 5-го іюля сего года подъ гор. Вайценомъ, 13-го и 14-го іюля при устройствѣ переправы чрезъ рѣку Тейсу у Тисса-Фюретъ и 21-го іюля при г. Дебречинѣ, и въ дѣлахъ подъ Вайценомъ и подъ Дебречиномъ оставались подъ смертоноснымъ дѣйствіемъ непріятельскихъ батарей, а при Тисса-Фюретѣ находились подъ самымъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, отличаясь мужествомъ и самоотверженіемъ,—утверждая

опредѣленную вашему высочеству главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, по предоставленной ему отъ Насъ власти, награду, Всемилоостивѣйше пожаловали Мы васъ указомъ, въ 21-й день сентября 1849 года капитулу даннѣмъ, кавалеромъ ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертой степени, 1849 г. сентября 21-го. „Назначенъ предсѣдателемъ комитета для пересмотра, дополненія и общаго свода морскихъ уставовъ 1850 г. сентября 3-го. Высочайшимъ указомъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта 1850 г. сентября 5-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорской с.-петербургской медико-хирургической академіи 1850 г. сентября 16-го. Высочайшимъ приказомъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній 1850 г. декабря 21-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена Лондонскаго географическаго общества 1851 г. ноября 11-го. Назначенъ товарищемъ начальника главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества 1852 г. іюня 25-го. Назначенъ членомъ Сибирскаго комитета 1852 г. августа 15-го. Высочайшимъ приказомъ назначенъ генераль-адъютантомъ 1852 г. ноября 26-го. Высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ предсѣдателемъ археологическаго общества 1852 г. ноября 27-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена дерптскаго университета 1852 г. декабря 13-го. Назначенъ дѣйствительнымъ членомъ импер. человеколюбиваго общества и попечителемъ общества посѣщенія бѣдныхъ 1853 г. января 18-го. Произведенъ въ вице-адмиралы 1853 г. апрѣля 19-го. Состоялась высочайшая грамота, въ коей изображено слѣдующее: „Назначивъ васъ товарищемъ начальника главнаго морскаго штаба и слѣдя внимательно за ходомъ служебной дѣятельности вашей, пріятно Намъ было удостовѣриться, что вы, вникая во всѣ отрасли сей многосложной части, соответствуете тѣмъ Нашему довѣрію. Возложенный на васъ важный трудъ составленія устава морской службы совершили вы съ отличнымъ успѣхомъ, какъ засвидѣтельствовалъ предъ Нами генераль-адъютантъ князь Меншиковъ; вступая-же, за отсутствіемъ его, въ управленіе морскимъ министерствомъ, успѣли въ короткое время значительно уменьшить расходы по комисариатскому департаменту. Все сіе, радуя родителское сердце, даетъ вамъ право на особенное Наше благоволеніе, въ ознаменованіе котораго жалуетъ васъ кавалеромъ ордена св. Владимира первой степени, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію. Мы увѣрены, что, продолжая съ тѣмъ-же рвеніемъ дѣйствовать на служебномъ поприщѣ вашемъ, вы доведете управляемую вами часть до желаемаго во всѣхъ отношеніяхъ совершенства и содѣлаетесь достойнымъ, если обстоятельства того потребуютъ, вести флоты Наши противъ враговъ отечества къ новой славы“. 1853 г. декабря 6-го.

[Продолженіе послужнаго списка слѣдуетъ].

Примѣчаніе. Послужной списокъ великаго князя Константина Николаевича приводится здѣсь лишь въ извлеченіи.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1892 Г.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ СЪБЛ. 16 ФЕВРАЯ 1892 Г.

РЕДАКТОРЪ АКСИМЪ ИВАНОВИЧЪ ЗАГОВОРЦОВЪ ГОСУД. БУМАГЪ.

КНЯЗЬ де-ЛИНЬ ВЪ РОССІИ

въ 1780 и 1787—1788 гг.

Князь Карлъ-Іосифъ де-Линь, обычно титулуемый принцемъ, былъ послѣднимъ въ Европѣ военнымъ петиметромъ XVIII вѣка. Этотъ родъ петиметровъ исчезъ съ первыми волнами французской революціи и не былъ воскрешенъ вѣнскимъ конгрессомъ. Екатерина II не любила петиметровъ ¹⁾, но высоко цѣнила князя де-Линя. Отъ отца и дѣдовъ своихъ унаслѣдовалъ онъ любовь къ военному дѣлу; какъ отецъ, какъ дѣды его, такъ и онъ личными военными заслугами въ рядахъ

¹⁾ Екатерина не любила петиметровъ какъ за ихъ щеголеватость костюма такъ и еще болѣе за ихъ слишкомъ вольное обращеніе съ женщинами; *petit-maitre*, въ ея глазахъ, недоросль, нигуда негодный и никому ненужный. Никита Ивановичъ, пишетъ она Панину, примѣчайте, пожалуй, не петиметръ-ли Митусовъ и не имѣть-ли съ французами знакомства (Сборникъ, X, 247). Въ 1765 году, отказывая кн. Репнину въ просимой имъ ссудѣ, Екатерина, перечисляя мотивы отказа, пишетъ Елагину: „Сверхъ того Репнинъ всякой день принимаетъ всякихъ распудренныхъ дворянчиковъ, которые ничего не смыслятъ окромѣ петиметрства“ (*Ibid.*, VII, 404). Въ 1766 году, Екатерина писала фельдмаршалу гр. Миниху: „Я прочла длинное и страстное письмо нарвскаго магистрата. Эти добрые люди подписываютъ то, чего они не понимаютъ; письмо ихъ писано по французски. Вы сдѣлали-бы мнѣ удовольствіе, вразумивъ ихъ, что мнѣ было-бы пріятнѣе получать впредь отъ нихъ бумаги на русскожъ или нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ я предпочитаю имѣть въ городахъ добрыхъ гражданъ и важноточныхъ купцовъ, чѣмъ петиметровъ. Опасаюсь, чтобъ съ языкомъ они не перемѣнили нравовъ, отъ чего и они и я можемъ только потерять“ (*Ibid.*, X, 66).

австрійскихъ войскъ добылъ себѣ фельдмаршалскій жезлъ. Это была чисто „военная косточка“, но вполне своеобразная, въ которой сказалась богато одаренная натура князя Карла. Пройдя суровую школу отца, грубаго вояки, онъ воспользовался и уроками бабки своей, женщины образованной и всегда романически настроенной. Благодаря бабушкѣ, князь де-Линь и въ вѣкъ невѣрія былъ добрымъ католикомъ; онъ получилъ отличное образование, зналъ нѣсколько языковъ, свободно говорилъ по латыни, любилъ искусство, понималъ музыку. Послѣ шпаги, онъ болѣе всего любилъ книгу, послѣ книги—женщинъ. Не было книги, которую князь Карлъ не прочелъ-бы; не было мысли, надъ которою онъ не задумался-бы, не было юбки, за которою онъ не волочился-бы. Онъ много путешествовалъ,—былъ во Франціи и Турціи, въ Австріи и Германіи, въ Англіи, Россіи и Польшѣ; много писалъ, въ стихахъ и прозѣ,—его „Произведенія“ изданы въ 32-хъ томахъ и многія изъ нихъ напечатаны въ его собственной типографіи, въ замкѣ Бель-Эль ¹⁾. въ австрійскихъ Нидерландахъ, гдѣ онъ родился. Красивый, знатный, богатый, онъ отличался даже при версальскомъ дворѣ своимъ веселымъ остроуміемъ и привѣтливымъ обхожденіемъ. Ему были открыты всѣ парижскіе салоны, до кабинета Маріи-Антуанеты включительно; его мѣткія замѣчанія, его остроты повторялись всѣми, и всюду онъ былъ желаннымъ гостемъ—въ Брюсселѣ и Вѣнѣ, въ Берлинѣ и Петербургѣ. Онъ лично зналъ, былъ уважаемъ и велъ переписку съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II, съ Екатериною II и Марією-Терезією, съ энциклопедистами и философами, съ Вольтеромъ и Руссо, которому предлагалъ убѣжище въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Князь де-Линь пережилъ всѣхъ своихъ знаменитыхъ современниковъ: оплакалъ Іосифа II, воспѣлъ Екатерину II, имѣлъ несчастье дожить до французской революціи, которая разрушила всѣ его убѣжденія, надругалась надъ его вѣрованіями, и умеръ въ Вѣнѣ, когда въ ней собрался конгрессъ европейскихъ государей. Всѣ коронованныя особы посѣтили его, всѣ дипломаты являлись къ нему на поклонъ, и остроты, мѣткія замѣчанія 80-тилтняго старца повторялись теперь, какъ и прежде, всею Вѣною. Слѣдя за балами, театрами и увеселеніями, которые устраивались въ Вѣнѣ въ честь государей, умирающій князь де-Линь сказалъ: „Конгрессъ танцуетъ, но не двигается. Когда будутъ исчерпаны всѣ роды

¹⁾ Последняя книга, вышедшая изъ этой типографіи „Instruction secrete. derobée à S. M. le roi de Prusse. Bel-Œil. 1787“.

зрѣлищъ, я предложу ему еще невиданное—погребеніе фельдмаршала“. Кн. де-Линь сдержалъ свое слово: онъ умеръ 13-го декабря 1814 года.

Князь де-Линь два раза посѣтилъ Россію. Въ первый разъ, въ 1780 году, онъ пріѣзжалъ по поводу значительной денежной претензіи къ русскому правительству, возникшей вслѣдствіе женитьбы его сына на княжнѣ Еленѣ Массальской, племянницѣ князя-епископа виленскаго. Онъ проѣхалъ тогда изъ Петербурга въ Вильну и оттуда въ Варшаву, гдѣ шутилъ мечталъ о польской коронѣ и принималъ серьезныя мѣры къ осуществленію этой мечты. Во второй разъ, въ 1787 году, онъ пріѣзжалъ въ Россію по приглашенію императрицы: онъ сопровождалъ Екатерину въ таврическомъ путешествіи въ качествѣ, по его собственнымъ словамъ, „дипломатическаго жокея“; онъ участвовалъ потомъ во второй турецкой войнѣ въ качествѣ, по словамъ Екатерины, военнаго „шпіона“. Всего онъ пробылъ въ Россіи около трехъ лѣтъ, и въ это время видѣлъ, бесѣдовалъ и переписывался съ императрицею Екатериною, посѣщалъ многихъ русскихъ вельможъ, жилъ съ Потемкинымъ и Румянцевымъ, преклонялся предъ русскимъ солдатомъ, видѣлъ Петербургъ и Москву, проѣхалъ по всей Россіи до Бахчисарая, видѣлъ русскіе города и русскія деревни, и обо всемъ, что видѣлъ и узнавалъ, писалъ своимъ многочисленнымъ друзьямъ, и въ этихъ письмахъ сообщалъ свои наблюденія, замѣтки и впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, кн. де-Линь не оставилъ своихъ мемуаровъ ¹⁾. Они были-бы весьма интересны, что сознавалъ и самъ кн. де-Линь: „Отечественная заботливость обо мнѣ добраго императора Франца I, материнская—великой Маріи Терезіи и почти братская—безсмертнаго Иосифа II, полное довѣріе ко мнѣ фельдмаршала Ласси и почти полное фельдмаршала Лаудона, близость моя къ прелестной французской королевѣ Маріи-Антуанетѣ, лестное вниманіе ко мнѣ великой Екатерины и уваженіе, которымъ чтить меня Фридрихъ II, придали-бы большой интересъ моимъ мемуарамъ“. Но и помимо мемуаровъ, въ письмахъ, очеркахъ и разсказахъ князя де-Линь сообщено много интересныхъ свѣдѣній, разбросано много любопытныхъ замѣтокъ, между прочимъ—и о Россіи, о русскихъ людяхъ, особенно-же о Екатеринѣ II.

¹⁾ Michaud, въ Biographie Universelle, XXIV. 528. говоритъ: „Le prince de Ligne a laissé des Mémoires, qui ne doivent être publiés que cent ans après sa mort, mais dont des extraits ont paru dans la Revue Nouvelle en 1846“. Это извѣстіе взято изъ журнала-же „Revue Nouvelle“, изъ предисловія издателя, и не оправдывается самими письмами князя де-Линь.

Этимъ, конечно, объясняется то вниманіе, съ которымъ относились въ Россіи къ произведеніямъ князя де-Линь. Когда, еще при жизни автора, баронесса Стаэль-Голштейнъ издала „Lettres et Pensées du maréchal prince de Ligne“, Paris, 1809, въ Москвѣ, въ томъ-же году, появились „Письма и мысли маршала принца де-Линь, изданныя въ свѣтъ баронессою Стаэль-Голштейнъ“, въ двухъ томахъ. Мало того: въ томъ-же 1809 году появился въ Москвѣ-же и второй переводъ, сдѣланный болѣе тщательно. Очевидно, книга читалась, если въ одинъ годъ потребовалось два ея изданія. Въ 1810 году, вышли „Избранныя философскія, политическія и военныя творенія принца де-Линь, изданныя однимъ изъ его пріятелей и служащія продолженіемъ къ Твореніямъ его, изданнымъ г-жею Стаэль-Голштейнъ“. Полвѣка спустя, въ 1866 году, появился третій переводъ „Писемъ принца де-Линя“¹⁾, но, къ сожалѣнію, изуродованный уже цензурою до того, что даже Клеопатра обратилась въ „сверхную повелительницу“.

Что-же даетъ намъ кн. де-Линь? Почему въ Россіи интересуются его письмами?

I.

Польскіе интересы князя де-Линь.

Въ Парижѣ прошлаго вѣка, въ Rue de Sève, что со времени революціи и нынѣ называется Rue de Sèvres, находилось лучшее воспитательное заведеніе для дѣвицъ аристократическаго происхожденія—Abbaye aux Bois. Сень-Сиръ, такъ плѣннвшій Екатерину II, вышелъ въ то время уже изъ моды; къ тому-же онъ былъ основанъ г-жею де Ментенонъ для бесплатнаго воспитанія дѣвицъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей; для знатныхъ-же французскихъ фамилій, для представительницъ богатой аристократіи, въ Парижѣ было только два заведенія: Abbaye aux Bois и Penthemont. Вся французская аристократія того времени воспитывалась въ одномъ изъ этихъ заведеній, видѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ даже принцессъ крови: герцогиня Бурбонская, рожденная принцесса

¹⁾ Въ „Литературной Библіотекѣ“, начиная съ 1-го тома. Переводъ довольно хорошъ и точенъ, но съ большими цензурными пропусками. При описаніи извѣстнаго свиданія въ Каневѣ, куда польскій король Станиславъ-Августъ явился подъ именемъ графа Понятовскаго, цензурою уничтожено его невинное обращеніе къ русскимъ вельможамъ: „Messieurs, le Roi de Pologne m'a charge de vous recommander le comte Pomatowski“ и т. п.

Орлеанская, воспитывалась въ Penthemont. Директриссами Abbaye aux Bois, носившими титулъ аббатиссъ, были дамы знатнѣйшихъ родовъ, какъ герцогиня Орлеанская, внучка Людовика XIV, и герцогиня Ришелье, сестра знаменитаго маршала; воспитательницами—представительницы французской аристократіи, какъ Монморанси, Люинь, Рошшуаръ. Не смотря на то, въ аббатствѣ воспитывали не только свѣтскихъ барышень, но и добрыхъ хозяекъ: титулованныя дѣти, дочери маркизовъ и герцоговъ, стирали бѣлье въ прачешной, шили платья, стряпали на кухнѣ, послѣ чего Новерръ и Доберваль, первые танцоры королевскаго театра, учили ихъ танцамъ, а Молэ и Ларивъ, изъ Comédie Française, декламаци.

Въ 1771 году, въ эту-то Abbaye aux Bois была опредѣлена хилая, блѣдная дѣвочка, только-что привезенная изъ Польши, восьмилѣтняя княжна Елена Массальская ¹⁾. Подруги заинтересовались ею: „Бѣдняжка, она даже не говоритъ по-французски! Послушаемъ польскій языкъ—любопытно, что это такое. Ah, que c'est drôle d'être une Polonaise!“

Малютку-княжну привезъ въ Парижъ ея дядя, князь-епископъ виленскій. Онъ принималъ участіе въ недавнихъ польскихъ смутахъ и бѣжалъ за границу съ племянницею-сироткою, дочерью брата. Это были едва-ли не первые польскіе эмигранты въ столицѣ Франціи.

Виленскій епископъ былъ сынъ князя Массальскаго, великаго гетмана литовскаго. Молодой епископъ ²⁾ пользовался въ Польшѣ большимъ вліяніемъ. Мемуары того времени рисуютъ его человѣкомъ образованнымъ, даже ученымъ; онъ обладалъ свѣтлымъ умомъ, легко схватывавшимъ самыя сложныя комбинаціи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ легкомысленный, непостоянный, съ крайнею робостью соединявшій стремленіе вмѣшиваться во всевозможныя дѣла и участвовать во всякаго рода предпріятіяхъ. Съ горячностью брался онъ за всякое дѣло и, не доведя до конца, охлаждѣвалъ, при чемъ нерѣдко его поведеніе противорѣчило тѣмъ принципамъ, которые онъ проповѣдывалъ. Князь-епископъ былъ азартный игрокъ: въ три года онъ проигралъ болѣе 100,000 дукатовъ, и

¹⁾ „Mémoires d'Appoline Hélène Massalska en l'Abbaye Rcyale de Notre Dame-aux-Bois rue de Sève, Faubourg Saint-Germain“ напечатаны L. Perey Histoire d'une grande dame au XVIII siècle, Paris, 1889, въ первомъ томѣ, озаглавленномъ: „La princesse Hélène de Ligne“, стр. 18—247.

²⁾ Князь Игнатій Массальскій родился въ 1729 году; посвященъ въ виленскіе епископы въ 1762 году. Его старшій братъ, отецъ княжны Елены, былъ женатъ на княжнѣ Радзивилль.

постоянно нуждался въ деньгахъ, хотя его „литовскія владѣнія были необозримо“.

Въ Литвѣ только два рода соперничали изъ-за преобладанія — Массальскихъ и Радзивилловъ. Массальскіе поддерживали партію Чарторижскихъ и всею своею властью, значеніемъ, богатствомъ содѣйствовали, согласно съ видами Екатерины, избранію графа Станислава Понятовскаго, племянника Чарторижскихъ, въ короли Польши. Радзивиллы, напротивъ, были заклятыми врагами Чарторижскихъ: они защищали древнія формы Рѣчи Посполитой, были враждебны видамъ Россіи и противодействовали избранію Станислава-Августа. Польскіе магнаты властвовали въ своихъ земляхъ, какъ феодальные владѣтели: у нихъ былъ свой дворъ изъ камергеровъ, егермейстеровъ и шталмейстеровъ, своя лейбъ-гвардія изъ драгунъ, казаковъ и пѣхоты, свое многочисленное войско, въ которомъ офицеры были тѣхъ-же ранговъ, что и въ королевской арміи ¹⁾. Понятно, что

Трактатъ мира между Россією и Польшею, подписанный въ Варшавѣ, въ 1768 году, вызвалъ сильное неудовольствіе въ католическомъ духовенствѣ: по этому трактату, православные, кальвинист-король долженъ считаться съ этою знатію, болѣе, чѣмъ онъ, могущественною, долженъ быть признателенъ къ тѣмъ, кто содѣйствовалъ его избранію; но даже содѣйствовавшіе избранію короля не рѣдко возставали противъ усиленія королевской власти. Въ такомъ именно положеніи оказался князь-епископъ виленскій, рисковавшій своею жизнью ²⁾ ради избранія Станислава-Августа.

¹⁾ Епископъ виленскій содержалъ на свой счетъ „массальскій легионъ“, численностью въ 16,000 человекъ; князь Радзивиллъ, дядя княжны Елены Массальской по матери, содержалъ 20,000 своего войска; графъ Потоцкій, воевода кievскій, имѣлъ отрядъ въ 25,000 человекъ и т. п. Для правильной оцѣнки этихъ цифръ необходимо помнить, что армія польскаго короля была въ 18,000 человекъ.

²⁾ При выборахъ депутатовъ на избирательный сеймъ, стараніями князей Массальскихъ, не жалѣвшихъ ни денегъ, ни угрозъ, ни одинъ изъ сторонниковъ дома Радзивилла не прошелъ въ депутаты. Узнавъ объ этомъ, князь Радзивиллъ прискакалъ въ Вильно съ своею эскортою въ 200 всадниковъ, ворвался въ епископскій дворецъ, разогналъ избранныхъ депутатовъ и, обращаясь съ дерзкою рѣчью къ князю-епископу, быстро перечислилъ всѣхъ епископовъ, убитыхъ князьями Радзивиллами, и закончилъ рѣчь словами: „Если еще когда-нибудь вамъ придетъ охота вмѣшиваться въ политику, то вспомните, господишь прелать, что у меня всегда найдется 100,000 дукатовъ, чтобы получить изъ Рима разрѣшеніе въ смертоубійствѣ“. Князь-епископъ опѣшилъ; онъ настолько растерялся отъ наглыхъ угрозъ кн. Радзивилла, что далъ ему спокойно уйти изъ дворца. Придя въ себя, князь-епископъ велѣлъ ударить въ набатъ, вооружилъ депутатовъ и изгналъ Радзивилла изъ Вильны.

скіе и протестантскіе диссиденты приобрѣтали всѣ тѣ права, которыми до того пользовались исключительно сыны римско-католической церкви. Шляхта, съ своей стороны, была недовольна допущеніемъ диссидентовъ ко всѣмъ должностямъ, прежде для нихъ закрытымъ. Повсюду начали собираться вооруженныя конфедерации противъ придворной партіи и Россіи, войска которой, въ видахъ защиты королевской власти, занимали многія укрѣпленныя позиціи въ Польшѣ. Во главѣ важнѣйшей изъ конфедераций, Варской, предводимой Пулавскимъ и Красинскимъ, стояли два Массальскихъ: гетманъ литовскій и его сынъ, князь-епископъ виленскій. Въ это время князь-гетманъ умеръ; гетманомъ литовскимъ сталъ графъ Огинскій ¹⁾—князь-епископъ привлекъ и его въ конфедерацию. Въ іюнѣ 1771 года, князь-епископъ покинулъ Варшаву, спѣша на помощь Огинскому. Ему не удалось, однако, достигнуть Вильны: услышавъ о пораженіи Огинскаго и о наступленіи русскихъ войскъ на Вильно, князь Массальскій бѣжалъ изъ Польши. Едва переѣхавъ границу родины, князь-епископъ прочелъ въ „Gazette de Hollande“ слѣдующее извѣстіе: „Русскія войска, предводимыя маіоромъ Салтыковымъ, заняли Вильно; всѣ имущества виленской епископской каеодры секвестрованы; на личное-же имущество князя епископа наложено запрещеніе и оно сдано въ управленіе кастеляну новогрудскому“. Наложено было запрещеніе и на всѣ имѣнія его покойнаго брата, отца княжны Елены, которую онъ привезъ съ собою въ Парижъ и помѣстилъ въ Abbaye aux Vois.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Хилая и больная дѣвочка обратилась въ красивую, статную дѣвицу. Въ Парижѣ, особенно-же въ Версали, стали говорить о польской княжнѣ, какъ о завидной невѣстѣ. Она была наслѣдницею обширныхъ земель своего отца, князя Массальскаго; ея мать, рожденная княжна Радзивиллъ, завѣщала ей 1,800.000 польскихъ флориновъ; бездѣтный князь-епископъ виленскій, примирившійся съ своимъ королемъ, ни отъ кого не скрывалъ, что племянница его, княжна Елена, назначена имъ единственною наслѣдницею всѣхъ его земельныхъ богатствъ въ Литвѣ, Польшѣ и Галичинѣ. Начиная съ 1777 года, когда княжнѣ Еленѣ минуло только 14 лѣтъ, дѣлались уже всевозможныя брачныя предложенія, причемъ, по обычаю того времени, наиболѣе заинтересованная въ этихъ предложеніяхъ „польская принцесса“ и ея воля вовсе не принимались во вниманіе. Къ чести князя-епископа

¹⁾ Графъ Огинскій, женатый на дочери князя Михаила Чарторижскаго, былъ двоюроднымъ братомъ короля Станислава-Августа.

должно сказать, что онъ во всѣхъ переговорахъ подобнаго рода прямо заявлялъ, что ставитъ свое личное согласіе на бракъ племянницы въ полную зависимость отъ ея выбора. Въ числѣ претендентовъ на руку княжны Елены былъ, между прочими, князь де-Линь, старшій сынъ князя Карла де-Линь, тоже Карлъ. Елена, увидѣвъ его въ первый разъ въ пріемной своего аббатства, записала въ дневникъ: „Онъ блондинъ, статный: очень похожъ на свою красавицу-мать; у него пріятное выраженіе, прекрасныя манеры; онъ очень серьезенъ, но въ немъ есть что-то нѣмецкое“.

25-го іюля 1779 года, въ Версали, король Людовикъ XVI, королева Марія-Антуанета и всѣ члены королевской фамиліи подписали брачный контрактъ князя Карла де-Линь и княжны Елены Мас-сальской. Въ контрактѣ значилось, что князь де-Линь отецъ предоставляетъ своему сыну, со дня свадьбы, 30,000 ливровъ ежегоднаго дохода и безвозмездное содержаніе въ своихъ дворцахъ и замкахъ въ Брюсселѣ, Вѣнѣ и Бель-Элѣ; послѣ рожденія перваго ребенка ежегодный доходъ удваивается. Княжна Елена приносила слѣдующее приданое: обширное земельное владѣніе Могиланы, два дворца въ Краковѣ и одинъ въ Варшавѣ, какъ наслѣдство отца; 1,800,000 флориновъ, отъ матери; отъ дяди, князя-епископа виленскаго—60,000 ливровъ годоваго дохода и безвозмездное содержаніе въ Парижѣ. Въ день подписанія контракта, Елена получила отъ дяди на 500,000 франковъ бѣлья, платьевъ и мѣховъ, отъ князей де-Линь, отца и сына — на такую-же сумму брильянтовъ и кружевъ. 29-го іюля состоялась свадьба.

Эта свадьба, вѣрнѣе, этотъ брачный контрактъ былъ главною причиною первой поѣздки кн. де-Линь въ Россію: „Мой сынъ Карлъ женится на хорошенькой полячкѣ. Ея родня даетъ намъ документы вмѣсто наличныхъ денегъ — претензіи къ русскому двору“¹⁾. Князь Радзивиллъ, дядя Елены по матери, могъ признать 1.800,000 флориновъ, должныхъ племянницѣ, но уплатить ихъ не былъ въ состояніи, такъ какъ земли, которыми обезпечивался этотъ долгъ, находились подъ секвестромъ русскаго правительства. Князь де-Линь рѣшился личнымъ ходатайствомъ въ Петербургѣ разъяснить этотъ денежный вопросъ и, если окажется возможнымъ, обратитъ документы въ наличныя деньги.

Въ маѣ 1780 года, князь де-Линь отправился изъ Парижа, „прямо

¹⁾ Oeuvres, XXI, 33. Такъ, сокращенно, дѣлаемъ мы ссылки на всѣ 32 тома „Mélanges militaires, littéraires et sentimentaires du prince de Ligne“. Dresde, 1795.

отъ герцогини Полиньякъ, гдѣ обѣдалъ вмѣстѣ съ королевою“, черезъ Вѣну и Берлинъ, въ Петербургъ. Въ Вѣнѣ онъ не засталъ уже императора Иосифа II, который находился въ это время въ Могилевѣ, въ гостяхъ у Екатерины. Но если австрійскій императоръ въ Россіи, то кн. де-Линъ, австріецъ, будетъ-ли принять прусскимъ королемъ въ Берлинѣ? Вопреки ожиданіямъ, Фридрихъ II не только милостиво принялъ его, но не позволилъ себѣ никакой злой насмѣшки, ни даже наивной шутки по адресу имперіи и императора. „Не смотря на благосклонность ко мнѣ Фридриха II, я смертельно боялся, чтобъ онъ не вспомнилъ, что я австріецъ ¹⁾. Какъ, думалось мнѣ, ни одной эпиграммы на нашъ счетъ. ни на счетъ императора? Какая перемѣна!“

Эта перемѣна объясняется могилевскимъ свиданіемъ Иосифа II съ Екатериною. Въ маѣ 1780 г., въ Могилевѣ, было положено основаніе коренной перемѣнѣ въ политикѣ русскаго правительства относительно ея нѣмецкихъ сосѣдей на западной границѣ: наклонность къ Пруссіи была замѣнена наклонностью къ Австріи. Съ самаго восшествія Екатерины на престолъ, въ теченіе 18-ти лѣтъ, вѣшняя политика Россіи тяготѣла болѣе къ Пруссіи, чѣмъ къ Австріи. Фридрихъ II зналъ цѣну Россіи и поддерживалъ дружественныя отношенія съ Екатериною, что давало ему извѣстный вѣсъ въ глазахъ Англіи и Франціи; въ то-же время, прусскій король интриговалъ противъ Россіи въ Константинополѣ и всѣми мѣрами противоудѣйствоваль русскимъ интересамъ при всѣхъ дворахъ. Еще въ 1770 году, когда Россія вела войну съ Турціею, Фридрихъ II, союзникъ Россіи, предлагалъ Иосифу II-му принять мѣры противъ возможнаго усиленія Россіи ²⁾. Между тѣмъ, политика Екатерины вполне зависѣла отъ реальныхъ интересовъ Россіи: для польскаго вопроса ей нужна была Пруссія, для турецкаго, точнѣе, крымскаго — Австрія. Съ 1772 года, послѣ перваго раздѣла Польши, Екатерина обратила преимущественное вниманіе на дѣла турецкія. и свиданіемъ въ Могилевѣ повернула политическій фронтъ отъ Пруссіи къ Австріи. Фридрихъ II предвидѣлъ этотъ поворотъ и, насколько могъ, старался ему противоудѣйствовать. При первомъ-же извѣстіи о предстоявшемъ свиданіи, онъ пугаетъ имъ Францію, увѣряя версальскій дворъ, что Иосифъ II ѣдетъ въ Россію, чтобы возстановить Екатерину противъ Бурбоновъ и склонить Россію въ пользу Англіи ³⁾. „Поѣздка

¹⁾ Ibid., VI, 151.

²⁾ Arneth, Maria-Theresia und Joseph II, I, 300.

³⁾ Vous ferez observer au ministère de Versailles, que l'Empereur selon des avis de très bonne part se proposait trois objets dans cette visite: 1) de faire

императора въ Россію, для свиданія съ русскою императрицею, очень не нравилась прусскому королю; Фридрихъ II подозрѣвалъ уже, что русскій дворъ ускользаетъ изъ его рукъ¹⁾, но не зная еще результатовъ свиданія въ Могилевѣ, рѣшился сдѣлать *bonne mine au mauvais jeu* и очень хорошо принялъ австрійскаго генерала князя де-Линь.

„Король принялъ меня чрезвычайно ласково. Когда я ему представилъ сына Карла, онъ замѣтилъ, что не ожидалъ, что у меня былъ такой большой сынъ“.

„— Онъ, ваше величество, уже годъ, какъ женатъ.

„— Осмѣлюсь спросить на комъ?

„— На полячкѣ, на Массальской.

„— Какъ, на Массальской? Да вы знаете-ли, что сдѣлала ея бабушка?

„— Нѣтъ, ваше величество, не знаю, отвѣтилъ Карль.

„— При осадѣ Данцига, она сама прикладывала фитиль къ пушкѣ, стрѣляла, заставляла стрѣлять другихъ и зацѣпалась, когда ея партія, потерявъ голову, думала лишь о сдачѣ“²⁾.

Двѣ недѣли пробылъ кн. де-Линь въ Потсдамѣ, причемъ Фридрихъ II ежедневно приглашалъ его къ столу, говорилъ съ нимъ рѣшительно обо всемъ и только разъ, случайно, упомянулъ о могилевскомъ свиданіи: „однажды, за столомъ, когда зашла рѣчь о путешествіяхъ Іосифа II, король сказалъ мнѣ, но такъ, что я не понималъ, была-ли это насмѣшка или просто историческая справка³⁾“:

„— Императоръ счастливѣе Карла XII—онъ тоже вошелъ въ Россію чрезъ Могилевъ, но, мнѣ кажется, онъ дойдетъ до Москвы“.

Въ началѣ августа кн. де-Линь съ сыномъ прибылъ въ Петербургъ⁴⁾. Екатерина никогда не видѣла его; она слышала о немъ

sa cour à l'impératrice et de la désabuser à force de protestations et de cajoleries sur l'esprit de conquêtes et d'agrandissement qu'on lui prêtait: 2) de gagner la confiance et l'appui du prince Potemkin et 3) d'aigrir l'impératrice et son favori contre les maisons de Bourbon et de les disposer à favoriser l'Angleterre et à l'assister dans sa guerre actuelle. Изъ инструкціи короля Гольцу, отъ 6-го апрѣля 1780 года, въ Берлин. Архивѣ. Repos. XI, vol. VI, № 62.

¹⁾ Oeuvres, XI, 151.

²⁾ Ibid., VI, 140.

³⁾ Ibid., VI, 152.

⁴⁾ „Князь де-Линь былъ оставленъ въ Россіи уѣхавшимъ императоромъ“. Эта фраза самопроизвольно и вполнѣ ошибочно вставлена „Литературною Библиотекою“ (I, 217) въ переводъ депеши англійскаго посланника Гарриса, отъ 15-го сентября 1780 года (Harris, Diaries and correspondence, I, 332).

отъ Гримма, отъ Іосифа II; она читала о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ газетахъ, читала его извѣстное письмо къ Ж. Ж. Руссо, такъ заинтересовавшее Фридриха II ¹⁾. Это письмо еще болѣе заинтересовало Екатерину: она, русская императрица, предлагала нѣкогда энциклопедистамъ переселиться въ Россію, чтобы избѣжать преслѣдованій, которымъ подвергалась во Франціи „Энциклопедія“; теперь нидерландскій князь предлагаетъ Руссо поселиться въ одномъ изъ своихъ замковъ, обезпечивая ему полную свободу.

Въ 1770 году, когда генеральный прокуроръ разрѣшилъ Ж. Ж. Руссо жить въ Парижѣ, но подъ условіемъ „ничего не писать“ и во всякомъ случаѣ ничего не печатать и не показываться „ни въ кофейняхъ, ни въ какихъ-либо публичныхъ мѣстахъ“, кн. де-Линь два раза навѣстилъ Ж. Ж. Руссо на чердакѣ въ Rue Platrière, бесѣдовалъ съ нимъ ²⁾, и нѣсколько дней спустя прислалъ ему слѣдующее письмо:

„Милостивый государь.

„Я тотъ, который навѣстилъ васъ надняхъ и, зная, какъ вы не любите надобдливыхъ людей, не навѣщу васъ болѣе. хотя страстно желалъ-бы этого.

„Подумайте о томъ, что я предлагалъ вамъ. Такъ какъ на моей родинѣ не умѣютъ читать, то вами не будутъ восторгаться, но не будутъ и преслѣдовать васъ. У васъ будетъ ключъ отъ моихъ книгъ и отъ моихъ садовъ. Вы будете видѣться со мною или не будете со мною видѣться, какъ пожелаете. У васъ будетъ небольшой домикъ, только для васъ однихъ, въ верстѣ отъ моего. Вы будете тамъ сажать, сѣять, дѣлать все, что вамъ вздумается. Жанъ-Батистъ ³⁾ и его духъ переселились во Фландрію, чтобъ умереть, но онъ писалъ только стихи; пусть-же Жанъ-Жакъ поселится во Фландріи, чтобъ жить. Живите у меня, вѣрнѣе, у себя и продолжайте *vitam impendere vero* ⁴⁾. Если вы хотите еще болѣшей свободы—у меня есть уголокъ земли, ни отъ кого не зависимый, но небо тамъ прекрасно, воздухъ чистъ, и всего въ трехстахъ вер-

¹⁾ Le roi me demanda si ma lettre à Jean Jacques Rousseau, qui avait été imprimée dans les papiers publiques, était de moi. Je lui dis: „Sire, je ne suis pas assez célèbre pour que l'on prenne mon nom“. Il sentit ce que je voulais dire. Oeuvres, VI, 119.

²⁾ Mes conversations avec Jean-Jacques. Oeuvres, X, 268.

³⁾ Jean-Baptiste Rousseau, 1671—1741, лирический поэтъ.

⁴⁾ Juvenal, sat. IV, v. 91. Это былъ девизъ Руссо и эпиграфъ многихъ революціонныхъ журналовъ.

стахъ отсюда. Тамъ нѣтъ у меня ни архіепископа, ни парламента ¹⁾, но тамъ вскармливаются лучшіе бараны въ мірѣ.

„Въ другомъ хуторѣ есть у меня пчелы, и его я предлагаю вамъ. Если вы любите пчель, я оставлю ихъ; если не любите, я переведу ихъ въ другое мѣсто. Пчелы примутъ васъ лучше, чѣмъ Женева, которой вы оказали столько добра, столько чести. Какъ и вы, я не люблю ни троновъ, ни властей; вы не будете никѣмъ управлять, но и вами никто управлять не будетъ.

„Если вы принимаете мои предложенія, я приѣду за вами и самъ отвезу васъ въ Храмъ Добродѣтели—таково будетъ названіе вашего жилища; но мы его такъ называть не будемъ: я избавлю вашу скромность отъ всѣхъ триумфовъ, которыхъ вы заслуживаете. Если ни одно изъ моихъ предложеній вамъ не по душѣ—считайте, что я ихъ вамъ вовсе не дѣлалъ.

„Я не увижу васъ болѣе, но не перестану читать васъ и удивляться вамъ, не говоря вамъ о томъ“ ²⁾.

Екатерина не любила Руссо и имѣла на то, конечно, серьезныя причины ³⁾; но Руссо уже умеръ и остался только великодушный поступокъ князя де-Линь, такъ подкупившій Екатерину.

Екатерина приняла князя де-Линь очень милостиво, даже любезно. „Здѣсь теперь князь де-Линь, писала она, человекъ веселый, милый, съ которымъ легко живется. Это оригинальная голова: при всемъ своемъ глубокомысліи, онъ способенъ дурачиться, какъ ребенокъ. Я очень довольна его обществомъ; онъ другъ герцога

¹⁾ По требованію парижскаго архіепископа де-Бомона и по опредѣленію парламента Жанъ-Жакъ Руссо подвергся преслѣдованію.

²⁾ Tournеux, Correspondance, IX, 92. J'écrivis à Jean-Jacques la lettre qu'il donna à lire, ou à copier assez mal-à-propos et qui se trouva enfin, je ne sais comment. imprimée dans toutes les gazettes, Oeuvres, X, 273.

³⁾ Ж. Ж. Руссо, 1712 — 1778. Изъ всѣхъ философовъ прошлаго вѣка Руссо болѣе скептически относился къ Екатеринѣ и Россіи; его „пророчества“, какъ называла Екатерина сужденія Руссо о русскихъ дѣлахъ, раздражали императрицу, что и выразилось въ ея отзывѣхъ о Руссо, встречающихся въ письмахъ къ Вольтеру (Oeuvres de Voltaire, LXXVIII, 3, 143; Фабианъ, I, 3, 152; Сборникъ, XIII, 67). Смерть Руссо охладила нѣсколько это раздраженіе и въ письмахъ къ Гримму, въ 1778 и 1780 годахъ, Екатерина довольно спокойно вспоминаетъ о немъ (Сборникъ, XXIII, 117, 167). Въ это именно время кн. де-Линь, покровитель Руссо, впервые явился къ Екатеринѣ въ Петербургъ. Позже, въ 1782 году, въ письмѣ къ графу и графинѣ Сѣвернымъ, Руссо обвиняется уже въ жевевскихъ „беспорядкахъ“ (Сборникъ, IX, 148), а послѣ революціоннаго варыва онъ является однимъ изъ главныхъ виновниковъ французскихъ „безумій“ (Сборникъ, XXIII, 520).

Браганцскаго“¹⁾. Императрица часто бесѣдовала съ нимъ, приглашала его къ своему столу. Изысканная вѣжливость обхожденія, остроумная рѣчь, обширныя познанія, свѣтлый умъ и веселый нравъ князя произвели впечатлѣніе на придворное общество. Воронцовы и Шуваловы, князь Бѣлосельскій и князь Путятинъ, Долгорукіе, Панинъ, Голицыны, всѣ русскіе вельможи, подражая императрицѣ, уваживали за княземъ де-Линь; но особенно близко сошелся онъ съ княземъ Потемкинымъ. Они видѣлись каждый день, то во дворцѣ, то въ домѣ будущаго князя Тавриды, то у его племянницы А. В. Энгельгардтъ. Князь де-Линь зналъ всѣ картины въ домѣ Потемкина²⁾, и когда покидалъ Петербургъ, кн. Потемкинъ провожалъ его до Дерпта³⁾. Петербургъ очень понравился князю де-Линь, видѣвшему уже Парижъ и Лондонъ, Вѣну, Венецію и Берлинъ. Онъ съ восторгомъ говорилъ о Невѣ, о ея гранитной набережной, о церквахъ и дворцахъ. Въ обществѣ императрицы и русскихъ вельможъ посѣтилъ онъ Царское Село, Петергофъ, Павловскъ, и описалъ загородныя парки и сады, причѣмъ сравниваетъ Царское Село съ Версалю, а Петергофъ ставитъ выше ея. Какъ человѣкъ наблюдательный, много видѣвшій, онъ не только подмѣтилъ цѣлованіе рукъ у дамъ въ высшемъ обществѣ и русскіе хоробы въ крестьянской средѣ, но отмѣтилъ глубокую религіозность русскаго народа и особенности православнаго духовенства, относясь съ уваженіемъ и къ митрополиту Платону, благословляющему княгиню Голицыну розой, и къ русскому мужику, зывающему во всѣхъ случаяхъ жизни къ помощи святителя Николая⁴⁾.

Князь де-Линь былъ тѣмъ болѣе желаннымъ гостемъ для Екатерины, что прибылъ въ Петербургъ вслѣдъ за отъѣздомъ императора Іосифа II и незадолго до пріѣзда прусскаго наслѣднаго принца Фридриха Вильгельма.

Визитъ, сдѣланный императоромъ Іосифомъ II — Екатеринѣ, взволновалъ всю Европу, особенно-же Пруссію. Представитель прусскаго короля въ Петербургѣ былъ убѣжденъ, что такое „снисхожденіе“ императора, „перваго государя въ Европѣ“ и къ тому-же изъ „столь

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 185. Позже, въ 1781 г., Екатерина опять повторила: sa tête est très originale. Ibid., 208.

²⁾ Oeuvres, XX, 117.

³⁾ Le prince Potemkine est parti pour Dorpat sous prétexte d'y accompagner le prince de Ligne, avec lequel il a été fort lié et qu'il a retenu tout ce temps. Деша графа Гёрда отъ 25-го сентября 1780 г. въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 112.

⁴⁾ Oeuvres, XII, 300; XIII, 150, 168, 196; XXI, 59; XXII, 80, 81.

гордаго австрійскаго дома⁴⁾, увеличить надменность Екатерины¹⁾ и полагалъ, что впечатлѣннѣе, какое произведетъ императоръ, можно было-бы парализовать посылкою въ Петербургъ наслѣднаго принца прусскаго, племянника Фридриха II. Графъ Гёрцъ очень ловко привелъ свой планъ въ исполненіе, убѣдивъ кн. Потемкина, что самая мысль о поѣздѣ Фридриха-Вильгельма въ Петербургъ принадлежитъ ему²⁾, князю Потемкину.

Мысль, поистинѣ, вполне несчастная. Фридрихъ-Вильгельмъ, молчаливый педантъ, угрюмый формалистъ, занимавшійся только муштровкою солдатъ и никогда не выѣзжавшій изъ Пруссіи, долженъ былъ, конечно, много потерять при сопоставленіи съ Іосифомъ II, веселымъ собесѣдникомъ, разносторонне образованнымъ, много путешествовавшимъ. Неуклюжій принцъ прусскій своимъ пріѣздомъ только усугубилъ сожалѣніе объ отъѣздѣ элегантнаго императора германскаго. Въ этомъ только смыслѣ донесенія англійскаго посланника Гарриса вполне справедливы: даже въ присутствіи Фридриха-Вильгельма, Екатерина отдавала рѣзкое предпочтеніе бесѣдѣ съ княземъ де-Линь и нерѣдко разсыпалась въ похвалахъ Іосифу II³⁾. Расчетъ графа Гёрца на кн. Потемкина тоже не оправдался: именно во время пребыванія Фридриха-Вильгельма въ Петербургѣ, Екатерина была недовольна кн. Потемкинымъ⁴⁾ и это неудовольствіе отражалось на всей придворной жизни.

¹⁾ L'entrevue de l'impératrice de Russie avec l'Empereur augmentera certainement la présomption de cette cour et surtout celle de la souveraine même et c'est bien l'effet le plus essentiel, qu'elle produira et dont on se ressentira le plus longtemps. C'est d'ailleurs le caractère propre de la souveraine de se livrer aux sentiments de vanité et tout a contribué sous ce règne à l'augmenter. Il ne manquait que ce phénomène que l'Empereur d'Allemagne, le premier Souverain de l'Europe, issu de cette maison d'Autriche, d'ailleurs si fière, vint de si loin rendre hommage à l'impératrice. Une pareille condescendance etc. Делема отъ 8-го апрѣля 1780 г. въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 63.

²⁾ Je viens de chez le Prince Potemkine, auprès duquel j'ai exécuté les ordres de votre majesté au sujet du voyage du prince de Prusse, ajoutant que comme vous n'aviez consenti à ce voyage et au désir du prince, que sur les idées de lui, prince Potemkine, le tout était à regarder comme son ouvrage. Делема гр. Гёрца отъ 20-го марта, въ Берлинскомъ Архивѣ, Rep. XI, P. S ad relationem № 58.

³⁾ Her behaviour to the Prince de Ligne, which is clearly designed, is the strongest contrast to her conduct towards the Prince of Prussia, and nothing hurts him and his friends so much as the pleasure she express in his society... She is profuse to the Prince of Ligne in her expressions of regard and admiration for the Emperor. Harris, l. c., 332, 333.

⁴⁾ La volonté de changer de favori, l'opposition qu'y met le prince Potemkine, dans le même temps ce nouveau scandale d'une seconde nièce du prince devenue enceinte à la Cour par l'oncle même et ce crime est sensible à la

Если ко всему этому прибавить соображенія чисто политическія, заставлявшія императрицу склоняться болѣе къ Австріи, чѣмъ къ Пруссіи, то станетъ вполне понятнымъ то незавидное впечатлѣніе, которое Екатерина вынесла отъ личнаго знакомства съ племянникомъ Фридриха II. Это впечатлѣніе она сообщила Гримму въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Іосифъ II вполне мастеръ: Фридриху-Вильгельму далеко еще и до подмастерья. Бѣдняга! Совсѣмъ не знаешь, чтѣ онъ такое. Онъ только бормочетъ что-то или ужъ онъ такъ не привыкъ разсуждать, что изъ его рѣчей ничего не выходитъ. Онъ очень сдержанъ, что крайне неудобно для окружающихъ и имѣющихъ съ нимъ дѣло. Говорятъ, онъ хорошо думаетъ—можетъ быть, но вѣдь это-же можно сказать и объ индѣйскомъ пѣтухѣ, а быть индѣйскимъ пѣтухомъ или разыгрывать его роль — это, опять-же, не всегда выгодно ¹⁾).

Князь де-Линь встрѣтился въ Петербургѣ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, какъ съ старымъ знакомымъ. „Нѣсколько мелкихъ услугъ, оказанныхъ мною ему относительно денежныхъ счетовъ, любовныхъ похужденій, и любезное ухаживаніе за дамою его сердца давно уже сблизили насъ. На далекой чужбинѣ иностранцы легко сходятся, не смотря на все различіе ихъ положенія, интересовъ и цѣлей. Между нами установились добрыя отношенія, въ которыхъ преобладали два чувства: дружба съ его стороны и неблагодарность съ моей. какъ только являлся случай принизить его въ Россіи ²⁾).

Это даже не коварство со стороны кн. де-Линь: прусскій принцъ присланъ въ Петербургъ для противодѣйствія Іосифу II; австрійскій вельможа обязанъ по возможности ослабить, если не уничтожить вполне это противодѣйствіе. Въ данномъ случаѣ задача не представляла большихъ трудностей и значительно облегчалась самимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

Пруссскій посланникъ, конечно, былъ правъ, извѣщая Фридриха II, что его племянникъ долженъ былъ такъ вести себя, чтобы понравиться всѣмъ партіямъ при русскомъ дворѣ; но гр. Гѣрцъ положительно ошибается. увѣряя короля, что принцъ прусскій вполне

personne de l'impératrice même, . . . tout cela, ajouté à tant d'autres mécontentemens, que le favori et les siens donnent à tout le monde, tout cela, dis-je, bouleverse dans ce moment l'âme de cette souveraine... On assure que l'impératrice et le prince Potemkine ont eu des explications encore avant hier et hier matin. Денеша графа Гѣрца отъ 25-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Rep. XI. № 112.

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 190.

²⁾ Oeuvres, XXI, 33.

достигъ этого ¹⁾. Изъ донесеній самого-же Гёрца, составляющихъ особую папку въ Берлинскомъ Архивѣ ²⁾, приходится вывести совершенно противное заключеніе. Такъ, напримѣръ, Іосифъ II былъ съ визитомъ у г-жи Энгельгардтъ, племянницы князя Потемкина; Фридрихъ-Вильгельмъ призналъ такой визитъ слишкомъ унижительнымъ для себя ³⁾, чѣмъ едва-ли могъ расположить въ свою пользу партію, наиболѣе значительную и вліятельную. Противная Пруссіи партія пользовалась всякимъ вольнымъ или невольнымъ случаемъ, чтобы уронить значеніе „высокаго гостя“; кн. де-Линь не щадилъ его своими насмѣшками. Одинъ изъ его каламбуровъ особенно удаченъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей столицы иностраннымъ гостямъ всегда показывали академію наукъ, для чего устраивались особенно торжественныя засѣданія. Посѣтилъ академію наукъ Іосифъ II, назначено было засѣданіе и для Фридриха-Вильгельма. Едва началось засѣданіе, какъ съ прусскимъ принцемъ сдѣлалось дурно; обморокъ скоро прошелъ, но, конечно, засѣданіе былъ прервано. На этомъ засѣданіи присутствовалъ и князь де-Линь. Когда Екатерина спросила его о посѣщеніи академіи, князь сказалъ: „Le prince royal s'est trouvé, madame, sans connaissance à l'académie de sciences“. Екатерина расхохоталась, передала каламбуръ приближеннымъ, и острота князя стала передаваться изъ дому въ домъ. Опасаясь, что острота дойдетъ до принца прусскаго и оскорбить его, кн. де-Линь самъ передалъ ее Фридриху-Вильгельму, но съ слѣдующею перестановкою словъ: „Le prince royal s'est trouvé au milieu de l'académie sans connaissance“. Ничего не зная о перестановкѣ словъ, наивный принцъ самъ-же передавалъ императрицѣ и хвалилъ этотъ каламбуръ. Екатерина пересилила себя на этотъ разъ и не разсмѣялась ⁴⁾.

¹⁾ Il a fallu la plus grande prudence à monseigneur le prince de Prusse pour tenir une conduite qui put plaire à tous les partis et pour ne donner ombrage à aucun. Son altesse royale y a parfaitement réussi. Денема отъ 25-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Rep. XI, № 112.

²⁾ Dépêches du comte de Goertz touchant le séjour du Prince de Prusse S. A. R. Frédéric-Guillaume à St. Pétersbourg en 1780.

³⁾ Je ne dois pas laisser ignorer à votre majesté jusqu'où l'orgueil a enivré la famille du prince Potemkine. Ont est venu me dire tout uniment que la demoiselle Engelhardt, sa nièce, s'attendait à une visite du prince de Prusse parce que le comte de Falkenstein lui en avait fait une. Si on aurait condescendu, on aurait fait crier la cour et la ville et on aurait sûrement désobligé la jeune cour. Денема графа Гёрца отъ 29-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 113.

⁴⁾ Serge Ouvaroff, Le prince de Ligne. St.-Petersbrg, 1842, p. 26.

Болѣе мѣсяца оставался князь де-Линь въ Петербургѣ, видѣлся съ императрицею ежедневно, бесѣдовалъ, спорилъ съ нею, но ни разу даже не коснулся того денежнаго вопроса, для котораго имъ было предпринято это далекое путешествіе. «Пріѣхавъ въ Россію, я прежде всего забылъ о существенной цѣли моего пріѣзда: мнѣ казалось неделикатнымъ воспользоваться милостями, которыми меня ежедневно осыпали, для полученія новыхъ милостей¹⁾». Болѣе чѣмъ вѣроятно, что вслѣдствіе этой-же деликатности, кн. де-Линь ни разу не говорилъ съ Екатериною о Польшѣ, судьбы которой такъ теперь интересовали его — жена его сына была польскою землевладѣлицею.

Откланиваясь императрицѣ, кн. де-Линь долженъ былъ принять отъ нея подарокъ. „Вы не разъ говорили мнѣ, сказала ему на прощанье Екатерина, что продадите, проиграете или потеряете дорогіе брильянты, если я дамъ ихъ вамъ; примите-же отъ меня всего лишь на сто рублей брильянтовъ, которыми окруженъ мой портретъ въ этомъ перствѣ²⁾». Изъ кабинета были доставлены подарки женѣ князя де-Линь, его дочерямъ, причемъ не была забыта и княгиня Елена, рожденная княжна Массальская.

Изъ Петербурга кн. де-Линь отправился въ Вильну. Князь-епископъ виленскій, дядя Елены, устроилъ „пиръ горой“ въ честь родныхъ гостей. Пользуясь тѣмъ, что въ это время былъ созванъ виленскій сеймикъ для выбора депутатовъ на сеймъ, кн. Массальскій пригласилъ въ свой замокъ Верки, близъ Вильны, до 80-ти литовскихъ шляхтичей въ ихъ національныхъ костюмахъ. Передъ обѣдомъ каждый изъ нихъ кланялся князю-епископу и почтительно цѣловалъ „конецъ его одежды“. Въ концѣ обѣда, при громѣ пушекъ, провозглашали тосты: князь-епископъ называлъ здравицу, выпивалъ золотой кубокъ, опрокидывалъ его, въ знакъ, что не осталось ни капли, передавалъ кубокъ сосѣду справа, и кубокъ шелъ въ круговую. Пили только шампанское и токайское, причемъ князь де-Линь только дивился, „какъ много пьютъ въ Польшѣ“.

За обѣдомъ князь Массальскій рассказывалъ гостямъ о милостяхъ Екатерины къ князю де-Линь, причемъ, намеками, несвязно, упоминалъ о значеніи этихъ милостей для Польши, говорилъ непонятными для гостей загадками. Вскорѣ загадка разъяснилась.

Еще при первыхъ переговорахъ о сватовствѣ княжны Елены Массальской, въ перепискѣ князя-епископа съ его другомъ марки-

¹⁾ Oeuvres, XXI, 34.

²⁾ Ibid., X, 248.

зомъ Мирабо, упоминается, что мужъ Елены можетъ стать королемъ польскимъ. Эта мысль крѣпко засѣла въ мозгу князя-епископа. Когда-же онъ узналъ, какъ милостиво Екатерина принимала князя де-Линь, онъ уже видѣлъ въ немъ будущаго короля Польши. „Епископъ, дядя моей невѣстки, вообразилъ, что я пользуюсь вліяніемъ на императрицу Россіи, потому только, что былъ ласково принять ею, и что стоитъ мнѣ только получить польское гражданство, чтобъ стать королемъ Польши. Какой переворотъ, говорилъ онъ, въ дѣлахъ Европы! Какое счастье, восклицалъ онъ. для де-Линей и для Массальскихъ!“ Князь де-Линь улыбался, но не противорѣчилъ, и вмѣстѣ съ княземъ-епископомъ отправился въ Варшаву искать права гражданства.

„Мнѣ хотѣлось, пишетъ кн. де-Линь, получить одобреніе польской націи, собранной въ сеймъ, и я представился депутатамъ и маршалу“. Епископъ виленскій, князь Массальскій, выставилъ кандидатуру князя де-Линь на польское гражданство.

Сейму были предложены 25 кандидатовъ, искавшихъ правъ польскаго гражданства. Изъ нихъ 24 были устранены; принять только одинъ кн. де-Линь. Для этого требовалось, однако, единогласное рѣшеніе сейма; у князя-же оказалось три оппонента. Поднялся страшный шумъ. „Ихъ едва не зарубили саблями. Одинъ изъ депутатовъ схватился уже за эфесъ и произнесъ страшныя угрозы“... Я обратился къ моимъ противникамъ и мнѣ удалось на столько разсѣять ихъ предубѣжденіе, что они въ изысканныхъ выраженіяхъ изъявили свое согласіе на принятіе меня въ свою семью. Тогда я, вопреки обычаю, бросился въ залу засѣданій, произнесъ по латынѣ пламенную рѣчь, которая такъ наэлектризовала сеймъ, что неистовые крики *Zgoda!* потрясли собраніе и мое имя было покрыто такими рукоплесканіями, что, казалось, стѣны дрожали“.

Уже въ качествѣ поляка, кн. де-Линь сближается съ Станиславомъ-Августомъ. „Я интригую въ пользу польскаго короля, который самъ интриганъ. какъ всѣ короли, занимающіе престолъ съ обязанностью исполнять волю сосѣдей или своихъ подданныхъ. Станиславъ-Августъ добръ, любезенъ, привлекателенъ; я даю ему совѣты; мы дѣлаемся друзьями“¹⁾. Въ качествѣ друга, онъ ведетъ съ нимъ переписку, въ которой сообщаетъ любопытныя подробности о своихъ бесѣдахъ съ Фридрихомъ II, „сосѣдство котораго

¹⁾ Oeuvres. XXI, 34.

принесло столько зла Польшѣ“¹⁾). Письма кн. де-Линь къ польскому королю относятся къ 1785 и 1786 годамъ, когда кн. де-Линь не могъ еще и предвидѣть насколько велико это зло. Оно обнаружилось лишь годъ спустя, вслѣдъ за таврическимъ путешествіемъ Екатерины.

Осенью 1786 года, императрица увѣдомила кн. де-Линь о своемъ путешествіи на югъ Россіи. „Я выѣду отсюда въ первыхъ числахъ января; февраль и мартъ проведу въ Кіевѣ; въ началѣ апрѣля отправлюсь водою по Днѣпру; май употреблю на обзоръ края, въ которомъ жила нѣкогда, говорятъ, Ифигенія. Вѣрно то, что уже одно названіе этой страны возбуждаетъ воображеніе, и потому нѣтъ такого рода измышленій, которыя не распускались-бы по поводу моего путешествія и пребыванія въ Тавридѣ. Вѣрно и то, что я очень буду рада снова увидѣть васъ“²⁾). Князь де-Линь не только принялъ столь любезное приглашеніе, сопровождалъ императрицу въ путешествіи, не только описалъ его въ девяти письмахъ къ маркизу де-Куаньи³⁾, но и выступилъ публичнымъ защитникомъ Россіи отъ нападокъ, которыя появились въ западно-европейскихъ газетахъ при сообщеніи извѣстій объ этомъ путешествіи⁴⁾). Въ Кіевѣ князь де-Линь сблизился со многими польскими вельможами: съ Браницкими и Потоцкими, Сапѣгами, Четвертинскими, Мнишками; въ Каневѣ встрѣтился онъ съ королемъ Станиславомъ-Августомъ.

Это путешествіе въ Тавриду закончилось войною съ Турціею. Приглашая князя де-Линь къ поѣздкѣ въ Тавриду, Екатерина увѣряла его, что съ нею поѣдетъ „нѣсколько министровъ мира, въ присутствіи которыхъ не можетъ произойти никакой битвы“, и просила его „умѣрить свой воинственный пылъ“; теперь, по окончаніи путешествія, Екатерина съ удовольствіемъ приняла предложеніе князя де-Линь вступить въ ряды ея войска для борьбы съ Турціею. Обстоятельства сложились такъ, что въ началѣ второй турецкой войны, когда кн. де-Линь находился въ русскомъ лагерѣ,

¹⁾ Въ полномъ собраніи сочиненій князя де-Линь, имъ самимъ изданныхъ въ 1795 году, письма къ Станиславу-Августу изданы въ видѣ „Mémoire sur le roi de Prusse Frédéric le Grand“ (VI, 117 — 140), причѣмъ въ предисловіи объяснено, что изданіе писемъ, вышедшее въ Берлинѣ и Вѣнѣ, сдѣлано не точно и съ рукописи, которую какая-то полячка выпросила у князя только для прочтенія, а не для изданія.

²⁾ Сборникъ, XXVII, 379.

³⁾ Oeuvres, XXI, 3—62.

⁴⁾ Tourneux, XV, 105.

ему пришлось имѣть дѣло не столько съ русскими или турками, сколько съ поляками.

Въ XVIII столѣтіи исходъ всякой войны съ Турціею много зависѣлъ отъ Польши. Застигнутый теперь врасплохъ, Потемкинъ писалъ Екатеринѣ: „Примите мое усердѣйшее предложеніе, рѣшите съ Польшею, общайте полякамъ приобрѣтеніе; несказанная польза, чтобы они были наши; ей-ей, они тверже будутъ всѣхъ другихъ“. Екатерина, вполне понимая значеніе Польши, отвѣчала: „Касательно польскихъ дѣлъ въ скоромъ времени пошлются привязанія, кои изготавляются для начатія соглашенія; выгоды имъ общаны будутъ“¹⁾. О подобномъ „соглашеніи“ была рѣчь еще въ Каневѣ; выработанный позже проектъ русско-польскаго союза предоставлялъ Рѣчи слѣдующія „выгоды“: обезпеченіе ея владѣній и, въ случаѣ успѣшной войны, присоединеніе къ Польшѣ части Бессарабіи и Молдавіи. Этому союзу не суждено было осуществиться: прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ вошелъ въ соглашеніе съ польскою партіею реформы, общалъ ей возвращеніе Галичины, пугалъ польскихъ патріотовъ зависимою отъ Россіи, общалъ полякамъ всевозможныя блага, если только они согласятся уступить ему Торнъ и Данцигъ, интриговалъ въ Константинополѣ, мутилъ въ Польшѣ. Рѣчь Посполитая увидѣла себя въ исключительномъ положеніи: тѣ-же державы, которыя такъ еще недавно подѣлили между собою ея окраины, предлагаютъ теперь присоединить къ ней цѣлыя области. Такія предложенія со стороны Россіи и Пруссіи вызвали въ Польшѣ цѣлую бурю политическихъ страстей. Представители русской партіи, съ княземъ Четвертинскимъ во главѣ, прибыли въ лагерь кн. Потемкина, совѣщались съ княземъ де-Линь, стоявшимъ, въ февралѣ 1788 года, въ Елизаветградѣ. Вотъ что кн. де-Линь²⁾ писалъ по этому поводу императору Іосифу II:

„Европа въ такомъ положеніи, что не слѣдуетъ терять ни минуты и необходимо воспользоваться обстоятельствами. Пруссійскій король обидѣлся, когда императрица велѣла передать ему, что онъ самъ такъ еще недавно на тронѣ, что не можетъ обсуждать интересы другихъ престоловъ и что онъ не долженъ разсчитывать, что ему позволятъ распоряжаться тремя имперіями такъ, какъ онъ распоряжался Голландскою республикою, или мутить ихъ, какъ въ Польшѣ.

¹⁾ Письмо отъ 26-го февраля 1788 г., въ Сборникѣ, XXVII, 478.

²⁾ Oeuvres, XXIV, 44. Весь этотъ томъ озаглавленъ: „Relations de ma campagne de 1788 contre les turcs“, но въ немъ письма къ Іосифу II значительно сглажены противъ изданій, сдѣланныхъ не самимъ княземъ де-Линь.

„Ваше императорское величество можете помѣшать Польшѣ предаться въ руки прусскаго короля, если удостоите написать мнѣ офиціальное письмо съ заявленіемъ, что двѣ изъ участвовавшихъ въ раздѣлѣ державы вооружатся противъ третьей, еслибъ она вздумала захватить хотя-бы малѣйшее староство. Подъ предлогомъ защиты отъ турокъ, я уговорилъ князя Потемкина выдать полякамъ 40,000 ружей, если они захотятъ составить конфедерацію, подъ покровительствомъ обѣихъ имперій.

„Многіе польскіе магнаты, мною поддерживаемые, ждуть только этого, чтобы уничтожить прусскую партію. Я прошу ихъ только не присоединяться къ прусской партіи и оставаться поляками. Князь Четвертинскій, ревностный и просвѣщенный полякъ, тоже хлопочетъ объ этомъ, и вчера еще соглашался со мною, что всякая иностранная партія можетъ только погубить Польшу. Я имъ твержу одно: не ходите, господа, ни въ Вѣну, ни въ Петербургъ, ни въ Берлинъ, я, стараясь избавиться отъ ига Россіи, не ищите еще худшаго ига—палки прусскаго капрала“.

Заинтересованный судьбою Польши, князь де-Линь предварялъ объ опасности и Станислава-Августа. „Надняхъ я писалъ польскому королю: Государь, громъ гремитъ надъ вашею головою. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ обычными ему находчивостью и остроуміемъ, что постарается устроить громоотводъ“¹⁾.

Князь Четвертинскій сообщилъ князю де-Линь письмо прусскаго министра г. Герцберга къ князю Сулковскому и нѣсколько писемъ одинаковаго содержанія, которыя прусскій король прислалъ польскимъ магнатамъ для подписи только: въ этихъ письмахъ каждый изъ магнатовъ обращался къ прусскому королю съ просьбою взять Польшу подъ свое покровительство и защитить ее отъ невыносимаго ига Россіи. „Письма составлены превосходно. Стремленіе уловить поляковъ въ свои сѣти такъ ловко прикрыто! Я списалъ копию съ этихъ писемъ и послалъ ихъ императору, извиняясь заранѣе, что сую свой носъ, гдѣ меня не спрашиваютъ“²⁾.

Сторонники русской партіи въ Польшѣ ѣздили въ Петербургъ, гдѣ, однако, не были услышаны. Князь Четвертинскій горько жаловался князю де-Линь на холодность русскаго двора, отъ которой „руки опускаются“ у польскихъ партизановъ Россіи. Князь де-Линь не былъ посвященъ въ политическія дѣла русскаго правительства; ни защищать его холодность, ни осуждать ее онъ не

¹⁾ Lettres, p. 117. Это мѣсто исключено авторомъ изъ собранія писемъ въ Oeuvres, XXIV.

²⁾ Oeuvres, XXIV, 127.

могъ, какъ не имѣлъ основаній отказать и отъ своихъ взглядовъ на судьбу Польши. Онъ высказалъ князю Четвертинскому и сопровождавшимъ его польскимъ магнатамъ свои взгляды на поляковъ, свои убѣжденія относительно современнаго положенія Польши, свои вѣрованія о предстоящей ей будущности. Князь де-Линь говорилъ имъ, убѣждалъ ихъ, и просилъ передать всѣмъ польскимъ патріотамъ эти результаты его знакомства съ Польшею, его политической опытности. Мало того: не полагаясь на память своихъ слушателей, князь де-Линь составилъ небольшую записку о Польшѣ¹⁾, которую передалъ имъ и увѣщаль ихъ прочесть ее всѣмъ полякамъ. Вотъ эта

„Записка о Польшѣ“.

„Развѣ можно не любить Польшу, поляковъ, особенно полячекъ? Развѣ можно не любить умъ и отвагу поляковъ, граціозность и красоту полячекъ, которыя всѣ, даже наименѣе любезныя, обладаютъ прелестью обхожденія, изяществомъ манеръ, плѣнительностью и очарованіемъ въ значительно бѣльшей степени, чѣмъ женщины другихъ странъ? Кто-же не предпочтетъ всѣмъ другимъ городамъ пребываніе въ Варшавѣ, гдѣ царитъ французская изысканность и восточная безпечность, вкусы Европы и Азіи, утонченные нравы наиболѣе цивилизованныхъ странъ и гостепримство земель некультурныхъ? Кто не удивляется націи, среди которой замѣчаются образы благородные и пріятные, манеры мягкія и простыя, вѣжливость, прямота и предупредительность въ городахъ, добродушная простота въ селахъ, вездѣ понятливость, пріятность бесѣды, благовоспитанность, всѣ умственные дарованія, всѣ тѣлесныя упражненія, просвѣщенность, краснорѣчіе? Кого не восхищаетъ польская любовь къ зрѣлищамъ, склонность къ искусствамъ, роскошь празднествъ, національные танцы, своеобразные костюмы, оригинальные обычаи, доброта, благодарность?

„Моя благодарность къ полякамъ безгранична. Честь, которую вы оказали мнѣ допущеніемъ меня въ свою среду, принятіемъ меня въ члены прекрасной и великой націи, рукоплесканія, которыми встрѣчено было мое единодушное избраніе, никогда не изгладятся изъ моего сердца.

„Только отдавшись вамъ всѣмъ сердцемъ, дерзаю я предложить

¹⁾ Oeuvres, XXI, 330.

вамъ нѣсколько соображеній касательно нашего общаго отечества. Если-бъ Польша, вмѣсто трехъ имперій и одного королевства, была окружена океаномъ, она, спокойная среди моря и наслаждаясь своею организаціею, заставила-бы завидовать своимъ законамъ, во многомъ болѣе разумнымъ, чѣмъ законы того острова, который признается обиталищемъ мудрецовъ — англійская конституція не могла-бы просуществовать столько вѣковъ, сколько существуетъ польская. Это родъ чуда, но берегитесь, чтобъ это чудо не прекратилось. Малѣйшее пристрастіе къ одному изъ вашихъ сосѣдей послужитъ для остальныхъ трехъ предлогомъ стереть васъ съ лица земли: не терзая другъ друга и даже не терзая васъ, подѣлять они между собою, захватятъ ваши отчины, права, земли. Отъ умѣреннаго воздѣйствія политическаго вліянія очень еще далеко до тяжкаго ярма государственнаго владычества. Не подлежитъ сомнѣнію, что Россія, вслѣдствіе своей матерьяльной силы, племеннаго родства и географическаго положенія, прикрываетъ васъ крылами своего двуглаваго орла; она вашъ покровитель, когда вы мирволите ей, и бичъ когда вы оскорбляете ее.

„Если иногда когти этого орла довольно чувствительны, то теперь, когда Россія желаетъ вамъ добра, не смотря на то, что вы стремитесь избавиться отъ нея, пеняйте на себя, если вашъ бѣлый орелъ, слишкомъ слабый, чтобъ противостоять орлу двуглавному, пострадаетъ. Вѣроломство, неискренность, противленіе, всегда бесполезное и ежегодно возобновляемое, заставляли Россію употреблять силу, чтобъ противоудѣйствовать вашему окончательному паденію, къ которому влечетъ васъ духъ партій.

„Силу, не жестокость. Если жестокость иногда и проявлялась, то вопреки воли императрицы, которая не любитъ жестокости и никогда не прибѣгаетъ къ ней. Исходатайствуйте у ея императорскаго величества учрежденіе особаго трибунала или назначеніе особаго комиссара, который преслѣдовалъ-бы тѣхъ изъ ея чиновниковъ въ польскихъ или сосѣднихъ областяхъ, которые угнетаютъ или безчестятъ васъ. Пусть отнимется власть у агентовъ, назначенныхъ, быть можетъ, для вашего-же покровительства, но овазавшихся жестокими. Доведите до свѣдѣнія государыни о малѣйшихъ злоупотребленіяхъ, безъ ея вѣдома совершаемыхъ въ Польшѣ ея чиновниками и генералами, и она удовлетворитъ васъ. Къ тому-же русскіе генералы ушли уже изъ Польши вмѣстѣ съ русскими войсками. Въ первый еще разъ съ начала нынѣшняго столѣтія не видно зеленыхъ мундировъ въ польскихъ городахъ и на польскихъ поляхъ, которыя нерѣдко бывали для нихъ полями побѣдъ: вы

помните, что еще въ 1716 году Петръ I, отчасти силою, отчасти хитростью, низвелъ численность вашей арміи до 18,000 человекъ. Благословляйте наступившій моментъ воздержанія вражьей силы. который, быть можетъ, долженъ былъ-бы явиться ранѣе, но не злоупотребляйте имъ.

„Императрица не разъ говорила мнѣ: „Мнѣ многое сообщаютъ о полякахъ и вынуждаютъ меня говорить о нихъ. Но я не обращаю никакого вниманія на то, что жена такого-то каштеляна въ связи съ офицеромъ моей арміи, жена воеводы—съ русскимъ сановникомъ, а сестра такого-то старосты принадлежитъ къ противной партіи. Ну, такъ что-же! Чтѣ мнѣ до ихъ тяжebныхъ дѣлъ, зачѣмъ хотятъ они, чтобы я въ нихъ вмѣшивалась? Зачѣмъ имъ мои ордена, мои ленты? Развѣ у нихъ нѣтъ своихъ? Я-же не дѣлаю различія между орденами св. Анны и св. Станислава! Зачѣмъ-же эта погоня за моимъ св. Андреемъ? Когда мнѣ пишутъ: такая-то польская фамилія противна русскимъ интересамъ, я говорю себѣ: Россію. значить. предупредила Австрія или Пруссія, я смѣюсь надъ Россією“.

„Мораль этихъ словъ императрицы ясна, господа: не забѣгайте ни въ Вѣну, ни въ Берлинъ, ни въ Петербургъ—будьте поляками. Вотъ одно, о чемъ я васъ прошу.

„Россія, дѣйствительно, больше занималась вами, чѣмъ остальные двѣ державы, которыя слишкомъ много занимаютъ другъ другомъ. Если которая-либо изъ этихъ двухъ державъ скажетъ вамъ, что это дурно со стороны Россіи—не вѣрьте ей или будьте убѣждены, что она говоритъ это въ своихъ интересахъ.

„Я отвѣчаю вамъ за императора Іосифа II—я уполномоченъ имъ объявить вамъ это. Я показывалъ вамъ его письма ко мнѣ по этому поводу. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, котораго я считаю человекомъ правдивымъ, пообщаетъ вамъ, вѣроятно, то-же, если вы попросите его высказаться категорически, и сдержитъ свое слово. если вы сами не втянете его въ какую-либо ловушку. Поэтому, не пеняйте на прусское министерство, если вы, обманывая себя, вовлечете его въ какія-либо опасныя предпріятія—повторяю, еще разъ: пеняйте только на самихъ себя.

„Не плачьте о бывшемъ раздѣлѣ, но опасайтесь новаго.

„Я былъ свидѣтелемъ очень интереснаго свиданія вашего короля, лучшаго, любезнѣйшаго и милѣйшаго изъ королей, съ великою Екатериною, и могу засвидѣтельствовать, что это свиданіе было трогательнымъ возобновленіемъ знакомства, дружбы, политическаго союза.

„Въ прошломъ году, при встрѣчѣ Станислава-Августа съ Юсифомъ II, вашъ король, ободренный императоромъ, спросилъ его:

„— Могу я быть увѣреннымъ, что ваше величество не желаете, чтобы я умеръ съ горя, видя, что еще какия-либо области отдѣляются отъ моего несчастнаго королевства?“

„— Я вамъ обещаю, сказалъ императоръ. Я вамъ отвѣчаю за себя“.

„Ни единого деревца—это собственные его слова. Оба, императоръ и король, повторили мнѣ ихъ.

„— Дайте мнѣ вашу руку“, сказалъ король, до слезъ тронуты, искренностью рѣчи императора.

„— Извольте, отвѣчалъ императоръ, вотъ моя рука; но что еще вѣрнѣе—даю вамъ честное слово благороднаго человѣка“.

„Вы, князь Четвертинскій, и вы, господа, вы знаете, что я, при посредствѣ князя Потемкина, обѣщалъ вамъ 40,000 ружей, которыя вамъ пришлютъ изъ Тулы для вооруженія ими конфедераціи, собираемой только подъ предлогомъ противодѣйствія туркамъ, на самомъ-же дѣлѣ для вашей защиты даже противъ самой-же Россіи, если-бы она вздумала отнять у васъ хотя-бы ничтожнѣйшее староство. Чтобы доказать вамъ, что Россія не страшится васъ, какъ стороны нападающей, но что она желаетъ, чтобы уважали васъ, какъ сторону защищающуюся, я беру на себя исходатайствовать у императрицы разрѣшеніе довести польскую армію до 100,000 человѣкъ, если это вамъ по силамъ. Передайте эти мои слова вашей прекрасной націи, которую я боготворю, и пусть она позаботится о возстановленіи своего древняго величія, при помощи мудрыхъ распоряженій военными силами и единодушно принятыхъ народомъ реформъ внутреннихъ.

„Никакихъ заднихъ мыслей, господа, особенно по отношенію къ Россіи. Никакихъ колебаній въ принципахъ. Вражда знатныхъ родовъ должна прекратиться. Патриоты не должны себя обманывать и не должны допускать, чтобы ихъ обманывали измѣнники. Не обвиняйте другъ друга, говоря: этотъ—русскій, тотъ—пруссакъ; вслѣдствіе такихъ обвиненій, даже добрый патриотъ, всегда остававшійся полякомъ, можетъ войти въ ряды русской или прусской партіи. Забудьте ваши частные споры, ваши недоразумѣнія, изгоните изъ среды себя мелкихъ интригановъ, которые, поссоривъ двѣ фамиліи, смѣются потомъ надъ обѣими, и попросите вашихъ дамъ, чтобы онѣ оставили политику и занялись исключительно ухаживаніемъ за вами.

„Прежде всего, необходима крѣпкая королевская власть. Стани-

славъ-Августъ, которому всё противорѣчатъ и котораго всё оскорбляютъ, не король. Теперь нельзя имѣть на тронѣ подобіе короля. Посмотрите, что станетъ съ Франціею, гдѣ король, созвавъ нотаблей, сталъ уже польскимъ королемъ и, быть можетъ, созоветъ и государственные чины. Сдѣлайте себѣ французскаго короля такого, который имѣлъ-бы власть. Если онъ злоупотребить ею, сеймъ ¹⁾ всегда можетъ ограничить его власть; но не лишайте короля возможности дѣлать добро.

„Вашъ король не можетъ сдѣлать своимъ подданнымъ столько добра, сколько каждый изъ васъ своимъ несчастнымъ крестьянамъ. Вы станете сами болѣе богаты, если предоставите крестьянамъ болѣе свободы и дадите имъ средства для заведенія своихъ усадебъ, которыя составляютъ государственное богатство и умножаютъ населеніе. У васъ теперь нѣтъ ни республики, ни королевства. Ваша польская республика заключается теперь въ правѣ 500 или 600 подданныхъ короля публично говорить ему всякія глупости. Охрипнувъ на сеймѣ отъ крика, единственно для стяжанія аплодисментовъ публики, они вѣрноподданнически цѣлуютъ руку своего короля, просятъ у него прощенія и, въ то-же время, выпрашиваютъ себѣ новыхъ милостей. На что-же это похоже? И какъ ихъ легко исправить: спросите любого магната, захотѣлъ-ли-бы онъ имѣть у себя сеймъ, гдѣ его крестьяне могли-бы обходиться съ нимъ также, какъ онъ обходится съ королемъ на варшавскомъ сеймѣ?

„Изъ моихъ прежнихъ трудовъ извѣстно, какъ я смотрю на администрацію, на народное образованіе, на финансы. Именно въ Польшѣ скорѣе всего примѣнимы мои взгляды. Польшѣ необходимъ заемный банкъ, въ которомъ магнаты могли-бы кредитоваться изъ 6%: кто не внесъ подлежащей съ него суммы, того земли отходятъ къ коронѣ, которая будетъ уплачивать за нихъ 6% своему-же банку. Тогда не будетъ уже древнихъ, родовитыхъ домовъ, доведенныхъ до нищеты; кровь Ягеллоновъ не оскудѣетъ. Ваша шляхта избавится отъ жидовъ, которые теперь, съ кнутомъ въ рукахъ, высасываютъ кровь у нашихъ крестьянъ. Поддерживая магнатовъ и шляхту, усильте и королевскую власть. Король долженъ быть выше и независимѣе всѣхъ: всѣ должны ему подчиняться, выше его одинъ только законъ.

„Польша должна имѣть свою сильную армію. Численность ея

¹⁾ „Сеймъ не парламентъ: у членовъ сейма сабля на боку, которой нѣтъ у членовъ парламента“.

легко довести до 100,000 пѣхоты и 50,000 кавалеріи; кромѣ этой регулярной арміи, необходимо имѣть до 50,000 милиціи. Не забудьте, что Польша должна имѣть три лагеря: въ сторонѣ Галичины, въ сторонѣ Бѣлоруссіи и у Грауденца. Сильный лагерь гораздо надежнѣе самой неприступной крѣпости. На содержаніе арміи нужны средства. Ихъ легко найти: конфискуйте церковныя имущества. введите налоги на роскошь, обложите налогомъ подоходнымъ всякаго, до получающаго два флорина заработка въ день, сократите всѣ ненужные и нерѣдко пустые расходы по внутреннему управленію, упраздните представительства при чужестранныхъ дворахъ. Вамъ нужно имѣть только трехъ представителей: въ Вѣнѣ, Петербургѣ и Берлинѣ. На что вамъ министръ въ Лиссабонѣ, напримѣръ, гдѣ едва знаютъ о существованіи Польши?

„Всѣ эти преобразованія, предлагаемыя мною, не могутъ возбуждать неудовольствія Россіи, а только ея отношенія къ Польшѣ важны, только съ ними необходимо считаться. Правда, въ настоящее время Польша должна сообразоваться съ мнѣніями не одной Россіи, но трехъ державъ, должна опасаться мщенія трехъ сосѣдей: Австріи, Пруссіи и Россіи; но между ними необходимо дѣлать различіе. Всѣ три державы одинаково желаютъ видѣть въ Польшѣ естественную, нейтральную между ними территорію, причемъ одна только Россія не желаетъ раздробленія Польши, и по очень простой и понятной причинѣ—ей это невыгодно: теперь Россія имѣетъ вліяніе на всю Рѣчь Посполитую, послѣ-же раздѣла ея вліяніе ограничится только тѣмъ участкомъ, который достанется ей; какъ-бы этотъ участокъ ни былъ великъ, онъ все-же будетъ менѣе всей Рѣчи Посполитой.

„Не желаетъ пріобрѣтеній въ Польшѣ и Австрія. Годъ назадъ, многіе изъ васъ, господа, представляясь Іосифу II, заявляли, что они австрійцы; императоръ отвѣтилъ вамъ на это: „Благодарю васъ, господа, но разрѣшаю отъ привязанности Австріи: я желаю только, чтобы поляки Галичины были вѣрными австрійцами—мнѣ этого довольно“. Дѣйствительно, императоръ не желаетъ „ни деревца“ отъ Польши, но не обманывайтесь: если императрица Екатерина сдѣлаетъ вамъ какое-либо даже зло, мой императоръ не защититъ васъ—онъ союзникъ русской императрицы, союзникъ вѣрный, и ради васъ ссориться съ нею нѣ станетъ.

„Остается Пруссія. Вы, князь Четвертинскій, показывали мнѣ письма прусскаго министра Герцберга къ князю Антонію Сулковскому. Я не извѣстилъ объ этихъ письмахъ русское правительство, но копии ихъ послалъ его величеству императору, который, какъ

добрый сосѣдъ, поручилъ мнѣ предостеречь поляковъ. Я писалъ по этому поводу вашему королю безъ королевства: „Государь, громъ гремитъ надъ вашею головою“. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я постараюсь устроить громоотводъ“. Это не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что въ политикѣ иногда услуга опаснѣе угрозъ. Нѣтъ, господа, если кака-либо изъ трехъ державъ станетъ предлагать вамъ свои услуги, въ видѣ покровительства, отвѣчайте: *Timeo Danaos et dona ferentes*¹⁾. И когда-же дѣлаются эти предложенія? Когда Россія занята войною съ Турціею, какъ будто Порта можетъ отвлечь или ослабить русское вниманіе! Но вы, князь Четвертинскій, бывший въ русскомъ лагерѣ, можете засвидѣтельствовать, что Турція не въ силахъ бороться съ Россіею. Нужно быть, дѣйствительно, туркомъ, чтобъ объявить войну державѣ, которая можетъ выслать 60,000 казакъ для грабежа и 100,000-ные корпуса для осады крѣпостей и борьбы въ полѣ! Россія, конечно, выйдетъ изъ этой войны побѣдительною; не раздражайте-же ее, не давайте ей предлога отнестись къ вамъ враждебно.

„Вольтеръ сказалъ: „*Dieu ne doit point pâtir des sottises du prêtre.* Императрица не должна лишиться вашей дружбы изъ-за того, что князь Потемкинъ, принимая надняхъ многихъ изъ васъ въ Елисаветградѣ, вышелъ къ нимъ безъ панталонъ. Кто знаетъ князя, тотъ понимаетъ, что это съ его стороны только знакъ довѣрія. Очень жаль, конечно, что многіе поляки приглашались къ императорскому столу въ Кіевѣ не такъ часто, какъ того желали, что не всѣ ихъ жены получили орденъ св. Екатерины; но согласитесь, господа, изъ-за такихъ мелочей нельзя-же заставлять страдать восьмимилліонный народъ!

„Передайте все это вашимъ землякамъ и да остерегутся они отъ опаснаго шага, который можетъ дорого стоить Польшѣ. Говорю это со слезами на глазахъ. Я сообщалъ эти опасенія князю Адаму Чарторижскому, къ которому привязанъ сдѣтства, который хорошо знаетъ положеніе своей родины, и онъ призналъ мои опасенія основательными. Другой вашъ соотечественникъ, Феликсъ Потоцкій, такъ сильно говорившій противъ Россіи на послѣднемъ сеймѣ, услышавъ о прусскихъ замыслахъ, воскликнулъ: „продамъ земли, заложу брилліанты, отдамъ послѣднюю рубашку, но не допущу, чтобъ Польша потеряла хоть пядь земли!“ Положивъ руку на сердце, скажите: беспокоитъ-ли васъ въ такой-же мѣрѣ влияніе Россіи? Вѣдь вы его часто и не замѣчаете. Ваши сеймовые ора-

¹⁾ Virgil., Eneid. l. II, v. 49.

торы называли иногда это вліяніе „зависимостью“, за что имъ много аплодировали; но къ вечеру-же все это забывалось: ораторы по прежнему отплясывали мазурку, а ихъ жены влюблялись въ русскихъ офицеровъ. Откуда-же теперь такая неукротимая ненависть къ русскому вліянію? Не хотятъ-ли ваши горячія головы, вѣрнѣе легкомысленныя, воспользоваться войною Россіи съ Турціею? Но, впервыхъ, это не деликатно; а вовторыхъ — невыгодно: у Россіи всегда найдется какой-нибудь корпусъ въ 20,000 человекъ, чтобъ разбить ваши войска и нанести смертельный ударъ нашей Польшѣ.

„Вотъ послѣднія мольбы вашего соотечественника, который' любитъ васъ и вскорѣ, по долгу службы, удалится отъ васъ. Посвященный въ европейскія дѣла и лично знакомый съ государями, съ ихъ министрами, я заслуживаю вашего вниманія, даже болѣе, вашего довѣрія. Позвольте указать вамъ, на примѣръ, князя Потемкина: сильный милостью русской императрицы, богатый, вліятельный, онъ, при свиданіи съ королемъ Станиславомъ-Августомъ, почтительнѣйше цѣловалъ его руку! Вотъ вамъ доказательство, господа, что въ настоящее именно время королямъ должна быть предоставлена полная власть. Предоставьте возможно болѣшую Станиславу-Августу—онъ, повторяю, не злоупотребитъ ею. Если вы всѣ будете истинными поляками, онъ не будетъ ни русскимъ, ни пруссакомъ.

„Если хотите, то, пока есть время, пока король въ вождѣльномъ здоровіи, упрсите его избрать среди васъ будущаго себѣ преемника. При жизни еще Станислава-Августа вы увидите хорошъ-ли его преемникъ, любъ-ли вамъ, угоденъ-ли сосѣднимъ державамъ, достоинъ-ли быть со временемъ польскимъ королемъ. Пусть онъ путешествуетъ, изучаетъ страну, знакомится съ населеніемъ, помогаетъ королю, какъ старшій сынъ въ семьѣ.

„Вы иногда говорите, что желали-бы сдѣлать королевскую власть наследственной. Переходъ отъ избранія къ наследованію не такъ легокъ, какъ иные думаютъ. Нація не отречется даромъ отъ дорогаго ей права; она потребуеъ серьезныхъ уступокъ и, прежде всего, выговоритъ себѣ право отказывать въ людяхъ и деньгахъ, когда, быть можетъ, то и другое наиболѣе необходимо. Въ какомъ-же положеніи окажется король, хотя и наследственный, но лишенный поддержки націи? Умираетъ король польскій, избранный—всѣ двори въ движеніи, среди поляковъ интриги и подкупы и все оканчивается избраніемъ нерѣдко весьма случайнымъ. Вы, господа, любите писать законы — создайте законъ объ избраніи будущаго преемника. Возьмите его отъ двора или отъ плуга, все равно, но

предоставьте ему власть деспотическую. Если выраженіе „деспотическая власть“ возмущаетъ васъ, предоставьте ему власть военную: уполномочьте его сдѣлать, вслѣдъ за избраніемъ, народную перепись и по рекрутскому набору составить армию хоть въ 100,000 человѣкъ для начала.

„А до тѣхъ поръ, повторяю: оставайтесь спокойными, не двигайтесь. Если вы шевельнетесь—вы погибли“.

Этими строками обрывается „Записка о Польшѣ“, а вмѣстѣ съ ними и всякое доброе воспоминаніе князя де-Линь о Польшѣ и полякахъ. Вскорѣ поляки и Польша нанесли князю де-Линь тяжкія, никогда забываемыя, оскорбленія.

Вопреки увѣщаніямъ князя де-Линь, польскіе патріоты рѣшились воспользоваться временными затрудненіями Россіи, созданными войною сперва съ одною Турціею, потомъ съ Турціею и Швеціею. Многіе польскіе магнаты, соблазненные прусскими обѣщаніями, склонны были къ заключенію оборонительнаго союза съ Пруссіею; польскіе патріоты мечтали о выработкѣ новой конституціи, болѣе согласной съ дѣйствительными нуждами Польши; всѣ обсуждали, волновались, шумѣли. Созванный королемъ на 6-е октября 1788 г. сеймъ обѣщаль быть особенно интереснымъ. Депутаты изъ ближнихъ и отдаленныхъ воеводствъ и ихъ многочисленная свита оживили Варшаву; заботы о судьбахъ родины воодушевили варшавянь.

Варшава въ дни сейма становилась дѣйствительною столицею Рѣчи Посполитой. За исключеніемъ небольшихъ ваканцій, сеймъ 1788 г., вопреки обычая, засѣдалъ безъ перерыва и безъ новыхъ выборовъ вплоть до 1792 года. Въ эти четыре года, несмотря на всю серьезность политическихъ вопросовъ, обсуждавшихся сеймомъ¹⁾, дворъ короля и салоны магнатовъ отличались блескомъ, пышностью и такимъ оживленіемъ, какого прежде не замѣчалось и которое современные мемуаристы приписывали присутствію многихъ красивыхъ дамъ.

Въ массѣ красивыхъ польскихъ дамъ выдѣлялись въ то время: княгиня Любомірская, жена маршала, дочь князя Чарториж-

¹⁾ Это такъ называемый великій или конституціонный сеймъ; на немъ были приняты слѣдующія начала: наследственность престола, свобода вѣроисповѣданій, созданіе постояннаго войска и новое распределеніе податей, касавшееся всѣхъ классовъ. См. Kalinka, Sejm czteroletni, 3 t., Lwow, 1888, изъ котораго нами заимствованы нѣкоторыя подробности.

скаго, княгиня Потоцкая, жена кравчаго, рожденная графиня Оссолинская, и княгиня Чарторижская, рожденная Флемингъ, жена брата княгини Любомірской.

Говорили, будто княгиня Любомірская обогащала тѣхъ, кому позволяла пользоваться своею любовью, княгиня Чарторижская обирала своихъ любовниковъ, а княгиня Потоцкая наслаждалась любовью ради наслажденія. Кромѣ этихъ трехъ „царицъ двора и общества“, обращали на себя вниманіе княгиня Ланцкоронская, графиня Браницкая, княгиня Понятовская, жена князя Андрея, невѣстка короля, княгиня Любомірская, рожденная Гаддикъ, и красавица герцогиня Курляндская, жена герцога Карла. Въ концѣ 1788 года, среди этого блестящаго общества, появилась княгиня Елена де-Линь; ей предшествовала молва объ ея красотѣ умѣ и любезности, обратившая на нее общее вниманіе. Ея польская, кровь, ея дарованія, ея богатство, ея искреннее удовольствіе видѣть себя опять на родинѣ очаровали поляковъ.

Живая, веселая княгиня Елена скучала лѣтомъ въ прелестномъ Бель-Эль, скучала зимою въ чопорномъ Брюсселѣ. Она была уже девять лѣтъ замужемъ и изъ нихъ только три зимы провела въ любимомъ ею Парижѣ. Тамъ встрѣчала она большую часть своихъ монастырскихъ подругъ; представленная высшему парижскому обществу княземъ де-Линь, отцомъ, пользовавшимся высокою репутаціею, она получила доступъ всюду и всюду была замѣчена: въ Шантильи у принца Конде, въ Пти-Буръ у герцогини Бурбонской, въ Тамплъ у принца Конти. Къ концу третьей зимы, естественное и давно уже жданное семейю князей де-Линь событіе удалило ее изъ Парижа: Елена была въ интересномъ положеніи, а по традиціямъ княжескаго дома, роды должны совершаться въ родовомъ Бель-Эль. 8-го декабря 1786 г. Елена родила дочь, которую назвали Сидоніею. Вскорѣ, однако, народное волненіе заставило князей де-Линь покинуть Бель-Эль, Брюссель и даже Бельгію. Князь-отецъ былъ въ Россіи, князь-сынъ—въ Вѣнѣ, куда былъ вызванъ фельдмаршаломъ Ласси, готовившимся къ войнѣ съ Турціею. Княгини де-Линь, спасаясь отъ бельгійской революціи, бросились тоже въ Вѣну, еще болѣе скучную, болѣе чопорную, чѣмъ Брюссель. Какъ парижанка въ душѣ, Елена чувствовала себя чужою въ Вѣнѣ. Единственно чѣмъ могла она развлекаться въ Вѣнѣ, была музыка, которую Елена страстно любила. Вѣна славилась тогда своими концертами, на которыхъ симфоніи Моцарта и Гайдна безукоризненно исполнялись оркестромъ Сальери. Въ ту зиму, въ Вѣнѣ, впервые былъ исполненъ „Донъ-Жуанъ“, поставленный самимъ Моцартомъ. По окончаніи спек-

такля, за ужиномъ у графини Тунъ, княгиня Елена де-Линь восторгалась оперою; другіе находили музыку гениальною, но темною и непонятною. Явился Гайднъ. Спросили его мнѣніе. „Я не въ состояніи рѣшить такого серьезнаго спора, сказалъ онъ зло, я могу только утверждать, что Моцартъ величайшій изъ композиторовъ“.

Прошла зима. Съ началомъ весны, князь Карлъ де-Линь отправился къ своему корпусу, на границѣ Турціи. Едва онъ покинулъ Вѣну, какъ княгиня Елена послала въ догонку письмо, въ которомъ просила разрѣшить ей ѣхать къ своему дядѣ, князю Масальскому въ Варшаву, гдѣ собирался сеймъ: она поѣдетъ въ Варшаву и уладитъ тамъ кое-какія дѣла по землямъ и капиталамъ. окончить кое-какіе счеты съ княземъ-епископомъ. Просимое разрѣшеніе тотчасъ-же было дано, подъ условіемъ, что маленькая княжна Сидонія останется на попеченіи тетки. Въ сентябрѣ 1788 г княгиня Елена де-Линь покинула Вѣну, направляясь въ Варшаву.

Въ Варшавѣ, въ своемъ дворцѣ, она вздохнула свободнѣе. Здѣсь не было уже надзора, тяготѣвшаго надъ нею въ Бель-Элѣ, Брюсселѣ и Вѣнѣ. Тамъ ей запрещали кататься верхомъ, въ виду ея слабаго здоровья—здѣсь князь-епископъ прислалъ ей лучшихъ скакуновъ своей конюшни и она каждое утро отправлялась на прогулку, эскортируемая польскими наѣздниками; тамъ находили неприличнымъ появленіе ея на сценѣ—здѣсь она выстроила въ своемъ дворцѣ театральнй залъ и участвовала въ спектакляхъ, вызывая шумныя рукоплесканія во французскихъ комедіяхъ. Здѣсь, среди удовольствій польскаго двора. она забыла не только семью князей де-Линь, но мужа и дочь; она стала даже именоваться княгиней Еленою Масальскою. Зима пролетѣла такъ быстро, что княгиня Елена не успѣла даже и подумать о возвращеніи въ Вѣну. Семья князей де-Линь, въ свою очередь, оскорбленная ея столь продолжительнымъ отсутствіемъ, хранила презрительное молчаніе.

Въ Варшавѣ находились въ это время всѣ придворные чины и, въ числѣ ихъ, оберъ-камергеръ графъ Викентій Потоцкій. Онъ принадлежалъ къ знатнѣйшему польскому роду, владѣвшему обширными помѣстьями; дворецъ Потоцкихъ въ Варшавѣ былъ больше, роскошнѣе, богаче королевскаго. Его отецъ, графъ Станиславъ, воевода кievскій, былъ племянникомъ короля Станислава Лещинскаго и двоюродный братъ французской королевы. Графу Викентію было въ это время 38 лѣтъ; онъ все еще слылъ самымъ красивымъ мужчиною при польскомъ дворѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Урсулѣ Замойской, племянницѣ короля Станислава-

Августа¹⁾. Отъ этого брака не было дѣтей и, спустя нѣсколько лѣтъ, послѣдовалъ разводъ, бывший въ польскихъ нравахъ того времени. Вскорѣ послѣ развода, бывшая графиня Урсула Потоцкая вышла замужъ за графа Мнишка, а графъ Викентій женился на графинѣ Аннѣ Мичельской.

Здѣсь-то, въ Варшавѣ, княгиня Елена де-Линь встрѣтилась съ графомъ Викентіемъ Потоцкимъ и полюбила его. Польское высшее общество прошлаго вѣка имѣло своеобразный взглядъ на брачныя узы. Графиня Мнишекъ, первая супруга графа Викентія, продолжала видѣться съ своимъ бывшимъ мужемъ, интересовалась его сердечными дѣлами, ревновала его къ своей преемницѣ и была готова, при случаѣ, отмстить ей и ему, особенно-же ей. Графиня Мнишекъ охотно помогала княгинѣ Еленѣ въ уловленіи ея бывшаго мужа; измѣна графа Викентія его второй супругѣ представлялась графинѣ Мнишекъ своего рода местию къ ея замѣстительницѣ. Въ концѣ 1790 года, княгиня Елена покинула Варшаву и уѣхала въ Малороссію, въ Немировъ, въ имѣніе Потоцкихъ.

Внезапный отъѣздъ Елены въ Украину, въ Немировъ, произвелъ впечатлѣніе въ Варшавѣ. Княгиня Любомирская и другія знатныя полячки, посѣщая Вѣну, рассказывали тамъ о ея „бѣгствѣ за возлюбленнымъ“, и рассказывали, конечно, съ обычными прикрасами. Князя де-Линь были глубоко оскорблены такимъ поведеніемъ княгини де-Линь. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, графъ Потоцкій явился въ Парижъ, чтобы получить согласіе князя Карла де-Линь на разводъ. Князя де-Линь не приняли его и изъ отвѣта князя-отца можно уже видѣть, насколько измѣнился его взглядъ на поляковъ.

15-го іюня 1791 г.

„Такъ какъ мы не знаемъ, жива-ли княгиня Елена де-Линь, и такъ какъ она, кажется, умерла уже для насъ и для маленькой Сидоніи, то мы не можемъ входить съ нею ни въ какія соглашенія. Женщина, заточенная какимъ-то глупымъ польскимъ тираномъ, не можетъ препятствовать князю Массальскому, епископу виленскому, которому Сидонія приходится внучатою племянницею, уплатить вексель, выданный имъ и предназначенный для выкупа въ Галичинѣ земель, составляющихъ приданое матери княжны Сидоніи де-Линь. Когда княгиня Елена освободится отъ ига, подъ которымъ она теперъ живетъ, и переселится въ Парижъ, Вѣну или

¹⁾ Старшая сестра короля, графиня Луиза Понятовская, вышла замужъ за графа Михаила Замойскаго; отъ этого брака родилась графиня Урсула.

Варшаву, или въ какое-либо изъ моихъ помѣстій, она буде теъ получать ежегодно 30,000 франковъ, которые мужъ предоставляетъ въ полное ея распоряженіе.

„Такъ какъ княгиня Елена, выйдя замужъ за графа Потоцкаго, будетъ еще болѣе несчастлива, чѣмъ теперь, то мужъ ея, князь Карлъ де-Линь, мой сынъ, въ интересахъ ея собственныхъ и ея дочери, никогда на разводъ не согласится.

„Князь де-Линь“.

Спустя годъ, въ августѣ 1792 года, инженерный полковникъ, князь Карлъ де-Линь былъ убитъ при защитѣ дефиле Аргоннскаго Лѣса отъ атаки французскихъ республиканскихъ войскъ. Три мѣсяца спустя, въ ноябрѣ 1792 года, въ церкви бернардинскаго монастыря близъ Вильны, вдова княгиня Елена де-Линь была повѣнчана вторымъ бракомъ съ графомъ Викентіемъ Потоцкимъ.

Княгиня Елена де-Линь привязывала своего тестя, князя де-Линя, къ интересамъ Польши; графиня Елена Потоцкая отталкивала его отъ поляковъ. „Для меня, писалъ онъ, какъ и для моей внучки, княжны Сидоніи, ея мать умерла“. Умерла мать, живъ ея дядя, князь Массальскій, поручитель за матерьяльные интересы княжны Сидоніи де-Линь, живъ князь Четвертинскій, личный другъ князя де-Линя, живъ уважаемый имъ король Станиславъ-Августъ, и князь де-Линь продолжаетъ интересоваться судьбами Польши и поляковъ.

Четырехлѣтній сеймъ закончился; онъ выработалъ новую конституцію лишь послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій. Главнѣйшіе пункты хартіи 3-го мая 1791 г. заключались въ слѣдующемъ: наследственность короны, уничтоженіе *liberum veto* и постоянного совѣта, въ которомъ виленскій епископъ былъ непремѣннымъ членомъ, распространеніе шляхетскихъ правъ на всѣхъ поляковъ. Князь Массальскій, какъ епископъ виленскій, оспаривалъ на сеймѣ новую конституцію и подалъ голосъ противъ закона 3-го мая. Король Станиславъ-Августъ, поддерживаемый Пруссією, старавшеюся подъ рукою вредить Россіи, всецѣло былъ за новую конституцію. Екатерина рѣшилась, въ случаѣ надобности, силою меча возстановить прежнее свое вліяніе на Польшу, устранить которое имѣлось въ виду новою конституціею. Наканунѣ вотированія новаго закона, 29-го апрѣля 1791 г., она писала: „Сейчасъ получила письма изъ Варшавы. Меня извѣщаютъ, что 22-го апрѣля тамъ произошелъ переворотъ, но не сообщаютъ подробностей. Судя по слухамъ, дворъ и шляхетство побратались и предоставили королю самодержавную власть. Подождемъ подробностей. Что-бы, однако,

тамъ ни произошло, мы ко всему готовы и не отступимъ даже передъ самимъ чортомъ“ ¹⁾).

Такимъ „чортомъ“ являлась Екатеринѣ польская конституція 3-го мая 1791 года. „Польскій сеймъ, писала она 10-го мая 1791 года, превзошелъ все своимъ безуміемъ: изъ любви къ свободѣ, поляки отдали себя, связанными по рукамъ и по ногамъ, въ кабалу польскому королю, уничтоживъ *liberum veto* (этотъ *paladium* польской свободы), конфедерациі и установивъ наследственность королевской власти. Нужно дѣйствовать совершенно очертя голову, чтобъ возстать противъ своего-же жизненнаго принципа; надо потерять послѣдніе мозги, чтобъ дать себя обмануть, и къ тому-же такъ грубо, относительно наиболѣе существенной личной выгоды. Довольно было польскому королю сказать имъ, будто сосѣди хотятъ вновь подѣлить между собою Польшу, чтобъ всѣ немедленно согласились предоставить ему неограниченную власть“ ²⁾).

Читая это письмо, даже ничтожный Гриммъ заподозрилъ искренность Екатерины! Онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ самодержавная императрица возстаетъ противъ неограниченной власти и высказывается за *liberum veto*. Скромно, осторожно, но Гриммъ все-же рѣшился написать Екатеринѣ нѣсколько строкъ въ защиту поляковъ и просить ее предоставить Польшу своей судьбѣ. Вотъ что отвѣчала ему императрица:

„Поляки стерли съ лица земли моего стараго союзника и друга — Польскую Республику, уничтожили всѣ договоры, заключенные ею съ Россією, и вотъ уже четыре года, какъ они не перестаютъ всячески поносить и оскорблять Россію, до того, что, во время моей войны съ Турцією, они послали въ Константинополь посла для заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ Портою. Еслибъ я не имѣла доказательствъ въ рукахъ, я никогда не повѣрила-бы, чтобъ король польскій могъ быть такимъ неблагодарнымъ и такимъ неблагоприятнымъ, какимъ онъ выказалъ себя въ эти четыре года. Нужно быть совершенно глупымъ, чтобъ позволить такъ увлечь себя и рѣшиться на поступки, столь вредные благосостоянію Польши и столь противные чувствамъ чести и благодарности. Наконецъ, всѣ эти польскія нововведенія также идутъ къ полякамъ, какъ „коровѣ сѣдло“, по русской пословицѣ... Нѣтъ, я побью поляковъ и разъ, и два въ самой-же Польшѣ“ ³⁾).

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 519.

²⁾ Ibid., 534.

³⁾ Ibid., 567.

Это письмо помѣчено 9-мъ мая 1792 г., а 14-го мая русская партія составила въ Тарговицахъ конфедерацію противъ новой конституціи. Русскія войска вошли въ предѣлы Польши для поддержанія конфедераціи, къ которой принадлежалъ и епископъ виленскій, князь Массальскій. Екатерина настойчиво и смѣло, какъ всегда, шла къ предположенной ею цѣли. Прусскій король вскорѣ измѣнилъ полякамъ и присоединился къ Россіи. Станиславъ-Августъ созвалъ новый сеймъ, уже въ Гродно, на 25-е марта 1793 года. Сеймъ созывался для совмѣстнаго объявленія Россіею и Пруссіею новаго раздѣла Польши. 9-го апрѣля раздѣльный актъ былъ подписанъ большинствомъ депутатовъ и, между прочимъ, княземъ-епископомъ виленскимъ. Со времени оппозиціи князя-епископа новой конституціи, польскіе патриоты отшатнулись отъ него; теперь, за согласіе на новый раздѣлъ, они причислили его къ партизанамъ Россіи и поклялись отомстить за измѣну родинѣ.

Раздѣленная, униженная Польша волновалась. Повсюду составлялись заговоры. 24-го марта 1794 года вспыхнуло общее возстаніе. Поляки избрали диктаторомъ Костюшко, который напалъ на русскій отрядъ близъ Рославицъ и разбилъ его; 17-го апрѣля русскіе вновь были разбиты. Поляки овладѣли Варшавою, въ которой вспыхнуло возмущеніе.

Князь-епископъ виленскій прибылъ въ Варшаву мѣсяца за два до возмущенія. Нѣсколько лѣтъ назадъ, возвратясь изъ Парижа, куда онъ отвозилъ свою восьмилѣтнюю племянницу, княжну Елену, онъ чванился въ варшавскомъ обществѣ своими реформаторскими идеями, и имена Мирабо, Бодо, Дюпона не сходили у него съ языка; теперь онъ высказывался противъ всякихъ реформъ, противъ конституціи 3-го мая 1791 года, подписалъ актъ втораго раздѣла Польши. Обвиняемый народомъ въ государственной измѣнѣ, князь Массальскій былъ арестованъ, 18-го апрѣля, въ своемъ дворцѣ и, вмѣстѣ съ другими сенаторами, заключенъ въ брюлевскомъ дворцѣ, временно обращенномъ въ государственную тюрьму. Особая слѣдственная коммиссія должна была опредѣлить ихъ вину и назначить наказаніе. Два мѣсяца уже князь Массальскій и другіе сенаторы содержались въ тюрьмѣ, когда пришло извѣстіе о битвѣ поляковъ съ пруссаками. Костюшко былъ разбитъ и пруссаки овладѣли Краковомъ. Вскорѣ разнеслась вѣсть, что пруссаки идутъ на Варшаву, куда только-что укрылся Костюшко съ остатками своего войска.

Вѣсть эта распространилась по Варшавѣ 28-го іюня. Чернь заволновалась. Народъ давно уже ропталъ на медленность слѣд-

ственной комиссії. По улицамъ собирався народъ, кричалъ, что за пруссаками придутъ русскіе и освободятъ измѣнниковъ. Чернь бросилась къ брюллевскому дворцу, выломала двери, овладѣла заключенными. Съ связанными руками, съ веревкою на шеѣ, ихъ потащили по улицамъ Варшавы, останавливались на каждомъ перекресткѣ, искали удобнаго столба для казни чрезъ повѣшеніе, не находили и тащили далѣе. Наконецъ, толпа остановилась передъ церковью, сооруженною самимъ-же епископомъ виленскимъ. Наскоро были сколочены четыре висѣлицы и князь Массальскій и Четвертинскій ¹⁾ были повѣшены первыми.

Пруссаки обложили Варшаву. Поляки защищались отчаянно. Пруссаки два мѣсяца стояли подъ Варшавою и, измученные постоянными вылазками, изнуренные партизанскими набѣгами, полуголодные, сняли осаду и отступили. Екатерина никогда не отступала. 4-го октября 1794 г. русскія войска, предводимыя Суворовымъ, на голову разбили поляковъ; Костюшко былъ взятъ въ плѣнъ. Мѣсяцъ спустя, Варшава сдалась и русскія войска заняли польскую столицу. 3-го января 1795 года былъ подписанъ договоръ о третьемъ, послѣднемъ, раздѣлѣ Польши.

Исполнились слова князя де-Линь — Польша погибла.

Просвѣщенный, гуманный кн. де-Линь не безъ горечи слѣдилъ за судьбами Польши. Страшная казнь его друзей, кн. Массальскаго и кн. Четвертинскаго, менѣе поразила его сердце, чѣмъ вѣсть о двухъ раздѣлахъ Польши, наступившихъ вслѣдъ за его увѣреніемъ поляковъ, что о „новомъ“ раздѣлѣ Польши ни Россія, ни Австрія и не думаютъ.

Безъ удивленія и безъ злобы слышалъ князь де-Линь объ отреченіи польскаго „короля безъ королевства“ отъ короны—это событіе прошло незамѣченнымъ въ Европѣ, послѣ того потрясенія, какое произвела мученическая кончина французской королевской семьи. Только спустя три года, въ 1798 г., услышавъ о смерти Станислава-Августа, котораго кн. де-Линь такъ искренно любилъ и глубоко уважалъ, онъ оплакалъ потерю своего „послѣдняго польскаго

¹⁾ Le prince Massalski, évêque de Vilno, le prince Czetwertinsky, Pierre Ozarowski, grand-général de Pologne, et un quatrième accusé virent se terminer leur effroyable agonie par la mort infamante du gibet. Делема саксонскаго резидента отъ 30-го іюля 1794 г. въ Дрезд. Архивѣ, vol. XX, № 94. Lagarde p. 217; Graminski, 302; Ferrand, III, 440.

друга“ въ поэтическомъ стихотвореніи „Sur la mort du roi de Pologne“ ¹⁾), начинающемся слѣдующими строками:

Roi, soulève ta tombe et vois nos pleurs couler.
 Ton repos éternel peut seul nous consoler.
 Digne par les vertus d'un plus beau diadème
 Tu jugeas trop souvent les hommes par toi-même.
 Jouet de la fortune et des événements,
 Par la constance, au sors tu résistat longtemps,
 Mais l'intrigue au dedans, mais au dehors l'envie,
 Vinrent empoisonner et terminer ta vie.

Безучастно слѣдилъ уже князь де-Линь за послѣдними потугами поляковъ въ періодъ „наполеоновскихъ войнъ“, за судьбами Герцогства Варшавскаго, и умеръ, не доживъ лишь нѣсколько дней до присоединенія герцогства къ Россіи подъ видомъ Царства Польскаго...

Професс. В. А. Вильбасовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

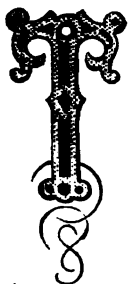

¹⁾ Oeuvres, XXI, 116, 243.

ПРИМѢНЕНІЕ НАКАЗАНІЙ ВЪ СРЕДѢ ДУХОВЕНСТВА

Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ ¹⁾).

I.

Тѣлесныя наказанія были, въ XVII—XVIII вв., въ нашихъ монастыряхъ обычнымъ средствомъ дисциплинированія монашествующей братіи. Любопытнѣйшее свидѣтельство объ этомъ дается въ письмѣ архіепископа сибирскаго и тобольскаго Нектарія къ нѣкоему Ивану Михайловичу, покровителю его при дворѣ царя Михаила Ѳеодоровича, въ которомъ (письмѣ) авторъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о тѣхъ, можно сказать, истязаніяхъ, которыми любвеобильный начальникъ въ Ниловой пустынѣ спасалъ его грѣшную душу: „И како терпѣлъ отъ начальника моего съ первыхъ дней два года; по дважды на всякій день въ два времени битъ былъ, а не воедино время на день бои были. Но и въ Свѣтлое Воскресеніе Христово дважды битъ былъ. И того сочтено у меня на два года, по два времени на всякій день, боевъ тысяча четыреста и тридцать.

¹⁾ Епархія Бѣлгородская, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней губерніи Харьковской и частію Курской (нѣз послѣдней входили въ нее четыре уѣзда: Бѣлгородскій, Обоанскій, Курскій и Оскольскій) учреждена въ 1667 г. До того-же времени жители этого раіона по духовному управленію зависѣли частію отъ Москвы, частію отъ Кіева. Существовала эта епархія до самаго конца XVIII-го вѣка, когда раздѣлилась на двѣ: Харьковскую и Курскую.

Профес. Амф. Лебедевъ.

А сколько ранъ и ударовъ на всякій день было отъ рукъ его честныхъ, и тѣхъ не считаю, Богъ вѣсть, и не помню: отъ ранъ великихъ едва дыханіе бысть во мнѣ. Пастырь мой плоть мою сокрушалъ, а душу мою спасалъ, что ему въ рукахъ прилучилось, тѣмъ и жаловалъ мене, своего сиротку и малаго птенца. Училъ влюкою и остномъ, прободалъ и мелномъ, воимъ въ жерновы мелютъ муку, и пестомъ, что въ ступѣ толкутъ, и кочергою, что въ печи угліе гребутъ, и поварнями, что ѣству варять, и рогатками, что растворъ на хлѣбы или на просфоры и на пироги въ сосудѣхъ бьютъ, чтобъ хлѣбы или просфоры и пироги бѣлы были. Того ради и тѣло мое начальниѣ билъ, чтобъ душа моя темная свѣтла была и бѣла, а не черна. И въ ушатахъ, что двоя воду носятъ, моторъ, и тѣмъ древомъ изъ ногу моею игра выбита, чтобы ноги мои на послушаніе Христа ради готовы были. И не токмо древомъ всякимъ, но и желѣзомъ и каменіемъ, и за волосы рваніемъ, но и кирпичемъ, и что прилучилося въ рукахъ его, чѣмъ раны дать, и что тогда очи его узрятъ, тѣмъ душу мою спасалъ, а тѣло мое смирялъ. И въ то время, персты моихъ руцъ изъ суставовъ выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и нынѣ немощенъ и скорбенъ, чаю себѣ вскорѣ смерти“ ¹⁾. Эта практика тѣлесныхъ наказаній въ древнерусскихъ монастыряхъ перешла, вполне какъ наслѣдіе старины, и въ XVIII-е столѣтіе. Въ архивахъ курской и харьковской духовныхъ консисторій, а также монастырей—курскаго Знаменскаго, Николаевскаго Бѣлогородскаго и другихъ, намъ попадалось множество документовъ, изъ которыхъ видно, какое широкое примѣненіе, даже въ это относительно позднее время (XVIII-е стол.), имѣли тѣлесныя наказанія въ монастыряхъ Бѣлогородской епархіи; точно также, конечно, какъ практиковались они въ монастыряхъ и другихъ епархій ²⁾. Изъ множества случаевъ и примѣровъ этого рода приведемъ нѣсколько.

Въ 1745 году іеромонахъ Ново-Оскольскаго Преображенскаго монастыря, присланный въ харьковскій Покровскій училищный монастырь (вѣроятно, подъ начальъ—для исправленія)

¹⁾ Русск. Арх. 1873 г., стр. 1773—74.

²⁾ Н. Розанова, Ист. Моск. еп. упр. Ч. 1, § 59, стр. 82. Ч. 2, кн. 1, § 43, стр. 66.

вошелъ въ преосвященному Антонію съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Какъ я низайшій изъ Бѣлгорода пріѣхалъ въ харьковскій Покровскій училищный монастырь и явился того монастыря отцу архимандриту и ректору, Гедeonу Антонскому, и оный архимандритъ безъ всякаго моего вина учалъ меня низайшаго бранить: „плуть де ты“, и закричалъ зѣло велегласно злобно: „дайте плетей!“ а потомъ велѣлъ меня взять и посадить въ большую чепь въ пекарню, въ которой чепи сидѣлъ я низайшій близъ недѣли, отъ которой большой чепи я низайшій для тѣлесной своей нужды ходилъ съ великою трудностію; а потомъ велѣлъ меня привести въ той чепи въ трапезу предъ себя и велѣлъ конюхамъ въ той трапезѣ положить, которые меня и положили, и приказалъ было бить плетми, отъ котораго бою у него, архимандрита и ректора, братія едва меня упросили; а послѣ того, незнаемо чего ради или какаго ради умышленія, того харьковскаго монастыря въ келии іеромонаха Варсанофія искалъ велейныхъ моихъ вещей, и на другой день ходилъ я низайшій къ оному архимандриту и ректору объ отпускѣ меня къ вашему высокопреосвященству о таковой своей нуждѣ просить, и оный архимандритъ и ректоръ бранилъ меня всячески, и пырлялъ въ носъ кувошками, и говорилъ при братіи: „я-де поѣду въ вашему высокопреосвященству, и возьму указъ, то-де тогда съ тебя кожу буду драть до реберъ“,—въ чемъ во всемъ шлюсь того монастыря на всю братію, и я низайшій, убоюсь таковыхъ его угрожительныхъ словъ, чтобъ напрасно изувѣчену не быть, изъ того монастыря пошелъ я низайшій въ Бѣлгородъ къ вашему высокопреосвященству подъ милостивое призрѣніе и неоставленіе. Того ради, вашего высокоархипастырства, павъ предъ стопы вашего высокопреосвященства, слезно прошу о милостиво-отеческомъ защищеніи и оборонѣ свое высокоархипастырское милостиво-отеческое призрѣніе и рассмотрѣніе учинить“.

Въ 1754 году строитель Лпиновской пустыни (находившейся верстахъ въ 25-ти отъ Курска и зависѣвшей по управленію отъ курскаго Знаменскаго монастыря), Серапіонъ отправился съ своимъ Лпиновскимъ іеромонахомъ Паисіемъ въ Курскъ для испрошенія у компанейщика Григорія Михайлова церковнаго вина и прочаго. Прибывъ въ Курскъ, они взяли себѣ квартиру у какаго-то

плотника и тотчасъ-же отправились по дѣлу въ означенному компанейщику Григорію Михайлову; угостившись здѣсь порядкомъ, пошли отъ него совсѣмъ уже пьяные: Серапіонъ—къ мужику Григорію Венедиктову, у котораго и ночеваль, а Паисій хотѣлъ было идти на квартиру къ плотнику, но сдѣлавшись, по его собственному выраженію, весьма немощенъ, до квартиры не дошелъ, а зашелъ на монастырскій дворъ къ огороднику Леону; здѣсь „немощный“ инокъ, хотя вполне уже удовольствованный, вынулъ изъ кармана запасную стеляницу вина и пригласилъ распить ее съ нимъ огородника Леона, а также и какую-то подвернувшуюся тутъ бабу... Затѣмъ отправился въ клетъ для отдохновенія... Но бывшіе на этотъ разъ на монастырскомъ дворѣ для рубки въ монастырь капусты монастырскіе крестьяне, замѣтивъ, что отецъ Паисій отправился въ клетъ не одинъ, захотѣли учинить дурно и, не смотря на противодѣйствіе огородника Леона, силою ворвались въ клетъ, били отца Паисія оглоблею, связали ему назадъ руки и о случившемся дали знать въ монастырь. По разборѣ дѣла, совѣтъ монастырскихъ старцевъ далъ слѣдующее любопытное опредѣленіе,—любопытное въ томъ отношеніи, что оно выражаетъ верхъ желаній монастырскаго начальства относительно пьянствующей братіи: „Іеромонаха Паисія за то, что онъ пьяный волочился и ночеваль на монастырскомъ дворѣ мимо монастыря, при братіи наказать плетьюми, дабы впредь другимъ монахамъ пьянствовать и въ мірскіе дома, гдѣ не подежить, ходить не повадно было; а когда монахъ гдѣ напился пьянъ, то-бъ и шолъ въ монастырь, а за монастыремъ нигдѣ-бы не ночеваль и не спалъ; огородника-же Леона наказать за то, чтобы онъ впредь монаховъ во дворъ монастырскій не принималъ и во дворѣ имъ спать не пушалъ-бы“.

Въ томъ-же 1754 году, генваря 10-го дня, монастырскій совѣтъ того-же курскаго Знаменскаго монастыря сдѣлалъ слѣдующее не менѣе любопытное постановленіе: „въ курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ нами, нижеподписавшимися (намѣстникъ и десять іеромонаховъ), усмотрѣно, что нашего курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря нѣкоторые монахи не содержатъ монашеской своей должности: въ неуказные часы безъ вѣдома онаго монастыря начальниа по разнымъ мѣстамъ шатаются; такъ, сего генваря противъ 3-го

числа ночнымъ временемъ монахъ Авксентій изъ монастыря самовольно, безъ вѣдома и дозволенія настоятеля, во дворъ церковнослужителя монастырскаго Михаила Халезева отлучился и тамо команды господина бригадира Полозова, здѣсь въ Курскѣ квартирующаго, гренадеры нѣсколько человекъ, его, Авксентія, на скверномъ и богомерзкомъ дѣлѣ поймавъ, до нага его ободрали и какъ въ избѣ онаго Халезева, такъ и по улицамъ, прямо въ монастырю волоча, били, и сняли его чернеческую одежду, надѣвъ на него женское платье, и снявъ клобукъ и камилавку и наложивъ на голову женскій кокошникъ, водили по тѣмъ-же улицамъ, отъ чего происходитъ монастыря нашего всей братіи немалый афронтъ и конфузія воспослѣдовала. Такое-же непотребное сквернодѣйствіе произошло отъ единой онаго Авксентія шалости и въ неуказное время безъ вѣдома начальческаго изъ монастыря отлучки, ибо предъ симъ днемъ Авксентій многія чинилъ шалости и многихъ монаховъ въ монастырѣ билъ и сквернословилъ непотребными словами публично, и не токмо на монаховъ, но и на самого настоятеля, въ разныхъ неучтивыхъ нареканіяхъ, нападки чинилъ безчестно, за которые его непорядочные поступки никакого наказанія ему и понинѣ не учинено; того ради въ прекращеніе таковыхъ непорядочныхъ монаха Авксентія поступковъ въ курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ опредѣлено: онаго Авксентія въ страхъ другимъ за то первѣе при собраніи всей братіи въ трапезѣ наказывать плетью нещадно, а потомъ для исправленія его отослать въ Коренную пустынь подъ начальъ, а особливо и строителю оной пустыни съ прописаніемъ сего опредѣленія написать, чтобы его, Авксентія, содержать въ крѣпкомъ наблюденіи, дабы никакихъ шалостей и сквернодѣйствій онъ долѣе не чинилъ“.

Опредѣленіемъ того-же монастырскаго совѣта, отъ 9-го октября 1757 года, относительно іеродіакона Теофила, „паче чаянія по многимъ наказаніямъ явившагося неисправнымъ“, постановлено: „іеродіакона Теофила отдать подъ присмотръ ризничему іеродіакону Гавріилу, и ему Гавріилу его Теофила ежедневно послѣ вечерни въ келліи своей заковывать на цѣпь и спускать до утрени или до всенощной (то-есть, освобождая отъ узъ, пускать въ этииъ службамъ), а оттоль до вечера бытъ свободнымъ; однакожь ему Гавріилу его Теофила

изъ келліи бродить никуда и за иконою ходить (чудотворною, которая носима была по домамъ) не допускать, но содержать въ страхѣ Божіемъ и въ чтеніи богодуховенныхъ книгъ и молитвъ и о состояніи его ежедневно, кому слѣдуетъ, письменно репортовать; буде-же несмотрѣніемъ и послабленіемъ его ризничаго онъ Теофилъ въ монастырѣ или за монастыремъ дерзость и соблазнъ учинить, то оба будутъ по достоинству наказаны“.

Тѣлесныя наказанія употреблялись не только въ мужскихъ, но и въ женскихъ монастыряхъ.

Указомъ преосвященнаго Іосафа, отъ 4-го октября 1754 г., игуменъ Троицкаго дѣвичьяго, въ Курскѣ, монастыря повелѣно: „наказать плетми монахинь означеннаго монастыря: Александру, Елизавету, Марью, Матрену, Анисью, Маргариту, Александру, Евфимію, Марфу, Евфросинію, Горгонію, Елену, Любовь, Софью, Вѣру, Надежду, Аполливарію, Митродору, при собраніи всѣхъ монахинь за то, что онѣ безъ указа выбрали себѣ въ игуменью изъ бѣлицъ московскую помѣщицу Марью Гергетову, чтобы впредь безъ указа не избирали, а наипаче изъ бѣлицъ“.

Иногда прегрѣшившіе иноки наказывались и въ консисторіи, въ присутствіи и въ поученіе всей братіи того-же монастыря, нарочно для такого зрѣлища вызываемой.

Такъ, указомъ отъ консисторіи отъ 24-го мая 1767 года, по доношенію игумена бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря Лаврентія, объ іеродіаконѣ Варсанофій, что онъ самовольно изъ монастыря неоднократно отлучался и по нѣскольку дней проводилъ въ мірскихъ домахъ, а также и за чинимые имъ Варсанофіемъ въ церкви нѣкоторые соблазны, о чемъ того монастыря честная братія въ консисторіи допросами засвидѣтельствовала, велѣно означенному іеродіакону, при собраніи всей монастырской братіи, учинить въ консисторіи жестокое плетми наказаніе, и обязавъ его подпискою о честномъ и неисходномъ въ монастырѣ пребываніи, отослать къ игумену съ таковымъ предписаніемъ, дабы означеннаго іеродіакона Варсанофія и прочихъ, ежели таковы окажутся, поручать въ смотрѣніе честнымъ іеромонахамъ или монахамъ къ общему вмѣстѣ пребыванію въ келлію, коимъ за ними смотрѣть, дабы они всегда находились,

въ силѣ духовнаго регламента и ея и. в. присланнаго изъ св. прав. синода, отъ 5-го декабря 1764 года указа, изъ монастыря безотлучны; а когда кто въ такомъ преступленіи явится, таковаго игумена съ честною братією, по изслѣдованіи, наказывать поклонами, цѣпью и плетью по состоянію оказавшейся погрѣшности, съ прописаніемъ оной въ журналъ; а ежели уже тѣмъ, кого исправить и воздержать отъ худыхъ поступковъ будетъ невозможно, тѣхъ представлять на разсмотрѣніе его преосвященству.

Консисторія предписывала, такимъ образомъ, игумену съ честною братією смирять „волочащихся“ по мірскимъ домамъ монаховъ цѣпью и плетью, въ то время, когда св. синодъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, уже издалъ въ томъ-же 1767 г. указъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для священниковъ и іеромонаховъ; только указъ не былъ еще полученъ въ консисторіи.

Но, и по обнародованіи этого указа, цѣпи и плети не вдругъ были забыты и вышли изъ употребленія въ монастыряхъ.

Въ 1771 году харьковскаго Покровскаго монастыря монахъ Логгинъ за продерзость архимандриту Лаврентію былъ присужденъ къ епитиміи „бить поклоны“; а такъ какъ этой епитиміи онъ исполнять не хотѣлъ, то посаженъ былъ въ цѣпь, 9 затѣмъ приговоренъ былъ къ своеобразному тѣлесному наказанію, можетъ быть, не особенно тяжкому, но для монашеской чести, нужно полагать, весьма чувствительному, именно, определено было: „всеі братіи призвать Логгина въ собраніе въ трапезу и наказать полегче четками“.

Въ 1782 г. Сумскаго Успенскаго монастыря іеромонахъ Арсеній жаловался на архимандрита Іустина, что, по его архимандричьему приказанію, четверо сторожей, положивъ его, Арсенія, на землю и завернувъ рубашку на шею, сѣкли обнаженнаго розгами по спинѣ и по бокамъ немилостиво до пролитія крови, и затѣмъ онъ, Арсеній, посаженъ былъ въ большую цѣпь и приставлены были къ нему четверо караульныхъ, подъ каковою стражею на цѣпи въ крайней отъ оныхъ побоевъ болѣзни и изнуреніи обращался еще трое сутокъ.

Въ 1796 году монахъ Хотмыжскаго Знаменскаго монастыря Мартиніанъ, по обвиненію его въ томъ, будто онъ билъ безвинно іеромонаха Галактіона въ его кельѣ, далъ въ консисторію такое объясненіе, что онъ, Мартиніанъ, Галактіона въ кельѣ

не обижалъ и безчеловѣчно не билъ, а произошло между ними слѣдующее: онъ, Мартиніанъ, за подачу его пр-ству прошенія о переводѣ его изъ Хотмыжскаго монастыря въ другой, по приказанію строителя Веніамина, посаженъ былъ въ цѣпь, и когда она, по отлученіи строителя изъ монастыря, съ шеи его, Мартиніана, спала, какъ видно изъ того, что замокъ не замкнутъ былъ, тогда онъ, Мартиніанъ, вышелъ изъ кельи на дворъ, гдѣ увидя его, Галактіонъ, бывшій тогда весьма пьянъ, закричалъ на него весьма азартно: „для чего-де ты ходишь по двору безъ цѣпи“, и имѣвшеюся у него въ рукахъ палкою ударилъ его, Мартиніана, по спинѣ, отчего онъ, Мартиніанъ, побѣжалъ въ свою келью и въ оной заперся, онъ же, Галактіонъ, взявъ топоръ, прибѣжалъ съ нимъ къ кельѣ его, Мартіана, и началъ въ двери бить сильно, крича: „отвори“, и, отбивъ двери, хотѣлъ его топоромъ ударить, но онъ, Мартиніанъ, не допустилъ до удара и вывелъ его изъ своей кельи“.

Въ 1797 году іеродіаконъ Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря Мельхиседекъ вошелъ въ Святѣйшій Синодъ проше-ніемъ, въ которомъ изъяснялъ, что, находясь въ коренномъ обще-жительномъ монастырѣ и примѣняясь пустынному монашескому уставу и обученію, онъ нашелъ, что отъ чтенія многихъ древнихъ отеческихъ книгъ и отъ разсужденія, какову должно быть монаху, приключилась ему ипохондрія, въ которой, будучи болѣе уже двухъ лѣтъ, претерпѣвалъ безпамятство и боль въ головѣ, почему и не можетъ онъ подвига монашескаго совершить; хотя же онъ, Мельхиседекъ, сего года мая 30 дня его преосвященство и просилъ о снятіи съ него, за означенными болѣзнями, монашескаго чина, но его преосвященство опредѣлило его въ означенный Бѣлогородскій Николаевскій монастырь съ тѣмъ, чтобы увѣщевать его, Мельхиседека, игумену съ братією; но какъ онъ, Мельхиседекъ, въ своемъ намѣреніи пребылъ непоколебимъ, то іюня 26 дня Николаевскаго монастыря казначей іеромонахъ Іеронимъ, незнаемо по какой винѣ, взявъ его изъ келии съ конюхами на конюшню, посадилъ на стѣнную цѣпь для стражи лошадей, что не точію въ монашествѣ, но и въ мірскихъ не водится. Указомъ Святѣйшаго Синода повелѣно іеродіакону Мельхиседека лишить, согласно желанію его, монашескаго и іеродіаконскаго чиновъ, а преосвященный революціею

на томъ указѣ опредѣлили: „начальнику Бѣлоградскаго Николаевскаго монастыря велѣть општрафовать казначея іеромонаха Іеронима, буде подлинно онаго Мельхиседека для стражи лошадей сажалъ на стѣнную цѣпь и впредь дѣлать подобныя шалости запретить, но поступать во всемъ по законамъ строго притвердить“.

Такимъ образомъ, не смотря на отмѣну закономъ тѣлесныхъ наказаній для монашествующихъ, наказанія эти, въ особенности, сажаніе въ цѣпь, практиковались по малости до самаго конца 18-го столѣтія.

II.

Приходское духовенство, по части тѣлесныхъ наказаній предъ монашествующимъ, въ XVIII в. не было изобижено. Въ 1729 г. курскіе разныхъ чиновъ обыватели Григорій Шиловскій, Любимъ Авдѣевъ съ товарищи, тридцать семь человекъ, подали преосвященному Елифанію на сборщика, соборнаго попа Іакова, челобитную въ томъ, что онъ, попъ, „обижаетъ и разоряетъ крестьянъ, беря съ вѣчныхъ памятей лишнія деньги, сверхъ указаго числа, а также наноситъ ущербъ и казнѣ, не записывая всѣхъ взимаемыхъ съ вѣчныхъ памятей денегъ и оставляя эти незаписанныя деньги у себя; отягощаетъ взятками и поборами приходскихъ священниковъ и церковныхъ причетниковъ при непрестанной ѣздѣ съ братомъ своимъ Іаковомъ по уѣзду и постоянныхъ посылкахъ по духовенству своихъ дворовыхъ людей и разныхъ приставовъ; содержитъ священниковъ въ домѣ своемъ подъ карауломъ въ цѣпяхъ и въ володахъ долгое время, отъ чего въ приходѣхъ ихъ многіе люди и роженицы безъ покаянія умираютъ, бьютъ смертно поповъ плетми, батоги и кнутемъ собственными руками, задавая имъ страхъ, чтобъ его преосвященству на него, сборщика, не били челомъ, отъ чего они, священники и причетники, бить челомъ и не смѣютъ“. Вслѣдствіе этой челобитной, должность сборщика поручена новоопредѣленному протопопу Ивану Спасскому, причемъ, однакожь, право наказывать подвѣдомственное духовенство не только не отнято, напротивъ внушительно, въ смыслѣ даже прямой обязанности,

подтверждено въ слѣдующихъ словахъ указа, которымъ онъ, протопопъ, опредѣлялся на означенную должность: „а градскихъ и уѣздныхъ священниковъ, и дьяконовъ, и церковныхъ причетниковъ ему, протопопу, вѣдать судомъ и расправою и, по достоинству винъ ихъ, наказывать желѣзнымъ и чепнымъ кованіемъ и тѣлеснымъ наказаніемъ, какъ о томъ духовный регламентъ повелѣваетъ“. Духовный регламентъ, впрочемъ, на этотъ счетъ ничего не повелѣваетъ и ссылка на него сдѣлана или ошибочно—безъ надлежащей справки или просто съ цѣлію узаконить существующій обычай.

Въ позднѣйшихъ инструкціяхъ протопопамъ это суровое протопопское право нѣсколько смягчается. Такъ, въ инструкціи отъ 6 сентября 1735 года, города Изюма управителю духовныхъ дѣлъ, соборной церкви попу Стефану Богодуховскому, между прочимъ значится: „§ 22. Напередъ всего тебѣ, управителю, надлежитъ имѣть образъ всякихъ добродѣтелей и съ подчиненными поступать не по жестокости своего сердца, но со всякимъ вниманіемъ и кротостію и никому обидъ и разореній не чинить, опасаясь за то, по правиламъ святыхъ отецъ и по духовному регламенту и по указамъ ея и. в., по смыслу, истязанія безъ всякой пощады. § 23. Буде-же кто изъ подчиненныхъ священниковъ и изъ церковныхъ причетниковъ явится въ чемъ подозрителенъ, а именно—пьянствующій и о церкви и о своемъ житіи нерадящій, таковыхъ сыскивая, наказывать арестомъ и содержаніемъ въ цѣпяхъ по важности винъ ихъ, а не напрасно, причитая винности по злобѣ насильствомъ или изъ какого принужденія, и которые явятся весьма противны и непокоряющіеся и безчинно живущіе, на таковыхъ писать въ консисторію, показавъ вины и противности“.

Такимъ образомъ, здѣсь, какъ видимъ, предоставляется протопопамъ только право подвергать аресту и сажать въ цѣпь подвѣдомственное духовенство, но ничего не говорится о боѣ плетми или кнутомъ и другими орудіями, что собственно и называлось тогда тѣлеснымъ наказаніемъ.

Въ дѣйствительности, конечно, бывали отъ протопоповъ, не смотря на такія запрещенія, и тѣлесные бои духовенству.

Города Ольшанска, Троицкой церкви, священникъ Іоаннъ Андреевъ Паславскій въ челобитѣхъ на имя государыни императ-

рицы Елизаветы Петровны—отъ іюля дня 1751 года—жаловался на Ново-Оскольскаго протопопа Павла Трухманова въ слѣдующемъ:

„1) Сего 1751 года, въ февралѣ мѣсяцѣ, въ бытность мою въ Бѣлгородѣ для взятія отъ его преосвященства изъ слободы Никольской въ городъ Ольшанскъ перехожей грамоты, означенный протопопъ, по злобѣ своей на меня, увѣдомясь, что я поѣхалъ въ Бѣлгородъ и якобы не зная, прислалъ за мною въ домъ, не знаю для чего, сторожа Марку, который сторожъ въ домѣ меня не извѣхалъ и за ѣздъ пограбилъ книгу „Николаевникъ“, цѣна 1 рубль 20 коп.

2) Тогожъ мѣсяца февраля оный же протопопъ вторично послалъ другаго сторожа Ивана Костромитина, и той, не получа меня въ домѣ, взялъ за ѣздъ же казанокъ мѣдный, который того города Ольшанска воевода, по просьбѣ жены моей, у онаго посланнаго приказалъ уряднику отнять и отдать женѣ моей попрежнему, который и отданъ.

3) Яжь, низайшій, получивши отъ его преосвященства въ оный городъ Ольшанскъ къ Троицкой церкви перехожую грамоту, для записи заѣхалъ до помянутаго протопопа, точію его въ домѣ не засталъ, понеже оный протопопъ былъ въ Бѣлгородѣ, а жена его, протопопица, объявила мнѣ, что за мною двѣ посылки было и хотѣла задержать меня подъ карауломъ до пріѣзду его, протопопа, токмо я у оной протопопицы отпросился на квартиру, и оная протопопица прислала ко мнѣ на квартиру двороваго своего человѣка, цыгана, который пришелъ ко мнѣ и объявилъ: „прислала-де протопопица увѣдомиться о твоей квартирѣ, котораго я скоро отправивши съ оной квартиры самъ съѣхалъ на другую квартиру, и оная протопопица того часу ночью прислала двухъ человѣкъ для взятія у меня лошадей, точію не застала; токмо я, услыша такое страшесловіе, не дожидая протопопа, поѣхалъ въ домъ свой, а въ пріѣздъ его, протопопа, съ оною грамотою хотѣлъ явиться къ нему, протопопу.

4) Сегожъ 1751 года марта 21 дня помянутый протопопъ, какъ скоро пріѣхавши изъ Бѣлгорода, прислалъ за мною вышепомянутаго сторожа Ивана Костромитина по инструкціи, и по той инструкціи велѣно имъ, протопопомъ, оному сторожу взять

понятыхъ изъ церковно-служителей человѣкъ пятнадцать, который, собравъ команду немалую, вошелъ ко мнѣ въ домъ и взялъ меня оный Иванъ, заковалъ въ цѣпи и билъ меня немилостиво, въ которое время я, низайшій, только отъ церкви Божіей пришелъ, и выволовъ изъ избы, и вложили на возъ, и при томъ боѣ грабежемъ взяли воровски пожитковъ моихъ, а имянно—кафтавъ сукна зеленаго тонкаго, цѣна семь рублей, два ко-жуха, одинъ мужской, другой женскій, цѣна 2 руб. 50 коп., тулупъ черныхъ барановъ, цѣна 1 руб. 50 коп., двѣ лошади, цѣна 15 р., свита сукна сермяжнаго, цѣна 80 коп., сѣдло чер-касское, цѣна 2 р.; котораго грабежу жена моя возбраняла братъ, точію оный Иванъ Костромитинъ взялъ жену мою битъ смертнымъ же боемъ, отъ котораго бою и страху и понывѣ одержима болѣзнію, и повезли меня до поманутаго протопопа въ слободу Михайловку и, недоѣзжая той слободы, оный Иванъ Костромитинъ меня расковалъ, а когда взвезли къ протопопу, и оный протопопъ приазалъ меня въ цѣпи и въ колодки заса-дить, въ которыхъ я узахъ содержался чрезъ ночь, а по утру пришелъ ко мнѣ оный протопопъ, гдѣ я содержался подъ ва-рауломъ, и я данную мнѣ отъ его преосвященства грамоту объ-явилъ ему, протопопу, которую онъ у меня принялъ, а меня сталъ бранить непотребными словами и не далъ мнѣ никакого оправданія предъ собою принести и приказалъ меня битъ плеть-ми во всѣхъ тѣхъ узахъ, гдѣ самъ стоялъ и кричалъ, дабы били неослабно, отъ котораго боя меня подняли, ибо самъ встать не могъ, и я отъ того его бою и до нынѣ къ первому здравію придти не могу, и послѣ онаго бою требовалъ оный протопопъ у меня денегъ десять рублей, незнаемо за какую вину, кото-рыхъ мнѣ, низайшему, взять было негдѣ, и за оныя деньги содер-жался я подъ карауломъ апрѣля до 3 числа, за которымъ отъ его, протопопа, утѣсненіемъ прихода моего жители въ то время не исповѣдались и святыхъ таинъ не сообщались!..“

Но такого рода протопопская расправа, во всякомъ случаѣ, была уже злоупотребленіемъ, превышеніемъ власти. Къ тѣлес-ному наказанію могли присуждать только консисторія и архіе-рей, которые и пользовались широко этимъ правомъ. Вотъ нѣ-сколько относящихся сюда примѣровъ:

Въ 1751 г. преосвященный Іосафъ Горленко, во время объѣзда епархіи, усмотрѣвъ въ селѣ Изюмцѣ, Изюмскаго вѣдомства, у священника въ домѣ въ углу нѣчто въ родѣ рукоумывальницы, въ которой въ зимнее время священникъ дѣтей крестилъ, — опредѣлилъ: „наказать попа въ духовномъ правленіи плетьюми, чтобы онъ вымысловъ не чинилъ, а содержалъ бы мѣсто къ тому потребное по правиламъ въ церкви“.

Карповской протопопіи, села Черкаскаго, Пятницкой церкви священникъ Іоаннъ Кудрявцевъ доношеніемъ въ консисторію (декабря 1762 г.) объявлялъ, что, бывши въ слободѣ Протопоповкѣ, онъ, разговаривая о разныхъ вещахъ съ дьячкомъ той слободы Лукою Кудрявцевымъ, да пономаремъ Іосифомъ Гладкимъ, узналъ отъ нихъ, что той же слободы приходской ихъ Екатерининской церкви священникъ Михаилъ Тонконосый билъ своего роднаго отца черкашенина Григорія Тонконосова и послѣ того побоя сѣлъ въ хатѣ своей подъ святыхъ на лавку, тогда со стѣны свалился на его голову образъ, который подхвати онъ, священникъ, въ немалой своей запальчивости, ударилъ о землю и расколоть; а котораго мѣсяца и числа тотъ образъ имъ, священникомъ, расколоть и насколько частей и во имя котораго святаго онъ былъ, о томъ могутъ достовѣрно показать, изъясняя доноситель, упомянутые отецъ его Григорій и дьячекъ съ пономаремъ. Консисторія, допросивъ свидѣтелей, приговорила: „Понеже дьячекъ Кудрявцевъ и пономарь Іосифъ допросами въ консисторіи показали, что о томъ боѣ и расколотиіа образа какъ ему священнику не сказывали, такъ и сами не знаютъ, и ни отъ кого не слышали, а отецъ реченаго священника Михаила показалъ, что оный сынъ его никогда не билъ и озлобленія ему никакого не чинилъ, изъ чего видно, что доносилъ онъ, Кудрявцевъ, по злобѣ за то, что означенный Михаилъ произведенъ въ священники на его мѣсто, — для того за таковой ложный доносъ и ближняго олеветаніе, по силѣ церковныхъ правилъ и гражданскихъ правъ лишить его, Ивана Кудрявцева, священства вовсе и отобравъ отъ него ставленную грамоту приобщить къ дѣлу“. Архіерей же положилъ слѣдующую резолюцію: „Священства вовсе не лишаемъ, а на мѣстѣ ни на какомъ вовсе ему, клеветнику, плуту и лживцу попишку Кудрявцеву, не быть, съ какимъ видомъ, наказавъ его

въ консисторіи нещадно плетъми и отпустить, а въ село Черкасское опредѣлить священника отъ дву-попныхъ мѣстъ“.

Отставной полковникъ Степанъ Кондратьевъ въ жалобѣ на священника Воскресенской, въ городѣ Сумахъ, церкви Михаила Ставровскаго его преосвященству заявлялъ (въ 1759 г.): съ самаго начала построения означенной церкви учиненъ предками его склепъ, гдѣ оныя предки похоронены, и склепъ сей до послѣдняго времени былъ нерушимъ, а нынѣ той церкви священникъ Михайлъ Ставровскій, для одной ему, полковнику, обиды, на томъ самомъ мѣстѣ не токмо дерево и каменную стѣну повредилъ, но и кости предковъ его, полковника, выбросивши, похоронилъ купца, говоря: „теперь-де фамилія Кондратьевыхъ съ шумомъ пала: къ тому-же Ставровскій чрезъ повседневное свое пьянство должности своей править не можетъ“. По слѣдствію оказалось, что священникъ Ставровскій дѣйствительно приказалъ въ склепѣ Кондратьевыхъ каменную стѣну разобрать и выбросить изъ того склепа кости, и построилъ вмѣсто того деревянный склепъ, въ которомъ и похоронилъ умершаго купца Василя Данилова, къ тому же, бываетъ, пьяный отправляетъ священнослуженіе, и о всемъ этомъ письменно засвидѣтельствоваши прихожане 8 человекъ. Преосвященный опредѣлилъ: (18 февр. 1759 г.): „за вышеписанное дерзновеніе священникъ Ставровскій, что церковное строеніе ломалъ и мертвыя кости предковъ полковника Кондратьева изъ склепа выбросилъ и купца похоронилъ, такожъ и за пьянственное житіе, хотя по силѣ церковныхъ правилъ и подлежалъ не малому штрафу и запрещенію, но вмѣсто того, и для прекращенія ссоры съ полковникомъ, отрѣшить его, Ставровскаго, отъ Воскресенской церкви и быть ему въ томъ же городѣ Сумахъ при церкви Рождества Пресвятыя Богородицы на половинной части, а на мѣсто его при Воскресенской церкви быть Рождественской церкви священнику Максиму“. Побывъ недолго при этой Рождественской церкви, Ставровскій настойчиво, хотя и безуспѣшно, просилъ преосвященнаго о переводѣ въ прежній приходъ, о чемъ самъ всюду разглашалъ слѣдующее: „его-де преосвященство на такую его, Ставровскаго, просьбу сказалъ, что въ той (Воскресенской) церкви не быть, а быть тамъ, гдѣ опредѣленъ, послѣ чего онъ, Ставровскій, сталъ говорить: „я-де тѣмъ приходомъ недо-

воленъ, и просилъ уволить для подачи просьбы въ Святѣйшій Синодъ; почему его преосвященство приказалъ написать паспортъ, который отъ секретаря принявши, пошелъ онъ, Ставровскій, къ его преосвященству благодарить, но при семъ завелъ такіе хорошіе разговоры, что его преосвященство паспортъ у него отобралъ, да и образумился де преосвященный, что отобралъ у него паспортъ, а то-бы де онъ, поѣхавши въ Петербургъ, наварилъ пива хорошенькаго, и гдѣ бы похотѣлъ, тамъ бы и былъ протопопомъ“. Консисторія, поставивъ въ справкѣ 55 апостольское правило: „аще который причетникъ досадитъ епископу, да извержется, писано бо есть: князю людей своихъ да не речеши зла“, постановила: „Священникъ Михаилъ Ставровскій за произнесеніе вышеписанныхъ продерзностныхъ словъ въ досаду и поношеніе чести епископской, по силѣ прописаннаго св. апостолъ правила, хотя и подлежалъ изверженію или запрету священства, но въ разсужденіи его, Ставровскаго, впредь отъ того лучшаго исправленія, отъ изверженія и запрещенія освободить, а вмѣсто того, въ исправленіе ему и другимъ подобнымъ ему священникамъ въ страхъ, чтобы знали, какъ должно почитать по апостолу Павлу своего пастыря и епископа, въ Сумскомъ духовномъ правленіи, при собраніи всѣхъ градскихъ и сумскихъ священниковъ, учинить ему, Ставровскому, тѣлесное наказаніе плетми и дать ему сто и три удара и, по учиненіи того наказанія, обязать его подпискою, чтобы впредь таковыхъ поносительныхъ епископской чести словъ не произносилъ, и оную подписку прислать въ консисторію при доношеніи“.

Изъ дѣлъ архивныхъ не видно, чтобы и послѣ указа 1767 года, отмѣнявшаго тѣлесныя наказанія для духовенства, „тѣлесный бой“ примѣнялся къ приходскимъ священнослужителямъ, подобно тому, какъ таковой бой, не смотря на запрещеніе, продолжался въ монастыряхъ. Былъ только, насколько извѣстно намъ изъ этихъ дѣлъ, одинъ случай угрозы плетми, но случай весьма внушительный, показывающій, какъ глубоко эти плети коренились въ административныхъ понятіяхъ и нравахъ тогдашняго священно-началія.—Въ 1768 году, члены консисторіи старохарьковскаго Преображенскаго монастыря игуменъ Теофанъ и бѣлогородскій протопопъ Орловскій жаловались въ Синодъ (за небытіемъ въ это время въ епархіи, послѣ смерти преосвященнаго

Порфирія, новаго архіерея) на архимандрита Николаевскаго бѣлгородскаго монастыря Нарциса, члена-же консисторіи — первоприсутствующаго, что сей Нарцисъ въ самомъ присутствіи консисторіи грозилъ ихъ сѣчь плетью, крича: „подайте плетей“, а протопопа при этомъ билъ своими руками по шеѣ.—Высѣчь архимандриту Нарцису своихъ сочленовъ по консисторіи не пришлось; но краснорѣчиво уже и одно воззваніе къ плетямъ! (Дѣло это, съ пріѣздомъ новаго архіерея на епархію, Самуила Миславскаго, по его старанію кончилось мировою; обиженные простили Нарцису по-христіански.)

Впрочемъ, оставивъ „тѣлесный бой“ (розгами, плетью, батогами), какъ явно воспрещенный закономъ, духовное начальство, повидимому, не считало противозаконнымъ практиковать такъ называемое „цѣпное смиреніе“, вѣроятно полагая, что простое содержаніе виновнаго на цѣпи, безъ тѣлеснаго боя, не есть еще тѣлесное наказаніе. По крайней мѣрѣ, изъ дѣлъ харьковской духовной консисторіи намъ извѣстенъ, даже въ началѣ текущаго столѣтія, одинъ случай такого „смиренія“. Именно въ 1805 году преосвященный Христофоръ на журналѣ харьк. дух. консисторіи резолюціею опредѣлилъ: „священника харьковской Вознесенской церкви III—го за ругательства и обиды, чинимыя имъ причту и прихожанамъ и въ исправленіе его самаго и въ страхъ другимъ, продержатъ цѣпные сутки въ сторожевской избѣ при консисторіи на цѣпи и затѣмъ обязать строжайшею подпискою, чтобы онъ велъ себя порядочно и съ опасеніемъ болѣе тяжкаго наказанія“.

III.

Тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались по духовному суду не только духовные, но и міряне, по крайней мѣрѣ изъ простолюдиновъ, по тѣмъ дѣламъ, которыя подлежали этому суду. Въ судныхъ дѣлахъ бывшей Бѣлгородской епархіи (т. е. консисторій курской и харьковской) мы всего болѣе встрѣчали примѣровъ тѣлесныхъ наказаній, за преступленія противъ святости брака и цѣломудрія, за второбрачіе, блудъ и прелюбодѣяніе. По церковнымъ правиламъ за таковыя преступленія должна-бы слѣ-

довать болѣе или менѣе продолжительная епитимія (на 7-мъ лѣтъ и болѣе), но въ Бѣлгородской епархіи принято было для простолюдиновъ замѣнять ее, для ихъ-же удобства, болѣе короткою расправою—наказаніемъ плетью; для женщинъ, въ уваженіе слабости пола, въ особенности при старости лѣтъ, плети иногда замѣнялись розгами.

Ландмилицкаго украинскаго корпуса протопопъ Симеонъ Сулима, доношеніемъ въ консисторію отъ 14-го іюля 1759 года изъяснялъ, что „однодворецъ слободы Шиболінки, на Украинской линіи, Изотъ Сляднєвъ женился—тому близко пятьдесятъ лѣтъ—на однодворческой дѣвкѣ Маріи Ильиной, дочери Пушкаревой, которая, поживъ съ нимъ полтора года, ушла безвѣстно, и послѣ ея побѣга, не имѣя о женѣ своей никакого извѣстія, черезъ десять лѣтъ женился на однодворческой дѣвкѣ Матренѣ, которая, живя съ нимъ до сорока лѣтъ, 757-го года умре, послѣ чего онъ, Изотъ, будучи въ Бѣлгородѣ, провѣдалъ, что первая жена его Марья за отставнымъ драгуномъ, а какъ его звать и прованія, не знаетъ“.—Женка Марья допросомъ показала: „выдана она замужь матерью своею за показаннаго однодворца Изота Сляднева, и жила съ нимъ одинъ годъ, и, за великими его нападками и побоями, сослана отъ онаго своего мужа вонъ, и, по умертвіи отца своего и матери, за сиротствомъ пошла она въ Бѣлгородъ и жила по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ десять, и увѣдавъ отъ свекра своего, что оный мужъ ея Изотъ женился на другой, пошла и она Марья за втораго мужа, драгуна Андрея Дашкова, и жила съ нимъ лѣтъ съ двѣнадцать и прижила трехъ сыновей и одну дочь, которые померли; а по смерти его, побывъ она вдовою съ годъ, вышла замужь за третьяго мужа, солдата Андрея Жегулина, не сказавъ ему, что первый мужъ ея въ живыхъ находится, понеже и сама она про то подлинно не вѣдала, а уповала, что онъ умре, съ которымъ Жегулинымъ и жила понынѣ“.—Консисторія опредѣлила: „женку Марію, съ упомянутымъ солдатомъ Жегулинымъ разлучивъ и отдавъ ее первому мужу въ сожитіе по прежнему,—учинить виновнымъ вмѣсто подлежащей по правиламъ епитиміи, которой они по простолюдимству и за всегдашнею черною работою исполнить не могутъ, въ показанной слободѣ Шиболінкѣ, при народномъ собраніи, отъ ландмилицкаго духовнаго правленія

жестокое наказаніе, Изоту — плетми, а женѣ его Марьѣ — розгами, и отдать въ смотрѣніе приходскому ихъ священнику для того, чтобы они чрезъ полгода (то есть въ теченіе полугода) ходили къ церкви и стояли внѣ церкви и о своемъ прегрѣшеніи приносили Богу истинное покаяніе, а по прошествіи того времени сообщить ихъ божественныхъ тайнъ“. Женщинѣ, наказанной такимъ образомъ, должно было быть ужъ во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ на седьмой десятокъ!

Въ 1755 г., Новооскольскаго уѣзда, слободы Бирючей, жительница вдова Ирина Курилова подала въ консисторію прошеніе, въ которомъ изъясняла, что той-же слободы житель мѣщанинъ Денисъ Граевскій, у котораго она по найму сидѣла въ коморѣ для торговли пивомъ и медомъ, отъ жены своей Акилины неоднократно и насильственно чинилъ съ нею, Ириною, прелюбодѣяніе, отъ каковаго прелюбодѣянія прижила она съ нимъ и сына Ивана. Допрошенный въ консисторіи Граевскій въ чиненіи съ Ириною прелюбодѣянія запырался. Ирина-же въ доказательство, что онъ дѣйствительно чинилъ съ нею насильственно и въ разное время прелюбодѣяніе, представляла свидѣтелей. На послѣдовавшей затѣмъ очной ставкѣ Граевскій въ прелюбодѣяніи съ Ириною признался, изъяснивъ только, что прелюбодѣйствовалъ съ нею во время бытія ея въ домѣ его шинкаркою по согласію, а не насильственно, притомъ только одинъ разъ, а не многократно. Консисторія опредѣлила: „Означенному малороссіянину Денису Граевскому за таковое съ оною жонкою Ириною прелюбодѣяніе, въ чемъ онъ на очной ставкѣ и самъ не запырался, тако-жъ и оной жонкѣ Иринѣ за прелюбодѣйное съ онымъ Граевскимъ житіе, хотя она и показывала, якобы онъ чинилъ съ нею блудодѣйство насильно надъ сонною въ пьянствѣ, но понеже она показывала, что имѣла съ нимъ блудодѣйство неоднократно, изъ чего видно, что сама имѣла къ тому грѣхопаденію согласіе, учинить имъ въ консисторіи плетми наказаніе и отпустить въ дома“.

Строго наказывались также обиды духовному чину, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обиженные прощали обидчикамъ или когда даже и сами въ отношеніи къ обидчикамъ оказывались не безупречными.

Харьковской Рождественской церкви священникъ Іоаннъ

Млодзинскій подалъ, въ 1752 году, въ харьковскую полковую канцелярію на харьковскую жительницу Анну Кочержиху жалобу въ томъ, что она во время отправленія вечерняго гѣнія была его въ означенной церкви по щекамъ и за волоса за то, что онъ высылалъ ея дочь, дѣвку Ѳедосью, изъ церкви, „понеже, увѣдомился онъ, священникъ, отъ соборнаго звонаря Григорія, что показанная дѣвка родила трехъ дѣтей, прижитыхъ блудно, и покрыла сама собою голову“. На доношеніе протопопа о семь происшествіи, преосвященный Іоасафъ положилъ такую резолюцію, что, по силѣ указа императора Петра Великаго, отъ 7-го іюля 1722 года, дѣло о дѣтяхъ, прижитыхъ въ блудодѣйствѣ, подлежитъ свѣтскому суду; а о боѣ священника Кочержихоу предписалъ протопопу обстоятельно изслѣдовать. Но при слѣдствіи оказалось, что, по подачѣ жалобы, священникъ успѣлъ уже съ Кочержихою помириться. Кочержиха дала именно слѣдующее показаніе: 9-го іюня пошла она съ дочерью своею Ѳедосьею въ церковь къ вечернѣ и пришедши стала на мѣстѣ своемъ близъ дверей; священникъ, по прочтеніи эктени, замѣтивъ въ церкви Ѳедосью, направился къ ней съ книгою и сталъ говорить ей: „зачѣмъ ты въ церковь пришла, недостойно тебѣ въ церковь Божию ходить, понеже ты въ недавнемъ времени дитя родила“; затѣмъ, взявъ Ѳедосью за плечо, началъ ее изъ церкви выводить; тогда Кочержиха, услыхавъ такія порочныя на ея дочь слова, подбѣжала къ священнику и ударила его правою рукою, одинъ только разъ, по щегѣ, а лѣвою схватила за волоса; подоспѣвшій къ священнику на помощь пономарь „оторвалъ отъ священника“ Кочержиху, и она съ дочерью вышла вонъ. А 15-го числа того-же іюля просила она, Кочержиха, вмѣстѣ съ такими-то харьковскими обывателями, священника о прощеніи, и по тому ихъ прошенію онъ, священникъ, за свое безчестье на церковь Божию взялъ три рубля, да себѣ сукна тонкаго шесть локтей, сафьянъ и козлину, и по взятіи оныхъ вещей простилъ ее, Кочержиху, и дочь ея Ѳедосью съ тѣмъ, чтобы впредь на нихъ нигдѣ челомъ не бить.

Преосвященный Іоасафъ, сославшись на правило святыхъ отецъ, въ кормчей книгѣ въ главѣ 42-й напечатанное: „аще кто, во святую церковь вшедъ, епископу или причетникамъ или инымъ слугамъ церковнымъ досаду нанесетъ, таковаго муками

казнити и въ заточеніе послать“, а также и въ номоканонѣ: „аще кто укорить священника, да запретится лѣто едино; аще дастъ ему заушеніе, или деревомъ, да запретится три лѣта, аще и священникъ проститъ ему согрѣшеніе“, указомъ отъ 5-го ноября 1753 года повелѣлъ: „упомянутую жонку Анну Кочержиху, сыскавъ въ харьковское духовное правленіе, учинить ей, по силѣ прописаннаго церковнаго правила, жестокое плетью наказаніе и по наказаніи отослать съ нарочнымъ на ея коштѣ въ старооскольскій дѣвичій монастырь въ монастырскую работу на годъ“.

Въ 1761 году, Валковскаго уѣзда, села Тарановки, черкашенинъ Никита Долговъ подалъ на своего приходскаго священника Никиту Самородскаго жалобу въ томъ, что священникъ въ день Новаго года, по отправленіи божественной литургіи, выскоча изъ дома своего съ топоромъ, напалъ на него, просителя брата, Ѳедора и раздробилъ ему „топоровымъ обухомъ“ голову до мозга. Преосвященный опредѣлилъ произвести слѣдствіе, а на время слѣдствія воспретилъ священнику священнодѣйствіе. Слѣдствіе, производившееся, конечно, лицами изъ духовенства-же, выяснило, что голова Ѳедора пробита не попомъ, а попадьёю, да и то не до мозга, а слегка, самъ-же священникъ билъ „топоровымъ обухомъ“ лишь по спинѣ и плечамъ, притомъ не безъ причины, а именно: еще съ 25-го декабря, т. е. съ праздника Рождества Христова, братья Долговы со множествомъ другихъ черкасъ того-же села Тарановки стали собираться близъ попова гумна, чтобы чинить здѣсь зрѣлище, называемое „катель“, для чего таскали съ одонка гумна снопы пшеницы, притомъ-же „по своему овчарному обычаю въ дуду играли и всякія неприличныя чинили шалости“; священникъ неоднократно отсылалъ чинившихъ зрѣлище, но его не слушали, а Ѳедоръ Долговъ, въ отпоръ этому требованію объ удаленіи, ударилъ даже священника дрюкомъ по головѣ; тогда священникъ, купно съ попадьёю своею, и поучилъ бездѣльника: попадьё—тѣмъ самымъ дрюкомъ, которымъ черкашенинъ Ѳедоръ ударилъ попа въ голову и который онъ тотчасъ-же бросилъ, увидавъ кровь на головѣ, а самъ священникъ—„топоровымъ обухомъ“. На основаніи такого дознанія, консисторія приговорила: „братьямъ Долговымъ за дѣланіе зрѣлища и прочихъ неприличныхъ забавъ, а Ѳедору, сверхъ

того, и за бой священника въ кровь и досадительныя ему слова и брань, дабы и другимъ чинить того было неповадно, и прочіе отъ такихъ непотребныхъ шалостей воздерживались и имѣли страхъ и предосторожность, учинить въ консисторіи жестокое плетми наказаніе и затѣмъ отпустить ихъ въ дома; о священникѣ-же Никитѣ, который по прописанному дѣлу виновнымъ не окажется, а находится долгое время въ запрещеніи, относительно разрѣшенія его отъ запрещенія консисторія передаетъ въ полное благоразсмотрѣніе его преосвященства“. Преосвященный-же далъ такую резолюцію: „учинить по сему; а попъ Никита отъ запрещенія разрѣшается, ибо, хотя и оказывается что онъ Ѳедора топорщикомъ билъ, но то сдѣлалъ въ ревности, которая и во всякомъ священникѣ быть должна“. (Замѣчательно, что означенный приговоръ консисторіи и такая резолюція преосвященнаго даны послѣ обычной въ такихъ случаяхъ справки съ церковными правилами, въ которой на первомъ планѣ приведено изъ кормчей книги правило: „Святитель, вѣрнаго или невѣрнаго бивъ, да извержется“, съ слѣдующимъ оттуда-же взятымъ толкованіемъ: „епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, аще бьетъ досадившаго ему вѣрнаго или невѣрнаго, таковой, яко творитъ противно евангельскому закону, повелѣвающему: „аще кто ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую, да извержется, понеже отъ гордости и неудержной ярости нанесе рану на искреннаго“).

Иногда архіереи, присуждая къ наказанію плетми въ консисторіи такихъ преступниковъ, которые, по роду ихъ дѣяній, должны-бы подлежать казни гражданской, выставляли это даже какъ дѣло особаго пастырскаго милосердія, спасавшаго виновныхъ отъ болѣе тяжкаго наказанія.

1748 года, іюня 9-го дня, жители села Шалупковки, черкасы Петръ Зеленскій и Іосифъ Габа, допрошенные сначала, по обвиненію ихъ жительницею того-же села Евфросиніею Оробцевою въ иконоборствѣ и раздробленіи образа на малыя части, въ изюмской полковой канцеляріи, были пересланы потомъ въ консисторію, гдѣ въ распросахъ и на очной ставкѣ показали:

Петръ Зеленскій, приглашенный Габою быть воспріемникомъ его новорожденной дочери, по окончаніи обряда крещенія пировалъ вмѣстѣ съ прочими шалупковскими жителями въ домѣ

Габы; затѣмъ, когда гости разошлись, Зеленскій пригласилъ кума къ себѣ, а въ заключеніе всего, поздно уже вечеромъ, Зеленскій съ женою своею Параскевою и братомъ Корнѣемъ пришелъ опять къ Габѣ; здѣсь, среди пиршества и пріятельской бесѣды, усмотря на стѣнѣ четыре иконы, Зеленскій просилъ кума дать ему одну изъ нихъ „въ подарунокъ“, что Габа и сдѣлалъ. Получивъ икону, Зеленскій положилъ ее на столъ, „препомяная нѣкоего Никона“; вмѣстѣ съ женою своею онъ лилъ на икону пиво и вино, а потомъ онъ, Зеленскій, вынулъ ножъ свой, обстругалъ написанную на ней святость; а когда бывшая тутъ-же воспріемница ребенка Евфросинія Оробцева замѣтила ему, Зеленскому, что онъ худо дѣлаетъ, ударилъ ее иконою по головѣ, а Габа, вырвавъ у него икону изъ рукъ, ударилъ о землю и топталъ ногами, а потомъ оба они покололи икону ножами и разбросали по полу. Всѣ трое: Габа, Зеленскій и его жена заявляли, что все, что дѣлали они съ иконою, учинили не съ иного какого умысла, но будучи въ пребезмѣрномъ пьянствѣ.

Преосвященный (Иоасафъ Горленко) положилъ такую резолюцію:

„Хотя, по силѣ Уложенія и Морскаго устава напечатанныхъ пунктовъ, оные богохульники и ругатели образу Божію Петръ Зеленскій съ женою Параскевою и Іосифъ Габа за таковое учиненное въ противность церковнымъ правиламъ дерзновеніе и подлежали къ гражданскому наказанію; но его преосвященство пастырски милосердуя, дабы паствы его ни одинъ человѣкъ въ такомъ безчестномъ наказаніи не находился и разсуждая, какъ по обстоятельствамъ того дѣла явствуетъ, что они то учинили безъ всякаго противнаго умыслу, отъ своего невѣжества и, яко люди простые, будучи въ безобразномъ пьянствѣ, за таковое ихъ богопротивное дѣйствіе повелѣлъ учинить въ консисторіи жестокое плетми наказаніе и для чистаго покаянія о томъ содѣянномъ ими согрѣшеніи отослать ихъ при указѣ, съ нарочнымъ, въ Святогорскій Успенскій монастырь въ подначальство на два года и содержать въ томъ монастырѣ во всякихъ монастырскихъ тягчайшихъ трудахъ не исходныхъ и въ церковь Божію внутрь не допускать къ слушанію божественной литургіи, а велѣтъ имъ у дверей стоять и слушать божественнаго пѣнія со объявленіемъ

всѣмъ входящимъ въ церковь своего грѣха, такожь божественныхъ тайнъ не сообщать ихъ, кромѣ смертнаго случая, и о томъ въ страхъ прочимъ публиковать указами во всю епархію, которые должны прочитаться въ праздничные дни въ церкви при народѣ... А женку Просковою по объявленію оной сказкою, что она малолѣтнихъ дѣтей имѣетъ, отпустить по наказанію въ домъ. Ноября дня 1748 г.“.

Подобное-же „милосердное“ постановленіе сдѣлано тѣмъ-же преосвященнымъ (отъ 2-го ноября 1749 г.) относительно бѣглыхъ монаховъ харьковскаго Покровскаго монастыря Дорооея и Теофана, пойманныхъ съ фальшивымъ составнымъ паспортомъ: „Хотя означенные монахи, за составленіе себѣ о пропускѣ воровскаго пашпорта, по силѣ Соборнаго Уложенія 4 главы 1 пункта и указа прошлаго года августа 31 дня, и подлежали, по лишеніи монашескаго сана, къ отсылкѣ въ свѣтскій судъ для учиненія гражданскаго наказанія; но его преосвященство, милосердуя о нихъ, пастырски указалъ къ гражданскому наказанію не отсылать, а лиша іеромонашескаго и монашескаго чиновъ, снявъ клобуки, учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и сослать въ ссылку, Дорооея въ Старооскольскій Троицкій, а Теофана въ Вольновскій Троицкій-же монастырь съ тѣмъ, чтобы содержать ихъ въ тѣхъ монастыряхъ въ оковахъ даже до кончины живота ихъ неисходно“.

IV.

„Тѣлесный бой“ считался прекраснымъ средствомъ не только наказанія, но и открытія преступленія. Такъ называемые „пристрастные“ допросы были тогда, какъ извѣстно, обычными приемами слѣдованія съ цѣлю дознанія истины: судъ духовный практиковалъ ихъ едва-ли съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ судъ свѣтскій.

Вотъ характерный образчикъ такого рода допросовъ:

1745 года ноября 19-го дня валковскій намѣстникъ, попъ Дмитрій Григорьевъ, въ харьковское духовное правленіе рапортовалъ: „Октября 18-го дня получено мною отъ харьковскаго духовнаго правленія предложеніе изслѣдовать въ

селѣ Ковегахъ о прижитіи валковскимъ дьячкомъ Наумомъ съ дѣвкою Анною дитяти. По силѣ онаго предложенія, дѣвка Анна заразъ была призвана и о ея грѣхопадении съ кѣмъ и когда спрашивана, и точно на него, дьячка Наума, объявляла, онъ-же весьма запирался; того ради оную дѣвку мало плетями спросилъ, и она въ томъ-же словѣ стояла; потомъ и его, дьячка, подобно-же плетями спросилъ, а онъ наки запирался. А понеже оная дѣвка близко въ родамъ была, то оное слѣдствіе отложено было, покажѣсть родить, что и послѣдовало октября 28-го дня. А сего ноября 18-го дня оная дѣвка призвана и многократно словесно и со всякимъ устрашеніемъ спрашивана и попрежнему на него, дьячка Наума, показывала, дьячекъ-жъ по всякимъ словеснымъ допросамъ запирался, того ради оная дѣвка Анна плетями весьма больно сѣчена, точію она въ томъ-же на дьячка показаніи стояла; того ради и его, дьячка, плетями гораздо спросить надобно было, и онъ дьячекъ какъ предъ сотникомъ, такъ и предъ прочими валковскими священниками въ томъ блудномъ дѣлѣ признался“.

Слѣдователь, по тогдашнему времени, былъ, должно полагать, еще изъ осторожныхъ, такимъ, по крайней мѣрѣ, самъ себя признавалъ: онъ понималъ, гдѣ можно было только „мало спросить плетями“ и гдѣ слѣдовало „сѣчь плетями весьма больно“ или „спросить плетями гораздо“.

V.

Цѣпи, бывшія въ такомъ ходу въ монастыряхъ, протопопскихъ дворахъ и консисторіи, существовали, какъ видно изъ тѣхъ же архивныхъ документовъ, и при приходскихъ церквяхъ (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ) въ распоряженіи мѣстныхъ священниковъ.

Въ 1753 году священникъ соборной Преображенской, въ городѣ Изюмѣ, церкви Иванъ Кудрицкій посадилъ какую-то „волочившуюся“ по городу нищую старуху въ цѣпь при церкви близъ колокольни, въ которой цѣпи старуха, побывъ съ часъ, и умерла; наряжено слѣдствіе, а до разъясненія дѣла священнику запрещено священнодѣйствіе. Слѣдствіе, на основаніи

показанія самого подсудимаго священника, подтвержденнаго показаніями другаго той-же церкви священника и дьячка, дознало слѣдующее: священникъ Иванъ Кудрицкій означенную нищю, таскавшуюся по улицамъ въ пьяномъ видѣ, шумѣвшую съ своею братією нищими и бранившую скверными словами тѣхъ, кто не давалъ ей милостыни, посадилъ для смиренія въ цѣпь, а тутъ незнаемо уже съ чего, стоя въ той цѣпи, опустясь, удавилась, бою-же и никакого наказанія ей чинено не было. Таеъ какъ бою не было, а сажаніе въ цѣпь было въ предѣлахъ права священника, то онъ немедленно - же указомъ преосвященнаго, безъ всякихъ внушеній и предостереженій на будущее время, отъ запрещенія и разрѣшенъ.

Въ 1767 году прихожане села Лихачевки, Краснокутской протопоіи, Николаевской церкви, подали преосвященному на своего приходскаго священника Григорія Малкіевскаго жалобу, въ которой онъ обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что прихожанина Ивана Шаренко жестоко билъ и потомъ, приведя его къ себѣ въ свой поповскій домъ, посадилъ на цѣпь. Священникъ въ свое оправданіе показалъ: видя, что Шаренко, повѣдавшій ему, священнику, на духу одинъ тяжкій грѣхъ, въ покаяніе не приходитъ и съ самаго начала новаго года въ праздничные и воскресные дни, а также и въ четыредесятницу, въ церкви не бывалъ, онъ, священникъ, посылалъ къ нему съ увѣщаніемъ въ домъ дьячка Бондаренко, а когда Шаренко дьячка не послушалъ, то принужденъ былъ самъ, взявъ съ собою того-же дьячка Бондаренко съ товарищами, пойти въ домъ къ Шаренко и безъ всякаго спору звалъ его къ себѣ; когда же онъ не послушалъ, то приказалъ пришедшимъ съ нимъ людямъ взять его, Шаренко, и вести его въ церковь въ цѣпь; а такъ какъ Шаренко въ руки не давался и, защищаясь, сталъ драться, между прочимъ и его, священника, схватилъ за бороду, отъ чего онъ могъ-бы и бороды лишиться, если-бы только догадливый дьячекъ не укусилъ зубами перста у Шаренко, то онъ, священникъ, и приказалъ вести его теперь вмѣсто церкви къ себѣ въ домъ для удобнѣйшей расправы съ нимъ за такое буйство, гдѣ и посадилъ его на цѣпь. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ священникъ также считалъ своимъ правомъ посадить нераскаяннаго грѣшника въ церковную цѣпь, а

потому нужно признать, что „цѣпное смиреніе“ практиковалось и въ приходахъ, служа въ рукахъ священниковъ средствомъ для дисциплинированія ихъ паствы, хотя мы и не имѣемъ обстоятельныхъ свѣдѣній, въ какихъ именно случаяхъ, при какихъ условіяхъ и въ какихъ размѣрахъ пастыри духовные могли, не превышая власти, примѣнять эту мѣру.

Харьковъ.

Профес. Амфіанъ Лебедевъ.

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

VII ¹⁾.

1-е января 1813 г. — Приглашеніе мглинскаго предводителя дворянства; я водворяюсь въ его домѣ. — Выгоды моего положенія. — Чиновникъ, посланный императоромъ Александромъ съ предложеніемъ плѣннымъ вступить въ русскую службу съ сохраненіемъ своего чина. — Самоубійство французскаго плѣннаго. — Посѣщеніе сосѣднихъ помѣщиковъ: Скляревича, Искрицкаго, Ширяя, Рославца и графа Завадовскаго. — Домъ вельможи. — Бронзовая статуя фельдмаршала Румянцева.

Въ одно утро нашъ казакъ приводитъ къ намъ троихъ чиновниковъ, присланныхъ изъ Мглина, вслѣдствіе ежедневныхъ рапортовъ, которыхъ требовали отъ нашего вожатаго. Меня удивило, что они назвали меня по фамиліи, хотя и не говорили по-французски. Съ ними былъ переводчикъ, черезъ котораго они благодарили меня за леченіе казаковъ, потомъ объявили, что страданія наши должны кончиться, такъ какъ императоръ Александръ приказалъ обходиться съ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 450—475, т. LXXII, октябрь, стр. 39 — 60, декабрь, стр. 565 — 586; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 51—58.

нами чelовѣколюбиво и раздать намъ платье и шубы. Нашъ казакъ сталъ неузнаваемъ. Онъ, повидимому, опасался, что мы пожалуемъ на допущенныя имъ жестокости. Чиновники обращались къ нему свысока и какъ-бы съ презрѣнiемъ. Потомъ намъ роздали жалованье серебряною монетою и взяли съ насъ росписку. Пожавъ намъ руки, чиновники удалились. Мы начали надѣяться на облегченiе нашей участи.

Спустя нѣсколько дней, изъ Мглина прiѣхали три плѣнныхъ французскихъ офицера. Одинъ изъ нихъ называлъ себя капитаномъ и адъютантомъ маршала Даву, какимъ-то Дюбиньи. Онъ прiѣхалъ навѣстить нашего маiора, знакомаго ему; однако, этотъ не признавалъ его за адъютанта маршала, такъ какъ онъ зналъ его, напротивъ, простымъ унтеръ-офицеромъ. Тогда этотъ Дюбиньи сталъ увѣрять, что онъ повышенъ чиномъ во время похода, чему, однако, нашъ маiоръ плохо вѣрилъ. Какъ-бы ни было, Дюбиньи объяснилъ, что слыша о плѣнѣ и болѣзни нашего маiора, онъ сговорился съ товарищами и, нанявъ на общiй счетъ сани, они прiѣхали подать ему помощь. Затѣмъ Дюбиньи угостилъ насъ привезеннымъ виномъ, а маiору, къ которому онъ особенно ластился, предложилъ и деньги. Эти прiѣзжiе офицеры сообщили намъ, что въ Мглинѣ находится большое число плѣнныхъ, до пятнадцати офицеровъ, включая сюда и ихъ, и одiнъ полковникъ, что обыватели и, въ особенности, городскiя власти и предводитель дворянства очень хорошо съ ними обращаются.

Посѣщенiе этихъ офицеровъ доставило намъ удовольствiе, подавъ надежду на поправленiе нашихъ обстоятельствъ.

Запасшись черезъ еврея нашего письменными матеріалами, мы каждый принялись за дѣло. Я взялся за продолженiе прерваннаго со дня плѣна дневника, съ помощью моихъ товарищей, которые приносили мнѣ тотъ или другой эпизодъ послѣдняго времени. Полковникъ предался поэзiи и писалъ стихи на героическiя темы изъ нашего похода. Онъ читалъ намъ свои стихи, а я читалъ имъ свой дневникъ. Музыкантъ-кирасиръ услаждалъ насъ искусною игрою на флейтраверсѣ. А въ долгiе зимнiе вечера мы играли или въ карты или въ шахматы. Только маiоръ, да полковой лекарь, по болѣзни, мало участвовали въ нашихъ развлеченияхъ и почти не вставали съ постели. Въ случаѣ недостатка въ чемъ, мы прибѣгали къ услужливости еврея, который снабжалъ насъ желаемымъ. Онъ досталъ мнѣ бѣлье. Была у меня квитанцiя на 500 франковъ, выданная мнѣ нашимъ полковымъ казначеемъ, но въ Россiи она не имѣла никакой цѣны; оставался у меня двойной наполеондоръ,

который я зашилъ въ сукно мундира. Пришлось его размѣнять еврей, который и далъ мнѣ за него старую ассигнацію въ 25 рублей, еще невиданную никѣмъ изъ насъ, и нѣсколько серебряной монеты. Далѣе расскажу исторію этой ассигнаціи.

Спустя двѣ недѣли послѣ перваго посѣщенія, русскіе чиновники изъ Мглина вторично были у насъ. Они привезли намъ тулупы на овечьемъ мѣху и сюртуки толстаго бурога сукна. Платье это было не щегольское, но зато теплое. Отсчитавъ каждому изъ насъ приходящееся по новыи годъ жалованье и взявъ съ насъ росписку, они любезно съ нами раскланялись.

Я навѣщалъ госпиталь ежедневно; число больныхъ между нашими и казаками не убывало. Одинъ изъ нашихъ, въ бреду горячки, вырвался изъ госпиталя и убѣжалъ въ лѣсъ, никакъ не могли его тамъ отыскать, и, вѣроятно, его растерзали волки.

Съ нѣкоторыхъ поръ нашъ хозяинъ, особенно женщины, за что-то не влюбилн насъ; когда готовили намъ обѣдъ и когда мы ѣли, онѣ смотрѣли на насъ съ отвращеніемъ. Между нашимъ поваромъ и ими постоянно бывали ссоры изъ-за посуды. Мы никакъ не могли догадаться о причинѣ этого неудовольствія; но когда увидали, что онѣ перестали ѣсть мясное и молочное, то поняли, что онѣ постились, по обычаю греко-россійской церкви. А такъ какъ мы имъ не подражали и не крестились, какъ онѣ, передъ образами, стоявшими у нихъ въ одномъ углу, то онѣ принимали насъ за нехристей.

Конецъ года былъ близокъ, но какъ у насъ не было календаря, то полковникъ нашъ счелъ всѣ дни со дня нашего плѣна и такимъ образомъ могъ обозначить день, въ который наступитъ новыи годъ.

1-го января 1813 г. мы поздравили другъ друга съ новымъ годомъ. Нашъ старшій сказалъ намъ нѣсколько словъ, которыми старался внушить намъ надежду на лучшее будущее и мужество къ перенесенію настоящаго, какъ требуетъ того наша воинская честь. По его желанію, мы отпраздновали этотъ день болѣе роскошнымъ обѣдомъ. Нашъ еврей, точно догадывался, принесъ намъ замороженную козулю и довольно изряднаго французскаго вина. Мы хотѣли было предложить первый тостъ за здоровіе нашего старшаго; но онъ настоялъ на томъ, чтобъ провозгласить тостъ за здравіе нашего императора. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что и въ жалкой настоящей обстановкѣ: въ русской избѣ, зарытой въ снѣгу, при 30 градусахъ мороза (дѣйствительно, въ этотъ день выйти нельзя было на улицу, по причинѣ сильной стужи), подъ

казацкимъ гнетомъ, мы въ новый годъ вспомнили о нашемъ императорѣ и пожелали ему здравія. Наши хозяева смотрѣли на насъ и удивлялись, не понимая, чему мы такъ восторгаемся. Изъ зрителей мы сдѣлали ихъ участниками нашихъ возліяній, и подѣлились съ ними нашимъ виномъ. Они не отказывались и, крестясь, выпивали подносимое. Сколько воспоминаній толпилось въ моей головѣ, по случаю этого дня новаго года!

Ровно годъ тому, я въ этотъ день ходилъ по паркету тюльерійскаго дворца, гдѣ окружало меня императорское великолѣпіе, какъ я описалъ это въ началѣ моего дневника ¹⁾. Нынче-же сижу съ товарищами въ жалкой избѣ, подъ одною кровлею съ русскими рабами и сплю на соломѣ. Вотъ какъ измѣняется судьба человека, а между тѣмъ, послѣ зрѣлища гибели нашихъ братьевъ, мы могли еще почитать себя счастливыми.

Спустя нѣсколько дней, начался колокольный звонъ, не переставая ни днемъ, ни ночью. Нашъ полковникъ, имѣвшій нѣкоторое понятіе о русскомъ богослуженіи и ихъ календарѣ, объяснилъ намъ, что теперь у русскихъ празднуется Рождество Христово. Наши хозяева, принарядившись, ушли въ церковь, а возвратились оттуда со свѣчами; потомъ сѣли за столъ и ѣли рыбу. Передъ образомъ засвѣтили лампадку. Недѣли двѣ спустя, вошелъ къ намъ священникъ для освященія избы святою водою. Онъ далъ хозяевамъ поцѣловать крестъ, который несъ въ рукѣ, и окроплялъ и ихъ и стѣны водою. На насъ онъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на нехристей. Потомъ мѣломъ чертилъ крестики на дверяхъ и окнахъ. Крестьяне провожали священника съ низкими поклонами. Съ тѣхъ поръ, что постъ кончился, наши хозяева опять стали жить съ нами въ согласіи.

10-го января къ дверямъ нашей избы подѣхали щегольскія сани, запряженные четверкою красивыхъ лошадей; вслѣдъ за тѣмъ вошелъ прилично одѣтый слуга и вручилъ намъ записку слѣдующаго содержанія на французскомъ языкѣ: „Покорнѣйше просятъ французскаго доктора пожаловать въ Мглинъ, для подаванія помощи заболѣвшему вчера брату предводителя дворянства, г. Скорупа“.

Я скоро былъ готовъ и сталъ прощаться съ моими товарищами. Подобно мнѣ, они воображали, что я ѣду къ одному изъ первыхъ сановниковъ въ имперіи ²⁾, у котораго я могу выпросить для насъ

¹⁾ Часть „Дневника“ де-ла-Флиза—до вступленія автора его въ Россію—нами опущена. Ред.

²⁾ Предводитель на французскомъ: *maréchal*—отсюда заблужденіе французовъ. Прим. перев.

улучшеніе нашего положенія. Особенно хотѣлось имъ быть переведенными въ городъ. Словомъ, въ ихъ глазахъ я былъ Іосифъ, покидающій товарищей своего заключенія, чтобы предстать предъ Фараона.

На дворѣ гудѣла вьюга при сильномъ морозѣ. Товарищи вышли проводить меня до саней, и, желая мнѣ счастливаго пути, позабывали моей долѣ. Ямщикъ далъ волю лошадямъ и онѣ пустились вскачь, звеня привязаннымъ къ дугѣ колокольчикомъ. Мнѣ казалось, я лечу на облакахъ, такъ лошади обдавали меня снѣгомъ. Закутанный въ тулупъ, я не ощущалъ стужи, и почти внезапно очутился въ городѣ, котораго не могъ ранѣе замѣтить, по причинѣ мятели.

Мглинъ, хотя и уѣздный городъ, однако, такъ плохо обстроено, что скорѣе походитъ на деревню. Проѣхавъ его вдоль, остановились передъ довольно красивымъ деревяннымъ домомъ. Я вышелъ изъ саней и удивлялся, что не вижу у крыльца часовыхъ, которые обыкновенно ставятся у входа въ домъ маршала. Вхожу, меня встрѣчаетъ дворецкій и провожаетъ черезъ гостиную въ комнату, гдѣ представляетъ меня хозяину дома, мужчинѣ тридцати пяти лѣтъ, высокаго роста и благородной наружности, но одѣтаго въ черный фракъ. Поклонившись мнѣ, онъ повторилъ сказанное въ запискѣ, что звалъ меня для брата, и затѣмъ повелъ меня къ нему въ другую комнату. Оба говорили немного по-французски, такъ что мы понимали другъ друга. Я нашелъ въ больномъ легкое недоровье и потому обѣщалъ ему скорое выздоровленіе, съ помощью средствъ, которыя пропишу. Тутъ я узналъ также настоящее званіе господина, у котораго я находился; онъ былъ не болѣе, какъ уѣздный предводитель дворянства,—должность, равняющаяся должности подпрефекта во Франціи. Какъ начальникъ надъ всѣми плѣнными, находившимися въ Мглинѣ, онъ показалъ себя добрымъ человѣкомъ. По его приказанію были сдѣланы всѣ полезныя распоряженія относительно плѣнныхъ.

Послѣ осмотра мною больнаго, г. Скуруна повелъ меня въ свой кабинетъ и предложилъ трубку. Лакей подаль мнѣ длинный чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ. Хозяинъ мой много распрашивалъ меня о Наполеонѣ и о нашемъ отступленіи; говорилъ, что сочувствуетъ французамъ, и ко мнѣ имѣеть такую симпатію, что желалъ-бы оставить меня на житье у себя въ домѣ, и тотчасъ-же повелъ меня въ комнату, которую хотѣлъ уступить мнѣ. Отъ такого приема я точно ожилъ. Вскорѣ наѣхали гости: чиновники, подчиненные предводителю, люди приличные, и городничій — старый

гусарскій маіоръ, въ мундирѣ и съ саблею, человекъ честный, внимательный и добрый къ плѣннымъ. Затѣмъ явились двое изъ нашихъ товарищей: одинъ поручикъ, а другой тотъ-же Дюбиньи, что прїѣзжалъ къ намъ въ деревню. Оба были приняты предводителемъ съ учтивостью. Вскорѣ дворецкій доложилъ объ обѣдѣ. Общество направилось въ столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ, уставленный серебрянымъ сервизомъ. За столомъ служило нѣсколько слугъ и четыре мальчика казачка. Послѣ обѣда розданы были трубки, а хозяинъ съ городничимъ и двумя нашими офицерами сѣли играть въ бостонъ. Я, какъ неиграющій, ушелъ къ моему больному и провелъ съ нимъ вечеръ. Этотъ человекъ принадлежалъ къ хорошему обществу и бесѣда съ нимъ была для меня пріятна. Подали чай, потомъ довольно поздно ужинали, послѣ чего я пошелъ къ себѣ.

На другое утро, когда я, проснувшись, увидалъ себя въ хорошенькой комнатѣ, мнѣ показалось это сномъ и я хотѣлъ снова заснуть. Дворецкій принесъ мнѣ въ комнату чай и кофе и оказывалъ мнѣ большое почтеніе. Мой больной пожелалъ меня видѣть и объявилъ мнѣ, что лекарство мое ему помогло. Я очень былъ этому радъ, потому что расположеніе обоихъ братьевъ было для меня важно. Они объявили мнѣ, что отнынѣ я принадлежу имъ и что я буду жить у нихъ, какъ родной. Такъ я и поселился въ ихъ домѣ.

Каждый день предводитель принималъ гостей; въ ихъ числѣ были и наши офицеры. Вечеру играли въ карты.

Нѣсколько дней послѣ моего прїѣзда, въ одно утро къ предводителю приводятъ нашего вожатаго казака арестованнымъ. Предводитель, по прочтеніи принесенныхъ казакомъ бумагъ, сталъ ему что-то строго выговаривать, послѣ чего велѣлъ снова отвести его. По уходѣ казака, предводитель рассказалъ мнѣ, что одинъ генералъ (вѣроятно, тотъ самый, которому я былъ представленъ по взятіи меня въ плѣнъ) отправилъ съ казакомъ, для передачи, въ Мглинъ 326 человекъ французскихъ плѣнныхъ, а приведено только 130; что до него дошли слухи о жестокостяхъ, допущенныхъ казакомъ, что ему, предводителю, предстоитъ довести о томъ до свѣдѣнія императора, и что этого казака подвергнуть военному суду. Разспросивъ меня еще обо всѣхъ видѣнныхъ мною случаяхъ, во время слѣдованія нашего въ Мглинъ, предводитель въ гнѣвѣ ударилъ по столу:

— „Этого варвара разстрѣляютъ, говорилъ онъ, онъ обезчестилъ русское имя, его надо примѣрно наказать за то, что онъ осмѣ-

лился послушаться строгаго приказанія императора Александра, стараться всѣми силами спасти какъ можно болѣе плѣнныхъ“.

Помня обѣщаніе, данное моимъ товарищамъ въ деревнѣ, и видя доброе расположеніе къ намъ предводителя, я рѣшился сказать ему о печальномъ ихъ положеніи въ ихъ настоящемъ мѣстопробываніи. Я изобразилъ ему благородный характеръ нашего полковника Бретона; сказалъ о музыкальномъ талантѣ нашего кирасира Баратье. Предводитель согласился вызвать ихъ изъ деревни: призвалъ городничаго и поручилъ ему приготовить въ городѣ квартиры, и затѣмъ привести сюда нашихъ.

Предводитель каждый день приглашалъ кого-нибудь изъ плѣнныхъ къ столу. Между ними были четыре испанца; къ сожалѣнію, никто не умѣлъ говорить на ихъ языкѣ. На другое утро пріѣхали и наши четыре офицера; во главѣ ихъ нашъ полковникъ со звѣздой почетнаго легіона и толстымъ эполетомъ, который онъ не надѣвалъ, пока находился между казаками; а нашъ кирасиръ съ серебряными эполетами. Ихъ приняли радушно и посадили за столъ. Вниманіе, оказываемое хозяиномъ, приводило въ восторгъ нашихъ офицеровъ. Послѣ обѣда предводитель попросилъ капитана сыграть что-нибудь на своемъ инструментѣ. Игра его чрезвычайно понравилась, и предводитель увѣрялъ, что если-бы капитану вздумалось давать въ Россіи концерты, то онъ могъ-бы отъ нихъ разбогатѣть. Въ свою очередь, угостилъ насъ хозяинъ спектаклемъ. Казачки его отлично плясали казачка. По его приказанію, они вышли въ залу въ богатыхъ костюмахъ и красныхъ сапогахъ, съ гитарами въ рукахъ и, акомпанируя себѣ, начали исполнять танецъ съ такимъ совершенствомъ и граціею, что и на парижской сценѣ они заслужили-бы аплодисменты. Этотъ образчикъ русской хореографіи изумилъ насъ.

Понадобилось мнѣ развѣнять мою 25-ти - рублевую ассигнацію, данную мнѣ евреемъ. Не зная настоящей ея цѣны и опасаясь быть обманутымъ, я предпочелъ справиться у самого предводителя. Каково-же было мое удивленіе, когда онъ, разсмотрѣвъ ее, призналъ ее фальшивою. Онъ разсказалъ мнѣ при этомъ, что французовъ обвиняютъ въ привозѣ въ Россію большаго количества подѣльныхъ ассигнацій, и прибавилъ, что дѣло изъ этого выйдетъ важное, если я не сумѣю указать лицо, отъ котораго эта ассигнація перешла въ мои руки. Я назвалъ еврея, давшаго мнѣ ассигнацію при свидѣтеляхъ. Предводитель взялъ ее у меня, призвалъ городничаго и велѣлъ ему, арестовавъ жида, немедленно привести его къ нему. Все это было исполнено такъ быстро, что черезъ два часа полицейскіе привели уже еврея. Сначала онъ отперся

отъ дачи мнѣ этой бумаги, но я сказалъ, что свидѣтелемъ былъ также хозяинъ избы, въ которой мы жили. Предводитель велѣлъ продержатъ еврея въ тюрьмѣ до другаго утра, а между тѣмъ позвали и крестьянина нашего. Этотъ показалъ, что ассигнація ему знакома, такъ какъ при немъ въ гостинницѣ еврея многіе отказывались принять эту бумажку. Товарищи мои и я утверждали, что это была первая ассигнація этого достоинства, которая попалась намъ на глаза. Призвали попа и заставили крестьянина подъ присягою подтвердить, что онъ говоритъ правду. Еврей смутился и общалъ обнаружить отъ кого досталась ему ассигнація; между тѣмъ, его отвели въ тюрьму.

Оставшись наединѣ со мною, предводитель объяснилъ мнѣ важность этого дѣла, что оно пахнетъ Сибирью. Взамѣнъ фальшивой бумажки онъ далъ мнѣ новую. Я не зналъ, какъ довольно благодарить его, особенно за то, что онъ избавилъ меня отъ отвѣтственности, которой я непременно подвергся-бы, если-бы не указалъ на еврея. Этотъ случай утвердилъ меня въ мнѣніи о жидлахъ, которые вездѣ одинаково мошенничаютъ.

Прошло нѣсколько недѣль моего пребыванія у предводителя, когда изъ Петербурга пріѣхалъ чиновникъ съ порученіемъ отъ императора Александра, и остановился въ домѣ предводителя. Чиновникъ этотъ былъ невысокаго роста господинъ, въ шитомъ мундирѣ и съ орденами. Онъ отлично говорилъ по-французски. По его приказанію, собраны были въ залу всѣ плѣнные; ставъ посреди насъ, онъ объявилъ намъ, что присланъ его величествомъ съ предложеніемъ плѣннымъ вступить въ русскую службу, такъ что тотъ, кто на это согласенъ будетъ, сохранить въ новой службѣ и чинъ свой; потомъ прочелъ намъ указъ, по которому каждому офицеру предоставлялось право продолжать прежній родъ службы, по пѣхотѣ-ли, по кавалеріи или по артиллеріи.

За чтеніемъ этого указа послѣдовало общее молчаніе. Никто изъ насъ не отвѣчалъ. Заключая изъ этого, что предложеніе не принимается никѣмъ изъ плѣнныхъ, нашъ полковникъ, обращаясь къ чиновнику, началъ такъ: „Много чести оказываетъ намъ его величество, считая насъ достойными служить ему. Но честь воспрещаетъ намъ нарушать присягу, данную императору Наполеону. Мы останемся вѣчно благодарны вашему государю за его попеченія о плѣнныхъ. Когда миръ позволитъ намъ возвратиться въ наше отечество, мы поставимъ себѣ за долгъ объявлять во всеуслышаніе о человѣколюбіи императора Александра въ отношеніи къ плѣннымъ. Если мы и пострадали отъ жестокостей нерегулярнаго войска, то

онѣ не остались безъ возмездія, и виновники ихъ были наказаны какъ убійцы ¹⁾. Зато, когда мы встрѣчались съ истинными воинами, они насъ жалѣли какъ братьевъ, и не признавали насъ за враговъ“.

Потомъ чиновникъ подозвалъ испанцевъ и сообщилъ имъ на ихъ языкѣ, что они свободны, что, по повелѣнію императора, ихъ отвезутъ въ Петербургъ, откуда они, когда будетъ возможность, могутъ отправиться на кораблѣ въ свое отечество. Чиновникъ просилъ предводителя распорядиться о заготовленіи имъ новыхъ испанскихъ мундировъ, о награжденіи каждого пятьюстами рублей, о покупкѣ экипажей для дороги и, наконецъ, о назначеніи чиновниковъ, которые должны сопутствовать испанцевъ и привезти ихъ прямо во дворецъ императора. Испанцы пришли въ восторгъ и со слезами на глазахъ готовы были цѣловать руки чиновника. Наши офицеры собирались уйти, но предводитель удержалъ ихъ, приглашая отобѣдать у него. Столъ былъ приготовленъ на тридцать приборовъ.

Кажется, что хозяинъ нашъ, да и пріѣзжій чиновникъ уважили наше нежеланіе служить противъ нашего отечества, равно и вѣрность нашу къ нашему государю. Нѣсколько дней спустя, мы увидѣли, какъ уѣхали испанцы въ новыхъ дорожныхъ экипажахъ, въ сопровожденіи русскихъ чиновниковъ.

Зима была на исходѣ; сани исчезли и ихъ замѣнили колесные экипажи. Наши плѣнные, просидѣвъ столько времени взаперти, стали выходить гулять по улицамъ. Но дѣти изъ простаго народа позволяли себѣ ругаться надъ ними и преслѣдовали ихъ словами: „французъ-капутъ“ (François karout). Узнавъ о томъ, городничій велѣлъ наказать этихъ ребятъ, и если мглинское простонародье не любило насъ, то, по крайней мѣрѣ, прекратило свои оскорбленія.

Въ одно утро предводитель вошелъ ко мнѣ въ комнату и сталъ приглашать ѣхать съ нимъ по всѣмъ офицерамъ нашимъ. Мы сѣли въ коляску, а впереди насъ ѣхалъ верхомъ полицейскій солдатъ и авозилъ насъ въ каждую квартиру. Первый нашъ визитъ былъ къ полковнику. Послѣ обычныхъ взаимныхъ учтивостей, предводитель предложилъ ему, не согласится-ли онъ переѣхать на житье къ одному знакомому ему знатному госнодину, гдѣ ему будетъ оказано большое уваженіе. Онъ прибавилъ, что сдѣлаеть подобное-же предложеніе и другимъ офицерамъ, потому что въ тѣсномъ

¹⁾ Предводитель говорилъ намъ, что императоръ велѣлъ наказать нашего казака-офицера какъ убійцу.

городѣ невозможно пріискать для всѣхъ хорошія квартиры. Полковникъ благодарилъ и принялъ предложеніе. Не смотря на вѣжливое обхожденіе предводителя, я замѣтилъ въ немъ въ отношеніи къ полковнику какую-то холодность. Я не смѣлъ спросить его о причинѣ, но, когда мы поѣхали дальше, онъ самъ признался въ своей антипатіи къ этому военному. Онъ говорилъ, что читалъ въ какомъ-то французскомъ сочиненіи, что членъ конвента, по имени Эскюдье, какъ назывался и полковникъ, подалъ голосъ о казни Людовика XVI и, по его мнѣнію, это долженъ быть тотъ самый, такъ какъ ему было за пятьдесятъ лѣтъ. Я не могъ ни опровергнуть, ни подтвердить этой догадки; можетъ быть, она и справедлива. Предводитель добавилъ, что, по его чувствамъ, человѣкъ, виновный въ смерти своего государя, внушаетъ ему омерзеніе, хотя и нѣтъ надобности тутъ выказывать это чувство. Далѣе поѣхали мы къ маіору Бретону. Къ этому предводитель имѣлъ особое уваженіе. И ему онъ сдѣлалъ предложеніе переѣхать къ помѣщику, который желалъ-бы дать его въ товарищи его единственному сыну. Это предложеніе было принято съ большою благодарностью. Такимъ образомъ, объѣхавъ и прочихъ офицеровъ, предводитель всѣмъ изъ нихъ дѣлалъ предложеніе переѣхать на житье къ уѣзднымъ помѣщикамъ, въ томъ числѣ и мнимому капитану Дюбиньи, къ которому предводитель, неизвѣстно почему, имѣлъ особое расположеніе. Дюбиньи долженъ былъ ѣхать къ помѣщику Скляревичу, превосходнѣйшему человѣку; но ему не суждено было выйти изъ Мглина.

Съ тѣхъ поръ, что погода стала хороша, наши французы по цѣлымъ днямъ разгуливали по городу. При этомъ солдаты вздумали не кланяться офицерамъ, говоря, что въ плѣну всѣ равны, нѣтъ военной подчиненности. Только одинъ Дюбиньи пожаловался на нихъ предводителю, который, по извѣстной въ Россіи военной дисциплинѣ, согласился съ нимъ и отдалъ приказаніе, чтобы солдаты непременно отдавали офицерамъ честь при встрѣчѣ съ ними. Случилось Дюбиньи встрѣтить двухъ солдатъ, которые прошли, не кланяясь; держа въ рукѣ трость, онъ съ сердцовъ побилъ ихъ. Солдаты, долго не думая, вырвали у него изъ рукъ трость и самого побили, говоря при этомъ, что они его знаютъ, что онъ не болѣе какъ унтеръ-офицеръ, которому они не обязаны кланяться. Это происшествіе разгласилось; стали наводить справки и онъ открылъ, что Дюбиньи сержантъ, служившій писаремъ въ канцеляріи маршала Даву. Не зная о томъ, мы, конечно, признавали его за того, за кого онъ выдавалъ себя, хотя теперь и объяснялось, почему

Дюбиньи такъ ужаживалъ за маіоромъ: онъ хотѣлъ своими услугами склонить его къ признанію его офицеромъ. Побитые солдаты пошли всюду разглашать, что Дюбиньи не офицеръ, такъ что жившій съ нимъ на одной квартирѣ поручикъ выгналъ его отъ себя, говоря, что онъ можетъ раздѣлять свое помѣщеніе только съ равнымъ себѣ. Эти слова привели Дюбиньи въ отчаяніе. Укладывая свои вещи въ чемоданъ, онъ вынулъ бритву и порѣзалъ свое горло такъ, что залился кровью, прежде нежели офицеръ успѣлъ это замѣтить. Призвали городничаго, и съ перваго взгляда казалось, будто поручикъ вслѣдствіе ссоры зарѣзалъ Дюбиньи, но какъ этотъ еще въ силахъ былъ сказать нѣсколько словъ, то онъ объявилъ, что убилъ себя самъ, и спустя нѣсколько часовъ, умеръ. Это событіе насъ огорчило, и самъ предводитель пожалѣлъ о Дюбиньи, который съумѣлъ ему понравиться, такъ что не проходило дня, чтобы онъ не позвалъ его поиграть съ нимъ въ бостонъ.

Едва Дюбиньи скончался, какъ пришли доложить предводителю, что въ прудѣ у мельницы нашли утонувшаго француза, и именно того солдата, который служилъ покойному Дюбиньи и съ которымъ этотъ поссорился изъ-за подозрѣнія, что онъ самозванный офицеръ. Ссорясь, они вышли изъ квартиры и направились къ мельницѣ, гдѣ между ними произошла драка, послѣ чего Дюбиньи сбросилъ солдата въ воду. Мельникъ, свидѣтель этого случая, опасаясь за себя, спрятался и не хотѣлъ дать знать полиціи. Выслушавъ это донесеніе, предводитель отправился на мѣсто происшествія, взявъ меня съ собою для освидѣтельствованія трупа утопленника. Оказались дѣйствительно слѣды ушибовъ въ голову. Предводитель не сомнѣвался, что несчастный погибъ насильственною смертью отъ руки того, кому онъ служилъ, и поэтому нашелъ, что послѣ этого преступленія Дюбиньи только и оставалось что зарѣзаться. „А я почиталъ его за честнаго воина, прибавилъ предводитель, впрочемъ, не слѣдуетъ довѣрять ржжмъ, какимъ былъ Дюбиньи“.

Вскорѣ всѣ офицеры были развезены по помѣщикамъ, у которыхъ они пользовались всѣми удобствами жизни и вниманіемъ окружающихъ.

Къ концу марта мѣсяца 1813 г., братъ предводителя, который давно уже выздоровѣлъ и нѣсколько разъ уѣзжалъ въ свою деревню Молодково, въ десяти верстахъ отъ Мглина, пріѣхалъ оттуда съ извѣстіемъ, что въ его деревнѣ между крестьянами распространился тифъ, отъ котораго многіе умираютъ, и просилъ брата отпустить меня съ нимъ для леченія больныхъ. Предводитель согласился, тѣмъ болѣе, что самъ имѣлъ надобность ѣхать въ свою

деревню Алефино, въ сорока верстахъ оттуда, въ Стародубскомъ уѣздѣ.

На другое утро подали двѣ коляски. Предводитель уѣхалъ въ одну сторону, а мы — въ другую. Путь нашъ лежалъ по большой дорогѣ, по которой мы пришли въ Мглинъ, и на всемъ пространствѣ были разсѣяны объѣденные волками и собаками трупы нашихъ солдатъ. Впрочемъ, какъ говорилъ 'корупа, крестьянамъ приказано было около его деревни вырыть большую яму для погребенія остатковъ несчастнаго народа; а надъ могилою онъ хотѣлъ поставить крестъ. „Французы—христiane, говорилъ онъ, поэтому нельзя ихъ погребать какъ скотовъ. Но наши крестьяне, продолжалъ онъ, еще грубы и невѣжественны; они увѣрены, что кто не русскій, тотъ нехристъ и называютъ нѣмцами (т. е. нѣмыми) всѣхъ иностранцевъ безъ разбора, въ особенности нашихъ сосѣдей германцевъ, и вотъ чему надо приписать ихъ жестокость въ отношеніи къ французамъ. Крестьяне, входящіе въ составъ войска, обыкновенно выбираются помѣщиками изъ самыхъ негодныхъ людей, часто даже преступныхъ; вотъ почему необходимо держать ихъ въ строжайшей дисциплинѣ. Благодаря ей, регулярныя войска не виновны въ такихъ жестокостяхъ, какія позволили себѣ наскоро набранные и вооруженные люди, съ ихъ импровизованными офицерами, не имѣющими понятія о воинской чести“.

Вдучи далѣе, мы встрѣтили телѣги, нагруженные трупами и направлявшіяся къ ямѣ, куда надлежало ихъ зарыть. Зловоніе и самый видъ этихъ труповъ заставляли г. Скорупу затыкать носъ и отворачивать глаза; впрочемъ, онъ приказалъ гнать лошадей сколько возможно, чтобы намъ оставить позади себя эту ужасную процессію.

Проѣхавъ еще большой сосновый лѣсъ, мы прибыли въ Молодково, за которымъ находился деревенскій господскій домъ. Жилище это было скромное по наружности и не обширное. Къ нему примыкали службы, образовавшія большой дворъ. Больные, числомъ двадцать человекъ, помѣщались въ большой избѣ со свѣтлыми окнами, вблизи винокуреннаго завода. Я тотчасъ-же навѣстилъ ихъ и прописалъ лекарства, которыя были со мною. Миѣ помогалъ фельдшеръ изъ евреевъ. Однако, нѣсколько больныхъ такъ ужъ были худы, что они умерли, спустя нѣсколько часовъ. Недѣли черезъ двѣ, мало-по-малу выздоровѣли остальные.

Насталъ великій постъ, который г. Скорупа наблюдалъ довольно исправно; но какъ ему извѣстно было, что французскіе военные люди издавна освобождены отъ поста, то онъ приказалъ приго-

товлять для меня особый столъ. Вообще, подобно брату своему, онъ оказывалъ мнѣ много добраго расположенія. Не взирая на нашу уединенную жизнь, такъ какъ никто не заѣзжалъ въ нашу лѣсную глушь, мы прогоняли скуку въ разговорахъ, иногда очень занимательныхъ, и засиживались въ этой бесѣдѣ часто до глубокой ночи. Видя въ усадьбѣ большую стаю гончихъ собакъ и замѣтивъ въ одной изъ комнатъ большое собраніе ружей, я догадался, что хозяинъ мой—охотникъ. Въ одно утро онъ предложилъ мнѣ сопровождать его на охоту съ борзыми собаками, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Насъ провожали егеря въ зеленыхъ кафтаныхъ, державшіе на сворѣ гончихъ и борзыхъ собакъ. Приѣхали въ лѣсъ, въ которомъ довольно большое пространство было обтянуто сѣтью. Мы остановились на опушкѣ лѣса. Вскорѣ лѣсъ огласился шумомъ множества голосовъ: это крестьяне съ крикомъ сгоняли звѣря въ сѣть. Егеря и я заняли мѣста противъ лѣса въ ожиданіи звѣря. Вдругъ изъ лѣса выскакиваютъ два волка; тотчасъ-же на нихъ спустили двухъ борзыхъ, и вслѣдъ за ними поскакали и егеря; я за ними. Послѣ долгой скачки во весь духъ черезъ вспаханные поля, мы прискакали къ мѣсту, гдѣ собаки, нагнавъ волковъ, начали терзать ихъ. Отогнавъ плетью собакъ, егеря спѣшились и добила волковъ своими охотничьими ножами, потомъ отрубили у нихъ лапы и бросили собакамъ. Послѣ этой удачи, мы возвратились въ лѣсъ, гдѣ встрѣтили нѣсколько зайцевъ, удиравшихъ въ поле; за ними снова погнались, и троихъ изъ нихъ собаки поймали; отобравъ ихъ у собакъ, егеря привѣсили зайцевъ къ сѣдлу и воротились къ намъ. Звуками рожка созвали всѣхъ, и людей и собакъ, и собрались было ѣхать во-свояси, какъ пришли крестьяне объявить, что они видѣли въ лѣсу человѣческой трупъ, объѣденный волками. Г. Скорупа изъявилъ желаніе убѣдиться въ находкѣ самому, и мы воротились въ лѣсъ. Тутъ вскорѣ насъ привели къ болоту, гдѣ увидали только верхнюю часть человѣческаго трупа съ оторванными руками и обезображеннымъ лицомъ. Только по короткимъ волосамъ можно было догадаться, что это останки француза. Мы были поражены. Трудно было объяснить, здѣсь-ли именно попался несчастный въ добычу волкамъ или волки занесли сюда трупъ съ большой дороги, что было вѣроятнѣе, такъ какъ едва-ли кто-либо изъ нашихъ отважился-бы углубляться въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ никакой дороги. Сколько такихъ бѣдственныхъ случаевъ, никому невѣдомыхъ, выпали на долю нашимъ бѣднымъ воинамъ! Г. Скорупа приказалъ своимъ людямъ и этотъ трупъ свезти въ общую могилу прежде зарытыхъ труповъ.

Приближаясь на обратномъ пути къ деревнѣ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ еще одного грустнаго зрѣлища. Повернувъ на проселочную дорогу, г. Скорупа остановился передъ кабакомъ, съ намѣреніемъ приказать раздать водку крестьянамъ, сопровождавшимъ насъ на охотѣ. У входа въ кабакъ я замѣтилъ валявшимися два человѣческихъ черепа. Я обратилъ на нихъ вниманіе г. Скорупа, который призвалъ кабатчика и велѣлъ ему объяснить, что значать эти черепа. Онъ разсказалъ, что разъ зимою, ночью, въ кабакъ постучались два солдата нѣмца (т. е. иностранцы), а люди, сидѣвшіе въ кабакѣ, убили ихъ; тѣла волки съѣли, а остались однѣ головы. Я замѣтилъ, что разсказчикъ при этомъ ухмылялся. Г. Скорупа передалъ мнѣ этотъ разсказъ, повторяя, что русскіе крестьяне по большей части еще свирѣпы. И эти головы онъ велѣлъ зарыть въ извѣстную общую могилу жертвъ варварства нецивилизованнаго народа.

Спустя нѣсколько дней, г. Скорупа повелъ меня къ возвышенію, сдѣланному надъ могильною ямою, чтобы отслужить панихиду по усопшимъ. Г. Скорупа говорилъ, что священникъ не хотѣлъ было служить панихиды по нехристіямъ, но серіозно не смѣлъ отказать въ этомъ. Поступокъ г. Скорупа обнаруживалъ въ немъ человѣка религіознаго, но не фанатика, и я радовался знакомству и дружбѣ такого благороднаго человѣка.

Постъ подходилъ къ концу; наступала Пасха. Въ страстную субботу г. Скорупа повелъ меня въ деревенскую церковь, гдѣ я впервые увидѣлъ грекороссійское богослуженіе. Церковь была деревянная и маленькая съ отдѣльною колокольнею. Мы стали на возвышенное мѣсто за рѣшеткою, которая отдѣляла насъ отъ толпы крестьянъ, наполнявшей середину церкви. Всѣ держали въ рукѣ по зажженной свѣчкѣ. Священникъ въ парчевой ризѣ началъ служеніе обще съ діакономъ, читая молитвы и безпрестанно крестясь, чему подражали и молящіеся. Нѣсколько часовъ сряду читали евангеліе, съ перерывами, послѣ которыхъ, я замѣтилъ, каждый прилѣплялъ къ зажженной свѣчѣ восковый шарикъ, ведя такимъ образомъ счетъ прочитаннымъ евангеліямъ. Въ полночь загудѣли колокола, возвѣщая воскресеніе Христово. Къ намъ подошелъ священникъ и сталъ цѣловать насъ по три раза, говоря: „Христось воскресъ!“, на что слѣдовало отвѣчать: „воистину воскресъ!“

На другое утро рано г. Скорупа разбудилъ меня, зови въ церковь. Мы поѣхали, ради торжества, въ коляскѣ шестерней,—нужды нѣтъ, что церковь находилась не далѣе нѣсколькихъ сажень. Отстоявъ обѣдню, продолжавшуюся два часа, какъ всѣ вообще

богослуженія у русскихъ очень продолжительны, мы возвратились домой. Здѣсь въ залѣ накрытъ былъ большой столъ со всякаго рода съѣстнымъ. Пришелъ священникъ, прочиталъ молитвы и окропилъ столъ святою водою.

Къ столу приглашены были управляющій имѣніемъ, полякъ, и еще разные приказчики. Хозяинъ началъ цѣлованіе съ меня, поднося мнѣ крашенныя яйца, и потомъ съ тѣмъ-же цѣлованіемъ обошелъ каждого, не исключая и слугъ. Потомъ стали разгавливаться всякимъ скоромнымъ кушаньемъ, запрещеннымъ во время поста.

Послѣ праздниковъ Пасхи, г. Скорупа намѣревался навѣстить нѣсколькихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и предложилъ мнѣ сопутствовать ему, отъ чего я не отказался. Онъ предупредилъ меня, что мы пробудемъ въ отсутствіи около двухъ недѣль и что первый нашъ визитъ будетъ къ г. Складевичу, съ которымъ я познакомился въ Мглинѣ у предводителя. Этотъ господинъ въ то время оказывалъ мнѣ много расположенія и звалъ меня къ себѣ въ деревню.

Въ прекрасное весеннее утро сѣли мы въ коляску шестерней и, проѣхавъ двадцать верстъ деревнями и березовыми рощами, прибыли въ Костеничи къ г. Складевичу, который поблагодарилъ своего гостя за то, что онъ и меня привезъ. Это былъ средняго роста мужчина 40 лѣтъ, пріятной наружности и очень полный. У него было пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему шель 14-й годъ. Небольшой его домъ былъ хорошо расположенъ и комнаты меблированы со вкусомъ. Напротивъ былъ домъ, предназначенный для пребыванія гостей. Я нашелъ здѣсь и нашего маіора Ландрена, котораго хозяинъ принялъ на мѣсто Дюбиньи. Наѣхали сосѣди, между прочими, два господина Лишины, съ которыми я познакомился. Вообще всѣ оказывали мнѣ учтивость и радушіе, забывая, что я иностранецъ и бывшій непріятель. Обѣдъ былъ не роскошный, но вкусный, особенно хороши показались мнѣ національные ликеры. Послѣ обѣда гуляли въ обширномъ саду, богатомъ всякаго рода фруктовыми деревьями, яблоками, грушами, сливами и вишнями. Я не думалъ, чтобы они могли выдержать мѣстный климатъ. Послѣ прогулки, всѣ сѣли за игру въ бостонъ. Я остался наединѣ съ маіоромъ. Мы поговорили о Дюбиньи, и маіоръ не сомнѣвался, что это онъ убилъ солдата, такъ какъ онъ грозилъ ему этимъ, если онъ проговорится насчетъ его настоящаго званія. Слѣдовательно, если-бы онъ самъ не зарѣзался, то его разстрѣляли-бы. Игра въ карты продолжалась до глубокой ночи. Послѣ ужина, хозяинъ самъ повелъ гостей въ ихъ комнаты. Мы пробыли

у него двое сутокъ и все время эти господа только и дѣлали, что играли въ карты.

Отсюда мы отправились въ имѣніе Ляличъ къ графу Заводовскому. Съ нами поѣхалъ и одинъ изъ господъ Липиныхъ. Мы проѣхали около 20 верстъ, когда по дорогѣ нашей потянулася, верстъ на пятнадцать, кирпичная стѣна, которую обнесенъ былъ лѣсъ, полный краснаго звѣря: оленей, кабановъ и козулъ. Вдали на горѣ виднѣлись высокія зданія и большая церковь. Наконецъ, проѣхавъ село съ дрянными избами и бѣднымъ крестьянскимъ населеніемъ въ рублищѣ и лаптяхъ, мы очутились въ аллеѣ, усаженной большими деревьями, которая привела насъ въ нѣчто похожее на городокъ съ каменными красивой архитектуры домами въ нѣсколько этажей, съ зелеными крышами. Вскорѣ мы подъѣхали къ зрасивому дворцу въ три этажа съ колоннами и зеркальными, окнами изъ цѣльнаго стекла. Насъ встрѣтили дворецкій и множество слугъ въ ливреѣ съ золотымъ галуномъ и повели въ залу, украшенную мраморными статуями и историческими картинами, между прочимъ, и портретомъ кардинала Ришелье.

Доложили графу о нашемъ приѣздѣ. Спустя нѣсколько минутъ, къ намъ вышли два наши офицера, поручикъ Ларокъ, изъ хорошей фамиліи, знакомый мнѣ по походу, и кирасирскій капитанъ Баратъе. Оба были приняты въ домъ гостепріимнымъ графомъ, и не могли нахвалиться его обхожденіемъ. Заставивъ насъ довольно долго прождать, графъ, наконецъ, вышелъ. Съ особенною привѣтливостью встрѣтилъ онъ г. Скорупу, вѣроятно, коротко ему знакомаго. Графъ былъ молодой человѣкъ высокаго роста, рябой; на немъ былъ черный фракъ. Г. Скорупа представилъ меня графу, который сказалъ мнѣ нѣсколько словъ отличнымъ французскимъ языкомъ. Посадивъ насъ, графъ заговорилъ уже по-русски. Потомъ приѣхали еще сосѣдніе помѣщики, между ними г. Искрицкій¹⁾, которому графъ оказывалъ особое предпочтеніе. Передъ обѣдомъ подали на серебрѣ закуску, затѣмъ сѣли за столъ. Насъ было двадцать человѣкъ. Я сѣлъ между нашими офицерами. Во время стола на хорахъ играла музыка. Столъ былъ чисто французскій; вина самыя лучшія, а за десертомъ удивлялся я множеству ананасовъ, во Франціи совершенно неизвѣстныхъ. Эти плоды разводили въ графскихъ оранжереяхъ. Общаго разговора не было, а какъ всѣ между собой говорили по-русски, то мнѣ оставалось только бесѣдовать съ моими товарищами.

¹⁾ Отецъ декабриста.

Послѣ обѣда, мы прошли черезъ нѣсколько комнатъ, съ позолоченною мебелью, и остановились въ гостиной, гдѣ разставлены были зеленые столы. Тутъ всѣ сѣли за игру, кромѣ насъ французовъ. Мои товарищи увели меня, чтобъ показать мнѣ всѣ чудеса графскаго дома. Я насчиталъ въ немъ до ста комнатъ. Въ такъ называемой Аполлоновой залѣ висѣлъ портретъ императрицы Екатерины II во весь ростъ, въ великолѣпной рамѣ съ императорскою короною. Другая зала, Лукуллова, была обита гобеленовыми обоями, изображавшими мифологическія сцены,—это былъ подарокъ императрицы. Кругомъ стояли дорогія мраморныя статуи. Почти вездѣ развѣшаны были картины первыхъ мастеровъ; цѣнность имъ полагали въ сто тысячъ рублей. Меблировка всѣхъ этихъ комнатъ и нѣсколько полинявшая штофная матерія доказывали принадлежность свою прошлому вѣку. Отецъ графа, какъ сказывалъ мнѣ Скляревичъ, былъ однимъ изъ любимцевъ Екатерины II. Это былъ человекъ ученый и краснорѣчивый. Онъ началъ поприще свое съ военной службы подъ начальствомъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова. Ни одно правительственное дѣйствіе не совершилось безъ его участія. Онъ былъ статсъ-секретаремъ, а впоследствии и министромъ народнаго просвѣщенія. Не болѣе года прошло со дня его кончины ¹⁾. Далѣе мы осмотрѣли великолѣпную русскую церковь: образа иконостаса были писаны въ Италіи; одинъ изъ нихъ, изображеніе Богородицы, былъ портретъ графини Завадовской, славившейся своею красотою. Заходили въ большую оранжерею, состоявшую изъ цѣлой аллеи столѣтнихъ померанцовыхъ деревьевъ, полныхъ плодовъ; отсюда перешли въ теплицу, гдѣ разводились ананасы, этотъ тропическій плодъ. Погуляли и въ паркѣ около большого искусственнаго пруда, но какъ весна еще не вполне установилась, то прогулка эта, не развлекаемая пѣніемъ соловья, не могла еще представить большаго удовольствія. Зато мы полюбовались бронзовою колоссальною статуею Румянцова, поставленною посреди колоннады въ самомъ паркѣ.

Сумерки приближались, такъ что мы принуждены были возвратиться въ домъ. Оттуда слышалась музыка, которая играла все время, пока общество играло въ карты. Оркестромъ управлялъ итальянецъ-капельмейстеръ. Послѣдній попросилъ нашего Баратъе сыграть соло изъ пьесы „Толедскій слѣпецъ“, и игра его такъ очаровала играющихъ, что они на время оставили игру. Послѣ

¹⁾ Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, умеръ 10-го января 1812 г.

орскошнаго ужина, снова сѣли за карты, а мы, не играющіе, удалялись въ отвѣденныя намъ прекрасныя комнаты.

На другой день встали очень поздно. Кофе на серебряномъ сервизѣ подали намъ въ комнаты. Послѣ, когда все общество собралось въ гостиной, мы узнали, что графъ проигралъ очень много денегъ Скорупѣ и Скляревичу,

Г. Искрицкій пригласилъ г. Скорупу и меня въ свою деревню, сосѣднюю съ Ляличами, куда и графъ собирался съ господами де-Ларокъ и Баратье. Графъ еще не выходилъ изъ своихъ комнатъ. Тѣмъ временемъ г. Искрицкій разговорился съ нами французами. Такъ какъ я во все время пребыванія моего у братьевъ Скорупа не слыхалъ ни слова о политикѣ, и они не получали даже азетъ, явно не интересуясь происходящимъ въ свѣтѣ, то мнѣ и товарищамъ моимъ очень пріятно было, когда изъ разговора г. Искрицкаго увидали, что онъ посвященъ въ политическія дѣла посредствомъ различныхъ получаемыхъ имъ журналовъ. Нѣсколько сдѣланныхъ имъ мнѣ вопросовъ показывали, какъ любопытно было ему слышать подробности о Наполеонѣ и московскомъ походѣ изъ устъ француза. Но и мы любопытствовали знать, что происходило въ промежуткѣ времени, что мы находились въ плѣну. Г. Искрицкій разсказалъ намъ трагическій переходъ французовъ черезъ Березину, бѣдствія отступавшей арміи и все, что происходило послѣ битвы у Краснаго. Г. Искрицкій ненавидѣлъ Наполеона. Вотъ чтѣ онъ сказалъ о немъ въ заключеніе:

„Въ началѣ московскаго похода до Смоленска всѣ операционныя дѣйствія Наполеона доказывали его знаніе дѣла и военный гений; но какъ скоро онъ вздумалъ двинуться на Москву, такъ онъ нарушилъ самыя элементарныя начала искусства, потому что малѣйшая неудача грозила повлечь за собою дѣлую катастрофу, по причинѣ слишкомъ отважной цѣли. Къ чему было ему оставаться въ Москвѣ безъ всякой славы, когда, напротивъ, приближеніе зимы должно-бы заставить его удалиться? И характера русскаго Наполеонъ не зналъ, тогда какъ наше отечество тѣмъ и сильно, что его защищаетъ не только климатъ, но и неизмѣнный обычай народа жечь города и селенія, чтобы не допустить непріятели до захвата его земли. А какъ назвать это забвеніе всѣхъ предосторожностей для обезпеченія отступленія? Храбрая армія по его винѣ погибла отъ стужи и голода“. Затѣмъ Искрицкій намъ сообщалъ, что Наполеонъ, этотъ бѣглець, какъ онъ его называлъ, находился уже въ Парижѣ съ 20-го прошлаго декабря, и декретомъ повелѣлъ произвести новый наборъ въ 250 тысячъ человекъ, намѣреваясь предпринять вторую кампанію.

Туть-же мы узнали, что остатки французской арміи очистили Пруссію 20-го января. Императоръ Александръ обратился съ прокламаціею къ германскимъ народамъ, призывая ихъ свергнуть иго Франціи; Пруссія возобновила союзъ съ Россіею, и войска обѣихъ державъ незадолго передъ тѣмъ заняли Дрезденъ. Швеція тоже заключила союзъ съ Англіею противъ Наполеона. Всего болѣе удивило насъ извѣстіе, что бурбонскій принцъ, какой-то Людовикъ XVIII, существованія котораго мы и не подозрѣвали, обратился къ Европѣ съ объявленіемъ, что онъ готовится вступить на престолъ своихъ предковъ. Всѣ эти извѣстія навели на насъ страшное уныніе, и будущее тревожило насъ. Туть г. Искрицкій насъ оставилъ, сиѣша домой въ свою деревню, приготовить все для нашего приѣзда.

Наконецъ, графъ вышелъ изъ своихъ комнатъ и насъ позвали къ завтраку. Графъ былъ на этотъ разъ любезенъ съ нами, не такъ, какъ наканунѣ, и рассказалъ намъ, что находился въ походѣ 1812 г., въ качествѣ адъютанта генерала Кутузова; назвалъ намъ нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, но, не въ состояніи будучи долѣе переносить тяжелый походъ, онъ вышелъ въ отставку.

Стали собираться къ отѣзду. Подали новомодную коляску на высокихъ рессорахъ, запряженную шестеркою великолѣпныхъ лошадей графскаго знаменитаго въ краѣ завода, и еще нѣсколько экипажей. Графъ взялъ съ собою г. Скорупу, а г. Скляревичъ и я сѣли въ другой экипажъ. Не смотря на дождь и грязь, лошади провезли насъ очень скоро, разстояніе въ 25 верстѣ. Мы въѣхали въ село, получше обстроенное, нежели Ляличи, и крестьяне здѣшніе казались не столь бѣдными. Остановились передъ деревяннымъ домомъ, выкрашеннымъ желтою краскою, въ одинъ этажъ и со множествомъ большихъ оконъ. Г. Искрицкій спустился къ намъ по свѣтлой лѣстницѣ и ввелъ въ домъ. Проводивъ насъ по нѣсколькимъ покаямъ со скромною мебелировкой, хозяинъ ввелъ насъ въ комнату, гдѣ мы встрѣтились съ дамами. Со дня моего прибытія въ Мглинь, я еще не встрѣчался съ женщинами. Господа Скорупа были не женаты и въ общество ихъ дамы не появлялись; Скляревичъ былъ вдовъ, и графъ Завадовскій не женатъ. Г. Искрицкій тоже былъ холостъ, а дамы, встрѣтившія насъ, были его мать, три сестры и родственницы.

Г. Искрицкій, мужчина подъ сорокъ лѣтъ, росту средняго, съ благородною фізіономіею, былъ отлично образованъ, говорилъ по-французски хорошо, также чисто, какъ мы, французы; когда-то онъ занималъ важную должность въ сенатѣ. Онъ представилъ насъ ма-

тери и сестрамъ. Первая, женщина хорошаго тона, уже въ лѣтахъ, обошлась съ нами весьма любезно; она не очень бѣгло говорила по-французски, однако мы понимали ее. Старшая ея дочь, 25 лѣтъ, и вторая—20-ти, не будучи красивы, имѣли въ себѣ много привлекательнаго; но вполнѣ красавицею была младшая дочь, 20-ти лѣтъ прелестная блондинка. Всѣ три сестры были одѣты одинаково и довольно нарядно. Онѣ хотя и говорили по-французски, но съ нѣмецкимъ акцентомъ. Мнѣ страннымъ казалось находиться въ женскомъ обществѣ. Я давно встрѣчалъ однихъ только мужчинъ и воображалъ, что нѣтъ женскаго полу между русскими дворянами (!?). Дѣвицы Искрицкія были очень предупредительны къ гостямъ, особенно къ графу, посѣщеніе котораго, казалось, очень льстило имъ. Все-же онѣ не пренебрегали и нами, а удостоивали насъ своимъ разговоромъ. Отвыкнувъ отъ общества дамъ, мы старались припомнить нашу французскую любезность; но кто изъ насъ лѣзъ изъ кожи, чтобы выказать свою грацію, такъ это кирасиръ Баратье. Онъ отпускалъ напыщенные комплименты, возбуждавшіе веселость общества. Подали обычную закуску и различныя водки въ графинахъ, на которыхъ были приклеены билетки, какъ на аптекарскихъ склянкахъ. Вскорѣ доложили объ обѣдѣ; графъ подавъ руку госпожѣ Искрицкой, прочіе господъ дѣвицамъ, и капитанъ Баратье не упустилъ случая тоже подставить свой локоть дамъ. Столъ отличался обиліемъ національныхъ блюдъ, но далеко не былъ такъ роскошенъ, какъ графскій. Дамы сѣли по одну сторону стола, а мужчины по другую, не по французскому обычаю, по которому мужчины садятся между двухъ дамъ. Пили шампанское за здоровье графа, а онъ предложилъ обществу тостъ въ честь хозяйки. Вставая изъ-за стола, каждый обратился лицомъ къ образу, висѣвшему въ одномъ углу залы, и крестился. Мужчины повели своихъ дамъ въ гостиную, куда подали кофе и варенья на нѣсколькихъ тарелочкахъ; на каждой тарелочкѣ было по одной ложкѣ. Открыли зеленые столы въ сосѣдней комнатѣ, и мужчины отправились туда, оставивъ дамъ. Мы, французы, не удалялись. Капитанъ Баратье вздумалъ возобновить свои любезности; онъ объявилъ себя обожателемъ женскаго пола, рабомъ женщинъ; говорилъ такъ восторженно о чувствѣ, которое онъ будетъ питать къ дамъ своего сердца, что возбудилъ въ дамахъ искренній смѣхъ. Онѣ, я думаю, еще не встрѣчали такого страстнаго селадона. Однако, опасаясь, чтобы онъ не зашелъ слишкомъ далеко въ своей болтовнѣ, я подошелъ къ старшей дѣвицѣ и шепнулъ ей, что обожатель женщинъ въ то-же время отличнѣйшій музыкантъ, и склонилъ ее попросить его сы-

грать. Едва эта просьба была выражена, какъ Баратье пошелъ за своимъ инструментомъ. Игра его оказалась дѣйствительно лучше его любовнаго бреда. Онъ переходилъ отъ нѣжной мелодіи къ веселой, воинственной и производилъ ими большой эффектъ. Его очень благодарили за доставленное удовольствіе. Между тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ продолжалась игра на огромныя суммы. Столы были завалены золотомъ и ассигнаціями. Ужинали очень поздно, потомъ отвели насъ въ отдѣльный флигель, гдѣ были приготовлены постели, и каждому изъ насъ дали по слугѣ.

На другой день, мы только встали нѣсколько ранѣе другихъ; прочее-же общество, проигравъ всю ночь, еще спало и собиралось выйти не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько часовъ. Между тѣмъ, мы пошли гулять въ большой садъ, въ которомъ были длинныя липовыя аллеи, хотя деревья еще едва распускались. Пришли намъ сказать, что все общество собралось въ столовой къ завтраку. Мы нашли тутъ и мужчинъ и дамъ. Г. Скорупа сказалъ мнѣ, что надо собираться въ путь, чтобы поспѣть до вечера къ помѣщику Ширяю.

Раскланявшись съ обществомъ и поблагодаривъ г. Искрицкаго за гостепрѣимство, я послѣдовалъ за г. Скорупою. Съ нами ѣхалъ также г. Скляревичъ. На полдорогѣ мы остановились въ большой еврейской харчевнѣ, чтобы накормить лошадей; а сами пили чай. Проѣхавъ еще 25 верстъ и нѣсколько деревень, принадлежавшихъ г. Ширяю, богатому землевладѣльцу, мы прибыли вечеромъ въ село Гордѣевку, и подъѣхали къ дому въ два этажа. Окна и лѣстница были ярко освѣщены. Въ передней встрѣтилъ насъ хозяинъ, которому я былъ представленъ, какъ докторъ. Пройдя съ нами нѣсколько скромно меблированныхъ комнатъ, хозяинъ ввелъ насъ въ большую гостиную. Здѣсь мы нашли многочисленное общество мужчинъ и дамъ. Г. Ширяй представилъ насъ своей супругѣ, занимавшей съ другими дамами большой диванъ. Господа Скорупа и Скляревичъ подошли къ ней и поцѣловали у нея руку. Г. Ширяй былъ мужчина средняго росту, лѣтъ сорока и очень красивый въ лицѣ. На немъ былъ изящный голубой фракъ, но манеры его были простоватыя, что не мѣшало ему оказывать мнѣ учтивость. Жена его, немногимъ моложе его, но еще красивая собою, не отличалась паряднымъ туалетомъ. У нея были сынъ и дочь, 13-ти и 14-ти лѣтъ. Она посадила насъ около себя и вступила въ разговоръ съ г. Скорупою на русскомъ языкѣ. Я догадывался, что она спрашивала обо мнѣ; потомъ она обратилась ко мнѣ, говоря мнѣ по-французски, что въ домѣ ихъ живетъ фран-

пузскій полковникъ Эскюдье, который не вышелъ потому, что боленъ. Она отзывалась о немъ съ большою похвалою. Я замѣтилъ, что многіе изъ общества съ любопытствомъ меня разсматривали, но никто не обратился ко мнѣ ни съ единымъ словомъ. Общество состояло изъ 70—80 человѣкъ, на половину поляковъ. Такъ какъ я ни съ кѣмъ не говорилъ, то мнѣ оставалось только одно, дѣлать наблюденія. Мужчинъ было нѣсколько менѣе числомъ, нежели женщинъ; тутъ были разные возрасты, разные костюмы и разные состоянія и, можно сказать, разные степени образованія, — смѣсь, нерѣдко встрѣчающаяся въ провинціи. Пожилые поляки были въ усахъ, одѣты въ кафтаны съ откинутыми на плечи рукавами и въ желтыхъ или въ красныхъ сапогахъ; но молодежь польская щеголяла во французскомъ фракѣ и шелковыхъ чулкахъ. Русскіе-же, какъ пожилые, такъ и молодые, носили фраки всякихъ цвѣтовъ, но старомодные и высокіе, такъ называемые суворовскіе, сапоги съ шелковою кистью напередѣ. Изъ военныхъ были только три офицера въ мундирахъ. Вообще русскіе обходились безцеремонно, а поляки отличались предупредительностью. Между русскими и польскими дамами замѣчалась тоже не малая разница. Первые, особенно не молодыя уже, сидѣли чинно на креслахъ вдоль стѣнъ. Платья на нихъ были темнаго цвѣта; волоса спрятаны подъ головнымъ уборомъ; на шеѣ никакихъ украшеній. Большая часть изъ нихъ отличались дородностью. Онѣ или молчали угрюмо, или говорили другъ съ другомъ вполголоса. Зато старыя польки щеголяли туалетомъ не по лѣтамъ, и очень живо между собою болтали. Онѣ были одѣты декольте, по тогдашней модѣ, и выказывали чрезмѣрные и устарѣлыя прелести. На шеѣ носили жемчугъ или брильянты. Подъ кружевными косынками, завязанными у подбородка, видѣлись густые, завитые волоса, или природные, или фальшивые. Лица у многихъ были набѣлены и нарумянены. Платья на этихъ дамахъ были яркихъ цвѣтовъ, или краснаго, или зеленаго, по тогдашней модѣ, а сверхъ платья надѣты были на нихъ кашемировыя шали, въ которыхъ онѣ кутали свои черезъ-чуръ пластичныя по причинѣ узкихъ юбокъ формы.

Перейду теперь къ русскимъ и польскимъ дѣвицамъ. Почти всѣ были хорошенькія, всѣ говорили по-французски получше маменекъ; у всѣхъ почти глаза были голубые или сѣрые: темно-русые или черные волосы, заплетенные въ косы, которыя положены были вокругъ головы и прикрѣплялись черепаховымъ съ золотыми украшениями гребнемъ: передніе-же волосы были завиты и придерживались у висковъ крошечными гребешками: это очень шло къ

милымъ личикамъ. Узкія и почти прозрачныя платья выказывали прелестныя формы и давали дѣвицамъ видъ олимпійскихъ богинь. Польки были граціознѣе въ движеніяхъ и походеѣ, и сложены стройнѣе, нежели русскія. Мнѣ показалось, что онѣ посмѣивались надъ послѣдними, вѣроятно надъ ихъ туалетомъ, который уступалъ ихъ собственному. Однако, и между русскими были и кравыя и нарядныя. Онѣ тоже сходились въ кучку, перешептывались и громкимъ смѣхомъ заявляли, что и онѣ умѣютъ находить слабыя стороны въ своихъ соперницахъ. Мои наблюденія простирались и на нравственныя стороны общества, состоявшаго изъ двухъ сосѣднихъ и одноплеменныхъ націй, но вмѣстѣ съ тѣмъ и враждебныхъ другъ другу. Русскіе помнили старинныя гоненія поляковъ, а этимъ памятно было ихъ мщеніе. Поляки были въ отчаяніи, что подпали подъ иго презираемыхъ ими враговъ, но не смѣли обнаруживать своей злобы, тѣмъ болѣе, что не предвидѣлось скорого освобожденія. Наружно они, напротивъ, показывали желаніе сойтись. Въ этомъ обществѣ происходила какъ-бы комедія, въ которой каждый игралъ какую-нибудь роль, потому что во всѣхъ ихъ взаимныхъ учтивостяхъ не было и тѣни правды. Русскіе косились на поляковъ за ихъ преимущество въ свѣтскомъ тонѣ и образованіи, не нравился имъ и костюмъ польскій, рѣзко выставившій ихъ національность. Но и надъ щегольствомъ польскихъ юношей они втихомолку посмѣивались. Между дамамъ обѣихъ націй происходилъ такой-же разладъ. Пуще всего гнѣвались русскія маменьки на своихъ сыновей и ихъ молодыхъ товарищей за то, что они ухаживали и увивались около польскихъ дѣвицъ. Правда, что эти дѣвицы обладали, кромѣ свойственной имъ притягательной силы, также умомъ, и такимъ образомъ вдвойне увлекали молодыхъ людей. Польскія матери, въ свою очередь, косо посматривали на свою молодежь, если она увлекалась русскими красавицами и намѣренно говорила съ ними по-русски. Каждое слово на этомъ ненавистномъ языкѣ, доходя до ихъ слуха, приводило ихъ въ гнѣвъ. И, не смотря на всѣ эти поводы къ презрѣнію, къ ненависти и отвращенію, каждый скрывалъ свои мысли подъ личиною лести и любезности, которая въ состояніи была обмануть непривычный глазъ насчетъ истинныхъ чувствъ общества. Только любовныя объясненія могли считаться искренними.

Вскорѣ въ столовой подали самоваръ и всѣхъ позвали къ чаю. Хозяйка любезно старалась услужить каждому. Къ концу чая, въ сосѣдней залѣ раздавалась музыка. Всѣ отправились туда и разсѣлись по стульямъ, разставленнымъ какъ для театральнаго пред-

ставленія. Когда всё заняли свои мѣста, на сцену вышли четверо дѣвушекъ 14-ти и 15-ти лѣтъ, крѣпостныя г. Ширяя; онѣ были одѣты казачками и тотчасъ-же начали оживленную пляску, восхитившую все общество. Затѣмъ онѣ удалились и, немного погодя, воротились въ другихъ костюмахъ: двѣ изъ нихъ были одѣты въ сарафанахъ и въ кокошникахъ, двѣ другія мальчишками въ русской свиткѣ, обшитой золотымъ галуномъ, въ красной бархатной шапкѣ и въ красныхъ сапогахъ со шпорами. Онѣ протанцовали національный русскій танецъ, который поэтому и не удостоился отъ польской половины общества такихъ похвалъ, какъ казачекъ. Послѣ этого представленія, стулья были убраны и молодежь открыла балъ. Онъ начался съ полонеза, въ которомъ участвовали и пожилые мужчины и дамы. Когда пары нѣсколько разъ обошли залу кругомъ, продолжая шествіе черезъ другія комнаты, каждый кавалеръ привелъ свою даму обратно на мѣсто; затѣмъ заиграли краковякъ, и молодежь, точно востроумившись, бросилась выбирать себѣ дамъ. Поляки и польки танцовали съ особеннымъ увлеченіемъ и совершенствомъ; въ танцу примѣшали веселыя пѣсни, что еще болѣе наэлектризовало молодежь, и не удивительно, если русскіе молодые люди влюбились тутъ въ прелестныхъ полекъ, а поляки въ русскихъ красавицъ. Впрочемъ, свадьбы между обѣими недружелюбными націями—не рѣдкость.

Позвали къ ужину. Онъ былъ накрытъ въ столовой, большой комнатѣ, лишенной всякаго украшенія, какъ и всё прочія комнаты. Столы были разставлены покоемъ и такъ узки, что я удивлялся тѣснотѣ, которая отъ этого происходила для сидѣвшихъ другъ противъ друга. И тутъ мужчины сѣли по одну сторону, а дамы по другую. Я замѣтилъ, что музыканты оркестра были служителями дома, такъ какъ они служили намъ за ужиномъ. Ужинъ былъ обильный, но далеко не изысканный. Когда встали изъ-за стола, каждый, перекрестившись передъ образомъ, пошелъ благодарить хозяйку дома. Танцы продолжались и послѣ ужина, когда служители успѣли убрать со стола и сами поужинать. Зато послѣ музыка своими нестройными звуками обличала слишкомъ усердное утоленіе жажды музыкантовъ. Но это не мѣшало молодежи съ новыми силами предаваться танцамъ почти до утра.

Господа Скорупа и Скляревичъ, чувствуя большую склонность отдаться морфею, предложили и мнѣ послѣдовать ихъ примѣру. Я согласился, и насъ повели въ сосѣдній флигель, гдѣ по сторонамъ коридора расположены были нумерованныя комнаты, какъ въ какомъ-нибудь отелѣ. Это были комнаты, назначенныя для

гостей. Каждому изъ насъ дали по одной комнатѣ съ постелью. На другое утро хотѣлось мнѣ повидать нашего полковника. Онъ находился въ этомъ-же флигелѣ и очень былъ радъ моему приходу, тѣмъ болѣе, что я подалъ ему совѣтъ насчетъ его здоровья. Но онъ не въ состояніи былъ много говорить, и потому я удалился. Нѣкоторые гости уѣхали домой прямо съ бала, другіе, переночевавъ, собирались уѣхать; такъ что къ завтраку оставались только человѣкъ двадцать, да и тѣ должны были скоро ѣхать.

Де-ла-Флиэъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мусина - Юрѣва.

Именной указъ 1-го августа 1801 г., данный сенату.

„По точной силѣ и словамъ завѣщанія Его Императорскаго Величества любезнѣйшаго родителя нашего, въ Божѣ почивающаго государя императора Павла Петровича, всемилоствѣйше жалуемъ и возводимъ дѣвицу Марфу Мусину - Юрѣву въ дворянское всероссійской имперіи достоинство, повелѣвая правительствующему сенату заготовить на оное жалованную грамоту, въ которую и внести фамиліи Мусинныхъ-Юрѣвыхъ гербъ, по приложенному при семь, высочайшей любезнѣйшаго родителя нашего конфирмаціи удостовѣвшемуся, рисунку. съ девизомъ: „Сила Божія въ немощи совершается“, и потомъ представить грамоту къ нашему подписанію, равнымъ образомъ гербъ сей внести въ общій россійскихъ дворянскихъ родовъ гербовникъ“.

Сенатъ далъ объ этомъ знать всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ печатными указами 20-го августа 1801 года.

Висѣлицы въ 1799—1800 гг.

Въ городахъ, при публичныхъ мѣстахъ, поставлены были висѣлицы для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновъ, вслѣдствіе высочайшихъ повелѣній 1799 и 1800 гг. Висѣлицы эти уничтожены указомъ 8-го октября 1801 г. (Полн. Собр. Зак. № 19,824).

Сообщ. въ 1871 г. А. Г. Суцаревъ.

ЗАМѢТКИ ФОНЪ-ГЕРЛАХА О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

съ 18 января по 8 апрѣля 1826 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго].

Въ минувшемъ 1891 году издалъ въ Берлинѣ 1-й томъ Воспоминаній Леопольда фонъ-Герлаха, бывшаго генераль-адъютанта прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV-го ¹⁾. Германскія дѣла, конечно, занимаютъ большую часть этихъ «Воспоминаній», но въ нихъ встрѣчается нѣсколько интересныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ авторомъ во время неоднократныхъ посѣщеній имъ Петербурга, въ свитѣ прусскаго принца Вильгельма, которому впоследствии суждено было стать германскимъ императоромъ и играть столь выдающуюся роль въ новѣйшей исторіи Европы.

Леопольдъ фонъ-Герлахъ родился въ 1790 г., въ Берлинѣ, гдѣ отецъ его былъ обербургомистромъ. Въ 1806 г. онъ вступилъ въ военную службу и раздѣлялъ печальную судьбу прусской арміи послѣ сраженія подъ Ауэрштедтомъ; въ 1813 и 1814 гг. онъ принималъ участіе въ войнѣ противъ французовъ, состоя въ свитѣ знаменитаго Блюхера, а затѣмъ, 1815 г.— въ составѣ генеральнаго штаба. Когда, въ 1824 г., принцъ прусскій Вильгельмъ назначенъ былъ командиромъ III армейскаго корпуса и тутъ ближе познакомился съ Герлахомъ (служившимъ при штабѣ корпуса), то сталъ замѣтно отличать его, и въ 1826 г. послѣдній былъ назначенъ личнымъ адъютантомъ принца, повсюду его сопровождалъ и пользовался его большимъ довѣріемъ. Въ 1838 г. Герлахъ произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ

¹⁾ Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Berlin, 1891.

начальникомъ штаба III корпуса; въ 1842 получилъ начальство надъ I-ю гвардейскою ландверною бригадою; въ 1844 произведенъ въ генералъ-майора, а въ 1849—въ генералъ-лейтенанта, и назначенъ генералъ-адъютантомъ короля Фридриха Вильгельма IV, у котораго считался въ числѣ самыхъ приближенныхъ людей. Это доставило ему возможность оказывать значительное вліяніе въ пользу политической и церковной реакціи. Скончался Герлахъ 19 января 1861 г., въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи.

По своимъ убѣжденіямъ, Герлахъ былъ приверженцемъ консервативныхъ началъ, при томъ человекомъ строго-религіознымъ, нѣсколько склоннымъ къ піетизму.

Въ Петербургѣ онъ былъ четыре раза: 1-й разъ—въ началѣ 1826 г., когда дворъ и русское общество находились еще подъ удручающимъ впечатлѣніемъ событій 14 декабря и производилось слѣдствіе надъ участниками заговора; второе пребываніе его въ нашей столицѣ—съ конца декабря 1827 г. по май 1828 г., совпало съ приготовленіями къ турецкой войнѣ; въ 3-й разъ онъ пріѣзжалъ лѣтомъ 1832 г. и, наконецъ, 4-й—въ 1834 г.; но объ этомъ послѣднемъ пребываніи въ Петербургѣ въ запискахъ его не осталось воспоминаній.

Записки Герлаха ведены въ формѣ дневника, довольно отрывочными и часто не имѣющими между собою прямой связи замѣтками. Сужденія его, какъ иѣмца и строгаго протестанта, о нашихъ порядкахъ, вообще, грѣшатъ тѣми-же недостатками, какъ и отзывы большинства другихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, но плохо понимавшихъ складъ нашей жизни и народный характеръ. Впрочемъ, у Герлаха подобныя разсужденія встрѣчаются лишь изрѣдка; записки его ограничиваются преимущественно фактической стороною: что онъ видѣлъ, что слышалъ при дворѣ и въ обществѣ, то и заносилъ въ свой дневникъ. Принимая, однако, во вниманіе, что вращался онъ все больше около людей, у власти стоявшихъ и знавшихъ многое, что, въ то время, другимъ не было извѣстно—замѣтки его, при всемъ ихъ лаконизмѣ, не лишены занимательности. Поэтому мы и рѣшились представить здѣсь нѣкоторые изъ нихъ извлеченія.

И. И. Ореусъ.

С.-Петербургъ, 19 января ¹⁾). Сегодня вечеромъ, въ 8 часовъ, мы, т. е. принцъ Вильгельмъ и его свита, къ которой присоединенъ генералъ Тиле (генер.-адъютантъ короля) прибыли сюда. При особѣ принца назначенъ состоять полковникъ Перовскій—человѣкъ, повидимому, ловкій и образованный. Генералъ Тиле въ восторгѣ отъ императора. Онъ (императоръ) сказалъ ему, что не знаетъ другихъ отношеній къ королю, какъ—сына къ отцу. «Я

¹⁾ Пов. стили.

знаю (прибавилъ государь), что Е. В. король живетъ въ счастливыхъ семейныхъ обстоятельствахъ, но у него нѣтъ сына, который любилъ-бы его болѣе чѣмъ я. Скажите моимъ милымъ товарищамъ въ Берлинѣ, съ какими удовольствіемъ я думаю и буду думать о времени, проведенномъ съ ними».

20 января. Принцъ сказалъ мнѣ, что я долженъ тотчасъ-же идти къ императору. Генералъ, дежурившій при особѣ принца, повелъ меня въ Эрмитажъ, гдѣ императоръ теперь живетъ. Дорогою онъ выразился о заговорѣ такъ: «русскихъ солдатъ обольстили; они ничего не смыслятъ въ конституцію». Я замѣтилъ на это: «говорятъ, что солдаты тутъ смѣшали конституцію съ Константиномъ». — «Да, да, мой милый, это совершенно вѣрно; нѣкоторые изъ нихъ спрашивали: «да это что такое за конституція, о которой говорятъ?» — «Э, дуракъ! Это Константинова жена». — «А кто-же это Вето»? — «Ну этого я хорошенько не знаю; а ужъ вѣрно какой-нибудь важный баринъ». Императоръ принялъ меня весьма милостиво и заговорилъ по-нѣмецки: «Когда я васъ послѣдній разъ видѣлъ, то не думалъ, что придется вновь увидѣться съ вами по столь печальному поводу; я долженъ дойти до корней этого заговора, или умереть; и въ этомъ беру Бога въ свидѣтеля. Je ne transigerai jamais avec le crime ¹⁾; а если я чрезъ это погибну, то есть еще мой братъ Константинъ, мой братъ Михаилъ, мой сынъ Александръ, и мы, наконецъ, добьемся своего. Меня за 4 дня извѣстили обо всемъ дѣлѣ; я зналъ, что готовится нѣчто противъ жизни моей и моего семейства; положеніе мое было ужасно; у меня не было другого довѣреннаго лица, кромѣ моей жены». Послѣ полудня я пошелъ къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Она говорила о своемъ несчастіи, и сказала, что послѣдніе годы императора Александра были постояннымъ приготовленіемъ къ смерти. Императрица-мать, женщина еще очень видная, которой принцъ представлялъ насъ, говорила о своемъ миломъ усопшемъ сынѣ. «Онъ былъ лучшимъ другомъ вашего короля. Кажется, невозможно было — бы перенести все то, что мы перенесли со времени этого мрачнаго извѣстія; надо молить Бога, чтобы Онъ помогъ намъ переносить это съ достоинствомъ. Эти страшныя событія здѣсь, подъ моими окнами! Жизнь обоихъ сыновей моихъ въ опасности . . . несчастные, обольщенные солдаты, сбитые съ толку избыткомъ вѣроподданничества! Утѣшеніемъ мнѣ служить то, какъ выказалъ себя мой сынъ Николай; и лучшей поддержкою ему служила его жена, которая держала себя превосходно. Милая, милая дочь моя!»

21 января. Предчувствіе смерти у императора Александра дѣйствительно представляло нѣчто странное. При своемъ отъѣздѣ онъ особенно грустно прощался съ родными; кучеръ его рассказываетъ, что не много лишъ отъѣхавъ отъ города, онъ приказалъ остановиться, оглянулся еще разъ на

¹⁾ Я никогда не вступаю въ компромиссъ съ преступленіемъ.

Петербургъ, а затѣмъ велѣлъ ѣхать дальше. Каждый разъ, передъ отъѣздомъ, императоръ отправлялся молиться въ церковь; въ этотъ-же разъ онъ оставался въ Казанскомъ соборѣ три часа. Еще прежде онъ выражалъ желаніе умереть у своей супруги, вдалекѣ отъ Петербурга. Когда въ Таганрогѣ онъ заболѣлъ, то не хотѣлъ принимать лѣкарствъ, хотя врачъ заявилъ ему объ опасности. Когда, по прошествіи нѣкотораго времени, врачъ посоветовалъ ему причаститься, то онъ спросилъ: развѣ опасность такъ велика? и когда послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, то онъ пожалъ врачу руку, ничего болѣе не промолвилъ, и принялъ св. причастіе съ большимъ самообладаніемъ и покорностью. Всѣ генераль-адъютанты и флигель-адъютанты посланы въ Таганрогъ, для сопровожденія тѣла.

Принцъ велѣлъ намъ сказать, что императрица Александра Феодоровна желаетъ намъ показать своихъ дѣтей. Мы видѣли трехъ великихъ княженъ и великаго князя Александра. Въ это время пришелъ туда императоръ, велѣлъ имъ попрыгать, а наконецъ, приказалъ великому князю маршировать. Эти, сами по себѣ веселыя, сцены, при современныхъ событіяхъ и холодѣ всего окружающаго, произвели на меня тяжкое впечатлѣніе.

Когда мы ѣхали сюда черезъ Варшаву, то великій князь Константинъ намъ не показывался; принцъ обѣдалъ у него безъ насъ, мы-же—у консула Шмидта, который сообщилъ намъ о немъ много страннаго. Со времени его женитьбы на княгинѣ Ловичъ, у него болѣе не случается досадныхъ сценъ съ поляками, прежде весьма частыхъ; онъ супругъ самый вѣрный и самоотверженный. Кончина императора глубоко потрясла его; съ рыданіями обнялъ онъ принца. Мысль императора Александра—не соединять Польши съ Россіею, я считаю въ высшей степени мудрою (?). И не только потому, что этимъ закупаются поляки, но и потому, что вносится новый государственный элементъ въ страшное однообразіе и отсутствіе свободныхъ учреждений обширнаго русскаго царства.

24 января. Здѣшніе мятежники намѣревались произвести переворотъ главнымъ образомъ потому, что возбуждались (революціонными) доктринами; прочія жалобы ихъ (на современные порядки въ Россіи), согласно сдѣланнымъ признаніямъ, служили лишь предлогомъ. Къ сожалѣнію, въ этой странѣ, какъ и повсюду, не христіанскій образъ жизни въ широкой мѣрѣ распространенъ.

Со времянь Петра I дворянству навязаны чужеземные обычаи; крѣпостное крестьянское сословіе, управляемое погрязшими въ долгахъ, обьяностранившимися господами, которые зачастую по 10 лѣтъ не прѣзжаютъ въ свои имѣнія, сословіе, у котораго религія, по большей части, состоитъ въ мертвой внѣшней обрядности (?!) и мало свидѣтельствуетъ о той вѣрѣ, которая проникаетъ въ душу и сердце, борется съ ветхимъ челоуѣкомъ и научаетъ его ходить путями божьими. Старинныя учрежденія подавлены и стерты, правонарушенія со-

вершались такіа, какъ, я полагаю, нигдѣ. Тираннически-грубыя реформы Петра I; его отвращеніе отъ отечественнаго склада жизни и обращеніе къ внѣшнимъ порядкамъ; насильственными шѣрами осуществленная постройка Петербурга; затѣмъ управление фаворитовъ при Аннѣ и Елисаветѣ; наконецъ, чисто псевдофилософическое правленіе Екатерины II, блистательныя завоеванія, дворскій легкій образъ жизни, соединенный съ Волтерьянскою философією; извращенный либерализмъ, деспотизмъ любимцевъ; капризная контръ-революція Павла и Лагарповская псевдо-философія Александра—всѣмъ этимъ воздвиглось то зданіе, въ которомъ (Россія находится 1826 г.). Одинъ курляндскій помѣщикъ, который въ Митавѣ рассказывалъ намъ исторію заговора, прибавилъ къ тому слѣдующее: «мы, курляндцы, конечно, за спокойствіе и легитимность, и конституція для Россіи есть вещь неподходящая». Однако, ясно, что и теперь дѣло не ладно, потому что, если Александръ съ его умомъ, съ тою славой, какую онъ даровалъ своему народу, не могъ воспрепятствовать подобнымъ явленіямъ, то какъ возмогутъ это другіе? — Оберъ-штабмейстеръ, князь Долгорукой, сказалъ генералу Тиле: «этотъ заговоръ поворенъ для русскаго дворянства, до сихъ поръ державшаго себя такъ незапятнанно; но императоръ Александръ Павловичъ, при наилучшихъ намѣреніяхъ, самъ имѣетъ долю вины въ этомъ. Нашимъ крестьянамъ онъ обезпечилъ права и даровалъ вольности, между тѣмъ какъ мы остались (забытыми).

Слѣдственная коммиссія собирается ежедневно въ 6 часовъ вечера и императоръ говорить съ каждымъ изъ обвиняемыхъ. Такъ какъ столь много значительныхъ лицъ причастно къ этому заговору, то онъ, очевидно, имѣлъ, кромѣ конституціонной, и еще иную тенденцію...

Сегодня пригласилъ меня къ себѣ великій князь Михаилъ, о которомъ генералъ Головинъ говоритъ, что у него много сердечной доброты, какъ и у всей фамиліи. Жалуюсь на то, какъ его тяготитъ это слѣдствіе (надъ декабристами), великій князь сказалъ мнѣ: «ce n'est pas seulement une fatigue physique, mais aussi une fatigue morale; cela blesse le coeur. Ces messieurs parlent avec un sangfroid de ces horreurs, comme s'ils étaient en plein droit. Ou nous sommes des faquins et ces messieurs des honnêtes gens, ou ils sont des faquins et nous les honnêtes gens. Ils sont sans foi ni loi absolument, ils ne veulent que l'assassinat et le pillage» ¹⁾.

¹⁾ Это утомленіе не только физическое, но и нравственное: сердце уязвляется этимъ. Эти господа хладнокровно говорятъ о такихъ ужасахъ, какъ будто-бы всё права на ихъ сторонѣ. Или мы дурные люди, а эти господа

Безстыдство этихъ людей подозрительно; изъ него можно заключать, что они еще имѣютъ надежду. Говорятъ, что одна партія имѣла планъ распустить армію, а другая тотчасъ-же повести ее за границу. Одна партія намѣревалась учредить славяно-русскую республику, другая — регентство съ великимъ княземъ Александромъ. Люди эти заимствуютъ отъ образованной Европы пагубныя ученія, повторяютъ ихъ, дѣйствуютъ согласно ихъ правиламъ, и для чего? для того, чтобы отдѣлиться отъ Европы и вернуться къ старому варварству. Это я называю лабиринтомъ.

28 января. Какъ прекрасно, однако, что Господь повсюду имѣетъ общины Своихъ почитателей. Третьяго дня я впервые поѣхалъ въ домъ сарептянъ къ проповѣднику Мортимеру, престарѣлому, достойному мужу, а затѣмъ — къ директору Шуберту, въ которомъ нашелъ истиннаго христіанина. Онъ разсказывалъ мнѣ съ какою силою Господь проповѣдывалъ Евангеліе. Но Александръ началъ подозрѣвать Госнера, а также сталъ держаться мнѣнія, что всякій долженъ пребывать въ той религіи, въ которой родился; когда же удалось возстановить греческое (православное) духовенство противъ Госнера, то Александръ счелъ невозможнымъ удерживать его долѣе. Однако, онъ остался къ нему благосклоннымъ, далъ ему значительную сумму на дорогу и указалъ ему обращаться, въ случаѣ надобности, къ своему (русскому) посланнику. Библейскія общества, говорятъ, теперь изнемогаютъ, потому что председатель ихъ, здѣшній митрополитъ, имъ самый рѣшительный противникъ. Объ императорѣ онъ (Шубертъ) говорилъ, что ежедневно будто-бы приказываетъ себѣ читать изъ Библии, и что доказанное имъ теперь мужество не обошлось безъ призванія помощи Божіей. Въ это несчастное время, говорятъ, и императрица искала убѣжища въ словѣ Божіемъ.

30 января. Управление государствомъ сдѣлалось императору Александру, подъ конецъ, настоящимъ бременемъ, вслѣдствіе чего въ немъ возникла мысль отказаться отъ престола, о чемъ онъ и говорилъ принцу Вильгельму. Въ намѣренія его, конечно, входило опредѣлить порядокъ престолонаслѣдія и самому назначить своимъ преемникомъ нынѣшняго императора. О внутреннихъ дѣлахъ онъ, въ послѣдніе годы, весьма мало заботился, предоставивъ важнѣйшія изъ нихъ старому Аракчееву, завязаному русаку изъ гатчинской гвардіи Павла и вѣрному приверженцу своего благодѣтеля. Императоръ Николай до чрезвычайности занятъ, онъ долженъ еще во всемъ ориентироваться, докончить много недоделаннаго, а кромѣ того онъ самымъ точнымъ образомъ наблюдаетъ за ходомъ слѣдственнаго дѣла. Сегодня принцъ бесѣдовалъ съ нами о заговорѣ. Допросъ важнѣйшихъ «*malfaiteurs*» (злоумышленниковъ),

люди честные, или же они негодяи, а мы честные люди. Они положительно безсовѣстны, они хотятъ лишь убійствъ и грабежа.

какъ называютъ ихъ въ императорской фамиліи, происходитъ въ Зимнемъ дворцѣ, рядомъ съ покоемъ императрицы - матери, откуда ясно можно разслышать, что они заявляютъ, и когда императоръ говорить съ ними. Вотъ, между прочимъ, черта изъ характера императора: одинъ молодой человѣкъ сознается во всемъ и, обливаясь слезами, падаетъ къ его ногамъ. Императоръ объявляетъ ему, что, во вниманіе къ его неразумію, онъ отправитъ его лишь на 6 мѣсяцевъ въ Выборгскую крѣпость. Когда молодой человѣкъ захотѣлъ отереть слезы, оказалось, что у него нѣтъ платка. Тогда императоръ подаль ему свой собственный, и когда тотъ хотѣлъ возвратить ему платокъ, онъ сказалъ: «нѣтъ, оставь его при себѣ и вспоминай при этомъ, что ты проливалъ въ него слезы раскаянія».

2 февраля. Сегодня послѣ развода видѣлъ я стараго Аракчеева. Думаю, что въ прежніе времена всѣ старые русскіе люди были въ такомъ-же родѣ: что за изгибаніе спины и что за внимательное наблюденіе... По возвращеніи домой, я поѣхалъ къ графу Ливену. Прекрасный человѣкъ этотъ кажется мнѣ твердымъ, чистосердечнымъ и вѣрнымъ рабомъ своего Спасителя и Господа. Я имѣлъ съ нимъ въ высшей степени интересный разговоръ о положеніи протестантскихъ церквей въ здѣшней странѣ. Бесѣдовали мы и о сѣктахъ въ русской церкви, объ отношеніи императора Александра ко всему этому и о князѣ Ал. Ник. Голицынѣ, о которомъ онъ (Ливенъ) отзывался, какъ объ отличномъ человѣкѣ и истинномъ христіанинѣ, но нѣсколько легко-вѣрномъ. Сегодня, на одномъ обѣдѣ, я сидѣлъ рядомъ съ саксонскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, находящимся здѣсь съ начала царствованія Павла. По его увѣреніямъ, Александръ былъ искреннимъ союзникомъ Наполеону, и послѣ Тильзитскаго мира онъ на нѣсколько дней заперся и никуда не показывался. Сегодня - же, принцъ рассказывалъ намъ еще многое о заговорѣ. Императоръ, въ своемъ семейномъ кругу, повторяетъ, что смотреть на свою жизнь здѣсь, какъ оконченную, потому что, если противъ такого превосходнаго правителя, какъ императоръ Александръ, могъ возникнуть подобный заговоръ, то какъ можетъ рассчитывать онъ, что его пощадятъ. Каждый день принимаетъ онъ какъ даръ неба, ибо не можетъ скрывать отъ себя, что при томъ положеніи вещей, каково оно теперь, повсюду можетъ найтись для него убійца. Тотчасъ-же по принятіи правленія, онъ написалъ и утвердилъ свою послѣднюю волю. Планъ заговорщиковъ противъ всей царской фамиліи все болѣе и болѣе выясняется. Когда ожидалась поѣздка великаго князя Константина изъ Варшавы въ Таганрогъ, то онъ долженъ былъ быть убитымъ въ Новгородѣ, нѣсколькими заговорщиками.

3 февраля. На вечернемъ собраніи у г. фонъ-Адеркаса разговоръ шелъ, почти исключительно, о состояніи христіанства въ Россіи. Замѣчательно, какими оружіемъ здѣсь нападаютъ на протестанскую вѣру (?). Дерптскій университетъ едва не палъ ихъ жертвою. Извѣстно, что у русскихъ совершенно

чуждая намъ культура и что въ нихъ живетъ несчастное соперничество съ иноземцами, занимающими важнѣйшія должности. Единственнымъ у нихъ словомъ, имѣющимъ національное образованіе, является духовенство; а оно-то находится въ глубочайшемъ упадкѣ. Когда здѣсь около Госнера собрались истинно-христіанскія общины, то сами собою ступевались и всѣ эти отличія, которыя теперь снова выступаютъ въ такихъ рѣзкихъ и ненавистныхъ чертахъ. Вчера вечеромъ былъ я у генерала Головина. Что это за милый человѣкъ, и какъ замѣтно, что слово Господне проникло ему въ самое сердце!

6 февраля. Говорятъ, что сегодня получено вѣрное извѣстіе о принесеніи присяги генераломъ Ермоловымъ и его арміею. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ генераловъ; онъ ввязался въ наступательную войну съ кавказскими народами, которая, какъ говорятъ, имѣла весьма плохой исходъ. Послѣ развода, принцъ, вмѣстѣ съ эрцъ-герцогомъ, осматривалъ Главный штабъ; учрежденіе это имѣетъ грандіозные размѣры.

8 февраля. Екатерининскій институтъ, который мы сегодня посѣтили и въ которомъ воспитывается 300 молодыхъ дѣвицъ, основанъ Павломъ и, вмѣстѣ со многими другими заведеніями, подчиненъ имъ надзору его супруги. Она сама была тамъ, показывала намъ все весьма усердно, съ большими подробностями, и съ 12 до 5 часовъ почти постоянно была на ногахъ. Она говорила съ большимъ оживленіемъ и сама бесѣдовала съ дѣтьми, между которыми татарскія фізіономіи отличались своеобразною красотою. Во всѣхъ сдѣшнихъ институтахъ царитъ поразительная чистота. За-частую до глубокой ночи, исполнивъ самымъ точнымъ образомъ этикетныя требованія на балахъ, императрица (у которой и бываетъ большинство придворныхъ празднествъ) занимается корреспонденціею съ этими заведеніями. Она посѣщаетъ ихъ во всякіе часы дня, неожиданно, и, не смотря на то, ее страшно обманываютъ.

9 февраля. Сегодня, въ день рожденія великаго князя Михаила, эрцъ-герцогъ появился на разводѣ въ своей лонгеровской шапкѣ съ султаномъ, при ордентѣ Золотого руна съ алмазами и съ саблею Стефана Баторія, подаренною ему англійскимъ королемъ. Онъ былъ великолѣпенъ. Замѣчательно, какъ теперь здѣсь, въ Россіи, зашевелилась ненависть къ иностранцамъ, какъ самъ императоръ это знаетъ и какъ нѣмцы не могутъ скрыть отъ себя, что къ нимъ относятся враждебно и съ завистью. Русскіе люди жалуются, что чужія области (имперія) имѣютъ привилегіи предъ ними. Если они стараго графа Ливена называютъ иноземцемъ, то къ таковымъ-же принадлежатъ (здѣсь многіе), равно какъ Дибичъ, Нессельроде, Бенкендорфъ, Витгенштейнъ, Сакенъ, а затѣмъ вся масса англійскихъ и французскихъ гувернантокъ, гувернеровъ, боннъ, нѣмецкихъ купцовъ, ремесленниковъ и т. д., которые здѣсь проживаютъ и дѣятельность коихъ проникла во всѣ общественныя отношенія. Уже въ X-мъ и XI-мъ столѣтіи мы видимъ многихъ иноземцевъ при велико-княжескомъ дворѣ и повсюду; и въ то время появились

названіа: »гости» для иностранныхъ купцовъ, и «люди» для подданныхъ великаго князя не изъ благороднаго рода. Какъ тогда священниками были иностранцы, такъ теперь ученые, потому что настоящихъ русскихъ ученыхъ такое ограниченное число, что въ настоящее время, по случаю заговора, почти вся литература засажена въ крѣпость, какъ замѣтилъ кто-то. Докторами, какъ тогда, такъ и теперь, являются англичане и нѣмцы. Еще съ XII-го столѣтія, они (русскіе) вступали въ сношенія съ нѣмецкими торговыми домами; нѣмецкіе горнорабочіе открыли (имъ) первые серебряные и мѣдные рудники; черезъ посольство къ императору Фридриху III, въ 1489 г., они испрашивали для себя артиллеристовъ, зодчихъ и пр. Да и великіе князья, принявъ христіанство, вступали, какъ теперь, въ браки съ иноземками. Только въ эпоху распаденія (государства) и монгольскаго ига, значеніе великаго князя понизилось и браки съ иноземками стали рѣже. Стоило-бы, я полагаю, обратить побольше вниманія на церковно-историческую сторону бытоописанія русской земли. Обращеніе Россіи (въ христіанство) послѣдовало изъ Константинополя, и съ паденіемъ Восточной имперіи, она (Россія) какъ бы осиротѣла. Поэтому она не можетъ придти къ самостоятельности въ своемъ образованіи, — должна продолжать вызывать къ себѣ западныхъ учителей, ученыхъ, художниковъ, которые, конечно, не могутъ сдѣлать ее независимою отъ того источника, изъ коего они сами почерпали (свои знанія). Съ другой стороны, она походитъ на своего духовнаго отца, и ее скорѣе можно считать продолженіемъ Восточно-римской имперіи, нежели государство Карла Великаго — продолженіемъ Западной.

12 февраля. Во вчерашнемъ «Journal de St. Pétersbourg» опять есть статья о заговорѣ. Судя по ней, первыя собранія этихъ людей начались въ 1815 г., съ наружною цѣлью благотворительности, но только (однимъ) посвященнымъ была извѣстна цѣль политической реформы. Планъ — убить Александра задуманъ былъ уже въ 1817 году, — еще до соглашенія насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. На мой взглядъ, чтобы ввести порядокъ, согласіе и свободу въ это чудовищное (!) государство, слѣдовало-бы сначала учредить областную администрацію и областныя земскія собранія.

14 февраля. Сегодня утромъ генералъ Тиле рассказывалъ мнѣ, что былъ у Дибича, который откровенно сознался ему, что главною причиною меланхоліи Александра въ послѣдніе годы было то, что онъ отчаялся положить конецъ злѣйшимъ злоупотребленіямъ. О своемъ отреченіи, равно какъ и объ отказѣ Константина (отъ престола), онъ ему никогда, и даже на одрѣ болѣзни, не говорилъ; такъ что онъ (Дибичъ), послѣ смерти Александра обратился къ Константину, но тотъ отвѣчалъ ему: «я не императоръ; а то, что вы имѣете доложить императору, посылайте въ Петербургъ». Исторія о заговорѣ была Александру извѣстна, но замыслахъ убійства точныя извѣстія пришли уже послѣ его кончины, и вслѣдствіе этихъ извѣстій Дибичъ приказалъ аресто-

вать Пестеля. Довнесеніе объ этомъ, не принятое Константиномъ, онъ послалъ, затѣмъ, съ полковникомъ Фредериксомъ, въ Петербургъ, гдѣ Николай Павловичъ (тоже) не хотѣлъ принять депеши. Когда Фредериксъ заявилъ, что онѣ въ высшей степени важны, то онъ (Николай Павловичъ), прочитавъ ихъ, поручилъ Фредериксу передать Дибичу, что все необходимое будетъ сдѣлано. Дибичъ полагаетъ, что арестовано около 300 человекъ, и что этимъ все исчерпывается. Онъ полагаетъ даже, что доберутся до корня всего этого дѣла и истребятъ его въ конецъ. Въ народѣ распускаютъ слухи, что Александръ Павловичъ живъ еще, что гробъ пустой.

Сегодня мы обѣдали у графа Лебцельтерна ¹⁾, который изъ-за Трубецкаго отзывается отсюда, со всѣмъ наличнымъ персоналомъ своего посольства. Гамбургскій повѣренный въ дѣлахъ Гедефруа говорилъ мнѣ о внутреннихъ областяхъ Россіи, которыя, по его словамъ, въ послѣднія 50 лѣтъ очень поднялись. Совершенно противоположнаго мнѣнія объ этомъ прогрессѣ держится князь Шварценбергъ — человекъ ловкій и умный, который дѣлалъ путешествіе въ Астрахань, и отзывается о внутреннихъ порядкахъ въ странѣ съ рѣшительнымъ презрѣніемъ. Онъ говоритъ, что люди здѣсь должны быть хуже, чѣмъ гдѣ-либо и что императоръ Николай Павловичъ навѣрное не сыскалъ-бы въ обширномъ государствѣ своемъ и сотню честныхъ людей (!?).

Изъ здѣшнихъ разказовъ узнаешь еще слѣдующее: въ 25-лѣтнюю годовщину императора Александра онъ долженъ былъ быть убитъ; 14 заговорщиковъ должны были отправиться въ Таганрогъ и совершить (это) убійство. Въ Петербургѣ (заговорщики) поднялись такъ рано, изъ боязни быть открытыми, и пользуясь колебаніями въ наслѣдствѣ престола. Кончина Александра такъ всѣхъ ошеломила, что не принято было ни малѣйшихъ мѣръ для сохраненія тѣла. Свинцовый гробъ оказался слишкомъ короткимъ, деревянный — слишкомъ длиннымъ. Въ городѣ опять ходятъ слухи объ арестахъ, вызванныхъ показаніями Кюхельбекера. Въ артиллерійскомъ училищѣ, которое мы сегодня осматривали, много воспоминаній о Петрѣ I, который, судя по находящейся тамъ мѣркѣ, былъ ростомъ въ 6¹/₂ футъ.

21 февраля. Сегодня, въ 7¹/₂ ч. утра, отправились мы по замерзшему морю въ Кронштадтъ, куда ѣхали 1 ч. 25 м.; черезъ полыню въ 3 ф. ширины перекинуть деревянный мостъ. Принцу Вильгельму нездоровилось, и онъ не поѣхалъ съ нами. Мы видѣли всѣ три гавани и городскія укрѣпленія. Флотъ, какъ говорятъ, состоитъ изъ 20 линейныхъ кораблей, которые, видимо, находятся въ дурномъ положеніи. Изъ Кронштадта мы поѣхали въ Ораніенбаумъ. Здѣсь и въ Петергофѣ эрцъ-герцогу пришлось въ весьма холодныхъ комбатахъ принимать рапорты 8 ординарцевъ. Мы сдѣлали въ

¹⁾ Австрійскій посоль, родственникъ кн. Сергѣя Трубецкаго, замѣшаннаго въ заговорѣ.

этотъ день 11 — 12 нѣмецкихъ миль на тѣхъ-же лошадахъ, — en train de chasse, — проѣзжая мило, самое большое въ 20 минутъ.

24 февраля. Вчера, въ день рожденія послѣдней великой герцогини Мекленбургской, мы поутру поздравляли принца, а затѣмъ — императрицу, которая соизволила пригласить насъ въ Аничковъ дворець и тамъ завтракала съ принцемъ и съ нами троими. Она показала намъ все помѣщеніе, и съ сладкимъ воспоминаніемъ говорила о томъ времени, когда проживала тутъ. Когда она говорила о своемъ супругѣ, то всегда называла его великимъ княземъ. Великій князь Александръ и обѣ великія княжны, Марія и Ольга, — всѣ трое дѣти необычайной красоты, — играли такъ весело, что отраднo было смотрѣть на нихъ. Императоръ все еще не совсѣмъ здоровъ но теперь онъ поправляется. Полковникъ Мердеръ, воспитатель великаго князя, свободно говорилъ объ Аракчеевѣ и о военныхъ поселеніяхъ, что, въ здѣшней странѣ, свидѣтельствуетъ о самостоятельности (характера).

Давно уже хотѣлъ я написать о Гриммахъ, которые напоминаютъ мнѣ тѣхъ (святыхъ) изъ Кесарева дома, о которыхъ говорится въ посланіи къ Филиппійцамъ (IV, 22). Эти четыре брата, родившіеся здѣсь въ Петербургѣ, всѣ состоятъ на службѣ у императора и у императорской фамиліи; но кромѣ того, они рабы, и рабы вѣрные своего Господа и Спасителя. Двое изъ нихъ, Петръ и Павелъ, которыхъ я ближе знаю, маленькіе ростомъ и до неузнаваемости похожи другъ на друга, завѣдуютъ гардеробной императора. Они были вѣрными приверженцами и слушателями Госнера, и постоянно заявляли себя его послѣдователями. Недавно принцъ сообщилъ мнѣ, что кто-то при дворѣ сказалъ ему, что очень не хорошо со стороны Госнера посылать сюда сочиненія, проповѣдующія революцію. Этому я рѣшительно противорѣчилъ, однако осторожно сообщилъ о томъ Павлу Гриму, который принесъ мнѣ все, что получалъ отъ Госнера. Я перечитаю эти превосходныя проповѣди и письма, а затѣмъ передамъ ихъ на благоусмотрѣніе принца. Отраднo слышать, съ какою любовью этотъ маленькій Павелъ Гриммъ говоритъ объ императорѣ и о всей его фамиліи и какъ призываетъ онъ на нихъ благословеніе Господне. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, императоръ Николай и великій князь Михаилъ читаютъ священное писаніе. Сегодня Павелъ Гриммъ принесъ мнѣ письмо (къ нему) отъ Госнера: «Ты, императорскій Павелъ! Адъютантъ фонъ-Герлахъ долженъ былъ привезти намъ много писемъ и проповѣдь на новый годъ; не знаю, какъ это случается, что вы ничего не получаете. Итакъ, пишу тебѣ сегодня и говорю тебѣ: по милости Божьей, ты долженъ сердечно радоваться, братъ твоего Спасителя въ спутники при твоемъ служеніи; повсюду, съ благословеніями, заботиться объ императорѣ и облекать его въ одежды... Когда ты видишь, что онъ куда-нибудь идетъ или ѣдетъ, то молись, чтобы Господь и Его ангелы сопутствовали ему... Короче: ты долженъ все дѣлать съ молитвою, иначе ты не

настоящій императорскій слуга... Часто вспоминай о томъ, что Богъ далъ тебѣ владыкою человѣка, которому онъ ввѣрилъ 50 милліоновъ людей... Богъ не напрасно поставилъ васъ, маленькіе Петръ и Павелъ, такъ близко къ императору; вы должны двумя ангелами стоять у его престола, тогда служеніе ваше будетъ богослуженіемъ, а не только одною придворною службою. Твой другъ, изгнанный».

25 февраля. Сегодня, на обратномъ пути изъ церкви, принцъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ письмѣ князя Витгенштейна, убѣдившемъ его въ существованіи и въ нашемъ отечествѣ (тайнаго) общества, замыслиающаго объ истребленіи властительныхъ домовъ и введеніи республиканскихъ учреждений. Я возразилъ, что не могу убѣдиться въ реальности (такихъ замысловъ), пока они остаются въ сферѣ студенческихъ и ученыхъ мечтаній. Въ письмѣ къ его выс-ву князь Витгенштейнъ обращалъ его вниманіе на либеральную клику Гарденберга, черезъ которую шли всѣ назначенія къ должностямъ. Это люди самыя зловредныя принциповъ и должны-бы быть замѣнены лучшими. Перовскій прервалъ этотъ разговоръ, заставившій меня сильно задуматься; такъ что я намѣренъ подготовить себя основательнымъ размысленіемъ, дабы имѣть возможность высказать принцу мое мнѣніе объ этомъ.

27 февраля. Вчера, послѣ церковной службы, видѣли мы ледяныя горы и санный бѣгъ на Невѣ. Здѣсь мало ѣздятъ верхомъ; всѣ въ экипажахъ; кавалерійскіе офицеры тоже бывають верхомъ лишь въ строю, потому и ѣздятъ они, какъ портные (!!).

Сегодня, у графа Блома, я обѣдалъ съ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковымъ, который тоже адмиралъ и у котораго отъ старости голова трясется. По его мнѣнію, министръ финансовъ самый важный человѣкъ въ Россіи.

1 марта. Съ нѣкотораго времени русскіе начинаютъ скрывать относительно заговора. Не могу судить: служить-ли это предвѣстіемъ частной амнистіи, или-же они жалѣють, что такъ разблаговѣстили объ этомъ дѣлѣ. Императоръ и принцъ много говорятъ о развѣтвленіяхъ этого заговора за границею, а именно у насъ, въ Познани. Но страннѣе всего мнѣніе нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ русскихъ, которые полагають, что заговоръ устроенъ тутъ Меттернихомъ, для разрушенія могущества Россіи и для подчиненія ея затѣмъ римской церкви, черезъ посредство иезуитовъ. Дипломаты сходятся въ мнѣніи, что Меттернихъ, при его боязни демагоговъ, склонилъ Александра къ (крутымъ) мѣрамъ противъ франкмасоновъ; между тѣмъ, какъ прежде онъ (Александръ) на все, что ему противъ нихъ ни говорили, отвѣчалъ: «laissez les francmaçons, ce sont de bons gens». Вскорѣ затѣмъ послѣдовали преслѣдованія братскихъ общинъ и библейскихъ обществъ. Какъ ни мало вѣрю я этимъ розсказаньямъ, въ нихъ все-таки заключается доля правды. Теософическій цесаризмъ и политическо-католическая церковь

научаютъ человѣка, какъ земными орудіями дѣлать завоеванія насчетъ небеснаго; они наружно придаютъ священное значеніе государству, но вѣстѣ съ тѣмъ профанируютъ эту святость земными элементами, отнимаютъ у нея силу содержать въ чистотѣ божественные законы Императоръ раздѣлилъ свою канцелярію на два отдѣленія. Сегодня поутру былъ разводъ, причѣмъ иностранцы были удалены императоромъ. Послѣ рѣчи, съ которою онъ обратился къ обоимъ бунтовавшимъ полкамъ и на которую тѣ отвѣчали единогласнымъ, дѣйствительно восторженнымъ ура, онъ сказалъ находившемуся тамъ инкогнито Дёрнбергу: «Эти будутъ опять за меня». Сегодня императоръ отдалъ повелѣніе, чтобы изъ людей, которые были въ числѣ мятежниковъ на Исаакіевской площади, сформировать два баталіона, которые и должны отправиться въ Грузію. Такъ какъ имъ объявлено прощеніе, то они остаются гвардейскими и (будутъ считаться) въ составѣ своихъ полковъ.

4 марта. Я только-что вернулся съ продолжительнаго визита у князя А. Н. Голицына, положительно истиннаго и глубоко-вѣрующаго христіанина. Я заявлялъ, что мнѣ невозможно было-бы уѣхать отсюда, не познакомившись съ нимъ поближе, нежели при встрѣчахъ въ приемныхъ покояхъ императора. Онъ очень откровенно говорилъ и объ императорѣ Александрѣ, который, по его словамъ, никогда не заблуждался въ своихъ вѣрованіяхъ, но объ этомъ заговорѣ имѣлъ лишь смутныя свѣдѣнія и воображалъ себѣ, что подъ маскою религіи дѣлается что-либо другое. «Я близокъ былъ къ императору Александру въ теченіе тридцати лѣтъ, сказалъ Голицынъ, и дружба наша началась еще со временъ императрицы Екатерины». Графъ Ливенъ говоритъ, что Голицынъ склоненъ къ мистицизму, какъ всѣ люди греческаго исповѣданія, обращающіеся къ Господу. Замѣчаніе это, конечно, не совсѣмъ невѣрно, потому что я самъ, кромѣ Голицына, замѣтилъ то-же и въ Головинѣ, единственныхъ членахъ православной церкви, съ которыми я бесѣдовалъ о христіанствѣ.

5 марта. Прибылъ Веллингтонъ. Вчера утромъ принцъ поѣхалъ къ нему, и мы съ нимъ. Ну, постарѣлъ-же этотъ человѣкъ! Ему на видѣ лѣтъ 90. Сегодня на разводѣ мнѣ вспомнился разговоръ, будто англійскій король, споря съ нимъ однажды о преимуществахъ конницы передъ пѣхотою, выразился такъ: «Wellington is a very good fellow, но въ военномъ дѣлѣ онъ ничего не смыслитъ».

8 марта. Вчера мнѣ впервые пришлось здѣсь имѣть разговоръ о греческихъ дѣлахъ. По тому, что я частью слышалъ еще въ Берлинѣ, дѣла эти приближались уже къ развязкѣ, когда Александръ скончался въ Таганрогѣ. Принять участіе въ грекахъ онъ намѣревался лишь въ томъ случаѣ, если-бы это не угрожало спокойствію Европы, переговоры же съ турками онъ велъ такъ, что могъ свободно разорвать съ ними отношенія, на основаніи своихъ требованій и неудовольствій по поводу Молдавіи и Валахіи и по случаю испы-

танныхъ имъ оскорбленій. Хотя разногласія сами по себѣ были незначительны, но онъ въ послѣднее время хотѣлъ серьезно угрожать Турціи, а въ случаѣ надобности даже двинуть свои войска. И Пруссія была заодно съ нимъ. Согласится-ли теперь Николай съ возрѣвнiями Александра—это вопросъ.

11 марта. Сегодня императору прощался съ назначенными на Кавказъ баталіонами. Принцъ долженъ былъ присутствовать при этомъ одинъ, но взялъ съ собою генерала Тиле. Говорятъ, что солдаты — 2,500 человекъ глядѣли совершенно весело; многіе изъ офицеровъ добровольно пошли съ ними. Относительно военныхъ поселеній господствуетъ здѣсь лишь одно мнѣніе: всѣ ихъ осуждаютъ и проклинаютъ. Тиранство (въ военныхъ поселеніяхъ) доходило до невѣроятныхъ размѣровъ, и подтверждается, что въ южныхъ поселеніяхъ пришлось употреблять силу. Офицеры поселенныхъ полковъ не осмѣливались выходить въ отставку; если-же они все-таки выходили, то Аракчеевъ, творецъ всего этого дѣла, препятствовалъ имъ въ полученіи мѣста, которое-бы обезпечивало ихъ. Кажется, вѣрно, что нынѣшній императоръ не будетъ увеличивать этихъ поселеній; работы (производившіяся тамъ), говорятъ, уже приостановлены.

12 марта. Дворъ отправился въ Царское Село, для встрѣчи тѣла императора Александра и пребыванія при немъ. Принцъ поѣхалъ туда безъ насъ; намъ-же сказано, что будетъ приятно, если и мы въ воскресенье прибудемъ туда, чтò, конечно, принято было нами за приказаніе. Когда мы прибыли то заговорили съ принцемъ, который былъ очень разстроенъ. Въ 3 часа императоръ сѣлъ на коня и виѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ, принцемъ Вильгельмомъ и принцемъ Оранскимъ поѣхалъ на встрѣчу траурному шествію. Подождавъ нѣсколько времени во дворцѣ, мы пошли въ церковь стѣны которой обиты были черною матеріею. Всѣ не послѣдовавшіе за императоромъ одлеклись въ черныя мантии. По срединѣ церкви возвышался разукрашенный катафалкъ. Въ одно изъ оконъ мнѣ удалось увидѣть процессію: она была очень не велика. На погребальной колесницѣ, запряженной шестирикомъ, сидѣлъ старый лейбъ-кучеръ, который всегда возилъ его. При пѣніи придворныхъ пѣвчихъ, донскіе казаки, прибывшіе съ тѣломъ изъ Таганрога, поставили на катафалкъ гробъ, за который придерживались всѣ генералъ-адъютанты. Во время поднятія гроба, старикъ Остерманъ положилъ на корону свою единственную руку; другой онъ лишился подъ Кульмомъ. Обѣ императрицы и вся императорская фамилія встрѣтили шествіе на лѣстницѣ, а (потомъ) вошли въ церковь, гдѣ остались и послѣ того, что всѣ прочіе, по окончаніи богослуженія, удалились отсюда. Вечеромъ мы поѣхали обратно въ городъ. Безлѣсная, мертвая, снѣжная равнина производила при лунномъ свѣтѣ, тяжелое, жуткое впечатлѣніе. Деревни, одна изъ коихъ населена нѣмецкими колонистами, имѣютъ видъ бѣдноватый.

14 марта. (Въ публикѣ) недовольны тѣмъ, что императоръ не выказы-

ваетъ бѣльшаго презрѣнія «к—льѣ Аракчееву», для котораго жестокость есть отрада, и что его креатура, Муравьевъ, еще служить въ императорскомъ кабинетѣ. Теперь уже навѣрное извѣстно, что Константинъ не прійдетъ. Говорятъ, что отсутствіе его и императрицы Елисаветы на похоронахъ производитъ нехорошее впечатлѣніе.

16 марта. Принцъ рассказывалъ мнѣ, какъ былъ вскрытъ гробъ, и какъ императрица-мать нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго, приговаривая: «*Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre; ah, comme il a maigri!*» Трижды возвращалась она и подходила къ тѣлу. Принцъ былъ весьма разстроенъ при видѣ его.

19 марта. Вчера совершилось перенесеніе тѣла въ Казанскій соборъ. Мы шли въ черныхъ, шерстяныхъ мантияхъ и съ опущенными полями шляпъ, а потому ничего не видали взо всей процессіи. Императоръ, командовавшій всѣмъ парадомъ, слѣдовалъ верхомъ, съ обнаженною шпагою, а Веллингтонъ—съ фельдмаршалскимъ жезломъ. Когда подъѣхала погребальная колесница, вся императорская фамилія опустилась на колѣни. Старый, бородатый лейбъ-кучеръ, который хотѣлъ даже пожертвовать своею бородою, такъ какъ требовалось, чтобы онъ надѣлъ ливрею—рыдалъ такъ, что у него все тѣло тряслось. Передъ каждою церковью, также и передъ католическою, стояло духовенство. При проѣздѣ погребальной колесницы всѣ осѣняли себя крестомъ. При входѣ въ Казанскій соборъ произошла сильная давка; затѣмъ было богослуженіе, подобно какъ въ Царскомъ Селѣ. Сегодня принцъ возвратилъ мнѣ бумаги Госнера, сказавъ, что нашелъ въ нихъ лишь истинно христіанское (ученіе). Онъ говорилъ тоже, что великій князь Михаилъ относится съ сомнѣніемъ къ библейскимъ обществамъ, потому что здѣшній народъ ни ученъ, ни образованъ. Духовенство того мнѣнія, что переводъ на русское нарѣчіе отнялъ у священнаго писанія его достоинство. Я возражалъ на подобное воззрѣніе, однако тоже убѣжденъ въ томъ, что біблія безъ обученія остается недѣйствительною. Принцъ соглашался съ моими сужденіями.

21 марта. Говорятъ, что въ Варшавѣ (добились) у какого-то польскаго полковника сознание (въ преступныхъ замыслахъ). Въ какомъ колеблющемся положеніи находится бѣдный императоръ, окруженный предателями. Надяяхъ, одно лице сказала генералу Тиле: «повѣрьте, что еще не всѣ злоумышленники въ крѣпости; таковыхъ еще достаточно между нами, и они ежедневно, вмѣстѣ съ нами, присутствуютъ въ приемныхъ государя, и онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ доказательства ихъ измѣны». Когда я вижу выраженіе горести на честномъ лицѣ Николая, то упрекаю самого себя за свое стремленіе уѣхать отсюда, гдѣ онъ осажденъ такою массою заботъ. Великимъ утѣшеніемъ служатъ ему: его супруга, его добрая совѣсть и Господь Богъ. Императоръ собираетъ вокругъ себя всѣхъ, на вѣрность коихъ полагается: Кочубея, Строгонова и др. Александръ въ послѣднее время отдалилъ этихъ людей отъ себя и вполне

предался Аракчееву. Сегодня, во время завтрака принцъ разсказывалъ, какъ императрица-мать нѣсколько разъ, когда рѣчь заходила о показаніяхъ злоумышленниковъ, обращалась къ нему съ вопросомъ: могъ-ли онъ предполагать такія гнусности? Точно также не понимаетъ принцъ, какъ Александръ могъ терпѣть около себя и на службѣ (нѣкоторыхъ лицъ). Сегодня мы, по указанію принца, были въ Казанскомъ соборѣ одновременно съ императорскою фамиліею: всѣ они (члены фамиліи) поднимались на катафалкъ, прикладывались ко гробу; лица православнаго исповѣданія цаловали руку священнику и осѣняли себя крестомъ.

22 марта. Сегодня мы рано по-утру поздравляли принца, по случаю дня его рожденія. Императрица прибыла безъ траура, также и дѣти ея; затѣмъ пришелъ самъ императоръ, въ кирасирскомъ мундирѣ, и самымъ задушевнымъ и привѣтливымъ образомъ обнималъ всѣхъ насъ; видъ онъ имѣлъ великолѣпный. «Вѣднjacka, сказала императрица (о принцѣ), какинъ печальнымъ образомъ приходится ему праздновать день своего рожденія».

26 марта. Сегодня принцъ, генераль Тиле и я причащались въ Анненской церкви. Погребеніе, котораго здѣсь опасались, теперь дѣло конченное. Мы отправились въ Казанскій соборъ. Тамъ императоръ стоялъ противъ катафалка. Процессія дошла, безъ всякихъ происшествій, до Петро-Павловской церкви. Музыка была дивная; особенно - же хоры священно-служителей. Императрица-мать громко рыдала. Когда гробъ поднять былъ съ катафалка, обѣ императрицы удалились, и тогда гробъ былъ опущенъ въ тѣсную могилу, обитую чернымъ. Домой мы пошли по невшскому льду. Я написалъ въ Берлинъ, гдѣ о насъ стали безпокоиться. Здѣсь тоже не обошлось безъ опасеній: войска были распределены и разставлены особеннымъ порядкомъ. Императрица-мать, которая не мало приняла на себя мученій, ѣдетъ въ Калугу, къ императрицѣ Елисаветѣ.

27 марта. Теперь греческія дѣла начинаютъ играть главную роль, и по этому поводу всѣ перья и всѣ курьеры находятся въ движеніи. Велилингтонъ допустилъ убѣдить себя относительно правъ руссійскаго императора, (должно быть такая ему была дана инструкція), [и теперь, вѣроятно, въ Константинополь будетъ подана коллективная нота въ пользу грековъ, а въ случаѣ непринятія оной, стануть угрожать вооруженнымъ вѣдшательствомъ со стороны Россіи. О хитрости турокъ при переговорахъ разсказывалъ князь Меншиковъ, — одинъ изъ самыхъ образованныхъ и ловкихъ русскіихъ людей, съ которыми я здѣсь встрѣчался. Къ этому греческому кризису, котораго нынѣшнее появленіе можетъ доставить императору Николаю громкую славу, присоединилось опасное воспаленіе легкихъ у австрійскаго императора, котораго на третій день болѣзни соборовали. На пятый день (14 марта) ему стало полегче. Португальскаго короля поразилъ ударъ. Велилингтонъ, въ

совершенномъ восторгѣ отъ императора Николая, заявилъ, что онъ отдаетъ ему значительное вредпочтеніе передъ его предшественникомъ.

30 марта. Сегодня, на парадѣ, прошло мимо меня 30.000 чел. войска. «Не полагайтесь на руки плотскія, а еще менѣе—на штыки», хотѣлось мнѣ воскликнуть императору, когда онъ, окруженный блестящею свитою, стоялъ передъ Салтыковскимъ подъѣздомъ... Пусть императоръ постоянно думаетъ о томъ, что вѣнецъ свой онъ пріялъ Божіею милостью, но что онъ, передъ этимъ строжайшимъ Судіею обязанъ гораздо большою отвѣтственностью, нежели всѣ, такъ называемые, отвѣтственные министры передъ палатою народныхъ представителей.

3 апрѣля. Принцъ рассказывалъ мнѣ, что императоръ, когда рѣчь коснулась Госнера, выразился такъ: «Эти люди надѣлали намъ много вреда». Тогда онъ (принцъ) сталъ защищать Госнера, причѣмъ ссылался на сообщенныя ему мною проповѣди. Императоръ возразилъ, что не о нихъ и рѣчь, но о скверной книгѣ, которую онъ (Госнеръ) хотѣлъ здѣсь напечатать, за что и пришлось его выслать. Въ защиту Госнера принцъ упомянулъ, насколько милостиво отнесся къ нему Александръ, выславшій его съ значительною денежною суммою. «Que voulez-vous, on ne peut pas mettre quelqu'un à sec, qu'on a fait venir à grands frais»¹⁾ (отвѣчалъ императоръ). Теперь принцъ велѣлъ мнѣ добыть названную книгу, чтобы основательно изслѣдовать этотъ вопросъ,—и я уже приступилъ къ дѣлу. Принцъ выразилъ императору и императрицѣ, что надо очень остерегаться того, чтобы пробуждающійся нынѣ религіозный духъ не обзывать тотчасъ-же мечтаніями и сектантствомъ. При этомъ случаѣ я опять услышалъ новыя подробности относительно реакціи противъ христіанскихъ воззрѣній Александра. На заднемъ планѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Аракчеевъ, который самъ, можетъ быть, получалъ внушенія отъ монаха Фотія. Императоръ Александръ терпѣть не могъ обонхъ, чувствуя, что не можетъ противиться злой силѣ, двигавшей ими, а между тѣмъ одному цѣлуетъ руку, а другаго допускаетъ изъять у себя бразды правленія. Митрополитъ падаетъ къ его ногамъ, жалуясь, что Госнеръ подвергаетъ церковь опасности, что народъ убьетъ его, и — Госнера высылаютъ. Александромъ овладѣвалъ духъ унынія, когда онъ чувствовалъ, что его прекраснѣйшіе планы потерпѣли неудачу, ибо онъ часто говаривалъ, что хотѣлъ-бы собрать здѣсь христіанскую общину, не обращая вниманія на различіе вѣроисповѣданій и партій. Императоръ Николай презираетъ Фотія. Сегодня я получилъ извѣстныя книги и передалъ ихъ принцу передъ разводомъ, но только послѣ онаго могъ ему сдѣлать докладъ о нихъ. Онъ вполне убѣдился въ невинности (Госнера); я-же съ нетерпѣніемъ ожидаю

¹⁾ Что-же дѣлать! Нельзя же было разворять того, кого привезли съ большими надержками.

дальнѣйшаго хода этого дѣла. Затѣмъ Его Высочество бесѣдовалъ со мною о демагогическихъ проискахъ, о важности судебныхъ учрежденій, о моемъ братѣ Вильгельмѣ и пр.

6 апрѣля. Сегодня прибылъ курьеръ съ повелѣніемъ о нашемъ отъѣздѣ, который назначенъ на вторникъ вечеромъ. Поэтому мы сегодня ѣздили еще въ военныя поселенія, сдѣлавъ 140 верстъ въ 7 часовъ. Аракчеевъ, единственный въ своемъ родѣ человекъ: дурень собою, какъ нельзя болѣе, и кричить, какъ мужикъ.

7 апрѣля. Вчерашняго дня было достаточно, чтобы ознакомиться съ военными поселеніями во всей ихъ гнусности. Головинъ справедливо сказалъ, что «человѣкъ въ этихъ колоніяхъ дѣлается работою капорализма (corporalisme) даже до мелочей своей частной жизни».

По возвращеніи мы нашли у себя подарки изъ малахита. Во время прощальной аудіенціи, императрица была очень растрогана и весьма милостива; императоръ, одѣтый въ сюртукъ, говорилъ о разводѣ; обѣ великія княжны совершенно спокойно дали поцаловать свои ручки. Императрица - мать говорила о военныхъ поселеніяхъ, какъ о любимомъ созданіи ея сына, и этимъ, повидимому, хотѣла сдержать всякое иное сужденіе о нихъ. Дибичъ сознается въ необходимости переимѣнъ въ этихъ поселеніяхъ. О Клейнмихелѣ, который хуже Аракчеева и есть его креатура, кто-то выразился такъ: «Araktscheyef l'a fait général et lui a donné deux ..., et plusieurs....».

Герлахъ.

РОССІЯ И РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1839 г. ¹⁾

Записки французскаго путешественника де-Кюстина.

Письмо шестнадцатое.

К

Петербургъ, 27-го іюля 1839 г.

Кюстину очень хотѣлъ ^{ось} осмотрѣть въ Петергофѣ коттеджъ, во время пребыванія въ немъ государя и государыни. Хотя это достигалось съ большимъ трудомъ, но баронесса *** устроила ему это. Въ условленный день, въ 11 часовъ утра, вмѣстѣ съ баронессою *** онъ былъ въ коттеджѣ. Вдругъ лакей доложилъ ей, что императрица Александра Феодоровна, противъ своего обыкновенія, уже возвращается съ прогулки. „Какая перемена, я не успѣю ничего осмотрѣть!“ воскликнулъ Кюстинъ.

— „Быть можетъ: пройдите черезъ эту террасу въ садъ и ждите меня при входѣ въ садъ“.

„Не прошло и двухъ минутъ, какъ я находился тамъ, какъ увидѣлъ императрицу совершенно одну, быстро сходящую по ступенямъ крыльца и направляющуюся ко мнѣ. Ея стройная, высокая фигура своеобразно граціозна; ея походка быстра, легка и вмѣстѣ съ тѣмъ благородна; ей свойственны нѣкоторыя движенія плечъ и рукъ, нѣкоторыя позы, которыя нельзя забыть. Она была одѣта въ бѣломъ; ея лицо, окаймленное бѣлымъ капотомъ, казалось отдохнувшимъ; въ глазахъ проглядывало выраженіе грусти,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ LI, іюль, стр. 21—22; изд. 1891 г., томъ LXIX, январь, стр. 145—184; февраль, стр. 407—420; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 109—130.

кротости и спокойствія; граціозно приподнятый вуаль обрамлялъ ей лицо; сквозной шарфъ укутывалъ ей плечи и дополнялъ въ высшей степени эlegantный утренній костюмъ. Еще никѣгда не казалась она мнѣ столь интересною: при подобномъ видѣ всѣ зловѣщія предположенія бала разсѣялись—императрица показалась мнѣ воскреснувшей, и меня охватило что то похожее на чувство спокойной увѣренности, являющейся днемъ послѣ тревожно проведенной ночи. Ея величество, подумалъ я, безъ сомнѣнія сильнѣе меня, если такъ перенесла третьеводнишнее празднество, вчерашніе смотръ и раутъ и сегодня встала такою блестящею, какъ я еще не видалъ ея.

— „Я сократила мою прогулку, потому что знала, что вы здѣсь“.

„Ахъ, государыня, я былъ далекъ отъ мысли встрѣтить столько доброты“.

— „Я ничего не сказала о моемъ намѣреніи ***, сейчасъ только что побранившей меня, что я явилась, не предупредивши васъ; она утверждаетъ, что я беспокою васъ въ вашемъ осмотрѣ. Значить, вы являетесь сюда, чтобы вывѣдать наши секреты“.

„И-бы очень желалъ этого, государыня, можешь только выспрашивать прозиковенья въ мысли людей, такъ хорошо умѣющихъ выбирать между пышностью и изяществомъ“.

— „Пребываніе въ Петергофѣ мнѣ невыносимо, и вотъ чтобъ имѣть возможность дать отдохнуть глазамъ отъ этого тѣжелаго блеска, я просила императора объ этой избушкѣ. Я никогда не была такъ счастлива, какъ въ этомъ домикѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ моихъ дочерей вышла замужъ, а сыновья учатся въ другомъ мѣстѣ, онъ сталъ слишкомъ великъ для насъ“.

Я улыбнулся безъ отвѣта, — я былъ очарованъ: мнѣ казалось, что эта женщина, столь отличная отъ той, въ чью честь третьяго дня давался пышный праздникъ, должна раздѣлять всѣ мои впечатлѣнія; какъ и я, думалось мнѣ, она чувствовала усталость, пустоту, понимала живой блескъ этого официального праздника и въ настоящую минуту сознаетъ, что достойна чего-нибудь лучшаго. Я сравнивалъ цвѣты коттаджа съ дворцовыми кострами, чудное солнечное утро съ освѣщенною торжественно ночью, тишину прелестнаго уединенія съ суматохою наполнявшей дворецъ толпы, праздникъ природы съ придворнымъ, женщину съ императрицею — и я былъ восхищенъ хорошимъ вкусомъ и умѣньемъ, съ которымъ эта царица сумѣла избѣжать скуки представительства и окружить себя всѣмъ, что составляетъ прелесть частной жизни. Это было

новое волшебство, плѣнявшее мое воображеніе еще болѣе, чѣмъ чары могущества и величія.

— „Я не хочу оправдать словъ М**, продолжала императрица: Вы можете осмотрѣть коттеджъ въ подробностяхъ, и вамъ его покажетъ мой сынъ. Я-же въ это время осматриваю свои цвѣты, и надѣюсь увидеть васъ еще“.

Таковъ былъ пріемъ, встрѣченный мною у этой женщины, слышущей высокоумною не только въ Европѣ, гдѣ ея совершенно не знаютъ, но и въ Россіи, гдѣ ее близко видятъ.

Въ эту минуту присоединился къ своей матери великій князь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ; онъ былъ съ М** и со старшею ея дочерью, молодою дѣвушкою, лѣтъ четырнадцать, свѣжею какъ роза, и красивою какъ только были во Франціи во времена Буше. Она простой живой образецъ одного изъ самыхъ пріятныхъ портретовъ этого художника.

Императрица все не прощалась со мною и мы продолжали ходить взадъ и впередъ передъ домомъ.

Императрица знаетъ насколько я интересуюсь всѣмъ семействомъ М***, по происхожденію польки. Ей извѣстно также, что одинъ изъ братьевъ этой дамы живетъ въ Парижѣ. Она навела разговоръ на жизнь этого молодаго человѣка и долго съ замѣтнымъ интересомъ спрашивала объ его характерѣ, чувствахъ, взглядахъ: для меня это было удобнымъ случаемъ высказать все, къ чему побуждала моя привязанность къ нему. Она внимательно слушала меня. Когда я кончилъ, великій князь, обращаясь къ матери, продолжалъ въ томъ-же родѣ и сказалъ: „я недавно встрѣтилъ его въ Эмсѣ и онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе“.

„И все же такому человѣку не позволяютъ являться сюда, потому что онъ выѣхалъ въ Германію послѣ польской революціи“, воскликнула М*** подъ вліяніемъ любви къ брату и свободы выразиться, которую не могла заглушить въ ней привычка къ придворной жизни съ самаго малолѣтства.

— „Но что же онъ сдѣлалъ такого?“ спросила меня императрица съ неподражаемымъ оттѣнкомъ нетерпѣнія, смѣшаннаго съ добротой.

Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе отвѣчать на столь прямой вопросъ, потому что необходимо приходилось касаться деликатнаго предмета политики—и тѣмъ рисковать испортить все дѣло.

Великій князь явился ко мнѣ на помощь съ такою любезностью и изысканностью, что я оказался-бы просто неблагодарнымъ, аз-

бывши ихъ; безъ сомнѣнія, онъ подумалъ, что мнѣ предстоитъ слишкомъ много сказать, чтобы осмѣлиться отвѣчать, и предупредая какую-либо уловку, способную выдать мое замѣшательство и погубить дѣло, за которое я ратовалъ, онъ горячо воскликнулъ: „кто же, матушка, спрашивалъ когда-либо съ пятнадцати-лѣтняго ребенка за то, что онъ творить въ политикѣ“.

Этотъ отвѣтъ, полный души и ума, вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія и положилъ конецъ нашему разговору. Если-бы я рѣшился истолковывать молчаніе императрицы, я сказалъ-бы, что она думаетъ слѣдующее: „что-же въ концѣ концовъ я могла-бы сдѣлать для этого молодаго человѣка? у меня такъ мало власти!“

По знаку императрицы, великій князь, мадамъ *** и дочь ея вернулись въ коттеджъ. Мнѣ было-бы пріятнѣе встрѣтить въ этомъ домикѣ поменьше роскоши въ мебелировкѣ и побольше произведеній искусства. Нижній этажъ совершенно напоминаетъ дома богатыхъ и фешенебельныхъ англичанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной выдающейся картины, ни куска мрамора или терракота не обнаруживали въ хозяевахъ замѣтной склонности къ шедеврамъ живописи и скульптуры. Этимъ не только болѣе или менѣе обрисовываешь себя самого, но любовь прекраснаго доказываетъ любовь и пониманіе искусства. Я всегда сожалѣю объ отсутствіи подобной страсти у людей, которымъ было-бы такъ легко удовлетворить ей.

Впрочемъ императоръ Николай—не императоръ Рима, онъ не считаетъ себя обязаннымъ любить искусство.

Нижній этажъ мы осмотрѣли быстро изъ опасенія наскучить нашему провожатому. Присутствіе августѣйшаго чичероне стѣсняло меня. Съ принцемъ серьезнымъ я могъ бы надѣяться спастись разговоромъ, но съ принцемъ молодымъ, изящнымъ и веселымъ я чувствовалъ себя безпомощнымъ. Но скоро онъ самъ вывелъ меня изъ этого затруднительнаго положенія. Остановившись на верху лѣстницы, онъ проговорилъ мнѣ съ вѣжливостью властелина, тайна которой извѣстна ему, не смотря на его совершенную молодость: „я увѣренъ, что вамъ было-бъ несравненно пріятнѣе осмотрѣть все это безъ меня, а я все это видѣлъ такъ часто, что признаюсь вамъ, охотно бы предоставилъ вамъ докончить этотъ осмотръ съ М***. Я присоединюсь къ матушкѣ и съ нею буду ждать васъ“.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ намъ полный граціи поклонъ и покинулъ меня очарованнаго его лестною свободою манеръ.

Чѣмъ объяснить застѣнчивость великихъ писателей и князей?

Къ счастью, князья русской императорской фамиліи нисколько не застѣнчивы, они вполнѣ дѣти своего вѣка; въ ихъ манерахъ и языкѣ не замѣчаешь и слѣдовъ того замѣшательства, которое долгое время составляло мученіе для хозяевъ Версаля и ихъ придворныхъ, потому что, что же можетъ быть болѣе стѣснительнымъ, какъ застѣнчивый князь.

Умѣть покинуть своего гостя, не огорчивъ его—своимъ уходомъ верхъ вѣжливости, шедевръ гостепріимства.

Когда великій князь уходилъ, mlle*** находилась позади своей матери; молодой князь, проходя мимо, остановился около нея съ очень серьезнымъ видомъ, нѣсколько насмѣшливымъ, и, не сказавши ни слова, сдѣлалъ глубокой поклонъ. Молодая дѣвушка, понимая, что этотъ поклонъ—иронія, осталась неподвижною, въ позѣ полной почтительности, но не отвѣчая на поклонъ.

Я восхищался этими отѣнками, плодомъ прекраснаго воспитанія. Я сомнѣваюсь, чтобы при этомъ дворѣ хоть одной особѣ лѣтъ 25 свойственна была черта подобной храбрости: только невинности принадлежитъ умѣнье соединить истинное чувство своего достоинства, котораго никто не долженъ терять, съ почтеніемъ должнымъ извѣстнымъ общественнымъ положеніямъ. Этотъ образецъ такта не прошелъ незамѣченнымъ:

— „Всегда одинакова“, проговорилъ, удаляясь, великій князь.

Они вмѣстѣ росли; разница въ пять лѣтъ не мѣшала имъ часто играть въ общія игры. Подобная близость никогда не забывается даже при дворѣ.

Чтобы оцѣнить членовъ царской семьи императора Николая, должно видѣть ихъ вблизи: они созданы, чтобы стоять во главѣ своей страны, потому что во всѣхъ отношеніяхъ они первые въ своей странѣ. Императорская фамилія изъ всего видѣннаго мною въ Россіи болѣе всего способна возбудить удивленіе иностранца.

Окончивши бѣгло осмотръ котгѣджа, я откланялся императрицѣ и отправился въ каретѣ въ Ораніенбаумъ, гдѣ осматривалъ развалины дворца, изъ котораго Петръ III былъ вывезенъ въ Ропшу“.

Письмо семнадцатое.

Петербургъ, 29-го іюля 1839 г.

.... „До настоящаго времени я былъ убѣжденъ, что истина также необходима для ума, какъ воздухъ и солнце для тѣла, но путешествіе въ Россіи разубѣждаетъ меня. Истина является потребностью лишь для избранныхъ или для націй болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, толпа-же мирится съ ложью, удобною для ея страстей и привычекъ“....

Затѣмъ Кюстинъ долго останавливается на несчастьяхъ, причиненныхъ бурей, разразившеюся въ день тезоименитства государыни Александры Ѳеодоровны, и рассказываетъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ ему случаевъ.

Можете-ли вы представить себѣ ту массу рассказовъ, споровъ, догадокъ, криковъ, которые подняло бы подобное несчастье въ какой-либо другой странѣ, особенно же у насъ? Сколько журналовъ напечатали-бы и сколько-бы повторяли, что полиція никогда не исполняетъ своихъ обязанностей, что судохозяева жадны (нѣкоторыя изъ судовъ не вынесли бури, вслѣдствіе большой нагруженности), что власти, далеко не облегчая несчастье, лишь усугубляютъ его, — по своей безпечности или продажности, прибавили-бы, что свадьба великой княгини праздновалась подъ дурными предвѣщаніями какъ и свадьбы многихъ другихъ царственныхъ лицъ, и тогда посыпались бы числа, сближенія, выписки!... Здѣсь же ничего. Молчаніе болѣе страшное, чѣмъ само несчастье. Двѣ строчки въ газетахъ безъ всякихъ подробностей, и при дворѣ, въ городѣ, въ салонахъ большаго свѣта—ни слова! Россія дала себѣ слово не говорить ничего того, что могло бы разстроить.

„Изъ всѣхъ умственныхъ способностей единственно признается здѣсь только тактъ. Представьте себѣ народъ, благоразумный, какъ дипломатъ, намѣревающийся сдѣлать карьеру, и вы поймете, что за удовольствіе представляетъ изъ себя разговоръ въ Петербургѣ. Эта страна производитъ на меня впечатлѣніе двора спящей царевны: все здѣсь блестяще, горитъ золотомъ, великолѣпно, здѣсь не достаетъ только жизни“.

Затѣмъ Кюстинъ долго останавливается на частомъ бездѣйствіи полиціи въ то время, рассказываетъ о видѣнныхъ имъ дикихъ расправахъ на улицахъ, среди бѣла-дня (1839 г.).

„Я сознаюсь, что подобныя дѣйствія въ нравахъ русскихъ, потому что я не подмѣтилъ ни на чьемъ лицѣ знаковъ порицанія или

ужаса, а при этомъ присутствовали представители всѣхъ классовъ общества. Между тѣмъ изданъ сводъ законовъ. Если факты, приведенные мною, согласуются съ нимъ, тѣмъ хуже для закона; если они незаконны, тѣмъ хуже для администратора. Какое несчастіе быть только человѣкомъ, когда принимаешь на себя обязанности Бога!... иногда при томъ принужденъ бываешь принять ихъ для властелина.

Русскимъ врожденно стремленіе казаться европейцами, и пока эта тщеславная болѣзнь будетъ грызть ихъ сердце и мутить умъ,— у нихъ будетъ нѣсколько вельможъ, способныхъ играть въ изящество у насъ и у себя дома, но въ сущности они останутся варварами.

Императоръ Николай рано созналъ, что для Россіи пора одной лишь внѣшности миновала и что предстоить передѣлать въ странѣ все зданіе цивилизаціи.

Петръ, такъ называемый Великій, вторично-бы перевернулъ Россію, чтобы ее перестроить; Николай—искусствѣ. Онъ скрываетъ свою цѣль, чтобы тѣмъ вѣрнѣе осуществить ее. Я чувствую себя проникнутымъ уваженіемъ къ этому человѣку, всѣми силами своей души борящемуся противъ гениальныхъ трудовъ Петра Великаго; бросая вызовъ этому реформатору, онъ возвращаетъ естественный характеръ націи, болѣе чѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія терзаемой на пути рабскаго подражанія.

Мысль императора проявляется даже въ улицахъ Петербурга; онъ не забавляется поспѣшнымъ сооруженіемъ колонадъ — всюду кажущуюся внѣшность государь замѣняетъ реальностью, всюду камень изгоняетъ гипсъ, и массовыя, и прочныя зданія смѣняютъ блескъ ложнаго величія. Русскіе должны стать русскими. Природа призываетъ русскихъ къ великимъ подвигамъ, а ихъ между тѣмъ, съ водворенія мнимой цивилизаціи занимали вздоромъ. Императоръ Николай лучше своихъ предшественниковъ понялъ ихъ призваніе, и въ его царствованіе все возросло, благодаря возврату къ истинѣ.

Надъ Петербургомъ возвышается колонна; это самая большая глыба гранита, когда-либо обработанная рукою человѣка, не исключая даже и египетскихъ памятниковъ. Въ опредѣленный день 100,000 солдатъ, весь городъ и много народу изъ окрестностей стеклись, не толпясь, на площадь передъ царскимъ дворцомъ, чтобы въ религиозномъ молчаніи присутствовать при поднятіи этого баснословнаго памятника, задуманнаго, исполненнаго и доставленнаго на площадь французомъ Монфераномъ, потому что русскіе все еще не могутъ обходиться безъ французовъ. Изумитель-

ныя машины дѣйствуютъ съ успѣхомъ, механика оживляетъ камень, и въ тотъ моментъ, когда колонна, освободившись отъ подпорокъ, какъ бы произвольно двигаясь, какъ живая, поднялась въ воздухъ, войска, народъ, самъ императоръ пали на колѣна, чтобы поблагодарить Всевышняго за подобное чудо и воздать ему хвалу за великія дѣла, которыя онъ помогаетъ имъ совершать. Вотъ что я могу назвать національнымъ празднествомъ: это не лесть, легко принимаемая за сатиру, подобно петергофскому маскараду, это не жанровая картинка, но возвышенная историческая картина. Великое, пошрое, дурное, возвышенное, всѣ противорѣчія совмѣщаются въ этой удивительной странѣ, молчаніе поддерживаетъ возможность чуда и предохраняетъ эту машину отъ ломки.

Императоръ Николай простираетъ реформу даже на языкъ окружающихъ его: онъ требуетъ, чтобы при дворѣ говорили по русски. Большинство свѣтскихъ барынь, въ особенности родившихся въ Петербургѣ, не знаютъ своего роднаго языка: онѣ выучиваютъ нѣсколько русскихъ фразъ, которыми изъ повиновенія и дебатируютъ передъ императоромъ Николаемъ, когда онъ проходитъ по заламъ дворца, гдѣ ихъ удерживаютъ ихъ обязанности; одна изъ нихъ всегда на сторожѣ, чтобы условнымъ знакомъ предупредить приходъ государя: тотчасъ-же всѣ французскіе разговоры смолкаютъ, и русская рѣчь, предназначенная для польщенія императорскаго слуха, раздается во дворцѣ. Николай Павловичъ гордится, видя, до чего простирается его могущество реформатора...

Не знаю, что меня болѣе поражаетъ при видѣ этой безграничной державы—ея могущество или безсиліе.

Какъ и всякій реформаторъ, императоръ Николай одаренъ упрямствомъ, которое въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ.

На концѣ площади, громадной, точно цѣлая область, на той же, гдѣ возвышается колонна, вы замѣчаете гранитную гору—Исаакіевскій соборъ. Это сооруженіе, менѣе пышное и менѣе обремененное украшеніями, чѣмъ соборъ св. Петра въ Римѣ, но столько-же поразительно. Оно еще не кончено (1839 г.) и нельзя судить объ общемъ впечатлѣніи, но оно будетъ выходить изъ ряда всего задуманнаго современнымъ духомъ другихъ народовъ. Матеріаломъ для него служатъ—гранитъ, бронза и желѣзо, и ничего больше. Видъ внушительный, но мрачный; начатый при Александрѣ, этотъ замѣчательный храмъ будетъ законченъ при Николаѣ тѣмъ же французомъ Монфераномъ, воздвигшимъ колонну.

Я извиняю скачки мозей мысли, потому что, позволяя ей свободно переходить съ одного предмета на другой, съ одной идеи на

другую—я рисую вамъ Россію всю цѣликомъ; при болѣе систематичности мнѣ угрожала-бы опасность наталкиваться на слишкомъ рѣзкіе контрасты, а при желаніи избѣжать упрековъ въ путанности, отступленіяхъ или непослѣдовательности, я потерялъ-бы возможность представить вамъ истину, какъ она представляется мнѣ—лицомъ къ лицу. Положеніе народа, величіе императора, видъ улицъ, красота памятниковъ, притупленіе умовъ—слѣдствіе извращенія (?) религіознаго начала—все это поражаетъ меня одновременно и, такъ сказать, сразу переходитъ подъ мое перо, и все это—сама Россія, главныя черты жизни которой проявляются для меня въ самыхъ повидимому незначительныхъ явленіяхъ“.

Затѣмъ Кюстинъ приводитъ длинный разговоръ съ однимъ французомъ, петербургскимъ обитателемъ. Послѣдній рассказывалъ ему о происходившихъ въ то время на Волгѣ возмущеніяхъ крестьянъ, неправильно понявшихъ слова государя Николая Павловича, сказанныя имъ прибывшей въ Петербургъ крестьянской депутаціи,—поднявшихся массами, съ криками: „да здравствуетъ царь-батюшка!“ на высланныя противъ нихъ войска, видя въ солдатахъ лишь орудія помѣщиковъ. Зашла рѣчь и о кончинѣ Пушкина—„Русскаго Отелло.“ Признавая за нимъ, на основаніи рассказовъ, заслуги относительно стили, Кюстинъ говоритъ, что въ Россіи это очень легкая заслуга, и что въ ней легко казаться оригинальнымъ, потому что всякое подраженіе будетъ казаться самостоятельнымъ творчествомъ. Говоря о той скорби, съ которою встрѣтило русское общество смерть Пушкина, путешественникъ прибавляетъ, что всѣ главнымъ образомъ оплакивали въ немъ свою славу, признанную всей Европой.

Петербургскій французъ, разубѣждая Кюстина въ возможности чисто русской цивилизаціи, высказалъ между прочимъ, что „императоръ Николай совершаетъ въ настоящее время, только въ обратномъ смыслѣ, ту же самую ошибку, въ которую впалъ императоръ Петръ I. Онъ принимаетъ за ничто (?) исторію цѣлаго вѣка Петра Великаго: исторія имѣетъ свои предопредѣленія, всегда и всюду прошедшее простираетъ свое зліяніе и на настоящее. Горю тому, кто не хочетъ подчиняться ему“.

30-го іюля 1839 г.

„Вчера, кончивши писать, я принялся перечитывать нѣкоторые переводы стихотвореній Пушкина; они еще болѣе утвердили во мнѣ впечатлѣніе, оставленное первымъ чтеніемъ. Этотъ поэтъ заимствовалъ часть своихъ красокъ отъ новой школы западно-евро-

пейскихъ поэтовъ. Это не значитъ, чтобы усвоилъ анти-религіозныя взгляды лорда Байрона, соціальныя идеи нашихъ поэтовъ или философію поэтовъ нѣмецкихъ, но онъ заимствовалъ у нихъ манеру рисовать. Я еще не вижу въ немъ истиннаго (московского) русскаго поэта. Полякъ Мицкевичъ кажется мнѣ болѣе славяниномъ, хотя онъ, подобно Пушкину, прошелъ чрезъ вліяніе западныхъ литературъ.

Впрочемъ, если бы истинно русскій поэтъ и существовалъ, онъ могъ-бы обращаться только къ народу; въ салонахъ его бы не поняли и не читали-бы. Гдѣ нѣтъ языка, не можетъ быть поэзія, нѣтъ и писателей. Надъ требованіями, чтобы при дворѣ говорили по русски, только смѣются (!?), ихъ считаютъ минутнымъ капризомъ. Послѣдующее поколѣніе будетъ благодарно Николаю за эту побѣду здраваго смысла надъ большимъ свѣтомъ.

Оригинальность мысли, болѣе чѣмъ предполагаютъ это, зависитъ отъ чистоты языка. Вотъ что уже цѣлое столѣтіе забываютъ въ Россіи и начинаютъ съ нѣкоторыхъ поръ забывать во Франціи. Я убѣжденъ, что недостатокъ оригинальности новѣйшихъ славянскихъ литературъ зависитъ отъ усвоеннаго русскими и поляками обычая, начиная съ XVIII-го вѣка вводить въ свои семейства иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Когда русскіе, хорошо воспитанные, возвращаются къ своему родному языку, они не говорятъ, а переводятъ, и этотъ затруднительный стиль стѣсняетъ свободу мысли, уничтожая простоту выраженія.

Почему китайцы до настоящаго времени (1839 г.) болѣе сдѣлали для человѣчества въ области литературы, философіи, нравственности, законодательства, чѣмъ русскіе? Потому что эта нація никогда не переставала любить свой природный языкъ“.

Письмо восемнадцатое.

Петербургъ, 30-го іюля 1839 г.

Происходившія въ 1839-мъ году волненія крестьянъ на Волгѣ даютъ возможность Кюстину разказать цѣлую романическую исторію, описанную будто-бы какимъ-то княземъ. Героями этого романа являются: Ксенія, дочь одного управляющаго—человѣка грубаго и ненавидимаго крестьянами; дѣвушка характера во всемъ противоположнаго характеру отца, красавица N. N., любимая всѣми знающими ее, и ея молочный братъ, Федоръ, молодой крестьянинъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ Ксеніей, но потомъ подвергшійся вслѣдствіи гоненій

со стороны отца своей молочной сестры, подозрѣвавшего въ немъ болѣе нѣжное чувство къ своей дочери, чѣмъ простую привязанность молочнаго брата. Не смотря на все это, тотъ же Ѳеодоръ, когда крестьяне начали звѣрствовать, жечь помѣщичьи усадьбы, пытался спасти своего врага Теленева и его дочь, къ которой онъ дѣйствительно былъ неравнодушенъ, но ему это не удалось, и Теленевъ, страшно изувѣченный, былъ сожженъ живымъ; Ксенія, сошедшая съ ума при этомъ зрѣлищѣ, и Ѳеодоръ избѣжали подобной участи, лишь благодаря усталости палачей. Въ концѣ концовъ, Ѳеодоръ вмѣстѣ со своими однопореченцами былъ сосланъ въ Сибирь.

Этотъ-то эпизодъ даетъ случай Кюстину сравнить ужасы французской революціи съ тѣмъ, что, по его мнѣнію, часто (1839 г.) происходитъ въ Россіи.

„Потопленія въ Нантѣ, прозванныя Каррье республиканскими свадьбами, и случаи другихъ звѣрствъ, не отмѣченныхъ историками, могли бы служить доказательствомъ, что людская жестокость только дремлетъ даже въ самыхъ цивилизованныхъ націяхъ, но все таки есть разница между систематическою жестокостію мужиковъ—холодною и упорною—и мимолетнымъ бѣшенствомъ французовъ. Последніе во время войны, объявленной ими Богу и человѣчеству, не находились въ своемъ естественномъ состояніи: привычка къ крови извратила ихъ характеръ, а непослѣдовательность, свойственная страстямъ, руководила ихъ дѣйствіями, потому что никогда они не были менѣе свободными, чѣмъ тогда, когда все совершалось у нихъ во имя свободы. Совершенно противное увидите у русскихъ, убивающихъ другъ друга, не измѣняя своему характеру: они какъ будто выполняютъ свой долгъ. Этой методичности, ровности въ выполненіи задуманнаго убійства способствуетъ даже однообразно-монотонный видъ поверхности Россіи.

Будущее никому неизвѣстно, но извѣстно лишь то, что міръ будетъ свидѣтелемъ удивительныхъ событій, которыя предстоитъ разыграть этой отмѣченной самою судьбою націи.

Если у русскихъ встрѣчаются лучшіе дипломаты, чѣмъ у прочихъ, болѣе цивилизованныхъ, народовъ, это объясняется тѣмъ, что наши журналы предупреждаютъ ихъ обо всемъ, что происходитъ и предполагается у насъ; вмѣсто того, чтобы благоразумно прикрывать наши слабости, мы каждое утро съ увлеченіемъ обнаруживаемъ ихъ, между тѣмъ, какъ русскихъ, византійская политика работающая въ тѣни, тщательно скрываетъ отъ насъ все, что думаютъ, дѣлаютъ и чего боятся въ этой странѣ. Незвѣстность въ которой они оставляютъ насъ, мѣшаетъ намъ, наша же искрен-

ность помогает имъ; у насъ слабость болтливости, у нихъ-же сила тайны: вотъ въ чемъ замѣчается ихъ искусство“.

Въ приводимомъ Кюстиномъ мемуарѣ князя *** о происходившихъ на Волгѣ волненіяхъ среди крестьянъ, князь рассказывая о жестокости, съ какою крестьяне раздѣлывались со своими непріателями, говоритъ: „всѣ эти безчеловѣчные люди большею частью поразительно красивы, у всѣхъ у нихъ отъ природы благородный и спокойный видъ:—это демоны съ небесными лицами“.

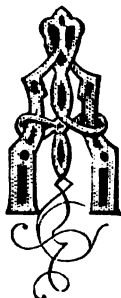
Перев. съ франц. К. Плавинскій.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1870 г. ¹⁾.

январь 3. Суббота. Дочь почтеннаго семейства, отецъ котораго состоитъ комендантомъ (въ одномъ городѣ), N. N. бѣжала въ Женеву, чтобы присоединиться тамъ къ революціонной партіи, дѣйствующей противъ Россіи подъ предсѣдательствомъ Бакунина. Извѣстно, что тамъ проживаетъ множество русскихъ мужчинъ и женщинъ революціоннаго закала, которые даже иностранцевъ удивляютъ своими неистовыми радикальными тенденціями.

Что хуже: злоупотребленіе свободы или злоупотребленіе власти?

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 27—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160, августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; июнь, стр. 617—655; т. LXXI, июль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь, стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448; декабрь, стр. 659—666; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 151—174.

Распушенность нравственная и отсутствіе дисциплины въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дошли до того, что когда въ симферопольской гимназіи необходимость побудила выключить изъ заведенія трехъ негодяевъ учениковъ, то начальство, при исключеніи ихъ по приговору педагогическаго совѣта, дало имъ хорошія аттестаціи въ поведеніи. Интересно, что въ протоколѣ совѣта всѣ продѣлки этихъ негодяевъ значатся, а поведеніе дѣлателей этихъ продѣлокъ одобрено оффиціально.

4. Воскресенье. Познакомился сегодня у Павла Ивановича Савваитова съ Іаковомъ, архимандритомъ Московскаго Даниловскаго монастыря, который вызванъ сюда для посвященія его въ архіереи. Онъ показался мнѣ человѣкомъ и умнымъ, и обширной учености.

Я не боюсь борьбы ни съ нѣмцами, ни съ самими чертами; но надо, чтобы, вопервыхъ, право было на моей сторонѣ, а вторыхъ, чтобы борьба была необходимостью, а не слѣдствіемъ задора или, какъ то нынѣ въ модѣ, погони за популярностью.

9. Пятница. № 5 „Судебнаго Вѣстника“ конфискованъ за статью, въ которой доказывается, что Третье отдѣленіе не должно существовать.

„Московскія Вѣдомости“ получили предостереженіе, слѣдствіемъ чего, вѣроятно, будетъ ихъ прекращеніе.

10. Суббота. Я прочиталъ конфискованную статью „Судебнаго Вѣстника“. Статья умная, хорошо и правдиво написанная. Редакторъ былъ призванъ въ Шувалову. Ему сдѣлано внушеніе.

„Московскимъ Вѣдомостямъ“ сдѣлано предостереженіе: мѣсяцъ тому назадъ онѣ были найдены невинными и полезными. Редакторы, должно полагать, откажутся отъ изданія, и мы лишимся одного изъ лучшихъ нашихъ печатныхъ органовъ и само правительство—одной изъ своихъ силъ. Ретроградная партія работаетъ успѣшно.

Это переходное время, говорятъ. Мнѣ кажется, идея о переходномъ времени въ сущности совсѣмъ неосновательна. Всякое время есть переходное: оно всегда отходитъ отъ прошедшаго и идетъ къ будущему и стоитъ между тѣмъ и другимъ. Хотятъ-ли этимъ сказать, что оно приготавливаетъ положеніе вещей въ будущемъ? Да какое-же время не дѣлаетъ этого? Что въ настоящемъ только начинается, то разрѣшается

въ будущемъ по законамъ развитія и постепенности. Можно только сказать одно, что въ иное время накаплиется больше матеріаловъ для разрѣшенія въ будущемъ; но нельзя-же сказать, что настоящее только этимъ живетъ, что у него нѣтъ своихъ нуждъ и интересовъ, которые должны быть теперь-же удовлетворены. Было-бы странно дѣлать изъ настоящаго только какого-то докладчика будущему.

11. Воскресенье. Безконечные толки по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Судебнаго Вѣстника“.

13. Вторникъ. Умеръ (Александръ Ив.) Герценъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о немъ сказано нѣсколько недурныхъ словъ.

Что за путаница такая въ нашихъ современныхъ событіяхъ! Я прочиталъ статью „Московскихъ Вѣдомостей“ во второмъ номерѣ, за которую сдѣлано имъ предостереженіе, и рѣшительно не понимаю, за что это лезвее Дамоклова меча дотронулось до головы Каткова и Леонтьева. Развѣ за одно мѣсто—о существованіи въ С.-Петербургѣ польскаго ржонда? Но объ этомъ уже столько было писано и говорено, что трудно себя представить, чтобы это было единственнымъ поводомъ къ предостереженію. Но еще удивительнѣе отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей“: онъ наполненъ такимъ смиреніемъ, покаяніемъ, извиненіями, которыя совершенно несвойственны всему прошедшему этой газеты и характеру ея редакторовъ. Тутъ, вѣрно, кроется какая-нибудь, какъ говорится, штука. Но какая? Вотъ въ этомъ-то и штука. Не дано-ли знать редакціи подъ рукою отъ высшей власти, чтобы она не смущалась и не утраивалась, и отнюдь не прекращала своихъ дѣйствій, только въ болѣе умѣренномъ тонѣ?

18. Воскресенье. Я думаю, что такихъ людей, какъ Бакунинъ, Рошфоръ нельзя терпѣть въ обществѣ, такъ какъ они объявили себя передъ цѣлымъ свѣтомъ врагами общественнаго порядка и, слѣдовательно, врагами всѣхъ людей, живущихъ подъ покровительствомъ и законами этого порядка, чѣмъ сами себя исключили изъ круга этихъ законовъ. Но что съ ними дѣлать?

22. Четвергъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“ (22-мъ) появилась моя біографія А. С. Норова.

25. Воскресенье. Біологія Спенсера переведена на русскій

языкъ и напечатана. Управление по дѣламъ печати затѣяло процессъ, за то, что въ книгѣ есть мѣста, будто-бы подлежащія духовной цензурѣ, какъ, на примѣръ, мысли о твореніи, въ послѣднее время принятія геологіею. Спрошена была духовная власть, подлежатъ-ли такія мѣста ея цензурѣ? Подлежать, отвѣчала она. Издатель, за то, что онъ не отослалъ этихъ мѣстъ въ духовную цензуру, преданъ былъ суду. Судъ оправдалъ его.

Управление по дѣламъ печати не умѣетъ (1870 г.) отличать ученыхъ вопросовъ и соображеній отъ пустой болтовни какихъ-нибудь невѣжественныхъ писуновъ.

26. Понедѣльникъ... Ничто столько не вредитъ успѣху свободы, какъ нелѣпныя требованія радикальныхъ преобразователей общества. Они дѣлаютъ врагами ея не только правительство, но и благомыслящихъ, разсудительныхъ ея поборниковъ, изъ которыхъ многіе лучше хотятъ оставаться такъ, какъ есть, чѣмъ идти по той опасной дорогѣ, куда влекутъ эти непрощенные благодѣтели человѣчества.

Совершенно фальшиво правило этихъ господъ: „требуй больше, чтобы получить что-нибудь“. Ужасъ, который они наводятъ своимъ больше, служитъ предлогомъ къ тому, чтобы стѣснять всякій порывъ даже къ самому: меньше.

27. Вторникъ. Сильные толки и всеобщее неудовольствіе по поводу проекта объ усиленіи власти губернаторовъ. (Объ этомъ статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ № 19.)

Сдержанность въ мысляхъ и съ самимъ собою должна быть если и не такая, какъ въ бесѣдѣ съ другими, то все-же должна быть. И вотъ, за что я часто принужденъ дѣлать укорины самому себѣ. Вѣдь, право, нелѣпо-же огорчаться и негодовать такъ, хоть-бы по случаю этого пресловутаго проекта. Разсуждать, такъ разсуждать надо спокойно, объективно, какъ принято нынѣ говорить у людей самага кипучаго и безтолковаго образа мыслей. Мнѣ ненавистна ложь, а она ввергаетъ въ тотъ-же хаосъ безправія и беззаконія, въ какомъ были погружены нѣсколько вѣковъ. Такъ! Но почему-же лжи и не господствовать надъ обществомъ, надъ которымъ она господствовала столько времени, и общество это не только существуетъ, но даже, какъ пишутъ въ исторіяхъ, возвеличивается, крѣпнетъ и благоденствуетъ. Правда, было маленькое разочарованіе: Крымская

война, да вѣдь это ужъ прошло! Какъ-бы то ни было, а все-таки надо разсуждать спокойнѣе, объективнѣе.

Февраль 1. Воскресенье. Обѣдалъ у министра народнаго просвѣщенія (гр. Д. А. Толстого). Обѣдъ роскошный, гостей человѣкъ семнадцать или восемнадцать. Я тутъ, между прочимъ, познакомился съ двумя попечителями: одесскимъ, Голубцовымъ, и казанскимъ, Шестаковымъ. Министръ много говорилъ о духовенствѣ, и не все въ пользу его. Я замѣтилъ, что надо отличать бѣлое духовенство отъ чернаго: одно совершенно поработчено другому. Всѣмъ извѣстно, какъ деспотически распоряжаются архіереи въ своихъ епархіяхъ. Вотъ, напримѣръ они теперь сильно противятся введенію выборнаго начала между священниками и приведенію въ дѣйствіе новаго устава семинарій. Министръ вполнѣ согласился съ этимъ.

8. Воскресенье. Автъ въ университетѣ... ** хороший добрый человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одаренъ способностью дѣлать самую добродѣтель смѣшною.

9. Понедѣльникъ. Нѣтъ хуже состоянія душевнаго, какъ недовольство самимъ собою, а изъ этого состоянія я почти не выхожу. Идеалы, къ которымъ я стремлюсь чуть ни съ дѣтства въ самообразованіи и самоуправленіи, строгій контроль, который я постоянно держу надъ каждымъ моимъ не только поступкомъ, но и помышленіемъ, дѣлаютъ то, что я кажусь самому себѣ крайне неудовлетворительнымъ, и презрѣніе, которое меня часто охватываетъ къ человѣку и къ человѣческой судьбѣ, прежде всего, тяжелымъ бременемъ обрушивается на самого меня.

Другая моя бѣда, что я не всегда выдерживаю съ достоинствомъ мою неприкосновенность къ разнымъ дразгамъ и глупѣйшимъ мелочамъ внѣшней текущей жизни. Тѣфу къ чорту! Да неужели-же такъ трудно настроить себя какъ слѣдуетъ по человѣчески и неужели это стоитъ такой долговременной борьбы? Вотъ ужъ и старость у порога, почти переступаетъ порогъ, по крайней мѣрѣ, старость физическая, а я все занимаюсь постройкою себя и все не дострою по плану, задуманному издавна, да можетъ быть планъ дурно составленъ? Вѣроятно. Но какъ-же теперь перемѣнить его, когда уже давно свезены на мѣсто и бревна, и кирпичи, да и выведено кое-что, напримѣръ башня, да какая высокая! Какой широкій горизонтъ съ нея открывается!

Но жить все-таки негдѣ. Буря, непогода, и я прячусь въ какомъ-то убогомъ шалашѣ, посреди кучи наваленныхъ камней, гранита, даже кое-гдѣ попадающихся кусковъ мрамора. Да, жить негдѣ. Сѣверно думать быть человѣкомъ, болѣе, чѣмъ самъ человѣкъ.

14. Суббота. Пруссія нашъ естественный врагъ уже по одному тому, что мы ее дважды спасли.

Карамзинъ о Павлѣ: „онъ отнялъ у казни стыдъ, а у награды честь“.

15. Воскресенье. Миръ безъ Провидѣнія—какая страшная безконечная пустыня при всемъ разнообразіи и обилии жизненныхъ процессовъ, силъ и явленій! Это все равно, что огромный домъ, наполненный слугами и гостями безъ хозяина, или корабль, брошенный въ неизмѣримый океанъ безъ кормчаго, безъ компаса, преданный бурямъ и обреченный погибнуть, не зная пристани и никакой цѣли своего блужданія, или это мастерская, въ которой работаютъ тысячи рукъ, машинъ безъ мастера, который-бы въ работахъ этихъ рукъ и этихъ машинъ видѣлъ исполненіе какого-то предпріятія. Наконецъ, это чудовищное тѣло съ костями, кровью, дышащее и движущееся, но лишенное души—живой мертвецъ.

16. Понедѣльникъ. У насъ есть цѣлыя полки чиновниковъ, а нѣтъ ни одного государственнаго человѣка.

Отчего-бы не дозволить у насъ воспитанникамъ реальныхъ гимназій вступать въ университеты въ факультетъ математическихъ и естественныхъ наукъ? Это не мѣшало-бы получать высшее образованіе тѣмъ, которые лишены способности къ изученію древней филологіи, и дало-бы удовлетвореніе общественному мнѣнію. Давать доступъ въ университетъ однимъ только воспитанникамъ классическихъ гимназій, право, невозможно. Для этого пришлось-бы превратить всѣ гимназіи въ классическія, а гдѣ-же тогда получали-бы общее образованіе лица съ техническими и реальными цѣлями въ жизни? И вовсе не врагъ классическаго образованія, но оно должно имѣть свои границы, а не господствовать исключительно.

Мартъ 1. Воскресенье. Тотъ ничего не сдѣлалъ для людей, кто не далъ имъ средствъ меньше страдать или легче сносить страданія.

Вы шевелите только страсти, вы рисуете только мрачную и

дурную сторону вещей, конечно и это хорошо, если правдиво. Но не слѣдуетъ-ли также указывать и на то, какъ исправлять зло и дѣлать, чтобы и вещи, и люди были немножко лучше?

3. Вторникъ. Сегодня въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ объявлено о появленіи въ Петербургѣ холеры.

6. Пятница. Петербургскую публику сильно занимаетъ адресъ остзейскаго дворянства государю о дарованіи ландтагу ихъ такихъ-же правъ, какія существуютъ въ Финляндіи, т. е. они требуютъ ни болѣе ни менѣе какъ отдѣльнаго отъ Россіи конституціоннаго управленія. Государь отказалъ и выразилъ свое недовольство.

Въ „Голосѣ“ было нѣсколько статей по поводу этого адреса, статей очень смѣлыхъ. Въ одной изъ нихъ, газета, между прочимъ, цитируетъ извѣстную записку Карамзина, поданную императору Александру I, о замышлявшемся этимъ государемъ образованіи самостоятельнаго польскаго государства съ присоединеніемъ къ нему провинцій, пріобрѣтенныхъ отъ Польши.

Пусть тѣло мое зависить отъ земли и ея законовъ, но духъ мой принадлежитъ Богу и мнѣ.

Все, что мы называемъ прекраснымъ, добрымъ и т. п., заключается въ идеалахъ, т. е. въ иллюзіяхъ, и способность къ иллюзіямъ есть собственно наше высочайшее благо. Пока личная твоя натура не потеряла способности снабжать тебя различными иллюзіями нравственными, эстетическими, общественными и проч., до тѣхъ поръ благо тебѣ.

Думать, что ты счастливъ и быть дѣйствительно счастливымъ, не все-ли это равно? И не больше-ли гораздо благъ въ мечтѣ о счастіи, чѣмъ въ счастіи, какъ понимаютъ его люди при ненасытности ихъ желаній.

10. Вторникъ. То, что для высшихъ серьезныхъ умовъ, руководимыхъ наукою, составляетъ въ настоящую эпоху потребность и законъ развитія, то для мелкихъ умовъ только мода. Поверхностному наблюдателю, пожалуй, и можетъ казаться, что тѣ и другіе сходятся въ своихъ стремленіяхъ и убѣжденіяхъ, и послѣдніе часто выигрываютъ тѣмъ, что снаружи кажутся похожими на первыхъ и какъ будто служатъ одному и тому-же дѣлу. Этимъ они часто и самихъ себя обманываютъ и раздуваются до безмѣрнаго величія въ собственныхъ глазахъ. Но въ

сущности это пустые люди, похожіе на мошекъ, крутящихся въ сіяніи солнечныхъ лучей. Они всего чаще вредятъ дѣлу и только затрудняютъ его успѣхъ.

Великое искусство требуется, чтобы направлять корабль въ морѣ нашей общественности среди различныхъ и противоположныхъ теченій ея.

Полноте, и вы, и я, кажется, настолько знаемъ людей, что не должны удивляться собственнымъ нашимъ глупостямъ.

Человѣкъ мечтаетъ о вѣчности какихъ-то чувствъ, какихъ-то благъ, а между тѣмъ ничто не соответствуетъ такъ мало его скоротечной природѣ, какъ постоянство и неизмѣнность чего-бы то ни было. Разнообразіе, новостъ,—вотъ потребность и законъ ея. Вѣдь человѣкъ самъ безпрестанно обновляется, и сегодняшній онъ далеко не тотъ, что былъ вчера. Нечего-же жаловаться на такъ называемую измѣну въ дружбѣ, въ любви: она въ чело-вѣческой натурѣ.

17. Вторникъ. Злоупотребленія свободы ничѣмъ не лучше угнетенія деспотизма.

И что значить безграничная свобода, которой вы добиваетесь? Совмѣстима-ли она съ ограниченностью человѣка?

Я думаю, что чело-вѣчество должно пройти еще черезъ одинъ фазисъ варварства, и къ этому фазису приведетъ его всеобщая демократизація.

22. Воскресенье. Сегодня неожиданно посѣтилъ меня старый другъ моей юности (Мих. Влад.) Юзефовичъ, пріѣхавшій вчера изъ Кіева. Онъ привезъ мнѣ милое письмо отъ Селина и собраніе юго-западныхъ актовъ, изданныхъ комиссіею, подъ предсѣдательствомъ Юзефовича.

Зима печальная. Рѣдкій домъ въ Петербургѣ гдѣ не переболѣли-бы всѣ. А умершихъ сколько! Газеты переполнены извѣщеніями въ черныхъ рамкахъ. Между тѣмъ, никакой эпидеміи нѣтъ, а такъ, случайныя болѣзни, которыя, такъ сказать, мимоходомъ рѣшаютъ судьбу людей въ нѣсколько дней, часовъ и даже минутъ.

23. Понедѣльникъ. Не по двумъ или тремъ ошибкамъ, сдѣланнымъ въ жизни, должно судить о человѣкѣ, а потому, какъ онъ вообще мыслить, говорить и дѣйствуетъ.

Всѣ люди носятъ въ себѣ фізіологическую и психическую

возможность быть человѣкомъ, но не всякое недѣлимое достигаетъ роста и образа человѣческаго. Сколько людей являются и исчезаютъ, не успѣвъ проявить въ себѣ ничего человѣческаго,

26. Четвергъ. Вечеръ у Ѳ. И. Тютчева. Гостей было довольно. Я познакомился съ одною изящною и умною дамою Н—вою. Тутъ, между прочимъ, былъ и М. В. Юзефовичъ, который умно и живо рассказывалъ разныя свои воспоминанія о прошломъ: о войнѣ въ Малой Азіи, въ которой онъ участвовалъ, о Пушкинѣ, съ которымъ познакомился на Кавказѣ и былъ съ нимъ подъ Эрзерумомъ. Онъ говорилъ, что Пушкину очень хотѣлось побывать подъ ядрами непріятельскихъ пушекъ и особенно слышать ихъ свистъ. Желаніе его исполнилось, ядра однако не испугали его, не смотря на то, что одно изъ нихъ упало очень близко.

На вечерѣ были читаны славянофильскія стихотворенія Тютчева („Гуссъ“), Майкова и Полонскаго („Симеонъ Болгарскій“), приготовленныя ими къ живымъ картинамъ ча Пасху. Всѣ они недурны, особенно стихотвореніе (Ѳед. Ив.) Тютчева.

31. Вторникъ. На чемъ основана идея долга? Почему человѣкъ нравственно обязанъ дѣлать то или не дѣлать этого? Идея долга и обязанности вытекаетъ изъ моей человѣчности, моей человѣческой природы. Я долженъ поступить такъ, а не иначе, или не дѣлать того и другаго единственно потому, что я человѣкъ и потому что, поступая иначе, я измѣнилъ-бы моей человѣческой природѣ. Я существо разумно-свободное, слѣдовательно все, несогласное съ идеею свободной воли и разума, противно моей природѣ и было-бы нарушеніемъ долга.

Апрѣль 10. Пятница. Только три вещи опредѣляютъ превосходство одного человѣка надъ другимъ: знаніе, талантъ и характеръ. Три эти вещи рѣдко бываютъ соединены вмѣстѣ, но и каждая порознь имѣетъ право на уваженіе—больше-же всего, безъ сомнѣнія, характеръ.

20. Понедѣльникъ. Настоящій глубокой смыслъ движенія нашей интеллигенціи въ настоящее время есть, безъ сомнѣнія, вопіющая необходимость ограниченія произвола и утвержденія законности, какъ въ умахъ, такъ и на дѣлѣ. Безъ этого, конечно, все и самое благодѣтельное будетъ строиться на пескѣ.

23. Четвергъ. Есть люди, которые удовлетворяются только однимъ родомъ жизни, сильными ощущеніями и волненіями, Ихъ не можетъ удовлетворить ничто обыкновенное, нормальное, законное. Имъ нужны поразительные эффекты—не движенія, но гимнастическіе напряженные скачки, разнообразныя и новыя позы. Эти люди обыкновенно приводятъ въ замѣпательство и разстраиваютъ всякую среду, гдѣ живутъ. Говорятъ, это нужно. это оживляетъ и мѣшаетъ застою. Да, если это происходитъ не отъ личныхъ эгоистическихъ стремленій, не отъ простой необузданности дикой природы, иначе это выйдетъ тоже, что „нраву нашему не препятствуй“. Законъ ограничиваетъ своими предписаніями подобные порывы и увлеченія и наказываетъ виновниковъ ихъ. Цѣлое общество можетъ быть въ такомъ-же точно настроеніи.

Стремленіе къ абсолютной свободѣ, не ограниченной никакими законами, ни нравственными, ни гражданскими—вѣдь это анархія, а анархія то-же, что вѣчная кровавая революція, полная сильныхъ ощущеній, но и неизмѣримыхъ бѣдъ. Нѣтъ, говорятъ, тутъ кроются существенные, положительные интересы—свобода труда, правильное развитіе богатства, участіе въ мѣрахъ народнаго благосостоянія и т. д. Да, объ этомъ дѣйствительно думаютъ и серьезно нѣкоторые мыслящіе и благомыслящіе умы, но и тѣ часто погружаются въ такія утопіи, осуществленія которыхъ человѣчество никогда не въ состояніи добиться. Но это только нѣкоторые, большинство-же, прикрывшись пышными фразами, желаетъ только половить рыбу въ мутной водѣ, ищетъ сильныхъ ощущеній, а болѣе хладнокровные заботятся о томъ, чтобы прибрать власть въ свои руки. Это тѣ несчастныя самолюбія, изъ которыхъ каждое хочетъ одного—управлять, властвовать, а не быть управляему, не подчиняться какой-бы то ни было власти, хотя-бы то была власть закона и всеобщаго порядка.

Самое умное, самое злобное и самое несчастное существо на землѣ,—безъ сомнѣнія, человѣкъ.

Сила, дерзость и хитрость, право, единственныя ручательства всякаго успѣха и самыя могучіе дѣятели міра сего. Всѣ прочія болѣе похвальные качества составляютъ, кажется, не иное что, какъ только богатый матеріалъ для разговоровъ людей образованныхъ и для трактатовъ людей ученыхъ.

Есть божественныя вещи—идеи, истины, подобно солнцу и звѣздамъ плавающія въ далекой атмосферѣ надъ человѣчествомъ. Изрѣдка онѣ освѣщаютъ землю и служатъ людямъ путеводителями, но чаще онѣ затмѣваются тучами, непрерывно образующимися изъ испареній земли.

Май 1. Пятница. Образованность или такъ называемая цивилизація смягчаетъ нравы, т. е. она множествомъ выработанныхъ ею впечатлѣній и понятій, нейтрализующихъ другъ друга, препятствуетъ одному какому-нибудь изъ нихъ превратиться въ чувство или мысль огромнаго размѣра и тяжести. Душа расширяется, становится доступною многимъ и разнообразнымъ интересамъ, которые мѣшаютъ ей, такъ сказать, окаменѣть или заглухнуть въ одномъ какомъ-нибудь настроеніи. Но по этой-же самой причинѣ люди становятся морально слабѣе, имъ не достаетъ той внутренней сосредоточенности, того единства силъ, намѣреній и дѣйствій, которыя образуютъ характеръ.

10. Воскресенье. Видѣть вещи—не значитъ знать ихъ.

11. Понедѣльникъ. Вѣдь это грубое и глубокое варварство не уважать искусства, литературы. Истинная наука всегда была въ союзѣ съ искусствомъ и нерѣдко великіе двигатели ея искали въ немъ опоры для своей дѣятельности. Главный признакъ просвѣщеннаго народа—это то, что онъ ставитъ на одну линію науку и искусство. Это два крыла, на которыхъ человѣчество взлетаетъ на высоту усовершенствованій, и тамъ парить.

Ученая посредственность есть первый врагъ таланта.

21. Четвергъ. Наше время можно назвать эпохою колебаній.

23. Суббота. Былъ очень занятъ писаніемъ возраженій на статью *** о беспорядкахъ, происходившихъ въ Спб. университетѣ въ 1861 году, гдѣ упомянуто и мое имя, которое *** обставилъ невѣрными данными. Но появившіяся въ „Голосѣ“ рѣзкія и правдивыя замѣчанія на ту-же статью и прямо обличающія автора—меня остановили. Мнѣ показалось уже не великодушнымъ, да и излишнимъ выходить съ моими возраженіями: „лежачаго не бьютъ“. Да, притомъ, я питаю глубокое отвращеніе ко всѣмъ этимъ личнымъ спорамъ. Статья *** мнѣ повредить не можетъ, а мои возраженія, въ соединеніи съ замѣчаніями „Голоса“, могли-бы сильно насолить ему, изблотивъ его хотя-бы

то въ преднамѣренномъ искаженіи фактовъ. Правда, онъ этого заслуживаетъ, но роль палача мнѣ черезчуръ претитъ.

24. Воскресенье. Искусство извлекаетъ всѣ лучшія стихіи или высасываетъ изъ жизни чистѣйшіе соки и образуетъ изъ нихъ новые предметы.

На мануфактурной выставкѣ. Общій видъ величественъ и изященъ. Русская промышленность, кажется, оказала дѣйствительно значительные успѣхи, т. е. она доказала, что мы въ состояніи дѣлать хорошія вещи. Но что изъ этого: составляютьли онѣ предметъ внѣшней торговли и всеобщаго внутренняго потребленія? Вѣдь въ такомъ только случаѣ промышленность имѣла-бы обогащающую и цивилизующую силу.

Странное и нелѣпое положеніе общества: живешь точно въ какомъ-то омутѣ, въ которомъ ни на что опереться нельзя. Ни на одну сдѣлку, ни на одно условіе положиться нельзя: на каждомъ шагѣ васъ встрѣчаютъ обманъ и мошенничество. Таковы наши нравы. Я уже года два, какъ отказался имѣть въ домѣ слугу мужчину: можно сказать, что между мужскою прислугою почти повально свирѣпствуютъ: пьянство и воровство. Между женщинами, по крайней мѣрѣ, не такъ сильно развито пьянство. Все это сильно усложняетъ и отравляетъ домашній бытъ.

28. Четвергъ. Переѣздъ въ Павловскъ, на этотъ разъ уже не на дачу Мердера, а на дачу Брауна, подъ дубками.

Іюнь 5. Пятница. Тамъ, гдѣ они хотятъ дѣлать добро, они ничего не могутъ; тамъ, гдѣ могутъ, они не хотятъ: вотъ вамъ нравственная характеристика людей.

7. Воскресенье. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ ропотъ и жалобы на людей, да и вообще всякій ропотъ и жалобы. Это признакъ глубокаго малодушія, которое не умѣетъ ни дѣйствовать тамъ, гдѣ можно и должно, ни терпѣть и сносить того, что неизбежно.

Впрочемъ, есть случаи, когда ропотъ и жалобы позволительны: это тогда, когда они произносятся съ намѣреніемъ произвести извѣстное впечатлѣніе въ пользу справедливости и въ осужденіе несправедливости. Но тогда ропотъ становится мнѣніемъ, голосомъ, который всякій членъ общества обязанъ подать въ дѣлахъ общественныхъ.

Худой тотъ хозяинъ, который такъ устроилъ или разстроилъ свой бытъ, что долженъ жить займами; точно также худой тотъ человѣкъ, который въ скорбяхъ и невзгодахъ жизни ищетъ утѣшенія у другихъ вмѣсто того, чтобы находить его въ самомъ себѣ.

9. Вторникъ. Мысли должны быть также серьезны и честны, какъ дѣла. Играть ими и съ ними недостойно человѣка мужественнаго.

10. Среда. Вчера былъ въ городѣ и узналъ о смерти (Николая Герас.) Устрялова, скончавшагося въ Царскомъ Селѣ.

Умъ удивительно удобное вмѣстилище для владычанія въ него всего, чего угодно—всякой лжи и истины.

Съ одинаковымъ стараніемъ надо избѣгать какъ ненависти, такъ и любви людей — одной потому, что она вредна, другой потому, что она обманчива.

18-го іюня. Четвергъ. Министръ юстиціи придумалъ было мѣру для подрыва новыхъ судовъ, вздумалъ изъять изъ ихъ круга всѣ слѣдственные дѣла и подчинить послѣднія безусловно своимъ агентамъ—прокурорамъ. Для обсужденія этого проекта была составлена комиссія, которая, однако, не смотря на всѣ усилія министра, рѣшительно отвергла его. Второй проектъ ** заключался въ томъ, чтобы въ кассационномъ департаментѣ сената дѣла докладывались не сенаторами, какъ слѣдуетъ по новому закону, а оберъ-секретарями, по старому порядку. Государственный совѣтъ единогласно отвергъ и этотъ проектъ. Больше всѣхъ возставалъ противъ него министръ финансовъ. Интересно по этому поводу замѣчаніе (Конст. Владим.) Чевкина. По окончаніи засѣданія онъ сказалъ: „теперь, господа, намъ остается поблагодарить господина министра финансовъ за его ревностную и просвѣщенную защиту дѣла отечественнаго правосудія“. Это было сказано въ присутствіи министра юстиціи.

29. Понедѣльникъ. Вотъ, кажется, готова вспыхнуть война между Франціею и Пруссіею. Пруссія очень окрѣпла и Бисмаркъ очень силенъ. Что изъ этого выйдетъ?

Іюль 3. Пятница. Душа человѣческая похожа на гостиницу, куда, въ видѣ разнородныхъ впечатлѣній, лѣзетъ всякая

всячина—и порядочные люди, и пьяницы, и воры. Но хорошіи хозяинъ выгоняетъ однихъ или, по крайней мѣрѣ, смиряетъ ихъ, чтобы они не бушевали и не безобразничали; съ другими-же поступаетъ учтиво и предупредительно, чтобы и впредь жаловали.

4. Суббота. Сегодняшнія телеграммы извѣщаютъ, что Франція объявила войну Пруссіи.

Когда челоѣкъ намѣренъ сдѣлать какую-нибудь глупость, онъ всегда представляетъ ее самому себѣ въ видѣ очень умной и хорошей вещи.

10. Пятница. Война, война и война—только и толкъсъ, что о войнѣ. Но я еще ни отъ кого не слыхалъ, чтобы онъ желалъ нашего вмѣшательства въ нее.

12. Воскресенье. Всѣхъ обрадовало обнародованіе рѣшимости нашего правительства соблюдать строгій нейтралитетъ. Въ высшихъ сферахъ, говорятъ, однако обнаруживается симпатія къ пруссакамъ, между тѣмъ, какъ во всемъ обществѣ господствуетъ столь-же сильная къ нимъ непріязнь. Всѣ главныя газеты наши явно склоняются на сторону французовъ.

25. Суббота. На похоронахъ академика Рупрехта, умершаго третьяго дня. Онъ оставилъ по себѣ память честнаго дѣятеля науки и глубокую нищету съ большимъ семействомъ.

Печальныя извѣстія: пруссаки разбили французовъ въ сраженіи, гдѣ одна французская дивизія боролась съ тремя нѣмецкими корпусами. Начальникъ дивизіи Дуэ убитъ. Наши пруссоманы ликуютъ, особенно принадлежащіе къ высшимъ сферамъ.

28. Вторникъ. Успѣхи Пруссіи, одержавшей уже двѣ побѣды надъ французами—а война вѣдь едва еще началась—могутъ повести къ паденію Наполеона. Тогда Франція, конечно, провозгласитъ у себя республику. Будетъ-ли сосѣдство такой республики полезно и пріятно для quasi-конституціонной, въ сущности-же деспотической державы, какъ Пруссія? Едва-ли. Въ массахъ Германіи социализмъ и демократизмъ пустили глубокие корни, и кто знаетъ, какъ далеко время, когда и этихъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ постигнетъ та-же участь, которая, очевидно, уже виситъ надъ головою Наполеона и его династіи.

Августъ 3. Понедѣльникъ. Дѣла Франціи идутъ все хуже и хуже, а Пруссія все выше и выше поднимаетъ голову. Франція на краю пропасти. Тутъ доля и нашей вины. Мы дали Пруссіи

усилиться и, конечно, дадимъ еще больше усилиться, пока она наконецъ, не дастъ и намъ испытать своего гнета. А въ нашихъ, такъ называемыхъ, высшихъ сферахъ продолжаютъ радоваться успѣхамъ пруссаковъ. Тамъ носятъ прусскіе ордена, оттуда летятъ поздравленія пруссакамъ съ побѣдами, уступаются наши пушки, заказанныя въ Пруссіи. Зато въ обществѣ рѣшительная и всеобщая непріязнь къ пруссакамъ и сочувствіе къ Франціи.

Есть, впрочемъ, причины болѣе глубокія нашей симпатіи къ французамъ, чѣмъ ненависть къ пруссакамъ. Это то, что Франція, не смотря на упадокъ въ ней за послѣднее время свободы и на преобладаніе наполеоновскаго деспотизма, все-таки есть страна умственныхъ и политическихъ успѣховъ—особенно послѣднихъ. Мы отличаемъ и должны отличать французское правительство отъ французскаго народа. Намъ инстинктивно тянетъ къ послѣднему потому, что въ этомъ народѣ впервые началъ выработываться новый политическій и общественный строй, заключающій въ себѣ, если не образцы для подражанія, чему не слѣдуетъ и быть, то матеріалы для преобразования другихъ народовъ.

9. Воскресенье. Телеграммы приносятъ чрезвычайно сбивчивыя свѣдѣнія съ театра войны. Но не подлежитъ сомнѣнію, что французы вездѣ проигрываютъ.

Съ Наполеонами, видно, кончено. Два раза приподняли они Францію на своихъ рукахъ для того, чтобы ввергнуть ее въ пропасть. Третьяго опыта въ сынѣ нынѣшняго Наполеона дожидаться нечего—итакъ Наполеоновской династіи не бывать.

11. Вторникъ. Есть люди, которыхъ хватаетъ ровно на одно доброе, разумное или мужественное дѣло, послѣ котораго они вдругъ, точно опомнившись, что взяли не за свое дѣло, становятся въ ряды самыхъ обыкновенныхъ и пошлыхъ людей своей категоріи и своего ремесла.

16. Воскресенье. Нѣмцы—не прусскіе—какъ вѣчные животныя возятъ камни и бревна для постройки зданія прусскаго величія и могущества Гогенцоллерновъ и позволяютъ выпускать изъ себя кровь для скрѣпленія этого зданія.

Нѣмецъ глубокомысленъ съ ногъ до головы—мы легкомысленны и болѣе остроумны, чѣмъ глубоки. Нѣмецъ устойчивъ и постояненъ—мы шатки и не способны къ выдержкѣ. Нѣмецъ

рабъ труда, какъ воль—мы народъ веселый и разгульный, но способны въ одинъ день наработать больше, чѣмъ кто другой въ мѣсяцъ. Оттого, говорятъ, и работа наша не прочна, правда, но мы о томъ не тужимъ и готовы не плакать надъ развалинами своихъ зданій, а скорѣе смѣяться надъ тѣмъ, что долго себя мучили работою. Нѣмецъ эгоистъ до мозга своихъ костей—русскій добродушенъ и доступенъ всякимъ человѣчнымъ впечатлѣнїямъ. Отъ нѣмца не ждите великодушїа, самоотверженїа, забвенїа обидъ—русскій, подравшись со своимъ врагомъ, побрается съ нимъ, дастъ ему и хлѣба и денегъ, словомъ забудетъ, что у него морда была въ крови отъ кулака его противника.

22. Суббота. Изъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ самый смѣшной—высокомѣріе, самый гнусный—лицемѣріе, самый глупый—скудость.

Получено извѣстіе, что Наполеонъ взятъ въ плѣнъ и армія Маке-Магона сложила оружіе.

Да, это, конечно, великій прогрессъ, когда штыкъ замѣнился нарѣзными пушками и скорострѣльными ружьями, а надъ Европою диктаторствовать будутъ не Наполеоны и Габсбурги, а Гогенцоллерны.

25. Вторникъ. Во Франціи республика.

Знать въ половину или знать мало—судьба людей.

На дружбу отвѣчать дружбою,—предполагая, что она возможна,—на услугу—услугою, на учтивость—учтивостью вдвое, враждѣ противопоставлять мужественную и благоразумную защиту, но безъ малѣйшаго покушенїа мстить, а затѣмъ полнѣйшее хладнокровїе—вотъ чего слѣдуетъ держаться въ своихъ ежедневныхъ сношенїяхъ съ людьми.

Сентябрь 1. Вторникъ. Нынѣшній годъ богатъ бѣдствїями—тутъ война и холера. Послѣдняя уже появилась въ Петербургѣ. Только голода, кажется, можно надѣяться, не будетъ. Въ Россїи урожаи вообще хороши.

Вотъ изъ самыхъ нѣдръ цивилизаціи, въ самомъ сердцѣ Европы, народилось, въ XIX вѣкѣ, чудовище матерьяльной грубой силы, не знающее мѣры своимъ притязанїямъ. Прославленная цивилизація дала только усовершенствованныя орудїа убійствъ и софистическую діалектику для оправданїа варварской политики завоеванїа и грабежа. Что-же уважать въ человѣчествѣ?

Пока не нашли средства наложить узду на человѣческой эгоизмъ и на страсти, имъ возбуждаемыя, до тѣхъ поръ будетъ все одно и то-же: люди попеременно будутъ заслуживать то сожалѣнія, то презрѣнія.

5. Суббота. Печально заблуждались тѣ, которые думали, что Наполеонъ III нуженъ для Франціи, спасая ее отъ анархіи. Но вотъ грозныя и плачевныя обстоятельства окончательно разоблачили эту роковую личность и показали, что онъ думалъ не о Франціи, а только о владычествѣ своемъ надъ нею и о своихъ династическихъ интересахъ и, заботясь исключительно объ этомъ, довелъ до полного упадка громадныя силы благородной націи.

9. Среда. Грустно, невыразимо грустно смотрѣть на дѣла человѣческія! Сколько безнравственности, сколько малодушія и лжи! Сколько варварства среди пресловутой цивилизаціи и прогресса! Сколько ничтожества, наконецъ, въ самой наукѣ, которая не въ состояніи искупать зла, наносимаго ея-же открытіями.

Да, наука не дѣлаетъ людей лучшими. Примѣръ передъ глазами. У кого наука оказала столько успѣховъ, какъ у нѣмцевъ? И что-же? Посмотрите, каковы они въ упоеніи своихъ побѣдъ надъ австрійцами и французами! А мы, неужели за то, что Пруссія подаритъ намъ парижскій трактатъ, гарантируемъ ей Эльзасъ и Лотарингію? Поистинѣ, политика не знаетъ нравственности.

15. Вторникъ. Нынѣшняя война Бисмарка съ Франціею вовсе не есть война за границы и за единство Германіи. Франція, по справедливости считается центромъ и душою всѣхъ либеральныхъ движеній въ Европѣ. Наполеонъ III, сколько ни старался убить въ ней этотъ духъ, однако, не могъ съ ней справиться. Но вотъ явился на помощь Бисмаркъ. Война съ Франціею имъ начата вовсе не за единство Германіи, которое могло быть достигнуто и уже почти достигнуто безъ нея. Унизить Францію, омрачить престижъ ея идей—вотъ настоящій смыслъ войны и прусскихъ побѣдъ. Бисмаркъ очень хорошо зналъ, что Франція со своимъ Наполеономъ не въ состояніи бороться съ полутора-милліонною, прекрасно организованною, нѣмецкою арміею. Однако, онъ и самъ не предвидѣлъ такого

исхода: судьба ужъ черезчуръ. ему подслужилась. Франція провозгласила у себя республику—это, конечно, не въ его видахъ. Но Бисмаркъ не унываетъ. Тѣмъ сильнѣе давитъ онъ Францію, чтобы выжать изъ нея весь сокъ и ея душу—и если онъ успѣетъ въ этомъ, тогда диктатура Пруссiи въ Европѣ станетъ на твердую ногу—и бѣда свободѣ. Развѣ только сами нѣмцы опомнятся и поймутъ, что вовсе не лестно возить камни для постройки, по плану Бисмарка, собственной своей тюрьмы.

17. Четвергъ. Сегодня или завтра, говорятъ, Тьеръ представляется государю.

18. Пятница. Всякій долженъ сдѣлать на своемъ мѣстѣ и въ своемъ кругу все какъ можно лучше, по крайнему своему разумнiю—вотъ единственная руководящая мысль для честнаго человѣка.

19. Суббота... Ну, изъ-за чего горячиться? Родъ человѣческой управляется такъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Не будь глупцовъ, негодяевъ и эгоистовъ, не было-бы ни Наполеоновъ III, ни Бисмарковъ. Собственно говоря, на свѣтѣ все обстоитъ благополучно, т. е. дѣла идутъ такъ, какъ должны идти. А что многихъ убиваютъ, другихъ грабятъ и что люди страдаютъ то отъ насилiя, то отъ плутовства разныхъ господъ, то вѣдь это такъ—судьба, переходное состоянiе, и философія исторiи найдетъ въ этомъ глубокой смыслъ и прогрессъ.

А вотъ я глупости заносу въ мой дневникъ. Видно, время такое, никто не убережется; даже люди, старающіеся честно и здраво мыслить, и тѣ впадаютъ въ преувеличенiе и становятся невоздержны.

26. Суббота. Мих. Никол. Похвисневъ смѣненъ. Мѣсто его заступилъ Шидловскій, военный генераль. Говорятъ, онъ сильно отказывался отъ этого назначенiя, представляя, что ему вовсе незнакомъ ходъ литературныхъ дѣлъ и печати. Притомъ онъ прибавлялъ, что онъ человѣкъ горячій и привыкъ дѣйствовать энергически, каковой способъ приличенъ въ полицейской сферѣ, но, можетъ быть, окажется неудобнымъ въ кругу науки и мысли.

27. Воскресенье. Мысль о „подтянутiи“ печати возникла первоначально въ головѣ министра народнаго просвѣщенiя, графа Д. А. Толстаго. Состоя не въ ладахъ съ министромъ

внутренних дѣлъ Тимашевымъ, онъ представилъ записку о крайней распущенности нашей печати, что приписывалъ слабому смотрѣнію за нею начальства, которому она подлежитъ. На это, въ отсутствіи Тимашева, отвѣчалъ товарищъ его, князь Алекс. Борис. Лобановъ-Ростовскій, что распущенности и зловредности въ печати никакихъ нѣтъ, а если онѣ гдѣ-либо существуютъ, такъ въ головахъ профессоровъ и учителей, за которыми худо смотреть графъ Толстой. Сперва записка графа Толстаго, повидимому, не произвела впечатлѣнія.

29. Вторникъ. Сегодня новый начальникъ по дѣламъ печати Шидловскій принималъ въ первый разъ своихъ чиновниковъ. Вотъ какъ это происходило по свидѣтельству одного изъ нихъ, а именно Наля, который съ буквальною точностью передалъ мнѣ все, тотчасъ по возвращеніи отъ генерала Шидловскаго.

Послѣдній вошелъ въ залу въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, сдѣлалъ всѣмъ собравшимся отвѣтный поклонъ и обратился къ каждому чиновнику съ вопросами: кто онъ, чѣмъ занимается и давно-ли служить? Переспросивъ такимъ образомъ всѣхъ, онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, принялъ настоящую генеральскую позу и произнесъ слѣдующую рѣчь:— „господа, я очень жалѣю, что при самомъ началѣ моего знакомства съ вами, я долженъ сдѣлать вамъ замѣчаніе: во-первыхъ, вы явились ко-мнѣ въ вицмундирахъ, а не въ мундирахъ—это противно законамъ службы. Вы должны были одѣться въ мундиры. Во-вторыхъ, я вижу здѣсь нѣкоторыхъ съ бородами—бороды не надо, я ихъ не потерплю. У нѣкоторыхъ я замѣчаю усы—и ихъ не надо; усы подобають носить военнымъ. Даже и эти округлыя бакены, сильно напоминающія бороды, не должны быть. Я буду строго наблюдать чинепочитаніе. Затѣмъ, прощайте“.

Октябрь 2. Пятница. Земскія учрежденія, суды, печать и распространеніе первоначальнаго образованія въ массахъ на первый случай хоть грамотности—вотъ существеннѣйшіе и главные предметы, на которые должно быть обращено вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи.

Конференція академіи наукъ назначила меня депутатомъ въ высочайше учрежденную комиссію для слянія всѣхъ казенныхъ типографій въ одну государственную. Я долженъ защищать необходимость для академіи имѣть свою собственную типографію, которая, собственно, казнѣ ничего не стоитъ.

Одно только: держись вѣрно тѣхъ законовъ, которые для тебя установила твоя совѣсть.

Самый лучший другъ и самый бѣльшій врагъ челоуѣка— это онъ самъ.

Борьба между администраціею и интеллигенціею общества нескончаема. Я знаю только одно средство нѣсколько укрѣпить первую: это то, чтобы она старалась быть лучшею.

3. Суббота. Въ продолженіе моей жизни я видѣлъ много запретительныхъ мѣръ противъ печати, но ни одна не достигала своей цѣли, т. е. не останавливала потока мыслей, а только извращала его и заставляла уходить въ глубь, чтобы затѣмъ снова вырваться изъ-подъ земли уже бурливымъ ключемъ въ какомъ-нибудь темномъ углу.

Но да не смущается сердце ваше—вѣрьте въ живучесть и производительную силу мысли. Хорошо-ли, дурно-ли, что она живетъ, но только ей дано много живучести, много производительной силы, а если-бы не такъ, то давно-бы ее погасили.

Говорятъ, Шидловскій имѣетъ личные доклады. И такъ, учредилось новое министерство по дѣламъ печати.

5. Понедѣльникъ. Надняхъ, говорятъ, государю представлялся предводитель дворянства одной изъ Остзейскихъ губерній. Государь сказалъ ему нѣсколько словъ по-русски. Предводитель потушилъ голову и молчалъ, а на повторенный государемъ вопросъ, отвѣчалъ, что не понимаетъ по-русски. Государь на это замѣтилъ, что надо говорить по-русски и отошелъ въ сторону. Забавнѣе всего, что этотъ господинъ ѣхалъ во дворецъ въ придворной каретѣ вмѣстѣ съ губернаторомъ какой-то губерніи, Клушинымъ, и все время говорилъ съ нимъ по-русски.

Самый хмѣльной напитокъ—это успѣхъ. Отъ него не только пьянѣютъ, но подчасъ и совсѣмъ дурѣютъ даже самыя вѣркія головы.

10. Суббота. Объединеніе національностей, составляющее одну изъ основныхъ задачъ нашего высокопросвѣщеннаго и прогрессивнаго времени, есть источникъ и начало безконечныхъ международныхъ соперничествъ, распрей и войнъ.

13. Вторникъ. Англія, кажется, беретъ на себя инициативу вмѣшательства въ войну и склоненія къ миру воюющихъ сторонъ. Отчего-же не мы?

16. Пятница. Мецъ взятъ. Сто пятьдесятъ тысячъ французъ сдалось пруссакамъ.

17. Суббота. Современныя событія имѣють глубокое роковое значеніе: они вполне объясняютъ, что значить цивилизація, прогрессъ XIX вѣка. Изъ передовыхъ націй мира одна достигла такой внутренней распущенности, такого хаоса понятій и нравовъ, что въ два мѣсяца очутилась на краю пропасти. Другая нація проявляетъ такія грубыя страсти въ войнѣ, которыя сильно напоминаютъ доброе старое время. Итакъ, не далеко ушло человѣчество по пути такъ называемаго прогресса! Куда двѣвались, напримѣръ, прославленныя, глубокія философскія, гуманныя стремленія въ наукѣ нѣмцевъ? И вообще, много-ли содѣйствовала наука къ истинному, существенному улучшенію человѣка, если онъ попрежнему остается такимъ-же рабомъ своихъ животныхъ влеченій. А что дѣлаетъ остальная цивилизованная Европа? При видѣ такого страшнаго кровопролитія и бѣдствія, она занимается дипломатическими сплетнями, вмѣсто того, чтобы дѣятельнымъ и твердымъ участіемъ положить конецъ этимъ безобразіямъ. Англія хочетъ половить рыбы въ мутной водѣ; Россія благодумствуетъ и благоговѣтъ передъ Пруссією! Все это, видите, политика, дипломатія, политическіе интересы и т. д. Нѣтъ! вся наша настоящая цивилизація, нашъ прогрессъ и наша наука, все это пустыя слова, и человѣчество находится еще на очень низкой степени развитія, не смотря на свои желѣзныя дороги, машины, свои фабрики и политическую экономію.

Я не спорю, что все, что есть,—есть такъ, какъ должно быть, что иначе оно и быть не можетъ. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вричать о величій вѣка, о чудныхъ успѣхахъ науки, о прогрессѣ и проч? Вѣдь все это грубая, пошлая ложь, блескъ снаружи, гниль и смрадъ внутри.

Позоръ мецской сдачи имѣеть и свою выгодную сторону для Франціи: она, благодаря ей, выбросила изъ себя послѣдніе гнусные остатки имперіализма.

Только тогда человѣкъ заслуживаетъ уваженіе за сдѣланное имъ хорошее дѣло, когда онъ могъ его и не сдѣлать.

Уничтожить въ человѣкѣ разные предрасудки и иллюзіи еще не значитъ сдѣлать его довольнѣе, лучше и просвѣщеннѣе.

21. Среда. Обѣдалъ у „дяди“ Марка (Николаевича Любо-

щинскаго) и видѣлся тамъ съ (Никол. Иван.) Пироговымъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, я впервые познакомился съ нимъ у покойнаго Чевилева. Теперь ему, какъ онъ самъ сказалъ, уже семьдесятъ лѣтъ, но онъ довольно бодръ еще и свѣжъ. Онъ живетъ постоянно въ своемъ имѣніи въ Каменецъ-Подольской губерніи и теперь ѣдетъ туда, на возвратномъ пути изъ за-границы, гдѣ былъ, по порученію императрицы Маріи Александровны, для изученія разныхъ средствъ помощи раненымъ. Между прочимъ, онъ говорилъ, что Базенъ сдѣлся съ своею арміею вовсе не отъ голода: въ лагерѣ его не было соли и было мало мяса, но хлѣба имѣлось вдоволь. Пироговъ узналъ объ этомъ подъ самымъ Медомъ.

Отъ меня нерѣдко требовали услугъ по дѣламъ печати и народнаго образованія. Худо-ли, хорошо-ли я ихъ исполнялъ, но услуги эти всегда покоились на основѣ строгой честности, т. е. все, что я дѣлалъ и старался дѣлать, то было мною дѣлано не въ угоду какому-нибудь лицу или системѣ, не соотвѣтствовавшей моимъ понятіямъ о пользѣ общественной. Главною моею цѣлью было соглашеніе интересовъ государственныхъ съ общественными. Съ этою цѣлью принялъ я на себя и званіе члена комитета для учрежденія дѣлъ по печати, состоявшаго изъ графа Адлерберга, Муханова и Т*. Въ такомъ духѣ объяснялся я лично и съ самимъ государемъ. Также точно принялъ я на себя основаніе газеты: „Сѣверная Почта“. Такъ поступалъ я и во время моего тѣснаго союза съ министерствомъ народнаго просвѣщенія подъ управленіемъ Норова. Успѣхи часто не соотвѣтствовали моимъ, говорю смѣло, поднявъ голову, честнымъ и безкорыстнымъ намѣреніямъ. Но тутъ уже была не моя вина, да можетъ быть и ничья, а вотъ развѣ тѣхъ тревожныхъ и быстро смѣнявшихся обстоятельствъ, среди которыхъ вращались люди и вещи. Я никогда не былъ способенъ сдѣлаться ни радикаломъ, ни ультраконсерваторомъ. Глубокое, твердо увѣреннѣвшееся во мнѣ съ дѣтства чувство справедливости и уваженіе къ правдѣ рѣшительно дѣлали меня неспособнымъ къ какимъ-бы то ни было одностороннимъ и преувеличеннымъ требованіямъ. Воздавать кесарю кесарево и Божье Богови—я всегда признавалъ за начало, въ силу котораго и должны устраиваться дѣла человѣческія. Меня часто упрекали въ идеализмъ; но я

полагаю, что самые недоброжелатели мои не въ состояніи обвинить меня въ своекорыстіи и въ анти-общественныхъ стремленіяхъ и вообще въ страстяхъ, которыя были-бы недостойны челоѣка и гражданина. Вотъ что я могу, какъ говорится, положить руку на сердце, сказать съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти ¹⁾.

Что касается моего идеализма, то онъ состоялъ въ томъ, что я питалъ и продолжаю питать непреодолимое отвращеніе ко всякимъ дразгамъ и мелочности въ жизни, наукѣ и литературѣ. Этого я нимало не вмѣняю себѣ въ достоинство, напротивъ, думаю, что въ житейскомъ и практическомъ смыслѣ это большой недостатокъ. Но, какъ говорить Манфредъ Байрона, въ этомъ „я не могъ преодолѣть моей природы“.

26. Понедѣльникъ. Деспоты думаютъ, что людьми нельзя управлять посредствомъ благодти и правосудія. Оставимъ въ сторонѣ благодть, которая въ глазахъ многихъ слыветъ за качество, годное для устройства царства Божьяго, а не челоѣческаго; но правосудіе это такое условіе, безъ котораго немислимо челоѣческое общество. Правосудіе, огражденное закономъ, есть главное основаніе общественныхъ отношеній.

Надо признаться, что вражда національностей вовсе не гуманное чувство. Это задатокъ будущихъ соперничествъ и войнъ.

Чрезвычайно вѣрны пословицы: „смѣлость города беретъ“ и „смѣлымъ Богъ владѣеть“. Въ самомъ дѣлѣ, не тотъ правъ, кто правъ, а кто смѣлъ.

27. Вторникъ. Самый лучший способъ управляться съ нашими раскольниками состоятъ въ томъ, чтобы не преслѣдовать ихъ и не препираться съ ними, а оставить ихъ совершенно независимыми и заботиться только объ ихъ образованіи. Разумѣется, я отсюда исключую нѣкоторыя вредныя раскольничьи секты.

Ноябрь 3. Вторникъ. Важное событіе: отмѣна части Парижскаго трактата. Объ этомъ напечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

¹⁾ Здѣсь въ оригинальномъ текстѣ на поляхъ выноска рукою автора карандашемъ: „NB. Это часть моей чистосердечной исповѣди передъ Богомъ и людьми моего народа и моего времени“. Отрывокъ этотъ см. также въ кн. 12-й „Русск. Стар.“ 1891 г., стр. 716—717.

5. Четвергъ. Новое важное событіе: объявлено о введеніи новой системы воинской повинности.

6. Пятница. Прочелъ въ общемъ собраніи академіи наукъ составленный мною проектъ адреса Михайловской артиллерійской академіи и училищу, по поводу празднованія пятидесятилѣтія ихъ существованія. Проектъ одобренъ. Меня назначили депутатомъ для поднесенія адреса. Ассистентами моими избраны Савичъ и Бутлеровъ.

Безконечные толки въ публикѣ о деклараціи нашей въ отнѣну части Парижскаго трактата, а еще больше о всеобщей воинской повинности. Относительно послѣдней иные опасаются, чтобы распространеніе ея на всѣ сословія безусловно, въ томъ числѣ на ученое и учебное, не остановило-бы и даже не отодвинуло-бы назадъ нашего еще весьма юнаго просвѣщенія. Германскіе порядки, говорятъ, намъ не примѣръ. Образование тамъ такъ широко раскинулось и такъ утвердилось, что привлеченіе къ военной повинности ученыхъ и учащихся не можетъ повредить ему.

12. Четвергъ. Одинъ изъ первенствующихъ просвѣщенныхъ народовъ истребляетъ другой, подобный-же, съ ожесточеніемъ, достойнымъ варварскихъ временъ. И это прогрессъ, цивилизація! Какъ тутъ уберечься отъ презрѣнія къ человѣку и его судьбѣ! Боюсь, не купили-ли мы Черное море цѣною слишкомъ большаго соучастія съ пруссаками въ убійствѣ Франціи. Это было-бы оскорбительно для чувства русскаго народа, отъ природы великодушнаго.

Неужели это воздаяніе Франціи за крымскую войну? Но вѣдь мы не злопамятны. Да притомъ, за нее мы могли-бы мстить Наполеону, а не цѣлой націи французской.

19. Четвергъ. Пруссаки, продолжая терзать Францію, между прочимъ, оказываютъ услугу намъ. Они на вѣчныя времена закрѣпляютъ ненависть къ себѣ французовъ и въ случаѣ ихъ (пруссаконъ) столкновенія съ нами, что надо въ будущемъ считать неизбѣжнымъ—французы будутъ нашими естественными союзниками.

Капельманъ, редакторъ Спб. французской газеты, сошелъ съ ума. Онъ выказывалъ въ своей газетѣ сочувствіе пруссакамъ и особенно защищалъ Базена. Здѣшніе французы его жестоко преслѣдовали и даже, говорятъ, какъ-то и куда-то заманивъ

его, побили. Онъ принужденъ былъ уѣхать изъ Петербурга, и вотъ теперь за-границею помѣшался.

25. Среда. Пятидесятилѣтній юбилей Михайловской Артиллерійской академіи, гдѣ я нѣкогда читалъ русскую словесность. Обѣдня, молебень и роскошный царскій завтракъ. Государь пріѣхалъ къ молебну, затѣмъ изъ пріемной прошелъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ рядами стояли бывшіе и настоящіе воспитанники академіи и толпились сановники и разные приглашенные. Мы, бывшіе профессора, находились въ особой комнатѣ. Когда дошла до насъ очередь, государь очень привѣтливо благодарилъ насъ за то, что мы образовали отличныхъ офицеровъ. Ко мнѣ обращались многіе изъ моихъ бывшихъ слушателей съ самыми радушными воспоминаніями; почти всѣ уже генералы, украшенные орденами и сѣдиною. Товарищъ генерала фельдцейхмейстера Баранцевъ объявилъ мнѣ, что я избранъ почетнымъ членомъ академіи, и очень любезно прибавилъ, что мы теперь съ нимъ товарищи. Тосты за обѣдомъ предлагалъ великій князь Николай Николаевичъ. Первый тостъ, разумѣется, былъ въ честь государя и сопровождался оглушительнымъ ура! Второй въ честь великой княгини Елены Павловны, которую государь велъ подъ руку.

27. Пятница. Актъ въ Артиллерійской академіи. Депутаціи отъ двадцати двухъ учрежденій съ поздравительными адресами. Первая депутація отъ академіи наукъ. Я прочиталъ адресъ хорошо. Ассистентами моими были Савичъ и Бутлеровъ. Все сошло не только прилично, но и торжественно. Въ самомъ началѣ акта прочитаны были грамота государя и благодарственные рескрипты великихъ князей, избранныхъ въ почетные члены; потомъ списокъ наградъ. Мнѣ золотая съ брилліантами и съ вензелемъ государя табакерка, которую въ концѣ акта и вручилъ мнѣ великій князь Михаилъ Николаевичъ съ очень ласковымъ привѣтствіемъ.

28. Суббота. На панихидѣ по покойномъ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, какъ основателѣ академіи.

29. Воскресенье. Обѣдъ въ академіи. Послѣ обѣда расхажившееся юношество произвело качаніе—досталось и мнѣ. Но все это было, хотя и шумно, однако, вполне прилично. Меня юноши проводили до кареты и посадили въ нее.

Декабрь 1. Вторникъ. вмѣстѣ съ другими представлялся государю для принесенія благодарности за полученную награду. Это было въ часъ по-полудни въ Зимнемъ дворцѣ. Когда дошла очередь до меня, государь съ своею ласковою улыбкою очень привѣтливо сказалъ:— „Благодарю васъ за вашу полезную службу; я увѣренъ, что вы съ такою-же пользою будете продолжать ее и впередъ“.

Главная ошибка Наполеона III состояла въ томъ, что онъ думалъ играть только на дурныхъ страстяхъ, забывъ, что у людей бываютъ и хорошія.

Всякій долженъ говорить языкомъ своего сердца и своего ума. Тотъ слогъ хорошъ, который дѣлается самъ, а не тотъ, который дѣлаютъ.

3. Четвергъ. Три журнала задержаны цензурою: „Вѣстникъ Европы“ „Русскій Архивъ“ и „Отечественныя Записки“.

4. Пятница. „Вѣстникъ Европы“ вышелъ съ десятью вырѣзанными страницами, въ которыхъ заключалась конституція, во время оно писанная Новосильцевымъ. Статья эта (Александра Никол.) Пыпина и составляетъ продолженіе его статей объ Александрѣ I. Стасюлевичъ объяснялся, по этому поводу, съ министромъ А. Е. Тимашевымъ, который принялъ его очень ласково и, между прочимъ, сказалъ, что статья не была-бы задержана, еслибъ не московскій адресъ.

А что это за адресъ? Москва или московская дума проситъ въ немъ о свободѣ печати, свободѣ совѣсти и церкви. Иные называютъ его безтактнымъ. Я самъ его не читалъ и потому не знаю каковъ онъ.

Энгельгардта, его жену и жившую съ ними дѣвицу Волкову арестовали. Арестованы также пять или шесть студентовъ земледѣльческаго училища. Въ чемъ ихъ обвиняютъ, я еще не слышалъ. А мы въ сегодняшнемъ засѣданіи академіи наукъ присудили (Александру Никол.) Энгельгардту ломоносовскую премію за его трудъ по химіи.

11. Пятница. Вопросъ Бисмарка и вопросъ Франціи—это вопросъ деспотизма и свободы.

Подобные Піетри, изобрѣтатели заговора, были не въ одной Франціи—были и есть.

12. Суббота. Благо—это вымыселъ человѣческой; законъ—

это необходимость; долгъ—вотъ что существуетъ въ дѣйстви-
тельности.

17. Четвергъ. Это не пруссаки и французы сражаются—
это бьется прошедшее съ будущимъ. Призракъ феодальнаго
средневѣковаго консерватизма всталъ изъ гроба и грозить
Европѣ.

Не мудрено презирать людей: они, можетъ быть, и заслужи-
ваютъ этого. Но, прежде всего, надо имъ благотворить, потому
что они еще больше заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія.

20. Воскресенье. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкая философія
отыщетъ глубокой смыслъ, великій элементъ прогресса въ этой
бойнѣ, которая производится теперь нѣмцами во Франціи. Бѣд-
ное человѣчество! Оно даже не имѣетъ утѣшенія сѣтовать о
своихъ страданіяхъ, а напротивъ должно радоваться и, слушая
нѣмецкихъ и всяческихъ философовъ, что всѣ эти пожары, гра-
бежи, избіенія—все это къ лучшему. Не цѣлесообразнѣе было-бы
этимъ мыслителямъ совѣтовать своимъ гражданамъ меньше про-
ливать крови, грабить и всячески свирѣпствовать въ угожденіе
своему Бисмарку, который, чего добраго, ихъ-же самихъ зауетъ
въ цѣпи, а разбить ихъ имъ опять помогутъ развѣ тѣ-же фран-
цузы, если уцѣлѣютъ.

25. Пятница. Прекрасны слова Лагарпа: „обманывать
людей можно и съ малымъ умомъ, но просвѣщать ихъ трудно
и съ большимъ“.

Почему Гогенцоллерны будутъ лучше для человѣчества, чѣмъ
Наполеоны? Эти похищали власть и думали поддерживать ее
желѣзомъ и кровью, а тѣ развѣ иначе достигаютъ ея? Власть—
все власть: одинъ возносится на высоту, другой старается его
низвергнуть съ нея, чтобы самому занять его мѣсто, а иные
глубокіе мыслители видятъ въ этомъ великія идеи и громадныя
успѣхи прогресса—въ будущемъ. Сдается, что они употребляютъ
умъ на выработку тумана для омраченія здраваго смысла, а
будущее само за себя похлопочетъ и сдѣлаетъ все по своему.

29. Вторникъ. Автъ въ академіи наукъ. Я по обыкновенію
читалъ обзорѣніе дѣйствиій втораго отдѣленія за истекающей
годъ. Прочиталъ хорошо—громко. Публика была довольна, само
собою разумѣется, и тѣмъ, что я читалъ всего тридцать три
минуты. Потомъ академики собрались на обычный годовой обѣдъ

къ Донону, въ томъ числѣ и герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. Онъ былъ очень милъ и любезенъ и образовалъ около себя небольшой отдѣльный кружокъ. Тутъ были: Овсянниковъ, Бутлеровъ, Гротъ, Безобразовъ, (Андрей Парфенов.) Заблоцкій, въ качествѣ нашего почетнаго члена, и я. Вернулся домой около десяти часовъ вечера.

31. Четвергъ. Конецъ 1870-го года.

А. В. Никитенко.

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ІОРДАНЪ ¹⁾

въ 1850—1853 гг.

Семь его писемъ въ Римъ къ художнику А. А. Иванову.

Имя Федора Ивановича Іордана неразрывно связывается съ двумя другими вѣчно достопамятными и любезными именами: Александромъ Андреевичемъ Ивановымъ и Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ. Всѣ трое долго жили въ Римѣ; всѣ трое съ необычайною любовью трудились въ стѣнахъ вѣчнаго города надъ созданиемъ своихъ излюбленныхъ твореній. Картина „Явленіе Христа“, поэма „Мертвыя души“ и гравюра „Преображеніе“—всѣ имѣютъ одну общую родину—Италію, Римъ. Всѣ три художника встрѣтились въ стѣнахъ „вѣчнаго города“; ихъ взаимная дружба скрѣпилась одинаковыми симпатіями къ искусству, красотѣ, любовью къ Италіи и одинаковымъ стремленіемъ къ совершенствованію своихъ созданій. Ф. И. Іорданъ, такъ-же какъ и Гоголь и Ивановъ, долго трудился надъ своею гравюрою „Преображеніе“: онъ работалъ надъ ней больше 15-ти лѣтъ! Судьба его произведенія была такая-же печальная, какъ и судьба картины „Явленіе Христа“.

Весной 1850 года Ф. И. Іорданъ везетъ свою оконченную ра-

¹⁾ Ф. И. Іорданъ — профессоръ гравированія и ректоръ живописи и ваянія въ Петербургской Академіи Художествъ. Родился 13-го августа 1800 г., умеръ — 19-го сентября 1883 г. въ Петербургѣ. (Интересныя записки Ф. И. Іордана напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изъ 1891 г., 6 кн.).

боту въ Петербургъ къ соотечественникамъ, гдѣ — какъ онъ слышалъ, какъ ему писали,—его ждуть, нетерпѣливо желаютъ видѣть его работу. И вотъ въ маѣ онъ въ Петербургѣ, съ нимъ 300 экземпляровъ его гравюръ; онъ выставляетъ на судъ общества и государя свое „Преображеніе“. Его встрѣчаетъ тотъ-же приѣмъ, тѣ-же несбывшіяся надежды тяжелою тоскою ложатся на душу художника, какъ и при появленіи на родинѣ картины Иванова. Императоръ Николай не приобрѣлъ ни одного оттиска и не наградилъ ничѣмъ ¹⁾ за долгій, изъ ряда вонъ выходящій по совершенству и добросовѣстности, трудъ,—трудъ, который въ художественномъ мірѣ западной Европы произвелъ восторгъ. Общество петербургское не заинтересовалось гравюрою... художника не ждали... онъ никому не нуженъ.

Вернувшись въ Россію послѣ 20-ти-лѣтняго пребыванія за-границею и встрѣтивъ такой холодный приѣмъ своему дорогому труду, Юрданъ чувствуетъ себя на родинѣ далеко не по-себѣ—„такъ здѣсь холодно—и въ воздухѣ, и въ обществѣ, холодно и душѣ, и тѣлу: темно, сыро, холодно и скучно“... ²⁾). Неустойчивая петербургская зима, дождливая и темная осень въ конецъ опечаливаютъ художника и еще меньше оставляютъ надежды на примиреніе съ родною, на возможность забыть когда-нибудь дорогую Италію, чудный Римъ, перестать скучать объ его ясной лазури, волшебномъ солнечномъ свѣтѣ и дружеской, товарищеской бесѣдѣ въ кафе Лунджи. Не смотря на свою природную мягкость и доброту, Юрданъ бранитъ Петербургъ съ его вѣчными сумерками и тоскуетъ, какъ дитя, по Италиі. Но ни одними только сумерками недоволенъ художникъ, а всею совокупностью непріятнаго: и недостаткою денегъ, и невозможностью получить мѣсто, и неимѣніемъ заказовъ... Однимъ словомъ, все было не то въ Петербургѣ, чего онъ ждалъ. Если-бы не старушка Москва съ своимъ радушіемъ и неизмѣннымъ вниманіемъ къ произведеніямъ изящнаго, долго-бы пришлось лежать оттискамъ „Преображенія“ въ портфель художника. „Москва, добрая матушка Москва, по словамъ Рихтера, обѣщается дать мнѣ нѣсколько подписчиковъ; въ Петербургѣ-же совершенно ничего, почему и долженъ быть весьма остороженъ въ издержкахъ“ ³⁾).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 22-го января 1851 года онъ уже

¹⁾ „Русск. Старина“ изд. 1891 г. томъ LXXII, записки Ф. И. Юрдана, стр. 627--630.

²⁾ Письмо Ф. И. Юрдана къ А. А. Иванову отъ 2-го октября 1850 года. Рукопись Моск. Рум. Музея № 2,202.

³⁾ Письмо Ф. И. Юрдана къ А. А. Иванову безъ даты. (Тамъ-же).

радостно сообщает своему другу и товарищу въ Римъ: „Странно, я ужасался моему количеству оттисковъ „Преображенія“, теперь же оказалось, что ихъ не достанетъ... Добрый Рихтеръ и вообще Москва были большимъ меценатомъ моему дѣлу. Вчера посѣтилъ меня секретарь Общества Рѣзвый и сказалъ, что члены Общества потребуютъ около пятидесяти экземпляровъ, а негдѣ взять. Весьма радъ, что лучшіе оттиски останутся дома, и я поѣду порожнею въ Римъ, гдѣ мнѣ нужно будетъ отпечатать по крайней мѣрѣ 300 экземпляровъ, ибо съ Академіею вовсе еще не расплатился“¹⁾.

Но и неожиданный успѣхъ оттисковъ „Преображенія“ не въ силахъ вытравить изъ души тоску по милой Италіи, не въ силахъ вытравить влеченія къ ея вѣчнымъ красотаѣ и чудному солнцу. Иорданъ не перестаетъ скучать, проживши въ Петербургѣ дѣлѣхъ два года: „Ахъ, какъ скучно, скучно, скучно! Какъ бы къ вамъ попить по утрамъ aqua cetosa, вечеромъ за Porta-Pia, посмотрѣть вашъ красивый народъ, полюбоваться вашею зеленью и небомъ!“²⁾.

По мнѣнію Ѡ. И., для художника на землѣ есть только одна родина, гдѣ онъ дѣйствительно у мѣста и гдѣ его искусство дѣйствительно можетъ процвѣтать и развиваться — это Италія: „для воина—Кавказъ, для художника—Италія“³⁾. „О, Италія! о, Римъ! И солнце, и земля твоя созданы для художника!“⁴⁾. А Петербургъ... Въ Петербургѣ „ужасъ какъ темно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; вы себѣ не можете дать даже идеи, только что теперь (въ январѣ) начинается разсвѣтать, да и то отъ снѣга и отъ тумана все имѣетъ фальшивый свѣтъ; нельзя не вспомнить Рима или Италіи безъ сердечнаго прискорбія. Теперь пошли холода въ 15 или 16 градусовъ. Ледъ трещитъ. Я сшилъ себѣ временный зипунъ или архалукъ, въ родѣ огромнаго одѣяла съ неимовернымъ количествомъ ваты, — тяжесть ужасная, и всѣ удивляются, какъ я гуляю въ немъ, ибо они называютъ его лѣтнею одеждою; говорятъ, надобно имѣть шубу, я же отвѣчаю, что шуба будетъ мнѣ стоить осьмиимѣсячнаго райскаго пребыванія въ San-Vito у sera Marnicetta; хотя и подрогну, но зато лѣто di S. Vito согрѣетъ меня“⁵⁾.

Но съ успѣшною распродажею оттисковъ своей гравюры нахмуренное чело художника понемногу начало освѣщаться его обычною веселою улыбкою, которая въ Римѣ была его неотъемлемою при-

¹⁾ Москов. Румянц. Музей, рукопись № 2,202.

²⁾ Письмо отъ 4-го мая 1852 г. (Тамъ же).

³⁾ Письмо отъ 17-го іюля 1852 г. (Тамъ же).

⁴⁾ Письмо отъ 3-го сентября 1852 г. (Тамъ же).

⁵⁾ Письмо отъ 22-го января 1851 г. (Тамъ же).

надлежностью и обладала силою притяженія; непріятныя впечатлѣнія понемногу теряли свой острый характеръ, и если положеніе въ сущности не измѣнилось вполне къ лучшему, то само петербургское общество, ближе ознакомившееся съ прекрасною личностью художника, который былъ замѣчательнъ, какъ талантливый и остроумный собесѣдникъ, замѣчательный рассказчикъ, — общество оцѣнило въ немъ человѣка, и полюбило его. Несомнѣнно, это должно было хотя нѣсколько залѣчивать тоску по Италиі, уда Ф. И. не переставалъ стремиться. И мы видимъ, что уже къ концу года онъ понемногу начинаетъ находить петербургское общество весьма пріятнымъ, прибавляя, что не требуется только трогать Рима: „Петербургъ начинаетъ нравиться, — народъ удивительный, съ сердцемъ въ рукахъ; общества весьма пріятныя, даже удивительный женскій полъ, съ удивительною наружностью, ласковый приемъ съ тонкою улыбкою, только не требуется трогать Рима и его окрестностей, — одно воспоминаніе наводитъ скорбь и уныніе, будучи съ нимъ въ разлукѣ“¹⁾.

Съ самыхъ первыхъ дней пріѣзда на родину — съ мая 1850 г. — Ф. И. Юрданъ ведетъ частую переписку съ своимъ другомъ и товарищемъ — художникомъ А. А. Ивановымъ. Эта переписка продолжается вплоть до желаннаго возврата знаменитаго гравера подъ синее небо Италиі — до весны 1853 года.

Извѣстно, что Ивановъ каждый годъ, съ наступленіемъ лѣта, покидалъ свою студию въ Римѣ для окрестностей Вѣчнаго города или же уѣзжалъ въ окрестности Неаполя или на островъ Искію. Такъ было и въ 1853 г. Но Юрданъ могъ-бы еще застать своего друга, если-бы проѣхалъ прямо въ Римъ, а онъ на этотъ разъ мѣстомъ для своей мастерской выбралъ Флоренцію, откуда и написалъ первое письмо по пріѣздѣ къ Иванову — отъ 18 апрѣля 1853 года, гдѣ говоритъ: „Я увѣренъ, А. А., что не похвалите мой поступокъ, но время и вамъ то покажетъ, и сами тогда увѣритесь въ моей истинѣ; впрочемъ, я отпущенъ только на шесть мѣсяцевъ, и время покажетъ — могу-ли я вновь обвыкнуться съ любимому мною страню — Италию“²⁾.

Но и въ декабрѣ этого года мы его видимъ еще во Флоренціи, — онъ продолжаетъ еще оттуда переписываться съ Ивановымъ. Изъ обширной корреспонденціи Юрдава съ Ивановымъ сохранилось въ Московскомъ Публичномъ Румянцевскомъ музеѣ около 40 писемъ и, ме-

¹⁾ Письмо отъ 19 сентября 1850 г. (Тамъ-же).

²⁾ Тамъ-же.

жду прочимъ, одно письмо изъ Москвы о томъ радушномъ приѣмѣ, какой сдѣлала граверу старушка Москва. Она такъ понравилась Ѳ. И. своимъ радушіемъ, хлѣбосольствомъ, своеобразною архитектурою церквей, кремлевскимъ видомъ, что передъ возвратомъ въ Италію онъ заглянулъ въ нее еще разъ. И опять остался доволенъ. У него мельгало даже разъ желаніе совсѣмъ перебраться въ Москву.

Н. В. Гоголь, составлявшій нѣкогда вечернее trio въ кафе Луджи, у всѣмъ извѣстнаго теперъ „Фальконе“, съ обоими художниками, нерѣдко упоминается въ письмахъ Іордана. А письмо отъ 19-го марта 1852 года, вызванное внезапною смертію Николая Васильевича, почти всецѣло посвящается ему, изліянію той непритворной горести, которую вызвала въ душѣ Іордана внезапная, поразившая его вѣсть о смерти. Въ этомъ письмѣ онъ довольно подробно сообщаетъ о похоронахъ и досадливо, съ горечью, упоминаетъ о Булгаринѣ, „который еще въ день смерти ругалъ его (Гоголя) произведенія“...¹). Все письмо чрезвычайно любопытно. Потому это письмо вмѣстѣ съ первымъ письмомъ изъ Петербурга, съ письмомъ изъ Москвы, съ двумя письмами изъ второй поѣздки въ Италію, собственно изъ Флоренціи, и еще двумя письмами съ родины, привожу ниже, какъ образчики любопытной обширной переписки двухъ друзей,—переписки, начатой уже на склонѣ лѣтъ. Ѳ. И. Іордану было уже около 50-ти лѣтъ, когда онъ началъ писать названныя письма,—а между тѣмъ сколько жизни, подвижности, ума, сердца! Сколько теплоты, молодости чувствуется въ ихъ строкахъ,—это какъ-бы сама никогда не старѣющая, не увядающая юность!

Во всей перепискѣ разсыпано много остроумія, теплоты и крайняго добродушія автора. Въ Іорданѣ-художникѣ не видимъ и тѣни того мелкаго самолюбія, которое нерѣдко бываетъ спутникомъ не только маленькихъ, но и большихъ талантовъ.

Сообщая своему другу новости изъ художественнаго міра, упоминая о появленіи чуть не каждой новой картины, новой статуи русской школы, Ѳедоръ Ивановичъ несказанно радуется открытію каждаго новаго таланта. Въ какое умиленіе онъ приходитъ отъ портретовъ Зарянко или пейзажей Лагоріо! Какъ радуется каждому новому произведенію искусства, хотя-бы его творцомъ былъ совсѣмъ неизвѣстный художникъ. „Нынче на экзаменѣ (въ Академіи Художествъ)—пишетъ онъ Иванову—былъ Маркова портретъ

¹. Письмо отъ 19-го марта 1852 г. (Тамъ-же).

въ скульптурѣ,—вещь удивительная! Признаюсь—вещь ватиканская, выѣплена на имя вольнаго художника какимъ-то Бахомъ,—финляндцемъ—сходство и лѣпка удивительныя! У меня на столѣ находится оттискъ. И, признаюсь, восхищаюсь¹⁾.

Зато какая скромность по отношенію къ себѣ, къ своимъ работамъ! „Несчастный граверъ“, „мѣдирѣзъ“—инымъ названіемъ онъ себя не называетъ. Много горькаго юмора свозить въ строкахъ, когда онъ касается судьбы гравюры въ Россіи. Но когда фотографія вздумала было войти въ состязаніе съ его любимымъ искусствомъ, когда фотографія выступила впервые какъ-бы на бой съ гравюрою, онъ полонъ негодованія! Онъ негодуетъ на дерзость механизма, осмѣливающагося оспаривать святой огонь искусства и вступать съ нимъ въ состязаніе: „Все, что сдѣлано механикою, — есть механическая вещь, а не художественная; все, что сдѣлано умомъ или воображеніемъ художника, въ какомъ-бы то ни было родѣ, если совершенно,—то это есть произведеніе Божества, ибо человѣкъ носить лишь Божій, фотографъ-же носить на себѣ ликъ Дагерра или другаго accidente“²⁾.

Новости художественнаго міра столицы, новости изъ жизни Академіи составляютъ собственно главный матеріалъ содержанія писемъ, и только рядомъ съ нимъ, какъ бы въ промежуткахъ, размѣщается масса взаимныхъ порученій, касающихся денежной части обоихъ художниковъ.

Письма прекрасно рисуютъ талантливую, до женственности мягкую и въ высшей степени симпатичную личность художника, потому я увѣрена, что и приводимыя ниже семь писемъ будутъ прочтены съ удовольствіемъ и интересомъ, не смотря на сохранившіеся мѣстами въ рѣчи слѣды чужаго языка. Живя такъ долго за-границею вообще, и въ особенности въ Италіи, Ф. И. Юрданъ не могъ уберечься отъ вліянія иностранной рѣчи; нѣкоторыя слова, обороты въ его письмахъ съ перваго раза кажутся какъ-бы непонятными: онъ часто, на примѣръ, употребляетъ слово „который“, „которое“, вмѣсто „что“ и „это“,—употребляетъ итальянскія слова, а иногда и цѣлыя итальянскія фразы... Но съ дальнѣйшимъ пребываніемъ на родинѣ эти слѣды долгой заграничной жизни мало-по-малу сглаживаются и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ.

Е. С. Некрасова.

¹⁾ Письмо отъ 19-го сентября 1850 г. (Тамъ-же).

²⁾ Письмо отъ 20-го января 1853 г. (Тамъ-же).

Письма **Θ. И. Иордана** къ **А. А. Иванову** ¹⁾.

I.

С.-Петербургъ, 29-го мая 1850 г.

Любезнѣйшій Александръ Андреевичъ! Извините меня, что до сихъ поръ вы остались безъ моихъ извѣстій. Basta, если вамъ скажу, что я въ Петербургѣ,—которое ²⁾ уже довольно, чтобы извинить мое молчаніе, въ шумномъ и хлопотливомъ Петербургѣ, куда пріѣхалъ, какъ художникъ. Вы тотчасъ скажете: „зачѣмъ пріѣхалъ? зачѣмъ торопился оставить вѣкъ незабвенный Римъ! Никому вы не нужны, и о художествѣ вовсе не помышляютъ“. — Сдѣлавъ поѣздку весьма счастливо до Анконы и сѣвъ на пароходъ, я со слезами прощался съ счастливою Италіею. Пріѣхалъ въ Триестъ, немедленно отправился въ Вѣну, гдѣ послѣ двухдневнаго пребыванія отправился чрезъ Варшаву на родину въ Петербургъ, куда прибылъ послѣ 18-ти-дневнаго путешествія и остановился у моего профессора Н. И. г. Уткина ³⁾ и у коего нахожусь до сихъ поръ. По пріѣздѣ посетилъ любезнѣйшую сестрицу **Θ. Θ. Моллера** ⁴⁾ и остался восхищенъ какъ пріемомъ, такъ и любовью симъ небеснымъ существомъ; три раза прощался и три раза вновь оставался, дабы приложиться къ ея ангельской рукѣ. Поблагодарите и поклонитесь любезному **Θедору Θедоровичу** ⁵⁾, просите, чтобы онъ сохранилъ мой кладъ банка **Боргезіева** ⁶⁾, ибо будущій годъ—если не ранѣе, надѣюсь быть въ Римѣ, ибо Римъ есть жизнь и смерть художника, т. е. утро, полдень, вечеръ и, наконецъ, вѣчное успокоеніе. Петербургъ по привычкѣ васъ зазоветъ и говорить вамъ, что нужны. Какъ глупецъ или какъ неопытный, вы пріѣзжаете — и что-же находите? что вовсе ненужны. По крайней мѣрѣ, такъ поступлено со мною. Три недѣли, какъ шляюсь по улицамъ, все по пустому, и смертная печаль гонитъ изъ глазъ невольную слезу. Четыре художника украшены титуломъ превосходительнаго: графъ Толстой, В. Н. Шебулъ, К. А. Тонъ, съ лентою и ардендою, и

¹⁾ № рук. 2,202 (Московск. Публ. Румянц. музей).

²⁾ Т. е. „и этого“.

³⁾ Н. И. Уткинъ, профессоръ гравированія въ Академіи художествъ.

⁴⁾ **Θ. А.** (а не **Θ. Θ.**) Моллеръ—художникъ, жившій тогда въ Римѣ.

⁵⁾ Должно быть, **Θедору Антоновичу**?

⁶⁾ Въ банкѣ Боргезіо у **Θ. И. Иордана** лежала нѣкоторая сумма денегъ, билетъ или книжку на которую онъ оставилъ у **Θ. А. Моллера** въ Римѣ.

А. П. Брюловъ, А. Т. Марковъ, съ Анною на шеѣ, и все живетъ en grand ton. Былъ на именинахъ у К. А. Тона, на дачѣ, выстроенной въ швейцарскомъ вкусѣ: отличный обѣдъ на 100 человекъ съ бандою кавалергардской музыки; затѣмъ обѣдъ у П. В. Басина ¹⁾, гдѣ изобиліе и отличный вкусъ украшали столъ у нашего собрата художника. Впрочемъ, все въ развѣздѣ, всѣ живутъ на дачахъ, — которое ²⁾ крайне мнѣ прискорбно, ибо ничѣмъ не могу кончить мои дѣла. Е. с. князь П. М. г. Волхонскій принялъ меня весьма ласково, но безъ государя не могъ ничѣмъ обнадежить. Я въ ожиданіи избралъ себѣ картину нашего земляка Угрюмова: Янъ Усмовичъ— „Испытаніе его силы надъ быкомъ“. Если не придется гравировать, то, по крайней мѣрѣ, буду занять рисункомъ.

Я посѣтилъ вашу наиболезнѣйшую племянницу. Она съ сердечнымъ удовольствіемъ говорила о своихъ братцахъ и ждетъ съ нетерпѣніемъ вашего возвращенія. Я всѣмъ говорю, что вы будете къ намъ на будущей годъ ³⁾.

Былъ въ церкви Исакія. Бездна странныхъ чувствъ послѣ Рима, особенно живописи; однако, ужасъ, что намалевано, все на скорую руку и все на короткое время; ибо, будучи въ церкви съ г. Басинымъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что плечо одной изъ его фигуръ отпало, на что онъ мнѣ возразилъ, что это уже не въ первый разъ. О моей поѣздкѣ въ Москву все еще не рѣшаюсь, ибо прежде желаю представить государю мою работу. Слышалъ отъ г. Скотти ⁴⁾, что Н. В. Гоголь находится въ Москвѣ, что Рихтеръ ⁵⁾ весьма успѣшно занимается, кавалеръ св. Анны на шеѣ и статскій свѣтникъ. — О климатѣ скажу, что, при всей жарѣ, ношу ежедневно пальто или шинель и что, при всей жарѣ, я все зябну и лышу себя надеждою при окончаніи моего рисунка возвратиться опять въ Римъ.

Я повторяю мою просьбу къ любезнѣйшему Θ. А. г. Моллеру, чтобы онъ поберегъ мои билеты банка Боргезе, Сузѣ ⁶⁾ поклонитесь, я говорилъ объ ономъ с и не пекторомъ, т. е. о дѣтяхъ, съ графомъ Толстымъ и В. И. Григоровичемъ ⁷⁾, только они, кажется,

¹⁾ П. В. Басинъ—художникъ.

²⁾ Авторъ часто употребляетъ слово „которое“ вмѣсто что.

³⁾ Какъ извѣстно, А. А. Ивановъ вернулся въ Россію только черезъ 3 лѣтъ—въ 1858 году.

⁴⁾ Скотти—художникъ.

⁵⁾ Рихтеръ, издавшій „Церковныя древности Россіи“.

⁶⁾ Суза—итальянка, хлопотавшая о казенномъ содержаніи своихъ дѣтей послѣ смерти художника К., съ которымъ были прижиты дѣти.

⁷⁾ В. И. Григоровичъ—конференцъ-секретарь академіи художествъ. О немъ въ дальнѣйшей перепискѣ Юрданъ дѣлаетъ самый теплый отзывъ: „Онъ

знать не хотять, по крайней мѣрѣ то видно изъ ихъ разговоровъ, и говорили, чтобъ она старалась имѣть дѣло съ нашимъ посольствомъ. Итакъ, до свиданія, любезный Александръ Андреевичъ, восхищайтесь послѣдніе мѣсяцы вашего пребыванія въ Римѣ, коего отсутствіе привыкшему неумолимо, и вы вздохнете, и вы найдете себя сиротою художественнаго рая. Поцѣлуйте отъ меня вашего брата¹⁾. Надѣюсь, отправлюсь вновь къ милой вашей племянницѣ.

Прощайте, будьте здоровы и счастливы

Федоръ Іорданъ.

Адресъ: на Васильевскій островъ, въ имп. Академію художествъ, на квартиру г. проф. Уткина.

II.

Представьте себѣ, любезный Александръ Андреевичъ, видѣвъ Парижъ, Лондонъ и сдѣлавшись, наконецъ, гражданиномъ и солдатомъ Рима²⁾, нахожусь, наконецъ, въ безсмертной матушкѣ Москвѣ и пишу къ вамъ въ домѣ и обществѣ любезнѣйшихъ нашихъ друзей, съ теплою московскою душою—братцевъ гг. Воткиныхъ.—Принять отлично и восхищенъ моимъ посѣщеніемъ; на каждомъ шагу что-то необыкновенное, что-то вовсе до сего времени невиданное, храмы съ удивительнымъ разнообразіемъ и богатствомъ, и обогащенные драгоценными останками святыхъ мощей; самъ народъ носить прекрасныя черты славянской красоты. Не могу описать тѣ удивительныя головы, которыя встрѣчались и встрѣчаются въ Москвѣ, какъ и во время путешествія, однимъ словомъ, красавцы. Сожалѣю, что избралъ ненастное время и къ тому великій постъ. Москвичи-же добрые, богомольные, слѣдственно отъ колоколовъ (звона) до высшаго сословія—скромность въ поступкахъ и для умерщвленія плоти хранить въ строгости законѣ православія предписаннаго по тѣ.

одинъ, признаюсь, принялся довольно тепло за мое дѣло, и одни ласковыя его слова заставляютъ меня бодрствовать и надѣяться на хорошій результатъ". (Письмо отъ 4-го августа 1850 г. Рукопись Рум. Музея № 2,202). „Григоровичъ не человѣкъ — а божество, говорится въ другомъ письмѣ (отъ 2-го октября 1850 г.). Подобной теплоты души не видалъ“.

¹⁾ Сергѣя Андреевича, жившаго въ Римѣ вмѣстѣ съ А. А. Ивановымъ.

²⁾ Намекъ на то, какъ во время движенія Италіи въ концѣ 1840-хъ гг. Іордана, какъ давно живущаго въ странѣ, хотѣли было заставить стать въ ряды войска.

Вотъ, душа, все, что могъ сказать вамъ то, что могъ замѣгнѣ или слышать о святой матушкѣ Москвѣ. Вскорѣ получите другое и поподробнѣе. И такъ, будьте здоровы и шлю изъ нутри сердца Россіи радостное „Христось Воскресе!“ Братцу вашему мое почтеніе. Весь вашъ Іорданъ.

III.

Страстная пятница, 6-го апрѣля 1851 г.

Я только что возвратился изъ Москвы, и остался ею доволенъ, и восхищенъ; приняли меня съ Айвазовскимъ отлично, дали публичный обѣдъ, коему причиною были добрые профессора: гг. Погодины и Шевыревы ¹⁾. Дай Богъ имъ здоровья! Вслѣдствіе чего и продажа эстамповъ ²⁾ пошла для меня повыгоднѣе. Былъ на лекціяхъ и восхищался Грановскимъ и Шевыревымъ; всѣ спрашивали о васъ, о вашемъ трудѣ и ждуть съ нетерпѣніемъ возврата. Г-на Чижова я засталъ только что предъ его отъѣздомъ къ себѣ на свои плантаціи шелка. Жаль, не было Н. В. Гоголя, тѣмъ болѣе, день нашего обѣда, 19-е марта, былъ день его рожденія и вступленія побѣдоноснаго російскаго войска въ Парижъ. Сколько событій въ одинъ день! Остановился я у Рихтера, у котораго премиленькая женочка и четверо ангеловъ-дѣтей; живетъ въ собственномъ отличномъ домѣ, прекрасный экипажъ, Анны на шеѣ и статскій совѣтникъ; только ему болѣе хотѣлось-бы быть въ Петербургѣ. Въ тамошней академіи ученики дѣлаютъ большіе успѣхи. Скотти всѣмъ завидуетъ и весьма прилеженъ и все смотритъ въ Италію. Рамазановъ ³⁾—молодецъ: пьетъ, поетъ, играетъ, стихи пишетъ и очень хорошо работаетъ. Логоновскій ⁴⁾ добръ какъ прежде, съ премилою женою, въ ожиданіи наслѣдника, съ удивительнымъ домою въ 200,000 р., отлично меблированнымъ, и съ работою, огромнымъ барельефомъ, весьма прилежно работаетъ. Москва восхитительна! Видъ изъ Кремля божественный—виды Рима, Неаполя, Венеціи—все, все уступаетъ, кромѣ Константинополя. Гостепрїимство невѣроятное, калачи, растегаи, селянки и уха—баснословные, — такъ хороши.

¹⁾ А также надо прибавить и проф. Грановскій (Русск. Арх. 1883 г., 6 кн. О. И. Іорданъ).

²⁾ Т. е. гравюры „Преображенія“.

³⁾ Рамазановъ—художникъ.

⁴⁾ Логоновскій—художникъ.

Теперь поговоримте о дѣлѣ. Вы мнѣ не отвѣчали на мое послѣднее письмо, въ которомъ сказано, что деньги отъ mad. фонъ-Моллеръ ¹⁾ мною получены—1,500 р. сер., которые вычтите изъ оставленныхъ мною у г. Моллера денегъ, и если желаете взять и остальные, т. е. перевести, дабы получить изъ вашихъ, то дѣлайте, пока онѣ къ вамъ еще не пересланы, ибо у В. А. Моллера ²⁾ я еще съ прїѣзда не былъ, то и не знаю, имѣлъ-ли онъ отъ васъ письма по сему дѣлу, ибо мнѣ слѣдовало уже получить отвѣтъ на писанное мною къ вамъ письмо прежде отъѣзда въ Москву, гдѣ прошу—не желаете-ли получить и остальную часть моихъ денегъ, приказавши ихъ выдать здѣсь въ Петербургѣ, ибо я боюсь, что Рима мнѣ не видать, какъ своихъ ушей, а въ деньгахъ нуждаюсь. Сожалѣю, что *Ө. А. Моллеръ* мнѣ совсѣмъ не пишетъ, я-бы писалъ, если-бы зналъ его адресъ,—упомяните объ ономъ въ вашемъ письмѣ. Сестрица его *Амалия Антоновна* такъ мила и такъ гостепрїимна ко мнѣ, что мнѣ весьма благодарить, по крайней мѣрѣ, брата, виновника сей для меня большой чести и удовольствія. У насъ выставка рѣдкимъ вещамъ имѣла хорошій успѣхъ, много собрано денегъ, ибо весьма много богатыхъ, любопытныхъ и отличныхъ вещей. Погода стоитъ удивительная—просто, лѣто! Тепло и свѣжо, только холодъ все продуваетъ и ледъ держится на Невѣ.

Жаль, что я былъ въ Москвѣ въ самое несносное время, три недѣли поста; грязь по колѣно, чистота улицъ преплохая и тротуары—*così, così*. Наружность церковей удивительная, внутренность-же—весьма часто самая неудовлетворительная. Познакомился съ знаменитымъ генераломъ *Ермоловымъ*, съ нимъ обѣдалъ и, принеся къ нему здоровья, высказалъ малую рѣчь, и старикъ послѣ обѣда подарилъ меня поцѣлуемъ. Удивительная голова и удивительная память! Помнить Римъ какъ на яву, а самъ былъ не позже, какъ въ 1795 году, при *Пии VI*. Помнить *Альбано*, *Фраскати*, а болѣе всего *Тиволи*. У насъ сегодня заданы были программы для золотой медали на сентябрь мѣсяць. Историческихъ: Первые мученики христіанства и всемірный потопъ; другихъ программъ не знаю. Не знаю, придется-ли увидаться въ Римѣ нынѣшнее лѣто,—день и ночь думаю о немъ. Здѣсь вовсе нельзя работать,—бездна развлеченій,—можетъ быть, уѣду въ Кіевъ или въ Москву, куда ³⁾ надѣются или желаютъ

¹⁾ Отъ матеря художника *Ө. А. Моллера*.

²⁾ Брата *Ө. А. Моллера*—въ Петербургѣ.

³⁾ Т. е. гдѣ.

открыть школу гравированія и хотятъ пригласить меня профессоромъ, только все-таки какъ ледъ тронется на Невѣ и увижу корабли начну проситься въ Италию; надѣюсь, можетъ быть, пустять, ибо здѣсь граверовъ вовсе не нужно. И такъ, прошу дать мнѣ отвѣтъ насчетъ перевода денегъ,—согласны-ли вы будете или нѣтъ, дать счетъ оставшимся моимъ деньгамъ, причисливъ къ онимъ взятыя Ф. А. Моллеромъ, который, я увѣренъ, такъ честенъ, что все возвратитъ съ точностію!

Христось воскресе!

Цѣлую васъ, братца, Андрей Андреевича ¹⁾ и всѣхъ спрашивающихъ о мнѣ.

Будьте здоровы и благополучны. Весь вашъ и навсегда

Федоръ Юрданъ.

Только-что намѣревался запечатать мое письмо, получаю ваше отъ 29-го марта и удивляюсь, что вы мое послѣднее письмо еще не получили, въ которомъ я извѣщаю, что мною получено отъ В. А. Моллера 1,500 р. сер. Вы не сердитесь на нихъ—они пречестнѣйшіе люди. Вы пользуйтесь вполне моими деньгами и переведите остальное на Петербургъ. Меня удивляетъ только, что всѣ-ли тутъ деньги, т. е. и деньги, взятыя въ долгъ Ф. А. Моллеромъ, т. е. изъ оставленныхъ 2,000 скудъ. Съ полученіемъ прежде отъ васъ 1,000 р. асс.,—теперь всего у меня остается 1,350 скудъ 89 б. Пожалуйста, здѣсь включаются-ли, я повторяю, деньги, взятыя изъ моихъ денегъ Ф. А. Моллеромъ? Я увѣренъ, все вѣрно, но мнѣ казалось, я богаче, нежели точно есть.

Ваши деньги въ самыхъ вѣрныхъ рукахъ, — насчетъ вексела С. А. ²⁾ братца—я зайду завтра къ В. А. ³⁾.

Не на той сторонѣ запечаталъ и долженъ вложить въ конвертъ; другога-же не пишу, дабы не заставить васъ ждать или потерять другой день полученія моего письма.

¹⁾ Андрей Андреевичъ Пищалькинъ—художникъ.

²⁾ Сергѣя Андреевича Иванова.

³⁾ В. А. Моллеру.

IV.

19-го марта 1852 г.

Съ будущимъ Христомъ воскрес! поздравляю всѣхъ. Въ предъидущемъ письмѣ я только-что получилъ извѣстiе изъ „Сѣверной Пчелы“ о неожиданной, прискорбной и бѣдственной для нашей литературы потерѣ Николая Васильевича Гоголя, который столько лѣтъ былъ нашимъ другомъ счастливыхъ дней Рима и благодѣтелемъ въ предпринятыхъ нашихъ трудныхъ работахъ. Никто не предполагалъ столь раннее несчастье; во время масляной недѣли онъ говѣлъ и приобщился Святыхъ Тайнъ. — Подѣйствовала-ли на него святость сей великой тайны или, какъ другiе предполагаютъ, что онъ простудился, только духовная и тѣлесная боль явно оказалась опасною въ виду своихъ прiятелей, средствъ земныхъ онъ не искалъ и отказался отъ всѣхъ пособiй лучшихъ врачей первопрестольной матушки, снова приобщился Святыхъ Тайнъ и долгое время питалъ себя одною просфорою, пока насталъ роковой день 21-го февраля, въ который день добрая и святая душа его отошла въ вѣчность. Московскiй университетъ немедленно взялся на свой счетъ отдать послѣднiй долгъ безсмертному нашему другу. Назначено четыремъ профессорамъ безсѣбно дежурить каждому, въ свою очередь, у гроба отшедшаго. Ими-же на рукахъ перенесено было тѣло во гробъ въ университетскую церковь, гдѣ равномерно продолжалось дежурство. Стеченіе народа въ продолженiи двухъ дней было невѣроятное. Рихтеръ, который живетъ возлѣ университета, писалъ мнѣ, что два дня не было проѣзда по Никитской улицѣ. Онъ лежалъ въ скруткѣ, вѣрно, по собственной волѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, который, при закрытiи гроба, былъ снятъ и принесъ весьма много денегъ отъ продажи листьевъ сего вѣнка; каждый жаждалъ обогатить себя симъ памятникомъ, который украшалъ во истину въ Бозѣ почившаго. Въ день похоронъ все, что только имѣло какой-либо мундиръ, у каждаго онъ былъ на плечахъ; начиная съ генераль-губернатора, каждый старался почтить внѣшнимъ знакомъ, отдавая тѣмъ послѣднiй долгъ невозвратному. Ужасное стеченiе народа всѣхъ сословiй и безсѣтное число экипажей слѣдовало за гробомъ, который на рукахъ былъ несенъ профессорами и всѣмъ почетнымъ сословіемъ до могилы въ монастырь, гдѣ его положили возлѣ почившаго нѣсколькими годами раньше Н. М. Языкова ¹⁾). День 24-го февраля былъ день воскресный и святая

¹⁾ Могила Языкова находится въ Даниловомъ монастырѣ, напротивъ

Москва, которая съ строгостью исполняетъ, святить день субботній, въ который день совершились его похороны, и посему случаю вся Москва, празднуя какъ день воскресный, вся пустилась отдать послѣдній долгъ тому, который ихъ веселилъ и въ то-же время высказывалъ пороки многихъ; имя его и сочиненія были всѣмъ извѣстны, и это умножило стеченіе народа до невѣроятности,—мнѣ пишутъ, что подобныхъ похоронъ не запомнятъ и старики. За два дня до своей смерти, ночью, топился у него ¹⁾ камелекъ и онъ все рвалъ и жегъ, и что-то онъ сжегъ, которое ²⁾ ему оказалось сдѣлано ошибочно, онъ замѣтилъ слугѣ: „Жаль, что я это сжегъ, оно могло-бы послужить пользою по моей кончинѣ“, на что лакей, съ обыкновенною простотою добраго прислужника, отвѣчалъ: „Ничего, баринъ, авось, поправитесь, тогда еще лучше напишете“. „Мертвыхъ Душъ“ второй части не находятъ, одни говорятъ, что и это сжегъ, другіе-же говорятъ, что „онѣ“ въ Петербургѣ—время покажетъ.

Ничего не оставилъ, за нѣсколько дней до кончины онъ отослалъ къ сестрѣ 500 р.;—родныхъ никого не оказалось ни во время болѣзни, ниже при похоронахъ, такъ что онъ скончался въ Москвѣ, какъ нашъ братъ умираетъ въ Римѣ. Истинный талантъ сродняетъ, впрочемъ, со всею вселенною, и, я увѣренъ, каждый уголокъ, гдѣ-бы онъ ни былъ, узнавъ о смерти Николая Васильевича, вздохнетъ и пожелаетъ отъ души царствія небеснаго, кромѣ подлеца Булгарина, который еще въ день смерти ругалъ его произведенія. Дай Богъ, чтобы Булгаринъ могъ встрѣтить подобное соучастіе, всѣ громогласно произнесутъ: „околѣлъ, наконецъ, сей подлецъ!“ Вчера я встрѣтилъ его ³⁾ портретъ, литографированный съ Моллера, чрезвычайно похожій; явился и другой, когда онъ лежитъ въ гробу съ лавровымъ вѣнкомъ, вѣрно, съ рисунка Скотти; снята была также маска. Вообще говорятъ, что онъ простудился и померъ отъ внутренняго воспаленія. Отъ роду ему было 44 года. Вѣчный покой и вѣчная память, добрая и великая душа, и тысячу признательностей за пособіе, оказанное мнѣ въ трудные дни моихъ занятій надъ „Преображеніемъ“.

Были письма отъ В. А. Жуковскаго, который пораженъ и скорбитъ душевно отъ плачевнаго извѣстія. Я увѣренъ — и ваша слеза горячая, слеза искренней дружбы и признательности льется

могилы Н. В. Гоголя, на которой стоятъ не одинъ, а два памятника: одинъ въ видѣ гробницы, другой крестъ.

¹⁾ Т. е. у Н. В. Гоголя.

²⁾ Т. е. „такое, что“.

³⁾ Т. е. Николая Васильевича Гоголя.

надъ другомъ, къ которому вы такъ искренно были привязаны съ перваго дня вашего свиданія и знакомства. Миръ, миръ праху его!

Новые пенсіонеры, архитекторы Штельбсч, и Брюловъ, и живописецъ историческій Крюковъ готовятся къ вамъ въ Римъ; что-то будетъ съ Крюковымъ, который съ талантомъ, но не имѣетъ склонности Рамазонава — жаль, если онъ исчезнетъ, поберегите его, хотя изъ практики знаемъ, что русскаго весьма трудно побережь. Поклонитесь Ѳ. А. Моллеру. Жаль, что онъ мнѣ не пишетъ, всему причиною проклятыя деньги, и съ братцомъ его въ полуссорѣ, ибо все еще не могу получить мои, съ трудомъ и потомъ приобрѣтенныя сильною экономіею, — деньги, — пусть добрый Ѳ. А. его усовѣститъ, народъ богатый и пресловутый и затрудняются раздѣлаться съ бѣднымъ, полуслѣпымъ отъ работы граверомъ ¹⁾. О вашей племянницѣ не слыхалъ ничего, въ магазинъ совѣстно идти, а такъ не видать, ибо тамъ гардины на окнахъ. Въ академіи ничего новаго. А. А. Тонъ потерялъ свою жену Юлію Ивановну, которая умерла мученицею его капризовъ; чрезвычайно богатыя похороны сдѣлалъ ей, чтобы примириться. Умерла отъ воспаленія. Скотти подалъ въ отставку, получилъ три иконостаса отъ К. А. Тона и въ Москвѣ не хочетъ болѣе жить, гдѣ нѣтъ никакой награды, что весьма жаль, ибо онъ тамъ былъ дѣльный учитель. На его мѣсто просится несчастный Живаго и Серебряковъ ²⁾. Кто получить — неизвѣстно, а можетъ быть, и Скотти только шутить. Я сильно страдаю глазами отъ мерзкаго климата, посмотримъ, что скажетъ лѣто, не найдутся-ли денежки, чтобы уѣхать на старое, благодатное гнѣздышко — въ Римъ. Теперь стоитъ погода мерзко-мерзкая, сырость ужасная и бездна больныхъ. Сергѣю Андреевичу мой поклонъ, будьте здоровы и благополучны, и дайте хоть два слова насчетъ вашей картины. Прощайте. Вашъ другъ Іорданъ.

¹⁾ Ѳ. И. Іорданъ впоследствии получалъ съ Моллеровъ всѣ свои деньги до копѣйки, какъ самъ потомъ свидѣтельствуеть.

²⁾ Оба художники.

V.

11-го декабря 1852 г.

Съ праздникомъ Рождества и съ Новымъ годомъ душевно поздравляю. Меня крайне удивляетъ, Александръ Андреевичъ, долгое ваше молчаніе, неужели дрянные банковые расчеты могли повредить старой нашей дружбѣ? О присылкѣ оставшихся по расчету малыхъ денегъ ни слова не упоминаю, ибо живу въ надеждѣ, съ открытіемъ навигаціи, отправиться къ вамъ; все кончится въ январѣ мѣсяцѣ, ибо при поданіи въ сентябрѣ мѣсяцѣ просьбы позволенія отправиться въ Италію, я столь долгое время не получалъ на оное отвѣта, что и предположилъ себѣ окончательнымъ отказомъ, почему и принялся хлопотать о полученіи при эрмитажѣ мѣста помощника у Н. И. Уткина при кабинетѣ эстамповъ, подалъ просьбу, а въ это самое время вышло разрѣшеніе на первую мою просьбу, т. е. дано право отправиться въ Италію. Вслѣдствіе этого друзья совѣтовали мнѣ ждать рѣшенія на вторую просьбу; къ оному времени наступила ранняя зима, Нева покрылась льдомъ, прекратилась навигація и въ октябрѣ я уже сидѣлъ, какъ ракъ на мели; ожидать благопріятнаго не могу надѣяться, ибо общая жалоба теперь на сильный недостатокъ денегъ, и казенныя мѣста скорѣе стараются сокращать, чѣмъ производить новыя, мое-же мѣсто будетъ совершенно новое и сверхштатное, почему всѣ мысли мои стремятся къ вамъ, въ благословенную Италію, хотя всѣ и кричатъ, что тамъ мы мало занимаемся, а здѣсь, отъ души скажу, что и сотою доли не дѣлаемъ, сидимъ въ тѣни сѣни смертной, шумимъ, кричимъ и думаемъ, что работаемъ, а все вздоръ, все это испыталъ самъ на себѣ и откровенно скажу, что послѣ благодатнаго климата Италиі и ея свѣта трудно будетъ и вамъ заниматься.

Вамъ уже извѣстно, что академія, со смертію своего президента, была обрадована царскою милостію—назначеніемъ въ президенты е. и. в. великой княгини Маріи Николаевны — и все, что живетъ здѣсь, что только дышетъ изящнымъ, въ лестныхъ надеждахъ, и дай Богъ, чтобъ онѣ совершились!

Государь удостоилъ выставку своимъ посѣщеніемъ и приобрѣлъ двѣ картины: Князя Маггутова „Смерть генерала Слѣпцова“ и Лагаріо—„Видъ на Кавказъ“; кромѣ онаго, заказалъ видъ-президенту графу Ѡ. П. Толстому исполненіе его эскиза „Наяда“ изъ мрамора въ натуральную величину женской фигуры.

Тѣмъ наградились и кончились всѣ ожиданія дѣтей Аполлона

за 1852 годъ. Здѣсь-же находилась прекрасная картина П. Н. Орлова—„Октябрьскій праздникъ“, но не обратила особеннаго вниманія,—но, не смотря на это, будетъ представлена на личное е. и. в. благоусмотрѣнiе. Но главное несчастье наше долговременныхъ жителей Рима, что здѣсь вовсе теряется страсть къ занятіямъ—холодно, темно; равнодушiе и скука окружаютъ васъ всюду и мысль не оставляетъ васъ: ахъ, еслибы теперь былъ въ Римѣ! Ахъ, какъ они съ улыбкою на устахъ, въ Фальконэ или у Лепре отдыхаютъ теперь отъ дневныхъ занятій, преспокойно уничтожая макароны, или красуются уткою *nel umido*¹⁾! Ты-же держишь французскій словарь и пишешь по чистописальному каталогъ эстамповъ, *Imaginativi si c'è una differenza*²⁾? Или вы преневино смѣтаете съ Maddeu, или восхищаетесь станомъ какой-нибудь транстеверинки, любуясь ею за безцѣнокъ въ живыхъ картинахъ. А здѣсь едва соберешься, по причинѣ холода или худой погоды, при дорогой цѣнѣ, слушать французеньку Демерикъ—прегадкое пѣнiе ея въ ченерентоллѣ. *E pure così*³⁾! На васъ кричатъ не въ пару, а въ четверку, зачѣмъ не оканчиваете вашей картины? Я ихъ утѣшаю: Имате терпѣнiе и все кончится, время все покажетъ, умоляя ихъ, чтобы они бдили и молились, да не внидутъ во искушенiе, ибо теперь они куражатся; можетъ быть, придетъ время, что имъ придется хвосты поджечь. Не знаю, писалъ-ли къ вамъ Рихтеръ—онъ хотѣлъ. Его изданіе—Россійскія древности—достойнѣйшее изданіе и дѣлаетъ ему много чести,—жалуется на малый разборъ, кромѣ того, въ Москвѣ у него мало работы;—Логановскій разбогатѣлъ—и бездна работы; Рамазановъ бѣдный имѣетъ nichts. Гоголя портретъ замолокъ⁴⁾ и ничего болѣе не слышать, хотя и видѣлся съ М. П. Погодинымъ, который продалъ или, лучше сказать, императоръ приобрѣлъ его богатую коллекцію русской древности за 150 тысячъ серебромъ и онъ собирается отдохнуть, сдѣлавъ путешествіе въ Свѣтлому празднику къ Святымъ мѣстамъ. Хотятъ основать въ Варшавѣ художественный⁵⁾, равномѣрно г. Айвазовскій намѣревается то же сдѣлать въ Феодосіи. О Серебряковѣ ничего не

¹⁾ Въ водѣ.

²⁾ Подумайте, нѣтъ-ли тутъ разницы?

³⁾ И притомъ еще!

⁴⁾ Послѣ смерти Н. В. Гоголя, А. А. Ивановъ писалъ В. А. Жуковскому о желаніи покойнаго Гоголя, чтобы его портретъ былъ гравированъ искусною рукою Іордана; но В. А. Жуковскій пережилъ Гоголя всего на одинъ мѣсяць,—а съ его смертию заглохъ совсѣмъ вопросъ о портретѣ.

⁵⁾ Вырвано слово.

слыхать, я думаю, пользуется остатками жирныхъ крохъ отъ стола своего свояка А. В. Логановскаго. А. И. Брюловъ восхищенъ Италію, особенно Римомъ, помолодѣлъ и пободрѣлъ. Делядевезъ недавно возвратился и я съ нимъ нѣсколько разъ уже видѣлся и дѣлаетъ il noviziato ¹⁾, т. е. безъ работъ. Работъ особенныхъ не слыхать. Марковъ ²⁾ получилъ мѣсто на Фарфоровомъ заводѣ главнаго смотрителя надъ живописью. А. А. Тонъ, хотя овдовѣлъ довольно поздно, но все-таки собирается, какъ говорятъ, вновь жениться. — Не знаю, познакомились-ли вы или вашъ братецъ съ племянникомъ К. П. Брюллова и сыномъ Ф. П. Брюлло—Николаемъ Федоровичемъ, отличный молодой художникъ съ большими дарованіями и ангельскою душою,—подарите его вашу дружбою и совѣтами, чего онъ вполне достоинъ.

Всѣмъ мое почтеніе, особенно братцу и Моллеру, и пишите, если будете имѣть время. Желаю всякаго здравія и благополучія. Вашъ Ф. Юрданъ.

VI.

18-го апрѣля 1853 г.

Судьба вновь меня бросила въ Италію и вотъ уже второй день, какъ нахожусь во Флоренціи. Какъ ни старался приучить себя къ любезному моему отечеству, спокойно находясь въ домѣ моего почтеннаго профессора ³⁾, кромѣ онаго окруженный искренними и достойными друзьями и съ нѣкоторымъ одобреніемъ къ моему труду, но мысль объ Италіи не исчезала даже въ самые радостные часы тамошней моей жизни. Я увѣренъ, Александръ Андреевичъ, что не похвалите мой поступокъ, но время и вамъ то покажетъ, и сами тогда увѣритесь въ моей истинѣ; впрочемъ, я отпущенъ только на 6 мѣсяцевъ и время покажетъ, могу-ли я вновь свыкнуться съ любимою мною страню Италію. По дѣламъ моимъ останусь или надѣюсь остаться нѣсколько времени во Флоренціи; со мною находятся обѣ доски, какъ „Преображеніе“, такъ и начатая съ картины Егорова ⁴⁾. Теперь ишу квартиры, дабы основаться и начать работать. Насчетъ мѣста, какъ ни хлопоталъ, все ока-

¹⁾ Выдерживаютъ искусъ.

²⁾ Марковъ—художникъ.

³⁾ Профессора Н. И. Уткина.

⁴⁾ Картина Егорова: „Истязаніе Спасителя“, съ которой дѣлалъ гравюру Юрданъ.

залось тщетнымъ, ибо общій вопль у насъ дома, что не имѣется у насъ денегъ, и мѣста скорѣе сокращаются, нежели удерживаются; при всемъ томъ народъ веселится, и общества, можно смѣло сказать, суть единственные въ Россіи, особенно въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ съѣздилъ въ матушку Москву, дабы проститься. Всѣ объ васъ у меня спрашивали и весьма интересуются видѣть оконченнымъ вашъ трудъ, особенно достопочтенный М. П. Погодинъ, съ которымъ не худо-бы было свести переписку, ибо рѣдкій русакъ, любитъ русское, толковалъ долго о рѣдкомъ вашемъ произведеніи и просилъ свидѣтельствовать свое почтеніе. Портретъ достославнаго Н. В. Гоголя остался втунѣ. Если я здѣсь останусь, то постараюсь увѣдомить моимъ адресомъ для пересылки остальныхъ имѣющихся у васъ моихъ денегъ, ибо ошибся въ расчетѣ моего путешествія, которое обошлось мнѣ въ ненастное нынѣшнее время весьма дорогимъ, ибо холодъ не оставлялъ меня отъ Петербурга до самой Флоренціи и гдѣ пишу къ вамъ окутанный шинелью. Не знаю, что вамъ еще сказать. Дома оставилъ все по старому. Работъ почти вовсе не имѣется и не знаю какъ, кромѣ архитекторовъ, могутъ жить художники. Живописцевъ бездна, а учениковъ еще болѣе—и къ какой жизни они себя готовятъ, Богу извѣстно. Братцу вашему мое почтеніе, ему кланяются оба Тона, какъ А. А., такъ и К. А. Скажите мнѣ, находится-ли еще въ Римѣ Н. О. Брюлло, ибо говорено было, что онъ ѣдетъ въ Парижъ; у меня имѣется малое препорученіе отъ А. П. Брюлова, которое и передамъ письменно. Дайте мнѣ поскорѣе ваши извѣстія, адресуя — *poste restante*. Свидѣтельствую всѣмъ мое почтеніе — какъ вамъ, братцу вашему, О. А. г. Моллеру, Н. О. Брюлову, такъ и всѣмъ соотечественникамъ. Остаюсь душевно васъ уважающій Горданъ.

Дайте мнѣ знать число имѣющихся у васъ моихъ денегъ, ибо вновь долженъ спрягать глаголь: тратить или выдавать.

VII.

Флоренція, 2-го мая (1853 г.).

Благодарю васъ, Александръ Андреевичъ, за отвѣтъ; потрудитесь сохранить у себя мои деньги, ибо крайней нужды не имѣю, тѣмъ болѣе при размѣнѣ ассигнаціи на звонкую монету у васъ слѣдуетъ многимъ жертвовать. Здѣсь, во Флоренціи, хотя и скучненько, но зато въ деньгахъ по крайней мѣрѣ спокойно, не зная, что значать ассигнаціи. Кромѣ того, собираюсь къ вамъ въ Римъ,

какъ скоро покончу дѣла. Вчера, въ первый день праздника Пасхи, русскіе собрались въ церковь Демидова, которая блеститъ богатствомъ дорогаго металла и удивительнымъ удобствомъ. Богатство освѣщенія, вся прислуга въ ливреяхъ, которые казались мнѣ камергерами; вкусное и роскошное розговѣнье—все, все перенесло меня на минуту въ Петербургъ; но за то пѣвчій, венгерскій солдатъ, мѣшалъ своимъ выговоромъ и напѣвомъ Богу молиться; подобнаго я еще не видалъ—и ему во снѣ не приснилось¹⁾, чтобы въ жизни его пришлось ему едва не въ царской капеллѣ, въ странѣ пѣнія, имѣя публикою, въ теченіи двухъ съ половиною часовъ, аристократію сильной державы — быть ангеломъ-вѣщателемъ всемірной радости воскресшаго Христа, раздирая и муча слухъ христіанъ, вводя ихъ въ грѣхъ отъ неудержанія смѣха. Вашъ къ услугамъ Юрданъ.

Сообщ. Е. С. Нежрасова.

¹⁾ Т. е. „и ему, навѣрно, во снѣ не снилось“.

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ,

замѣтки его въ календарѣ

въ 1762 году.

Нредь нами „Санктпетербургскій календарь на лѣта отъ Р. Х. 1762 г.“ Спб. въ м. 8 д., изданіе Академіи Наукъ. Въ этой книжечкѣ, принадлежавшей одному изъ сыновей князя Никиты Юрьев. Трубецкаго, дѣятеля первой половинны XVIII-го вѣка, встрѣчаются замѣтки кн. Трубецкаго. При всей ихъ краткости, онѣ не лишены интереса, а потому мы ихъ и сохраняемъ на страницахъ „Русской Старины“ ¹⁾.

В. М. Юзефовичъ.

Число.	Г е н в а р ь .	Число.	
3 1	Въ Москву въ домъ.	21 6	Въ Московскій домъ.
— 1	Въ Саратовъ къ Сапожникову.	— 3	Въ Елцыно.
7 2	Въ Москву въ домъ.	24 7	Въ Москву.
10 3	Въ Москву въ домъ.	— 3	Въ Саратовъ.
— 1	Въ Елцыно.	— 4	Въ Елцыно.
14 4	Въ Москву въ домъ.	28 8	Въ Москву.
— 2	Въ Елцыно.	— 4	Въ Саратовъ.
— 2	Въ Саратовъ.	30 9	Въ Москву.
17 5	Въ Москву въ домъ.		

¹⁾ У князя Н. Ю. Трубецкаго, 1700—1768 гг., было семь сыновей; изъ нихъ только двое—князь Петръ и князь Николай—служили въ сенатѣ. Такъ какъ князю Николаю было въ 1762 г. всего 16 лѣтъ и онъ въ этомъ году не могъ быть оберъ-прокуроромъ, то остается предположить, что замѣтки на „Календарѣ“ составлены княземъ Петромъ Никитичемъ, род. въ 1724 году, бывшимъ позже сенаторомъ и умершимъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Число.

- 7 Первой разъ присутствовалъ въ Сенатѣ оберъ-прокуроромъ.
- 14 Положено тѣло Ея Императорскаго Величества Елисаветы Петровны въ парадную почивальню, на кровати клали камергеры. Я былъ дежурной.
- 17 Епакта вольности российскихъ дворянъ. Въ той день я въ первой разъ съ батюшкой присутствовалъ въ сенатѣ.
- 25 Положено тѣло Ея Величества во гробъ; въ каструмъ долорисъ клали камергеры ¹⁾.
- 27 Государь изволилъ кушать у батюшки.
- 28 Занемогъ я простудюю.
-
- 17 Его Величество присутствовалъ въ первой разъ въ Сенатѣ.
- 27 Его Величество кушали у батюшки вечерній столъ.

Число.

Ф е в р а л ь .

- 4 10 Въ Москву.
- 5 Въ Саратовъ.
- 5 Въ Елцно.
- 7 11 Въ Москву.
- 11 12 Въ Москву.
- 6 Въ Саратовъ.
- 14 13 Въ Москву.
- 6 Въ Елцно.
- 17 14 Въ Москву.
- 21 15 Въ Москву.
- 25 16 Въ Москву.
- 7 Въ Саратовъ.
- 7 Въ Елцно.
- 26 17 Въ Москву.
- 28 18 Въ Москву.

Число.

- 8 Въ Саратовъ.
-
- Разлито актовъ венгерскаго 133 полб. да 12 бут.
- 3 Сегодня чрезъ герольдовъ опубликовано по всѣмъ улицамъ о погребеніи Ея Величества Императрицы Е. П.
- На сей сторонѣ былъ Герольдъ Андрей Андреевичъ Волковъ, а за рѣкой на всѣхъ сторонахъ Кулебакинъ.
- 5 День погребенія Ея Императорскаго Велич. Государыни Императр. Елисаветы Петровны. Любопытства достойная вещь, что тѣло до сѣхъ поръ, почитай, никакого тлѣнія подвержено не было, кромѣ устъ, и то только что почернѣли. У рукъ концы пальцевъ сохлись, какъ у мочей, прочее тѣло натуральной бѣлизны и мягкости, только что холодно, въ суставахъ вездѣ сгибалось и ничего не окостѣло. Боже, упокой праведную душу Ея въ ложѣ Авраамгѣ! Да будетъ заступница отечеству своему и да сохранитъ его отъ всѣхъ бѣдъ! Для опасности отъ большой комодіи пушки были свезены на Неву и полки поставлены тутъ-же, чтобъ, стрѣляя изъ всего онаго залпомъ, не потрясло церкви, которая послѣ пожару вновь перестроена въ прошедшемъ лѣтѣ. Я назначенъ былъ въ шлейфу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны къ правой сторонѣ, но за болѣзнію не былъ, а вмѣсто меня былъ Строгановъ. День

¹⁾ Castrum doloris — катафалкъ подъ траурнымъ балдахиномъ.

Число.

былъ сначала пасмурной, а какъ скоро повесли тѣло, просіяло солнце и продолжалось во все время перемоній, а въ ночь сдѣлался и дождь въ четвертой день. Примѣчанія достойно: и день коронаціи былъ весьма красной.

27 Опущено тѣло въ мѣдномъ грому въ могилу подле гроба... Опускали камергеры.

Съ 15-го на 16-ое видѣлъ курьезной сонъ.

Число.

М а р т ь .

4 19 Въ Москву.
— 8 Въ Елцыно.
— 9 Въ Саратовъ.
7 20 Въ домъ.
— 9 Въ Елцыно.
11 21 Въ домъ.
14 22 Въ Москву.
— 10 Въ Саратовъ.
18 23 Въ Москву.
21 24 Въ Москву.
— 10 Въ Елцыно.
25 25 Въ Москву.
28 26 Въ Москву.
— 11
— 11 Въ Саратовъ.

31 Нева прошла пополудни въ 7 часовъ въ исходѣ.

31 Графъ Минихъ и Биронъ курьезно увидѣлись въ первый разъ во дворцѣ.

Число.

А п р ѣ л ь .

1 27 Въ Москву.
4 28 Въ Москву-жъ.

Число.

8 29 Въ Москву-жъ.
— 12 Въ Елцыно.
11 30 Въ Москву-жъ.
— 12 Въ Саратовъ.
15 31. Въ Москву.
18 38 Въ Москву.
22 33 Въ Москву.
23 13 Въ Саратовъ.
25 34 Въ Москву.
29 35 Въ Москву.
— 13 Въ Елцыно.

5 Его Величество изволилъ перейти въ новой Зимній Дворецъ пополудни въ 5-ть часовъ.

3 Исповѣдывался у отца Михаила попа Преображенскаго полку, приобщался на Троицкомъ подворьѣ.

17 Былъ день жаркой и чистой такъ какъ въ Петровки.
18 Такой же и теплѣе.
9 Такой же и съ мглою.
20 По утру дождичекъ.
25, 26, 27, 28, 29 и 30 стужа и морозъ.

Число.

М а и .

2 36 Въ Москву.
6 37 Въ Москву.
9 38 Въ Москву.
13 39 Въ Москву.
16 40 Въ Москву.
— 14 Въ Елцыно
20 41 Въ Москву.
— 15 Въ Елцыно.
23 42 Въ Москву.
26 43 Въ Москву.
30 44 Въ Москву.
— 16 Въ Елцыно.

Число.

- 1 Снѣгъ.
 2 Стало теплѣе.
 Съ 22 по 29 великій жаръ.
 сего въ ночи на 1-е іюня.

Число.

І ю н ѣ.

- 3 45 Въ Москву.
 4 1 Въ слоб. Старо-Дмитріевскую.
 6 46 Въ Москву.
 13 47 Въ Москву,
 — 17 Въ Елцыно.
 17 48 Въ Москву.
 — — 14: Въ Саратовъ і Крондштадъ.
 20 49 Въ Москву.
 25 50 Въ Москву.
 27 51 Въ Москву.
 — 18 Въ Елцыно.

Михаила Никитинъ.

- 9 Было торжество мира съ Пруссією.

Полки подъ предводительствомъ
 Его Императорскаго Величества.
 Был въ строю, обѣдали во дворцѣ.
 Батюшка пожалованъ въ полков-
 ники въ полкъ Преображенской, о
 чемъ громко пили.

- 10 Был въ дворцѣ ужинъ и очень
 хорошій и огромной фейерверкъ
 съ превеликимъ громомъ.
 28 Благополучная переѣздна отечеству.
 Счастливое восшествіе на престолъ
 Ея Императорскаго Величества Го-
 сударыни Императрицы Екатери-
 ны Алексѣевны, извѣстельницы
 Имперіи Россійской.

По полуночи въ 9-мъ часу въ
 С.-Петербургѣ была понохида. го-
 довая по покойной женѣ въ то
 время былъ въ Невскомѣ, а при-
 ѣхалъ во дворецъ въ 11-мъ часу
 того-жъ утра въ зимній новой.

- 1 Смотри въ Іюль ошибку 2 № 2.

Число.

І ю л ь.

- 1 52 Въ Москву.
 4 53 Въ Москву.
 7 54 Въ Москву.
 8 55 Въ Москву.
 11 56 Въ Москву.
 — 15 Въ Саратовъ.
 15 57 Въ Москву.
 — 19 Въ Елцыно.
 18 58 Въ Москву.
 22 59 Въ Москву.
 — 20 Въ Елцыно.
 — 16 Въ Саратовъ.
 25 60 Въ Москву.
 30 61 Въ Москву.

Во 2 часу пополночи въ исходѣ
 былъ великой громъ и загло поднев-
 скій хлѣбный амбаръ и шесть барокъ
 сгорѣло. Учинилось потери тѣмъ до
 30 четвертей различнымъ людямъ.
 Это было въ іюль въ первой день.

Число.

А в г у с т ь.

- 1 68 Въ Москву.
 — 17 Въ Саратовъ.
 8 63 Въ Москву.
 — 21 Въ Елцыно.
 12 64 Въ Москву.
 15 65 }
 19 66 }
 22 67 Въ Москву.
 — 19 Въ Саратовъ.
 23 2 Въ слоб. Старо-Дмитревскую.
 26 68 Въ Москву.
 29 69 Въ Москву.

- 20 Отправлена карета и посуда въ
 Москву, съ солдатомъ Иваномъ
 Менделѣевымъ.
 23 Его Высочество Цесаревичъ от-
 правился въ Москву, пополудни.

Число.	С е н т я б р ь .
2 70	Въ Москву.
23 1	Въ Петербургъ.
26 2	Въ Петербургъ.
30 3	Въ Петерб. 19. Въ Саратовъ.
—	
22	День коронаціи Ея Императорскаго Величества Государыни Императр. Екатерины Алексѣевны.
—	
2	Ея Величество отправиться изволила въ Москву пополудни въ 4-мъ часу въ исходѣ.
7	Поѣхалъ въ Москву, съ дѣтьми по утру братъ К: и я, и Захаръ съ семьей. Съ 17 на 18 въ ночь приѣхалъ въ Москву.

Число.	Н о я б р ь .
5 12	Въ С. П. Б. (С.-Петербургъ).
7 13	Въ С. П. Б. "
11 14	Въ С. П. Б. "
12 21	Въ Саратовъ.
14 15	Въ С. П. Б.
18 16	Въ С. П. Б.
— 22	Въ Саратовъ.
20 25	Въ Елцыно 26.
21 17	Въ С. П. Б.
25 18	Въ С. П. Б.
28 19	Въ С. П. Б.

—

9 Принималъ слабительное.
 16 Великой снѣгъ.
 21 Ея Величество въ Анненгофъ перейти изволила пополудни въ 4 часу, изъ Кремля.

Число.	О к т я б р ь .
2 20	Въ Саратовъ.
3 4	Въ П: б: (Петербургъ).
7 5	Въ П: б: (Петербургъ).
10 6	} Въ П: б: (Петербургъ).
14 7	
15 23	
24 8	{ Въ Сан: (Санктъ-Петербургъ).
— 9	
28 10	
30 24	Въ Елцыно.
31 11	Въ С.-Петербургъ.

Число.	Д е н я б р ь .
2 27	Въ Елцыно.
2 20	Въ С.-Петербургъ.
5 21	Въ С. П. Б.
9 22	Въ С. П. Б.
12 28	Въ Елцыно.
12 23	Въ С. П. Б.
16 24	Въ С. П. Б.
19 25	Въ С. П. Б.
23 12	Въ Нижегородскую.
— 26	Въ С.-Петербургъ.
26 27	Въ С.-Петербургъ.
30 28	Въ С.-Петербургъ.

5 Принималъ слабительное.
 Съ 10-го на 11-е число былъ пожаръ въ Петербургѣ подлѣ дома моего. Сгорѣлъ весь домъ фельдшера. У меня нѣсколько крышекъ сломано и погребъ

1 Въ первой разъ опера въ дворцовомъ театрѣ послѣ погребенія покойной императрицы Елизаветы Петровны общей матери.
 6 Въ другой оперѣ.
 Въ термометрѣ стужа.

Число.

- 7 Въ 1-мъ часу пополудни противъ
740 году большая стужа.
По примѣтамъ нѣкоторыхъ любо-
пытныхъ по Реомюрову расчету
было 30 градусовъ. Делиль 206.
- 27 Былъ первой маскарадъ при дворѣ
въ Москвѣ.

Число.

- 7 Въ термо... —

Я сего 1762 г. не переживу. —

Не переживу я сего 1762 г.

Сообщ. В. М. Юзефовичъ.

БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ XVII ВѢКА.

I.

Звѣробой и кедровая смола

1638 г.

Писка Тобольскихъ воеводъ кн. Михаила Темкина - Ростовскаго съ товарищи, въ декабрѣ 1638 г.: по государевой грамотѣ изъ Сибирскаго приказа „велѣно намъ, холопомъ твоимъ, травы звѣробойю и цвѣту тое травы взявъ у сибирскихъ служилыхъ людей, у кого сыщется, добрые и свѣжіе. которую они збирали себѣ про запасъ отъ ранъ и отъ убою нынѣшняго лѣта, вѣсомъ съ пудъ, да кедровой смолы съ пудъ, все прислать къ тебѣ государю къ Москвѣ, а будетъ, государь, тое травы звѣробойю и кедровые смолы въ Тобольску нѣтъ, и велѣно, государь, изъ иныхъ сибирскихъ городовъ взявъ потомужъ, прислать къ тебѣ государю къ Москвѣ..... А будетъ, государь, тое травы звѣробойю, которая имана нынѣшнимъ лѣтомъ, съ цвѣтомъ не сыщется, и къ тебѣ государю велѣно намъ холопомъ твоимъ тое травы и безъ цвѣту прислать. А въ нынѣшнемъ, государь, во 147 г., какъ то время приспѣеть, въ которую пору тое траву сибирскіе служилые люди про себя збирають, велѣтъ тое травы и съ цвѣтомъ въ Тобольску или Тобольсково розряду въ городѣхъ готовить, а изготоя потомужъ къ тебѣ къ государю прислать. И мы, холопи твои, у Тобольскихъ служилыхъ людей тое травы звѣробойю спрашивали, и Тобольскіе, государь, служилые и всякіе люди такіе травы звѣробойю ниhto у себя не сказали и къ намъ, холопомъ твоимъ,

не принесли....“ Воеводы написали тогда требованіе о присылкѣ звѣробою и кедровой смолы воеводамъ Верхотурья, Пелыми, Тюмени, Тары и др. Кромѣ того, какъ имъ, такъ и Тобольскимъ служилымъ людямъ предписано было изготовить запасъ травы урожая нынѣшняго года. „И какъ Тобольскіе служилые люди траву звѣробою и кедровую смолу къ намъ, холопемъ твоимъ, въ съѣзжую избу принесутъ, а изъ городовъ воеводы въ Тобольскъ пришлютъ, и мы, холопи твои, тое травы звѣробою и звѣробоюнаго цвѣту и кедровую смолу къ тебѣ ко государю пришлемъ“. Помѣта: „отписать къ новымъ воеводамъ велѣть имъ тое травы и цвѣту и смолы прислать противъ прежнего государева указу“ ¹⁾).

Но только въ 1642 г. Тобольскіе воеводы князь Петръ Пронской съ товарищи отписали государю, что въ генварѣ 1641 г. Тюменскій воевода кн. Григорій Борятинскій прислалъ въ Тобольскъ „звѣробоюной травы и съ цвѣтомъ въ холщовомъ мѣшку“ 1 пудъ 26 гривенокъ, а Тарскій воевода Василій Чоглоковъ — звѣробою 1 пудъ 4 гривенки въ „кожаной сумѣ“ и 32 гривенки въ „оленьей сумѣ“. „А кедровые-де, государь, смолы на Тюменѣ и на Тарѣ не добыли, и Тюменскіе, и Тарскіе служилые и посадккіе, и всякіе люди сказали имъ (воеводамъ), что около Тары-де и Тюмени смоленыхъ кедровъ нѣтъ и кедровые-де, государь, смолы добыть не мочно“. Присланный-же звѣробою воеводы отправили въ Москву, въ Сибирскій приказъ, съ Тобольскимъ боярскимъ сыномъ Даниломъ Аршинскимъ съ товарищи ²⁾).

¹⁾ Москов. Архивъ м-ва юстиціи: Сибир. приказа столбець № 81, лл. 138—142.

²⁾ Ibid. столбець № 103, лл. 125—126.

II.

Бумашки съ табакомъ въ XVII в.

Въ „отпискѣ“ Ленскаго (Якутскаго) воеводы стольника Петра Головина, 1641 г., рассказывается, между прочимъ: когда воевода былъ проѣздомъ въ Енисейскомъ острогѣ, пришелъ къ нему Тобольскій пятидесятникъ Богданъ Лѣнивцевъ и доложилъ: „ходилъ-де онъ, Богдашка, по дворомъ, гдѣ стоятъ Тобольскіе служилые люди, для выима зерновые игры, и пришли-де они къ Енисейскому падачу къ Ивашку Кулику, и въ той-де избѣ изъ бумашки пьетъ табакъ Енисейской служилой человекъ Ондрушка Козловъ, и какъ-де онъ, Ондрушка, увидѣлъ ево, Богдашку, и тое-де бумашку съ табакомъ вкинулъ въ ротъ и проглотилъ...“

Произведенный Головинымъ по этому извѣту розыскъ открылъ и другихъ „табатчиковъ“, которые также „пили (т. е. курили) табакъ изъ бумашки“. Одинъ изъ нихъ — „гулящій человекъ“ Семень Сулешъ „у пытки“ показаль: „было-де у него 3 бумашки табаку, а купилъ-дѣ онъ тотъ табакъ у Тобольскаго служилого человекъ у Мартынка Прокопьева Кисловаса, а даль по гривнѣ за бумашку, и пилъ самъ тотъ табакъ дома, никому не продавалъ...“ Кисловасъ сознался въ продажѣ Сулешу 3 „бумашекъ табаку“.

Весь табакъ, отобранный Головинымъ у этихъ и другихъ „табатчиковъ“, былъ сожженъ „на площади“, а съ „табатчиковъ“ взяты „заповѣди“ (денежный штрафъ за „заповѣдный товаръ“) и „поручныя записи“ въ томъ, что „имъ впредь не воровать, табаку самимъ не пить и никому не продавать“.

(Ibid. столбецъ № 75, лл. 581—582, 589, 590).

III.

„Цѣновная роспись“ товаровъ лавки Бориса Овдѣева въ „Манатейномъ ряду“, въ Москвѣ, 1641 г.

въ манатѣ по 60 алтынъ, манатѣя 8 рубль 20 алтынъ,
2 манатѣ по пол-два рубли, манатѣя 40 алтынъ, 3 ма-
натѣ по 26 алт. по 4 деньги, манатѣя 46 алт. 4 деньги,
манатѣя 13 алт. 2 деньги.

5 клобуковъ—рубль.

4 ряски по 43 алт. по 2 деньги, 6 рясокъ по рублю, 5 рясокъ
по рублю-жъ.

6 свитокъ—по 23 алт. по 2 деньги.

3 манатѣ гробовыхъ по 10 алтынъ.

2 скимы—6 алт. 4 деньги.

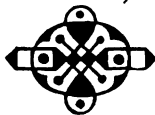
3 сукна манатейныхъ—6 рублевъ 10 алтынъ.

3 татаура ¹⁾—4 алтына.

10 нагавки ²⁾—6 алт. 4 деньги.

И всего на 42 рубли на 24 алтына“.

(Ibid. столб. № 79, лл. 430—431).

IV.

Распоряженіе о евреяхъ

1643 г.

Уарская грамота изъ Сибирскаго приказа, отъ 15-го іюля
151 г., Брянскому воеводѣ стольнику князю Григорью
Даниловичу Долгорукову, предписывая ему принять разныя
мѣры по поводу посылки на „Свинскую ярмонку“ госу-
даревой соболиной казны, съ московскими „купчинами“ Ив. Дени-

¹⁾ Татауръ—широкій, иногда росшитый поясъ священниковъ и монаховъ. Иначе: катауръ.

²⁾ Нагавки (иначе: ногавки) — родъ штыблетъ или голенищъ, застегивающихся кругомъ икръ ноги.

совымъ и Степ. Левашовымъ, между прочимъ замѣчаетъ, что купчины должны „прѣхавъ на Свинскую ярмонку, тою мягкою рудею съ литвою, и съ арменью, и съ греки, и со всякими купецкими людьми опричь жидовъ торговати и на всякіе узорочные товары мѣняти безо всякого мотчанья“.. Ниже предписывается воеводѣ: „а жидовъ-бы тебѣ однолично ни съ какими товары пропускати изъ-за рубежа не велѣти, для того что изстари николи жидове въ наше въ московское государство ни въ которые годы ни съ какими товары не вѣзживали, и впередъ-бы еси ихъ потомужъ ни съ чѣмъ отнюдъ изъ-за рубежа во Брянскъ и въ Брянской уѣздъ на Свинскую ярмонку никуда пропускати не велѣль...“

(Ibid. столбецъ № 213, лл. 227—228).

V.

Смиренье шелепами

1645 г.

Государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи твой государевъ богомолецъ Герасимъ, архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, Бога молю и челомъ бью: въ нынѣшнемъ, государь, во 153-мъ году, генваря въ 3-й день, прислана твоя государева грамота ко мнѣ твоему государеву богомольцу, за приписью твоего государева дьяка Григорья Протопопова, а по твоей государевой грамотѣ велѣно Тобольскаго города Успенскаго Дѣвicha монастыря попа Ѳедота за ево безчинство, что онъ, попь Ѳедотъ, въ прошломъ во 152 году канонъ праздника преподобнаго Алексѣя челоуѣка Божія — Ангела сына твоего государева, государя нашего благоувернаго царевича и великаго князя Алексѣя Михайловича — послѣ вечерни и молебна молилъ онъ, попь Ѳедотъ, прежь твоего государева заздравнаго медоваго канона воеводцкой князь Михайла Гагарина медовой канонъ. А на самъ праздникъ преподобнаго Алексѣя челоуѣка Божія, онъ, попь Ѳедотъ, на заутрени

псалма „Хвалите имя Господне“ и величанья пр. Алексѣю чловѣку Божию пѣть не велѣлъ. И за то ево безчинство по твоей государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ ево, попа Ѳедота, смирать — бить шелепами нещадно, а бивъ шелепами—посадить въ смиренье въ чепь (на цѣпь) на мѣсяць.

И по твоему государеву указу и по грамотѣ я, твой государевъ богомолецъ, ево, попа Ѳедота, за ево воровство и за безчинство при всѣхъ Тобольскаго города при попѣхъ и при дьяконѣхъ смираль шелепами—бить велѣлъ нещадно и въ чепи мѣсяць держать ево велѣлъ.

[Ibid. столбецъ № 139, л. 442].

VI.

Посѣщеніе литовскаго посла

1647 г.

Память изъ Посольскаго приказа въ Сибирскій приказъ: „лѣта 7155 (1647)-го, февраля въ 2 день, по государеву... указу боярину князю Алексѣю Никитичю Трубецкому, да дьяку Григорью Протопопову, государь царь... указалъ: астараканца Ларіона Исупова, за его воровство, что онъ ходилъ на Москвѣ на дворъ къ литовскому посланнику къ Юрью Иличу и у него сидѣлъ долгое время, а ему было къ литовскому посланнику на дворъ ходить не велѣно, сослать въ Сибирь... Діакъ Алмазь Ивановъ“.

Но наказанье Исупову было затѣмъ смягчено, какъ говоритъ слѣдующая помѣта на той-же памяти: „и Ларивонъ въ Сибирь не посланъ, а отосланъ въ Казанской Дворецъ, по государеву имянному приказу, марта въ 12 день, а велѣно ему, учиня наказанье, бивъ на козлѣ кнутомъ, послати въ дѣти боярскіе въ Астараканъ по прежнему“.

(Ibid. столбецъ № 278, л. 113).

VII.

Сибирскій архіепископъ Герасимъ

1647 г.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичю...
 бьетъ челомъ твой государевъ богомолецъ Герасимъ,
 архіепископъ Сибирской и Тобольской: по твоему государеву...
 указу присланы съ табакомъ въ Сибирь головы Ив. Третьяковъ
 и Потапъ Загибаловъ. Милосердый государь!.. пожалуй меня
 своего государева богомольца не вели, государь, въ Соеѣйскіе
 отчинки посылать табакъ продавать! Царь-государь, смилуйся
 пожалуй!“

Помѣта: „въ столцъ“ (т. е. сдать въ архивъ...)
 (Ibid. столбецъ № 1402).

VIII.

Доставка кедровъ въ Москву

1665 г.

Въ февралѣ 1665 г. Верхотурскій воевода отправилъ въ
 Москву, вслѣдствіе государева указа, „67 кедровъ неболь-
 шихъ деревъ, окопавъ съ землею и обшивъ въ рогожи
 съ мохомъ, и укрѣпя въ санѣхъ (на 20 подводахъ),
 обшивъ лубьями, какъ мочно довести до Москвы въ
 цѣлости“...

Сибирскій приказъ передалъ кедры въ приказъ Большаго дворца.
 Очевидно, кедры назначались для московскихъ дворцовыхъ садовъ.
 (Ibid. столбецъ № 768).

IX.

Опасная игра

1686 г.

Въ генварѣ 1686 г. Сибирскій приказъ представилъ государямъ „докладъ“, по поводу „отписки“ Красноярскаго воеводы стольника Григорія Шишкова, прислалъ „отписку“, писавшаго о слѣдующемъ „государевѣ дѣлѣ“: „Красноярскаго уѣзду Верхнего Караульнаго острога служилой челоувѣкъ Тимошка Еленмовъ извѣщалъ на служилого-жъ челоувѣка на Марчка Хомякова государево дѣло: игралъ-де онъ, Марчко, шахматы съ Андрюшкою Волиншикомъ, и взялъ-де онъ, Марчка, съ доски шахматъ и молылъ (т. е. молвилъ): „то-де я чаялъ еерзь, ано-де царь“! и царя (т. е. шахматную фигуру) избранилъ матерны. И то-де слышали красноярскихъ служилыхъ людей 3 челоувѣка. И Марчко роспрашиванъ, а въ роспросѣ заперся, а служилые люди, которые тутъ были, сказали, что то слышали“...

Красноярскій воевода донесъ объ этомъ происшествіи енисейскому воеводѣ, боярину кн. Константину Осиповичу Щербатову, который велѣлъ „пытать“ Марка Хомякова, и „съ пытки“ онъ „винился, что то непристойное слово говорилъ безъ вымыслу“... Послѣ пытки воевода посадилъ несчастнаго шахматиста въ тюрьму, „до указу“.

„Докладъ“ Сибирскаго приказа заканчивается обычною формулою: „великіе государи, цари... о томъ что укажутъ?“

Въ царскомъ приговорѣ изображено: „194 году, генваря въ 13 день, великіе государи цари и великіе князи Іоаннь Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа великія и малыя, и бѣлыя Росіи самодержцы, сей выписки слушавъ, указали: того Марчка свободить, и о томъ изъ Сибирскаго Приказа въ Красноярской кѣ воеводѣ послать свою великихъ государей грамоту“.

Грамота послана 15 генваря.

(Ibid. столбецъ № 749).

Сообщ. Н. Н. Оглобинъ.

Письмо царевича Алексѣя Петровича къ кн. Матвѣю Петровичу Гагарину,

1707 г.

Въ книгѣ № 1458 Сибирскаго Приказа (въ Моск. Архивѣ м—ва юстиціи) среди разнообразныхъ документовъ этого приказа за 1707 г. (указы, выписи, памяти, и проч.) сохранилось, между прочимъ, собственноручное письмо (оригиналь) царевича Алексѣя Петровича къ „генеральному президенту и сибирскихъ провинцій судіѣ“ князю Матвѣю Петровичу Гагарину (л. 226—227 по славянской пагинаціи, причѣмъ послѣдній листъ 227-й ошибочно помѣченъ листомъ 127-мъ).

Письмо написано на уменьшенной четвертушкѣ листа, сложенной пакетомъ. На лицевой сторонѣ пакета находится адресъ, написанный рукою царевича: „Князь Матвѣю Петровичю Гагарину“ (л. 226).

На той-же сторонѣ пакета, гдѣ адресъ, находится печать красно-восковая, почти вполне сохранившаяся, но съ неясно вышедшимъ оттискомъ изображенія короны и какихъ-то не то буквъ, не то орнаментовъ.

Текстъ письма находится на первой страницѣ листа 227-го. Привожу его буквально, вставляя въ скобкахъ недостающія по смыслу буквы (въ трехъ мѣстахъ) и разставляя нѣкоторые знаки препинанія (подчеркиванія мон-же):

„Кнзь Матвей Петровичъ!

Здравствуй!

Зѣло благодарствую за люб(овь) твою—освобождени(е) людей монхъ от работы, такождѣ блгодарствую и за учителя.

Алексѣй.

Из Смоленска, іюля въ 21 де(нь).

P. S.: о чемъ будетъ Василей Григорьевичъ от меня тебя просить—пожалуй не остави“.

На второй страницѣ л. 226-го стоитъ помѣта, написанная рукою кн. М. П. Гагарина:

„1 пара соболей 40 р., 6 васяковъ большихъ, два мѣха черевья лѣсы, да 2 бѣлыя хрептовые“.

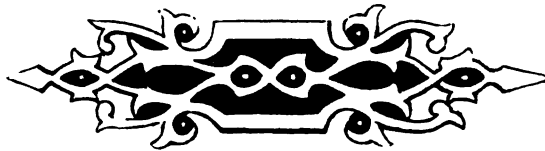
Очевидно, это перечень той мягкой рухляди, о выдачѣ которой изъ Сибирскаго Приказа словесно просилъ кн. М. П. Гагарина посланецъ царевича „Василей Григорьевичъ“, дѣйствуя именемъ Алексѣя Петровича.

Къ письму приложенъ отдѣльный клочекъ бумаги (л. 228), на которомъ рукою кн. М. П. Гагарина написана слѣдующая записка, обращенная къ дьякамъ Сибирскаго Приказа:

„Гдамъ (т. е. господамъ) дьякамъ по сему отпустить къ гсдарю царевичу безъ умедленія“.

Ниже на томъ-же клочкѣ другою рукою (очевидно — дьяка) написана помята: „отослать на дворъ къ Василью Григорьевичю Нарышкину“.

Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.

ВЫСЫЛКА ИЗЪ РОССИИ ПРИНЦА ВЮРТЕМБЕРСКАГО ФРИДРИХА

1786 г.

Вторъ историческаго изслѣдованія „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, премированного академіею наукъ и публикою, потребовавшею уже третье изданіе, Дмитрій Ѳомичъ Кобеко, напечаталъ въ январской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1892 г. три интересныхъ указа императрицы Екатерины II шлиссельбургскому коменданту. Указы эти касаются заточенія, содержанія и освобожденія изъ крѣпости маіора Герсдорфа, адъютанта принца Фридриха вюртембергскаго, супруга несчастной принцессы Августы, прозванной Зельмирою. Какъ указы, они кратки, сухи, производятъ тяжелое впечатлѣніе; но какъ осколки драмы, разыгравшейся сто лѣтъ назадъ въ Петербургѣ, они проливаютъ новый свѣтъ на чисто материнскую заботливость Екатерины II о беззащитной женѣ, угнетаемой грубымъ мужемъ, и вполне подтверждаютъ высказанную Д. Ѳ. Кобеко догадку ¹⁾, что высылка принца Фридриха изъ Россіи была вызвана скорѣе политическими, чѣмъ семейными соображеніями.

Еще до приѣзда вюртембергской четы въ Петербургъ, ей предшествовала дурная молва о семейныхъ раздорахъ. Екатерина отнеслась къ этой молвѣ вполне безпристрастно: она не обвиняла Августы, не считавшей своего мужа „любезнымъ“, но въ то же время находила, что Фридрихъ „жестоко оклеветанъ“. Императрица писала въ іюль 1782 года: „Мы вовсе не подозрѣваемъ принца жестокимъ, способнымъ къ грубымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ; были случаи,

¹⁾ Д. Ѳ. Кобеко. 317.

когда онъ выказалъ сострадательное сердце, добродушіе и благородный образъ мыслей“¹⁾. Спустя три мѣсяца, молва вполне оправдалась, и Екатерина сама убѣдилась, что „они живутъ какъ кошка съ собакою“²⁾. Въ первое время императрица не принимала стороны ни жены, ни мужа, стараясь не вмѣшиваться въ чисто семейное дѣло; скоро, однако, семейное дѣло стало публичнымъ скандаломъ, соблазномъ, опаснымъ даже для невзыскательнаго въ этомъ отношеніи петербургскаго общества конца XVIII столѣтія. Въ 1785 году Екатерина писала уже: „принцъ Фридрихъ вюртембергскій—неуживчивый бездѣльникъ; надняхъ онъ билъ принцессу Августу, таскалъ ее за волосы и, наконецъ, заперъ на ключъ“³⁾. Это было уже слишкомъ даже для грубаго нѣмца; но этотъ нѣмецъ, сверхъ того, былъ выборгскимъ генералъ-губернаторомъ, и Екатерина должна была вмѣшаться: она выслала принца въ Выборгъ съ приказаніемъ не возвращаться въ столицу безъ ея разрѣшенія, а принцессу и ея дѣтей взяла съ собою въ Царское Село⁴⁾. Разведя ссорящихся, Екатерина старается устранить по возможности даже малѣйшій поводъ къ семейнымъ раздорамъ въ вюртембергской четѣ. При этомъ-то въ бумагахъ Екатерины впервые появляется имя „дежуръ-маіора“ при принцѣ, барона фонъ-Герсдорфа.

Принцъ Фридрихъ ненавидитъ свою жену, и въ то-же время, какъ извѣстно⁵⁾, ни въ кого не влюбленъ, никого не любитъ, не

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 249.

²⁾ Ibid, XXVII, 212.

³⁾ Сборникъ, XXIII, 340.

⁴⁾ Je dois porter à la connaissance de votre majesté l'éclat d'une disharmonie ouverte entre le prince Frédéric de Wurtemberg et son épouse, au point que le prince s'étant oublié jusqu'à frapper madame la princesse, et celle-ci ayant fait parvenir à l'impératrice ses plaintes de ce procédé violent, sa majesté impériale a fait partir le prince Frédéric pour son gouvernement de Wybourg avec ordre de n'en revenir que quand elle lui en donnera son agrément, au lieu que la princesse Auguste est allée avec ses enfans passer cet été à Czarsco Selo. Денеша гр. Гѣрца прусскому королю, отъ 9-го мая 1785 года въ Берлин. Архивъ, Repos. XI, № 600. Въ денешѣ отъ 4-го іюля, онъ-же пишетъ: L'harmonie entre le prince Frédéric de Wurtemberg et son épouse paraît entièrement rétablie. Ibid., № 616.

⁵⁾ La princesse de Wurtemberg a temoigné beaucoup d'humeur à son époux d'une liaison qu'elle a prétendu avoir decouverte et le prince lui a fait des reproches sur l'inclination qu'on lui suppose généralement pour le prince Daschkoff. Денеша прускаго посланника, барона Келлера, отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 25. Это извѣстіе не подтверждается ни изданною уже перепискою частныхъ лицъ, ни хранящеюся въ Государств. Архивѣ (разр. IV, №№ 150 и 151) перепискою Екатерины II съ

близокъ ни съ одною изъ дамъ придворнаго или не придворнаго общества; принцесса Августа—молода, умна, если не красива, то миловидна, интересна. Трудно было думать, чтобы единственною причиною раздора была необузданная натура принца ¹⁾, и явилось предположеніе, что принцъ дѣйствуетъ подъ чьимъ-либо вліяніемъ, находится подъ нравственнымъ гнетомъ кого-либо изъ окружающихъ лицъ. Ближе всѣхъ стоялъ къ принцу баронъ Герсдорфъ: онъ прибылъ въ Россію въ свитѣ принца, состоитъ при немъ флигель-адъютантомъ, видится съ нимъ ежедневно, очень преданъ принцу, *il est l'âme damnée de Don-Ferose* ²⁾, какъ Екатерина называла принца. Обратили вниманіе на Герсдорфа.

Въ началѣ ноября 1785 года, баронъ Герсдорфъ спѣшно покинулъ Петербургъ, направляясь за-границу. 8-го ноября императрица предписываетъ графу Ю. Ю. Броуну, лифляндскому генераль-губернатору, задержать Герсдорфа въ Ригѣ и допросить его: куда и на долго-ли ѣдетъ, „а пуще всего приводите въ ясность принужденно-ли онъ ѣдетъ или по своей волѣ, и нѣтъ-ли насилія въ его поѣздкѣ; буде найдете насиліе, остановите и мнѣ репортуйте; буде-же насилія нѣту, то отпустите его въ свой путь“. На допросѣ въ Ригѣ Герсдорфъ показалъ, что „принужденія къ сей его поѣздкѣ не было, но просилъ увольненія и отпущенъ отъ принца по причинѣ тяжелой болѣзни его отца“ ³⁾. Броунъ пропустилъ Герсдорфа за-границу, тѣмъ не менѣе, за перепискою барона Герсдорфа былъ учрежденъ секретный надзоръ и всѣ его письма перлюстрировались. Одно изъ этихъ писемъ представлено было императрицѣ при слѣдующей докладной запискѣ гр. А. А. Безбородко.

„Письмо сіе было прислано тѣмъ-же посредствомъ, какъ и два предпоследнія. Высланный отсюда, какъ сказала госпожа Прецбургъ, писалъ къ принцу, что онъ былъ позванъ въ Ригѣ къ генераль-губернатору, и у него спрашиванъ, какъ онъ высланъ. Они

родными принцессы Августы. Даже Е. Р. Полянская ничего не говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ С. Р. Воронцову, отъ 1-го января 1787 года, въ которомъ она упоминаетъ о высылкѣ принца Фридриха и рассказываетъ любовныя похождения даже гр. А. А. Безбородко, ей совершенно чужаго, а въдъ кн. Дашковъ приходился ей племянникомъ. Арх. кн. Воронцовъ, XXI, 466.

¹⁾ Le prince Frédéric se fâche difficilement, mais une fois qu'il est en colère, c'est avec une grande violence. Oberkirch, II, 171. Близость баронессы Оберкирхъ къ сестрѣ принца, великой княгинѣ Маріи Теодоровнѣ, придаетъ этому извѣстію особенный вѣсъ.

²⁾ Сборникъ, XXIII, 44.

³⁾ XVIII Вѣкъ, I, 403, 404.

боятся, чтобъ принцъ не возъмѣлъ подозрѣнія, что принцесса о сей матеріи осмѣлилась писать вашему императорскому величеству, а фрейлина Прецбургъ призналась своему свойственнику, что положено было, по возвращеніи Герсдорфа, ей за него выйти¹⁾.

Подозрѣнія не оправдались. Читая перлюстрованныя письма Герсдорфа, Екатерина пришла къ убѣжденію, что „все хозяйство гроша не стоитъ“. Въ самомъ дѣлѣ, стоило-ли хлопотать изъ-за извѣстія, что Герсдорфъ влюбленъ въ фрейлину принцессы Августы и собирается жениться на ней! По возвращеніи Герсдорфа изъ Штутгардта, за нимъ продолжали слѣдить, и оказалось, что не онъ имѣетъ дурное вліяніе на принца Фридриха, но, наоборотъ, принцъ изъ него веревки въѣтъ, заставляя исполнять даже жестокія порученія: *Don-Ferose a l'employé à une ou plusieurs actions dignes de son nom*²⁾, какъ писала Екатерина.

Среди такихъ-то обстоятельствъ, 17-го декабря 1785 года, въ четвергъ вечеромъ, по окончаніи спектакля, когда Екатерина пришла изъ армитажа въ свою опочивальню, принцесса Августа бросилась въ ноги императрицѣ и, рыдая, умоляла защитить ее отъ мужа.

По свидѣтельству современниковъ, эта „размолвка“, вынудившая Августу просить Екатерину о защитѣ, была значительно слабѣе прошлогодней³⁾; между тѣмъ императрица немедленно прибѣгла къ ряду крайне рѣшительныхъ мѣръ: принцъ Фридрихъ высланъ за границу, отрѣшенъ отъ должности выборгскаго генераль-губернатора, исключенъ изъ русской службы; принцесса Августа сперва помѣщена въ Зимнемъ дворцѣ, въ армитажѣ⁴⁾, потомъ поселена въ

¹⁾ Сборникъ, XLII, 271.

²⁾ *Ibid.*, XXIII, 343.

³⁾ Quoique cette dispute ait produit une scène beaucoup moins vive, qu'il n'y en a eu précédemment, la princesse de Wurtemberg s'est jettée jeudi dernier aux genoux de l'impératrice au sortir du spectacle de l'hermitage et sa majesté impériale l'y a gardée. Депеша барона Келлера, отъ 22 декабря 1786 г., въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 25. Въ этой-же депешѣ, dispute обращена уже въ brouille: La semaine passée le prince de Wurtemberg a eu avec son epouse une brouille, qui a engagé cette princesse de réclamer la protection de l'impératrice.

⁴⁾ Въ весьма подробномъ и довольно тщательно составленномъ изслѣдованіи проф. Брюкнера „Зельмира“, какъ сцена 17-го декабря, такъ и помѣщеніе Августы въ армитажѣ представлены, къ сожалѣнію, въ ложномъ свѣтѣ, какъ заранѣе подготовленная комедія („Историч. Вѣстникъ“, XLI, 299). Въ данномъ случаѣ ошибка произошла отъ смѣшенія г. Брюкнеромъ „покоевъ князя Потемкина“ съ помѣщеніемъ армитажа. О потемкинскихъ комнатахъ въ Зимнемъ дворцѣ см. „Записки Шишкова“, I, 8.

дворцовомъ имѣніи Лодѣ, близъ Ревеля; баронъ Герсдорфъ заключенъ въ шлиссельбургскую крѣпость.

Эти рѣшительныя мѣры произвели сильное впечатлѣніе при дворѣ, особенно-же великокняжескомъ, и въ городѣ. Начались толки, догадки, предположенія ¹⁾. Одни говорили, что принцъ высланъ за угрозу „переломать ноги и руки“ своей супругѣ; другіе, будто принцъ „впалъ въ преступленіе государственное“; иные знали даже и самое преступленіе: „принцъ имѣлъ со шведскимъ дворомъ опасную здѣшнему государству переписку“, о чемъ полковникъ Спренгпортенъ извѣстилъ императрицу, которая послала гр. Ангальта въ Финляндію для проверки этого извѣстія; въ городѣ носились слухи, что „нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся“. Сама-же Екатерина говорила только, что „принцъ заслужилъ внуть, ежели-бъ не закрыли мерзкихъ дѣлъ его“ ²⁾.

Основываясь на этихъ показаніяхъ современниковъ, на словахъ императрицы и „судя по негодованію, съ которымъ впослѣдствіи Екатерина отзывалась о принцѣ Фридрихѣ“, г. Кобеко высказалъ мнѣніе, что въ слухѣ о государственномъ преступленіи вюртембергскаго принца „была извѣстная доля правды“ ³⁾. Кажется, трудно было сдѣлать болѣе осторожный выводъ и выразить его въ болѣе мягкой формѣ. Между тѣмъ, проф. Брюкнеръ не только отвергаетъ эту догадку г. Кобеко („мы не раздѣляемъ этого мнѣнія“), но глумится надъ нею: „Любопытно видѣть, какъ легко въ публикѣ рождаются слухи, лишеныя всякаго основанія, и какимъ образомъ выдумываются историческіе факты, которымъ потомство приписываетъ нѣкоторое значеніе“ ⁴⁾. Къ сожалѣнію, такое свое рѣзкое до неприличія заявленіе г. Брюкнеръ ничѣмъ не подтверждаетъ, кромѣ личныхъ соображеній довольно сомнительнаго свойства. Приводимъ эти „соображенія“ г. Брюкнера изъ двухъ мѣстъ его статьи о „Зельмирѣ“:

„Мы не думаемъ, чтобы отправленіе Храповицкаго къ Ангальту ⁵⁾ и далѣе замѣчаніе о мерзкихъ дѣлахъ принца, заслуживаю-

¹⁾ Cette brouillerie occure beaucoup le public. Депеша Келлера отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинѣ. Архивъ, Rep. XI, № 25. C'était le sujet de toutes les conversations de la ville. Письмо Е. Р. Полянскоя отъ 1-го января 1787 г. въ Арх. кн. Воронцова, XXI, 467.

²⁾ Записки Гарновскаго въ „Русской Старинѣ“, XV, 19; Дневникъ Храповицкаго, 21.

³⁾ Кобеко, 317.

⁴⁾ „Историч. Вѣстникъ, ХLI, 302.

⁵⁾ Это какое-то недоразумѣніе: о посылкѣ Храповицкаго къ Ангальту упоминаетъ самъ-же г. Брюкнеръ; этого дѣйствительно неважнаго обстоя-

щихъ наказанія кнудомъ, могли-бы считаться подтвержденіемъ слуха о какомъ-то государственномъ преступленіи принца, но считаемъ тѣмъ болѣе нужнымъ указать на этотъ источникъ, что г. Кобеко до извѣстной степени склоняется въ пользу правдоподобія этого слуха... Въ виду вышеупомянутыхъ слуховъ о какихъ-то государственныхъ преступленіяхъ принца, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ письмахъ, писанныхъ по поводу отставки супруга Зельмиры, мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на какой-либо неблаговидный поступокъ принца въ области политики. Зная за собою такую вину, принцъ, какъ намъ кажется, никогда-бы не выразилъ желанія возвратиться въ Россію. Имѣя возможность обвинить принца въ чемъ-либо помимо варварскаго обращенія съ женою и дерзкихъ писемъ къ Екатеринѣ, императрица не преминула-бы коснуться хотя-бы слегка этихъ дѣлъ¹⁾.

Кто-же правъ въ данномъ случаѣ? Вопросъ чрезвычайно важный и имѣющій особенное значеніе для характеристики Екатерины II. Въ письмахъ къ принцу Фридриху и къ его сестрѣ, великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, императрица, говоря о семейномъ разладѣ въ вюртембергской четѣ, прямо и категорически заявляла: „Я не хочу и не буду судьей въ этомъ дѣлѣ“²⁾, и въ то же время говорила Храповицкому, что „принцъ заслужилъ кнутъ“, т. е. Екатерина готова была стать не только судьей, но даже палачемъ принца. Что-нибудь изъ двухъ: или Екатерина проявила въ данномъ случаѣ отталкивающее двоедушіе или она привлекательно разыграла роль государыни, не желая быть судьей въ чужомъ семейномъ дѣлѣ и будучи готова стать палачемъ въ государственномъ преступленіи, „опасномъ здѣшнему государству“. Вотъ значеніе вопроса, такъ противоположно разрѣшаемаго гг. Кобеко и Брюкнеромъ. Въ этомъ только смыслъ, только по отношенію къ моральной обрисовкѣ Екатерины II, интересовалъ насъ вопросъ о высылкѣ принца Фридриха изъ Россіи, и мы считаемъ необходимымъ привести изъ неизданнаго еще пятого тома нашей „Исторіи Екатерины Второй“ нѣкоторыя новыя данныя, несомнѣнно свидѣтельствующія, что догадка

тельства г. Кобеко вовсе не касается, такъ что въ данномъ случаѣ г. Брюкнеръ опровергаетъ самого себя. Замѣчаніе-же Гарновскаго о посылкѣ гр. Ангальта въ Финляндію г. Кобеко подтверждаетъ ссылкой на „Анекдоты о графѣ Ангальтѣ, Спб., 1789, 40“, о чемъ г. Брюкнеръ вовсе умолчалъ.

¹⁾ „Историч. Вѣстникъ“, ХLI, 303 и 562.

²⁾ Сборникъ, XV, 25, 26. Эти письма не составляли тайны: Le prince Frédéric me montra un billet où sa majesté impériale lui dit que sans s'ériger en Juge etc. Делеша Келлера отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинск. Архивѣ, Repos. XI, № 25.

г. Кобеко вполне основательна. Замѣчаніе г. Брюкнера, что въ письмахъ по поводу отставки принца Фридриха нѣтъ „ни малѣйшаго намека на какой-либо неблаговидный поступокъ принца въ области политики“, не имѣетъ никакого значенія: не о всѣхъ государственныхъ преступленіяхъ можно и нужно говорить въ письмахъ, даже „хотя-бы слегка“. Въ преступленіи такого именно рода обвинялся принцъ Фридрихъ вюртембергскій, и не только императрицею Екатериною, но даже великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.

Осенью 1785 года прусскій посланникъ графъ Гёрцъ просилъ Фридриха II уволить его на всю зиму изъ Петербурга, мотивируя свою просьбу потребностью въ отдыхѣ ¹⁾. 29-го сентября гр. Гёрцъ уѣхалъ изъ Россіи и его должность исправлялъ совѣтникъ прусскаго посольства Гуттель. Черезъ два-же мѣсяца, въ депешѣ отъ 2-го декабря, Гуттель доносилъ королю, что русскій дворъ очень недоволенъ гр. Гёрцемъ, котораго онъ обвиняетъ въ сообщеніи многихъ „домашнихъ и придворныхъ дѣлъ“, которыя были оглашены въ газетахъ, что въ Петербургѣ не желаютъ его возвращенія и что оно будетъ вредно для интересовъ короля ²⁾. Гр. Гёрцъ былъ замѣненъ барономъ Келлеромъ, но въ особомъ рескриптѣ молодой король Фридрихъ-Вильгельмъ поручалъ ему „по прежнему“ сообщать о „домашнихъ дѣлахъ“ и предписывалъ „по преимуществу стараться получить довѣріе великаго князя цесаревича Павла, подробно извѣщая о всѣхъ личностяхъ, приближенныхъ къ наслѣднику и имѣющихъ на него вліяніе, особенно-же о положеніи вюртембергской семьи“ ³⁾. Келлеръ добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе и въ его депешахъ разсѣяно много извѣстій о принцѣ Фридрихѣ вюртембергскомъ, изъ которыхъ видно, что принцесса Августа не пользовалась особенною любовью великокняжескаго двора, какъ, въ свою очередь, принцъ Фридрихъ не нравился Екатеринѣ. Между прочимъ, Келлеръ доносилъ, что императрица давно уже ненавидитъ принца Фридриха, котораго подозрѣваетъ во вредномъ вліяніи на великаго князя Павла Петровича ⁴⁾. Цесаревичъ всегда отно-

¹⁾ Берлин. Архивъ, Rep. XI, депеша Гёрца отъ 25 августа, P. S. ad № 627.

²⁾ Депеша Гуттеля отъ 2 декабря, P. S. ad relationem 18.

³⁾ Lettre du roi au Baron de Keller, отъ 4 сентября 1786 г., въ Берлин. Архивъ, Repos. X, vol. XII.

⁴⁾ L'impératrice haïssait depuis longtemps le prince Frédéric de Wurtemberg qu'elle soupçonnait d'inspirer plus de fermeté au grand duc, qu'elle ne lui en croit naturellement. Депеша Келлера, отъ 29 декабря 1786 г. въ Берлинск. Архивъ, Repos. XI, № 27.

силса съ полнымъ довѣріемъ къ представителямъ Пруссіи и отличалъ ихъ особымъ вниманіемъ; онъ даже съ Гуттелемъ имѣлъ чрезвычайно интимный разговоръ по поводу „новаго короля“¹⁾. Принцъ Фридрихъ былъ давно уже за-границею, а принцесса Августа въ Лодѣ, когда баронъ Келлеръ послалъ королю слѣдующую депешу:

„С.-Петербургъ, 3-го (14-го) февраля 1787 г.

„Государь! Пользуюсь случаемъ представить вашему величеству подробный отчетъ о двухъ бесѣдахъ, которыя я имѣлъ недавно съ русскимъ великимъ княземъ и о которыхъ я упоминалъ въ предыдущей депешѣ. Въ первую нашу бесѣду великій князь самъ началъ говорить о принцѣ Фридрихѣ вюртембергскомъ, котораго онъ восхвалялъ за его умъ, познанія и трудолюбіе, но порицалъ при этомъ за надменность и вспыльчивость, вслѣдствіе чего съ самаго вступленія его въ русскую службу можно было уже предвидѣть, что онъ не долго удержится въ ней. Его императорское высочество сознался, что всегда такъ смотрѣлъ на принца, но тѣмъ не менѣе объявилъ мнѣ, что его глубоко огорчили какъ грубый способъ увольненія принца, такъ и особенно мотивы, которыми руководствовалась императрица при высылкѣ его изъ Россіи. „Какимъ образомъ могли опасаться (это подлинныя слова великаго князя) какихъ-либо движеній въ мою пользу со стороны иностраннаго принца, не имѣющаго здѣсь своихъ друзей? Они должны были знать, что я никогда не одобрю чего-либо подобнаго. Не мнѣ судить, насколько было справедливо сдѣланное 24 года назадъ. Весь народъ присягнулъ тогда государынѣ, которая понинѣ царствуетъ надъ нимъ; была-ли эта присяга искренняя или нѣтъ—не знаю, но я былъ свидѣтелемъ общей покорности. Это дѣло лежитъ на совѣсти людей того времени; что-же касается меня, я хочу жить въ ладахъ съ моею! Я всегда совѣтуюсь съ нею, ничего не дѣлаю противнаго моей совѣсти и это счастье я предпочитаю той болѣе блестящей роли, которая можетъ предстоять мнѣ въ исторіи, которой, не знаю, будетъ-ли передано мое имя. Таковы мои чувства; ихъ должны-бы знать и не забывать тотъ случай, при которомъ я открыто высказалъ ихъ“. Я полагалъ, что великій князь говорить о томъ сборищѣ и восторженныхъ кликахъ, которые были въ Москвѣ, когда онъ появился во главѣ своего полка; но онъ сказалъ мнѣ, что народъ всегда привѣтствовалъ его во все время его пребыванія

¹⁾ Депеша отъ 15-го (26) сентября 1786 г. въ Берлинск. архивѣ, Repos. X I, № 95.

въ древней столицѣ, но что то, о чемъ онъ говоритъ, было въ Петербургѣ, во дворцѣ, когда онъ могъ успокоить императрицу насчетъ всѣхъ страховъ, которые она могла имѣть относительно его. Полагая, что этотъ фактъ долженъ быть извѣстенъ вашему величеству, я не полюбопытствовалъ узнать его, опасаясь, что это можетъ не понравиться великому князю, но поздравилъ его высочество съ общею къ нему любовью, выразивъ, что это должно доставлять ему внутреннее удовлетвореніе, на что онъ отвѣчалъ мнѣ: „Ну, я не знаю еще насколько народъ желаетъ меня; я въ этомъ отношеніи не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій! Многие ловятъ рыбу въ мутной водѣ и пользуются беспорядками въ нынѣшней администраціи, принципы которой, какъ многимъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, совершенно расходятся съ моими“. Его императорское высочество окончилъ этотъ разговоръ словами, обращенными ко мнѣ: „Я говорилъ съ вами прямо, откровенно. Это моя исповѣдь представителю государя, къ которому я наиболѣе привязанъ“.

„Второй разговоръ тоже начался съ принца Фридриха вюртембергскаго, по поводу его переговоровъ съ тестемъ, причѣмъ его высочество во многомъ обвинялъ принцессу Августу и закончилъ такъ: „Прошу васъ, не сообщайте по почтѣ ничего, о чемъ мы говорили—нѣтъ надобности, чтобы кто-нибудь зналъ о сообщеніяхъ, мною вамъ сдѣланныхъ; но воспользуйтесь первою-же надежною оказіею, чтобы увѣрить его величество короля, что я всегда буду рассчитывать на его помощь, что со мною ни случилось-бы“. Это послѣднее выраженіе, въ связи съ нѣкоторыми фразами великаго князя въ первой бесѣдѣ и съ выраженіемъ фізіономіи, которымъ оно сопровождалось, заставляетъ меня предполагать, что его высочество не остановится ни передъ чѣмъ, если голосъ народа провозгласитъ его своимъ избранникомъ.

„Обѣ эти бесѣды съ великимъ княземъ происходили на Каменномъ Острову, въ его дворцѣ.

„Флигель-адъютантъ принца Фридриха вюртембергскаго, нѣкто Герсдорфъ, арестованный, нѣсколько дней спустя послѣ опалы принца, по возвращеніи изъ Выборга, куда онъ былъ посланъ принцемъ, все еще содержится въ Шлюссельбургѣ. Этотъ молодой человекъ, прибывшій изъ Штутгардта вмѣстѣ съ принцемъ, вполне ему довѣрявшимъ, нерѣдко выражался довольно легкомысленно; но кромѣ этой неосторожности, никто не знаетъ за нимъ никакого иного преступленія“¹⁾.

¹⁾ Берлин. Архивъ, Рероз. XI, № 37. Деша приведена нами въ извлеченіи.

Такимъ образомъ, слухи, сообщенные современниками, подтвердились во всѣхъ частяхъ: сообщенные Д. Θ. Кобеко три указа Екатерины II къ Циглеру, шлюссельбургскому коменданту, вполне отвѣчаютъ слуху „яко-бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся“; слова великаго князя Павла Петровича съ лихвою свидѣтельствуютъ о государственномъ преступленіи принца Фридриха вюртембергскаго—работая въ пользу мужа своей сестры, принцъ Фридрихъ весьма могъ обратиться къ шведскому королю ¹⁾, и Екатерина, извѣщенная о такой перепискѣ, дѣйствительно, „опасной здѣшнему государству“, легко могла послать графа Ангальта въ Финляндію для провѣрки этого извѣстія. Происходило-ли это дѣйствительно такъ или какъ-нибудь иначе—это въ данномъ случаѣ безразлично; главный, существенный вопросъ заключается въ несомнѣнности преступныхъ относительно предержавшей власти замысловъ принца Фридриха вюртембергскаго. Въ виду этой несомнѣнности, Екатерина II не только имѣла право, но была обязана принять строгія мѣры противъ принца Фридриха, какъ государственнаго преступника, и называть его высылку изъ Россіи „нѣсколько безцеремонною“ ²⁾—по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Списывать въ хронологическомъ порядкѣ извѣстія, помѣщенные въ разныхъ изданіяхъ, конечно, не легко, что и доказалъ г. Брюкнеръ, пропустившій въ своей „Зельмирѣ“ всѣ извѣстія о Герсдорфѣ; но гораздо труднѣе подвергать эти извѣстія вѣрной оцѣнкѣ и дѣлать изъ нихъ правильные выводы....

В. А. Вильбасовъ.

¹⁾ Бахвальство Густава III весною 1788 года не было-ли отзвучкомъ напечатываній принца Фридриха? См. „Екатерина II во время войны съ Швеціею“, въ „Русской Старинѣ“, т. LX, стр. 552.

²⁾ „Историч. Вѣстникъ“, XLI, 562.

ЛЕЙТЕНАНТЪ ДМИТРІЙ ИЛЬИНЪ,

герой Чесменской битвы

1770 г.

Въ недавнее время нашъ военный флотъ обогатился быстроходнымъ крейсеромъ, наименованнымъ „Лейтенантъ Ильинъ“. Въ память кого дано такое имя боевому судну и именно крейсеру, то, вѣрно, знаетъ каждый морякъ, но гдѣ и какъ покоятся останки воскресшаго для флота лейтенанта И льина, то навѣрное изъ нихъ знаютъ лишь нѣкоторые; между тѣмъ, мѣсто погребенія Ильина не для однихъ моряковъ должно быть дорого,—его подвигъ составилъ славу нашего флота и для Россіи великую услугу. Почтите память героя Чесмы сооруженіемъ на его могилѣ памятника, достойнаго его подвига, вотъ цѣль этого очерка.

Проживая въ мѣстности, гдѣ оканчивалъ свое земное поприще доблестный Ильинъ, мнѣ довелось собрать о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя и ввѣряю достойнѣйшей редакціи „Русской Старины“,—увѣренный, что она, столь отзывчивая ко всему, что служить къ сохраненію славы Отечества, помѣститъ на своихъ страницахъ помянутыя свѣдѣнія и тѣмъ подвигнетъ общество къ жертвованіямъ на благолѣпіе храма, при которомъ покоится прахъ героя Ильина, а также на сооруженіе ему памятника.

М. О. Лодыгинъ.

I.

митрій Сергѣевичъ Ильинъ, происхожденіемъ изъ бѣдныхъ дворянъ нынѣшней Тверской губерніи, родился въ 1738 году и скончался 65 лѣтъ, въ 1803 году 19 іюля, какъ то значится въ церковныхъ метрическихъ книгахъ и въ надписи на могильной плитѣ.

Соверша свой изумительный подвигъ въ 1770 году, въ турецкой бухтѣ Чесма, послужившій къ гибели всего стоявшаго тамъ турецкаго флота и доставивъ тѣмъ историческую славу нашему русскому флоту, лейтенантъ Ильинъ, по приходѣ эскадры съ графомъ Орловымъ въ мирныя воды, по повелѣнію императрицы Екатерины II, былъ долженъ представиться ея величеству и ожидалъ быть осыпаннымъ наградами отъ ея монаршихъ щедротъ. Боязнь, что Д. С. Ильинъ, по своей доброй, чистой натурѣ, умалитъ въ глазахъ государыни тѣхъ, кто захватилъ всю славу Чесменскаго боя, заставила ихъ обратить вниманіе на Ильина, по приѣздѣ его въ Петербургъ. Молодой человекъ, 32-хъ лѣтъ, никогда не вращавшійся среди знати, попавъ въ ея кружокъ, былъ совершенно очарованъ оказываемымъ ему вниманіемъ, и предался къ радости ихъ—кутежамъ. Ильинъ былъ совершенно въ чадѣ. Въ одинъ изъ такихъ-то дней ему выпадаетъ счастье быть представленнымъ государынѣ. Приемъ добродушнаго Ильина не былъ продолжителенъ; при видѣ государыни, вмѣсто словъ, онъ палъ къ ногамъ ея величества и отъ душевнаго волненія не могъ скоро подняться, а недоброжелатели Д. С. не приминули это отнести къ пьяному его состоянію и поспѣшили его убрать изъ дворца, да и убрали навсегда. Д. С., не погибшій въ чесменскомъ бою, ногибъ отъ тѣхъ, кто захватилъ его славу, а тѣ, въ свою очередь, выбросивъ Ильина, торжествовали. Д. С., имѣвшій право ожидать триумфальнаго шествія, очутился въ кибиткѣ, удаленъ со службы, какъ пьяница, и былъ отправленъ на жительство въ свое маленькое имѣніе, находившееся тогда въ Новгородскомъ уѣздѣ, при церкви погоста Застижья. Сжегши турецкіе корабли, сжегъ и лично свои! Слава о немъ померкла, и до смерти онъ влачилъ свою жизнь въ полнѣйшей бѣдности и похороненъ при церкви с. Застижья, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, отъ которой бывшая его усадьба менѣе, чѣмъ въ полуверстѣ. На могилѣ Д. С. его почитавшими со-

сѣдями-посѣщниками тогда-же была положена плита (сѣрый камень), на которой теперь имѣются весьма слабые признаки слѣдующей надписи:

„Подъ Камнемъ симъ. положено тело Капи
„тана. перваго ранга. Дмитрія Сергѣевича.
„Ильина. который сжегъ турецкій флотъ.
„при Чесмѣ. жилъ 65 лѣтъ. скончался 1803 года“.

Какъ атрибуты надгробной плиты, вверху надъ надписью—восьми-конечный крестъ, а внизу—мертвая голова и подъ ней на-крестъ двѣ кости. Плита, по длиннымъ ребрамъ, имѣеть 2 арш., въ изголовьи 1 арш. 2 вер. и въ ногахъ 1 арш.; она почти вся ушла въ землю и одинъ ея уголь углубился въ могильную яму; плита поросла мохомъ и высѣченную на ней надпись, какъ вывѣтрившуюся, съ трудомъ можно разобрать. Сама могила не имѣеть, какъ видно, никакого надзора; грозитъ въ скоромъ времени полнымъ разрушеніемъ; отдѣльной рѣшетки вокругъ нея никогда не было, словомъ, предана забвенію! Общій видъ крайне тяжелъ, а въ могилѣ покоятся останки человѣка, которому обязаны славной чесменской побѣдой!

Прямого потомства у Дмитрія Сергѣевича Ильина, какъ видно, нѣтъ; двѣ его дочери, вышедшія въ свое время замужъ, какъ надо полагать, оставили свои семьи въ бѣдности, такъ что ихъ дѣтямъ и внучатамъ заботиться о мѣстѣ упокоенія своего прародителя — не приходится. Его подвигъ, во славу Россіи, даетъ указаніе почитать его память всему потомству,—такъ пусть оно и откликнется въ благодарность имъ сдѣланнаго, болѣе сотни лѣтъ тому назадъ, въ свое время изумившаго его современниковъ.

Миръ праху твоему, достойный памяти чесменскій герой!

Съ кончиною Дмитрія Сергѣевича Ильина въ 1803 году, знавшіе его при жизни и почтившіе его память, скорбя о бѣдственномъ положеніи его дочери Екатерины Дмитриевны, приняли мѣры къ доведенію о томъ до свѣдѣнія императора Александра I, избравъ для этого представленіе записки государю, написанной къ дочери умершаго Гавріиломъ Васильевичемъ Гераковымъ. Копія съ этой записки сохранилась здѣсь въ одномъ изъ семействъ, и вотъ ее мнѣ и довелось получить;—сообщаю ее безъ малѣйшаго измѣненія.

II.

Дѣвица Ильина ¹⁾.

„Я сказалъ, утверждаю и всегда твердить буду: въ Россіи болѣе, нежели гдѣ, достоинства отличенія бывають и сіе отличіе простирается и на потомство. Доказательствомъ сему служить возвышенная награда потомкамъ великаго Ломоносова. И онъ былъ долго, очень долго забытъ государями, коихъ украшалъ царствованіе Другъ людей, другъ изящнаго—Ахвердовъ вскрылъ завѣсу, скрывающую потомство Ломоносова. Императоръ Павелъ узрѣлъ истину, вспомнилъ челоуѣка, воспѣваго предковъ его, и съ душевнымъ удовольствіемъ подписалъ указъ ²⁾, облегчающій навсегда долю потомковъ Русскаго Пиндара.

„Я сказалъ и въ вѣкъ твердить буду: весело, утѣшительно видѣть благодарныя души, радостныя слезы. Государи болѣе всѣхъ владѣютъ симъ правомъ; но только нужно представить имъ несчастныхъ, угнетенныхъ. Почему все существо мое въ восторгѣ отъ одной мысли—и дѣвица Ильина будетъ обрадована благостію нашего монарха. Онъ узнаетъ—и память славнаго, мужественнаго Ильина, родителя ея, пребудетъ, останется въ роды родовъ.

„Почтенный Херасковъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, увѣковѣчилъ уже имя Ильина въ своей превосходной поэмѣ—Чесменской бой. Онъ такъ говоритъ:

.....
 Какъ бытто несъ главу Горгоны къ нимъ въ рукахъ,
 Окамененье имъ Ильинъ ³⁾ навелъ и страхъ,
 Онъ бросилъ молнію въ ихъ плавающіе дома,
 Ударили со всѣхъ сторонъ отъ россовъ громы;
 Тамъ бомба, на корабль упавъ, разорвалась,
 И смерть, которая внутри у ней неслась,
 Покрыта искрами, изъ оной вылетаетъ

¹⁾ Екатерина Дмитріевна постояннаго жилища не имѣетъ и болѣе проводить печальные дни свои, Тверской губ., Вышневолоцкаго уѣзда, въ дер. колежск. ассессора Степана Петровича Лодыгина, въ нѣдрѣ дружественнаго ей семейства.

Гераковъ.

²⁾ 22-го августа 1798 года.

³⁾ Подошедъ къ турецкому кораблю и сдѣлалъ съ нимъ, зажегъ брандеръ, отъ чего всѣ потому загорѣлись корабли.

Херасковъ.

Рукою корабли, другой людей хватаеть,
 Къ чему ни коснется, все гибнетъ и горитъ;
 Огонь небесну твердь, пучину кровь багрить;
 Подъемяютъ якори, отъ смерти убѣгають;
 Но кроесь отъ огня, другъ друга зажигають.

„И такой человекъ забыть и такого человека дочь проливаетъ ежедневно слезы, не осушаетъ опухъ надъ бѣднымъ дерновымъ возвышеніемъ, гдѣ зарыто тѣло, вмѣщавшее духъ мужественнаго Ильина. Нѣтъ! это ужъ слишкомъ много! Какъ, Ильинъ, при Чесменскомъ заливѣ сжегшій турецкій флотъ, не имѣетъ не только памятника,—но не покрытъ даже камнемъ прахъ его. И дочь, дочь забытаго героя, въ бѣдности, въ горести, таетъ, ежедневно проводить жизнь въ горькихъ стенаніяхъ, увядаетъ, сохнетъ, приближается къ смерти въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Боже! за что такъ люди охолодѣли къ себѣ подобнымъ, за что преждевременно оземленѣло существо ихъ!

„Клевета, зависть,—вы довольно насытились, живо преслѣдуя почтеннаго Ильина: прекратите гоненія свои, скройте самихъ отъ себя, не безпокойте прахъ друга души моей!

„Ты-же, духъ героя Ильина, ты, исполни долгъ россиянина, долгъ бодрствующаго за Отечество, ты покойся на лонѣ Безначальнаго. Миръ праху твоему!

„Дочь нѣжная, дочь неустрашимаго героя, къ тебѣ обращаю рѣчь мою; я незнаю тебя, почтенная россиянка, но не разъ лиль слезы по тебѣ; живи, кроткая душа, Ангель твой да сохранить тебя! Стоны твои достигнуть престола Александра Перваго, императора нашего, государя милосердаго, ты навсегда отрешь слезы и покой навсегда поселится въ душѣ Ангельской твоей.

„Гаврило Васильевичъ Гераковъ“.

На оборотѣ сочинителемъ написано къ подающему письмо о семъ тако: „другу страждущихъ Михайлѣ Степановичу Лодыгину“ и подписано „только что человекъ“.

Тамъ-же замѣтка. „Сіе сочиненіе переходило изъ рукъ въ руки, наконецъ дошло до императора Александра I, почему она дѣвица Ильина нынѣ и получаетъ ежегодной пенсіи по 400 р. по смерти, да положено на имя ея въ банкъ 5,000 р. съ тѣмъ, дабы оную сумму и съ процентами выдать ей при вступленіи въ бракъ ¹⁾; да и г. Геракову за сіе сочиненіе пожаловано по смерти по 400 р. въ годъ пенсіи.

¹⁾ Екатерина Дмитріевна Ильина впоследствии вышла замужъ за помощника Устюжскаго уѣзда Ефимьева.

III.

Сообщивъ о лейтенантѣ Дмитріи Сергѣевичѣ Ильинѣ и его могилѣ, нахожу вполне умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и о той церкви, при которой въ 1803 году погребено тѣло героя чесменскаго боя. Погость Застижье относятъ къ весьма отдаленнымъ временамъ, что показываетъ и само его названіе и окружающая мѣстность. Невдалекѣ отъ церкви, близъ Подборовскаго озера, имѣются два насыпные кургана (сопки), по всей вѣроятности скрывающіе въ себѣ кости какихъ-нибудь застигнутыхъ здѣсь неудачниковъ во времена новгородцевъ или бѣжавшихъ отъ татарскихъ или литовскихъ погромовъ. Право на такое сужденіе даетъ обиліе кургановъ въ этой мѣстности вообще, изъ которыхъ два-три при селѣ Сарогожскомъ, будучи раскапываемы въ 1850—1860 годахъ помѣщикомъ Н. А. Ушаковымъ, дали весьма много предметовъ глубокой старины.

Находящаяся теперь церковь построена въ 1823 году иждивеніемъ бывшаго прихожанина, помѣщика Ѳедора Егоровича Ирпикаго, и до 1861 года содержалась отъ его имѣнія, а съ того времени пользуется доходомъ отъ приписанныхъ къ ней 300 душъ крестьянъ сосѣднихъ деревень; въ виду маломѣрности прихода и затрудненій въ содержаніи отъ этого церкви, епархіальнымъ начальствомъ, года два тому назадъ, добавлено въ прихожане къ ней еще до сотни душъ.

Навѣщающимъ эту церковь бросается въ глаза ея бѣдность; благолѣпіе храма заключается лишь въ удивительной въ немъ чистотѣ, которой, казалось-бы, немало должна мѣшать обваливающаяся мѣстами отъ сырости штукатурка, а съ ней вмѣстѣ и стѣнная живопись; вслѣдствіе сырости происходитъ необходимость сдѣлать новую желѣзную кровлю, оконные переплеты и т. п.; въ расширеніи храма, по числу его прихожанъ, нѣтъ надобности, но въ матеріальной его поддержкѣ настоятъ полнѣйшая необходимость; въ немъ, у Св. Престола, совершаются молитвы и за раба Божія Дмитрія, разумѣя Дмитрія Сергѣевича Ильина, героя Чесмы! Да и мѣсто его упокоенія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви.

Отставной артиллеріи генералъ-маіоръ **Мих. Ѳед. Лодыгинъ.**

Приложение.

Выписка изъ церковной записи о бракосочетавшихся 1780 года.

(Погость Застижье).

Въ февралѣ 9-го. Морскаго флота капитанъ перваго ранга и кавалеръ Дмитрій Сергѣевъ сынъ Ильинъ, вдовецъ, первобрачной, Устюжскаго уѣзда, дубровскаго погоста, села Дубровки, отставнаго капитана Андрея Петрова сына Колюбакина, здочерью ево девицей Ириной, полувторымъ бракомъ.

О умершихъ 1802 года.

Въ іюлѣ 19-го. Господинъ капитанъ и кавалеръ Дмитрей Сергеевичъ Ильинъ тело сіе предано земли, по церковному чиноположенію, священникомъ сороговскаго погоста Павломъ Васильевымъ села Застижья, съ дьячкомъ Андреемъ Павловымъ и пономаремъ Родіономъ Ивановымъ при застижской церкви.

Предкончиною исповедыванъ и святыхъ таинъ сподобленъ сороговскаго погоста священникомъ Павломъ Васильевымъ.

Неизвѣстною болѣзнью померъ.

Означенный Ильинъ въ 1780 году писанъ: морскаго флота капитанъ перваго ранга, а въ 1781 году—морскаго флота отставной полковникъ; въ 1782 году опять: вотчины отставнаго капитана Дмитрія Сергѣева сына Ильина; въ 1785 году—вотчины полковника Дмитрія Сергѣева сына Ильина; въ 1786 году—полковника и кавалера и т. д. до 1800 года, гдѣ опять писано: господина капитана и кавалера; въ 1802 году: господинъ капитанъ и кавалеръ.

1 арш. 2 вершка.

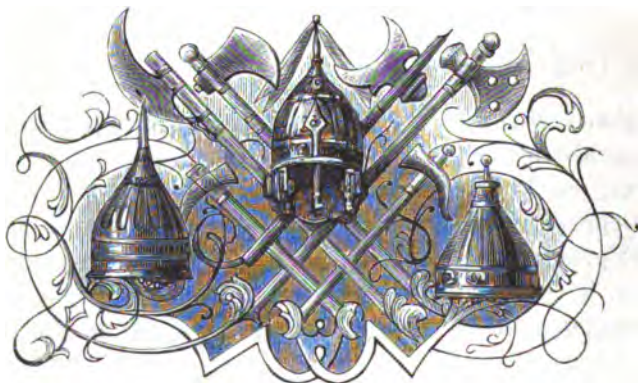
ПОДЪ КАМНЕМЪ СИМЪ
 ПОЛОЖЕНО ТЕЛО КАПИТАНА
 ПЕРВАГО РАНГА
 ДМИТРІЯ СЕРГЕЕВИЧА
 ИЛЬИНА
 КОТОРЫЙ СЖЕГЪ ТУРЕЦКІЙ
 ФЛОТЪ ПРИ ЧЕСМЪ
 ЖИЛЪ 65 ЛѢТЪ
 СКОНЧАЛСЯ 1803 ГОДА

Везъ 1/2 вершка 2 арш.

1 арш.

Плита почти ушла въ землю, поросла мохомъ и высѣченную надпись съ трудомъ можно разобрать; плита сдѣлана изъ сѣраго камня.

Священникъ с. Застѣжья А. Троицкій.

СЭРЪ ВИЛЬЯМЪ УАЙТЪ

ВЪ ВАРШАВСКОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ КОМИССИИ.

I.

Июля 16-го 1891 г., въ Берлинѣ, отъ инфлуэнцы, умеръ англійскій посолъ въ Константинополь сэръ Вильямъ Уайтъ. Дѣятельность покойнаго на Востокѣ, направленная исключительно противъ русскихъ интересовъ, хорошо знакома нашему обществу, но, вѣроятно, не многимъ извѣстно, что свою служебную карьеру онъ началъ въ англійскомъ консульствѣ въ Варшавѣ, гдѣ и проявилъ свою враждебность ко всему русскому донесеніями о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ за время съ 1857 по 1865 гг. Если припомнить, что въ этотъ періодъ Англія была особенно нѣжна къ полякамъ и дѣлала всякія попустительства вожакамъ возстанія, то легко представить себѣ въ какомъ родѣ редактировались донесенія Уайта и что они въ себѣ заключали.

Еще менѣе извѣстно, что онъ родился у насъ въ Царствѣ Польскомъ и до поступленія на службу въ англійское консульство, занимался сельскимъ хозяйствомъ, арендуя въ Радомской губерніи незначительный фольваркъ.

Во всѣхъ странахъ свѣта, и едва-ли не во всѣхъ безъ исключенія государствахъ, встрѣчается не мало англійскихъ семей, которыя проживаютъ въ нихъ продолжительное время, занимаясь торговлею, промышленностью и вообще разнаго рода предпріятіями. Строго сохраняя свою національность и воспитывая своихъ дѣтей по возможности въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подобныя семьи тѣсно сходятся съ мѣстнымъ обществомъ и охотно роднятся съ нимъ, жена своихъ сыновей на мѣстныхъ уроженкахъ или выдавая дочерей за мѣстныхъ жителей. Члены такихъ семействъ достав-

ляютъ англійскому правительству надежнѣйшихъ агентовъ для распространенія его вліянія и отличный матеріалъ для пополненія личнаго состава посольствъ и особенно консульствъ. Англія широко этимъ пользуется и между ея дипломатами и консулами, сплошь и рядомъ, можно встрѣтить замѣчательныхъ людей, досконально знающихъ: языкъ, условія жизни и администрацію тѣхъ мѣстностей, гдѣ они являются представителями и защитниками англійскихъ интересовъ.

Покойный Уайтъ принадлежалъ именно къ одной изъ такихъ семей. Отецъ его пріѣхалъ въ Царство Польское въ 1819 году и поселился въ Пулавахъ, что нынѣ уѣздный городъ Ново-Александрія въ Люблинской губерніи. Въ 1823 г. онъ женился тамъ на дочери William Neville Gardiner, бывшаго послѣднимъ англійскимъ посланникомъ при королѣ Станиславѣ Августѣ въ Варшавѣ. Эта молодая особа, извѣстная подъ именемъ „Лилли“, жила съ своею матерью въ Пулавахъ и воспитывалась, вмѣстѣ съ другими благородными дѣвками, въ домѣ князя Чарторыйскаго, въ ультра-католическомъ духѣ.

Молодые супруги жили сперва въ Пулавахъ, а потомъ взяли въ аренду, лежащій на противоположномъ берегу Вислы, фольварокъ Гура-Пулавская, принадлежащій теперь на маіоратномъ правѣ семейству генерала Рейнталя. Въ 1824 году у нихъ родился сынъ Вильямъ-Артуръ, къ коему относится настоящая замѣтка. Послѣ выѣзда въ 1831 году князей Чарторыйскихъ въ Высоцъ (Галиція), туда послѣдовала за ними и г-жа Уайтъ съ сыномъ. Воспитанный сперва матерью, а потомъ иезуитами въ Вѣнѣ, молодой Уайтъ поступилъ на 18-мъ г. жизни въ Оксфордскій университетъ. 23-хъ лѣтъ онъ возвратился въ Царство Польское и арендовалъ въ Опоченскомъ уѣздѣ Радомской губерніи фольваркъ Цетень, гдѣ жилъ въ тѣсной дружбѣ съ монахами сосѣдняго монастыря Филиппиновъ въ Студзянѣ. Часто бывалъ онъ въ гостяхъ и у тогдашняго радомскаго губернатора Бялоскурскаго, бывшаго прежде офицеромъ генеральнаго штаба. Вѣроятно, сельское хозяйство не везло Уайту, и онъ въ 1857 г. бросилъ его для должности секретаря англійскаго генеральнаго консульства въ Варшавѣ. Переименованный потомъ въ вице-консулы, онъ находился въ Варшавѣ во все время беспорядковъ въ краѣ и въ самое возстаніе 1863—1864 гг.

Англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Варшавѣ, во время возстанія, былъ полковникъ Стантонъ, послѣ отозванія котораго и впредь до прибытія новаго консула полковника Мансфильда, Уайтъ болѣе года управлялъ консульствомъ. Отлично зная Царство Поль-

ское и имѣя въ немъ многочисленныя связи во всѣхъ слояхъ общества, гдѣ въ немъ видѣли почти поляка и патриота, Уайтъ явился самымъ ревностнымъ собирателемъ подходящихъ для англійскаго правительства свѣдѣній, и былъ съ самой выгодной для него стороны замѣченъ своимъ начальствомъ. Отсюда и пошла его извѣстность, доставившая ему впоследствии назначеніе на выдающійся постъ англійскаго посла въ Константинополь. Въ русскомъ обществѣ Варшавы его совсѣмъ не было видно. Уайтъ превосходно говорилъ по-польски и совершенно прилично объяснялся по-русски. Въ Варшавѣ онъ былъ холостымъ и женился въ Данцигѣ на дочери мѣстнаго промышленника, нѣмца или поляка—не знаю.

Въ 1864 г., когда Уайтъ, въ ожиданіи Мансфильда, управлялъ генеральнымъ консульствомъ, ему пришлось играть щекотливую для него роль въ одномъ выдающемся эпизодѣ, о которомъ я сейчасъ и расскажу.

II.

Вечеромъ, во вторникъ, 28-го мая 1863 г., къ тогдашнему помощнику намѣстника и главнокомандующаго графу Бергу явился варшавскій окружной интендантъ генераль Хоментовскій и доложилъ, что казначей, посланный имъ въ главное казначейство, за полученіемъ денегъ, вернулся съ пустыми руками, потому что казначейство оказалось разграбленнымъ на громадную сумму, въ нѣсколько милліоновъ рублей. Бывшій при этомъ докладѣ капитанъ Мих. Ник. Анненковъ тотчасъ былъ посланъ графомъ Бергомъ къ великому князю намѣстнику Константину Николаевичу съ докладомъ о новой продѣлѣ жонда народоваго.

На слѣдующее утро стоило только сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ, чтобы убѣдиться, что вся Варшава знала уже о случившемся. Все было весело, ликовало и съ мальчишескимъ задоромъ посматривало на насъ, военныхъ, своими мундирами явно выдававшихъ свою принадлежность къ московскому наѣзду.

Я былъ съ ранняго утра въ приѣмной намѣстника и видѣлъ, какъ сѣзжались въ замокъ главнѣйшіе представители мѣстной гражданской администраціи: маркизъ Велепольскій, статсъ-секретарь Энохъ, главный директоръ финансовъ Багневскій.... Всѣ впечатлѣнія этого дня подробно были мною тогда-же записаны, а потомъ я записалъ послѣдовательно и всѣ обстоятельства дѣла о покражѣ милліоновъ, въ точности мнѣ извѣстнаго, потому что приказомъ намѣстника отъ

12-го іюня 1863 г., я былъ назначенъ однимъ изъ четырехъ членовъ (д. с. с. Пономаревъ и Чистилинъ, полковники Анучинъ и Тухолка) особаго военного суда, учрежденнаго, подъ предсѣдательствомъ свиты его величества генераль-маіора Краснокутскаго, для рассмотрѣнія дѣла и сужденія виновныхъ. Когда нибудь замѣтки эти появятся въ печати, теперъ-же скажу о покражѣ миллионвъ самое главное, необходимое для уясненія дальнѣйшаго разсказа.

Непосредственными исполнителями самой покражи были: главный кассиръ Станиславъ Яновскій, начальникъ бухгалтеріи Станиславъ Гебда и трое возныхъ (присяжныхъ) казначейства: Бѣлинскій, Тышковскій и Колтуновскій. Изъ этихъ лицъ, ко дню открытія покражи, первые четверо бѣжали, а послѣдній лишилъ себя жизни. Затѣмъ, виновными въ упущеніяхъ по службѣ и единственно представшими на судъ были: членъ комиссіи финансовъ д. с. с. Янишовскій, помощникъ главнаго кассира Оржелъ (Орель) и кассиры Расинскій и Шимборскій.

Разслѣдованіе порядковъ, существовавшихъ въ главномъ казначействѣ, показало, что Яновскій и Гебда имѣли полную возможность, обратившюся на практикѣ въ неизмѣнное право, ходить въ главную кладовую когда имъ было угодно и производить тамъ вклады или выемки суммъ. Названные выше возные состояли при Яновскомъ, и именно имъ всегда поручалось вносить въ кладовую и выносить изъ нея и изъ самаго казначейства значительныя суммы денегъ, какъ въ монетѣ, такъ и въ бумагахъ. Поэтому, вышеназванные пятеро чиновниковъ, при взаимномъ между собою согласіи, могли, не возбуждая ни въ комъ никакого сомнѣнія, вынести изъ скарбца все, что имъ было угодно. А такъ какъ они всѣ пятеро исчезли, то этимъ и доказывалось, что покража денегъ совершена была при ихъ содѣйствіи.

Вопросъ о томъ, участвовалъ-ли въ этомъ „жондъ народовой“ вскорѣ разъяснился въ утвердительномъ смыслѣ. Двумя печатными плакатами, появившимися въ Варшавѣ 3-го (15) и 10-го (22) іюня, жондъ объявилъ: первымъ, что чиновники Станиславъ Яновскій и Станиславъ Гебда, передавъ изъ главнаго казначейства въ кассу жонда 24.012.992 злотыхъ 20 грошей (т. е. 3.601.948 р. 90 к.), „оказали большую услугу краю и, по повелѣнію жонда, отправлены за-границу съ особымъ порученіемъ“, а вторымъ, что большую-же услугу оказали краю и возные Бѣлинскій, Тышковскій и Колтуновскій, помогая дѣланіямъ казначея и бухгалтера.

Въ промежуткѣ между выпускомъ этихъ плакатовъ, 4-го (16) іюня бѣжавшій бухгалтеръ Гебда написалъ изъ Любека къ маркизу Веле-

польскому письмо, въ которомъ, заявляя о своихъ дѣйствіяхъ по „спасенію остатковъ народныхъ капиталовъ отъ незаконнаго грабежа московскаго правительства“, говорилъ, что на поступокъ этотъ онъ рѣшился съ цѣлью искупить свое продолжительное, болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее, незаконное участіе въ финансовыхъ операціяхъ правительства.

Слѣдуетъ еще сказать, что: 1) 17-го (29) мая 1863 г., за нѣсколько дней до покражи, произведена была внезапная ревизія главнаго казначейства и всѣ суммы (свыше 9 милл. руб.) найдены были на лицо полностью; 2) въ послѣдній разъ въ кассу ходили 25-го мая въ субботу, а затѣмъ до новаго ея открытія 28-го мая, во вторникъ, она была заперта, и 3) что Яновскій и Гебда выѣхали изъ Варшавы съ законными паспортами.

Вся совокупность этихъ фактовъ показываетъ, что Яновскій и Гебда, заручившись свидѣтельствомъ внезапной ревизіи о неприкосновенной цѣлости состоявшихъ подъ ихъ охраненіемъ капиталовъ и запасшись паспортами, совершенно свободно передали агентамъ жонда значительную часть бывшихъ въ главномъ казначействѣ суммъ, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія. Впрочемъ, можетъ быть, что въ моментъ передачи денегъ, въ казначейство явились вооруженные агенты жонда и угрозою стрѣлять изъ револьверовъ удержали въ страхъ присутствующихъ, заставя ихъ видѣть въ дѣйствіяхъ казначея, бухгалтера и возныхъ пассивное исполненіе приказанія жонда.

За побѣгомъ четырехъ дѣйствовавшихъ лицъ и смертью пятого, военному суду были преданы: членъ комиссіи финансовъ Янишовскій и трое изъ второстепенныхъ казначейскихъ чиновниковъ.

Янишовскій былъ обвиняемъ въ томъ, что, имѣя ключъ отъ скарбца (главная кладовая), никогда не присутствовалъ при открытіи и закрытіи кладовой, а по установившемуся съ давнихъ поръ обычаю, передавалъ свой ключъ главному бухгалтеру. Это повторилось и въ роковой день покражи милліоновъ. Янишовскому было 71 г. Онъ жилъ исключительно замкнутою жизнью чиновника и былъ, между прочимъ, извѣстенъ тѣмъ, что въ 1830 году одинъ изъ всего состава финансоваго вѣдомства не присягнулъ на вѣрность тогдашнему народному правительству.

По точнымъ расчетамъ повѣрившихъ деньги и счета казначейства, изъ него Яновскимъ и Гебдою украдено было:

золотомъ	54.075 р. — к.
русскими кредитными билетами	328.000 „ — „
польскими „ „	171.000 „ — „

заставными листами земскаго кредитнаго обще-	
ства	3.027.945 р. — к.
купонами къ этимъ листамъ	673.242 „ 90 „
	<hr/>
Всего	4.254.262 р. 90 к.

Изъ всей этой массы украденныхъ цѣнностей въ ходъ немедленно могли быть пущены: золото, кредитные билеты и 61.203 р. 90 к. купоновъ за первое полугодіе 1863 г., выходящихъ 22-го іюня и уже обращающихся въ публикѣ. Всего имѣвшаго курсъ было на сумму 614,278 р. 90 к. ¹⁾

Заставные листы земскаго кредитнаго общества пользовались отличнымъ курсомъ, охотно принимались на главнѣйшихъ европейскихъ биржахъ и могли быть легко реализованы въ томъ случаѣ, если-бы было унуждено время на повсемѣстное оповѣщеніе объ ихъ пропажѣ. Что касается до купоновъ за послѣдующее время, то было весьма серьезное опасеніе, что они, по мѣрѣ ихъ выхода (по 120.408 руб. въ годъ), будутъ свободно обращаться въ публикѣ и сдѣлають не мало жертвъ по невозможности для частнаго лица, при каждомъ пріемѣ купона, справляться съ таблицей. Въ теченіе пяти лѣтъ, на которые имѣлись при заставныхъ листахъ купоны, такихъ потерь публики можно было ожидать на сумму 612.040 р.

Бухгалтеръ Гебда, передавъ деньги жонду, захватилъ съ собою за-границу подлинныя списки хранившихся въ главномъ казначействѣ закладныхъ листахъ. Поэтому немедленное онубликованіе номеровъ украденныхъ листовъ было крайне затруднительно. Тѣмъ не менѣе, наше финансовое вѣдомство, при содѣйствіи министерства иностранныхъ дѣлъ, успѣло всюду за-границей сообщить о свершившейся кражѣ и получило отъ главнѣйшихъ банкировъ заявленіе, что они, впредь до появленія таблицы украденныхъ листахъ, воздержатся отъ сдѣлокъ съ закладными листами и тѣмъ не дадутъ злоумышленникамъ способа къ немедленной ихъ продажѣ. Отданный подъ судъ дѣйств. статскій совѣтникъ Яниповскій съумѣлъ, однако, отыскать черновыя таблицы и изъ нихъ составилъ полный списокъ, который былъ напечатанъ и опубликованъ. Предупреждая

¹⁾ Какъ ни ловко была обставлена эта передача денегъ, видно, что дѣйствовавшія лица не были спокойны; въ скарбцѣ остались не замѣченными или забытыми: 15 мѣшковъ съ тысячею полунимперіаловъ въ каждомъ; 4 свертка съ 400 полунимп. и 1 свертокъ, въ которомъ было 17 полунимп. Всего послѣ кражи, въ скарбцѣ оставалось золота 15.417 полунимп., не говоря о 4-хъ милл. заставными листами. Д. А.

размѣнѣ самихъ заставныхъ листовъ за-границею, не подозрѣвали, что злоумышленникамъ удастся новая дерзкая шутка съ купонами и притомъ въ самой Варшавѣ. Въ сентябрѣ того-же 1863 года, въ главное кредитное общество явился нѣкій Моргенбессеръ и предъявлялъ къ размѣну массу купоновъ на 40 тысячъ рублей. Чиновники, разумѣется, сразу замѣтили, что предъявленные купоны отъ краденныхъ билетовъ, но... деньги по нимъ выдали, а о Моргенбессерѣ сообщили полициѣ въ то время, когда уже и слѣдъ его простылъ. Предсѣдатель кредитнаго общества, Кретковскій, былъ за это уволенъ отъ должности, а со всего состава главной дирекціи взыскана выданная за купоны сумма. Наконецъ, 31-го марта 1864 года послѣдовалъ высочайшій указъ о выпускѣ дубликатовъ вмѣсто украденныхъ заставныхъ листовъ и, такимъ образомъ, какъ казалось, съ этимъ дѣломъ навсегда было покончено.

Между тѣмъ, украденные заставные листы находились за-границею, и агенты жонда принимали различныя мѣры къ ихъ помѣщенію. Перевозились эти листы изъ одного государства въ другое; предъявлялись различнымъ банкирамъ, но никто изъ нихъ не соглашался купить листы. Наконецъ, дошли они до Лондона. Здѣсь пошли съ ними тѣ-же розыски добродушнаго банкира, котораго удалось - бы обмануть или который - бы охотно купилъ ихъ, какъ завѣдомо краденные, въ расчетѣ на спекуляцію. Надо полагать, что лица, въ рукахъ коихъ находились заставные листы, были мало знакомы съ мѣстными обстоятельствами, потому что въ одинъ прекрасный день они предъявили эти листы банкиру, состоявшему постояннымъ и долготѣннымъ комиссіонеромъ нашего генеральнаго консула въ Лондонѣ. Банкиръ просилъ оставить листы въ его конторѣ и далъ знать консулу. Консуломъ въ Лондонѣ былъ тогда камергеръ Бергъ, родной братъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. Немедленно полетѣла изъ Лондона телеграмма въ Варшаву, сообщавшая о задержкѣ листовъ и просившая скорѣйшаго отвѣта, что дѣлать, такъ какъ банкиръ, задержавшій листы, обязанъ былъ въ 24 или 48 часовъ времени возвратить ихъ предъявителю или представить суду.

Изъ Варшавы немедленно отвѣтили, что слѣдуетъ начать судебное дѣло и что всѣ необходимыя свѣдѣнія для разъясненія обстоятельствъ покражи заставныхъ листовъ будутъ присланы вслѣдъ за симъ. Банкиръ передалъ листы судебнымъ властямъ въ Лондонѣ, противная сторона принесла жалобу тѣмъ-же властямъ на захватъ листовъ банкиромъ, и дѣло началось. Наше генеральное

консульство приняло въ немъ дѣятельное участіе и пригласило для защиты одного изъ извѣстныхъ мѣстныхъ адвокатовъ.

Въ это время, когда въ Лондонѣ совершенно неожиданно началось дѣло о выкраденныхъ заставныхъ листахъ и сами они, въ полной почти суммѣ, находились въ рукахъ англійскихъ судебныхъ властей, въ Варшавѣ слѣдственные комиссіи давно уже знали всѣ обстоятельства ихъ покражи изъ главнаго казначейства. Въ декабрь 1864 г. въ Варшавѣ былъ задержанъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго мятежа бывший студентъ (не окончилъ курса) петербургскаго университета Александръ Вашковскій. Послѣ арестованія Траугута и бѣгства Бржезинскаго, бывшихъ послѣдними начальниками жонда, вся власть революціонной партіи сосредоточилась въ городскомъ совѣтѣ или, лучше сказать, въ лицѣ его предсѣдателя Александра Вашковскаго, безумной энергіи котораго удалось продлить дни издыхавшей революціи.

Это былъ очень красивый юноша, энергическаго характера, съ крайне развитымъ тщеславіемъ и самообольщеніемъ. Гордясь тѣмъ, что онъ, какъ и было доказано слѣдствіемъ, лично не участвовалъ ни въ одномъ убійствѣ, Вашковскій съ юношескимъ задоромъ говорилъ о своихъ подвигахъ и, видимо, наслаждался своими разсказами.

Когда слѣдствіе надъ нимъ было окончено, и онъ былъ освобожденъ отъ дальнѣйшихъ допросовъ, Вашковскій, по примѣру огромнаго большинства лицъ, принадлежавшихъ къ революціонной организаціи, не исключая и самыхъ выдающихся членовъ, такъ называемаго „жонда народоваго“, сидя въ одиночествѣ, почувствовалъ стремленіе къ разнымъ раскрытіямъ и сперва словесно, а потомъ и письменно изложилъ извѣстныя ему и давно уже разслѣдованныя подробности о началѣ и развитіи безпокойствъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ это время, совершенно случайно, изъ показаній другихъ лицъ, открылось, что Вашковскій былъ самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ покражѣ денегъ изъ Главнаго Казначейства. На сдѣланный ему вопросъ по этому поводу, онъ далъ самыя подробныя показанія. Изъ его провѣреннаго разсказа оказалось, что эта покража была задумана и исполнена исключительно имъ самимъ, не только не по приказанію жонда, но даже противъ его желанія. Видя смуты въ составѣ жонда и бездѣйствіе революціонныхъ властей, Вашковскій, на свой страхъ, задумалъ разграбленіе главнаго казначейства и, найдя полное содѣйствіе со стороны чиновниковъ Яновскаго и Гебды, дѣйствительно ограбилъ кассу. Захваченныя имъ деньги нѣсколько дней никто изъ членовъ жонда не

хотѣлъ принимать, и Вашковскій хранилъ ихъ у себя. Наконецъ, деньги переданы были жонду, который, черезъ недѣлю послѣ покражи, объявилъ печатными плакатами благодарность чиновникамъ, совершившимъ кражу.

Всѣ выясненныя по этому данныя были сообщены въ Лондонъ и переданы суду. Въ судѣ одна сторона доказывала, что край находится въ возстаніи, повинуется своему революціонному правительству и что никакой покражи въ главномъ казначействѣ не было, а совершена только, по приказанію временнаго правительства, передача денегъ изъ одной кассы въ другую. Нашъ адвокатъ утверждалъ противное, отрицалъ существованіе какого-либо другаго правительства, кромѣ нашего, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ, что самая покража была даже не дѣломъ, такъ называемаго, жонда, а преступленіемъ одного лица, дѣйствовавшаго по собственной своей инициативѣ.

При рѣшеніи дѣла весьма важное значеніе могло имѣть показаніе самого Вашковскаго. Очевидно, что если-бы онъ показалъ, что совершилъ покражу денегъ изъ главнаго казначейства по собственному почину, то дѣло это и въ предупреденномъ англійскомъ судѣ приняло-бы простой уголовный характеръ. Судъ потребовалъ показанія Вашковскаго. Для этого надлежало снова допросить его, причемъ данное имъ показаніе могло имѣть для суда значеніе только тогда, когда оно было-бы дано въ присутствіи англійскаго консула.

Такимъ образомъ, явилась необходимость допроса Ляндовскаго въ Варшавѣ, въ присутствіи англійскаго консула, для чего, за неприбытіемъ еще вновь назначеннаго Мансфильда, былъ уполномоченъ Вильямъ Уайтъ.

III.

Допросъ Вашковскаго долженъ былъ произойти въ слѣдственной комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ полковника Тухолки. Кромѣ обычнаго состава комиссіи, на допросъ назначены были присутствовать еще два лица: я, для подробнаго сообщенія графу Бергу всего того, что произойдетъ на засѣданіи, и директоръ дипломатической канцеляріи намѣстника, гр. В. Д. Остенъ-Сакенъ, для приданія дѣлу полной официальнойности. Онъ-же долженъ былъ привести съ собою и Уайта.

Вся суть дѣла заключалась въ томъ, чтобы Вашковскій повторилъ при Уайтѣ то свое показаніе, какое было дано имъ раньше.

Можно было опасаться, что, узнавъ о производящемся въ лондонскомъ судѣ дѣлѣ, онъ откажется отъ своего первоначальнаго показанія. Очевидно, что предупредить это не было никакой возможности. Вообще, рѣшено было предоставить дѣлу вполне правильное теченіе и до послѣдней минуты, т. е. до вызова Вашковскаго въ слѣдственную комиссію въ присутствіи Уайта, ничего ему не говорить и ни о чемъ его не предупреждать.

Довольно рано утромъ, въ назначенный для допроса день, я былъ уже въ большой варшавской слѣдственной тюрьмѣ на Павеи улицѣ, известной въ городѣ подъ названіемъ „Павяка“. Вскорѣ пріѣхалъ туда и графъ Остенъ-Сакенъ съ Уайтомъ.

Англичанинъ, какъ мнѣ потомъ передавалъ Остенъ-Сакенъ, ѣхалъ съ нескрываемою надеждою „наконецъ-то проникнуть въ тайны обращенія нашихъ властей съ политическими арестантами“; былъ очень оживленъ и не скрывалъ, что весьма доволенъ выпавшимъ на его долю случаемъ нобывать въ столь страшномъ „Павякѣ“.

Зала засѣданій комиссіи была очень обширна, оконъ въ пять на улицу. Третья ея часть по длинѣ была отдѣлена низенькою полированной рѣшеткою, за которою стоялъ столъ, окруженный креслами для членовъ комиссіи. Посрединѣ рѣшетки были дверцы, передъ которыми, лицомъ къ судейскому столу, стоялъ пуитръ для адвоката, скамья для привлеченныхъ къ слѣдствію и столъ для секретарей. Затѣмъ въ залѣ никакой болѣе мебели не было.

Поздоровавшись съ вошедшими гостями, графомъ Остенъ-Сакеномъ и Уайтомъ, предсѣдатель познакомилъ ихъ съ членами комиссіи, а потомъ кратко объяснилъ цѣль предстоящаго засѣданія и разрѣшилъ Уайту обратиться къ Вашковскому съ заявленіемъ, что онъ, Уайтъ, назначенъ англійскимъ правительствомъ присутствовать при дачѣ Вашковскимъ показанія по производившемуся въ Лондонѣ дѣлу о покражѣ денегъ, совершенной въ 1863 г. изъ варшавскаго главнаго казначейства, съ предупрежденіемъ, что показаніе должно быть совершенно добровольное и непринужденное.

Послѣ этого послали за Вашковскимъ, который, выйдя уже изъ подъ вѣдѣнія слѣдственной комиссіи, состоялъ въ распоряженіи военнаго суда. Уайтъ потомъ рассказывалъ, что, ожидая появленія Вашковскаго, онъ думалъ увидѣть его закованнымъ въ цѣпи, изнуреннымъ и озлобленнымъ. Одинъ наружный видъ Вашковскаго долженъ былъ уже свидѣтельствовать о страданіяхъ, претерпѣваемыхъ арестованными повстанцами.

За стѣною, бывшею слѣва отъ стола, слышались шаги, дверь

въ залу комиссіи растворилась и въ нее вошелъ цвѣтущій здоровьемъ молодой человекъ, прилично одѣтый въ пиджачную пару. Это былъ Александръ Вашковскій.

Не будучи предупрежденъ о томъ, для чего и куда его ведутъ, онъ совершенно неожиданно увидалъ себя передъ слѣдственной комиссіею, съ членами которой не рассчитывалъ уже болѣе встрѣчаться. Удивленіе выразилось на его лицѣ, и онъ не могъ удержаться отъ восклицанія по-польски:

„Ахъ, гг. судьи, какъ я радъ снова васъ увидѣть“.

Стоявшій у самой рѣшетки членъ комиссіи, Гришинъ, подавъ Вашковскому руку. Потомъ подошелъ другой членъ и тоже поздоровался съ нимъ рукопожатіемъ, и, наконецъ, самъ строгій предсѣдатель, Ф. Л. Тухолка также сталъ здороваться съ вошедшимъ. Поочередно раздавались возгласы: „Господинъ судья! Господинъ презесь!“

Я, гр. Остенъ-Сакенъ и Уайтъ стояли нѣсколько поодаль, все это видѣли и слышали. Уайтъ какъ-то торопливо произносилъ: „что это такое? какъ это?“ Я посмотрѣлъ на него—лицо его было самое неопредѣленное, недоумѣвающее.

„Кто это такой?“ спросилъ онъ, наконецъ, Остенъ-Сакена.

— „Развѣ вы не догадываетесь—это Вашковскій“.

„Можетъ-ли быть?“

— „Навѣрное, онъ; вотъ подойдемъ и спросимъ“.

„Вѣдь это Вашковскій?“ спросилъ Остенъ-Сакенъ Тухолку.

— „Онъ самый“.

„Вотъ видите“, обратился Сакенъ къ Уайту.

— „Я рѣшительно ничего не понимаю, отозвался тотъ и, обращаясь къ предсѣдателю, спросилъ: „Позвольте мнѣ сдѣлать Вашковскому нѣсколько частныхъ, къ дѣлу не относящихся, вопросовъ“.

„Сдѣлайте одолженіе“.

— „Вы Вашковскій?“ спросилъ его Уайтъ.

„Вашковскій, а вы англійскій вице-консулъ Уайтъ, неправда-ли? Я васъ давно зналъ въ лицо“.

— „Я дѣйствительно Уайтъ и попрошу васъ отвѣтить на нѣсколько вопросовъ“.

„Отчего-же нѣтъ“.

— „Вы тотъ Вашковскій, который былъ революціоннымъ начальникомъ Варшавы?“

„Да, я былъ начальникомъ города Варшавы и членомъ жонда во время покушенія на жизнь графа Берга. Послѣднее время я одинъ всѣмъ распоряжался.“

— „Теперь вы подѣ военнымъ судомъ и знаете, что васъ ожидаетъ?“

„Конечно, знаю, меня повѣсятъ“.

— „И вы... вы.... Уайтъ судорожно тыкалъ пальцемъ по направленію къ членамъ комиссіи, такъ симпатично съ ними встрѣчаетесь? Вѣдь это они посылаютъ васъ на казнь?“

„Господа судьи всегда были очень добры ко мнѣ; они исполняли свои обязанности; а я поплачусь за свои дѣла. Извѣстно, что всѣхъ членовъ жонда, и при этомъ Вашковскій самодовольно улынулся, приговариваютъ къ смерти“.

— „Я присланъ сюда королевою Викторіею и вы, давая ваши отвѣты...“

„Не довольно-ли, г. Уайтъ, вмѣшался предсѣдатель, это уже не частные вопросы и когда мы приступимъ къ дѣлу, вы будете имѣть время сказать Вашковскому что нужно. Начнемте засѣданіе“.

— „Нѣтъ, это просто невѣроятно, я тутъ ничего не понимаю, говорилъ Уайтъ, направляясь къ своему креслу. У насъ въ Англии немислимы подобныя отношенія между судьями и преступниками“.

Всѣ сѣли вокругъ стола. Вашковскій остался за рѣшеткою.

„Вашковскій, началъ Ф. Л. Тухолка, вы вызваны сюда, чтобы дать показаніе по дѣлу, о покражѣ изъ главнаго казначейства. Готовы вы дать показаніе?“

— „Но я уже все сказалъ объ этомъ моемъ дѣлѣ и даже написалъ“.

„Я помню это, но теперь по судебному дѣлу, производящемуся въ Лондонѣ, необходимо выслушать ваше показаніе, въ присутствіи англійскаго консула, котораго вы здѣсь видите. Такъ готовы дать показаніе?“

— „Совершенно готовъ, панъ презесь, извольте спрашивать“.

„Г. Уайтъ, теперь вы можете обратиться къ подсудимому съ вашимъ заявленіемъ“.

— „Пане Вашковскій, началъ Уайтъ, меня прислала сюда королева Викторія присутствовать при вашемъ показаніи и я предвараю васъ, что показаніе ваше должно быть совершенно добровольное и невынужденное. Вы можете и не отвѣчать, если...“

„Отчего-же мнѣ не отвѣчать, я сказалъ уже господину презусу, что готовъ отвѣчать, и скажу все“.

— „Но вы можете...“ продолжалъ Уайтъ.

„Вы высказали уже все, что слѣдовало, остановилъ его Ф. Л. Тухолка, позвольте теперь говорить Вашковскому. Вашковскій,

разскажите намъ все, что касается до вашего личнаго участія въ дѣлѣ покражи заставныхъ листовъ изъ главнаго казначейства^а.

— „Въ маѣ 1863 года въ народной организаціи были большія несогласія. Жондъ и начальникъ города во многомъ между собою не сходились. Тогда я, будучи полнымъ хозяиномъ города, рѣшился дѣйствовать самъ и забрать деньги изъ главнаго казначейства...“

„Что онъ говоритъ, ворочался Уайтъ на своемъ креслѣ около меня, онъ ничего не понимаетъ...“

— „Жондъ, боясь усиленныхъ преслѣдованій со стороны правительства, не одобрилъ моего намѣренія и не давалъ никакого согласія; я вынужденъ былъ сдѣлать все самъ по личному почину...“

„Господа, сказалъ Ф. Л. Тухолка, я полагаю, что для насъ будетъ гораздо удобнѣе получить отъ Вашковскаго не словесное, а письменное показаніе; онъ хорошо владѣетъ перомъ и мы напишемъ его показаніе. Вамъ не трудно будетъ, Вашковскій, дать письменное показаніе“.

— „Совсѣмъ не трудно и я напишу его охотно“.

„Помилуйте, возразилъ Уайтъ, зачѣмъ ему писать, онъ только задержитъ насъ“.

— „Нѣтъ, не задержу нисколько, я напишу скоро“.

„Но зачѣмъ вамъ писать, настаивалъ Уайтъ, довольно и словеснаго показанія“.

— „Пусть пишетъ, сказалъ Ф. Л. Тухолка, а мы тѣмъ временемъ побесѣдуемъ. Вашковскій, пишите ваше показаніе, да покороче. Гг., объявляю перерывъ засѣданія“.

Вашковскій сѣлъ писать показаніе, а члены комиссіи встали съ своихъ мѣстъ и между ними начались разговоры. Уайтъ казался очень сконфуженнымъ; онъ откровенно говорилъ, что просто не понимаетъ нашего обращенія съ политическими арестантами; что онъ никогда не предполагалъ ничего подобнаго и пораженъ довѣріемъ, съ которымъ Вашковскій обращался къ комиссіи. Уайтъ не находилъ словъ выразить свое изумленіе отъ всего имъ видѣннаго и слышаннаго.

„Нѣтъ, не этого ожидалъ я отъ сегодняшняго допроса“.

Когда Вашковскій кончилъ писать и громко прочелъ намъ свое показаніе, всѣ нашли его удовлетворительнымъ и подписали какъ его, такъ и составленный о всемъ засѣданіи краткій протоколъ.

Уайтъ не хотѣлъ уѣзжать до отпуска Вашковскаго изъ залы и снова былъ свидѣтелемъ радушнаго разставанія членовъ слѣдственной комиссіи съ однимъ изъ своихъ кліентовъ.

Показаніе Вашковскаго дало должное направленіе судебному дѣлу. Судь призналъ уголовный характеръ покражи и украденные заставные листы переданы были русскому посольству и потомъ уничтожены.

Ну, а какимъ образомъ совершена была самая кража денегъ, пожелаютъ узнать читатели?

Вашковскій показалъ, что получивъ отъ возныхъ Бѣлинскаго и Тышковскаго слѣпокъ съ ключа отъ кладовой, онъ сдѣлалъ подходящій ключъ, и въ три дня, 24, 25 и 27 мая, по окончаніи и до начала присутствія, ходилъ въ кладовую и вмѣстѣ съ третьимъ вознымъ, Колтуновскимъ (зарѣзался), выносилъ деньги. У наружныхъ дверей казначейства хотя и стоялъ часовой, но онъ ихъ не останавливалъ. Объяснилъ также Вашковскій, что на дверяхъ не было печати.

За содѣйствіе по этому дѣлу, казначей Яновскій и бухгалтеръ Гебда получили по 3,600 руб. каждый, а возные по 4,500 руб. Разницу въ вознагражденіи означенныхъ лицъ Вашковскій объяснялъ тѣмъ, что первые двое сбѣжали за-границу и впоследствии могли пользоваться помощію народнаго правленія, а возные остались въ краѣ.

Д. Г. Анучинъ.

31-го декабря 1891 года.

С.-Петербургъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ СТОЯНОВСКІЙ,

полувѣковая его государственная дѣятельность

1841—1891 гг.

Великое дѣло судебной реформы (1864 г.) есть такое преобразование, съ которымъ немного можетъ сравниться изъ того, что совершилось прежде, и немного изъ того, что можетъ намъ обѣщать впередъ самый широкій прогрессъ.

М. Н. Батковъ, «Моск. Вѣд.», 17-го апр. 1886г.

Въ минувшемъ, 1891-мъ, году имѣли мѣсто два событія, заставившія съ признательностью вспомнить имя одного изъ наиболее видныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи, нынѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, сенатора Николая Ивановича Стояновскаго. Событія эти были двадцатипятилѣтіе открытія новыхъ судебныхъ учреждений, въ устройствѣ которыхъ Николай Ивановичъ принималъ самое дѣятельное участіе, и пятидесятилѣтіе государственной службы его, исполнившееся 17-го іюня 1891 г.

Не многіе изъ дѣятелей судебной реформы имѣли такую правильную, школьную и всестороннюю практическую подготовку, какъ Н. И. Стояновскій. Въ отличіе отъ двухъ виднѣйшихъ ея дѣятелей С. И. Заруднаго и Н. А. Буцковскаго,

не получившихъ школьнаго юридическаго образованія (первый кончилъ курсъ по математическому факультету, второй въ главномъ инженерномъ училищѣ ¹⁾), Н. И. Стояновскій—юристъ по воспитанію. Онъ кончилъ курсъ въ 1841 г. въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ черезъ пять лѣтъ онъ уже преподавалъ сперва уголовное, а съ 1851 г. гражданское судопроизводство.

Службу свою Н. И. началъ въ сенатѣ въ 1841 г. и здѣсь онъ приобрѣлъ громадный судебный опытъ, проходя разнообразныя должности до должностей оберъ-секретаря и оберъ-прокурора включительно. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ пионеровъ, призванныхъ, хоть нѣсколько, очистить авгіевы конюшни стараго суда, полнаго „черною неправдою“, т. е., говоря по-просту, переполненнаго невѣжественными взяточниками. Какая *gata avis* былъ въ то время въ составѣ нашихъ судовъ юристъ, получившій высшее юридическое образованіе, можно судить по тому, что даже въ сенатѣ, въ годъ поступленія Н. И. Стояновскаго, было всего только шесть юристовъ. Благодаря своему трудолюбію и юридическимъ познаніямъ, онъ принесъ много пользы въ сенатѣ дѣлу правосудія.

Но съ юцареніемъ Александра II, когда надъ Россіею занялась заря новой освободительной эпохи, для Н. И. открылось обширное, законодательное поприще.

Государственный секретарь В. П. Бутковъ въ то время вербовалъ въ государственную канцелярію талантливыхъ молодыхъ людей, хорошо подготовленныхъ и вполнѣ сочувственно настроенныхъ къ начинавшему либеральному движенію (С. М. Жуковскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, К. И. Домонтовичъ, П. А. Зубовъ, С. И. Зарудный, М. А. Буцковскій, Я. Г. Есиповичъ и др.). Въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, которому и пришлось принять участіе, прежде всего, въ устройствѣ слѣдственной части. Положеніе 8-го іюня 1860 г. о судебныхъ слѣдователяхъ, выдѣлившее слѣдственную часть изъ функций полиціи и тѣмъ положившее первое начало къ отдѣленію власти судебной отъ административной, почти цѣликомъ принадлежитъ перу Н. И. Стояновскаго.

¹⁾ См. статью мою Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ въ „Вѣстн. Европы“ 1889 г., № 12.

Затѣмъ онъ связалъ свое имя съ великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 г. Н. И., помимо участія въ трудахъ государственной канцеляріи, состоялъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой комиссіи, выработавшей проектъ уѣздныхъ крестьянскихъ учреждений. За труды по освобожденію крестьянъ, коего онъ всегда былъ и остается однимъ изъ горячихъ поборниковъ, Н. И. получилъ золотую медаль. Будучи убѣжденнымъ участникомъ всѣхъ вообще реформъ прошлаго царствованія, Н. И. Стояновскій словомъ и дѣломъ ратовалъ за нихъ во все время своей государственной и общественной дѣятельности. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести мѣсто изъ рѣчи его, произнесенной 3-го февраля 1880 г. въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ обществѣ.

„Для устраненія препятствій и успѣшнаго продолженія преобразованій, безъ уклоненій отъ прямаго, указаннаго преобразователемъ пути, необходимо, сказалъ онъ, отъ времени до времени оглядываться назадъ и переноситься мыслью къ тому, что было до вступленія на этотъ путь“. Затѣмъ Н. И. продолжалъ: „двадцать - пять лѣтъ—короткій періодъ въ жизни народа, но какъ измѣнилась эта жизнь въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Въ доказательство, продолжалъ онъ, приведу, изъ недалекаго прошлаго, нѣсколько примѣровъ, имѣющихъ связь съ освобожденіемъ крестьянъ. Обращаюсь для этого, преимущественно, къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ, въ томъ убѣжденіи, что для правильной оцѣнки совершающихся реформъ существенно важно не только то, что было написано въ законахъ или въ официальныхъ бумагахъ, но и то, что происходило въ дѣйствительности, но, вслѣдствіе полного отсутствія гласности, было извѣстно не многимъ.

„19-го февраля 1861 года, 19 лѣтъ тому назадъ, оправдалось пророческое предсказаніе поэта - наставника, что водарившійся въ 1855 году государь, „и на чредѣ высокой не забудетъ святѣйшаго изъ званій—человѣкъ“. Слѣдуя своей мысли, что „лучше, чтобъ преобразованія совершались сверху, чѣмъ снизу“, Царь-Освободитель сдѣлалъ полноправными, надѣленными землею, людьми болѣе двадцати - пяти милліоновъ душъ земледѣльцевъ. „Своевременно-ли?“ спрашивали тогда нѣкоторые. Вопросъ этотъ былъ предметомъ жаркихъ споровъ. Не стану его разсматривать

подробно—онъ уже сдѣлался достояніемъ исторіи—укажу только на одинъ примѣръ того, что дѣлалось „внизу“.

„Въ 1841 году, въ уголовныхъ департаментахъ правительствующаго сената были собираемы свѣдѣнія о дѣлахъ по обвиненію крестьянъ въ убійствѣ ихъ помѣщиковъ, и оказалось, что въ одной изъ западныхъ губерній, дѣла которой производились въ моемъ столѣ, въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ, было одиннадцать убійствъ.

„Положеніе 19 февраля прекратило этотъ ужасный самосудъ крестьянъ надъ ихъ судьями-помѣщиками, уничтоживъ поводы къ нему, т. е. тѣ безобразныя явленія, которыя на официальномъ языкѣ назывались жестокимъ обращеніемъ“¹⁾.

II.

Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ и подъ его непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ²⁾ начались или, лучше сказать, возобновились работы по судебной реформѣ. Будучи превосходно знакомъ съ безобразнымъ состояніемъ нашихъ старыхъ судовъ, Н. И. Стояновскій всегда считалъ необходимымъ ихъ коренное преобразование. Вспоминая впоследствии дореформенный судъ, Н. И., въ вышеупомянутой рѣчи, характеризовалъ его слѣдующими неприглядными чертами. „Для двадцати-пяти милліоновъ крестьянъ, говорилъ онъ, почти единственными судьями были помѣщики; они имѣли право налагать всѣ виды наказаній, кромѣ отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ (до 1846 года) или плетью установленнаго образца (послѣ 1846 года).

„Общіе суды, по закону, считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотные, и возлагалъ на секретаря отвѣтственность за правильное изложеніе даннаго такими судьями, по доложеннымъ имъ дѣламъ, рѣшенія, но въ дѣйствительности дѣла почти никогда не докладывались не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ, гдѣ также

¹⁾ См. Журн. Гражд. и Уголовн. Права, изд. 1881 г., № 1.

²⁾ См. мой трудъ: „Основы Судебной реформы“. М., изд. 1891 г., гл. вторая.

большая часть членовъ были или неграмотные или малограмотные. Въ судахъ второй степени, гдѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, дѣла обыкновенно рѣшались безъ доклада, однимъ товарищемъ предсѣдателя, единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства, — и въ послѣднее до реформы время, юристомъ, — всѣ прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное рѣшеніе участи подсудимаго, котораго ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ. Не смотря на такой составъ суда и на такой порядокъ постановленія приговора, законъ (до 1846 года), предоставляя суду рѣшать вопросы о виновности и о наказаніи обвиненныхъ, не опредѣлялъ ни высшаго предѣла числа лѣтъ каторжной работы и другихъ вышнихъ наказаній, ни числа ударовъ кнутомъ или плетью, почему и случалось, что въ двухъ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершенно тождественныхъ, однимъ приговоромъ назначалось пять ударовъ, а другимъ — шестьдесятъ ударовъ кнутомъ. До изданія въ 1833 году свода законовъ случалось, что въ основаніе приговора приводились такіе указы и высочайшія повелѣнія, которыхъ никогда не существовало. Естественно, что при заочномъ судѣ самымъ надежнымъ доказательствомъ считалось собственное признаніе подсудимаго, не смотря на то, что требовавшаяся дѣйствовавшими тогда законами повѣрка „совершенно-ли оно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ и показаны-ли притомъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно“ — была почти невозможна, такъ какъ весьма трудно было знать, насколько протоколы, составленные производившими слѣдствіе становыми приставами, а чаще всего ихъ письмоводителями, согласны съ дѣйствительностью.

„Къ 1855 году составъ судовъ значительно улучшился, но производители слѣдствія остались тѣ-же; въ этомъ году, въ 6-мъ департаментѣ сената, гдѣ я былъ тогда оберъ-прокуроромъ, производилось, по высочайшему повелѣнію, слѣдствіе о виновныхъ въ составленіи на трехъ страницахъ протокола о собственномъ сознаніи государственнаго крестьянина въ убійствѣ жены, которая, черезъ годъ послѣ наказанія подсудимаго плетями и ссылки его въ каторжныя работы, оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ. Протоколъ этотъ былъ подписанъ чернилами разныхъ цвѣтовъ: семью должност-

ными лицами, составлявшими временное отдѣленіе земскаго суда, въ томъ числѣ исправникомъ, становымъ приставомъ, уѣзднымъ стряпчимъ, депутатомъ со стороны государственныхъ имуществъ и священникомъ, увѣщавшимъ подсудимаго. Оказалось, что протоколъ написанъ письмоводителемъ становаго пристава и ложенъ отъ перваго слова до послѣдняго¹⁾.

Таковъ былъ нашъ, не доброй памяти, старый судъ. Какъ только стало возможнымъ уничтожить его, всѣ просвѣщенные люди принялись горячо за это дѣло. Въ этомъ отношеніи 1862 г. составляетъ поворотный пунктъ. Въ январѣ состоялось высочайшее повелѣніе о составленіи „основныхъ положеній“ преобразованія судебной части. Государственная канцелярія горячо принялась за дѣло и дала ему прочную постановку. Такъ какъ, согласно высочайшему повелѣнію, при составленіи основныхъ положеній разрѣшено было пользоваться не только проектами гр. Блудова, во многомъ недостаточными, а также началами, несомнѣнное достоинство коихъ признано наукою европейскихъ государствъ²⁾, то явилась возможность создать то цѣльное, стройное, разумное и согласованное во всѣхъ частяхъ судебное законодательство, о которомъ въ одномъ официальномъ актѣ не давно справедливо говорилось, что оно „составляетъ гордость нашу и славу минувшаго царствованія“. Для усиленія государственной канцелярія были, по высочайшему повелѣнію, прикомандированы извѣстнѣйшіе юристы и въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, принимавшій самое дѣятельное участіе какъ въ составленіи „главныхъ основаній“, такъ и въ подробныхъ и краснорѣчиво мотивированныхъ соображеніяхъ государственной канцелярія. Какъ извѣстно, судъ присяжныхъ, точное установленіе судебной несмѣняемости и другія основы новаго суда были впервые или высказаны или точно формулированы въ этихъ „главныхъ основаніяхъ“ преобразованія судебной части въ Россіи, кои были составлены государственною канцеляріею и высочайше утверждены 29-го сентября 1862 г.

Съ конца 1862 г. Н. И. Стояновскій изъ статсъ-секретарей государственнаго совѣта назначается товарищемъ министра

¹⁾ См. „Основы судебной реформы“. М. 1891 г.

²⁾ См. три части XVIII-го тома. Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи.

юстиціи, каковую должность въ то время занималъ Д. Н. Замятинъ. Хотя этотъ послѣдній былъ, по своимъ убѣжденіямъ, вполне преданъ дѣлу судебной реформы, но настоящею душею министерства сдѣлался Н. И. Стояновскій. Къ чести Замятина должно сказать, что онъ не только не мѣшалъ, но и самъ выдвигалъ впередъ своего товарища, талантливая и энергическая дѣятельность коего оставляла его самого нѣсколько въ тѣни. Н. И. Стояновскій при Д. Н. Замятинѣ игралъ такую-же роль, какую Н. А. Милютинъ при С. С. Ланскомъ во время составленія Положеній 19-го февраля о крестьянахъ.

Когда составлены были проекты судебныхъ уставовъ при министерствѣ юстиціи, была образована спеціальная комиссія для подробнаго разбора проектовъ. Редактированіе замѣчаній министерства было возложено на Н. И. Стояновскаго.

Чтобы дать понятіе о количествѣ понесенныхъ имъ, въ этой стадіи судебной реформы, трудовъ, достаточно сказать, что отъ министерства юстиціи было сдѣлано до 1,100 замѣчаній по существу, а именно: до 600 на статьи уст. гражд. суд., до 300 уголовного, до 80 на статьи проекта о проступ., подвѣдомств. мир. суд., и до 120 на статьи проекта устава гражд. суд. мѣст¹⁾). А объ обстоятельствахъ этихъ замѣчаній можно судить по тому, что одни только замѣчанія на уст. гражд. суд. занимаютъ почти 300 страницъ in-folio ²⁾). По поводу этихъ интересныхъ замѣчаній мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ ³⁾, здѣсь отмѣтимъ только, что, благодаря имъ, были внесены значительныя улучшенія въ текстъ судебныхъ уставовъ, въ особенности въ постановленіяхъ объ организаціи прокурорскаго надзора.

Но и сказаннымъ не исчерпывается участіе Н. И. Стояновскаго въ подготовкѣ судебныхъ уставовъ. Въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, на него возложена была обязанность присутствовать при разсмотрѣніи проектовъ судебныхъ уставовъ въ государственномъ совѣтѣ, съ правомъ голоса и давать словесныя объясненія въ развитіе мыслей, высказанныхъ въ министерскихъ замѣчаніяхъ.

¹⁾ См. Журналъ Министерства Юстиціи, 1866 г., № 4, стр. 31.

²⁾ См. т. LX. Дѣла о преобраз. суд. части Зам. министер. юстиціи, составл. Н. И. Стояновскимъ.

³⁾ См. мою книгу: „Страница изъ исторіи судебной реформы (Д. Н. Замятинъ). М. 1883 г., стр. 32—67.

III.

Съ утвержденіемъ судебныхъ уставовъ далеко еще не были окончены работы по судебной реформѣ. Предстояли еще обширныя, частью законодательныя, частью распорядительныя, работы по введенію въ дѣйствіе уставовъ. Особенно горячія¹, пререванія вызвалъ вопросъ о порядкѣ введенія ихъ въ дѣйствіе. Одно мнѣніе, поддерживаемое самими горячими поборниками судебной реформы: С. И. Заруднымъ, Н. А. Будицкимъ и О. И. Квистомъ (въ шутку противники ихъ называли русскою тройкою: „авось, небось и какъ-нибудь“), стояло за одновременное повсемѣстное введеніе новаго суда съ тѣмъ, чтобы составъ его пополнялся постепенно. Главнымъ мотивомъ, хотя и неудобнымъ для официальной аргументаціи, а потому въ ней не упоминаемой, было желаніе однимъ разомъ и безповоротнo покончить съ дѣломъ открытія новаго суда, которое, такъ или иначе, могло растянуться на много лѣтъ, благодаря обычному у насъ охлажденію, быстро наступающему въ видѣ реакціи, послѣ кратковременнаго духовнаго подъема. Обстоятельства послѣдующаго времени показали, что опасеніе это было основательно: вмѣсто предполагаемыхъ четырехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ рѣшено было закономъ 19-го октября 1865 г. ввести новый судъ въ Европейской Россіи, онъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ (черезъ 25 лѣтъ) не вездѣ въ ней введенъ!...

Но министерство юстиціи, на которое всецѣло падала прямая отвѣтственность и вся обширная практическая сторона введенія новаго суда, признавало такой планъ не осуществимымъ, по недостатку моральныхъ и матеріальныхъ средствъ, и стояло вмѣстѣ съ Н. И. Стояновскимъ за открытіе на первое время только двухъ судебныхъ округовъ (С.-Петербургскаго и Московскаго) и за постепенное открытіе впоследствии другихъ округовъ. Это мнѣніе одержало верхъ и получило высочайшее утвержденіе 19 октября 1865 г.

¹) Въ дѣлѣ о преобразованіи судебной части. Работы по введенію въ дѣйствіе суд. уст. занимаютъ 7 томовъ (LXIII—LXIX).

Послѣ этого, подѣ главнымъ руководствомъ Н. И. Стояновскаго, въ министерствѣ юстиціи началась кипучая, сложная и разносторонняя работа, по составленію правилъ о скорѣйшей ликвидаціи старыхъ судебныхъ учреждений, объ окончаніи или переносѣ старыхъ дѣлъ въ новые суды, а также о введеніи гласности и въ некоторыхъ началъ новаго суда въ старыя судебныя учрежденія (законъ 11 октября 1865 г.). Кромѣ того, предстояло озаботиться приспособленіемъ зданій для новыхъ судебныхъ установленій при новой обстановкѣ гласнаго судопроизводства. Наконецъ, слѣдовало принять самыя энергичныя мѣры къ привлеченію на новыя судебныя должности достойнаго персонала. И тутъ Н. И. Стояновскій, благодаря своему обширному знакомству съ судебнымъ вѣдомствомъ, сослужилъ новому суду великую службу, привлекая въ его ряды дѣятелей, которые доселѣ составляютъ гордость новаго суда и его лучшіе образцы. Они создали добрыя традиціи новаго суда, которыя и доселѣ поддерживаютъ въ немъ его основной духъ и энергію, не смотря на окружающія неблагоприятныя обстоятельства.

Весною 1866 г. открыты были новые суды, но при не добрыхъ ауспиціяхъ состоялось это торжество. Главное руководство новымъ судомъ отошло отъ людей искренно преданныхъ его основнымъ началамъ. Съ 1867 г. Н. И. Стояновскій покидаетъ постъ товарища министра юстиціи и назначается сенаторомъ уголовного кассационнаго департамента.

Въ этой стадіи своей служебной дѣятельности Н. И. Стояновскій поработалъ также очень много для проведенія въ жизни тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется наше новое судебное законодательство. Равноправность сторонъ, уваженіе въ подсудимомъ его человѣческой личности, непоколебимость судебныхъ рѣшеній, полное устраненіе отъ вмѣшательства въ судебныя дѣла и другіе новые принципы судебной реформы—безпрестанно приходили въ столкновение съ старыми вѣковыми навыками. Нужна была вся твердость первыхъ кассационныхъ сенаторовъ, чтобы удерживать новыя судебныя учрежденія на пути, указанномъ судебными уставами. Духъ ихъ, невидимо витавшій надъ первыми судебными дѣятелями, давалъ имъ вѣрный ключъ къ распознаванію путей правды, каковой ключъ, къ сожалѣнію, въ послѣдствіи

иногда бываетъ утерянъ или испорченъ. Здѣсь не мѣсто исчислять многочисленныя, превосходныя кассационныя рѣшенія, состоявшіяся по докладу и внушенію Н. И. Стояновскаго. Сошлюсь на одно. Въ самомъ началѣ кассационной практики сенату пришлось встрѣтиться съ вопросомъ—можетъ-ли быть обжаловано въ кассационномъ порядкѣ опредѣленіе судебной палаты объ исключеніи изъ сословія присяжнаго повѣреннаго? Сенатъ, по докладу Н. И. Стояновскаго ¹⁾, слѣдуя духу судебныхъ уставовъ, не усомнился предоставить подсудимому эту гарантію, хотя она прямо не установлена закономъ. Но *temperga mutantur* и сенатъ впоследствии, безъ достаточныхъ основаній, измѣнилъ свою практику ²⁾.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Н. И. Стояновскій всегда поддерживалъ тѣсное общеніе съ юридическою наукою и литературою. Онъ давно уже состоитъ почетнымъ членомъ нашего старѣйшаго юридическаго общества Московскаго, и предсѣвателемъ С.-Петербургскаго,—съ самаго его основанія.

Интересны для характеристики недавняго времени обстоятельства, при которыхъ состоялся литературный дебютъ Н. И. Стояновскаго. Въ 1850 г. цензура желала задержать его „Практическое руководство по уголовному судопроизводству“ по мотиву, впервые высказанному за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ калифомъ Омаромъ, сжегшимъ Александрійскую бібліотеку. Въ сочиненіи Н. И. Стояновскаго встрѣчались нѣсколько „собственныхъ“ соображеній автора. Вотъ это именно обстоятельство и послужило причиною задержки пропуска книги! „Все, что нужно знать о законахъ, рассуждалъ цензоръ, помѣщено въ Сводѣ Законовъ, а чего въ немъ нѣтъ, то лишнее и въ опубликованіи его нѣтъ надобности“... Это говорилось въ то время, когда въ основаніи общественной жизни лежало крѣпостное право, въ судахъ господствовало повальное взяточничество; кнутъ и вообще тѣлесное наказаніе господствовали въ уголовномъ правѣ, а во всей

¹⁾ См. сбор. рѣш. угол. касс. депар., 1868 г., № 201.

²⁾ Сенатъ сослался на законъ 25-го мая 1885 г., но, какъ я старался доказать, къ данному вопросу онъ никакого отношенія не имѣетъ. (См. моя: „Вопросы адвокат. дисциплин.“, стр. 22.)

Россіи слышалось, какъ выразился И. С. Аксаковъ, одно только молчаніе и... возгласъ: все обстоитъ благополучно.

Дѣйствительно, свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!..

Григ. Авет. Джаншіевъ.

Москва.

20-го ноября 1891 г.

Русскіе писатели въ картинѣ Чернецова

въ 1832 г.

Въ моей галереѣ, между другими картинами, есть одна, въ которой изображены въ одной группѣ четыре знаменитые отечественные писатели: Жуковский, Крыловъ, Гнѣдичъ и Пушкинъ; эта весьма интересная картина писана съ натуры въ 1832 г. Григоріемъ Чернецовымъ. Съ этой-то картины исполненъ, по заказу редакціи „Русской Старины“, фотографическій снимокъ фирмою Шереръ-Набгольцъ въ Москвѣ; снимокъ приложенъ къ настоящей книгѣ „Русской Старины“.

Портреты эти сдѣланы съ натуры для помѣщенія въ картинѣ (кажется „Военный парадъ на Марсовомъ полѣ“), заказанной художнику императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1832 году. Я приобрѣлъ эту замѣчательную картину-портретъ въ 1883 году отъ покойнаго Николая Дмитриевича Быкова.

Пав. Мих. Третьяковъ.

Москва.

Отъ Ред. Приносимъ глубочайшую благодарность искренно уважаемому Павлу Михайловичу Третьякову за любезное разрѣшеніе сдѣлать снимокъ съ помянутой картины Чернецова.

Ред.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ Л. Л. ЛЕОНИДОВА.

Къ портрету-группѣ русскихъ артистовъ

1858 г.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Новые товарищи.—Дебюты И. Ф. Горбунова.—Реформа театра.—Комиссія съ секретаремъ.—Гр. В. А. Саллогубъ.—Старое по старому.—Новые контракты.—Театрально-литературный комитетъ, подъ председательствомъ С. Ф. Жихарева.—Отказъ артистовъ.—Новые директора.—Письмо къ П. И. Григорьеву (отвѣтъ въ стихахъ).—Африканскій трагикъ Айра-Ольдридъжъ.—Шекспировскій праздникъ въ день его бенефиса.—Привѣтъ отъ артистовъ.—Адресъ ему и стихи.—Портретъ-группа артистовъ, безъ участія въ ней В. В. Самойлова.—Воспоминаніе о выбывшихъ актрисахъ.—Павель Степановичъ Федоровъ.—Обличительная публицистика.

1854—1858 гг.

I.

Не съ убѣжденіемъ въ занимательности моихъ очерковъ, но по желанію симпатичныхъ соревнователей къ театральному прошлому, для разъясненія личностей, помѣщенныхъ въ портретъ-группѣ драматическихъ артистовъ ¹⁾, рѣшился я продолжать мои воспоминанія.

Составъ первой фотографической группы, въ которой я принималъ участіе, потребуетъ предварительнаго знакомства съ нѣко-

¹⁾ Воспроизведена въ фототипическомъ снимкѣ съ фотографіи 1858 года г. Денъера и приложена къ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г., томъ LXXIII, январь

Ред.

торами моими новыми товарищами и потому начну съ моего возвращенія на петербургскую сцену.

Я уже передавалъ въ своихъ „Запискахъ“, что назначеніе мое на амплу В. А. Каратыгина смущало меня *) предстоящу перемѣною въ общей обстановкѣ, и я даже предлагалъ вновь появившемуся изъ провинціи трагику К. Н. Полтавцеву (изображенному въ группѣ) воспользоваться свободнымъ амплуа на Александринской сценѣ, гдѣ и состоялся его дебютъ; но мое назначеніе о переводѣ, удостоившись высочайшаго вниманія, все-таки осталось за мною.

Тогда, великимъ постомъ, въ мартѣ 1854 г., пріѣхалъ за мною юный актеръ Степановъ, съ новою ролью для меня изъ народной драмы А. А. Потѣхина: „Судъ людской—не Божій“, за подписью главнаго режиссера А. А. Яблочкина (см. портретъ его въ группѣ), и съ усердною просьбою безотлагательно пожаловать на петербургскую сцену для ожидающихъ меня репетицій.

Петръ Степановичъ Степановъ—мой бывший избранникъ изъ московской гимназической среды, обладая выразительною физиономіею, звучнымъ голосомъ, ясною дивціею и оказавъ свое недюжинное дарованіе, отправился для практики въ Тверь; а оттуда уже съ запасомъ репертуара въ Питеръ, гдѣ вскорѣ и сдѣлался дублеромъ А. М. Максимова, на амплу первыхъ любовниковъ.

Зная мое расположеніе къ его артистической карьерѣ и не забывая оказанныхъ ему услугъ, Степановъ вызвался сюрпризомъ пожаловать за мною въ Бѣлокаменную, чтобы сопровождать меня на Невскій берегъ, отъ имени бывшихъ моихъ товарищей, куда мы и отправились, захвативъ съ собою молодаго артиста Е. И. Климовскаго, для попытки сценическаго счастья при новыхъ заправилахъ.

Дебюты мои, какъ извѣщали тогдашнія рецензіи, безъ сравненія съ бывшимъ любимцемъ, прошли вполне удовлетворительно; но потерявъ свой московскій репертуаръ, а шекспировскій раздѣливъ со старыми актерами,—мнѣ пришлось, сидя у моря, ждать новыхъ ролей, какъ ясной погоды, что при петербургскомъ туманѣ, съ наплывомъ протекціонныхъ тучъ, очень рѣдко появлялось и очень было тогда затруднительно.

*) См. „Воспоминанія Л. Л. Леонидова за полсотню лѣтъ“ 1835—1843 гг. „Русская Старина“, изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 217—219; см. тамъ-же стр. 243—272; изд. 1889 г., т. LXIII, октябрь, стр. 715—717; его портретъ при „Рус. Ст.“ 1888 г., т. LXVIII, апрѣль, стр. 1.

Но не падая духомъ, въ бесѣдахъ съ моими соратниками по сценическому искусству, вмѣстѣ и ранѣе меня прибывшими, — Е. И. Климовскій, пѣвецъ сердца въ пьесахъ Островскаго, М. П. Владиславлевъ (впослѣдствіи первый теноръ Москвы) и Ѳ. А. Бурдинъ, не пожелавшій оставаться въ Москвѣ суфлеромъ, послѣ провинціальныхъ попытокъ, такъ-же съ моего благословенія, пустился пытаться фортуна въ сѣверной Пальмирѣ и оказался избраннымъ въ составѣ группы, — всѣ мы съ пылкою увѣренностью строили замки будущаго.

Въ это же время прибылъ въ Петербургъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, юмористическій рассказчикъ, за годъ передъ тѣмъ выступившій на сценѣ московскаго театра, въ бенефисъ П. М. Садовскаго, въ піесѣ Владыкина: „Образованность“. Осенью (16-го ноября 1855 г.) онъ дебютировалъ въ моемъ бенефисѣ, въ піесѣ Становича „Ночное“.

Итакъ, московскій кружокъ нашъ съ прибывающею молодежью увеличивался, а театральныя дѣла съ современнымъ направлениемъ и управленіемъ ослабѣвали при перемѣнѣ директоровъ.

Въ 1850-хъ, а также и послѣдующихъ годахъ, при министрахъ двора графахъ Адлербергахъ, упорно держалось общественное мнѣніе о реформахъ театра, но не переходили долге въ дѣло.

Ожидалось разрѣшеніе публичныхъ представленій на частныхъ сценахъ; преобразование театральнаго училища; сокращеніе бенефисовъ съ разовой платою и увеличеніе содержанія артистовъ въ общемъ итогѣ, и много другихъ необходимыхъ измѣненій и улучшеній...

Наконецъ, въ удовлетвореніе всевозможныхъ требованій и желаній устныхъ и печатныхъ, была составлена особая комиссія о пересмотрѣ старыхъ уставовъ, въ которой секретарствовалъ графъ В. А. Саллогубъ. Извѣстный авторъ „Чиновника“, изучавшій европейскіе театры, графъ Саллогубъ представилъ пространную записку о перемѣнѣ театральнаго управленія, которую, по обсужденіи въ министерствѣ, препроводили въ дирекцію для исполненія.

Въ новомъ проектѣ, къ полному нашему огорченію, проводился болѣе всего экономическо-дефицитный вопросъ: бюджета по училищу, сокращеніе труппы, измѣненія формы контракта, прекращеніе бенефисовъ, уменьшеніе разовой платы, даже монтировочныхъ расходовъ и уничтоженіе экипажнаго заведенія.

Оппонентами этихъ грустныхъ предписаній явились управляющій училищемъ П. С. Ѳедоровъ и главный режиссеръ Е. И. Воронцовъ.

Послѣдній нашелъ многія нововведенія крайне неисполнимыми.

Во-первыхъ, труппу заявилъ слишкомъ недостаточною для постановки шекспировскихъ и драматическихъ хроникъ на двухъ театрахъ: Александринскомъ и Маринскомъ. Во-вторыхъ, экипажное заведеніе находилъ необходимымъ при нашемъ климатѣ и скудномъ содержаніи выходныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ особенности въ женскомъ персоналѣ. И заключилъ суть экипажнаго вопроса режиссерскою театральною почтою, при случайныхъ и экстренныхъ перемѣнахъ въ Императорскихъ театрахъ.

Итакъ комиссія потерпѣла полную неудачу и все пошло на-оборотъ проекту. Театральное училище, не переходя спеціально въ танцевальную школу, сохранило всѣ свои прежнія права, съ увеличеннымъ драматическимъ классомъ, къ которому по женскому отдѣленію приглашена была Вѣра Васильевна Самойлова (въ замужествѣ Мичурина). Для пополненія труппы поступили изъ провинціи гг.: Озеровъ, Пировскій, Ѳедоровъ, Петровскій, Журинъ, Васильевъ 2, Милославскій, Виноградовъ и многіе другіе. Новые контракты современныхъ удачликовъ начали утверждаться съ большимъ окладомъ, съ увеличенною разовою платою, съ обеспеченнымъ числомъ ролей и бенефисомъ, и съ оговоркою: на первыя роли; все это ко вреду сценическаго ансамбля и къ разладу въ труппѣ. Далѣе, большимъ поводомъ къ неудовольствію (какъ бенефисный гнетъ) послужилъ, съ цѣлью уничтоженія переводныхъ мелодрамъ возродившійся въ 1856 году театрально-литературный комитетъ въ квартирѣ П. С. Ѳедорова, который избралъ чтецомъ Ивана Ѳедоровича Горбунова.

Въ нѣкоторыхъ драмахъ и комедіяхъ приглашали лекторами В. П. Петрова и А. А. Яблочкина. Выработаннымъ правиломъ для субботнихъ вечеровъ постановлено было безвозмездное очередное посѣщеніе первыми сюжетами драматической труппы. На дѣлѣ, однако, это потерпѣло неудачу. А. М. Максимовъ 1-й заявилъ, что онъ въ субботу посвящаетъ себя молитвѣ и послѣ всенощнаго бдѣнія никуда не ходитъ, памятуя писаніе: „блаженъ мужъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ“.

И. И. Сосницкій отозвался, что у него издавна въ этотъ день собираются друзья и знакомые на обѣдъ, а по вечерамъ очень часто занимаются чтеніемъ, какъ и въ былое время выслушивали извѣстныхъ авторовъ: Гоголя, Бахтурина, Полеваго и Купольника.

А. Е. Мартыновъ повторилъ то-же, съ добавленіемъ ссылки на семейный отдыхъ послѣ трудовой недѣли.

П. А. Каратыгинъ и П. И. Григорьевъ I—что свободными днями они пользуются для подготовленія пьесъ къ своимъ бенефисамъ и также прочитываніемъ цѣлаго склада различныхъ театральныхъ произведеній юныхъ сочинителей, обращающихся къ нимъ съ покорною просьбою исправлять ихъ первыя попытки для сцены.

Остались В. В. Самойловъ и я.

Женскій персоналъ заключался въ лицѣ П. И. Орловой.

Явившись на первое засѣданіе, въ присутствіи А. В. Никитенко, Ив. Ив. Лажечникова, А. А. Краевского и П. С. Ѳедорова, В. В. Самойловъ, не досидѣвъ перваго акта комедіи, кольнулъ меня невозможнымъ чтецомъ и, прибавивъ: „ты его и слушай“, удалился и болѣе никогда не посѣщалъ собранія, предоставивъ мнѣ терпѣливо выслушивать всевозможную дребедень, а иногда и пасквиль, съ умысломъ написанную въ насмѣшку надъ комитетомъ.

Но я выдержалъ сезонъ, изъ соревонованія къ будущему моему репертуару, и получилъ дипломъ отъ имени министра В. Ѳ. Адлерберга, за подписью предсѣдателя комитета, С. Ѳ. Жихарева, съ легкимъ укоромъ моимъ товарищамъ, не посѣщавшимъ литературныхъ вечеровъ.

Надъ чѣмъ они много подтрунивали надо мною, съ насмѣшливою просьбою оказать имъ въ будущемъ протекцію... которая впоследствии дѣйствительно возрасла до крайнихъ предѣловъ, но только уже безъ моего присутствія.

Подъ предсѣдательствомъ въ комитетѣ П. И. Юркевича, были избраны постоянные артисты для засѣданій: гг. Бурдинъ, Яблочкинъ и Зубровъ, чтецомъ г. Сосновскій, и приглашенъ главный режиссеръ Е. И. Вороновъ. А для соревонованія къ дѣлу, начали выдавать подарки за акуратное посѣщеніе субботнихъ собраній. По другому мотиву вознаграждать ихъ не слѣдовало.

Театры получили свое опредѣленіе: Большой — итальянская опера и балетъ, Маринскій — русскія большія комедіи и опера, Александринскій (народный) — трагедіи, драматическія хроники и бытовья представленія, съ значительно уменьшеною платою за мѣста въ залѣ... Bravo! Но только не надолго.

Въ то время былъ также поднятъ вопросъ о двухъ годахъ благодарности, по окончаніи 20-ти лѣтней службы; но новый директоръ А. И. Сабуровъ (1858 г.), съ помощью правой руки А. М. Климченко (замѣнившаго секретаря комиссіи графа В. А. Саллогуба), свелъ дѣло на старый лады и отстоялъ его въ виду казеннаго интереса, не желая быть новаторомъ. А себя не отстоялъ и вскорѣ

былъ удаленъ отъ соблазнительныхъ прекрасныхъ музъ, припѣвая опереточный современный куплетецъ: „Je ne suis pas incarable“.

Графъ Борхъ (1862 г.), въ непродолжительное его управленіе, ввелъ музыкантамъ въ оркестръ бѣлые галстуки для приличія; актерамъ запретилъ играть на клубныхъ сценахъ, какъ недостойныхъ императорскихъ артистовъ, и дозволилъ въ Михайловскомъ театрѣ, въ фойе, повѣсить свой портретъ „pour le bon ton“.

Степанъ Александровичъ Гедеоновъ (1867 г.), талантливо написавшій драму: „Смерть Ляпунова“, съ выдающимися народными сценами,—возстановилъ для меломановъ на Большомъ театрѣ итальянскую оперу съ Маріо и сочинилъ программу балета съ Петипа. Для Маріинской сцены написалъ „Василису Мелентьеву“ съ А. Н. Островскимъ. А на Александринскомъ театрѣ возродилъ офенбаховскую „Прекрасную Елену“ съ Лядовою. Сборы вообще усилилъ. Словомъ, воздалъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, но только для нашей братіи, ожидающей въ новостяхъ улучшенія, не совладалъ съ баронскою (Кистера) фантазією по дефициту и отошелъ отъ дѣлъ театральнаго вѣдомства, передавъ оныя барону Кистеру (1876 г.).

Главный контролеръ министерства двора съ новымъ своимъ помощникомъ, по хозяйственной части, Н. А. Лукашевичемъ и, съ открытіемъ Малаго театра, усердно увеличивая цѣны на мѣста, тѣснилъ партеръ, а сокращая цифру расхода, тѣснилъ артистовъ, не лишая ихъ, впрочемъ, надежды утѣшаться обѣщаніями въ скоромъ будущемъ новыхъ переиѣнъ.

Объ этомъ будущемъ скажутъ послѣдствія.

II.

Такъ какъ я не веду записокъ со систематическою послѣдовательностью, а въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ упоминаю о томъ, что можетъ интересовать читателя въ прошломъ, по отношенію къ столичному театру, то мнѣ кажется, что передъ фотографическою группою, воспроизведенною уважаемою „Русскою Стариною“, встати будетъ прочесть мое письмо къ П. И. Григорьеву, имѣвшему обыкновеніе переписываться стихами; это, такъ сказать, анонимно-шутливый обзоръ тогдашней драматической труппы, въ славянскомъ стилѣ, и можетъ догадливымъ напомнить о дѣлахъ актеровъ, снятыхъ съ натуры въ двухъ группахъ въ 1858 году.

ИНОСКАЗАТЕЛЬНАЯ СЛАВЯНИЦИНА

театрального мірка прошедших годовъ.

Письмо П. И. Григорьеву.

Вотъ тебѣ поэтъ на видѣ
Шлетъ отвѣтный Алевить
Твой усердный Алевидъ.

Неханикъ съ лицедѣемъ *Аль*
Своихъ сценическихъ проказъ
Не ставятъ свѣту на показъ.
Разбогатѣвшій риторъ *Буль*
Миссъ Фанни предлагаетъ обѣ руки;
Въ затѣ этой выйдутъ буки—
Не одолѣеть такой штуки..

А Вуди В, охотники лихие,
Стрѣляютъ дичь, какъ въ дни былые.
Многоглаголивый Глауль,
Не вѣруя, что въ немъ-же нѣсть спасенья, —
Готовитъ для себя тѣкую роль,
Чтобъ разыграть ее безъ всякаго ученья...
Добро ему покуда *Есть*;
Но какъ на свѣтѣ
Поэтомъ скорбнымъ по *Жисете*, —
Зело зазубришь средь кулисъ,
Кому данъ зимній бенефисъ,
Иже И разовая спѣсь.
Вотъ *Како*, *Люди*, какъ всѣ люди,
Грѣшатъ; но, говорятъ, однако,
Что *Како* съ молодежью *кака*..
Ну, тутъ иноплеменныхъ *кляка*..
Мыслете М
Наскучилъ и себѣ и всѣмъ, —
Брался за все, а выходилъ ничѣмъ...
Онъ мысленно себя, быть можетъ, и прославилъ,
Что смѣлость шаткую въ наслѣдіе представилъ.
Приходится нерѣдко въ трущбѣ зрѣти,
Какъ словомъ авторскимъ играютъ словно дѣти,
(Рисуя по канвѣ *мыслете*)..
Безнравственные, зловѣщи нуты эти!
Нашъ, *Онъ*, *Покой*—примѣромъ увлекають,
Рцы, *Слово*, *Твердо*—отвергають.
Улиссъ ¹⁾ на выходахъ ихъ часто тѣмъ шпигуетъ.

¹⁾ Улиссъ Антоноллини—выходной артистъ.

Что изъ провинцій вѣтеръ дуетъ;
 А *Фертъ*, злодѣй, все громче суфлеруетъ...
 Ихъ дѣло къ *Херу* посылая,
Цензуру общую съ приличьемъ забывая.
Червь авторства еще, въ числѣ нововведеній,
 Мугить подчасъ пѣвцовъ куплетныхъ обличеній.
 Иной *Ерма*-шутъ начнетъ *Шантажъ* словомъ,
 НеЩадно топчетъ въ грязь и *Ерь* и *Ять* лицомъ—
 И Эхо злостное растеть какъ снѣжный комъ...
Юпитеръ комитетскій полагаетъ,
 Что Яблочкомъ такимъ раздоръ онъ не вселяетъ?!
 Но заключительно съ начальною *Оттой*,
 Протекціонной, мягкой и пустой...
 Возропчетъ гласный судъ стоустною молвой...
 И лишь тогда познаемъ мы Кирилицу,
 Когда пропишуть *Ижину*.

III.

Я слишкомъ увлекся воспоминаніемъ и отдалился отъ цѣли —
 полненія лицъ въ группѣ русскихъ артистовъ императорскихъ
 театровъ,—группѣ, мастерски воспроизведенной отличнымъ и однимъ
 изъ старѣйшихъ фотографовъ-художниковъ въ С.-Петербургѣ.
 Начнемъ съ уважительной причины, возродившей его.

Африканскій трагикъ Айра Ольдридждъ, побывавъ въ Шот-
 ландіи, Ирландіи, Германіи, далъ нѣсколько представленій въ Сток-
 голмѣ со шведскими актерами и былъ принятъ великолѣпно, какъ
 мѣстными аристократами, такъ и всею публикою.

Затѣмъ Айра пожаловалъ въ Ригу, гдѣ, послѣ восторженнаго
 приѣма, получивъ отъ князя А. А. Суворова убѣдительнѣйшую
 рекомендацію къ министру двора, графу Адлербергу, появился
 съ здѣшнею нѣмецкою труппою, на сценѣ Маринскаго театра, въ
 1858 году.

Первый выходъ Айра Ольдриджда былъ въ „Отелло“, въ на-
 полненномъ театрѣ артистами, любителями Шекспира, и съ пер-
 ваго-же представленія онъ овладѣлъ всею массою почитателей. Въ
 его страсти, своеобразномъ толкованіи Шекспира, избыткѣ чувства,
 многозначительной мимикѣ, съ преобладаніемъ естественности... и
 въ чемъ у нѣмцевъ онъ встрѣчалъ упрекъ за его представленія,
 по ихъ выраженію „zu natürlich“, въ томъ русскіе артисты признали
 у него выдающійся талантъ. Въ день его бенефиса, артисты устроили
 ему овацію, очень рѣдко бывающую въ ихъ средѣ, въ особенности
 тридцать лѣтъ тому назадъ.

Нарядный женскій персоналъ помѣщался въ трехъ крайнихъ ложахъ бель-этажа съ букетами для героя праздника.

И. И. Сосницкій изъ оркестра, при громѣ рукоплесканій, подалъ бенефицианту: лавровый вѣнокъ, адресъ въ русскомъ стилѣ, работы Шарлеманя, съ привѣтственнымъ стихотвореніемъ на русскій ладъ:

Пойдемте, братцы, цѣлымъ міромъ
 Спасибо русское свесемъ
 Тому, кто насъ дарилъ Шекспиромъ—
 Съ натурой, чувствомъ и умомъ.
 Его Отелло нѣжно-страстный,
 Ревнивымъ тигромъ ужасалъ...
 Его Шейлокъ кредиторъ страшный,
 И ножъ точилъ и сердце рвалъ...
 Онъ былъ капризно-властнымъ Лиромъ
 „Король отъ головы до ногъ“.
 Такъ скажемъ въ путь ему мы съ миромъ,
 Подавши лавровый вѣнокъ:
 „Такіе гости очень рѣдки,
 Ольдриджъ, мы бьемъ тебѣ челомъ
 И просимъ милости напредки
 Съ Евреемъ, Мавромъ, Королемъ!“

Въ этомъ поэтическомъ порывѣ высказалась моя восторженность отъ видѣннаго мною, впервые, сценичнаго представленія съ такимъ обиліемъ выразительной мимики, до глубины души потрясающихъ звуковъ голоса и заставлявшихъ меня содргаться въ воспроизводимыхъ Ольдриджомъ моментахъ любовной ревности.

Въ роли Отелло, до него, я смотрѣлъ воинственнаго, въ полной силѣ, В. А. Каратыгина и вдохновеннаго, но уже слабосильнаго на сценѣ П. С. Мочалова, но не видалъ я въ нихъ любвеобильной страсти съ горячими слезами ревности и самобичеванія, въ ярости, чѣмъ поражалъ меня, въ своихъ представленіяхъ, африканскій трагикъ Айра Ольдриджъ. И я перешелъ съ горячею любовью къ искусству на его сторону, болѣе и болѣе вдумываясь въ произведенія великаго Шекспира и по всевозможнымъ коментаріямъ стараясь изучать ихъ.

На обѣдѣ, данномъ Ольдриджу актерами, онъ, раздавая на память свою литографію съ факсимиле, заявилъ желаніе имѣть портреты всѣхъ присутствующихъ, для утѣхи его дальнѣйшихъ путешествій, что и было исполнено артистами въ двухъ группахъ, но безъ участія В. В. Самойлова, не согласившагося признать вмѣстѣ съ товарищами торжество африканскаго трагика и остав-

шагося одинокимъ въ тѣни, при нашемъ блестящемъ освѣщеніи Шекспировскаго празднованія.

Въ первой группѣ знаменуется посрединѣ прозванный дѣдомъ русскаго театра, будущій 60-ти лѣтній юбиляръ, Иванъ Ивановичъ Сосницкій († 1871 г.), обнимающій правою рукою многоталантливаго А. Е. Мартынова († 1860 г.), а слѣва у него, вполне зрѣлый, первый любовникъ А. М. Максимовъ († 1861 г.).

Рядомъ съ моею меланхолическою фигурою ¹⁾, съ лѣваго края, помѣщенъ П. С. Степановъ († 1885 г.), надъ нимъ выдающаяся фигура моего московскаго замѣстителя К. Н. Полтавцева († 1864 г.). Съ правой стороны комикъ Ѳ. А. Бурдинъ († 1887 г.), а позади его мои одноклассники на ампуа простаковъ и фатовъ С. Я. Марковецкій († 1884 г.) и А. А. Яблочкинъ.

Во второй группѣ на первомъ планѣ: П. А. Каратыгинъ, П. И. Григорьевъ, М. А. Максимовъ, П. И. Малышевъ, И. Ѳ. Горбуновъ; на второмъ: А. А. Алексѣевъ и И. Е. Чернышевъ, а мѣсто капризнаго товарища (В. В. Самойлова), замѣнилъ въ общемъ составѣ И. И. Сосницкій ²⁾.

Жаль, что у нашего, въ то время лучшаго, фотографа Денъера не красовался предъ публикою женскій персоналъ съ именами: Ф. А. Снѣтковой, Е. В. Владиміровой, Е. Ѳ. Ѳедоровой, Н. В. Самойловой, Е. М. Левкѣевой, Ю. Н. Линской, П. И. Орловой и П. К. Громовой, и тѣмъ лишилъ возможности своихъ почитателей и понинѣ любоваться картиною съ воспоминаніемъ о быломъ въ русскомъ театрѣ.

IV.

Да не покажется особенно страннымъ, если я въ моемъ заключительномъ очеркѣ 1854—1858 гг. перелечу въ конецъ 1870-хъ гг., но упоминая о разныхъ директорахъ императорскихъ петербургскихъ театровъ прошедшихъ лѣтъ, нельзя обойти молчаніемъ главное дѣйствующее и сильно вліятельное лицо въ тогдашнемъ министерствѣ театральнаго міра.

¹⁾ Леонидъ Львовичъ Леонидовъ умеръ 5-го августа 1889 года.

²⁾ Этотъ второй портретъ-группа русскихъ сценическихъ артистовъ 1858 г. будетъ приложенъ къ одной изъ слѣдующихъ книгъ „Русской Старинѣ“, изд. 1892 г.

Павель Степанович Ѳедоровъ, инспекторъ училища и членъ репертуарной части всѣхъ труппъ, родившійся въ 1800 году, былъ женатъ на бывшей актрисѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Мироновой и имѣлъ единственную дочь, не особенно красивую, но прекрасную музыкантшу и художницу по портретной живописи.

Самъ лично Павель Степановичъ не походилъ на артистическую, бойкую натуру,—это былъ типъ петербургскаго чиновника, долго служившаго въ вочтовомъ вѣдомствѣ: приглашенный, выбритый, въ золотыхъ очкахъ, онъ всегда ласково выслушивалъ просителя и обнадеживалъ всѣхъ и cadaго именемъ директора, высшаго начальника.

Какъ человѣкъ мягкосердечный, онъ любилъ ласкающихся къ нему приближенныхъ и терпѣть не могъ противорѣчія или нововведенія, выслушивая ихъ всегда очень хмуро, изъ подлбья поглядывая на новатора.

Не мстилъ, но и не забывалъ того, кто не соглашался съ его рутиннымъ убѣжденіемъ, стараясь удалить отъ себя такого неугомоннаго неслуха. Штрафами только пугалъ, но почти не бралъ, потому что любилъ прощать повинную голову, а непреклоннаго характера подвергалъ взысканію, по приказанію директора. До вступленія своего въ должность инспектора, трудовую жизнь свою проводилъ съ артистами, занимаясь переводами и передѣлками по водевильной части, что при новомъ управленіи его и посѣяло неудовольствіе различныхъ толковъ. Пржеііе пріятели его стали почти требовательны на вознагражденія, капризничали, не хотя исполняли его распоряженія и, словомъ, доказывали на дѣлѣ, что трудно начальствовать по пріятельски. Видя разногласіе въ своихъ старыхъ друзьяхъ, онъ началъ окружать себя новыми прислужниками изъ молодыхъ. Любилъ иногда немножко полиберальничать, но какъ важный исполнитель-чиовникъ въ генеральскомъ званіи, тотчасъ одумывался и принималъ видъ хладнокровнаго слушателя.

Курилъ, и потому всѣмъ подчиненнымъ въ его присутствіи куреніе не воспрещалось, что тогда считалось большою свободою и даже вольностью. При встрѣчѣ каждому протягивалъ два пальца и предлагалъ ласково папиросу, чѣмъ, конечно, смягчалъ угрюмаго просителя. Каждый, выходя отъ него, оставался имъ доволенъ, потому что онъ ни съ кѣмъ не входилъ ни въ какія служебныя разьясненія и никому категорически не отказывалъ, а всякому общалъ переговорить о его дѣлѣ съ директоромъ, къ которому и отправлялся съ туго набитымъ портфелемъ и дѣлалъ докладъ, по своему усмотрѣнію. Но какъ человѣкъ очень добрый, лично

передавалъ только благоволенія, а отказъ черезъ своихъ подчиненныхъ, себя отстраняя отъ строптивыхъ, обидчивыхъ и слезливыхъ просителей и просительницъ. Въ домашнемъ быту былъ очень обходительный и простой человѣкъ, но какъ сановный сибаритъ тѣшилъ себя музыкою и развлекался отъ служебныхъ занятій, окруженный своими любимцами, самымъ невиннымъ препровожденіемъ времени—за лото и за рассказами... Для этого имѣлъ при себѣ большихъ мастеровъ сказки сказывать и представлять всю труппу на лицо, съ закулисными переходами.

Въ числѣ такихъ избранниковъ-артистовъ были у него самые искуснѣйшіе трое, которыхъ можно назвать вполнѣ счастливыми, какъ въ рассказахъ своего сочиненія, такъ и составленіи своей карьеры. Одинъ получилъ капиталъ въ сто тысячъ по загадочному наслѣдству, другой выигралъ въ тиражъ семьдесятъ пять тысячъ, а третій получилъ первый окладъ.

Какъ я уже сказалъ выше, Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ не принадлежалъ къ бойкой артистической натурѣ, пролагающей себѣ дорогу, а напротивъ, самый тихій и не велерѣчивый, исполнительный характеръ, только случайностію обстоятельствъ составляющій себѣ карьеру въ чинахъ и лентахъ театральнаго дѣлопроизводства.

При немъ сильно развилась протекціонная система, которая съ партією недовольныхъ при гласности, вооружилась на него обличительною литературою въ каррикатурѣ, стихахъ и прозѣ.

Но чѣмъ больше распускалось про Павла Степановича Ѳедорова злыхъ слуховъ къ его низверженію, тѣмъ тверже онъ стоялъ на своемъ посту и больше получалъ административныхъ, съ арендами, наградъ. Отпраздновавъ 50-ти-лѣтній юбилей, онъ почти послѣднимъ изъ своей семьи мирно покончилъ земное существованіе 11-го марта 1879 года. И если за нимъ, по словамъ гоголевскаго городничаго, и были кое-какіе грѣшки, зато онъ каждое воскресенье ходилъ въ церковь и всю обѣдню выстаивалъ въ нравственный примѣръ своимъ питомцамъ и подчиненнымъ.

Придерживался латинской пословицы: „De mortuis aut bene, aut nihil“, я про Павла Степановича Ѳедорова въ моихъ воспоминаніяхъ ничего не могу сказать, кромѣ хорошаго.

Finis coronat opus.

Мартъ 1889 г.

Л. Л. Леонидовъ.
(† 5-го августа 1889 г.)

И. А. Крыловъ. В. А. Жуковскій.
А. С. Пушкинъ, Н. И. Гнѣдичъ.
въ 1832 году.

Подлинникъ въ собраніи картинъ П. М. Третьякова въ Москвѣ.

Digitized by Google

Приложене къ журналу „Русская Старина“ изд. 1892 года т. LXXIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ

(при офицерскомъ собраніи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады. Спб., Литейная ул., д. 26).

Второго ноября 1896 года 2, 3, 4, 5 и 6-я батареи л.-гв. 1-й ¹⁾, л.-гв. 2-я и гв. конно-артиллерійскія бригады съ высочайшаго утвержденія будутъ праздновать столѣтній юбилей со дня сформированія гвардейскаго артиллерійскаго баталіона 9-го ноября 1796 года.

9-го ноября 1796 г. императоръ Павелъ I, только-что взошедшій на престолъ, но уже задолго до того подготовившій успѣхъ нижеупоминаемому преобразованію, отдѣлилъ отъ гвардейскихъ полковъ (Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго) ихъ уже достаточно обезличенную послѣ Петра I артиллерію и, придавъ къ ней свою гатчинскую, образовалъ совершенно самостоятельную артиллерійскую часть, гвардейскій артиллерійскій баталіонъ.

Не стяжать-бы гвардейской артиллеріи той славы въ борьбѣ съ Наполеономъ, не занять-бы ей первенствующаго мѣста среди русской артиллеріи, если-бы не новая ея организація 9-го ноября 1796 года, благодаря которой гвардейская артиллерія быстро стала въ ряду лучшихъ артиллерій того времени.

9-е ноября 1796 года, поистинѣ, есть день возрожденія гвардейской артиллеріи.

¹⁾ 1-я батарея его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, происходящая отъ бомбардирской роты, праздновала свой 200-лѣтній юбилей 23-го мая 1883 года.

Раздѣленіе гвардейскаго артиллерійскаго баталіона на три самостоятельныя бригады не умалило значенія этихъ частей, изъ которыхъ каждая въ день своего столѣтняго юбилея 9-го ноября 1896 года, не краснѣя развернетъ предъ очами своего монарха картину славнаго своего вѣковаго прошлаго.

Чтобы собрать возможно больше матеріаловъ, въ видѣ рукописей, портретовъ, батальныхъ картинъ, книгъ (весьма интересно было-бы собрать всѣ сочиненія лицъ, служившихъ въ гв. артиллеріи) и различныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ гвардейской артиллеріи, общество офицеровъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, какъ старѣйшей части, имѣющей въ числѣ своихъ батарей бывшую бомбардирскую роту и обладающей архивомъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона и многими историческими памятниками, имѣющими отношеніе ко всей гв. артиллеріи, на общемъ собраніи 1890 г. единогласно постановило просить командира бригады ходатайствовать объ открытіи при офицерскомъ собраніи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады историческаго музея гвардейской артиллеріи. Многія лица, служащія и служившія въ гв. артиллеріи, а также родственники служившихъ въ послѣдней общали, по открытіи музея, сдѣлать весьма цѣнные для гв. артиллеріи вклады.

Въ началѣ 1891 года послѣдовало разрѣшеніе ихъ императорскихъ высочествъ генераль-фельдцейхмейстера и главнокомандующаго войсками с.-петербургскаго военнаго округа на открытіе Историческаго Музея гвардейской артиллеріи при офицерскомъ собраніи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады.

Имѣя честь довести до свѣдѣнія лицъ, служащихъ и служившихъ въ гв. артиллеріи, объ открытіи въ настоящее время Историческаго музея гв. артиллеріи, прошу не отказать принести въ даръ означенному учрежденію свои портреты, фотографіи, дневники, записки о прохожденіи службы, сочиненія.

Прошу также и родственниковъ гвардейскихъ артиллеристовъ не отказать, въ память послѣднихъ, принести тѣ-же предметы Историческому музею.

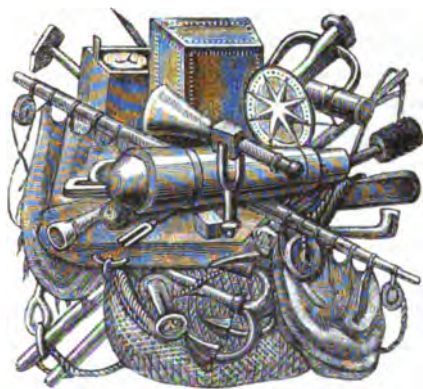
Историческій музей гв. артиллеріи собираетъ всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ гв. артиллеріи, со времени основанія ея въ 1683 году, какъ-то: предметы, напоминающіе о войнахъ, въ которыхъ участвовала послѣдняя, батальные и бытовые картины, портреты гв. артиллеристовъ, ихъ сочиненія, рескрипты, грамоты и награды, полученныя гв. артиллеристами, формы одеждъ и вооруженія, модели матеріальной части, старинныя сочиненія по артиллеріи и уставы и т. п.

Мы убѣждены, что ко дню столѣтняго юбилея, безъ особыхъ затратъ, составитъ музей, картинно рисующій славное прошлое гвардейской артиллеріи.

Историческій музей гв. артиллеріи, открытый для всѣхъ желающихъ, издающій печатно, періодически, описаніе поступающихъ предметовъ съ указаніемъ, отъ кого именно они поступили, собирающій и любовно хранящій все дорогое для гвардейской артиллеріи (и будучи отъ того звеномъ различныхъ поколѣній артиллеристовъ) со временемъ сослужитъ службу и для всей полевой артиллеріи.

Просимыя свѣдѣнія и предметы прошу адресовать: С.-Петербургъ, Литейная улица, домъ № 26, Историческій музей гв. артиллеріи, штабсъ-капитану Потоцкому.

Завѣдующій музеемъ штабсъ-капитанъ Потоцкій.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

молекулъ бѣсъ, и говоритъ поэтъ:
 Не чаалъ я прервать рассказъ на этомъ.
 Но отъ длиннотъ хоть спасъ его запретъ,
 Отчески блюдащій надъ поэтомъ.
 А все мнѣ жаль, что заключенья нѣтъ,
 Что чиркая безъ смысла и заврѣнья,
 Похерили и соль нравоученья.
 Вѣдь чуть мой даръ распуститъ крылья, глядь —
 Цензура ихъ обрѣвала опять.
 Но я всегда былъ образцомъ смиренья:
 Пусть будетъ мой рассказъ безъ заключенья.

Перев. съ нѣмецкаго В. П. Азенариусъ.

Примѣчаніе. Въ 1852 г. въ Берлинѣ былъ изданъ нѣмецкій переводъ Боденштедта многихъ стихотвореній Лермонтова; въ числѣ ихъ оказались 19 мелкихъ стихотвореній якобы Лермонтова, неизвѣстныхъ на русскомъ языкѣ. Пьесы эти были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г., т. VII, стр. 394 — 402, по-нѣмецки и въ прозаическомъ переводѣ Г. С. Чирикова, а въ другой разъ въ стихахъ, въ переводѣ П. А. Висковатова; нынѣ мы помѣстили выше переводъ заключительной строфы нѣмецкаго текста Боденштедта Лермонтова: „Сказки для дѣтей“.

Ред

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ,

заслуженный профессоръ с.-петербургскаго, почетный членъ казанскаго и бывшій ректоръ варшавскаго университетовъ.

Полувѣковая годовщина его ученой и общественной дѣятельности

въ 1842 $\frac{13\text{-го}}{\text{февраля}}$ 1892. гг.

I.

ебраля 13-го текущаго 1892 года минеть полъ-вѣка съ того дня, какъ одинъ изъ современныхъ весьма уважаемыхъ русскихъ ученыхъ и профессоровъ—Н. М. Благовѣщенскій, блистательно, съ золотою медалью, окончивъ курсъ на филологическомъ факультетѣ главнаго педагогическаго института, всецѣло посвятилъ себя служенію науки. Двадцати-четыреохъ лѣтъ профессоръ университета, впоследствии ректоръ одного изъ университетовъ, Николай Михайловичъ всюду пріобрѣлъ себѣ многочисленныхъ почитателей со стороны учениковъ и слушателей, равно и со стороны сотоварищей по наукѣ и сослуживцевъ, а также и своихъ подчиненныхъ по службѣ своей въ Варшавѣ. Глубокая любовь къ наукѣ, обширныя знанія и, въ особенности, мягкій, гуманный характеръ Н. М. Благовѣщенскаго — достойнаго представителя славной учено-литературной плеяды сороковыхъ годовъ, — всегда и всюду вызывали къ нему чувства искренняго и глубокаго уваженія, каковыя и хранять къ нему всѣ, кто его знаетъ... Въ виду полувѣковой годовщины служенія Н. М. Благовѣщен-

скаго наукѣ и дѣлу образованія и руководительства юншества, мы напомнимъ на страницахъ „Русской Старины“ нѣсколько интересныхъ, въ особенности для многочисленныхъ почитателей Николая Михайловича, данныхъ изъ его біографіи.

Сынъ законоучителя Маріинскаго института, крестникъ императрицы Маріи Ѳеодоровны († 1828 г.), Николай Михайловичъ родился въ С.-Петербургѣ 2-го апрѣля 1821 г., и поступилъ въ 1832 г. въ открывшееся тогда при главномъ педагогическомъ институтѣ малолѣтнее отдѣленіе, въ которомъ, подъ строгимъ и неутомимымъ контролемъ директора института, Ѳ. И. Миддендорфа, преподавали (преимущественно древніе языки) воспитанники старшихъ курсовъ. Между этими воспитанниками-преподавателями было нѣсколько такихъ лицъ, которыя впоследствии составили себѣ почетную извѣстность на поприщѣ науки, таковы были: знаменитый юристъ Иванишевъ, Меншиковъ, В. Лешковъ, Спасскій. Между двумя отдѣленіями Педагогич. Института находился еще „предварительный курсъ“, и въ каждомъ изъ нихъ преподаваніе продолжалось по три года. Не безъ успѣха прошелъ Н. М. эту тяжелую, но хорошую школу, гдѣ и окончилъ, въ 1842 году, курсъ на филологическомъ факультетѣ, съ золотою медалью. — 13-го февраля 1842 г., Н. М., какъ студентъ, съ отличіемъ кончившій курсъ, былъ назначенъ въ заграничное, для довершенія высшей научной подготовки, путешествіе, и съ этого дня начинается его служба. „Не лишнимъ считаю замѣтить при этомъ, говоритъ Н. М. въ своей автобіографической запискѣ ¹⁾, что моя „alma mater“ была однимъ изъ полезнѣйшихъ и наиболѣе достойныхъ памяти учреждений. Недостаточно оцѣненный въ свое время и вскорѣзатѣмъ забытый, Главный Педагогическій институтъ далъ, сравнительно при небольшомъ числѣ своихъ питомцевъ, не мало людей замѣчательныхъ, принесшихъ Россіи великую пользу на всѣхъ ступеняхъ ея народнаго образованія. Всего, въ теченіе своего тридцатилѣтняго существованія, институтъ далъ нашимъ университетамъ 48 профессоровъ, среднимъ учебнымъ заведеніямъ 377 и низшимъ 262 наставниковъ. Достойно вниманія, что до 30 молодыхъ людей изъ педагогическаго института были вызваны, въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, на службу въ сѣверо-западный край и тамъ прекрасно послужили русскому дѣлу въ среднихъ и народныхъ школахъ. Въ первой изъ означенныхъ категорій выдвинулось очень значительное число не только видныхъ представителей, но и корифеевъ нашей науки,

¹⁾ Напечатана въ изданномъ нами: Альбомѣ редакціи журнала „Русская Старина“: „Знакомые“. Спб., изд. 1888 г., стр. 355—359.

каковы: Д. И. Мейеръ, Дм. Ив. Менделѣвъ, бывшій ректоръ кievскаго университета Иванишевъ, В. Г. Васильевскій (нынѣ академикъ, знаменитый византологъ) и друг. Не мало было усердныхъ, полезныхъ и вполне подготовленныхъ дѣятелей и въ остальныхъ двухъ изъ названныхъ разрядовъ, особенно во второмъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что цѣлая ихъ масса достигла званія директора или инспектора въ нашихъ гимназіяхъ и обогатила нашу учебную литературу множествомъ разнородныхъ и хорошихъ руководствъ. Затѣмъ изъ питомцевъ института не мало было лицъ, достигшихъ званія попечителей и ихъ помощниковъ, по управленію разными учебными округами, а также званія ректора. Изъ видныхъ журналистовъ и литераторовъ, питомцевъ Педагогическаго Института, можно указать на: Н. А. Добролюбова, Н. Н. Страхова, Е. П. Карновича, Феликса Толля (составителя „Настол. Энциклопед. словаря“), а изъ общественныхъ дѣятелей—на А. И. Ходнева, когда-то блистательнаго профессора химіи въ харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ столь извѣстнаго, въ теченіе двадцати лѣтъ, секретаря вольнаго экономическаго общества, и К. В. Кедрова, одного изъ достойнѣйшихъ питомцевъ сего учрежденія, нынѣ директора императорскаго с.-петербургскаго историко-филологическаго института (основанъ въ 1867 году), который, въ свою очередь, далъ много дѣльныхъ педагоговъ и замѣчательныхъ ученыхъ, между прочими и такихъ, какъ столь извѣстный въ ученomъ мiрѣ эллинистъ, членъ нашей академіи наукъ и ректоръ с.-петербургскаго университета В. Н. Никитинъ, профессоръ русской словесности Н. П. Ждановъ. Наконецъ, изъ студентовъ прежняго института, въ недавнее время, вошелъ въ самыя высокія сферы нашей администраціи бывшій студентъ института (VI-го выпуска 1851 года), магистръ математическихъ наукъ, Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій. Все это сказано мною мимоходомъ и далеко не въ надлежащей полнотѣ, но и сказаннаго достаточно для убѣжденія въ томъ, что главный педагогическій институтъ современемъ займетъ одну изъ самыхъ красивыхъ страницъ въ исторіи нашей цивилизаціи“.

По окончаніи курса, Н. М. Благовѣщенскій былъ командированъ за-границу, для продолженія занятій по древне-классической филологіи. Эта командировка продолжалась три года, въ теченіе которыхъ онъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ, а затѣмъ въ гейдельбергскомъ университетѣ, впервые, между прочимъ, знакомясь съ исторіею древняго искусства, подъ руководствомъ Адольфа Беккера и все еще вдохновеннаго Крейцера (въ Гейдельбергѣ), хотя онъ уже, по старости,

не являлся въ университетъ, а читалъ у себя на дому. Аудиторию его составляли въ это время не болѣе пяти слушателей, почти исключительно иностранцы. „Это, сколько помнится мнѣ, замѣчаетъ Н. М., былъ послѣдній курсъ знаменитаго автора „Символики“, записанный мною, какъ и многіе другіе курсы, на нѣмецкомъ языкѣ“. По возвращеніи въ Россію г. Благовѣщенскій получилъ кафедру римской словесности и древностей въ казанскомъ университетѣ, которую и занималъ семь лѣтъ, до перевода, въ 1852 году, на кафедру того-же предмета въ петербургскій университетъ и въ главный педагогическій институтъ. Впослѣдствіи, конецъ 1862 и большую часть 1863 г., по случаю временнаго закрытія петербургскаго университета, Н. М. провель въ Италиі, преимущественно въ Римѣ и въ Неаполѣ, усердно занимаясь своимъ любимымъ предметомъ—исторіей античнаго искусства.

Вотъ въ какихъ сердечныхъ выраженіяхъ говоритъ въ своемъ воспоминаніи (1891 г.) извѣстный и весьма уважаемый профессоръ Н. Н. Буличъ о Н. М. Благовѣщенскомъ, за время профессорства Н. М. въ Казани:

— „Н. М. Благовѣщенскій былъ первымъ въ казанскомъ университетѣ русскимъ профессоромъ латинской словесности. Онъ принесъ съ собою интересъ къ наукѣ. Онъ умѣлъ занять своихъ слушателей предметомъ и оставилъ, несмотря на краткость своего пребыванія въ Казани, глубокой слѣдъ въ тѣхъ немногихъ слушателяхъ, которые имѣли счастье учиться у него. Недаромъ казанскій университетъ въ недавнее время включилъ Н. М. въ число своихъ почетныхъ членовъ. Намъ, знавшимъ его въ тѣ далекіе годы, когда начиналась его ученая карьера, въ 1845 году, живо припомнилось то одушевленіе, которое вносилъ онъ въ свою аудиторию, когда мы прочитали его послѣднюю книжку о позднихъ эпохахъ греческой скульптуры. Онъ остался вѣренъ самому себѣ и тому направленію науки, которое онъ усвоилъ въ строгой германской школѣ. Ничего подобнаго до него не было въ казанскомъ университетѣ. Онъ первый заговорилъ о художественныхъ образахъ классической скульптуры, съ которыми только что познакомился въ европейскихъ музеяхъ и, несмотря на скудость имѣвшихся тогда пособій въ университетѣ для знакомства съ этою стороною классической древности, онъ умѣлъ вызвать интересъ къ ней въ своихъ слушателяхъ. Эта сторона изученія древняго міра была пропущена прежними университетскими уставами, и только уставы 1863 и 1884 годовъ ввели ее въ университетское преподаваніе“. („Волж. Вѣстн.“, 19-го марта 1891 г.).

Въ Петербургѣ Н. М. одновременно занималъ каведру римской словесности въ университетѣ (1852—1873 гг.) и въ главномъ педагогическомъ институтѣ (1852—1859 гг.). Въ послѣднемъ онъ и состоялъ на службѣ до самаго закрытія его, въ 1859 году, и постоянно велъ преподаваніе на латинскомъ языкѣ. Въ 1860 г. Благовѣщенскій былъ назначенъ членомъ ученаго комитета (м. н. пр.), въ которомъ оставался до назначенія его, 29-го декабря 1872 г., ректоромъ варшавскаго университета. Въ этой послѣдней должности Н. М. прослужилъ до 20-го августа 1883 г., когда, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку, а затѣмъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, въ которомъ и состоитъ нынѣ членомъ совѣта министра.

II.

Глубоко искренній поклонникъ античнаго искусства, много сдѣлавшій и словомъ и перомъ для выясненія его значенія для всей культуры человѣчества и вліянія художества на развитіе вообще цивилизаціи, Н. М. Благовѣщенскій (съ 1864 г. почетный вольный общникъ И. Акад. художествъ) всегда, во всю полу-вѣковую ученую и общественную дѣятельность, ратовалъ за насажденіе искусствъ въ Россіи и за упроченіе и развитіе ихъ въ нашемъ отечествѣ; такъ, напр., достойно вниманія, что Н. М. первымъ по времени является горячимъ поборникомъ мысли объ учрежденіи въ Россіи губернскихъ художественныхъ музеевъ. Напомнимъ здѣсь, въ небольшой выпискѣ, одну изъ его статей по сему вопросу, помѣщенную еще въ 1864-мъ году въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ тогда газетъ („Голосъ“, 1864 года, № 326),—статью тѣмъ болѣе знаменательную, что она была отчасти обращена къ только что вызванному къ жизни земству—созданными по волѣ Царя-Освободителя земскими учрежденіями (1864 г.).

...„Самое лучшее средство помочь нашимъ художникамъ, т. е. обезпечить сбытъ добросовѣстнымъ и сколько-нибудь замѣчательнымъ произведеніямъ русской живописи, состоитъ, по моему убѣжденію, въ учрежденіи провинціальныхъ или губернскихъ музеевъ. Разумѣется, я не имѣю въ виду вызвать наши строительныя комиссіи къ возведенію во всѣхъ губернскихъ городахъ особыхъ зданій для такихъ музеевъ. Этого вовсе не нужно, да и потребовало-бы огромныхъ издержекъ, необходимыхъ въ настоящее время на удовлетвореніе самымъ воиющимъ нуждамъ, вызваннымъ нашими повсюдными реформами (1864 г.). Я думаю, что дѣло учрежденія провинціальныхъ музеевъ

можетъ и должно быть устроено гораздо проще, безъ обремененія казны новыми расходами. Очевидно, что эти расходы должно принять на себя само общество. Помѣщеніемъ для провинціальныхъ музеевъ могутъ служить, на первый разъ, общественныя зданія, преимущественно городскія думы и дома дворянскихъ собраний, гдѣ найдется довольно залъ съ голыми стѣнами. Въ средствахъ для украшенія ихъ произведеніями русской живописи также, безъ сомнѣнія, не будетъ недостатка; нашлись-бы только люди, хорошо понимающіе всю важность и пользу распространенія въ нашихъ печальныхъ провинціяхъ эстетическаго вкуса и художественнаго образованія. Лишь только общество проникнется убѣжденіемъ въ этой пользѣ, наши губерніи не останутся, какъ теперь, вовсе лишенными той художественной обстановки, которая на западѣ Европы давно уже сдѣлалась первымъ условіемъ и необходимою принадлежностію всякаго, сколько-нибудь значительнаго, города. Несмотря на обиліе тамошнихъ музеевъ, усилія общества постоянно и теперь направлены къ увеличенію ихъ числа. Для примѣра укажу на музей, который, несмотря на близость дрезденскихъ и другихъ художественныхъ собраний, въ недавнее время возникъ въ Лейпцигѣ, стараніями консула Шлеттера и нѣкоторыхъ другихъ частныхъ лицъ, большею частію очень небогатыхъ. Едва-ли, впрочемъ, найдутся у насъ въ провинціи свои Шлеттеры, и потому мы нисколько не рассчитываемъ на то, чтобы именно этимъ средствомъ на первый разъ устроились по нашимъ губерніямъ художественныя собранія.

„Но если у насъ нѣтъ пока своихъ Шлеттеровъ, то, съ другой стороны, нѣтъ недостатка въ общественныхъ капиталахъ и въ такъ называемыхъ жертвователяхъ. Намъ кажется, что хотя незначительную часть тѣхъ денегъ, которыя изливаются изъ означенныхъ источниковъ на общественныя нужды, можно и уже давно пора удѣлять на пріобрѣтеніе произведеній искусства. Наши жертвователи обыкновенно принадлежатъ къ купеческому сословію. Если сдѣлать къ нимъ воззваніе во имя эстетическихъ потребностей общества, то изъ этого, разумѣется, ничего не выйдетъ: такой языкъ огромному большинству нашихъ жертвователей еще вполнѣ непонятенъ. Но въ душѣ даже простаго русскаго человѣка есть струны, которыя отзвучатъ и на подобный призывъ: это—его религіозное и патриотическое чувство. Простой русскій человѣкъ охотно раскошелится на содѣйствіе пріобрѣтенію хорошей картины религіознаго содержанія. Смыслъ подобнаго приглашенія совершенно понятенъ нашимъ жертвователямъ. Употребляють-же они теперь огромныя деньги на постройку и украшеніе храмовъ. Они не будутъ спрашивать о качествахъ пріобрѣтенныхъ картинъ, зная, что жертвуютъ на хорошее святое дѣло. Въ такой-же мѣрѣ будетъ понятенъ русскому человѣку смыслъ пріобрѣтенія картинъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ отечественной исторіи, особенно, если оно будетъ имѣть отношеніе къ той мѣстности, гдѣ живетъ жертвователь. Отчего-бы, напримѣръ, не украсить зданія казанской городской думы картиною, изображающею вятіе Казани Іоанномъ Грознымъ? Отчего-бы не пріобрѣсти для Пскова копию съ знаменитой, хотя и неоконченной, картины Брюлова, содержаніе которой имѣетъ такое близкое отношеніе къ исторіи этого города? Затѣмъ можно было-бы найти въ нашей исторіи множество самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ, понятныхъ и близкихъ душѣ каждаго русскаго человѣка. Что-же касается высшихъ, то есть образованныхъ, классовъ общества, то они могутъ уже дѣйствовать или пріучаться дѣйствовать, въ рассматриваемомъ случаѣ, во имя чисто-художественныхъ потребностей.

„Впрочемъ, въ случаѣ нужды, можно было-бы обойтись и безъ пожертвованій. Я уже выше замѣтилъ, что на образованіе и первое обзаведеніе нашихъ провинціальныхъ музеевъ слѣдовало-бы употребить и постоянно издерживать часть общественныхъ капиталовъ, которые до сихъ поръ такъ часто тратились у насъ на излишніе и вовсе непроеводительные расходы. Въ настоящее время естественнѣе и законнѣе, чѣмъ когда-нибудь, надежда на то, что наши городскія общества будутъ обращаться съ своими капиталами бережливѣе и лучше, чѣмъ въ прежнюю и еще очень недавнюю пору. Не одно только купечество, но всѣ классы общества призваны у насъ теперь къ участію въ земскихъ дѣлахъ. Неужели-же и теперь между представителями нашего земства, даже въ отдаленныхъ провинціяхъ, не найдется людей просвѣщенныхъ настолько, чтобъ понимать, какая великая образовательная сила заключена въ произведеніяхъ искусства? Можно даже утверждать, что въ этомъ отношеніи скульптура и живопись имѣютъ для массы народа едва ли не больше значенія, чѣмъ самая литература.

„Въ этой мысли, несмотря на ея парадоксальный характеръ, заключается, по моему убѣжденію, много правды. Дѣйствительно, литературныя произведенія, за исключеніемъ развѣ только драматическихъ—и то далеко не всѣхъ,—не имѣютъ того общаго значенія, какое выпало на долю живописи и ваянія. Литература, какъ извѣстно, представляетъ почти такія-же кастовыя раздѣленія, какъ и самое общество, и почти каждый разрядъ его имѣетъ свою литературу. По крайней мѣрѣ, высокія созданія литературы, даже у самыхъ развитыхъ и образованныхъ націй, почти никогда не проникаютъ въ низшіе классы народа. Относительно живописи и скульптуры этого не бываетъ тамъ, гдѣ, при помощи всѣмъ и каждому доступныхъ музеевъ, искусство дѣлается общимъ достояніемъ и мало-по-малу очищаетъ испорченный вкусъ простонародья, выражающійся въ лубочныхъ и тому подобныхъ мараньяхъ. Мнѣ почему-то кажется, что эти музеи особенно благодѣтельно должны подѣйствовать на развитіе эстетическаго образованія именно въ нашемъ народѣ, который такъ щедро надѣленъ отъ природы художественнымъ чутьемъ и такъ блистательно заявилъ свою способность къ искусству, въ обширномъ значенія этого слова. Это тотъ самый народъ, который содалъ столько поэтическихъ, истинно-художественныхъ памятниковъ слова, еще такъ не давно обратившихъ на себя вниманіе русской науки, создалъ такіе чудные напѣвы, подобныхъ которымъ не легко встрѣтить гдѣ-бы то ни было, не исключая и самой прославленной Италіи. Какъ часто, бродя по безчисленнымъ музеямъ Европы и встрѣчая тамъ толпы простолудиновъ, съ сожалѣніемъ вспоминалъ я о даровитомъ нашемъ народѣ, для котораго не существуетъ и тѣни подобной роскоши! Нерѣдко также поражался я, при этомъ, простодушнымъ и тупымъ выраженіемъ, которое очень рѣзко отражалось на лицахъ едва-ли не большинства подобныхъ любителей искусства, и соображая, въ то-же время, вообще ихъ неразвитость, невольнo удивлялся тому, какъ мало еще до сихъ поръ огромныя и вѣковыя средства искусства и науки подѣйствовали, даже въ самыхъ образованныхъ государствахъ Западной Европы, на развитіе народныхъ массъ. Неужели и нашъ даровитый народъ, принимая эти слова въ тѣсномъ смыслѣ, такъ-же мало воспользовался-бы такими сокровищами искусства? Не онъ-ли выдвинулъ изъ своей среды столько замѣчательныхъ художниковъ? Масса ихъ, разумѣется, увеличилась-бы очень значительно, еслибъ наша провинція представляла хотя какія-нибудь средства для развитія эстетическаго образованія.

„Въ вѣрности этого замѣчанія едва-ли кто-нибудь усомнится; но все-же, для подтвержденія его, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о заграничной моей встрѣчѣ съ однимъ замѣчательнымъ русскимъ живописцемъ, который, подобно многимъ изъ своихъ товарищей, пришелъ когда-то въ Петербургъ чуть не пѣшкомъ, изъ одной отдаленной губерніи, съ неодолимымъ желаніемъ учиться въ академіи художествъ. Къ довершенію интереса этой встрѣчи, нужно еще прибавить, что почтенный мой знакомецъ и до сихъ поръ числится раскольниковъ. „Скажите мнѣ, пожалуйста, И. А., спросилъ я его однажды: что побудило васъ сдѣлаться художникомъ и рѣшиться на такую дальнюю дорогу?“ — „Случилось это вотъ какъ, отвѣчалъ мнѣ почтенный И. А. Въ Оренбургской Губерніи, невдалекѣ отъ той деревни, откуда я родомъ, находится село, которое когда-то принадлежало поэту Державину. Здѣсь, въ сельской церкви, есть нѣсколько иконъ, написанныхъ, по просьбѣ Державина, близкимъ его пріителемъ, Владиміромъ Лукичемъ Боровиковскимъ, который и до сихъ поръ удерживаетъ за собою славу одного изъ лучшихъ нашихъ представителей религіозной живописи. Эти иконы — прибавилъ И. А. (съ точностію передаю смыслъ его словъ) считаются въ нашемъ околедѣ не только религіозною, но и художественною святынею. Окрестный народъ толпами ходитъ въ сельскую церковь не только для того, чтобъ помолиться этимъ иконамъ, но и для того, чтобъ полюбоваться ими, какъ высокими художественными произведеніями. Имя Боровиковскаго пользуется въ этомъ околедѣ большою популярностію между простолюдинами. Здѣсь-го, заключилъ почтенный мой знакомецъ, и я получилъ первое понятіе о живописи и неоходимое къ ней влеченіе.

„Я привелъ этотъ случай, между прочимъ, съ цѣлью показать, что нѣтъ настоятельной необходимости въ обширныхъ музеяхъ, для пробужденія въ посѣтителяхъ ихъ художественнаго чувства. Нѣтъ сомнѣнія, что предпологаемые наши губернскіе музеи, не смотря на всю ихъ скромность, изъ которой они, безъ сомнѣнія, выйдутъ еще не скоро, принесутъ свою долю пользы. Намъ далеко еще до западной художественной роскоши; но это нисколько не должно насъ останавливать отъ учрежденія, хотя-бы и миниатюрныхъ, особенно вначалѣ, картинныхъ галлерей. Разумѣется, не только относительно количества, но и качества художественныхъ произведеній, онѣ еще очень долго будутъ уступать западнымъ музеямъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что эти музеи исключительно наполнены образцовыми произведеніями. Такихъ художественныхъ собраній, какъ флорентинская „трибуна“, вездѣ немного, и едва-ли не большая часть картинъ, наполняющихъ въ особенности второстепенныя галлерей Западной Европы, вовсе не отличается какими-нибудь особенными достоинствами, т. е. не блестятъ ни совершенствомъ техники, ни глубиной внутренняго содержанія. Тѣмъ не менѣе, каждое государство на Западѣ Европы ревниво оберегаетъ все или почти все, что произвело его искусство. Произведенія, даже не очень замѣчательныя, въ художественномъ отношеніи, тщательно хранятся тамъ, какъ имѣющія значеніе для исторіи искусства той или другой страны. Намъ-бы также слѣдовало подражать, въ этомъ случаѣ, мудрому обычаю Запада. Пора уже подумать, чтобы хоть сколько-нибудь оварить нашу однообразную губернскую жизнь свѣтомъ искусства.

„Мнѣ пришлось, въ ранней моей молодости, прожить нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ нашихъ провинціальныхъ.

городовъ, гдѣ теперь уже болѣе 50-ти лѣтъ существуетъ университетъ. Казалось-бы, что здѣсь скорѣе, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, можно было натолкнуться на слѣды европейской жизни. И что-же? Въ цѣломъ городѣ нельзя было, въ то время, найти ни одной картины (не говорю уже о произведеніяхъ скульптуры), передъ которою-бы стоило остановиться на пять минутъ! И какою жалкою показалась мнѣ эта жизнь, съ ея мишурою, притазаніями на великосвѣтскій тонъ и гоньбою до истернки за послѣднею, хотя и запоздалою модою“.

Затѣмъ Н. М. возвратился къ этой темѣ въ 1881 г. въ своемъ замѣчательномъ очеркѣ „Родосская школа“, (стр. 44), каковой очеркъ сначала былъ написанъ въ формѣ публичной лекціи, читанной Н. М. въ Варшавѣ, въ пользу мѣстнаго отдѣла „Общества Краснаго Креста“, котораго г. Благовѣщенскій состоялъ довольно дѣятельнымъ членомъ. Въ настоящее время вопросъ о музеяхъ, къ общему нашему удовольствію, изъ области мечтаній перешелъ въ дѣйствительность и ожидаетъ дальнѣйшаго развитія.

III.

Выше мы сказали, что Н. М. Благовѣщенскій, въ концѣ 1872 г., былъ назначенъ ректоромъ варшавскаго университета. На этотъ высокій и весьма трудный постъ Н. М. былъ приглашенъ покойнымъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ, который, 23-го декабря 1872 г., обратился къ г. Благовѣщенскому съ слѣдующимъ письмомъ:

„М. г. Николай Михайловичъ! Позвольте предложить вамъ должность ректора варшавскаго университета. Вы знаете, какъ я всегда цѣнилъ и цѣню какъ ваши личныя достоинства, такъ и ваши ученые труды, а потому былъ весьма радъ, когда узналъ отъ попечителя варшавскаго округа ¹⁾, что мы можемъ рассчитывать на согласіе ваше принять это мѣсто. До какой степени оно важно, какъ въ политическомъ, такъ и въ ученномъ отношеніи, было-бы излишне распространяться, потому то никакого я не знаю лица, которое достойнѣ васъ могло-бы его занять. Искренно уважающій васъ гр. Дмитрій Толстой“.

„23-го декабря 1872 г.“

Н. М. Благовѣщенскій, въ продолженіе своей свыше десяти-лѣтней службы въ Варшавѣ, вполне оправдалъ выборъ министра и утвердившаго этотъ выборъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра II.

¹⁾ О. О. Витте.

Николай Михайловичъ былъ вторымъ по времени ректоромъ созданнаго волею Монарха университета въ Варшавѣ — ректоромъ, горячо любящимъ науку и много ей послужившимъ (его предшественникомъ былъ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, извѣстный славистъ). Любя и служа наукѣ, Благовѣщенскій всегда любилъ и молодежь; отношенія его къ ней были преисполнены гуманности и такта,—и то и другое особенно потребовалось, вмѣстѣ съ твердостью и съ ясною программю дѣйствій, въ такомъ городѣ, какъ Варшава, все еще тогда стоящемъ, такъ сказать, на вулканической почвѣ...

Предѣлъ нашей статьи не позволяетъ намъ останавливаться на этомъ замѣчательномъ періодѣ въ жизни Николая Михайловича, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести здѣсь почти цѣликомъ первую рѣчь, сказанную ученымъ ректоромъ на торжественномъ актѣ варшавскаго университета, 30-го августа 1873 г.:

...., Объективность и всесторонность—вотъ тѣ два начала, которыя мы стараемся положить въ основу нашего университетскаго преподаванія. Они должны замѣнить собою прежнюю, нерѣдко діаметрально противоположную имъ, педагогическую систему, которая господствовала въ былое время въ Царствѣ Польскомъ и, очевидно, не могла быть для края благотворною ни въ научномъ, ни въ общественномъ отношеніи. Объективность и всесторонность образованія—вотъ въ чемъ Варшавскій университетъ такъ давно нуждался, вотъ та настоящая потребность, удовлетвореніе которой составляетъ благородную и высокую цѣль нашего университета.

„Не для того коснулся я этого важнаго, жизненнаго вопроса, чтобы обвинять прошлое, сложившееся, конечно, подъ вліяніемъ многихъ историческихъ условій. Миръ и любовь, а не вражду и запоздалыя пререканія должны мы, дѣятели Варшавскаго университета, приложить къ тому святому дѣлу, которому всецѣло отдали наши силы, но тѣмъ не менѣе, во имя этого самаго дѣла, мы обязаны честно и нелицемѣрно заявить наши убѣжденія и цѣли. Нисколько не отрицая великаго значенія субъективности въ наукѣ, мы убѣждены въ томъ, что и для нея означенныя начала представляютъ хорошую почву. Здѣсь, однако, рѣчь идетъ не о тѣхъ путяхъ, на которыхъ наука наиболѣе быстро подвигается впередъ, а о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она наиболѣе благотворно дѣйствуетъ на молодое поколѣніе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, воспитательное значеніе упомянутыхъ педагогическихъ началъ несомнѣнно и даже незамѣнимо въ тѣ моменты жизни того или другаго народа, когда онъ нуждается въ нравственномъ перерожденіи.

„*Maxima debetur puero reverentia*“, замѣтилъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ и благородныхъ писателей древности, говоря о дурномъ вліяніи на юношу окружающей среды. Въ чемъ-же должно выражаться это уваженіе къ юношѣ въ годы его воспитанія? Въ правильномъ и гармоническомъ развитіи его нравственныхъ силъ, его мыслительной способности, въ приученіи его къ возможно сознательному воспріятію истины, что достигается всестороннимъ изученіемъ того или другаго вопроса изъ области знанія. Понятно, что такое изученіе несомнѣннѣе съ навязываніемъ юношѣ, въ видѣ непреложной догмы, разныхъ субъективныхъ взглядовъ, такъ часто не имѣющихъ ничего общаго съ наукою. Неразумно и нечестно поступаетъ тотъ, кто намѣренно калѣчитъ нравственную природу молодого поколѣнія, кто завѣдомо вноситъ въ науку ложныя идеи, разжигаетъ страсти своего питомца и, вельдствие какихъ-нибудь личныхъ цѣлей, скрываетъ отъ него правду даже тамъ, гдѣ она очевидна. Говоря такъ, я преимущественно имѣю въ виду вопросы, а такихъ немало въ наукѣ, которые непосредственно соприкасаются съ жизнью, тѣ жгучіе вопросы, которые, какъ говорится, составляютъ злобу дня. Новая педагогическая система, которой мы служимъ, конечно, прежде всего постарается избѣжать указанныхъ недостатковъ. Безъ сомнѣнія, и она, какъ все человѣческое, не изъята отъ разныхъ несовершенствъ, но мы, по крайней мѣрѣ, можемъ надѣяться, что ни одинъ добрый отецъ и ни одна добрая мать не упрекнутъ насъ со временемъ тѣмъ, что мы загубили ихъ дѣтище.

„Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, не мало найдется также людей, несогласныхъ съ нашими педагогическими взглядами. И это тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что университетъ не исключительно вліяетъ на нравственное и умственное развитіе своихъ питомцевъ, такъ какъ, кромѣ того, они необходимо находятся подъ вліяніемъ окружающей ихъ среды. Насъ не должно, однако, смущать это явленіе; наша энергія не должна подавляться тѣми препятствіями, которыхъ мы, конечно, не мало встрѣтимъ на пути къ нашей цѣли. Борьба мнѣній и взглядовъ, безъ которой не проникаетъ въ жизнь ни одна новая идея, борьба упорная, хотя-бы и скрытая, неизбѣжна, и мы должны напрячь всѣ наши силы для того, чтобы явиться на это ратное поле въ духовномъ всеоружіи. И пусть насъ при этомъ поддерживаетъ и одушевляетъ мысль, что не только въ предѣлахъ нашего отечества, но и во всей остальной Европѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе признается культурное значеніе Россіи, которое уже не разъ, и притомъ въ фор-

махъ высоко гуманныхъ, такъ блистательно заявило себя не только на отдаленномъ востокѣ, но и въ западныхъ нашихъ окраинахъ. Мы не можемъ не чувствовать, что для покрытой побѣдными лаврами Россіи окончательно наступила завоевательная пора также въ области мысли и духа.

„И пусть не кажутся эти мои не только искренно прочувствованные, но и зрѣло обдуманная слова преждевременнымъ самовосхваленіемъ. Предвидя обычное, хотя и не особенно глубокомысленное возраженіе, которое они легко могутъ вызвать съ разныхъ сторонъ, я считаю достаточнымъ, въ отвѣтъ на него, ограничиться замѣчаніемъ, что высокое и культурное значеніе того или другаго народа не столько опредѣляется количествомъ грамотныхъ его представителей, сколько степенью присущей ему нравственной силы. Самымъ культурнымъ народомъ до сихъ поръ еще являются въ исторіи древніе римляне, а у нихъ, какъ хорошо всякому извѣстно, отъ начала до конца народныя массы постоянно коснѣли въ невѣжествѣ. Притомъ, нужно-ли прибавлять, что у насъ такое печальное явленіе временное и переходное, что, можетъ быть, скоро наступитъ пора, когда оно обратится въ преданіе.

„Вотъ тѣ убѣжденія, которыя, мы надѣемся, все болѣе и болѣе будутъ проникать и въ среду нашихъ польскихъ соплеменниковъ, такъ какъ новымъ ихъ поколѣніямъ суждено развиваться, умственно и нравственно, въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, сравнительно съ поколѣніями предшесшими. Въ виду того неизбѣжнаго антагонизма, на который указано мною выше, для насъ, какъ педагоговъ, во всякомъ случаѣ, было-бы отрадно, если-бы наши питомцы, какъ можно чаще имѣли поводъ повторять тѣ прекрасныя слова, съ которыми Персій въ былое время обратился къ благородному своему наставнику, Корнуту: „Et premitur ratione animus vincique laborat“, то есть: „духъ мой подавляется твоимъ разумомъ и дѣлаетъ усилія для того, чтобы остаться побѣжденнымъ“.

IV.

Учено-литературная дѣятельность Н. М. началась еще въ Казани, гдѣ онъ прослужилъ болѣе семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ приобрѣлъ обѣ высшія ученныя степени: магистра римской словесности и доктора философіи и древней филологіи (въ 1847 и 1851 гг.). Для полученія ихъ требовался тогда, между прочимъ, письменный и устный экзаменъ почти по всѣмъ факультетскимъ

предметамъ. Магистерская и докторская его диссертация („De hieratica, quae dicitur, artis Graecorum statuariae periodo“ и „De Romanorum tragoedia“) остались въ рукописи, равно какъ и читанная имъ, по возвращеніи изъ-за границы, публичная лекція: „De veterum Graecorum pictura parietum. Изъ печатныхъ трудовъ Н. М. на латинскомъ языкѣ извѣстна брошюра: „De carminibus convivilibus eorumque in vetustissima Romanorum historia condenda momento“, Petrop. 1853 г.

Первый печатный трудъ Н. М. „О судьбахъ римской трагедіи“ появился въ 1848 г., въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ (№ 6-й). Затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ его монографій, очерковъ и ученыхъ замѣтокъ, перечень которыхъ подробно обозначенъ въ „Исторіи спб. университета“, Спб., 1870 г., на стр. 235 и 408, и въ до сихъ поръ еще не появлявшейся въ продажѣ брошюрѣ извѣстнаго московскаго профессора—И. В. Цвѣтаева: „Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго“, С.-Петербургъ, 1888.

„Вслѣдъ за первымъ моимъ литературнымъ опытомъ, говоритъ Н. М. въ указанной выше автобіографической запискѣ, я сдѣлался довольно усерднымъ сотрудникомъ извѣстнаго профессора Московскаго университета, П. М. Леонтьева, который началъ свои „Пропилеи“ моимъ изслѣдованіемъ: „О гіератикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ“. Въ 1850-хъ-же годахъ печаталась въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и друг. изданіяхъ, цѣлая серія моихъ статей о Горациіи, въ которыхъ онъ разсматривается какъ политическій дѣятель, глава литературной школы и частный человѣкъ. Въ 1864 г. всѣ эти статьи собраны были въ одну книгу, подъ заглавіемъ „Гораций и его время“.

Не мало изслѣдовавій Н. М. посвятилъ Ювеналу, о которомъ въ 1859 году онъ читалъ въ университетѣ публичныя лекціи, бывшія тогда въ Петербургѣ въ полномъ разгарѣ. Лично Н. М. главнымъ своимъ ученымъ подвигомъ считаетъ переводъ сатиръ Персія, — самаго труднаго для перевода и самаго темнаго изъ древнихъ писателей; переводъ Персія, исполненный Благовѣщенскимъ, сначала печатался въ министерскомъ журналѣ, а затѣмъ, въ 1873 году, былъ изданъ отдѣльною книгою. До этого времени сатиры Персія были у насъ вовсе неизвѣстны, такъ какъ русская переводная литература, которая еще въ Екатерининскую и Александровскую эпохи такъ внимательно относилась къ древнимъ классикамъ, вовсе не коснулась этого автора. очевидно, по необыкновенной трудности его пониманія. Такъ смотреть на

Персія и западная наука. Въ предисловіи къ своей книгѣ „Сатиры Персія“ Н. М. указалъ на смѣшное и неудавшееся предсказаніе аббата Моннье (онъ перевелъ Персія еще въ 1771 г.), который, повторяя и теперь столь обычную фразу о непроницаемой темнотѣ этого автора, прибавляетъ, что русскій его переводъ можетъ появиться развѣ только черезъ двадцать столѣтій. Впрочемъ, не лишнимъ будетъ замѣтить, что самое имя знаменитаго сатирика или, вѣрнѣе, моралиста Неронова вѣка оставалось въ Россіи невѣдомымъ до очень недавняго времени. По крайней мѣрѣ, массѣ образованныхъ читателей оно могло сдѣлаться извѣстнымъ не ранѣе 1866 г., когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ появилась статья Н. М. Благовѣщенскаго „Римскій сатирикъ Персія“.

Къ позднѣйшему времени авторства Н. М. относится: переводъ четырехъ сатиръ Ювенала (III, VII, VIII и X), напечатанный въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (1884, 4; 1885, 1; 1886, 2 и 1890 г.) и три изслѣдованія изъ области античной скульптуры: 1) Родосская школа, 2) Пергамская школа, 3) О художественномъ значеніи позднихъ эпохъ античной скульптуры (помѣщенные въ I, II и III т. „Вѣстника изящныхъ искусствъ“), и потомъ изданныя (въ 1891 г.) отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: „Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры“. Къ этимъ изслѣдованіямъ побудило Н. М. открытіе Гуманомъ пергамской „гигантомахіи“, съ которою Благовѣщенскій ознакомился въ Берлинѣ, въ 1881 г. „Сначала я хотѣлъ ограничиться описаніемъ этого знаменитаго памятника, замѣчаетъ Н. М., но затѣмъ расширилъ мою тему до размѣровъ монографіи о греческомъ искусствѣ въ эпоху діадоховъ (преемниковъ Александра Македонскаго), съ цѣлью указать на высокое значеніе его въ эту пору, отвергаемое Винкельманомъ и его послѣдователями“. Объ этомъ трудѣ Н. М. Благовѣщенскаго дали самый лестный отзывъ почти всѣ наши періодическія изданія и, между прочими, извѣстный казанскій ученый Н. Н. Буличъ ¹⁾. Наиболѣе полный учено-библіографическій перечень и обзоръ трудовъ Н. М. Благовѣщенскаго, за время съ 1848 по 1888 гг., составилъ проф. Вл. И. Цвѣтаевъ въ выше названной своей брошюрѣ ²⁾. Превосходный отзывъ объ изданіи Н. М. сатиръ Персія данъ извѣстнымъ ученымъ И. В. Помяловскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1873 г., № 2). Оба вѣкогда

¹⁾ „Волжскій Вѣстникъ“ 19-го марта 1891 г.

²⁾ Нѣсколько экземпляровъ этой брошюры находится въ книжномъ магазинѣ „Русской Старинѣ“, откуда и могутъ желающіе получить ее, выслать три почтовыхъ марки на пересылку.

слушатели Н. М. Благовѣщенскаго — гг. Помыловскій и Цвѣтаевъ—съ честью занимають кафедры римской словесности въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ (послѣдній изъ нихъ недавно перешелъ на кафедру археологій). Къ нимъ-же принадлежатъ И. А. Шенборъ, который раздѣляетъ преподавательскій трудъ вмѣстѣ съ И. В. Помыловскимъ; также В. И. Модестовъ—одесскій профессоръ и авторъ еще перваго у насъ, по времени, обширнаго и замѣчательнаго труда „Исторія римской литературы“. Изъ умершихъ слѣдуетъ припомнить Ионина и Ястребова, изъ которыхъ первый преподавалъ означенный предметъ въ Историко-филологическомъ институтѣ, а второй—въ Варшавскомъ университетѣ.

Наиболѣе полное опредѣленіе значенія ученыхъ заслугъ Н. М. Благовѣщенскаго мы находимъ въ запискѣ, представленной 8-го февраля 1891 г. историко-филологическимъ факультетомъ казанскаго университета, въ совѣтъ сего университета. Эта записка есть единоголасное представленіе факультета о возведеніи Н. М. въ почетные члены казанскаго университета. Избраніе это, также единоголасно состоявшееся въ совѣтъ сего университета, утверждено 25-го февраля 1891 года.

Приводимъ небольшую выдержку изъ означеннаго представленія факультета:

...„На профессорской кафедрѣ и въ литературѣ Н. М. Благовѣщенскій обнаруживалъ выдающуюся энергію въ разработкѣ разнообразныхъ вопросовъ избранной специальности, а его блестящія дарованія, огромный литературный талантъ, въ связи съ тщательностью отдѣлки въ каждой работѣ, давно завоевали ему видное мѣсто въ исторіи русской науки и просвѣщенія. Заслуги Благовѣщенскаго получаютъ тѣмъ большее значеніе и даютъ ему тѣмъ болѣе право на признательность современниковъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ пионеровъ живаго, всесторонняго изученія античной культуры, что онъ на всемъ пути многолѣтней практической и ученой дѣятельности остался неизмѣнно вѣренъ широкимъ, просвѣтительнымъ началамъ этого изученія. Читайте его послѣдніе труды: „Римскіе кліенты Домиціана въ вѣка“ („Русская Мысль“, 1890 г., апрѣль), „Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры“ (Спб. 1891 г.) или немного болѣе раннее изданіе „Сатиръ Персія“,—здѣсь вы чувствуете то-же горячее увлеченіе предметомъ, какое отличало его первые учено-литературные опыты, посвященные римской трагедіи и комедіи, древне-греческому искусству, римской исторіографіи, и обезпечило широкую извѣстность за его монографіями о Горации, Ювеналѣ и другихъ предметахъ науки объ античномъ мірѣ, за его изящными переводами труднѣйшихъ латинскихъ писателей и научными комментаріями къ нимъ. Начитанность Николая Михайловича въ древнихъ писателяхъ, знаніе современной ученой литературы, даръ блестящаго изложенія всегда служили для него средствомъ въ достиженію одной и той-же

цѣли: усвоить русскому образованному обществу живое пониманіе того, что есть просвѣдительнаго и облагораживающаго въ литературныхъ и вещественныхъ памятникахъ античной жизни, что способно поднять уровень гуманнаго образованія въ нашей странѣ. Вотъ почему читатель Николая Михайловича извлекаетъ изъ его ученыхъ трудовъ не одно специальное знаніе трактуемаго предмета,—въ немъ онъ находитъ опытнаго руководителя, дающаго ему и твердыя точки опоры, и вѣрную нить для того, чтобы разобратъся во множествѣ подробностей, уловить ихъ внутреннюю связь и получить ясную картину цѣлой эпохи. Гуманистъ-ученый, Николай Михайловичъ Благовѣщенскій является самымъ достойнымъ выразителемъ въ Россіи того направленія въ изученіи древняго міра, которое повсюду сопровождается подъемомъ интереса въ обществѣ къ наукѣ, просвѣщенію и къ главному разсаднику ихъ, университету“.

Этою справедливою оцѣнкою, сдѣланною представителями казанскаго университета, ученыхъ заслугъ Николая Михайловича Благовѣщенскаго, мы заканчиваемъ нашъ очеркъ его полувѣковой дѣятельности какъ ученой, такъ и общественной, и сердечно привѣтствуемъ высокоуважаемаго профессора и дѣятеля трехъ университетовъ.

Ред.

25-го января 1892 г.

Спб.

Рисов. проф. Ѳ. Солнцевъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

А. Турцевичъ. Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособие для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вильна. 1892 г. 776 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Преподавателю одной изъ виленскихъ гимназій и виленской римско-католической духовной семинаріи, г. Турцевичу, пришла счастливая мысль составить хрестоматію по исторіи Западной Россіи, которая могла бы служить пособиемъ при преподаваніи исторіи въ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составитель въ высшей степени добросовѣстно исполнилъ поставленную имъ себя задачу, и какъ учителя гимназій, такъ и самостоятельно занимающіеся исторіею молодые люди найдутъ въ этой книгѣ обильный матеріалъ для дополненія и оживленія сухихъ и недостаточныхъ данныхъ учебника. Составитель не ограничивается вѣдшею исторіею, но даетъ не мало статей, почерпнутыхъ изъ трудовъ лучшихъ изслѣдователей внутреннего состоянія общества и народа. Мы встречаемъ здѣсь отрывки изъ сочиненій Антоновича, Костомарова, Владимірскаго-Буданова, Новицкаго, Кулиша, Соловьева, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, Васильевскаго и многихъ другихъ; иной разъ составитель приводитъ отрывки изъ трудовъ этихъ авторовъ въ сокращеніи или самъ составляетъ по нимъ очерки, или, наконецъ, заимствуетъ его изъ такихъ прекрасныхъ популярныхъ историческихъ книгъ, какъ „Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка“ В. И. Водозова. Наконецъ, значительное мѣсто отведено и первоначальнымъ источникамъ, каковы, напр., „Судебникъ“ короля Казимира Ягайловича (1468 г.), „Литовскій статутъ“, „Инвентари XVI вѣка“, „Уставъ львовскаго братства“ и проч.

Книга г. Турцевича несомнѣнно облег-

чить трудъ преподавателя и будетъ содѣйствовать какъ улучшенію преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго края, такъ и распространенію историческихъ знаній среди той публики, которой недоступны спеціальныя историческія изслѣдованія. В. И. С.

Черная вѣра или шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова (съ портретомъ и біографіею). Издано на средства частныхъ жертвователей въ пользу восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географ. Общества. Подъ редакціею Г. И. Потанина. Спб. 1891, XL+129.

Для читателей-неспеціалистовъ всего болѣе интересна въ этой книгѣ біографія Дорджи Банзарова, бурята, получившаго образованіе въ казанскомъ университетѣ и затѣмъ въ 1840-хъ годахъ ставшаго въ ряды нашихъ ученыхъ ориенталистовъ. Личность Банзарова можетъ заслуживать вниманія не только людей, интересующихся исторіею науки и живію замѣчательныхъ дѣятелей въ этой области, но еще болѣе соплеменниковъ Банзарова—бурятъ, среди которыхъ, по свидѣтельству г. Потанина, уже появляются лица съ среднимъ образованіемъ; нѣкоторые буряты начинаютъ даже принимать участіе въ мѣстной сибирской прессѣ, другіе примыкаютъ къ восточно-сибирскому отдѣлу Географическаго Общества. Этой едва нарождающейся молодой бурятской интеллигенціи книга, редактированная извѣстнымъ путешественникомъ Г. Н. Потанинымъ, будетъ пріятнымъ подаркомъ, такъ какъ разыскивать біографію и труды Банзарова въ мало-распространенныхъ ученыхъ изданіяхъ было-бы весьма затруднительно. „Приобщеніе бурятскаго племени къ общей русской духовной жизни, говорить г. Потанинъ, лучше всего можетъ быть до

стигнуто научною разработкою быта бурятъ и ихъ старины и изданіемъ книжекъ, посвященныхъ описанію ихъ родины, ихъ исторіи и современной жизни. Такая литература создаетъ духовное общеніе между русскою интеллигенціею и бурятскою средою". Пожелаемъ съ своей стороны, чтобы буряты-нехристиане не подвергались преслѣдованію въ религиозной области со стороны нѣкоторыхъ, не въ мѣру усердныхъ, мѣстныхъ администраторовъ и чтобы сближеніе ихъ съ русскими населеніемъ Сибири происходило добровольно, а не насильственно. „Для русскаго патріота и для человѣка, по добротѣ сердца интересующагося судьбою инородцевъ“, говоритъ авторъ біографіи, „истиннымъ огорченіемъ должно казаться, что вмѣсто внутренняго родства, коренящагося въ общности духовныхъ интересовъ, единственной связью, соединяющею инородцевъ съ русскимъ обществомъ, служитъ одно только чувство общей административной зависимости“ (стр. XXXII). Въ біографіи Банзарова мы встрѣчаемъ нѣсколько свѣдѣній и о другомъ образованномъ человѣкѣ, вышедшемъ изъ среды сибирскихъ инородцевъ — киргизѣ Валихановѣ, и, между прочимъ, узнаемъ, что его политическія убѣжденія сложились подъ вліяніемъ Дурова, сосланнаго въ Сибирь по дѣлу М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Любопытно, что даже теперь среди якутовъ попадаются отлѣльные развитыя личности, первыми руководителями которыхъ были политическіе ссыльные.

В. И. С.

Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Рѣчь, читанная 5-го ноября 1891 года въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета ордин. проф. Н. П. Загоскинымъ. Казань. 1892 г., въ 8 д. стр. 102. Ц. 60 к.

Первыя наши историческія хроника и древнѣйшіе расказы иностранцевъ описываютъ Россію на той стадіи развитія, когда еще въ ней вовсе не существовало смертной казни. Происходило это не оттого, чтобы наши отдаленные предки отли-

чались особенною гуманностью и незаблостью, но исключительно влѣдствіе слабости государственной власти, не могшей сначала захватить въ свои руки привилегію саморасправы. Этому періоду господства частнаго возмездія на преступленіе и наказаніе соответствовали институтъ „кровавой мести“, широко примѣнявшійся въ жизни и въ свое время санкціонированный во всѣхъ договорахъ русскихъ съ иностранцами. Усиленіе и развитіе государства повело сначала къ отлѣльнымъ случаямъ примѣненія судомъ постановленной смертной казни, а затѣмъ и къ установленію этого наказанія законодательнымъ путемъ. Первое такое постановленіе находимъ мы въ двинской уставной грамотѣ отъ 1398 года, гдѣ смертная казнь чрезъ повѣщаніе назначается вору, совершившему троекратную кражу. Разъ принятое нововведеніе получило тотчасъ широкую примѣняемость, и затѣмъ вплоть до середины XVIII-го вѣка развивалось безостановочно, постоянно усиливаясь въ жестокости. Императрица Елисавета Петровна, на время своего царствованія, пріостановила дѣйствіе смертныхъ приговоровъ, но ея преемниками, они, попрежнему, приходились въ силу и находили себѣ опору въ законѣ. Нѣкоторыя попытки ограничить область примѣненія смертной казни сдѣланы были въ царствованіе Александра I-го; проектъ новаго уголовнаго уложенія въ 1824 году вызвалъ въ Государственномъ Совѣтѣ горячія пренія, причемъ адмиралъ Мордвиновъ явился благороднымъ защитникомъ совершенной отлѣнны такого рода карательной мѣры. „Имѣеть ли человѣкъ право, спрашивалъ онъ, отнимать у подобнаго себѣ то, чего, раскаявшись впоследствии, онъ не въ силахъ ему возвратить?... Нравственный и всеобщій законъ, воспрепятствующій убивать безоружнаго, долженъ ли измѣниться въ своей правотѣ въ примѣненіи къ обществу, а окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности его быть долѣе вреднымъ, — не есть ли жертва бесполезная и невинная?“

Существенныя ограниченія смертной казни встрѣчаемъ мы только въ Сводѣ Законовъ и въ Уложеніи о наказаніяхъ 1845 года. Смерть, согласно имъ, влекутъ за собою важнѣйшія государственныя и карантинныя преступленія. Такимъ-же точно образомъ вопросъ разрѣшается и въ нынѣ дѣйствующемъ уголовномъ правѣ.

Источникомъ, откуда наше отечество позаимствовало смертную казнь, проф. Загоскинъ считаетъ Византію ¹⁾ и въ этомъ обстоятельстве старается найти оправданіе для русскаго духа и утѣшеніе національной гордости. Плохое оправданіе и слабое утѣшеніе! Прочитавши хотя-бы только очеркъ проф. Загоскина и въ немъ особенно стр. 53—58, никому-бы, вѣроятно, самому не пришли въ голову слова, которыя мы, однако, съ удивленіемъ встрѣчаемъ во главѣ настоящаго-же очерка. Вотъ они: „Великимъ народамъ не подобаетъ закрывать глаза передъ своимъ прошлымъ. Они не должны (!) стыдиться этого прошлаго, чтобы тѣмъ самымъ имѣть право гордиться (?) своимъ настоящимъ...“ Нѣтъ, не всегда, далеко не всегда, похвала является своевременною, иная лезть производитъ впечатлѣніе какъ разъ обратное тому, на которое рассчитывается...

Не представляя собою ничего оригинальнаго и самостоятельнаго, обширная активная рѣчь проф. Загоскина заслуживаетъ полнаго вниманія какъ сочиненіе популярное. Интересно и живо написанная, она можетъ быть съ пользою прочитана и тѣмъ, кто никогда не удосужился-бы заглянуть въ нѣкоторые спеціальныя курсы, и тѣмъ, кто захочетъ воскресить въ своей памяти соответственныя факты изъ исторіи русскаго права.

Н. В. В.

¹⁾ Мысль, обстоятельно доказанная еще проф. В. И. Сергѣевичемъ въ его классическомъ трудѣ по исторіи русскаго права: „Лекціи и изслѣдованія“. Спб. 1883. На сочиненіе это, кстати сказать, совершенно напрасно не обращено вниманія проф. Загоскинымъ.

Н. В.

Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта М. Лаврецкаго. Ревель. 1891 г., въ 8 д., стр. 55. Ц. 50 к.

Книжка составлена изъ отдѣльных очерковъ, печатавшихся сначала во „Всемирной Иллюстраціи“ за 1889 годъ. Въ полубеллетристической формѣ авторъ рассказываетъ о домашней и корпоративной жизни студентовъ, объ ихъ забавахъ и праздникахъ, о товарищескомъ судѣ, объ отношеніяхъ къ профессорамъ. Рассказъ ведется не стройно и послѣдовательно, а беспорядочно, случайными сценами, неожиданными скачками. Вышняя, показная сторона жизни скорѣе всего бросается въ глаза, потому и г. Лаврецкій описываетъ, по преимуществу, кутежи и попойки студентовъ, совѣмъ умалчивая объ ихъ научныхъ занятіяхъ и очень мало касаясь самаго университета. Только нѣсколько словъ говоритъ онъ о приѣмѣ студентовъ и при этомъ, хотя въ нѣсколько странныхъ выраженіяхъ, вѣрно отмѣчаетъ одну симпатичную, спеціально дертскую, черту. „Сколько задушевной теплоты, восклицаетъ авторъ, и истинно патріархальнаго, простаго и братскаго, въ этомъ приѣмѣ новичка!.. Если у него есть старыя грѣхи и недомыслия въ видѣ двухлѣтнаго пребыванія на одномъ курсѣ, если онъ по горячности поспорилъ съ своимъ прежнимъ начальникомъ, если, наконецъ, онъ — *horribile dictum!* — „заблуждался и увлекался“ различными теоріями, очаровавшись объятіями коварной дѣвополитики (!), — это все ничего. Старый Дерптъ и его еще болѣе (?) старый университетъ, изъ-за достоинства и уваженія къ себѣ, не захотятъ копаться въ его прошломъ, превращаясь въ старыхъ сплетницъ. Они вѣрятъ на честное слово будущему своему студенту...“ (стр. 6).

Русское общество такъ мало знакомо съ оригинальными порядками своего нѣмецкаго университета, оно имѣетъ такое превратное понятіе о корпоративной жизни студентовъ, что очерки г. Лаврецкаго являются совершенно кстати. Можно пожалѣть только, что многое въ нихъ писано,

очевидно, съ чужихъ словъ и потому не всегда вѣрно и точно; авторъ самъ подчеркиваетъ вымышленность всѣхъ встрѣчающихся у него именъ и названій; мы думаемъ, что замѣчаніе это надо еще сколько распространить: не одни имена, а, по правдѣ сказать, и нѣкоторыя сцены и описанія носятъ характеръ непосредственнаго творчества, приходившаго къ автору на помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдений и фактовъ оказывалось у него недостаточно. Разговорная форма очерковъ вызвана, вѣроятно, требованіями газетной работы; мы ничего противъ нея не возражали-бы, если-бы только она была удачно проведена, а то вѣдь теперь по г. Лаврецкому выходитъ такъ, что нѣмецкіе буриши плохо владѣютъ своимъ роднымъ языкомъ и всего чаще отдѣляются стереотипными словечками: „о ja, ja wohl!“ или „danke sehr“. Языкъ книжки свидѣтельствуетъ вообще о слабости беллетристическихъ способностей автора и о бесплодности его погугъ дать повѣстическія описанія природы.

Во всякомъ случаѣ, „Бытвыя картинки стараго Дерпта“ мы отмѣчаемъ съ удовольствіемъ, какъ, если и не безусловно, то въ общемъ правдивое изображеніе студенческой жизни и — что еще важнѣе — какъ книжку, написанную съ любовью къ университету и къ его старымъ порядкамъ; а последнее такъ рѣдко встрѣчается въ наше время...

Н. В. В.—въ.

Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей. Выпускъ 1: Норвежскіе писатели. Перев. М. В. Лучицкой. Киевъ. 1891 г., въ 12 д., 292 стр. Ц. 1 р.

Въ послѣднее время взоры читающей публики невольно обратились къ Норвегіи. Мало кому извѣстная до тѣхъ поръ изящная литература этой страны обогатилась вдругъ произведеніями двухъ писателей, имена которыхъ разнеслись по всѣмъ странамъ Европы и вызвали къ себѣ повсюду самое сочувственное вниманіе. Мы говоримъ о Бьернстернѣ-Бьернсонѣ

и о Генрикѣ Ибсенѣ въ особенности. Романы первого и драмы второго появились на Западѣ въ многочисленныхъ переводахъ, возбуждали оживленные толки среди читателей и со стороны критики удостоились единодушныхъ похвалъ. Россія не осталась чужда этому движенію. Изъ произведеній Бьернсона переведено было его очень оригинальный и сильный по замыслу романъ — „Новыя вѣвнія“, что же касается Ибсена, то мы не только имѣемъ теперь переводъ всѣхъ его главныхъ драмъ, но даже можемъ ихъ видѣть на сценѣ. И наша періодическая печать тотчасъ отовалась на такое „новое вѣвнiе“: во многихъ газетахъ и журналахъ появились критическіе этюды и отзывы о произведеніяхъ норвежскихъ писателей; интересующіеся найдутъ тамъ-же и ихъ біографическіе очерки. „Сборникъ“ г-жи Лучицкой, отмѣчаетъ, такимъ образомъ, уже существующему вопросу и будетъ принятъ, вѣроятно, съ полнымъ сочувствіемъ. Центральное мѣсто въ немъ занимаетъ драма Ибсена „Нора“ и повѣсть Бьернсона „Веселый малый“. „Нора“ называется иначе „Кукольнымъ домомъ“ и изображаетъ семью, въ которой мужъ несетъ все тягосты по добыванію средствъ для существованія и въ то-же время всѣ пріимущества сознательной интеллигентной жизни; напротивъ, жена нарочно устраняется мужемъ отъ всякихъ заботъ и отъ всѣхъ серьезныхъ разговоровъ; въ ней онъ хочетъ имѣть только игрушку, красивую куклу. Однако, ихъ карточный домикъ мгновенно рушится, едва внѣшнія обстоятельства заставляютъ Нору критически взглянуть на своего мужа; онъ видитъ, что тотъ разсуждаетъ и чувствуетъ совсѣмъ не такъ, какъ долженъ-бы разсуждать и чувствовать любимой ею женщиной, что она не имѣетъ ничего общаго съ этимъ ограниченнымъ эгоизмомъ, и тотчасъ покидаетъ и безъ того потухшій очагъ семейной жизни. Драма написана удивительно просто и рельефно, конецъ безъ всякихъ натяжекъ вытекаетъ изъ начала, оригинальная фигура Норы такъ

и стоять передъ читателями во всей прелесть своего чуткаго сердца и едва пробудившагося ума. Повесть Бьернсона рисуетъ трогательный романъ двухъ молодыхъ людей изъ крестьянъ; она немного длинновата, но зато мѣстами высоко художественна. Мелкія вещицы того-же автора довольно типичны. Но совѣмъ не понравились намъ рассказы Гарборга и Киланда, кажется, впрочемъ, что въ данномъ случаѣ приходится больше винить выборъ, сдѣланный переводчицею, чѣмъ самихъ авторовъ, пользующихся почетною известностью за другія свои, болѣе крупныя, произведенія.

За настоящимъ первымъ выпускомъ, который, отчасти благодаря хорошему, литературному переводу, читается съ большимъ удовольствіемъ, должно посадовать еще два, гдѣ будутъ даны образцы шведской и датской беллетристики. Пожелаемъ успѣха этому хорошему начинанію.

Н. В.—въ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки Н. Котляревскаго. Спб. 1891 г., въ 8 д., стр. 295. Ц. 2 р.

Лермонтовскій юбилей прошлаго года не много далъ въ дѣлѣ изученія произведеній умершаго поэта. Книжный рынокъ обогатился, правда, новыми изданіями его сочиненій, но все значеніе этихъ изданій заключается, прежде всего, въ ихъ крайней дешевизнѣ, а затѣмъ въ мелкихъ, подчасъ просто типографскихъ и грамматическихъ, исправленіяхъ текста. Такого научнаго изданія, гдѣ-бы сочиненія эти обставлены были хорошими историко-литературными комментаріями, не было раньше, не вышло и въ юбилейномъ году, не нашлось теперь также ни новыхъ рукописей, ни существенныхъ вариантовъ къ старымъ, уже извѣстнымъ, вещамъ. Исключеніе могъ-бы составить новый списокъ „Демона“, включенный въ изданіе Риккера, но онъ уже раньше былъ обнаругованъ проф. Висковатовымъ, да къ тому-же подлинность его въ настоящее время оспаривается.

Наши журналы отозвались на юбилей очень немногими статьями и притомъ блѣдными, неопредѣленными, точно авторы ихъ, не имѣя ничего новаго прибавить къ тому, что уже много разъ говорилось на ту-же тему, считаютъ своимъ долгомъ, однако, принести на могилу поэта нѣсколько печатныхъ страницъ¹⁾. На такомъ свромѣ еонѣ книга г. Котляревскаго ярко выдѣляется, какъ самая солидная, самая оригинальная работа о Лермонтовѣ. Авторъ очень серьезно смотритъ на свою задачу и, не довольствуясь сопоставленіемъ и толкованіемъ отдѣльныхъ стихотвореній, старается дать общую оцѣнку лермонтовской поэзіи и указать на ея значеніе въ исторіи русской литературы. Подводя итогъ всему, что сдѣлано предшественниками нашего поэта, г. Котляревскій замѣчаетъ: „Пусть многое въ поэзіи Лермонтова повторяло или развивало то, что уже давно было сказано Пушкинымъ въ періодъ его увлеченія Байрономъ, пусть эта поэзія менѣ пластична и менѣ объективно-спокойна, чѣмъ поэзія Пушкина, менѣ нравственна, чѣмъ поэзія Жуковскаго, менѣ глубока по мыслямъ, чѣмъ поэзія Баратынскаго, менѣ жизнерадостна, чѣмъ муза Языкова, пусть она была туманна по настроенію, безпринципна въ окончательныхъ своихъ выводахъ, иногда безъ причины задорна, — все-таки поэзія Лермонтова для молодого поколѣнія того времени носила въ себѣ больше элементовъ жизни, больше побужденій къ дѣятельности, къ движенію впередъ, чѣмъ поэзія старшаго поколѣнія“. Ея прогрессивное значеніе состояло въ томъ, что „она отвергла безотчетное поклоненіе старому, не позволяла людямъ засыпать въ довольствѣ настоящимъ, толкала ихъ впередъ, учила строгому суду надъ самимъ

¹⁾ Особое мѣсто занимаетъ только, появившаяся раньше, любопытная статья г. Герасимова: „Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ“. „Вопросы философіи и психологіи“, книга третья.

собой и была въ ихъ глазахъ художественно воплощеннымъ принципомъ вѣчнаго стремленія...“ (стр. 236 и 267). Эта общественная роль Лермонтова выяснена г. Котляревскимъ очень хорошо, но выставленная имъ вѣсть съ тѣмъ схема волнообразнаго колебанія въ настроеніяхъ и мысляхъ всего русскаго общества — кажется намъ въ настоящемъ ея видѣ одностороннею и точно не вполне продуманною. Авторъ отмѣчаетъ, что 1820-е, 1840-е и 1860-е годы были у насъ временемъ примиренія съ жизнью, на почвѣ ли эстетическихъ возрѣній или на почвѣ активной борьбы, тогда какъ промежуточныя десятилѣтія „тревожной растерянности духа“ знаменовали собой крушеніе старыхъ и исканіе новыхъ идеаловъ. Сближая настоящее время съ эпохою, когда жилъ Лермонтовъ, г. Котляревскій радуется, что мы не довольствуемся ближайшимъ наследіемъ отцовъ, возвращаемся къ лермонтовскимъ темамъ и все чего-то ищемъ, ищемъ хотя бы и ощупью, хотя-бы въ потьмахъ. Въ этихъ, яко-бы естественныхъ, отливкахъ и приливахъ общественнаго движенія г. Котляревскій не отмѣтилъ главнаго фактора, влияніемъ котораго они производятся. Большая или меньшая степень свободы въ прижизненіи тѣхъ или иныхъ идеаловъ къ жизни—вотъ причина, отчего мы то растерянно ищемъ, то примираемся съ действительностью. А если такъ, то ни отвлеченное исканіе, ни потемки не значащюють собою ничего, кромѣ внѣшней скованности общества, состоянія, которое прогрессивнымъ ни въ какомъ смыслѣ названо быть не можетъ. Другую слабую сторону настоящей книги мы видимъ въ томъ, что г. Котляревскій захотѣлъ написать нѣчто исчерпывающее о Лермонтовѣ: вѣзмъ главнымъ произведеніемъ поэта онъ отвелъ особые очерки, стараясь ничего не пропустить безъ своего спеціальнаго напут-

ствія; между тѣмъ нѣчто новое авторъ имѣлъ сказать только о Лермонтовѣ вообще, а въ критикѣ отдѣльныхъ произведеній онъ не проявилъ никакой самостоятельности. Это ему не мѣшало, однако, и старая мысли высказывать отъ своего лица, игнорируя всю предшествующую литературу вопроса.

Нашими замѣчаніями мы хотимъ не умалять, а только выяснить значеніе настоящей работы, которая, конечно, займетъ почетное мѣсто въ критической литературѣ о Лермонтовѣ. Пріятная особенность г. Котляревскаго—его блестящій слогъ и мѣткія сравненія. Для примѣра укажемъ на сопоставленіе Онѣгина съ Печернымъ, Лермонтова съ Демовымъ и др. (стр. 210, 42). Даже звучныя лермонтовскія строки г. Котляревскому удается передавать такою красивою прозою, что невольно дивяшься стилистическимъ способностямъ молодого автора.

Н. В. В.

Стихотворенія А. Ѳ. Иванова-Классика. Спб. Изд. Ѳедорова. 1891 г., въ 8 д., 187 стр. Цѣна не обозначена.

Среди умной поэзіи нашего времени пріятно встрѣтить сборникъ, отъ рѣшительныхъ строчекъ котораго вѣтъ не хандрою и печалью, но веселю бодростью здороваго человѣка. Въ этомъ все значеніе стихотвореній г. Иванова-Классика. Поэтическими красотами они не блещутъ, глубиной мысли—тоже. Нѣсколько изданныхъ пейзажей, двѣ-три прочувствованныхъ „думки“—вотъ все, что остановитъ на себѣ вниманіе читателя. Что-же касается переводовъ, то между ними есть весьма недурные: очень оригинально и красиво первое стихотвореніе Ж. Рамо (современнаго французскаго поэта)—„Звѣзды сердца“ и затѣмъ его-же — „Булла“. Особенною поэтическою задушевностью и прелестью пронизаны иные переводы съ малороссійскаго.

Н. В. В.—въ.

глядно обрисовать, таковы путь, духовно-нравственные личности литературных деятелей, итншихъ несомнѣнно и крупное вліаніе на наше умственное развитіе...". Отечественные писатели, идеи которыхъ внесены въ эту книгу, суть следующие: Карамзинъ, Жуковский, Крыловъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Салтыковъ, гр. Л. Толстой...

Ред.

Н. П. Лихачевъ. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археологическій очеркъ. Спб. 1891 г.

Въ такъ случаяхъ, когда палеографія, археографія и иконографія безцѣльнымъ образомъ точно время недатированныхъ рукописей, книги, гравюры и т. д., важнымъ вспомогательнымъ средствомъ служить рѣшеніе вопроса о бумагѣ разсматриваемаго памятника. Исторія видовъ бумаги, поочередно употреблявшихся въ Московскомъ государствѣ, и излагается въ сочиненіи г. Лихачева. Такъ какъ у насъ долго масса употреблялась бумага привозная — хорассанская, персидская, итальянская, французская, голландская, германская и польская, то авторъ сообщаетъ документальными свидѣтельствами по исторіи бумаги восточной и западно-европейской, пользуясь признаками, служащими къ опредѣленію ея происхожденія, въ особенности водяними рисунками (филигренами), употребленіе которыхъ замѣчается еще съ XIV вѣка, т. е. со времени привоза въ Москву западно-европейской бумаги. Домашее производство ея, начавшаяся малоудачными попытками при Грозномъ и Алексѣе Михайловичѣ, укрѣпилось у насъ только при Петрѣ I, о чемъ также сообщаются въ книгѣ точныя данныя. Къ сочиненію приложена альбомъ изъ 116 таблицъ съ изображеніями бумажныхъ водяныхъ знаковъ; при помощи этого альбома облегчается опредѣленіе періода производства и употребленія бумаги документа. Авторъ положилъ много труда надъ изученіемъ предмета, умно воспользовался обширною иностранною литературою и русскими архивными и рукописными матеріалами. Нѣсколько дополнительныхъ

свидѣній по этому вопросу намъ пришлось привести въ историческомъ изслѣдованіи „Протестанство и протестанты въ Россіи до вѣохи преобразованій“ (М. 1890 г.), гдѣ въ главѣ о службѣ иностранцевъ и о замѣстоивающихъ съ Запада, сообщая (стр. 716—717), между прочимъ, указанія на количество привозной бумаги чрезъ Архангельскъ въ 1621 году и на время основанія подмосковной, на рѣкѣ Пахрѣ, бумажной мельницы голландцемъ ванъ-Сведенемъ, сильнымъ инициаторомъ разныхъ начинаній въ Москвѣ по обрабатывающей и первоначальной промышленности.

Проф. Д. А. Цыгановъ.

Хронологія русской военной исторіи. Хронологическій указатель войнъ, сраженій и дѣлъ, въ которыхъ участвовали русскія войска отъ Петра I до новѣйшаго времени. Сост. помощникъ бібліотекаря Главнаго штаба А. С. Ладисскій. Спб. 1891 г., 8 д., стр. 289. Ц. 1 р. 50 к.

Эта книга должна сдѣлаться настольною у занимающихся отечественною и въ особенности военно-отечественною исторіею, въ высшихъ и среднихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ полковыхъ бібліотекахъ и бібліотекахъ разныхъ военныхъ учрежденій, — какъ хорошая справочная книга, безъ которой не можетъ обойтись ни изучающій военно-русскую исторію, ни въ особенности посещающій ей какое-либо свое изслѣдованіе — военно-историческій очеркъ, исторію полка и т. п. «На континентѣ Европы, замѣчаетъ почетный составитель книги, нѣтъ страны, за исключеніемъ Испаніи и Португаліи, куда не проникла-бы побѣдоносная русскія волека или въ качествѣ неприятеля, или въ качествѣ союзника... Въ странахъ Азіи (Кавказъ, Персія, Туркестанъ) Россія также вела многія войны... Сказанія и описанія этихъ войнъ, со временъ Петра Великаго, составилъ обширную историческую литературу. И вотъ А. С. Ладисскій выразилъ изъ нея наилучшія историческія изслѣдованія и составилъ, на основаніи ихъ, не существовавшимъ до сихъ поръ подробную и весьма обстоятельную «Хронологію русской военной исторіи»; книга эта даетъ полную справку по своему предмету.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДѢВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ф. ЦИЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и Б°). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Мохомов, д. Коха), **Н. И. Мажонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣвская ул.). Въ Бѣлѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редацію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлахъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить съ конторой редакціи слѣдующія изданія журналовъ:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (15 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (60 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (33 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (62 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (57 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (70 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (57 экз.), съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій.

МАРТЪ.

1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Книга дв-дцать въ Россіи въ 1780 и 1788 гг. Глава II. Очеркъ профес. В. А. Визебакова . . .	541	XI. Книга В. А. Чернасиѣя и болгарскіе патриоты въ 1877 г. Сообщ. Н. Х. Паладузовъ . . .	747
II. Записки доктора де-ла-Фланза, 1813—1814 гг. (Окончаніе) . . .	575	XII. Н. В. Гоголь и Изм. Изм. Срезневскій, 1834—1835 гг. Сообщ. В. Пли. Срезневскій . . .	751
III. Дневникъ академика и профес. А. В. Никитенко, 1871 годъ.	605	XIII. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ: письмо Ек. Быховцевъ 4-го августа 1841 г. о послѣднихъ дняхъ жизни поэта. Сообщ. В. Акер-Бломъ	765
IV. Посмертныя записки Нин. Вас. Берга, † 1884 г.	633	XIV. Наталья Александровна Герценъ въ 1834—1840 гг. Сообщ. В. С. Некрасова	771
V. Николай Михайл. Пржевальскій въ 1878—1888 гг. Воспоминанія В. Н. Рибаровскаго. (Оконч.)	653	XV. Новые труды Дн. А. Розинскаго. Сообщ. В. В. Стасова	793
VI. Бытовыя черты XVII вѣка. Сообщ. П. П. Оглобляевъ.	675	XVI. Тридцать первая годовщина дня освобожденія крестьянъ, 1861—19-е февраля—1892 гг.	809
VII. Соора двухъ предсѣдателей палаты въ г. Коломнѣ въ 1791—1793 гг. Сообщ. П. П. Шамко.	683	XVII. Матеріалы, замѣтки и стихи: Японцы въ Россіи въ 1736 г. (764).—В. В. Даль, 1827 г. (574).—Пароходъ "Таргъ" (769).—Ф. Достоевскій, 1857 г. (696).—В. Лануовскій (835).—Русскіе по "Фудзи. институтъ" (808).	
VIII. Павелъ Коншиничъ, витроп. тобольскій, въ 1758—1768 гг. Сообщ. проф. В. С. Никонниковъ	697	XVIII. Библиографическія замѣтки (на оборѣтъ и въ текстѣ, 837—844).	
IX. Картина "Накаринъ" въ 1853 г. Сообщ. С. В. Андимовъ	706		
X. Памятникъ гр. Н. Н. Муравьеву-Амурскому въ Хабаровскѣ. Сообщ. Дн. Г. Анучинъ	715		

ПРЕДЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ писателя и профессора Николая Васильевича Берга († 1884 года).— II. Изображеніе Н. М. Пржевальскаго въ гробу и видъ его могилы.— III. Два вида памятника графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Гравирон. П. П. Матющинъ.

Продолжается подписка на "Русскую Старину" изд. 1892 г.

Можно получить "Русскую Старину" изд. 1891 г. (Осталось 57 шт.).

Двадцать второй и третій годы изданія "Русской Старины" цѣна по 9 руб. за годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

Энциклопедическій Словарь. Над. Брокгауза и Ефрона.

Съ августа по конецъ 1891 года вышли 7-й, 8-й и 9-й выпуски этого важнаго и высоко-полезнаго изданія; 9-й выпускъ заканчивается статью „Вальтеръ“. Прислывавши покойнаго И. Е. Андреевскаго, въ трудахъ общаго редакторства Словаря, согласившея быть К. К. Арсеньевъ и заслуженный проф. Ф. Ф. Петрушевскій, имена которыхъ давно приобрѣли почетную извѣстность въ нашей наукѣ и литературѣ. Редакція особымъ отдѣломъ приняла на себя: профес. А. Н. Бекетовъ — биологическія науки, С. А. Венгеровъ — исторія литературы, профес. А. И. Воейковъ — географія, проф. Н. И. Карповъ — исторія, И. Н. Ореусъ — военный отдѣлъ, проф. Д. П. Менделѣевъ — химико-технической и фабрично-заводскій отдѣлъ, проф. В. Т. Собичевскій — сельское хозяйство и лесоводство, Владим. С. Соловьевъ — философія, проф. Н. Ф. Соловьевъ — музыка. — Веденіе дѣла такими силами можетъ вполне служить надежномъ порукою его основательности и многосторонней поучительности. Въ числѣ сотруди. Энцикл. Слов., даваемыхъ теперь уже до 100 человѣкъ, встрѣчается тоже не мало такихъ лицъ, имена которыхъ извѣстны всей образованной части русскаго общества. Въ появившихся до настоящаго времени выпускахъ Словаря помѣщено много статей, по обширности своей представляющихъ цѣлыя монографіи, крайне занимательныя и поучительныя, по своему содержанию, какъ напр.: Библиевская исторія, библиевскіе переводы, библиевскія общества въ Россіи, библиевскія библіотека, Висмарь, богословіе, Болгарія, ботаника, буддизмъ, Вавилонія и многія другія. Вышедшія достоинства изданія, по прежнему, вполне удовлетворительны, а рисунки, къ нему прилагаемые, особенно нѣкоторыя, очень изящны. Вообще это изданіе вполне хорошее.

Въ предисловіи къ 9-му выпуску сказано, между прочимъ, отъ лица редакціи, слѣдующее: „Въ началѣ изданія нашего Словаря предполагалось близко слѣдовать Брокгаузу (его изданію „Conversations-Lexicon“), въ большинствѣ случаевъ пере-

водить его; но уже въ первыхъ вышедшихъ выпускахъ началась отступленія отъ этого плана. Согласившись принять редакцію Словаря и познакомившись съ содержаніемъ вышедшихъ книгъ, мы не считали полезнымъ возвратиться къ первоначальному предположенію, но рѣшили дать еще большій перевѣсъ самостоятельнымъ статьямъ, какъ вообще, такъ и въ особенности по новымъ предметамъ, относящимся до Россіи... Различіе между составомъ обоихъ Словарей объясняется не пренебреженіемъ къ иностранному, а вполне естественнымъ стремленіемъ собрать въ русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ какъ можно больше русскаго или касающагося Россіи... При всемъ томъ, Словаря, будучи русскимъ по преимуществу, должны сохранить все иностранное, сколько-нибудь важное, замѣчательное или необходимое для справокъ“.

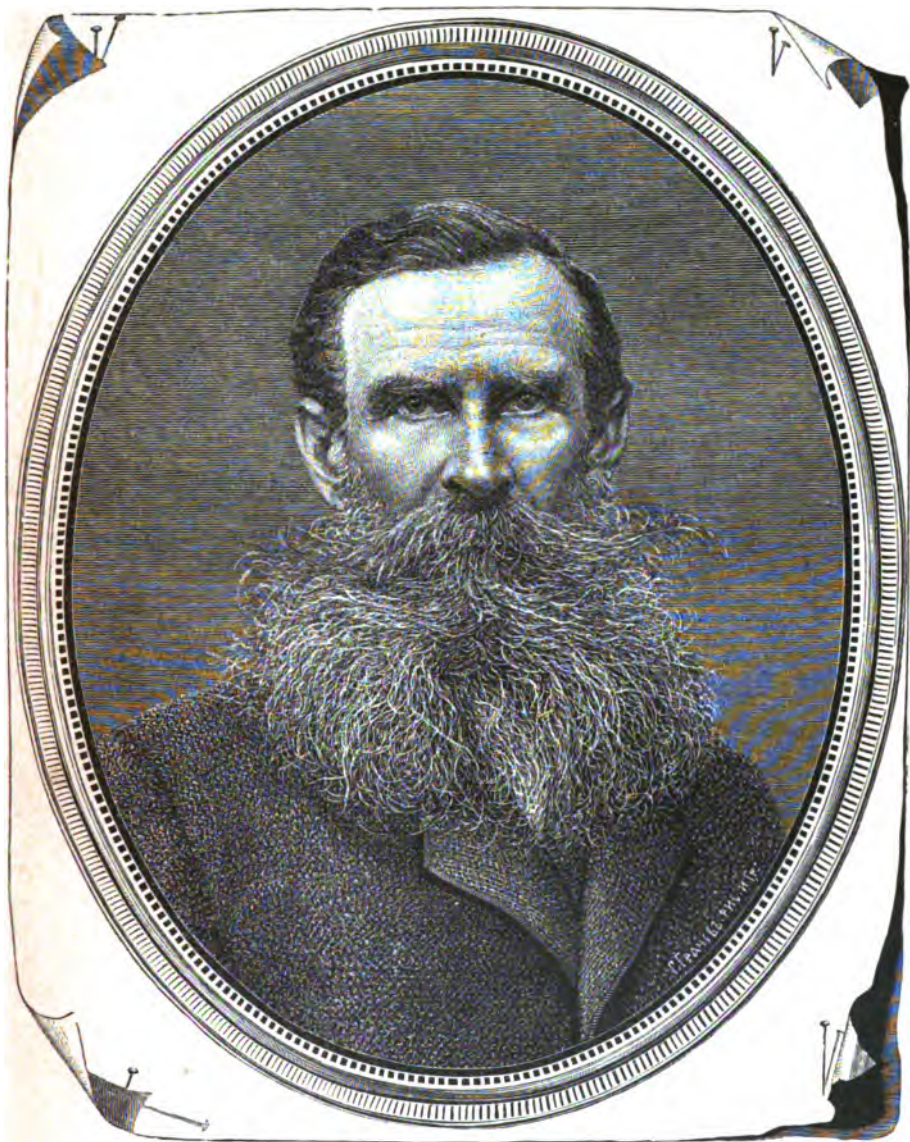
Къ подобнымъ намѣреніямъ новой редакціи, конечно, должно отнести съ наибольшимъ сочувствіемъ.

Пробавимъ кстати, что возможность приобретения этого важнаго изданія въ настоящее время значительно облегчена, даже и для людей со скромными средствами. Издателя нашли возможность избавить ихъ отъ одновременной уплаты 27 р. за всѣ 9 выпусковъ, а допустить постепенное приобретение вышедшихъ книгъ, въ сроки, удобныя для покупателей. Объ условіяхъ подобнаго приобретения можно спрашивать въ конторѣ редакціи Энциклопедическаго Словаря (С.-Петербургъ, Пречистинный переулокъ, д. № 6). Остаеся пожелать, чтобы какъ можно большее число лицъ и учрежденій воспользовались этимъ.

А. П.

1866—1891 гг. Двадцатипятилѣтіе врачей. Выпускъ изъ Императорской medico-хирургической академіи 1866 г. Составилъ Н. П. Черенинъ. Сиб. 1891. Стр. 48.

Первый таковой „Сборникъ“ вышелъ въ 1865 году. Затѣмъ, послѣ пяти лѣтъ, появился второй выпускъ, составленный Н. А. Воронихинимъ, въ 1890 г. Выпускъ 1885 года озаглавленъ: „1866—1885. На память дорогимъ товарищамъ. Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окон-

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БЕРГЪ

1823 $\frac{\text{р. 24-го марта}}{\text{† 16-го июня}}$ 1884 г.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

КНЯЗЬ де-ЛИНЬ ВЪ РОССИИ

въ 1780 и 1787—1788 гг.

II ¹⁾).

Князь де-Линь о русскомъ войскѣ.

мѣющіе писать рѣдко заглядываютъ въ казармы; посѣщающіе казармы рѣдко умѣютъ писать“ ²⁾)—такое мнѣніе князя де-Линь было имѣ-же самимъ опровергнуто: мѣняя шпагу на перо, онъ оставилъ 32 тома своихъ сочиненій, и военная наука отдастъ честь его перу не менѣе, чѣмъ военное искусство его шпагѣ.

Онъ былъ воинъ прежде всего, какъ и его предки за много поколѣній. Сформированный его прадѣдомъ „драгунскій полкъ князя де-Линь“ просуществовалъ два вѣка и только революціонное движеніе конца XVIII вѣка упразднило его. Онъ родился въ 1735 г., когда его отецъ, фельдмаршалъ императорской службы, былъ на войнѣ. Не няньки, старые драгуны роднаго полка убаюкивали ребенка разсказами о походахъ принца Евгенія; восьми лѣтъ, онъ, изъ оконъ отцовскаго дворца, слѣдилъ за осадю Брюсселя. Ему было 15 лѣтъ, когда онъ задумалъ уже бѣжать, подѣ чужимъ именемъ, въ полкъ, на войну, и на всѣ отговоры старыхъ воиновъ отвѣчалъ стихомъ Вольтера: *Rose et Fabert ont ainsi commencé* ³⁾). „Мнѣ при

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIII, февраль, стр. 275—312.

²⁾ *Oeuvres*, I, 4.

³⁾ *Enfant prodigue*, acte IV, scène 3.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1892 г., т. LXXIII, МАРТЬ.

этомъ живо представлялся Тюреннь, который, будучи десяти лѣтъ, спалъ уже на лафетѣ пушки; Аннибалу было всего девять лѣтъ, когда онъ появлялся отомстить римлянамъ“¹⁾.

Ни Тюреннь, ни Аннибалъ не помогли, и только по окончаніи полного курса въ страсбургской военной школѣ, въ 1752 году, князь де-Линь былъ опредѣленъ въ полкъ своего имени. „Я облачился въ военную форму, причастился величайшему изъ призваній человѣческихъ!“ Это не фраза съ его стороны: князь де-Линь создалъ себѣ особый культъ военного искусства, боготворилъ военное званіе и высоко держалъ знамя военного сословія. Въ своихъ „*Fantaisies militaires*“ онъ обращается съ слѣдующимъ увѣщаніемъ въ молодымъ людямъ, вступающимъ въ военную службу:

„Если вы происходите отъ героевъ, если вы происходите даже отъ боговъ, но если вы не бредите неустанно военною славою— не вступайте въ ряды воиновъ. Не говорите, что вамъ нравится военная служба: изберите лучше какую-нибудь другую. Не обманывайте себя: быть можетъ, вы безусловно исполняете свои обязанности, даже усвоили нѣкоторые принципы военного искусства— вы все-таки ремесленникъ, способный, дѣльный, но не артистъ. Любите военное ремесло превыше всего, любите его со страстью, да, именно со страстью. Пусть воодушевленіе горячитъ ваши головы, пусть честь электризуетъ ваши сердца, пусть огонь побѣды блещитъ въ вашихъ глазахъ. Если вы не мечтаете всечасно о восторгѣ стать воиномъ, если вы не пожираете военныхъ книгъ, не изучаете плановъ битвъ, если вы не умиляетесь при рассказахъ старыхъ солдатъ объ ихъ походахъ— бросьте военный мундиръ, который вы только позорите. Если васъ не чаруетъ батальонное ученіе, если вы разсѣянно слѣдите за маневрами—уступите свое мѣсто другому юношѣ, который удовлетворилъ-бы высказанному мною идеалу, который цѣнилъ-бы искусство Морица Саксонскаго“²⁾

Съ такимъ восторгомъ и увлеченіемъ вступилъ кн. де-Линь въ ряды своихъ драгунъ. Съ ними дѣлилъ онъ свою первую кампанію въ Семилѣтнюю войну, когда впервые и проявилъ безумную храбрость. Онъ дрался подъ Бреславлемъ, бился близъ Лейтена, и за побѣду при Гохкирхенѣ былъ возведенъ въ полковники. Въ это время вся императорская армія знала уже о его военныхъ подвигахъ, дивилась его беззавѣтной храбрости³⁾. Передавая ему патентъ

¹⁾ Oeuvres, X, 2.

²⁾ Aux commençaans. Oeuvres, II, 3.

³⁾ Du plus ou moins de mepris de la vie. Oeuvres, I, 231. „Смерть отъ

на чинъ полковника, Марія-Терезія сказала: „Не щадя своей жизни, вы погубили мнѣ цѣлую бригаду въ прошлую кампанію; не погубите двѣ въ будущую—поберегите себя для государства и для меня“. Въ 1765 году, князь де-Линь, будучи 30 лѣтъ, былъ произведенъ въ генераль-майоры.

„Я сдѣлалъ 12 кампаній, участвовалъ въ 27 битвахъ, а счетъ мелкихъ стычекъ и схватокъ я давно уже потерялъ“. Кн. де-Линь подробно описалъ всѣ эти кампаніи, битвы, стычки, и, что особенно важно, эти описанія составлены имъ по дневнымъ запискамъ ¹⁾, которыя онъ велъ во время похода, на бивакахъ, во время дневокъ или при роздыхѣ послѣ сраженія. Вся исторія Семилѣтней войны писана имъ „больше на сдѣлѣ, чѣмъ иначе“ ²⁾; такъ-же составлена имъ „Семимѣсячная война“ за баварское наслѣдство въ 1778 г. и „Семидневная“ 1784 г. въ Австрійскихъ Нидерландахъ ³⁾, только наша вторая турецкая война, въ которой кн. де-Линь также участвовалъ, изображена имъ въ письмахъ къ французскому послу въ Петербургѣ графу Сегюру и въ реляціяхъ къ императору Іосифу II.

Въ Семилѣтнюю войну, въ третью кампанію, 3-го октября 1759 г., князь де-Линь, находясь съ своимъ корпусомъ близъ Сорау, въ Бранденбургѣ, впервые увидѣлъ русскія войска. Авангардъ корпуса графа Салтыкова выслалъ развѣдчиковъ-казаковъ, доходившихъ до Сорау. „Казаки не скакали, а летѣли, сами не зная куда, озирались во всѣ стороны и быстро развѣдали всю окружающую насъ мѣстность“ ⁴⁾. Годъ спустя, въ октябрѣ 1760 г., впервые сошелся онъ, при занятіи Берлина, съ русскими военачальниками. Сообщаемыя имъ подробности о взятіи Берлина очень интересны, особенно для

вражьей пули славнѣе, завиднѣе смерти отъ ошибки аптекаря, отъ нечистаго ножа хирурга, отъ невѣжества врача и отъ тысячи случайностей“—таковъ тезисъ князя де-Линя.

¹⁾ Nous étions formés en arrière près du village de (effacé dans mes tablettes)... Oeuvres, XV, 83.

²⁾ J'ai écrit tout ceci plus à cheval qu'autrement. Oeuvres, XIV, préface.

³⁾ Исторія Семилѣтней войны составлена по диспозиціямъ, причѣмъ авторъ указываетъ и мотивируетъ всѣ отступленія отъ диспозицій; въ исторіи-же Семимѣсячной и Семидневной войны всѣ диспозиціи и распоряженія помѣщены въ приложеніи, вслѣдствіе чего рассказъ выигрываетъ въ живости, но терять въ точности. La Guerre de Sept-Jours явилась послѣдствіемъ стремленія Іосифа II промѣнять Бельгію на Баварію, была вызвана правомъ плаванія по Шельдѣ и привела къ уничтоженію голландскаго гарнизона въ бельгійскихъ крѣпостяхъ. Oeuvres, XVII, 87.

⁴⁾ Oeuvres, XV, 34; XVI, 128.

характеристики генерала Тотлебена, котораго кн. де-Линь обвиняетъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріателемъ, именно съ принцемъ Виртембергскимъ ¹⁾). Само собою разумѣется, что кн. де-Линь съ негодованіемъ говоритъ о перемиріи русской политики, вызванномъ воцареніемъ Петра III, когда „русскія войска, союзники Австріи, перешли на сторону пруссаковъ“ ²⁾). За этою перемирию вскорѣ послѣдовала, какъ извѣстно, новая перемирию: съ воцареніемъ Екатерины II русскія войска получили приказаніе возвратиться въ Россію. Кн. де-Линь отмѣтилъ и то зло, какое нанесъ австрійской арміи графъ Чернышевъ несвоевременнымъ исполненіемъ этого приказанія.

Въ рескриптѣ отъ 28-го іюня 1762 года, Екатерина писала гр. Чернышеву: „Тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотмѣнно, чтобы вы, получа сіе, немедленно возвратились со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію... Ежели-же его величество, король прусскій, въ томъ препятствовать начнетъ, то вы имѣете со всѣмъ вашимъ корпусомъ соединиться съ арміею и ближайшимъ корпусомъ императрицы цесаревы римской“ ³⁾). Графъ Чернышевъ не вывелъ своихъ войскъ, не соединился съ австрійскою арміею, а поступилъ прямо вопреки приказанію ⁴⁾): въ теченіе трехъ дней, съ 8-го по 11-е іюля, онъ оставался при прусской арміи, чѣмъ значительно облегчилъ движеніе Фридриха II на высоты Буркерсдорфа и Лейтмансдорфа—австрійцы, не зная еще о распоряженіи Екатерины, не могли ввести въ дѣло лѣвое крыло Дауна, стоявшее противъ корпуса Чернышева ⁵⁾).

Такимъ образомъ, первая встрѣча князя де-Линь съ русскими военачальниками, Тотлебеномъ и Чернышевымъ, въ Семилѣтнюю войну не могла расположить его въ пользу русскаго генералитета. Въ Семимѣсячной войнѣ за баварское наслѣдство, кн. де-Линь только слышалъ о дипломатическихъ способностяхъ русскаго генерала князя Н. В. Репнина.

19-го декабря 1777 года умеръ бездѣтный курфирсть баварскій Максимилянъ. Не смотря на несомнѣнныя права курфюрста Пфальцскаго, явилось нѣсколько претендентовъ на Баварію и въ числѣ ихъ, прежде другихъ, императоръ. Желая подкрѣпить свои притязанія, Іосифъ II началъ стягивать свои войска въ Чехію. Фрид-

¹⁾ Oeuvres, XVI, 44.

²⁾ Ibid., XVI, 117.

³⁾ Сборникъ, VII, 104.

⁴⁾ Oeuvres, XXIV, 160.

⁵⁾ Ibid., XVI, 140.

рихъ II двинулъ свои въ Силезію. Враждебныя войска, предводи-
мыя самими государями, сошлись близъ Кенигсгреца, на томъ самомъ
мѣстѣ, гдѣ, въ наши дни, былъ рѣшенъ вѣковой споръ Австріи и
Пруссіи. Въ 1778 году, Іосифъ II и Фридрихъ II спокойно стояли
другъ противъ друга, ничего не предпринимали, и только любезно
переписывались. Въ тайнѣ отъ императора, его мать Марія-Терезія
противодѣйствовала предстоявшей войнѣ, хлопотала о мирѣ ¹⁾ и
просила русскую императрицу быть посредницею. Екатерина II
поручила кн. Репнину эту „медіацію къ возстановленію мира“. Кон-
грессъ открылся 10-го апрѣля, а 13-го мая 1779 г. былъ заклю-
ченъ миръ.

Война за баварское наслѣдство—оригинальная, небывалая война.
Пфальцскій домъ, въ интересахъ котораго война была предпри-
нята, не принималъ въ ней участія; Баварія, изъ-за которой возго-
рѣлся споръ, не была театромъ войны; курфюрстъ пфальцскій,
высказавшійся противъ Пруссіи, Фридриху II былъ обязанъ выго-
дами мира. Этою войною безъ битвъ не былъ доволенъ кн. де-Линь.
„И не одинъ я: Марія-Терезія была недовольна, что миръ заклю-
ченъ не такъ скоро, какъ она желала; Іосифъ II былъ недоволенъ
тѣмъ, что миръ заключенъ помимо его воли; Фридрихъ II тѣмъ,
что, потерявъ 25 миліоновъ талеровъ, не могъ дѣлать то, что
желалъ; принцъ Генрихъ прусскій тѣмъ, что братъ во всемъ ему
перечилъ“ ²⁾).

Едва окончилась „война, въ которой не воевали“, какъ князь
де-Линь отправился, въ 1780 г., въ Россію. Онъ пробылъ въ Петер-
бургѣ около двухъ мѣсяцевъ, познакомился съ Екатериною, подру-
жился съ княземъ Потемкинымъ, не успѣлъ узнать ни Россіи, ни
русскихъ, и поѣхалъ въ Польшу. Только пять лѣтъ спустя, князь
де-Линь имѣлъ случай видѣть Россію, русскихъ, ближе познакомиться
съ русскимъ войскомъ и вполне оцѣнить русскаго солдата. Болѣе
двухъ лѣтъ провелъ онъ въ Россіи: въ 1787 году, онъ проѣхалъ
вмѣстѣ съ императрицею изъ Петербурга, черезъ Кіевъ, по Днѣпру,
въ Крымъ и обратно, черезъ Харьковъ, Тулу и Москву; въ 1788 г.,
онъ велъ вмѣстѣ съ кн. Потемкинымъ войну противъ турокъ, на-
ходясь то въ главной квартирѣ, въ Елизаветградѣ или Каменцѣ,
то въ траншеяхъ подъ Очаковымъ, то въ стоянкѣ у Рябой Могилы.

Екатерина, всѣмъ обязанная Россіи, даже до имени, рѣшилась
Россіи-же посвятить 25-й годъ своего царствованія и предприняла

¹⁾ Oeuvres, XVII, 37.

²⁾ Ibid., XVII, 71.

въ 1787 году путешествіе по русскимъ землямъ, „путь на пользу“, какъ сказано на медали, выбитой въ память этого путешествія ¹⁾. Оно извѣстно подъ названіемъ „таврическаго“ путешествія, такъ какъ главная цѣль и наиболѣе интересная его сторона заключалась въ посѣщеніи новопріобрѣтенной Тавриды и обзорѣни „государственнаго домостроительства“ кн. Потемкина.

Ни для кого изъ участниковъ этого путешествія не было тайною, что если не Екатерина, то кн. Потемкинъ желаетъ довести до разрыва съ Портою, что война съ Турціею неизбежна. Князь Потемкинъ создалъ черноморскій флотъ, настроилъ крѣпостей, сформировалъ войска, заготовилъ склады, наполнилъ магазины, на что потребовались огромныя затраты—не для того-же трудился князь Потемкинъ, чтобъ кто-нибудь другой пожаль плоды его трудовъ! Между тѣмъ, ходили слухи, проникшіе и въ заграничную печать, что устройство южныхъ губерній и Крыма, которымъ хвалился кн. Потемкинъ, значитъ только на бумагѣ; говорили даже, будто „вновь сформированныхъ“ легконныхъ полковъ вовсе не существуетъ и что роль ихъ будутъ играть переодѣтые гусары и пикинеры. Слухи были извѣстны кн. де-Линь ²⁾, знала ихъ и Екатерина. Понятно, поэтому, какъ поражена была императрица 30-го мая 1787 г., когда, высадившись въ Кременчугѣ, она увидѣла 50 или 60 эскадроновъ, въ карьерѣ мчавшихся на встрѣчу своей повелительницѣ.

„— О, какъ люди злы! какъ имъ хотѣлось обмануть меня“, сказала Екатерина князю де-Линь и, указывая на бравую конницу тотчасъ-же прибавила: „Съ такими войсками нельзя не презирать турокъ“.

„Императрица вынула изъ кармана табакерку съ портретомъ Петра Великаго и голосомъ, диктовавшимъ уже отвѣтъ, спросила меня, какъ всегда: „что сказалъ-бы онъ, что сдѣлалъ-бы онъ, еслибъ былъ здѣсь“? Понятно, что отвѣчалъ я, желая сказать ей пріятное, мечтая только о войнѣ.—„А французы?“—„Имъ не до Турціи: они заняты дефицитомъ, національнымъ собраніемъ, быть можетъ, революціею“.—„А пруссаки?“ сказала императрица.—„Торопитесь, ваше

¹⁾ L'Impératrice nous a donné hier ainsi qu'à toutes les personnes qui ont l'honneur de l'accompagner une médaille d'or qu'elle a fait frapper. D'un côté de la médaille est son portrait et de l'autre la carte du voyage. L'inscription russe rappelle que cette année est la 25-e de son règne et que le grand voyage auquel elle l'a consacrée a été entrepris pour l'utilité publique. Денега графа Сегюра, отъ 24-го іюля 1787 года, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 217. Храповицкій, 41. Сборникъ, XXVII, 417.

²⁾ Oeuvres, XXIV, 3.

величество, императоръ возьметъ Бѣлградъ, вы—Очаковъ, Бендеры, Аккерманъ прежде, чѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ узнаетъ, что война объявлена“.

Во время путешествія, кн. Потемкинъ не разъ начиналъ рѣчь о томъ-же съ императоромъ Іосифомъ II, но никогда не рѣшался произнести слово война. Князь Потемкинъ просилъ князя де-Линя переговорить откровенно съ императоромъ. „Я переговорилъ.—Я не понялъ хорошенько, сказалъ мнѣ императоръ, чего хочетъ отъ меня Потемкинъ. Мнѣ показалось, что они удовлетворятся, если я сдѣлаю то-же, что сдѣлалъ для приобрѣтенія Крыма. Но что-же они сдѣлаютъ для меня, если въ одинъ прекрасный день я объявлю войну Пруссіи?“—„Все, государь, по крайней они такъ обѣщаютъ, и уже теперъ говорятъ: за услугу въ данномъ случаѣ всякое желаніе вашего величества будетъ исполнено“.—„Мое желаніе—Силезія, а война съ Турціею не дастъ мнѣ ея. Впрочемъ, мы еще увидимъ“.

Близъ Перекопа, конвой императрицы увеличился сотнями казаковъ. На другой день, для вѣзда въ Тавриду, татарская гвардія, вся составленная изъ молодыхъ мурзъ, окружила карету императрицы. Іосифъ II не могъ налюбоваться на ихъ молодцоватость, и пришелъ въ неописанный восторгъ отъ ихъ джигитовки, въ Иккерманѣ, во время обѣда. „Въ данный моментъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, мурзы разсыпались въ разныя стороны, ряды донцовъ раздвоились и мы увидѣли въ морѣ севастопольскую эскадру. Пушечная пальба съ судовъ, ружейный залпъ казаковъ. Вдругъ все стихло. Императрица поднялась съ своего мѣста, окинула насъ огненнымъ взглядомъ и провозгласила, указывая на императора: „Пью здоровье лучшаго моего друга“¹⁾. Императоръ цѣлуетъ ея ручку, принцъ нассаускій и я въ восторгѣ, что предстоитъ война, гр. Сегюръ въ недоумѣніи, Фидгербертъ философски равнодушенъ, гр. Кобенцль ищетъ уловить взглядъ императора, придворные застыли съ раскрытыми ртами“²⁾.

Мало по-малу и Іосифъ II понялъ чего отъ него хотѣли. За нѣсколько дней до отъезда, онъ обратился къ князю де-Линь: „Что это они мнѣ поютъ! Они собираются въ Константинополь? Что имъ дѣлать въ Константинополь?“—„Воскресить греческую республику“, отвѣчалъ я, улыбаясь.—„Повѣрьте мнѣ: когда они добьются своего, когда вступятъ въ Константинополь, они будутъ еще въ болѣшемъ затрудненіи, чѣмъ я. Впрочемъ, эта женщина въ рубашкѣ родилась“.

¹⁾ Храповицкій, 36.

²⁾ Oeuvres, XXIV, 7 sqq.

Вскорѣ по отъѣздѣ императора, Екатерина спросила князя де-Линь, почему-то на нѣмецкомъ языкѣ: „Какъ вы думаете, если вашъ государь, мой дорогой союзникъ, будетъ занять какимъ-либо сосѣдомъ, одна я, безъ его помощи, справлюсь?“ — „Всеконечно, ваше величество, отвѣчалъ я, прибавивъ: императоръ желалъ-бы причаститься вашей славы, не вашихъ приобрѣтеній. Слава Богу, намъ ничего не нужно“. — „Что сказалъ-бы онъ? Что сдѣлалъ-бы онъ?“ спросила императрица, смотря на портретъ Петра Великаго. — „Онъ отомстилъ-бы, отвѣчалъ я, свою прутскую капитуляцію. Очевидно, его Екатерина также обезчестила Россію, какъ наша прославила“.

8-го іюня князю Потемкину пожалованъ титулъ Таврическаго. „О, еслибъ не Франція, говорилъ мнѣ не разъ Таврической, мы сейчасъ-же начали-бы войну съ турками“. — „Очень вѣрю, отвѣчалъ я, но ваша пѣхота, пушки, боевые запасы, магазины?...“ — „Все готово, сказалъ кн. Потемкинъ: сто тысячъ человѣкъ ждутъ только моего: впередъ!“

Если такъ говорили съ императоромъ. Іосифомъ II и княземъ де-Линь, то не трудно себѣ представить какія инструкціи отъ императрицы и какія указанія отъ Потемкина получалъ Я. И. Булгаковъ, русскій посланникъ при Портѣ, прибывшій въ Севастополь для встрѣчи императрицы. Только въ іюлѣ Булгаковъ возвратился въ Константинополь ¹⁾. Два обстоятельства позволяли, однако, надѣяться, что потемкинское „впередъ“ не будетъ произнесено: голодъ въ Россіи, охватившій наиболѣе плодородныя области, и безпорядки въ Нидерландахъ, отвлекавшіе силы союзника, императора Іосифа II. Эти надежды были разрушены Портою.

По возвращеніи въ Константинополь, Булгаковъ вскорѣ замѣтилъ большую перемену въ настроеніи Порты. Великій визирь, при первомъ-же свиданіи, предъявилъ ему невозможныя требованія ²⁾, явно свидѣтельствовавшія о желаніи разрыва; рейсъ-эффенди едва выслушивалъ представителя Россіи ³⁾. Было очевидно, что проски

¹⁾ Par les dernières nouvelles qu'on a reçues de Crimée m-r de Bulgakow était encore à Sébastopol et n'avait pas pu metre à la voile pour se rendre à sa destination. Денеша гр. Сегюра, отъ 24-го іюля 1787 г., въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 218.

²⁾ L'exagération de quelques unes de ces demandes et surtout l'aigreur dont elles ont été accompagnées sont des preuves trop évidentes des intentions du ministère, qui veut absolument la guerre. Денеша гр. Шуазель-Гуффе, отъ 3-го августа, въ Парижскомъ Архивѣ, Turquie, vol. 27, f. 420.

³⁾ Le 26 juillet l'envoyé de Russie eut une conférence dans laquelle il comptait exposer les demandes de sa Cour, mais le reis-effendi ne voulu jamais le lui permettre. Ibid., f. 419.

англійскаго посланника ¹⁾ и личное положеніе великаго визиря ²⁾ одержали въ Портѣ верхъ надъ благоразуміемъ. 13-го августа 1787 г. Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ.

Въ Петербургѣ ожидали чего-либо подобнаго. Въ половинѣ іюля, кн. де-Линь предполагалъ отправиться въ Вѣну, Екатерина удержала его: „Я ожидаю курьера изъ Константинополя, который привезетъ мнѣ или объявленіе войны, или низверженіе великаго визиря“. Когда-же, въ воскресенье, 29-го августа, пришло извѣстіе о войнѣ, всѣ были поражены, не исключая императрицы; только для князя де-Линь это былъ счастливѣйшій день въ его жизни ³⁾.

„Я отправился во дворецъ, желая поздравить ея величество съ этою радостною вѣстью, и былъ пораженъ ея растерянностью. На всѣ мои заявленія, что наступаетъ давно жданная пора великихъ событій, громкихъ побѣдъ, она повторяла одно: „Я буду защищаться; ничего кромѣ этого я дѣлать не могу. На меня нападаютъ. Я буду защищаться, какъ могу“. Я не сомнѣвался, что кн. Потемкинъ прислалъ ей отчаянныя письма; ему чудилось уже, что турки жгутъ Царское Село, а что у него нѣтъ то того, то другаго“.

Князь де-Линь вскорѣ лично убѣдился, что у кн. Потемкина, дѣйствительно, многого нѣтъ.

Еще въ Крыму, императоръ Іосифъ II говорилъ кн. де-Линь: „Мнѣ кажется, что они хотятъ войны. Но готовы-ли они къ войнѣ? Я думаю—нѣтъ; во всякомъ случаѣ, я не готовъ. Я видѣлъ ихъ

¹⁾ Les perfides conseils du chevalier Ainslier, qui dans la même journée anime le vizir, le presse de faire la guerre, et court ensuite offrir basement ses services à l'envoyé de Russie. Ibid., f. 422. Графъ Безбородко, кромѣ англійскаго, называлъ еще прусскаго посланника: Le comte de Besborodko me fit le détail des ressorts que les ministres de Prusse et d'Angleterre avaient fait jouer pour porter les Turcs à la guerre (Депеша гр. Сегюра, отъ 12-го сентября, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 272). Самъ-же Булгаковъ имѣлъ случай убѣдиться, что злѣйшимъ врагомъ Россіи въ Константинополѣ былъ французскій посланникъ гр. Шуазель-Гуффье. Бантышъ-Каменскій. Словарь, I, 214.

²⁾ La guerre devient nécessaire à la conservation de ce premier ministre. Les ennemis l'ont accusé d'avoir épuisé le Trésor pour des armemens inutiles et en même temps il a reçu la nouvelle d'une sédition parmi les troupes rassemblées sur les frontières et qui demandent qu'on les renvoie ou qu'on les mène à l'ennemi... Il sacrifie l'intérêt public à sa conservation personnelle et se décide pour le parti qui en reculant sa perte lui permet encore l'espérance d'un succès. Депеша гр. Шуазель-Гуффье, отъ 3-го августа, въ Парижскомъ Архивѣ, Turquie, vol. 17, f. 420.

³⁾ Oeuvre, XXIV, 11.

корабли, ихъ крѣпости—все это едва начато, только чтобъ пустить пыль въ глаза. Ничего прочнаго, все сдѣлано наскоро, какъ-нибудь. Они обманываютъ императрицу¹⁾. Императрица настолько „была обманута“, что сама желала войны съ турками. Въ половинѣ августа, за нѣсколько дней до полученія извѣстія о заточеніи Булгакова²⁾, Екатерина писала Потемкину: „Всякія слабыя мѣры дѣйствительны быть не могутъ; тутъ не слова, но дѣйствіе нужно, нужно, нужно, чтобъ сохранить честь, славу и пользу государя и государства“³⁾. Когда-же Порта объявила Россіи войну, Екатерина съ безпокойствомъ спрашивала у князя де-Линь о возможной помощи со стороны ея единственнаго союзника, Юсіфа II. Вопросъ существенно важный и вполне естественный: революціонное движеніе, охватившее Фландрію, Брабантъ и Голландію заставило уже императора послать въ Австрійскіе Нидерланды 30,000 корпусъ и въ ближайшемъ будущемъ можетъ вполне отвлечь его вниманіе отъ Турціи. Кн. де-Линь былъ, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что Юсіфъ II не въ состояніи оказать императрицѣ дѣятельнаго содѣйствія. Екатерина спрашивала: „Какъ вы полагаете, что сдѣлаетъ императоръ?“ Кн. де-Линь отвѣчалъ: „Можетъ-ли ваше величество сомнѣваться въ немъ? Онъ пришлетъ вамъ свои добрыя пожеланія и, быть можетъ, своихъ солдатъ. Такъ какъ пожеланія пересылаются скорѣе и удобнѣе, то письмо императора будетъ переполнено ими“. Князь де-Линь ошибся: при первомъ-же извѣстіи о войнѣ, вѣрный союзникъ Екатерины „готовить 120 тысячъ, съ коими дѣйствовать намѣренъ, и множество генераловъ пожаловалъ, въ числѣ которыхъ и Лигніе⁴⁾).

Лигніе, т. е. кн. де-Линь, которому Юсіфъ II назначалъ видный постъ въ дѣйствующей противъ Турціи арміи. Кн. де-Линь никакъ этого не ожидалъ, и „по глупости“ отказался отъ командованія австрійскою арміею. „Много дѣлалъ я дурачества въ моей жизни, и кончилъ глупостью. Глупость эта состояла въ томъ, что я, никакъ не ожидавшій, чтобъ императоръ такъ скоро началъ

¹⁾ Oeuvres, XXIV, 5.

²⁾ Cette nouvelle inattendue arriva ici le dimanche matin, 9 septembre. Les lettres adressées au comte de Cobenzl avaient été envoyées ouvertes au prince Potemkin, par m-r Herbert, et le prince les ayant renvoyées sur le champ à l'impératrice. Elle les fit remettre à l'ambassadeur après les avoir lues. Депеша гр. Сегюра, отъ 12-го сентября, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 273.

³⁾ Сборникъ, XXVII, 421.

⁴⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, I, 463, 468. Сборникъ, XXVII, 426.

войну съ Турціею, особымъ письмомъ просилъ его величество разрѣшить мнѣ состоять при русской арміи въ качествѣ его корреспондента—для выработки плана войны, для согласованія дѣйствій обѣихъ армій, русской и австрійской, когда она откроетъ кампанію, для подготовки плановъ сраженій и т. п. Только-что я отправилъ свое письмо въ Вѣну, какъ узнаю, что императоръ мобилизовалъ уже 100,000-ный корпусъ, что я назначенъ фельдцейгмейстеромъ (что у русскихъ зовется генераль-аншефъ), что на меня возложено командованіе всею пѣхотою и, въ случаѣ отсутствія императора или фельдмаршала Ласси, даже всею арміею. Я хочу отказаться отъ русской службы. Поздно. Императрица не желаетъ. Она проситъ императора объ официальном моемъ назначеніи къ русской арміи. Письма наши скрещиваются. Императоръ ловитъ меня на словѣ. И вотъ я въ мундирѣ русскаго генераль-аншефа, съ турецкою саблею на боку, въ ожиданіи случая употребить въ дѣло турецкую саблю, пользуюсь австрійскимъ перомъ въ качествѣ дипломатическаго жокея лучшаго изъ пословъ, графа Кобенцля, день и ночь только думающаго о славѣ обѣихъ имперій, Австріи и Россіи“¹⁾.

Такъ рассказываетъ кн. де-Линь, не такъ смотрѣла на это Екатерина. Она интересовалась назначеніемъ князя де-Линь, зная его беззабѣтную храбрость и воинскую опытность, но она никого не просила о разрѣшеніи состоять при русской арміи. Императрица извѣщаетъ кн. Потемкина, отъ 12-го октября: „Линь все еще здѣсь и отъ своего двора ни о своемъ произвожденіи и ни о чемъ не извѣстенъ“; но спустя недѣлю, въ письмѣ отъ 18-го октября, уже прямо пишетъ: „Сего утра Линь получилъ отъ цезаря повелѣніе ѣхать къ вамъ; онъ думалъ имѣть команду, взять Бѣлградъ, а вмѣсто того, его шпіономъ опредѣляютъ. Если онъ вамъ будетъ въ тягость, то чаю его отправить можно въ Вѣну съ условіемъ о будущей или нынѣшней кампаніи, чтобы истолковалъ возможность или невозможность того, что вы разсудите, что вамъ дѣлать или не дѣлать. Онъ отправляется завтра къ вамъ и самъ весьма недоволенъ“²⁾.

Сидя въ Петербургѣ, легко, конечно, брать Бѣлградъ или Очаковъ. Въ городѣ распространялись такіа невѣроятныя вѣсти: „Публика лжетъ въ свою пользу, и города беретъ, и морскіе бои и баталіи складываетъ, и Царьградъ бомбардируетъ“, писала Екатерина еще отъ 24-го сентября³⁾. Быть можетъ, въ насмѣшку надъ желаніемъ

¹⁾ Oeuvres, VII, 151; XXIV, 13.

²⁾ Сборникъ, XXVII, 439, 440.

³⁾ Ibid., 426.

князя де-Линь „взять Бѣлградъ“, императрица не разъ спрашивала у него: палъ-ли Бѣлградъ? Кн. де-Линь отвѣчалъ: „Паша очаковский слишкомъ любезенъ и не допуститъ, чтобы бѣлградскій паша былъ въжливѣ его—онъ скорѣе повѣсится съ досады ¹⁾“.

19-го октября кн. де-Линь выѣхалъ изъ Петербурга и только чрезъ мѣсяцъ прибылъ въ Елизаветградъ, въ главную квартиру екатеринославской арміи ²⁾. Въ дорогѣ, отъ Петербурга до Елизаветграда, онъ написалъ: „Mémoires sur la guerre des turcs depuis 1736 jusqu'en 1739“, полагая, что „опытъ, пережитый 50 лѣтъ назадъ, поможетъ избѣгать прежнихъ ошибокъ“. Эти записки, составленныя во время пути, „почти по памяти“, любопытны потому особенно, что въ нихъ кн. де-Линь воспользовался разсказами кн. М. Н. Волконскаго ³⁾, состоявшаго адъютантомъ при генералъ-фельдмаршалѣ Ласси.

Болѣе года оставался кн. де-Линь при русской арміи, то подъ Кинбурномъ и Очаковомъ, то въ Елизаветградѣ и Яссахъ. Онъ писалъ довольно часто серьезныя реляціи своему императору Іосифу II, шутивыя письма своему другу гр. Сегюру въ Петербургъ, официальные депеши гр. Кауницу въ Вѣну, и въ этихъ реляціяхъ, депешахъ и письмахъ сохранилъ мною любопытныхъ подробностей, высказалъ много жѣткихъ замѣчаній, передалъ отдѣльные эпизоды, нарисовалъ мастерскіе портреты. Можно положительно утверждать, что для исторіи второй турецкой войны сообщенія князя де-Линь представляются источникомъ чрезвычайно важнымъ, какъ сообщенія очевидца, обладавшаго серьезною подготовкою для сужденія о всемъ имъ видѣнномъ и пережитомъ.

Въ Елизаветградѣ, особенно-же въ траншеяхъ подъ Очаковымъ, впервые увидѣлъ кн. де-Линь и научился уважать русскаго солдата. „Русскіе солдаты поютъ и пляшутъ въ траншеяхъ, гдѣ остаются безсмѣнно. Подъ градомъ пуль и идеръ, въ снѣгу, въ грязи, они всегда ловки, внимательны, послушны. Они смотрятъ въ глаза своимъ офицерамъ, стараясь угадать и немедленно исполнить ихъ желаніе“. Отъ такого опытнаго война, какъ кн. де-Линь, не укрылось, конечно, что замѣченныя имъ превосходныя качества русскаго солдата не столько созданы обученіемъ, выправкою, сколько даны самою природою русскаго человѣка, русскаго мужика. „Я вижу русскихъ людей, которымъ говорятъ: будьте тѣмъ-то, и

¹⁾ Oeuvres, XXIV, 15.

²⁾ Ibid., VII, 151.

³⁾ Ibid., VI, 8.

они дѣлаются тѣмъ-то. Они изучаютъ искусства, какъ „Le médecin malgé lui“ изучалъ медицину. Они—пѣхотинцы, матросы, стрѣлки, попы, драгуны, музыканты, инженеры, актеры, кирасиры, живописцы, хирурги, словомъ, на всѣ руки“ ¹⁾. Въ своихъ сообщеніяхъ кн. де-Линь ставитъ русскаго солдата чрезвычайно высоко, дивится его выносливости, благоговѣетъ предъ его преданностью долгу. Князь де-Линь высказываетъ убѣжденіе, что съ русскимъ солдатомъ можно взять не только Очаковъ, но самый Цареградъ, что русское войско „только тогда не одерживаетъ побѣды, когда его не ведутъ въ бой“. Въ этомъ случаѣ кн. де-Линь только повторилъ слова Екатерины, сказанныя ею 25 лѣтъ назадъ: „Знающимъ древнюю исторію нашего отечества, писала она еще въ 1762 году, довольно извѣстно, что воинство російское, когда еще и просвѣщеніе регулъ военныхъ ему не поспѣствовало, войска мужественнаго имя носило; но видѣвшимъ вѣка нашего настоящія уже времена, когда къ храбрости его природной дисциплина военныхъ присоединилась, доказательно и неоспоримо, что оружіе російское тамъ только славы себѣ не приобрѣтаетъ, гдѣ руки своей не подъяметъ“ ²⁾.

Послѣ русскаго солдата, русскій главнокомандующій болѣе всего поразилъ князя де-Линь. Много уже лѣтъ зналъ онъ кн. Потемкина; но только въ Елизаветградѣ онъ сошелся съ нимъ, сблизился. Военный шпіонъ, по словамъ Екатерины, дипломатическій жокей, по его собственному опредѣленію, князь де-Линь сталъ теперь другомъ кн. Потемкина. Австрійскій „генераль-аншефъ“ высоко цѣнилъ умъ и дарованія кн. Потемкина, но не признавалъ его способнымъ командовать батальономъ, не только арміею. Русскій главнокомандующій, по мнѣнію князя де-Линь—„ребенокъ, къ тому-же большой, властный и своенравный ребенокъ“ ³⁾, которому нужна еще нянька.

„— Неужели вы предполагали, спросилъ Потемкинъ князя де-Линь, что, пріѣхавъ сюда, вы будете водить меня за носъ?“

„— Неужели вы думаете, отвѣчалъ кн. де-Линь, что я пріѣхалъ-бы къ вамъ, если-бъ не предполагалъ этого? Для васъ, князь, столь лѣнливаго и неопытнаго, самое лучшее—довѣриться человѣку, который такъ дорожитъ вашею славою и славою обѣихъ имперій. Вамъ очень малаго не достааетъ, чтобъ стать совершенствомъ; но и гениаль-

¹⁾ Oeuvres, VII, 176, XX, 256, XXI, 19; XXIV, 91; Сборникъ, XXIII, 487.

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1762 г., № 80-й, отъ 4-го октября; Указы Екатерины, 111; П. С. З., № 11,688.

³⁾ Oeuvres, XXIV, 45.

ность ваша ни къ чему не послужить, если не будетъ поддержана довѣріемъ и дружбою.

„— Пусть императоръ вашъ перейдетъ Саву, тогда я перейду Бугъ.

„— Что за церемоніи: точно передъ дверьми въ залъ! Мой императоръ уступаетъ вамъ первенство. Противъ него цѣлая турецкая армія; противъ васъ—никого.

„— Какъ вы думаете, согласился-бы императоръ прислать намъ ордена Маріи-Терезіи и получить отъ насъ ордена св. Георгія для отличившихся въ союзныхъ арміяхъ?

„Я понялъ куда онъ мѣтитъ. У него страсть къ орденамъ. У него ихъ съ дюжину. Я увѣрилъ его, что взятіе Очакова стоитъ ордена Маріи-Терезіи“.

Этотъ разговоръ сообщенъ въ реляціи князя де-Линь императору Іосифу II изъ Елизаветграда, отъ февраля 1788 года; спустя полгода, въ письмѣ къ гр. Сегюру изъ лагеря подъ Очаковымъ, отъ 1-го августа, кн. де-Линь набросалъ слѣдующій портретъ князя Г. А. Потемкина:

„Это самый необыкновенный человѣкъ, котораго я когда-либо встрѣчалъ. Съ виду лѣнивый, онъ неутомимо трудится; онъ пишетъ на колѣни, чешется пятернею, вѣчно валяется на постели, но не спитъ ни днемъ, ни ночью—его вѣчно тревожитъ желаніе угодить императрицѣ, которую онъ обожаетъ. Каждый пушечный выстрѣлъ, нимало ему не угрожающій, беспокоитъ его потому уже, что можетъ стоять жизни нѣсколькихъ солдатъ. Трусливый за другихъ, онъ самъ очень храбръ: онъ останавливается подъ выстрѣлами и спокойно отдаетъ приказаніе. При всемъ томъ, онъ напоминаетъ скорѣе Улисса, чѣмъ Ахилла. Онъ очень озабоченъ въ ожиданіи опасности, но веселится среди опасности и скучаетъ среди удовольствій. Несчастный отъ слишкомъ большаго счастья, разочарованный во всемъ—ему скоро все надобѣдаетъ. Угрюмъ, непостояненъ; то глубокій философъ, искусный министръ, великій политикъ, то десятилѣтній ребенокъ¹⁾. Онъ вовсе не мстителенъ, онъ извиняется въ причиненномъ горѣ, старается исправить несправедливость. Онъ воображаетъ, что любитъ Бога, а самъ боится дьявола, котораго считаетъ сильнѣе и могущественнѣе самого Потемкина. Одною рукою онъ подаетъ условные знаки женщинамъ, которыя ему нравятся, а другою набожно крестится; то, скрестивши руки,

¹⁾ Vous êtes impatient comme un enfant de cinq ans, писала Екатерина кн. Потемкину въ началѣ второй турецкой войны. Сборникъ, XXVII, 434.

стоитъ передъ образомъ Богоматери, то обнимаетъ ими своихъ любовницъ. Императрица осыпаетъ его своими милостями, а онъ дѣлится ими съ другими; получая отъ нея земли, онъ или возвращаетъ ихъ ей, или уплачиваетъ ея расходы, не говоря ей объ этомъ. Купить имѣніе, устроить въ немъ колонаду, или разобьетъ въ немъ англійскій паркъ, и продастъ. То играетъ день и ночь, то не беретъ картъ въ руки; любить дарить, но не любитъ платить долги; страшно богатъ и постоянно безъ гроша; недовѣрчивъ и добродушенъ, завистливъ и признателенъ, скученъ и веселъ. Его легко убѣдить какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ, но онъ также точно легко и разубѣждается. Съ генералами онъ говоритъ о богословіи, съ архіереями — о войнѣ. Онъ никогда ничего не читаетъ, но старается все выпытать у собесѣдника, входя для этого даже въ споръ. Онъ умѣетъ придавать лицу то свирѣпое, то мягкое выраженіе: манеры его то отталкиваютъ, то привлекаютъ; онъ то гордый сатрапъ Востока, то любезнѣйшій изъ придворныхъ Людовика XIV. Подъ личиной грубости, онъ скрываетъ очень нѣжное сердце; онъ не знаетъ часовъ, причудливъ въ пирахъ, въ отдыхѣ и во вкусахъ; какъ ребенокъ всего желаетъ и какъ взрослый умѣетъ отъ всего отказаться; онъ воздерженъ, хотя кажется жаднымъ; вѣчно грызетъ ногти, яблоки или рѣпу, ворчитъ или смѣется, передразниваетъ или бранится, дурачится или молится, насвистываетъ или размышляетъ; зоветъ адъютантовъ, или прогоняетъ ихъ, опять призываетъ и ничего имъ не приказываетъ; легко переноситъ жару, вѣчно толкуя о прохладительныхъ ваннахъ, и любитъ морозы, вѣчно кутаясь въ шубы. Онъ появляется то въ рубашкѣ, то въ мундирѣ, расшитомъ золотомъ по всѣмъ швамъ; то босикомъ, то въ туфляхъ съ блестками; безъ шляпы, безъ фуражки, какъ я видѣлъ его даже подъ выстрѣлами; то въ рваномъ халатикѣ, то въ великолѣпномъ камзолѣ, въ звѣздахъ и лентахъ, съ портретомъ императрицы, осыпаннымъ брильянтами, служащими мишенью для непріятельскихъ пуль. Сгорбленный, съезженный, невзрачный, когда остается дома, онъ выпрямляется, вскидываетъ надменно голову, онъ гордъ, прекрасенъ, величественъ, увлекателенъ, когда является передъ своей арміей, точно Агамемнонъ въ сонмѣ греческихъ царей¹⁾.

¹⁾ Оеуврес, VII, 171. Кромѣ этого внѣшняго очерка, въ письмахъ князя де-Линя разсѣяно много данныхъ для обрисовки внутренняго облика князя Потемкина. Ограничимся однимъ примѣромъ. „На мое заявленіе о возможности стать господаремъ Молдавіи и Валахіи, князь Потемкинъ отвѣчалъ: „Плевать мнѣ на это; я былъ-бы уже королемъ польскимъ, если-бы пожелалъ;

Князь де-Линь сообщает о нѣсколькихъ случаяхъ безстрашія кн. Потемкина, не обращающаго вниманія ни на пули, ни на ядра¹⁾. Отдавая въ этомъ отношеніи полную справедливость кн. Потемкину, онъ указываетъ цѣлый рядъ промаховъ и ошибокъ главнокомандующаго, вовсе не подготовленнаго къ столь высокому и отвѣтственному посту²⁾. Когда кн. Репнинъ, принцъ Нассау или кто-либо изъ генераловъ дѣлалъ какое-либо предложеніе, даже не въ видѣ совѣта, кн. Потемкинъ отвѣчалъ: „Что-же я глупъ или ребенокъ? Я знаю лучше, чѣмъ кто-либо, что надо дѣлать“. Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ къ отзывамъ кн. де Линь должно относиться осторожно, нельзя довѣрять ему вполне; но не принимать ихъ во вниманіе или отвергать справедливость многихъ изъ его замѣчаній было-бы тоже большою ошибкою. Несомнѣнно только, что кн. де-Линь отдавалъ должное и главнокомандующему всякій разъ, когда, по его мнѣнію, представлялся къ тому достаточный поводъ.

Съ большимъ безпристрастіемъ и съ свойственнымъ ему добродушіемъ описываетъ кн. де-Линь осаду Очакова. Изъ его реляцій, писемъ и депешъ вырисовывается полная картина одной изъ важнѣйшихъ операций кампаніи 1788 года. Многія подробности, имъ сообщенныя, весьма интересны. Насколько намъ извѣстно, только кн. де-Линь сообщилъ обстоятельства, при которыхъ былъ раненъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, будущій Смоленскій:

„29-го августа, турки въ числѣ не болѣе сорока, прокравшись вдоль моря, взобрались по эскарпамъ и открыли ружейную пальбу по батарее принца Ангальта, смѣнившаго генерала Кутузова, того самаго, который въ послѣднюю войну былъ раненъ въ голову на вылетъ: пуля прошла сзади глазъ и, по какому-то необыкновенному случаю, не задѣла ихъ. Генералъ этотъ почти также былъ опять раненъ вчера въ голову, пониже глазъ, и долженъ, по моему мнѣнію, умереть не сегодня, такъ завтра. Я смотрѣлъ сквозь амбразуру на начало вылазки; онъ хотѣлъ послѣдовать моему примѣру и вдругъ былъ опрокинутъ“³⁾.

Этихъ подробностей нѣтъ ни въ письмахъ Потемкина, ни въ реляціяхъ главнокомандующаго, не смотря на то, что Екатерина

я отказался отъ герцогства Курляндскаго—я выше всего этого“. Oeuvres, XXIV, 182.

¹⁾ Oeuvres, VII, 194; XXIV, 97.

²⁾ Ibid., XXIV, 49 sqq.

³⁾ Ibid., XXIV, 136.

интересовалась раною Кутузова и не разъ упоминаеть о ней въ письмахъ къ Потемкину: „Отпиши, каковъ Кутузовъ и какъ онъ раненъ и отъ меня прикажи навѣдываться“¹⁾).

Оставляя отдѣльные эпизоды и мелкія подробности, изъ донесеній князя де-Линь явствуетъ, что, по его мнѣнію, осада Очакова велась неправильно и что, упустивъ время, князь Потемкинъ дозволилъ туркамъ усилить очаковскій гарнизонъ. Это-же мнѣніе высказывали принцъ Нассау и А. В. Суворовъ²⁾. Князь Потемкинъ былъ иного мнѣнія, и когда Екатерина указала ему на Очаковъ, какъ на главную задачу кампаніи, отвѣчалъ: „Кому больше на сердцѣ Очаковъ, какъ не мнѣ? Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня обращаются. Не стало-бы за доброю волею моею, если-бъ я видѣлъ возможность. Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада, по позднему времени, быть не можетъ — и къ ней столь много приготовленій! Очаковъ намъ нужно, конечно, взять, и для того должны мы употребить всѣ способы, вѣрные для достиженія сего предмета. Сей городъ не былъ разоренъ въ прошлую войну; въ мирное время турки укрѣпляли его непрерывно. Вы изволите помнить, что я въ планѣ моемъ наступательномъ, по таковой ихъ тутъ готовности, не полагалъ его брать прежде другихъ мѣстъ, гдѣ турки слабѣе. Еслибъ слѣдовало мнѣ только жертвовать собою, то будьте увѣрены, что я не замѣшкаюсь минуты; но сохраненіе людей, столь драгоценныхъ, обязываетъ идти вѣрными шагами и не дѣлать сомнительной попытки, гдѣ можетъ случиться, что потеря въ нѣсколько тысячъ пойдетъ, не взявши, и разстроить такъ, что, уменьша старыхъ солдатъ, будемъ слабѣе на будущую кампанію. Притомъ, не разбивъ непріятели въ полѣ, какъ приступимъ къ городамъ? Полевое дѣло съ турками можно назвать игрушкою; но въ городахъ и мѣстахъ таковыхъ дѣла съ ними кровопролитны“.

Эти и подобныя соображенія кн. Потемкинъ не разъ, вѣроятно, высказывалъ князю де-Линь въ долгіе мѣсяцы стоянки въ Елизаветградѣ. Тамъ, въ ежедневныхъ бесѣдахъ, „друзья“ обсуждали всевозможные военные вопросы; и теперь, какъ годъ назадъ, князь де-Линь высказывалъ довольно откровенно тѣ-же мнѣнія, интересовавшія кн. Потемкина настолько, что онъ тогда-же просилъ его изложить свои соображенія на письмѣ³⁾. Такимъ образомъ, явилась

¹⁾ Сборникъ. XXVII, 520, 522, 530.

²⁾ Храповицкій, 210.

³⁾ Mémoire que me demanda le prince Potemkin sur l'armée russe en général et particulièrement au sujet d'une guerre avec les turcs, dont il avait bien envie et moi aussi. Oeuvres, XXI, 299.

„Записка о русскомъ войскѣ.

„Русскій народъ, наиболѣе воинственный изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, достоинъ только удивленія. Очень немного подлежитъ измѣненію въ побѣдоносной арміи, съ самаго начала столѣтія, благодаря урокамъ Карла XII, ставшей непобѣдимой. Но другъ просить моего мнѣнія, главнокомандующій требуетъ совѣта—я повинуюсь.

„Я полагаю-бы: каждый пѣхотный полкъ, въ составѣ 4,000 человекъ, раздѣленныхъ на четыре батальона; кавалерійскій—въ 2,000 коней, раздѣленныхъ на десять эскадроновъ. Въ каждомъ полку необходимо имѣть пять офицеровъ генеральнаго штаба; число строевыхъ офицеровъ можно оставить нынѣшнее. Необходимо увеличить денежную дачу солдатамъ и уменьшить доходы полковниковъ. Всѣ поставки снарядовъ, провіанта, фуража и аммуниціи должны производиться правительствомъ, во избѣжаніе воровства.

„Я уважаю религію, но мнѣ казалось-бы возможнымъ уменьшить посты во время походовъ и совершенно уничтожить ихъ въ госпиталяхъ, гдѣ я видѣлъ пациентовъ, готовыхъ скорѣе умереть, чѣмъ оскоромиться бульономъ въ постный день. Я люблю музыку, но у васъ слишкомъ ужъ много солдатъ берется въ музыканты. Изъ нихъ у васъ составитъ маленькая армія. Слѣдовало-бы ограничить: 12 музыкантовъ на полкъ. Я всегда за женщинъ, но 12 на батальонъ, 3 на эскадронъ совершенно достаточно въ военное время: во время мира—сколько угодно.

„Одежда русскаго солдата превосходна: удобна, здорова, красива. Мнѣ казалось-бы необходимымъ измѣнить только головной уборъ, чтобъ удобнѣе было спать и чтобъ можно было закрывать уши. Вашъ проектъ глухихъ жилетовъ, подбитыхъ для зимы мерлушкой, очень хорошъ. Петръ Великій далъ вамъ много европейскаго, особенно-же въ одеждѣ.

„Ваша конница неподобна. Для Россіи большая выгода, что она не нуждается уже въ покупкѣ лошадей за-границею: въ Германіи, Даніи, Голштиніи. Ваши фуры для раненыхъ и больныхъ очень хороши. Но вамъ необходимы врачи; въ каждомъ полку необходимъ одинъ главный докторъ. Русскіе такъ способны, что если вы выпишите искусныхъ профессоровъ изъ Франціи или Англіи, то они скоро создадутъ вамъ по врачу на батальонъ.

„Трезвость и умѣренность -- хорошія вещи, и въ необходимыхъ случаяхъ должны практиковаться; но хорошій бульонъ въ госпиталяхъ и говядина для солдата, по крайней мѣрѣ, два раза въ

недѣлю тоже необходимы. Ваши сухари, вашъ ржаной хлѣбъ всегда приводили меня въ восторгъ.

„По моему, гарнизонъ долженъ быть только въ Петербургѣ и состоять изъ гвардейскихъ полковъ; остальные-же пусть стоятъ въ деревняхъ, по воинскому постою. Быть можетъ, каждый полкъ могъ-бы составить свою деревню, при чемъ лѣтъ черезъ 15, каждая такая деревня могла-бы создать новую деревню, что значительно способствовало-бы развитію культуры и приросту населенія. Эти солдаты-землепашцы не отрывались-бы отъ плуга и призывались-бы ежегодно на мѣсяцъ, на два, для ученя, для маневровъ. Четыре инспектора въ каждой губерніи переѣзжали-бы изъ деревни въ деревню для надзора за комплектomъ и продовольствіемъ солдатъ.

„Пусть князья и всякіе родовитые люди служатъ въ гвардіи, если это имъ нравится; но во главѣ дивизій, бригадъ и полковъ должны находиться люди недостаточные, нуждающіеся въ службѣ. Тогда не будетъ этихъ обременительныхъ обозовъ, стѣсняющихъ движеніе части и увеличивающихъ расходъ по фуражу и продовольствію. Вы взяли этотъ примѣръ съ турокъ, но вамъ легко отъ него отказаться, разъ навсегда точно опредѣливъ число подводъ на полкъ.

„Необходимо освободить полки отъ малолѣтнихъ, причисленныхъ и сверхштатныхъ офицеровъ, отъ множества адъютантовъ, не знающихъ даже чьи они адъютанты, отъ всякихъ волонтеровъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ, отъ всѣхъ иностранцевъ, французскихъ и итальянскихъ авантюристовъ, нерѣдко негодяевъ, высланныхъ съ родины, отъ гувернеровъ разныхъ барчуковъ, отъ ихъ секретарей и писцовъ, отъ банкетовъ, знатныхъ путешественниковъ и другой сволочи.

„Особенно-же необходимо разъ на всегда покончить съ камергерами и камеръ-юнкерами въ чинѣ генералъ-маіора, которые не могутъ быть генералами и потому уже, что не въ силахъ покинуть Петербургъ хотя-бы на полгода разъ во всю жизнь! Невозможно давать военные чины гражданскимъ чиновникамъ. Я хорошо знаю, что кучеръ императрицы не полковникъ, какъ ходили слухи, но не слѣдуетъ давать хотя-бы малѣйшій поводъ къ насмѣлкѣ надъ военною службою. Необходимо уничтожить самое названіе „штатъ“ генерала: этотъ штатъ не всегда получаетъ жалованье и присужденъ питаться отъ злоупотребленій.

„Возвратите, князь, вашей прекрасной арміи ея прежнюю дисциплину, которую, какъ я вижу теперь, ослабила ваша доброта. Привычка къ почитанію и послушанію такъ вкоренена въ русскихъ, что

ваши генералы, офицеры и солдаты не тяготятся дисциплиною. Вы не любите, чтобы били людей. Наши палочные удары гораздо страшнѣе вашихъ батоговъ. Оставьте батожье противъ вольнодумцевъ, если таковые встрѣтятся, противъ пьяницъ и вообще неисправимыхъ, и не кляните прибѣгающихъ по нуждѣ къ батогу.

„Вы спрашиваете, что я думаю о войнѣ съ Турціею, которая не сегодня—завтра можетъ начаться? Вотъ что:

„Если желательно разъ на всегда изгнать турокъ изъ Европы, необходимо сдѣлать сильный и быстрый натискъ на невѣрныхъ. Ихъ надо огорошить, оглушить сразу, и тогда они поймутъ, что Магометъ покинулъ ихъ, и что есть пророкъ, превосходящій Магомета. Какъ это сдѣлать—можетъ сказать военный геній, воевавшій уже съ турками; я-же никогда турокъ даже не видѣлъ, хотя и желалъ-бы ихъ видѣть; къ тому-же, каюсь, я всегда думалъ, что вы, въ качествѣ князя Россійской Имперіи, ищете только предлога, чтобъ бить турокъ. Мнѣ кажется, однако, что двѣ такія имперіи, какъ Россія и Австрія, могли-бы въ полгода очистить Европу отъ турокъ, еслибъ рѣшительно и смѣло двинули каждая корпусъ въ 90.000 человекъ. Если оба корпуса будутъ надвигаться съ двухъ противоположныхъ сторонъ и, все разрушая, все разбивая, искать и бить непріятеля, уже ослабленнаго партизанскими набѣгами вашихъ казаковъ и нашихъ гусаръ, повѣрьте, о туркахъ будутъ только вспоминать въ Европѣ, но видѣть ихъ въ ней не придется уже болѣе ¹⁾.

„Возвращаюсь къ улучшениямъ вашей арміи.

„Вы отлично сдѣлали, князь, что преобразовали вашихъ гусаръ, которые были только подобіемъ гусаръ и никогда не могли владѣть такъ пикою, какъ казаки, которыхъ вы такъ любите. Казаки неоцѣнимы, когда они, какъ осы, набрасываются на отдѣльныя части арміи, тревожатъ, беспокоятъ ее всю, не давая возможности вздохнуть; они обезсиливаютъ непріятельскую армію прежде, чѣмъ она вступить въ бой съ врагомъ. Они очень хороши и для рекогносцировки, но ихъ необходимо научить держать связь съ арміею: они пускаются въ путь, многое узнаютъ, но подвигаются всегда впередъ и армія рѣдко бываетъ въ состояніи воспользоваться добытыми ими свѣдѣніями.

„Созданная вами легкая конница никогда не сравнится въ этомъ отношеніи съ казаками, и дѣлать разницу между ею и драгунами, право, не стоитъ. Мнѣ гораздо болѣе нравится другое ваше созда-

¹⁾ Подробный планъ войны съ турками изложенъ княземъ де-Линь въ писмахъ къ гр. Сегюру, отъ 1-го сентября 1788 г., изъ лагеря подъ Очаковымъ. Oeuvres, VII, 179—193.

ніе—стрѣлки. Я увѣренъ, князь, что въ первую-же войну съ турками стрѣлки окажутъ вамъ большую услугу.

„Необходимо улучшить вашъ инженерный корпусъ. Для этого, быть можетъ, потребуется въ началѣ помощь иностранцевъ. Было-бы хорошо соединить инженерный корпусъ съ артиллерійскимъ, чтобы покончить съ вѣчными раздорами этихъ двухъ корпусовъ.

„Такъ какъ, по моему мнѣнію, и въ администраціи, какъ въ литературѣ, не можетъ быть плагиата -- подражать хорошему всегда позволительно—то, подобно Австріи и Пруссіи, распределите полки между богатыми родами, чтобы каждый родъ заботился о своемъ полку.

„Не давайте, въ видѣ награды, военнымъ гражданскихъ мѣстъ. Вы этимъ только ослабляете военное сословіе. Наоборотъ: дурныхъ офицеровъ, въ видѣ наказанія, распределяйте по гражданскимъ должностямъ.

„Я часто вижу, что ваши офицеры мѣняютъ форму, иногда по три, по четыре раза въ годъ. Сегодня кавалеристъ, завтра инженеръ, потомъ стрѣлокъ или артиллеристъ. Едва-ли это хорошо. Офицеръ долженъ знать, что служба военная вездѣ почтенна и что только постояннымъ трудомъ въ одномъ направленіи достигается совершенство.

„Ваши гренадерскіе полки превосходны. Люди подобраны крѣпкіе, здоровые, по большей части старослуживые, но иногда слишкомъ ужъ рослые. По формѣ, трудно узнать, что они гренадеры — имъ нужно дать болѣе высокую каску и съ мѣхомъ. Возьмите свой красный карандашъ, что съ вами часто случается, и набросайте рисунокъ каски, столь же красивой, какъ наша гренадерская, но болѣе удобной.

„Ваши ружья могли-бы быть менѣ длинны, болѣе легки и стрѣлять также далеко. Вы можете поручить ружейному заводу въ Тулѣ произвести опыты и я убѣжденъ, что они будутъ успѣшны.

„По моему, слѣдуетъ короче стричь волосы вашихъ солдатъ — они очень длинны, а длинные волосы или требуютъ излишняго ухода, или остаются грязными.

„Я хотѣлъ-бы, чтобъ всѣ ваши кавалерійскіе полки маневрировали также, какъ вашъ полкъ и полкъ великаго князя—съ нѣмецкою точностью и русскою живостью. Въ другихъ полкахъ я замѣтилъ только живость и никакого равненія. Я хотѣлъ-бы назвать еще третій полкъ образцовымъ, но такого не видѣлъ. Изъ семи-десяти эскадроновъ, видѣнныхъ мною въ Полтавѣ, не было, какъ я тогда-же сообщилъ вамъ, ни одного, который зналъ-бы равненіе

и въ которомъ люди или лошади оставались-бы спокойными. Какой-нибудь мѣсяць упражненія легко исправить эти недостатки, и ваши войска, и теперь уже стяжавшія себѣ почетную извѣстность, станутъ еще совершеннѣе.

„Четыре пѣхотныхъ полка, въ 4,000-номъ составѣ каждый, въ губерніи; такъ какъ губерній 42, то на каждую губернію придется 16,000 человекъ, а на всю имперію 672,000 пѣхоты. Полагая по одному кавалерійскому полку на губернію и полкъ въ 2,000 коней, на всю имперію придется 84,000 конницы. Вотъ сколько требуется войска, чтобъ поддержать такой колоссъ, какъ Россія, которая прежде была тощею, а теперь съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе жирною. Войска двухъ губерній составятъ одинъ лагерь; всего въ имперіи 21 лагерь, по 36,000 въ каждомъ.

„Кромѣ доблестей многихъ изъ вашихъ генералъ-аншефовъ, доказавшихъ уже свои военные таланты, какъ неподобный князь Ренинъ, князь Григорій Долгорукій, Текели, храбрые графы Салтыковъ и Мусинъ-Пушкинъ, пылкій Каменскій и славный Суворовъ, внушающій довѣріе, въ русской арміи много генераловъ, которые, я увѣренъ, окажутъ вамъ большія услуги во время войны. Принцъ Ангальтъ, напимѣръ, Кутузовъ, маленькій Волконскій, Горичъ, Ферзенъ, вашъ племянникъ, князь Сергѣй Голицынъ, Спренг-иортень. Я также очень высокаго мнѣнія о генералѣ Паленѣ: держу пари, что это будетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ.

„Вотъ, любезный князь, все, что внушаетъ мнѣ ваша дружба и моя любовь къ вашей славѣ и къ славѣ Россіи, которою я отъ всего сердца моего интересуюсь и гдѣ я каждый день получаю новые знаки милости ко мнѣ“.

Князь де-Линь много писалъ о военномъ дѣлѣ; онъ много и съ различныхъ сторонъ изучалъ военное искусство. Мы не можемъ входить въ оцѣнку его знаній въ этомъ отношеніи—это дѣло специалистовъ ¹⁾; намъ извѣстно, однако, что герцогъ Веллингтонъ очень цѣнилъ военныя сочиненія князя де-Линь и что пруссаки имъ зачитывались ²⁾. Кн. Потемкинъ едва-ли даже прочелъ „Записку о русскомъ войскѣ“; для насъ-же она важна, какъ свидѣтельство лица во всякомъ случаѣ вполне компетентнаго о состояніи русской арміи наканунѣ второй турецкой войны.

¹⁾ Первый выпускъ „Записокъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи“, проф. Масловскаго, обрывается 1762 годомъ, можно надѣяться, что во второмъ выпускѣ мы прочтемъ уже отзывъ специалиста.

²⁾ Sainte-Beuve, VII. 192; Oeuvres. XXVI, 195.

Эта война велась не по плану, предложенному князем де-Линь¹⁾. Онъ даже былъ убѣжденъ, что она велась безъ всякаго плана и что, благодаря частымъ войнамъ съ турками, „русскіе сами стали турками въ военномъ дѣлѣ“²⁾. Вслѣдствіе этого, въ его донесеніяхъ и письмахъ разсѣяно много указаній на стратегическія и тактическія ошибки русскихъ полководцевъ, особенно-же по поводу осады Очакова, при началѣ которой онъ самъ участвовалъ. Очаковъ палъ вскорѣ по отъѣздѣ князя де-Линь изъ русской арміи. За предѣлами Россіи никто, конечно, не былъ такъ обрадованъ взятіемъ Очакова, какъ кн. де-Линь; онъ тотчасъ-же отправилъ особаго курьера въ Петербургъ, для поздравленія императрицы съ одержанною побѣдою. Екатерина отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ:

„Изъ письма вашего отъ 16-го января, которое я только-что получила, я вижу радость вашу, по случаю взятія Очакова. Прежде чѣмъ приступить къ штурму, фельдмаршалъ князь Потемкинъ, разумѣется, испыталъ всѣ другія средства. Самымъ удобнымъ временемъ для этого предпріятія было неоспоримо то, когда покрытый льдомъ Лиманъ дѣлалъ невозможною помощь осажденнымъ со стороны моря, взятіе-же города предоставляло время для принятія необходимыхъ предосторожностей въ будущемъ. Но нетерпѣніе молодыхъ людей, полныхъ отваги, но болѣе или менѣе легкомысленныхъ, завистниковъ, враговъ открытыхъ и тайныхъ, конечно, невыносимо въ подобныхъ случаяхъ и подвергло безконечнымъ испытаніямъ непоколебимую твердость и настойчивость фельдмаршала, что и доставляетъ ему въ моихъ глазахъ самую большую честь. Между прочими прекрасными и даже великими качествами его души, я всегда видѣла въ немъ способность прощать своимъ врагамъ и воздавать имъ добромъ; этимъ-то именно онъ и умѣлъ одерживать верхъ надъ ними. На этотъ разъ онъ въ полтора часа разбилъ и турокъ, и тѣхъ, кто его осуждалъ; теперь говорятъ, что онъ могъ-бы взять Очаковъ ранѣе; это правда, но никогда онъ не могъ-бы взять его съ меньшею невыгодою“³⁾.

¹⁾ Je ne fus ni écouté, ni entendu. Oeuvres, XXIV, 24.

²⁾ Oeuvres. XXIV, 18, 34, 39, 51, 61, 64 sqq. Cet empire si despote se met en république dès que la guerre commence. Sa majesté l'impératrice, à qui m-r de Czernichef a désobéi le premier jour de son règne, continue à l'être par les deux maréchaux, Potemkin et Romanzow. autant que l'impératrice Anne par m-r de Münnich. Ibid.. 160.

³⁾ Сборникъ, XLII, 3.

Едва-ли подѣ „завистниками“ и „врагами“ Екатерина разумѣла князя де-Линь; если-же разумѣла, то ошибалась. Князь де-Линь не написалъ императрицѣ ни одного письма изъ русскаго лагеря, и не скрывалъ отъ себя, что Екатерина пойметъ это молчаніе. „Императрица удивится, не получая отъ меня писемъ, но пойметъ со временемъ, что не могу-же я жаловаться на князя Потемкина, которому обязанъ милостями императрицы, и что я настолько правдивъ, что не могу одобрить дѣйствій князя“ ¹⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по ходу дѣла требовалось повелѣніе императрицы, князь де-Линь писалъ все-таки не ей, а графу Кобенцлю, императорскому послу въ Петербургѣ, который передавалъ просьбу князя де-Линь въ видѣ собственныхъ соображеній ²⁾. Не смотря на временныя размолвки, на противоположность взглядовъ, на частые споры, кн. Потемкинъ всегда относился къ князю де-Линь съ довѣріемъ и никогда не видалъ въ немъ ни врага, ни завистника. Въ письмѣ къ императрицѣ отъ 5-го мая 1788 года, когда князь Потемкинъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи, онъ писалъ: „Дѣла много, оставляю злобствующихъ и надѣюсь на васъ, матушка. Принцъ де-Линь, какъ ветряная мельница: у него я то Терцить, то Ахиллесъ“ ³⁾. Князь де-Линь не могъ быть врагомъ кн. Потемкина и не былъ способенъ быть его завистникомъ: русская и австрійская арміи „тянули одну борозду“, шли къ одной и той-же цѣли—успѣхи арміи князя Потемкина могли только радовать князя де-Линь. Даже болѣе: въ „австрійскихъ“ интересахъ князя де-Линь было желать наибольшихъ успѣховъ русской арміи и, такимъ образомъ, отвлекать турекія силы отъ арміи австрійской ⁴⁾. Наконецъ, относительно именно Очакова, Екатерина читала въ перлюстраціи письма князя де-Линь къ графу Кобенцлю, какъ онъ оправдываетъ кн. Потемкина ⁵⁾.

Князь де-Линь былъ, по природѣ, человекъ прямой, откровенный; менѣе всего его можно обвинить въ коварствѣ. Австрійская

¹⁾ Письмо къ Юсіфу II, апрѣля 1788 г., изъ Елизаветграда. *Lettres*, 99. Si j'avais voulu lui écrire une seule fois du bien du prince Potemkin et de ses opérations, j'aurais reçu des averses de payans et de diamans. Catherine II eut été bien aise que je la trompasse, c'eut été bien plus commode pour elle de croire que tout allait bien. *Perey*, I, 345.

²⁾ *Oeuvres*, XXIV, 68, 75, 150.

³⁾ Храповицкій. 81.

⁴⁾ *Oeuvres*, XXIV, 39, 40, 60, 69.

⁵⁾ *Oczakow se porte encore très bien. Le prince Potemkin est arrêté par des murailles.* Храповицкій. 184.

дипломатія, всегда подозрительная, никогда не дѣйствовавшая прямо, прислала ему въ Елизаветградъ шифровые ключи для переписки. „Мнѣ прислали шифровую азбуку. Смѣшны вы мнѣ съ вашими выдумками! Самъ чертъ тутъ ничего не пойметъ, а я и подавно. Я предпочитаю отправлять курьеровъ или пользоваться казачьею почтою. Откровенно говоря, почту я предпочитаю всему: это самый вѣрный способъ открывать свои тайны и высказывать радость и неудовольствіе, не прибѣгая ни къ лести, ни къ сатирѣ. Почта—mezzo termine между приторнымъ мадригаломъ и язвительною эпиграммою, избавляющее отъ увѣщаній или совѣтовъ и нисколько не компрометирующее. Впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ придется писать одно только хорошее. И, наконецъ, какъ-бы я ни ухитрился, меня всегда легко дешифровать“¹⁾). Такъ князь де-Линь и не послалъ ни одной шифрованной депеши, о чемъ прямо и заявилъ императору: „Прошу, ваше величество, избавить меня отъ непріятныхъ столкновеній съ военнымъ совѣтомъ и государственною канцеляріею. Если-бы я и желалъ, то не нашель-бы о чемъ писать имъ, такъ какъ мы находимся въ совершенномъ бездѣйствіи. Къ тому-же искренній и задушевный другъ вашей августѣйшей особы, императрица всероссійская, не желаетъ, чтобъ вашимъ министрамъ и другимъ дворамъ было извѣстно то, что она мнѣ передаетъ или пишетъ“²⁾).

Поведеніе князя де-Линь въ русскомъ лагерѣ было настолько въ этомъ отношеніи безукоризненно, что онъ могъ смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза, не опасаясь потерять ни дружбы князя Потемкина, ни уваженія императрицы Екатерины. „Если мое стараніе извлечь изъ всего пользу и мои упреки обоимъ фельдмаршаламъ за ихъ бездѣйствіе и посвятить тѣмъ неудовольствіямъ между нами, то это скоро должно исчезнуть, потому что императрица знаетъ насколько я благоговѣю передъ нею и удивляюсь ей. Надѣюсь, что благосклонность Екатерины II и дружба князя Потемкина не допустятъ фельдмаршаловъ смотрѣть на мои поступки такъ, какъ-бы они смотрѣли на поступки всякаго другаго“³⁾). Къ тому-же, князь де-Линь былъ крайне остороженъ. „Никогда не писалъ я ни Екатеринѣ, ни Іосифу, не говоря уже объ ихъ министрахъ, о тѣхъ ежедневныхъ ошибкахъ и даже нелѣпостяхъ, которыя позволялъ себѣ говорить и даже дѣлать князь Потемкинъ. Я никому не жаловался, никому не сообщалъ ничего дурнаго о главнокомандую-

¹⁾ Oeuvres. VII, 158.

²⁾ Ibid., XXIV, 48, 66.

³⁾ Lettres, 106.

щемъ русскою арміею. Если я теперь рѣшаюсь писать о немъ правду и выставить его въ настоящемъ свѣтѣ, то потому лишь, что это появится въ печати уже послѣ его смерти“ ¹⁾).

Въ своихъ донесеніяхъ и письмахъ князь де-Линь былъ, прежде всего, правдивъ и незлобивъ. Онъ писалъ то, что самъ видѣлъ, хорошее или дурное. Въ своихъ отзывахъ онъ равно относился къ русскимъ и къ австрійцамъ. Какъ извѣстно, въ началѣ второй турецкой войны австрійцы терпѣли значительно болѣе поражений, чѣмъ русскіе. Австрійская армія, подъ начальствомъ Вартенлебена, предназначенная прикрывать Банатъ, была смята турецкою арміею, предводимою Юсуфъ-пашею. Три раза, при Мегади, Слатинѣ и Лугошѣ, австрійцы были разбиты на голову; австрійская армія должна была отступить къ Темешвару; турки овладѣли всѣмъ Дунаемъ до Бѣлграда. „Я получаю отъ нашихъ очень дурныя извѣстія. Наши генералы наглушили въ Банатѣ“. Въ письмѣ къ императору, онъ прямо называетъ дѣйствія четырехъ австрійскихъ генераловъ въ Босніи и Банатѣ „глупостями“, а не „промахами“, какъ титуловалъ ихъ Іосифъ II ²⁾). Нельзя, слѣдовательно, и удивляться, если, говоря о такихъ-же „промахахъ“ русскихъ генераловъ, князь де-Линь называетъ ихъ „глупостями“. Онъ рѣзокъ въ осужденіи, но и щедръ на похвалы. Во все время своего пребыванія при русской арміи, князь де-Линь не переставалъ восхищаться русскимъ солдатомъ. „Это образецъ исполнительности, выносливости и послушанія. Я еще не встрѣтилъ ни одного пьянаго солдата, не видѣлъ ни одного вольнодумца, не слышалъ ни о ссорахъ между солдатами, ни о небреженіи ихъ къ службѣ. Къ сожалѣнію, никто съ солдатами не занимается, никто о нихъ не заботится“ ³⁾). Въ письмѣ къ сыну князь де-Линь объяснилъ, что онъ разумѣетъ подъ заботою о солдатѣ: „Нѣтъ такой ничтожной хижинѣ, въ Богеміи называемой халупой, гдѣ помѣщены хотя-бы четыре солдата, которую я не посѣждалъ бы: я пробую ихъ супъ, смотрю хорошъ-ли хлѣбъ, взвѣшиваю отпускаемую ему говядину, строго слѣжу, чтобъ солдаты не обманывали поставщики продовольствія. Съ каждымъ солдатомъ я разговариваю о его нуждахъ, каждому помогаю, чѣмъ могу“ ⁴⁾).

Екатерина не выносила дурныхъ отзывовъ о дѣйствующей арміи; она хорошо знала, что не все идетъ гладко, но не любила, чтобы

¹⁾ Oeuvres, XXIV, 24.

²⁾ Oeuvres, VII, 196; Lettres, 120.

³⁾ Oeuvres, XXIV, 91.

⁴⁾ De mon quartier général de Bezesnow, ce juin 1778. Perey. I. 219.

объ этомъ говорили. „Замѣчена въ перлюстраціи видимая къ намъ злоба принца де-Линь, въ которой, кожесть быть, участвуетъ и графъ Кобенцель, ибо къ нему и къ графу Сегюру пишетъ принцъ изъ Яссы, что объ наши арміи многочисленны только больными и умирающими. Вся тягость войны пала на австрійцевъ, гдѣ ошибки шести генераловъ самъ императоръ умомъ и присутствіемъ своимъ долженъ былъ исправить“¹⁾. Такъ записанъ въ „Дневникѣ“ Храповицкаго, подъ 17-мъ декабрёмъ 1788 г., отзывъ Екатерины о „зlobѣ къ намъ“ князя де-Линь. Разберемъ, кто правъ, кто виноватъ.

Что въ началѣ второй турецкой войны турки обратили преимущественное вниманіе на австрійцевъ, направивъ противъ нихъ изъ Ниша 70,000-ный корпусъ Юсуфъ-паши, это уже настолько доказано, что по этому вопросу двухъ мнѣній быть не можетъ. Остаются больные. Не въ декабрѣ, изъ Яссы, а еще въ іюнѣ, изъ лагеря подъ Очаковымъ, князь де Линь доносилъ Іосифу II: „Можно считать до 200 больныхъ на баталіонъ; если съ ними будутъ такъ обращаться, какъ теперь обращаются, то они, конечно, всѣ перемрутъ: ихъ помѣщаютъ въ повозки англійскаго образца, которыя ваше величество изволили видѣть и при которыхъ нѣтъ ни докторовъ, ни медикаментовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь усиливается, ихъ отправляютъ въ вагенбургъ, за нѣсколько верстъ; безнадёжно больныхъ отсылаютъ въ Елизаветградъ, на дорогѣ куда они и умираютъ“²⁾. Князя де-Линь императрица упрекаетъ въ „зlobѣ къ намъ“ за сообщеніе, что въ русской арміи много больныхъ; но такою-же „зlobю“ отличаются и донесенія князя Потемкина. „Что у тебя больныхъ много, сіе весьма мнѣ печально слышать“; или: „что у тебя больныхъ много, о томъ весьма жалѣю“— вотъ обычный припѣвъ въ каждомъ почти письмѣ Екатерины къ Потемкину съ самаго начала войны, точнѣе съ 24-го сентября 1787 года³⁾.

Злобы у князя де-Линь никогда и ни къ кому не было. Это писатель вполне „незловивый“. Онъ иногда ѣдокъ, но всегда откровененъ, всегда добродушенъ, даже въ своей ѣдкости. Въ пись-

¹⁾ Храповицкій, 214.

²⁾ Оеuvres, XXIV, 91.

³⁾ Сборникъ, XXVII, 427, 442, 443, 452, 465, 469, 475, 478, 479, 480, 482, 484 sqq. На это-же указываютъ извѣстія о некомплектѣ въ полкахъ и жалобы самой Екатерины на „недостатокъ и дороговизну въ хлѣбѣ“, отчего затрудняется „кормленіе“ екатеринославской арміи. Сборникъ. XXVII, 443, 476, 477, 479.

махъ къ сыну, гдѣ онъ наиболѣе искренень, гдѣ онъ изливалъ свою душу, это добродушіе не можетъ быть уже заподозрѣно. Вотъ что писалъ онъ своему сыну въ письмахъ изъ русскаго лагеря:

„Если ты спросишь меня, дорогой Карлуша, какъ я поживаю, я отвѣчу тебѣ: по старому. Летаю отъ одной арміи къ другой, отъ одного фельдмаршала къ другому. желаю вывести ихъ изъ бездѣйствія, начать военныя операціи. но, несмотря на ихъ крестныя знаменія, по русскому обычаю, дьяволъ связалъ ихъ по рукамъ и ногамъ и они не двигаются. Все та-же бездѣятельность, объясняемая страхомъ, злобою и невѣжествомъ.

„Надъ нашимъ лагеремъ разразился страшный ураганъ, окончившійся ливнемъ, затопившимъ всѣ палатки. Молнія убила какого-то маіора. Каждый день здѣсь молнія убиваетъ кого-нибудь. А тарантулы? Надняхъ одному офицеру отняли руку, укушенную тарантуломъ. Ужасная мѣстность! Но и люди ужасны. Вотъ тебѣ небольшая черточка къ характеристикѣ князя Репнина, благороднаго, гуманнаго, лучшаго изъ здѣшнихъ генераловъ. Русская военная служба отличается низостью младшихъ и наглостью старшихъ. Когда князь Потемкинъ уронить что-нибудь, двадцать генераловъ бросаются поднимать. Надняхъ, семь или восемь генераловъ хотѣли помочь князю Репнину, снимавшему мундиръ; онъ ихъ остановилъ: „Не беспокойтесь, господа, не заставляйте краснѣть кн. де-Линь“. Это былъ деликатный, но хорошій урокъ, который едва-ли исправить генераловъ.

„Тутъ чертовская скука, несмотря на присутствіе Сарти ¹⁾ съ его огромнымъ оркестромъ и прелестною музыкою. У насъ иногда нѣтъ хлѣба, но бисквитовъ и макаронъ—сколько угодно; нѣтъ масла, но есть мороженое; нѣтъ воды, но всевозможныя вина; нѣтъ дровъ для кухни, нѣтъ угля для самовара, но оміама много. Это какая-то чепуха невообразимая. Здѣсь красивая жена Павла Потемкина, прелестная Скавронская, тоже племянница визири или, лучше, патріарха князя Потемкина, такъ какъ онъ и въ религіи падишахъ, и еще третья племянница, еще болѣе очаровательная госпожа Самойлова. Здѣсь, въ степи, для этихъ дамъ устраиваются спектакли, балы, карты, иллюминаціи, фейерверки“ ²⁾.

¹⁾ Joseph Sarti, 1730—1802, извѣстный итальянскій композиторъ. Въ 1785 г. Екатерина вызвала его въ Петербургъ. Ему особенно покровительствовалъ Потемкинъ. Въ 1790 г. онъ былъ назначенъ директоромъ консерваторіи въ Екатеринославѣ съ жалованьемъ въ 35,000 р., готовую квартиру и 15,000 р. на путевые издержки. Онъ былъ возведенъ въ русское дворянство.

²⁾ Perey, I, 346, 349; Oeuvres, VII, 155, 166, 196; XXIV, 24.

До поздней осени русскія войска „бездѣйствовали“ и только 6-го декабря былъ взятъ Очаковъ. За это время, союзница Россіи, Австрія, не могла похвалиться тѣмъ-же. Война съ Турціею стоила ей 30,000 убитыми и 40,000 умершими отъ болѣзней, и повела къ вторженію турокъ въ Банатъ и къ пораженію австрійцевъ въ Босніи. Іосифъ II, усталый отъ работъ, раздраженный пораженіями, встревоженный фландрскимъ возстаніемъ, возвратился въ Вѣну совсѣмъ убитый. Онъ вызвалъ изъ Россіи князя де-Линя и поручилъ ему вмѣстѣ съ Лаудономъ продолженіе турецкой войны. Весною 1789 года, оба князя де-Линя, отецъ и сынъ, отправились на театръ войны. 8-го октября Бѣлградъ былъ взятъ ¹⁾, причемъ князь Карлъ первый вступилъ въ крѣпость. Императоръ пожаловалъ князю-отцу орденъ Маріи-Терезіи 1 й степени ²⁾, причемъ написалъ ему холодное, сухое письмо. Іосифъ II подозрѣвалъ князя де-Линя въ покровствѣ фландрскимъ мятежникамъ!

Императоръ Іосифъ II долго не придавалъ никакого значенія жалобамъ, доходившимъ до него отъ фландрскихъ патріотовъ. „Іосифъ II, писала Екатерина, зналъ много, зналъ все, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о революціонномъ настроеніи Нидерландовъ. Я была свидѣтельницею, какъ онъ убивался, получивъ при мнѣ первую вѣсть о возстаніи. Онъ спрашивалъ моего совѣта, называлъ это движеніе пустяками; но я осмѣлилась посовѣтовать ему обратить самое серьезное вниманіе на эти пустяки“ ³⁾. Когда возстаніе вспыхнуло и стало разрастаться, Іосифъ II думалъ утишить его бесполезными уступками, которыя были принимаемы за знакъ слабости и только еще болѣе ободряли патріотическую партію. Раздраженный неудачами, Іосифъ II, упрямо не признававшій своихъ ошибокъ, сталъ заподозривать другихъ въ измѣнѣ, даже своего вѣрнаго друга князя де-Линя. Между тѣмъ, князь-отецъ на блестящія предложенія, сдѣланныя ему Фанъ-дер-Ноотомъ съ приглашеніемъ принять командованіе арміею патріотовъ, отвѣчалъ въ обычномъ своемъ шутливомъ тонѣ: „Благодарю васъ за чужія области, которыя вы дарите мнѣ, но я никогда не начинаю возстанія зимою“. Князь де-Линя ненавидѣлъ всякія революціонныя движенія, и о возстаніи Нидерландовъ писалъ: „Еслибъ я былъ во Фландріи, я увѣщевалъ-бы толпу сперва какъ патріотъ, хотя это слово становится уже мнѣ ненавистнымъ, потомъ какъ гражданинъ (тоже

¹⁾ Mémoire sur le siège de Belgrade. Oeuvres, XXIV, 216.

²⁾ Oeuvres, XXVI, 289.

³⁾ Сборникъ, XXIII, 484, 523, 646. Это подтверждаетъ и кн. де-Линя. Oeuvre, XXII, 97.

изуродованное слово!), и еслибъ меня не послушались, я сталь-бы говорить какъ австрійскій генераль—я повѣсилъ-бы одного архіепископа, одного жирнаго монаха, одного профессора, одного кабатчика, одного адвоката, и возстаніе утихло-бы“. Іосифъ II скоро понялъ всю нелѣпость своего заподозриванія князя де-Линь и написалъ ему письмо, въ которомъ извинялся и просилъ его немедленно пріѣхать къ нему въ Вѣну. Пока кн. де-Линь ѣхалъ изъ Бѣлграда въ Вѣну, инсургенты овладѣли Гентомъ и Брюсселемъ; 2-го декабря 1789 г. они объявили Іосифа II лишеннымъ власти въ Нидерландахъ. Императоръ, уже больной, не вынесъ такого „оскорбленія“ и, 20-го февраля 1790 г., скончался.

Леопольдъ II, наслѣдовавшій отцу, явился ярымъ его порицателемъ. Онъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ, кого приблизилъ къ себѣ Іосифъ II. Въ день коронаванія Леопольда II, въ этотъ день „великихъ милостей“, кн. де-Линь не получилъ фельдмаршальскаго жезла, на что имѣлъ право по своимъ военнымъ заслугамъ. Справедливо оскорбленный такимъ невниманіемъ, онъ подалъ просьбу объ отставкѣ и просьба была принята. Князь-отецъ ушелъ со сцены, остался князь-сынъ, но перешелъ на другую сцену—изъ австрійской арміи въ русскую.

Политика новаго царствованія ни въ чемъ не должна была напоминать царствованіе предшествовавшее. Іосифъ II велъ войну съ Турціею—Леопольдъ II спѣшитъ заключеніемъ мира: 27 го іюля 1790 г., въ Рейхенбахѣ была подписана конвенція, которою Австрія уполномочила Пруссію заключить миръ съ Турціею на условіи *status quo ante bellum*. Изъ этихъ конвенцій военные люди ясно видѣли, что они скоро останутся не у дѣла, и князь де-Линь-сынъ перешелъ на русскую службу. Екатерина II назначила его въ армію Суворова, въ Бессарабію, и писала князю-отцу, отъ 26-го марта 1791 года: „Начиная съ фельдмаршала князя Потемкина, во всей русской арміи слышится одинаковый отзывъ о вашемъ сынѣ князѣ Карлѣ— всѣ отзываются о немъ съ изысканною похвалою“¹⁾. Князь Карлъ участвовалъ въ осадѣ и штурмѣ Измаила²⁾.

Измаиль давно уже былъ обложенъ, но не сдавался. 11-го декабря 1790 г. Суворовъ повелъ войска на штурмъ съ суши; со стороны

¹⁾ Сборникъ, XI, II, 147; Ререу II, 127.

²⁾ Измаиль, на берегу Килійскаго рукава Дуная, 26-го іюля 1770 года сдался кн. Репнину и по кучукъ-кайнарджійскому миру возвращенъ туркамъ; 11-го декабря 1790 г. былъ взятъ штурмомъ Суворовымъ и опять возвращенъ Турціи по яскскому миру. Наконецъ, 14-го декабря 1809 г. Измаиль сдался генералу Зассу и по бухарестскому миру навсегда присоединенъ къ Россіи.

Дуная оперировала русская флотилія подъ начальствомъ генерала де-Рибаса. Штурмъ длился десять часовъ. Турки защищались съ отчаянною храбростію и на валахъ, и въ городскихъ зданіяхъ. Князь Карлъ одинъ изъ первыхъ шелъ на приступъ, несмотря на полученную рану. Рибасъ писалъ его отцу:

„Измаиль, 15-го декабря 1790 г.

„Любезный князь! Напомяная о себѣ вашей свѣтлости, долгомъ считаю поздравить васъ съ пріобрѣтенною вашимъ сыномъ храбростію при штурмѣ Измаила, гдѣ онъ командовалъ отрядомъ, который первый пошелъ на штурмъ, слѣдуя за своимъ командиромъ. Несмотря на рану въ ногѣ, онъ первый выскочилъ изъ баркаса и подъ убійственнымъ огнемъ взялъ приступомъ валъ. Онъ-же потомъ овладѣлъ турецкимъ фрегатомъ, который сильно беспокоилъ насъ, и управлялъ батареею, причинившею наибольшій вредъ неприятелю“.

Екатерина поблагодарила князя Карла де-Линя слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ ¹⁾:

„Князь де-Линь!

„Пусть увѣряютъ меня, что всѣ люди равны: если ежедневный опытъ доказываетъ мнѣ, что они не равны и что есть люди какъ сильные, такъ и слабые, то я никогда не повѣрю ничему, кромѣ того, что сама вижу; но еще болѣе убѣждаетъ меня въ этомъ то, что мнѣ извѣстны роды, въ которыхъ мужество и военныя доблести всегда передаются отъ отца къ сыну — таковъ и вашъ родъ, князь де-Линь. Происходя отъ отца, столь-же любезнаго, какъ доблестнаго и богатаго познаніями, вы унаслѣдовали его счастливыя дарованія: вы блистательно проявили ихъ на глазахъ у тѣхъ прославившихся воиновъ, съ которыми раздѣляли опасности, взбираясь безъ открытыхъ траншей, безъ пробитыхъ брешей, на приступъ грозной крѣпости Измаила, гдѣ заперлась цѣлая армія враговъ христіанства. Корпусъ войскъ, овладѣвшій этою арміею, уступалъ ей въ числѣ, но не въ рвеніи и храбрости.

„Орденъ св. Георгія, статутъ котораго основанъ на законахъ чести и мужества, всегда спѣшитъ, въ силу своего учрежденія, причислить къ своимъ храбрымъ кавалерамъ того, кто проявилъ воинскія доблести. Примите-же, князь де-Линь, крестъ св. Георгія и ленту, при семъ прилагаемые, для ношенія на шеѣ, въ засвидѣтельствованіе вашихъ подвиговъ среди моихъ войскъ. Примите ихъ и въ знакъ моего уваженія и расположенія, заслуженныхъ вашими

¹⁾ Сборникъ, XLII. 155. Отвѣтъ князя-отца см. Oeuvres, XXII, 82.

дѣйствіями, вашею почетною ранюю, и продолжайте по́давать міру полезный и необходимый въ настоящее время примѣръ того, что добродѣтели переходятъ отъ отца къ сыну въ родахъ, издавна знаменитыхъ услугами своихъ предковъ и своею преданностью ихъ законному государю. Впрочемъ, молю Бога принять васъ подъ свою святую и достойную защиту. „Екатерина“.

Вслѣдъ за паденіемъ Измаила, Екатерина повела секретныя переговоры о мирѣ съ турками. Озабоченная событіями во Франціи, еще болѣе въ Польшѣ, императрица спѣшила окончить войну, которая истощала казну и отвлекала военныя силы имперіи къ границамъ турецкимъ. Князь Карлъ де-Линь, узнавъ о переговорахъ, просилъ объ увольненіи и получилъ разрѣшеніе покинуть русскую службу. Онъ отправился къ отцу, въ Вѣну, везя съ собою, какъ трофей, турецкій оркестръ изъ 12-ти музыкантовъ, богатое оружіе и арабскихъ коней—подарки графа Суворова и князя Потемкина.

Этимъ обрываются всѣ связи князей де-Линь, отца и сына, съ русскою арміею. Въ Россіи вскорѣ была получена вѣсть о смерти князя-сына, георгиевскаго кавалера: находясь въ Шампаньѣ съ отрядомъ генерала Клерфа, онъ былъ убитъ пулею при защитѣ одного изъ дефиле аргоннскаго лѣса, атакованнаго отрядомъ французской арміи, подъ начальствомъ Дюмурье. „Среди многоразличныхъ несчастій, принесенныхъ этимъ годомъ, писала Екатерина князю де-Линь, потеря, которую вы оплакиваете, наиболѣе опечалила меня и тяжело отозвалась въ моемъ сердцѣ. Если васъ можетъ, хотя нѣсколько, утѣшить то участіе, которое я принимаю въ этомъ горестномъ событіи, будьте увѣрены, что мое сожалѣніе равняется тому уваженію, которое внушаютъ воинскія заслуги князя Карла, вашего достойнаго сына“ ¹⁾.

Князь де-Линь посвятилъ всю свою жизнь военному дѣлу. Онъ былъ въ это время военнымъ авторитетомъ, признаннымъ всею Европою. Только война, только военныя занятія могли развлечь его, если не утѣшить въ горѣ, причиненномъ смертью сына. Между тѣмъ, именно въ это время, во время войны, онъ остался не у дѣла. Военачальниковъ нѣтъ, войска терпятъ пораженія, а лучшій изъ военачальниковъ сидитъ безъ дѣла. Что это значитъ? Вотъ, какъ самъ кн. де-Линь объясняетъ это: „Какія-то бабьи сплетни, какіе-то слухи и толки охладили ко мнѣ эрцгерцогиню ²⁾ и она

¹⁾ Сборникъ, XLII, 230.

²⁾ Эрцгерцогиня Марія-Христиана, дочь Маріи-Терезіи, правила Нидерландами совмѣстно съ своимъ супругомъ герцогомъ Альбертомъ Саксенъ-Тешенскимъ.

воспользовалась вздорною случайностью и придала значеніе пустой путаницѣ. Адъютантъ мой, Деттингеръ, перепуталъ мнѣ письма: письмо къ матери вложилъ въ конвертъ, адресованный принцу Альберту, а письмо къ принцу заслалъ къ матери. Я сообщалъ матушкѣ, что пригласилъ эрцгерцога Фердинанда съ супругою въ Бель-Эль, когда тамъ будутъ и ихъ брюссельскія высочества, при чемъ прибавлялъ: „такимъ образомъ, мы сразу отдѣлаемся отъ этого герцогскаго нашествія“. Прочтя послѣднія два слова, принцъ Альбертъ обидѣлся и устранилъ меня отъ командованія. Себя лично я могу упрекнуть только въ дурной шуткѣ, которую, къ счастью, немногіе, впрочемъ, слышали: въ первый-же разъ, когда я увидѣлъ принца Альберта послѣ пораженія его при Жемапшѣ, онъ спросилъ меня, какъ я нахожу его послѣ болѣзни, которую онъ перенесъ, на что я отвѣчалъ: „Вы имѣете, ваше высочество, видъ нѣсколько помятый“.

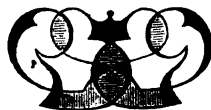
Остается только пожалѣть, что такіе чисто личные мотивы устранили князя де-Линь отъ командованія арміею. Онъ самъ тяготился этимъ и такъ излилъ свое горе: „Глупость или коварство власть имѣющихъ, дурной выборъ, ими дѣлаемый, ихъ пренебреженіе къ знаніямъ и опытности—уничтожили мою ревность къ военному дѣлу. Я разбилъ наиболѣе дорогой моему сердцу кумиръ — славу, и рѣшился никогда уже не брать шпаги въ руку“.

Лишенный возможности примѣнить свои военныя познанія на дѣлѣ, кн. де-Линь принялся описывать тѣ кампаніи, въ которыхъ самъ участвовалъ. Для насъ, русскихъ, особенно интересны нарисованныя имъ картины Семилѣтней и второй Турецкой войны—его живопись не утеряла своихъ красокъ до настоящаго времени.

Проф. В. А. Вильбасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поправка. Въ предыдущей главѣ настоящаго очерка В. А. Вильбасова—„Русская Старина“ 1892 г., февраль, на стр. 280, по недосмотру типографіи, три строки, начиная съ 16-й по 18-ю сверху включительно (отъ слова: Трактатъ до слова: кальвинист-), поставлены не на мѣстѣ, а должны быть на той-же страницѣ перенесены ниже, черезъ шесть строкъ, въ конецъ текста, надъ выносками. Ред.

ВЛАДИМИРЪ ИВАНОВИЧЪ ДАЛЪ

ЕГО СТИХОТВОРЕНІЕ 1827 г.

Совѣтъ молодымъ моимъ друзьямъ.

Братя, если вамъ встрѣтитъ случится
Нѣжные глазки, миленькой взоръ,
Слово и дѣло тотчасъ влюбиться!
Тетушекъ, мамушекъ слушаться вздоръ!
Братя, примите отъ дружбы совѣтъ;
Скажете: молодъ, не знаю я свѣтъ?..
Пусть мнѣ и двадцать только свершилось,
Сердце любовью за то просвѣтилось!

* * *

Вѣрить хотите вы старымъ брызгливцамъ:
Сердцу безъ искры, душѣ безъ огня!
Лучше повѣрьте вы юнымъ счастливымъ,
Лучше, о други, спросите меня.
Я вамъ отъ сердца воскликну: влюбляйтесь;
Дважды вамъ праздникъ судьба не пошлетъ;
Вамъ старики говорятъ: опасайтесь!
Лгутъ старики, ихъ зависть беретъ.

* * *

Трижды ура!—и нѣжно любите!
Чистый барышъ съ обѣихъ сторонъ;
Если примѣръ вы видѣть хотите,
Я не таюсь, я смертельно влюбленъ!
Сердцемъ, душою жизнью всею,
Рѣвую Лилу люблю я мою;
Что-же? люблю и счастливъ я ею;
Счастливъ, люблю я и пѣсни пою!

Дерптъ.

В. Далъ.

Въ ряду статей и воспоминаній о В. И. Далѣ не лишена интереса статья его товарища по службѣ во флотѣ г. Завалишина, помѣщенная въ № 254 газеты „Сынъ Отечества“ 1873 года въ извлеченіи изъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Напомнимъ, что у Владиміра Ивановича Даля находился знаменитый кабалестическій перстень, которымъ нѣкогда весьма дорожилъ А. С. Пушкинъ. Объ этомъ перстнѣ П. В. Анненковъ писалъ такъ:

„Поэтическая способность Пушкина должна была ему самому казаться неизъяснимымъ предопредѣленіемъ, потому что, если обширное чтеніе, образованность, размышленіе давали ей матеріалы и пищу, то породить ее были не въ силахъ. Онъ такъ хорошо чувствовалъ это, что, по извѣстной склонности своей къ суевѣрію, соединялъ даже талантъ свой съ участіемъ перстня, ищещеннаго какими-то кабалестическими знаками и бережно хранимаго имъ. Перстень этотъ находится теперь (1855 г.) во владѣніи В. И. Даля. (Сочпненія А. С. Пушкина, изд. 1855 г., томъ I, стр. 179).

Любопытно знать — куда поступилъ этотъ перстень послѣ кончины В. И. Даля,—кажется, въ Румянцевскій музей въ Москвѣ.

(Сообщ. 28-го января 1873 г. И. Н. Вожеряновъ.)

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

VII ¹⁾.

В

огда г. Ширяй отпустилъ всѣхъ своихъ гостей, онъ взялъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ подлѣ себя и сказалъ, что очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ, такъ какъ онъ имѣетъ надобность посовѣтоваться со мною насчетъ его больного брата, уже двадцать пять лѣтъ умалишеннаго. Онъ рассказалъ мнѣ, что ихъ было только два брата, состояніе ихъ слѣдовало раздѣлить между ними поровну, если-бы не помѣшательство его старшаго брата, нѣкогда служившаго при дворѣ императрицы Екатерины II. Съ тѣхъ поръ, что братъ его лишился разсудка, онъ содержитъ его въ отдѣльномъ строеніи, гдѣ къ нему приставлены сторожа, надзирающіе за нимъ и днемъ и ночью. Г. Ширяй полагалъ, что, спустя столько лѣтъ, выздоровленіе брата его невѣроятно, и доктора признали его неизлечимымъ. Но для того, чтобы состояніе ихъ перешло въ его руки, необходимо медицинское удостовѣреніе черниговскаго физиката

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 450—475; т. LXXII, октябрь, стр. 39 — 60; декабрь, стр. 565 — 586; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 51—58; февраль, стр. 339—363.

въ неизлечимости больного,—удостовереніе, которое долженъ подтвердить и губернаторъ. Для этого надлежитъ больного везти въ Черниговъ; между тѣмъ, въ настоящую пору помѣшанный еще и нездоровъ; такъ въ состояніи-ли онъ будетъ совершить путешествіе въ двѣсти верстъ? И г. Ширяй повелъ меня затѣмъ къ брату.

Я нашелъ въ немъ мужчину очень похожаго на брата своего, и только годомъ его моложе. На немъ былъ хахатъ, котораго онъ не замѣнялъ другимъ платьемъ во всѣ двадцать-пять лѣтъ. При входѣ моемъ, онъ вѣжливо подошелъ ко мнѣ и спросилъ по-французски о здоровьѣ императрицы Екатерины; упрасивалъ меня увѣрить ея величество въ преданности ея слуги, такъ какъ мнѣ она непременно повѣритъ. Я не зналъ, что сказать. Онъ, между тѣмъ, продолжалъ болтать свое о временахъ Екатерины: называлъ имена Потемкина, Орлова, Румянцова, Завадовскаго; потомъ увѣрялъ меня, что изъ всѣхъ любимцевъ государыни, я самый для нея дорогой. Говорилъ, что наканунѣ онъ завтракалъ съ графомъ Орловымъ, и что черезъ два часа графъ привезетъ ему указъ императрицы о пожалованіи его въ канцлеры. Но тутъ онъ внезапно пришелъ въ ярость, заговорилъ по-русски и по-нѣмецки, и громко приказывалъ дать кому-то 600 ударовъ розогъ. Стихнувъ понемногу, онъ снялъ со стѣны скрипку и заигралъ не дурно насколько осталось у него прежняго музыкальнаго таланта. Изъ всего, что я могъ примѣтить, я заключилъ о полнѣйшемъ помѣшательствѣ, въ связи съ неотступнымъ воспоминаніемъ объ императрицѣ Екатеринѣ.

По желанію г. Ширяя, я произвелъ діагнозъ состоянія здоровья больного, который не противился этому испытанію, и я нашелъ, что онъ расположенъ къ водяной. Мы хотѣли уже идти, какъ онъ снова подозвалъ меня, называя меня государыни любимцемъ, и просилъ увѣрить императрицу въ его преданности.

Когда мы вышли отъ него, г. Ширяй спросилъ меня, какъ я нашелъ его брата. Я отвѣчалъ, что надѣюсь облегчить его положеніе, а что касается до желаемой поѣздки въ Черниговъ, то, благодаря хорошей весенней погодѣ, больной легко выдержать это путешествіе, кромѣ того, что оно можетъ еще принести ему пользу. Онъ признался мнѣ, что было время, когда братъ его казался въ такой опасности и такъ близокъ къ концу своему, что онъ уже велѣлъ приготовить все нужное для его погребенія. Онъ повелъ меня въ чуланъ, гдѣ все это было собрано: бархатный пунцовый гробъ съ позолотою, парчевой покровъ, погребальныя свѣчи, служи-

тельскіе траурныя плащи и круглыя шляпы съ широкими полями и чернымъ крепомъ. Видъ этихъ предметовъ такъ меня поразилъ, что я подумалъ, ужъ не зараженъ-ли и другой братъ нѣкоторымъ помѣшательствомъ?

Въ тотъ-же день г. Ширяя и жена его предложили мнѣ ѣхать съ ними въ Черниговъ, но какъ я не могъ дать согласія безъ вѣдома г. Скорупы, то послѣдній и разрѣшилъ мнѣ ѣхать съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи изъ Чернигова, ѣхать опять къ нему. На другое утро гг. Скорупа и Скляревичъ выѣхали изъ имѣнія г. Ширяя, а я остался при немъ.

Дѣлались приготовленія къ дорогѣ. Больнаго надлежало посадить въ карету съ тремя слугами. Жена г. Ширяя ѣхала съ дѣтьми въ одной коляскѣ, а самъ онъ со мною въ другой. За нами слѣдовали еще люди въ разныхъ повозкахъ. Взято было двадцать восемь почтовыхъ лошадей. Немалого труда стоило одѣть больнаго въ непривычное для него платье. Такъ какъ онъ упрямылся, то прибѣгли къ выдумкѣ. Сочинили мнимый указъ императрицы, которымъ она жаловала его въ канцлеры, одѣли родственника дома въ старый генеральскій костюмъ и, давъ ему въ помощь нѣсколько солдатъ, стоявшихъ въ деревнѣ на квартирахъ, впустили его къ больному съ сочиненнымъ указомъ и заставили сказать, что императрица требуетъ его немедленно въ Петербургъ. Больной распечаталъ указъ, прочелъ его и готовъ былъ тотчасъ ѣхать. Но какъ онъ все-таки не хотѣлъ одѣваться, то приказано было солдатамъ, въ видѣ угрозы, ударить ружьями объ полъ. Стукъ этотъ испугалъ больнаго; онъ присмирѣлъ и далъ себя одѣть. Въ дорогѣ не разъ нападало на него бѣшенство и приходилось его укрощать. Но зато прохожимъ онъ не давалъ покоя, ругая встрѣчнаго всякими словами. По временамъ онъ успокоивался и смотрѣлъ молча на встрѣчавшіеся предметы. Разъ утромъ, при смѣнѣ лошадей въ какомъ-то городкѣ, одинъ обыватель съ любопытствомъ осматривалъ остановившіеся экипажи. Глядя на первую карету, онъ не воображалъ, конечно, какого рода особа въ ней заключена; какъ вдругъ помѣшанный напустился на него съ самыми обидными ругательствами. Тотъ вознегодовалъ, объявляя, что онъ дворянинъ и почетное лицо, и велитъ его арестовать. Съ трудомъ увѣрили мы этого господина, что тотъ, кто его ругаетъ,—сумасшедшій. Послѣ нѣсколькихъ другихъ подобныхъ случаевъ, мы прибыли въ Черниговъ.

Губернаторъ и съ нимъ члены физиката посѣтили больнаго. Спустя три дня, готово было и законное свидѣтельство о гражданской смерти брата г. Ширяя, и послѣ новыхъ сопротивленій боль-

наго, мы привезли его обратно въ Гордѣевку. Меня очень благодарили за мои услуги и проводили затѣмъ въ Мглинъ.

Предводитель и братъ его обрадовались моему возвращенію и, нѣсколько недѣль сряду, мы провели въ городѣ. Въ это время, въ одно утро, подъѣзжаетъ къ предводителю въ каретѣ шестернею пожилой полякъ, по фамилии Галинскій, одѣтый въ свой національный костюмъ. Какъ мнѣ рассказывали послѣ, онъ пріѣзжалъ благодарить предводителя за донесеніе, сдѣланное этимъ императору Александру о томъ, что черезъ уѣздный городъ, находящійся въ его вѣдѣніи, и мимо его дома провозили награбленное казаками, по приказанію графа Петра Гудовича, въ имѣніи Галинскаго всякаго рода имущество. Я расскажу этотъ случай такъ, какъ передавали его мнѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1812 г. графу Николаю Гудовичу поручено было набрать до 40,000 людей въ ополченіе, въ имѣніяхъ помѣщиковъ Черниговской губерніи, и назначить офицерами въ этотъ корпусъ нѣсколькихъ дворянъ. Въ то время употреблялись всевозможные способы для отраженія французовъ, и всякій, по желанію, могъ вступить въ партизаны. Такимъ образомъ, братъ Николая Гудовича, генераль-маіоръ Петръ Гудовичъ, вызвался быть его помощникомъ и назвалъ себя дежурнымъ генераломъ. Какъ ни просты были обмундировка и вооруженіе этого ополченія, однако, все-таки, нельзя было его устроить въ очень короткое время; къ тому-же, не доставало лошадей. Оттого, когда фельдмаршаломъ Кутузовымъ повелѣно было графу Николаю Гудовичу въ назначенный имъ день быть въ Могилевѣ для того, чтобы помѣшать отступленію французовъ, графъ рѣшился съ 30,000 набранными казаками двинуться по назначенію, предоставляя брату пополнить это число 10 тысячами и затѣмъ присоединиться къ нему. Такъ и было сдѣлано. Но едва младшій Гудовичъ вступилъ съ войскомъ своимъ въ Литву, какъ началъ грабить польскихъ помѣщиковъ, обирая ихъ дочиста и отправляя награбленное въ свое имѣніе, лежавшее за Мглиномъ. Тутъ было все: оружіе, серебро, мебель, экипажи, съѣстные припасы, водка, стада, заводскія лошади, полотна и сукна фабричныя и т. д. Между прочимъ, похищена была дорогая, украшенная брилльянтами сабля въ 60 тысячъ рублей, даръ Петра Великаго дѣду Галинскаго, подъ предлогомъ, что она можетъ послужить оружіемъ противъ русскихъ. Офицеры ополченія не отставали отъ своего начальника и также безсовѣстно грабили на свою руку. Г. Галинскій исчислилъ предводителю всѣ свои потери, предлогомъ этого грабежа служило намѣреніе не оставлять ничего

въ добычу французамъ и помѣщать полякамъ въ подаіи помощи неприятелю; но вѣдь Галинскій былъ преданъ императору Александру и четверо его сыновей служили въ гвардіи; наконецъ, весь его образъ дѣйствія въ трудномъ положеніи, въ которомъ находились поляки, угрожаемые и французами и русскими, не обнаружилъ и тѣни измѣны съ его стороны. Какъ-бы ни было, въ настоящихъ обстоятельствахъ для Галинскаго важно было свидѣтельство графа Гудовича, что въ помѣстьяхъ его не было сдѣлано никакихъ приготовленій для приема французовъ. Но графъ отнѣкивался, не давалъ свидѣтельства, по крайней мѣрѣ, по извѣстной жадности своей, согласился дать его только съ однимъ условіемъ, чтобы Галинскій отдалъ ему десять пудовъ своего серебра. Гудовичъ воображалъ, что Галинскій станетъ просить уступки, и очень удивился, когда тотъ согласился на условіе, не сдѣлавъ ни одного возраженія. Бумага была подписана и серебро доставлено. Но когда при вѣшаніи серебра оказался недостатокъ въ нѣсколько фунтовъ, которые графъ требовалъ пополнить, то Галинскій заплатилъ деньгами цѣнность недостающаго. Все это происходило въ имѣніи Галинскаго, въ его домѣ, которымъ графъ завладѣлъ. Наконецъ, графъ уѣхалъ, а Галинскій со свидѣтельствомъ отправился въ другое свое имѣніе. Тутъ онъ замѣтилъ, что въ свидѣтельствѣ не доставало какой-то формальности. Предвидя, что графъ и эту даромъ не выполнитъ, онъ надѣлъ на палецъ дорогой перстень въ пять тысячъ рублей, сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ графу. Изъ опасенія какой-нибудь новой плутни, Галинскій, не слѣзая съ лошади, просилъ вызвать графа на балконъ, но графъ, какъ и ожидалъ того Галинскій, не согласился исправить свидѣтельство. Тогда Галинскій обѣщалъ подарить ему перстень, если онъ исполнитъ его просьбу. Графъ взялъ бумагу, а когда вернулся съ нею, не хотѣлъ давать ее Галинскому прежде нежели этотъ не вручитъ ему перстня; наконецъ, оба обмѣнялись тѣмъ, что держали въ рукахъ. Галинскій отъѣхалъ на нѣкоторое разстояніе, потомъ сталъ и громко закричалъ Гудовичу: „Прощай, графъ, теперь ты въ моихъ рукахъ: черезъ эту бумагу мнѣ воротятъ все то, что ты у меня награлъ“. И затѣмъ онъ ускакалъ.

Гг. Скоруна обошлись съ Галинскимъ съ большимъ уваженіемъ; онъ пробылъ у нихъ цѣлый день. По отъѣздѣ его, предводитель, рассказавъ мнѣ какъ дѣло было, прибавилъ:

„Трудно повѣрить, что этотъ графъ, который низостями своими безчеститъ русское дворянство, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ достойнѣйшей фамиліи, члены которой служили государству

съ отличіемъ и преданностію. У него пять братьевъ. Старшій былъ генераль-адъютантомъ при особѣ Петра III, и былъ чрезвычайно ему преданъ; другой, фельдмаршалъ, побѣдитель при Анапѣ; третій, генераль-лейтенантъ, живетъ въ отставкѣ въ нашемъ уѣздѣ, мы уважаемъ его глубоко за честный и прямой его характеръ; четвертый тотъ, что въ Могилевѣ, безъ вѣдома котораго братъ его поступилъ такъ безсовѣстно съ Галинскимъ. Но онъ будетъ строго наказанъ. Говорятъ, будто императоръ Александръ сказалъ, что онъ заслуживаетъ висѣлицы; онъ будетъ разжалованъ; измѣнія его будутъ выплачено все награбленное у Галинскаго, а остальное перейдетъ къ братьямъ его“.

6-го мая г. Скоропа получилъ отъ жены г. Ширяя письмо, въ которомъ она просила его отпустить меня къ ней для поданія помощи ея заболѣвшему мужу. Присланъ былъ и экипажъ. Г. Скоропа просилъ меня отправиться немедленно. Къ вечеру я уже былъ въ Гордѣевкѣ. Я нашелъ домъ освѣщеннымъ, почти какъ въ день бала, но это освѣщеніе было похоронное.

Я вошелъ въ залу, въ которой стоялъ катафалкъ, окруженный множествомъ зажженныхъ свѣчей. Въ гробу лежало тѣло покойнаго, одѣтаго въ бѣлый гвардейскій мундиръ, и надъ нимъ священникъ читалъ молитвы. Полъ былъ устланъ ельникомъ, и много крестьянъ толпилось въ залѣ. Вдова съ семействомъ своимъ удалилась въ сосѣднее имѣніе, а за ними послѣдовалъ и полковникъ Эскюдье. Меня принялъ дворецкій и еще какіе-то незнакомые мнѣ господа, съ которыми меня посадили ужинать. Мнѣ рассказали, что покойникъ умеръ наканунѣ отъ удара, послѣ посѣщенія черниговскаго архіепископа, который былъ возведенъ въ санъ петербургскаго митрополита. Проѣздомъ въ столицу, это духовное лицо остановилось въ имѣніи г. Ширяя, съ которымъ оно было въ дружбѣ. Хозяинъ угощалъ его и свиту въ теченіе трехъ дней: потомъ проводилъ гостей до первой станціи. Но едва архіепископъ отѣхалъ, какъ съ г. Ширяемъ случился ударъ. Его повезли домой еще съ признаками жизни, а черезъ нѣсколько часовъ, не смотря на поданную мѣстнымъ врачомъ помощь, онъ умеръ. Такимъ образомъ, всѣ сдѣланныя имъ для брата похоронныя приготовления были употреблены для него.

Я навѣстилъ помѣшаннаго Ширяя и нашелъ его въ лучшемъ состояніи здоровья. Какъ въ первый разъ, онъ признавалъ меня за фаворита Екатерины и повторилъ тѣ-же сцены мономаніи. Онъ понятія не имѣлъ о смерти брата.

На другой день я возвратился въ Мглинъ, но не засталъ тамъ

господь Скорупа; оба брата уѣхали на свадьбу къ какимъ-то сосѣдямъ. Дворецкому было приказано быть внимательнымъ ко мнѣ, и этотъ полякъ служилъ мнѣ, какъ-бы я былъ его баринъ. Нѣсколько дней я провелъ одинъ, навѣщая только нашихъ офицеровъ, съ которыми прогуливался по городу. Одинъ изъ нашихъ, квартировавшій у богатаго купца ¹⁾, выучился у него читать по русски, и мало по малу въ состояніи былъ разговаривать съ своимъ хозяиномъ. Этотъ-же купецъ то и дѣло, что рассказывалъ ему разные ужасы о войнѣ. То Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ и въ цѣпяхъ привезенъ въ Москву, то будто ему оторвало ногу ядромъ, то онъ застрѣлился, наконецъ, маршалы Ней, Макдональдъ, Викторъ и другіе убиты, и проч. и проч. Я, конечно, успокоилъ офицера, зная очень хорошо, что все это были выдумки. Въ домъ г. Скорупа извѣстія доходили вѣрныя.

Въ одно утро, гуляя съ товарищами по улицѣ, я услышалъ звонъ колокольчика дорожнаго экипажа; а какъ мы уже прошли улицу, откуда раздавался звонъ, то я любопытствовалъ посмотреть, кто-бы это пріѣхалъ въ городъ, не господинъ-ли Скорупа, и воротился.

Дѣйствительно, это былъ онъ: я узналъ его коляску. Увидавъ меня, онъ подозвалъ меня и сказалъ, что пріѣзжалъ за мною, но, не заставъ меня, поѣхалъ было одинъ, а именно къ сосѣднему помѣщику г. Рославцу, съ которымъ хотѣлъ меня познакомить. Я отвѣчалъ, что, не будучи прилично одѣтъ, не могу въ сію минуту ѣхать съ нимъ. Тогда онъ возвратился со мною домой, гдѣ я облекся въ мундиръ, послѣ чего мы поѣхали. Я упоминаю объ этомъ обстоятельстве, какъ о причинѣ послѣдствій, измѣнившихъ

¹⁾ Этотъ купецъ торговалъ пенькою, которой очень много выдѣлываютъ въ Малороссіи; каждая деревня тамъ окружена конопляными полями. Было время, особенно, когда англичане не утвердились еще въ Восточной Индіи, эта статья давала обильный доходъ. Пеньку отправляли въ порты Балтійскаго и Чернаго морей. Потомъ эта торговля упала, такъ какъ въ Азіи оказалось огромное количество пеньки. Рассказываютъ, что въ царствование Екатерины II, англійскія суда пришли въ Петербургъ для закупки пеньки, но цѣна, которую спрашивалъ здѣшній купецъ, показалась имъ высока, и они собрались уѣхать, будто-бы въ увѣренности, что найдутъ пеньку дешевле и въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, купецъ попросилъ позволенія сжечь половину товара; это дошло до Екатерины и она согласилась. Англичане, увидавъ пожаръ, воротились и согласились на уступки. Но купецъ требовалъ теперь уже двойную цѣну, и англичане, находясь тогда въ войнѣ съ Франціею, принуждены были выплатить тѣ самые два милліона, которые требовалъ купецъ первоначально.

Авт.

мою участь. Если-бъ не звонъ колокольчика, который заставилъ меня воротиться, я не имѣлъ-бы случая познакомиться съ семействомъ, черезъ чье покровительство миновала для меня опасность дальней ссылки и положеніе мое значительно улучшилось. Такъ иногда въ жизни человѣческой какое-нибудь ничтожнѣйшее обстоятельство влечетъ за собою перемѣну судьбы!

15-го мая (1813 г.), проѣхавъ версть пятнадцать, прибыли мы въ большое село, на концѣ котораго стоялъ старинный господскій домъ, въ два этажа, осѣняемый высокими деревьями. Мы вѣхали въ большой дворъ, окруженный службами и различными строеніями. Хозяинъ дома, г. Рославецъ, полковникъ ополченія, принялъ предводителя съ большимъ радушіемъ. Я былъ представленъ какъ французскій врачъ и другъ его. Эта рекомендація прибавила въ немъ уваженіе ко мнѣ. Г. Рославецъ былъ мужчина пятидесяти лѣтъ, сѣдой. Жена его казалась одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ. Какъ она, такъ и бывшія съ нею дамы оказывали мнѣ много учтиваго вниманія. Я очень обрадовался, встрѣтивъ тутъ и нашего маіора Бретона. Онъ представилъ меня сыну хозяина, молодому человѣку лѣтъ 18-ти, по имени Жозефъ. Бретонъ расхваливалъ мнѣ это семейство, въ которомъ его почитали какъ роднаго. Онъ сообщилъ мнѣ, что на другой день будутъ имянины хозяйки, и по этому случаю съѣдется большое общество. Комнаты были довольно просторны, но мебелированы просто и лишены всякаго украшенія. За домомъ былъ большой и красивый садъ.

На другое утро начали съѣзжаться гости, иные въ щегольскихъ экипажахъ шестернею съ фореиторомъ, по обычаю знатныхъ людей, и, наконецъ, набралось до шестидесяти человѣкъ. Изъ дамъ особеннымъ вниманіемъ пользовалась молодая дѣвица лѣтъ 25-ти, графиня Гудовичъ, родственница хозяина дома. Не отличаясь особенною красотою, блондинка, она привлекала кротостью выраженія голубыхъ глазъ и всей фізіономіи. Какъ она была ко всѣмъ внимательна, такъ и къ ней были предупредительны. Послѣ зауски направились въ столовую. Графиню повелъ хозяинъ дома, прочихъ дамъ другіе господа, и, какъ обыкновенно, дамы сѣли по одну сторону, мужчины по другую. Обѣдъ былъ обильный, но не изысканный, и столъ не былъ богатъ серебромъ, что доказывало посредственное состояніе г. Рославца. Зато между гостями господствовало веселье и провозглашено было много тостовъ. Послѣ обѣда, когда всѣ перешли въ гостиную, полковникъ Рославецъ попросилъ меня подойти къ графинѣ, такъ какъ она желала поговорить со мною. Она очень любезно посадила меня около себя и стала говорить,

что, слышавъ обо мнѣ отъ г. Скорупы, она желала со мною познакомиться, чтобъ просить меня побывать у ея отца, который, уже нѣсколько лѣтъ сряду, нездоровъ. Я благодарилъ искренно за все это вниманіе, но объяснилъ, что не вправѣ куда отлучиться безъ вѣдома предводителя. Она тотчасъ-же подозвала его къ себѣ. Они заговорили по-русски и я замѣтилъ, что просьба графини была принята, какъ приказаніе, потому что г. Скорупа поспѣшилъ ее увѣрить, что онъ самъ отправитъ меня къ ея отцу.

Вскорѣ въ залѣ послышалась музыка. Оркестръ этотъ принадлежалъ дядѣ графини, тому самому Петру Гудовичу, который грабилъ поляковъ. Между гостями было много хорошенькихъ дѣвицъ, отличавшихся наряднымъ туалетомъ и свѣтскостью. Балъ открыли полонезомъ. Въ первой парѣ находились хозяинъ дома съ графиней. Послѣ полонеза пошли танцы, въ которыхъ и меня съ майоромъ просили принять участіе. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что графиня мнѣ не откажетъ, если я ее ангажирую, и я имѣлъ честь протанцовать съ нею вальсъ. Балъ былъ очень оживленъ; продолжался и послѣ ужина.

VIII.

Приглашеніе графа Гудовича.—Я поселяюсь въ его домѣ.—Графъ ручается за меня.—Я забываю и не чувствую своего плѣна.—Посѣщенія съ графиней сосѣдей.—Ивановка-село, принадлежащее Петру Гудовичу: готическій замокъ и китайскій домикъ.—Посѣщеніе г. Покровскаго: собраніе карикатуръ на французовъ; домашній шутъ.—Кампанія 1813 г.—Прокламація шведскаго наслѣднаго принца Бернадота о всеобщемъ европейскомъ союзѣ противъ Франціи.—Дрезденское сраженіе.—Маршалъ Моро.—Убіеніе помѣщика крѣпостными людьми.—Лейпцигское сраженіе.—Князь Понятовскій.—Сраженіе подъ Парижемъ.—Всеобщій миръ.—Освобожденіе плѣнныхъ.—Французы-плѣнники готовятся къ отъѣзду во Францію. — Майоръ Бретонъ и я выражаемъ графу Гудовичу и дочери его глубочайшую признательность за ихъ гостеприимство.—Бретонъ посвящаетъ имъ благодарственное стихотвореніе.—Прощаніе съ графомъ Гудовичемъ и его дочерью.

1813 $\frac{\text{мая 18-го}}{\text{іюня 5-го}}$ 1814 гг.

На второй день по возвращеніи въ Мглинъ, 18-го мая, я отправился къ графу Гудовичу, отблагодаривъ г. Скорупу за доброе его расположеніе ко мнѣ ¹⁾). Я думалъ найти прекрасный господскій домъ,

¹⁾ Графъ Василій Васильевичъ Гудовичъ, о которомъ рассказываетъ здѣсь и далѣе Де-ла-Флисъ, возведенъ въ графское достоинство 12-го декабря

но вмѣсто того, проѣхавъ деревню, очутился передъ низкимъ домомъ въ одинъ этажъ, но приличный и окруженный службами, передъ которыми, какъ и передъ домомъ, посажены были деревья, тогда какъ середину двора занималъ большой лугъ. Графъ встрѣтилъ меня съ необыкновенною любезностью. Это былъ старикъ съ поблѣвшими волосами, высокаго росту, лѣтъ 64; онъ былъ въ гражданскомъ платьѣ, не смотря на чинъ генераль-лейтенанта. Онъ повелъ меня черезъ большую залу въ гостиную; комнаты были меблированы не богато, но со вкусомъ, обиты изящными обоями, и стѣны украшены гравюрами. Графъ повторилъ мнѣ то, что говорила мнѣ его дочь о его желаніи со мною познакомиться, и благодарилъ меня за посѣщеніе. Вскорѣ вышла графиня, и оба во время бесѣды очаровали меня своею любезностью и вниманіемъ ко мнѣ. Дворецкій доложилъ объ обѣдѣ; графъ извинялся, что не можетъ отобѣдать съ нами, такъ какъ по болѣзни онъ соблюдаетъ діету. Графиня предложила мнѣ свою руку и мы вышли въ столовую. Изъ всей обстановки стола, накрытаго голландскою скатертью и украшеннаго серебряными вазами, видно было, что хозяинъ знатный господинъ, не смотря на то, что состояніе его было ограниченнѣе многихъ другихъ богатыхъ, но не такого склада помѣщиковъ. Намъ прислуживали лакеи въ военной формѣ, по обычаю, заведенному въ домахъ, которыхъ хозяева служатъ въ военной службѣ. Послѣ обѣда, графъ повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ и сообщилъ мнѣ подробности своей хронической болѣзни, не позволяющей ему далекихъ отлучекъ изъ дому. Я обѣщаль помочь ему всѣми силами.

Я провелъ самый пріятный вечеръ въ обществѣ почтеннаго старика и его дочери, и не могъ нарадоваться моему счастью жить подъ одною кровлею съ такими прекрасными людьми. Графъ отдалъ въ мое распоряженіе хорошенькую комнату, по близости его спальни. Я прописалъ графу леченіе, и удивлялся довѣрью и аккуратности, съ какими онъ исполнялъ всѣ мои предписанія, хотя онъ едва зналъ меня. Эта самая точность принесла ему желаемую поѣзду, особенно замѣтную спустя нѣсколько недѣль, но радикальное излеченіе казалось мнѣ невозможнымъ, по причинѣ престарѣлости больного. Но я затрудняюсь описать, какъ велика была благодарность

1809 г., былъ въ чинѣ генераль-лейтенанта и отъ брака съ Евдокією Константиновною Лисаневичъ имѣлъ трехъ дочерей: Анастасію—за Андр. Ив. Маркевичемъ; Екатерину—за Павломъ Григорьевичемъ Галаганомъ и графиню Варвару Васильевну, и двухъ сыновей: генер.-маіора гр. Василія Васильевича и генер.-маіора Миханла Васильевича Гудовичъ. Ред.

графа и дочери ко мнѣ за ту пользу, которую я принесъ; каждый день я получалъ новыя знаки ихъ великодушія ко мнѣ.

У графа было пятеро дѣтей, которыхъ онъ нѣжно любилъ. Старшій сынъ былъ полковымъ командиромъ, и женатъ на дочери генерала Энгельгардта; подъ Можайскомъ раненъ пулею въ подбородокъ съ раздробленіемъ челюсти, однако рана его уже зажила; второй сынъ служилъ капитаномъ въ гвардіи. За ними слѣдовали три дочери: одна изъ нихъ была за предводителемъ дворянства въ Прилукахъ, г. Маркевичемъ; другая, дѣвица, жила въ Петербургѣ у одного изъ дядей своихъ; третья-же, новая Антигона, посвятила себя попеченію объ отцѣ.

Я провель въ домѣ графа уже нѣсколько недѣль, и еще болѣе убѣдился въ томъ, какъ уважали его сосѣди. Изъ уваженія къ нему общество, собиравшееся у него, оказывало и мнѣ вѣжливое вниманіе. Разъ только случилось мнѣ испытать непріятности со стороны одного отставнаго раненаго поручика, по фамиліи Александровича, который, ни съ того, ни съ сего, далъ мнѣ почувствовать свое презрѣніе къ французамъ, ругаль Наполеона, хвасталъ, что повѣсилъ у себя портретъ его вверхъ ногами. Ясно было, что этотъ поручикъ не получилъ никакого воспитанія. На всѣ его выходки я отвѣчалъ усмѣшкою и тоже нелестными для него отзывами. Я думалъ, что этимъ и кончится; нѣтъ, онъ продолжалъ приставать ко мнѣ съ новыми грубостями, такъ что я готовъ былъ вспылить, какъ ни было мнѣ непріятно производить сцены въ такомъ почтенномъ домѣ. Однако, графъ Гудовичъ успѣлъ замѣтить мое неудовольствіе и, неожиданно для поручика, кликнулъ его; потомъ, взявъ его въ сторону, выговаривалъ ему его обращеніе со мною, потомъ принудилъ его извиниться лeredo мною. Такъ какъ въ Россіи, по заведенному военному чинопочитанію, младшій обязанъ повиноваться старшему, а тѣмъ болѣе, человѣку въ чинѣ генераль-лейтенанта, то мой поручикъ, смущенный, подошелъ ко мнѣ, не зная, что мнѣ сказать; но какъ я отошелъ отъ него съ презрѣніемъ, онъ рѣшился остановить меня и сказалъ: „Извините, если я погорячился, его сіятельство правъ, говоря, что вы не можете быть нашимъ непріателемъ, коль скоро вы безоружны. Я виноватъ; я не полагалъ, чтобы васъ здѣсь такъ любили. Такъ извините меня“.

Тутъ графъ самъ подошелъ къ намъ, проси меня не сердиться на поручика, который, какъ онъ прибавилъ, потому озлобленъ противъ французовъ, что ихъ оружіемъ онъ раненъ; потомъ продолжалъ: „Я никому не позволю забыться передъ вами въ моемъ домѣ. А теперъ, какъ вашъ противникъ раскаивается въ своихъ словахъ,

простите ему". И, по желанію графа, мы пожали другъ другу руки. Не только графъ, но и вообще всѣ гости, особенно дамы, заступились за меня; поручикъ такъ былъ пристыженъ, что не замедлил удалиться, послѣ чего я уже никогда болѣе его не видалъ.

Давно уже я не имѣлъ никакихъ извѣстій о предводителѣ и его братѣ, какъ, 30-го числа мая, призвалъ меня къ себѣ графъ и объявилъ, что г. Скорупа писалъ ему о необходимости вызвать меня обратно въ Мглинъ, откуда высшимъ начальствомъ повелѣно отправить колонну плѣнныхъ въ Житомиръ. Это извѣстіе крайне меня огорчило, но не менѣе, какъ я замѣтилъ, было чувствительно и графинѣ. Она стала по-русски упрашивать отца постараться удержать меня у себя, такъ какъ я содѣйствовалъ поправленію его здоровья. Тогда графъ сказалъ мнѣ: „Я сдѣлаю все возможное, чтобы вы насъ не оставляли все время, что будете считаться въ плѣну; я поручусь за васъ“. Въ ту-жъ минуту онъ послалъ за своимъ секретаремъ и продиктовалъ ему письмо, которое и было отправлено въ Черниговъ съ нарочнымъ. Я искренно благодарилъ графа за его милости, но еще не смѣлъ надѣяться на успѣхъ, и тревожился Графиня старалась меня успокоить, увѣряя, что едва-ли такому лицу, какъ ея отецъ, откажутъ въ докторѣ, кто-бы онъ ни былъ. Она не ошиблась. Пять дней спустя, изъ Чернигова пріѣхалъ нарочный и привезъ пакетъ отъ губернатора. въ которомъ заключался ордеръ мглинскому предводителю объ оставленіи меня при графѣ, генераль-лейтенантѣ, Василии Гудовичѣ, и при этомъ частное письмо къ графу на французскомъ языкѣ, съ котораго я, съ позволенія графа, списалъ копію. Оно было слѣдующаго содержанія:

„Черниговъ, 4-го іюня, 1813 г. Графъ Василій Васильевичъ, прилагаю при семъ ордеръ предводителю дворянства Мглинскаго уѣзда Александру Павловичу Скорупѣ, который прошу васъ немедленно переслать къ нему о томъ, чтобы французскій врачъ, которымъ вы интересуетесь, согласно съ желаніемъ вашимъ, оставался-бы при васъ до заключенія мира.

Я счастливъ тѣмъ, что могу оказать услугу вашему сіятельству, тѣмъ болѣе, что вы изволите мнѣ писать о той пользѣ, которую докторъ этотъ принесъ вашему здоровью, и никто болѣе меня не желаетъ вамъ этого блага. Я никогда не забуду того милостиваго расположенія, которое вы изволили мнѣ оказывать во время моего служенія подъ вашимъ начальствомъ. Честь имѣю быть и пр. Б. Бутовичъ“.

Я не умѣлъ найти довольно сильныхъ словъ, чтобы выразить графу мою благодарность. Графиня ликовала, говоря, что она не сомнѣвалась въ успѣхѣ. Итакъ я уже безусловно могъ оставаться въ домѣ графа до тѣхъ поръ, пока не кончится война.

Графъ получалъ нѣсколько русскихъ газетъ, а для меня онъ выписалъ французскую С.-Петербургскую газету, которая называла себя безпристрастною; но на самомъ дѣлѣ слѣдовало бы откинуть первый слогъ слова и замѣнить его словомъ: очень (*impartial—très-partial*), такъ какъ въ ней проявлялись раздраженіе и ложь. Читая газету, я очень огорчился оборотомъ, который принимали дѣла. Если въ новой кампаніи успѣхъ былъ на сторонѣ французовъ, то газета такъ извращала ходъ сраженій, что выходило всегда, будто союзники брали верхъ. Убийственное сраженіе подъ Люце-номъ, въ Саксоніи, газета выдавала за пораженіе Наполеона, такъ какъ побѣда его стоила ему 10,000 убитыхъ; кавалерія его погибла и вообще онъ не жалѣлъ людей, и сраженія его были не что иное, какъ безошадная рѣзня. Извѣстіе о занятіи принцемъ Евгениемъ и Макдональдомъ Дрездена доказывало, что Наполеонъ успѣлъ занять дороги въ Силезію, и, вѣроятно, одержалъ не одну побѣду, не смотря на потерю въ 12,000 людей и нѣсколькихъ пушекъ, случившуюся въ сраженіяхъ, данныхъ съ 19-го по 21-е мая 1813 г. въ Лузаци. Во время чтенія этихъ газетъ, графъ, какъ бывалый воинъ, замѣтилъ мнѣ, что Наполеонъ и тутъ впадалъ въ такія-же ошибки, какія ознаменовали его прошлогодній походъ, такъ какъ упорнымъ преслѣдованіемъ русскихъ и пруссаковъ, отступавшихъ въ совершенномъ порядкѣ съ многочисленною кавалеріею, онъ удалялся отъ своихъ подкрѣпленій, между тѣмъ какъ союзники сближались съ своими.

Вскорѣ послѣ полученія письма черниговскаго губернатора, я узналъ, что наши плѣнные выѣхали изъ Мглина. Я жалѣлъ, что не успѣлъ проститься съ ними, особенно съ честнымъ Бретономъ, съ которымъ я было сдружился. Но какъ-же я удивился, когда онъ внезапно является ко мнѣ и объявляетъ, что г. Рославецъ испросилъ для него у черниговскаго губернатора позволеніе остаться при немъ, такъ какъ онъ, Бретонъ, по болѣзни, не въ состояніи слѣдовать за плѣнными. Итакъ, мы двое только изъ плѣнныхъ оставались въ Мглинскомъ уѣздѣ. Съ Бретономъ пріѣхалъ и молодой Рославецъ. Графъ и дочь его приняли Бретона съ большимъ уваженіемъ, а какъ онъ былъ человекъ умный, то имъ понравилось и общество его. Когда рѣчь зашла о политикѣ, безъ которой не обходился ни одинъ разговоръ, Бретонъ выражалъ свое мнѣніе такъ сдержанно, что графъ не могъ не остаться доволенъ имъ, хотя, какъ русскій, онъ не скрывалъ своей ненависти къ Наполеону. Коснулись и пожара Москвы. Графъ слишкомъ хорошо былъ извѣщенъ о томъ, что происходило, чтобы обвинять

въ пожарѣ французовъ, какъ вообще распространяли объ этомъ слухъ. Бретонъ говорилъ, что лично слышалъ, какъ Наполеонъ приказывалъ гвардіи отстаивать зданія отъ огня, и что безъ нихъ Воспитательный домъ, Кремль и много другихъ зданій сгорѣли-бы до тла, и еще болѣе спасли-бы, еслибъ пожарныя трубы не были раньше вывезены изъ Москвы. Однако, графъ не прощалъ Наполеону взрыва Кремля. По его мнѣнію, сожженіе Москвы было совершенно лишнею мѣрою противъ французовъ, потому что они и безъ этого не могли-бы удержаться въ этой столицѣ. Онъ увѣрялъ, что виновникомъ этого возмутительнаго рѣшенія былъ губернаторъ Ростопчинъ; никогда не было ему дано на это согласія императоромъ Александромъ.

„Мой братъ фельдмаршалъ ¹⁾, говорилъ графъ, бывшій губернаторомъ въ Москвѣ до Ростопчина, увѣрялъ меня, что еслибъ онъ оставался начальникомъ города, то скорѣе наложилъ-бы на себя руки, нежели допустилъ-бы до такого посягательства на цѣлость столицы, каковому дѣянію постыдно давать названіе патріотизма“.

Разговоръ былъ прерванъ прїѣздомъ гостей. Прїѣхала помѣщица сосѣдней деревни, госпожа Туманская, съ двумя дочерьми, хорошенькими дѣвушками, съ голубыми глазами и черноволосыми. въ щегольскихъ туалетахъ. Онѣ были радушно приняты графомъ, и какъ дѣло было передъ обѣдомъ, то и попросили ихъ къ столу. Послѣ кофе пошли гулять въ садъ, и мы послѣдовали за дамами въ бесѣдку, гдѣ обыкновенно пили вечерній чай. Между дамами завязался веселый разговоръ. Прїѣзжія дѣвицы были воспитанницы Смольнаго монастыря, въ Петербургѣ, гдѣ, судя по ихъ любезности и граціи, онѣ получили отличное воспитаніе. Молодой Рославецъ, изъ желанія быть любезнымъ, впадалъ въ смѣшныя выходки, которыя забавляли дѣвицъ и вызывали ихъ умныя возраженія. Замѣтивъ на дѣвицахъ модные кожаные пояса, съ изображеніемъ скачущаго казака, Рославецъ спросилъ ихъ—любятъ-ли онѣ казаковъ? „Конечно, мы ихъ любимъ, отвѣчали онѣ, потому что они защищали свою родину. Сдѣлайтесь казакомъ, и мы васъ будемъ любить; въ настоящее время каждый русскій, тѣмъ болѣе молодой, долженъ служить своему государю; а тѣ, которые, подобно вамъ, остались подъ отцовскою кровлею, заслуживаютъ такого подарка: прялку и веретено, завернутыя въ зайчью шкурку“. Молодой человекъ понялъ, что шутки хороши въ извѣстныхъ

¹⁾ Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (р. 1741 г., † 22-го янв. 1821 г.).

предѣлахъ, и потому оправдывалъ свое бездѣйствіе тѣмъ, что отецъ его еще находится на службѣ, а онъ, какъ сынъ, обязанъ оставаться при матери; но что онъ не дожидется времени, когда ему позволено будетъ носить оружіе въ защиту своего отечества. Дѣвицы, разумѣется, похвалили его за это.

Я искалъ глазами нашего маіора Бретона, но онъ куда-то пропалъ. Разговоръ на тему защиты русскихъ отъ непріятеля продолжался, какъ вдругъ гдѣ-то недалеко раздался звукъ охотничьяго рога. Никто не понималъ, откуда эта музыка. Звуки очень явственно передавали извѣстную мнѣ охотничью арію изъ оперы: Генрихъ IV. Я подумалъ, что исполнитель какой-нибудь домашній музыкантъ, однако, графиня увѣряла, что такого въ ихъ домѣ нѣтъ. Молодой Рославецъ одинъ улыбкою своею доказывалъ, что музыкантъ ему извѣстенъ, хотя онъ тоже притворялся удивленнымъ. Любопытство заставило дамъ идти по направленію звуковъ, и что-же? Музыкантомъ, скрывавшимся за рощею, оказался Бретонъ. Я тѣмъ болѣе былъ удивленъ этому открытію, что никогда, съ тѣхъ поръ, что я его зналъ, онъ не говорилъ о своемъ талантѣ. Онъ досталъ себѣ этотъ рогъ во время пребыванія своего въ домѣ Рославца, а намъ хотѣлъ сдѣлать пріятный сюрпризъ. Дамы попросили его повторить балладу. Музыка эта вызвала и графа изъ кабинета. Вскорѣ потомъ все общество возвратилось въ комнаты. Дамы перешли на половину графини, а мы остались съ графомъ. Разговоръ зашелъ о дѣвицахъ Туманскихъ. Бретонъ увѣрялъ, что онъ рѣдко встрѣчалъ во Франціи такихъ умныхъ, милыхъ и образованныхъ дѣвушекъ; онъ говорили на четырехъ языкахъ и знали музыку.

Графъ рассказалъ намъ, что дѣвицы эти—дочери умершаго статскаго совѣтника, а вдова его владѣетъ небольшимъ помѣстьемъ по сосѣдству. Этому Туманскому Павломъ I горучено было везти въ ссылку въ Сибирь извѣстнаго нѣмецкаго писателя Коцебу, автора „Ненависти къ людямъ и Раскаленія“ и другихъ сочиненій. Туманскій обходился съ несчастною жертвою суровости и причудливости этого государя какъ прилично благородному чловѣку. Потомъ, когда императоръ убѣдился въ несправедливости этой ссылки, тому-же Туманскому было поручено привезти его оттуда. „Въ настоящее время“, прибавилъ графъ, „Коцебу принимаетъ дѣятельное участіе въ составленіи манифестовъ и дипломатическихъ нотъ въ кабинетѣ императора Александра. По представленію Коцебу, помнящаго великодушное обращеніе съ нимъ Туманскаго, послѣдній былъ награжденъ чиномъ и дочери его

опредѣлены на казенный счетъ въ императорскій институтъ (Смольный монастырь). Отецъ ихъ умеръ два года тому, оставивъ очень посредственное состояніе, такъ что для молоденькихъ дѣвицъ до сихъ поръ еще не представлялись случаи выйти замужъ“.

На другой день гости хотѣли было ѣхать домой, но графъ и графиня упросили ихъ остаться, и такимъ образомъ мы провели съ ними еще нѣсколько пріятныхъ дней. Время проходило въ музыкѣ и въ прогулкахъ.

По отъѣздѣ гостей, въ домѣ водворилась тишина, но время проходило безъ скуки. Я любилъ слушать графа, когда онъ рассказывалъ о турецкомъ походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ, и анекдоты объ императрицѣ Екатеринѣ II, при которой онъ служилъ пажемъ.

Въ концѣ іюля 1813 г. газеты извѣстили, что маршалъ Даву и генералъ Вандомъ, 30-го мая, снова заняли городъ Гамбургъ, очищенный 12-го марта; 1-го іюня генералъ Лористонъ завладѣлъ Бреславлемъ, а 4-го заключено въ Пleshвицѣ перемиріе между Наполеономъ и союзниками. По мнѣнію графа, это перемиріе могло только повредить Наполеону, хотя съ другой стороны оно было ему необходимо, чтобы имѣть время вызвать изъ Франціи подкрѣпленіе настолько значительное, насколько можно было-бы съ помощью его вознаградить свои потери, да еще прибавить новыя завоеванія. Впрочемъ, и силы союзниковъ огромны. Вся Германія возстала, рейнская конфедерація отпадаетъ: народъ сильно возбужденъ въ Голландіи, Швеціи, Тиролѣ и Италіи, и Велингтонъ беретъ верхъ въ южной Франціи. Изъ всѣхъ этихъ сообщеній надобно было заключить, что въ будущемъ предстоятъ большія несчастія. Эта мысль не давала мнѣ покоя, несмотря на безмятежную деревенскую жизнь, которую я велъ въ домѣ графа.

Однажды графиня предупредила меня, что черезъ недѣлю она будетъ праздновать именины отца. Къ этому дню соберутся многіе родные и большое общество знакомыхъ, а какъ домъ не достаточно просторенъ, то на дворѣ разобьютъ военную палатку, бывавшую въ походахъ съ ея отцомъ. Ей хотѣлось для этого дня убрать столовую, и я вызвался помочь ей. Я предложилъ ей, такъ какъ пора была самая лѣтняя, убрать залу гирляндами живыхъ цвѣтовъ, которыми графскій садъ былъ полонъ. Наканунѣ именинъ мы съ графинею занялись этимъ дѣломъ, когда графъ уже удался въ свои комнаты. Было уже поздно, когда мы, съ помощью слугъ, окончили развѣшиваніе гирляндъ и вѣнковъ, и въ это-же время подѣхали дочь и зять графа, Маркевичи, съ сыномъ

двѣнадцати лѣтъ. Съ ними пріѣхали еще двѣ родственницы. Графиня обрадовалась имъ, но не будила отца. Подали ужинъ и затѣмъ всѣ улеглись спать.

На другое утро я присоединился къ членамъ семейства для принесенія поздравленій графу. Это была трогательная сцена, такъ какъ дѣти его обожали и онъ былъ нѣжнѣйшимъ для нихъ отцомъ. Я познакомился съ г. Маркевичемъ, Андреемъ Ивановичемъ, предводителемъ дворянства Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Это былъ мужчина тридцати пяти лѣтъ, обыкновеннаго роста, съ благородною фізіономією. Графиня представила меня его женѣ, не красавицѣ, но очень пріятной и любезной дамѣ. Ихъ сыночекъ говорилъ изрядно по-французски и, повидимому, былъ очень любознательнъ, потому что не выпускалъ изъ рукъ книги. Обѣ родственницы были молоденькія дѣвицы, одну звали Софьей Маркевичъ, другую Маріей (Машенькой) Аграновичъ. Обѣ были брюнетки, только первая была умнѣе. Къ полудню наѣхало много сосѣдей, изъ нихъ нѣкоторые очень богатые люди. Я запомнилъ нѣсколько фамилій: два брата Поворскіе, Ляшкевичъ, Савицкій, Соколовскій, Губчицъ, Рославецъ (три семейства), господъ Скокупа. Словомъ, наѣхало до 60 человекъ. Все это общество, несмотря на нѣкоторую пестроту, отличалось хорошимъ тономъ.

Въ одно время съ Рославцами и Туманскими пріѣхалъ и капитанъ Бретонъ. Я весьма былъ радъ видѣть господъ Скокупа, которымъ я столько обязанъ; они жалѣли о моемъ отсутствіи изъ ихъ дома и просили меня навѣстить ихъ. Въ столовой всѣ любовались ея убранствомъ. Между прочимъ, отличался огромный вензель графа, составленный изъ васильковъ, что соответствовало и самому имени графа: Василій. Графиня и волосы свои убрала васильками, что очень было ей къ лицу. За обѣдомъ играла музыка. Здѣсь, не такъ какъ у г. Ширяя, общество не раздѣляли никакія несогласія; учтивости и любезности были искренни; не было такихъ группъ, гдѣ въ однѣхъ острили-бы насчетъ другихъ, возбуждая досаду и гнѣвъ.

Послѣ обѣда гуляли, куда музыка не подала знака къ балу. Всѣ воротились въ домъ и начались танцы: кадрили, котильоны, мазурки, и я провальсировалъ съ графинею, которая совѣтовала мнѣ тоже ангажировать дѣвицу Маркевичъ и представила меня ей. Балъ продолжался до свѣта. Гости разъѣхались весьма довольные оказаннымъ имъ пріемомъ.

На другой день оставались только Бретонъ съ молодымъ Рославцемъ, семейство Туманскихъ, да семейство Маркевичъ.

Они оставались нѣсколько дней, и время проведено было очень пріятно въ веселой бесѣдѣ и музыкѣ. Когда Маркевичи уѣзжали, графиня вызвалась проводить ихъ верстъ двадцать пять и, взявъ съ собою компаньонку, просила позволеніе у отца отпустить и меня. Мнѣ случилось ѣхать въ обществѣ дѣвицъ Маркевичъ и Аграновичъ, которыя умною и любезною бесѣдою своею заставили меня забыть долгую дорогу. Онѣ говорили мнѣ, что мы ѣдемъ въ село Ивановку, имѣніе графа Петра Гудовича, гдѣ находился большой господскій домъ ¹⁾. Въ этомъ самомъ домѣ насъ приняла полная, красивая нѣмка, женщина, которую графъ содержалъ и сдѣлалъ хозяйкою дома. Она повела насъ черезъ богатыя комнаты въ египетскую залу, такъ названную по отдѣлкѣ и убранству въ египетскомъ вкусѣ: тутъ были картины, изображавшія пирамиды, были сфинксы, и подъ ними іероглифическія надписи. Вскорѣ по входѣ нашемъ, раздалась музыка. Намъ подали чай на серебряномъ сервизѣ. Я обратилъ вниманіе на лежавшій передъ нами большой серебряный подносъ съ гербомъ, изображавшимъ три стрѣлы и надъ ними корону. Это не былъ гербъ семейства Гудовичъ, такъ какъ ихъ гербъ: разрушенная крѣпость и литера А (т. е. Анапа), былъ мнѣ знакомъ. Я спросилъ графиню, что значать эти стрѣлы, на что она отвѣчала мнѣ вполголоса и съ видимымъ отвращеніемъ, что это гербъ семейства Голинскихъ, того, что Петръ Гудовичъ ограбилъ во время своей экспедиціи въ Польшу. Г. Маркевичъ предложилъ мнѣ осмотрѣть съ нимъ весь домъ. ²⁾

Длинные и темные коридоры вели въ различныя, довольно богато меблированныя комнаты, украшенныя картинами и статуями. Все вмѣстѣ представляло нѣчто въ родѣ лабиринта, а нѣкоторыя комнаты едва освѣщались маленькимъ стрѣльчатымъ окномъ въ одно стекло. Казалось, архитекторъ этого зданія хотѣлъ соорудить подобіе средневѣковаго замка. Воротившись къ обществу въ садъ, мы осмотрѣли тамъ китайскій домикъ въ три крошечные этажа, выстроенный по образцу жилища мандарина, съ позолоченною кровлею и крылатымъ дракономъ на верхушкѣ. Всѣ комнатки были убраны въ китайскомъ вкусѣ. Потомъ насъ повели посмотрѣть роскошную русскую баню. Комнаты были вымощены бѣлымъ мраморомъ.

¹⁾ Графъ Петръ Вас. Гудовичъ служилъ дѣйств. статск. совѣтникомъ.

²⁾ Гербъ графовъ Гудовичевыхъ описанъ въ Общемъ Росс. Гербовникѣ (ч. IV, № 8, и ч. IX, № 4), см. въ Россійской Родословной книгѣ, П. В. Долгорукаго. Спб. 1855 г., ч. II, стр. 193. Упомянутое Де-ла-Флиза о гербѣ Гудовичевыхъ не точно и не полно.

ромъ, стѣны выложены изразцами, а частью и сплошными зеркалами. Мы еще долго прогуливались по саду; случилось мнѣ зайти въ бесѣдку, куда дѣвицы Маркевичъ и Аграновичъ присѣли отдохнуть, и между нами зашелъ разговоръ, которому я подаль поводъ, спросивъ у этихъ дѣвицъ, кто такая та красивая полная нѣмка, которая насъ приняла? Маркевичъ какъ будто затруднялась мнѣ отвѣтить и покраснѣла, но подруга ея очень развязно объяснила мнѣ, что эта дама дѣвица Шварцъ, экономка или смотрительница дома графа Петра Гудовича... Она прибавила, что женщины нѣмецкой расы вообще отличаются умѣньемъ вести хозяйство и особенно полезны какъ надзирательницы надъ прядильнымъ и ткацкимъ заведениями, въ которыхъ работаютъ простые крестьяне и крестьянки. Она продолжала рассказывать, что дядя ея точно также отдаетъ справедливость и голландскимъ женщинамъ въ ихъ умѣньи вести ткацкое дѣло, и поэтому въ другой его деревнѣ, гдѣ ткуть отличное столовое бѣлье, опредѣлена такая-же красавица голландка. Но графъ Петръ Вас. Гудовичъ, по словамъ моей собесѣдницы, нарочно держитъ обѣихъ женщинъ на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга; онъ не хотѣлъ даже, чтобы онѣ знали другъ друга, иначе могла-бы возникнуть между ними зависть и повредить успѣху занятій, хотя графъ, какъ дѣятельный помѣщикъ, слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ его помѣстьяхъ, и для того постоянно живетъ одно время въ одной деревнѣ, потомъ въ другой. Словомъ, дѣвица Аграновичъ хотѣла меня увѣрить, что въ дѣйствіяхъ ея дяди нѣтъ ничего своеобразнаго, а просто онъ знатокъ и цѣнитель хорошаго ткацкаго производства.

Я не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній на всю эту рѣчь, притворяясь убѣжденнымъ въ необыкновенныхъ достоинствахъ нѣмокъ и голландокъ. Дѣвица-же Маркевичъ, все время молчавшая, казалось была другого мнѣнія, и нѣсколько разъ улыбалась наивностямъ родственницы. Послѣдняя не подозрѣвала, что она вполне утвердила меня въ мнѣніи о ея дядѣ, какъ о человѣкѣ безъ чести и безъ совѣсти, пренебрегающемъ общественнымъ мнѣніемъ и живущемъ открыто въ глазахъ всего уѣзда съ двумя красавицами, которыхъ тиранству подчинилъ цѣлое населеніе крестьянъ и крестьянокъ. Послѣ этого я узналъ о новой низости Петра Гудовича. Во время грабежа своего въ Польшѣ, онъ захватилъ самовольно двухъ плѣнныхъ, одного фламандца, другаго голландца, посадилъ ихъ въ своей Ивановкѣ въ тюрьму и заставилъ ихъ даромъ учить крестьянъ ткацкому дѣлу. И оба эти несчастные плѣнные остались-бы у него въ вѣчной кабалѣ, такъ какъ графъ тихонько перевелъ ихъ

въ другую деревню, еслибъ они не были отысканы, благодаря тщательному розыску предводителя Скорупы.

Долго оставались мы при лунномъ свѣтѣ въ саду, пока не позвали насъ ужинать. Столъ былъ накрытъ въ залѣ, убранной по турецки, и все время играла музыка. Экономка очень старалась угождать своимъ гостямъ. На другое утро рано гости стали разѣзжаться.

Когда мы подъѣзжали къ нашему дому, мы увидали графа Вас. Вас. Гудовича, который шелъ на встрѣчу дочери: мы вышли изъ экипажа и дошли до дому пѣшкомъ. Графъ сообщилъ мнѣ, что перемиріе продлится до 10-го августа 1813 г., а въ петербургскомъ журналѣ я прочелъ, что уполномоченные Пруссіи, Австріи и Россіи 12-го іюля положили ограничить имперію Наполеона Рейномъ и Альпами. Но чего я не прочелъ въ газетахъ, а сообщено мнѣ было графомъ, это странное извѣстіе, что генераль Моро, бѣжавшій, въ іунѣ 1804 г., въ Америку, послѣ приговора его къ смерти, былъ нынѣ вызванъ оттуда Бернадотомъ для содѣйствія союзникамъ въ операціяхъ противъ Наполеона, и прибылъ уже въ Швецію. Когда графъ прочелъ, что Наполеонъ не согласился на ограниченіе своей имперіи, то онъ очень порицалъ его за это, потому что, принявъ условія Пражскаго конгресса, Наполеонъ чрезъ это удалилъ-бы отъ Европы новыя бѣдствія; но допуская себя жертвовать безъ оглядки и безъ мѣры своими огромными средствами, какъ и свѣжимъ молодымъ войскомъ, Наполеонъ доказываетъ, что у него на умѣ одинъ лишь личный расчетъ, хотя-бы изъ-за этого гибла вся Франція.

Августъ мѣсяцъ 1813 г., былъ на исходѣ: поля были сжаты и хлѣбъ убранъ въ амбары, урожай оказался обильный. Крестьяне находили въ этомъ случаѣ оправданіе старинной поговорки, что земля, вспаханная мечемъ, плодородна.

Въ одно воскресенье графиня (Варвара Вас. Гудовичъ) собралась ѣхать въ гости къ Покорскимъ, сосѣдямъ ихъ; для этого она пригласила дѣвицъ Туманскихъ, пославъ за ними, и предложила и мнѣ ѣхать, къ чему склонилъ меня и графъ. Дамы сѣли въ карету, а я слѣдовалъ за ними въ коляскѣ. Сперва мы заѣхали къ брату того помѣщика, куда собственно направлялась графиня.

Этотъ Покорскій, очень богатый человекъ, былъ мужчина 40 лѣтъ, провинціалъ съ простоватыми манерами, смотрѣвшій на меня свысока, хотя я и былъ представленъ ему графинею. Жена его, почти однихъ лѣтъ съ нимъ, довольно дурная собою, корчила барыню, тогда какъ въ ней не проявлялось ничего благороднаго.

У нихъ была куча маленькихъ дѣтей, очень шумливыхъ и дурно воспитанныхъ, да цѣлая арава комнатныхъ собачекъ. Графиня В. В. Гудовичъ хозяева оказывали подобострастную учтивость. Здѣсь мы должны были отобѣдать, а ночевать у брата Покорскаго, такъ какъ на другой день жена послѣдняго была именинница. Впрочемъ, замѣтила мнѣ графиня, оба брата живутъ въ такой враждѣ другъ съ другомъ, что уже лѣтъ двадцать прекратили между собой всякія сношенія.

Домъ Покорскаго имѣлъ только одинъ этажъ, но ни снаружи, ни внутри не отличался никакимъ изяществомъ; мебель была самая простая. Въ гостиной надъ диваномъ, на который посадили графиню и дѣвицу Туманскихъ, висѣлъ портретъ императора Павла I во весь ростъ; а по сторонамъ этого портрета висѣли двѣ гравюры, изображавшія одна видъ Везувія, другая видъ Этны. Это положеніе портрета между двухъ вулкановъ, сосѣдство которыхъ, казалось, пугало его, имѣло въ себѣ нѣчто аллегорическое. Но хозяинъ, какъ недалекаго ума человѣкъ, конечно, не имѣлъ въ мысляхъ ничего подобнаго; онъ даже не догадывался, что такую выставкою онъ обнаруживалъ недостатокъ политическаго чутья.

Замѣтивъ, что я осматриваю эти картины, хотя онъ сказалъ мнѣ, что у него въ другой комнатѣ есть гравюры, которыя стѣитъ мнѣ посмотреть, и я замѣтилъ, что онъ очень желалъ мнѣ ихъ показать, — онъ повелъ меня въ эту комнату и съ холодною усмѣшкою представилъ мнѣ цѣлый рядъ раскрашенныхъ карикатуръ, развѣшанныхъ на стѣнахъ. Въ серединѣ висѣло плохое изображеніе покорителя Измаила и Праги, генераль-аншефа Суворова, въ генеральскомъ мундирѣ и орденахъ и съ волосами въ беспорядкѣ, точно онъ присутствовалъ при сценахъ ужаса, происходившихъ въ Турціи и Польшѣ. Все остальное были карикатуры на французовъ. Хозяинъ чуть не прыгалъ отъ удовольствія, что привелось ему показать ихъ кровному французу, а онъ ненавидѣлъ нашу націю, и даже, какъ увѣрялъ, гнушался говорить на нашемъ языкѣ. Однако, опасаясь, чтобы я не понялъ смысла нѣкоторыхъ карикатуръ, онъ употреблялъ французскія слова для моего уразумѣнія, и каждое объясненіе сопровождалъ шумнымъ и глухимъ смѣхомъ, крайне обиднымъ. Я не могъ отвѣчать ему иначе, какъ пренебреженіемъ къ его дурачеству; тѣмъ не менѣе я съ любопытствомъ разсматривалъ карикатуры. Между ними было много такихъ, которыя лишены были всякаго смысла, доказывая только ненависть къ націи. Другія-же, напротивъ, были мѣтки до жестокости¹⁾. Это была кар-

¹⁾ Вѣроятно, то были карикатуры знаменитаго Терребенева. Ред.

тина всѣхъ бѣдсвѣй московскаго отступленія, и до того вѣрная въ самомъ преувеличеніи, что она представляла уже не вымыселъ, а горькую дѣйствительность. И эти сцены, вмѣсто жалости, возбуждали дикій хохотъ въ русскомъ помѣщикѣ.

Большая часть этихъ карикатуръ представляли Наполеона въ презрѣнномъ, униженномъ, подавленномъ видѣ. Одна изображала статую славы въ маскѣ, носившей черты Наполеона, въ одной рукѣ она держала у рта длинную трубу, въ другой лавровые вѣнки. Передъ этой статуею, на грудѣ человѣческихъ костей и череповъ, стоялъ русскій гренадеръ и концомъ штыка приподымалъ маску, а изъ-подъ нея выглядывало безобразное лицо демона. Съ правой стороны русскій крестьянинъ, стоя на кучѣ снѣгу, засыпалъ имъ внутренность трубы, а слѣва казакъ нагайкою сшибалъ съ вѣнковъ листья, оставляя одни голые прутья.

Другая карикатура изображала дьявола съ хвостомъ и рогами, держащаго Наполеона въ видѣ младенца въ пеленкахъ, съ трехцвѣтною лентою, къ концу которой прикрѣплена была звѣзда почетнаго легіона; дьяволъ ублаживалъ его, говоря: „вотъ сынъ мой возлюбленный: на него возлагаю всю мою надежду“.

На третьей: король Мюратъ, вице-король Евгеній, маршалы Мармонъ, Ней и Макдональдъ стояли по горло въ снѣгу, почтительно спрашивая Наполеона, чтѣ прикажетъ онъ сказать въ бюллетенѣ?— „Скажите, отвѣчалъ онъ, что мы находимся теперъ на зимнихъ квартирахъ“.

Еще одна представляла Наполеона за азбукою съ сыномъ его, королемъ римскимъ. Онъ показывалъ ему буквы, и дитя, по поводу Пражскаго конгресса, говорило: „Папа, А, В, С, (abaissé — т. е. униженъ), Папа С, Д (cédez — т. е. уступи)“. Но всѣхъ не перечтешь.

Хозяинъ дома въ восторгѣ, что успѣлъ показать мнѣ свою коллекцію, повелъ меня въ другую комнату, гдѣ у него развѣшаны были портреты собакъ, любимыхъ его животныхъ, и между ними портретъ сына Наполеона. Въ этомъ случаѣ Покорскій показалъ себя подлѣе и лукавѣе, нежели въ мысли поставить упомянутый выше портретъ между двумя вулканами. Я отошелъ съ отвращеніемъ. Покорскій повелъ меня снова въ гостиную и, обращаясь къ графинѣ В. В. Гудовичъ, съ громкимъ смѣхомъ рассказалъ ей объ удовольствіи, которое онъ мнѣ доставилъ созерцаніемъ его музея. Однако, графиня, сколько я могъ понять, приняла эти шутки серьезно и говорила, что еслибъ она знала, что гостя ея отца ожидаютъ здѣсь грубости, то она прямо направила-бы меня мимо его дома, къ брату

его, Покорскаго. Хозяинъ, озадаченный, сталъ извиняться передъ нею, цѣлуя ей руки.

Тутъ позвали къ обѣду, который былъ очень простъ; вина замѣняли домашняго приготовленія напитки (наливки). Видно было, что хозяинъ столько-же скупой, сколько отсталый въ образованности, несмотря на большое состояніе. Разговоръ за обѣдомъ вертѣлся около пошлыхъ предметовъ, и я все время молчалъ. Вскорѣ послѣ обѣда мы уѣхали. Черезъ часъ мы были у старшаго Покорскаго.

Этотъ господинъ нисколько не походилъ на своего брата. Онъ и жена его были внимательны ко мнѣ. Они недавно только поселились въ деревнѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ; оба были образованы и вполнѣ приличны. Домъ ихъ не отличался роскошью, но не было замѣтно и скупости. Хозяйка и графиня, какъ и дѣвицы Туманскія, повидимому, были очень дружны. Повуда онѣ уходили на половину хозяйки смотрѣть работы въ пальцахъ, которыми занимались молодыя служанки, я оставался съ хозяиномъ, двумя молодыми офицерами, его родственниками, и двумя гувернерами дѣтей. Немного погодя, входитъ въ комнату старикъ лѣтъ шестидесяти, въ придворномъ, вышитомъ серебромъ, кафтанѣ; я вообразилъ, что это важная особа, и поклонился ему, привставъ съ мѣста; однако, кромѣ меня, никто не оказалъ ему этой чести. Важною походкою старикъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня за руку, отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ; я отвѣчалъ ему тѣмъ-же; онъ просилъ меня не беспокоиться, и, сѣвъ подлѣ меня, заговорилъ на непонятномъ языкѣ, примѣшивая къ нему нелѣпыя французскія слова. Я не зналъ, что ему сказать, какъ замѣтилъ, что собесѣдники мои улыбаются моему смущенію. Вдругъ старикъ вскакиваетъ со стула, дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и громкимъ голосомъ запѣваетъ пѣтухомъ, потомъ мычитъ какъ корова и ржетъ какъ лошадь. Я принялъ его за помѣшаннаго, но г. Покорскій поспѣшилъ мнѣ объяснить, что старикъ этотъ—домашній шутъ, принадлежавшій еще отцу его, такъ какъ по старому еще обычаю во многихъ домахъ держать шотовъ, одѣвая ихъ въ вычурное платье и позволяя имъ дѣлать разныя дурачества. За чаемъ шутъ обращался къ каждому отдѣльно съ какими-нибудь забавными выходками, возбуждая смѣхъ общества, но я не могъ понять того, что онъ говорилъ. За ужиномъ шутъ снова явился, но уже въ другомъ костюмѣ, въ старинномъ генеральскомъ, въ которомъ онъ очень былъ смѣшенъ; онъ ходилъ вокругъ стола, отпуская дамамъ любезности и подражая мнѣ и манерамъ нѣкоторыхъ изъ знако-

ныхъ дому, между прочимъ, и брату хозяина дома, чѣмъ онъ очень смѣшил общество.

Мы выѣхали отъ Покорскихъ ночью; впереди насъ двое людей ѣхали верхами, держа въ рукѣхъ по длинной палкѣ, съ зажженою паклею, насмоленной и намотанною на концѣ, и освѣщали намъ дорогу.

Осень была дождливая и нѣсколько времени нельзя было никуда выѣхать; по причинѣ дурнаго состоянія дорогъ и къ намъ никто не показывался. Я постоянно находился въ обществѣ графа Василя Гудовича; мы говорили съ нимъ о политикѣ и усердно читали газеты. Наступали важныя событія, долженствовавшія измѣнить все положеніе Европы. Зато ужъ мы съ графомъ съ нетерпѣніемъ поджидали новыхъ извѣстій и, не смотря на то, когда они приходили изъ Петербурга, оказывалось, что евреи уже ранѣе разгласили ихъ въ краѣ черезъ свою секретную полицію.

Въ началѣ сентября 1813 г. до насъ дошло извѣстіе, что Наполеонъ положительно отвергъ миръ и перемиріе кончилось. Графъ заключалъ изъ этого о началѣ ожесточенной войны. Французская армія, по словамъ газетъ, была раздѣлена на четырнадцать корпусовъ, состоявшихъ изъ французовъ, италіанцевъ, нѣмцевъ и поляковъ, всего числомъ 280,000 человѣкъ, но изъ нихъ половину составляли рекруты, не бывавшіе еще въ огнѣ. Австрія официально объявила свое присоединеніе къ союзу Россіи и Пруссіи. Россія, Австрія, Пруссія и Швеція вмѣстѣ выставили войско въ 520,000 человѣкъ.

Графъ изумлялся, что, несмотря на это превосходство непріятеля, Наполеонъ упорно держался своей позиціи въ Дрезденѣ и намѣревался дать сраженіе на Эльбѣ. Въ с.-петербургскомъ журналѣ я прочелъ прокламацію шведскаго наслѣднаго принца, генералиссимуса сѣверной арміи, объявленную близъ Берлина. Она такъ меня поразила, что я списалъ съ нея копію.

Спустя восемь дней послѣ этой прокламаціи, Бернадотъ превосходными силами своими разбилъ маршала Удино, взялъ у него въ плѣнъ 15,000 человѣкъ и 20 пушекъ. Въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 26-го—27-го августа, Наполеонъ съ 100,000 человѣкъ взялъ въ плѣнъ 20,000 австрійцевъ, отнялъ 20 пушекъ и огромный обозъ. Тѣмъ не менѣе, это дѣло, выказавшее храбрость французовъ и искусство маршаловъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ, Мортъе и Виктора въ результатѣ не принесло никакой пользы побѣдителю, напротивъ, это торжество укрѣпило его въ его колоссальныхъ идеяхъ. Еще одинъ случай содѣйствовалъ другому успѣху Наполеона. Вызван-

ный из Новаго Свѣта генераль Моро, прибывъ въ главную квартиру союзниковъ въ Прагѣ, склонилъ ихъ къ нагаденію на Дрезденъ, взятіемъ котораго Наполеону нанесенъ былъ-бы послѣдній ударъ. Между тѣмъ, въ то время, какъ Моро разговаривалъ съ императоромъ Александромъ подлѣ прусской батареи, ядро оторвало ему обѣ ноги; побѣда осталась за Наполеономъ. Маршалъ Макдональдъ, отступая отъ границъ Силезіи, былъ настигнутъ и разбитъ генераломъ Блюхеромъ, потерялъ отъ 10 до 12 тысячъ людей и часть своей артиллеріи, отнятой неприятелемъ. 30-го августа, генераль Вандамъ, во главѣ значительнаго корпуса, преслѣдуя неприятельскую дивизію, зашелъ слишкомъ далеко въ Богемскія ущелья, близъ Кульма, и былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ съ 12,000 человекъ. Всѣ приведенныя мною извѣстія доказывали, что Наполеонъ упрямствомъ своимъ и потерями приближался къ гибели.

Что-же ожидало насъ, доблестныхъ французовъ! Эти мысли отравляли жизнь мою. Графъ Гудовичъ увѣрялъ, что Наполеону нечего болѣе ожидать, и полагалъ, что миръ можетъ состояться только по взятіи Парижа; но мнѣ казалось невѣроятнымъ вступленіе неприятеля во Францію. Русскіе были убѣждены, что Парижъ будетъ взятъ союзниками, и смѣялись надъ моимъ сомнѣніемъ. Графъ и графиня Гудовичи, видя мое безпокойство, утѣшали меня, говоря, что я могу оставаться въ Россіи, гдѣ я гораздо безопаснѣе, нежели во Франціи, угрожаемой большими переворотами. Изъ признательности къ нимъ, не могу умолчать о тѣхъ знакахъ дружбы и расположения, которые они мнѣ оказывали.

Я какъ-то сказалъ разъ, что намѣренъ купить себѣ бѣлья, какъ спустя нѣсколько времени, воротясь къ себѣ, нашелъ въ комнатѣ большой сундукъ съ ключемъ у замка и полный бѣлья. Добрая графиня сама потрудилась велѣть изготовить его своимъ служанкамъ. Я былъ весьма тронутъ этимъ вниманіемъ и благодарилъ, какъ умѣлъ. Около того-же времени, я замѣтилъ, что графъ ежедневно наблюдаетъ за починкою коляски (въ имѣніи его были мастеровые всякаго рода), а когда она была готова, онъ велѣлъ запречь въ нее четверку лошадей, и все это подарилъ мнѣ. Всего чувствительнѣе для меня была деликатность графа и графини Гудовичъ въ такихъ случаяхъ щедрости.

Въ половинѣ октября (1813 г.) случилось происшествіе, огорчившее графа и графиню и дающее понятіе о мщеніи русскихъ крестьянъ надъ господами, когда эти обращаются съ ними жестоко.

Сосѣдній помѣщикъ Лашкевичъ, фамилію котораго я упоминаю

нуль при описаніи именинъ графа, былъ человекъ очень богатый, обладалъ тысячею крестьянъ, но былъ безъ всякаго образованія и скупой. Жена его, рожденная Дунина-Ворковская, была, напротивъ, характера благороднаго и любима графинею Гудовичъ. Лашкевичъ жестоко обращался съ своими людьми и заставлялъ иныхъ крестьянъ работать въ полѣ съ цѣпями на ногахъ. Они и порѣшили отдѣлаться отъ своего господина. Поварь, кучеръ и камердинеръ сговорились между собою и въ соучастницы взяли горничную госпожи. Лашкевичъ имѣлъ обыкновение послѣ обѣда отдыхать. Жена его, въ назначенный заговорщиками день, велѣла при себѣ варить варенье, въ небольшомъ отдѣльномъ домикѣ въ саду, не близко отъ жилого дома. Надобно было удержать ее тутъ подольше, чтобы дать время совершиться преступленію, и съ этою цѣлью горничная графини замедляла варку, подливая въ варенье воды; но хозяйка примѣтила это и разбранила горничную, насколько не подозрѣвая цѣли этого дѣйствія. Лашкевичъ строилъ церковь и въ домѣ его писали образа для иконостаса, причеиъ онъ очень любилъ смотрѣть на работу живописца. Въ эту мастерскую надобно было проходить черезъ столярную, къ потолку которой, посредствомъ веревокъ, привѣшаны были массивные бруски дерева. Эти-то бруски заговорщики намѣревались спустить на голову своего барина, въ ту минуту, какъ онъ станетъ проходить; но какъ они замѣшкались, а Лашкевичъ успѣлъ пройти безъ вреда, то положили поджидать его возвращенія въ спальню; они пошли за нимъ, бросились на него, стали душить подушкою и бритвою порѣзали ему горло. Положивъ бритву ему въ руку, убійцы заперли снутри дверь на крючекъ, потомъ снаружи закрыли ставни и ушли. Когда-же Лашкевичъ возвратилась въ домъ, она удивилась, что мужъ ея еще не всталъ, тогда какъ она-же еще замѣшкалась за вареньемъ. Было 5 часовъ, время чая. Она приказала разбудить мужа. Ей пришли сказать, что дверь заперта снутри; когда-же открыли наружныя ставни, увидали убитаго на постели въ крови и съ бритвою въ рукѣ. Полиція произвела слѣдствіе и было рѣшено, что помѣщикъ лишился жизни самоубійствомъ. Трупъ схоронили въ полѣ, безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ. При первомъ извѣстіи объ этомъ несчастіи, графъ Гудовичъ поручилъ дочери навѣстить вдову и пригласить ее на время къ нимъ. Съ нею пріѣхала и ея горничная, варившая варенье.

Спустя недѣлю, въ мѣстную харчевню пріѣхалъ секретно изъ Мглина полицейскій офицеръ. Онъ приказалъ схватить горничную и посадить ее въ тюрьму. Г-жа Лашкевичъ не понимала, куда

дѣвалась ея горничная, какъ, спустя нѣсколько дней, ей объявили, что мужъ ея умеръ не своею смертию, но былъ зарѣзанъ ея людьми. Преступленіе это открылось такимъ образомъ. Убийцы сидѣли въ деревенскомъ кабацкѣ и заговорили о смерти своего барина; одинъ изъ нихъ при этомъ напомнилъ пословицу, что лучше убить змѣю, чѣмъ дать ей укусить насъ, а слышавшій эти слова бывший тутъ человекъ побѣждалъ объявить о томъ мглинскому протопопу, тотъ далъ знать полиціи—и убійцъ арестовали. Всѣ они, спрошенные отдѣльно, сознались въ своемъ преступленіи. Тогда прибылъ архіепископъ и, велѣвъ вырыть тѣло Лашкевича, съ большою церемоніею похоронилъ его въ склепѣ его церкви. Убійцъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь.

Въ послѣднихъ числахъ ноября 1813 г. наступила зима, но не такая суровая, какъ прошлогодняя. Было не болѣе 18-ти градусовъ мороза; снѣгу тоже было не слишкомъ много, такъ что установилась отличная санная дорога. Коляску мою поставили на полозья, и въ ней я дѣлалъ частые визиты маіору Бретону.

Всѣ извѣстія отъ сентября и октября мѣсяцевъ были печальны для насъ. Въ половинѣ ноября 1813 г. получили извѣстіе о лейпцигскомъ сраженіи и о вступленіи союзниковъ въ городъ. Отступленіе французской арміи происходило въ порядкѣ, какъ случилось неожиданное происшествіе: взорвало мостъ черезъ Эльбу и отрѣзало сообщеніе,—войскомъ овладѣла паника. Цѣлыя тысячи французовъ были взяты въ плѣнъ или утонули; тутъ-же утонулъ и князь Понятовскій. Генералы Ренье и Лористонъ были взяты въ плѣнъ. Потери въ этотъ день и въ слѣдующій были неисчислимы. Мы съ Бретонемъ погоревали обо всѣхъ этихъ несчастіяхъ, обвиняя Наполеона въ ослѣпленіи и упрямствѣ.

Подшло Рождество. Колокольный звонъ деревянной церкви возвѣстилъ о праздникѣ. Графъ и графиня отправились ко всенощной, и я послѣдовалъ за ними. Кромѣ того, сюда съѣхались и сосѣди. Послѣ службы, насъ ожидалъ дома постный ужинъ, состоявшій изъ всякаго рода рыбы, наловленной за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ рѣкѣ подъ льдомъ. Пока мы сидѣли за столомъ, на дворѣ дѣти славили пѣснями Рождество Христа.

1814 годъ.

1-го января я собрался, рано утромъ, поздравить графа и графиню Гудовичъ съ новымъ годомъ, пожелать имъ всякаго благополучія и возобновить выраженія моей признательности къ нимъ. Они тоже пожелали мнѣ всего хорошаго, а графъ, обнимая меня, предупреждалъ меня, что я скоро получу свободу, такъ какъ результатомъ всѣхъ ошибокъ Наполеона будетъ скорый миръ. Чуть не все село пришло поздравить графа и графиню съ новымъ годомъ. Охотники играли на своихъ рожкахъ; батальонъ, стоявшій на ту пору въ селѣ, разыгрывалъ маршъ; оркестръ изъ Ивановки трубилъ веселыя аріи; куча дѣтей ввалилась въ комнаты, засыпая полъ пшеномъ въ знакъ пожеланія довольства и избытка, и громко поздравляя. Къ двѣнадцати часамъ наѣхало много сосѣдей въ щегольскихъ экипажахъ. Мужчины были въ жундирахъ и при шпагахъ. Приѣхали и господа Скорупа, семейство Рославецъ и съ ними Бретонъ, такъ что всего на всего съ дамами и дѣвцами набралось до шестидесяти человѣкъ гостей. Какъ обыкновенно, данъ былъ роскошный обѣдъ съ музыкою, а вечеромъ начались танцы. Разошлись уже поздною ночью.

Посреди этого празднества Бретонъ и я не переставали грустить объ участи Франціи, нашей несчастной родины. Бретонъ даже говорилъ, что онъ совѣстится участвовать въ рѣдостяхъ нашего непріятели, покуда братья наши страдаютъ подъ гнетомъ всякихъ бѣдствій. Всѣ новѣйшія извѣстія о войнѣ представляли рядъ величайшихъ неудачъ нашихъ соотечественниковъ. Такъ протянулось время до 3-го мая 1814 г.,—день вѣзда Людовика XVIII въ Парижъ.

По этому поводу Бретонъ говорилъ мнѣ: „Итакъ палъ Наполеонъ, этотъ необыкновенный изъ необыкновенныхъ людей, прошедшихъ по землѣ и безсмертныхъ въ исторіи. Какое событіе для насъ—воинновъ—паденіе этого человѣка! Мы расточали для него наше мужество, проливали за него кровь, шли на смерть по первому его мановенію! Нашими подвигами онъ приобрѣлъ славу; а мы и не догадывались, что онъ повлечетъ насъ за собою въ бездну. Какъ жестоко подумать, что все наше мужество, вся наша доблесть не заслужили у него ни тѣни благодарности. Невѣдомый намъ король завладѣлъ престоломъ того, кого мы признали своимъ императо-

ромъ. Въ глазахъ этого Бурбона всѣ наши побѣды покажутся оскорбленіемъ его величества, мы сами—мятежниками противъ его законной власти, солдатами похитителя его престола. Пойметъ-ли онъ насъ, когда мы ему отвѣтимъ, что мы сражались за отечество? Не уничтожительно-ли это будетъ представиться ему въ нѣкоторомъ смыслѣ съ раскаяніемъ, о томъ, что служили корсиканцу и побѣдами нашими замедлили вступленіе его, Людовика, на престолъ покойнаго брата“?

Я спросилъ Бретона, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ поступить намъ, плѣннымъ? „Не оставитъ-же намъ, говорилъ я, нашу мать-родину; во всякомъ случаѣ, хотя-бы не признавали за нами никакой славы, мы должны оставаться между своими, и, въ ожиданіи лучшей поры, раздѣлять съ ними горести“.

Наше возвращеніе во Францію было рѣшено. Это извѣстіе о свободѣ обратило насъ въ какихъ-то новыхъ людей. Но не ожидается-ли насъ другаго рода неволя въ подданствѣ скипетру короля, который ни во что не ставитъ наши великія жертвы?

30-го мая (1814 г.) мы рѣшились начать приготовленія къ отъѣзду. Графъ Василій Гудовичъ сообщилъ намъ, что императоръ Александръ повелѣлъ выдать каждому французскому офицеру 300 рублей на дорогу. Мы ѣздили за этими деньгами въ Мглинъ.

Графиня Гудовичъ откровенно признавалась мнѣ, что сожалѣетъ о моемъ отъѣздѣ, такъ какъ я очень былъ полезенъ ей отцу; она боялась за его жизнь въ мое отсутствіе. Но она опасалась также за меня, чтобы во Франціи меня не преслѣдовали какъ бонапартиста, и оттого совѣтовала обождать еще нѣкоторое время въ Россіи, гдѣ я буду пользоваться гораздо большею свободою. Она очень упрашивала меня остаться у нихъ. Чувствительно благодарный ей за это вниманіе и заботливость обо мнѣ, я, однако, не могъ принять ея предложенія, но предупреждалъ, что въ случаѣ неприятностей, которыя могутъ для меня встрѣтиться отъ новаго порядка вещей, я возвращусь къ графу. Передъ отъѣздомъ своимъ я составилъ записку о болѣзни графа съ тѣмъ, чтобы представить ее въ Парижѣ извѣстному доктору Буайе (Boyer) и испросить у него совѣта насчетъ леченія графа. Этимъ я хотѣлъ доказать графу мое желаніе быть ему полезнымъ. Графъ созвалъ гостей на прощальный обѣдъ.

5-го іюня 1814 г. я и Бретонъ собрались уѣхать. На прощаніе, Бретонъ сочинилъ въ честь графа и графини Гудовичъ небольшое стихотвореніе, которое и прочелъ передъ ними и собравшимся обще-

ствомъ. Оно заслужило общія похвалы и благодарность хозяевъ. Послѣ самаго трогательнаго прощанія, мы разстались и направились въ Мглинъ, гдѣ намъ надлежало получить паспорта. Я еще разъ отъ всего сердца благодарилъ господъ Скорупа за все добро, которое они мнѣ оказали.

Де-ла Флизъ.

Конецъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1871 г. ¹⁾.

нварь 1. Пятница. Заѣзжалъ къ графинѣ Блудовой. Встрѣтилъ у ней Каткова, пріѣхавшаго на нѣсколько дней изъ Москвы хлопотать у министра за классицизмъ. Катковъ поздоровался со мною, какъ со старымъ пріателемъ. Хотя у меня и была причина лично негодовать на него, однако, я давно объ этомъ забылъ изъ уваженія къ его несомнѣннымъ достоинствамъ и услугамъ, которыя онъ, во всякомъ случаѣ, оказалъ своею газетою народному русскому дѣлу. Катковъ скоро ушелъ, сказавъ, что непремѣнно хочетъ побывать у меня. Затѣмъ къ графинѣ вдругъ неожиданно вошелъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 27—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160, августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; июнь, стр. 617—655; т. LXXI, июль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь, стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448; декабрь, стр. 659—666; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 151—174; февраль, стр. 395—422.

государь Александръ Николаевичъ, въ полной формѣ и лентѣ, поздравить ее съ новымъ годомъ; я, разумѣется, тотчасъ отправился во-свояси, но по пути заѣхалъ еще къ Княжевичамъ.

2. Суббота. Ко мнѣ заѣзжалъ Катковъ, но не засталъ меня дома. Безконечные толки о Скарятинѣ, который нечаянно нанесъ себѣ смертельную рану во время царской охоты, вблизи самого государя. Охота была на медвѣдя. Скарятинъ успѣлъ только сказать государю: „ваше величество, я умираю“. Государь, говорятъ, чрезвычайно этимъ огорченъ.

3. Воскресенье. Поутру сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, въ томъ числѣ Платову, отъ котораго получилъ великолѣпно переплетенный экземпляръ исторіи Михайловской академіи, по случаю ея пятидесятилѣтняго юбилея и выбитую въ честь того-же событія бронзовую медаль. Заѣзжалъ къ Каткову, но также не засталъ его дома. Онъ сегодня уже обратно ѣдетъ въ Москву.

Одна только глубокая и праведная скорбь о безчисленныхъ человѣческихъ бѣдствіяхъ можетъ спасти многоопытный умъ отъ презрѣнія къ людямъ.

7. Четвергъ. Есть люди, которые ни передъ чѣмъ не блѣднѣютъ, да ни отъ чего и не краснѣютъ.

Единственная, дѣйствительная, мудрость и мораль жизни—та, которой мы научаемся изъ собственныхъ нашихъ ошибокъ и паденія. Къ сожалѣнію, эта мудрость и эта мораль даютъ намъ результаты своихъ уроковъ тогда, когда уже поздно ими пользоваться.

10. Воскресенье. Вечеръ у Я. К. Грота. Споръ о Карамзинѣ. Нѣкоторые защищали статью о немъ (Ник. Ник.) Страхова, написанную противъ (Алексан. Ник.) Пыпина. Надняхъ мой Орестъ Миллеръ имѣлъ сильное препирательство съ авторомъ статьи, уничтожая ее въ прахъ, но въ жару спора очень крѣпко отозвался и о Карамзинѣ.

11. Понедѣльникъ. Девять академиковъ, должно быть по числу музъ, сегодня обѣдали у Донона. Тутъ былъ и я, одинъ среди естественниковъ, и вступилъ въ преніе съ Чебышевымъ и Веселовскимъ въ защиту идеала.

Вечеромъ въ комиссіи о центральной типографіи. Протестовали противъ сліянія типографій министерства: военное, мор-

ское, путей сообщенія и народнаго просвѣщенія, котораго я представитель. Предсѣдатель сенаторъ Брунъ, кажется, тянетъ на сторону сліяній всѣхъ типографій въ одну. Впрочемъ, сегодня были только предварительныя пренія.

14. Четвергъ. Опять послѣ теплой погоды двадцатиградусныя морозы.

Вечеръ у одной изъ моихъ бывшихъ ученицъ, Елены Карловны Богдановой. До сихъ поръ мнѣ неизвѣстный поэтъ Апухтинъ читалъ свои стихи „Гадальщица“ и „Севастополь“. Я вообще мало довѣряю стихамъ нынѣшнихъ новыхъ поэтовъ, но настоящіе, къ моему удовольствію, оказались прекрасными, особенно „Севастополь“. Собраніе было большое для маленькихъ комнатъ хозяйки. Разговоръ вертѣлся около Ферзена, который, какъ оказывается, теперь убилъ нечаянно Скарятину на царской охотѣ, и около Франціи. И здѣсь, какъ почти во всѣхъ обществахъ, гдѣ мнѣ случается бывать, выражались непріязнь къ побѣдоноснымъ пруссакамъ и сочувствіе къ бѣдствіямъ Франціи. Отъ мала до велика мужчины и женщины, люди простые и образованные, всѣ единомышленны въ этомъ отношеніи. Одинъ артиллерійскій генераль разсказалъ мнѣ слѣдующее, ругаясь за правдивость своихъ словъ. Нѣкто изъ его знакомыхъ недавно проѣзжалъ черезъ Германію и видѣлся тамъ съ однимъ весьма извѣстнымъ ученымъ нѣмцемъ, съ которымъ онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ. Зашелъ между ними разговоръ о войнѣ. „Знаете-ли вы“, сказалъ русскому путешественнику нѣмецкій ученый, „кто виноватъ во всѣхъ ужасахъ и въ продолжительности этой варварской войны?—Вы!“—„Какъ мы?“ воскликнулъ нашъ россиянинъ.—„Да, вы! Еслибъ вы въ самомъ началѣ этой бойни приняли твердое положеніе и стали въ позицію настоящаго, а не притворнаго нейтралитета, думали только объ истинныхъ интересахъ своихъ и Европы, держась здравой политики, то, повѣрьте, этихъ ужасовъ не было-бы. Тутъ не было никакой нужды въ дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ войну со стороны Россіи. Дѣла были такого свойства, что одно разумно и твердо сказанное Россією слово остановило-бы притязанія военнаго властолюбія и далѣе намѣченной его черты пруссаки не пошли-бы.“—„Вотъ какъ судятъ сами нѣмцы!“ Заключилъ свой разсказъ артиллерійскій генераль.

Въ качествѣ противника связанныхъ съ радикальными переворотами кровавыхъ потрясеній, я иногда видѣлъ въ Наполеонѣ III если и зло, то зло необходимое для отвращенія другаго бѣдшаго зла—кровавыхъ анархическихъ оргій. Каюсь, я жестоко ошибался. Видно, плохо клинъ клиномъ выбивается. Этотъ человѣкъ своимъ грубымъ эгоизмомъ погубилъ Францію. Подобныхъ ему.... немного найдется въ исторіи. А теперь на мѣсто его въ Европѣ распоряжается Бисмаркъ, конечно, одаренный несравненно бѣльшимъ умомъ, но такой-же эгоистъ и представитель матерьяльной силы. И вотъ кто двигатели исторіи и властелины народныхъ судебъ. На Пруссію хотя и надѣли императорскую корону, но Бисмаркъ ее держать и вести куда угодно.

18. Понедѣльникъ. Собраніе у Ильи Ильича Ростовцева для разбора и приготовленія къ изданію сочиненій, оставшихся послѣ Щербины. Въ собраніи участвовали, кромѣ хозяина: П. П. Корниловъ, Н. М. Благовѣщенскій, Николаевскій, Т. И. Филипповъ и я.

20. Среда. Смотри корреспонденцію изъ Пермской губерніи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Пермская губернія является въ ней сценою такого административнаго произвола, который кажется несбыкновеннымъ... А, между тѣмъ, наши (дѣятели) стараются, какъ можно больше, увеличить въ губерніяхъ, т. е. сдѣлать тамъ почти неограниченною власть губернаторовъ и позиціи.

24. Воскресенье. Вечеромъ у Т. И. Ф**. Толпа народу. Какъ и всегда, въ толпѣ почувствовалъ себя тоскливо и скоро ушелъ.

25. Понедѣльникъ. У меня была на разсмотрѣніи для Уваровской преміи комедія Потѣхина: „Рыцари“. Несмотря на кое-какія достоинства, я не нашелъ ее достойною преміи. Недавно она была поставлена на сцену и, говорятъ, превосходно, не безъ успѣха разыграна, но уже подъ другимъ названіемъ: „Мутная вода“. Въ комедіи, между прочимъ, два главные дѣйствующія лица: баронесса нѣмка и нѣмецъ Кукукъ—оба мошенники, оплетающіе и надувающіе русскихъ. Театральное начальство признало это непозволительнымъ и велѣло нѣмцевъ преобразовать въ русскихъ, изъ чего выходитъ, что русскіе могутъ быть подлецами, а нѣмцы нѣтъ. Такъ поняла это публика и объ этомъ много говорятъ.

26. Вторникъ. Любопытно знать, какъ исторія и философское глубокомысліе объясняютъ паденіе Франціи. Нѣмецкіе философы, вѣроятно, скажутъ, что человѣчество должно много отъ этого выиграть и, конечно, порадуется этой смѣнѣ всемірнаго значенія французовъ въ политическомъ и социальномъ смыслѣ прусско-германскою грубою матерьяльною силою. Францію, скажутъ, развратили идеи, а она развратила міръ. Назначеніе Пруссіи—возвратить его разуму и здоровымъ понятіямъ, конечно, не иначе, какъ посредствомъ крови, желѣза и казарменной дисциплины. Подъ сѣнью благодѣтельныхъ прусскихъ штыговъ міръ успокоится и всѣ вопросы, волнующіе общества, будутъ разрѣшаться въ главномъ прусскомъ штабѣ.

„Я не вижу Европы“, сказалъ Бейстъ, и сказалъ на этотъ разъ очень вѣрно. Дѣйствительно, мудро видѣть то, чего нѣтъ. Нынѣшняя Европа—это страна мертвыхъ, умирающихъ и только начинающихъ еще жить, но начинающихъ подъ ферулою тѣхъ, которые захотятъ ими командовать и ихъ учить.

Религія поучаетъ насъ покоряться волѣ Божіей, философія—закону необходимости. Да и что-же, въ самомъ дѣлѣ, остается, какъ не покориться такому ничтожному существу, какъ человѣкъ? Но можно-ли оставаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ человѣческимъ? Можно-ли спокойно смотрѣть на милліоны погибшихъ и гибнущихъ человѣческихъ существъ въ предположеніи, что эта гибель необходима для устроенія лучшаго порядка вещей, для достиженія благой цѣли? Ужели въ чувствѣ глубокаго состраданія къ нимъ не позволено спросить: почему одни должны такъ жестоко страдать, чтобы другіе немного лучше прожили. Да, много надо вѣры, почти больше, чѣмъ можетъ вмѣстить въ себѣ сердце человѣческое, чтобы согласить все это съ идеею безпредѣльнаго милосердія и всемогущества.

29. Пятница. Итакъ, Франція гибнетъ, и гибнетъ не потому только, что ее сокрушаетъ матерьяльная внѣшняя сила, но потому, что, благодаря Наполеону, въ ней самой недостатокъ великаго духа, способнаго отстаивать свою честь и самостоятельность. Она должна склонить голову передъ позорнымъ условіемъ мира, который ей предписываетъ Бисмаркъ, должна потому, что въ ней нѣтъ единства, нѣтъ моральной силы, которая

въ минуту опасности одушевила-бы ея сыновъ. Одинъ Гамбетта, но одинъ въ полѣ не воинъ, да онъ и не воинъ. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, историческая роль Франціи кончена? Нѣтъ, быть не можетъ. Она воспрянетъ, должна воспрянуть и снова занять передовое мѣсто въ кругу европейской семьи. Но когда, какимъ путемъ, какія жертвы и страданія ожидаютъ ее еще впереди?!

30. Суббота. Большая конфузія, по поводу напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статей о дѣлахъ, чинившихся въ Пермской губерніи администраціею. Разыскивается, кто сообщилъ въ московскую газету свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ, которыя почему-то должны были считаться секретомъ даже тогда, когда о нихъ производилъ разслѣдованіе сенаторъ Клушинъ.

Самое прискорбное явленіе нашей эпохи это то, что принципы, казавшіеся способными одушевлять людей въ дни кризисовъ, т. е. патриотизмъ, свобода, оказываются несостоятельными передъ напоромъ грубой матерьяльной силы. Франція—эта классическая страна чести, патриотизма и свободы—склоняется въ прахъ передъ Пруссіею. Сорокамилліонный народъ не можетъ соединиться и настроиться въ одномъ духѣ, чтобы отстоять свое, чѣмъ могъ онъ, по справедливости, гордиться или, чтобы имѣть право сказать вмѣстѣ съ Францискомъ I: „все погибло, кромѣ чести“. Пруссіе пльнные офицеры въ Ліонѣ ведутъ себя на улицахъ съ непозволительнымъ нахальствомъ, а французскіе граждане тѣшатъ себя остроумными противъ нихъ выходками на словахъ.

31. Воскресенье. Напрасно полагаютъ, что съ (оскудѣніемъ) дворянства у насъ образуется настоящая демократія, а съ нею вмѣстѣ и свобода. Забываютъ при этомъ одно, что у насъ не можетъ быть сплошной демократіи, что народъ нашъ всегда раздѣлялся и всегда или еще, по крайней-мѣрѣ, очень долго, будетъ раздѣляться на народъ собственно, и на чиновничество или бюрократію, которая и будетъ стоять во главѣ.

Февраль 2. Вторникъ. Въ лицѣ Бисмарка Европа падаетъ подъ власть, подобную той, хотя въ другой формѣ, которая тяготѣла надъ нею въ лицѣ Меттерниха. Тамъ былъ священный союзъ властителей противъ ихъ народовъ, прикрытый идеями человѣчности и христіанства. Здѣсь выдвигается впередъ

Пруссія въ союзѣ съ грубою матерьяльною силою. Но о чемъ они бьются—всѣ эти обскуранты? О томъ, чтобы властвовать безпрепятственно. Но на какой-же конецъ? Они прикрываются желаніемъ содѣйствовать благу народовъ посредствомъ всякаго рода угнетеній и воспрещеній. Но развѣ возможно благо на этомъ основаніи? Бюрократія (въ Германіи) бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы задушить участіе народа въ собственныхъ дѣлахъ при самомъ его рожденіи, обѣщая власти спокойное возлежаніе на его прерогативахъ, а народу—безмятежное пребываніе во снѣ, которые она считаетъ величайшимъ благомъ. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что судьба, если и смѣется надъ усиліями людей окончательно выбиться изъ-подъ ига грубаго произвола, то, съ другой стороны, она не меньше издѣвается и надъ усиліями этого произвола въ конецъ поработить себѣ духъ человѣческій.

Я имѣю привычку каждый день передъ сномъ пересматривать и контролировать все, что я дѣлалъ, говорилъ и даже думалъ въ теченіе дня. Всегда почти оказывается, что я имѣю причину быть недовольнымъ собою въ одномъ изъ этихъ отношеній, а чаще всего—во всѣхъ трехъ. Хуже всего, что контроль этотъ не мѣшаетъ и въ слѣдующіе дни иногда повторяются тѣмъ-же ошибкамъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ методъ обращаться съ самимъ собою нельзя считать совсѣмъ бесплоднымъ. Если наканунѣ произнесенный мною надъ самимъ собою приговоръ не ускользаетъ при обычномъ житейскомъ волненіи изъ моей памяти, то онъ содѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, уменьшенію глупости, готовой повториться. Значить, надо особенно налечь на память.

4. Четвергъ. Въ 1855—1860-мъ годахъ я былъ плѣненъ прекрасными и благородными начатками, обѣщавшими Россіи лучшій порядокъ вещей, безъ потрясеній и жертвъ. Способнымъ людямъ было тогда стыдно и преступно не помогать правительству въ его благихъ намѣреніяхъ, и такъ какъ меня тоже считали въ числѣ людей способныхъ и вызывали на дѣятельность, то я съ жаромъ устремлялся на подобныя призванія, помимо моей ученой и литературной карьеры. Воодушевленный этими стремленіями, я находился при министрѣ Норовѣ, принималъ участіе въ комитетѣ изъ графа В. Ѳ. Адлерберга, * * * и Н. А. Муханова, взялся за основаніе официальной газеты и проч., несмотря на порицанія крайней партіи. Но немного времени

прошло, какъ мнѣ пришлось разочароваться. Можетъ быть, и я самъ дѣйствовалъ не съ тѣмъ тонкимъ благоразуміемъ, которое въ борьбѣ различныхъ мнѣній, интересовъ и страстей все-таки успѣваетъ что-нибудь приобрѣсти въ пользу добра. Но съ другой стороны, что дѣлать, когда цѣлая система на васъ напираетъ и увлекаетъ за собою всѣ высшія силы, располагающія судьбою дѣль? Хоть-бы вы и умѣя дѣйствовали, а въ концѣ концовъ все-таки вамъ придется быть устраненнымъ. Такъ было и со мною. Весьма естественно, что въ общемъ ходѣ вещей меня нашли неспособнымъ идти общею дорогою. Я и самъ пришелъ къ подобному-же заключенію, но полагаю, что это не столько по духу сопротивленія и обдуманному плану, сколько по инстинктивнымъ влеченіямъ моей природы, что, конечно, не доказываетъ большой мудрости.

А, между тѣмъ, все это такъ просто и естественно... Что изъ всего этого выйдетъ?

8. Понедѣльникъ. Нынѣшняя зима приводитъ всѣхъ въ изумленіе своею лютостью и своимъ постоянствомъ. Почти весь январь и февраль по нынѣшній день морозъ держится между двадцатью и двадцатью-пятью градусами, а въ мѣстахъ болѣе открытыхъ доходить и до тридцати.

Сколько-бы ты ни приобрѣлъ друзей, а все-таки при концѣ твоей жизни ты останешься одинъ съ своею совѣстью.

Говорятъ, Бисмаркъ есть только орудіе исторической Немезиды, карающей французозъ за ихъ легкомысліе, тщеславіе, за тревоги, какія они возбуждали въ народахъ своею революціонною пропагандою и проч. Допустимъ, что это такъ, но развѣ завидная доля быть палачемъ?

14. Воскресенье. На актѣ въ университетѣ. Рѣчь Хвольсона о семитическихъ народахъ. Онъ полагаетъ, что народы семитическіе стоятъ выше арійскихъ. Впрочемъ о семитическихъ народахъ вообще онъ говорилъ мало. Вся диссертация его посвящена почти исключительно восхваленію высокой образованности и качествамъ евреевъ. Хвольсонъ — самъ еврей. Много натяжекъ, много поверхностнаго въ его рѣчи. Одно мѣсто, однако, вызвало громкія рукоплесканія. Это то мѣсто, гдѣ ораторъ, восхваляя мирныя доблести евреевъ, неблагоосклонно выражается о воинственныхъ стремленіяхъ европейцевъ и изъявляетъ желаніе.

„чтобы пушки и ружья передѣланы были въ плуги, а казармы— въ школы“. Жаль только, что это было приведено въ рѣчи, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, а только ради эффекта.

17. Среда. Актъ православной духовной академіи. Актъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ первый торжественный и публичный актъ въ этой академіи. Ректоръ Янышевъ прочиталъ отчетъ, искусно составленный, въ которомъ не было недостатка въ любезностяхъ Потомъ проф. (Мих. Ос.) Кояловичъ прочиталъ рѣчь „о безвѣріи въ нашемъ обществѣ въ настоящее время“. Рѣчь вышла довольно слабая: въ ней вмѣсто безвѣрія нашего времени было говорено о ересьхъ XIV, XV и XVI вѣковъ. Авторъ, кажется, не сообразилъ, что эти ереси были не безвѣріемъ, а разногласіемъ въ вѣрѣ, тогда какъ безвѣріе нашего времени, если ужъ на то пошло, идетъ вообще противъ принципа всякаго вѣрованія, въ чемъ большая разница. Впрочемъ, Кояловичъ вовсе не коснулся послѣдняго, такъ что рѣчь оказалась не тѣмъ, что обѣщало ея заглавіе. Я, между прочимъ, познакомился здѣсь съ извѣстнымъ протоіереемъ Богословскимъ и съ двумя профессорами академіи (Илар. Алексѣев.) Чистовичемъ и Нильскимъ.

Миръ Пруссіи съ Франціею или, вѣрнѣе, перемиріе, потому что бисмарковскія условія, на которыя Франція въ настоящую минуту принуждена согласиться, таковы, что ни одинъ народъ, не погибшій окончательно, не можетъ считать ихъ для себя навсегда обязательными. Можно только бояться, чтобы французы, по пылкости своего темперамента, не покусились свергнуть съ себя оковы этого невозможнаго мира прежде, чѣмъ они вполне приготовятся къ новой войнѣ.

18. Четвергъ. Сегодня похороны (Валеріана Алексѣевича) Татаринова, бывшаго государственнаго контролера. Это одинъ изъ тѣхъ дѣятелей нашей высшей администраціи, какихъ у насъ немного. На мѣсто его назначенъ (Александръ Аггѣевичъ) Абаза.

Если есть честный, не фальшивый человѣкъ, не лицемеръ, не лжець, въ нынѣшнемъ политическомъ мірѣ, такъ это Бисмаркъ. Онъ не прячетъ своихъ цѣлей подъ цвѣтами вымысленныхъ добродѣтелей и мнимо-гуманныхъ стремленій. Онъ прямо и смѣло дѣлаетъ то, что хочетъ. У него желѣзная воля

и желѣзная рука; онъ прямо простираетъ ее надъ Европою, не заботясь даже одѣть ее въ бархатную перчатку.

21. Воскресенье. Храмовой праздникъ въ Римско-Католической академіи и обѣдъ. Превосходная рыба, множество любезностей и улыбокъ, гимнъ „Боже, Царя храни“ и въ заключеніе даже тостъ за меня.

22. Понедѣльникъ. У графини Блудовой, гдѣ опять поспорилъ съ нею и съ братомъ ея за французовъ, которыхъ они считаютъ скверными и вполне достойными постигшей ихъ участи. Но нельзя-же смотрѣть на народъ такъ односторонне, только со стороны его недостатковъ и ошибокъ, въ противномъ случаѣ—куда-бы и намъ дѣваться?

Мартъ 7. Воскресенье. Красные и Наполеонъ III, кажется рѣшились соперничать кто изъ нихъ вѣрнѣе погубить Францію

8. Понедѣльникъ. Двѣ враждебныя силы атакуютъ Петербургъ: эпидемическая оспа и эпидемическая холера. Послѣдняя какъ-то вдругъ поднялась и выросла. Первою жертвою ея былъ сынъ принца Ольденбургскаго, а тамъ пошла она косить. Да какая свирѣпая—въ три, въ четыре часа кончаетъ дѣло смерти, точно пруссакъ, въ шесть мѣсяцевъ разгромившій Францію. Оспа, хотя не такъ смертоносна, однако, всѣ пустились прививать ее себѣ. Хорошее времячко: люди и природа спорятъ другъ съ другомъ кто больше истребитъ людей.

А вотъ и во Франціи новая революція.

12. Пятница. Умеръ Александръ Григорьевичъ Тройницкій, членъ государственнаго совѣта. Это потеря и для общества и лично для меня. Онъ былъ честный, благородный человекъ и просвѣщенный администраторъ. Мнѣ онъ былъ близкій человекъ, понималъ меня и любилъ. Онъ нѣсколько времени тому назадъ, мѣсяца три, былъ очень боленъ, но совсѣмъ оправился. Недѣли за двѣ я былъ у него и мы проговорили съ нимъ часа два, по обыкновенію очень дружески и приятно. Въ среду онъ почувствовалъ припадки холеры, а въ пять часовъ утра его уже не было на свѣтѣ.

13. Суббота. Похороны Тройницкаго. Безчисленное множество звѣздъ и лентъ. Были: государь, наслѣдникъ, великіе князья Константинъ и Николай. Я проводилъ моего стараго пріятеля отъ его дома до Владимірской церкви. Его повезли на Волково.

Пихлеръ, обокравшій публичную бібліотеку,—говорять, онъ укралъ болѣе 4000 томовъ,—посажень подь арестъ и преданъ суду.

16. Вторникъ. „Московскимъ Вѣдомостямъ“ дано предостереженіе—уже второе. Онѣ, по обыкновенію своему, сильно и справедливо говорили о сепаратическихъ стремленіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ, но, къ сожалѣнію, по обыкновенію-же своему, впали въ черезчуръ рѣзкій и заносчивый тонъ. Въ обществѣ нашемъ, вообще, сильно распространено мнѣніе, что у насъ слишкомъ покровительствуютъ нѣмцамъ и пруссакамъ, даже въ подрывъ русскимъ народнымъ интересамъ. Недавно какой-то варшавскій жидъ, какъ говорятъ, въ союзѣ съ берлинскими капиталистами, едва не овладѣлъ всѣмъ волжскимъ судоходствомъ, подь предлогомъ очистки засорившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русла рѣки. Это грозило страшною монополіею, которая должна была обратить въ ничто все наше пароходство на Волгѣ. Рейтерну принадлежитъ честь, что онъ разрушилъ этотъ замыселъ, на который было согласились, по ходатайству (м-ра пут. сообщенія) графа Бобринскаго. Но Рейтернъ больной поѣхалъ къ государю и объяснилъ ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Государь былъ этимъ очень огорченъ и сдѣлалъ выговоръ Бобринскому, причемъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ очень дурно окруженъ. Бобринскій захворалъ и больше не управляетъ министерствомъ. Говорять, что по вѣдомству путей сообщенія открыто много злоупотребленій.

18. Четвергъ. Литература наша скачетъ на одной ногѣ, глядитъ однимъ глазомъ.

27. Суббота. Страшно за Францію. Она, въ данную минуту, точно перестала быть народу отечествомъ, государствомъ и становится страной, территоріею. Въ ней есть социалисты, коммунисты, конституціонисты, легитимисты, орлеанисты, империалисты, но нѣтъ французовъ. Замѣчательно, что въ разныхъ воззваніяхъ вы рѣдко встрѣтите обращеніе къ французамъ, а почти всегда къ идеямъ партіи, отъ которой идетъ воззваніе. Партіи раздираютъ Францію и каждая тянетъ къ себѣ кусокъ, не заботясь объ остальномъ.

Англія предлагала Пруссіи: не желаетъ-ли она спасти Парижъ и Францію отъ ужасовъ междуусобной войны. Францію могутъ спасти только французы, найдутся-ли они?

Апрѣль 8. Четвергъ. Всѣ сильно заняты одесскимъ происшествіемъ. Непостижимы дѣйствія или, лучше сказать, бездѣйствія мѣстной администраціи. Она не только не позаботилась предотвратить народнаго волненія противъ евреевъ, чего можно было опасаться по прежнимъ примѣрамъ, но дала разгорѣться настоящему бунту, который свирѣпствовалъ цѣлыхъ три дня и почти повсемѣстно сопровождался грабежемъ. Говорятъ, генералъ-губернаторъ Коцебу игралъ здѣсь жалкую роль. Существуетъ подозрѣніе, что (мѣстная полиція) умышленно бездѣйствовала. Враждуя съ судами, она, будто-бы, притворилась, что они парализовали ея власть и ссылалась на то, что полицейскіе чины потому и не смѣли принять энергическихъ мѣръ. Впрочемъ, мѣстная полиція приняла ихъ: спустя три дня, она подвергла наказаніямъ и праваго и виноватаго, кто только подвернулся ей подъ руку. Однимъ словомъ, не обобратся слуховъ.

10. Воскресенье. На диспутъ въ духовной академіи. Профессоръ (Иларіонъ Алексѣвичъ) Чистовичъ искалъ степени доктора. Возраженія ему были довольно полновѣсныя, но докторантъ защищался съ замѣчательною ловкостью и достоинствомъ. Вообще, это человѣкъ съ умомъ, большими свѣдѣніями и съ талантомъ. Предметъ былъ трудный и любопытный: „историческое изложеніе идеи безсмертія въ древнемъ мірѣ и въ христіанствѣ“. Главное положеніе заключалось въ томъ, что идея безсмертія у древнихъ была безличная—христіанство первое установило безсмертіе лица. Вообще диспутъ былъ очень занимателенъ и неутомителенъ, несмотря на свою продолжительность. Тутъ встрѣтилъ я много своихъ знакомыхъ, между прочими, Макарія, архіепископа виленскаго, (Василія Борисовича) Бажанова, Д. и проч.

Парижская коммуна требуетъ совершенной перестройки или, лучше сказать, замѣны государства конфедераціею общинъ, т. е. полного осуществленія социалистическихъ теорій. Государство, по мнѣнію этихъ великихъ реформаторовъ и учителей, отжило и начинается жизнь общинъ. А что-же вы сдѣлаете изъ государствъ и большихъ нынѣ существующихъ государствъ, которыхъ, все-таки, не мало найдется на бѣломъ свѣтѣ? Какъ, что? Мы ихъ разрушимъ; для этого-то и слѣдуетъ учредить всемірную революцію, а затѣмъ, что будетъ — не наше дѣло. Едва-ли въ

исторіи человѣчества было другое подобное безуміе. Бѣдные люди! И все это дѣлается на счетъ ихъ крови. Вѣдь и Пруссія не мало пролила ея во имя германскаго единства.

14. Среда. Природа скупо до скаредства отпускаетъ намъ тепло. Ни одного дня не было теплага во весь мартъ и въ апрѣлѣ по сихъ поръ. Таковъ-то сей райскій Петра Великаго.

Вотъ мы пріятель съ N. N. Но стоитъ мнѣ не согласиться въ разговорѣ съ его мнѣніемъ, хотя-бы дѣло шло о жителяхъ луны, онъ, непремѣнно, сдѣлается моимъ врагомъ. Такова терпимость мыслей у русскихъ образованныхъ людей.

А вотъ насъ нѣсколько человѣкъ засѣдаетъ въ комиссіи, которой поручено разсмотрѣть такое-то дѣло и дать о немъ свое заключеніе. Господинъ N. N. составилъ себѣ такое-то мнѣніе; но случись на бѣду, что другой господинъ N. N. на двѣ минуты предупредилъ перваго и высказалъ свое мнѣніе, совершенно сходное съ мнѣніемъ товарища. Что-же дѣлать этому? Согласиться,—какъ можно! Самолюбіе воспрещаетъ. Онъ на скоро выдумываетъ другое мнѣніе или пристаеетъ къ мнѣнію третьяго, воплѣвъ противоположному его собственному убѣжденію, чтобы только не признать чьего-нибудь первенства. Таковъ духъ ассоціаціи почти во всѣхъ нашихъ общественныхъ собраніяхъ....

15. Четвергъ. Умы сильно возбуждены борьбою между классицизмомъ и такъ называемымъ реализмомъ въ дѣлѣ нашего образованія. Дѣло это разсматривается въ государственномъ совѣтѣ. Графъ Д. А. Толстой, по внушенію Каткова и Леонтьева, отстаиваетъ проектъ въ пользу классицизма, состоящій въ томъ, что университетъ долженъ быть доступенъ только тѣмъ, которые кончили курсъ въ классическихъ гимназіяхъ, т. е. изучали греческій и латинскій языки. Для прочихъ учреждается реальное училище. Была учреждена комиссія, для составленія устава этихъ училищъ, комиссія изъ лицъ, извѣстныхъ по разнымъ отраслямъ науки. Они начертали проектъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, который давалъ-бы общее и реальное образованіе безъ древнихъ языковъ. Каткову и Леонтьеву показалось, что училища, основанныя по этому плану, отнимутъ молодыхъ людей у классическихъ гимназій и составили свой проектъ, на основаніи котораго реальныя училища получаютъ характеръ техническо-ремесленныхъ заведеній. Графъ Толстой раздѣ-

ляетъ мнѣнія Каткова и Леонтьева; ихъ-то проектъ онъ и внесъ въ государственный совѣтъ. Тутъ надняхъ разразилась страшная буря. Противъ министра народнаго просвѣщенія возстали Милютинъ, графъ Панинъ, Грейгъ, Головинъ, Гротъ, Чевкинъ.... Выше эти лица требовали для реальныхъ училищъ права для поступленія въ университетъ и находили нужнымъ допустить въ нихъ латинскій языкъ. Публика съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ, чѣмъ все это кончится; газеты сильно спорятъ. Противъ исключительнаго и односторонняго классицизма энергически возстаютъ „Голосъ“ и „Спб. Вѣдомости“, особенно послѣднія, которыя убѣдительно и остроумно отстаиваютъ права общаго образованія съ допущеніемъ въ университетъ....

Между тѣмъ, Катковъ почти безвыходно сидитъ у графа Толстого и дѣйствуетъ въ пользу своего проекта, а Маркевичъ и ** пишутъ задорныя статьи въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, которыя почему-то стали на сторону классицизма.

23. Пятница. Въ старости, большею частью, уже не дѣлаютъ новыхъ умственныхъ и нравственныхъ приобрѣтеній, а живутъ запасомъ или капиталомъ, добытымъ прежде.

Наклонность къ розни едва-ли не лежитъ въ основѣ русскаго духа: на этомъ и покоится незыблимо...

29. Четвергъ. Разбирая безпристрастно, безъ всякихъ предубѣждений, проектъ Каткова и Леонтьева, вотъ къ какому, кажется, результату должно придти. Намѣреніе ихъ, можетъ быть, очень хорошее: они хотятъ положить основаніе прочному и серьезному образованію и думаютъ достигнуть этого посредствомъ классицизма. До сихъ поръ это очень хорошо. Но капитальная ошибка ихъ въ томъ, что, требуя отъ гимназій исключительнаго изученія древнихъ языковъ, и только воспитанникамъ этихъ гимназій открывая двери въ университетъ и затворяя ихъ передъ учениками такъ называемыхъ реальныхъ училищъ, они низводятъ реальное образованіе почти до степени ремесленнаго. Но, разумѣется, они это дѣлаютъ потому, что, съ возвышеніемъ реальныхъ училищъ, ихъ классическія гимназій могутъ подвергнуться опустѣнію, а это убило-бы самую сущность ихъ классическаго проекта. Вотъ это-то невниманіе къ реальнымъ наукамъ, угрожающее имъ рѣшительнымъ упадкомъ.

и вооружаетъ противъ Толстого съ Катковымъ и Леонтьевымъ все общественное мнѣніе и всѣхъ естественниковъ.

Въ состояніи-ли классическія гимназіи готовить учащихся въ нихъ къ высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ, такъ, какъ онѣ могутъ готовить къ высшему ученому образованію въ университетахъ? Конечно, нѣтъ. Но и реальныя училища, въ томъ видѣ, какой хотятъ имъ дать Катковъ и Леонтьевъ, тоже не въ состояніи этого сдѣлать. И такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, мы не будемъ имѣть людей, вполне и основательно образованныхъ для множества реальныхъ цѣлей въ обществѣ, и лишимъ послѣднее способъ преуспѣвать во всемъ, что составляетъ его силу и богатство. Полезно-ли это?

Крайніе приверженцы классицизма опасаются, что у насъ вовсе не будутъ учиться классическимъ предметамъ, если открыть путь въ университетъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ—разумѣется съ латинскимъ языкомъ. И вотъ находятъ нужнымъ употребить принужденіе—насилъно привлекать молодыхъ людей въ классическія гимназіи. Едва-ли это хорошо.

30. Пятница. Завтра май и ни малѣйшихъ признаковъ чего-нибудь похожего на весну. Каждый день то дождь со снѣгомъ, то дождь съ вѣтромъ, не способнымъ внушать никакихъ весеннихъ мыслей. Мосты на Невѣ до сихъ поръ не наведены: ладожскій ледъ тянется по рѣкѣ сплошными массами,—его, кажется, станетъ на цѣлое лѣто. Пастухи покусились, было, на Георгіевъ день, по обычаю, вывести коровъ въ поле. Но тамъ не оказалось еще ни стебля травы, и вотъ уже нѣсколько дней, какъ призывная труба, сзывающая стадо на улицѣ, смолкла. Словомъ все, какъ слѣдуетъ тому быть по принципу наивеличайшей гадости.

Когда нѣтъ предметовъ для разговора, лучше молчать, чѣмъ болтать вздоръ.

Май 1. Суббота. Вотъ и май, въ которомъ и тѣни нѣтъ ничего майскаго въ семь парадизѣ, какъ Петръ Великій называлъ новостроющійся Петербургъ. Вчера и сегодня Нева покрыта льдомъ, который не перестаетъ тянуться изъ Ладожскаго озера.

Вечеръ у И. П. К. Встрѣтился съ Катковымъ. Онъ, по обыкновенію, обнялъ меня, какъ стараго пріятеля, но отъ откровенной бесѣды уклонился, очевидно опасаясь услышать

отъ меня мысли, несогласныя съ его крайне классическими убѣжденіями и неодобрительныя для крутости, съ какою хотять ломать головы и приравнивать ихъ къ классической мѣркѣ.

7. Пятница. Стоить поближе всмотрѣться въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, передовыхъ людей нашего времени, чтобы невольно почувствовать къ нимъ особаго рода сожалѣнія, не лишеннаго доли презрѣнія. Правда, они много говорятъ, и даже очень громко, о низшихъ классахъ, о приумноженіи вещественныхъ благъ послѣднихъ, о свободѣ просвѣщенія, о наилучшемъ устройствѣ обществъ и разныхъ отраслей управленія. Они либеральны съ головы до ногъ. Но либерализмъ этотъ, исходя изъ ихъ головы, оканчивается у ихъ собственныхъ ногъ. Крича, что есть мочи, о всемъ вышеупомянутомъ, они дѣйствительно, съ полнымъ усердіемъ, работаютъ надъ приумноженіемъ своихъ собственныхъ матеріальныхъ благъ. Какъ высокомѣрны они, какъ напыщенны! Съ какимъ презрѣніемъ смотрять они на все, что не входитъ въ программу ихъ собственныхъ дѣйствій. Эти либералы и провозвѣстники свободы готовы растерзать всякаго, кто осмѣлится предъявить свое мнѣніе, несогласное съ ихъ мнѣніями. Если эти передовые люди таковы, то что-же сказать о тѣхъ, которые стоятъ или идутъ позади ихъ.

Есть потокъ нравовъ, который увлекаетъ малодушныхъ людей и дѣлаетъ изъ нихъ вовсе не то, чѣмъ они могли-бы быть, предоставленные природнымъ своимъ наклонностямъ.

Да проститъ намъ высокодаровитый писатель, но этотъ характеръ (бабушки въ „Обрывѣ“) въ заключеніе является психологическою фальшью и клеветою на русскую женщину.

13. Четвергъ. Коммуна перестала существовать. Версальцы въ Парижѣ. Но бунтовщики успѣли зажечь его въ разныхъ мѣстахъ, опрокинуть Вандомскую колонну и разрушить домъ Тьера. Самое ужасное послѣдствіе дивихъ злодѣйствъ—это позоръ, который они наложили на всякое стремленіе къ общественному усовершенствованію и обновленію. Такой оргіи самыхъ постыдныхъ и нелѣпыхъ злодѣйствъ — оргіи опьянѣвшаго грубаго своеволія и разнузданныхъ страстей, подъ видомъ любви ко всеобщему благу, свѣтъ еще никогда не видалъ. И если Франція послѣ этого не образумится, не покончитъ навсегда или, по крайней мѣрѣ, на очень долго со своимъ любимымъ время-

провожденіемъ, то придется согласиться, что она обречена на гибель.

Проклятая коммуна совѣмъ скомпрометтировала дѣло свободы. Не было и не будетъ ббльшаго торжества деспотизма, какъ то, которое она ему доставила своими отвратительными оргіями.

16. Воскресенье. Вчера было окончательное засѣданіе государственнаго совѣта по дѣлу объ учебной реформѣ. Къ шести прежнимъ голосамъ въ комиссіи присоединилось двѣнадцать. Всѣхъ присутствующихъ было двадцать семь. Если вычесть 18 голосовъ изъ 27—т. е. 18, оказавшихся противъ классицизма—то на сторонѣ послѣдняго окажется меньшинство въ 9 голосовъ.

Сегодня былъ у меня Г. П. Н. Онъ-то и передалъ мнѣ то, что происходило вчера въ государственномъ совѣтѣ. Милютинъ, военный министръ, произнесъ блистательную рѣчь противъ исключительно классическаго образованія. Говорили еще графъ Панинъ и Головинъ—тоже противъ. Съ ними за одно были и князь Горчаковъ и (кн. П. П.) Гагаринъ.

Но я боюсь другаго, другой опасности. По проекту графа Толстого, реальныя училища должны сообщать самое поверхностное знаніе въ наукахъ, такъ называемыхъ, реальныхъ—лишь настолько, чтобы готовить ремесленниковъ и техникувъ. Здѣсь будетъ учиться множество юношей средняго и бѣднаго сословія и получать образованіе самое поверхностное. А такое образованіе способно не столько укрѣплять умы, сколько раздражать ихъ и при дѣйствиіи духа времени и при расположеніи умовъ въ обществѣ, оно чуть-ли не является главною закваскою такъ называемаго нигилизма, который думаютъ устранить классическими гимназіями.

Высокомѣріе есть порокъ смѣшной и глупый, а извѣстно, что поверхностное знаніе, да еще безъ другихъ хорошихъ качествъ, удивительно располагаетъ къ высокомѣрію.

23. Воскресенье. Дожди и холода, холода и дожди. Многіе, уже переѣхавшіе на дачу, опять возвращаются въ городъ.

24. Понедѣльникъ. Человѣкъ исправляется отъ многихъ пороковъ по мѣрѣ того, какъ теряетъ къ нимъ вкусъ и способность.

Есть шайки воровъ и разбойниковъ, которыя такъ и называются, но есть такія, которыя носятъ имена прусскихъ солдатъ, социалистовъ, коммунистовъ, національныхъ гвардейцевъ (въ Парижѣ, во время коммуны) и т. д. Социалисты, подобно испанцамъ, огнемъ и мечемъ проповѣдывавшимъ въ Америкѣ христіанство, навязываютъ людямъ свою общественную систему. А не хочешь—такъ голову долой!

Чѣмъ лучше этихъ испанцевъ поступали въ Парижѣ тѣ, которые керосиномъ и петролеумомъ крестили людей, съ цѣлью насильственно обращать ихъ въ свою политическую вѣру?

Не великая-ли нелѣпость стремиться превращать отдаленное и сомнительное будущее въ настоящее?

Июнь 1. Вторникъ. Хорошее въ жизни кажется мнѣ до того исключительнымъ, что когда оно, въ рѣдкихъ случаяхъ, выпадаетъ на мою долю, мнѣ становится какъ-то неловко и совѣстно передъ самимъ собою и людьми, точно я незаконно урвалъ его у судьбы.

Коммуна хочетъ законъ естественнаго развитія, который царитъ надъ всѣмъ міромъ, замѣнить катастрофами и потопить въ крови все содѣянное этимъ закономъ въ прошломъ.

11. Пятница. Сегодня Б—скій привелъ ко мнѣ французъ, перешедшаго въ православіе и сдѣлавшагося священникомъ, отца Виктора, который отправляетъ лѣтомъ церковную службу въ здѣшней (въ Павловскѣ) полковой церкви. Его оправославилъ нашъ бывший русскій священникъ въ Парижѣ Васильевъ. Не знаю, насколько отецъ Викторъ обширно образованъ, но на первый взглядъ онъ мнѣ показался то, что называется добрый малый. По-русски онъ говоритъ, какъ настоящій русскій.

Отвынѣ университеты доступны только тѣмъ, которые, учась по-латыни, учатся и по-гречески. Такъ слѣдовало и ожидать.

30. Среда. За человѣчество глупо отчаяваться. Рѣжется-ли оно, истребляетъ-ли оно вѣковые памятники своей исторіи, воруетъ-ли оно и грабитъ, во имя военной славы и разнаго рода объединеній и уравниній и проч. и проч.—оно все равно живетъ и не умираетъ. Вѣдь это главное въ видахъ природы.

Нужно, чтобы было пугало, иначе вороны и всякія хищныя

птицы выключотъ всѣ зерна, посѣянные трудомъ человѣка. Пугала-же, увы, обыкновенно, дѣлаются изъ чего-нибудь безобразнаго, иначе, оно и не было-бы пугаломъ.

Юль 4. Воскресенье. Жары чрезвычайныя. Вѣроятно, на долю ихъ, по крайней мѣрѣ отчасти, слѣдуетъ отнести отсутствіе душевной и тѣлесной энергіи, какую я ощущаю.

Вчера въ Павловскѣ (гдѣ провожу лѣто) военная команда изъ дѣтей, набранныхъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, брала приступомъ крѣпость и ночевала на бивакахъ вокругъ пруда. Гремѣла пушечная пальба, пускались ракеты. Была масса зрителей.

5. Понедѣльникъ. Общественное вниманіе сильно возбуждено процессомъ Нечаева. Газеты только о немъ и толкуютъ.

14. Среда. Нечаевскій процессъ продолжаетъ волновать общество.

18. Воскресенье. Извлечь изъ данной силы все, что въ ней есть, не злоупотребляя ею — это и есть задача художественной обработки ея.

Возбуждать полудикій народъ къ возстанію, давать ему въ руки топоры — не есть-ли это политическое безуміе? Наше время слагается въ нашей странѣ изъ невѣжества, заносчивости ученыхъ и не ученыхъ естествоиспытателей, самонадѣянныхъ поборниковъ классицизма, изъ деморализаціи и безтолковости общества....

22. Четвергъ. Въ обществѣ самыя противорѣчивыя сужденія о судѣ по нечаевскому дѣлу. Одни находятъ его торжествомъ новаго судопроизводства, другіе сильно порицаютъ его за слабость и потворство. Послѣдніе особенно недовольны дѣйствіями предсѣдателя Любимова¹⁾. Онъ, говорятъ они, не останавливалъ защитниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ тѣ развивали свои черезчуръ либеральныя тенденціи и касались вопросовъ, не относящихся къ дѣлу. Послѣднее, особенно, приписывается рѣчи С**, который сдѣлалъ изъ нея лекцію о томъ, какъ происходятъ революціонныя движенія и какъ сила обстоятельствъ невольнo увлекаетъ на путь, гдѣ очутились подсудимые. Сверхъ того, предсѣдателя еще не хвалятъ за слова, сказанныя имъ четыремъ

¹⁾ Впослѣдствіи сенаторъ, умеръ.

оправданнымъ, что ихъ мѣсто отнынѣ между ними судьями, разумѣя подъ этимъ, конечно, общество.

30. Пятница. Катковъ въ № 161-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ очень умно и талантливо говоритъ много дѣльнаго и правдиваго относительно нечаевского дѣла, но онъ все-таки не договорился до всей правды. Что всѣ эти возстанія и агитаціи юношей есть бредъ полуобразования и т. п.—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но не слѣдуетъ забывать и того, какую грустную и скверную школу они проходятъ съ дѣтства. Что слышать и видеть они безпрестанно вокругъ себя въ обществѣ.... Въ одномъ полное отсутствіе честности, уваженія къ закону, чувства долга всякаго рода кутежи и развраты и т. д. ... Да вѣдь нельзя-же этого уничтожить вдругъ, особенно тѣми средствами, къ какимъ прибѣгаетъ, такъ называемый, нигилизмъ. Конечно. Но говоря о причинахъ нашихъ печальныхъ волненій, нельзя не сказать того... И можно-бы только желать, чтобы они не бросались, очертя голову, на то, что съ одной стороны превосходитъ ихъ силы, а съ другой, приводитъ этихъ юношей къ преступнымъ и безнравственнымъ дѣламъ.

Августъ 7. Суббота. Если-бы жизнь цѣнилась исключительно по тѣмъ благамъ, которыхъ мы жаждемъ и которыхъ не получаемъ, какъ немногимъ изъ живущихъ не пришлось-бы желать скорѣе отъ нея избавиться. Нѣтъ! Цѣна жизни въ ней самой. Жить, т. е. мыслить, чувствовать, дѣйствовать — этого одного довольно, чтобы заставить человѣка любить жизнь.

8. Воскресенье. Любовь приобрѣтается заслугами. Какое я право имѣю на исключительное чувство привязанности ко мнѣ существа, подобнаго мнѣ, если я ничего для него не сдѣлалъ, чего для него не могли или не хотѣли сдѣлать другіе? Конечно, я говорю не о той любви, которая основана на инстинктѣ, какъ любовь родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ или любовь половая. Объ этихъ любвяхъ нечего сказать: сила и степень ихъ зависятъ отъ разныхъ случайностей, отъ темперамента и пр.

12. Четвергъ. Надо всячески избѣгать споровъ, въ нихъ невольно разгорячишься и непремѣнно скажешь или глупость или рѣзкость, о которой послѣ пожалѣешь.

28. Суббота. Много толковъ по поводу неудовольствія на суды за то, во первыхъ, что предсѣдатель велъ себя слишкомъ

гуманно и любовно съ подсудимыми по нечаевской исторіи и что онъ не останавливалъ адвокатовъ тамъ, гдѣ они слишкомъ распространялись въ общихъ понятіяхъ о сущности и различіи заговора и тайныхъ обществъ. Вовторыхъ; за то, что судъ оправдываетъ нѣкоторыхъ, а не всѣхъ приговариваетъ къ карѣ.

Происшествіе въ Павловскѣ. Въ девять часовъ вечера кто-то выстрѣлилъ въ темнотѣ изъ револьвера и ранилъ одного изъ двухъ проходившихъ по аллеѣ разнощиковъ-гребенщиковъ. Это случилось у Солдатской слободки, возлѣ пруда, не далеко отъ дачъ, откуда еще не всѣ съѣхали. У гребенщика оказались три раны. Опасаются за его жизнь, такъ какъ одна пуля засѣла гдѣ-то далеко и ее не могутъ найти. Происшествіе навело панику на жителей Павловска, но, кажется, напрасно. Тутъ, какъ оказывается по нѣкоторымъ соображеніямъ, дѣйствовали вовсе не злоумышленники съ цѣлью грабежа. Около самаго того мѣста, гдѣ послѣдовалъ выстрѣлъ, живетъ какой-то господинъ, у котораго, говорятъ, два взбалмошныхъ сына. Одинъ изъ нихъ потѣшался съ револьверомъ и хотѣлъ выстрѣлить въ темнотѣ по деревьямъ, а попалъ въ человѣка.

Сентябрь 12. Воскресенье. Хлѣбъ готовится для того, чтобы его ѣсть; факты приводятся въ извѣстность для того, чтобы давать пищу разсужденіямъ, обобщеніямъ и дѣланію изъ нихъ выводовъ — словомъ, они должны служить средствомъ для извѣстныхъ дѣйствій, а не служить конечною цѣлью.

Судьба народа зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ онъ одаренъ способностью сопротивленія. Эта способность, въ силу которой предметъ можно гнуть только до нѣкоторой степени, ибо онъ всегда можетъ снова выпрямиться и принять должное направленіе; но если этой способности у народа нѣтъ, то что вы съ нимъ ни дѣлайте, онъ годенъ только на то, чтобы служить орудіемъ въ рукахъ другаго.

Лучшее свойство хорошаго ума состоитъ въ томъ, чтобы подъ благовидностью истины угадывать ложь.

15. Среда. Всеобщее возбужденіе въ Петербургѣ, по причинѣ непомятой дороговизны квартиръ и дровъ. Домовладѣльцы страшно возвышаютъ цѣны на квартиры: кто прежде платилъ, напримѣръ, 700 рублей, съ того требуютъ 1.000 и больше.

Дрова съ четырехъ рублей и 4 р. 50 к. дошли до семи рублей за сажень и угрожаютъ дойти до десяти. Цѣны небывалыя въ Петербургѣ. И вообще, всѣ предметы потребленія страшно вздорожали.

20. Понедѣльникъ. Провидѣніемъ Петербурга въ данную минуту является (Фед. Фед.) Треповъ. Едва оправаясь отъ тяжелой болѣзни и вступивъ въ отправленіе своей должности, онъ уже принимаетъ рѣшительныя мѣры къ облегченію бѣднѣйшаго класса жителей, посредствомъ закупки въ большихъ массахъ дровъ и распродажи ихъ по удешевленной цѣнѣ. Говорятъ, что дрова такъ вздорожали отъ стачки мошенниковъ дровяныхъ торговцевъ.

Октябрь 2. Суббота. Первый вечеръ, послѣ лѣтняго отдыха, у И. П. К. на нейтральной почвѣ, какъ справедливо выразился Б. Кого тутъ не было и сколько людей тутъ было! И каждый со своими тенденціями политическими, литературными, общественными. Но это, само собой, разумѣется: сколько головъ, столько умовъ. Не въ этомъ и дѣло. Разнообразіе въ Божьемъ мірѣ неисчерпаемо, а разномысліе и разноголосица въ русскомъ мірѣ безконечны. Но вотъ бѣда: самолюбія въ этомъ разногласіи ненасытныя. Вступая въ разговоръ съ другимъ, каждый сначала, какъ будто, готовъ на компромиссъ; онъ любезно приглашаетъ васъ высказать ваше мнѣніе, повидимому для того, чтобы придти съ вами въ соглашеніе или, по крайней мѣрѣ, признать за вами право на ваше собственное мнѣніе. Но попробуйте высказать его откровенно, если оно сколько-нибудь ваше и самостоятельно, вы встрѣтите такой отпоръ, какъ будто нанесли вашему собесѣднику личное и кровное оскорбленіе. И что за хаосъ мнѣній! Какъ легко распространяются самыя нелѣпныя слухи! Какъ во всемъ господствуютъ пристрастіе и личные виды. Ходишь въ этой толпѣ, какъ въ чаду съ отягченной головою.

6. Среда. Поднимается великая буря на академію наукъ въ кругу интеллигентнаго общества за избраніе въ адъюнкты ея по креслу исторіи (Александра Николаевича) Пыпина. Избраніе это, впрочемъ, состоялось еще только въ отдѣленіи и пройдетъ-ли оно въ общемъ собраніи—это еще вопросъ. Говорятъ: „какъ можно было избрать (А. Н.) Пыпина по части исторіи за одну только статью, напечатанную имъ въ „Вѣстникѣ Европы“ объ Александрѣ I и Карамзинѣ?“ И далѣе: „Почему-же не избрали (Н. И.) Костомарова, который и есть настоящій дѣятель по русской исторіи?“

Особенно кричать и вопять тѣ, которые недружелюбно относятся къ „Вѣстнику Европы“. Къ нимъ, разумѣется, примыкаетъ и партія (классиковъ). (Дѣлаютъ) замѣчанія, въ силу которыхъ Пыпинъ, пожалуй, окажется неутвержденнымъ. Такъ думаютъ * и **. Скандаль большой. Правда, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Не Пыпина, а Костомарова, дѣйствительно, слѣдовало избрать на кресло исторіи. Заслуги Костомарова и его дарованія въ этой области всѣми признаны, и (А. Н.) Пыпинъ, конечно, не можетъ быть не только предпочтенъ ему, но и поставленъ съ нимъ наряду. Между тѣмъ, послѣдній могъ-бы быть по всѣмъ правамъ и по всей справедливости избранъ во II отдѣленіе по части исторіи русской словесности—и это, конечно, никого не удивило-бы, не обидило и не озлобило. Теперешнее избраніе приписываютъ интригамъ Пекарскаго и **. Оно можетъ быть и такъ. Посмотримъ, что сдѣлаетъ общее собраніе.

Вотъ уже явилась и статья въ „Голосѣ“ противъ избранія (Александра Николаевича) Пыпина.

7. Четвергъ. Главная причина нравственныхъ безпорядковъ нашего времени въ усилившейся страсти къ наслажденіямъ и въ отсутствіи понятія о долгѣ, которое должно умѣрять и обуздывать эту страсть.

15. Пятница. Всѣмъ извѣстно, что между крайностями есть середина, но немногіе видятъ и понимаютъ истину, которая лежитъ въ этой серединѣ.

Была у меня З. А. Кельсіева. Эта бѣдная женщина провела свою лучшую жизни въ приключеніяхъ, которыя выпадаютъ большею частію половину женщинѣ, богато одаренной красотою и блестящими способностями, но лишенной разумнаго воспитанія и руководства. Съ семилѣтняго возраста она жила въ Италіи, гдѣ, между прочимъ, приобрѣла отличное музыкальное образованіе, но не приобрѣла благоразумія. Два раза она была замужемъ сомнительнаго свойства и, наконецъ, въ Петербургѣ влюбилась въ Вас. Ив. Кельсіева, только что возвратившагося изъ эмиграціи, по высочайшему разрѣшенію. Такъ какъ ей по сердцу было все необыкновенное, то, вѣроятно, ее прельстила необыкновенная судьба этого политическаго авантюриста, дѣйствительно не лишеннаго способностей, но въ высшей степени легкомысленнаго и сумасброднаго, какъ многіе изъ нашихъ молодыхъ политическихъ либераловъ съ красною окраскою. Она соединилась съ Кельсіевымъ,

думая найти въ немъ чуть не великаго человѣка, а вмѣсто того нашла человѣка, совершенно неспособнаго къ какому-либо производительному дѣлу и къ тому-же человѣка, преданнаго пьянству. Около двухъ лѣтъ возилась она съ нимъ и, наконецъ, какъ она говоритъ, принуждена была оставить его на произволь его жалкой судьбы. Все это она мнѣ объяснила сегодня. Она, очевидно, желаетъ снова попасть въ тотъ кругъ, гдѣ признаются умъ и талантъ. Она желаетъ заняться литературнымъ трудомъ, и что она къ нему способна, она доказала это своими переводами и разнообразнымъ сотрудничествомъ у Краевского, который не нахвалится ея усердіемъ и умѣніемъ. Прежде чѣмъ она, на свое горе, познакомилась съ Кельсіевымъ, она въ теченіе двухъ лѣтъ занималась у Краевского, зарабатывая до двухъ тысячъ въ годъ. Кельсіевъ отвлекъ ее отъ этихъ занятій, и теперь она находится въ большомъ затрудненіи ¹⁾.

19. Вторникъ. N. N. говоритъ противъ выбора (А. Н.) Пыпина въ адъюнкты академіи. На дняхъ, за обѣдомъ у себя, онъ, въ присутствіи многихъ лицъ, расточалъ ужасные укоры на академію за этотъ выборъ и съ обыкновенною своею горячностью объявилъ, что (А. Н.) Пыпинъ не сядетъ на академическое кресло. За что такая неприязнь къ этому человѣку? Въ данномъ случаѣ виновать не онъ, а тѣ любители интригъ, которые поставили его въ неловкое положеніе. Самъ онъ человѣкъ почтенный и почтенный ученый. Онъ участвуетъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, который находится въ оппозиціи съ гр. Толстымъ, и притомъ Пыпинъ не приверженецъ классицизма и Каткова: ужъ не въ этомъ-ли вся вина его въ глазахъ нѣкоторыхъ?

Кстати о Катковѣ. Во время преній о классицизмѣ и реализмѣ, когда NN, защищая классицизмъ, выходилъ изъ себя, и непомѣрно его восхвалялъ, Ч ***, по окончаніи чтенія, обратился въ NN, сказалъ:

— „Вы не дочитали всего, что Катковъ говоритъ объ этомъ“.

Вся жизнь человѣческая состоитъ изъ переходныхъ и непрерывно измѣняющихся моментовъ, а мы привязываемся къ разнымъ предметамъ и положеніямъ, какъ будто все вокругъ насъ и мы сами были тверды и долговѣчны, какъ гранитъ.

¹⁾ Оба, и мужъ и жена, не бывшіе, впрочемъ, въ законномъ бракѣ, умерли.

24. Воскресенье. Обѣдъ у министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго. Послѣ обѣда составилъ около него кружокъ. Онъ много говорилъ о томъ, въ какомъ блестящемъ состояніи нашель онъ преподаваніе классическихъ языковъ въ Германіи, во время лѣтней своей поѣздки. Я замѣтилъ сидѣвшему около меня Д**, что у насъ этого ожидать невозможно. Въ Германіи нѣсколько вѣковъ приготовили эти успѣхи и, притомъ, такое изученіе въ духѣ германскаго народа. „Увѣрены-ли вы“, прибавилъ я, „что ваша система можетъ надолго устоять?“ Графъ говорилъ хорошо...

27. Среда. Если мнѣ что-нибудь скажутъ дурнаго о томъ или другомъ лицѣ, особенно о томъ, что это лицо говорило обо мнѣ, то это немножко почешетъ мое ухо, но я тотчасъ кладу въ него затычку глубочайшаго презрѣнія ко всѣмъ толкамъ и слухамъ и успокаиваюсь.

Ноябрь 12. Пятница. (А. Н.) Пыпинъ избранъ въ адъюнкты Академіи Наукъ по русской исторіи въ сегодняшнемъ общемъ собраніи: онъ получилъ 25-ть шаровъ избирательныхъ и 9-ть отрицательныхъ. Въ пользу его, кажется, много послужили (нападки) „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Голоса“ на Академію, особенно первыхъ. Многіе изъ членовъ, вѣроятно, не хотѣли показать, что они какъ-бы испугались этихъ (нападокъ). Извѣстно также, что гр. Толстой былъ сильно противъ этого избранія.

Въ этомъ-же собраніи объявлено было высочайшее согласіе на постановку портрета Литке въ залѣ академической, о чемъ просили академики или, лучше сказать, Буняковскій и В. Каждый пожертвовалъ для этого 16 рубл., нѣкоторые, однако, подписались на этотъ портретъ, по предложенію Буняковскаго, и не совсѣмъ охотно; другіе считаютъ такую овацію непристойною лестью. Слѣдовало-бы тоже подумать о графѣ Блудовѣ. Я говорилъ объ этомъ Буняковскому, но онъ сказалъ, что „тотъ уже умеръ, а этотъ живой“. Буняковскій отъ имени членовъ сказалъ президенту рѣчь, на которую тотъ отвѣчалъ изъясвленіями благодарности.

20. Суббота. Шидловскій назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ на мѣсто Обухова, который уволенъ. На мѣсто Шидловскаго назначенъ М. Н. Лонгиновъ, орловскій губернаторъ, который въ публикѣ извѣстенъ какъ отъявленный

противникъ освобожденія крестьянъ, судебного новаго устройства, земскихъ учрежденій и всѣхъ вообще улучшеній, какія начаты въ нынѣшнее царствованіе. Разумѣется, отъ него ожидаютъ самыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ печати..... Репутация его была всегда репутаціею весельчака, крикуна, человѣка, неспособнаго ни къ какому серьезному дѣлу. Въ литературѣ онъ извѣстенъ какъ собиратель разныхъ историческихъ и литературныхъ мелочей. Особенно-же онъ прославился стихотвореніями самаго..... (страннаго) содержанія. Есть его непечатная поэма „Отецъ ***“, въ которой..... доведены до *pes plus ultra*. Самъ Барковъ покраснѣлъ-бы отъ стыда, читая эту поэму. Но стихи въ ней замѣчательно хороши.

Я давно знакомъ съ Лонгиновымъ. Мы были вмѣстѣ членами комитета въ обществѣ посѣщенія бѣдныхъ.

22. Понедѣльникъ. Вечеръ у Литке. Собрались всѣ академики и кромѣ ихъ А. И. Левшинъ, Г. П. Небольсинъ и нѣкоторые другіе. Разбились, какъ обыкновенно, на кружки. Нѣтъ, нѣтъ, да и наткнешься на разговоръ объ (А. Н.) Пыпинѣ. Вотъ странная судьба его постигла! Утвердятъ-ли Пыпина или нѣтъ? — вопросъ, всѣхъ занимающій.

Заходилъ днемъ въ Публичную бібліотеку порыться тамъ въ бумагахъ Сперанскаго съ тѣмъ, что не найду-ли чего-нибудь для моего очерка о немъ, который готовлю къ академическому акту. Мнѣ нужны были его философскія мысли, однако ничего не нашель. Много богословскаго. Между прочимъ, черновая рукопись перевода Θомы Кемпійскаго, который занималъ его еще въ 1808 году. Картонъ, заключающій въ себѣ его переписку, особенно любопытенъ, но некогда было заняться имъ.

У Литке разговоръ также о назначеніи Лонгинова на мѣсто Шидловскаго.

Есть два рода пороковъ: одни пороки нашего несовершенства, другіе пороки нашей воли.

Декабрь 2. Четвергъ. Нездоровится больше обыкновеннаго. Во избѣжаніе прилива къ головѣ, сида въ креслахъ, откинувшись на спинку, пишу карандашемъ о Сперанскомъ къ академическому акту.

3. Пятница. Общее собраніе Академіи. Избраны въ почетные члены находящійся здѣсь прусскій генераль Мольтке и въ

экстраординарные академики Бутлеровъ. Первый получилъ изъ 30 голосовъ 25, а второй 29.

Обѣдалъ у Пинто (лектора итальянскаго языка при петербургскомъ университетѣ). Встрѣтилъ тамъ старыхъ знакомыхъ Н. Н. Тютчева и К. Д. Кавелина. Съ послѣднимъ долго бесѣдовалъ. Онъ все тотъ-же, умный, живой, пылкій, увлекающийся человѣкъ. Несмотря на эти нѣкоторыя его увлеченія, онъ все-таки одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ нашихъ людей.

Въ умномъ человѣкѣ всякая глупость замѣтна, чѣмъ у другихъ менѣе умныхъ людей. Это все равно, что скверная заплатка на пышномъ нарядѣ.

9. Четвергъ. Усиліе приобрѣсти расположеніе къ себѣ всѣхъ, съ которыми мы обращаемся, похоже на желаніе, чтобы погода не измѣнялась и каждый день былъ-бы похожъ на другой.

Прекрасная поговорка, замѣченная мною въ одномъ изъ журналовъ, переведенная съ французскаго: „если нельзя имѣть того, что любишь, то надобно любить то, что имѣешь“.

Наряжена комиссія изъ гр. Строгонова, гр. Толстаго, графа Шувалова, Валуева и графа Литке для изслѣдованія имѣеть-ли (А. Н.) Пыпинъ право на академическое кресло?

12. Воскресенье. Диспутъ въ университетѣ. Скворцовъ защищалъ диссертацию на доктора. Диссертация трактовала о діалогѣ Платона о дикціи. Оппонировали отецъ Сидонскій и профессоръ Владиславлевъ. Докторантъ защищался довольно вяло и вообще для доктора не слишкомъ удовлетворительно. Разумѣется, ему присуждена докторская степень.

20. Понедѣльникъ. Дѣло объ (А. Н.) Пыпинѣ рѣшилось: комиссія не знала какъ сладить съ этимъ дѣломъ и признала за лучшее, чтобы (А. Н.) Пыпинъ отказался самъ отъ званія члена Академіи. Это онъ и сдѣлалъ; итакъ: и сѣно цѣло и козы сыты.

Вотъ какъ объясняютъ пыпинское дѣло: его устроилъ В. съ (А. В.) Головиннымъ ¹⁾....

¹⁾ Такъ или иначе, но двадцать одинъ годъ спустя, воздаю должное замѣчательно трудолюбивому и почтенному ученому и писателю: Александръ Николаевичъ Пыпинъ избранъ въ члены корреспонденты Императорской Академіи Наукъ, о чемъ возвѣщено на годичнымъ ея актѣ, 29-го декабря 1891-го года, а 5-го февраля 1892 г. императорское русское географическое общество дало А. Н. Пыпину большую золотую медаль за одинъ изъ его монументальныхъ трудовъ—„Исторію русской этнографіи“.

29. Среда. Актъ въ Академіи Наукъ. Я держалъ рѣчь, по поводу столѣтняго юбилея Сперанскаго. Надъ рѣчью этою я работалъ очень усердно, справлялся, между прочимъ, въ бумагахъ его въ Публичной библиотекѣ и проч. Эта великая личность меня очень занимала.

Затѣмъ, по обыкновенію, въ пять часовъ собрались академики въ гостинницѣ Донона. Тутъ, между прочимъ, В** выразилъ свое неблаговоленіе ко мнѣ и, правду сказать, очень страннымъ образомъ. Были предложены разные тосты. В** провозгласилъ тостъ въ честь Я. К. Грота и отнесъ на долю послѣдняго то, что слѣдовало отнести ко мнѣ, то есть, что „каждый разъ Я. К. дѣлаетъ честь академіи, произнося отчеты и рѣчи на актахъ“, то есть, то самое, что каждый годъ дѣлаю я. Я. К. Гротъ почувствовалъ неприличіе этого поступка В** и поспѣшилъ предложить тостъ за меня. Я принялъ его съ подобающею признательностью. Многие встали со своихъ мѣстъ и подошли ко мнѣ чокаться. Смѣшно было какъ В**, пріискивая слова для своего тоста, до того запутался, что трудно было понять, что онъ хотѣлъ сказать. Я. К. Гротъ, вѣроятно, озадаченный такою любезностью В., тоже запутался.

Но что за причина неприязни ко мнѣ В**? Развѣ Пекарскій передалъ ему мои слова, что я нахожу ошибкою предложеніе (А. Н.) Пыпина въ члены на кресло исторіи, такъ какъ послѣдній имѣлъ всѣ права на мѣсто въ нашемъ, а не въ историческомъ отдѣленіи, и что это, должно быть, работа В**. Но вѣдь и самъ Пекарскій говорилъ то-же, а я ни отъ кого не скрывалъ моего мнѣнія насчетъ Пыпина и моихъ сожалѣній по поводу медвѣжьей услуги, ему оказанной.

31. Пятница. Конецъ 1871 года.

А. В. Никитенко.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го іюня 1884 г.

VII ¹⁾.

Предложеніе намѣстника гр. Берга. — Начало занятій. — Чтеніе записки. — Объявдъ военныхъ отдѣловъ. — Придирки. — Арестъ въ Краковѣ. — Архивныя занятія. — Посѣщеніе архива Александровской цитадели. — Передъ отправленіемъ въ Литву. — Моя историческая записка.

Въ началѣ 1864 года я услыхалъ отъ моихъ знакомыхъ, имѣвшихъ сношенія съ замкомъ, что „намѣстникъ Бергъ желаетъ поручить мнѣ составленіе исторической записки о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ, съ предоставленіемъ мнѣ находящихся въ его распоряженіи матеріаловъ“.

Въ то время я питалъ чрезвычайное отвращеніе ко всему (заказному, официальному), и потому предложеніе намѣстника меня не особенно заинтересовало. Къ тому-же легко было угадать, чего хочется старому дипломату: я долженъ былъ разыграть для него роль втораго Шмита, прославить его подвиги въ той-же Польшѣ, спустя тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ того, что описывалъ Шмитъ (см. характеристику Берга въ т. III, гл. XIII, стр. 150 — 152). Но между моими понятіями и понятіями Шмита о томъ, какъ пишется исторія, была большая разница: я рѣзко

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 293—319; мартъ, стр. 579—600; изд. 1891 г., т. LXIX, февраль, стр. 229—279.

выставлялъ на видъ все некрасивое, неловкое, бездарное и недобросовѣстное въ нашихъ генералахъ и другихъ чинахъ арміи. Шмита столь-же рѣзко все это пряталъ, а гдѣ не доставало, почему-либо, матеріала—бралъ цѣликомъ изъ Мохнацкаго, (тогда никому изъ русскихъ неизвѣстнаго и недоступнаго) и ни разу не признался, что это переводъ, а не оригиналъ. Я такихъ фортелъ выкидывать никакъ не могъ.

Оттого я былъ нѣсколько изумленъ, почему именно на меня палъ выборъ. Но всѣмъ вѣроятностямъ, приглашавшіе меня къ работѣ знали не все, мною написанное по исторической части или предполагали, что я измѣню моимъ убѣжденіямъ, что когда будутъ предложены хорошія условія, а вдали будетъ показанъ маюрать, въ родѣ того, какой получили дѣти Шмита,— „дѣти Шмита!“, а вѣдь тутъ не „дѣти“, а самъ „отецъ“...

Что до самого намѣстника, онъ ровно ничего не зналъ о томъ, что мною написано и въ какомъ духѣ, т. е. не читалъ формально ни одной моей строки.

Размышляя обо всемъ объ этомъ, я не спѣшилъ представиться намѣстнику, какъ его историкъ. Но замокъ продолжалъ налегать, я надѣлъ, наконецъ, фракъ, бѣлыя перчатки, бѣлый галстухъ и явился. Намѣстникъ встрѣтилъ меня нѣмецкою фразою, безъ сомнѣнія предполагая, что я нѣмецъ и рѣзку ему по-нѣмецки исправно. Но я отвѣчалъ по-русски. И съ этихъ поръ у насъ установился навсегда только одинъ русскій разговоръ.

Я благодарилъ, конечно, за оказанную мнѣ честь и потомъ сказалъ, что считаю необходимымъ съѣздить въ Россію и переговорить тамъ съ моими друзьями о предложеніи, которое получилъ, что безъ друзей не могу рѣшиться на такой важный для меня шагъ.

— „Поѣзжайте, поѣзжайте, это ваше дѣло. Тутъ не можетъ быть никакихъ принужденій, ничего не искренняго!“ проговорилъ графъ Бергъ.

Я отправился въ Петербургъ. Всѣ наиболѣе близкіе ко мнѣ люди благословляли меня обѣими руками.

„Помилуй, дѣлается нѣчто небывалое: намѣстникъ, высшая власть Царства Польскаго, сообщаетъ тебѣ матеріалы тотчасъ послѣ совершившихся событій. А ты еще задумываешься и пятишься! Берн, хватай, садись и пиши!“

Воротаясь въ Варшаву, я объявилъ намѣстнику, что „готовъ приступить къ занятіямъ“.

Мнѣ отвели въ замкѣ особую комнату, при квартирѣ помощника генераль-полиціймейстера, флигель-адъютанта А**, куда я приходилъ ежедневно часовъ въ 10 утра и оставался до поздняго обѣда. Матеріалы доставлялись помощникомъ А**.

Это были, главнѣйшимъ образомъ, донесенія тайной полиціи, дѣла начальниковъ городскихъ отдѣловъ при князѣ М. Д. Горчаковѣ, изданія и плаваты жонда; слѣдственные дѣла и наконецъ: записки и показанія замѣчательныхъ повстанцевъ, сидѣвшихъ въ цитадели. Такъ какъ читалось все это по мѣрѣ доставленія, а доставлялось безъ всякаго порядка, то я никакъ не могъ сейчасъ-же ориентироваться въ дѣлѣ, очень мало мнѣ, да и всѣмъ намъ, со стороны мелкихъ подробностей, знакомомъ. Можно было громоздить любопытные факты одинъ на другой, но писать исторію возстанія было невозможно въ такихъ условіяхъ. Между тѣмъ, наблюдавшій за моими работами ** требовалъ стройнаго и цѣлаго отрывка, начала труда или хотя приступа къ нему, чтобы прочесть намѣстнику и его заинтересовать. Другими словами: доказать, какъ можно скорѣе, что во мнѣ не ошиблись, что я опытный и добросовѣстный писатель и историкъ, умѣю справиться со всякими сырыми матеріалами, устраивать изъ нихъ занимательный рассказъ и, главное, не гуляю. Входить въ подробныя объясненія о принятыхъ во всемъ свѣтѣ приемахъ всякихъ литературныхъ работъ историческаго свойства было странно. Имъ хотѣлось, во что-бы то ни стало, увидѣть сейчасъ-же первую главу, черезъ недѣлю—вторую, тамъ третью и т. д. Они боялись, что „навятый ими авторъ“ затынетъ, пожалуй, дѣло на многіе годы умышленно; будетъ, Богъ знаетъ за что, получать назначенное ему содержаніе... начнетъ и не окончитъ. Оставалось или бѣжать, или придумать какой-нибудь особый маневръ писанія, которое-бы удовлетворяло требованіямъ замка и въ то-же время не мѣшало дѣлу. Я рѣшился на послѣднее: написалъ нѣсколько рассказовъ, по имѣвшимся въ моемъ распоряженіи матеріаламъ, не думая, что это такое: начало, конецъ, середина или просто ничего, что нужно послѣ бросить. Рассказы эти выслушивались въ замкѣ намѣстникомъ и разными генералами, которыхъ онъ собиралъ

на чтенія и производили сносное впечатлѣніе. Потомъ генералы перестали ходить. Слушалъ меня одинъ намѣстникъ съ **, а вскорѣ затѣмъ и ** исчезъ. Мы съ намѣстникомъ остались совершенно одни. Я садился подлѣ него на диванъ и читалъ. Намѣстникъ слушалъ мои доклады, иногда дремалъ, но нельзя было полагаться на эту дремоту и воображать, что намѣстникъ ничего не видитъ и не слышитъ: онъ все видѣлъ и слышалъ, и когда я пропускалъ иныя строки подъ чертою, являлась сбоку рука графа Берга и проѣзжала по пропущеннымъ строкамъ: это значило нужно также прочесть, и я прочитывалъ. Иное вызывало небольшія замѣчанія намѣстника, не то онъ спрашивалъ значеніе слова, не такъ ему знакомаго, на примѣръ, однажды спросилъ, что значитъ нагромоздить, другой разъ: джигить. Былъ случай, что намѣстникъ замѣчалъ о генералѣ Треновѣ, (котораго личность, по его мнѣнію, слѣдовало выдвинуть впередъ, сдѣлать замѣтною), что „жена его была православная и семейство большое“.

Я сказалъ: „какое-же дѣло исторіи до этихъ подробностей?“

— „Все-таки напишите“, сказалъ намѣстникъ.

Я подошелъ къ письменному столу, взялъ карандашъ и написалъ.

— „Покажите“!

Я показалъ.

— „Зачѣмъ-же карандашемъ? Напишите чернилами!“

Я написалъ чернилами и въ концѣ прибавилъ, въ скобкахъ: „Вставлено по замѣчанію намѣстника“. Онъ опять прочелъ.

— „Ну, это послѣднее напрасно!“... Однако, такъ и осталось.

Тѣмъ временемъ, какъ эти странныя чтенія происходили съ самыми неопредѣленными антрактами,—недѣли въ двѣ, въ три чтеніе,—я изучалъ предметъ, сколь возможно поспѣшнѣе, по всякимъ источникамъ, скакалъ на почтовыхъ, смѣло перепрыгивая черезъ пропасти, оставляя все непонятное и туманное разрѣшеніямъ будущаго времени... Увидѣвъ чрезвычайную бѣдность, а иногда и сбивчивость свѣдѣній въ журналѣ военныхъ дѣйствій, который составленъ на живую нитку при главномъ штабѣ, по рапортамъ начальниковъ отрядовъ и по какимъ случится матеріаламъ, я испросилъ у намѣстника разрѣшеніе отправиться въ объѣздъ всѣхъ военныхъ отдѣловъ и собрать свѣдѣ-

нія тамъ на мѣстѣ отъ участниковъ, видѣвшихъ все собственными глазами.

Намѣстнику это понравилось. Онъ велѣлъ снабдить меня особымъ открытымъ листомъ, въ силу котораго я могъ не только требовать всякихъ свѣдѣній отъ начальниковъ отдѣловъ, но и письменныхъ матеріаловъ, рисунковъ, плакатовъ и всего прочаго, чѣмъ они располагали. Чемоданы мои никто не смѣлъ осматривать по дорогѣ. Для этого былъ у меня другой охранный листъ.

Какъ надобно было ожидать, я показался въ отдѣлахъ нѣсколько таинственнымъ лицомъ. Повторилось случившееся со мною на Востокѣ, только въ большихъ размѣрахъ и со своими деталями.

Инымъ была даже подозрительна самая моя фамилія: не родня-ли-де какая? Стало, еще ближе къ намѣстнику, чѣмъ чужой! Начальники отдѣловъ, ихъ адъютанты и разные офицеры рассказывали мнѣ все съ плеча, шли дальше, чѣмъ было нужно. Въ иныхъ была даже склонность къ любезностямъ такого рода, что они предлагали мнѣ въ подарокъ повстанское оружіе, штуцеры... Чтенія мои въ замѣ получили совершенно другую, болѣе правильную, фізіономію и окраску. Я вышелъ изъ системы холодныхъ выстрѣловъ, писалъ уже до нѣкоторой степени то, что можно было назвать исторіею; намѣстникъ слушалъ иное съ видимымъ интересомъ. Явленіе записокъ члена нѣсколькихъ жондовъ, Авейде, потомъ Маевского, Вашковскаго и другихъ важнѣйшихъ преступниковъ,—что передано было мнѣ намѣстникомъ лично, въ его кабинетѣ,—составило заключительный матеріалъ: неясное сдѣлалось яснымъ, тайны разоблачились, если не всѣ, то многія.

Въ числѣ генераловъ, которые въ началѣ приглашались намѣстникомъ на чтенія въ замокъ, было нѣсколько такихъ, кто питалъ ко мнѣ враждебныя чувства; они боялись, что литераторъ, человекъ чужой въ машинѣ управленія, будучи допущенъ ко всякимъ секретамъ, читая слѣдственные дѣла, признанія повстанцевъ и развѣзжая по военнымъ отдѣламъ съ открытымъ листомъ намѣстника, неизбѣжно придетъ къ уразумѣнію многихъ вещей, которыхъ не слѣдуетъ разумѣть литераторамъ, по крайней мѣрѣ, такъ скоро. Въ числѣ такихъ лицъ стояли на первомъ планѣ: генераль-полиціймейстеръ Треповъ,

начальникъ штаба Минквицъ и до нѣкоторой степени предсѣдатель слѣдственной комиссiи, генераль Тухолка, съ нѣсколькими жандармами. Позже Треповъ настроилъ на тотъ-же ладъ и оберъ-полицiймейстера Фредерикса (†). Всѣ эти господа косились на меня при всякой встрѣчѣ въ замкѣ и гдѣ случится, но этимъ покажѣсть все и кончилось. Разъяснять Бергу его ошибку, ссорить насъ никто не рѣшался. Всѣ знали, что Бергъ былъ чрезвычайно упоренъ въ преслѣдованiи своихъ мыслей и интересовъ. Но нѣсколько позже кто-то растолковалъ ему все это дѣло такимъ образомъ, что онъ также сталъ меня побаиваться и можетъ статься, былъ-бы радъ, если-бы меня вдругъ, какъ-нибудь, прилично, не стало въ Варшавѣ. Гнать со скандаломъ, безъ всякаго основанiя, онъ не могъ, по своимъ привычкамъ, особенно послѣ отертыхъ листовъ и всякихъ другихъ нѣжностей.

Прiатели мои, замѣтивъ нѣкоторое измѣненiе мыслей въ намѣстникѣ и, можетъ быть, угадывая, что онъ думаетъ и чего ищетъ, прибѣгли къ такому маневру: у меня былъ просроченъ взятый въ Петероургѣ паспортъ. Лицамъ съ такими паспортами, вслѣдствiе тогдашнихъ распоряженiй варшавской полицiи, предлагали обыкновенно выѣхать изъ Варшавы для выправки другаго въ томъ мѣстѣ, гдѣ паспортъ былъ взятъ, но выправить его вновь не всегда и не всякому удавалось. Приставъ XI цыркула, гдѣ я жилъ, поручикъ Ватацци, прислалъ мнѣ на сѣромъ клочкѣ бумаги предписанiе въ самыхъ грубыхъ формахъ, чтобы „съ полученiемъ сего, вслѣдствiе такого-то обстоятельства, я немедленно выѣхалъ изъ Варшавы“.

На конвертѣ стояли только слова: „господину Бергу“. Я написалъ съ другой стороны бумаги, что „меня удивляетъ такое предписанiе г-на пристава, который долженъ знать подробно, кто и зачѣмъ живетъ въ его цыкулѣ“. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ эти строки были мною отправлены въ цыкулъ съ надписью на конвертѣ: „господину Ватацци“, я получилъ отъ него вторичное предписанiе въ томъ-же духѣ. Надѣлъ фракъ и отправился въ замокъ, гдѣ показалъ полученную мною бумагу намѣстнику, испрашивая распоряженiе, чтобы полицiя не могла меня беспокоить подобными оригинальными предписанiями. Намѣстникъ улыбнулся и сказалъ бывшему тогда

въ кабинетѣ полковнику генеральнаго штаба (Дм. Гавр.) Анучину: „распорядитесь, чтобы ему былъ выданъ паспортъ для свободнаго и безпрепятственнаго проживанія въ Варшавѣ на неопредѣленный срокъ“.

Въ тотъ-же день мнѣ былъ доставленъ изъ XI цыркула видъ на свободное пребываніе въ Варшавѣ, на неопредѣленное время.

Интриганы, однако-же, на этомъ не остановились. Было придумано слѣдующее: ко мнѣ явился однажды прусскій полицейскій офицеръ, поручикъ Кноррь, и рекомендовался на нѣмецкомъ языкѣ. Я сказалъ, что „продолжать разговора на этомъ языкѣ не могу, а если поручику угодно, могу объясняться съ нимъ только по-русски или по-польски“.

— „Такъ будемъ говорить по-польски, сказалъ Кноррь, и тутъ-же объявилъ мнѣ, что „зная черезъ своего генеральнаго консула, барона Рейхенберга, чѣмъ теперь я занятъ, онъ рѣшается предложить мнѣ совмѣстную товарищескую работу, что онъ самъ немного литераторъ и послѣ датской войны напечаталъ брошюру, которая дала ему, за всѣми расходами по типографіи, двѣ тысячи талеровъ чистаго дохода, маленькая брошюрка! У васъ выйдутъ томы; притомъ польское возстаніе любопытнѣе для Европы, чѣмъ датская война: мы-бы зашибли съ вами на этомъ дѣлѣ тысячъ двадцать талеровъ, по крайней мѣрѣ! Разумѣется, надо печатать по-нѣмецки. Переводъ и всѣ издержки по изданію я беру на себя. Все, что будетъ выручено продажею экземпляровъ, которую я постараюсь устроить какъ можно практичнѣе, мы раздѣлимъ пополамъ. Согласны вы?“ — „Согласенъ, отвѣчалъ я, но мнѣ должно переговорить объ этомъ съ намѣстникомъ. Придите дня черезъ три“.

Кноррь всучилъ мнѣ зачѣмъ-то свою фотографическую карточку, на которой снятъ былъ во весь ростъ, въ полной полицейской формѣ, и вышелъ.

Я тогда-же отправился къ намѣстнику и рассказалъ ему всю сцену свиданія моего съ прусскимъ полицейскимъ офицеромъ. Графъ Бергъ улыбнулся точно также, какъ при жалобѣ моей на поручика Ватацци и сказалъ: „если Кноррь придетъ къ вамъ еще разъ, будьте съ нимъ вѣжливы и больше ничего!“

Кноррь, однако, больше у меня не былъ.

Понятное дѣло, что если-бы я, соблазнившись выгоднымъ

предложеніемъ, принявъ его условія и передалъ ему для перевода на нѣмецкій языкъ обработанную часть моей записки, графъ Бергъ имѣлъ-бы полное право счесть меня измѣнникомъ правительственнымъ интересамъ и выслать изъ Варшавы. Записка составлялась для кабинета намѣстника по матеріаламъ, пока никому неизвѣстнымъ, и не могла никоимъ образомъ кому-либо сообщаться,—тѣмъ болѣе иностранцу. Интриганы не смутились и этимъ. Они написали въ Краковъ, что „я кажусь для русскаго правительства нѣсколько подозрительнымъ лицомъ, а потому нельзя-ли меня, какъ только я покажусь въ Краковъ, арестовать, придравшись къ какимъ-либо пустякамъ, и произвести подробную ревизію моимъ вещамъ“.

На что другое, а на подобныя дѣянія австрійская полиція всегда очень способна. Услуживъ такимъ образомъ русской полиціи, она могла, при случаѣ, рассчитывать на подобную-же услугу нашей полиціи на нашей территоріи.

Гостинница, гдѣ я обыкновенно останавливался въ Краковѣ (Дрезденская на рынкѣ) была одно время мѣстомъ сборища повстанцевъ высшаго разряда. Говорили даже, что тамъ помѣщался, въ концѣ 1863-го и началѣ 1864-го, цѣлый Краковскій жондъ, т. е., собственно говоря, Краковское отдѣленіе Варшавскаго жонда. Въ февралѣ 1864-го года, радикально измѣнивъ свою политику, австрійское правительство сочло нужнымъ захватить членовъ этого жонда въ сказанной гостинницѣ. Арестовали и меня. Это было раннимъ утромъ, именно, какъ говорится: „въ одно прекрасное утро“. Солдаты въ бѣлыхъ мундирахъ, съ ружьями и примкнутыми къ нимъ штыками, явились въ коридоръ. Двое полицейскихъ (изъ которыхъ одинъ былъ комиссаромъ того цыркула, гдѣ находилась Дрезденская гостинница) въ шапкахъ и куря ситары, вошли безцеремонно въ мой номеръ и, рѣшительно ничего мнѣ не объявивъ, зачѣмъ они и кто они, замаршировали къ комоду, на которомъ лежалъ мой бумажникъ, портъ-монѣ и еще кое-какія вещи, и начали все это вертѣть и разсматривать. Изъ бумажника вынуто было все, кромѣ денегъ. Потомъ попросили открыть чемоданы, взяли всѣ находившіяся тамъ бумаги, фотографическія карточки, книги, остальное разбросали по полу и не дали мнѣ убрать, объявляя, что я арестованъ и долженъ за ними слѣдовать. Я надѣлъ теплое

пальто, шляпу и спустился вмѣстѣ съ полицейскими чинами внизъ, гдѣ стояла у крыльца карета, въ которую мы сѣли и отправились въ криминальную тюрьму на Гродской улицѣ. Тутъ я былъ посаженъ вмѣстѣ съ разными повстанцами, въ числѣ которыхъ былъ „начальникъ города Кракова“ и „начальникъ полиціи“, своро со мною познакомившіеся.

Подробности этого заключенія разсказаны мною въ свое время печатно („Библіотека для Чтенія“, 1864 г., февральская книжка). Я не объяснялъ только настоящей причины ареста. Такъ какъ при ревизіи у меня формально ничего подозрительнаго не оказалось, то понятное дѣло, отношенія мои къ высшей власти Царства Польскаго измѣниться не могли. Воротясь въ Варшаву, я по-прежнему писалъ и читалъ намѣстнику написанное. Непріятели мои стали травить меня шпионами. Въ мой номеръ то и дѣло стучались разные лица. Надо было объясняться о какихъ-нибудь пустякахъ, терять, Богъ знаетъ на что, время. Извѣстный (въ то время) всей Варшавѣ, полицейскій агентъ Грабовскій приходилъ ко мнѣ два раза просить для прочтенія книгъ моего сочиненія.

Другой разъ былъ тоже извѣстный въ Варшавѣ многимъ замковый агентъ, вурляндскій нѣмецъ, который просилъ меня пристроить его сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ „Жандармы-вѣшатели“. Онъ такъ громко сморкался за порогомъ моей двери, что я могъ принять его въ коридорѣ и тамъ окончательно съ нимъ объясниться.

Въ Цѣхоцинѣ,—гдѣ я собиралъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Мирославскаго подъ Кршивосондземъ и въ окрестностяхъ,—ко мнѣ былъ приставленъ жидъ, который слѣдилъ каждый мой шагъ и даже подходилъ иногда къ двери номера, въ гостиницѣ Миллера, гдѣ я жилъ, и подслушивалъ, что я говорю съ разными лицами, меня посѣщавшими. Поймавъ этого жидка три раза въ такомъ упражненіи и сдѣлавъ ему приличное замѣчаніе, я весьма серьезно его побилъ, когда поймалъ въ четвертый разъ и думалъ, что у меня будетъ по этому поводу объясненіе съ инспекторомъ полиціи: ничуть не бывало, никто ко мнѣ не пришелъ. Жидъ отсталъ и если встрѣчалъ меня въ цѣхоцинскомъ саду, то прятался въ бусты, а стойновы на улицахъ и въ паркѣ стали дѣлать мнѣ съ этого времени подъ козырекъ.

Половой города Н. уважалъ Чичикова за громкое сморканье. Во мнѣннн цѣхоцинскихъ стойновыхъ имѣлъ особенное значеніе тотъ, кто дрался: стало-быть, онъ имѣлъ на это право, стало-быть—онъ начальникъ!.. Въ Россіи и Польшѣ мнѣ не разъ случалось убѣждаться, что низшій классъ народа уважаетъ только поступающихъ съ нимъ грубо, а не мягко.

Въ Европейской гостинницѣ, въ Варшавѣ, гдѣ я жилъ долгое время (около десяти лѣтъ), въ 63-мъ номерѣ втораго этажа, и считалъ его уже не номеромъ, а постоянною своею квартирою, въ дверяхъ моихъ, снаружи сверхъ обыкновеннаго замка, былъ еще особый англійскій, который отворить поддѣльнымъ ключемъ было очень трудно, если не сказать: вовсе невозможно.

Въ новый 1867 годъ представленіе намѣстнику разныхъ чиновъ кончилось какъ-то скорѣе обыкновеннаго и я очутился передъ своимъ номеромъ въ Европейской гостинницѣ равьше, чѣмъ думалъ. Смотрю: какой-то засаженный мальчуганъ хлопочетъ у моего англійскаго замка. Я спросилъ у него, что онъ тутъ дѣлаетъ: мальчикъ отвѣчалъ спокойно, что „приказано поддѣлать секретный ключъ (taj emniczy klucz), вотъ я и поддѣлываю“.

Такія приказанія, разумѣется, могла отдавать только полиція (?): замокъ поддѣлывали среди бѣла дня,—и никто изъ прислуги этому не мѣшалъ. Спросивъ у мальчика имя и мастерскую, откуда онъ присланъ, я отправился къ оберъ-полицеймейстеру и имѣлъ съ нимъ объясненіе, которое привело къ тому, что мнѣ сталъ подавать чай и завтраки перереженный полиціантъ. Потомъ, насупротивъ, помѣстили на цѣлый мѣсяцъ согладатая подѣ фамилію Малевскаго, которому прислуживалъ извѣстный, переизвѣстный въ городѣ, полицейскій агентъ Веге, сидѣвшій постоянно въ коридорѣ и слѣдившій за проходящими въ мой номеръ, а когда я уходилъ изъ гостинницы, Веге спускался внизъ и сидѣлъ въ швейцарской до тѣхъ поръ, пока я не возвращался домой, затѣмъ онъ подымался снова наверхъ и усаживался въ коридорѣ, подлѣ моего номера.

Однажды, послѣ поѣздки внутрь края, я нашелъ мою англійскую машинку у дверей изломанною: значить пробовали отворять, но не отворили, а только испортили.

Все это было, конечно, очень скучно. „Пріятели“ мои хотѣли

меня допечь подобными мерзостями, заставить бросить историческія занятія и уѣхать изъ Варшавы, но я не поддался. Переварилъ все и довелъ записку до конца. Она обнимала время возстанія отъ манифестаціонныхъ годовъ 1861 и 1862-го до 1864-го года включительно. Я просилъ намѣстника прислать мнѣ хорошихъ писарей; между ними очутился одинъ молодой развязный жандармъ, даже въ жандармской формѣ, который въ припадкѣ откровенности разболталъ мнѣ, что ему извѣстны кое-какія подробности ухаживанія моего за одною оперною актрисою.

Еще въ числѣ писарей былъ агентъ генерала Тухолки, одинъ полковой писарь, котораго, впоследствии, за особыя услуги, полиція рекомендовала университету въ смотрителя университетскихъ зданій, но онъ зашелъ въ своихъ смотрѣніяхъ такъ далеко, что былъ меньше, нежели черезъ годъ, прогнанъ ректоромъ.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ переписки моего сочиненія, я долженъ былъ не отходить отъ писарей ни на шагъ. Они писали, а я прохаживался по комнатѣ изъ угла въ уголь, и добился, что ни одна страница не переписана вдвойнѣ.

Переплетъ книгъ происходилъ также у меня на дому и сдѣланъ былъ сносно. Я представилъ намѣстнику (въ началѣ 1868-го года) четыре огромныхъ тома и просилъ позволенія пополнить этотъ трудъ описаніемъ всего того, что случилось въ Польшѣ, въ томъ-же революціонномъ духѣ, тотчасъ послѣ возстанія 1831-го года, затѣмъ въ 1846, 1848 и 1849 годахъ до Крымской кампаніи и въ самую Крымскую кампанію. Матеріалы для этого я надѣялся найти въ архивахъ втораго, т. е. Варшавскаго военнаго округа. Намѣстникъ разрѣшилъ это, и я сталъ ходить въ архивъ, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ московскаго палаца, но скоро замѣтилъ недочетъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Причиною этому было уничтоженіе 50,000 дѣлъ въ 1865-мъ году, по распоряженію особой комиссіи, состоявшей, всего на все, изъ одного генераль-маіора Савина. Въ 1868-мъ году, когда я началъ тамъ заниматься, наряжена была новая точно такая-же комиссія, для пересмотра дѣлъ въ архивѣ варшавскаго военнаго округа, состоявшая изъ одного генераль-маіора Менгдена. Не знаю, чѣмъ руководствовался генераль Савинъ, человекъ русскій и образованный, но нѣмецъ Менгденъ (съ которымъ я

скоро встрѣтился въ архивѣ, и работалъ за однимъ столомъ), не знавшій хорошо ни польскаго, ни русскаго языка, ни нашей, ни польской исторіи, ничѣмъ не руководствовался. Придя въ архивъ въ первомъ часу, онъ требовалъ каталогъ, сѣлся за столъ, закурилъ сигару и ставилъ черточки карандашемъ противъ дѣлъ, которыя, по его мнѣнію, надо было сжечь или уничтожить другимъ какимъ-нибудь образомъ. Однажды я спросилъ по каталогу, очень важное дѣло,—сказали, что баронъ Менгденъ уже назначилъ его сжечь, и оно поэтому свалено въ кучу, со всѣми такими дѣлами, въ углу одной комнаты. По счастью, это было такъ недавно, что мы съ смотрителемъ архива, армейскимъ поручикомъ польскаго происхожденія, немного порывшись въ кучѣ, обреченной Менгденомъ къ сожженію, нашли интересовавшее меня дѣло, и я выписалъ изъ него, что требовалось. По рѣшенію комиссіи, состоявшей изъ Менгдена, обречено было на сожженіе 9.000 пудовъ дѣлъ. Но ихъ не сожгли, а продали жидамъ.

Въ другой разъ смотритель сказалъ мнѣ, что дѣло, которое я желалъ видѣть (о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Краковѣ, въ 1846-мъ году, при диктаторѣ Тиссовскомъ), находится на квартирѣ у барона Менгдена, потому что онъ былъ въ то время дѣйствующимъ лицомъ. До этого дѣла я никогда не могъ добраться. Было-ли тамъ что-либо невыгодное для Менгдена или онъ его просто за просто затерялъ—ужь не знаю.

Дѣло о повстанцѣ 1846-го года Мирецкомъ оказалось на квартирѣ этого Мирецкаго, такъ какъ онъ былъ зятемъ смотрителя архива и хозяйничалъ тамъ, какъ дома. Это дѣло легко было вытребовать.

Такое печальное положеніе архива заставило меня навести справки, нѣтъ-ли въ Варшавѣ другаго какого архива, въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, куда не залетали никакія бури, въ образѣ комиссій изъ одного генерала; оказалось, что есть такой архивъ при X павильонѣ въ Варшавской Александровской цитадели.

Я просилъ намѣстника разрѣшить мнѣ посѣщеніе этого архива, находившагося въ вѣдѣніи слѣдственной комиссіи, иначе сказать, страшнаго генерала Тухолки (†). Намѣстникъ разрѣшилъ, но Тухолкѣ это не понравилось. Онъ сдѣлалъ все отъ него зави-

сѣвшее, чтобы мои прогулки въ цитадель были для меня неприятны. Прежде всего, мнѣ былъ присланъ билетъ, въ которомъ по печатному бланку прописано, что „такой-то обыватель города Варшавы требуется въ слѣдственную комиссію по извѣстному дѣлу“. Вслѣдствіе этого, придя въ павильонъ, я долженъ былъ зайти въ жандармское управленіе, показать жандармскому офицеру билетъ, послѣ чего мнѣ дали двухъ жандармовъ, которые (одинъ впередъ, другой сзади), ввели меня черезъ большія желѣзные ворота, гдѣ стоялъ вѣчный часовой съ ружьемъ, а иногда и два, внутри ограды, обнесенной вокругъ всего павильона, потомъ еще черезъ ворота, гдѣ стояло два жандарма, съ обнаженными саблями, въ садъ, примыкавшій къ павильону и служившій мѣстомъ для прогулки преступниковъ, затѣмъ сквозь кучу солдатъ, съ ружьями, въ сѣни двухъ-этажнаго зданія, по лѣстницѣ, въ комиссію, которая помѣщалась въ первомъ этажѣ. Тутъ жандармы сдали „преступника“ комиссіи; она дала новаго проводника изъ жандармовъ, сидѣвшихъ на лавкахъ въ коридорѣ. Этотъ жандармъ отвелъ меня въ казематъ. Любопытно, что сказали-бы: Погодинъ, Соловьевъ, Костомаровъ... еслибъ имъ предложили въ такой формѣ разработываніе серьезныхъ историческихъ матеріаловъ?..

Когда мнѣ принесли потребованное мною по каталогу дѣло, и я сталъ его читать и дѣлать выписки, я замѣтилъ, что въ дверное окошечко заглядываетъ ко мнѣ время отъ времени жандармская фізіономія. Затѣмъ пришелъ Тухолка и освѣдомился какое именно дѣло меня интересуетъ. Мы проговорили о разныхъ пустякахъ, минутъ 20—30. На другой день—та-же исторія, двѣ капли воды. На третій день жандармская фізіономія уже не заглядывала въ дверное окошечко каземата. Но Тухолка приходилъ, по прежнему, освѣдомляться о моихъ работахъ и болтать со мною около четверти часа. Потомъ былъ у меня въ казематѣ, можетъ статься, еще разъ или два и уже не показывался до конца моихъ путешествій въ цитадель, которыя продолжались мѣсяца три. Я пріѣзжалъ часовъ въ 10 и уѣзжалъ часа въ 4. Иной разъ въ казематѣ и закусывалъ.

Жандармскія фізіономіи, бряканье ружей и сабель, путешествіе по коридорамъ арестантовъ, подъ конвоемъ солдатъ—все это мнѣ пріѣлось, ко всему этому я привыкъ. Жандармы въ коридорѣ

дорѣ, кажется, стали угадывать, что я не преступникъ, а что-то другое, но все-таки совершали однообразно выпроваживаніе меня изъ павильона за чугунные ворота.

Записки о событіяхъ между 1831-мъ годомъ и временемъ Крымской кампаніи была, наконецъ, готова.

Я предложилъ намѣстнику выслушать написанное. Онъ назначилъ день и часъ, и пригласилъ на чтеніе своего помощника, командующаго войсками Варшавскаго военнаго отдѣла, генераль-адъютанта, барона Рамзая, который былъ снова призванъ на службу, по уходѣ Корфа. Оба старика слушали меня очень внимательно. Бергъ ни разу не задремалъ. Время отъ времени дѣлалъ замѣчанія, вставки подробностей, ему хорошо извѣстныхъ, такъ какъ онъ самъ принималъ участіе въ тогдашнихъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ галиційскихъ повстанцевъ, будучи генераль-квартирмейстеромъ нашей польской арміи.

При послѣднемъ чтеніи (черезъ недѣлю или двѣ послѣ того, на которомъ присутствовалъ Рамзай), прибылъ совершенно случайно генераль-полиціймейстеръ¹⁾, который имѣлъ у Берга вечерній докладъ. Бергъ пригласилъ его послушать. Онъ сѣлъ... Чтеніе его, видимо, нисколько не занимало.

Когда я кончилъ, то сказалъ намѣстнику, что считаю полезнымъ съѣздить въ Вильну, дабы ознакомиться тамъ, на мѣстѣ, съ матеріалами, имѣющими непосредственную связь съ описанными уже мною событіями Царства Польскаго (1860—1865 гг.): такъ-ли, не такъ-ли въ Вильнѣ было, до прибытія Муравьева и нѣкоторое время при немъ, хорошо формированное отдѣленіе варшавскаго жонда. Не сказать ровно ничего о возстаніи на Лигвѣ было невозможно, а если сказать, то ужъ по документамъ.

Намѣстникъ нашелъ мою поѣздку въ Литву весьма нелишнею. Я просилъ его сдѣлать распоряженіе, чтобы мнѣ выданы были такой-же открытый и охранный листы, какіе я имѣлъ для объѣзда Царства. Бергъ, обратясь къ генераль-полиціймейстеру и директору его канцеляріи, сидѣвшему тутъ-же, сказалъ: „устройте это!“ Оба эти лица отвѣчали поклономъ. Прошло, однако, около

¹⁾ Нынѣ покойный Ф. Ф. Треповъ.

недѣли, ничего не устраивалось; я не получалъ на поѣздѣ ровно никакихъ бумагъ!

Обѣдая однажды въ клубѣ, рядомъ съ директоромъ канцеляріи генераль-полиціймейстера, я спросилъ его, почему мнѣ не шлютъ такъ долго бумагъ, которыя приказалъ выдать намѣстникъ тогда-то?

„Да ихъ вовсе вамъ не пришлютъ, отвѣчалъ спрошенный, потому что намѣстникъ отдалъ приказаніе не совсѣмъ ясно“.

— „Не совсѣмъ ясно? И вы смѣете это говорить, когда я самъ присутствовалъ при этомъ! сказалъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ: сказанное намѣстникомъ генераль-полиціймейстеру и вамъ черезъ столъ не совсѣмъ ясно? Стало-быть, мнѣ придется просить намѣстника о повтореніи приказанія пояснѣ“.

„Какъ хотите“!

И тотчасъ-же отправился въ замокъ, но не нашелъ намѣстника дома. Въ пріемной комнатѣ былъ только одинъ любимый адъютантъ его, ротмистръ Валь. Я объяснилъ ему все дѣло и, кромѣ того, написалъ небольшую записку, на ключѣхъ бумаги, какъ-бы для памяти адъютанту, но само собою разумѣется, что Валь, вмѣсто всякой бесѣды, подастъ намѣстнику эту бумажку — родъ жалобы, однако и не жалобу.

Такъ и вышло. Бергъ потребовалъ меня къ себѣ на другой день въ 8 часовъ утра. Я прибылъ и нашелъ въ пріемной генераль-полиціймейстера съ портфелемъ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Я поклонился, подошелъ къ окну и началъ въ него смотрѣть. Немного погодя подошелъ къ тому-же окну и генераль-полиціймейстеръ и сталъ за мною.

„Какая хорошая погода“! сказалъ онъ.

— „Это, въ особенности, пріятно для меня, отвѣчалъ я, такъ какъ я долженъ ѣхать въ Вильну. Я жду только необходимыхъ для этого бумагъ: открытаго и охраннаго листовъ. Вашъ директоръ сказалъ мнѣ: будто-бы намѣстникъ отдалъ вамъ не совсѣмъ ясное приказаніе, такъ я пріѣхалъ просить его повторить это приказаніе пояснѣ“.

„Вотъ вы, господа литераторы, постоянно нами недовольны, завелъ генераль-полиціймейстеръ, постоянно на насъ жалуетесь, обижаетесь, а виноваты сами! Почему-бы вамъ не напомнить объ этомъ запискою?“

— „Да на что-же тутъ записка, излишняя потеря времени, сказалъ я, когда дѣло было такъ просто: намѣстникъ приказалъ вамъ черезъ столъ, вы оба поклонились, казалось, все кончено! Нѣтъ, пиши еще какую-то записку! Литераторъ никогда не пойметъ, что это нужно“.

„Да, вѣдь, это такъ не трудно. Напишите нѣсколько строкъ: вотъ вамъ и бумага и перо!“ сказалъ почти умоляющимъ голосомъ генераль-полиціймейстеръ.

Я увидѣлъ, что дѣло это было слажено передъ моимъ приходомъ, въ бесѣдѣ намѣстника съ генераль-полиціймейстеромъ, что тутъ въ писаніи записки столько-же намѣстникъ, сколько и генераль-полиціймейстеръ,—стало, спорить не приходится. Я присѣлъ и написалъ нѣсколько словъ, придумывая въ раздраженіи возможно-грубыя формы. Когда я кончилъ, адъютантъ отворилъ дверь въ кабинетъ намѣстника, и мы увидѣли быстрошагающую къ намъ фигуру фельдмаршала съ листомъ въ рукѣ. Онъ шелъ прямо на меня, не смотря по сторонамъ.

„Кланяйтесь Константину Петровичу (т. е. Кауфману) и отдайте ему это письмо. Надѣюсь, что вамъ будутъ открыты всѣ архивы“.

Потомъ, повернувшись къ генераль-полиціймейстеру, прибавилъ: „Тутъ нужны кое-какія бумаги, уладьте!“

— „Мы ужъ переговорили объ этомъ съ господиномъ Бергомъ, сказалъ генераль-полиціймейстеръ, все будетъ сдѣлано сегодня-же“.

Въ самомъ дѣлѣ, я получилъ всѣ необходимыя бумаги въ тотъ-же самый день. Такая-то во всемъ была игра въ скачку съ препятствіями!...

Кауфманъ принялъ меня любезно и познакомилъ съ генераломъ В. О. Ратчемъ, писавшимъ тогда о событіяхъ въ Литвѣ и знавшимъ гдѣ какіе документы лежатъ. Большая ихъ часть находилась въ кабинетѣ генерала. Онъ передалъ мнѣ все, что я потребовалъ; я взялъ это съ собою въ европейскую гостиницу, гдѣ стоялъ, просмотрѣлъ въ самое короткое время и сдѣлалъ выписки.

Въ Вильнѣ за мною сильно наблюдали, не знаю только: по предписанію-ли изъ Варшавы или по распоряженію мѣстныхъ

властей. Одинъ полицейскій литераторъ, Циловъ, добивался моего знакомства, но не добился. Телеграмму, пришедшую ко мнѣ однажды, подпечатали. Я хотѣлъ пожаловаться Кауфману, но потомъ подумалъ: „а какъ эти шалости устриваются по его приказанію?“ Махнулъ рукою и уѣхалъ.

Въ Варшавѣ я употребилъ всѣ мѣры, чтобы написанное мною получило поскорѣе, хотя въ самомъ сокращенномъ видѣ, печатную огласку. Испросить позволеніе у намѣстника на печатаніе моей записки въ какомъ-либо изъ русскихъ повременныхъ изданій—было не трудно: онъ самъ хотѣлъ скорѣйшаго оглашенія моего труда. Напечатали часть до VIII главы включительно въ „Русскомъ Архивѣ“ и потомъ издали отдѣльною книгою.

Откровенное и смѣлое изображеніе мною бывшаго главнокомандующаго южной арміи, потомъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, князя М. Д. Горчакова, со всѣми его недостатками и неловкостью, которая привела къ событіямъ 1863-го года,—поразило многихъ, особенно всю родню безталаннаго князя. Это было первое такое, по смѣлости и откровенности, распечатаніе высокаго лица. Поднялись крики. Въ особенности громко кричали: дочь князя Горчакова, Панкратьева, и генераль Докудовскій, женатый на отдаленной родственницѣ кн. М. Д. Горчакова. Крики эти достигли до варшавскаго королевскаго замка. Намѣстникъ Бергъ просилъ меня напечатать отъ себя статью съ объясненіемъ, какъ происходило все дѣло составленія записки: какъ намѣстникъ, не желая стѣснять автора замѣчаніями, которыя могли быть принимаемы за приказанія, молчалъ при слушаніи записки, хотя очень часто не раздѣлялъ взглядовъ автора на то или другое событіе, на то или другое лицо, вообще вполнѣ солидаренъ съ авторомъ никогда не былъ и считается таковымъ не можетъ“. Я написалъ проектъ такой статьи и далъ прочесть намѣстнику, который поправилъ собственноручно два-три слова, что-то, сверхъ того, замаралъ. Остальное было напечатано. („Русскій Архивъ“ 1872 г.).

Графу Бергу собственно хотѣлось отдѣлаться какъ-нибудь отъ крикуновъ, чтобы возстановилась тишина. А какъ я отношусь къ тому или другому генералу или къ полковнику—это было для него все едино. Горчакова онъ не уважалъ никогда. При Паскевичѣ они даже нерѣдко ссорились (что рассказывается

въ моей книгѣ). Въ душѣ Бергъ былъ доволенъ, что я отдѣлалъ его „пріятеля“ и выставилъ ярко всю запутанность дѣлъ послѣ его управленія краемъ, гдѣ Бергъ призванъ былъ, высочайшею волею, возстановить порядковъ, и возстановилъ. Чѣмъ хуже было до него, чѣмъ болѣе замѣчалось беспорядковъ, тѣмъ выше его заслуга. Онъ дожидался съ нетерпѣніемъ оглашенія того мѣста записки, гдѣ изображалось прямо его царствованіе, и давалъ мнѣ знать разными путями, чаще всего черезъ адъютантовъ Валя и Гольдмана, что желательно было-бы увидѣть въ печати продолженіе. „Когда-же дальше, когда-же дальше?“ говорили мнѣ эти господа при встрѣчахъ и осыпали похвалами начало.

Я самъ былъ не прочь печатать далѣе, т. е. главы IX, X до XIV включительно, но въ IX главѣ изображались всѣ не-ловкости, позволившія народной организаціи укрѣпиться и устроить возстаніе, съ которыми мы возились полтора года. Какъ было протащить такую мудреную главу въ печать?

Въ 1879 году, редакторъ-издатель „Русской Старины“ М. И. Семеvскій предложилъ мнѣ перескочить черезъ главу IX и печатать далѣе съ X-й. Это пошло на страницахъ „Русской Старины“. Поднялись новые крики: выступили защитники и друзья Муравьева. Новая, болѣе подробная, статья моя о князѣ М. Д. Горчаковѣ тоже нашла противниковъ. Наконецъ, вооружились адъютанты графа Берга, который былъ описанъ мною совершенно въ томъ-же духѣ, какъ и его предмѣстники, съ тою-же смѣлостью и откровенностью.

Я не позволилъ себѣ смутиться всѣмъ этимъ карваньемъ людей немудрыхъ, неотесанныхъ азіатовъ, тѣмъ болѣе, что все дѣйствительно-серьезное, европейское въ обществѣ было за меня. Иные подходили ко мнѣ на улицѣ и благодарили громко.

Я думалъ только о томъ, какъ-бы дополнить, по возможности, все недостающее въ главахъ моей записки, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ и въ „Русской Старинѣ“, вставить пѣлую IX главу, передѣлать, что было не такъ вслѣдствіе недостатка матеріаловъ, освѣтить кое-какіе факты иначе, новыми документами и разоблаченіями, явившимися въ Краковѣ, Львовѣ и въ другихъ городахъ Европы, привести все это въ лучшій порядокъ и напечатать безъ цензуры, а потомъ дать на просмотръ высшимъ властямъ печатнаго дѣла въ Россіи. Постановленіе, въ силу

которого можно печатать безъ цензуры только въ двухъ пунктахъ обширной нашей имперіи, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, дѣлало для меня недоступнымъ исполненіе моей мысли: я жилъ въ Варшавѣ, по обязанностямъ службы; дни проходили за днями; трудъ мой лежалъ почти доведенный до той полноты, какъ мнѣ хотѣлось. Я могъ раньше умереть, нежели-бы увидѣлъ хоть одну строку новаго изданія записки, стоившей мнѣ тяжелыхъ многолѣтнихъ трудовъ, борьбы, возни, какой не дай Богъ никому изъ пишущихъ. Мои потомки не справились-бы съ горами рукописей, замѣтокъ, выносокъ, приложений, гдѣ иное требовало неизбежнаго, окончательнаго удара кисти, что дѣлаетъ всегда самъ авторъ, уже при печатаніи. Извѣстно, какъ печатное слово озаряетъ всю работу и подсказываетъ подробности, которыя никоимъ образомъ не придутъ въ ту-же самую голову, пока рукопись—рукопись, а не печать.

Меня убивала мысль, что все это писано Богъ вѣдаетъ зачѣмъ, чтобы сгнить въ моихъ бумагахъ, которыя послѣ меня останутся. Не можетъ-же быть, чтобы труды и усилія столькихъ лѣтъ, изслѣдованія самыя истинныя и добросовѣстныя, по матеріаламъ очень рѣдкимъ, которые не скоро будутъ доступны исторіи, да и будутъ-ли?—не можетъ быть, чтобы тутъ не нашлось чего-либо полезнаго для моихъ отдаленныхъ читателей! Кто знаетъ, можетъ не одинъ будущій правитель Польши почерпнуть въ этихъ строкахъ уроки для управленія мудреннымъ краемъ, избѣгнуть ошибокъ своихъ предшественниковъ... Да и, наконецъ, всякому трудившемуся надъ чѣмъ-нибудь литературнымъ честно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, позволительно желаніе увидѣть это въ печати. Хорошо это или дурно, вѣрны эти портреты или невѣрны—пусть рѣшаетъ будущее!... Пушкинъ не даромъ сказалъ, поощряя всякіе дневники, мемуары, записки: „помните, господа, что ваше слово, пока вы живы, много, много значитъ“.

Я сталъ хлопотать въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, гдѣ тогда былъ просвѣщеннѣйшій начальникъ—Николай Савичъ Абаза, дабы мнѣ было дозволено начать печатаніе моей книги въ Варшавѣ, внѣ существующихъ правилъ, т. е. безъ предварительной цензуры. Мнѣ подавали надежды, что это устроится...

Начинать новыя хлопоты я не рѣшился, а просто-за-просто началъ печатаніе въ Познани, въ типографіи Крашевскаго.

Это было осенью 1881 г. Корректуры присылались ко мнѣ въ Варшаву по почтѣ на тонкой китайской бумагѣ, въ обыкновенныхъ письмахъ. Я отправлялъ продержанную корректуру въ письмахъ франкированныхъ. Были кое-какія задержки въ сообщеніи мнѣ пришедшихъ корректуръ, но пропало только двѣ письма въ теченіе всего времени печатанія четырехъ большихъ томовъ, in 8°, въ 500 приблизительно страницъ каждый.

Въ 1884 году печатаніе кончилось.

Я рѣшаюсь выпустить напечатанное въ свѣтъ.

Пусть судятъ меня, кто можетъ судить.

Совѣсть моя спокойна: я нигдѣ, ни въ одной строкѣ, не покривилъ душою. Я смѣло выставилъ недостатки правительственныхъ распоряженій и ошибки частныхъ лицъ — кто-бы это ни былъ и какъ-бы высоко ни стоялъ! Я руководствовался единственно пользою, какую можетъ принести такая честная смѣлость и откровенность моимъ соотечественникамъ, если не теперь, то послѣ... когда-нибудь. Я могу сказать, положи руку на сердце, что я писалъ, какъ русскій патриотъ, и полагаю, нигдѣ не сбился съ дороги. Во всѣхъ этихъ десяткахъ, даже можетъ и сотняхъ тысячъ строкъ, европейскій читатель не усмотритъ ни одной строки непатріотической, а до азіатовъ и ихъ взглядовъ мнѣ дѣла нѣтъ. Я писалъ не для нихъ.

Н. В. Бергъ.

† 16-го іюня 1884 года.

Примѣчаніе. Намъ не случилось видѣть напечатанный въ Познани обширный трудъ Н. В. Берга по исторіи восстаній Польши, но покойный писатель 21-го января 1883 года принесъ въ даръ архиву „Русской Старины“ два обширныхъ тома перваго (1873 г.) изданія своего труда: „О польскихъ заговорахъ и восстаніяхъ (1831—1862 гг.) и полный оттискъ статей его-же въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1879 г.): „Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.“, со множествомъ собственноручныхъ вставокъ и дополненій Н. В. Берга на бѣлыхъ листахъ, переплетенныхъ съ печатнымъ текстомъ. Ред.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

† 9 ч. УТРА 20 ОКТ. 1889 г. ВЪ г. КАРАКОЛЬ.

МОГИЛА Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

(видъ на западъ).

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1892 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 28 ДЕКАБРЯ 1891 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

въ 1878 — 1888 гг.

Воспоминанія В. И. Роборовскаго ¹⁾.

VI.

Моя жизнь въ „Слободѣ“ въ 1883-мъ году имѣла для Николая Михайловича много привлекательнаго и соответствовала его вкусамъ и привычкамъ, но, зная его подвижной характеръ, его страсть къ путешествіямъ, можно было заранѣе предсказать, что онъ не усидитъ долго въ имѣнни, что онъ соскучится по Азій, гдѣ оставалась неизслѣдованною огромная площадь, въ 20,000 кв. миль. Дѣйствительно, едва Н. М. пообжился нѣсколько въ Слободѣ и отдохнулъ, какъ его неотступно стала преслѣдовать мысль о новомъ путешествіи, но обширность принятаго имъ труда, по описанію своего третьяго путешествія, задержала его въ деревнѣ до января мѣсяца 1883 года, когда онъ могъ отправиться въ Петербургъ и приступить къ печатанію своей книги. Въ то-же время онъ началъ дѣятельно готовиться къ новой экспедиціи, для изслѣдованія сѣвернаго Тибета.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1883 г., было окончено Пржевальскимъ изданіе его книги, вышедшей подъ заглавіемъ: „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и въ верховье Желтой рѣки“; книга эта обратила вниманіе не только русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ увлекательнымъ изложеніемъ и богатствомъ научнаго содержанія. Вос-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 217—238.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1892 г., т. LXXIII, МАРТЬ.

ною-же былъ утвержденъ планъ и составъ предстоявшей четвертой экспедиціи Пржевальскаго; ближайшими помощниками Н. М. были назначены: я, Эклонъ и вольноопредѣляющійся 2-го Софійскаго Е. В. полка, Козловъ; но, передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Эклонъ, собираясь жениться, неожиданно отказался отъ участія въ экспедиціи; въ лицѣ его мы лишились опытнаго и испытаннаго товарища нашей путевой жизни, и Н. М.—чу пришлось ограничиться попрежнему только двумя помощниками.

Въ началѣ августа 1883 г., мы выѣхали изъ Петербурга и почти два мѣсяца спустя, именно 26-го сентября, прибыли въ Кяхту, гдѣ мы остановились на цѣлый мѣсяцъ, снаряжаясь въ экспедицію; Н. М. выбиралъ въ это время солдатъ изъ линейнаго батальона и обучалъ ихъ стрѣльбѣ.

Изъ Кяхты мы направились, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1883 г., въ Ургу и на девятнадцатый день путешествія вступили въ пустыню Гоби. Имя Пржевальскаго, его слава, какъ человѣка рѣшительнаго и настойчиваго, были причиною того, что китайцы, которые относились къ намъ вообще недружелюбно, не пытались открыто задерживать насъ; сининскій амбанъ (начальникъ) не противился даже нашему движенію на Куууноръ и въ Цайдамъ, но отказывался только дать намъ проводника на истоки Желтой рѣки, говоря, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи людей, которые-бы знали эту мѣстность.

1-го мая 1884 г. мы прибыли къ хырмѣ¹⁾ Дзунъ-Засагъ, откуда предполагали начать изслѣдованіе невѣдомыхъ мѣстностей Тибета.

Владѣтельный князь Дзунъ-Засака наотрѣвъ отказался продать намъ верблюдовъ, барановъ и ячменя для лошадей, вслѣдствіе отговаривалъ насъ отъ путешествія въ Тибетъ, пытался даже задержать насъ подъ предлогомъ охоты; какъ мы догадались впоследствии, это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы, увлекшись охотою, мы пропустили удобное время для перехода черезъ горы, такъ какъ переваль завалило-бы въ скоромъ времени снѣгомъ на всю зиму и намъ, волею-неволею, пришлось-бы отказаться отъ посѣщенія Тибета.

Когда мы прижали князя, требуя, чтобы онъ объяснилъ намъ причину своего отказа, то онъ показалъ намъ двѣ бумаги, изъ коихъ въ одной говорилось, чтобы онъ исполнялъ всѣ наши требованія, а въ другой ему запрещалось дѣлать что-либо для насъ,

¹⁾ Хырма—жилье, обнесенное квадратною глиняною стѣною, для защиты отъ разбойниковъ.

подъ угрозю, что если онъ будетъ угождать намъ, то его потре-
буютъ въ Сииниъ для объясненія и наказанія.

Пришлось употребить крутыя мѣры: арестовать князя, при-
вести его на бивуакъ, а главнаго его совѣтника привязать на
веревку и продержать такъ три дня. Ему было объявлено, что
мы даемъ ему три дня срока и что если къ этому времени не
будетъ верблюдовъ и проводника, то мы возьмемъ ихъ силою
разыщемъ дорогу сами, а его поведемъ съ собою, чтобы онъ
узналъ дорогу и могъ служить жожакомъ для будущихъ путе-
шественниковъ.

Разумѣется, все требуемое нами явилось къ назначенному сроку
Надобно сказать, что китайскія власти относились къ экспедици
крайне недоброжелательно и старались всячески задерживать насъ
Не довѣряя намъ и не понимая смысла и цѣли нашей экспедици,
хотя мы и старались выяснитъ ихъ: показывали имъ птицъ, расте-
нія и т. п., они полагали, что собираніе коллекцій дѣлается нами
только для отвода глазъ, что мы идемъ съ завоевательною цѣлю,
что мы ищемъ золота, такъ какъ для ловли бабочекъ, птичекъ и
для собиранія растений не стоило, по ихъ мнѣнью, тратить деньги,
рисковать жизнью, переносить всѣ невзгоды мѣстной природы и
преодолѣвать такія трудности и препятствія, которыя и туземцамъ
не подъ силу. Къ тому-же, у насъ былъ паспортъ отъ китайскаго
правительства, въ которомъ было сказано, что русскій офицеръ
отправляется „для прогулки“, слѣдовательно цѣль нашего путе-
шества не была ясна и для ихъ министерства, поэтому весьма
естественно, что китайцы относились къ намъ подозрительно,
упрашивали и умоляли насъ не ходить въ мѣста заповѣдныя, а
чиновники ихъ, съ вѣдома своего правительства, дѣлали намъ
всевозможныя гадости.

Зато русскія пограничныя власти относились къ намъ весьма
предупредительно и постоянно снабжали Н. М. всевозможными
открытыми листами и требованіями къ туземнымъ властямъ, такъ
что столкновеній съ ними у насъ нигдѣ не было, да и Николай
Михайловичъ держалъ себя съ ними совершенно иначе, чѣмъ всѣ.
Онъ ко всѣмъ ѣздилъ съ визитами, даже къ маленькимъ чиновни-
камъ, какъ равный къ равному, чѣмъ, разумѣется, располагалъ ихъ
въ свою пользу, и поэтому всякій, помимо приказаній высшаго
начальства, старался угодить ему.

Къ китайцамъ Николай Михайловичъ не могъ относиться друже-
любно, его возмущала ихъ лживость и притворство; они устраи-
вали намъ такія штуки: въ глаза говорятъ любезности, напр.,

какой-нибудь амбань увѣряетъ: „я счастливъ и дѣти мои счастливы, что я, отецъ ихъ, видѣлъ такого человѣка, какъ вы“, а тутъ-же отдаетъ чиновнику приказаніе испортить дорогу, по которой намъ придется идти, сломать мостъ, угнать верблюдовъ и т. п. Нашъ переводчикъ понималъ по-китайски, слышалъ эти приказанія и передавалъ ихъ Н. М. Разумѣется, такого рода приемы возмущали его и онъ никакъ не могъ къ нимъ привыкнуть; зная китайцевъ, онъ старался избѣгать всякой встрѣчи съ ними и говорилъ, что отъ нихъ не увидишь ничего, кромѣ непріятностей.

Съ другими азіатцами, напр. съ монголами, можно говорить; монголь будетъ уклоняться отъ исполненія вашей просьбы, но, въ концѣ концовъ, онъ уступитъ требованію, высказанному съ твердостью, а китаецъ всегда найдетъ уловку, чтобы надуть, а если не надуть, то ловко выгородитъ себя передъ высшимъ начальствомъ.

Въ Сининѣ, напр., насъ стращали разбойниками и невозможностью переплыть Желтую рѣку.

— „Хотя войско выставятъ, я все-таки пойду“, сказалъ Н. М. амбаню.

— „Я не буду вамъ мѣшать, заявилъ тогда амбань, только дайте мнѣ записку, что вы снимаете съ меня вину, въ случаѣ нападенія на васъ разбойниковъ или иной неудачи“.

Подобная записка, конечно, была выдана ему.

Добившись отъ князя Дзунъ-Засака проводника, верблюдовъ и отличныхъ барановъ, мы оставили часть нашего багажа на храненіе въ сосѣдней съ нимъ хырмѣ и двинулись въ Тибетъ.

Въ бассейнѣ Голубой рѣки на рѣкѣ Бѣ-чю мы встрѣтились съ тангутами одного мирнаго племени; ловкій выстрѣлъ по грифу, сдѣланный въ ихъ присутствіи, такъ заинтересовалъ ихъ, что они стали осматривать наши ружья, просили насъ показать, какимъ образомъ изъ нихъ стрѣляютъ, продали намъ барановъ, которыхъ помогли прогнать черезъ рѣку, заходили въ наши юрты, палатки, вполне довѣрились намъ и показывали даже раны, полученные ими въ дракахъ съ сосѣдами. Мы могли съ ними объясняться, такъ какъ съ нами былъ переводчикъ китаецъ, понимавшій немного тангутскій языкъ. На обратномъ пути, дойдя до Желтой рѣки, мы излѣдовали, въ теченіе іюля, ея истоки и большія озера ея верхняго теченія, и тутъ на плоскогоріи Тибета, на разстояніи 3,000 верстъ отъ нашей границы, дважды подверглись нападенію дикихъ тангутовъ, пытавшихся преградить намъ путь. Первый разъ нападеніе было произведено на насъ, 11-го іюля, партією разбойниковъ человѣкъ въ триста, а второй разъ

на насъ напало, 19-го іюля, двѣсти человекъ голыковъ; это разбойничье населеніе изъ племени тангутовъ, живущее по берегу Желтой рѣки. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ; разбойники, не смотря на ихъ численное превосходство, были обращены нами въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько человекъ раненыхъ и убитыхъ. Череповъ этихъ убитыхъ мы не взяли, чтобы не подвергнуться нареканію, будто мы стрѣляли по нимъ съ цѣлю получить эти черепа, но какъ предметы интересныя съ этнографической точки зрѣнія, мы взяли ихъ патронташъ, одну сумку, ружье и пику и то не всю, а только ея наконечникъ; ружье тангутовъ калибра берданки, не особенно тяжелое, хотя оно имѣетъ довольно толстый литой стволъ; длиною оно примѣрно два аршина, прикладъ у него узенькій, длинный и въ него помѣщается свернутый довольно длинный пеньковый фитиль, который распутывается, по мѣрѣ того какъ сгораеть; онъ вставляется въ курокъ, а снизу собачка нажимаетъ на полку. Когда фитиль гаснетъ, то его прикрываютъ кожанымъ чехольчикомъ. Пуля летитъ на разстояніе 300 шаговъ.

Тангуты, напавшіе на насъ, съ цѣлю грабежа, были все здорoviaки, народъ крѣпкій, широкогрудый; они существуютъ исключительно разбоемъ, дѣлаютъ набѣги даже на китайскія провинціи; говорятъ, будто они ходятъ грабить верстъ за 1000, партіями отъ полтора ста до пятисотъ человекъ; иной разъ они раздѣляются на маленькіе отряды, человекъ въ пятнадцать, и угоняютъ у другихъ племенъ скотъ.

Отбившись отъ разбойниковъ, мы направились обратно въ Цайдамъ, гдѣ были оставлены нами нѣкоторые запасы подѣ присмотромъ казака Ирнчинова; намъ необходимо было отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ и застаться новыми лошадьми, такъ какъ во время стычки мы потеряли восемь лошадей: испугавшись выстрѣловъ, онѣ сорвались съ привязи и убѣжали, и одна изъ нихъ была убита.

Во время нашей остановки въ Цайдамѣ, Николай Михайловичъ былъ чрезвычайно озабоченъ вопросомъ: идти-ли оттуда въ Хлассу и въ восточную провинцію Тибета, Камъ, или повернуть на Лобъ-Норъ?

Было основаніе предполагать, что населеніе Тибета, поголовно намъ враждебное, послѣ двукратнаго побитія тангутовъ, еще рѣшительнѣе воспротивится вступленію нашему въ ихъ страну. Этотъ вопросъ чрезвычайно волновалъ Пржевальскаго, такъ какъ въ Камъ не доходилъ ранѣе его ни одинъ европеецъ, и эта провинція представляетъ громадный интересъ въ естественно-историческомъ отно-

шеніи. Тибетское плоскогорье спускается тутъ къ Индо-Китаю, образуя массу глубокихъ балокъ, въ нѣсколько тысячъ футъ глубины, въ которыхъ встрѣчается самая разнообразная растительность и животныя.

Естественноиспытатели французы, посѣщавшіе сосѣднія съ Камомъ провинціи, привозили оттуда замѣчательнѣйшія коллекціи: тутъ были все новыя виды растений и такія роскошныя южныя формы, что Пржевальскому страстно хотѣлось посѣтить и изслѣдовать эту мѣстность.

Когда у Николая Михайловича бывала на душѣ какая-нибудь тревога или у него возникало какое-нибудь сомнѣніе и ему надобно было что-либо серьезно обдумать, то онъ не имѣлъ обыкновенія высказывать намъ свои мысли, чтобы не смущать насъ и команду, а уходилъ въ поле и, присѣвъ на камушкѣ, предавался размышленіямъ.

— „Знаешь-ли, почему я уходилъ?“ спросилъ онъ меня, вернувшись однажды изъ прогулки въ окрестностяхъ Цайдама, — „меня занималъ вопросъ: куда идти—въ Камъ или на Лобъ-Норъ? Въ Камъ мы, пожалуй, не дойдемъ: туда можно пройти только черезъ Хлассу; на этомъ пути большія рѣки,—съ верблюдами пройти будетъ трудно, придется снарядиться иначе,—пойти черезъ китайскіе города и запастись мулами, а въ случаѣ неудачи, ежели тибетцы опять не допустятъ насъ въ свою столицу, всѣ эти снаряженія будутъ сдѣлапы напрасно. Съ другой стороны, мнѣ хотѣлось-бы пройти на Лобъ-Норъ. Мнѣ много рассказывали о Гасѣ (урочище, удобное для склада), я слышалъ и на Лобъ-Норѣ, и въ Цайдамѣ, что это прекрасное мѣсто: говорятъ, что тамъ есть долина, слѣдовательно есть и горы, которыя совершенно неизвѣстны и представляютъ поэтому большой интересъ. Кромѣ того, я сомкну, такимъ образомъ, мои прежніе пути, поэтому я рѣшилъ идти на Лобъ-Норъ и Гасъ“.

Такимъ образомъ, отдохнувъ въ Цайдамѣ двѣ недѣли и запасшись свѣжими верблюдами, мы выступили, 26-го августа 1884 г., въ дальнѣйшій путь на Лобъ-Норъ.

Урочище Гасъ, о которомъ мы такъ много слышали, совершенно не соответствовало этимъ рассказамъ; намъ говорили, что тамъ есть громадное озеро, длиною чуть не во сто верстъ, съ берегами, поросшими густымъ камышомъ, что тамъ водятся тигры, дикія лошади съ большими гривами и растетъ ягодное растеніе хармыкъ, есть и чистая вода и прекрасный кормъ для лошадей; на основаніи этихъ рассказовъ, мы предполагали устроить въ Гасѣ складъ, но, пришедши туда, увидѣли озеро, длиною всего въ 30 верстъ; восточные, сѣверные и западные берега его—солончаковыя, совершенно

лишенные растительности; съ запада въ него впадаетъ рѣка Зайсанъ-сайту, въ дельтѣ которой дѣйствительно растетъ много камыша, но все-же не въ такомъ количествѣ, какъ говорили. Хотя рассказы оказались преувеличенными, но все-таки эта мѣстность была одна изъ лучшихъ, какія попадались намъ до сихъ поръ. Тутъ имѣлась прекрасная вода, были дрова и кормъ для верблюдовъ и лошадей, но не было ни селенія, ни жилья, а виднѣлись только стѣны стараго города, куда я заходилъ одинъ; по невысокой, полуразрушенной стѣнѣ этого покинутаго города бѣгало штукъ полтораста хулановъ (ословъ); они избрали это мѣсто, вѣроятно, потому, что оно было имъ удобно для обзора мѣстности. Кромѣ хулановъ, въ Гасѣ оказалось много утокъ, тибетскихъ медвѣдей и маленькихъ антилопъ.

Изъ Гаса Николай Михайловичъ отправилъ большой разъѣздъ отыскивать дорогу на Лобъ-Норъ; по расчету, туда было верстъ около двухъ-сотъ. Казаки ѣздили двѣ недѣли изъ одного ущелья въ другое, но не могли найти спуска, наконецъ, они отыскали одно ущелье, по которому было удобно пройти, сдѣлали памятные замѣтки и возвратились въ Гасъ.

Дождавшись ихъ, Николай Михайловичъ оставилъ въ урочищѣ Чонъ-Яръ шесть человекъ казаковъ подъ начальствомъ Ирнчинова, съ баранами и лишними вещами, и отправился съ нами на-легкѣ изслѣдовать Тибетъ.

Мы прошли вверхъ по р. Зайсанъ-сайту, любопытной тѣмъ, что, пробѣжавъ нѣкоторое время, она совершенно исчезаетъ въ землѣ, затѣмъ снова появляется въ видѣ большой, сильной рѣки и вскорѣ опять пропадаетъ, такъ что вы и не подозреваете тутъ присутствія воды,—передъ вами разстилается бесплодная пустыня. Однако, пробѣжавъ по этой пустынѣ нѣсколько верстъ, вы снова видите рѣку; поэтому мы дѣлали разъѣзды, высматривали ее въ бинокль, и такимъ образомъ ориентировались.

Пройдя довольно большое пространство вдоль р. Зайсанъ-сайту, мы нашли на высотѣ 13,000 ф. озеро, которое Николай Михайловичъ назвалъ „незамерзающимъ“, потому что оно не было еще замерзши въ декабрѣ мѣсяцѣ. Тутъ, на возвышенномъ плато Тибета, были открыты нами большіе горные хребты, которые Пржевальскій назвалъ именами: Колумбъ, Московскій хребетъ (главная гора Кремль) и Цайда'мскій хребетъ; былъ еще одинъ хребетъ, посѣтить который намъ не удалось; Николай Михайловичъ предполагалъ изслѣдовать его въ слѣдующее путешествіе и назвалъ „Загадочнымъ“; но, по возвращеніи его въ Петербургъ, въ главномъ штабѣ

рѣшили назвать этотъ хребетъ именемъ Пржевальскаго. Суровая зима, наступившая въ декабрѣ мѣсяцѣ, и ближайшій осмотръ плато сѣвернаго Тибета, ограниченнаго съ юга бесплодными холмами, за которыми возвышались снѣжные хребты, заставили насъ повернуть обратно къ оставленному нами складу, куда мы добрались 11-го января 1885 года.

Отдохнувъ здѣсь трое сутокъ, обчистившись и обсушившись, мы оставили прекрасную стоянку въ Чонъ-ярѣ и направились къ сѣверу на Лобъ-Норъ по пути, который былъ найденъ нашими казаками въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1884 г. На Лобъ-Норъ экспедиція прибыла въ концѣ января. Н. М. предполагалъ пробыть тутъ довольно долго и наблюдать за весеннимъ прилетомъ птицъ, поэтому мы расположились бивуакомъ на правомъ берегу р. Тарима со всевозможнымъ удобствомъ; сдѣлавъ въ этой мѣстности, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, массу весьма интересныхъ наблюдений, мы направились, въ концѣ марта 1885 г., въ Черченъ, гдѣ предполагали освѣжить запасы и достать проводника. Мѣстныя власти отказали намъ въ томъ и другомъ, получивъ отъ китайскаго правительства секретное предписаніе не давать намъ проводниковъ и не входить вообще ни въ какія сношенія съ русскими. Опять пришлось пустить въ ходъ угрозы, которыя, по обыкновенію, подѣйствовали—и мы получили все необходимое.

Въ маѣ 1885 г. экспедиція достигла оазиса Нія, гдѣ мы нашли прекрасную стоянку, съ хорошею водою и обиліемъ корма для животныхъ. Изъ Нія, черезъ плодоносный оазисъ Кэрію, Н. М. намѣревался пробраться на сосѣднее плато Тибета, но для этой цѣли было необходимо замѣнить верблюдовъ лошадьми, а китайскія власти, по прежнему, всячески старались помѣшать нашему движенію въ Тибетъ, поэтому экспедиція, продолжавшаяся почти цѣлый мѣсяцъ, не привела къ желаемой цѣли; мѣстность, по которой намъ пришлось идти, лежала на высотѣ 10—12-ти тысячъ футъ и представляла собою холмы, горы и рѣчныя ущелья, крайне затруднявшія движеніе; погода была все время дождливая, такъ что и лошади и люди крайне измучились и Николай Михайловичъ рѣшилъ спуститься съ горъ на Кэрійско-хотанскую дорогу, направиться къ Хотану, внизъ по Хотанской рѣкѣ на Аксу, къ Тянь-шану, и, отказавшись отъ посѣщенія Хлассы, вернуться обратно въ Россію.

29-го августа 1885 г., мы прибыли въ Хотанъ, отстоящій отъ нашей границы на разстояніи 600 верстъ, и расположились въ одномъ изъ садовъ этого города. Николай Михайловичъ послалъ тотчасъ

нашего переводчика Абдулку къ хотанскому губернатору извѣстить его о нашемъ прибытіи. Абдулка былъ допущенъ совершенно свободно къ губернатору, визировалъ паспортъ и отправился обратно, какъ вдругъ въ воротахъ крѣпости на него напали солдаты-китайцы и избили такъ, что онъ вернулся на бивакъ весь въ синякахъ.

Узнавъ объ этой весьма враждебной намъ выходкѣ со стороны китайцевъ и опасаясь, что дѣло этимъ не ограничится, Николай Михайловичъ поручилъ мнѣ выбрать для бивака другое, болѣе удобное, мѣсто въ окрестностяхъ Хотана, на ровной и открытой мѣстности, гдѣ было-бы удобно обороняться.

Когда подходящее мѣсто было найдено, мы перекочевали туда и Пржевальскій послалъ меня съ десятью казаками „прогуляться“ въ городъ передъ китайцами, чтобы показать имъ, что мы ихъ нисколько не боимся. Онъ приказалъ имъ надѣть красныя рубахи, взять съ собою винтовки и по сто патроновъ въ карманы и нагайки въ голенища сапогъ приказалъ употребить ихъ въ дѣло, если китайцы будутъ ругаться, и стрѣлять по нимъ, если они пустятъ въ ходъ оружіе.

Мы вошли въ Хотанъ, распѣвая русскія пѣсни; казаки шли въ ногу и видимо произвели эффектъ на туземцевъ, но китайцы всё попрятались. Мы прошли мимо губернаторскаго дома до противоположныхъ городскихъ воротъ, гдѣ была приготовлена китайцами пушка, — горное орудіе, установленное прямо на табуреткѣ, около казармъ; тутъ-же лежало штукъ восемь фитильныхъ ружей, но солдатъ не было ни души; пушка была поставлена поперегъ дороги, такъ что если-бы изъ нея выстрѣлить, то ядро полетѣло-бы прямо въ казармы.

У воротъ, гдѣ начинается базаръ, мы купили фруктовъ, съ полъ-часа отдохнули въ городѣ и съ пѣснями возвратились на бивакъ; туземцы на обратномъ пути казаковъ пристраивались къ намъ и старались идти съ солдатами въ ногу.

Ночью китайцы много шумѣли, били въ барабаны и трещотки, но не тревожили насъ, а на утро къ намъ пріѣхалъ чиновникъ, съ извиненіемъ по поводу поступка солдатъ. Н. М. требовалъ, чтобы ихъ наказали, но чиновникъ заявилъ, что солдаты ему не подчинены и что онъ отправилъ ихъ уже въ Яркендъ для наказанія. Вслѣдъ затѣмъ явился къ Н. М. съ визитомъ и самъ губернаторъ; Пржевальскій отвѣтилъ ему тѣмъ-же, взявъ, однако, изъ предосторожности, конвой изъ восьми человекъ казаковъ.

Такимъ образомъ, это столкновеніе окончилось благополучно обмѣномъ взаимныхъ вѣжливостей.

Пополнивъ наши запасы въ Хотанѣ, мы выступили, 5-го сентября, въ Аксу, отгуда направились въ Караколь, черезъ оазисъ Учъ-Турфанъ, и далѣе къ горной цѣпи Тянь-Шаня. 29-го октября 1885 года, нашъ караванъ поднялся на Бедель, гдѣ пролегаетъ пограничная черта между Россією и Китаемъ; мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю, благополучно окончивъ наше двухлѣтнее путешествіе, важное въ научномъ отношеніи тѣмъ, что нами были изслѣдованы совершенно неизвѣстные до тѣхъ поръ истоки Желтой рѣки.

VII.

Возвратившись въ Петербургъ, въ январѣ 1886 г., Пржевальскій успѣшилъ уѣхать раннею весною въ свою „Слободу“, чтобы тамъ, въ тишинѣ сельскаго уединенія, обработать матеріаль, накопившійся за наше двухлѣтнее путешествіе.

Однако, это лѣто онъ мало подвинулъ свою работу, а болѣе проводилъ время въ лѣсу, на охотѣ, отдыхая и отъ путешествія и отъ двухмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ. Осенью того-же 1886 года, ему пришлось съѣздить въ Петербургъ, чтобы выставить свои коллекціи для обзора публики.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Пржевальскій снова уѣхалъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1887 г., въ Слободу и вплотную присѣлъ за описаніе своего четвертаго путешествія въ Среднюю Азію, отвлекаясь отъ работы только заботами по устройству усадьбы и постройкѣ дома, который сооружался по его собственному плану.

Лѣтомъ 1887 г. домъ былъ оконченъ вчернѣ; въ немъ было шесть комнатъ внизу и мезонинъ, гдѣ была помѣщена большая библиотека Николая Михайловича; у него была масса сочиненій, преимущественно на иностранныхъ языкахъ, по литературѣ путешествій, съ которою онъ былъ отлично знакомъ; онъ хорошо владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ языками, могъ читать на этихъ языкахъ разныхъ авторовъ совершенно свободно, лишь изрѣдка обращаясь къ лексикону; память у него была рѣдкая, поэтому заучиваніе словъ ему ничего не стоило. По-англійски Н. М. также могъ читать, но говорить не могъ, такъ какъ онъ выучился этому языку самоучкою, послѣ путешествія въ Уссурійскій край, съ цѣлью прочесть нѣкоторыя англійскія сочиненія о Тибетѣ.

Необходимость заставила его учиться говорить по-монгольски, по-тюркски и немного по-китайски; онъ могъ составить на этихъ

языкахъ всѣ обыденныя фразы, напр. спросить воды, куда идетъ дорога и т. п., и, такимъ образомъ, въ случаѣ крайности и безъ переводчика могъ обойтись.

Во время постройки дома, Н. М. жилъ въ маленькой „хаткѣ“, состоявшей изъ трехъ комнатъ, которая находилась въ саду его усадьбы; въ ней онъ постоянно работалъ, въ ней началъ и окончилъ описаніе своего четвертаго путешествія.

Въ началѣ марта 1888 года этотъ трудъ былъ оконченъ, и Н. М. отправился въ Петербургъ, съ цѣлю приступить къ печатанію своей книги. Онъ представилъ въ то-же время совѣту географическаго общества программу своего будущаго пятаго путешествія въ Среднюю Азію, избравъ его исходнымъ пунктомъ г. Караколь Семирѣченской области, а конечною цѣлю — изслѣдованіе сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго Тибета къ югу и юго-западу отъ Гаса.

Въ случаѣ удачи, если-бы намъ посчастливилось на этотъ разъ проникнуть въ Хлассу, Н. М. предполагалъ пройти и въ восточную провинцію Тибета—Камъ, которая давно подстрекала его любопытство. Этотъ разъ составъ экспедиціи былъ многочисленнѣе предыдущихъ: кромѣ меня, съ Пржевальскимъ отправлялись Козловъ, два препаратора, два переводчика, пятнадцать человѣкъ солдатъ и семь казаковъ.

Желая выѣхать изъ Петербурга какъ можно скорѣе, Н. М. торопился изданіемъ книги, которая печаталась въ типографіи Василя Степановича Балашова, которою Пржевальскій былъ весьма доволенъ: въ теченіе одного мѣсяца было набрано, выправлено и отпечатано 35 листовъ, такъ что многіе не хотѣли вѣрить, чтобы частная типографія могла такъ быстро работать; печать была прекрасная и книга издана вообще превосходно, что при быстротѣ работы дѣлаетъ большую честь В. С. Балашеву. Двѣ послѣднія корректуры держалъ самъ Николай Михайловичъ.

Сборы въ дорогу и печатаніе книги требовали такъ много времени, что Николай Михайловичъ передъ отъѣздомъ совѣмъ не имѣлъ отдыха и спалъ весьма мало; въ то-же время ему пришлось усиленно хлопотать о китайскомъ паспортѣ для экспедиціи. Переписка, возникшая по этому поводу съ китайскимъ министерствомъ, въ высшей степени любопытна. Китайцы дѣлали Пржевальскому всевозможныя затрудненія, увѣщевали его не брать съ собою конвоя изъ 24 человѣкъ, какъ онъ предполагалъ, а взять только 16 спутниковъ: „если русскій офицеръ Пржевальскій желаетъ взять съ собою 24 человѣка, писали изъ ихъ министерства, и ежели это

составляетъ военный конвой, то китайское правительство не можетъ согласиться на пропускъ столькихъ вооруженныхъ людей, если-же это прислуга, то для чего ему такая многочисленная свита? Не лучше-ли взять съ собою только 16 человекъ, такъ какъ многочисленный караванъ будетъ привлекать любопытныхъ и въ народѣ можетъ произойти волненіе“.

Всѣ эти проволочки и препирательства крайне раздражали Николая Михайловича; онъ готовъ былъ идти и безъ всякаго паспорта, если-бы получилъ на то свыше разрѣшеніе; переписка окончилась тѣмъ, что охранный листъ, для путешествія нашего въ Тибетъ, былъ выданъ китайцами всего на 16 человекъ, но Пржевальскій рѣшилъ не уменьшать числа своего конвоя, рассчитывая, что въ Китаѣ не рѣшатся дѣлать ему за это придирки.

Въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Пржевальскому также пришлось имѣть, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, объясненія. Н. М. — ча обвиняли въ томъ, что, возвращаясь изъ четвертой экспедиціи, мы разрушили одно китайское укрѣпленіе и что это могло вызвать столкновеніе съ китайцами.

Дѣло произошло такъ: когда мы переходили черезъ Бедель, на самомъ пути намъ попалось укрѣпленіе; пройти съ верблюдами тутъ не было никакой возможности, иначе, какъ пройдя черезъ крѣпость; обойти ее не позволяла мѣстность, а какъ идти далѣе безъ верблюдовъ? бросить ихъ съ поклажею невозможно, поэтому казаки живо сняли ворота укрѣпленія, китайцы, разумѣется, попра- тались и мы прошли никого не трогая. Китайцы сами виноваты, что строить укрѣпленія на самой караванной дорогѣ.

„Какую вы тамъ крѣпость сломали“, спрашивалъ Николая Михайловича министръ иностранныхъ дѣлъ.

— „Была будка выстроена, отвѣчалъ Н. М., такъ мы сломали ворота, чтобы провести верблюдовъ!“

Хороши и защитники, которые даютъ ломать крѣпость!

Собираясь въ пятое путешествіе, которое Николай Михайловичъ считалъ для себя послѣднимъ, онъ съ завистью смотрѣлъ на насъ.

— „Вотъ вы счастливые, говорилъ онъ, вы только что начинаете жить, передъ вами многое впереди, а для меня эта экспедиція послѣдняя, она кончится и я не буду въ состояніи болѣе путешествовать; тяжело будетъ, не тѣ года, а что я стану дѣлать дома? Правда, у меня работа найдется, будетъ писаніе кое-какое, но это все не то, все-таки душою я буду жить тамъ, въ Азій, а тѣло будетъ меня удерживать здѣсь; жизнь предстоитъ мнѣ самая скучная: я не могу спокойно работать, зная,

что еще много есть мѣстъ въ центральной Азiи, мною не изслѣдованныхъ.

„За три мѣсяца до своего отъѣзда изъ Петербурга, въ маѣ 1888 года, Николай Михайловичъ получилъ письмо отъ казака Иринчинова, неизмѣннаго спутника его первыхъ четырехъ путешествiй. Иринчиновъ извѣщалъ Николая Михайловича, что онъ состарѣлся, чувствуетъ себя не настолько здоровымъ и бодрымъ, чтобы выдержать еще одно трудное путешествiе и поэтому считаетъ за лучшее остаться дома, чтобы не быть бременемъ для экспедици, чтобы съ нимъ не было возни дорогою.

„Иринчиновъ умнѣ меня, онъ во-время остается“, сказалъ Николай Михайловичъ, давая намъ прочесть это письмо.

— „Почему-же? замѣтилъ я, вы здоровы, слава Богу, какъ дай Богъ каждому“.

„Да, возразилъ Н. М., это только такъ кажется“.

Дня за два до выѣзда изъ Москвы, 21-го августа 1888 г., Пржевальскiй получилъ извѣстiе о смерти своей старушки няни, которую онъ очень любилъ. Хотя эта старушка и не была такою хорошею личностью, какою Н. М. считалъ ее, но онъ очень довѣрялъ ей, и няня лично ему была весьма предана, но, какъ женщина хитрая, она изучила его слабыя стороны, пользовалась ими и изъ ревности устраняла отъ него всѣхъ остальныхъ служащихъ.

Извѣстiе о смерти няни чрезвычайно потрясло Пржевальскаго. Это неожиданное огорченiе, въ связи съ утомленiемъ, которое было вызвано изданiемъ книги, и сборами въ дорогу, и съ волненiемъ, и досадою, которую доставила ему переписка съ китайскимъ министерствомъ, было причиною того, что Николай Михайловичъ уѣхалъ этотъ разъ изъ Россiи далеко не въ томъ бодромъ, веселомъ настроенiи, какъ бывало прежде.

24-го августа 1888 г., мы выѣхали съ нимъ изъ Москвы и черезъ Нижнiй, по Волгѣ и Каспiйскому морю добрались до закаспiйской желѣзной дороги, чтобы по ней отправиться въ Самаркандъ.

Желѣзная дорога произвела на Николая Михайловича весьма прiятное впечатлѣнiе. „Словно въ сказкѣ, несешься въ вагонѣ по сыпучимъ пескамъ, или по бесплодной и безводной соляной равнинѣ“, описывалъ онъ свои впечатлѣнiя генералу Фельдману (письмо отъ 10 сент. 1888 г.).

11-го сентября мы выѣхали изъ Самарканда въ Ташкентъ; 23-го числа прибыли въ Пишпекъ, уѣздный городъ, съ тремя тысячами жителей; тутъ-то Николай Михайловичъ и простудился.

Дня два спустя по приѣздѣ въ Пишпекъ, Николай Михайловичъ

отправился со мною въ Вѣрный за китайскимъ серебромъ, котораго намъ не удалось однако получить въ достаточномъ количествѣ. Это сильно раздражило Пржевальскаго, равно какъ и то обстоятельство, что мы не могли достать необходимое намъ число верблюдовъ: вмѣсто 120, мы набрали ихъ всего 88.

На обратномъ пути изъ Вѣрнаго у Н. М. выпалъ зубъ; это было сочтено имъ за дурное предзнаменованіе.

Возвращаясь въ Пишпекъ 3-го октября, мы видѣли по пути массу фазановъ; на разстояніи двухъ верстъ, мы насчитали ихъ штукъ 28, поэтому Николай Михайловичъ, чувствуя себя на слѣдующій день хорошо, рѣшилъ ѣхать на охоту.

Мы отправились съ нимъ въ разные мѣста, онъ въ одну сторону, а я въ другую; когда мы сошлись вечеромъ послѣ охоты, то онъ говорилъ, что ужасно усталъ и сильно вспотѣлъ (это случилось съ нимъ первый разъ на охотѣ), такъ что напился изъ арыка.

— „Выпилъ я изъ арыка гадости, говорилъ онъ, вотъ придемъ домой, выпьемъ запивка“¹⁾.

Дѣйствительно, придя на бивакъ, Николай Михайловичъ выпилъ болѣе бутылки этой запивки; потомъ подали самоваръ, мы поѣли баранины, которую Н. М. запилъ полъ стаканомъ бѣлаго вина, и легли спать. Ночью онъ вставалъ, ему казалось жарко, онъ вышелъ на дворъ.

— „Посмотри, Воля, какая прекрасная ночь“, позвалъ онъ меня.

— „Лѣнь подниматься, отвѣчалъ я, я и отсюда вижу, что хороша“.

Рано утромъ мы опять пошли на охоту, вернулись часовъ въ одиннадцать. Это было 6-го октября 1888 г.

До 8-го числа мы выбирали верблюдовъ; Н. М. былъ все время не въ духѣ, такъ что даже поселился въ отдѣльной юртѣ, сказавъ: „полежать мнѣ охота, а тутъ ко мнѣ все приходятъ, принимайте вы киргизовъ“.

8-го числа было рѣшено ѣхать въ Караколь, находящейся въ 360 верстахъ отъ Пишпека. Это уѣздный городъ съ пятью тыс. жителей, на берегу озера Иссыкуля. Такъ какъ на этомъ трактѣ мало лошадей, кажется всего одна тройка, то мы ѣхали горознь съ Н. М., онъ выѣхалъ изъ Пишпека въ 8 час. утра, а мы въ 3 часа дня. Казакъ, ѣхавшій съ Пржевальскимъ, жаловался, что „генераль устаетъ сильно и что ему жарко“, хотя жары не было, по крайней мѣрѣ, мы ея не испытывали.

¹⁾ Такъ называли мы жидкій чай съ лимонною кислотою, съ сахаромъ или съ клюквеннымъ морсомъ. Мы всегда брали это питье въ дорогу, чтобы не пить сырую воду.

Эти 360 в. до Каракола мы ѣхали, противъ обыкновенно медленно, цѣлыхъ три дня, останавливаясь на ночлегъ никогда не случалось.

Н. М. пріѣхалъ въ Караколъ вечеромъ 10-го октября 11-го числа утромъ, и тотчасъ въ 8-мъ часу отправился на квартиру. Онъ уже былъ совершенно одѣтъ, вымытъ, причесанъ и въ новой тужуркѣ, такъ что это поразило

„Какимъ вы франтомъ, Николай Михайловичъ“, и здороваясь съ нимъ.

— „Да, отвѣчалъ онъ, я такимъ худымъ, старымъ и гадкимъ видѣлъ себя въ зеркало, какъ никогда, въ теперъ, когда зубъ вывалился, такъ что я взялъ да

Дѣйствительно, онъ выглядѣлъ нехорошо: глаза мутные, настроеніе духа плохое, все ему не нравилось тира и самый городъ.

— „Мнѣ хотѣлось-бы на просторъ, говорилъ онъ, едомъ для меня неволя, сидишь прямо, какъ въ гробу, лось-бы въ юрты“.

12-го октября онъ призвалъ меня и говоритъ: „за сѣзди, посмотри—нѣтъ-ли подходящаго мѣста для была охота близко“.

Я отправился на поиски. заѣхавъ предварительно ство; тамъ есть одинъ чиновникъ, который всѣ окрест знаетъ. Я разспросилъ его и онъ указалъ мнѣ дѣйстви красное мѣсто, старое стрѣльбище, въ ущельѣ; тутъ б обходимое для удобной стоянки: свѣжая вода, ровное мѣсто для верблюдовъ.

— „Отлично, сказалъ Н. М., когда я сообщилъ ему удобствахъ,—я пожалуй тоже посмотрю“, и мы поѣхали. Мѣстность ему понравилась, такъ что онъ велѣлъ разбить юрты и 14-го октября рѣшилъ перекочевать въ ущелье.

Эти дни онъ ѣлъ безъ всякаго аппетита.

— „Ужасно, говорилъ онъ, невкусно все приготовлено: колѣ особеннаго повара у насъ не было, а готовила знаменитая въ офицерскомъ собраніи стрянуха.“

Мы перекочевали въ юрты; въ ночь съ 14-го на 15-й порядочный снѣгъ; въ юртѣ было холодно. Тутъ Н. М. щупывать голову, пульсъ и, кажется, принялъ хинины.

Я говорю ему: „лучше позвать доктора“.

— „Дѣйствительно, я нездоровъ, сознался Н. М., при ночь, будетъ лучше“.

Мы помѣстились въ отдѣльной юртѣ, чтобы не мѣшать ему, а обыкновенно онъ спалъ въ одной юртѣ съ нами; теперь съ нимъ былъ только Нефедовъ, его слуга, а со мною вмѣстѣ помѣщался Козловъ; 15-го числа утромъ мы съ Козловымъ опять совѣтывали ему позвать доктора.

— „Нѣтъ, говорилъ Н. М., пустяки“.

Но вечеромъ, когда пріѣхали казаки, оставшіеся въ городѣ, съ верблюдами, онъ противъ обыкновенія не вышелъ изъ юрты взглянуть на них,—значить, дѣйствительно, ему нездоровилось. Бывало, вечеромъ, всегда выйдетъ посмотрѣть, какого звѣря убили дорогою, что привезли, а тутъ не видѣлъ казаковъ нѣсколько дней, а между тѣмъ къ нимъ не вышелъ.

На ночь онъ принялъ хины.

16-го октября утромъ я нашелъ, что Н. М. выглядѣлъ еще хуже и говорю Козлову:

„Знаешь, предложимъ доктора Николаю Михайловичу; если онъ откажется, то я съѣзжу къ Крыжановскому,—пусть пріѣдетъ, какъ-бы съ визитомъ, я предупрежду его въ чемъ дѣло, тогда онъ обратитъ вниманіе“.

Ночь Н. М. провелъ недурно, но жаръ у него былъ значительный, онъ самъ измѣрялъ температуру.

„Лучше все-таки доктора позвать“, говорю я Н. М., когда мы пришли по утру въ его юрту.

— „Да тутъ порядочныхъ докторовъ нѣтъ, какой-нибудь коноваль“.

„Тутъ четыре доктора, надо спросить который лучше“.

— „Ну хорошо, пожалуй, съѣзди къ Ваулину, (батальонный командиръ), пусть кого-нибудь порекомендуетъ“.

Я поѣхалъ, мнѣ сказали, что докторъ Крыжановскій считается лучшимъ, лечить удачно и пользуется хорошею репутаціею.

Я привезъ его къ Пржевальскому; онъ началъ его изслѣдовать, выслушивать.

„Вамъ надобно перебраться въ другое мѣсто, сказалъ онъ, а тутъ дуетъ изъ ущелья холодный вѣтеръ въ юрту, вы можете простудиться при подробномъ осмотрѣ“.

Изъ словъ доктора я заключилъ, что Николаю Михайловичу надобно лежать, такъ какъ при болѣзни, особенно простудной, важно, чтобы температура въ комнатѣ больного была ровная а въ юртѣ соблюсти этого невозможно: пока горитъ огонь — жарко, а когда погаснетъ—становится холодно.

„Вамъ надобно переѣхать въ баракъ“, заключилъ свой совѣтъ докторъ, прописывая лекарства.

— „Нѣтъ, ни за что, ни подѣ какимъ видомъ“, отвѣчалъ Н. М. Къ вечеру ему стало легче, хотя жаръ былъ порядочный. Мы переночевали въ юртѣ.

17-го октября я только что проснулся и хотѣлъ идти къ Н. М., какъ вижу идетъ мнѣ на встрѣчу Нефедовъ и говоритъ:

„У Н. М. кровь сильно идетъ, никакъ нельзя остановить“.

Смотрю, Н. М. сидитъ на ящикѣ, внѣ юрты, кровь идетъ у него носомъ, а на лицѣ лежитъ снѣгъ.

— „Это, говоритъ онъ, пустое, изъ одной только поздри“.

Когда немного уняли кровь, онъ ушелъ въ юрту, а я сейчасъ же поѣхалъ за докторомъ Крыжановскимъ. Онъ пріѣхалъ съ докторомъ Барсовымъ, захвативъ съ собою инструменты, чтобы сжимать носъ, но когда они пріѣхали, то кровь уже почти остановилась. Оба доктора изслѣдовали больного и рѣшили, что ему необходимо оставить юрту, что лечиться въ юртѣ невозможно.

— „Я переѣду, сказалъ Н. М., если найдете помѣщеніе, гдѣ-бы вблизи могли помѣщаться люди, но только, чтобы не въ центрѣ города, а на окраинѣ“.

Оказалось, что на окраинѣ города былъ Глазной баракъ, принадлежащій каракольскому госпиталю; онъ стоялъ пустой, но отапливался въ ожиданіи больныхъ; этимъ баракомъ завѣдывалъ Барсовъ.

„Завтра, говорилъ онъ, баракъ будетъ готовъ, я велю его выбѣлить, вымыть полъ и топить всю ночь“.

Доктора пробыли у Н. М. часа полтора и сказали намъ, что болѣзнь у него простудная, но чтѣ именно—еще опредѣлить нельзя, потому что подробно изслѣдовать больного въ юртѣ невозможно: для этого его нужно раздѣть, а въ юртѣ это немисливо, потому что простуда можетъ ухудшиться.

17-го октября, вечеромъ, докторъ заѣхалъ вторично. Мы сидѣли около Н. М., а онъ полулежалъ, не раздѣваясь, и увѣрялъ, что ему легче.

— „Недомоганье было, а теперь ни чего, какъ будто лучше“, говорилъ онъ.

Сознанія о серьезности болѣзни у него не было ни малѣйшаго.

Ночь съ 17-го на 18-е онъ спалъ плохо; при немъ были Нефедовъ и Телешовъ; я хотѣлъ также остаться, но онъ этому воспротивился:

— „Ни подѣ какимъ видомъ, говорилъ онъ, я буду знать, что другіе люди изъ-за меня беспокоятся, и самъ не буду спать“.

Онъ жаловался на боль въ затылкѣ, но желтымъ не выглядѣлъ, а желудокъ у него дѣйствовалъ плохо; уже съ 14-го числа онъ

ничего не было. Вечером завязал докторъ, послѣдствіе сильнаго сна принявъ лекарства; температура больного была къ вечеру 38°.

Все это время въ ущельѣ дулъ вѣтеръ и лежалъ снѣгъ, но 18-го октября была очень теплая, хорошая погода. По утру пріѣхали доктора и Барсовъ объявилъ, что баракъ будетъ готовъ къ 12-ти часамъ. При нихъ у больного былъ сильный пароксизмъ лихорадки и обильный потъ.

Н. М. трясло, а онъ смѣется. „Не могу, говорилъ онъ, удержаться—и не холодно, а трисеть“.

Доктора выждали окончаніе пароксизма, затѣмъ я съѣздилъ къ батальонному командиру за экипажемъ для перевозки Н. М., а гг. Барсовъ и Козловъ отправились съ Нефедовымъ, чтобы устроить постель въ баракѣ, отстоявшемъ отъ нашихъ юртъ не болѣе какъ въ полутора верстахъ.

Когда все было готово, докторъ Крыжановскій, Нефедовъ и я завернули Н. М. въ шубу, надѣли на него теплые сапоги и перевезли въ баракъ. Тамъ онъ сталъ снова сильно потѣть; на немъ все перемѣнили.

Въ баракѣ былъ хорошій воздухъ; его выбѣлили накаунтъ и болѣе сутокъ топили.

— „Я-бы съѣлъ что-нибудь“, заявилъ Н. М. вскорѣ послѣ того, какъ мы перевезли его въ баракъ.

Докторъ Крыжановскій разрѣшилъ только куриный бульонъ: Н. М. скушалъ нѣсколько ложекъ и оставилъ.

— „Я не могу спать на кровати“, заявилъ онъ; дѣйствительно, онъ не любилъ спать на кровати, и даже въ деревнѣ предпочиталъ лежать на полу, на войлокѣ, въ углу.

Мы завѣсили двери барака и устроили ему постель въ углу, на нѣсколькихъ войлокахъ.

18-го октября, послѣ пароксизма, Н. М. чувствовалъ себя хорошо, но къ вечеру ему стало хуже, онъ едва стоялъ на ногахъ; съ 18-го на 19-е, всю ночь оставались при немъ фельдшеръ и докторъ, клали ему ледъ, вытирали его горчичнымъ спиртомъ, но ванны не дѣлали, а ставили нѣсколько клистировъ, давали ему пить молоко, красное вино по ложечкѣ и, черезъ опредѣленный промежутокъ времени, по глотку питья съ клюквеннымъ морсомъ. Для того чтобы предупредить второй сильный пароксизмъ лихорадки, больному давали хинину, но подъ утро 19-го числа, пароксизмъ все-таки повторился, однако, кровь носомъ болѣе не пошла и Н. М. былъ довольно веселъ. Его навѣстили батарейный командиръ, полковникъ Ваулинъ, уѣздный начальникъ, и они нашли, что ему замѣтно лучше.

„Вотъ то значитъ въ баракъ перешли, говорили они; въ юртѣ нельзя было долѣе оставаться, вы сегодня гораздо лучше выглядите“.

Но вечеромъ температура сильно поднялась, до 41°, и когда фельдшеръ измѣрялъ ее, то Н. М. самъ взялъ термометръ и посмотрѣлъ:

— „Да, много“, сказалъ онъ.

Однако, онъ не забывался.

Въ 9 часовъ вечера, 19-го числа, опять послали за докторомъ; когда онъ прїѣхалъ, у Н. М. сильно пошла кровь носомъ и докторъ не могъ остановить ее до втораго часа ночи. Закроеть одну ноздрю, изъ другой идетъ, обѣ закроеть, тогда запекаясь кровь высакивается изъ рта и больному становится тяжелѣе. Наконецъ, кровь удалось остановить. Въ ночь на 20-е октября, на головѣ у Н. М. все время лежалъ ледъ.

Въ третьемъ часу ночи, мы всѣ стояли возлѣ него; тутъ были всѣ старые солдаты-спутники Пржевальскаго: Нефедовъ, Телешовъ, Безсоновъ, Джоржіевъ, Ивановъ, Протопоповъ, докторъ и фельдшеръ, который находился при немъ безотлучно; Н. М. былъ имъ очень доволенъ; раньше при немъ былъ другой фельдшеръ, но онъ его прогналъ потому, что тотъ умничалъ, началъ ему по-латыни врать, разыгрывалъ ученаго, а второй фельдшеръ былъ хорошій человѣкъ.

— „Если я выздоровѣю, то выхлопочу ему награду“, говорилъ больной.

Н. М. полулежалъ, полусидѣлъ, опираясь на подушки, такъ какъ лежать ему было трудно; я его поддерживалъ за спину; онъ облокотился на меня, нервно подергивая рукою:

— „Подержи мою руку, говорить онъ, мнѣ такъ ловчѣе“.

У него былъ сильный жаръ и постоянная жажда, притомъ на лбу выступалъ обильный потъ; то я, то Козловъ попеременно вытирали ему лобъ; надобно было удивляться, какъ скоро онъ потѣетъ; бѣлье ему смѣняли нѣсколько разъ.

Въ третьемъ часу ночи Н. М. говоритъ мнѣ:

— „Если-бы не животь, мнѣ было-бы совершенно хорошо, но только мнѣ кажется, что организмъ мой очень надорванъ; если даже я и выздоровѣю, такъ въ путешествіе скоро нельзя будетъ ѣхать: надобно будетъ цѣлый годъ отдыхать; это болѣзнь не простая, а очень трудная. Но это ничего, лѣто мы здѣсь проживемъ, я буду жить на дачѣ или поѣду на теплыя Аксуйскія воды (деревня Аксуйка, съ горячими источниками, отстоитъ въ 8 верстахъ отъ Каракола), а васъ буду посылать къ Тянь-Шану; на Иссыкулѣ

соберемъ коллекціи,—наше время не пропадетъ. Ну что-же, годомъ позже, годомъ раньше“...

— Если, дѣлать нечего, суждено умереть, продолжалъ онъ нѣсколько минутъ спустя, то передай Владиміру ¹⁾, чтобы итѣнне перешло въ маіоратъ племяннику Володѣ... если-же Володя откажется, потому что онъ человѣкъ обезпеченный, тогда моей племянницѣ Евгеніи (Лѣлѣ); потомъ, чтобы Нефедова пристроили навсегда въ Слободѣ... Ефиму Сергѣевичу чтобы дали 300 рублей награды,—онъ умѣлъ угодить и былъ честный человѣкъ“...

Все это онъ говорилъ съ большими перерывами,—скажетъ и отдохнетъ.

— „Если я умру... похороните на Исыкулѣ, ... продолжалъ онъ твердымъ голосомъ,—что-же вы плачете, какъ бабы? На меня только выпала доля раньше другихъ умереть“...

Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

„Сними съ меня фотографію съ ланкастеромъ въ рукахъ (винтовка, которую поднесли ему офицеры генеральнаго штаба), похороните меня въ походной формѣ, какъ на экспедиціи, а не въ военной формѣ. Ланкастеръ возьми съ собою на память... книги мои передай Бюхнеру“...

Отдохнувъ, онъ обратился къ доктору:

— „Да вы навѣрно скажите о моемъ положеніи,—долженъ-ли я умереть?.. скажите откровенно, ... я смерти не боюсь ... готовъ умереть, я не разъ былъ лицомъ къ лицу со смертію, но мнѣ многое надобно сказать“.

— „Да вы не въ такомъ положеніи, чтобы умирать, успокоивалъ его докторъ,—тѣ, которые умираютъ, такъ не говорятъ: въ васъ такая масса жизни, что вы какую угодно болѣзнь можете перенести“.

— „Да, но не все-же мой организмъ можетъ перенести... Ну, завтра поговоримъ, ... завтра и телеграммы пошлемъ... Мнѣ теперь хорошо, попробую лечь; кровь, вѣроятно, не пойдетъ“...

Это было въ 4 часа. Дѣйствительно, кровь не пошла. Я остался сидѣть при немъ; всѣ прочіе вышли. Козловъ и докторъ прилегли тутъ-же на войлокѣ.

„Ты иди спать“, говоритъ мнѣ Н. М.

— „Я спать не хочу, еще посижу“.

„Нѣтъ, иди, ты вчера не спалъ“.

Я ушелъ, чтобы не раздражать больного, и прилегъ за перегородкою наполу. Н. М. слышалъ, что двери не скрипнули, значить я не вышелъ, и черезъ нѣсколько времени окликнулъ меня:

¹⁾ Врату—Владиміру Михайловичу Пржевальскому.

— „Воля, ты развѣ не ушелъ?“...

Я говорю: „нѣтъ“.

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, уйди, ... мнѣ совсѣмъ ... хорошо, а если изъ-за меня не спать, ... то и я не могу уснуть“.

Я ушелъ къ себѣ въ юрту, прилежъ, но мнѣ не спалось; немного погодя, я пошелъ опять въ баракъ,—вижу докторъ и Козловъ на ногахъ и въ первомъ отдѣленіи слышу кто-то говорить: „поди“.

„Что такое?“

— „Температура возвысилась совершенно неожиданно, говорить мнѣ докторъ, тогда какъ она должна быть меньше къ утру; я послалъ за другимъ докторомъ“.

Николай Михайловичъ въ это время бредилъ и все объ экспедиціи, объ ишакахъ (ослахъ):

— „Подите ... посмотрите, ... нѣтъ-ли худыхъ ... говорить онъ въ бреду, а то дрянъ всучать, ... надобно вьюки пригнать на лошаковъ“, и т. п.

Вдругъ онъ говоритъ: „я хочу привстать“.

„Нѣтъ, полежите, вамъ лучше лежать“, замѣтилъ Крыжановскій.

— „Нѣтъ, ... встану, ... помогите“.

Мы хотѣли помочь ему, но онъ вырвался изъ нашихъ рукъ, твердо всталъ на ноги, совершенно ясно посмотрѣлъ вокругъ, на всѣхъ насъ.

— „Теперь,—сказалъ онъ,—я лягу“...

Мы помогли ему лечь на правый бокъ; лицо его исказилось; онъ черезъ силу опустилъ на кровать руки, вздохнулъ тяжело, сталъ желтѣть и скончался, испустивъ нѣсколько глубокихъ, частыхъ вздоховъ. Это было ровно въ 9-ть часовъ утра, 20-го октября 1888-го года.

Какъ разъ въ этотъ моментъ подоспѣли еще три доктора: Мансвѣтовъ, Велепольскій и Барсовъ, но было уже поздно; они опредѣлили смерть отъ желчнаго тифоида; это мѣстный брюшной тифъ съ осложненіемъ,—въ моментъ смерти всегда разливается желчь; отъ этого тифа умираетъ много туземцевъ и нашихъ солдатъ, и онъ считается заразительнымъ; поэтому тѣло Н. М. не позволили поставить въ церковь, пока гробъ не запаляли въ другой металлическій гробъ; только въ день похоронъ его отвезли въ церковь, а до этихъ поръ онъ стоялъ въ баракѣ, и фотографію съ него сняли въ баракѣ.

Команда была въ совершенномъ отчаяніи; мы всѣ рыдали; вмѣстѣ съ нами плакалъ и докторъ, хотя онъ зналъ Н. М. всего четыре дня.

бодраго, говорилъ онъ, который такъ твердо могъ-бы говорить о смерти, и не вѣрилъ, чтобы онъ могъ скончаться; мнѣ казалось, что ему лучше, но послѣ того, какъ онъ поспалъ полтора часа, онъ совершенно о неожиданно сталъ бредить и температура стала подыматься. Причина смерти та, что сердце не могло выдержать столь высокой температуры“.

Прочіе доктора говорили, что леченіе велось правильно, только больному слѣдовало давать хересь или мадеру, вмѣсто краснаго вина, для поддержанія дѣятельности сердца.

Казаки и солдаты рѣшили никого не допускать къ дорогому для насъ всѣхъ праху, сами омыли его, одѣли въ походную одежду и положили въ переднемъ углу барака. Затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ отправились искать мѣсто для могилы и выбрали его въ 12-ти верстахъ отъ города, на крутомъ, обрывистомъ берегу Иссыкъ-куля.

27-го октября 1888 г., послѣ обѣдни и отпѣванія, безцѣнный прахъ Николая Михайловича Пржевальскаго былъ опущенъ нами въ свѣже вырытую могилу. Исполнилось завѣтное желаніе покойнаго: тѣло его осталось навсегда въ Средней Азій, — въ странѣ, изслѣдованію которой онъ посвятилъ послѣднія семнадцать лѣтъ своей жизни. Славный мужественный путешественникъ Н. М. Пржевальскій покоится у подножія Небесныхъ горъ.

Всеволодъ Ив. Роборовскій.

Спб. 1891 г.

Примѣчаніе. Въ годичномъ торжественномъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—5-го февраля 1892 года, — вице-президентъ Общества — сенаторъ П. П. Семеновъ, — при всеобщихъ рукоплесканіяхъ собранія, заявилъ о присужденіи Совѣтомъ Общества—большихъ серебрянныхъ медалей имени Н. М. Пржевальскаго его ближайшимъ помощникамъ и сподвижникамъ въ его славныхъ экспедиціяхъ Всеволоду Ивановичу Роборовскому и Петру Козьмичу Козлову. Ред.

БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ XVII ВѢКА.

X ¹⁾.

Попъ Свинобой.

Въ 1622—1623 гг. въ московскихъ приказахъ (Холопя суда, Володимерскомъ судномъ и др.) производилось „судное дѣло“ Леонтія Степановича Плещеева съ Ѳеодоромъ Константиновичемъ Дементьевымъ о бѣглыхъ крѣпостныхъ людяхъ ²⁾. Дѣло возникло изъ-за „дѣвки“ Дементьева Каптелинки Глѣбовой, въ которую, по его словамъ, „вклепался“ Плещеевъ и для обладанія ею составилъ на нее „воровскую запись“. Запись писалъ московскій „площадной подьячій“ Мишка Андреевъ, „стакався съ воромъ старцомъ Свинобоемъ“ (л. 77). Въ челобитной царю Дементьевъ пишетъ: „а тотъ, государь, вѣдомой воръ Свинобой приложилъ руку къ той записи воровски, а назвался той дѣвки отцомъ духовнымъ, а въ тѣ, государь, годы съ нево и скуеья снята, а служилъ воровствомъ, и про тово, государь, вѣдомово вора старца Свинобоя прислана память отъ отца твоего... патріарха Филарета... объ ево воровствѣ, въ Холопей приказъ...“ (л. 100).

Эта „память“, дѣйствительно, сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности о. Свинобоя въ смутное время, именно: „августа въ 31 день, съ патріарша двора въ памяти, за приписью

¹⁾ См. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г., т. I.XXIII, февраль, стр. 449—458.

²⁾ Моск. Архивъ Мин—ва Юстиціи: Разряднаго приказа Помѣстнаго стола столбецъ № 1, лл. 1—498.

дьяка Микиѳора Шипулина, написано: въ прошломъ-де во 125 г. по указу великого государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московского и всеа Русіи, про тово старца Селиверста, что былъ въ міръ Степанъ, прозвище Свинобой—сыскивано, что онъ до Московского разоренья былъ отъ святѣйшаго Ермогена, патріарха московского и всеа Русіи въ запрещеньѣ и скуфья съ него снета была, а послѣ московского разоренья объявился онъ опять въ скуеѣ. И въ сыску про того попа московскіе соборные протопопы, и ключари, и попы, и дьяконы, и иные сторонніе люди сказали, что до московского разоренья скуеѣ съ того попа была снята и тотъ-де попъ ходилъ обрить, и съ панами ѣздилъ въ загоны на грабежъ, въ саадакъ, и вмѣстѣ съ литовскими людьми на грабежъ въ загонѣ съ русскими людьми бился, и ево, попа Степана, на бою ранили. А послѣ того объявился онъ опять въ скуеѣ собою. И въ прошломъ въ 128 г. ноября въ 10 день, великій государь, святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій и всеа Русіи съ того попа Степана за то его воровство, что онъ послѣ патріарха Ермогенова запрещенья ходилъ безъ скуеѣи и побрить и вороваль, съ Литвою ѣздилъ на грабежъ и русскихъ людей грабилъ и побиваль, велѣлъ съ него скуеѣю снять и впередъ ему попомъ быть не велѣлъ, и такихъ воровъ въ сылкахъ въ свидѣтелехъ не ставить“ (л. 1—2).

На допросѣ въ Холопьемъ приказѣ попъ Свинобой показаль, между прочимъ, что, до послѣдняго своего пріѣзда въ Москву (гдѣ онъ жилъ (л. 27) „за Нуюю, у убогихъ домовъ“), онъ былъ „вологодскимъ благовѣщенскимъ старцемъ“, а „пришелъ онъ-де къ Москвѣ тому другой годъ, въ попѣхъ, и на Москвѣ-де онъ постригся“ (въ монахи) (л. 34). О своей боевой дѣятельности въ смутное время Свинобой скромно умолчалъ...

Л. Плещеевъ доказываль, что Каптелинка не крѣпостная дѣвка Дементьева, а дочь вологодскаго пушкаря Глѣба Яковлева. Въ то-же время Плещеевъ старался защитить и Свинобая (какъ рукоприкладчика на „записи“ о Каптелинкѣ), утверждая, что „попъ Степанъ, что нынѣ въ черницахъ Селиверстъ, на Вологдѣ былъ въ попѣхъ со 122 г. по 128 г. и съ святою водою къ государю, къ Москвѣ, ежегодъ пріѣзжалъ, и воеводы и дьяки, которые на Вологдѣ были въ тѣ годы, ево знали и къ тому храму, гдѣ онъ служиваль, прихаживали. А въ тѣ годы, будучи въ попѣхъ, былъ отецъ духовной многимъ людямъ и у многихъ-де крѣпостей рука того попа есть, а лжива по ся мѣста не бывала. И та-де ево бѣглая раба (Каптелинка), съ отцомъ зъ Глѣбкомъ и съ матерью и

зъ братомъ была у него (попа) на духу въ тѣхъ-же тотъ-же поць... крестилъ многихъ младенцевъ и свѣдѣнчалъ“ (лл. 133—134).

Но если все это и вѣрно относительно вологодской Свинобой въ 122—128 гг., то все-же нѣтъ никакихъ сомнѣваться и въ правдивости собранныхъ патріаршимъ отъ „многихъ людей“ свѣдѣній о своеобразной дѣятельности Свинобои въ смутное время.

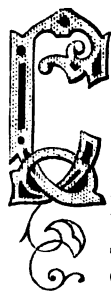
Источники, къ сожалѣнію, не объясняютъ, откуда этого попа такое оригинальное и не свойственное духовенству прозвище.

XI.

Рядная запись 1617 г.

Списокъ съ рядной слово въ слово.

Ле язъ, Богданъ Ондрѣевъ, сынъ Мусинъ, да я Федоровъ, сынъ Клементьевъ, зговорили есма Костентиновича Дементьева — я, Богданъ сего двюродную, а я, Павель теткою своею (sic, т. е. свою) вдовою Домною Ивановою дочерью, Офоевеною Царевского, и благословляемъ, я, Богданъ сего а я, Павель тетку свою Домну, Божиимъ милосердьемъ (и) обкладныхъ, да приданого даемъ за нею платья: опаше шарлатъ, пугвицы серебряные позолочены, да лѣтний камка куотерь, да шубку накладную червчату, сукно ба лѣтний таета двоеличная, да тѣлогрѣя таета аланпашивка золотная, да тѣлогрѣю киндячную червчату, на да ожерелье жемчужное съ пугвицы, да серьги яко золотые, да 2 шапки шитыхъ—одна по червчатой землѣ по зеленой землѣ, да 2 чарки серебряныхъ, да 2 ковшныя, да постель зъ головьемъ, да одѣяло лисье, московской на Цокровкѣ, со всѣмъ дворовымъ строудей съ нею моего Павлова да... отца моего Федора С

Клементьева и моихъ старинныхъ, искони вѣчныхъ — вдова Лукерьяна Прокофьева дочь, да Манька Кирилова дочь, а тое Маньку тетка моя Домна выдала замужъ за Сеньку Васильева сына Корчагина, при прежнемъ мужѣ своемъ при Офанасѣ Царевскомъ. А на то послуи: Иванъ Ѳедоровъ да Кузьма Самойловъ. А рядную писалъ Тиханко Михайловъ, сынъ Олферовъ, лѣта 7125 году.

А назади рядной пишетъ: къ сей рядной записи Богданъ Мусинъ руку приложилъ; къ сей рядной записи Павелъ Ѳедоровъ, сынъ Клементьевъ, руку приложилъ; послухъ Иванко руку приложилъ; послухъ Куземка руку приложилъ“. (Разряднаго приказа Помѣстнаго стола столбецъ № 1, л. 263).

XII.

Ревнитель „церковнаго благочинія“

1653 г.

Варю государю... бьетъ челоуъ богомолецъ твой государевъ Симіонъ, архіепископъ сибирскій и тобольскій: въ прошломъ, государь, во 161 году, въ Сибири въ Красной слободѣ (Тюменскаго уѣзда) московской прикащикъ, Проконей Протопоповъ священника билъ до полусмерти ослоня за церковное единоголасное пѣніе: велитъ пѣть по своему угодію во многіе голоса, и налогу тому священнику большую чинить, и жену ево билъ до полусмерти. И въ томъ, государь, мѣстѣ, въ Красной слободѣ, прилучилось быть мнѣ, богомольцу твоему: по городѣмъ ѣздилъ для ради церковнаго благочинія досматривать, и я ему, Проконью, про то говорилъ, что про што священника билъ и безщиновалъ? И онъ, Проконей, и ко мнѣ обезстыдился — отказывалъ мнѣ всякими невѣжливыми словесами: „гдѣ-де вамъ—ханжамъ! нынѣ не старая время! и не у тебя-де я подъ судомъ“! И мнѣ, богомольцу твоему, съ такимъ озорникомъ и пьяницею и безстрашникомъ жить не возможно. Милосердый государь-царь!... пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, того Проконья перемѣнить и мнѣ на такого

безстрашника дать свою государеву царскую оборону, чѣмъ, государь, впредь церквамъ Божиимъ въ божественномъ пѣніи отъ такихъ безстрашниковъ и священникомъ налоги и бою не было, и о томъ вели, государь, мнѣ дать свою государеву грамоту. Царь-Государь! смилуйся, пожалуй!

Приговоръ: „162 году, ноября въ 15 день, послать государева грамота въ Сибирь въ Тобольскъ, къ стольнику и воеводамъ и къ дякомъ ко кн. Василью Хилкову съ товарищи, а велѣть того прикащика Прокофья Протопопова изъ Ницынской слободы (Красная Ницынская сл.) взять и отослать ко архіепискупу за его невѣжество, что онъ архіепископа обезчестилъ, (выдать) головою, и къ архіепискупу о томъ государева грамота послатижъ не замочавъ, съ сибирскими, съ тобольскими служилыми людьми, а прикащикъ на ево Прокофьево мѣсто приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой (т. е. „начальный человѣкъ“ Сибирскаго приказа) отпустить Микиту Иванова сына Мерліева“. (Сибир. приказа столбецъ № 342).

ХІІІ.

Ерофѣй Павловъ Хабаровъ

1654 г.

Въ бумагахъ архива министерства юстиціи имѣется челобитная знаменитаго амурскаго дѣятеля XVII вѣка Ерофѣя Хабарова, именно его челобитная царю, которую въ іюль 1654 года енисейскій воевода Аванасій Пашковъ прислалъ въ Москву. Въ этой любопытной челобитной „новой Даурской земли приказной человѣкъ“, Ер. Хабаровъ, излагаетъ свою „жалобу“ на стольника Дм. Ив. Зиновьева, присланнаго въ 1653 г. къ Даурію „съ государевымъ жалованьемъ зъ золотыми“ даурскимъ служилымъ людямъ, а также для досмотра Даурской земли и смѣны Хабарова съ „приказа“. Хабаровъ отказался подчиниться

Зиновьеву, потому что тотъ не представилъ обычной въ этихъ случаяхъ „государевой грамоты о роспискѣ“ съ Хабаровымъ (т. е. о сдачѣ „приказа“). Хабаровъ жаловался, что когда онъ потребовалъ у Зиновьева этой грамоты, то Зиновьевъ его „билъ и за бороду дралъ...“ Проживши у Хабарова 4 недѣли, Зиновьевъ поѣхалъ въ Москву, отобравши у Хабарова и его товарищей многіе „животы...“ Вообще Зиновьевъ чинилъ Хабарову „всякое насильство и пакость и побои“ и проч. Хабаровъ просить за его службу, что онъ „кровь свою за тебя, государя, проливалъ и раны терпѣлъ“ и „4 земли привелъ“ подъ государеву руку: Даурскую, Дючюрскую, Нацкую и Гиляцкую, просить вернуть ему отобранные Зиновьевымъ „животы“ и „ясырь“ (рабовъ) — 2 „женокъ“ и 2 „робять...“

Подпись читается такъ: „к сей челобитной Ерофийко Хабаровъ руку приложилъ“. (Ibid. столбецъ № 344).

XIV.

Отголоски въ Сибири московскихъ смуть

1649 г.

Въ 1650 г. въ Тобольскѣ производилось „розыскное дѣло“ о „непристойныхъ рѣчахъ“ сургутскихъ служилыхъ людей. Послѣдніе утверждали на розыскѣ, что сургутскій воевода Смирной Демской говорилъ имъ въ сѣзжей избѣ такія рѣчи: „грѣхомъ учинился на Москвѣ пожаръ большой, и въ Бѣломъ городѣ за Неглинною многіе дворы выгорѣли. Да въ тѣжь-де поры заворовали черные люди и стрѣльцы убили до смерти 3 человекъ: окольничево Петра Траханіотова, да Левонтя Плещѣева, да думного дьяка Назара Чистого, и многіе дома пограбили!..“ Отъ того-же Демскаго нѣкоторые служилые люди слышали (другіе отвергали это), что во время этой „шатости“, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, „черные люди“ и стрѣльцы „многихъ бояръ, и окольничихъ, и дворянъ, и гостей, и женъ ихъ побили, а иныхъ лошадьми раздѣргивали и младенцевъ на копья встыкали, а впередъ чаить на Москвѣ и

по городамъ и больши того дурна будетъ "... Во время бунта будтобы было разграблено на Москвѣ народомъ „больши 70 дворовъ“...

Изъ Сургута вѣсти о московскомъ бунтѣ дошли въ Нарымскій острогъ. Тамошній воевода Аѳанасій Нарбековъ говорилъ на „розыскѣ“, что когда услышалъ отъ пріѣхавшихъ въ Нарымъ сургутскихъ казаковъ тѣ „воровскія вѣсти“, то не рѣшился отдать ихъ „за пристава“, такъ какъ „въ то время была въ Нарымѣ во всякихъ людѣхъ отъ тѣхъ воровскихъ вѣстей шатость большая и воровской заводъ, и онъ-де боялся отъ нихъ смертново убойства. А въ Томскомъ-де и до такихъ вѣстей была шатость“. Объ этой „шатости“ писалъ и томскій воевода кн. Осипъ Щербатой. Нарбековъ прибавляетъ: „а въ иныхъ сибирскихъ городѣхъ такіе-жъ воровскіе вѣсти былижъ“...

Позже Нарбековъ подалъ „челобитную“, въ которой жаловался, что нарымскіе казаки, наслушавшись воровскихъ рѣчей, приходили къ нему въ съѣзжую избу „съ шумомъ и съ невѣжествомъ, и говорили съ грозами такіе непристойныя рѣчи, чтобы я, холопъ твой, велѣлъ имъ съ ясачными людьми торговать прежь твоего государева ясочнаго збору“ и проч. Когда назначенъ былъ „сыскъ“ по этому дѣлу въ Нарымѣ, служилые люди опять приходили къ воеводѣ „скопомъ и заговоромъ, и грозили смертнымъ убойствомъ, для того, чтобъ мнѣ, холопу твоему, на нихъ къ тебѣ, государю, не писать. А нарымскіе, государь, ясачные люди меня, холопа твоего, не послушали и твоего государева ясаку не платили по ихъ (служилыхъ людей) воровскому наученью...“ (Ibid. столбецъ № 365).

„Розыскное дѣло“ о непослушаніи Нарбекову нарымскихъ служилыхъ и ясачныхъ людей производилось въ томъ-же 1650 г. Изъ него видно, что служилые люди, между прочимъ, говорили Нарбекову: „не старая-де пора вамъ воровать и надъ нами наругатца! И на Москвѣ-де которые надъ ихъ братьею наругались—и они сами, и жены ихъ, и дѣти отъ ихъ братьи побиты до смерти, и дома ихъ розграблены... И всѣмъ-де вамъ тожъ будетъ“!... (Ibid., столбецъ № 370).

XV.

Вольный справщикъ церковныхъ книгъ

1649 г.

В Красноярскій воевода Михайль Дурново въ 1649 г. прислалъ въ Сибирскій приказъ „отписку“, въ которой сообщаетъ: „въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году, объявился вновь еретикъ — сынъ боярской Елизарей Розинковъ: чернилъ псалтырь, печать московскую, въ Давидовыхъ псалмахъ и въ пѣснѣхъ пророческихъ, во многихъ статьяхъ, и приписывалъ“... Донесъ о томъ воеводѣ Преображенской церкви бѣлой попъ Дмитрій Климантовъ. „Псалтырь“ Розинкова отправили въ Москву.

Въ приложенныхъ къ отпискѣ „распросныхъ рѣчахъ“ читаемъ, что воевода, между прочимъ, спрашивалъ Розинкова: „съ кѣмъ ты умышлялъ и сидѣлъ и думалъ — псалтырь чернилъ и приписывалъ?“ Розинковъ отвѣчалъ: „ни съ кѣмъ я, Елизарей, не думывалъ и не сиживалъ.... Псалтырь была въ рѣчахъ не исполнена и я... исполнялъ — чернилъ и приписывалъ, а расколу во псалтыри никакова не сдѣлалъ...“ „Приписывалъ“ Розинковъ въ московской псалтыри „съ литовскіе псалтыри“... (Ibid. столбецъ № 377).

Сообщ. Н. Н. Оглобляевъ.

Рисов. Ф. Солнцева.

ССОРА ДВУХЪ ПРЕДСЪДАТЕЛЕЙ ПАЛАТЪ ВЪ ГОРОДЪ КОЛЫВАНИ

въ 1791 -- 1793 гг. ¹⁾.

I.

Февраля 15-го 1791 года въ I-й департаментъ сената поступило отъ предсѣдателя колыванской палаты уголовного суда надворнаго совѣтника Семена Шалимова „всенижайшее прошеніе“, въ которомъ онъ приносилъ жалобу на личное оскорбленіе, причиненное ему надворнымъ совѣтникомъ Ахвердовымъ, исполнявшимъ должность колыванскаго вице-губернатора и, одновременно съ этимъ, занимавшимъ мѣсто предсѣдателя тамошней казенной палаты. Въ началѣ своей просьбы Шалимовъ заявлялъ, что заводитъ ссоры съ чиновниками, вообще, и особенно съ равными ему по положенію, какъ Ахвердовъ, не въ его характерѣ и противорѣчить его взглядамъ на службу и взаимныя отношенія служащихъ и что лишь крайне рѣзкіе поступки Ахвердова заставили его ходатайствовать передъ сенатомъ о защитѣ. „Я поставлялъ себѣ всегда правиломъ, говорилъ проситель, наблюдать всякое спокойствіе и отвращать несогласіе въ обществѣ и не входилъ въ такія противорѣчія, по дѣламъ казеннымъ, кои останавливаютъ настоящее ихъ теченіе, будучи всегда приверженъ ко всякой благопристойности, почитанію и учтивству для

¹⁾ Колывань до 1796 года губернской городъ Колыванскаго намѣстничества; съ 1796 года безуѣдный городъ Томской губерніи; отъ Сиб. въ 4835, отъ Москвы—4107 верстахъ. Словарь географ. А. Щекатова, М. 1804 г., ч. III, стр. 696--697.

чиноначалія и къ равнымъ себѣ, единою должностію вмѣнялъ служеніе свое отиравать со усердіемъ“. Несмотря, однако, „на всѣ таковыя расположенія“, Шалимовъ не могъ избѣгнуть обстоятельствъ, причинившихъ ему „чувствительную“ обиду. Виновникомъ послѣдней оказался вышепомянутый Ахвердовъ. По прибытіи въ Колывань, онъ не замедлилъ выказать дурныя стороны своего характера, „обидѣвъ чувствительнымъ образомъ многихъ находившихся здѣсь чиновниковъ и, въ томъ числѣ, его, Шалимова“. Не удовольствовавшись этимъ, новоприбывшій „принялъ другія несоотвѣтствующія благоустройству мѣры“, чтобы оскорбить неповинныхъ ни въ чемъ людей. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми колыванскими чиновниками, людьми „одинаковаго съ нимъ свойства“, Ахвердовъ сочинилъ на присутствіе палаты уголовного суда „піесу“. Произведеніе это, „наполненное самыми ругательными выраженіями“, онъ переслалъ въ Тобольскъ въ типографію купца Корнильева для напечатанія въ журналѣ, издававшемся этою типографіею, подъ названіемъ „Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену“¹⁾. „Піеса“ была напечатана и стала ходить въ Колывани по рукамъ²⁾. Вотъ ея содержаніе:

Отъ рѣки Муаръ³⁾ къ Иртышу, превращающемуся въ Иппокрену⁴⁾.

Ты превращаешься въ Иппокрену, слѣдовательно, стараешься содѣлаться угоднымъ музамъ и Минервѣ нашей, стремишься разгонять тьму невѣжества, искоренять жестокія его исчадія, грубость и злобу въ окрестностяхъ твоихъ. Минерва и музы внимать станутъ твоему теченію, иногда, можетъ быть, изображать ихъ будешь въ струяхъ твоихъ: о, какъ ты благополученъ! Поученія и законы

¹⁾ Журналъ „Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену“ былъ первымъ періодическимъ изданіемъ въ Сибири: онъ сталъ выходить въ Тобольскѣ въ 1790 г. См. И. В. Щеглова „Хронологическій перечень важнѣйшихъ даныхъ изъ исторіи Сибири“. Иркутскъ, 1884 г., стр. 321.

²⁾ Печатный экземпляръ „піесы“ былъ представленъ Шалимовымъ въ сенатъ при прошеніи и сохранился при дѣлѣ. Отсюда она приводится въ текстѣ.

³⁾ Муаръ—татарское названіе р. Оби, на которой стоитъ г. Колывань. При Иртышѣ расположенъ г. Тобольскъ, гдѣ находилась типографія Корнильева, къ которому послалъ Ахвердовъ, для напечатанія, свое сочиненіе.

⁴⁾ Иппокрена (Ἰπποκρήνη или Ἰπποκρήνη) источникъ на вершинѣ главной дѣи Геликона въ Беотіи, служившій для музъ источникомъ вдохновенія. Его произвелъ Пегасъ ударомъ копыта. Близъ него находилась украшенная величественными статуями роша музъ. См. „Реальный словарь классическихъ древностей по Любкеру“, изданный с.-петербургскимъ обществомъ Филологій и Педагогій, вып. II, с. 631.

истины достигли и до моихъ источниковъ, и хотя начали оказываться благотворныя ихъ дѣйствія, но невѣжество и жестокосердіе, столь долговременно прекрасные мои берега отягощавшія, и нынѣ печалить ихъ не вовсе перестали. Въ доказательство сему посылаю къ тебѣ одно нынѣшняго времени на берегахъ моихъ происшествіе. Порокъ любить скрываться, нагота являетъ его, въ свойственномъ ему видѣ, мерзкимъ, а ядь его укрощаетъ. Притомъ для несчастныхъ и то утѣшеніе, что бѣдствія ихъ извѣстны, и чувствительные сожалѣть объ нихъ будутъ. Прими прилагаемую былъ въ Иппокрену; симъ поразишь порокъ, а печали подашь отраду.

Волкъ-судья или наказанныя злость и невѣжество.

Чудесь наполненъ свѣтъ,

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ.

Случилось быть судьей дѣлъ уголовныхъ волку;
Онъ, къ вольчьей алобѣ, былъ безграмотенъ и глупъ,
И мерзокъ харею, и какъ обухъ, такъ тупъ;
Какому быть въ томъ толку?

Однако-жъ за сукно, пыхтя, онъ въ креслы сѣлъ,
Оскалилъ кровію запекшіеся зубы,
Которыхъ долготу закрыть не могутъ губы,
И брюхо вытуля, онъ страшно заревѣлъ:

„На силу я дорвался,

Чего такъ домогался!

Могу губить я смертныхъ родъ;
Благодѣянье—пустошь, збродъ (sic),
Достойны всѣ, достойны смерти
Мужья и жены ихъ и дѣти
За то, что, не спросясь меня,
Держають жить на свѣтѣ,
Познають власть мою стена.
Какія тамъ дѣла лежатъ у васъ въ подклѣткѣ?“

Тутъ секретарь суда, трусливая сова,
„Все, все, сударь, визжить, все слѣдственны дѣла“.

„Пиши на все одну мою ты резолюцу:
Имѣнье обобравъ, послать всѣхъ кучею въ полицу,
И приказать

Съ нихъ кожу драть“.

Сочлены, набожна и постница гагара,
Верблюдь горбунъ, до сороръ, до шума, дракъ и свара
Охотница свинья,

И жаба волку другъ, морская дура,
Обрюзгла и широкая фигура,
Восхитившись, кричатъ: „какой ты волкъ судья!

Хитре во сто крат премудра Соломона,
И дивенъ во судьяхъ: достоинъ царска трона!“
Но звѣри умные и съ ними старый левъ,
Услыша страшный ревъ
Той волчя дружины,
Узнавъ восторга ихъ причины,
Всѣ стали хохотать,
И на уродовъ тѣхъ перстами
Публично всѣмъ казать:
„Знать велѣно судьбами,
Такими шалунами
За праотцевъ грѣхи насъ здѣсь понаказать“.

Затрепеталъ нашъ волкъ, отъ злобы сталъ терзаться,
Онъ сталъ честныхъ звѣрей повсюду удаляться,
Вовненавидя всѣхъ,
И нужны въ обществѣ учтивости законы,
Престалъ благодарить поклономъ за поклоны.
А чтобы разсуждать о дѣлѣ безъ помѣхъ.
Онъ съ жабою въ норѣ своей сталъ запираться
И, алая на умный свѣтъ, лишь спиртомъ отдуваться.
Тамъ жаба нѣкогда,
Захлопавши глазами,

Забывъ, что иногда
Волкъ лютъ и со друзьями,
Осмѣлилась сказать:
„Охти, мнѣ чудится, конечно, ты испорченъ,
Возлюбленный мой другъ, твой лобъ что-то наморщенъ,
Твой взоръ, отъ коего привыкла я дрожать,
Теперь туманенъ, тупъ, и пузо пучить,
Ужъ-ли любовь тебя или отищенье мучить?“

Волкъ жабы тутъ: „бѣшусь, не знаю, что начать;
Готовъ-бы все ломать, терзать, глотать,
Да лихъ боюсь побоевъ,
Намъ много здѣсь злодѣевъ.
Ты знаешь, жабушка, баковъ мой умъ остеръ,
Чудитесь вы всѣ, какъ я на мысли скоръ,
Какія мудрыя я дѣлаю проказы,
Какіе длинныя черкаю всѣмъ указы.
Не думавъ ничего,
Которыхъ и никто не понимаетъ,
Однако-же никто не признаваетъ
Ума здѣсь моего:
Зовутъ безграмотнымъ всѣ фалелѣемъ,
Другой—дубиною, а больше—дуралѣемъ.
О, какъ объ этомъ мнѣ, мой другъ, не потужить!
Какъ въ школѣ, помнишь-ли, мы нѣкогда учились?
То правда, что съ сердцовъ мы оба согласились,

Чтобы намъ никакихъ наукъ въ вѣкъ не учить,
 Когда проклятая цыфирь намъ не далася,
 Но о грамматикѣ я съ роду не слыхалъ,
 Божусь, что и въ глаза ее я не видалъ,
 А нынѣ гдѣ она, чортъ вѣдаетъ, взялася.

Однако, все твердятъ,
 Что, будто, я дуракъ, и ничего не знаю,
 И что я не пишу, а только повираю,
 Грамматикѣ учиться мнѣ велать,
 Учиться мнѣ, подумай, мнѣ, когда я все, все зн
 Я внѣ себя, мой другъ, отъ ярости дрожу,
 Въ отчаяннѣ, бѣшусь, мятуся, умираю“.

Здѣсь жаба прервала: „я способъ покажу,
 Позволь, грамматику ты можешь безъ науки,
 Головки не ломавь, скоренько и безъ скуп
 Хоть въ три мига узнать:
 Осла вели позвать.
 Вишь онъ на все источникъ,
 Отецъ мой—его школьникъ,
 Ты ужъ знаешь, батюшка какой былъ грамотей.
 Войди-ка куманекъ, пожалуй, не робѣй
 И волку окажи превзатную услугу“.

„Ахъ“! волкъ вскричалъ, тебѣ, какъ истинному д
 Повѣдаю, осель, я сердца моего горчайшую круц
 И требую совѣта твоего.
 Я крайне огорченъ“.—„Скажи-же мнѣ причину“.

„А вотъ причина вся: я званье преа
 И завсегда считалъ
 Науку для умовъ высокихъ вещью мерзкой,
 За ядъ опаснѣйшій и за прескучный сбродъ,
 Но тихій прежній нашъ, довольный всѣмъ народ
 Наукой превратясь въ бунтующій и дерзкій,
 Не хочеть титуломъ премудраго судьи
 Никакъ меня почтить. Пожалуй, посуди.
 Да и за что? что я грамматику не знаю!“
 „Бездѣлица, сказалъ осель, и увѣряю,
 Что завтра-жъ лучше всѣхъ ты будешь здѣсь ни
 Не хвастался, могу вамъ про себя сказать,
 Что мастеръ я большой водиться какъ съ глушцѣ
 Вели вища подать!
 Выучивалъ ихъ такъ, они что даже сами,
 Да и никто другой не повимали,
 Что написали,
 Записывались такъ сердечушки порой..
 Кума, давай-ка по другой!
 Я много шалуновъ наукой вывелъ въ люди“.

„Поди, варевѣвъ нашъ волкъ, поди къ моея ты груди
И дай себя обლობызать;
Скажи-же поскорѣй, мнѣ какъ все то узвать“.

„А вотъ какъ, примѣчай: сколь можно словъ презудныхъ,
Неслыханныхъ и трудныхъ,
Невнятныхъ, безобразныхъ

Побольше набирай,
Все въ кучу поспихай.

Да нѣту до того и дѣла,
Чтобъ смыслъ вся рѣчь имѣла,

Но лишь въ герундіяхъ глаголы всѣ разставь,
Чтобъ кончились на *вшъ, ая, ча, ща, ишъ, ашъ*,
Да всюду разбросай ораторское „*ибо*“;
То письма твоя такъ въ свѣтѣ прогремятъ,
Что витоватымъ всѣ тебя провозгласятъ“.

„О, знаю, знаю все, ахъ, другъ ты мой, спасибо!
Я благодарностью къ тебѣ свѣтъ удивлю,
Тебя изъ всѣхъ живыхъ послѣднѣ задавлю;

О радость, мщенье!
Какое утѣшенье
Всѣхъ по грамматикѣ карать!
Не станете меня вы звать
Ужъ болѣе, злодѣи,
Набитымъ дуракомъ:

Я краснорѣчія всѣ выучилъ затѣи,
Секретъ мнѣ весь знакомъ“.
Потомъ, заскрежетавъ зубами,
Пустился рысью въ судъ
И, огрызнувшись на бывшихъ тутъ,
Вскричалъ совѣ: „тащись, скорѣй тащись съ дѣлами“,
И тотчасъ сталъ пороть въ порядкѣ вотъ какомъ ¹⁾.

„По дѣлу ибо явствуя,
Хотя и не участвуя
Въ злоумышленіи и ничего не бравъ,
Такъ долговременно на казначейхъ бывъ,
Но ибо онъ, баранъ, не мнивъ,
Мы яко-бъ слабо такъ ущербы наблюдая,
И стереженіе въ семь разѣ сохраняя,

¹⁾ Слѣдуютъ двѣ резолюціи Шамилова: 1) по дѣлу о наложеніи запрещенія на имѣніе губернскаго казначея Курдюмова, который былъ оправданъ палатою въ вводимомъ обвиненіи на него какимъ-то лицомъ, изображеннымъ въ произведеніи Ахвердова подъ именемъ барана. Чтобы не утомлять вниманіе читателя, здѣсь приведено только начало резолюціи, а значительная ея часть опущена; 2) по дѣлу о таможенномъ надзирателѣ Порываевѣ, который пропускалъ черезъ таможню товары безъ осмотра и наложенія клейма.

Ибо предобихденіе барану не чиня,
И дѣло въ видѣ семь предоставляя,
На всю имперію прежь справку учиня,
Дабы съ рожденія объ немъ кто-либо знавши,
Что неравно, когда и что-либудь укравши,
То-бъ ясно то все описавъ,
По первой почтѣ къ намъ приславъ“.

.

„Какая перемѣна, какой и смыслъ и складъ:
Ну! тутъ-то безъ вины бгрань ужъ виноватъ“.

„Прошу, прошу молчать, еще не расходитесь
И дѣльцѣ нужное обсуживать садитесь;
Но напередъ скажу, я споровъ не люблю.
Кто пикнетъ вопреки, на вѣки погублю.
Мнѣ сватухку козла отъ бѣды набавить надо.
И вотъ съ какаго быть рѣшенью должно лада:

„Но какъ ужъ слѣдствьемъ (sic) объясня,
Что, въ огородѣ состоявши
Козель смотрителемъ, ущербъ не чиня“

.

Ну, ладно-ль будетъ такъ, возлюбленный осель?“
„Охъ, ладно, хорошо!“ весь глупый сонмъ ревѣлъ,

Какая сила,
Какая красота,
Какая острога!“

„Вотъ что, сказалъ осель, герундья смастерила“,
„Сбирай-же, волкъ вопилъ, скорѣй сова пиши,
Что-бъ къ вечеру-жъ послать указы намъ сегодня,
И, что я самъ писалъ, смотри-жъ, всѣмъ разкажи“.

Лишь только волчій судъ—неслыханныя бредни—
Въ мѣста судебныя въ извѣстіе дошли,
Всѣ копіи писать приказные пошли,
Весь городъ полонъ сталъ бумагами такими,
Всѣ волка мучили насмѣшками презлыми.
Съ тѣхъ поръ ужъ не слыхалъ другихъ себѣ имянь,
Ни въ городѣ, ни дома,
Какъ лишь безграмотный ерѣма.
Дурында и болванъ,
Несмысленна скотина,
Нетесана дубина.

Какъ тутъ разалися волкъ, описывать нѣтъ словъ:
Черезъ длинный рядъ зубовъ кипѣла пѣна клубомъ,
Отъ ярости изъ глазъ текли не слезы, кровь,
И жестка шерсть, какъ лѣсъ, на немъ взодралась дыбомъ!
Въ отчаяньи забывъ и трусость всю свою.

Не разбирая ничего, онъ сталъ на всѣхъ метаться.

Отъ взора тотъ его старался укрываться,
Кто не надеженъ былъ съ нимъ устоять въ бою;
Но прочи звѣри всѣ, кто латой, кто рогами,

Копытомъ, носомъ и зубами

Изранили всего

И въ нору съ хохотомъ загнали,

А сверхъ того

Начальника просить всѣ стали.

Въ смирительный чтобъ домъ зла волка заключить,

И тѣмъ въ немъ бѣшенство и наглость укротить,

Подобнымъ-же волкамъ оставить въ немъ примѣры.

На завтра караулъ къ горѣ его пошолъ,

Но ужъ вашель

Всяща волка тамъ давленна на двери.

До подлыхъ лишь друзей дошла печальна вѣсть,
Почувствовавъ, что въ немъ подпоры всей лишились,
Не мысля и о томъ, чтобъ тѣло хоть погрестъ,
На горбъ котомки взявъ, въ свояси потащился.
Что-жъ значить, скажутъ мнѣ, пречудный этотъ волкъ,

Какой сей басни толкъ?

Читайте, вамъ конецъ загадку всю развяжетъ,

Простая русская пословица тутъ скажетъ:

Знай сверчокъ

Свой шестокъ.

Отъ рѣки Муаръ къ рѣкѣ Иртышу.

Принявъ одно, прими и другое, дражайшій Иртышъ! Злобный волкъ, коего начало, продолженіе и конецъ жизни вкратцѣ тебѣ извѣстны, и по смерти своей долго обитателей моихъ безпокоилъ: смердящій прахъ его наполнялъ атмосферу, треножилъ обоняніе и производилъ злопамятство; струи мои влекли множество благоуханныхъ травъ, но воображеніе о прошедшемъ столь сильно дѣйствовало на умы, что и балзамическій запахъ онымъ ничего не помогаль. Вотъ, порокъ, koliko слѣдствія твои вредны во странѣ, гдѣ до сего пребывали миръ и согласіе: ты виѣдрилъ вражду и негодованіе въ странѣ, гдѣ до сего носящееся надъ волнами моими эхо, кромѣ восклицаній и радостей, ничего не повторяло, вынѣ-же сіе эхо повторяетъ жалобы и проклятіе. Но какъ-бы то ни было, жителямъ-ли смиреннаго Муара воздавать зломъ за зло... Нѣтъ! они предоставятъ вѣчности рѣшить дѣла жизни волка, и память о немъ погибнетъ съ шумомъ. Разсуждая такимъ образомъ, приняла я намѣреніе воскресить миръ и успокоить жителей. Произведенный

мною по семь въ водахъ моихъ ревъ, привлекъ ко вниманію, и въ ужасномъ шумѣ произнесъ я сіи слова: „любезные обитатели Муара! волкъ уже мертвъ, почерпайте полезный для себя примѣръ изъ его жизни, и знайте, что воспоминаніе о порокахъ нужно для того токмо, чтобъ не быть порочнымъ“. Сія краткая рѣчь имѣла желаемый успѣхъ: жаръ негодованія потухъ, и мѣсто онаго заступило сожалѣніе. Надъ прахомъ, съ начертаніемъ слѣдующихъ строкъ, воздвигнуть памятникъ:

Э п и т а ф і я.

Хотя адѣсь скрытый волкъ
 Порочно жизнь влечить до смерти не умолкъ,
 Хоть онъ невѣжда былъ и въ свѣтѣ слылъ судьей,
 И много дѣлъ рѣшилъ по выгодѣ своей,
 Науки презиралъ, съ глушцами въ жизни знался,
 И умнымъ злобствовать, а честныхъ удалялся,
 Поносно кончивъ жизнь къ отрадѣ добрыхъ всѣхъ,
 На мѣсто горести доставилъ тьму утѣхъ.
 Но ты, прохожій, стой!
 На прахъ, что подъ тобой,
 Хоть каплю слезъ пролей:
 О добрыхъ не грусти, о злыхъ жалѣть умѣй.

II.

Въ содержаніи вышеизложенной „піесы“ не было, по заявленію Шалимова сенату, „ни малѣйшей правды“, потому что „дѣла палаты уголовного суда никогда не были въ такомъ безпорядкѣ“, какъ въ ней описано, „равно нѣтъ и не было, чтобы къ ближнему употребляема была какая-либо жестокость, кромѣ одного соблюденія законнаго порядка и самой справедливости“. Доказательствомъ этого могло служить дѣлопроизводство палаты и отношеніе къ ней „вышняго начальства“, которое не замедлило-бы въ противномъ случаѣ „принять мѣры по предписаннымъ въ законѣ правиламъ“. Наоборотъ, дѣятельность авторовъ „піесы“ имѣеть на себѣ темныя пятна: такъ, самъ Ахвердовъ „всю добродѣтель, повидимому, полагаетъ въ безпорядкѣ, съ какимъ отправляетъ дѣла по казенной палатѣ“, а одинъ изъ его сотрудниковъ, бывший совѣтникъ Колыванскаго намѣстническаго правленія Хвостовъ, „зазвавъ однажды къ себѣ въ домъ горнаго оберъ-офицера Риддера, изсѣкъ его

мучительнымъ образомъ“ и не потерпѣлъ за это никакого наказанія, такъ какъ находится въ родствѣ съ правителемъ намѣстничества Миллеромъ.

Въ доказательство того, что сочиненіе Ахвердова, Хвостова и другихъ имѣеть въ виду осмѣяніе чиновниковъ, именно. палаты уголовного суда, Шалимовъ приводилъ слѣдующія соображенія: 1) въ предисловіи къ „піесѣ“ говорится, что она „прислана въ типографію отъ рѣки „Муаръ“; это слово татарское, а по-русски значить „Объ“, на которой имѣютъ расположеніе присутственныя мѣста г. Колывани; 2) подъ названіями животныхъ, выведенныхъ въ произведеніи Ахвердова, нельзя не узнать членовъ палаты: подъ гагарой—Гагарина, верблюдомъ-горбуномъ—Горбунова и подъ совою—секретаря Савинскаго; 3) помѣщенные въ „піесѣ“, въ доказательство изящности судебного слога волка (т. е. судьи), два его опредѣленія взяты изъ дѣлъ палаты уголовного суда: а) о наложеніи запрещенія на имѣніе губернскаго казначея Курдюмскаго и б) о таможенномъ надзирателѣ Порываевѣ, который пропускалъ черезъ таможеню товары безъ осмотра и наложенія клейма; это подтверждается многими подлинными словами и выраженіями, встречающимися въ помянутыхъ дѣлахъ и въ „піесѣ“; 4) надворный совѣтникъ Сѣрбинъ свидѣтельствуетъ, что когда отпечатанная піеса была получена изъ Тобольска, Ахвердовъ выражалъ передъ чиновниками по поводу этого свое удовольствіе и „съ таковымъ-же удовольствіемъ разсылалъ ее чиновникамъ по домамъ“; 5) одинъ изъ служащихъ въ намѣстническомъ правленіи, Лобачевскій, читалъ произведеніе еще до отсылки его въ типографію; по отпечатаніи же правитель намѣстничества Миллеръ показывалъ ему книжку, „какъ любопытную какую вещь“; 6) самъ Ахвердовъ однажды, несмотря на то, что встрѣтился съ Шалимовымъ въ церкви, дозволялъ себѣ „произносить въ отношеніи его ругательныя слова изъ этого сочиненія“ и въ домѣ Миллера похвалялся, что напишетъ другую „піесу“, гдѣ выставитъ Шалимова не волкомъ, а медвѣдемъ, и свое обѣщаніе привелъ въ исполненіе.

Въ заключеніе жалобы Шалимовъ писалъ, что „не осмѣлился бы утруждать сенатъ просьбою, если-бы дѣло шло только о личной обидѣ“, но, въ данномъ случаѣ, нанесена „обида цѣлому присутственному мѣсту, которое обругано, разославлено и повсюду распространено; такое злословіе судебного мѣста умаляетъ его важность и должное по законамъ уваженіе“. Въ виду изложеннаго, Шалимовъ „всенижайше“ просилъ сенатъ „оказать милостивное покровительство и защищеніе цѣлому присутственному мѣсту и

собранию его, которое обругано и разославлено безъ в чинъ, дабы и впредь онъ, Ахвердовъ, съ товарищам сочиненіями не могъ заниматься, поелику оное болѣе ни ствія не имѣеть, какъ только нарушеніе въ общежитіи ти койствія и помѣшательства во отправленіи государственн

Выслушавъ просьбу Шалимова, I-й департаментъ с жилъ на нее слѣдующую резолюцію: „къ правящем иркутскаго и колыванскаго генераль-губернатора госп раль-порутчику и кавалеру Пилу отписать, что:

„Сенатъ, разсматривая присланное отъ предсѣдателя палаты уголовного суда Шалимова прошеніе, о защитѣ случаю изданной въ Тобольской губерніи піесы, якобы на сѣдателя, и прочихъ съ нимъ присутствующихъ, отъ ко же подобной жалобы не вступило, находить, что разбо шеніе таковой партикулярной жалобы до сената не при ибо онъ, предсѣдатель, хотя и пишетъ, что якобы ссе ся піесы оказался правящій должность вице-губернат довъ и надворный совѣтникъ Хвостовъ, но точнаго на тельства не представилъ, да и въ самой той піесѣ не чему ее на лица той палаты относить можно; впрочем по силѣ узаконеній предоставлено всѣмъ и каждому обидѣ и оскорбленію приносить жалобы съ надлежаще тельствами въ надлежащія мѣста, а не прямо въ сенат доставить ему, предсѣдателю, просить, буде пожелаетъ житъ, на основаніи законовъ, о чемъ ему и объявити тѣмъ, онъ, господинъ генераль-порутчикъ, съ своей ст шиль-бы служащимъ во вѣрренныхъ ему губерніяхъ, д изъ нихъ не вдавался въ таковыя праздныя сочиненія, бы прямою своею должностію, требующею не малаго ус ности къ достождолжному выполненію возложеннаго на к женія; а о томъ къ нему, господину генералу-порутчич указъ“¹⁾.

Узнавъ о доносѣ, Ахвердовъ вызвалъ Шалимова на но этотъ отказался принять его. Правитель намѣстниче леръ пытался примирить ихъ, но напрасно: Шалимовъ что къ примиренію приступить не можетъ“. Не теряя на нить Ахвердова въ мнѣніи сената, но уже не имѣя г щаться къ нему съ личною просьбою, минуя генераль-г Шалимовъ постарался придать дѣлу официальный хар

¹⁾ Моск. арх. минист. юст. дѣла правит. сената I департ. ному столу“ за 1791 г., кн. № част. 1084, общ. 4655, л. л. 4—25.

Одно за другимъ поступили въ сенатъ уже не просьбы Шалимова, а донесенія палаты уголовного суда. Въ первомъ изъ нихъ палата доводила до свѣдѣнія сената, что, когда было получено его предписаніе, запрещающее колыванскимъ чиновникамъ заниматься праздными сочиненіями, то Ахвердовъ „безъ должнаго уваженія со вспыльчивостію“ будто-бы произнесъ такія слова: „сіе сдѣлано безъ всякаго разсмотрѣнія, и никто не запретитъ мнѣ упражняться въ такихъ сочиненіяхъ“. Подлинность выраженія предсѣдатель брался подтвердить подъ присягою.

Затѣмъ, въ ноябрѣ 1792 года, сенатъ вторично слушалъ донесеніе палаты о томъ, что Ахвердовъ, пренебрегая запрещеніемъ, продолжалъ свои литературныя упражненія въ прежнемъ духѣ. „Несмотря на предложеніе генерала-губернатора“, указывала палата въ донесеніи, „чтобы чиновники не занимали себя праздными сочиненіями піесъ“, Ахвердовъ „остается въ одинаковомъ своемъ упражненіи и старается сдѣланныя свои піесы распространять въ публику, какъ видно, на тотъ предметъ, дабы только одно наивысшее предобіиженіе и поношеніе тѣмъ сдѣлать“. Предсѣдатель палаты Шалимовъ, будто-бы, получилъ даже одну изъ „піесъ“, гдѣ собственною рукою Ахвердова были сдѣланы различныя поправки. Поэтому палата просила сенатъ охранить ее отъ сочиненій Ахвердова, „вредительныхъ къ поношенію и нарушающихъ тишину.“ Сенатъ былъ вынужденъ поручить Пилю произвести слѣдствіе по донесеніямъ палаты и увѣдомить о его результатахъ¹⁾.

Отчетъ Пиля былъ доложенъ въ сенатѣ 17-го января 1793 г. Произнесеніе Ахвердовымъ словъ, оскорбительныхъ для сената, было подтверждено только однимъ Шалимовымъ, губернской-же прокуроръ Строевъ, на свидѣтельство котораго Шалимовъ, между прочимъ, ссыдался, прямо заявилъ, что не слышалъ отъ Ахвердова вышеприведенныхъ словъ, а чиновники, собравшіеся въ домѣ правителя намѣстничества Миллера, „имѣли разговоръ въ такомъ содержаніи: предписаніе правительствующаго сената состоитъ не въ одномъ томъ, чтобы чиновники не занимались впредь такими праздными сочиненіями, но что сила его также въ томъ, чтобы не было на тѣ піесы жалобъ, дабы тѣмъ болѣе не утруждать начальство“. Другіе свидѣтели подтвердили только существованіе между Шалимовымъ и Ахвердовымъ ссоры, но отрицали произнесеніе послѣднимъ словъ, показанныхъ въ донесеніи палаты сенату. Миллеръ при этомъ показалъ, что старался примирить ссорящихся, но

¹⁾ Моск. арх. минис. юст., журналы и протоколы правит. сената по I-му департ. за 1792 г., кн. № част. 1146, общ. 4717, л.л. 301—303.

Шалимовъ, изъявившій сначала согласіе на примиреніе, все откладывая свиданіе съ Ахвердовымъ и, наконецъ, рѣшительно заявилъ, „что не можетъ приступить къ примиренію, такъ какъ крайне обиженъ на публикѣ“. Изъ донесенія Пилы сенатъ заключилъ, что Ахвердовъ о его предписаніи „не дѣлалъ дерзновеннаго отзыва съ непристойными выраженіями“ и что, напротивъ, Шалимовъ, „показаніями своими, безъ крѣпкихъ доводовъ“, затрудняетъ сенатъ и причиняетъ хлопоты генералъ-губернатору. Поэтому, Пилу было предписано объявить палатѣ и ея предсѣдателю, чтобы они подъ „опасеніемъ взысканія по законамъ, удержались отъ неосновательныхъ представленій и неимовѣрныхъ доносовъ“. Кромѣ того, сенатъ поручилъ Пилу объявить предсѣдателю палаты Шалимову, что въ отказѣ его примириться съ Ахвердовымъ, онъ „усматриваетъ неспокойный его характеръ и намѣреніе къ продолженію вражды, хотя ссору съ Ахвердовымъ началъ онъ самъ“. Шалимову было рекомендовано „ограничить свое поведеніе до того, чтобы оное не могло служить впредь чиновникамъ ни малѣйшимъ поводомъ къ какому-либо званія его предосужденію“. Ахвердову сенатъ объявилъ, чтобы онъ, занимаясь нынѣ толь важною должностію, уклонялся елико можно, отъ сочиненія піесъ, не приносящихъ ему кромѣ ссоры и неудовольствій ни малѣйшей чести“. Сенатъ желалъ, „чтобы тотъ и другой, пребывая въ добромъ между собою согласіи, старались-бы оказывать усердіе и ревность въ достолюбомъ выполненіи возложеннаго на каждого изъ нихъ служенія. Если-же они и впредь станутъ по личнымъ своимъ несогласіямъ продолжать подобныя вышеписаннымъ жалобы и переписки и оными занимать начальниковъ и правительства, то неминуемо подвергнутъ себя не токмо отрѣшенію отъ мѣстъ, но и преданы будутъ надлежащему по законамъ сужденію“¹⁾.

Угрозы были достаточно внушительны, такъ что Ахвердовъ прекратилъ сочиненіе „піесъ“ на Шалимова, а послѣдній составленіе доносовъ на Ахвердова.

Сообщ. 22-го іюня 1889 г. И. И. Шимко.

¹⁾ Моск. архивъ минис. юст., журналы и протоколы правит. сената по I-му департ. за 1793 г. кн. № част. 1174, общ. 4745, лл. 78-81. Digitized by Google

Ө. М. ДОСТОЕВСКІЙ

1857 г.

Въ метрической книгѣ Одигитріевской церкви, города Кузнецка, Томской губерніи, записано подъ № 17-мъ шестаго февраля 1857 года (пятьдесятъ седмаго года) «Повѣнчаны: служащій въ Сибирскомъ линейномъ баталіонѣ № 7-й, прапорщикъ Феодоръ Михайловъ Достоевскій, православнаго вѣроисповѣданія, первымъ бракомъ, 34 лѣтъ. Невѣста его: вдова Марія Дмитриевна, жена умершаго засѣдателя по корчемной части, коллежскаго секретаря Александра Исаева, православнаго вѣроисповѣданія, вторымъ бракомъ. Подлинную метрическую запись подписали: священникъ Евгеній Тюменцевъ, діаконъ Петръ Лашковъ, дьячекъ Петръ Угланскій и пономарь Иванъ Слобѣдскій».

Вѣрно, свидѣтельствую священникъ Евгеній Тюменцевъ.

Сообщ. В. И. Семевскій.

Поправки.

(„Русск. Ст.“ изд. 1892 г., т. LXXIII, февраль).

Стр. 313, заглавіе статьи читай: Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства и мірянъ Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ;—стр. 318, строка 11 сверху, вмѣсто Іосафа читай: Іоасафъ; здѣсь-же, строка 15 снизу, напечатано: отъ консисторіи, читай: изъ консисторіи;—стр. 319, строка 4 сверху, напечатано: игумена, читай: игумену;—стр. 320, стр. 19 сверху, напечатано: коренномъ, слѣдуетъ: Коренномъ.

ПАВЕЛЪ КОНЮШКЕВИЧЪ,

митрополитъ тобольскій

1758—1768 гг.

замѣтки по поводу новыхъ о немъ матеріаловъ.

Въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» (изд. 1891 г., сентябрь-октябрь) помѣщена статья А. Н. Львова: «Архивныя данныя по дѣлу преосвященнаго Павла Конюшковича, митрополита тобольскаго».

Статья эта вызываетъ на нѣкоторыя объясненія и замѣчанія.

Несомнѣнно авторъ оказалъ услугу исторіи, напечатавъ изложеніе дѣла объ удаленіи митрополита тобольскаго Павла на покой въ Кіево-Печерскую лавру по документамъ синодальнаго архива съ 25-го октября 1764 г. по 4-е июня 1768 г. († 1770 г.). Сводъ этихъ данныхъ привелъ автора къ заключенію, которое естественно вытекаетъ изъ всего хода дѣла. Онъ говоритъ: «Ознакомившись подробно въ архивѣ св. синода съ дѣлами какъ Арсенія Мацѣвича, такъ и преосвящ. Павла Конюшковича. можно съ увѣренностью сказать, что въ этихъ документахъ рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ для заключенія, что дѣло послѣдняго началось вслѣдствіе протеста его по поводу секвестра монастырскихъ имѣній. Изъ вышеприведеннаго видно, что оно начинается и развивается съ одной стороны вслѣдствіе постоянно доходящихъ до синода и даже до государыни жалобъ на преосвященнаго, справедливыхъ или несправедливыхъ—это другой вопросъ, а съ другой—и потому, что самъ преосвященный дѣйствительно не давалъ своевременныхъ и требуемыхъ закономъ объясненій по тѣмъ дѣламъ, которыя производились о немъ въ св. синодѣ. Правда, въ дѣлѣ есть одинъ штрихъ, который можетъ наводить на мысль, не было-ли еще какого-нибудь неоффи-

ціального факта, ускорившаго развязку его»... Такимъ обстоятельствомъ г. Львовъ считаетъ, на основаніи тѣхъ-же дѣлъ, «официальныя и неофициальныя свѣдѣнія о томъ, что преосвященный Павелъ поносить всячески членовъ св. синода». Совершенно справедливо замѣчаетъ затѣмъ авторъ, что сообщаемыя въ печати свѣдѣнія о томъ, будто-бы преосвященный былъ въ Петербургѣ, призывался неоднократно къ государынь, приговоренъ къ лишенію сана, что ему давали какія-то деньги, а онъ отъ нихъ отказывался и т. п., очевидно, невѣрны и относятся къ области фантазіи (стр. 263—264).

И наоборотъ, совершенно несправедливо утверждаетъ авторъ, что въ нашей исторической литературѣ является какъ-бы вполне установившимся тотъ фактъ, что преосвященный Павелъ Конюшкевичъ принадлежалъ къ числу активныхъ противниковъ секвестра церковныхъ имуществъ, за что былъ судимъ и лишенъ каѳедры и сана (стр. 255). Мало этого: онъ неоднократно повторяетъ свое мнѣніе о неосновательности существующихъ въ печатной литературѣ свѣдѣній о Павлѣ тобольскомъ, какъ основанныхъ на непровѣренныхъ критикою фактахъ, что рассказы о немъ въ такомъ видѣ передавъ г. Абрамовъ, а за нимъ повторили ихъ и послѣдующіе историки (стр. 263, 265). Правда, перечень статей о митрополитѣ Павлѣ у г. Львова не идетъ далѣе очерковъ Н. Абрамова («Странникъ», 1868 г.), гр. М. В. Толстого (Чтенія въ Общ. исторія и древн. російск., 1870, II) и А. А. Титова («Историч. Вѣстн.», 1888), большею частью, какъ онъ и самъ признаетъ, повторяющихъ другъ друга. Это показываетъ, что авторъ не считалъ необходимымъ познаться предварительно съ литературою своего вопроса, а одна ссылка (на статью: «Митрополитъ Иннокентій на крайнемъ Востокѣ», И Сугорскаго, «Русскій Вѣстн.», 1888, № 11) убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ не находилъ нужнымъ обратиться и къ печатнымъ источникамъ, которые, съ одной стороны, подкрѣпляютъ данныя синодальнаго архива, а съ другой—болѣе рельефно освѣщаютъ ихъ.

Прежде всего замѣтимъ, что тѣ-же самыя «архивныя данныя» еще въ 1877 году послужили предметомъ чтенія о Павлѣ Конюшкевичѣ Ф. А. Терновскаго въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца въ Кіевѣ, и затѣмъ были напечатаны въ изданіи послѣдняго («Чтенія», кн. I, 1879 г., стр. 203—210). «Жалобъ въ теченіе девятилѣтняго управленія (1758—1768) митрополита Павла набралось 30» (стр. 204), говоритъ Терновскій. Очевидно, это тѣ-же жалобы, о которыхъ сообщаетъ и г. Львовъ (до 30, стр. 260). Въ числѣ этихъ жалобъ находимъ и доношеніе двухъ кіевопечерскихъ іеромонаховъ, вызванныхъ Павломъ для преподаванія въ семинаріи, о которомъ г. Львовъ не упоминаетъ. Въ названной выше статьѣ покойный Терновскій именно старался доказать отсутствіе связи между дѣломъ митрополита Павла и отобраніемъ церковныхъ имуществъ: «въ дѣйствительности было не такъ, замѣчаетъ онъ. Уже самая хронологія событій говоритъ противъ высказаннаго

предположенія» («Чтенія», стр. 203). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Терновскій отвергаетъ и тѣ легенды, которыя сложились о митрополитѣ Павлѣ, по поводу указанныхъ отношеній (стр. 208—210).

Одновременно съ сообщеніемъ Терновскаго появился XXVII томъ «Исторіи Россіи» (1877 г.) С. М. Соловьева, въ которомъ, на стр. 158—160, на основаніи дѣлъ Государственнаго архива, сообщается объ обнаруженныхъ злоупотребленіяхъ при обращеніи инородцевъ въ христіанство. Обращеніе ихъ по большей части было лишь формальное, но оно сопровождалось частыми наѣздами миссіонеровъ, сплаваньемъ, чрезвычайными поборами и умышленнымъ обвиненіемъ новокрещенныхъ въ отпаденіи отъ церкви, за которымъ обыкновенно слѣдовали розыски. Въ такомъ именно видѣ представлялъ положеніе этого дѣла сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ, который заявлялъ, что «подобный безпорядокъ можетъ быть пресѣченъ только опредѣленіемъ въ сибирскую митрополию человека, который могъ-бы въ эти дѣла благоразумно вникать»¹⁾. Значеніе его донесенія въ дѣлѣ митрополита Павла выясняется изъ слѣдующихъ данныхъ. Еще ранѣе императрица Екатерина II получила свѣдѣнія объ управленіи митрополита Павла, въ неблагопріятномъ для него смыслѣ, отъ ѣздившаго въ Китай курьера Броптова, который слышалъ отъ крестьянъ деревни, принадлежащей дому митрополита Павла, великія жалобы на несносныя работы, бывшія прежде при домѣ архіерейскомъ, и чрезвычайныя наказанія, чиненныя имъ экономомъ архимандритомъ Іакинѣомъ (Башперовъ)²⁾, причѣмъ называлъ послѣдняго, въ своемъ донесеніи «кровожажущимъ». «Свѣдѣнія эти, замѣчаетъ Екатерина, подтверждены ему тогдашнимъ губернаторомъ Соѣмоновымъ (1757—1763 гг.; съ 1763—1766 г. сенаторъ), съ прибавленіемъ еще многихъ дѣлъ, въ которыхъ, по совѣтамъ эконома и другихъ совѣтниковъ, архіерей незаконно поступалъ»³⁾. Далѣе, въ запискѣ слѣдуетъ перечень дѣлъ, вошедшихъ въ докладъ синода, напечатанный у автора⁴⁾. Записка эта, оставшаяся неизвѣстною г. Львову,

¹⁾ Столкновенія между свѣтскою администраціею и митрополитомъ Павломъ были причиною того, что Чичеринъ прекратилъ съ нимъ сношенія. (Словарь Баятыша-Каменскаго, V, 279). Донесеніе послѣдняго извѣстно г. Львову въ извлеченіи И. Н. Сугорскаго (182—183), со взглядомъ котораго на этотъ вопросъ можно согласиться.

²⁾ О немъ см. ст. іеромонаха Макарія („Москвитянинъ“, 1852, III) и „Пермскій Сборн.“, II, 23—34. Убить крестьянами, не безъ участія монаховъ, въ 1792 году.

³⁾ Екатерина II любила обращаться къ Ѡ. И. Соѣмонову по дѣламъ Сибири, какъ отлично знавшему этотъ край (Баятышъ-Каменскій, III, 277). Недавніе-же бунты среди монастырскихъ крестьянъ должны были вызывать опасенія со стороны правительства.

⁴⁾ Сборн. русск. историч. общ., X, 275—276. Докладъ синода (Львовъ, 260—262). В. И.

занесена была Екатериною въ ея журналъ и затѣмъ сообщена митрополиту новгородскому Димитрію Сѣченову и оберъ-прокурору князь Ал. Сем. Козловскому¹⁾. Она-то и подала поводъ къ первому слѣдствію надъ митрополитомъ Павломъ, которое танулось въ синодѣ, по причинѣ разныхъ справокъ и сношеній съ митрополитомъ, до 1765 г. «Послѣ этого, говорить г. Львовъ, всѣ дѣла и вопросы о преосвященномъ Павлѣ прерываются на цѣлыхъ два года и только 7-го мая 1767 г. является опять журнальная статья объ учиненіи новаго экстракта дѣлъ о немъ» и т. д. (стр. 258). Новымъ поводомъ къ возбужденію дѣла, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать донесеніе губернатора Чичерина²⁾, которое и вызвало назначеніе нарочной комиссіи, по предложенію оберъ-прокурора Малиссина, но уже помимо синода³⁾, изъ Д. Сѣченова, Иннокентія, епископа псковскаго, и Теплова, рѣшившей участь митрополита Павла. Комиссія опредѣлила смѣнить его, а на будущее время дать инструкцію миссіонерамъ, которая и была составлена въ совершенно противоположномъ духѣ⁴⁾. Приведенныя выше данныя были въ свое время сообщены нами въ двухъ изданіяхъ—въ «Русской Старинѣ» (въ статьѣ «Арсеній Мацѣевичъ», 1879, XXVI, № 9, стр. 30—34) и «Чтеніяхъ въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца (кн. II, стран. 32—34: «О причинахъ удаленія митрополита Павла Конюшкевича изъ Тобольска по новымъ матеріаламъ»); но статьи эти также остались неизвѣстными г. Львову.

Что-же касается легенды о явленіи во снѣ Димитрію Сѣченову митрополита Павла, къ которому онъ обратился будто-бы съ «грозными словами» по поводу отобранія церковныхъ имуществъ, то это, безъ сомнѣнія, только вариантъ извѣстнаго разсказа объ угрозахъ Д. Сѣченову и другимъ членамъ суда, приписываемой обыкновенно Арсенію Мацѣевичу. Совершенно справедливо, однако, замѣчаетъ г. Львовъ, что «толки объ энергическомъ протестѣ, о лишеніи сана и прочія детали могли явиться на почвѣ того недовольства, которое въ то время существовало не только среди духовенства, но и у многихъ свѣтскихъ лицъ, вслѣдствіе секвестра церковныхъ имуществъ. Несом-

¹⁾ Кн. Козловскій состоялъ оберъ-прокуроромъ съ 1758—1763 гг. («Русскій Архивъ», 1866 г., стр. 601), а потому помѣта записки Екатерины въ «Сборникѣ» 1768 г. сдѣлана неправильно. Какъ видно изъ хода дѣла, этотъ документъ долженъ стоять выше.

²⁾ Такъ слѣдуетъ заключать по обозначенію главы II-й у Соловьева (томъ XXVII): „1767—1768 гг.“. Д. И. Чичеринъ состоялъ губернаторомъ 1763—1780 гг.

³⁾ Оберъ-прокуроръ предлагалъ объ учрежденіи комиссіи синоду, но послѣдній рѣшилъ составить экстрактъ изъ всѣхъ дѣлъ (см. у Львова, стр. 258). Г. Львовъ полагаетъ, что синодъ оказывалъ тѣмъ самымъ поддержку митрополиту Павлу (стр. 264). Однако изъ хода дѣла этого не видно.

⁴⁾ Рѣшеніе комиссіи и инструкція напечатаны у Соловьева (XXVII, 160).

иѣнно, что и митрополитъ Павелъ не могъ сочувственно отно- реформѣ» (стр. 264). Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на Арсенія Мацѣевича въ такомъ именно смыслѣ («Русская Старина» стр. 27—30; № 10, стр. 194—198); а требованіе со сторо- ства составленія описныхъ книгъ монастырскаго и церковнаго вызывало даже смуты среди монаховъ и штатныхъ служителей. 1771 г. въ одномъ изъ болѣе значительныхъ монастырей—Воло Самыиъ рассказъ о протестѣ митрополита Павла, выразившемся угрозою Д. Сѣченову, на латинскомъ языкѣ²⁾, очевидно въ южной Россіи, какъ можно заключать по мѣсту пребыванія Павла послѣ удавленія изъ Сибири (въ Кіево-Печерской лаврѣ) тельствамъ его передачи. Съ распространеніемъ секуляризаціи имущества на Малороссію (1786 г.), здѣсь также возникли неуредь духовенства и получили своеобразный колоритъ³⁾.

Наконецъ, г. Львовъ не обратилъ вниманія на замѣчательную ческимъ даннымъ, монографію И. Я. Сырцова: «Самосожига- скихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, составленную тобольской духовной консисторіи и напечатанную въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1887—1888 гг., а затѣмъ вышедшую Значительная часть этой монографіи посвящена (стр. 65—91) митрополита Павла въ отношеніи раскольниковъ въ Сибири. Къ относится учрежденіе въ Екатеринбургѣ (въ 1760 г.) особой духовныхъ лицъ, которой поручено было привести въ извѣс- незаписныхъ раскольниковъ. Но члены комиссіи не ограничились своими дѣйствіями на первыхъ-же порахъ вызвали вмѣшате- тельства. Въ своихъ розыскахъ комиссіа пользовалась услугами воен- она возила съ собою «множество ножныхъ желѣзъ», а наиболѣе изъ ея членовъ, священникъ Алексѣевъ, чтобы не быть узнаван- никами, наряжался въ офицерскій кафтанъ съ камзолонъ и шпагъ

¹⁾ Лѣтопись Волоколамскаго монастыря, по архивнымъ (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1887 г. 4 и 108).

²⁾ Въ статьяхъ Н. Абрамова („Странникъ“, 1868, № 11) и Толстого (Чтенія въ общ. исторіи и древностей, 1870, II).

³⁾ См. Кіевская пертурбація 1786 г. („Кіев. Стар.“, 1883. Письмо митрополита Самуила (Миславскаго) къ графу П. А. сопровождается примѣчаніемъ (по рукописи Кіево-Софійской б- полита Евгенція, который сообщил и рассказъ о протестѣ Павла (см. въ статьѣ гр. М. В. Толстого). См. также „Плачъ монаховъ“, сатира въ виршахъ XVIII стол., по рукоп. 1792. Старина“, 1891, XXXII, стр. 435—444) и документы 1786 г. („Кіев. Стар.“, 1891, XXXII, стр. 329—337).

приходилось иногда вступать въ открытый бой съ раскольниками и сѣтовать на то, что свѣтскія власти вовсе не оказываютъ ей необходимаго содѣйствія. Духовныя лица, заподозрѣнные въ послабленіи раскольникамъ, подлежали отрѣшенію; забранные въ комиссію раскольники, скованные по рукамъ и по ногамъ, подвергались пыткамъ и жестокимъ наказаніямъ плетью и палками, не исключая даже малолѣтнихъ. Число виновныхъ, захваченныхъ комиссіею, простиралось до нѣсколькихъ сотенъ; другіе (до 600 чел.) бѣжали съ заводъ въ лѣса или уходили въ Польшу (300 человекъ), а третьи предавались самосожженію: такъ, въ 1761 году сгорѣло 70 человекъ, а въ другой разъ до 150 чел., въ 1763 году — 52 чел., мужчинъ, женщинъ и дѣтей¹⁾. По поводу дѣйствій комиссіи митрополиту Павлу пришлось имѣть объясненія съ сибирскимъ губернаторомъ Соймоновымъ, а заводскіе раскольники нашли себѣ защиту въ лицѣ своихъ сильныхъ владѣльцевъ: графа Р. Л. Воронцова и гр. Строганова, благодаря заступничеству которыхъ, сенатъ распорядился въ августѣ 1761 г. черезъ сибирскую и оренбургскую губернскаго канцеляріи и канцелярію главнаго правленія сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводовъ о защитѣ жителей отъ притѣсненій, чинимыхъ командами, о запрещеніи давать военныя команды и оказывать какое-либо содѣйствіе духовной комиссіи... По вступленіи-же на престолъ императора Петра III, вслѣдствіе указа 28-го февраля, были освобождены и остальные содержавшіеся раскольники²⁾.

Учрежденіе екатеринбургской комиссіи несомнѣнно основывалось на предшествовавшихъ правительственныхъ указахъ о розысканіи раскольниковъ (Сырцовъ, 85), а самыя дѣйствія ея мало чѣмъ отличались отъ мѣръ, имѣвшихъ мѣсто при предшественникѣ митрополита Павла — Сильвестрѣ Гловатскомъ (Ibid., стр. 35—65) и отъ употреблявшихся раскольничьими комис-

¹⁾ Сырцовъ, стр. 86, а также очерки: В. В. Нечаева „Раскольническая контора“ (описаніе документовъ и бумагъ хранящ. въ моск. архивѣ мин. юст., кн. VII, 43) и Д. И. Сапожникова: „Самосожженіе въ русскомъ расколѣ во 2-й половины XVII в. до конца XVIII в.“, по докум. того же архива (Чтенія въ общ. исторіи и древн. рас. 1891, кн. III, стр. 132). Строгое сужденіе по этимъ дѣламъ выражено было въ сенатскихъ указахъ отъ 19 іюня и 10 августа 1761 г., въ которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендовалось, для обращенія заблудшихся, употребленіе „меча духовнаго, а не гражданскаго“ (Полн. собр. законовъ, т. XV, №№ 11277 и 11305). Замѣтимъ кстати, что оба автора, посвятившіе свои труды вопросу о самосожженіи, высказываютъ противоположные взгляды на происхожденіе и причины этого явленія.

²⁾ Сырцовъ, стр. 90—91. Отдѣльные случаи самосожженія встрѣчаются, впрочемъ, и послѣ (стр. 96—97, 101, 106; ср. „Русск. Старину“, 1879, XXVI: Самосожигатели и самоутопленники въ Сибири 1782—1783 гг.“, стр. 336—340).

сіиѣ XVIII стол. вообще (см. Дѣла слѣдственныхъ о раскольникахъ комиссій 1738—1757 гг., В. В. Нечаева, въ Описаніи документовъ и бумагъ московск. архива минист. юстиціи); но въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны и въ царствованіе Петра III отношеніе правительства къ расколу существенно измѣняется (В. В. Нечаевъ, Раскольническая контора, 43; Д. И. Сапожниковъ, 132—133) и въ томъ-же духѣ составляются указы сената и синода 1760—1761 гг. къ мѣстнымъ властямъ (Сырцовъ, 84). Екатерина II слѣдовала этой политикѣ.

Таковы официальные данныя по разсматриваемому нами вопросу. Но ими не исчерпываются свѣдѣнія, имѣющіяся въ печатной литературѣ Въ 1761 г. посѣтилъ Тобольскъ, для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ дискъ солнца, аббатъ Шаппъ. Онъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ митрополитомъ Павломъ и въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи въ Сибири отзывается о послѣднемъ, какъ о человѣкѣ, исполненномъ нравственности, всегда готовомъ на помощь несчастнымъ, хорошемъ латинистѣ, вѣжливымъ въ обращеніи, но не вѣрившемъ въ движеніе земли и суровомъ въ своихъ религіозныхъ требованіяхъ (XVIII вѣкъ, изд. Вартеневымъ, IV, 341—342, 353). Понятно, что Екатерина II, проникнутая духомъ своего вѣка, не могла сочувственно относиться къ нѣкоторымъ явленіямъ прежняго времени. Въ 1768 г. появилось въ Парижѣ «Путешествіе» аббата Шаппа, и Екатерина (которой приписывается возраженіе на него, подъ заглавіемъ «Антидотъ»); для насъ безразлично, будемъ-ли мы считать послѣдній ея произведеніемъ или коллективнымъ трудомъ), стараясь на каждомъ шагѣ защитить Россію и въ частности русское духовенство отъ нападокъ аббата, не оставила безъ вниманія и приведеннаго отзыва автора «Путешествія». При этомъ слѣдуетъ, однако, замѣтить, что возраженія Екатерины проникнуты духомъ горячей полемики и потому естественно грѣшатъ преувеличеніями какъ въ ту, такъ и въ другую сторону; но для насъ они имѣютъ значеніе, какъ выраженіе ея взгляда на настоящій вопросъ, притомъ высказаннаго вскорѣ послѣ событія. Упомянувъ о «нетерпимости» и «гордости» (быть можетъ, намекъ на отношенія митрополита Павла къ властямъ), она замѣчаетъ: «вотъ недостатки, за которые онъ недавно былъ вынужденъ оставить свою епархію»... Но нѣсколько далѣе она прибавляетъ: «Онъ былъ-бы довольно хорошимъ человѣкомъ, если-бы не усвоилъ этихъ правилъ въ польскихъ католическихъ училищахъ» (митрополитъ Павелъ былъ родомъ изъ Галиціи и учился въ кievской духовной академіи¹⁾)—

¹⁾ Екатерина II была предубѣждена противъ малороссійскаго духовенства. Въ „наставленіи“, данномъ гр. П. А. Румянцову, при назначеніи его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1764 г.), она говоритъ: „А къ тому-же не безызвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ, какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ

такъ, повидимому, желала Екатерина объяснить «излишнюю ревность прелата» и свое отношеніе къ этому дѣлу. (Антидотъ въ сборникѣ XVIII вѣкъ, стр. 334, 342, 347, 353—354; ср. Voyage en Sibérie, по амстердамск. изд., 212, 219, 253. и то-же изд. Антидота, I, 245; II, 6).

Само собою ясно, что въ приведенныхъ данныхъ нѣтъ и намекъ на протестъ митрополита Павла по поводу отобранія церковныхъ имущества, и на этой точкѣ зрѣнія стоятъ позднѣйшія изслѣдованія, а слѣдовательно и возраженіе автора рассматриваемой нами статьи, направленное противъ русскихъ историковъ, какъ неправильно понимающихъ значеніе настоящаго эпизода, лишено всякаго основанія ¹⁾.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы не имѣли въ виду входить въ подробности вопроса или дѣлать оцѣнку изложенныхъ выше мнѣній, но мы сочли необходимымъ не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство, дающее такъ сказать, тонъ всему дѣлу. Какъ извѣстно, не задолго до возникновенія послѣдняго, закончился первый процессъ Арсенія Мацѣвича, а не задолго до выхода въ свѣтъ «Путешествія» аббата Шаппа состоялось вторичное осужденіе его. Поэтому неудивительно, что Екатерина не могла забыть о немъ и въ своей перепискѣ съ Вольтеромъ (1765—66 г.) не разъ возвращается къ Арсенію на излюбленные темы «о единовластїи» и религіозной терпимости ²⁾. Понятно, что подъ живымъ еще впечатлѣніемъ дѣла Арсенія, близкій этому послѣднему по происхожденію и воспитанію митрополитъ Павелъ не могъ ожидать болѣе благосклоннаго отношенія со стороны Екатерины. «Малороссы, занимавшіе доселѣ всѣ важнѣйшіе іерархическіе посты, замѣчаетъ П. В. Знаменскій, казались ей проникнутыми клерикальными тенденціями», и однимъ изъ первыхъ дѣлъ ея царствованія было—дать ходъ новымъ лицамъ въ церковной іерархіи, лицамъ великорусскаго происхожденія и школы. Это были—Иннокентій Нечаевъ, Гавріилъ Петровъ ³⁾, Платонъ Левшинъ и др., о которыхъ она

и въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго властолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены прошедшихъ временъ исторіи европейскія» (Сборн. русск. историч. общ., VII, 378).

¹⁾ Въ извѣстномъ трудѣ П. В. Знаменскаго (Руководство къ русской церковной исторіи), соотвѣтственно этимъ даннымъ сдѣлано измѣненіе во взглядѣ на дѣло митрополита Павла (ср. изд. 1876, стр. 409, и изд. 1888 г., стр. 363).

²⁾ „Русская Старина“ 1879, XXVI, стр. 184—185. Еще въ 1764 г. были уничтожены новокреценская контора (см. изслѣд. Е. Малова „О новокреценской конторѣ 1731—1764“, „Прав. Собесѣдникъ“ 1878, № 12) и раскольническая контора („Раскольнич. контора 1725—1764“, В. В. Нечаева, Опис. докум. и дѣлъ моск. архива мин. юст., кн. VII).

³⁾ Преемникомъ митрополита Павла въ Тобольскѣ назначенъ былъ, въ санѣ епископа, родной братъ Гавріила—Варлаамъ Петровъ (съ окт. 1768 г., съ

съ большою похвалою отзывается и въ своей перепискѣ ¹⁾, и въ своихъ возраженіяхъ на книгу аббата Шаппа ²⁾.

Професс. В. С. Иконниковъ.

18-го ноября
30-го декабря 1891 г.
г. Кіевъ.

1792 г. архіеп., † 1802), который умѣлъ ладить и съ отличавшимся горячностью права Чичеринымъ (Бантышъ-Каменскій, V, 277—279).

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1879, XXV, 606—607.

²⁾ XVIII вѣкъ Бартечева, IV, 332.

В. И.

КОРВЕТЪ „НАВАРИНЪ“ въ 1853 году.

(Посвящается П. П. Тыртову).

Ресной 1853 года, я, въ числѣ четырехъ гардемариновъ, былъ назначенъ на парусный корветъ „Наваринъ“, отправившійся въ кругосвѣтное плаваніе, подъ командою капитанъ-лейтенанта Павла Ивановича Истомина ¹⁾. По окончаніи переводныхъ экзаменовъ, насъ перевезли въ Петергофъ, гдѣ мы, живя на корпусной эскадрѣ, каждое утро съѣзжали на берегъ и занимались до вечера астрономіею и магнитными наблюденіями, подъ руководствомъ Н. П. Буцкаго, а иногда оставались на обсерваторіи и на ночь, ради полярной звѣзды и лунныхъ разстояній ²⁾. Веселое было то время! Прекрасное лѣто, относительная свобода, и въ перспективѣ—три года плаванія въ экваторіальныхъ моряхъ! Но вотъ, наконецъ, послѣдній soir de brasse—поѣздка на Пулковскую обсерваторію, и затѣмъ переѣздъ въ Кронштадтъ, гдѣ „Наваринъ“, стоя на маломъ рейдѣ, съ лихорадочною торопливостію кончалъ расчеты съ портомъ. Два слова о суднѣ: „Наваринъ“ очень старое судно, только-что вышедшее изъ тимбировки ³⁾. Командовалъ имъ адъютантъ его высочества генералъ-адмирала—князь Голицынъ.

Выйдя на палубу, мы застали страшную суету: со всѣхъ сторонъ бочки, тюки, бухты, ящики. Панъ наставникъ, добрыйшій

¹⁾ Родной братъ извѣстнаго севастопольскаго героя.

²⁾ Починны наблюденія для опредѣленія мѣста.

³⁾ Капитальное исправленіе.

Дм. Серг. А., чинно выстроилъ насъ на шханцахъ, куда сейчасъ-же подошелъ капитанъ П. И. И., еще молодой, красивый блондинъ, съ огромными усами, придававшими его лицу строгое, почти свирѣпое, выраженіе.

„Здравствуйте, господа, сказалъ онъ, по недостатку мѣста, вы не будете имѣть особой каютъ-компаніи, и я, къ сожалѣнію, долженъ разрѣшить вамъ быть въ общемъ офицерскомъ помѣщеніи; но я прошу васъ помнить разницу, оставаться въ каютъ-компаніи поменьше, разговаривать еще меньше и побольше соблюдать дисциплину. К. П., обратился онъ къ старшему офицеру, распишите ихъ по вахтамъ... А это что?“

— „Это, сказалъ старшій офицеръ, гардемаринскіе сундуки, и они не проходятъ въ гротъ-люкъ“.

„Такъ разбейте ихъ“, и съ этими словами капитанъ отошелъ отъ насъ.

Подошли матросы, разломали сундуки и выбросили на палубу все наше имущество; намъ указали на кубрикъ, маленькую каюту, съ четырьмя койками; подъ каждой изъ нихъ былъ ящикъ, и мы поспѣшили кое-какъ уложить свои вещи. Сейчасъ-же началась тяжелая служба. „Гардемаринъ, поѣзжайте туда-то! Гардемаринъ, пойдите туда-то“ и т. д. Приходилось ходить безъ фуражки, такъ часто надо было ее снимать. Ни одна шляпка не отваливала отъ борта безъ гардемарина, и, просидѣвъ нѣсколько часовъ на пристани, возвращаешься, бывало, на корветъ мокрый и голодный, и тотчасъ вступаешь на вахту. О томъ, чтобы дать гардемарину поѣсть и отдохнуть, никто не заботился. Такъ прошло нѣсколько дней.

21-го августа пріѣхалъ къ намъ великій князь, генераль-адмиралъ, простился съ командою, и въ три часа дня мы подняли якорь. Какъ только спустили подвахтенныхъ внизъ, я поспѣшилъ въ свою каюту, чтобы разобрать свои вещи, но, смотря на казенные мундиры и бѣлье, задумался и горько заплакалъ. Припомнилось мнѣ все, что я оставилъ за собою и что такъ мало цѣнилъ: вспомнилъ я о корпусѣ, съ которымъ сроднился, о грубоватомъ добрякѣ благороднѣйшемъ П. Я. Терентьевѣ ¹⁾, о чудесномъ баронѣ ²⁾ о незабвенномъ А. И. ³⁾ и о всѣхъ, которыхъ такъ недавно еще считалъ своими притѣснителями. Простите мнѣ и теперь, черезъ

¹⁾ Батальонный командиръ.

²⁾ А. А. Де-Ридель; я былъ у него въ ротѣ унтеръ-офицеромъ.

³⁾ Зачѣмъ называть? Кто не унесъ благоговѣйнаго воспоминанія объ этомъ благороднѣйшемъ человѣкѣ и любимомъ инспекторѣ классовъ.

38 лѣтъ, дорогія тѣни! Почти никого изъ васъ уже нѣтъ въ живыхъ, и пусть тѣ горькія дѣтскія слезы, которыя я проливалъ, сидя въ своей тѣсной и смрадной каютѣ, будутъ данью не чонимавшаго и не цѣнившаго васъ мальчика! Глупою, неотесанною деревенщиною попалъ я въ ваши руки изъ нѣдръ Украйны; воспитали вы меня на казенный счетъ, выкормили на 17 коп. въ день; были вы и строги, и дирали нѣкоторыхъ изъ насъ, но вы всегда были человѣчны ко мнѣ—ребенку и свято исполняли волю моего незабвеннаго благодѣтеля, да воздастъ ему Богъ за его любовь и попеченія „о малыхъ сихъ“! Въ рогожной кибиткѣ на „долгихъ“, съ крѣпостнымъ старикомъ лакеемъ, послѣ мѣсячнаго странствованія, прибылъ я въ столицу, и изъ убогаго помѣщичьяго домика попалъ въ роскошныя палаты: воздуху много, паркетные полы, огромныя залы, великолѣпныя постели, совершенно достаточная пища. И я смѣлъ еще брезгать „вечорками“ ¹⁾ и считать ихъ годными только для подсвѣчниковъ, и я смѣлъ съ отвращеніемъ относиться къ „говядкѣ“, въ сущности очень хорошему, хотя и небольшому, ломтику мяса. А здѣсь-то гоняютъ цѣлый день, ѣсть не даютъ и добраго слова никто не скажетъ. Припомнился мнѣ тотъ, рѣшившій на всю жизнь мое политическое направленіе, день, когда я впервые увидѣлъ государя Николая Павловича; это было въ 1849 году; онъ прибылъ въ корпусъ вскорѣ послѣ известнаго „бунта“ гардемариновъ. Государь былъ очень гнѣвенъ или, вѣрнѣе, казался такимъ; видъ его былъ грозенъ, глаза сверкали. Проходя по нашей ротѣ, гдѣ мы стояли по кроватямъ, онъ замѣтилъ меня новичка безъ погоновъ и спросилъ фамилію и мѣсто родины. Смотри прямо въ глаза государю, я ясно увидѣлъ, что глаза эти смягчились, глядя на меня, неповиннаго мальчика, и съ тѣхъ поръ не могу я забыть этихъ чудныхъ, глубокихъ глазъ. Много разъ послѣ того я замѣчалъ, что когда Николай Павловичъ проходилъ по фронту, каждому казалось, что онъ смотритъ только на него одного,—такъ выразителенъ и пропитателенъ былъ этотъ взглядъ.

Мысли мои были прерваны свисткомъ, и я выскочилъ на палубу, гдѣ была уже ночь. Какъ страннымъ показалось мнѣ, что судно плыветъ въ темнотѣ и въ нахтоузахъ ²⁾ зажженные фонари. Я привыкъ плавать на „Вѣрности“ ³⁾ только днемъ. Я вступилъ на

¹⁾ Круглая булка.

²⁾ Помѣщенія для путевыхъ комнасовъ на палубѣ.

³⁾ Корпусный фрегатъ.

вахту подъ начальство Вл. Н. Б—на, отправился, по его приказанію, на бакъ,—и съ этой минуты началась настоящая моя морская служба. На другой день, въ 7-мь часовъ утра, я явился въ каютъ-компанію напиться чаю, и, черезъ открытый люкъ, услышалъ жалобные вопли: то капитанъ наказывалъ линьками въ чемъ-то провинившагося фельдшера. Наказаніе было жестокое и продолжительное и такъ подѣйствовало на меня, что я во все время моей морской службы ни одного разу не употребилъ линька.

Плаваніе было очень благопріятное, и я совсѣмъ не замѣтилъ, какъ прошло время до Копенгагена. На этомъ переходѣ я совершенно освоился со своимъ положеніемъ въ каютъ-компанію; офицеры всѣ были прекрасные и благовоспитанные люди, кромѣ старшаго штурмана Бак —на ¹⁾, который къ своей специальности прибавилъ еще добровольно обязанности шпіона и наушника передъ капитаномъ; а какъ П. И. любилъ выпить, и въ это время душа у него была на распашку, то кляузы Б. часто выходили наружу; особенно, не влюбилъ капитанъ нашего прелестнаго наставника Д. С. А—ва, истиннаго джентльмена, по происхожденію и образованію цѣлою головою стоявшаго выше всѣхъ офицеровъ; этому нерасположенію, конечно, больше всего способствовалъ тотъ-же Б., не переносившій той брезгливой учтивости, съ которою относился къ нему А. Какъ-бы то ни было, дѣла въ каютъ-компаніи шли мирно и весело; содержаниемъ офицерскаго стола былъ избранъ докторъ Ц., который пригласилъ помощникомъ нашего пятаго товарища, юнкера Бреверна—аккуратнѣйшаго изъ нѣмцевъ.

Къ концу нашей стоянки въ Копенгагенѣ погода испортилась, и между офицерами ходили разговоры, изъ которыхъ я пришелъ къ заключенію, что намъ непременно придется считаться съ равноденствіемъ въ Нѣмецкомъ морѣ.

10-го сентября (1853 г.), мы подошли къ Скагену, за которымъ стали на якорь, такъ какъ жестокій вѣтеръ не позволялъ обогнуть мысъ: 11-го, наконецъ, выбрались въ море, которое встрѣтило насъ ужасною качкою, продолжавшеюся всю ночь. Утромъ 12-го вдругъ стихло, и корветъ, на огромной мертвой зыби, тоскливо скрипѣлъ и хлопалъ парусами; солнце взошло темнокраснымъ матовымъ шаромъ и какъ-то зловѣще освѣщало пустынный горизонтъ: ни одного судна въ виду не было; барометръ падалъ съ ужасающею быстротою; воздухъ былъ удушливъ и всѣ находились въ какомъ-то томительномъ состояніи; чайки, во множествѣ, рѣяли надъ водою и

¹⁾ Давно умеръ.

своимъ зловѣщимъ хохотомъ еще болѣе раздражали нервы. На палубѣ безмолвно шла тревожная и торопливая работа: укрѣпляли гребныя суда, пайтовили ¹⁾ якоря, пригоняли брезенты къ глухимъ люкамъ; В. безпрестанно бѣгалъ въ капитанскую каюту на совѣщаніе. Обѣдъ прошелъ натянуто; даже старый балагуръ-докторъ сидѣлъ угрюмо; не было на суднѣ ни одного человѣка, который не чувствовалъ-бы, что будущая ночь даромъ не пройдетъ.

Среди мертвой тишины, солнце скрылось за горизонтомъ, такимъ-же матовымъ багровымъ шаромъ, какъ и взошло. При спускѣ флага, убрали верхніе паруса и взяли два рифа у марселей ²⁾. Мнѣ приходилось на вахту съ 6-ти часовъ до полуночи, и я спустился въ каюту, чтобы приготовить вахтенный костюмъ; но едва успѣлъ я надѣть большіе сапоги, какъ сверху раздался отчаянный боцманскій свистокъ и крикъ: „пошелъ всѣ наверхъ, третій рифъ брать!“ Опрометью бросился я на свой гротъ-марсъ, спотыкаясь на выблинкахъ и стараясь тщетно обогнать старыхъ марсовыхъ ³⁾. Шквалъ налетѣлъ мгновенно и страшно ревѣлъ надъ лежавшимъ на боку корветомъ. „Марса шхоты травить“! ⁴⁾, закричалъ старшій офицеръ, и я почувствовалъ, что судно выпрямилось; но въ то-же время началась страшная, стремительная качка. Среди воя бури и хлопанья парусовъ, уцѣпившись обѣими руками за вахты, я рѣшительно не понималъ, какъ это наши марсовые полѣзутъ на рею: однакожь, полѣзли, и я даже съ ужасомъ увидѣлъ, что старикъ Сагайдачный сидитъ верхомъ на ногѣ и вяжетъ штыкъ-болтъ ⁵⁾. „Кричите, готово!“ сказалъ мнѣ боцманмать Овсянниковъ, но у меня захватило духъ отъ страшныхъ размаховъ, и я только пропичалъ что-то. „Съ марсовъ долой“! раздалась команда, и я проворно спустился по бакштагу, чуть не зацѣпивъ капитана, стоявшаго у борта, на вахтенномъ банкетѣ. Капитанъ тутъ-же распекъ меня и сказалъ, что въ такой штормъ не слѣдуетъ спускаться по снастямъ. Между тѣмъ штормъ крѣпчалъ; спустили брамъ-стенги, закрѣпили марселя и остались подъ зарифленнымъ фокомъ и фокъ-

¹⁾ Найтовъ—прочное прикрѣпленіе канатомъ.

²⁾ Марсель—второй снизу парусъ. Взять рифъ — уменьшить площадь парусности.

³⁾ Марсъ — площадка при соединеніи мачты съ продолженіемъ ея стеньгой. Выблинки—веревочныя ступеньки.

⁴⁾ Ослабить натянутый парусъ.

⁵⁾ Шокъ—коонецъ реи. Штыкъ-болтъ—веревка, прикрѣпляющая къ реѣ верхній уголь паруса. Штыкъ-болтные—самые лихіе матросы.

стакселемъ¹⁾). Къ 10-ти часамъ достали штормовую бизань и закрѣпили фокъ; корветъ страшно качало; штормъ усиливался до урагана, но было видно, что сдѣлано все зависѣвшее отъ человѣка и науки, и что оставалось только терпѣливо ждать смягченія бури. Въ 11-ть часовъ, вахтенный начальникъ послалъ меня осмотрѣть огни въ палубѣ, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заглянуть въ свою каюту, находившуюся какъ разъ противъ гротъ-люка; въ ней никого не было, и я уже хотѣлъ отойти, какъ огромная волна вкатилась въ люкъ и оттуда въ нашу каюту, такъ что меня отбросило и ударило головою объ якорную цѣпь; ошеломленный, я вылетѣлъ наверхъ и ничего не донесъ вахтенному,—да ему не до меня и было... Когда все успокоилось, капитанъ спустился въ каюту надѣть сухое бѣлье. Прошло минутъ пять безъ особенныхъ приключеній; вѣтеръ, казалось, достигъ высшаго напряженія, но корветъ держался довольно покойно, лежа правымъ галсомъ на NW, какъ вдругъ я почувствовалъ страшный толчекъ въ грудь, и меня отбросило на подвѣтренную сторону. На бакѣ поднялся огромный столбъ воды и раздался громовой трескъ; въ ту-же минуту, изъ люка, какъ привидѣнiе, показался капитанъ. Никогда не забуду я его вида: безъ фуражки, въ одной незастегнутой бѣлой рубахѣ, босой и съ своими страшными усами... Едва успѣлъ онъ въ темнотѣ найти вахтенный банкетъ, какъ его сильно ударило какимъ-то обломкомъ, и онъ почти упалъ мнѣ на руки. Оказалось, что съ носа вкатился „девятый валъ“, который однимъ ударомъ сорвалъ и перекинулъ на палубу запасный якорь, снесъ сѣтки съ койками до самаго планшира и повредилъ рулевой аппаратъ. Руль пересталъ дѣйствовать, и корветъ, поставленный поперегъ волненія, сталъ черпать бортами. Не знаю ужъ какъ у Павла Ивановича зародилась мысль, какъ она перешла въ дѣйствiе, но не прошло и минуты, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ на сорванномъ якорѣ и сбивалъ желѣзное яблоко на концѣ штока; а еще черезъ нѣсколько ужасныхъ минутъ, этотъ штокъ уже былъ вставленъ въ руль и корветъ приведенъ къ вѣтру. Управившись съ этою, по истинѣ невозможною при данныхъ условіяхъ, работою, П. И., все еще въ своемъ легкомъ костюмѣ, позвалъ насъ, гардемариновъ, и поздравилъ съ настоящимъ штормомъ, выразивъ надежду, что этотъ случай навсегда останется у насъ въ памяти, какъ доказательство того, что въ морѣ никогда не должно теряться, и что гибель судна

¹⁾ Стаксель и бизань—штормовые паруса малой площади.

очень часто зависить не отъ стихій, а отъ недостатка распорядительности.

Пробило двѣ склянки (часъ ночи), и капитанъ, спускаясь внизъ, пригласилъ къ себѣ вахтеннаго начальника и меня, отстоявшихъ вахту. По пути я хотѣлъ надѣть хоть сухой мундиръ, но оказалось, что все наше имущество плавало въ водѣ, гулявшей по кубрику. Возвратясь въ капитанскую каюту, я, по предложенію капитана, съ наслажденіемъ выпилъ рюмку водки съ рижскимъ бальзамомъ. На столѣ лежалъ кусокъ сыра и копченые оленины языки; все это было привязано къ столу и, чтобы отрѣзать кусокъ, надо было стать на колѣни, держась лѣвою рукою за столъ, а правою рѣзать и класть въ ротъ. Послѣ этого лукулловскаго ужина, я поднялся опять наверхъ — все равно спать было негдѣ, да и не до сна было...

Съ разсвѣтомъ положеніе корвета оказалось критическимъ: мы подходили къ Хорискому рифу, на который насъ несло съ страшною быстротою теченіе, а хода впередъ, при малой парусности, почти не было; дипъ-лотъ ¹⁾ показывалъ все меньше и меньше глубины и хотя я еще не понималъ страшной опасности, угрожавшей намъ, но по лицамъ офицеровъ видѣлъ, что творится нѣчто очень серьезное; наконецъ, капитанъ рѣшился рискнуть: поставили всѣ три марселя въ два рифа; стеньги гнулись „въ лучекъ“ и трещали, но мы благополучно прошли траверсъ рифа. Когда стоявшій на лотѣ старшій рулевой Сарафанниковъ провозгласилъ: „восемнадцать футъ“, капитанъ обнялъ его и поздравилъ унтеръ-офицеромъ.

Штормъ не стихалъ. Въ корветѣ открылась течь, для уменьшенія которой потребовалась усиленная работа всѣми помпами: въ этихъ обстоятельствахъ капитанъ рѣшился зайти въ Христіанзандъ. У маяка выѣхалъ лоцманъ, чтобы провести насъ черезъ шхеры, но не могъ присгать къ корвету: началось чрезвычайно трудное маневрированіе между скалами, по сигналамъ, съ лоцманскаго бота; корветъ подвигался, буквально окруженный со всѣхъ сторонъ бурунами, рискуя разбиться, при малѣйшей оплошности, но, благодаря искусному управленію парусами самого капитана и бравою командѣ, корветъ благополучно выбрался и сталъ на якорь на превосходномъ Христіанзандскомъ рейдѣ. Не могу не вспомнить при этомъ, какъ Павелъ Ивановичъ Истоминоу, со слезами, перекрестился, проходя мимо маяка, у котораго нѣкогда

¹⁾ Гири съ веревкою для измѣренія болѣе значительныхъ глубинъ.

разбился корабль „Ингерманландъ“, и погибъ Алевичъ Истоминонъ, родной братъ капитана.

Съ первую шлюпку, посланную на берегъ, поѣхалъ очередной гардемаринъ. Сердце мое сжалось, когда на корветъ: вмѣсто чистенькаго, щегольскаго судна недавно восхищавшаго копенгагенскую публику, гдѣ представилась жалкая лайба, съ кривымъ рангоутомъ, бортомъ, ржавыми цѣпями и засохшею солью на борту. На корветъ, я нашелъ многое уже исправленны офицерами шли разговоры о томъ, что старыи „Наваринъ“ по всѣмъ швамъ, и что, по приходѣ въ Англію ходимо ввести въ докъ.

Пять дней стоянки въ Христиансандѣ были употреблены на исправленія и окраску, и вотъ мы опять въ морѣ, въ тихомъ и спокойномъ. Быстро прошли мы Доггеръ-бухту, перскіе маяки, и въ одинъ тихій вечеръ вошли на рейдъ, гдѣ застали англійскую эскадру (Channel squadron) флагомъ адмирала Корри, на кораблѣ St. Jean d'Acque. День мы вошли въ гавань и стали около Трафальгара, рана, корабля „Victory“, на которомъ убитъ Нельсъ. Мы же приступили къ исправленіямъ, которыя возможно, не вводя судна въ докъ. Нельзя сказать, чтобы проводили время въ Портсмутѣ: общественное мнѣніе, готовившихся политическихъ событій, страшно было противъ насъ, и невозможно было показаться на улицахъ подвергнуться брани со стороны уличныхъ мальчишекъ черни. Впрочемъ, насъ, молодежь, это не смущало и вечера посвящали плохому театру, причемъ не забываясь въ хорошенькихъ актрисъ, Miss Rollin и т. п.

Наконецъ, скучныя три недѣли прошли и мы оставили Портсмутъ, но, увы, не надолго. При переправѣ течь удвоилась, и капитанъ ясно увидѣлъ, что такое плаваніе нельзя. Зашли въ бухту Торбей (Torbay) осмотрѣли подводную часть, въ которую вода билась. Пришлось возвратиться въ Портсмутъ и на этотъ разъ въ докъ. Команда и офицеры перебравшись на блокшифъ, гать „Blonde“. Въ это время пребываніе наше въ Англіи весьма затруднительнымъ: были получены извѣстія о Синопскаго боя, и мы съ каждымъ днемъ ожидали войны. Наконецъ, вышли изъ дока и оставили Англію. Выходили уже не въ тропики, а въ Голландію. Не буди

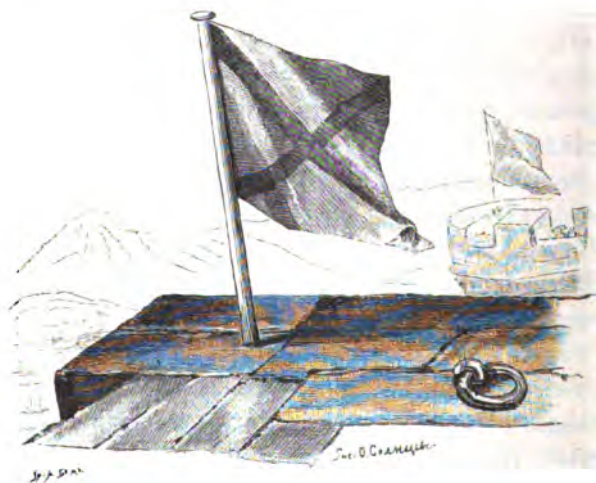
последняго ужаснаго перехода. Тѣ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ, наваринцевъ, которые прочтутъ эти строки, конечно, съ содроганіемъ вспомнятъ Дувръ, Диль, Дондженесь, Нордъ-Форландъ, гдѣ мы, съ своею утлою ладьею, не разъ были на волосъ отъ гибели; скажу только, что не одно сердце радостно забилося, когда мы увидѣли Вестъ-Каппель и Флиссингенскія дюны—конецъ нашихъ страданій.

Присланный изъ Петербурга флигель-аъютантъ Аркасъ призналъ корветъ никуда негоднымъ, и мы сухимъ путемъ возвратились въ Россію, сдавъ корветъ голландскому правительству.

Трудно, конечно, описать наше разочарованіе: въ то время, какъ мы, по негодности, безславно спускали флагъ и потомъ тряслись на перекладныхъ, товарищи наши на „Аврорѣ“ отличились въ Петропавловскѣ и украсились Георгіями... Но нѣтъ горя безъ утѣшенія: мы вернулись въ корпусъ вполне обстрѣленными моряками, пройдя въ короткое время всю школу паруснаго флота, и я увѣренъ, что тотъ, кому я посвящаю эти воспоминанія, во время своихъ блестящихъ плаваній, не разъ вспоминалъ о службѣ своей на „Наваринѣ“.

С. В. Акимовъ.

Деревня Ефимовка.
августъ 1890 г.

ГРАФУ Н. Н. МУРАВЬЕВУ-АМУРСКОМУ.

ПАМЯТНИКЪ ВО ВРЕМЯ НАХОЖДЕНИЯ

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ПАМЯТНИКЪ ГРАФУ Н. Н. МУРАВЬЕВУ-АМУРСК

въ Хабаровкѣ.

[Посвящается всѣмъ, принимавшимъ участіе въ этомъ патріотическомъ]

I.

писаніе кругосвѣтнаго путешествія Дюмонъ-Дюррля были первою книгою, прочитанною мною въ дѣтствѣ. Я зачитывался ею, будучи еще десятилетнимъ ребенкомъ. Потомъ любимымъ моимъ чтеніемъ были путешествія Араго и всѣ вообще путешествія и дальнихъ странъ. Давая массу новыхъ свѣдѣній, книги производили на меня глубокое впечатлѣніе и внушали сильное желаніе самолично видѣть все то, о чемъ Америка и Океанія влекли меня къ себѣ неудержимо подѣ вліяніемъ чисто русскаго воспитанія, желаніе ѣхать въ чужія земли, становилось слабѣе и напротивъ все и сильнѣе возникало стремленіе изучить наши окраины и Сибирь. Смѣло могу сказать, что я прочелъ добрую половину всего, что было написано о нихъ по-русски и по-французски. Новая книга, брошюра и статья объ этихъ мѣстностяхъ читались мною и прочитывались съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ.

Понятно, что не одна природа этихъ странъ влекла меня къ себѣ, я восхищался и дѣятелями, прославившими тамъ патріотическими дѣйствіями, способствовавшими развитію

могущества и силы. Ермоловъ, Пасекъ, Невельской, Муравьевъ — вотъ мои герои, которыхъ я чтить, которымъ удивлялся. Амурскіе походы, плаванія Невельскаго, спасеніе Муравьевымъ сибирской флотиліи наиболѣе останавливали на себѣ мое вниманіе.

Результаты подобнаго чтенія очень пригодились мнѣ впоследствии, такъ какъ судьба привела меня, многіе годы моеѣ службы, провести именно на окраинахъ Россіи: на Кавказѣ, въ Привислянскомъ краѣ и въ Сибири. На Кавказѣ я былъ офицеромъ генеральнаго штаба, въ Привислянскомъ краѣ — губернаторомъ, а на нашемъ крайнемъ востокѣ, въ концѣ 1879 г., былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири.

Мечты моей юности сбылись и притомъ въ размѣрахъ неожиданныхъ и колоссальныхъ. Принять въ свое управленіе вмѣстѣ съ Восточною Сибирью и юный Амурскій край, присоединенный Муравьевымъ, было задачей большой важности и очень трудной, но обстоятельства, въ которыхъ этотъ край находился при моемъ назначеніи, значительно облегчили задачу. Трудно было-бы быть непосредственнымъ преемникомъ графа Муравьева-Амурскаго: тогда надо было обладать особымъ даромъ: вѣрно понять его цѣли и смѣло продолжать его работу. Не то требовалось въ 1880 году. При самомъ вступленіи моемъ въ новую должность, я, еще не уѣзжая изъ Петербурга, знакомясь съ дѣломъ, убѣдился, что край этотъ былъ совершенно забытъ. Мѣстныя власти, послѣ генерала Корсакова, совсѣмъ почти о немъ не заботились отчасти по своимъ личнымъ взглядамъ, но болѣе потому, что постоянно ожидали его изыятія изъ ихъ управленія и передачи въ вѣдѣніе морскаго министерства на правахъ колоній европейскихъ государствъ. Проекты объ этомъ давно уже созрѣвали въ умахъ многихъ столичныхъ дѣятелей, и именно къ началу 1880 г. приняли болѣе осязательную форму. Владивостоку грозила участь Николаевска; его предполагали оставить и не для того, чтобы вывести нашъ флотъ на болѣе просторъ, но чтобы запереть въ крошечной и трудно доступной гавани Св. Ольги. На перенесеніе туда порта и устройства новыхъ учрежденій исчислялись миліоны.

Глубоко благоговѣя передъ памятью Муравьева и рѣшительно, впредь до изученія вопроса на мѣстѣ, отклонивъ свое участіе въ дѣлѣ перевода порта изъ Владивостока въ Ольгу, я сразу увидѣлъ, что мнѣ предстоитъ задача вполне опредѣленная и ясная — взять въ свои руки заброшенные амурскія дѣла, энергично заняться ими, привлечь на нихъ вниманіе кого слѣдуетъ и вывести край изъ того запущенія, въ которомъ онъ такъ долго находился. Амурскому

краю надо только помочь стать на ноги, его естественнаго богатства докончатъ дѣло.

Условія тогдашней внѣшней политики поблагоприятствовали моимъ намѣреніямъ и китайцы помогли Амуру во всемъ. Амуръ снова обратили вниманіе и на этотъ разъ безъ колебаній. Для Амурскаго края настала новая эра; мысль объ обществѣ и о немъ какой-то колоніи оставлена и, вмѣсто отторженія, перенесена плено къ окончательному слитію его съ имперією и къ колонизаціи русскими людьми и проведенія сплошной дороги черезъ всю Сибирь. Но объ этомъ лишь къ концу 40-хъ хотѣлось сказать, что, едва вступая въ управленіе Сибирью, я на фактахъ убѣдился, какъ замѣчательна была деятельность графа Муравьева - Амурскаго и какъ жестоко послѣ него его взгляды и мысли. Мое почитаніе графа усилилось и я видѣлъ возможность послужить его пам...

II.

По приѣздѣ въ западную часть Восточной Сибири Сибирь, я былъ удивленъ холоднымъ отношеніемъ и недѣятельности Муравьева. О немъ хорошо помнили, но не вспоминали добромъ. Триумфальныя ворота, поставленныя въ Иркутскѣ для встрѣчи присоединителя Амура, едва паденіемъ, неостроумныя вирши съ припѣвомъ:

Прощай, Иркутскъ, въ началѣ мая,
А въ октябрѣ прощай Амуръ!

представляли его вѣчно отсутствующимъ. За эту-то нововведенію краю, кажется, и не любили его сибиряки или, по крайней мѣрѣ, руководители общественнаго мнѣнія, смотрѣвшіе на него не лично, а общественно, съ узкой точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, заботившіеся объ общихъ государственныхъ дѣлахъ.

Въ Забайкальи холодность эта переходила даже въ враждебность. Тамъ не забывали еще, что для новаго края вѣдь широкою рукою черпалъ въ Забайкальи не только ма...

¹⁾ О положеніи нашего крайняго востока въ 1880 г. и началѣ 90-хъ годовъ времени новыхъ правительственныхъ распоряженій насчетъ края многія свѣдѣнія находятся въ 1-мъ и 8-мъ томахъ изданнаго въ Иркутскѣ „Сборника главнѣйшихъ официальныхъ документовъ въ Восточную Сибирь“.

средства, но и живую силу, отправя тысячи семей въ составъ вновь организованнаго имъ Амурскаго казачьяго войска.

Не такого отношенія къ Муравьеву ожидалъ я отъ сибиряковъ. Впрочемъ, обсудивъ дѣло хладнокровно, я призналъ, что, можетъ быть, старые сибиряки по своему праву: Иркутскъ не прощалъ ему явнаго предпочтенія къ Амуру и амурскимъ дѣламъ, а Забайкалье обвиняло его въ истощеніи ихъ области для нуждъ чего-то совершенно посторонняго, по ихъ мнѣнію, и для области и для Россіи.

Но вотъ картина перемѣнилась съ той самой минуты, когда передо мною покатишь свои мутныя воды великій Амуръ. Здѣсь все получило начало при Муравьевѣ, все обязано ему своимъ существованіемъ, все отъ мала до велика чтить его память и передаетъ массу легендъ героическихъ и благодарныхъ, въ которыхъ личность графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго представляется въ чудномъ свѣтѣ, какъ личность богатыря и несравненнаго патріота. Наслушавшись разныхъ небывальщинъ въ Иркутскѣ и Забайкальи, я опасался, что амурскіе казаки встрѣтятъ меня жалобами, протестами, заговорятъ о возвратѣ на родину... Не тутъ-то было.

Въ 1881 г., когда я объѣзжалъ Амуръ, дѣйствительную казачью службу начали уже отбывать тѣ казаки, которые родились на Амурѣ, для которыхъ Амуръ былъ дорогою родиною. На мои вопросы къ молодежи: хорошо-ли имъ живется здѣсь, всѣ они и во всѣхъ станицахъ отвѣчали единодушными похвалами Амуру и рѣшительными заявленіями, что имъ лучшихъ мѣстъ не нужно. „Ну, а что вы скажете?“ обратился я къ старикамъ. — „Да что намъ сказать, мы свой вѣкъ прожили, намъ и умирать пора; жить здѣсь придется дѣтямъ нашимъ и внукамъ; если имъ хорошо, то мы отъ нихъ не уйдемъ“.

Видно было, что Амуръ принадлежалъ уже не силою поселеннымъ на немъ забайкальскимъ казакамъ, а своему собственному населенію, здѣсь народившемуся и здѣсь выросшему на просторѣ и свободѣ. Амурскій край изъ нѣдръ своихъ воздвигъ себѣ защитниковъ и для многихъ тысячъ людей сталъ родиною, на защиту которой охотно принесутся всѣ ихъ силы и самая жизнь. Также восторженно относились къ Амуру и пришедшіе туда (на Бурею и Зею) крестьяне и горожане Благовѣщенска, не говоря уже о болѣе интеллигентныхъ слояхъ общества, хорошо устроившихся въ дѣвственномъ краѣ, быстро развивающемся, почти на манеръ американскій.

По мѣрѣ углубленія въ край, я убѣждался, что тамъ все дышетъ благодарною памятью къ Муравьеву и высоко цѣнитъ его госу-

дарственные заслуги. Мнѣ пріятно было находиться м мышленниками, славящими незабвеннаго патріота гра Николаевича.

Знакомясь подробно съ Благовѣщенскомъ, я узналъ дарные Муравьеву горожане, дѣйствуя, впрочемъ, въ п неніи со всѣми амурцами, разумѣя подъ этимъ слово всего Амурскаго бассейна, давно уже носятя съ мысл женіи ему памятника. Осуществленіе этой мысли при : было неудобно, но за то всѣ надѣялись, что желаніе ствится немедленно по смерти чтимаго ими патріота смѣлые проповѣдники этой идеи видѣли возможность ее и монументомъ, и полезнымъ благотворительнымъ постановки памятника указывали даже и мѣста. Одно не въ далекомъ отъ него разстояніи, а другое въ са вѣщенскѣ, въ общественномъ саду, при распланирован оставлена была площадка для будущаго памятника.

Можетъ быть оба мѣста не были особенно удачны. Первое лежало внѣ города и памятникъ стоялъ-бы Второе было уже очень скромно, давало мало простора и фигуру Муравьева лицомъ внутрь города, оставляя спиною. Во всякомъ случаѣ, я не могъ не признать, амурцевъ о памятникѣ Муравьеву дѣйствительно прекр. и что благодарные благовѣщенцы, по своей инициати ствамъ, имѣютъ право видѣть подобный монументъ городѣ или въ ближайшихъ его окрестностяхъ.

На большомъ обѣдѣ, данномъ мнѣ тогдашнимъ амурсн наторомъ г.-м. І. Г. Барановымъ, присутствовали всѣ мѣстная интеллигенція. Спичи и тосты слѣдовали другъ и по разнымъ поводамъ, но рѣчь, въ концѣ концовъ, се на тотъ-же главный предметъ... на Муравьева. Да и г говорить о немъ, какъ не здѣсь, на Амурѣ! Подъ впе происходившаго, я послалъ графу Н. Н. Муравьеву телеграмму, въ которой выразилъ чувства, одушевл собраніе, и свидѣтельствовалъ о глубокой къ нему пр амурцевъ, свято хранящихъ его завѣты, вѣрныхъ ему щемъ и думающихъ о томъ, чтобы въ будущемъ на в пить о немъ память въ Благовѣщенскѣ достойнымъ монументомъ.

Копіи съ этой телеграммы я не нашелъ въ моихъ б отвѣтная телеграмма гр. Николая Николаевича отъ 1881 г. изъ Парижа сохранилась. Вотъ ея содержаніе: „Р

touché de votre bon souvenir et de celui de chers Sibiriens; vous en remercie tous sincerement“.

Такимъ образомъ, еще въ маѣ 1881 г., амурцы, чрезъ мое посредство, довели до свѣдѣнія графа Муравьева свои намѣренія о постановкѣ ему памятника въ Благовѣщенскѣ. Во время дальнѣйшаго путешествія по Амуру я убѣдился, что на всемъ его странствѣ живетъ свѣтлая память о Муравьевѣ и объ его подвигѣ. Мысль о постановкѣ ему памятника у всѣхъ амурцевъ созрѣла вполне сознательно и осуществленіе ея было только вопросомъ времени. Не предвидѣлъ я тогда, что очень скоро, всего черезъ какіе-нибудь полгода, мнѣ придется приняться за выполненіе этого дѣла.

III.

Окончивъ обзорніе Амура, я въ ту-же осень пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и получена была телеграмма о смерти графа Николая Николаевича въ Парижѣ, въ ночь съ 18-го на 19-е ноября 1881 г. Немедленно сообщивъ это скорбное извѣстіе въ Сибирь, я черезъ нѣсколько дней получилъ оттуда не мало телеграммъ объ отслуженныхъ вездѣ панихидахъ о знаменитомъ покойникѣ.

Въ Петербургѣ парадная панихида, собравшая многочисленную публику, была отслужена въ церкви Пажескаго корпуса, гдѣ воспитывался Н. Н. Муравьевъ. На этой панихидѣ я, между прочимъ, встрѣтился съ моимъ давнимъ пріателемъ по Варшавѣ, генер. штаба генераль-маіоромъ М. Ѡ. Мирковичемъ, который представилъ мнѣ молодаго своего племянника (сынъ сестры), вольноопредѣляющагося л.-гв. Преображенскаго полка В. В. Муравьева, къ которому, по особому высочайшему соизволенію, переходили титулъ и фамилія покойнаго ¹⁾). Я тогда-же передалъ Мирковичу, что, въ виду высказанныхъ мнѣ, лѣтомъ текущаго года, желаній амурцевъ о сооруженіи памятника графу Николаю Николаевичу, я намѣренъ немедленно заняться этимъ вопросомъ. Въ оживленной по этому случаю бесѣдѣ, высказана была Мирковичемъ мысль о томъ, что вполне цѣлесообразно было-бы перевезти на Амуръ прахъ Муравьева и похоронить его на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ, который сдѣлается, такимъ образомъ, не только монументомъ, но и мавзолеемъ.

¹⁾ Графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій нынѣ служитъ капитаномъ генеральнаго штаба.

М. О. Мирковичъ взялъ на себя увѣдомить о моемъ намѣреніи графиню Муравьеву-Амурскую и просить ее сообщить—будетъ-ли она согласна на перевозку тѣла ея покойнаго мужа на Амуръ.

Графиня Муравьева, горячо благодаря за желаніе увѣковѣчить память ея мужа монументомъ, прибавляла, что съ удовольствіемъ согласится на перевозку тѣла Николая Николаевича на Амуръ, въ ожиданіи чего, временно охоронить его въ семейномъ склепѣ. Какъ пишетъ въ „Русской Старинѣ“ М. И. Венюковъ (ноябрь 1891 г., стр. 475), прахъ графа Николая Николаевича покоится на Монмартскомъ кладбищѣ, въ склепѣ фамилии de-Richemond, изъ которой происходитъ до нынѣ здравствующая вдова покойнаго ¹⁾.

Не предрѣшая еще вопроса о томъ, гдѣ поставить памятникъ и не говоря ни слова о перевозкѣ на Амуръ праха графа Николая Николаевича, я, письмомъ отъ 2-го декабря 1881 г. № 66, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьева исходатайствовать высочайшее соизволеніе объ открытіи добровольной подписки на сооруженіе памятника. Ходъ подписки долженъ былъ показать: осуществится-ли и въ какой формѣ сооруженіе памятника, и впереди было много времени для обсужденія подробностей. Въ письмѣ я писалъ

„Въ ночь съ 18-го на 19-е ноября, въ Парижѣ, скончался бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири генералъ-адъютантъ графъ Муравьевъ-Амурскій. Имя покойнаго связано съ однимъ изъ блестящихъ событій минувшаго царствованія и по волѣ въ Божѣ почившаго императора Александра II, даровавшаго Муравьеву титулъ графа Амурскаго, навсегда будетъ свидѣтельствомъ его заслугъ по присоединеніи къ Россіи Приамурскаго края.

„Во всей Восточной Сибири, а особливо на Амурѣ, графъ Муравьевъ-Амурскій пользовался большими симпатіями общества, а въ Благовѣщенскѣ давно уже благодарными гражданами этого города приготовлено мѣсто, на которомъ поклонники покойнаго желали-бы видѣть воздвигнутый въ честь его памятникъ.

„Немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ графа Николая Николаевича, въ Восточной Сибири возникла мысль о собраніи, посредствомъ добровольной подписки, извѣстной суммы для сооруженія покойному памятника и учрежденія, если окажется возможнымъ, какого-либо благотворительнаго заведенія для увѣковѣченія его памяти въ краѣ, на пользу коего онъ столько потрудился.

¹⁾ М. И. Венюковъ ошибается, говоря, что фамилію семейства графини надо писать съ окончаніемъ на t, а не на d. По заявленію князя Волконскаго, знающаго это изъ самаго точнаго источника, графиня Муравьева-Амурская происходитъ изъ фамиліи de-Richemond.

„Какъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири, считая долгомъ быть вѣрнымъ истолкователемъ желаній населенія, вѣреннаго мнѣ края, честь имѣю обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою повергнуть вышеизложенное на высочайшее государя императора благоусмотрѣніе и исходатайствовать соизволеніе его величества на открытіе въ Восточной Сибири добровольной подписки съ вышеизложенною цѣлью, съ разрѣшеніемъ принимать подписку и отъ другихъ почитателей гр. Муравьева-Амурскаго, находящихся нынѣ въ другихъ частяхъ имперіи.

„Увѣренный, что в. с., какъ одинъ изъ сотрудниковъ покойнаго, сочувственно отнесетесь къ настоящему дѣлу, прошу принять“ и проч.

21-го декабря 1881 г. № 14,463, графъ Н. П. Игнатьевъ сообщилъ мнѣ, „что государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу, въ 17-й день декабря, высочайше соизволилъ разрѣшить сборъ въ Восточной Сибири и въ другихъ мѣстахъ имперіи добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе бывшему генераль-губернатору Восточной Сибири графу Муравьеву-Амурскому въ г. Благовѣщенскѣ памятника и учрежденіе, если окажется возможнымъ, какого-либо благотворительнаго заведенія для увѣковѣченія его памяти въ краѣ, на пользу котораго онъ столько потрудился“.

Вслѣдъ за тѣмъ (19-го января 1882 г. № 6) министерство внутреннихъ дѣлъ разослало генераль-губернаторамъ и губернаторамъ циркуляръ о подпискѣ и направленіи жертвуемыхъ денегъ въ Иркутскъ на имя генераль-губернатора въ главное управленіе Восточной Сибири.

Сборъ пожертвованій собственно въ Петербургѣ взялъ на себя товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь М. С. Волконскій, искренній почитатель графа Николая Николаевича, начавшій при немъ свою службу и побывавшій съ нимъ въ Якутскѣ и на Амурѣ и издавшій недавно превосходную біографію графа.

Къ концу 1882 года подписка достигла почти 40 т. рублей, а къ концу ноября 1883 г. равнялась 48,962 р. 11 к. По ходу подписки слѣдовало предполагать, что далѣе она не пойдетъ и что возрастаніе капитала будетъ происходить только отъ наростанія процентовъ. Такъ потомъ и оказалось въ дѣйствительности. Ко времени открытія памятника, въ маѣ 1891 г., вся подписная сумма, съ наросшими процентами, составляла 62 т. руб. Составъ этой суммы (48.962 р. 11 к.), соотвѣтствуя вышеописанному мною настроенію общества въ различныхъ частяхъ Восточной Сибири былъ таковъ:

Въ Амурской области собрано	28,4
» С.-Петербургѣ	6,4
» Иркутскѣ	5,1
» Забайкальской области	5,3
» Европейской Россіи	1,4
» Иркутской губерніи	8
» Якутской области	1
» Приморской	1
» Енисейской губерніи	1
» Западной Сибири	1
Всего 48,4	

Въ Иркутскѣ подписали: П. А. Сиверсъ—2,000 р. миновъ и В. П. Сукачевъ по 1,000 р., прочія лица (части чиновники и офицеры)—827 р. и, наконецъ, горда дала всего 343 р.

Поступленіе изъ Амурской области болѣе большой по жертвованій еще болѣе убѣдило меня, что памятникъ Муравьеву-Амурскому слѣдуетъ поставить въ Благовѣщенскѣ мѣстному губернатору обсудить это дѣло въ отъѣздѣ, я просилъ его представить свои соображенія о томъ, лучше поступить съ собранными деньгами. Тотъ-же мѣстникъ обязывался разузнать есть-ли на мѣстѣ каменныя для пьедестала подъ статуя, которую полагалось заказывать въ Петербургѣ, и найдутся-ли въ области опытные камнегеси.

Первоначально было только намѣчено желаніе устройство для казачьихъ дѣтей при благовѣщенскихъ гимназіяхъ (и женской) и богадѣльню для престарѣлыхъ амурскихъ сподвижниковъ графа, а потомъ явилось предположеніе о устройствѣ ремесленной школы. При этомъ въ Благовѣщенскѣ склонялись къ тому, чтобы памятникъ поставить скромную часть капитала обратить на благотворительное дѣло годный для пьедестала, могъ быть найденъ на Амурѣ, совѣ не оказывалось.

Идея употребленія большей части собранныхъ денегъ на устройство пьедестала была мнѣ весьма симпатична и я принялся къ тому, чтобы на статуя для памятника употребить 15 тысячъ руб., пьедесталь сдѣлать на мѣстныхъ средствахъ руб. обратить на благотворительное дѣло немедленно въ послѣдствіи, когда собранный капиталъ значительно проценты и обезпечить существованіе учрежденія бо. наго, чѣмъ можно бы было основать на наличныя сред-

724
ПАМЯТНИКЪ ГРАФУ Н. Н. МУРАВЬЕВУ АМУРСКОМУ

Въ этихъ видахъ я обратился къ содѣйствію князя М. С. Волконскаго, прося его, по соглашенію съ компетентными лицами, выяснить: можно-ли на 15 тысячъ руб. воздвигнуть монументъ, достойный памяти покойнаго графа? Въ письмѣ по этому дѣлу, отъ 31-го августа 1882 г., я разъяснялъ, что хотя желательно-бы поставить въ Благовѣщенскѣ, на память грядущимъ поколѣніямъ, изображеніе энергичной фигуры графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, но, при недостаточности наличныхъ средствъ, можно-бы ограничиться колонною или вообще чѣмъ-либо другимъ, требующимъ меньшихъ расходовъ. Въ этихъ-же видахъ сокращенія издержекъ указывалось мною на полную возможность устроить бесплатную перевозку памятника по желѣзнымъ дорогамъ до Одессы, а далѣе до Владивостока на одномъ изъ судовъ Добровольнаго флота. Перевозка статуи въ предѣлахъ Сибири, къ мѣсту постановки, была-бы уже дѣломъ домашнимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ разъяснить вопросъ о конкурсѣ.

Князь Михаилъ Сергѣевичъ съ полною охотою принялъ на себя всякаго рода хлопоты по дѣлу о постановкѣ памятника графу Муравьеву-Амурскому, и уже съ 1882 г. началъ хлопотливую и отвѣтственную дѣятельность, которая окончилась лишь въ январѣ 1891 г. отправкою на Амуръ совершенно готовой статуи графа.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, памятникъ Пушкина въ Москвѣ потребовалъ трехъ конкурсовъ, что обошлось въ 10,200 р.; отливка фигуры стоила 15,000 р., а пьедесталь и постановка всего памятника обошлись въ 62,000. Всего было издержано 87,200 р.

Тотъ-же самый академикъ А. М. Опекушинъ, который исполнилъ статую Пушкина, соглашался изготовить и фигуру гр. Муравьева, вышиною въ 5 аршинъ, за 15,000 р.

Передавая мнѣ эти данныя, кн. М. С. Волконскій высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Памятникъ долженъ непременно представлять выразительную фигуру гр. Н. Н. Муравьева. Онъ долженъ имѣть грандіозный характеръ и потому, если сумму, предполагаемую на учебныя заведенія, придется уменьшить на нѣсколько тысячъ, то лучше было-бы на этомъ не останавливаться, такъ какъ на учебныя заведенія найдутся деньги и впослѣдствіи, а памятникъ, разъ сдѣланный и не вполне отвѣчающій мысли, служащей ему основаніемъ, навсегда такимъ и останется. Всѣ мои сибирскіе знакомые того мнѣнія, что было-бы лучше поставить памятникъ не въ Благовѣщенскѣ—мѣстности, которая прождетъ для своего развитія, быть можетъ, еще цѣлое столѣтіе, а въ Иркутскѣ, гдѣ задумывались широкіе планы графа Муравьева и откуда они приводились въ исполненіе“.

Мысли князя о постановкѣ Муравьеву памятника и исполнѣ меня убѣдили, но насчетъ Благовѣщенска я с прежнемъ моемъ мнѣніи, еще болѣе укрѣпившемся вслѣд ничтожнаго участія иркутскаго общества въ подпискѣ. случаѣ окончательное предрѣшеніе вопроса мнѣ показалъ временнымъ, такъ какъ возникло предположеніе объ новаго Приамурскаго генераль-губернаторства и рѣшеностей, по праву, принадлежало новому начальнику когда въ половинѣ 1884 г. раздѣленіе Восточной Сибири вся переписка по дѣлу о памятникѣ, вмѣстѣ съ собраніями, передана была мною первому приамурскому генералу барону А. Н. Корфу.

Въ концѣ 1886 года собранный капиталъ возросъ и баронъ А. Н. Корфъ, прибывшій тогда въ Петербургъ, возмозность приступить къ окончательному разрѣшенію возведенію памятника. Многіе изъ бывшихъ сотрудники Муравьева-Амурскаго, подчиненныхъ и почитателей собравшись въ Петербургѣ, 3-го марта 1886 г., въ XXV такъ называемыхъ „амурскихъ обѣдовъ“, служившихъ мѣстомъ для сбора пожертвованій, рѣшили избрать изъ комитетъ, на предметъ обсуждения подробностей исполненнаго дѣла сооруженія памятника, въ составѣ четы адмирала генераль-адъютанта П. В. Казакевича, товарища народнаго просвѣщенія князя М. С. Волконскаго, совѣтника М. Н. Галкина-Враскаго и отставнаго совѣтника Ѳ. А. Анненкова ¹⁾.

При выборѣ комитета, князю Волконскому поручено въ предварительное съ барономъ Корфомъ сношеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ о самомъ мѣстѣ постановки такъ какъ указанный для сего г. Благовѣщенскъ, по менному положенію, затопляемый Амуромъ, и по условіямъ мѣстности, представлялся менѣе отвѣчающимъ напримѣръ, городъ Хабаровка, какъ нынѣшній центръ края, лежащій при слияніи Амура съ Уссури, или-же пунктъ присоединеннаго края портовый городъ Влади

На первомъ своемъ засѣданіи, 27-го октября 1886 г. по выслушаніи сообщенныхъ барономъ Корфомъ данны

¹⁾ На засѣданіи 31-го марта 1887 г. комитетъ выбралъ свѣдѣтелемъ барона А. Н. Корфа, вице-предсѣдателемъ князя М. С. Волконскаго, и пригласилъ меня въ число своихъ членовъ.

деніи ихъ въ связи съ приведенными выше соображеніями, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Поставить памятникъ надлежитъ въ Хабаровкѣ, въ городскомъ саду, на утесѣ, господствующемъ надъ мѣстностью и упирающимся въ р. Амуръ.

2) Мотивомъ для памятника избрать извѣстный портретъ въ иркутскомъ клубѣ, изображающій графа Муравьева-Амурскаго во весь ростъ ¹⁾, въ мундирѣ, на палубѣ военного судна въ водахъ Амура.

3) Для составленія проекта назначить двѣ преміи: одну въ 1,200 р. и другую въ 800 р.

4) Независимо публикаціи, специально пригласить къ участию въ выработкѣ проектовъ извѣстныхъ художниковъ Антокольскаго, Микѣшина и Опекушина.

5) За покрытіемъ расходовъ по сооруженію памятника, на предвидимый въ соотвѣтственномъ размѣрѣ остатокъ, построить у памятника домъ, для помѣщенія двухъ—трехъ инвалидовъ изъ мѣстныхъ казаковъ, для окарауливанія памятника.

6) Обезпечить содержаніе этихъ инвалидовъ доходомъ съ капитала, который былъ-бы для сего удѣленъ.

7) Въ случаѣ остатка, за производствомъ всѣхъ указанныхъ расходовъ, обратить таковой на образованіе казачьихъ стипендій въ мѣстномъ начальномъ училищѣ.

8) Предварительно распоряженій по приведенію изложеннаго въ исполненіе, испросить, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшее соизволеніе на постановку памятника, взамѣнъ Благовѣщенска, въ Хабаровкѣ.

Вслѣдствіе доклада графа Д. А. Толстаго, государь императоръ, 27-го ноября 1886 г., высочайше соизволилъ на постановку памятника графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому въ г. Хабаровкѣ, на утесѣ городского сада.

6-го декабря, комитетъ выработалъ слѣдующее объявленіе о конкурсѣ:

„Комитетъ по сооруженію памятника графу Муравьеву-Амурскому въ Хабаровкѣ (Приморской области) приглашаетъ гг. скульпторовъ принять участіе въ конкурсѣ, назначаемомъ съ этою цѣлью на слѣдующихъ основаніяхъ:

¹⁾ Портреты, принадлежащіе иркутскому собранію, изображаютъ всѣхъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, въ натуральную величину, но не во весь ростъ, а ниже колѣвъ.

1) Срокъ представленія модели—31-го марта 1887 г. ¹⁾.

2) Модели должны быть доставлены по адресу: князю М. С. Волконскому, Гагаринская набережная, собств. домъ, подъ извѣстными девизами и съ приложеніемъ запечатанныхъ конвертовъ, на которыхъ должны быть повторены тѣ-же девизы и гдѣ должны заключаться имена и адреса гг. исполнителей.

3) Модели требуются не менѣе 1 аршина вышиною.

4) За лучшія изъ нихъ будутъ выданы преміи: первая въ 1,000, вторая въ 600, а третья въ 400 р.

5) Модель, одобренная къ исполненію, становится собственностью комитета.

6) Памятникъ долженъ состоять изъ стоящей фигуры графа, въ генераль-адъютантской формѣ, и напоминать собою дѣятельность графа въ Сибири, по званію генераль-губернатора.

7) При исполненіи впоследствии модели въ натуральную величину, статуя должна быть не менѣе 5 аршинъ вышиною и отлита изъ бронзы въ Петербургѣ, а пьедесталь къ ней долженъ представлять искусственную скалу и быть приобрѣтенъ въ Хабаровкѣ.

8) Стоимость исполненія модели въ натуральную величину, отливка ея изъ бронзы и постановка на мѣсто не должны превышать суммы въ 25,000 руб., расходы же по доставкѣ статуи въ Хабаровку и по поѣздкѣ художника на мѣсто будутъ уплочены отдѣльно.

9) Для разсмотрѣнія имѣющихъ быть представленными моделями, для опредѣленія ихъ относительнаго достоинства и цѣлесообразности и присужденія премій, въ помощь комитету будутъ приглашены спеціалисты-художники по различнымъ отраслямъ искусства.

10) Памятникъ предполагается къ постановкѣ на скалѣ, возвышающейся надъ уровнемъ р. Амура на 15 сажень, а надъ ближайшею мѣстностью на 1 сажень.

11) Описаніе мѣстности, портретъ ²⁾ и біографическія свѣдѣнія о графѣ можно получить отъ кн. М. С. Волконскаго.

Осмотръ и оцѣнка представленныхъ статуй были назначены на

¹⁾ По ходатайству нѣкоторыхъ изъ гг. художниковъ, срокъ представленія моделей отсроченъ былъ до 10-го апрѣля 1887 г., о чемъ и оповѣщено въ газетахъ 20-го марта.

²⁾ За образецъ, какъ уже сказано выше, принятъ былъ портретъ графа, писанный Маковскимъ и находящійся въ Иркутскѣ въ общественномъ собраніи. Копія этого портрета, работа того-же художника, имѣлась въ С.-Петербургѣ у Н. П. Аносова. Фотографическая копія съ иркутскаго портрета была доставлена мною кн. М. С. Волконскому. Д. А.

11-е апрѣля и въ помощь комитета были приглашены: графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій, Я. П. Полонскій, Д. В. Григоровичъ, А. Н. Майковъ, А. И. Резановъ, И. Е. Рѣпинъ, Р. А. Гедике, М. В. Харламовъ, П. П. Чистяковъ и М. П. Боткинъ ¹⁾).

Всѣ присланные проекты памятника были выставлены въ залѣ князя М. С. Волконскаго. Моделей было 18 и одинъ рисунокъ. Одна изъ моделей была прислана изъ Тамбова, а другая изъ Парижа отъ художника Тургенева, сына извѣстнаго Н. И. Тургенева. Нашелся и шутникъ, приславшій комично-безобразную копію съ памятника кн. Аргутинскому-Долгорукову въ Шурѣ.

Собравшись на засѣданіе 11-го апрѣля, всѣ присутствующіе признали необходимымъ выбрать предсѣдателя, причемъ единогласно предсѣдателемъ былъ избранъ кн. М. С. Волконскій.

Такъ какъ, на основаніи 6 п. объявленія, представленію на конкурсъ подлежали только модели памятника, то представленный на конкурсъ рисунокъ былъ отстраненъ отъ разсмотрѣнія.

Затѣмъ поставлены были слѣдующіе вопросы: 1) имѣеть-ли комитетъ право измѣнять детали избранныхъ проектовъ? 2) свободенъ-ли комитетъ въ выборѣ заказа? и 3) что собственно подлежитъ оцѣнкѣ: исполненіе проекта или также и мысль, выраженная въ немъ, хотя-бы въ исполненіи ея и были замѣчены значительные недостатки.

По обсужденіи этихъ вопросовъ, собраніе пришло къ тому заключенію, что 1) комитету принадлежитъ полное право измѣнять, въ чемъ онъ признаетъ необходимымъ, премированный проектъ; 2) что комитетъ вполне свободенъ какъ въ выборѣ заказа, который можетъ быть сдѣланъ и помимо премированныхъ проектовъ, какъ и въ выборѣ и лицъ, которымъ онъ можетъ быть данъ, и 3) что оцѣнкѣ можетъ подлежать и мысль, выраженная въ проектѣ, хотя-бы онъ и заключалъ въ себѣ нѣкоторые недостатки.

М. П. Боткинъ, по ознакомленіи, по фотографіи, съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ предположена постановка памятника, указалъ на то, что менѣе всего слѣдуетъ обращать вниманіе на пьедесталь статуи, такъ какъ естественный пьедесталь—скала уже есть. Но размѣръ статуи въ пять аршинъ вышины онъ признавалъ недостаточнымъ. По его мнѣнію, статуя должна быть не менѣе 8 аршинъ вышиною. Только при такомъ ея размѣрѣ, памятникъ будетъ хорошъ.

¹⁾ По болѣзни и отсутствію изъ Петербурга, изъ числа приглашенныхъ на засѣданіе 11-го апрѣля 1887 г. не были: А. И. Резановъ, Д. В. Григоровичъ и И. Е. Рѣпинъ. Д. А.

если смотрѣть на него съ рѣки Амура. Собрание признало такое замѣчаніе М. П. Боткина вполне правильнымъ и рѣшило принять его къ свѣдѣнію, поставивъ въ зависимость отъ имѣющихся въ распоряженіи комитета средствъ.

Одѣнка и премированіе проектовъ произведены были двойнымъ голосованіемъ посредствомъ писанныхъ записокъ. Сперва были выбраны три лучшихъ проекта, достойныя преміи преимущественно предъ другими, а потомъ между этими тремя проектами распределены преміи.

Какъ оказалось потомъ, по распечатаніи конвертовъ, первая премія, 13-ю голосами, т. е. единогласно, присуждена академику А. М. Опекушину, вторая, 11-ю голосами, академику П. П. Забѣлло и третья досталась профессору скульптуры М. П. Попову.

Проектъ академика Опекушина, удостоенный первой преміи былъ весьма хорошъ. На высокомъ, отлично украшенномъ пьедесталѣ, поставлена въ горделивой, но вполне естественной позѣ фигура графа Николая Николаевича. Непокрытая голова съ лицомъ, дышащимъ энергіею, и смѣлымъ взглядомъ, была повернута влѣво, руки скрещены на груди, причемъ въ правой была зрительная трубка а въ лѣвой—свитокъ съ картою или хартіею мирнаго договора; лѣвая нога выдвинута впередъ и опиралась на верхушку вбитой сваи въ ознаменованіе того, что графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ положено твердое основаніе устройству Амурскаго края. Сваю въ нѣсколько рядовъ обвивала цѣпь отъ лежащаго у ногъ статуи якоря. Согласно конкурсу, графъ былъ изображенъ въ генераль-адъютантскомъ двубортномъ мундирѣ. Работа А. М. Опекушина въ художественномъ цѣломъ была олицетвореніемъ энергіи и силы и имѣла тѣ самыя качества, которыми долженъ былъ отличаться памятникъ, назначенный стоять на рубежѣ съ Китаемъ, на берегу возвращеннаго въ наше владѣніе Амура.

При подробномъ осмотрѣ выставленныхъ моделей, члены комитета и эксперты, вполне одобряя проектъ академика Опекушина въ общемъ, высказывали, между прочимъ, что, при исполненіи проекта, слѣдовало-бы сдѣлать нѣкоторыя измѣненія какъ въ смыслѣ улучшенія тѣхъ или другихъ деталей, такъ и въ смыслѣ его удешевленія. Всѣ эти замѣчанія, принятые потомъ комитетомъ, сводились въ слѣдующему: 1) пьедесталъ, по массѣ украшеній, представлялся слишкомъ дорогимъ и не могъ быть выполненъ на мѣстѣ за отсутствіемъ опытныхъ мастеровыхъ, а потому признавалось цѣлесообразнымъ взять изъ проекта А. М. Опекушина одну лишь статую, поставя ее на менѣ дорогой пьедесталъ изъ мѣстныхъ матеріаловъ; 2) нѣсколько болѣе повернуть голову влѣво, и 3) сложен-

ную вокругъ сваи дѣль предположено спустить свободнымъ концемъ внизъ и соединить съ якоремъ, положеннымъ не у ногъ статуи, а у подножія всего монумента.

14-го февраля 1888 г. проектъ академика Опекушина представленъ былъ въ Аничковомъ дворцѣ, на обзорѣніе государя императора. Одобривъ проектъ, его величество благоволилъ указать только на необходимость замѣны мундара, въ которомъ былъ изображенъ графъ Муравьевъ, казачьимъ чекменемъ.

IV.

Выказавъ особую осторожность и осмотрительность при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ моделей, комитетъ, съ такою-же внимательностью, приступилъ и къ исполненію премированного проекта.

Послѣ многихъ переговоровъ князя М. С. Волконскаго съ нѣкоторыми скульпторами и литейщиками, — переговоровъ, показавшихъ комитету сколько еще предстоитъ ему преодолѣть различныхъ трудностей и хлопотъ, комитетъ убѣдился, что желательно исполненіе проекта во всемъ его объемѣ, т. е. по лѣпкѣ, отливкѣ и установкѣ статуи на мѣстѣ поручить одному и тому-же контрагенту и пріятно контрагентомъ этимъ имѣть самого автора проекта. Отъ него можно было ожидать и большей любви къ дѣлу и лучшаго успѣха при исправленіи деталей для совершеннѣйшаго выраженія основной мысли. Привлеченіе къ работѣ самого автора устраняло, наконецъ, возможность допущенія такихъ погрѣшностей исполненія, которыя потомъ могли-бы быть отнесены къ недостаткамъ, присущимъ самому проекту.

Польщенный непосредственнымъ къ нему обращеніемъ, А. М. Опекушинъ пошелъ на встрѣчу желаніямъ комитета и сдѣлалъ многія уступки исключительно потому, что желалъ не выпустить изъ своихъ рукъ выполненія дорогаго ему дѣла.

При такихъ обстоятельствахъ соглашеніе скоро состоялось и 27-го апрѣля 1887 г. академикъ Опекушинъ обязался: 1) вылѣпить сформировку изъ гипса и вылить изъ бронзы статую, въ 7 аршинъ вышиною, за 22,000 руб., считая въ томъ числѣ расходы на вознагражденіе и лоѣзку мастера, который долженъ быть посланъ контрагентомъ на мѣсто для сборки и постановки фигуры, и 2) статую сдать въ окончательномъ видѣ и упакованною для отправки, не позже 1-го января 1889 года.

Условія эти, однако, не были выполнены къ опредѣленному

сроку. Для лѣпки статуи такихъ громадныхъ размѣровъ, академику Опекушину пришлось строить новую каменную мастерскую; на первую зиму она была сыра, художникъ простудился и болѣлъ довольно продолжительное время. Затѣмъ явились другія непредвидѣнныя затрудненія и только лѣтомъ 1890 г. статуя была передана въ отливку бронзо-художественной и чугунно-литейной мастерской В. З. Гаврилова (Болотная ул., № 13). Здѣсь тоже произошла случайная задержка.

Статуя отливалась по частямъ; отдѣльно въ отливку шли: голова, корпусъ, ноги и подставка, не говоря о мелкихъ частяхъ: руки, эполеты, шашка и проч. Когда подставка и обѣ ноги были уже готовы, приступили къ отливкѣ громадной средней части фигуры. Расплавленный металлъ съ такою силою устремился въ форму, что пробилъ опоку и фонтаномъ брызнулъ внаружу. Эта неудача могла имѣть самыя печальныя послѣдствія, но, къ счастью, никто изъ присутствовавшихъ не пострадалъ и все окончилось еще болѣе большимъ промедленіемъ.

20-го ноября 1890 г. комитетъ, въ составѣ оберъ-гофмейстера кн. Волконскаго и сенатора Анучина и экспертовъ академикомъ М. П. Боткина и Н. А. Кошелева, осмотрѣлъ уже совершенно готовую статую на заводѣ г. Гаврилова. При осмотрѣ присутствовали также: академикъ Опекушинъ, графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій и генеральнаго штаба полковникъ Волошиновъ, принявшій на себя заботы по спѣшной доставкѣ статуи отъ Владивостока до Хабаровки. По тщательномъ осмотрѣ статуи, эксперты и всѣ присутствовавшія лица нашли, что работа выполнена какъ скульпторомъ, такъ и литейщикомъ вполне художественно и согласно заключенному съ г. Опекушинымъ контракту.

Вышеизложенныя задержки, въ свое время, были крайне не-пріятны для комитета, но въ концѣ концовъ, благодаря именно тому, что изготовленіе статуи опоздало почти на два года, представилась возможность памятникъ графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому открыть въ Хабаровкѣ 30-го мая 1891 года, во время достопамятнаго для Сибири пребыванія въ этомъ краѣ его императорскаго высочества государя наследника цесаревича Николая Александровича.

Обстоятельство это, весьма счастливое для дѣла, заставило, однако, совершенно измѣнить порядокъ отправки статуи графа Муравьева въ Хабаровку. Чтобы успѣть все приготовить къ заранѣе точно опредѣленному сроку открытія, статуя должна была находиться на мѣстѣ не позже середины мая, а какъ въ это время

устья Амура еще покрыты льдомъ, то статую приходилось изъ Владивостока до Хабаровки везти гужемъ. Для этого требовалось раздѣлить ее на возможно большее число частей, чтобы облегчить перевозку на лошадяхъ. Все это было весьма успѣшно сдѣлано литейщикомъ г. Гавриловымъ, причемъ раскленка статуи стоила 600 рублей.

Для ознакомленія жителей Петербурга съ новымъ произведеніемъ академика Опекушина и для доставленія возможности интересующимся ходомъ у насъ скульптуры и литейнаго дѣла—видѣть только-что оконченную статую графа Муравьева, она съ 11-го по 16-е января 1891 г. была выставлена въ Михайловскомъ манежѣ и, наконецъ, уложенная въ четыре ящика, 20-го января отправлена, черезъ Москву и Одессу, во Владивостокъ. Благодаря любезному содѣйствію управляющаго морскимъ министерствомъ вице-адмирала Н. М. Чихачева (сотрудникъ графа Н. Н.) и директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ С. Ю. Витте, статуя бесплатно перевезена по желѣзнымъ дорогамъ до Одессы и далѣе, на пароходѣ Добровольнаго флота „Орель“, во Владивостокъ.

Отправляя статую по назначенію, комитетъ не счелъ своей работы оконченною. Находя, что въ воспоминаніе государственныхъ заслугъ графа Муравьева-Амурскаго было-бы необходимо присутствіе при открытіи монумента одного изъ ближайшихъ потомковъ покойнаго, подобно тому, какъ это было при открытіи памятниковъ князю варшавскому, графу Тотлебену, Пушкину и др., кн. М. С. Волконскій, отъ имени комитета, обратился къ военному министру съ ходатайствомъ о командированіи въ Хабаровку племянника покойнаго генеральнаго штаба капитана графа В. В. Муравьева-Амурскаго.

Ходатайство это было уважено генераль-адъютантомъ Ванновскимъ, и наследникъ титула и единственный представитель покойнаго графа имѣлъ возможность присутствовать въ Хабаровкѣ при торжествѣ открытія памятника его знаменитому дядѣ.

V.

Въ то время, когда въ Петербургѣ изготовлялась статуя, въ Хабаровкѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора барона А. Н. Корфа, шли работы по возведенію пьедестала памятника ¹⁾.

Отказавшись отъ дорого стоящаго пьедестала, проектированнаго А. М. Опекушинымъ, предположено было фигуру памятника основать на каменномъ столбѣ, вокругъ котораго должна быть присыпана земля, образуя четырехгранную {усѣченную пирамиду, имѣющую 4 сажени въ основаніи при 4 саженьяхъ-же высоты, съ тремя гранитными ступенями подъ статуею.

Оказалось, однако, что вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій Хабаровки (сильные дожди и морозы) земля не можетъ держать крутыхъ уклоновъ, а такъ какъ было мало надежды добыть на мѣстѣ хорошей тесовый камень, то въ мартѣ 1888 года, при участіи академика Опекушина, петербургскій комитетъ остановился на мысли вести кладку пьедестала изъ грубо околотаго бутоваго камня на цементѣ. Стоимость такого пьедестала опредѣлялась въ 18,000 р., а земляной стоилъ-бы не менѣе 11,000 даже при даровой земляной работѣ и даровой доставкѣ гранита для подножія статуи.

Во всякомъ случаѣ рѣшено было употребить на мѣстѣ всѣ усилія къ тому, чтобы раздобыться годнымъ для постройки камнемъ и, въ благоприятномъ случаѣ, возвести пьедесталъ съ облицовкою чисто-тесанымъ камнемъ.

Въ 1889 г., осенью, было найдено мѣсто рожденія свѣтло-сѣраго сіенита, который могъ добываться изъ скалы въ кускахъ желаемыхъ размѣровъ. Работы по добычѣ камня были крайне тяжелы; приходилось на людяхъ спускать его съ высокой и крутой горы въ долину, работая въ почти необитаемой мѣстности. Эта находка рѣшила вопросъ въ пользу постройки пьедестала съ каменною облицовкою.

Рабочими и мастеровыми при возведеніи пьедестала памятника были преимущественно китайцы; русскіе плотники работали при

¹⁾ Подробности о сооруженіи пьедестала, наружномъ его видѣ, надписяхъ на немъ и исчисленіе всѣхъ издержекъ, произведенныхъ изъ собранныхъ суммъ, взяты изъ изданной въ Хабаровкѣ брошюры: „Памятникъ графу Муравьеву-Амурскому въ Хабаровкѣ“.

устройствѣ лѣсовъ, а ссыльно-каторжные—по нагрузкѣ на баржи и выгрузкѣ бутаваго камня и на земляной работѣ.

До постройки памятника, въ Хабаровкѣ не было вовсе камен-тесныхъ работъ и не имѣлось камнетесовъ, которыхъ пришлось нанимать во Владивостокѣ. Никто изъ этихъ рабочихъ никогда не исполнялъ подобныхъ чистыхъ работъ и большинство ихъ не отличалось даже и хорошимъ знаніемъ обыкновенной каменной работы. Но при извѣстной точности и исполнительности въ работѣ, китайцы постепенно приобрѣтали навыкъ и осваивались съ предъявляемыми имъ требованіями.

27-го октября 1888 г. состоялась торжественная закладка памятника, въ присутствіи генераль-губернатора, съ участіемъ войскъ, представителей всѣхъ находившихся въ Хабаровкѣ военныхъ и гражданскихъ учреждений, учебныхъ заведеній и большей части городского населенія.

Обрывистый берегъ Амура, на которомъ поставленъ памятникъ, возвышается надъ среднимъ уровнемъ рѣки почти на 15 сажень.

Пьедесталь ¹⁾ начинается землянымъ курганомъ 4-хъ-аршинной высоты. Посрединѣ кургана квадратная, по 4 сажени въ сторонѣ и 12 вершк. толщиною, площадка, въ видѣ ступени, служитъ основаніемъ цоколя, сложеннаго изъ сѣро-синеватаго песчаника и имѣющаго двѣ сажени въ сторонѣ. Высота цоколя съ нижнею ступенью и карнизомъ — 2 арш. 6 верш.

Сверху цокольного карниза 4-хъ-вершковой толщины ступень образуетъ уступъ, на которомъ четырехъ-гранная призматическая часть пьедестала, имѣющая въ основаніи 5 аршинъ въ квадратѣ и 1¹/₂ арш. высоты; она возведена изъ свѣтло-сѣраго сіенита.

Далѣе кверху пьедесталь постепенно переходитъ въ четырех-стороннюю усѣченную пирамиду 3³/₄ аршина высотой, по 3³/₄ арш. въ сторонѣ основанія и по 2³/₄ арш. въ вершинѣ. Наконецъ, пирамидальная часть переходитъ снова въ призматическую, которая заканчивается вѣнчающимъ пьедесталь карнизомъ и 11-ти-вершковой толщины ступенью, на которой установлена статуя.

По четыремъ угламъ землянаго кургана, у подножія каменнаго пьедестала, поставлены четыре пушки.

¹⁾ Пьедесталь и инвалидный домикъ возведены, въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніи, подъ наблюденіемъ начальника Амурской инженерной дистанціи, инженеръ-подполковника Александрова. Сборка статуи на пьедесталѣ исполнена присланнымъ изъ Петербурга, съ завода г. Гаврилова, мастеромъ Рейконенъ.

Цѣпь, сложенная у ногъ фигуры, свободнымъ кончается съ верхней части пьедестала и, какъ видно и Хабаровкѣ фотографіи, не соединяется съ якоремъ, къ полагалось.

Пьедесталь съ землянымъ подножіемъ имѣеть 5 сажъ высоты, а фигура—7 аршинъ. Весь памятникъ имѣет и 2 арш. высоты.

На передней сторонѣ (обращенной на югъ) пирамиды пьедестала укрѣплены три бронзовыя доски, съ надписями.

Графу
Муравьеву-Амурскому
1891.

На такихъ-же доскахъ, утвержденныхъ по четыремъ доколамъ, написано:

1) Съ южной стороны.

Участвовали въ первыхъ двухъ экспедиціяхъ на Амуръ въ 1855 гг.:

генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ
генераль-губернаторъ,

полковникъ М. С. Корсаковъ, капитанъ 2-го ранга Кевичъ, колл. асс. Н. Д. Свербеевъ, А. И. Бибииковъ; поручики: капитанъ К. О. Мравинскій, штабсъ-капитанъ С. лейтенанты: Я. Н. Купреяновъ, А. С. Сгибневъ; есаулъ Бельцинъ, горный инженеръ Н. П. Аносовъ, поручикъ К. Н. Бакшеевъ, подпоручикъ Н. А. фонъ-Гленъ, доцентъ Касаткинъ, полковникъ А. А. Назимовъ, подполковникъ Ушаковъ, капитанъ-лейтенантъ князь А. В. Оболенскій, капитанъ А. Н. Сеславинъ, майоръ князь А. Н. Енгаль, совѣтникъ князь М. С. Волконскій, докторъ медицины лейтенантъ А. М. Линденъ, полевой инженеръ поручикъ Егоровъ и другіе. Участники ученыхъ экспедицій: Шренкъ, К. И. Максимовичъ, Р. К. Маакъ, Герстфельдъ, членъ корп. меж. инж. Рожковъ, прапорщикъ корп. инженеръ Гагенъ, чиновникъ Кочетовъ.

Супруга генераль-губернатора Екатерина Николаевна

2) Съ западной стороны.

Участвовали въ зянятїяхъ устья р. Амура
въ 1849—50—51—52—53 гг.:
капитанъ 2 ранга Геннадій Ивановичъ Невельской,
начальникъ экспедици,

лейтенантъ Н. К. Бошнякъ, лейтенантъ П. Θ. Гавриловъ,
корп. флот. штурм. прапорщикъ Д. И. Орловъ, мичмана: Н. М.
Чихачевъ, Г. Д. Разградскій, А. И. Петровъ, корп. флот. штурм.
А. И. Воронинъ, прапорщикъ А. П. Семеновъ, докторъ Е. Г. Орловъ,
капитанъ-лейтенантъ А. В. Бачмановъ, маіоръ Н. В. Буссе, лейте-
нантъ Н. В. Рудановскій, корп. флот. штурм. поручикъ Шарыповъ,
священникъ о. Гавріилъ Веніаминовъ и другіе. Приказчики росс.
Амер. комп.: Березинъ, Самаринъ и Бауровъ.

Супруга начальнииа экспедици Екатерина Ивановна Невельская.

3) Съ сѣверной стороны.

При заключеніи Агунскаго трактата были
16-го мая 1858 г.:
генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ
Муравьевъ,
архіепископъ Иннокентій,

управляющій дипломат. канц. Е. К. Бюцовъ, управл. путей.
канц. В. Д. Карповъ, чин. мин. иностр. дѣлъ П. Н. Перовскій. Генера-
льнаго штаба: полковникъ К. Θ. Будаговскій, капитанъ М. И.
Венюковъ, подполковникъ В. Е. Языковъ. Переводчикъ Я. П.
Шишмаревъ. Священникъ о. Александръ Сизыхъ и другіе.

Убитъ въ Монголіи при рекогносцировкѣ праваго берега рѣки
Амура корп. топогр. поручикъ В. В. Вагановъ.

4) Съ восточной стороны.

Участвовали въ амурскихъ экспедиціяхъ:

Батальоны 3-й бриг. 24 пѣх. дивизіи: 13-й ком. подполковникъ
Облеуховъ 2-й, 14-й ком. маіоръ Языковъ, 15-й ком. полковникъ
Назимовъ; части Забайкальскаго казачьяго войска и линейной
Забайкальской артиллерійской бригады; 46-й Камчатскій флотскій
экипажъ, суда: транспорты „Байкаль“, ком. кап.-лейт. Невельской;
„Охотскъ“ и „Иртышъ“, ком. лейт. Гавриловъ; корветъ „Оливуца“,
ком. кап.-лейт. Сущевъ. Шхуна „Востокъ“, ком. кап.-лейт. Римскій-

Корсаковъ; первое паровое судно, вошедшее въ р. Амуръ. Росс. Амер. комп. корабль „Николай“, ком. капитанъ-лейт. Кликовстремъ. Ботъ „Константинъ“, ком. корп. флот. штурм. поручикъ Гавриловъ, произвелъ первое изслѣдованіе Амурскаго лимана въ 1846 г.—600 пер-выхъ крестьянъ переселенцевъ, подъ начальствомъ князя М. С. Волконскаго.

Въ возведеніи пьедестала дѣятельное участіе принимали: бывшій начальникъ инженеровъ Приамурскаго военного округа, нынѣ Приамурскій губернаторъ, инженеръ-генераль-маіоръ Унтербергеръ, военные инженеры: полковникъ Александровъ, подполковникъ Базилевскій и Мооро; начальникъ строительнаго отдѣленія, гражданскій инженеръ Жонковскій и областные архитекторы гг. Внучковскій и Гвоздзіовскій.

Стоимость памятника, въ круглыхъ цифрахъ, слѣдующая:

Пьедесталь памятника съ бронзовыми досками	25,200	р.
Изготовленіе моделей и отливка статуи	22,000	„
Выставка статуи въ С.-Петербургѣ	900	„
Въ преміи выдано	2,000	„
Публикаціи въ газетахъ, фотографич. снимки и проч.	1,180	„
	<hr/>	
	Итого 51,280	„

На постройку домика израсходовано	4,000	„
Весь сборъ на памятникъ	62,000	р.

Открытіе памятника состоялось 30-го мая 1891 г. Свидѣтель этого торжества—графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій, по просьбѣ моей, доставилъ слѣдующее описаніе церемоніи:

„30-го мая, день, назначенный для открытія, погода была превосходная; съ утра было жарко и бѣлые чахлы на фуражкахъ вполне оправдывали свое назначеніе.

Къ 10 часамъ утра народъ уже толпился въ части городскаго сада, прилегавшей къ мѣсту ожидавшейся церемоніи.

Слѣва передъ памятникомъ, ближе къ Амуру, была разбита палатка, украшенная флагами и зеленью, предназначенная для молебствія съ водосвятиемъ. Близъ нея стали чины военного и гражданскаго управленія, а также и дамы мѣстнаго общества. Съ другой стороны, между памятникомъ и палаткой, стали депутаціи городовъ Благовѣщенска и Николаевска и казачьихъ войскъ:

Амурскаго, Забайкальскаго и Уссурийскаго. Тутъ-же находился старикъ якутъ, служившій покойному графу проводникомъ; на немъ былъ жалованный кафтанъ и медаль на Андреевской лентѣ. Среди депутатовъ особенно выдѣлялся подполковникъ Скобельцынъ, 75-ти лѣтній старикъ, знаменитый своими рекогносцировками на Амурѣ до начала походовъ, и своимъ участіемъ въ дѣлѣ при Де-Кастри, когда онъ явился съ сотнею во-время, чтобы отбить десантъ союзниковъ. На немъ былъ мундиръ амурскаго войска времяя графа Муравьева.

Съ другой стороны памятника размѣстились мѣстные учебныя заведенія, въ томъ числѣ новосозданная военная школа и чиновничество.

Хабаровскій баталіонъ сталъ отъ бульвара фронтомъ къ памятнику, а флангомъ къ Амуру. Роты стали развернутыя по порядку нумеровъ. Горная батарея расположилась въ боевомъ порядкѣ, т. е. съ орудіями, снятыми съ передковъ, позади палатки.

На лѣстницѣ, ведущей къ площадкѣ на верху холма, гдѣ поставленъ памятникъ, стали парными часовыми два станичные атамана амурскаго казачьяго войска со своими булавами въ рукахъ.

На самой площадкѣ, близъ памятника, два часовые отъ мѣстнаго баталіона.

Ровно въ 10 ч. изволилъ прибыть къ мѣсту церемоніи Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, встрѣченный громкимъ „ура“ войскъ и народа.

Его Высочество прослѣдовалъ прямо въ палатку, гдѣ тотчасъ и началось молебствіе. Его совершалъ ветеранъ амурскихъ походовъ, нынѣ благовѣщенскій соборный протоіерей, отецъ Александръ Сизыхъ, сказавшій прекрасную прочувствованную рѣчь на тему знаменитыхъ словъ митрополита Иннокентія: „ . . . если-бы, паче чаянія, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже тѣ самыя, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ, то никогда, никогда не забудетъ тебя наша православная церковь“, —сказанныхъ графу по возвращеніи въ Иркутскъ въ 1858 году, по присоединеніи Амура къ Россіи. Затѣмъ, послѣ провозглашенія многолѣтня царствующему дому и вѣчной памяти графу Николаю Николаевичу, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ предшествіи духовенства, поднялся на верхнюю площадку около памятника и обошелъ его кругомъ. Отецъ Александръ Сизыхъ окропилъ памятникъ святою водою.

Въ это самое время войска взяли на караулъ, артиллерія произвела установленный салютъ, а музыка, вмѣсто обычнаго въ этихъ

случаяхъ встрѣчнаго марша, заиграла, такъ называемый, Амурскій маршъ, т. е. кавалерійскій генераль-маршъ, которымъ всегда начинался день на Амурѣ при графѣ Муравьевѣ. Баронъ Корфъ и я, бывшіе позади Его Высочества, успѣшили объяснить причину этой своеобразной почести, отданной молодыми Амурскими войсками, своему первому вождю.

Обойдя вокругъ памятника, Его Высочество положилъ къ его подножію вѣнокъ изъ ландышей. Затѣмъ войска прошли церемониальнымъ маршемъ.

Отъ памятника Его Высочество изволилъ пѣшкомъ пройти къ инвалидному дому, построенному на часть собраннаго капитала и гдѣ помѣщаются ветераны, которымъ ввѣрено наблюденіе за памятникомъ.

Въ числѣ вѣнковъ, положенныхъ къ подножію статуи, находился и присланный отъ Л.-гв. Финляндскаго полка серебряный вѣнокъ съ слѣдующею надписью: „Отъ общества офицеровъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка памяти графа Муравьева-Амурскаго, доблестно начавшаго службу въ рядахъ Финляндскаго полка, С.-Петербургъ, 1891 г.“. Вѣнокъ этотъ, по порученію командира Финляндскаго полка, былъ мною привезенъ въ городъ Хабаровку“.

По открытіи памятника, приамурскій генераль-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ и предсѣдатель петербургскаго комитета князь М. С. Волконскій, столь много потрудившіеся при исполненіи этого дѣла, обмѣнялись между собою слѣдующими телеграммами:

1) Князю Волконскому, изъ Хабаровки, 31-го мая 1891 г.

„Вчера, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, достойно почтена память графа Муравьева-Амурскаго освященіемъ воздвигнутаго ему памятника. Фигура, пьедесталь и мѣсто постановки памятника чрезвычайно удачны. Не откажите сообщить членамъ комитета. Баронъ Корфъ“.

2) Барону Корфу изъ С.-Петербурга, 1-го іюня 1891 г.

„Комитетъ по устройству памятника графу Муравьеву Амурскому и всѣ сочувствующіе этому дѣлу, имѣющему историческое значеніе, просятъ ваше высокопр—во повергнуть предъ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ ихъ глубочайшую и горячую признательность за милостивое присутствіе при освященіи и молятъ Бога о благополучномъ его продолженіи по пути, Муравьевымъ проложенному. Князь Волконскій“.

Дм. Г. Анучинъ.

Графу Н. Н. Муравьеву - Амурскому
въ Хабаровкѣ
1891.

В. М. 1891.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКИЙ И БОЛГАРСКИЕ ПАТРИОТЫ

въ 1877 году.

Въ декабрьской книгѣ журнала „Русскій Вѣстникъ“ за 1890 годъ напечатана статья подъ названіемъ „Записка князя В. А. Черкаскаго о Болгаріи“. Въ этой статьѣ авторъ, говоря о болгарскихъ патриотахъ, неблагоприятно относящихся къ памяти князя Черкаскаго и печатающихся по его адресу статьи, упоминаетъ и обо мнѣ, утверждая, будто я писалъ заявленія такого-же (т. е. обличительнаго) характера, по поводу отказа князя принять болгарскую депутацію и содѣйствовать распространенію воззванія болгарскаго настоятельства въ Одессѣ къ болгарскому народу. Дальнѣйшія слова помянутой статьи какъ бы набрасываютъ на меня тѣнь, будто и я принадлежалъ къ числу тѣхъ болгаръ, которые желали „за спиною у русской арміи вести свою политику“. Наконецъ, въ той-же статьѣ говорится: „не касаясь вопроса какъ слѣдовало отнестись къ вышеуказанному воззванію болгарскаго настоятельства, я позволяю себѣ лишь обратить вниманіе, что, по свидѣтельству ближайшаго сотрудника князя, генерала Д. Г. Анучина, болгаре уже тогда проявляли рѣшительныя стремленія къ политическимъ затѣямъ и желали играть въ политику. Извѣстно, говорится еще далѣе, — что въ нашей главной квартирѣ, вслѣдъ за объявленіемъ войны, появилась масса болгарскихъ патриотовъ самыхъ различныхъ направленій, которые высказывали странную претензію, опираясь на русскіе штыки, вести свою политику, рекламируя себя прокламаціями болгарскому народу“.

Всякій читатель, не знающій ни меня, ни моей дѣятельности и не читавшій упомянутого воззванія, можетъ, опасаясь, подумать, что все, что въ вышесказанныхъ словахъ названной статьи говорится о болгарскихъ политиканахъ, относится и ко мнѣ.

Въ виду этого считаю необходимымъ на страницахъ уважаемой „Русской Старины“, давшей столь много матеріаловъ, между прочимъ къ исторіи событій 1877—1878 гг., не входя въ полемику, отмѣтить тѣ ошибочныя заявленія статьи „Русскаго Вѣстника“, которыя касаются собственно меня и Одесскаго болгарскаго настоятельства, котораго я состою членомъ ¹⁾.

Прежде всего, ошибочно заявленіе автора статьи о какой-то предполагавшейся мною болгарской депутаціи. Утверждаю, что никакой депутаціи я не проектировалъ. Видѣлся я съ княземъ Черкасскимъ только два раза, въ Кишиневѣ, 5-го и 6-го мая 1877 г., когда наши войска только что перешли границу, и вотъ по какому поводу. Желая оказать посильную помощь князю Черкасскому, Одесское Болгарское Настоятельство препроводило къ нему, составленную по моей инициативѣ и по моимъ указаніямъ, записку о тѣхъ административныхъ и финансовыхъ порядкахъ, съ которыми долженъ былъ встрѣтиться князь Черкасскій по занятіи Болгаріи русскими войсками и знакомство съ которыми, конечно, необходимо было устройтелю гражданской части въ этой странѣ.

Получивъ по телеграфу благодарность князя за сообщеніе этой записки (на которую есть ссылки въ изданныхъ, по порученію князя, матеріалахъ для изученія Болгаріи), я былъ имъ вызванъ въ Кишиневъ для личныхъ объясненій. Здѣсь я сообщилъ князю Черкасскому о проектѣ воззванія Одесскаго болгарскаго настоятельства, одобренномъ преосвященнымъ Наваинаиломъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ случаѣ, по должности викарія херсонской епархіи, въ качествѣ заступающаго мѣсто попечителя названнаго общества, каковымъ тогда состоялъ присутствовавшій въ то время въ св. синодѣ Платонъ, архіепископъ херсонскій и одесскій, впоследствии митрополитъ кievскій и галицкій. Уже это обстоятельство, уже это одобреніе воззванія такимъ лицомъ должно-бы, казалось, предупредить всякое подозрѣніе въ томъ, будто-бы между воззваніемъ настоятельства и тѣми прокламаціями, при посредствѣ которыхъ

¹⁾ Не могу, однако, мимоходомъ не замѣтить, что данныя, сообщенныя въ статьѣ „Русск. Вѣстн.“ объ И. С. Ивановѣ, рѣшительно не вяжутся съ тѣми свѣдѣніями, которыя я имѣю объ общихъ воззрѣніяхъ и дѣятельности этого близко и издавна мнѣ знакомаго болгарскаго патріота.

нѣкоторые болгаре высказывали странную претензію, „опираясь на русскіе штыки, вести свою политику, рекламируя себя болгарскому народу“, есть что-либо общее. Еще болѣе въ этомъ убѣждаетъ самый текстъ и характеръ этого воззванія. Не касаясь вопроса, скажу, подобно автору статьи „Р. В.“, и я, какъ слѣдовало отнестись къ воззванію Болгарскаго Настоятельства; въ одномъ только могу завѣрить, именно въ томъ, что упомянутымъ воззваніемъ ни я, ни тѣмъ болѣе Одесское Болгарское Настоятельство, съ одобренія его преосвященства г. попечителя, и не помышляли о какой-либо политикѣ и рекламѣ; напротивъ, воззваніемъ этимъ именно и имѣлось, между прочимъ, въ виду парализовать рекламы такъ называемой „болгарской омадины“, дабы она не мѣшала русскимъ совершить свое святое дѣло¹⁾. Можно, пожалуй, смотрѣть на дѣло такъ, что болгаре, оглушенные громомъ орудій и ослѣпленные 250.000 штыковъ, ничего затѣмъ уже не могли и не должны были ни видѣть, ни слышать. Но едва-ли воззваніе учрежденія, къ имени котораго достаточно привыкло болгарское ухо съ половины XIX-го вѣка, воззваніе, проникнутое чувствами безпредѣльной благодарности къ Царю-Освободителю и надежды на спасительные для болгаръ подвиги его вѣрныхъ и храбрыхъ воиновъ,—едва-ли такое воззваніе, наполненное данными на понятномъ болгарамъ языкѣ совѣтами о томъ, какъ они должны помогать своимъ избавителямъ и облегчать ихъ тяжелый подвигъ,—едва-ли, повторяю, такое воззваніе можно ставить на одну доску съ прокламаціями и рекламами Стамбулова и комп., проектировавшими какое-то особое временное болгарское правительство. Какъ-бы, однако, ни было состоявшимся по вышесказанному поводу свиданіемъ моимъ съ княземъ Черкасскимъ личное соприкосновеніе мое съ нимъ и ограничивается. Пробывъ тогда два дня въ Кишиневѣ, я возвратился къ мѣсту моей службы въ Одессу; въ Болгарію не ѣздилъ и никакой политикой не занимался.

Еще одна поправка. Вопреки утвержденію составителя той-же статьи въ „Р. Вѣстн.“, скажу, что до сихъ поръ я отнюдь не печаталъ заявленій обличительнаго противъ князя Черкаскаго характера, а попытался засвидѣтельствовать истину объ одномъ эпизодѣ моей бесѣды съ княземъ,—эпизодъ, о которомъ возникли пререканія въ печати. Желаящимъ убѣдиться въ этомъ рекомендую

¹⁾ Смотр. мою замѣтку въ „Русской Старинѣ“, изд. 1888 г., книга декабрь, стр. 763—765.

прочитать вышеуказанную мою въ „Русской Старинѣ“ изд. 1868 г. замѣтку, при которой, кстати скажу, напечатанъ переводъ не разъ упомянутаго воззванія Одесскаго Болгарскаго Настоятельства.

Н. Х. Палаузовъ.

Одесса.

21-го декабря 1891 г.

Примѣчаніе отъ редакціи. Печатая настоящую замѣтку Н. Х. Палаузова, согласно желанію этого заслуженнаго и вполне уважаемаго болгарскаго дѣятеля, считаемъ не лишнимъ прибавить, во избѣжаніе дальнѣйшей полемики, что г. Палаузовъ въ своемъ заявленіи, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ за 1888 г. (декабрьская книга), подтвердилъ рассказъ о неделикатномъ отвѣтѣ кн. Черкаскаго въ Кишиневѣ (5-го мая 1877 г.) на предложеніе о распространеніи воззванія болгарскаго настоятельства. Въ виду такого заявленія, авторъ статьи „Русск. Вѣстника“ имѣлъ нѣкоторый поводъ отнестись послѣднее къ неблагопріятнымъ или, какъ онъ выразился, обличительнымъ отзывамъ о кн. Черкасскомъ.

При этомъ необходимо замѣтить, что въ статьѣ „Русскаго Вѣстника“, въ числѣ болгаръ, желавшихъ за спиною русской арміи вести свою политику, Н. Х. Палаузовъ вовсе не указавъ, и никакого порицанія составленнаго болгарскимъ настоятельствомъ въ Одессѣ воззванія—не содержитя.

Ред.

Паличникъ, прапоры, ружья, сошка и холодное оружіе 1647 г. Проф. Г. И. Солнцева.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

въ перепискѣ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ

въ 1834—1835 гг.

Знакомые съ личностью И. И. Срезневскаго, знакомые съ его несочувственными взглядами, какъ на самого Гоголя, такъ и на его литературную дѣятельность, вѣроятно, удивятся, прочитавъ печатаемые здѣсь ихъ дружескія, радужныя письма¹⁾. Объясненіе такой близости Срезневскаго и Гоголя заключается въ овладѣвшемъ тогда ими обоими увлеченіи Украиною, стремленіи изучить ея старину, ея бытовыя особенности, желаніи собрать и записать пѣсни и думы ея бандуристовъ.

Въ 1834 году, когда началась переписка Гоголя съ Срезневскимъ—Гоголь, возбужденный своими литературными успѣхами, увлеченный занятіями по исторіи, подстрекаемый друзьями и пріятелями, рѣшился ознакомить публику съ планомъ своего труда по исторіи Малороссіи. Сознавая невозможность собрать весь необходимый ему матеріалъ и совладавъ съ нимъ безъ посторонней помощи, онъ напечаталъ въ нѣсколькихъ журналахъ извѣстное объявленіе „объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ“. Это объявленіе заканчивалось такими словами: „...обра-

¹⁾ Подлинныя письма И. И. Срезневскаго къ Гоголю, къ сожалѣнію, не найдены; одно печатаемое здѣсь случайно уцѣлѣло въ черновикѣ среди его бумагъ. Письма Н. В. Гоголя къ И. И. Срезневскому, надо думать, сохранились вѣ, такъ какъ вообще всѣ письма, которыя получалъ И. И. Срезневскій, имъ тщательно сберегались и до сихъ поръ хранятся въ его архивѣ.

щаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе-бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги... прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ“. Этихъ словъ было довольно для Срезневскаго. Живой, энергичный, увлекающійся всѣмъ, что касается науки, любящій какъ родину Украину. гдѣ онъ прожилъ почти безвыѣздно съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ спѣшить откликнуться на вызовъ Гоголя, спѣшить хотя письменно познакомиться съ человѣкомъ однихъ съ нимъ взглядовъ, одинаково любящаго и стремящагося изучить Малороссію; онъ пишетъ Гоголю письмо, въ которомъ предлагаетъ помощь своими трудами. предоставляет на пользованіе источники, находящіеся подъ его руками и т. д. и т. д. Гоголь былъ обрадованъ этимъ предложеніемъ. Эта радость вполне понятна: въ лицѣ И. И. Срезневскаго онъ приобрѣталъ хорошаго, богатаго познаніями помощника. И. И. Срезневскій въ это время уже получилъ извѣстность въ Харьковѣ; его сборникъ „Запорожская Старина“, полный массы новаго, неизвѣстнаго дотолѣ матеріала по исторіи и литературѣ Украины ¹⁾, обратилъ на него общее вниманіе. Сборникъ этотъ увлекъ и Гоголя, и его первое письмо къ Срезневскому все написано подъ вліяніемъ предисловія къ „Запорожской Старинѣ“. существенно измѣниваго его прежніе взгляды на изученіе исторіи Украины. Такъ началось знакомство Гоголя съ Срезневскимъ ²⁾.

Черезъ годъ въ жизни Гоголя произошла перемена, нѣкоторымъ образомъ повліявшая на измѣненіе его отношеній къ Срезневскому. Это было оставленіе Гоголемъ университета, оставленіе непріятное. даже нѣсколько вообще неловкое ³⁾. Онъ „расплевался съ университетомъ“, по его словамъ, и уѣхалъ въ Малороссію ⁴⁾. Письмо его къ Срезневскому, написанное во время этой поѣздки, уже не похоже на его прежнія два письма; Гоголь видимо охладѣлъ къ занятіямъ исторіею и пересталъ ими интересоваться; этимъ письмомъ оканчивается переписка его съ Срезневскимъ.

Знакомство ихъ возобновилось только черезъ четыре года. Они встрѣтились въ сентябрѣ 1839 года въ Москвѣ у М. П. Погодина,

¹⁾ Изданіе ея началось съ 1833 г.

²⁾ См. „Запорож. Стар.“ I, стр. 6, 7, особ. 8, 9.

³⁾ Воспоминанія о Грановскомъ, В. В. Григорьева (Рус. Бес. 1856 г.); Дневн. А. В. Никитенко („Рус. Стар.“ изд. 1889 г.).

⁴⁾ См. Н. В. Барсукова: „Жизнь и труды М. И. Погодина“. IV, 275.

незадолго предъ тѣмъ вернувшася, вмѣстѣ съ Гоголемъ, изъ-за границы. Изм. Ив. Срезневскій былъ въ это время въ Москвѣ на пути въ славянскія земли, куда, въ числѣ знаменитыхъ четырехъ избранниковъ ¹⁾, онъ былъ командированъ для изученія славянскихъ нарѣчій и усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ. Это былъ уже человѣкъ выдвинувшійся изъ общей среды, уже извѣстный своими учеными трудами по статистикѣ, своими работами по изслѣдованію нарѣчій славянскихъ, исторіи и народной словесности Украины. Ученый міръ Москвы заинтересовался молодымъ путешественникомъ и принялъ его съ большимъ радушіемъ. Срезневскій увидѣлъ Москву во всемъ ея тогдашнемъ блескѣ; панораму этого города, полную очерковъ представителей учености и литературы, онъ изобразилъ въ письмахъ къ своей матери Е. И. Срезневской ²⁾. Въ этихъ письмахъ попадаются замѣтки и о Гоголѣ. Изъ нихъ видно, что въ это время взглядъ Срезневскаго на Гоголя значительно измѣнился въ сравненіи съ 1834 г.; этотъ взглядъ приблизился къ тому, который извѣстенъ въ литературѣ, какъ странность Срезневскаго: „Очень молодой человѣкъ, хорошенькій собою, умненькій, любящій все славянское, все малороссійское, но съ перваго виду мало общающій“; вотъ какимъ является въ письмахъ этотъ „русскій испанецъ“, какъ называетъ Гоголя въ тѣхъ-же письмахъ Срезневскій. Малороссія какъ будто ихъ еще сближала; когда Срезневскій, заѣхавъ къ Погодину однажды не засталъ дома Гоголя (Гоголь жилъ у Погодина), Погодинъ говорилъ, что Гоголь „будетъ его бранить“ и „будетъ жалковать“.

На прощанье, при отъѣздѣ Срезневскаго, Гоголь написалъ ему нѣсколько словъ, въ которыхъ высказывалъ желанія успѣха его путешествію. Эти пожеланія были послѣднимъ проявленіемъ ихъ знакомства. Когда-то сблизившее ихъ общее увлеченіе Украиною скоро охладѣло у нихъ обоихъ; такимъ образомъ, точекъ соприкосновенія ихъ интересовъ уже болѣе не оставалось...

Вс. С.

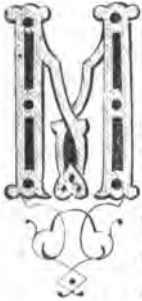

¹⁾ Другіе три: П. И. Прейсъ, В. И. Григоровичъ и О. М. Бодянский.

²⁾ Печатаются въ сборникѣ „Живая Старина“, изд. 1892 г.

I.

И. И. Срезневскій—Н. В. Гоголю.

Харьковъ. 1834 г. февр. 16-го дня.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! И я, въ числѣ, вѣроятно, многого множества другихъ, читавшихъ № „¹⁾“ Северной Пчелы, былъ сердечно обрадованъ извѣстіемъ, что тотъ самый Писатель, который столь мило, столь искусно забавлялъ многочисленныхъ читателей поэтическими рассказами объ Украинѣ подъ именемъ Рудаго Панька, хочетъ подарить Украинцевъ и трудомъ важнымъ,—трудомъ, въ которомъ, дѣйствительно, передается наша историческая литература—Исторіей Козаковъ войска Запорожскаго. Дай Богъ, чтобы эта Исторія появилась какъ можно скорѣе, и какъ можно болѣе оправдала надежды любителей,—иными словами: что-бы сочинитель оной былъ награжденъ за свое благородное предпріятіе отъ всѣхъ, имѣющихъ какіе-нибудь матеріалы касательно ея Исторіи, довѣренностью и радушіемъ.—Я съ своей стороны, какъ любитель народностей Запорожско-Украинскихъ, первымъ долгомъ почелъ представить Вамъ услуги свои, свою готовность дѣлиться матеріалами, но... я осмѣливаю надѣяться, Вы согласитесь, что это по для меня почти необходимо.

Можетъ быть, Вамъ уже извѣстно, что я предпринялъ изданіе Запорожской Старины,—изданіе, посредствомъ котораго намѣренъ представить: 1) важность народной словесности Запорожской въ смыслѣ историческомъ и этнографическомъ, 2) отношеніе, какое имѣютъ произведенія сей словесности къ лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ. Подъ именемъ Запорожской старины я разумѣю, какъ можно видѣть изъ двухъ первыхъ книжекъ моего изданія, старину не однихъ только отребій войска Запорожскаго, извѣстныхъ, вообще, подъ именемъ разбойн(ик)овъ или гайдомакъ Запорожскихъ, а старину всего войска Запорожскаго, которое Вамъ угодно было, слѣдуя общепринятому мнѣнію, (назвать) Малороссійскими Козаками. Изъ

¹⁾ Пропускъ въ оригиналѣ (письмо печатается съ черновика); здѣсь подразумѣвается № 34, въ которомъ было напечатано известное объявленіе Гоголя „Объ изданіи Исторіи Малороссійскихъ казаковъ“.

этого видно, что матеріалы для Вашей Исторіи и моей Старинны—одни и тѣ-же, съ тою разницею, что сіи матеріалы въ моемъ изданіи останутся попрежнему матеріалами или сводомъ матеріаловъ, а въ Вашей Исторіи преобразуются въ стройное цѣлое. Хотя одинаковость матеріаловъ для многихъ становится двухстороннимъ щитомъ соперничества, однако. этого соперничества съ моей стороны быть не можетъ—по причинѣ и разности направленія труда Вашего и моего и моего образа мыслей. Можете быть вполнѣ увѣрены, что, со всею возможною полнотою и усердіемъ, буду исполнять всѣ Ваши требованія, отвѣчать на всѣ Ваши запросы и пр. Одного только не могу обѣщать—пересылать цѣликомъ, а развѣ въ выпискахъ и сводахъ, матеріалы такъ назыв. длинной руки, ибо самъ имѣю въ нихъ нужду почти ежедневно. Вотъ первая причина моего но.

Легко можетъ быть, что иные и даже многіе изъ матеріаловъ, составляющ(ихъ) мою Запорожско-Украинскую скрѣню, находятся и у Васъ. Пересылка ихъ была бы излишнею. Не зная же, что есть уже у Васъ и въ чемъ нуждается, не могу попасть на нужное для Васъ. Вотъ и вторая причина моего но.

Теперь къ дѣлу.

Повторяя свое обѣщаніе служить вамъ по мѣрѣ силъ моихъ и возможности, прошу Васъ всепокорнѣйше, если Вамъ только не не-пріятно мое усердное желаніе служить вамъ, объяснить мнѣ, что именно нужно Вамъ, и чѣмъ именно могу Вамъ служить. По полученіи отъ васъ извѣстія и объясненія требованій, я немедленно начну приводить ихъ въ исполненіе со всею горячностію человѣка, который осмѣливается неизмѣнно питать признательность къ пред-пріятію вашему и надежду увидѣть его. сколь возможно. болѣе совершеннымъ).

Повѣряя себя Вашей благосклонности, имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Измаиль Срезневскій.

II.

Н. В. Гоголь—И. И. Срезневскому ¹⁾.

Спб., марта 6-го 1834 г.

Ваше пріятное для меня письмо я получилъ 2-го Марта. Отъ всей души благодарю васъ за вашу готовность помогать мнѣ въ трудѣ моемъ и крѣпко пожимаю вашу руку. Вы правы: намъ одинаково нужны матеріалы; но хотя бы ваша книга ¹⁾ превратилась въ Исторію, мы и тогда бы не были соперниками. Я радъ всему, что ни появляется о нашемъ краѣ. и еслибы я узналъ, что въ эту минуту кто нибудь готовитъ тоже исторію Украйны, я бы приостановилъ свое изданіе до тѣхъ поръ, покамѣстъ ему нужно для сбыта своей книги. Чемъ (sic) больше попытокъ и опытовъ, тѣмъ для меня лучше, тѣмъ моя исторія будетъ совершеннѣе. Я увѣренъ, что въ образѣ мыслей не встрѣчусь съ другими, денежной прибыли отъ нее (sic) не ищущу—стало быть у меня нѣтъ соперниковъ! Вы уже здѣлали мнѣ важную услугу изданіемъ Запорожской Старины.—Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ? Всѣ думы, и особенно повѣсти бандуристовъ ослѣпительно хороши. Изъ нихъ только пять были мнѣ извѣстны прежде, прочія для меня были новость! Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что хотѣлъ бы отыскать. Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями. Народъ, котораго вся жизнь состояла изъ движеній, котораго неволью (еслибы онъ даже былъ совершенно [sic] недѣятеленъ отъ природы) сосѣди, положеніе земли, опасность бытія выводили на дѣла и подвиги, этотъ народъ.. Я недоволенъ Польскими историками, они очень мало говорятъ объ этихъ подвигахъ; впрочемъ они могли знать хорошо только со времени Уніи. но и тамъ ни одного лѣтописца съ нечерствою душою, мыслями. Если бы Крымцы и Турки имѣли Литературу, я бы былъ увѣренъ,

¹⁾ Запорожская Старина; изданіе ея начато въ 1833 г.; въ этомъ письмѣ Н. В. Г. говоритъ только о двухъ первыхъ выпускахъ ея (третій разрѣшенъ цензурою 25 мая 1834 г.).

что ни одного самостоятельнаго тогда народа въ Европѣ не была бы такъ интересна исторія, какъ козаковъ. И потому то каждый звукъ пѣсни мнѣ говорить живѣе о прошедшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи, если можно назвать лѣтописями не современныя записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступила мѣсту забвенію. Эти лѣтописи похожи на хозяина, прибывшаго замокъ къ своей конюшнѣ, когда лошади уже были украдены. Хорошо еще, если между ними попадались съ рѣзкою фізіономіею, съ характеромъ: какъ, напримѣръ, Конискій, который выхватилъ хоть горсть преданій и зналъ о чемъ онъ пишетъ. Но всѣ другія такъ пусты, такъ безцвѣтны! и вмѣсто того, чтобы дослушиваться къ умирающему голосу послѣднихъ воспоминаній, они обезьянски переписывали другъ у друга вырванные листки не происшествій, а развѣ оглавленія происшествій. Еслибы нашъ край не имѣлъ такого богатства пѣсень—я бы никогда не писалъ Исторіи его, потому что я не постигнулъ бы и не имѣлъ понятія о прошедшемъ или исторія моя была-бы совершенно не та, что я думаю съ нею сдѣлать теперь. Эти то пѣсни заставили меня съ жадностью читать всѣ лѣтописи и лоскутки какого-бы ¹⁾ то ни было вздору. Я имѣлъ случай многія перечестъ и, къ сожалѣнію, пропустилъ случай многія переписать. Изъ означенныхъ вами въ Запорожской старинѣ мнѣ неизвѣстны двѣ: пространная повѣсть объ Украинѣ до смерти Хмельницкаго. Заглавіе этой рукописи мнѣ показалось незнакомымъ ²⁾. Увѣдомите (sic) меня, имѣется-ли въ ней что нибудь новое противъ лѣтописей Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана? если на мое счастье въ ней окажется новое, то я буду надѣяться на снисхожденіе ваше и попрошу васъ отдать ее теперь же понемногу переписывать. Мнѣ хочется имѣть ее всю, тогда я могу въ ней отыскать можетъ быть другими незамѣченное, или не казавшееся важнымъ, что случалось со мною довольно часто. Я очень знаю, что наши списки лѣтописей иногда между собою разнятся: у однихъ выпучено (sic) что нибудь и у другихъ прибавленно (sic). Иногда одна прибавка стоитъ всей лѣтописи. Потому то я имѣю и стараюсь имѣть по нѣскольку списковъ. Для этого то я и не означалъ, какія находятся у меня матеріалы, зная, что

¹⁾ Въ подл.: какихъ-бы то ни было вздору..

²⁾ Объ этой рукописи упомянуто въ предисловіи къ II-й кн. Запорожск. Стар. (ч. I) при перечисленіи рукописныхъ источниковъ (стр. 10), коими пользовался И. И. С. для составленія „Замѣчаній“, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ (стр. 35—131); здѣсь она названа такъ: пространная повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ до смерти Гетмана Хмѣльницкаго.

тогда я не получу многихъ списковъ. Печатныя есть у меня почти нѣтъ, которыми пользовался Бандышъ (sic) Каменскій. Пѣсенъ я знаю и имѣю много. Около 150 пѣсенъ я отдалъ прошлый годъ Максимовичу, совершенно ему неизвѣстныхъ. Послѣ того я приобрѣлъ еще около 150. У Максимовича теперь уже 1200. Но я бьюсь объ чемъ угодно, что теперь же еще можно сыскать въ каждомъ хуторѣ, подалеже отъ большой дороги и разврата, десятка два неизвѣстныхъ другому хутору. Если я управлюсь съ моими дѣлами, то можетъ быть, лѣтомъ буду въ Малороссію и буду благодарить васъ можетъ быть, лично за ваше радушіе и готовность. А между тѣмъ ожидаю съ нетерпѣніемъ страшнымъ выхода въ свѣтъ вашей старинныя 3 и 4 книжки. Я увѣренъ, что тамъ будетъ много для меня пищи. Но—до слѣдующаго письма! Я хотѣлъ вамъ еще о чемъ-то писать, но небольшой случай перебилъ мои мысли.

Чувствуя вполнѣ ваше благорасположеніе, остаюсь всегда вашимъ покорнѣйшимъ и благодарнымъ слугою

Н. Гоголь

III.

Н. В. Гоголь—И. И. Срезневскому.

1834. 1 іюня. Спб.

Не сердитесь на меня, почтеннѣйшій Измаиль Ивановичъ, что долго не отвѣчалъ на ваше письмо. Оно залежалось въ лавкѣ у Смирдина. Я тоже былъ въ отсутствіи... Очень благодаренъ вамъ за вашу память обо мнѣ. Поблагодарите также земляка нашего (о которомъ вы упоминаете въ письмѣ вашемъ, какъ о пишущемъ исторію Малор.) за его благородный трудъ. Я очень радъ, что не одинъ я занимаюсь этимъ. Я хотѣлъ было сдѣлать нѣсколько замѣчаній и оцѣнку съ своей стороны Вашей Запорожской Старинны ¹⁾ и уже приступъ къ этому подъ заглавіемъ О малоросс. пѣсняхъ отослалъ въ Журналъ Просвѣщенія ²⁾, но лѣнь проклятая одолѣла, и я сдѣлалъ

¹⁾ Въ подлинникѣ написано: Стороны.

²⁾ Напечатано было въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1834 г., ч. I; объ этой статьѣ въ письмѣ Н. В. Гоголя къ М. А. Максимовичу читаемъ слѣд.: Недавно С. С. (Уваровъ) получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсеней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія такъ-же, какъ и о бывшихъ до него издавіяхъ—твоемъ и Цертелева. Что-жъ я сдѣлалъ? Я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не

на одномъ приступѣ: лѣтомъ я ничего больше не дѣлаю, кромѣ лежанья; къ тому-же еще и болѣзнь меня беспокоитъ... Вы тамъ-же найдете и кусокъ изъ первой части моей исторіи ¹⁾. Не налягайте (sic) слишкомъ на нее: я нарочно выбралъ самое начало, въ которомъ показана только перспектива того, что будетъ впереди.—Конисскому я также, какъ и вы, во многомъ не вѣрю, но я говорилъ совсѣмъ не касательно достоинства лѣтописца. Всѣ происшествія его со времени Петра записаны. Справедливость многихъ я узналъ, нашедши доказательства въ здѣшнемъ архивѣ.

Да выпускайте скорѣе свою Старину, я жажду. Пожалуйста, не дожидайтесь мнѣнній рецензентовъ. Охота же вамъ наконецъ услышать, что запятую вамъ нужно поставить не въ томъ мѣстѣ, а въ другомъ и что не Запорожскою, а какою-нибудь другою стариною нужно было назвать вашу книгу.—Другого вы ничего не услышите. Ваша мысль напечатать пѣсни обрядовыя очень хороша. Недурно бы ихъ было помѣстить совершенно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другою во время обрядовъ, съ объясненіемъ при какихъ обстоятельствахъ. Это была бы очень нужная вещь, и вѣрно бы всѣ понимающіе важность этого дѣла были бы вамъ очень благодарны. Свидѣтельствуя съ своей стороны Вамъ истинное мое уваженіе остаюсь весь вашъ

Н. Гоголь.

IV.

Н. Р. Гоголь—И. И. Срезневскому.

1835. 11 іюля. Д. Василевка.

Милостивый Государь, Измаиль Ивановичъ. Пріятное для меня письмо ваше я получилъ. Благодарю васъ за Ваше поздравленіе и душевно жалѣю, что не могу никакимъ образомъ быть у васъ въ Харьковѣ. Маршрутъ мой теперь на Кіевъ, куда призываютъ меня кое-какія гербовыя заботы, а между прочимъ нужно видѣться и съ нашимъ землякомъ, моимъ старымъ пріятелемъ, вамъ извѣстнымъ

сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоёмъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но оноздаль: статья уже была отпечатана (Соч. и письма, изд. Кулиша, V, 212).

¹⁾ „Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи. Томъ I, книга I, глава I“. (Журн. М. Нар. Пр. 1834, ч. 2).

Вс. С.

Максимовичемъ, которому я уже далъ слово. Эти же три недѣли, которыя остаются мнѣ, я намѣренъ отдохнуть послѣ поѣздки моей въ Крымъ, гдѣ странствовалъ для здоровья и для того, чтобы по-видать его.

Итакъ мнѣ остается заочно привѣтствовать васъ и говорить съ вами.

Очень радъ, что вы, наконецъ, отпечатали 4 книжки разомъ вашей Старины и съ нетерпѣніемъ жажду читать ихъ, благодаря заранѣе за вашу доброту, обѣщающуюся мнѣ прислать ихъ. Адресуйте мнѣ такъ, какъ адресовали письмо: въ Полтаву, а оттуда въ Д. Василевку. Чемъ (sic) скорѣе пришлете, тѣмъ лучше. Желая вамъ всего хорошаго: трудовъ, охоты, здоровья и денегъ

остаюсь вамъ преданный Николай Гоголь.

Сообщ. Вс. Изв. Срезневскій.

**Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ Изм. Ив. Срезневскимъ,
замѣтки В. И. Шенрока.**

Помѣщенные выше письма Гоголя къ извѣстному слависту—профессору Измаилу Ивановичу Срезневскому занимаютъ совершенно своеобразное мѣсто въ перепискѣ нашего поэта начала 1830-хъ годовъ. Если впоследствии, особенно подъ конецъ жизни, письменныя сношенія Гоголя являются поразительно обильными, то до выѣзда изъ Россіи за-границу, они почти исключительно ограничивались немногими избранными лицами изъ числа наиболѣе короткихъ и близкихъ людей ¹⁾ Срезневскій, конечно, не только не

¹⁾ Двѣ записки къ Конст. Степ. Сербиновичу („Русскій Архивъ“, 1876 г., т. III, стр. 202), какъ дѣловыя, здѣсь не могутъ идти въ счетъ.

принадлежалъ къ послѣднимъ, но и вообще былъ для Гоголя постороннимъ человѣкомъ, и едва-ли даже знакомство ихъ не было пока лишь заочнымъ. При всемъ томъ, въ связи съ прочими данными биографіи, эти письма къ Срезневскому получаютъ большой интересъ, открывая намъ нѣсколько новыхъ любопытныхъ подробностей.

Важно прежде всего то, что одно изъ этихъ писемъ показываетъ ясно и несомнѣнно, что къ началу 1834 года въ Гоголѣ замѣтно стала угасать не надолго пробудившаяся жажда къ самостоятельному изслѣдованію историческихъ источниковъ, которое онъ уже тогда былъ склоненъ замѣнять однимъ изученіемъ украинскихъ пѣсень. Во всѣхъ очеркахъ и замѣткахъ, посвященныхъ имъ исторіи Малороссіи, въ Гоголѣ сказался художникъ, увлеченный не столько научною, сколько поэтическою стороною въ изученіи прошлаго. Пренебрежительное отношеніе къ „сухой“ наукѣ ясно видно изъ дружескихъ писемъ Гоголя, гдѣ онъ, напр., не стѣсняясь, закликаетъ Максимовича „отцовскими могилами“ не сидѣть надъ книгами и даже утверждаетъ, что „совѣстно слишкомъ много трудиться“ надъ составленіемъ лекцій ¹⁾. То-же самое выразилось не разъ, но въ сдержанной и осторожной формѣ, и въ печатныхъ статьяхъ, что опять указываетъ на степень восторженнаго увлеченія произведеніями народной поэзіи въ ущербъ кропотливой, строго научной работѣ. Въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ Гоголь говорилъ: „Онѣ — надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи“ ²⁾. Въ письмѣ къ Максимовичу сходное сравненіе выражено уже рѣзче и опредѣленнѣе: „Моя радость, жизнь моя, пѣсни, какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями“ ³⁾. Такъ писалъ Гоголь въ концѣ 1833 года, а въ мартѣ слѣдующаго года онъ уже признавался Срезневскому: „Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силась въ нихъ отыскать то, что хотѣлъ-бы отыскать“. Признаніе это даетъ ключъ къ уясненію отношенія Гоголя къ историческимъ источникамъ: очевидно, повинувшись инстинкту художника, Гоголь не оставивался строгими требованіями науки и въ разрѣзъ съ ними, единственно по отголоскамъ пѣсень, рѣшалъ, что, по его мнѣнію,

¹⁾ „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 215.

²⁾ „Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 237.

³⁾ „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 188.

должны были дать ему лѣтописи, причемъ соображенія его въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отчасти напоминаютъ мысли, высказанныя около того же времени въ статьѣ: „Взглядъ на составленіе Малороссіи“ и позднѣе въ первой главѣ исправленной редакціи „Тараса Бульбы“¹⁾. Но нигдѣ не выразилось такъ ясно и свободно самоувѣренное пренебреженіе Гоголя ко всему, что въ лѣтописяхъ не могло удовлетворить его эстетическаго чувства, какъ въ энергическомъ и образномъ сравненіи ихъ съ „хозяйномъ, прибывшимъ замѣкъ къ своей конюшнѣ, когда лошади были уже украдены“. Впрочемъ, Гоголь не могъ не сознавать своей научной некомпетентности и потому такъ-же быстро спѣшить признать болѣе справедливымъ мнѣніе своего авторитетнаго корреспондента о Конисскомъ, какъ въ другой разъ легко отказался отъ рѣзко высказаннаго мнѣнія о Геренѣ въ письмѣ къ Погодину. Недостатокъ Гоголя, какъ историка, былъ въ томъ, что онъ увлекался въ прошедшемъ только яркими картинами и жгучими искрами поэзіи, которыя находилъ въ пѣсняхъ, но которыхъ съ преувеличеннымъ и обманутымъ ожиданіемъ хотѣлъ искать и въ лѣтописяхъ. Но зато съ какимъ восторженнымъ увлеченіемъ онъ говорить, что желалъ-бы пересмотрѣть сборникъ пѣсень Ходаковскаго „съ жадностію жида, считающаго червонцы“; съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ дождался выхода въ свѣтъ „Запорожской Старины!“ Онъ даже сердится на Срезневскаго: „До сихъ поръ нигдѣ не могу ея достать. Какъ не прислать ни одному книгопродавцу! Кой-же чортъ будетъ у него покушать!“²⁾. Намъ нѣтъ нужды пояснять, что минутная досада Гоголя относилась никакъ не къ личности Срезневскаго, а вызывалась лишь нетерпѣливымъ ожиданіемъ книги.

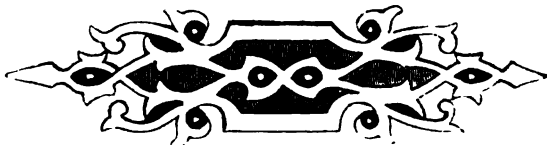
Съ такимъ-же нетерпѣніемъ ждалъ Гоголь и извѣстнаго сборника галицкихъ пѣсень Вацлава З'Олеска и буквально рвался отъ досады, когда какой-то пріятель, выпросивъ у него эту книгу на нѣсколько часовъ, долженъ былъ почему-то, не возвративъ ее, вскорѣ выѣхать изъ города. При такомъ пламенномъ интересѣ къ пѣснямъ, Гоголь, естественно, рѣшился, наконецъ, обратиться къ самому издателю „Запорожской Старины“, отъ котораго, судя по его письму, получилъ теплый и дружескій отзывъ собрата по историческимъ лите-

¹⁾ При этомъ сопоставленіи мы имѣемъ въ виду слова: „народъ, котораго вся жизнь состояла изъ движенія“ и пр. Ср. „Соч. Гог.“, изд. X, т. V, стр. 19, и т. I, стр. 251—252.

²⁾ „Письма Гоголя къ Максимовичу“, стр. 5, и „Соч. и Письма Гоголя“, т. V, стр. 198.

ратурнымъ интересамъ. Съ Срезневскимъ, какъ съ человѣкомъ сходныхъ интересовъ, онъ дѣлится и назрѣвшими мыслями, и выводами, можетъ быть, провѣряя ихъ и ожидая дальнѣйшаго обмѣна ¹⁾). Между тѣмъ, собственно къ личности Срезневскаго у него едва-ли могъ быть интересъ, и если онъ, напр., писалъ: „можетъ быть, буду въ Малороссіи и буду благодарить васъ лично“, то вскорѣ. получивъ возможность свиданія, Гоголь, кажется, не воспользовался ею. Въ письмѣ отъ 11-го іюля 1835 г. Гоголь выражалъ сожалѣніе, что не можетъ заѣхать къ Срезневскому (по пути) въ Харьковъ, потому что ѣдетъ на Кіевъ для свиданія съ Максимовичемъ; между тѣмъ, по разсказу его спутника, А. С. Данилевскаго, сдѣлавъ большой крюкъ въ Кіевъ, онъ все-таки проѣхалъ черезъ Харьковъ ²⁾). Могло быть также, конечно, что въ Харьковъ онъ, напротивъ, заѣзжалъ именно ради Срезневскаго, но этотъ вопросъ, легко разрѣшимый при жизни Данилевскаго, теперь остается открытымъ.

В. И. Шенроуъ.

¹⁾ Срезневскому, какъ и другимъ, Гоголь говорилъ, между прочимъ, и о предполагавшемся трудѣ по исторіи Малороссіи, который, по своей самонадѣянности, онъ представлялъ уже близкимъ къ осуществленію.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1890 г., I. 105.

Японцы въ Россіи въ 1736 году.

ЗАМѢТКА.

Въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1891 г., въ интересной статьѣ Н. Н. Оглоблина: „Первый японецъ въ Россіи, 1701—1705 гг.“ упоминаются японцы Кузьма Шульцъ и Дамьянъ Поморцевъ. Что эти японцы были лица дѣйствительно существовавшія—видно изъ официального документа, напечатаннаго въ 1-мъ полномъ собраніи законовъ. Въ сенатскомъ указѣ 10-го мая 1736 г. (№ 6956) говорится слѣдующее:

„Правительствующій сенатъ, по мнѣнію тайнаго совѣтника и кавалера графа Михайла Гавриловича Головкина, приказали: 1) прежде бывшимъ японцамъ Козьмѣ Шульцу и Демьяну Поморцову, которые воспріяли въру греческаго исповѣданія, быть при академіи наукъ обоимъ вмѣстѣ, чтобъ они природнаго своего языка позабыть не могли и поручить ихъ въ особенное смотрѣніе изъ російскихъ людей человѣку искусному, кому та академія заблагоразсудитъ, дабы они завсегда были въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ, и для обученія того японскаго языка опредѣлить къ нимъ с.-петербургской гарнизонной школы изъ солдатскихъ дѣтей двухъ человѣкъ, грамотѣ умѣющихъ, кои постарѣе; а чтобъ они прилежнѣе по тому языку обучали, прибавить имъ Шульцу и Поморцову жалованья къ прежней дачѣ еще по 5 коп., а съ прежнимъ по 15 коп. на день человѣку и давать изъ штатсъ-конторы, а, между тѣмъ, для лучшаго въ вѣрѣ греческаго исповѣданія утвержденія, велѣть имъ ходить къ обрѣтающемуся въ кадетскомъ корпусѣ іеромонаху, которому ихъ къ познанію закона наставлять и въ чтеніи книгъ прилежное смотрѣніе имѣть. И о томъ, куда надлежитъ, послать указы. Также по объявленію вышеписаннаго Поморцова въ Иркутскъ послать указъ, велѣть немедленно сыскать японское судно, на которомъ они были и при томъ и книги на томъ языкѣ кто изъ російскихъ людей взяли, и тѣ книги у кого нынѣ обрѣтаются, и сколько тѣхъ книгъ или писемъ какиихъ на японскомъ языкѣ отыскано будетъ, оныя прислать въ сенатъ немедленно“.

Сообщ. П. А. Мудловъ.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ іюлѣ 1841 г.

Искреннѣйше благодаримъ г. В. Аккерблома за сообщеніе въ „Русскую Старину“ копіи весьма интереснаго документа — письма Екатерины Быховецъ, отъ 5-го августа 1841 г., о послѣднихъ дняхъ жизни поэта Лермонтова. При весьма любезномъ посредствѣ г. директора самарскаго реальнаго училища, А. П. Херувимова, редація получила и подлинникъ этого новаго матеріала къ біографіи поэта.

Письмо это, согласно желанію г. Аккерблома, передано нами въ Лермонтовскій музей въ С.-Петербургѣ.

10-го февраля 1892 г. мы прочитали письмо Е. Быховецъ посѣтившему насъ профессору П. А. Висковатову и уважаемый біографъ Лермонтова нашелъ документъ весьма интереснымъ дополненіемъ тѣхъ, къ сожалѣнію, все еще недостаточныхъ свѣдѣній, каковыя имѣетъ исторія отечественной литературы о послѣднихъ дняхъ славнаго поэта М. Ю. Лермонтова.

„Прѣвѣжая (15-го іюля 1841 г.) изъ Желѣзноводска въ колонію Каррасъ, Лермонтовъ нашелъ m-lle Быховецъ, прозванную la belle poigе, съ теткою ея Прянишниковою, ѣхавшихъ въ Желѣзноводскъ“ — вотъ что говоритъ П. А. Висковатовъ, описывая въ своей обширной біографіи Лермонтова послѣдніе дни въ жизни поэта (Соч. Лермонтова, изд. 1891 г., ч. 6-я, стр. 421, и см. тамже стр. 422, 430).

Нынѣ предъ нами подлинное письмо этой самой г-жи Быховецъ, писанное нѣсколько дней спустя послѣ кончины Михаила Юрьевича. Какое значеніе имѣетъ этотъ документъ въ ряду матеріаловъ къ сказанію о послѣднихъ дняхъ жизни поэта, пусть судятъ его біографы, но оно, между прочимъ, упоминаетъ о различныхъ фактахъ, на которыхъ останавливаются П. А. Висковатовъ и другіе, писавшіе объ этихъ дняхъ, и передаетъ ихъ хотя довольно близко къ тексту разсказа П. А. Висковатова, но иные—нѣсколько подробнѣе.

Во всякомъ случаѣ, печатаемое ниже письмо—весьма характерное сказаніе одной изъ близкихъ знакомыхъ М. Ю. Лермонтова, и по времени, къ которому относится, и по тону, въ которомъ оно изложено—должно вызвать вниманіе и интересъ со стороны почитателей безвременно погибшаго великаго таланта.

Подлинникъ письма—на двухъ листкахъ почтовой бумаги въ 8-ю долю; всѣ восемь страницъ исписаны; чернила весьма выпцвѣли.

Ред.

Покупая книги на толчкѣ въ Самарѣ, въ 1891-мъ году, у букиниста, я нечаянно нашелъ въ книгѣ письмо, на которое сперва не обратилъ никакого вниманія и думалъ, что оно просто какое-то ненужное. Но, прочитавъ его, увидѣлъ, что оно заключаетъ въ себѣ описаніе послѣднихъ дней жизни Лермонтова.

Письмо это написано въ Пятигорскѣ, спустя 19 дней послѣ смерти Лермонтова, въ 1841 году, 4-го августа, въ понедѣльникъ, дальнею родственницею поэта, г-жею Екатериною Быховецъ. Письмо было завернуто въ небольшую бумажку, на которой надписъ:

„Письмо Катеньки Быховецъ, вынѣ г-жи Ивановской, съ описаніемъ послѣднихъ дней жизни Лермонтова“.

Сообщаю этотъ интересный документъ на страницы „Русско й Старинѣ“, которая сохранила для исторіи отечественной литературы, между многими другими матеріалами, большое собраніе данныхъ къ жизнеописанію славнаго русскаго поэта—М. Ю. Лермонтова.

г. Самара 1892 г.

В. Авербломъ.

Пятигорскъ, 1841 г. августа 5-го, понедѣльникъ.

Лезцѣнный мой дружокъ, Лизочка! Какъ я тебѣ позавидовала, моя душка, что ты была въ Успенскомъ. О! какъ-бы я дорого дала, чтобы провести это время съ вами: какъ-бы мы пріятно его провели; воображаю, какъ мамаша тебѣ обрадовалась, моему милому дружочку; она съ такой радостью мнѣ описываетъ, что Манюшка къ ней очень ласкова. Вашъ балъ былъ очень хорошъ; тебя удивляетъ, что все такъ переѣнилось. Я не знаю, что сдѣлалось съ Тарусскимъ уѣздомъ, откуда Татьянаушка учится этимъ гримасамъ, и такъ ужъ она на гримасу похожа, некому безъ меня ее остановить.

Какъ-же я весело провела время. Этотъ день ¹⁾ молодые люди дѣлали намъ пикникъ въ гротѣ, который былъ весь убранъ шалами: колонны обвиты цвѣтами и люстры всѣ изъ цвѣтовъ; танцовали мы на площадкѣ около грота; лавочки были обиты прелестными коврами; освѣщено было чудесно; вечеръ очаровательный; небо было такъ чисто; деревья отъ освѣщенья необыкновенно хороши

¹⁾ 8-го іюля 1841 года.

Ред.

были, аллея также была освѣщена и въ концѣ аллеи была уборная прехорошенькая; два хора музыки. Конфектъ, фруктъ, мороженнаго безпрестанно подавали; танцовали доупада; молодежь была такъ любевна, занимала своихъ гостей; ужинали; послѣ ужина опять танцовали; даже Лермонтовъ, который не любилъ танцовать, и тотъ былъ такъ веселъ; оттуда мы шли пѣшкомъ. Всѣ молодые люди насъ провожали съ фонарями; одинъ изъ нихъ началъ немного шалить. Лермонтовъ, какъ cousin, предложилъ сейчасъ мнѣ руку; мы пошли скорѣй и онъ до дому меня проводилъ.

Мы съ нимъ такъ дружны были—онъ мнѣ правнучатный братъ—и всегда называлъ cousine, а я его cousin, и любила какъ роднаго брата. Такъ меня здѣсь и знали подъ именемъ charmante cousine Лермонтова. Кто изъ молодежи пріѣзжалъ сюда, то сейчасъ его просили, чтобы онъ ихъ познакомилъ со мной.

Этотъ пикникъ послѣдній былъ: ровно чрезъ недѣлю мой добрый другъ убитъ, а давно-ли онъ мнѣ этого изверга, его убійцу, рекомендовалъ какъ товарища, друга!

Это Мартыновъ глупъ ужасно, всѣ надъ нимъ смѣялись; онъ ужасно самолюбивъ; карикатуры (на него) его безпрестанно ¹⁾ прибавлялись; Лермонтовъ имѣлъ дурную привычку острить. Мартыновъ всегда ходилъ въ черкескѣ и съ кинжаломъ; онъ его называлъ при дамахъ M-r le Poignard и sauvage'омъ. Онъ (т. е. Мартыновъ) тутъ ему сказалъ, что при дамахъ этого не смѣетъ говорить, тѣмъ и кончилось. Лермонтовъ совсѣмъ не хотѣлъ его обидѣть, а такъ посмѣяться хотѣлъ, бывши такъ хорошъ съ нимъ.

Это было въ одномъ частномъ домѣ. Выходя оттуда, Мартынка глупой вызвалъ Лерм. Но никто не зналъ. На другой день Лермонтовъ былъ у насъ ничего веселъ; онъ мнѣ всегда говорилъ, что ему жизнь ужасно надоѣла, судьба его такъ гнала, Государь его не любилъ; Великій князь (Михаилъ Павловичъ?) ненавидѣлъ, (они?) не могли его видѣть—и тутъ еще любовь: онъ (Лермонтовъ) былъ страстно влюбленъ въ В. А. Бахметьеву; она ему была кузина; я думаю, онъ и меня отъ того любилъ, что находилъ въ насъ сходство, и объ ней его любимый разговоръ былъ.

Чрезъ четыре дня, онъ ²⁾ (Лермонтовъ) поѣхалъ на Желѣзныя; былъ въ этотъ день нѣсколько разъ у насъ и все меня упрашивалъ пріѣхать на Желѣзныя; это 14 верстъ отъ сюда. Я ему общала и

¹⁾ Это слово въ подлинникѣ не вполне разборчиво.

²⁾ Зачеркнуто: „былъ“.

15-го (юля) мы отправились въ шесть часовъ утра, я съ Обыденной (sic) въ коляскѣ, а Дмитревскій ¹⁾ и Бенкендорфъ и Пушкинъ—братъ сочинителя—верхами.

На половинѣ дороги, въ колонкѣ ²⁾ мы пили кофе и завтракали. Какъ пріѣхали на Желѣзныя, Лерм. сейчасъ прибѣжалъ; мы пошли въ рошу и все тамъ гуляли. Я все съ нимъ ходила подъ руку. На мнѣ было бандо. Ужъ не знаю, какими судьбами коса моя распустилась и бандо свалилось, которое онъ взялъ и спряталъ въ карманъ. Онъ при всѣхъ былъ веселъ, шутилъ, а когда мы были вдвоемъ, онъ ужасно грустилъ, говорилъ мнѣ такъ, что сейчасъ можно догадаться, но мнѣ въ голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все та-же ³⁾; уговаривала его, утѣшала какъ могла, и съ полными глазами слезъ (онъ меня) благодарилъ, что я пріѣхала, умаливалъ, чтобъ я пошла къ нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поѣхали назадъ, онъ поѣхалъ тоже съ нами.

Въ колонкѣ обѣдали. Уѣзжавши онъ цѣлуется нѣсколько разъ мою руку и говорить:

— „Cousine, душенька, щастливѣе этого часа не будетъ больше въ моей жизни“.

Я еще надъ нимъ смѣялась; такъ мы и отправились.

Это было въ пять часовъ, а (въ) 8 пришли сказать, что онъ убитъ.

Никто не зналъ, что у нихъ дуэль, кромѣ двухъ молодыхъ мальчиковъ, которыхъ они заставили поклясться, что никому не скажутъ; они такъ они и сдѣлали.

Лерм. такъ жизнь надоѣла, что ему надо было первому стрѣлять, онъ не хотѣлъ, и тотъ извергъ (Мартыновъ) имѣлъ духа долго цѣлиться и пуля навылеть! Ты не повѣришь, какъ его смерть меня огорчила, я и теперь не могу его вспомнить.

Прощай, мой милый другъ, грустно и пора на почту. Сестра и братъ вамъ кланяются. Я тебя и дѣтишекъ цѣлую безсчетно разъ. Не забывай вѣрнаго твоего друга и обожающую тебя сестру

Катю Быховецъ.

Сейчасъ смотрѣла на часы, на почту еще рано и я еще съ тобой поговорю. Дмитревскій меня раздосадовалъ ужасно: бандо

¹⁾ Дмитревскій — вице-губернаторъ Кавказской области—пріѣхавшій въ лѣто 1841 въ Пятигорскъ изъ Тифлиса.

²⁾ Колонія Каррасъ или Шотландка.

³⁾ Т. е. любовь къ В. А. Бахметевой.

Ред.

П. В.

Ред.

мое, которое было въ крови Лерм., взялъ, чтобъ отдать мнѣ, и потерялъ его: такъ грустно, это бы мнѣ была память. Мнѣ отдали шнурокъ, на которомъ онъ всегда носилъ крестъ.

Я была на похоронахъ: съ музыкой его хоронить не позволили, и священника насила уговорили его отпѣть.

Онъ мертвый былъ такъ хорошъ, какъ живой. Портретъ его сняли.

Я теперь принялась пользоваться; у меня такая жестокая боль въ боку, что я двѣ недѣли, кромѣ блузы, не могу ничего надѣть; только, душка, не пиши къ мамашѣ, это пройдетъ, все прежняя моя болѣзнь, воды мнѣ помогаютъ. Прощай.

Сообщ. В. Азербломъ.

Къ разказу о взятіи парохода «Тигръ»

30-го апрѣля 1854 года.

I.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г., кн. XI, помѣщенъ разказъ г. Абакумова: Взятіе парохода „Тигръ“ 30-го апрѣля 1854 г.

Какъ бывший участникъ въ этомъ дѣлѣ, правда, не какъ строевой боевой товарищъ г. Абакумова, а какъ фельдшеръ той батареи, въ которой служилъ и г. Абакумовъ, считаю необходимымъ исправить его описку, а именно: въ разказанномъ имъ дѣлѣ участвовала батарея не 17-й артиллерійской бригады, а батарейная № 2-й батареи 16-й артиллерійской бригады, въ которой служилъ и г. Абакумовъ. Полковникъ Горановичъ, прежде командовавшій легкою батареею 17-й бригады, переведенъ былъ командиромъ нашей батареи предъ крымскою кампаніею.

Владиміръ Милашевскій,
отставн. фельдшеръ, коллеж. регистраторъ.

Близъ Саратова. село Маринское.

II.

Принадлежа къ числу постоянныхъ читателей и почитателей дорогаго для насъ, русскихъ, журнала „Русская Старина“, я встрѣтилъ въ XI книгѣ этого изданія за 1891 годъ нѣкоторую неточность, которую и спѣшу исправить.

Въ указанной книгѣ „Русской Старинѣ“, въ разсказѣ „Взятіе парохода Тигръ 30-го апрѣля 1854 г.“, авторъ упоминаетъ объ уланскомъ эскадронѣ, который, по его словамъ, присутствовалъ при взятіи „Тигра“, и называетъ уланы Сим бирскими. Слѣдуетъ читать: полкъ Сибирскій, но и онъ сформированъ, кажется, въ 1851 или 1852 году и часть его вошла въ Чугуевскій уланскій полкъ. Дивизионъ этого-то полка, Чугуевского, и участвовалъ во взятіи „Тигра“. Это уже не эскадронъ, а два эскадрона. Въ послужныхъ спискахъ такъ и сказано: „участвовалъ“; да и приволя отъ продажи на словъ парохода достались, по морскимъ законамъ, въ извѣстной долѣ, и чугуевскимъ уланамъ. Оно, конечно, забавно: уланы брали пароходъ! А вѣрно.

Авторъ пишетъ: „англійскій пароходъ-фрегатъ Тигръ взялъ я, со вводомъ артиллеріи“.—Это также не точно: принудилъ къ сдачѣ—это такъ, а взялъ—нѣтъ. Пароходъ сидитъ на мели, двѣ пушки съ берега громятъ его, экипажъ въ 170 человекъ садится на гребень суда и сѣзжаетъ на берегъ... Если-бы вводъ артиллеріи съ 24-ю или 30-ю человекъ прислуги (ружей и револьверовъ у нихъ не было)—не имѣлъ прикрытія, то 170 человекъ, высадившихся на берегъ матросовъ, едва-ли-бы стали много разговаривать съ 30-ю пѣшихъ артиллеристовъ. Артиллерія—оружіе вспомогательное и позиціонное, она стоитъ на мѣстѣ и подготавливаетъ успѣхъ пѣхотѣ или кавалеріи. На ходу она молчитъ. Въ вашей исторіи я знаю только два примѣра, что артиллеристы дѣйствительно сами ходили въ атаку, бросивъ свои пушки.

Въ дѣлѣ подъ Краснымъ въ 1812 г. командиръ конной батареи полк. Никитинъ (впослѣдствіи графъ, шефъ Чугуевского уланскаго полка и начальникъ южныхъ военныхъ поселеній), съ конными нумерами бросился на французское каре, съ саблями на голо, врубился, взялъ знамя и, кажется, два или четыре орудія, а пѣхота сдалась въ плѣнъ. Это, дѣйствительно, можно сказать „взялъ“. Другой случай—въ прошлую турецкую войну, во время первой осады Карса, прерванной Зивинскою неудачею. Тамъ тоже прислуга съ нашихъ осадныхъ батарей, безъ всякаго разрѣшенія, изъ лихости и удалства, подкралась къ турецкимъ контръ-батареямъ, вынесеннымъ турками впередъ изъ-за линіи укрѣпленія (со стороны фронта Карадахъ-Арабъ), взяла эти батареи, утащила замки, т. е. запирающіе механизмы, и благополучно воротилась назадъ. Это также „взяла“.

А въ такихъ исключительныхъ, молодецкихъ подвигахъ артиллерія можетъ разбить, взорвать, принудить къ сдачѣ, но взять сама, при незначительномъ числѣ живой силы, vorочающей мертвыми машинами,-- не можетъ.

М. Терентьевъ.

27-го дек. 1891 г. Варшава.

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕНЪ

въ перепискѣ съ Александрю Григорьевною Клиентовою

1834—1840.

21
Александра Григорьевна Клиентова была подругою дѣтства Натальи Александровны Герценъ, рожденной Захарьиной. Отецъ Александры Григорьевны былъ священникомъ въ Москвѣ при церкви Воскресенія Словущихъ, на Бронной. Отсутствие средствъ и большая семья не позволили ему должнымъ образомъ озаботиться о воспитаніи и образованіи дочерей. Но, не смотря на это, дѣвочки, какъ-бы въ силу врожденной любви къ книгѣ, сами старались, сколько возможно, образовать себя, учились узнавали что могли, и всѣми силами стремились развиться. Между всѣми дочерьми особенно выдѣлялись двѣ, какъ по своей красотѣ, такъ и по стремленію ко всему прекрасному: средняя—Антонина Григорьевна, и старшая—Александра Григорьевна.

Антонина Григорьевна была натура поэтическая, полная добрыхъ и благородныхъ стремленій, тонкая, изящная. Она страстно любила поэзію и, какъ современница Лермонтова, не только восхищалась и зачитывалась его произведениями, но и, вдохновляемая его поэзію, сама писала стихи. Писала, разумеется, для себя, складывая все въ завѣтную шкатулку или раздавая написанное сестрамъ, двоюроднымъ братьямъ. Такъ разошлись по рукамъ и исчезли навсегда эти юношескія пѣсни, полныя искренняго чувства и музыкальной гармоніи. Только одно изъ стихотвореній уцѣлѣло, напечатанное когда-то давно, не то въ «Современникѣ», не то въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я, будучи ребенкомъ, помню, сочла его за Лермонтовское и выучила наизусть. Вотъ оно, воспроизведенное по памяти:

А годы проходятъ, а годы летять—
И вотъ ужъ полжизни осталось за мною.
И страшно, и грустно взглянуть мнѣ назадъ:

Тамъ споръ безнадежный съ людьми и съ судьбою;
 Тамъ рядъ безуспѣшныхъ усилій ума,
 Ошибокъ, утратъ, огорченій;
 Тамъ все, что постигла минувшаго тьма,
 Что сгибло въ туманѣ сомнѣній.
 Найдите, кому-бы я могъ уступить
 Мой вѣкъ молодой, своевольный.
 Вѣдь, многимъ-же весело, радостно жить,
 И многіе живнью довольны.
 А мнѣ въ мѣрѣ скучно, мнѣ жизнь не нужна,
 Ее я отдамъ, не жалѣя.
 Чѣмъ свѣтитъ, чѣмъ блещетъ, чѣмъ грѣетъ она,
 Возьмите, возьмите скорѣе—
 И мѣсто на солнцѣ, и радостный день.
 И нѣгу вечерней прохлады...
 Хотите страданья? и ихъ вамъ отдамъ.
 Отдамъ вамъ и слезы и стоны.
 А дайте взамѣнъ мнѣ, взамѣнъ лишь одно:
 Забвенье, забвенье, забвенье...

Дальше не припомню. Но и приведенныхъ строкъ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ несомнѣнно большомъ дарованіи рано погибшей молодой дѣвушки. Она умерла не старше двадцати лѣтъ, и никто не зналъ, что вмѣстѣ съ нею погибъ недюжинный талантъ. Только недавно профессоръ Новороссійскаго университета, И. С. Некрасовъ, въ своей публичной рѣчи о Лермонтовѣ упомянулъ и объ Антонинѣ Григорьевнѣ Кліентовой, какъ объ одной изъ талантливыхъ послѣдовательницъ Лермонтова. Онъ съ большою теплотою отнесся къ ея памяти и тутъ-же привелъ ея стихотвореніе.

Александръ Григорьевнѣ, какъ старшей въ семьѣ, выпала явая доля: рано лишившись матери, ей пришлось всѣ хлопоты и заботы о сестрахъ, а впослѣдствіи и о племянникахъ, взять на себя. Зато ей на долю досталась въ молодости встрѣча съ такими людьми, какъ Наталья Александровна и Александръ Ивановичъ Герцены, а нѣсколько позднѣе и встрѣча, хотя, правда, мимолетная, съ другимъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ— Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ.

По ея словамъ, она и сейчасъ хорошо помнить, какъ старая княгиня Марья Алексѣевна Хованская, у которой воспитывалась Наталья Александровна, ходила къ нимъ въ церковь къ Воскресенію Словоущихъ, хотя сама и жила на Поварской, въ собственномъ домѣ. «Важная была, такая строгая. Разъ она увидала меня въ церкви, рассказываетъ Александра Григорьевна: мнѣ было тогда лѣтъ десять, увидала и велѣла приходить. Пригласила къ себѣ въ домъ, конечно, для того, чтобы Наташѣ одной не скучно было играть и учиться. Наташа была добрая, милая, стройная, красивая дѣвочка, только одно ее портило—веснушки. Она была года на три меня старше».

Извѣстно, какъ одинока, тяжела и грустна была жизнь Натальи Александровны въ домѣ ея тетки, княгини Хованской. А. И. Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что только присутствіе горничной княгини, молодой крѣпостной Саши, смягчало тоску и одиночество сироты-племянницы, взятой въ княжескій домъ. Но, оказывается, кромя Саши Вырлиной, обожавшей барышню, какъ обожала ее въ домѣ вся дворня, возлѣ нея, дѣтъ черезъ пять послѣ ея переселенія изъ родной семьи въ домъ тетки, очутилась другая Саша—Александра Григорьевна Клиентова.

Княгиня Хованская, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, а все-же учила свою воспитанницу и русскому языку, и Закону Божию, для чего въ домъ былъ приглашенъ какой-то дьяконъ, и французскому, и музыкѣ, а впослѣдствіи взяла къ ней гувернантку, молоденькую дѣвушку, только что кончившую въ институтѣ, Эмилию Михайловну Аксбергъ. А когда подросла Наталья Александровна, ее развивать принялась «карчевская кузина», Татьяна Петровна Пассекъ,—привозила ей книги, напечатывала новыя мысли, рисовала дамскіе идеалы.

И вотъ съ такою тринадцатилѣтнею дѣвочкою встрѣчается десятилѣтняя дочь приходскаго священника, необразованная, невоспитанная, но полная страстнаго желанія учиться, идти впередъ, добрая, мягкая, кроткая, любящая.

Наталья Александровна давно, какъ только стала учиться, мечтала быть художницею и непремѣнно имѣть учениковъ. Но этого ей не удалось; зато теперь, съ появленіемъ въ домѣ Сашеньки Клиентовой, явилась возможность просвѣщать, учить, а также и возможность дѣлиться мыслями. И Наталья Александровна съ жаромъ привязывается къ новой подругѣ. Хотя подруга и учится вмѣстѣ съ нею за класснымъ столомъ, вмѣстѣ съ нею беретъ уроки музыки у Егора Ивановича, брата А. И. Герцена, а впослѣдствіи занимается у гувернантки, Эмилиі Михайловны Аксбергъ, но зато послѣ уроковъ Наталья Александровна долго толкуетъ съ дѣвочкою, разъясняетъ непонятное. А кончены уроки—у нея есть теперь слушательница всѣхъ ея завѣтныхъ думъ и желаній. Теперь ей есть кому рассказать и повѣрять свое горе одиночества, есть кого поцѣловать, приласкать, приголубить.

Сашенька Клиентова съ первыхъ-же дней привязывается всею силою своей дѣтской любящей души къ Натальѣ Александровнѣ, во всемъ покоряется ей, слушаетъ ее, какъ оракула. Н. А. чѣмъ дальше, тѣмъ больше наставляетъ пріятельницу, совѣтуетъ больше думать, трудиться, любить всѣхъ, а прежде всего Бога, на Него во всемъ полагаться и уповать... И такія рѣчи, случается, ведутся далеко за полночь, — дочь священника часто остается ночевать въ домѣ княгини.

Этотъ наставительный тонъ, отношеніе старшаго къ младшему продолжаютъ сохраняться во всей силѣ, даже и въ предлагаемой перепискѣ, которая относится къ 1834—1840 гг., т. е. когда Александра Григорьевна была

уже вполне взрослымъ человѣкомъ. Молодая дѣвушка, видимо, обожала Наталью Александровну, жила ея радостями и тосковала ея горемъ. Она принимала горячее участіе въ положеніи своей подруги у княгини Хованской. Глазами своего друга смотрѣла на многое. Подъ ея вліяніемъ привыкла уважать и чуть не благоговѣть передъ умомъ и нравственною силою ея двоюроднаго брата, Александра Ивановича. Послѣ этого вполне понятно, что зародившуюся любовь къ нему Наталья Александровна не скрыла отъ своего юнаго друга. Она, повѣрившая ей все, повѣрила и это. И разъ встрѣтѣсь съ нею подъ невзбѣжнѣйшѣмъ присмотромъ княгининой компаньонки, Марьи Степановны, черезъ которую Наталья Александровнѣ въ юности пришлось вытерпѣть много неприятностей, она ѣздила съ нею на скачки, гдѣ, встрѣтившись съ Александромъ Ивановичемъ, всѣ встрѣтѣ прошли погулять на Ваганьково кладбище. Это было послѣднее свиданіе брата и сестры на волѣ. Александра Григорьевна была свидѣтельницею этого свиданія. Оно происходило 21-го іюля 1834 г.

Долго не могла забыть объ этомъ днѣ Н. А. Черезъ мѣсяць она описываетъ это свиданіе и свои чувства въ письмѣ къ пріятельницѣ, какъ-бы для того, чтобы лучше запечатлѣть обѣимъ этотъ знаменательный день и фактъ свиданія. Встрѣтѣсь съ письмомъ, которое писано въ тетрадкѣ, она въ той-же тетрадкѣ посылаетъ списанныя ею стихотворенія Козлова, которыя, по ея словамъ, нравились тогда ея дорогому брату, теперь оторванному отъ нея. Но въ письмѣ нѣтъ и тѣни отчаянія, оно полно вѣры въ возможность лучшаго будущаго: «Вѣрю, пишетъ она, что нѣкогда я увижусь съ братомъ, что будетъ время счастья, и мы, счастливые, прославимъ имя милосердаго Бога!»

И Наталья Александровна не ошиблась. Прошли четыре мучительныхъ года разлуки, во время которыхъ ей пришлось перенести и переиспытать много тяжелаго, и 8-го мая 1838 года, когда за нею въ Москву явился изъ Владиміра, тайкомъ, дорогой братъ, давножданное счастье было уже близко: на другой день, именно 9-го мая, во Владимірѣ, въ Ямской загородной церкви, она вѣнчалась съ дорогимъ человѣкомъ. 10-го мая она уже извѣщала свою московскую пріятельницу дѣтства, посвященную во всѣ тайны приготовления къ побѣгу изъ дома княгини Хованской: «Сашенька! Вчера въ 8 час. вечера мы обвѣнчались. Довольно!»

Память о добромъ любящемъ сердцѣ, оставленномъ въ Москвѣ, не заглушалась и невыразимо счастливыми днями, полными небснаго восторга и прелести, которые настали теперь для Натальи Александровны во Владимірѣ: не смотря на первый мѣсяць замужней жизни, она часто пишетъ подругѣ. Передъ нами ея письма отъ 10-го, 18-го и 21-го мая 1838 г. Въ письмѣ отъ 21-го мая она заставляетъ даже сдѣлать приписку самого Александра Ивановича, котораго смущалась и конфузилась Александра Григорьевна, какъ необыкновенно умнаго человѣка. «Безсовѣстная Сашенька, не стыдно-ли не написать хотя строчку-бы? Я-же говорила тебѣ, что Александра бояться нечего,

ты, можетъ быть, и не повѣришь, ну такъ онъ самъ скажетъ, съ какимъ удовольствіемъ читалъ онъ всѣ твои письма и восхищался твоею любовью ко мнѣ»...

Приписка рукою Александра Ивановича, долженствовавшая разсѣять въ Александрѣ Григорьевнѣ страхъ, чрезвычайно характерна для его тогдашняго настроенія. Я возьму изъ середины ея только нѣсколько строкъ: «...и какъ-же вамъ бояться всего суда, суда земнаго человѣка, когда вы не боялись приблизиться къ ней, къ ангелу небесному?»

Другія приписки Александра Ивановича въ письмахъ жены болѣе ничтожны: онѣ ограничиваются или подписомъ одной его фамиліи или посланіемъ поклона, или... Впрочемъ, одна, сдѣланная въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти матери Александры Григорьевны, очень любопытна, такъ какъ она свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ религіозномъ чувствѣ, какимъ былъ полонъ въ тотъ періодъ А. И. Герценъ. Вотъ что приписывалъ онъ въ утѣшеніе дѣвушкѣ, у которой умерла мать.

«Принимая искреннее участіе въ горести, постигнувшей васъ, я надѣюсь, что вы найдете столько силъ, чтобы безропотно покориться Богу и его волѣ». Извѣстно, что Герценъ въ крутицкихъ казармахъ зачитывался Четьи Минееми, и плодомъ этого чтенія и религіознаго настроенія явилась его превосходная «Легенда о св. Феодорѣ».

Но и изъ Владиміра Наталья Александровна не переставала поддерживать въ своей подругѣ любовь къ просвѣщенію: «Занимаешься-ли ты чтеніемъ? спрашиваетъ она. Не зарывай своихъ талантовъ, Саша». Въ другомъ письмѣ говоритъ: «Береги свою свѣтлую душу, береги ее отъ земли, отъ людей, а болѣе всего отъ дремоты; помнишь, какъ мы объ этомъ говорили часто и много».

Переписка становится нѣсколько рѣже, когда Наталья Александровна готовится сдѣлаться матерью. Но въ каждомъ письмѣ она не радуется на свою жизнь, на свое счастье, и постоянно повторяетъ: «хороша жизнь наша, Саша!» или: «я съ нимъ—и довольна!»... «Вотъ это гармонія, вотъ та молитва, та жизнь ангеловъ, о которой мнѣ мечталось, снилось, ожиданіемъ которой я жила двадцать лѣтъ» ..

Таковы отзывы о жизни во Владимірѣ съ братомъ и другомъ были въ первое время. Но они не менѣе восторженны и позидѣе: «Вотъ ужъ скоро два года! пишетъ она, и ни облачка на нашемъ небѣ, ни пылинки на душѣ!... Я не перестану говорить: хороша жизнь! хороша жизнь! Слава въ вышнихъ Богу!...» Последнія слова уже писаны изъ Петербурга, по возвращеніи изъ Владиміра.

Сообщаетъ Наталья Александровна и о своемъ первенцѣ Александрѣ, о томъ, что ради него читаетъ, учится.

«Я очень много занимаюсь, читаю Шиллера и Гёте. Теперь я, Сашенька,

кормилица и няня, хочется быть и учительницей его, хотя сначала, и потому я учусь сама».

Александра Григорьевна аккуратно отвѣчаетъ на всѣ письма. Кое-что сообщаетъ изъ своей жизни, но это «кое-что» почти всегда грустное: или ей свѣтаютъ какого-нибудь «урода», хотятъ выдать замужъ, когда мечты влекутъ ее въ другую сторону; или сообщаетъ горькую вѣсть, сперва о болѣзни, а потомъ и о смерти своей матери, послѣ которой на ея рукахъ остались три младшія сестры; между ними была и наша поэтесса, Антонина Григорьевна, о которой говорилось въ началѣ.

Вскорѣ послѣ смерти матери, Александру Григорьевну все-же выдали за молодого семинариста, учителя въ школѣ при Донскомъ монастырѣ, Михаила Алексѣевича Лаврова, которому дано было мѣсто дьякона въ церкви Иоанновна, что на Шаболовкѣ, въ Москвѣ. Послѣ выхода замужъ переписка ея съ Натальею Александровною разомъ обрывается. Что пожелало корреспондировать московской подругѣ? почему она вдругъ замолкла? опредѣленнаго отвѣта переписка не даетъ, не помнитъ хорошо и сама Александра Григорьевна. Потому приходится ограничиться предположеніемъ: переписка прекратилась, должно быть, потому, что отъ мужа стало труднѣй, чѣмъ отъ отца, скрыть переписку съ ссыльными, съ ссыльною подругою. Вотъ единственно возможное предположеніе.

Но Наталья Александровна не можетъ помириться съ безпричиннымъ разрывомъ. Она изъ Петербурга въ іюлѣ 1840 года пишетъ пріятельницѣ и повторяетъ, что не перестаетъ любить ее. «А я люблю тебя все попрежнему, все попрежнему вспоминаю и думаю о тебѣ часто, и теперь пишу тебѣ, не сомнѣваясь, что строки мои принесутъ тебѣ хотя сколько-нибудь удовольствія». И несмотря на упорное молчаніе пріятельницы, она все-же вводитъ ее въ курсъ своей жизни, рассказываетъ о Петербургѣ, о морѣ, о Невѣ, о своихъ прогулкахъ въ лодкѣ вѣстѣ съ мужемъ.. «мы очень часто катаемся по ней (т. е. по Невѣ), поздно вечеромъ, одни въ маленькой лодочкѣ... я не перестаю говорить: хороша жизнь!»

Для Натальи Александровны очень горько, что она ничего не знаетъ о пріятельницѣ, объ ея новой жизни; ей горько, что замужество Александры Григорьевны какъ-бы оттѣснило отъ нея всѣхъ прежнихъ друзей, и она съ горечью прибавляетъ: «Или все милое прошедшее, исполненное священнаго и поэтическаго. уже не существуетъ для тебя болѣе?...»

Этимъ грустнымъ письмомъ и заканчивается переписка.

Таковы въ общемъ характеръ и содержаніе печатаемыхъ ниже писемъ. Въ нихъ ни слова нѣтъ о внутренней жизни молодыхъ Герценовъ, ни слова объ ихъ духовныхъ интересахъ, которыми полна была ихъ жизнь во Владимирѣ.

Отчего-же Наталья Александровна такъ упорно молчитъ обо всемъ этомъ?

Можетъ быть, она считаетъ пріятельницу недоразвитою для поні чѣмъ жила она съ своимъ мужемъ? Но такое предположеніе какъ первое письмо, писанное въ тетрадь и посланное вѣсть еще въ Москвѣ съ Поварской на Бронную, такъ и послѣднее, изъ Петербурга. Въ первомъ, которое походитъ больше на воспоминающее письмо, на воспоминаніе, нарочно писанное для друга на память рится обо всемъ, что волнуетъ молодую душу, о своемъ горѣ, о г у котораго отняли друга (Огарева), высказывается негодованіе ством... Несомнѣнно, такое письмо писано къ другу, который въ нять многое...

Въ послѣднемъ-же письмѣ, изъ Петербурга, Наталья Алексан сить пріятельницу вернуть ей, черезъ Сашу Вырлину, «тетради скихъ стиховъ». «Зачѣмъ ты не возвратила мнѣ ихъ, какъ въ Москвѣ?» прибавляетъ она. Значитъ, она довѣрила ихъ под завѣтный плодъ того времени? значитъ, говорила съ нею о поэ хаяхъ? Говорила, навѣрно, и въ свой проѣздъ черезъ Москву изъ въ Петербургъ, когда видѣлась съ Александрою Григорьевною, то Клиентовою, а Лавровою. (Отъ этого пребыванія въ Москвѣ, въ перепискѣ встрѣчаются двѣ маленькія записочки Натальи Алексан

Нѣтъ, въ отношеніяхъ къ Александрѣ Григорьевнѣ со стороны Александровны было больше, чѣмъ простая ласка и снисхожденіе: Александровна посвящала пріятельницу въ свои нравственные инт рессы, дѣлилась съ нею своими симпатіями, читала съ нею Огаре и даже давала ей ихъ на домъ: «Зачѣмъ ты не вернула ихъ, ка въ Москвѣ?»

Надо думать, что единственно ради осторожности, въ силу тельной заботливости о своемъ другѣ, Наталья Александровна не письмахъ изъ Владиміра «иныхъ» вопросовъ, а не потому, чтобы неспособною понять.

Послѣ своего побѣга во Владиміръ, къ брату-жениху, о чемъ пи знала заранѣе, Наталья Александровна боится, какъ-бы пріате досталось отъ родныхъ за дружбу къ бѣглецкѣ, сдѣлавшейся че ссыльною. Въ третьемъ письмѣ, изъ Владиміра, она тревожно сп: «Интересно знать, какъ принялъ это твой папенька. Напиши лось-ли тебѣ?»

Такъ вотъ что удерживало Наталью Александровну отъ писе характера, а викакъ не недостатокъ развитія пріятельницы. Встрѣча людьми не прошла для Александры Григорьевны даромъ, а въ осо такимъ идеально-хорошимъ человѣкомъ, какимъ была Наталья Але Затронутая въ юности идеями добра и гуманности, Александра і на своемъ вѣку много поработала и пожила для другихъ. Сперва

о сестрахъ, потомъ ходила за больнымъ мужемъ, который черезъ годъ послѣ женитьбы умеръ отъ чахотки. Вернувшись вдовою въ родную семью, она отдала всю себя заботѣ объ отцѣ и сестрахъ, изъ которыхъ самую младшую выдала замужъ, похоронивъ двухъ остальныхъ, въ томъ числѣ и поэтессу Антонину Григорьевну. А по смерти младшей замужней сестры, взяла къ себѣ ея дочь сироту, и всею силою своей любящей души привязалась къ племянницѣ, замѣнила ей и мать, и умную воспитательницу; сама репетировала съ нею всѣ предметы, когда та по вечерамъ возвращалась домой изъ гимназій. Выдавши племянницу замужъ, она теперь, старенькая старушка, живетъ одна, сохраняя до сихъ поръ интересъ къ литературѣ, читаетъ газеты, журналы. Имена Герцена, его жены, ихъ друга Огарева до сихъ поръ звучатъ для нея, какъ дорогое прошлое, милы ей, близки ея сердцу, какъ свѣтлые дни дорогой, невозвратной юности.

Но я сказала раньше, что Александръ Григорьевичъ пришлось встрѣтиться въ своей жизни на одинъ, на два дня и съ другимъ общественнымъ дѣятелемъ, болѣе поздняго періода, съ Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ.

Эта встрѣча такъ характерна для духовныхъ правовъ того времени, и притомъ она отмѣчаетъ и одну изъ выдающихся чертъ характера Николая Гавриловича, его мягкость и деликатность, что я разкажу ее здѣсь, вѣтъ закончу свою замѣтку.

То было въ 1846 году, когда мать Николая Гавриловича Чернышевскаго, Евгенія Егоровна, повезла своего сына изъ Саратова, для поступленія въ петербургскій университетъ. Мать и сынъ выѣхали въ путь на собственныхъ лошадяхъ, на тройкѣ. Москва для нихъ была чужой, незнакомый городъ; они рѣшили въ ней отдохнуть, остановиться на нѣсколько дней, но гдѣ? куда направить путь, въѣхавши въ заставу? Если въ гостиницу? Но это и дорого, и непривычно для саратовской матушки, никуда не выѣзжавшей, да и боязно какъ-то. Еще въ Саратовѣ, собираясь въ дорогу, она вмѣстѣ съ мужемъ надумала остановиться отдохнуть и переночевать въ Москвѣ у своего земляка, Григорія Степановича Клиентова, священника при церкви Воскресенія Словущихъ. Но надо замѣтить, что никто изъ Чернышевскихъ, ни отецъ, ни мать, ни, еще менѣе, самъ Николай Гавриловичъ, никогда въ глаза не видали священника Клиентова. Но, по тогдашнимъ правамъ, это ничего не значило: вѣдь, они знакомы съ его родственниками, знаютъ, что онъ родомъ изъ Саратова, и этого совершенно достаточно, чтобы, въѣхавъ въ Москву, направиться на Малую Бронную.

Семья священника Клиентова сидѣла вся въ сборѣ, когда послышалось на дворѣ громыханіе въѣзжающей тройки. «Кто тамъ? Никакъ гости?..» И дѣйствительно, растворилась дверь и на порогѣ показалась укутанная по дорожному неизвестная женщина, съ неизвестнымъ молодымъ человекомъ. Женщина откомендовалась женою саратовскаго священника Чернышевскаго, назвала

нѣсколько общихъ знакомыхъ именъ изъ земляковъ, откомендовавши самымъ добродушнымъ образомъ спросила позволеніе ночевать и дворянскіе дворы своихъ лошадей.

Обычай гостепріимства и царственная патріархальность требованія хозяевъ привѣта и радушнаго пріема пріѣхавшимъ землякамъ были приняты радушно, хотя и не безъ откровенныхъ остротъ и поговорокъ, которыми всегда изобилвала рѣчь хозяина ночевали. Евгенія Егоровна Чернышевская рѣшила на другой день ѣхать къ Троицѣ Сергію, чтобы помолиться угоднику передъ поступленіемъ въ университетъ. Ей очень понравилась старшая дочь хозяина, и вѣдьма, Александра Григорьевна, замѣнявшая въ домѣ хозяйку и стала просить, чтобы отецъ отпустилъ дочь съ ними къ Троицѣ. Григорьевна была уже вдовою, но, по тогдашнимъ нравамъ, не позволенія отца не только уѣхать къ Троицѣ, но даже и выйти. Хотя и не безъ труда, но Евгенія Егоровна все-же удалось получить.

И опять на той-же тройкѣ, на которой мать и сынъ прибыли въ городъ, поѣхали теперь всѣ трое на богомолье къ Троицѣ Сергію.

Изъ этой дороги Александрѣ Григорьевнѣ припоминается то необычайная любовь и заботливость матери о Николаѣ Гавриловичѣ: ежеминутно то укрывала, то укутывала сына, беспокоилась, дорогою не обдуло: она прикрывала его со стороны вѣтра то ладонью, то всѣмъ своимъ тѣломъ, то платкомъ, распустивъ его и придерживая обѣими руками.

Такъ доѣхали до Сергіевского посада. Остановиться на этот разъ пришлось на постояломъ дворѣ. Евгенія Егоровна взяла одну комнату отъ такого совмѣстнаго помѣщенія неудобствъ не представляло. Быть ночью? Хотя какъ ни патріархальны были нравы того времени, нельзя было ложиться спать молодой вдовѣ въ присутствіи мѣщанъ. Если взять еще другую комнату, то это слишкомъ дорого. Егоровна нашла, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія: никакихъ лишнихъ затратъ. Когда пришло время ложиться спать, сказала сыну: «А ты, Никола, полѣзай-ка подъ кровать, да тамъ и усни на кровать ляжемъ. Намъ такъ удобно будетъ и спать и раздѣляться».

Николай Гавриловичъ ни чуть не смутился неудобствомъ помѣщенія, безъ всякихъ возраженій, полѣзъ подъ кровать, и тамъ и уснулъ на ночьлегъ.

На другой день Чернышевская проснулась рано, разбудила Григорьевну: «Вставай, къ заутрени пора!»

Разбуженный скрипомъ кровати, а, можетъ быть, и разговоромъ Николая Гавриловича завозился въ своемъ импровизированномъ помѣщеніи: «А ты, Никола, смотри, погоди вылезать-то! крикнула она ему пока мы одѣнемся».

Но вмѣстѣ съ первымъ-же томомъ Дм. Ал. Ровинскій оставилъ совершенно въ сторонѣ такое неудовлетворительное заглавіе: неудовлетворительно оно было потому, что въ этомъ изданіи вовсе не появлялись только такіе портреты, которые были достовѣрны, „т. е. портреты, писанные съ натуры“, какъ объяснялъ авторъ въ первыхъ-же строкахъ своего объяснительнаго текста. Тутъ, напротивъ, было на лицо много такихъ портретовъ, про которые никто на свѣтѣ не имѣлъ-бы возможности сказать и доказать, какъ они писаны или рисованы, съ натуры или изъ воображенія художника. А между тѣмъ, никакъ нельзя было оставлять ихъ въ сторонѣ: они слишкомъ были интересны и важны въ разныхъ отношеніяхъ. Сверхъ того, Дм. Ал. Ровинскій скоро убѣдился, что изданіе русскихъ иконографическихъ изображеній въ систематической формѣ представляетъ слишкомъ много затрудненій, а потому тотчасъ-же и покинулъ эту неудобную форму. Прежнее заглавіе: „Достовѣрные портреты“ онъ замѣнилъ заглавіемъ: „Матеріалы для русской иконографіи“, а систематическій порядокъ — случайнымъ.

Въ предисловіи къ новому своему изданію (1884 г.) авторъ говоритъ: „Матеріаловъ для каждаго изъ предположенныхъ мною отдѣловъ накопилось уже довольно много; но въ ряду ихъ есть все еще значительныя пробѣлы, до пополненія которыхъ изданіе въ свѣтъ „систематическихъ отдѣловъ иконографіи“ было-бы преждевременно. Всего досаднѣе, что иногда почти готовый уже отдѣлъ не можетъ быть выпущенъ въ свѣтъ изъ-за нѣсколькихъ недостающихъ листовъ, которые приходится разыскивать по частнымъ собраніямъ и за-границею. Время, между тѣмъ, уходитъ; рѣдкіе и цѣнные листы, изготовленные для изданія и представляющіе, каждый въ отдѣльности, живой историческій интересъ, лежатъ въ безвѣстности; любители и собиратели старины жалуются и негодуютъ... Назидательный примѣръ Бекетова убѣдилъ меня въ справедливости ихъ требованій ¹⁾, и я рѣшился приступить къ „предварительному“ изданію собраннхъ мною снимковъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Матеріалы для русской иконографіи“, отложивъ, до поры до времени, изданіе систематическихъ отдѣловъ“.

Прошло десять лѣтъ, и громадное предпріятіе доведено до конца самымъ великолѣпнымъ и блестящимъ образомъ. Съ 1884 года

¹⁾ Платовъ Петр. Бекетовъ скопилъ огромное количество русскихъ портретовъ и, домогаясь все большей и большей полноты, не успѣлъ издать ихъ при своей жизни; послѣ-же его смерти, заготовленные имъ доски распроданы и весь собраннй матеріалъ почти пропалъ безслѣдно. Д. Р.

Наконецъ, въ числѣ видовъ и осадъ городовъ, превосходно бы- бы изобразить осаду Смоленска, въ 1609 году, поливами и нѣмцами изображенную на рѣдчайшей гравюрѣ (находящейся въ собраніи картъ и видовъ Императорской Публичной Библиотеки), подъ загла- виемъ: „Warhafftige Bericht und Abbildung der Statt Smolenska wie sie von ihr Königliche Majestet ausz Polen belegeret und hart zuge- setzt wirdt...“ На этомъ видѣ, подъ буквой С. изображено какъ осажденные русскіе зажгли и покинули предмѣстье, а подъ бук- вой D.—какъ на выручку русскихъ подходит отрядъ изъ 1000 человекъ.

Впрочемъ, Дм. Ал. Ровинскій найдетъ, конечно, кромѣ всего этого, еще множество интереснаго и важнаго для продолженія вели- колѣпнаго своего изданія.

V.

Можно сказать, черезъ немного недѣль, чуть не дней, послѣ выпуска въ свѣтъ послѣднихъ шести томовъ своихъ „Матеріаловъ“. Дм. Ал. Ровинскій выпустилъ въ свѣтъ еще новое изданіе. Какова энергія, какова необычайная дѣятельность, какова несравненная инициатива! И еще, еслибъ это было изданіе, предпринятое и выпол- ненное какъ-нибудь на-скоро, поверхностно и небрежно. Такъ вѣдь нѣтъ-же, новая книга исполнена, во всѣхъ отношеніяхъ, такъ со- лидно и прочно, какъ только можно. Эта новая книга: „Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія. 60 фототипій съ его картинъ безъ ретуши. Текстъ Н. П. Собко. Изданіе Д. А. Ровинскаго, Спб. 1892“.

Издателю такой массы истинно-народныхъ созданій всего болѣе шло къ лицу издать полное собраніе художественныхъ произведе- ній того русскаго живописца, котораго онъ, въ продолженіе дол- гихъ лѣтъ жизни, признавалъ высокимъ и истинно-русскимъ художникомъ.

Перовъ — это одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые во всей глубинѣ и полнотѣ всегда выражали нашу коренную, свое- образную народность. На одной изъ незабвенныхъ своихъ стра- ницъ, Крамской говорилъ (въ 1881 году):

— „Было время (до Петра), когда мы, появляясь въ Европѣ, вели себя по своему. Хороши-ли мы были или дурны, это вопросъ другой. но мы были сами по себѣ. Вотъ уже два столѣтія, какъ въ Европѣ мы усиленно стараемся, чтобы насъ не отличали отъ иностранцевъ. Раса, однако, насъ всегда выдавала и выдаетъ. Европейцы, видя

На обѣдѣ, вслѣдъ за первымъ тостомъ, провозглашеннымъ предсѣдателемъ и сопровождавшимся восторженными кликами, за здоровье Государя Императора, К. К. Гротъ провозгласилъ послѣдовательно пять традиціонныхъ на этихъ сходкахъ, 19-го февраля, тостовъ:

II. Въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянскихъ реформъ — покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

III. За великое дѣло 19-го февраля 1861 г.

IV. За всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

V. Въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ,

и VI. За благоденствіе Россіи.

Каждый годъ, собирающійся въ день 19-го февраля кружокъ участниковъ въ трудахъ по великому дѣлу освобожденія крестьянъ чувствуетъ память отшедшихъ въ иной міръ тружениковъ этого дѣла. Въ нынѣшнемъ году сошелъ въ могилу ближайшій сотрудникъ и сподвижникъ Царя-Освободителя въ его славнѣйшей реформѣ—великій князь Константинъ Николаевичъ.

Приглашая присутствующихъ поднять бокалы въ память Августѣйшаго предсѣдателя Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и затѣмъ Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія великаго князя Константина Николаевича, К. К. Гротъ посвятилъ его памяти нѣсколько глубоко прочувствованныхъ словъ, выслушанныхъ собраніемъ стоя въ благоговѣнномъ молчаніи, и затѣмъ болѣе подробную характеристику самоотверженной, многолѣтней дѣятельности великаго князя, посвященной крестьянскому дѣлу, Константинъ Карловичъ предоставилъ изложить П. П. Семенову, имѣвшему счастье особенно близко знать его императорское высочество и его государственную дѣятельность по крестьянскому вопросу.

Вотъ рѣчь П. П. Семенова:

— „Тяжкую утрату понесъ, 13-го января 1892-го года, все болѣе и болѣе тѣсный кругъ дѣятелей великой эпохи освобожденія крестьянъ. Не стало бывшаго предсѣдателя главнаго коми-

тета по крестьянскому дѣлу — великаго князя Константина Николаевича.

„Немного осталось въ живыхъ изъ непосредственныхъ свидѣтелей его дѣятельности по дѣлу освобожденія крестьянъ, и вотъ почему, согласно желанію нѣкоторыхъ старѣйшихъ нашего круга, я принялъ на себя скромный трудъ разсказать вамъ, милостивые государи, все то, что мнѣ близко было извѣстно объ этой дѣятельности.

„Когда въ исходѣ 1856 г. императоръ Александръ II принялъ великодушную рѣшимость осуществить задуманное еще въ Бозѣ почившимъ его родителемъ освобожденіе крестьянъ, первою его заботою было найти достойныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ въ предстоявшей ему тяжелой задачѣ.

„Выбрать такихъ сотрудниковъ было дѣло нелегкое. Недовѣрчиво и, можно сказать, несочувственно къ предстоявшему и еще совершенно невыяснившемуся великому дѣлу относилось большинство сановниковъ, какъ присутствовавшихъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ и непосредственно окружавшихъ государя. Близко и хорошо зналъ это государь, потому что самъ предсѣдательствовалъ въ двухъ послѣднихъ изъ шести секретныхъ комитетовъ, одинъ за другимъ учреждавшихся императоромъ Николаемъ Павловичемъ по этому дѣлу.

„Тѣмъ не менѣе, въ январѣ 1857 года, Государь Александръ Николаевичъ рѣшился открыть, подъ своимъ предсѣдательствомъ, секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу, состоявшій первоначально изъ 10-ти, а вскорѣ потомъ изъ 11-ти членовъ, изъ которыхъ князь А. Ѳ. Орловъ заступалъ мѣсто государя въ предсѣдательствованіи комитетомъ. Скоро государю пришлось убѣдиться, что изъ 11 членовъ комитета только 4 были болѣе или менѣе чистосердечными сторонниками освобожденія крестьянъ и что только одинъ изъ нихъ, младшій по лѣтамъ, І. И. Ростовцевъ (ему было 53 года), готовъ былъ всею душею отдаться и дѣятельно работать по великому дѣлу. Но Ростовцевъ, въ началѣ своей дѣятельности въ этомъ дѣлѣ не могъ еще быть твердою опорой для государя, потому что, мало знакомый съ условіями крестьянскаго быта, онъ, при всемъ своемъ умѣ и лучшихъ намѣреніяхъ, еще не уяснилъ

самому себѣ ни способо́въ, ни путей къ осуществленію задуманнаго государемъ освобожденія крестьянъ.

„Послѣ полугодоваго и, можно сказать, почти безплоднаго существованія секретнаго комитета, оказалось, что комитетъ этотъ не содѣйствуетъ благимъ намѣреніямъ государя, а только боязливо тормозить ихъ.

„Потому весьма естественно было императору Александру II искать не только утѣшенія, но и нравственной поддержки внѣ комитета и въ особенности въ своей семьѣ, въ которой онъ нашелъ двухъ горячихъ и безбоязненныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ. Это были — великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна.

„Въ бесѣдахъ съ ними Государь могъ вылить всю свою душу. высказать и свои благія желанія, и свои тревоги и огорченія, и даже свои колебанія и сомнѣнія, и всегда находилъ въ нихъ глубокое, чуткое и отзывчивое сочувствіе къ своимъ великодушнымъ намѣреніямъ.

„Этимъ объясняется почему императоръ Александръ II, въ іюль 1857 г., рѣшился оживить составъ секретнаго комитета, назначеніемъ въ него членомъ великаго князя Константина Николаевича.

„Вступленіе въ комитетъ великаго князя оживило весь ходъ дѣла. Комитетъ принужденъ былъ выйти изъ своей пассивной роли и, по настойчивой инициативѣ великаго князя, приступилъ. наконецъ, къ обсужденію будущаго плана своихъ дѣйствій. Впрочемъ, первая отважная кампанія великаго князя не увѣнчалась успѣхомъ. Въ трехъ бурныхъ засѣданіяхъ, въ августѣ 1857 г., великій князь остался въ меньшинствѣ. Большинство комитета, отчасти прикрываясь необходимостью осмотрительности и осторожности въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ, отчасти не имѣя никакого установившагося взгляда на предстоящую ему задачу, выработало такую неопредѣленную программу дѣйствій, которая только могла имѣть цѣлью затемнить дѣло и затянуть его осуществленіе на неопредѣленное время. Но хотя большинство комитета, по высочайшемъ утвержденіи его мнѣнія, считало великое дѣло освобожденія крестьянъ надолго похороненнымъ, какъ это было успѣшно достигаемо и 6-ю секретными комитетами предшедшаго царствованія, великій

князь не потерялъ бодрости духа и выжидалъ только случая, который далъ-бы ему возможность оказать содѣйствіе болѣе благопріятному повороту дѣла.

„И случай этотъ скоро представился. Самъ государь, еще весною 1857 г., при проѣздѣ своемъ черезъ Вильно, въ разговорахъ съ когда-то близко къ нему стоявшимъ и глубоко ему преданнымъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, бросилъ доброе сѣмя, которое уже къ осени принесло счастливый плодъ. Назимову, дѣйствовавшему согласно указаніямъ самого государя, удалось, въ октябрѣ 1857 года, представить ему выраженіе желаній самихъ помѣщиковъ трехъ губерній сѣверо-западнаго края объ упраздненіи въ ихъ краѣ крѣпостнаго права.

„Точка опоры для рычага, которымъ можно было поднять и двинуть все великое дѣло, была найдена. Въ восьми-дневный срокъ, властно и настойчиво данный государемъ комитету, былъ въ немъ составленъ знаменитый рескриптъ государя Назимову и вслѣдъ затѣмъ, по энергичному настоянію великаго князя, комитетъ согласился на посылку ко всѣмъ губернаторамъ циркуляра м-ра внутреннихъ дѣлъ, имѣвшаго цѣлью вызвать дворянства другихъ губерній къ заявленіямъ о желаніи ихъ улучшить бытъ крестьянъ. Большинство комитета, однако-же, само испугалось принятой мѣры и рѣшилось испросить высочайшее разрѣшеніе на пріостановленіе разсылки циркуляра. Но было уже поздно; циркуляръ былъ разосланъ.

„Дѣло освобожденія крестьянъ вошло въ новый фазисъ. Нижегородское дворянство первее откликнулось на призывъ своего государя. Вслѣдъ за нимъ понемногу пошли и другія дворянства и одинъ за другимъ, почти безостановочно, посылались высочайшіе рескрипты объ образованіи мѣстныхъ дворянскихъ комитетовъ для составленія проектовъ Положеній объ устройствѣ и улучшеніи быта крестьянъ.

„Когда получены были ходатайства объ учрежденіи комитетовъ изъ многихъ губерній, пылкой и преданный всею душою дѣлу освобожденія крестьянъ великій князь настаивалъ на томъ, чтобы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дворянства еще медлили своими ходатайствами, комитеты были учреждены и безъ этого ходатайства. Это обстоятельство и подало поводъ противникамъ и недоброжелателямъ великаго князя пустить въ ходъ распростра-

нившійся въ то время по всей Россіи слухъ о томъ, что это настояніе великаго князя было облечено въ обидную для дворянства форму. Единогласныя удостовѣренія С. С. Ланскаго и К. В. Чекина, поддерживавшихъ мнѣніе великаго князя, гр. Д. Н. Блудова и И. И. Ростовцева, бывшаго въ этомъ, именно, случаѣ самымъ рѣшительнымъ его противникомъ, категорически свидѣлствуютъ, что великимъ княземъ никогда приписываемыя ему слова произнесены не были. Всѣ лица, близко знавшія великаго князя, помнятъ, что онъ всегда любилъ признавать себя русскимъ дворяниномъ и именно въ этомъ качествѣ считалъ себя въ правѣ въ иныхъ случаяхъ и порицать дѣйствія дворянства той или другой губерніи, въ особенности если не находилъ ихъ совмѣстными съ извѣстнымъ девизомъ дворянской чести: „noblesse oblige“.

„Вѣрнымъ, однако-же, остается только то, что, послѣ весьма горячихъ споровъ, предложеніе великаго князя принято не было, но, уступая настойчиво выраженному имъ мнѣнію, комитетъ согласился на приданіе всему дѣлу, и въ особенности министерскимъ циркулярамъ, полной гласности, и это удостоилось и высочайшаго утвержденія. Непосредственнымъ результатомъ этой гласности было переименованіе „Секретнаго комитета“ въ „Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу“ въ январѣ 1858 года и полученіе до 1-го іюля того-же года заявленій дворянствъ всѣхъ губерній о желаніи ихъ приступить къ освобожденію крестьянъ.

„Только этимъ шагомъ освобожденіе крестьянъ въ общемъ своемъ принципѣ было рѣшено безповоротно. Оставалось найти способы его осуществленія. Обильный матеріалъ къ этому-конечно, должны были представить проекты Положеній работавшихъ въ 46-ти губерніяхъ имперіи дворянскихъ комитетовъ. Для разсмотрѣнія этихъ проектовъ, поступленіе которыхъ началось понемногу лѣтомъ 1858 года, была выдѣлена, въ іюль этого года, изъ состава Главнаго комитета комиссія изъ четырехъ его членовъ. Само собою разумѣется, что комиссія эта, по разсмотрѣніи первыхъ-же проектовъ, убѣдилась въ необходимости установленія какихъ-бы то ни было главныхъ началъ для составленія общаго положенія объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

„Послѣ слабой попытки установленія этихъ началъ въ зась-

даніи 26-го октября 1858 г., въ декабрѣ того-же года Ланскимъ и Ростовцевымъ были внесены въ Главный комитетъ нѣкоторые предположенія по этому вопросу, а великому князю удалось достигнуть ихъ слиянія въ одно цѣлое въ замѣчательномъ и крайне оживленномъ засѣданіи 4-го декабря, въ которомъ героями дня были: великій князь Константинъ Николаевичъ и І. И. Ростовцевъ. Основанія будущаго положенія были изложены въ 12-ти пунктахъ, которые, оставляя самый широкій просторъ будущимъ составителямъ законопроекта, послужили впоследствии не только исходною точкою, но и твердою опорою для учрежденныхъ вскорѣ послѣ того, и именно въ началѣ 1859 года, подъ предсѣдательствомъ І. И. Ростовцева, Редакціонныхъ комиссій.

„Съ открытіемъ ихъ въ мартѣ 1859 года, центръ тяжести всѣхъ работъ по крестьянскому дѣлу перешелъ въ эти комиссіи, вслѣдствіе чего дѣятельность Главнаго комитета и выдѣленной изъ него комиссіи изъ 4-хъ членовъ почти совершенно прервалась на 19 мѣсяцевъ, но великій князь не терялъ времени. Онъ, одинъ изъ всѣхъ членовъ Главнаго комитета, не считая, разумѣется, предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, слѣдилъ шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ законопроекта, при дѣятельномъ содѣйствіи А. В. Головина, который будучи другомъ Н. А. Милютина и пріятелемъ большинства выдающихся членовъ комиссій, всегда зналъ, что въ нихъ происходило, и служилъ, вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ С. М. Жуковскимъ, живою связью между великимъ княземъ и комиссіями. Этимъ и объясняется то, что когда въ октябрѣ 1860 г. законопроектъ, составленный редакціонными комиссіями, былъ внесенъ въ главный комитетъ, то изъ всѣхъ его членовъ, не исключая даже графа В. Н. Панина, великій князь ближе всѣхъ былъ знакомъ не только съ подробностями проекта, но и съ мотивами, руководившими его составителями, что было тѣмъ болѣе важно, что подробной объяснительной записки редакціонныхъ комиссій, вслѣдствіе поспѣшности ихъ закрытія, составить не успѣли, и запискою этою впоследствии сдѣлался журналъ Главнаго комитета.

„Одинъ только разъ, въ періодъ дѣятельности редакціонныхъ комиссій, имя великаго князя Константина Николаевича было на устахъ многихъ. Когда дѣло шло о назначеніи предсѣдателя

комиссій на мѣсто скончавшагося въ началѣ 1860 г. I. И. Ростовцева многіе полагали, что на великаго князя будетъ возложено это предсѣдательство. Слухъ этотъ сильно встревожилъ противниковъ освобожденія крестьянъ, не останавливавшихся ни передъ какими средствами противодѣйствія такому назначенію. Но императоръ Александръ II, такъ тщательно освѣдомлявшійся о взглядахъ Ростовцева на отношеніе къ крестьянскому дѣлу cadaго изъ тогдашнихъ его дѣятелей, очень хорошо зналъ, что умирающей Ростовцевъ возлагалъ всѣ свои надежды на великаго князя Константина Николаевича, какъ на желаннаго предсѣдателя главнаго комитета, но находилъ невозможнымъ назначеніе его предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, такъ какъ такое назначеніе обрушило-бы на голову члена императорской фамилии всѣ тѣ чувства вражды, злобы и всѣ тѣ клеветы и нареканія, которыя такъ быстро свели въ могилу пылкаго душою перваго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій.

„По этимъ-то соображеніямъ государь съ перваго раза устранилъ всякую мысль о предсѣдательствѣ великаго князя въ редакціонныхъ комиссіяхъ, но за то, по окончаніи ихъ занятій, на довлѣдной запискѣ гр. Панина объ ихъ закрытіи, на возбужденный имъ вопросъ о томъ, кто долженъ замѣнить въ предсѣдательствѣ главнымъ комитетомъ уже умиравшаго въ то время кн. Орлова—старшій-ли изъ членовъ комитета, или лицо особо назначенное его императорскимъ величествомъ, государь, не колеблясь, начерталъ: „великій князь Константинъ Николаевичъ“.

„Великій князь, какъ выразился впоследствии самъ Государь въ своемъ къ нему рескриптѣ, подписанномъ 19 февраля 1861 г., вполне оправдалъ его довѣріе. Съ необыкновеннымъ умомъ и тактомъ велъ онъ крестьянское дѣло, во время его прохожденія черезъ главный комитетъ, поставивъ себѣ единственною задачею провести проекты редакціонныхъ комиссій по возможности безъ всякихъ измѣненій. При тогдашнемъ составѣ комитета, кромѣ великаго князя, только три его члена: С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ и гр. Д. Н. Блудовъ чистосердечно сочувствовали дѣлу освобожденія крестьянъ и составляли съ великимъ княземъ одну единоподушную группу, остальные-же шесть членовъ относились по прежнему боязливо или несочувственно къ дѣлу освобожденія, а къ законопроекту, составленному редакціонными комиссіями, даже

болѣе или менѣе враждебно. Не сочувствовалъ проекту даже и второй предсѣдатель редакціонныхъ комиссій гр. В. Н. Панинъ, вполне добросовѣстно исполнявшій возложенное на него государемъ порученіе предсѣдательствовать редакціонными комиссіями, съ которыми однако-же рѣзко разошелся и разсорился незадолго до окончанія ихъ работъ, вслѣдствіе чего и не признавалъ своей солидарности съ законопроектомъ, внесеннымъ комиссіями въ главный комитетъ.

» Потому неудивительно, что, при обсужденіи главной части законопроекта, а именно поземельнаго устройства крестьянъ, мнѣнія въ главномъ комитетѣ раздѣлились. За проектъ редакціонныхъ комиссій, кромѣ великаго князя, стояло только 3 члена, составившихъ вмѣстѣ съ нимъ очень слабое большинство лишь вслѣдствіе того, что остальные 6 членовъ разбились на три мнѣнія. Изъ нихъ 3 члена, съ М. Н. Муравьевымъ во главѣ, устраняли въ сущности почти весь проектъ поземельнаго устройства, выработанный редакціонными комиссіями, отвергая оставленіе за крестьянами существующихъ надѣловъ въ предѣлахъ высшаго и низшаго, и предоставляя губернскимъ учрежденіямъ каждой губерніи опредѣленіе указныхъ надѣловъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ, а также повинностей за нихъ, да и вообще установленіе всѣхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Еще далѣе шло мнѣніе двухъ членовъ, съ кн. П. П. Гагаринымъ во главѣ; оно, устраняя уже весь проектъ редакціонныхъ комиссій и даже дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ сословій, допускало только, въ видахъ улучшенія ихъ быта, предоставленіе крестьянамъ дарственнаго надѣла въ размѣрѣ не болѣе одной дес. на душу. Наконецъ, гр. Панинъ, принимая вообще весь проектъ редакціонныхъ комиссій, расходился съ нимъ на многихъ пунктахъ первостепенной важности и, между прочимъ, на цифрахъ высшихъ надѣловъ. Горячо и ясно доказывалъ Великій Князь, что, при осуществленіи предположеній гр. В. Н. Панина, у крестьянъ отойдетъ треть обезпечивавшихъ ихъ бытъ при крѣпостномъ правѣ надѣловъ; что, при предположеніяхъ М. Н. Муравьева, будетъ отобрана у нихъ большая половина этихъ надѣловъ, а, при предположеніи кн. П. П. Гагарина три четверти ихъ, и бытъ крестьянъ такимъ образомъ улучшенъ не будетъ, но всѣ три меньшинства оставались при своихъ мнѣніяхъ.

„Хотя между этими тремя мнѣніями, казалось, не могло быть почвы для компромиссовъ, но умный М. Н. Муравьевъ, пользуясь сильною неприязненностью гр. Панина и кн. Гагарина къ редакціоннымъ комиссіямъ, все-таки надѣялся путемъ нѣкоторыхъ уступокъ собрать всѣ три меньшинства въ одно большинство главнаго комитета. Понятно, почему Великій Князь, согласно желаніямъ самого Государя, направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы согласить гр. Панина съ большинствомъ комитета.

„Никогда не изглядятся изъ моей памяти тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ, послѣ двухъ часовыхъ горячихъ споровъ, происходившихъ въ кабинетѣ великаго князя, ему удалось, наконецъ, убѣдить гр. Панина присоединиться къ мнѣнію большинства комитета, послѣ чего соединеніе двухъ меньшинствъ сдѣлалось уже безцѣльнымъ, а такъ какъ одинъ изъ членовъ комитета—графъ В. Ѳ. Адлербергъ также перешелъ отъ мнѣнія кн. П. П. Гагарина къ большинству, во главѣ котораго стоялъ Великій Князь, то, кромѣ мнѣнія большинства состоявшаго уже изъ шести членовъ, осталось по поземельному устройству только мнѣніе меньшинства трехъ членовъ, а отдѣльное мнѣніе кн. Гагарина совсѣмъ даже не вошло въ печатный журналъ Главнаго комитета.

„Въ такомъ видѣ проектъ Положеній и былъ внесенъ въ общее собраніе Государственнаго совѣта, гдѣ большинство въ пользу законопроекта составилось единственно благодаря необыкновенно твердой и крайне опредѣленной незабвенной рѣчи лично предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ (28-го января 1861 г.) императора Александра II. Въ этой рѣчи Государь, между прочимъ, заявилъ, что не отступить ни въ какомъ случаѣ ни отъ одного изъ тѣхъ положеній, которыя были изложены въ посмертной запискѣ І. И. Ростовцева и составляютъ все существо труда редакціонныхъ комиссій ¹⁾).

„Такимъ образомъ государь, послѣ четырехъ-лѣтней борьбы со всевозможными препятствіями, привелъ самъ въ 1861 г. къ концу,

¹⁾ Эта вполне историческая рѣчь явилась впервые въ печати лишь въ 1880-мъ году, а именно на страницахъ „Русской Старины“ (изд. 1880-го года. т. XXVII, кн. февраль, стр. 375—379), на что воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе въ Божѣ почивающаго Императора Александра Николаевича.

начатое имъ исключительно по собственной иниціативѣ, великое дѣло. Предсѣдателю государственнаго совѣта гр. Блудову и предсѣдателю главнаго комитета великому князю Константину Николаевичу оставалось только, при дальнѣйшемъ и детальномъ обсужденіи законопроекта, оградить его отъ какихъ-бы то ни было искаженій въ частностяхъ.

„Вотъ какимъ путемъ проектъ редакціонныхъ комиссій, по державной волѣ Царя-Освободителя и подъ умѣлою охраною Великаго Князя Константина Николаевича съ немногими и несущественными измѣненіями, сдѣлался Положеніемъ 19-го февраля 1861 г.

„Осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ, и, вмѣстѣ со своимъ Государемъ, призвалъ Божіе благословеніе на свой свободный трудъ—залогъ своего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

„Наступилъ затѣмъ трудный и многолѣтній періодъ осуществленія Положеній 19-го февраля 1861 г., и цѣлаго ряда неотразимо и неизбежно вызванныхъ великимъ событіемъ освобожденія крестьянъ преобразованій, касающихся не только поземельнаго, но и административнаго, судебнаго и финансоваго устройства, многомилліонныхъ народныхъ массъ, а также отбыванія ими воинской и другихъ повинностей, и въ этомъ великомъ и сложномъ дѣлѣ на долю великаго князя Константина Николаевича выпала видная и многотрудная роль, такъ какъ въ періодъ этотъ онъ былъ предсѣдателемъ Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, стоявшаго почти четверть вѣка на стражѣ добросовѣтнаго и согласнаго съ духомъ закона приведенія въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 года и государственнаго совѣта, обсуждавшаго проекты всѣхъ преобразованій великой исторической эпохи, начавшейся съ 1857 года.

„Не доживемъ мы до той поры, когда судъ исторіи и потомства оцѣнитъ спокойно и безстрастно всю эту живую и знаменательную эпоху русской исторіи, но, какъ свидѣтели дѣятельности Великаго Князя Константина Николаевича, скажемъ мы единогласно, что въ осуществленіе великаго дѣла обновленія Россіи онъ вносилъ всю энергію своего высокаго ума, всю силу своихъ выдающихся дарованій, всю любовь свою къ родной землѣ. Впрочемъ, несравненно большее значеніе, чѣмъ наши показанія, имѣетъ

внесенное уже на страницы исторіи свидѣтельство о дѣятельности Великаго Князя, заключающееся въ рескриптѣ къ нему главнаго двигателя великаго дѣла освобожденія крестьянъ — императора Александра II.

— „Я и по влеченію моего сердца и по долгу моему, сказано въ высочайшемъ рескриптѣ великому князю, подписанномъ государемъ 19-го февраля 1861 г., желаю въ этотъ самый достопамятный для Россіи день изъяснить вамъ мою живѣйшую и глубокую признательность за точное, сворое и исполнѣ моею волю и моимъ ожиданіямъ соотвѣтствующее окончаніе сего государственнаго дѣла“.

„Нѣсколько далѣе слѣдуетъ:

„Глубоко, тщательно, изучивъ все, относящееся къ важнымъ разнообразнымъ вопросамъ, долженствовавшимъ возникнуть при обсужденіи какъ сихъ предначертанныхъ уже, такъ и могущихъ служить къ ихъ усовершенствованію мѣръ, вы, съ пламеннымъ ко благу общему усердіемъ, посвящали ежедневно трудамъ въ главномъ комитетѣ всѣ ваши усилія и все ваше время“.

„Еще далѣе:

„Я не забуду, и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ какъ ваше императорское высочество, такъ и другіе члены комитета. Будущее извѣстно Единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его Святой всегда благостной воли. Но мы можемъ нынѣ-же съ спокойною совѣстью сказать себѣ, что нами употреблены всѣ бывшія во власти нашей средства и со смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, коихъ чистота Ему извѣстна“.

„Прошло четверть вѣка послѣ дня написанія этого рескрипта. Отошелъ въ вѣчность Царь-освободитель, окончилъ навсегда свою дѣятельность главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Утомленный своими долголѣтними и тяжкими трудами, великій князь удалился отъ дѣлъ и доживалъ свои дни въ покоѣ и уединеніи.

„Но когда 19-го февраля 1886 г. наступило 25-лѣтіе незабвеннаго для всѣхъ насъ дня, великій князь оживился. Онъ собралъ на домашнюю, и можно сказать семейную, трапезу оставшихся еще въ живыхъ, старыхъ своихъ сотрудниковъ по крестьян-

скому дѣлу. Кромѣ августѣйшей подруги лучшихъ дней его жизни, принимавшей такое живое и согрѣтое любовью участие въ тревогахъ и заботахъ этихъ дней, кромѣ дѣтей великаго князя и двухъ его братьевъ, единственныхъ изъ остававшихся тогда въ живыхъ членовъ государственнаго совѣта состава 1861 г., Великій Князь Константинъ Николаевичъ пригласилъ на эту семейную трапезу всѣхъ знакомыхъ ему членовъ комиссій, работавшихъ по крестьянскому дѣлу, и нѣкоторыхъ чиновъ бывшей канцеляріи Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія ¹⁾).

„Ласково и привѣтливо встрѣтилъ великій князь cadaго изъ насъ. Свѣтелъ и радостенъ былъ онъ во весь этотъ день. Великодушно забылъ онъ все тяжелое и горькое, имъ пережитое въ трудную эпоху его дѣятельности, живо шла за столомъ бесѣда съ нами великаго князя и ярко возстановляла его бойкая память одни свѣтлыя воспоминанія пережитаго, а особенно свѣтлы они были потому, что великій князь и въ свои старыя годы не утратилъ своей пылкой вѣры въ будущность русскаго государства и русскаго народа.

¹⁾ На этотъ достопамятный завтракъ были приглашены и присутствовали, кромѣ упомянутыхъ особъ Августѣйшей семьи и двухъ придворныхъ лицъ (графиня Келлеръ и П. Е. Кеппенъ), слѣдующія лица: Н. Х. Бунге, Г. П. Галаганъ, А. В. Головинъ, К. К. Гротъ, К. И. Домонтовичъ, С. И. Зарудный, Е. И. Ламанскій, М. Н. Любощинскій, М. И. Семейскій, П. П. Семеновъ и Н. И. Стояновскій.

Мы сохраняемъ на память изящно исполненную роспись блюду этого завтрака—на русскомъ языкѣ, вверху отлично выполненный снимокъ съ золотой медали, данной лицамъ участвовавшимъ въ составленіи „Положенія“, съ извѣстною надписью надъ портретомъ Государя Александра II: „Благодарю“ и внизу: „19 февраля 1861 г.“, а на оборотѣ: „За труды по освобожденію крестьянъ“. Вокругъ снимковъ двухъ сторонъ медали развивается красная александровская лента и золотомъ-же, какъ и медаль, вытиснуты года:

18 $\frac{19}{II}$ 61 — 18 $\frac{19}{II}$ 86.

XXV.

Внизу, на углу росписи кушаній, напечатано: „Константиновскій Дворецъ. 18 $\frac{19}{II}$ 86“. Всѣ приглашенные Его Высочествомъ присутствовали въ тотъ день на молебствіи въ 12 $\frac{1}{4}$ ч. дня въ Мраморномъ Константиновскомъ дворцѣ и затѣмъ на завтракъ у Его Императорскаго Высочества. Собраніе разошлось въ 2 $\frac{1}{4}$ часа пополудни.

Прошло съ того дня лишь шесть лѣтъ—и уже семерыхъ лицъ изъ большого собранія бывшаго въ Мраморномъ дворцѣ 19-го февраля 1886-го г. — нѣтъ въ живыхъ.

„И эти воспоминанія и эта вѣра были его послѣднею лебединою пѣснью до того роковаго дня, когда поразилъ его страшный недугъ, нынѣ сведшій его въ могилу.

„Вслѣдъ за годами и десятилѣтїями, непрерывно цѣпью исчезающими въ вѣчность, пройдутъ и вѣка одни за другими. Изгладится многое изъ памяти народной, но останутся въ ней всѣ свѣтлые образы русской исторїи. И чѣмъ болѣе издалеа будутъ смотрѣть на нихъ грядущія поколѣнїя, тѣмъ болѣе исчезнутъ въ этихъ обликахъ всѣ присущія всякой вещественной формѣ тѣни и тѣмъ болѣе свѣтлымъ и неземнымъ блескомъ будутъ сіять они, подобно тому, какъ сіяютъ передъ нами излюбленные русскимъ народомъ историческіе образы: христіанскаго просвѣтителя древней Руси св. Владиміра, Владиміра Мономаха, Дмитрія Донскаго, Минина и Пожарскаго. И вѣчно помнить будетъ народъ русскій, что своею свободою и вызваннымъ ею самобытнымъ развитіемъ своей внутренней экономической и духовной жизни онъ обязанъ императору Александру II.

„Не забудетъ Россія, какъ это всенародно было выражено Царемъ-Освободителемъ, и того участія, которое принималъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія народа Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и навсегда свяжутъ наши потомки его имя съ вѣчною памятыю о великомъ днѣ 19-го февраля 1861 года“.

Рѣчь П. П. Семенова была выслушана съ глубочайшимъ вниманіемъ. Она была заключена предложеніемъ К. К. Грота—выразить въ телеграммѣ къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ глубокое сочувствіе собранія къ тяжелой скорби, поразившей Ея Высочество съ потерю Ея Августѣйшаго супруга.

Собраніе съ сердечною отзывчивостью приняло предложеніе предсѣдателя, и къ Ея Императорскому Высочеству была отправлена слѣдующая телеграмма:

„Участники въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ глубокою скорбію въ сердцѣ почтительнѣйше докладываютъ Вашему Императорскому Высочеству, что нынѣшнее ихъ собраніе 19-го февраля было главнѣйше посвящено драгоцѣннымъ воспо-

минаніямъ о высокомъ и незабвенномъ дѣятелѣ по крестьянской реформѣ, Августѣйшемъ сотрудникѣ Императора Александра II, почившемъ великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ.

„Миръ праху его высочества!

„Отъ имени участниковъ собранія Константинъ Гротъ“.

На эту телеграмму К. К. Гротъ имѣлъ счастье получить отъ Ея Императорскаго Высочества слѣдующій отвѣтъ:

„Мраморный дворецъ. Статсъ-секретарю К. К. Гроту:“

— „Лучшее утѣшеніе въ постигшей утратѣ—добрая память о трудахъ и заслугахъ дорогаго почившаго. Съ искреннимъ убѣжденіемъ и глубокою вѣрою трудился онъ въ благомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Сочувственныя воспоминанія достойныхъ сотрудниковъ моего великаго князя въ его дѣятельности меня трогаютъ и утѣшаютъ. Васъ и всѣхъ участниковъ собранія 19-го февраля—сердечно благодарю. Александра“.

II.

Въ этомъ-же 1892-мъ году, 10-го февраля, скончался сенаторъ О. Л. Барыковъ. Рано посвятивши себя трудамъ по крестьянскому дѣлу, первоначально какъ небольшой чиновникъ въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ какъ управляющій этимъ отдѣломъ, наконецъ, какъ сенаторъ, членъ „крестьянскаго“ (второго) департамента правительствующаго сената, О. Л. Барыковъ оставилъ по себѣ память даровитаго труженика.

Товарищъ въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ по службѣ О. Л. Барыкова, товарищъ его-же и по сенату—П. А. Шульцъ (нѣкогда совѣщательный членъ редакціонныхъ комиссій) въ рѣчи, посвященной памяти Федора Лаврентьевича, представилъ характеристику этого довольно замѣчательнаго человѣка, умнаго, глубоко знавшаго и свое дѣло, и лицъ, у власти стоявшихъ,— по природѣ своей несомнѣнно доброжелательнаго, всецѣло отдававшагося принятымъ на себя обязанностямъ и въ то же время зачастую старавшагося казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ

былъ; а именно—фактъ весьма рѣдкій, Барыковъ старался казаться съ дурныхъ сторонъ, каковыхъ у него или не было, или если онѣ и были, то не въ такой степени. Въ общемъ нравственный обликъ своеобразнаго, не только умнаго, но и остроумнаго, энергическаго *Θ. Л. Барыкова* — рельефно былъ очерченъ его товарищемъ и сослуживцемъ.

Приводимъ рѣчь *П. А. Шульца*:

— „Покойный сенаторъ *Θедоръ Лаврентьевичъ Барыковъ* былъ однимъ изъ старѣйшихъ, постоянныхъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу, которому онъ служилъ непрерывно, съ 1857 года до самой своей кончины, слишкомъ 34 года. При образованіи, въ 1857 году, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Земскаго Отдѣла, для собранія свѣдѣній и разработки предположеній по устройству быта крестьянъ, *Θедоръ Лаврентьевичъ* былъ опредѣленъ въ этотъ отдѣлъ младшимъ редакторомъ. При всемъ его умѣ, образованности (онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ самое блестящее его время)—способности и готовности къ упорному и добросовѣстному труду,—начало службы далось ему не легко, такъ какъ, поступивъ въ министерство изъ учителей гимназій, онъ не былъ вовсе знакомъ ни съ предстоявшими ему занятіями, ни вообще съ требованіями и условіями министерской службы и канцелярскаго дѣлопроизводства. Не смотря на то, онъ успѣлъ такъ скоро и хорошо съ этимъ освоиться, что уже черезъ три мѣсяца онъ былъ мнѣ, какъ старшему редактору, отличнымъ помощникомъ. При первомъ-же усиленіи состава Земскаго Отдѣла, *Θ. Л. Барыковъ* былъ назначенъ старшимъ редакторомъ. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ управляющимъ земскимъ отдѣломъ и занималъ эту должность много лѣтъ, при пяти смѣнившихся другъ друга министрахъ, которые, при всемъ различіи въ ихъ личныхъ взглядахъ и требованіяхъ, одинаково цѣнили въ немъ человека дѣла, добросовѣстнаго труженика, незамѣнимаго по знанію и пониманію вѣреннаго ему дѣла. Въ 1882-мъ году *Θедоръ Лаврентьевичъ* назначенъ былъ присутствовать въ учрежденномъ, при закрытіи главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, крестьянскомъ отдѣленіи 1-го департамента, переименованномъ потомъ во 2-й департаментъ правительствующаго

свата, гдѣ Барыковъ былъ чрезвычайно полезенъ по своей опытности, по близкому знакомству со всей сущностью и со всѣмъ ходомъ и развитіемъ дѣла устройства крестьянскаго быта, по тому добросовѣстному, неутомимому вниманію, какое онъ прилагалъ къ изученію cadaго сложнаго дѣла и къ выясненію и правильному разрѣшенію возникающихъ вопросовъ, преслѣдуя одну цѣль: достиженіе послѣдовательности, законности и цѣлесообразности сенатскихъ рѣшеній, не допуская односторонняго увлеченія предвзятыми идеями. Такъ онъ продолжалъ трудиться еще за нѣсколько дней до кончины. При всемъ томъ, Ѳ. Л. Барыковъ вселилъ во многихъ, и при томъ весьма уважаемыхъ, лицахъ нѣкоторое противъ себя предубѣжденіе. Его считали остроумнымъ собесѣдникомъ, несомнѣнно умнымъ и способнымъ человѣкомъ, но человѣкомъ безъ нравственныхъ идеаловъ. безъ твердаго и неуклоннаго направленія, — человѣкомъ, преслѣдующимъ личныя свои только цѣли и готовымъ мѣнять, по обстоятельствамъ, свои взгляды. Ѳ. Л. Барыковъ былъ на самомъ дѣлѣ гораздо лучше той репутаціи, какую онъ себѣ составилъ отчасти по собственной винѣ. Ненавидя лицемѣріе, осмѣивая попытки людей выставить себя лучше, чѣмъ они есть, Ѳ. Л. Барыковъ впадалъ въ противоположную крайность и съ какимъ-то превратно направленнымъ самолюбіемъ старался выставить свое пренебреженіе къ общепринятымъ требованіямъ, свое равнодушіе къ нравственнымъ идеаламъ и къ неуклонной стойкости въ убѣжденіяхъ. Но это было у него напускное; это были слова, противорѣчившія его собственной дѣятельности. Конечно, съ годами и жизненнымъ опытомъ, улеглись у него юношескія увлеченія; онъ сталъ во взглядахъ зрѣлѣе и практичнѣе. Но за время его управленія земскимъ отдѣломъ, развѣ дѣйствительная дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ колебалась въ разныя стороны настолько, насколько можно было того ожидать, при различіи во взглядахъ министровъ, если-бы управляющій земскимъ отдѣломъ думалъ о томъ только, чтобы угодить начальнику и усердствовать безъ мѣры въ его духѣ; а не о томъ, чтобы, уступая въ формѣ и въ частностяхъ, не раздражая начальника принципиальными возраженіями, сохранить, по возможности, послѣдовательность и разумность въ распоряженіяхъ? Въ сенатской-же дѣятельности Ѳедора Лаврентьевича колебанію во взглядахъ на дѣло, въ угоду кому-либо, не могло быть и мѣста.

„Свободное отъ службы время **Ө. Л. Барыковъ** посвящаютъ безмездной общественной дѣятельности въ довольно широкихъ размѣрахъ, и послѣ длившагося до 6 часовъ засѣданія въ сенатѣ отправлялся, къ 8 часамъ вечера, въ собраніе общества трезвости или вольноэкономическаго общества. Эгоистъ, преслѣдующій однѣ личныя цѣли, не жертвуетъ такъ своимъ трудомъ и временемъ. Нѣтъ, **Өеодоръ Лаврентьевичъ Барыковъ** былъ полезный труженикъ и хорошій человекъ“.

III.

Послѣ поминоуъ опочившихъ тружениковъ въ области освобожденія и устроенія многомилоннаго крестьянскаго населенія нашего дорогаго отечества, **М. И. Семейскій** напомнилъ присутствовавшимъ, что, въ текущемъ 1892-мъ году, однимъ изъ бывшихъ членовъ Редакціонныхъ комиссій, сенаторомъ **Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ** (обычнымъ участникомъ обѣда 19-го февраля, но нынѣ, по нездоровью, на немъ не присутствовавшимъ) окончено составленіемъ и изданіемъ въ свѣтъ четвертая и послѣдняя книга его долголѣтняго труда:

— „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора **Александра II**: хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. **Н. П. Семенова**“. Спб., въ б. 8-ю д., томъ III, часть 2-я, стр. 847“.

— „Многознаменательный и въ высокой степени интересный трудъ **Н. П. Семенова**, вполне нынѣ законченный, скажалъ, между прочимъ, **М. И. Семейскій**, по общему признанію,—навсегда пребудетъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ къ исторіи дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи. Трудъ этотъ является въ высшей степени благовременно: прошло уже болѣе тридцати лѣтъ со времени обнародованія Положеній 19-го февраля; изъ числа непосредственныхъ участниковъ въ составленіи ихъ, членовъ Редакціонныхъ комиссій, осталось весьма немного;—настанетъ время исторіи вступить въ свои права и на своихъ скрижаляхъ—начертать дѣянія минувшей славной эры, и вотъ для нея „лѣтопись“, составляющаяся **Н. П. Семеновымъ** по денно, съ поразительною энергіею и настойчивостью, записанная имъ,—однимъ

изъ дѣятельныхъ участниковъ реформы—является въ высокой степени драгоцѣннымъ историческимъ памятникомъ. Настоящему кружку лицъ—наиболѣе всѣхъ прочихъ—подобаетъ выразить привѣтъ и благодарное сочувствіе своему постоянному сочлену Н. П. Семенову—за блестящее окончаніе труда, потребовавшего длиннаго ряда годовъ,—труда упорнаго, кропотливаго, состоявшаго не только изъ воспроизведенія почти ежедневныхъ, въ теченіе болѣе нежели девятнадцати мѣсяцевъ (въ 1859—1860 гг.) вносимыхъ Николаемъ Петровичемъ записей, но и обставленныхъ массою весьма важныхъ документовъ, примѣчаній составителя хроники, характеристиками упоминаемыхъ въ хроникѣ дѣятелей и портретами главнѣйшихъ изъ нихъ“.

М. И. Семеvскій предложилъ собранію нижеслѣдующее привѣтственное письмо къ составителю „Хроники дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу“, каковое письмо единодушно было одобрено собраніемъ и всѣми присутствовавшими подписано:

„Участники въ трудахъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи, чувствуя тридцать первую годовщину великаго дѣла 19-го февраля, шлютъ привѣтъ лѣтописцу Редакціонныхъ комиссій,—многоуважаемому Николаю Петровичу, и поздравляютъ его съ доведеніемъ до конца его лѣтописи и изданіемъ оной въ свѣтъ; этотъ монументальный и долгодѣтельный трудъ, по справедливому выраженію автора, передастъ отдаленному потомству живыя черты одного изъ самыхъ крупныхъ событій въ исторической жизни русскаго народа“.

Подлинный подписали: К. Гротъ, В. Арцимовичъ, Н. Стояновскій, П. Семеновъ, Е. Ламанскій, А. Шумахеръ, П. Шульцъ, Н. Колошинъ, Ѳ. Корниловъ, Е. Барановскій, Н. Биппенъ, П. Лиліенфельдъ-Тоаль, Н. Щепкинъ, С. Мордвиновъ, Д. Анучинъ, И. Новиковъ, А. Куломзинъ, М. Семеvскій, А. Скребицкій¹⁾.

¹⁾ Это привѣтственное письмо было доставлено Н. П. Семенову, по порученію собранія, 19-го-же февраля однимъ изъ подписавшихъ письмо, и было принято Николаемъ Петровичемъ, по его выраженію, „какъ драгоцѣнный для него отъ товарищей по трудному дѣлу знакъ вниманія“.

IV.

Затѣмъ, бесѣда перешла къ воспоминаніямъ о лицахъ, которыхъ, по справедливости, можно назвать главарями славной памяти Редакціонныхъ комиссій, именно о Ю. Ѳ. Самаринѣ, Н. А. Милютинѣ и кн. В. А. Червасскомъ; при этомъ Егоръ Ивановичъ Барановскій,—нѣкогда, въ началѣ 1860-хъ годовъ, бывшій губернаторъ первоначально Оренбургской, а затѣмъ Саратовской губерній, въ каковыхъ Егоръ Ивановичъ „имѣлъ истинное счастье“, какъ онъ выразился, вводить Положенія 19-го февраля,—посвятилъ отъ души сказанное слово памяти Юрія Ѳедоровича Самарина, котораго зналъ весьма близко.

Приводимъ рѣчь Е. И. Барановскаго:

— „Нами выслушаны были прочувствованные, дорогіе намъ всѣмъ, воспоминанія объ августѣйшемъ ближайшемъ сотрудникѣ Царя-Освободителя въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—покойномъ Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ.

„Добрымъ сердечнымъ словомъ помянулъ сошедшаго на дняхъ въ могилу не мало потрудившагося по дѣламъ упроченія быта уже свободныхъ крестьянъ и по устроенію земскихъ всесословныхъ дѣлъ—Ѳ. Л. Барыкова—П. А. Шульцъ, одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго.

„Нашъ лѣтописецъ М. И. Семейскій сообщилъ намъ, что громадный историческій трудъ Н. П. Семенова—„Хроника дѣятельности Комиссій по крестьянскому дѣлу“—приведенъ къ концу.

„Позвольте-же мнѣ сказать нѣсколько словъ объ отшедшемъ уже въ вѣчность одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ, никогда не занимавшемъ виднаго положенія въ государственной службѣ, но силою свѣтлаго, строго логическаго ума, твердою волею и упорнымъ трудомъ принесшемъ дѣлу освобожденія вполне существенную пользу,—я говорю о покойномъ Юріи Ѳедоровичѣ Самаринѣ.

„Не о трудахъ покойнаго Юрія Ѳедоровича Самарина, въ качествѣ члена Самарскаго губернскаго комитета и, затѣмъ, члена редакціонныхъ комиссій, хочу я сказать нѣсколько словъ; эти труды ближе и лучше, чѣмъ мнѣ, извѣстны многимъ здѣсь присутствующимъ и оцѣнены, по достоинству, всѣми, кто сочув-

ствовавъ великому дѣлу, составлявшему одну изъ существеннѣйшихъ цѣлей его жизни. Я считаю долгомъ своимъ передать вамъ извѣстныя мнѣ обстоятельства изъ жизни Ю. О. Самарина, служившія подготовленіемъ для дѣятельности его, по освобожденію крестьянъ, еще въ то время, когда мысль объ этомъ великомъ дѣлѣ составляла государственную тайну, доступную весьма немногимъ, избраннымъ волею государя Николая Павловича. То, о чемъ я буду говорить, относится ко времени давно прошедшему, въ 1840-мъ годамъ.

„Принадлежа, по происхожденію, къ древнему, чисто русскому дворянскому роду, широко обеспеченному обширными помѣстьями во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи, Ю. О. Самаринъ изъ воспитанія своего въ почтенной семьѣ и изъ среды, въ которой принадлежалъ, вынесъ глубокую религіозность, на основахъ православія, привычку къ упорному труду, при строгомъ прирожденномъ логическомъ умѣ, и сознательное отношеніе къ исполненію обязанностей. Эти задатки развились на научной, самой благоприятной почвѣ, по вступленіи Ю. О. Самарина въ Московскій университетъ, процвѣтавшій подъ управленіемъ графа С. Г. Строгонова.

„Получивши основательное высшее научное образованіе, Ю. О. Самаринъ, по волѣ отца, вступилъ въ государственную службу, и въ 1846 году поступилъ на весьма скромную должность дѣлопроизводителя комиссїи, назначенной для ревизїи городского управленія въ Ригѣ и въ другихъ города Прибалтійскаго края.

„Со свойственною Ю. О. Самарину добросовѣстностію, онъ приступилъ къ историческимъ изслѣдованіямъ въ архивахъ города Риги, по подлиннымъ документамъ, постепеннаго развитія средневѣковыхъ цеховыхъ городскихъ учреждений, сохранившихся до 1840-хъ годовъ во всей неприкосновенности и тормазившихъ не только развитіе городовъ Балтійскаго края, но и стѣснявшихъ русскую внѣшнюю торговлю.

„Громадный трудъ разбора и приведенія въ систематическій порядокъ изслѣдованій по городскому хозяйству смѣло могъ быть приравненъ къ извѣстнымъ трудамъ средневѣковыхъ бенедиктинцевъ. Исчерпавши этотъ предметъ, Ю. О. Самаринъ съ изумительнымъ трудолюбіемъ обратился къ изученію еще болѣе

близкаго ему задушевнаго дѣла—изслѣдованія, по историческимъ документамъ и на основаніи тогдашняго дѣйствительнаго положенія крестьянъ Балтійскихъ губерній, поземельныхъ и бытовыхъ ихъ отношеній. Ю. О. Самаринъ явился въ Ригу уже съ выработанными и жизнію, и наукой, и глубокою его религіозностію убѣжденіями въ томъ, что крѣпостное состояніе отживало свое время, будучи противно и христіанскимъ началамъ и правильному государственному развитію.

„Въ Балтійскомъ краѣ ему представилась полная возможность повѣрить на дѣлѣ зародившееся въ свѣтломъ умѣ его сомнѣніе, подкрѣпляемое прекраснымъ сердцемъ, о томъ: возможно-ли и справедливо-ли будетъ личное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—безъ обезпеченія ихъ землею? Балтійское крестьянство, освобожденное отъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ еще въ 1818 году, но прикрѣпленное къ территоріямъ губерній, дало ему ясный и опредѣленный отвѣтъ, когда онъ изучилъ несчастное положеніе многочисленнаго класса батраковъ, лишеннаго не только земли, но и домашняго очага и ютившагося даже по зимамъ въ овинахъ. Вопросъ для Ю. О. Самарина былъ окончательно рѣшенъ еще въ 1840-хъ годахъ, въ пользу надѣленія крестьянъ землею. Но самое дѣло освобожденія русскихъ крестьянъ представлялось, въ то время, въ отдаленномъ будущемъ, и вотъ тутъ-то сказалась любвеобильная, высокая, христіанская душа этого человѣка. Онъ въ Ригѣ жилъ какъ бѣдный студентъ, не позволялъ себѣ ни малѣйшей роскоши ни въ чемъ; получая отъ богатой своей семьи значительныя средства, онъ откладывалъ всѣ свои сбереженія, съ предвзятою цѣлью никогда не быть владѣльцемъ крѣпостныхъ, и если не послѣдуетъ общаго ихъ освобожденія—освободить крестьянъ въ его помѣстьяхъ и обезпечить ихъ (быть надѣломъ. Вотъ что, главнымъ образомъ, я хотѣлъ высказать предъ вами, соучастниками Ю. О. Самарина въ великомъ дѣлѣ освобожденія. Удалившись отъ служебной дѣятельности уже три года тому назадъ, по разстроенному здоровію, и проводя жизнь въ полномъ уединеніи, въ родовомъ нашемъ имѣніи, я считаю себя счастливымъ, что сегодня нахожусь въ Петербургѣ и принимаю участіе въ обычныхъ, въ знаменательный день 19-го февраля, бесѣдахъ

немногихъ дѣятелей освобожденія крестьянъ, конечно болѣе меня послужившихъ вполнѣ великому дѣлу“¹⁾.

„Такъ какъ Ю. Ѡ. Самаринъ, бывшій уже, во время занятій по дѣлу освобожденія крестьянъ, значительнымъ симбирскимъ землевладѣльцемъ, естественно явился однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ представителей того меньшинства дворянъ, которые были убѣждены въ необходимости, съ освобожденіемъ, и надѣленія крестьянъ землею, то я, какъ бывшій начальникъ Оренбургской, въ прежнемъ ея составѣ, а затѣмъ Саратовской губерній, вводившій въ нихъ Положенія 19-го февраля, долгомъ считаю, въ заключеніе моихъ словъ о Ю. Ѡ. Самаринѣ, высказать то мнѣніе, что преимущественно изъ этого меньшинства дворянства во всѣхъ губерніяхъ вышли мировые посредники перваго призыва, которые, такъ сказать, на своихъ плечахъ, вынесли эту государственную реформу, честно осуществивъ Положенія 19-го февраля, созданныя державною волею Царя-Освободителя ко благу Россіи“.

А. Н. Куломзинъ, принадлежавшій къ числу мировыхъ посредниковъ перваго призыва, вполнѣ сочувствуя высказанному Е. И. Барановскимъ, возобновилъ, въ оживленномъ разговорѣ, въ памяти присутствовавшихъ на обѣдѣ представленіе какъ и о дѣятельности первыхъ мировыхъ посредниковъ, такъ и о томъ радостномъ спокойствіи, съ которымъ русскій народъ встрѣтилъ и воспріялъ дарованную ему свободу.

Е. И. Ламанскій (бывшій членъ Редакціонныхъ комиссій) подѣлился воспоминаніями о своихъ сочленахъ по этимъ комиссіямъ— Ю. Ѡ. Самаринѣ, Н. А. Милютинѣ и кн. В. А. Черкасскомъ.

К. К. Гротъ, съ своей стороны, сообщилъ весьма любопытныя и мало извѣстныя данныя изъ трудовой жизни Ю. Ѡ. Самарина въ званіи члена Самарскаго дворянскаго комитета, по составленію проекта Положенія этой губерніи объ освобожденіи крестьянъ, начальникомъ въ каковой губерніи до 1861 г. былъ К. К. Гротъ. Наконецъ, Д. Г. Анучинъ сообщилъ воспоминанія о князѣ В. А. Черкасскомъ.

¹⁾ Е. И. Барановскій въ 1847 и 1848 годахъ занималъ должность правителя канцеляріи генераль-губернатора Балтійскихъ губерній, во время управленія этимъ краемъ генераломъ-отъ-инфантеріи Евгеніемъ Александровичемъ Головинымъ. По служебному своему положенію Егоръ Ивановичъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ громадными трудами Ю. Ѡ. Самарина по историческому изученію края.

Бывши ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ князя В. А. Черкаскаго въ 1877—1878 годахъ, т. е. въ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ періодовъ служенія кн. Черкаскаго Государю и Россіи, Д. Г. Анучинъ въ пространной рѣчи охарактеризовалъ личность кн. В. А. Черкаскаго и его дѣятельность въ Болгаріи, и ярко обрисовалъ тѣ великія задачи, каковыя стремился осуществить покойный князь, выполняя волю державнаго Освободителя единоплеменнаго народа.

Собраніе заключилось просьбою къ К. К. Гроту передать привѣтъ участниковъ сего обѣда отсутствовавшему на немъ, по нездоровью, Н. Х. Бунге (бывшему члену Редакціонныхъ комиссій).

Съ пожеланіемъ добраго здоровья высокоуважаемому председателю К. К. Гроту и другъ другу, дабы сойтись въ будущемъ 1893 году вновь на товарищескую поминку великаго дѣла 19-го февраля, присутствовавшіе разошлись въ 10-ть часовъ вечера.

Въ память о незабвенномъ участникѣ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ—Николаѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ—на ежегодное въ сей день собраніе приглашается обыкновенно его сынъ—Юрій Николаевичъ Милютинъ. Находясь нынѣ на службѣ въ Тифлисѣ, Ю. Н. привѣтствовалъ отсюда участниковъ собранія слѣдующею телеграммою:

„Тифлисъ. — Крѣпкой благотворною памятью прошлаго и несокрушимую вѣрою въ будущее, подымаю, вмѣстѣ съ вами, бокалъ въ память великаго Виновника освобожденія крестьянъ, за всѣхъ трудившихся по крестьянскому дѣлу и за благоденствіе Россіи. Юрій Милютинъ“.

Собраніе отвѣчало Юрію Николаевичу Милютину благодарственною телеграммою за его сочувственную память о сегоднешнемъ днѣ.

Ред.

19-го февраля 1892 г.
Слб.

ВИССАРИОНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЯПУНОВЪ

† 10-го февраля 1892 г.

Семья немногочисленныхъ, удѣлѣвшихъ еще, доблестныхъ участниковъ славной обороны Севастополя (1854—1855 гг.) понесла новую потерю: 10-го февраля, въ клиническомъ военномъ госпиталѣ, тихо почилъ отставной подполковникъ Виссаріонъ Ивановичъ Ляпуновъ. Воспитанникъ Дворянскаго полка, онъ произведенъ въ офицеры, въ армейскую пѣхоту, въ 1838 году (19-ти лѣтъ отъ роду) и до 1859 года съ отличіемъ служилъ въ строю, принявъ участіе въ венгерской войнѣ и въ крымской кампаніи.

Въ Севастополѣ Виссаріонъ Ивановичъ перенесъ всѣ тягости достопамятной 349-ти дневной обороны: пережилъ тѣ страшныя бомбардированія, которыми громили англо-французы этотъ многострадальный городъ со своихъ осадныхъ батарей и съ флота; побывалъ въ неоднократныхъ вылазкахъ гарнизона. дрался съ непріателемъ и въ нашихъ передовыхъ редутахъ...; наконецъ, тяжелая рана въ плечо временно пріостановила боевую дѣятельность Ляпунова, но не прекратила ея: онъ оставался въ рядахъ защитниковъ Севастополя до перехода нашихъ войскъ съ южной стороны города на сѣверную и за штурмъ 27-го августа 1855 года получилъ одно изъ высшихъ военныхъ отличій — золотое оружіе. Впослѣдствіи рана сильно пошатнула здоровье Виссаріона Ивановича и заставила его покинуть военную службу, относительно еще въ молодыхъ лѣтахъ (1859 г.).

Послѣ того Ляпуновъ исполнялъ должность перваго призыва мирового посредника въ Медынскомъ и Боровскомъ уѣздахъ Калужской губерніи, по выбору дворянства, а послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Николаевской Чесменской богадѣльнѣ.

Какъ истый воинъ, Виссаріонъ Ивановичъ Ляпуновъ отличался замѣчательною скромностью; въ своихъ воинскихъ заслугахъ, далеко не ординарныхъ, онъ видѣлъ лишь прямое исполненіе долга, завѣщаннаго ему традиціями бывшаго Дворянскаго полка — нынѣ Константиновское военное училище — и этотъ почтенный ветеранъ, до послѣднихъ минутъ, не переставалъ утѣшать себя мечтою вновь вступить на боевое поприще, чтобы еще хоть разъ, на полѣ битвы, сразиться съ врагомъ Россіи, которую любилъ такъ, какъ можетъ любить только истинно русскій. Несмотря на неприглядную матеріальную обстановку, Виссаріонъ Ивановичъ не ропталъ, не жаловался на судьбу и умѣлъ довольствоваться незначительною пенсією (169 руб. въ годъ). Да, такихъ безкорыстныхъ, неприхотливыхъ, безусловно честныхъ людей, всегда отзывчивыхъ къ своимъ товарищамъ и сослуживцамъ, весьма рѣдко можно встрѣтить.

Вѣчная память тебѣ, старый служака, много испытавшій на своемъ вѣку и горя и лишеній, и честно послужившій отечеству и на ратномъ полѣ и въ великомъ дѣлѣ введенія Положеній 19-го февраля 1861 г. въ жизнь освобожденнаго русскаго народа.

Н. Германъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Повѣсти и рассказы И. Н. Потапенко. Тomy третій и четвертый. Изд. Павленкова. С.-Пб., 1892 г., въ 12 д., стр. 353 и 327. Цѣна по 1 рублю за томъ.

Извѣстность г. Потапенка—происхожденія очень недавняго. Теперь онъ и читается сильно, и журналы охотно помѣщаютъ его произведенія, и критика не скупится на вниманіе къ нему и на похвалы. А всего изъ сколько лѣтъ тому назадъ, это-же самое имя, появлявшееся не разъ на страницахъ „Дѣла“ и друг. повременихъ изданій, оставалось для читающей публики пустынь звукомъ, не больше. Въ 1885 году въ „Вѣст. Европѣ“ напечатана была его повѣсть — „Святое искусство“. Повѣсть имѣла успѣхъ, только къ сожалѣнію — успѣхъ скандала. Правильно или нѣтъ, судить не беремся, но въ ея дѣйствующихъ лицахъ узнали тогда кое-кого изъ современныхъ литераторовъ; въ ту минуту это, конечно, подогрѣло интересъ къ повѣсти, однако, не создало ея автору ни популярности, ни славы. Но вотъ, ровно полтора года тому назадъ, г. Потапенко выступилъ съ новымъ произведеніемъ — „На дѣйствительной службѣ“, и сразу уже имъ однимъ завоевалъ себѣ видное мѣсто среди нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Польщенный успѣхомъ, онъ взялся за писательство болѣе, чѣмъ усердно: съ тѣхъ поръ появилась несчастливая масса его романовъ, повѣстей, рассказовъ и сценъ, разбросанныхъ по различнымъ журналамъ, ежедневнымъ и еженедѣльнымъ газетамъ. Тѣ четыре томика „Повѣстей и рассказовъ“, которые г. Потапенко выпустилъ до сихъ поръ, далеко не исчерпываютъ всего того, что было имъ напечатано за этотъ сравнительно ничтожный промежутокъ времени. Такая необыкновенная плодовитость не могла не отразиться на достоинствѣ самыхъ писаній. Надо сказать, что талантъ г. По-

тапенко оказался необыкновенно разно-стороннимъ, его знаніе жизни — разнообразнымъ и широкимъ. Всего ближе при-смотрѣвшись къ домашнему быту нашего духовенства, онъ съ не меньшею увѣренностью описываетъ и чиновничью среду, и крестьянскую жизнь, и мѣръ театраль-ный. Тѣмъ не менше, никакой талантъ не выдержалъ-бы того непрестаннаго истощенія, какому подвергалъ себя г. Потапенко. Въ подтвержденіе этого скоро потонули романы („Здравыя понятія“, „Не герой“), гдѣ искусственная, вычурная интрига и необыкновенное изобиліе ни къ чему ненужныхъ сценъ наглядно свидѣтельствовали о томъ, что авторъ, игнорируя всѣ границы художественности, изъ всѣхъ силъ добывается лишь одного: возможно большаго расширенія размѣровъ своихъ произведеній. Въ то-же самое время, однако, у него появлялись и небольшие очерки, гораздо болѣе связные и оригинальные; стало замѣтно вообще, что съ романомъ, къ которому и требованія больше, гдѣ и замыселъ долженъ быть глубже, г. Потапенко справляется хуже... Но публика, не взирая ни на что, продолжаетъ интересоваться всѣми, безъ разбору, вновь появляющимися его вещами, а это такъ естественно, потому что небрежность писанія, длинноты и другіе недостатки всегда выкупаются у г. Потапенко легкою, игривою формою и здравымъ, непрекрашеннымъ реализмомъ. Помогало ему также и то, что, такъ недавно, повидимому, выступивши на литературное поприще, онъ тотчасъ получилъ и теперь продолжаетъ пользоваться въ дѣйствительности не идущей къ нему кличкою — „писателя начинающаго“, какъ начинающій. г. Потапенко кажется „подающимъ надежды“, потому-то на него всѣ и надѣялись, надѣются до сихъ поръ, все ждали чего-то и

продолжаютъ ждать. Надежды эти совершенно напрасны. Что дастъ г. Потапенко, — предсказать трудно, но всего труднѣе, видя большую слабость его послѣднихъ произведеній, разсчитывать еще на что-нибудь крупное и выдающееся. Онъ сказалъ намъ свое слово, каково-бы оно ни было, будемъ говорить только о немъ...

Мы замѣтили выше, что г. Потапенко обладаетъ наблюдательностью и знаніемъ жизни. Герои его принадлежатъ къ различнымъ классамъ общества и всегда имѣютъ свойство заинтересовывать собою читателя. Но отношеніе самого автора къ его героямъ положительно неуловимо. Онъ съ одинаковымъ равнодушіемъ, съ полнѣйшею безстрастностью рисуетъ и отъявленнаго злодѣя, и наивнаго простака, и смѣлаго борца за истину. Точно для г. Потапенко все люди равны, точно онъ ничего не любитъ, ничему не поклоняется! Вотъ черта, которую пишущій разъ навсегда отрываетъ себѣ возможность такъ или иначе воздѣйствовать на читателя. Чувство состраданія, которое прорывается въ некоторыхъ разсказахъ („Ахметка саратовскій“, „Деревенскій романъ“), проникновеніе въ душу иныхъ героевъ и какъ-бы сліяніе съ ихъ интересами („Шестеро“, „Генеральская дочь“) не возвышаются у него ни разу до настоящей любви, а потому, затрогивая подчасъ хорошія струны въ душѣ читателя, не пробуждаютъ и въ немъ того активнаго чувства, которое насъ заставляетъ трудиться на благо страждущихъ и угнетенныхъ. То-же надо сказать и объ юморѣ г. Потапенко. Безразличная, безпринципная иронія есть вмѣстѣ съ тѣмъ иронія безсильная; она не достигаетъ у него той высоты, при которой безобидный юморъ переходитъ въ сатиру и получаетъ уже общественное значеніе.

Принявши во вниманіе достоинства и недостатки нашего автора и желая точнѣе опредѣлить его мѣсто въ современной литературѣ, мы позволимъ себѣ закончить нашу замѣтку такою параллелью. Если по величинѣ своего поэтическаго таланта

г. Потапенко значительно уступаетъ Влад. Корженко, если его психологическій анализъ не достигаетъ пронизательности и силы Гаршина, если произведенія его не носятъ печати того особеннаго сочувствія къ народнымъ массамъ, какимъ проникнуты сочиненія Златовратскаго, то и за всеѣмъ тѣмъ г. Потапенко оказывается разностороннѣе некоторыхъ изъ названныхъ писателей, онъ глубже Чехова, талантливѣе Мамина (сибиряка) и ближе къ жизни, правдивѣе А. Михайлова... Хотя-дось-бы вѣрить, что это не послѣдняя ступень, на которую суждено ему стать; но самъ онъ, повидимому, и не думаетъ о дальнѣйшемъ усовершенствованіи; да и какое возможно усовершенствованіе, когда г. Потапенко, не желая знать никакихъ обязанностей ни передъ самимъ собою, ни передъ обществомъ, безжалостно извѣстуетъ свой талантъ в беззаботно разбрасываетъ его направо и налево, какъ-будто самый источникъ его творчества неистощимъ и вѣченъ!...

А. Рубинштейнъ. Музыка и ея представители. Разговоръ о музыкѣ. С.-Пб. Изд. Юргенсона, 1891 г. Въ м. 8 д., стр. 185. Цѣна 1 рубль 50 коп.

Къ великимъ людямъ мы привыкли относиться съ живѣйшимъ интересомъ. Все въ нихъ служитъ предметомъ нашего вниманія: ихъ наружность, ихъ домашняя жизнь, ихъ взгляды и мнѣнія. Въ какой-бы отрасли знанія или искусства ни проявился великій человекъ, публика спѣшитъ завѣстись его фотографическою карточкой, и отыскать въ журналахъ критическую о немъ статью, воспоминанія его друзей, его біографическій очеркъ. Ант. Григ. Рубинштейнъ, величайшій пианистъ нашего времени, принадлежитъ несомнѣнно къ группѣ такихъ лицъ, своими талантами привлекающихъ къ себѣ общественное вниманіе. Известно, что публика не пропускаетъ случая выразить ему свои симпатіи: историческіе концерты Рубинштейна были однимъ сплошнымъ триумфомъ для исполнителя, пятидесятилѣтіе его артистической дѣятельности доставило юбиляру немечисленную

ассу поздравленій со всѣхъ концовъ свѣта. Если послѣ того Ант. Григ. самъ выпугиваетъ съ разсказомъ о своей жизни ¹⁾, нынѣ со своими музыкальными шахматъ репеев, то никто не усмотритъ тутъ никакихъ, ни навличности со своей персоной, а всякій, наоборотъ, признаетъ это справедливой оплатой публикѣ за ея долгу и необыкновенную благосклонность.

Обращаясь къ обзору лежащей теперь передъ нами изящно изданной книжки, мы должны прежде всего отбросить тотъ серьезный взглядъ на музыку, который отличаетъ автора-музыканта. Въ звукахъ ищетъ онъ не забавы и развлечения, но воплощеніи извѣстныхъ идей, отголоска данной исторической эпохи. Мы приведемъ сейчасъ примѣръ того, какъ авторъ проводить свою мысль; оговоримся сначала, что нѣкоторыя натяжки настоящаго отрывка ничуть не вредятъ вѣрности основной мысли. „Наше столѣтіе“, читаемъ мы на стр. 181, начинается или съ 1789 г. т. е. съ франц. революціи (музыкально съ Бетховена), или же 1815 годъ слѣдуетъ считать концомъ 18-го ст.—т. е. исчезновеніе Наполеона съ полит. горизонта, реставрацію (въ музыкѣ схоластически-виртуозное время, Гуммель, Мошелекъ). Промежу параллель дайте: процвѣтаніе новѣйшей философіи (третій періодъ Бетховена). Июльская революція, паденіе легитимизма, провозглашеніе королемъ сына Филиппа Орлеана, новая династія, выставленіе конституціонныхъ принциповъ съ задней мыслью монархизма свыше, подготовленіе къ 1848 г. снизу (Вердье). Торжество буржуазіи... (капельмейстерская музыка). Золота арка польскаго востанія (Шопень). Романтизмъ вообще и его побѣда надъ лжеклассицизмомъ (Шуманъ), процвѣтаніе искусствъ и наукъ (Мендельсонъ). Луи-Наполеонъ дѣлается императоромъ (Листъ—сочинителемъ ораторій и симфоній). Его царствованіе (опера). Нѣмецко-франц. война. Единство Германіи. Европейскій миръ основанъ

на арміи изъ 10 милл. солдатъ; переимѣна всѣхъ прежде существовавшихъ политическихъ правилъ (Вагнеръ). Нынѣшнее положеніе Европы, общая неуверенность въ полит. будущемъ и чувство несостоятельности политическаго настоящаго (переходное состояніе, ожиданіе музыки гевія, боязнь и предчувствіе габели музыки искусства). Борьба между партіями (представительство всевозможныхъ музык. настроеній: классицизма, романтизма, новшества, нигилизма и борьба между ними). Стремленіе разныхъ народовъ и расъ къ автономіи, федераціи, полит. самостоятельности (стремленіе къ предвѣренному націонализму въ музыкѣ): Такая точка зрѣнія не повидаетъ автора, пока онъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ всей исторіи музыки и характеризуетъ отдѣльных ея представителей. По недостатку мѣста, мы не можемъ остановиться на этихъ любопытныхъ характеристикахъ, хотя въ нихъ, какъ разъ, центръ тяжести всего „разговора“. Отбросимъ только, что любимцами автора являются: Бахъ, Бетховенъ, Шубертъ, Шопень и Глинка, и что онъ несочувственно и строго относится къ новшествамъ Вагнера, также какъ и къ композиціямъ Листа. Вообще новая музыка не пользуется расположеніемъ Ант. Гр.: за смертью Шопена и Шумана—*finis musicae*, по его мнѣнію; это видно изъ того, что „колоритъ теперь беретъ верхъ надъ рисункомъ, техника надъ мыслью“... Специально о молодой русской школѣ мы находимъ въ его книгѣ слѣд. суровый, но вѣрный на нашъ взглядъ приговоръ: „Ея творчество также основано на совершенномъ обладаніи техникой и на мастерскомъ колоритѣ, но съ полнымъ отсутствіемъ рисунка и съ преобладающе безформенностью. Глинка, написавшій нѣсколько оркестровыхъ вещей на народныхъ пѣсни и танцы, служитъ имъ какъ образецъ и они теперь пишутъ на народные мотивы, обнаруживая этимъ бѣдность собственной изобрѣтательности и прикрывая ее именами: „національность“, „новая школа“ и т. д. Мнѣнія другія сужденія автора о разныхъ музыкальныхъ явленіяхъ, мы приведемъ еще

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1889 г., книга 11-я.

небольшую выписку, чтобъ показать читателямъ, какими иногда мѣткими афоризмами выражается нашъ знаменитый виртуозъ. „Публика, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 129), такъ часто читала и слышала о своей неспособности признавать гениевъ при жизни ихъ, что она готова нынѣ каждому признать за гевія, изъ боязни навлечь на себя упрекъ въ непризнаваніи“...

Не будучи литераторомъ по призванію, Рубинштейнъ избралъ для своихъ мыслей такую форму, относительно которой можно было-бы сдѣлать несколько возраженій. Легко замѣтить, напр., что разговоръ, продолжающійся на протяжении 185 страницъ, и сухія реплики собесѣдницы, мало напоминаютъ разговоръ настоящій; не станемъ, однако, придираться къ формѣ, показавшейся автору болѣе удобной и легкой, не станемъ слишкомъ придираться и къ тому, что онъ роуяетъ свои мысли, не всегда заботясь о ихъ доказательности и даже самъ называя ихъ парадоксами. Мы можемъ вѣдь сохранить за собой право соглашаться или не соглашаться съ авторомъ, а въ то же время живо интересоваться не только сужденіями и взглядами великаго виртуоза, но даже его симпатіями или антипатіями... Вотъ почему небольшая книжка Авт. Григ. Рубинштейна доставитъ истинное наслажденіе всемъ любителямъ музыки.

Капитанъ арміи спасенія (Captain Lob). Романъ Джона Лау. Пер. съ англійскаго. Изд. редакціи „Недѣля“. С.-Пб. 1892 г., въ м. 8 д., стр. 204. Ц. 75 коп.

Горячо рекомендуемъ всемъ нашимъ читателямъ этотъ прекрасный романъ, рисующій труппную жизнь англійскаго пролетаріата и филантропическую дѣятельность извѣстнаго релігиозно-правственнаго общества В. Бутса. Авторъ, видимо, хорошо знакомъ съ тѣмъ, что описываетъ, и въ погонѣ за правдой не щадитъ ни красокъ, ни нервовъ своихъ читателей. Въ романѣ дѣйствуетъ цѣлый рядъ обитателей Истъ-Энда и Вайтчэпль, нищихъ, пьяницъ, рабочихъ безъ работы, соревнующихъ другъ другу въ убожествѣ и оброшенности, а вѣсть съ ними—немногіе, но упорные

подвижники благотворительности; фанатическіе послѣдователи генерала Бутса, англійскій священникъ, одна убѣжденная социалистка, демократъ-докторъ и др. Все это мѣтко очерченные, живые стоящіе люди, которыхъ авторъ приводитъ въ столкновение, сблизивши ихъ на почвѣ служенія обездоленному классу общества. Если-бы мы захотѣли дать понятіе о сценахъ, характеризующихъ домашнюю и уличную жизнь труппныхъ героевъ Дж. Лау, о вѣншемъ видѣ ихъ комнатъ, о ихъ рабочихъ и увеселительныхъ домахъ, намъ-бы пришлось выписывать изъ романа цѣлыя десятки страницъ. По невозможности этого сдѣлать, отсылаемъ нашихъ читателей къ первоисточнику, который, къ тому же, кромѣ своего бытоваго значенія, не лишень и многихъ художественныхъ достоинствъ. Тяжелое, грустное чувство выносятся, правда, изъ этого чтенія, но вѣдь не можемъ-же мы ограничивать наши впечатлѣнія только веселыми да пріятными!..

С. М. Дубновъ. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. С.-Пб. 1891 г., въ 8 д., 91 стр. Ц. 35 коп.

„Не знать исторіи—значитъ всегда быть младенцемъ“. Этимъ прекраснымъ изреченіемъ Цицерона начинается свою брошюру г. Дубновъ. Для еврейскаго народа, не вѣщаго своей территоріи, своей государственной власти, самое сознаніе національной общности вытекаетъ, главнымъ образомъ, изъ его историческаго прошлаго. Историческое знаніе дѣлается, такимъ образомъ, источникомъ народнаго самосознанія, оно какъ-бы отождествляется съ національной идеей. Но если еврейская исторія имѣетъ такое великое значеніе для евреевъ, то, занимая во всемірной исторіи необыкновенно видное мѣсто, она не можетъ остаться чуждой и всякому образованному человеку. „Вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ, какъ она представляетъ собою единственныя примѣры исторіи безъ государственнаго народа, который съ лишеніемъ своей территоріи не лишился, однако, своей культурной и духовной самобытности. Это

безпрерывная цѣль фактовъ внутренней жизни націи, освѣщенной терновымъ вѣнкомъ мученичества. Это единственная исторія безъ вѣншихъ войнъ, безъ государственныхъ переворотовъ, безъ политики и дипломатіи, словомъ, безъ всего того, что наполняетъ исторію другихъ народовъ и поражаетъ своею однообразностью, подчасъ даже безыдейностью... Дѣйствительно, исторія евреевъ есть самая философская, идейная и нравочувствительная часть всеобщей исторіи "... (стр. 7 — 8). На Западѣ это сознается многими. Напомнимъ хотя-бы Ренана, родомъ не еврея, и тѣмъ не менѣе такъ много сдѣлавшаго для древнѣйшей исторіи евреевъ. Въ Германіи мы находимъ цѣлый рядъ подобныхъ трудовъ, во главѣ которыхъ надо поставить обстоятельную, одиннадцатитомную „Исторію Евреевъ“, составленную Грецомъ и обнимающую собою не только соціально-политическія событія, но и духовную жизнь народа. Если съ Запада мы перенесемъ теперь свои взоры въ Россію, насъ поразитъ невольною бѣдностью той исторической литературы, которая должна освѣтить болѣе, чѣмъ восьмивѣковое существованіе нашего еврейскаго населенія. Г. Дубновъ, съ видимымъ знаніемъ дѣла, перебираетъ всю литературу вопроса и не находитъ такого труда, который-бы отвѣчалъ вполне требованіямъ научной основательности и полноты. Ему приходится еще указывать на цѣлыя залежи богатѣйшаго матеріала, до сихъ поръ почти или вовсе не тронутаго историками и заключающагося въ специально-еврейской архивной письменности (синагогальные Пинкосы), въ государственныхъ и юридическихъ актахъ, хранящихся въ различныхъ оециальныхъ архивахъ (напр., Метрика Литовская), въ польско-литовскихъ сводахъ и собраніяхъ законовъ, въ русскихъ лѣтописяхъ, въ еврейскихъ національныхъ сказаніяхъ, обычаяхъ и надгробныхъ памятникахъ старинныхъ кладбищъ. Все это лежить въ пыли и забвеніи, подобно тому, какъ лежали въ пустынь сухія, заброшенныя кости Іезекииля, тогда какъ кости эти, по слову

Іеговы, весь домъ Израилевъ! Собрать ихъ, одѣть въ плоть и воскресить къ жизни—вотъ дѣло, къ которому съ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ призываетъ своихъ соотечественниковъ г. Дубновъ. И нельзя не пожелать ему успѣха въ этомъ благородномъ, по истинѣ національномъ, призывѣ! Можно надѣяться, что и русскіе ученые, уже явившіе примѣръ историка, отдавашагося изученію судьбы литовскаго еврейства (проф. Бершадскій), снова и снова подадутъ руку помощи своимъ еврейскимъ собратіямъ; они эти въ только выразятъ чувства, питаемая лучшею частью нашей интеллигенціи и вылившіяся недавно въ слѣдъ прекрасныхъ словахъ графа Толстого: „...Основа нашего отвращенія отъ мѣръ угнетенія еврейской національности одна и та-же: сознаніе братской связи со всеми народами и тѣмъ болѣе съ евреями, среди которыхъ родился Христосъ и которые такъ долго страдали и продолжаютъ страдать отъ языческаго невѣжества такъ называемыхъ христіанъ“...

Бьёрнстерне-Бьёрнсонъ. Единобрачіе и многобрачіе. Призывъ къ сѣверной молодежи. Перевелъ съ датскаго П. Гапзенъ. Съ приложеніемъ біографіи автора и его портрета. Спб. Изд. Ледерле, въ 8 д., стр. 55. Ц. 40 к.

Пораженный невоздержанною, безразличною жизнью скандинавскаго юношества, В.-Бьёрнсонъ, извѣстный норвежскій беллетристъ, задумалъ всѣми силами бороться противъ этого столь распространеннаго въ массахъ порока и для того составилъ настоящую рѣчь, которую и читалъ много разъ во всѣхъ главныхъ городахъ Норвегіи. Точка зрѣнія автора, по преимуществу, нравственная. Онъ предостерегаетъ отъ половой невоздержанности, указывая на то, что слѣдствіемъ ея является извращеніе чувства любви и красоты, пробужденіе тщеславія и жестокости („сладострастіе и жестокость идутъ рука объ руку!“). Привычка потворствовать своимъ страстямъ ведетъ къ нравственной распушенности, къ ослабленію воли; такимъ-же путемъ приобрѣтаются и

недуги эниаческіе. Между тѣмъ, воздержаніе, вопреки укоренившемуся мнѣнію, не можетъ считаться вреднымъ для здоровья: во врачебной статистикѣ существуетъ, правда, особая графа: „душевнобольные отъ половой воздержанности“, но она почти постоянно пустуетъ. „Блѣдная двѣвья нѣмочь“, спасеніе отъ которой видятъ, обыкновенно, въ замушество, вѣдетъ въ дѣйствительности, по изслѣдованіямъ д-ра Вирхова, совсѣмъ другой источникъ. Такова въ общій чертахъ аргументація автора; бороться же со зломъ онъ предлагаетъ воспитаніемъ и словомъ. „Особенно важную роль играетъ откровенность воспитанниковъ съ воспитателями. Откровенность обязательна не для одной только стороны, нѣтъ, она должна быть обоюдна, и воспитатель долженъ говорить съ воспитанникомъ открыто обо всемъ, даже о такихъ наследственныхъ или иныхъ влияніяхъ въ немъ самоъ, которыя ему слѣдовало-бы поборотъ. Словомъ, воспитаніе должно сдѣлаться тщательною совмѣстною работою“ (стр. 39). Устами-бы автора да медъ пить; къ сожалѣнію, только о такихъ воспитателяхъ что-то до сихъ поръ еще не было слышно! „Если-бы въ дни нашей молодости“, читаемъ мы ниже: „старіи обратились къ намъ съ такою рѣчью, съ какою я пытаюсь обратиться къ современной молодежи, то, я думаю, мы иначе-бы распорядились своею жизнью, и многое въ обществѣ пошло-бы иначе, чѣмъ теперь“ (стр. 54). Въ этомъ мы повольно себя немного усумнились. Прекрасны намѣренія автора, спорувать, но не такими рѣчами, думается намъ, да и не рѣчами вообще достигаются результаты въ родѣ того, о которомъ мечтаетъ Б.-Бьерсонъ (уничтоженіе тайнаго и явнаго многоженства). Половая распущенность молодежи можетъ объясняться только низменностью ея интересовъ: пробудите въ юности высшія духовныя потребности, укажите ему цѣль въ жизни и заставьте вѣчно трудиться для ея достиженія, вѣстѣ съ тѣмъ вы оторвете его и отъ однихъ чувственныхъ наслажденій.... А сдѣлать это

должно не случайно брошенное слово, а систематическое воспитаніе, и не одне воспитаніе, но также соответствующая среда и, въ особенности, благоприятныя общественныя условія, при которыхъ индивидуальной дѣятельности человека дается необходимый и должный просторъ.

Брошюра г. Бьерсона написана легко и просто, но, къ сожалѣнію, изобилуетъ то общими мѣстами, то рискованными, подчасъ невѣрными, положеніями. Напрасно думаетъ, напр., авторъ, что „о перерожденіи, сдѣлавшемъ главою семьи и общества... мужчину, мы ничего достовернаго не знаемъ“ и совершенно напрасно предвѣщаетъ, „что его произвела какая-нибудь великая религіозная (?) реформа“. Едва-ли слѣдуетъ также учить своихъ молодыхъ читателей такимъ огульнымъ обвиненіямъ, какъ напр., слѣдующее: „Взгляните на французовъ. У нихъ молодежь открыто предается многоженству“. Не ставимъ умножать этихъ примѣровъ и въ противозаставъ имъ укажемъ на теплое чувство участія къ юношеству, каковымъ проникнута вся рѣчь норвежскаго писателя. Біографія его, составленная переводчикомъ, слишкомъ коротка и недостаточна, о чемъ, конечно, мы не можемъ не пожалѣть.

В. Д. Сиповскій. Къ вопросу о школьной дисциплинѣ. Спб., 1891 г., въ 8 д., стр. 39. Ц. 15 к.

„Кому не приходилось слышать фразу: „Въ школѣ дисциплина прежде всего!“ Кто, вѣстѣ съ тѣмъ, не слыжалъ жалобъ на трудность установить надлежащую дисциплину въ школѣ, и кто-же не знаетъ, что ей, этой дисциплинѣ, словно Ваалу какому-то, больше всего приносится жертвъ, притомъ жертвъ человѣческихъ, въ видѣ удаленныхъ изъ заведенія шалуновъ, грубіановъ, буяновъ и всякихъ другихъ, не могущихъ ни коимъ образомъ удержаться въ указанныхъ рамкахъ“ (стр. 1). „Что-же такое эта дисциплина?“ спрашиваетъ г. Сиповскій, и отвѣчаетъ такъ: „дисциплина — это повиновеніе требованіямъ школы, а главное средство добиться этого повиновенія—страхъ наказанія“. Но

Вѣдь требованія школы различны: они могутъ быть разумны и неразумны, исполнимы и неисполнимы. По тщательномъ разсмотрѣніи оказывается, что въ большинствѣ-то случаевъ школьныя требованія и неразумны, и трудно исполнимы. „Слушай внимательно, сиди смирно“, говоритъ, напр., педагогъ своему ученику, а того не замѣчаетъ, что вѣншія условія могутъ мѣшать выполненію его приказа. Къ чему станеть школьникъ сосредоточиваться на безконечныхъ отвѣтахъ товарищей, когда все это ему и безъ того хорошо извѣстно, какъ можетъ онъ внимательно слѣдить за урокомъ, не подстрекающимъ вовсе его любознательности? А съ другой стороны возможно-ли живому ребенку просидѣть неподвижно пять-шесть уроковъ, отдѣленныхъ только коротенькими „перемѣнками“, во время которыхъ „шалить“ ему все-же не дозволяется. Да и разумно-ли говорить: „повинуйся!“, когда собственнаго стимула для повиновенія у мальчика оказывается недостаточно. Вѣдь тѣ-же самые педагоги не говорятъ ученику: „пойми!“, когда тотъ не понимаетъ; какъ-же не видятъ они полной безплодности и втораго своего, вполне аналогичнаго, требованія? Факты это доказываютъ всего убѣдительнѣе. Сами сторонники дисциплины не скрываютъ того любопытнаго явленія, что новички—самый послушный въ школѣ народъ: они во-время являются на уроки, соблюдаютъ въ классѣ тишину, слушаютъ и слушаются учителя. Нарушенія правилъ и разныя шалости начинаются только съ того времени, когда школьникъ уже отвѣдаетъ хваленой дисциплины и немного освоится съ ея представителями. Ну, не безплодны-ли, значить, всѣ требованія повиноваться тому режиму, который самъ не способенъ внушить къ себѣ достаточно уваженія? И ужъ, конечно, требованія эти не дѣлаются разумнѣе, когда ихъ сопровождаетъ угроза наказанія. Много писалось о томъ, что страхъ—плохое вообще педагогическое средство; онъ сдержитъ отъ проступка на время, но не внушитъ, вѣсть съ тѣмъ, прочнаго нравственнаго

чувства; трусость, притворство и злоба— вотъ обычные спутники страха. Если въ силу этого даже отъ взрослыхъ людей законъ требуетъ повиновенія „не только за страхъ, но и за совесть“, то ужъ отъ дѣтей особенно странно добиваться послушанія, не вытекающаго изъ „совѣсти“. Но какъ достигнуть такого послушанія? Надо сказать, что порядокъ въ классѣ находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ урока. Когда школьники интересуются тѣмъ, что говорить имъ учитель, когда они и сами могутъ принять участіе въ урокѣ, но не однимъ отвѣтомъ заученнаго, а нѣкоторою самостоятельною работою ума, тогда не является и надобности поддерживать дисциплину искусственнымъ образомъ: въ классѣ и безъ того водворяется тишина, которую не позволить себѣ нарушить самый отчаянный шалунъ. Кромѣ дисциплины, такимъ путемъ достигаются хорошія отношенія между учащими и учащимися. Учитель, который интересно рассказываетъ, да еще не прибѣгаетъ къ мѣрамъ строгости, всегда пользуется расположеніемъ дѣтей. У нихъ исчезаетъ желаніе шалить на его урокахъ, вырабатывается своего рода внутренній контроль, болѣе сильный, чѣмъ всякая вѣншія дисциплина. „Если содержаніе урока“, говоритъ г. Сиповскій (стр. 15): „само по себѣ заключаетъ внутренній интересъ и соответствуетъ силамъ учащихся, если преподаваніе ведется такъ, что вносится наглядность, разнообразіе и вызывается самостоятельность учащихся и, наконецъ, если учитель, владѣя вполне своимъ предметомъ, относится къ урокамъ съ живымъ интересомъ, къ дѣтямъ доброжелателенъ и справедливъ, то не придется жаловаться на недостатокъ вниманія учениковъ, не придется и заботиться объ ихъ поведеніи“. Все, что сказано выше о дисциплинѣ въ классѣ, вполне приложимо и къ дисциплинѣ въ интервалѣ. Здѣсь также авторитетъ школьныхъ требованій поддерживается только страхомъ наказанія: карцеромъ или штрафнымъ журналомъ. Имъ противопоставляетъ г. Сиповскій полезныя раз-

влеченія, которыя должны занять все свободное время школьниковъ и уничтожить ту скуку, которая является отличительною чертою интернатской жизни и главною виновницею всевозможныхъ проступковъ. Развлеченія могутъ состоять въ играхъ, въ занятіяхъ искусствами, въ чтеніи занимательныхъ книгъ... Но еще больше значенія можетъ имѣть личный авторитетъ воспитателя, находящагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ гимназистами, и своимъ вмѣшательствомъ, словомъ и убѣжденіемъ устраняющаго такъ часто встрѣчающіеся теперь недоразумѣнія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ изложили мы взгляды г. Сиповскаго на роль воспитателя и на значеніе школьной дисциплины. Во всемъ соглашаясь съ почтеннымъ авторомъ, выразимъ пожеланіе, чтобы и другіе наши педагоги, особенно педагоги-практики, прониклись тѣми-же убѣжденіями и чтобы воспитаніе тогда, выражаясь словами Жанъ-Поля, перестало „менѣ развивать способности ребенка, чѣмъ обезпечивать спокойствіе воспитателя“.

Н. В. Водозовъ.

Въ Сербіи. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877 — 1878 гг. Генеральнаго штаба генераль-лейтенанта Г. И. Бобрікова. Сиб. 1891 г.

Прошлая русско-турецкая война чрезвычайно бѣдна печатными матеріалами на русскомъ языкѣ, а потому каждое, вновь выходящее, сочиненіе объ этой кампаніи обязательно возбуждаетъ живой интересъ.

Кромѣ этого общаго положенія, разбираемая книга обращаетъ на себя особое вниманіе какъ по блестящему и правдивому изложенію событій, такъ равно и потому, что она написана тонкимъ знатокомъ Балканскаго полуострова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицомъ, руководившимъ военными операціями сербовъ по порученію августѣйшаго главнокомандующаго.

Авторъ замѣчательно искусно сгруппировалъ событія какъ политическія, такъ и военныя въ одну общую стройную и живую картину, и какъ руководитель этого дѣла освѣтилъ внутренней смыслъ событій. Начавъ съ описанія положенія Сербіи въ августѣ 1877 года, онъ выяснилъ есте-

ственную организацію боевыхъ силъ, объясненіе войны Турціи, изложилъ планъ кампаніи и постепенный ходъ военныхъ дѣйствій, весьма успешныхъ для сербовъ.

Нельзя пройти молчаніемъ два обстоятельства крайне назидательныхъ: 1) указаніе на характеръ веденія главныхъ военныхъ операцій (глава I) на Балканскомъ полуостровѣ, выведенное на основаніи опыта прежнихъ войнъ съ Турціей и 2) и успешное выполненіе щекотливаго политическаго порученія, описаніе котораго особенно важно для лицъ, могущихъ и въ будущемъ оказаться въ подобномъ положеніи.

Въ общемъ надо сказать, что появленіе въ нашей литературѣ о прошлой войнѣ произведенія подобнаго прекрасному труду генерала Бобрікова очень желательно въ виду несомнѣнной назидательности для будущаго.

П. Н. Ворожовъ.

Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, официальнымъ документамъ разскажемъ современниковъ и печати историкамъ. (Матеріалы для біографіи Ивана Барсукова. М. 1891 г., въ 6 8 д., кн. первая, стр. IV+672, съ портретомъ графа и раскраш. картою Восточной Сибіри 1850-хъ гг.; кн. втор., стр. 32)

Собраніе матеріаловъ для возможнаго подробнаго жизнеописанія — такихъ великихъ достопамятныхъ людей земли русской, какъ графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, этихъ воплощенийъ мощи духовныхъ силъ русскаго народа — есть дѣло въ высшей степени полезное, а изданіе ихъ — заслуга не только предъ обществомъ, но и предъ государствомъ. Сердечная благодарность русскихъ людей князю М. С. Волго-скому за то, что онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ на собраніе этихъ матеріаловъ, и остановился предъ хлопотами, заблѣтанными большими издержками для сего дѣла и, наконецъ, издалъ ихъ. Обработку матеріаловъ или правильную систематизацію князь М. С. предоставилъ приглашенному нѣкогда труднику Ив. Барсукову, который вынулъ это дѣло съ посылнымъ усердіемъ. Громадный сборникъ ляжетъ въ основу будущей біографіи гр. Муравьева-Амурскаго

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1892 Г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Записки де-ла-Флиза, доктора французской императорской гвардіи, 1812—1814 годовъ. Переводъ съ французской рукописи автора. 51—68, 339—363, 575—604
- II. Дневникъ лейбъ-медика баронета Я. В. Виллие 1825 г. (Переводъ съ французскаго). Сообщ. И. Г. Даниловъ. 69—80
- III. Запѣтки фонъ-Герлаха о пребываніи въ Петербургѣ съ 18-го января по 8-е апрѣля 1826 г. (Переводъ съ нѣмецкаго). Сообщ. И. И. Ореусъ 365—382
- IV. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. Записки французскаго путешественника Кюстина. Перевелъ съ французскаго К. Плавинскій. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . . 109—120, 383—394
- V. Посмертныя записки Николая Васильевича Берга. Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го іюня 1884 г. 633—652
- VI. Изъ эпохи уничтоженія откуповъ. Воспоминанія перваго, по времени назначенія, акцизнаго чиновника, 1862—1863 гг. Сообщ. Б. К. Кукель 177—189

VII. Дневникъ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко 1869—1871 гг.	151—174, 395—422, 605—632
VIII. Николай Михайловичъ Пржевальскій въ 1878—1888 гг. Воспоминанія Всев. Ив. Роборовскаго.	217—238, 653—674

Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. —
 Разказы, матеріалы и замѣтки.

I. Уваженіе Петра Великаго къ памятникамъ старины, 1701 г. Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ	265—266
II. Бытвыя черты XVII вѣка. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ	449—458, 675—682
III. Петръ Великій въ разказахъ Нартова, его учителя въ токарномъ мастерствѣ, въ 1712—1725 гг. Изъ книги академика Л. Н. Майкова	121—130
IV. Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства и мірянъ Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ. Сообщ. проф. Амфіанъ Лебедевъ	313—338
Поправки и опечатки	696
V. Павелъ Конюшковичъ, митрополитъ тобольскій, 1758—1768 гг. Замѣтки по поводу новыхъ о немъ матеріаловъ. Сообщ. проф. В. С. Иконниковъ.	697—705
VI. Князь Трубецкой, замѣтки его въ календарѣ въ 1762 г. Сообщ. В. М. Юзефовичъ	443—448
VII. Японцы въ Россіи въ 1763 году. Замѣтка. Сообщ. П. А. Мулловъ.	764
VIII. Лейтенантъ Дмитрій Ильинъ, герой Чесменской битвы, 1770 г. Сообщ. М. Ѳ. Лодыгинъ.	469—476
IX. Императрица Екатерина II Алексѣевна, письма ея къ коменданту Циглеру, 1786—1787 гг. Сообщ. Д. Ѳ. Кобеко.	267—270
X. Адрианъ Грибовскій, составитель записокъ объ Екатеринѣ II. Сообщ. проф. В. А. Вильбасовъ	13—49
XI. Князь де-Линъ въ Россіи въ 1780—1788 гг. Сообщ. проф. В. А. Вильбасовъ	275—312, 541—573

- XII. Высылка изъ Россіи принца Вюртембергскаго Фридриха, 1786 г. Сообщ. В. А. Бильбасовъ. 459—468
- XIII. Максимъ Дренякинъ, одинъ изъ воиновъ великаго Суворова. Сообщ. А. М. Дренякинъ. 193—195
- XIV. Ссора двухъ предсѣдателей палатъ въ городѣ Колывани въ 1791 — 1793 гг. Сообщ. И. И. Шимко. 683—695
- XV. Висѣлицы въ 1799 — 1800 гг. Сообщ. А. Г. Пупаревъ. 364
- XVI. Мусина-Юрѣва. Именной указъ 1-го августа 1801 г., данный сенату. Сообщ. А. Г. Пупаревъ. 364
- XVII. Корветъ „Наваринъ“ въ 1853 году. (Посвящается П. П. Тыртову). Сообщ. С. В. Акимовъ. 706—714
- XVIII. Къ разсказу о взятіи парохода „Тигръ“ 30-го апрѣля 1854 года. Сообщ. В. Милашевскій и М. Терентьевъ 770—771
- XIX. Х. Я. Гюббенетъ, профессоръ-хирургъ. Сообщ. А. П. Вахрушинъ. 176
- XX. Сэръ Вильямъ Уайтъ въ варшавской слѣдственной комиссіи, 1864 г. Сообщилъ Дм. Г. Анучинъ 477—490
- XXI. Старецъ Феодоръ Кузьмичъ въ 1836—1864 гг. Сообщ. М. Ѳ. Мельницкій. 81—108
- XXII. Надежда Андреевна Дурова-Чернова, 1783—1866 гг. Зам. Ред. 50
- XXIII. Лашо, защитникъ Березовскаго, 1867 г. Сообщ. Л. 175
- XXIV. Михаилъ Львовичъ Фантонъ-де-Верраионъ, генераль-лейтенантъ. Сообщ. Д. Г. Анучинъ. 271—272
- XXV. Императоръ Александръ II и Франція въ 1875 г. Статья ген. Ле-Фло. Перев. съ франц. В. В. Тимошукъ 197—216
- XXVI. Императрица Марія Александровна въ ея заботахъ о дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста. Сообщ. I. В. Бертенсонъ. 1—12
- XXVII. Князь В. А. Черкасскій и болгарскіе патріоты въ 1877 г. Сообщ. Н. Х. Палаузовъ. . . . 747—750
- XXVIII. Памятникъ графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому въ Хабаровкѣ. Сообщ. Дм. Г. Анучинъ . . 715—740

XXIX.	Николай Ивановичъ Стояновскій, полуѣвковая его государственная дѣятельность, 1841—1891 гг. Сообщ. Г. А. Джаншіевъ	491—501
XXX.	Его Императорское Высочество вел. кн. Константинъ Николаевичъ, 1827 ^{род. 9-го сент.} _{† янв. 18-го} 1892 г. Его Памяти. Ред. Янв. книга, стр.	1—VIII
XXXI.	Капиталь стипендій бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, Константиновскаго Кадетскаго корпуса и 2-го военнаго училища, 1807 ^{1882 г.} _{14-е марта} 1892. Сообщ. М. Г. Гольмдорфъ.	273—274
XXXII.	Историческій музей гвардейской артиллеріи (при офицерскомъ собраніи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады). Сообщ. завѣдующій музеемъ штабсъ-капитанъ Потоцкій	515—517
XXXIII.	Тридцать первая годовщина дня освобожденія крестьянъ 1861 ^{19-е} _{февраля} 1892. Ред.	809—834

Исторія русской литературы.

I.	Владиміръ Ивановичъ Даль, его стихотвореніе, 1827 г. Сообщ. И. Н. Божеряновъ	574
II.	Русскіе писатели въ картинѣ Чернецова въ 1832 г. Сообщ. П. М. Третьяковъ	502
III.	Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ: письмо Ек. Быховецъ 4-го августа 1841 г. о послѣднихъ дняхъ поэта. Сообщ. В. Аквербломъ	765—769
IV.	Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, его стихотвореніе. Перев. съ нѣмецк. В. П. Авенариусъ.	518
V.	Николай Васильевичъ Гоголь въ перепискѣ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, 1834—1835 гг. Сообщ. Вс. И. Срезневскій.	751—763
VI.	Наталья Александровна Герценъ въ перепискѣ съ Александрою Григорьевною Клиентовою, 1834—1840 гг. Сообщ. Е. С. Некрасова	771—782
VII.	Сперанскій подъ цензурою 1844 года. [Къ матеріаламъ по исторіи цензуры]. Сообщилъ Василій Чехихинъ	190—192
VIII.	Федоръ Михайловичъ Достоевскій, 1857 г. Сообщ. В. И. Семеvскій	696

- IX. Викторъ Ивановичъ Григоровичъ, профессоръ Казанскаго и Новороссійскаго университетовъ, род. 30 апрѣля 1815 г., † 19-го декабря 1876 г. Сообщ. А. Колянковскій 131—149
- X. Андрей Ивановичъ Тургеневъ, его стихотвореніе. Сообщ. П. П. Васильевъ 150
- XI. Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, заслуженный профессоръ, ректоръ С.-Петербургскаго университета, директоръ Археологическаго института, род. 1831 г., † 20-го мая 1891 г. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Археологическаго института въ полугодовой день кончины И. Е. Андреевскаго, 20-го ноября 1891 г. Сообщ. проф. С. В. Ведровъ 239—250
- XII. Всеволодъ Порфирьевичъ Коховскій. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи членовъ Педагогическаго музея въ полугодовой день кончины В. П. Коховскаго, 1-го декабря 1891 г. Сообщ. П. И. Роговъ 251—264
- XIII. Викторъ Ивановичъ Ляпуновъ, † 10-го февраля 1892 г. Сообщ. Н. Германъ 835—836
- XIV. Николай Михайловичъ Благовѣщенскій, заслуженный профессоръ с.-петербургскаго, почетный членъ казанскаго и бывший ректоръ варшавскаго университетовъ. Полувѣковая годовщина его ученой и общественной дѣятельности въ 1842 $\frac{18\text{-го}}{\text{февраля}}$ 1892 гг. Очеркъ Ред. 519—534
- XV. Новые труды Д. А. Ровинскаго. Сообщ. В. В. Стасовъ 793—807
- XVI. Русскіе во „Французскомъ институтѣ“ въ 1892. Сообщ. М. И. Венюковъ 808

Исторія художествъ.

- I. Ѳедоръ Ивановичъ Иорданъ въ 1850—1853 гг. Письма его въ Римъ къ художнику А. А. Иванову. Сообщ. Е. С. Некрасова. 423—442
- II. Театральныя воспоминанія Л. Л. Леонидова. Къ портрету-группѣ русскихъ артистовъ 1858 г. 503—514
- III. Старѣйшіе артисты русско-драматическаго театра въ С.-Петербургѣ въ 1858 г. 196

Портреты.

- I. Портретъ императрицы Маріи Александровны († 1880 г.), гравироваль на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ съ фотографіи, сообщ. е. и. в. вел. кн. Сергіемъ Александровичемъ.
(При стр. 8).
- II. Портретъ его императорскаго высочества вел. князя Константина Николаевича, фотогравюра Г. Н. Скамони, съ портрета-фотографіи, исполненной съ натуры въ Экспедиціи заготовл. Госуд. бумагъ въ 1876 г.
- III. Портретъ-группа писателей: И. А. Крыловъ, В. А. Жуковский, А. С. Пушкинъ и Н. И. Гнѣдичъ— въ 1832 г., фототипія Шерера-Набгольца съ картины, писалъ съ натуры художникъ Чернецовъ въ 1832 г.
(При стр. 514).
- IV. Портретъ-группа старѣйшихъ русскихъ сценическихъ артистовъ въ Спб., 1858 г., фототипическій снимокъ съ фотографіи Денъера. Исполненъ снимокъ у Шерера и Набгольца.
(При стр. 192).
- V. Портретъ писателя и профессора Николая Васильевича Берга, † 1884 г. Гравир. художн. И. И. Матюшинъ.
(При стр. 541).
(При стр. 275).
- VI. Памятникъ графу Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому. Два вида: памятникъ въ мастерской и на мѣстѣ въ Хабаровкѣ. Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 715).
- VII. Изображеніе Николая Николаевича Пржевальскаго въ гробу и видъ его могилы. Гравиров. художн. И. И. Матюшинъ.
(При стр. 653).

Библиографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Отчетъ Императорской публичной библиотеки за 1888 годъ. Сиб. 1892. (На оберткѣ I-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
2. Подолія. Историческое описаніе. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 1 хромофотографією, 2 фототипіями, 46 гравюрами и 2 картами. Сиб. 1892 г. (На оберткѣ II-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
3. Сборникъ въ пользу голодающихъ. Изданіе ред. журвала „Русская Мысль“. Москва. 1892 г., въ 8 д., стр. 279. (Напечатано 3,000 экз.). Складъ изданія въ Москвѣ, въ редакціи „Русской Мысли“. (Тамъ-же).
4. Л. Д. Бражниковъ. Идеи русскихъ писателей XIX вѣка. Матеріалы къ исторіи русской литературы. Сиб. 1892 г., въ 8 д., стр. VIII+357. (Тамъ-же).
5. Н. П. Лихачевъ. Бумаги и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археографическій очеркъ. Сиб. 1891 г. (Тамъ-же).
6. Хронологія русской военной исторіи. Хронологическій указатель войнъ, сраженій и дѣлъ, въ которыхъ участвовали русскія войска отъ Петра I до новѣйшаго времени. Сост. А. С. Ладинскій. Сиб. 1891 г., 8 д., стр. 289. (Тамъ-же).
7. Энциклопедическій словарь. Изданіе Брокгауза и Ефрона. (На оберткѣ III книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
8. 1861—1891 гг. Двадцатипятилѣтіе врачей. Выпускъ изъ Имп. медико-хирургической академіи 1866 г. Сост. Н. П. Черепнинъ. (Тамъ-же).
9. Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. Книга пятая. Сиб., 1891 г., стран. XIII+250. (Тамъ-же).
10. А. Турцевичъ. Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вильна. 1892 г. 776 стр. (Въ текстѣ II книги „Русск. Ст.“ изд. 1892 г., стр. 535).
11. Черная вѣра или шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова (съ портретомъ и биографією) Издано на средства частныхъ жертвователей въ пользу восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географ. Общества. Подъ редакцією Г. И. Потанина. Сиб. 1891. XL+129. (Тамъ-же).
12. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Рѣчь, читанная 5-го ноября 1891 г. въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета ордин. проф. Н. П. Загоскинымъ. Казань. 1892 г., въ 8 д., стр. 102. (Тамъ-же, стр. 536).
13. Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта М. Лаврецкаго. Ревель. 1891 г., въ 8 д., стр. 55. (Тамъ-же, стр. 537).
14. Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей. Выпускъ 1: Норвежскіе писатели. Перев. М. В. Лучицкой. Кіевъ. 1891 г., въ 12 д., 292 стр. (Тамъ-же, стр. 538).

15. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его пронаведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки Н. Когларевскаго. Спб. 1891 г., въ 8 д., стр. 295. (Тамъ-же, стр. 539).
16. Стихотворенія А. Ѳ. Иванова-Классика. Спб. Изд. Ѳедорова. 1891 г., въ 8 д., 187 стр. (Тамъ-же, стр. 540).
17. Повѣсти и рассказы И. Н. Потапенко. Томы третій и четвертый. Изд. Павленкова. Спб., 1892 г., въ 12 д., стр. 353 и 327. (Въ текстѣ III книги „Русск. Ст.“ изд. 1892 г., стр. 837).
18. А. Рубинштейнъ. Музыка и ея представители. Разговоръ о музыкѣ. Спб. Изд. Юргенсона. 1891 г., въ м. 8 д., стр. 185. (Тамъ-же, стр. 838).
19. Капитанъ арміи спасенія (Captain Lob). Романъ Джона Лау. Перев. съ англійскаго. Изд. редакціи „Недѣля“. Спб. 1892 г., въ м. 8 д., стр. 204. (Тамъ-же, стр. 840).
20. С. М. Дубновъ. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. Спб. 1891 г., въ 8 д., 91 стр. (Тамъ-же, стр. 840).
21. Бьѣнстерне-Бьѣрсонъ. Единобрачіе и многобрачіе. Призывъ къ сѣверной молодежи. Перевелъ съ датскаго П. Ганзенъ. Съ приложеніемъ біографіи автора и его портрета. Спб. Изд. Ледерле, въ 8 д., стр. 55. (Тамъ-же, стр. 841).
22. В. Д. Сиповскій. Къ вопросу о школьной дисциплинѣ. Спб. 1891 г., въ 8 д., стр. 39. (Тамъ-же, стр. 842).
23. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, официальнымъ документамъ, рассказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. (Матеріалы для біографіи). Ивана Барсукова. М. 1891 г., въ 6. 8 д., книга первая, стр. IV+672, съ портретомъ графа и раскраш. картою Восточной Сибири 1850-хъ годовъ. книга вторая, стр. 321. (Тамъ-же, стр. 844).
24. Изданія Воронежскаго статистическаго комитета. (Въ Каталогѣ новыхъ книгъ № 15, приложенномъ къ I книгѣ „Русск. Стар.“ изд. 1892 г.).
25. С. М. Середонинъ. Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russian Common Wealth“ какъ историческій источникъ. (Тамъ-же).
26. Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Сукачева. М. 1891 г., 268 стр. (Тамъ-же).
27. В. В. Святловскій. Вопросы общественнаго здравія. Варшава. 1891 г., 16 д., 375 стр. (Тамъ-же).
28. Томасъ Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Переводъ съ англ. В. И. Яковенко. Спб. 1891 г., 8 д., стр. 352. (Тамъ-же).
29. Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Пер. съ лат., примѣч. и прилож. И. Иванова. Москва. 1891 г., 8 д., 202 стр. (Тамъ-же).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

НВ. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Агинъ, А. Сто рисунковъ къ поэмі Н. В. Гоголя «Мертвыя души». Спб. 1892. Ц. 3 р.

Альманахъ «Русскаго охотника» на 1892 годъ. М. Ц. 50 к.

Аристофанъ. «Всадники». Комедія. Перевелъ Ан. Станкевичъ. Спб. 1892. Ц. 75 к.

* «Артистъ». Театральный, музыкальный и художественный журналъ. № 19, № 20. Спб. 1892. Ц. кажд. №—2 р.

Барановъ, А., и Горьновъ, Н. Географія Россійской имперіи. Курсъ средн. учебн. заведеній (48 картъ въ текстѣ). Спб. Ц. 1 р.

Барсовъ, К. А. Магометъ, его жизнь и ученіе. М. 1892. Ц. 20 к.

* Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга пятая. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Беллярининовъ, И. Курсъ всеобщей исторіи. Изд. 2-е, съ рисунками и картами. Спб. Ц. 80 к.

— Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Спб. Ц. 90 к.

Бемъ, Е. Портретъ А. Г. Рубинштейна. Съ автографомъ. Ц. 1 р.

Беръ, Поль, проф. Лекціи зоологіи. Переводъ съ франц. д-ра Л. Н. Симанова. Анатомія и физиологія. Спб. Ц. 2 р.

Боголюбовъ, М. Д-ръ. Новыя врачебныя средства, вошедшія въ медицину въ 1891 г. М. 1892. Ц. 60 к.

Боголюбовъ, М. Д-ръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Изд. 4-е, дополн. М. 1891. Ц. 15 к.

— Совѣты матерямъ (гигіено-діетическіе). Изд. 2-е. М. 1892. Ц. 10 к.

* Борзенно, Александръ. Литературная собственность въ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ. М. 1892. Ц. 30 к.

* — Право автора на переводъ. М. 1892. Ц. 40 к.

Бреаль, М. проф. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Перев. Н. Сперанскій. М. 1892. Ц. 75 к.

Брянцевъ, П. Д. Польскій мятежъ 1863 г. Вильна, 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Бушъ, Н. О самозарывающихся плодахъ нашей мѣстности. Казань, 1891. Ц. 50 к.

Вагнеръ, Р. Химическая технологія. Обработка Ф. Фишеромъ. Вып. 5-й. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Веденяпинъ, А. Курсъ отопленія и вентиляціи для Николаевской инженерной академіи. Спб. Цѣна за 2 тома съ атласомъ 7 р.

Вербовскій, Ѳ. Н. Сельскохозяйственный винокуренный заводъ (проектъ) и условія винокуренія. Спб. Ц. 2 р.

Вернеръ, Е. Блуждающіе огни. Романъ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Вильчинскій. Начало Руси по сказаніямъ

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семейскаго («Русской Старины»).

КАТАЛОГЪ КНИЖН. МАГАВИНА „РУССКАЯ СТАРИНА“ (прилож. изд. 1892 г.). III

современниковъ и курганамъ. Спб. 1892 г. Ц. 80 к.

Владимировъ, П. В. Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова. Кіевъ, 1892. Ц. 35 к.

Гамсунъ, К. Голодь. Романъ. Переводъ В. Чепихина. Спб. 1892. Ц. 60 к.

Германъ, В. Проектъ вѣтрянаго двигателя съ зубчатой передачей. Спб. Ц. 60 к.

Горбовъ, Н. Русская исторія для начальныхъ школъ. М. Ц. 20 к.

Градовскій, А. проф. Начало русскаго государственнаго права. Т. I. Изд. 2-е, исправл. и дополи. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Грассъ, Л. I. Страхование сельскозяйственныхъ поствовъ отъ неурожая. Казань, 1892. Ц. 5 р.

Данилевскій, А., проф. Пища и характеръ. 1891. Ц. 60 к.

* **Джаншевъ, Гр.** Изъ эпохи великихъ реформъ (Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлеснаго наказанія.—Цензурная реформа.—Новый судъ и пр.). Историческія справки. М. 1892. Ц. 1 р. (Въ пользу голодающихъ).

Друммондъ, Г. Самое великое въ мірѣ; миръ съ вами; какъ преобразовать нашу жизнь. Три рѣчи. Перев. съ англійскаго. М. 1892. Ц. 80 к.

Dujardin-Beaumetz, проф. Лѣчение болѣзней желудка. Вып. I (лекціи 1—8). Спб. Ц. 1 р. 50 к.

* **Ежегодникъ Императорскихъ театровъ.** Сезонъ 1890—91 гг. Спб. 1892. Ц. 3 р. 50 к.

Езерскій, Ѳ. В. Капитальная книга расчетливаго человѣка съ календаремъ-счетоводъ на 1892 г. Спб. Ц. 60 к.

Еремѣвъ, М. Проектъ деревянной двусрубной церкви. Спб. Ц. 60 к.

Жуковскій, В. П. Д-ръ. Острая пузырьная сыпь новорожденныхъ. Спб. Ц. 25 к.

Зандронъ, А. Разказы, эпизоды и сцены. Изъ воспоминаній бывалаго человѣка. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Знаменскій, П. Исторія Казанской духовной академіи за первый періодъ ея существованія (1812—1870 гг.). Казань, 1891. Ц. 2 р.

Зарубинъ, П. Альманахъ-путеводитель по

С.-Петербургу. Съ отдѣльными картинками и рисунками въ текстѣ. Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

* **Извѣстія Общества Археологій Исторіи и Этнографіи при Императ. Казанскомъ университетѣ.** Т. X, вып. I. Казань, 1892. Ц. выпуска 1 р.

Иловайскій, Д. И. Краткіе очерки русской исторіи. Курсы старшаго возраста. М. Ц. 1 р.

— **Руководство ко всеобщей исторіи.** Часть 1-я. Древній міръ. М. Ц. 75 к.

Карповъ, И. И. Руководство къ изученію практической фотографіи. Изданіе 4-е, переработанное и дополненное. Спб. 1892. Ц. 2 р.

Киселковъ, С. Объ орошеніи полей снѣговой водою. Съ рисунками. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Конрадъ Мейеръ. Святой. Повѣсть, перев. съ нѣмецк. Спб. 1891. Ц. 75 к.

* **Костромская Старина.** Сборникъ, издаваемый костромскою губернскою ученою архивною комиссіею. Вып. 2-й. Кострома, 1892. Ц. 1 р. 60 к.

Котельниковъ, В. Г. О воздѣлываніи хлѣбовъ: ржи, пшеницы, полбы, ячменя, овса, проса, могара, росички, сорго и кукурузы. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1892. Ц. 30 к.

Котовицковъ, Н. И., профес. Таблицы важнѣйшихъ признаковъ, характеризующихъ внутреннія болѣзни. Изд. 3-е. Казань, 1892. Ц. 75 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. I. Съ портретомъ автора. Спб. 1892. Цѣна по подпискѣ за 5 томовъ 12 руб.

Кулешовъ, П. проф. Коневодство. Съ рисунками. М. 1892. Ц. 1 р. 30 к.

Лизандеръ-фонъ, Д. Передъ закатомъ. М. 1892. Ц. 1 р.

Май, Оскаръ. Производство электрическаго освѣщенія. Кіевъ, 1892. Ц. 30 к.

Майновъ, Валеріанъ. Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ. Къ исторіи литературныхъ вліяній. Спб. 1892. Ц. 50 к.

Максимовъ, С. М. Крылатые слова. Спб. Цѣна 3 рубля.

Максимовъ, В., и Сивиковъ, П. Ракъ и его ловля. Спб. 1891. Ц. 50 к.

Малининъ, А. Руководство прямолинейной тригонометрии для гимназій и реальнѣхъ училищъ. М. Ц. 60 к.

Масперо, М. Древняя исторія: Египетъ. Ассирія. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Спб. 1892. Ц. 2 р.

Медвѣдевъ, Ѳ. Химія безъ лабораторіи. Спб. 1891. Ц. 50 к.

Медвѣдевъ, Ѳ. Календарь флоры. Спб. 1891. Ц. 50 к.

* **Можовъ, В. И.** Сибирская библиографія. Изд. И. М. Сибирякова. Спб. 1892. Ц. 1 р. 75 к.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Вып. III. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Михайловскій, В. М. Шаманство. Сравнительно-этнографич. очерки. (Извѣст. Импер. общ. любит. естествозн., антропол. и этнограф. Т. LXXV. Труды этногр., отд. т. XII). М. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

* **Модричъ, I. Н.** Черная гора. Соколиное гнѣздо. Петроградъ, 1892. Ц. 50 к.

* **Муральевъ, И.** Обучение военной гимнастикѣ учениковъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, народныхъ школъ, а также и солдатъ. Бердяевъ, 1891. Ц. 25 к.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Издан. 11-е Спб. 1892. Ц. 2 р.

Н. Д. Иерархія Всероссийской церкви, отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени. М. 1892. Ц. 1 р. 75 к.

Невѣжинъ, П. М. Изъ жизни мелкихъ людей. Юмористическіе очерки. М. 1892. Ц. 1 р.

Нерингъ, I. Проектъ кольцеобразной кирпичеобжигательной печи системы Гофмана. Спб. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Сборникъ исполнительныхъ рисунковъ токарныхъ работъ. М. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Носенко, Д. А. Производство судебныхъ межевыхъ дѣлъ въ судебныхъ установле- ніяхъ. Спб. 1892. Ц. 60 к.

Паумеръ, Г. Е. Стронтельная механика. Курсъ Николаевской инженер. академіи.

Подъ редакціей Н. Л. Киричева. Спб. 1891. Ц. 5 р., въ перепл. 5 р. 50 к.

Планте, Г. Электрическія явленія въ атмосферѣ. Пер. съ французскаго. А. Анисимова. Спб. Ц. 1 р.

Постниковъ, А. П. Основанія электро- техники. Ч. I. М. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Потѣхинъ, А. А. Послѣ освобожденія Разказы изъ крестьянскаго быта. (Томъ I: Хай-дѣвка.—На жиру. Томъ II: Хворая.—Иванъ да Марья. Томъ III: Порченая.—Деревенскіе мироѣды.—Дѣдушка Николай.—Старый Покровскій дьяконъ). Ц. за 3 тома 4 р.

Преображенскій, В. Хр., священ. Фотій, патріархъ константинопольск. Тысячелѣтіе со дня кончины его. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Преображенскій В. Хр., свящ. Борьба за иконопочитаніе въ Византійской имперіи. М. 1890. Ц. 30 к.

Преображенскій, В. свящ. Раздѣленіе церк- вей на двѣ половины—Восточную и За- падную. М. 1891. Ц. 40 к.

* **Пыпинъ, А. Н.** Исторія русской этно- графии. Томъ III: Этнографія малорус- ская. Спб. 1891. Ц. 3 р.

* — Исторія русской этнографіи. Т. IV: Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892. Ц. 3 р.

Рачинскій, С. А. Сельская школа. Сбор- никъ статей. Съ предисловіемъ Н. Гор- бова. Изданіе 2-е. М. 1892. Ц. 1 р. 25 к.

Рождественскій, С. Отечественная исто- рія въ разказахъ. Для низшихъ школъ и вообще для дѣтей старшаго возраста. Спб. Ц. 60 к.

Рудаковъ, В. Е. Хронологическій ука- затель литературныхъ трудовъ профес. Спб. университета И. Е. Андреевскаго. Спб. 1892. Ц. 45 к.

Русская военная сила. Исторія развитія военной дѣла отъ начала Руси до на- шего времени. Съ рисунками, картами и планами. Изданіе 2-е, исправл. и дополни. подъ редакцію А. Н. Петрова. М. 1892. Ц. за 2 т. 6 р.

* **Русская историческая бібліотека,** изда- ваемая археографическою комисс. Т. 13-й: Памятники древней рус. письменности,

относящиеся къ смутному времени. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Салась, гр. Тятинъ-Балтійскій. Историческая повѣсть. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Сборникъ узаконеній и распоряженій о пенсіяхъ по вѣдомству учреждений Императрицы Маріи. Спб. 1891. Ц. 2. р.

* **Семеновъ, Н. П.** Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Над. М. Е. Комарова. Спб. 1892. Т. III, часть вторая и послѣдняя.

Семка, Л. Анней. Сатира на смерть императора Клавдія. Съ латинск. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчан. Спб. 1891. Ц. 30 к.

Серебрянниковъ, В. Ученіе Локка о врожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб. 1892. Ц. 2 р. 25 к.

Симоновъ, Л., д-ръ. Паяніе и покрытие однихъ металловъ другими, съ особыми отдѣлами гальваническаго покрытия и металлохромін. Съ рисунками. Спб. 1892. Ц. 1 р. 25 к.

Слабошевичъ, Б. Проектъ мукомольной мельницы о 2-хъ поставахъ и сукновалки съ дерев. турбиною въ 18 силъ. Спб. Ц. 2 р.

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судопроизводство. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Случевскій, К. Профессоръ безсмертія. Разсказъ. Спб. 1892. Ц. 50 к.

Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Спб. Ц. 1 р.

Снѣгиревъ, В. А. проф. Религіозная идея (Психологич. очеркъ). Харьковъ. Ц. 20 к.

Соболевскій, А. И. проф. Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Соловьевъ, Вс. С. Великій Розенкрейцеръ. Романъ XVIII вѣка. Спб. 1892. Ц. 2 руб.

Соловьевъ, Вс. С. Новыя разсказы. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика. Переводъ съ латинскаго. М. 1892. Ц. 2 р.

Сталинскій, Е. С. Бродячія кден и графы Толстой. М. 1892. Ц. 60 к.

Стоюнинъ, В. Я. Педагогическія сочиненія. Спб. 1892. Ц. 3 р.

Стояновъ, А. Н., проф. Изъ исторіи университетовъ западной Европы (Историко-культурный очеркъ). Харьковъ, 1891. Ц. 30 коп.

Студенческая пѣсня «Gaudeamus igitur». Латинскій текстъ, переводъ и ноты. Изд. врача Н. Н. Вакуловскаго. Спб. Ц. 40 к.

Сундяевъ, О. и Лазарева, М. Учебникъ практической и научной методики кройки. М. 1892. Ц. съ атласомъ 3 р.

Тихомировъ, Е. Н. Учебникъ ариметики для начальныхъ училищъ. М. Ц. 30 к.

Толстой, гр. Левъ Ник. О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. М. 1892. Ц. 30 к.

Троицкій, Н. Собратель грибовъ. Спб. 1891. Ц. 50 к.

Т—нъ, Н. Картонная модель печи-калорифера Соболевскаго. Спб. Ц. 60 к.

Успенскій, Е. И., д-ръ. Введеніе къ паталогіи неврозовъ. Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Феноменальные люди (по Гюйо-Добсо). Спб. 1891. Ц. 50 к.

Фурдуевъ, В. П. Бактеріологія и агрономія. Харьковъ, 1891. Ц. 50 к.

Фушъ, Поль. Права любви. Романъ. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Хлуденевъ, инж. Проектъ духовой сушилки. Спб. Ц. 60 к.

* **Цѣтѣевъ, Дм. Вл.** Баллады Шплера. Опытъ объясн. ихъ. В. 1882. Ц. 1 р. 10 к.

* — Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XV и XVII вв. М. 1885. Ц. 80 к.

* — Генералъ Бауманъ и его дѣла. М. 1884. Ц. 75 к.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шагреновый съ каленкоромъ—80 коп., сафьянокорешковтй—50 коп.

 Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старины» (Млх. Ив. Семеновскаго) безъ малѣйшаго замедленія.

членских курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1860 году. Составленъ П. Шлиссель* 192 стр. Этотъ выпускъ украшенъ портретами бывшаго президента академіи Дубовицкимъ († 30-го марта 1868 г.), а въ тетельхъ помѣщены еще портреты: проф. Руднева († 27-го января 1861 г.) и проф. Горвица († 29-го марта 1863 г.). Оба они принадлежали къ выпуску 1860 года).

Сборникъ, составл. докторомъ Н. А. Ворондинымъ, изданный въ количествѣ 300 экземпляровъ, и изданъ на средства товарищеско-однокурсниковъ. Въ немъ 272 стр. Сборникъ украшенъ: на одномъ листѣ портретами: президента академіи—Дубовицкаго, вице-президента—Глѣбова и ученаго секретари—Зинина. Въ тетельхъ помѣщены портреты: проф. Доброславина и проф. Кодомина. Оба они принадлежали къ выпуску врачей 1865 г. Биографія Доброславина и Кодомина освѣчена въ тетельхъ отдѣльными изданиями, причемъ 2-ое изданіе биографіи Доброславина вышло въ дополненномъ видѣ.

Сборникъ 1891 г., составл. г. Черепининымъ, содержитъ въ себѣ лишь I-ю часть; въ предположеніи къ выпуску II-ю часть войдутъ автобіографіи. Сборникъ украшенъ портретами Дубовицкаго, Глѣбова и Зинина,—повтореніе приложенія въ 1890 году.

Мысль объ изданіи таковыхъ сборниковъ заслуживаетъ похвальный сочувствіе. Желательно, дабы и другія вмѣстѣ учебно-научныя учрежденія, подобно тому, какъ это дѣлаютъ нынѣ патомцы медико-хирургической академіи, подносили таковыя итоги дѣятельности своихъ „выпусковъ“, напр., за четверть вѣка, принадлежавшихъ къ одному и тому-же періоду; много полезнаго, много назидательнаго ввели-бы въ сознаніе русскаго образованнаго общества взгляды разныхъ дѣятелей, развивавшихся подъ сѣнью одного и того-же учрежденія,—взгляды на пережитое, передуманное, содѣянное и предположенное къ совершенію на пользу науки и дорогого отечества. Жаль только, что на содѣяніе таковыхъ сборниковъ туго откликаются; такъ г. Черепининъ замѣчаетъ, что даже 1/4 однокурсниковъ его прислала о своей дѣятельности свѣдѣнія.

А. П.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. Блита V. Свб. 1892 г.

Н. П. Барсуковъ неуловимо продолжаетъ свой трудъ; кто знаетъ малѣйшее повѣіе о томъ, какъ писалъ Мих. Петр. Погодинъ, что такое изображаетъ его ужасный почеркъ,—если его манера писанія съ недописками, его предложенія зачастую безглаголыми, нѣрѣдко одинъ лишь падежъ на то, что складывалось въ его мысленномъ умѣ и что онъ хотѣлъ сказать и что лишь отбивалъ въ своихъ записныхъ книжкахъ, тогъ только можетъ понять каково упорнаго труда требуетъ разборъ, прочтеніе, приведеніе въ стройный порядокъ—сей массы написаннаго Погодинымъ... Н. П. Барсуковъ не страшится этой громадной работы и одухотворенный глубокимъ и непрехннимъ чувствомъ уваженія—къ самобитному русскому человеку, прямо вышедшему изъ самой сердцевины русскаго народа и оказавшему отечеству рядъ несомнѣнно значительныхъ услугъ,—ведеть читателя отъ книги къ книгѣ, отъ года къ году, отъ группы дѣятелей общественныхъ, научныхъ и литературныхъ къ новымъ лицамъ—съ кѣмъ только соприсасался въ своей плуучей дѣятельности М. П. Погодинъ. Въ настоящей книгѣ предъ нами 1837—1840-ые года. Связующею нитью всѣхъ изложенныхъ за эти годы событій, конечно, служатъ жизнь и труды М. П. Погодина, какъ профессора, замѣчательнаго изслѣдователя въ области русской исторіи древнихъ ея періодовъ, какъ слависта, установившаго прочнымъ и во всемъ его жизни продолжавшагося путемъ съ Славянскимъ міромъ и, наконецъ, какъ издателя и журналиста. Упреки за то, что Н. П. Барсуковъ сохраняетъ на страницахъ жизнеописанія Погодина (излагаемаго подборомъ выписокъ изъ статей, писемъ и дневниковъ самого Михаила Петровича) массу мелочей, не основательны. Многогоимный и долготный трудъ Н. П. Барсукова въ такомъ видѣ, какъ онъ нынѣ содѣяется, останется навсегда первоисточникомъ, обильнымъ свѣдѣніемъ самымъ разнообразнымъ для исторіи русскаго образованнаго общества и литературно-научныхъ его кружковъ преимущественно за время царствованія императора Николая Павловича.

А. П.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 26, у Пашкевича моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦИНВЕРЛИНГА (бывшій Мелье и К^о). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Мохомая, д. Кожа), Н. Н. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Изягородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живые описанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Листокъ получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журналовъ:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (15 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (60 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (33 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (61 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (57 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (70 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (57 экз.), съ портретами, 9 руб.